

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1890.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. ЧАЙЛДЪ ГАРОЛДЪ. Байрона. Пѣснь первая. — Переводъ П. А. Козлова.	1
II. УЮТНЫЙ УГОЛОКЪ. (Повѣсть).—И. А. Салова	17
III. ДЕРЕВЕНСКАЯ ТРАГЕДІЯ. Романъ Маргариты Вудсъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—III.	50
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Д. С. Меремновскаго и Н. П. Ансанова	94
V. ЧОРТОВЫ КУКЛЫ. (Романъ). Часть I, гл. I—XX. — Н. С. Лѣскова.	97
VI. БЕЗЪ ДОГМАТА. Современный романъ Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть I.	168
VII. ВЫДАЛСЯ ДЕНЕКЪ! (Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волгѣ). — Гл. И. Успенскаго.	204
VIII. ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.—И. М. Сѣченова	1
IX. ОБЗОРЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ОБЩИННОМУ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЮ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ВОЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.—С. Я. Капустина	16
X. ОБЪ ОСУЩЕСТВЛЕНІИ ИЛИ ПОСТАНОВКѢ ДРАМЫ НА СЦЕНѢ.—С. А. Юрьева.	34
XI. КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ И ЕГО ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ И ЗНАКОМСТВА.—В. Д. Спасовича	51
XII. ФЮСТЕЛЬ ДЕ-БУЛАНЖЪ. (Итоги и приемы его ученой работы).—П. Г. Виноградова.	83
XIII. НАКАЗАНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ.—М. Н. Ремезова.	104
XIV. ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ ШЕКСПИРА. (Статья проф. Эдуарда Даудена изъ <i>The Fortnightly Review</i>).	119

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫИ.

КНИГА I

МОСКВА.

1890.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/22/84

Москва. Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

UNIV. OF CALIFORNIA

~~WITHDRAWN~~

Digitized by Google

AP50
K 875
v. 11:1
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЧАЙЛДЪ ГАРОЛДЪ. Байрона. Пѣснь первая.— Переводъ П. А. Козлова	1
II. УЮТНЫЙ УГОЛОКЪ. (Повѣсть). —И. А. Салова	17
III. ДЕРЕВЕНСКАЯ ТРАГЕДІЯ. Романъ Маргариты Вудсъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—III.	50
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Д. С. Мережковскаго и Н. П. Ансимова	94
V. ЧОРТОВЫ КУКЛЫ. (Романъ). Часть I, гл. I—XX.— Н. С. Лѣскова	97
VI. БЕЗЪ ДОГМАТА. Современный романъ Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть I.	168
VII. ВЫДАЛСЯ ДЕНЕКЪ! (Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волгѣ). — Гл. И. Успенскаго	204
VIII. ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.—И. М. Сѣченова	1
IX. ОБЗОРЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ОБЩИННОМУ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЮ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ВОЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.— С. Я. Напустина	16
X. ОБЪ ОСУЩЕСТВЛЕНІИ ИЛИ ПОСТАНОВКѢ ДРАМЫ НА СЦЕНѢ.— С. А. Юрьева	34
XI. КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ И ЕГО ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ И ЗНАКОМСТВА.— В. Д. Спасовича	51
XII. ФЮСТЕЛЬ ДЕ-КУЛАНЖЪ. (Итоги и приемы его ученой работы).— П. Г. Виноградова	83
XIII. НАКАЗАНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ.— М. Н. Ремезова	104
XIV. ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ ШЕКСПИРА. (Статья проф. Эдуарда Даудена изъ <i>The Fortnightly Review</i>)	119

852195

XV. СОСТАВЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ЗЕМСКИХЪ СОБОРАХЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.—В. О. Ключевского	141
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. В. Шелгунова.	179
XVII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Критическія замѣтки).—Т.	199
XVIII. 1889 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.—В. А. Гольцева	208
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Земскія ходатайства относительно гимназій.—Обзоръ постановленія московскаго собранія. — Вопросъ о пониженіи процента по ссудамъ въ крестьянскомъ банкѣ. — Продажи крестьянскихъ участковъ.— Обсужденіе правилъ судопроизводства для земскихъ начальниковъ и губернскихъ присутствій.— Опрежденіе св. синода относительно противодѣйствій штундѣ. — Техническій сѣздъ въ Петербургѣ. — О двухъ банкирскихъ конторахъ.—С. П. Боткинъ †.	219
XX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Успѣхи научныхъ методовъ въ агрономіи.—А. Ѳ. Фортунатова	243
XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Божья коровка</i> , комедія П. Д. Боборыкина; <i>Викторъ Павловичъ Пичужкинъ</i> , комедія А. Ф. Ѳедотова.—Театръ г-жи Горевой: <i>Ксенія и Лжедмитрій</i> , драма Н. Л. Пушкарева; <i>Борьба за существованіе</i> , драма А. Додэ. Ан.—Русская опера. Н. К—ина	260
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Исторія.—Этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Медицина.—Учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь 1889 г.—«Русскій Вѣстникъ», ноябрь—декабрь 1889 г.—«Этнографическое Обозрѣніе», кн. II, 1889 г.	1

ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ *).

(Байрона).

(Посвящается гр. Софьѣ Васильевнѣ Келлерь).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Эладѣ ты слыла неборожденной,
О Муза, дочь пѣвцовъ! Такъ много лиръ
Съ тѣхъ поръ терзало слухъ твой утомленный,
Что не дерзну я твой нарушить миръ...
Хоть видѣлъ я твой храмъ—обломки зданья**)—
И твой ручей, что прерывалъ одинъ

*) Всякое художественное произведеніе говоритъ за себя, поэтому я всегда считалъ лишнимъ обращаться къ читателямъ, объясняя имъ свои воззрѣнія. Одинъ критикъ упрекнулъ меня, однако, за то, что при переводѣ *Донъ-Жуана* я не изложилъ своей *profession de foi*. Пополню въ нѣсколькихъ словахъ этотъ пробѣлъ. Я считаю, что поэтъ-переводчикъ долженъ быть вѣренъ духу и тону подлинника; онъ обязанъ передавать всѣ поэтическіе образы и сравненія, всѣ остроты и особенности оригинала, но вправѣ передавать въ извлеченіи второстепенныя детали, чѣмъ усиливается впечатлѣніе, производимое на читателя. Я нахожу, что не слѣдуетъ передавать строки подлинника увеличеннымъ числомъ строкъ въ переводѣ: въ многословіи пропадаетъ прелесть и сила оригинала. Что касается рѣимъ, то избѣгаю по возможности имѣть дѣло съ глагольными рѣимами, но нѣсколько не избѣгаю составныхъ рѣимъ, — онѣ не только не вредятъ благозвучію стиха, но, напротивъ, усугубляютъ его. Примѣровъ такихъ рѣимъ много въ произведеніяхъ Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, гр. А. К. Толстаго. Существительное, рѣимующее съ глаголомъ или другою частью рѣчи, создаетъ рѣиму, которую называютъ богатой; поэтому въ стихахъ:

Не идутъ въ прокъ совѣты моралистовъ,
Такъ къ суетѣ порывъ людей неистовъ!

моралистовъ и *неистовъ* — богатѣйшая рѣима. Переводъ же поэтическаго произведенія рѣимъ, по мѣткому выраженію П. А. Гайдебурова, „это не живое растеніе, а сухой препаратъ изъ гербарія, годный развѣ для микроскопическаго изслѣдованія тканей, но не для эстетическаго наслажденія его видомъ и ароматомъ“. Достигаю ли я цѣли, переводя Байрона по этой программѣ, судить не мнѣ, а читателямъ.

Павель Козловъ.

**) Маленькая деревенька Кастри занимаетъ часть того мѣста, гдѣ находятся древніе Дельфы.

Забытыхъ мѣсть глубокое молчанье,
 Чтобъ скромное вести повѣствованье,
 Покой усталыхъ Музъ тревожить нѣтъ причинъ.

II.

Жилъ юноша въ Британіи когда-то,
 Который добродѣтель мало чтилъ;
 Онъ дни свои влачилъ въ сѣтяхъ разврата
 И ночи за пирами проводилъ;
 Увы, разгулъ былъ для него куміромъ;
 Лишь предъ порокомъ онъ склонялся ницъ
 И, презирая то, что чтится міромъ,
 Доволенъ былъ лишь оргіей иль пиромъ
 Въ кругу развратниковъ и въ обществѣ блудницъ.

III.

Предъ вами Чайльдъ Гарольдъ. Я не намѣренъ
 Повѣдать вамъ, откуда вель онъ родъ;
 Но этотъ родъ былъ знатенъ, чести вѣренъ
 И заслужилъ въ былые дни почетъ;
 Но всякое преступное дѣянье
 Потомка загрязняетъ предковъ честь
 И обѣлить его не въ состояньи
 Ни лѣтописца древнее сказанье,
 Ни рѣчь оратора, ни пѣснопѣвца лесть.

IV.

Кружился въ свѣтѣ онъ, какъ на просторѣ
 Кружится мотылекъ среди лучей;
 Не могъ предвидѣть онъ, что злое горе
 Его сразитъ неожиданно въ цвѣтѣ дней;
 Но вотъ година тяжкая настала:
 Узналъ онъ пресыщенье, — а оно,
 Какъ чаша бѣдъ, приноситъ мукъ не мало.
 Въ краю родномъ Гарольду тѣсно стало;
 Такъ въ кельѣ схимнику и душно, и темно.

V.

Грѣховъ не искупая, онъ стезею
 Преступной шелъ. Красивыхъ слава женъ,

Гарольдъ былъ очарованъ лишь одною,
 Но съ ней, увы! не могъ сойтися онъ...
 Какъ счастливо, что ласкою разврата
 Не запятналъ онъ свѣтлый свой кумирь:
 Измѣна за любовь была бы платой.
 Жену-бъ онъ разорилъ безумствомъ траты
 И вынести бы не могъ семейной жизни миръ.

VI.

Пресыщенъ всѣмъ, утративъ счастья грезы,
 Онъ видѣться съ друзьями пересталъ;
 Въ его глазахъ порой сверкали слезы,
 Но гордый Чайльдъ имъ воли не давалъ.
 Объять тоской, бродилъ онъ одиноко,
 И вотъ рѣшился онъ свой край родной
 Покинуть, направляясь въ путь далекій;
 Онъ радостно ударъ бы встрѣтилъ рока
 И скрылся-бъ даже въ адъ, ища среды иной.

VII.

Покинулъ Чайльдъ Гарольдъ свой замокъ старый;
 Подъ гнетомъ лѣтъ, казалось, рухнетъ онъ,
 Его-жь щадили времени удары:
 Держался онъ массивностью колоннъ.
 Тамъ нѣкогда монахи обитали,
 Теперь же суевѣрія приютъ
 Театромъ сталъ паэосскихъ сатурналій;
 Могли-бъ подумать старцы, что настали
 Ихъ времена опять, коль хроники не лгутъ.

VIII.

Порою, словно тайну вспоминая,
 Измѣну или погибшую любовь, —
 За пиршествомъ, нѣмую скорбь скрывая,
 Сидѣлъ Гарольдъ, сурово хмуря бровь;
 Но тайной оставалася тревога
 Его души; друзьямъ онъ не ввѣрялъ
 Завѣтныхъ думъ и шелъ своей дорогой;
 Совѣтовъ не прося; страдалъ онъ много,
 Но въ утѣшеніяхъ отрады не искалъ.

IX.

Хоть онъ гостей сзывалъ къ себѣ не мало
 На пиршества, все-жь не имѣлъ друзей;
 Лъстецовъ и паразитовъ окружала
 Его толпа; но можно-ль вѣрить ей?
 Его любили женщины, какъ мота:
 Сокровища и власть плѣniają женъ
 (При золотѣ мѣтка стрѣла Эрота);
 Такъ рвутся къ свѣту бабочки; оплота
 Тамъ ангель не найдетъ, гдѣ побѣдить Мамонъ.

X.

Гарольдъ не обнялъ мать, пускаясь въ море,
 Съ любимою сестрой въ отъѣзда часъ
 Не видѣлся; души скрывая горе,
 Уѣхалъ онъ, съ друзьями не простясь;
 Не потому онъ избѣгалъ свиданья,
 Что былъ и твердъ, и холоденъ, какъ сталь,
 Нѣтъ! Кто любилъ, тотъ знаетъ, что прощанья
 Усугубляютъ мугу разставанья...
 Лишь горестивѣй нестись съ разбитымъ сердцемъ въ даль.

XI.

Богатыя владѣнья, замокъ старый
 Покинулъ онъ безъ вздоховъ и безъ мугъ;
 Голубоокихъ дамъ, которыхъ чары,
 Краса кудрей и бѣлоснѣжныхъ рукъ
 Могли-бъ легко отшельника святаго
 Ввести въ соблазнъ, — все то, что пищу дать
 Порывамъ сладострастія готово...
 Ему хотѣлось міръ увидѣть новый
 И, посѣтивъ Востокъ, экваторъ миновать *).

XII.

Надулись паруса; какъ будто вторя
 Его желаньямъ, вѣтеръ рѣзче сталь;
 Поплылъ корабль и скоро въ пѣнѣ моря

*) Лордъ Байронъ имѣлъ намѣреніе посѣтить Индію, но это намѣреніе не осуществилось.

Безслѣдно скрылся рядъ прибрежныхъ скалъ.
Тогда въ душѣ Гарольда сожалѣнье
Проснулось, можетъ быть; но ничего
Онъ не сказалъ и скрылъ свое волненье;
Онъ твердымъ оставался въ то мгновенье,
Какъ малодушный плачь звучалъ вокругъ него.

XIII.

Въ вечерній часъ, любуясь закатомъ,
Онъ арфу взялъ; подъ бременемъ тревогъ
Любилъ онъ волю дать мечтамъ крылатымъ,
Когда никто внимать ему не могъ;
И вотъ до струнъ коснувшись рукою,
Прощальную онъ пѣсню затянулъ,
Въ то время, какъ корабль, въ борьбѣ съ волною,
Батился въ даль и, одѣваясь тьмою,
Его родимый край въ пучинѣ водъ тонулъ.

1.

Прости! Родимый берегъ мой
Въ лазури тонетъ волнъ;
Бушуетъ вѣтръ, реветъ прибой;
Крикъ чайки грусти полнъ.
Въ пучинѣ солнце гаситъ свѣтъ;
За нимъ намъ вслѣдъ идти;
Обоимъ вамъ я шлю привѣтъ!
Мой край родной, прости!

2.

Насъ ослѣпить зари краса,
Лишь мѣръ простится съ тьмой;
Увижу море, небеса,
Но гдѣ-жь мой край родной?
Мой замокъ пусть; потухъ очагъ;
Весь дворъ травой заросъ;
Уныло воетъ въ воротахъ
Покинутый мной песъ...

3.

— Малютка-пажъ! подъ гнетомъ думъ
Ты плачешь, горя полнъ;

Тебя страшить ли вѣтра шумъ,
 Иль грозный ропоть волнъ?
 Не плачь! Корабль надеженъ мой...
 Онъ быстро мчится въ даль;
 За нимъ и соколъ нашъ лихой
 Угонится едва-ль.

4.

«Пускай бушуетъ шкваль, ревя,—
 Я бури не боюсь!
 Но не дивись, сэръ Чайльдъ, что я
 И плачу, и томлюсь.
 Съ отцомъ и съ матерью родной
 Разстаться-ль безъ тревогъ?
 Моей опорой одной
 Остались ты да Богъ!

5.

«Благословилъ отецъ меня,
 Но слезы могъ сдержать;
 Пока-жь не возвращуся я,
 Все будетъ плакать мать».
 — Пусть скорбь врачить твои черты.
 Дитя! когда-бъ я былъ
 Душой невинной чистъ, какъ ты,
 И я бы слезы лилъ!

6.

Ты блѣденъ, вѣрный мой слуга,
 Тебя печаль гнететь...
 Боишься-ль встрѣтить ты врага,
 Боишься-ль непогодъ?
 «О, нѣтъ, я съ страхомъ незнакомъ,
 Онъ чуждъ душѣ моей;
 Но жаль жены; покинувъ домъ,
 Я все скорблю о ней.

7.

«Она близъ замка твоего
 Живеть; что ей сказать,

Боль дѣти спросятъ, отчего
 Съ отцомъ въ разлугѣ мать?»
 — Ты правъ; понятна скорбь твоя,
 Мнѣ-жь ничего не жаль...
 Не такъ душою нѣженъ я,
 И мчусь со смѣхомъ въ даль.

8.

Боварнымъ вздохамъ лживыхъ женъ
 Возможно-ль вѣрить? Нѣтъ!
 Измѣна, что для нихъ законъ,
 Ихъ слезъ смываетъ слѣдъ.
 Я не тужу о днѣ быломъ
 И не страшуся грозъ.
 Большой всего, что ни о чемъ
 Не стоить лить мнѣ слезъ.

9.

Я одинокъ; средь волнъ морскихъ
 Корабль меня несетъ;
 Зачѣмъ мнѣ плакать о другихъ:
 Кто-жь обо мнѣ вздохнетъ?
 Мой песъ, быть можетъ, два, три дня.
 Повоетъ, но и тотъ,
 Другимъ накормленный, меня.
 Укусить у воротъ.

10.

Корабль! валы кругомъ шумятъ...
 Несися съ быстротой!
 Странѣ я всякой буду радъ,
 Лишь не странѣ родной.
 Привѣтъ лазурнымъ шлю волнамъ!
 И вамъ, въ концѣ пути,
 Пещерамъ мрачнымъ и скаламъ!
 Мой край родной, прости!

XIV.

Средь бурныхъ волнъ Бискайскаго залива
 Плыветъ корабль; ужъ пятый день земли
 Не видно; наконецъ, вотъ мигъ счастливый:

Желанный берегъ свѣтитъ вдали.
 Здѣсь Цинтскихъ горъ блестятъ хребетъ зубчатый;
 Тамъ океану Таго дань несутъ;
 Явился мѣстный лоцманъ провожатый
 И Чайльдъ Гарольдъ поплылъ къ странѣ богатой,
 Гдѣ нивы тучныя даютъ обильный плодъ.

XV.

О Боже! благодатными дарами
 Ты этотъ край волшебный надѣлил!
 Въ садахъ деревья гнутся подъ плодами,
 Въ его горахъ Ты мѣръ сокровищъ скрылъ;
 Но разрушать то супостаты рады,
 Что создалъ Ты: страну надменный врагъ
 Поработилъ, не вѣдая пощады...
 Брось на врага карающіе взгляды
 И побѣжденный галлъ повергнуть будетъ въ прахъ!

XVI.

Своей неописуемой красою
 Васъ Лиссабонъ всегда плѣнить готовъ,
 Волшебнo отражаемый рѣкою,
 Что чаръ полна и безъ прикрасъ пѣвцовъ.
 Могуцій флотъ по ней несется нынѣ:
 Пришелъ спасти отъ галловъ Альбіонъ
 Тѣхъ мѣсть незащищенныя твердыни;
 Но лузитанецъ дикъ и полнъ гордыни, —
 Ту длань, что держитъ мечъ, съ проклятемъ лижетъ онъ.

XVII.

Прелестный городъ, кажуційся раемъ
 Издалека, вблизи совсѣмъ иной;
 Войти въ него — и онъ неузнаваемъ;
 Средь стѣнъ его туристы объять тоской.
 И хаты, и дворцы, всѣ безъ изъятъ,
 Букаются въ грязи; ихъ видъ убогъ.
 Въ лохмотьяхъ и вельможъ, и нищихъ платье;
 О чистотѣ такъ смутны ихъ понятъ,
 Что съ ней и страхъ чумы сроднить бы ихъ не могъ.

XVIII.

Кто не жалѣлъ, любуясь этимъ краемъ,
 Что онъ принадлежитъ толпѣ рабовъ!
 На Цинтру бросьте взоры; всякій съ раемъ
 Тотъ свѣтлый уголокъ сравнить готовъ;
 Вездѣ въ немъ дышетъ прелесть неземная,
 Но ни перу, ни кисти средства нѣтъ
 Понятыя дать о немъ; страна такая
 Собою затмѣваетъ кущи рая,
 Что въ пламенныхъ стихахъ намъ описалъ поэтъ.

XIX.

Крутой утесъ съ красивымъ рядомъ келій;
 Сожженный солнцемъ мохъ на скатахъ кручъ;
 Лѣсъ, выросшій надъ бездною; мракъ ущелий,
 Куда не проникаетъ солнца лучъ;
 Лимоновъ золотистые отливы;
 Лазурь морской волны, что сладко спитъ;
 Несущійся съ горы потокъ бурливый;
 Здѣсь виноградъ, тамъ возлѣ рѣчки ивы, —
 Все это тѣшитъ взоръ, сливаясь въ чудный видъ.

XX.

Тропинкою взберитесь до вершины
 Крутой горы, гдѣ, иноки живутъ;
 Что шагъ впередъ—то новыя картины...
 А вотъ и монастырь; васъ поведутъ
 Осматривать его; монахи, съ вѣрой,
 При томъ легендъ вамъ много сообщать:
 Здѣсь смерть нашли за ересь лицемѣры,
 А тамъ Гонорій жилъ на днѣ пещеры.
 Онъ, чтобъ увидѣть рай, изъ жизни сдѣлалъ адъ.

XXI.

Средь этихъ мѣстъ встрѣчается не мало
 Тайственныхъ крестовъ, — ихъ цѣлый рядъ;
 Но тѣ кресты не вѣра воздвигала:
 Они лишь объ убійствахъ говорятъ.
 Обычай здѣсь на мѣстѣ преступленья,

Тамъ, гдѣ звучалъ послѣдній жертвы стонъ,
 Досчатый ставить крестъ; не исключенья
 Убійства тамъ, гдѣ, потерявъ значенье,
 Не въ силахъ гражданъ жизнь оберегать законъ *).

XXII.

По горамъ и доламъ здѣсь красовались
 Чертоги королей, но дни чредой
 Прошли, и что-жь?—руины лишь остались,
 Заросшія кустами и травой.
 Вотъ пышный замокъ Принца. Здѣсь когда-то
 И ты, Ватекъ, любившій роскошь бриттъ,
 Дворецъ построивъ, зажилъ въ немъ богато...
 Но ты забылъ, что отъ утѣхъ разврата
 И сладострастья чаръ душевный миръ бѣжить.

XXIII.

Ты выбралъ, чтобъ предаться свѣтлымъ чарамъ
 Земныхъ утѣхъ, тотъ чудный уголокъ,
 Но, пораженный времени ударомъ,
 Теперь, какъ тѣ, твой замокъ одинокъ.
 Его порталы настезь; пусты залы;
 Отъ зарослей къ дворцу проѣзда нѣтъ.
 О, Боже, какъ ничтожны мы и малы!
 Придетъ пора: дворца какъ не бывало,
 Пронесется года, его сметая слѣдъ...

XXIV.

А вотъ дворецъ **), который съ гнѣвнымъ взглядомъ
 Встрѣчаетъ бриттъ. Когда-то въ замкѣ томъ

*) „Не подлежитъ сомнѣнію то, что въ 1809 г. въ Лиссабонѣ и его окрестностяхъ португальцы не ограничивались убіеніемъ своихъ соотечественниковъ, а ежедневно убивали англичанъ. За это не только не получалось никакого удовлетворенія, но насъ просяли не вѣшываться, когда кому-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ приходилось защищаться отъ нападенія на него нашихъ союзниковъ. Разъ на меня было сдѣлано нападеніе около восьми часовъ вечера по дорогѣ въ театръ въ то время, какъ на улицахъ было народа не менѣе тѣмъ обыкновенно. Нападеніе было сдѣлано передъ открытою лавкой. Я былъ въ каретѣ съ пріятелемъ, и если бы мы не были вооружены, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не намъ бы пришлось рассказывать объ этомъ случаѣ, а сами мы бы сдѣлались предметомъ разсказа. Не въ одной Португаліи совершаются убійства: въ Сициліи и Мальтѣ еженощно убиваютъ англичанъ и никогда ни одинъ сициліянецъ или мальтѣецъ не бываетъ за это наказанъ“. В.

***) Цинтрская конвенція была подписана въ замкѣ маркиза Маріальва.

Сбиралися вожди; рожденный адомя,
 Сидѣлъ тамъ карликъ-чортъ; одѣтъ шутомъ,
 Пергаментною мантией покрытый,
 Въ рукѣ держалъ онъ свитокъ. Имена
 Тамъ значились, что въ свѣтъ знамениты;
 Гордяся свиткомъ тѣмъ, съ враждой открытой
 Надъ побѣдителемъ смѣялся сатана.

XXV.

Конвенціей онъ звался. Передъ свѣтомъ
 Тамъ собранныхъ вождей онъ осрамилъ,
 Смутилъ ихъ умъ (но грѣшенъ ли онъ въ этомъ?)
 И радость брита въ горе превратилъ.
 Побѣдный лавръ попрали дипломаты;
 Тотъ чудный лавръ, увы! носить не намъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ въ Лузитаніи богатой
 Узнали мы, враговъ коварствомъ смяты,
 Что побѣдителямъ, не побѣжденнымъ, срамъ!

XXVI.

При имени твоемъ блѣднѣютъ бритты,
 О, замокъ Цинтры! Краскою стыда
 Зардѣлись бы правителей ланиты,
 Умѣй они краснѣть. Пройдутъ года
 И все-жь потомство, полное презрѣнья,
 Позора не забудетъ тѣхъ вождей,
 Что, побѣдивъ, узнали поражение...
 Ихъ ожидаютъ въ будущемъ глумленья
 И гнѣвный приговоръ суда грядущихъ дней.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, одинъ бродя по горамъ;
 Хотъ мѣстностью былъ очарованъ онъ,
 Но все же объ отъѣздѣ думалъ скоромъ:
 Такъ вѣкъ порхать для ласточки законъ.
 Тяжелыхъ думъ онъ здѣсь извѣдалъ много
 И пожалѣлъ, нѣмой тоской объять,
 Что долго шелъ грѣховною дорогой;
 Къ проступкамъ онъ своимъ отнесся строго:
 Отъ свѣта истины померкъ Гарольда взглядъ.

XXVIII.

Верхомъ! верхомъ!—онъ крикнулъ и поспѣшно
 Прелестный той страны погинулъ кровъ;
 Но онъ ужь не влекомъ мечтою грѣшной:
 Не ищетъ ни любовницъ, ни пировъ...
 Несется онъ таинственной дорогой,
 Не вѣдая, гдѣ пристань обрѣтетъ;
 Онъ по свѣту скитаться будетъ много:
 Не скоро въ немъ уляжется тревога,
 Не скоро съ опытомъ знакомство онъ сведетъ.

XXIX.

Вотъ Мафра *), гдѣ, судьбы узнавъ измѣну,
 Царица Лузитаніи жила;
 Тамъ оргіи обѣднямъ шли на смѣну
 И дружбу звать съ монахами вела.
 Блудницы Вавилона свѣтлый геній
 Съумѣлъ такой воздвигнуть здѣсь чертогъ,
 Что рядъ ей совершенныхъ преступленій
 Забыть толпою; люди гнутъ колѣни
 Предъ блескомъ роскоши, что золотитъ порокъ.

XXX.

Гарольдъ впередъ несется, очарованъ
 Красой холмовъ, ущелій и долинъ...
 Не горестно-ль, что цѣпью рабства скованъ
 Тотъ свѣтлый край? Лишь сибаритъ одинъ,
 Поглонишь ярый комфорта и лѣни,
 Не знаетъ, какъ отраденъ дальній путь!
 Не мало намъ даритъ онъ наслаждений,
 Глубокихъ думъ и новыхъ впечатлѣній;
 Какъ свѣжій воздухъ горъ, живить больную грудь.

XXXI.

Ужъ Чайльдъ Гарольдъ вершинъ не видитъ снѣжныхъ
 Высокихъ горъ, что скрылись безъ слѣда,

*) Мафра занимаетъ громадное пространство; тамъ находятся дворецъ, монастырь и великолѣпнѣйшая церковь. Ея шесть органоу лучше, которые я когда-нибудь видѣлъ, въ декоративномъ отношеніи. Мы ихъ не слышали, но говорятъ, что звукъ ихъ имѣетъ достоинъ ихъ вѣнности. Мафра считается эскуріаломъ Португаліи. Б.

Въ Испаніи среди степей безбрежныхъ
 Овецъ пасутся цѣнные стада;
 Но близокъ врагъ; ему чужда пощада
 И потому пастухъ вооруженъ;
 Въ обиду своего не дастъ онъ стада;
 Всѣмъ гражданамъ съ врагомъ бороться надо,
 Чтобъ гордо властвовать не могъ надъ ними онъ.

XXXII.

Что земли лужитанцевъ раздѣляетъ
 Съ Испаніей? Китайская-ль стѣна?
 Сіерра ли тамъ скалы возвышаетъ,
 Иль льется Таго свѣтлая волна?
 Раздѣлены тѣ страны не стѣною,
 Что ихъ враждѣ могла платить бы дань,
 Не быстро претекающей рѣкою,
 Не цѣпью горъ высокихъ, сходной съ тою,
 Что южной Галліи указываетъ грань.

XXXIII.

Нѣтъ! ручейкомъ ничтожнѣйшимъ; со стадомъ
 Является пастухъ порою тамъ,
 Презрительнымъ обидывая взглядомъ
 Мѣста, принадлежація врагамъ.
 Простолюдины горды какъ вельможи
 Въ Испаніи: понятна ихъ вражда;
 Вѣдь, съ ними лужитанцы мало схожи:
 Они—рабы, при этомъ трусы тоже;
 Рабовъ *) подлѣе ихъ найти не безъ труда.

XXXIV.

Воспѣтая въ балладахъ, Гвадіана,
 Пугая взоры мрачною волной,
 Близъ этихъ мѣстъ течетъ. Два вражьихъ стана,
 Когда-то здѣсь сойдясь, вступили въ бой.

*) „Я. описалъ португальцевъ такими, какими ихъ нашелъ; съ тѣхъ поръ они сдѣлали успѣхи, но крайней мѣрѣ, въ отношеніи храбрости. Послѣдніе поѣздки лорда Веллингтона поправили ошибки, сдѣланныя въ Цинтрѣ. Дѣйствительно, онъ совершилъ чудеса: измѣнилъ, можетъ быть, характеръ націи, помирилъ соперничавшіе между собой предразсудки и побѣдилъ непріятели, который никогда не отступалъ передъ его вѣжественниками“. В.

Здѣсь рыцари, чтобъ счетъ окончить старый,
 Настигли мавровъ. Долго бой кипѣлъ;
 Удары наносились за удары;
 Чалма и шлемъ, во время схватки ярой,
 Встрѣчались въ рѣкѣ, гдѣ плыли груды тѣлъ.

XXXV.

О край, стяжавшій подвигами славу!
 Гдѣ знамя, что Пелагъ въ бояхъ носилъ,
 Когда отецъ-измѣнникъ, мстя за Каву *),
 Въ союзѣ съ мавромъ, готамъ смерть сулилъ?
 Ты за погромъ съумѣлъ отмстить жестокого...
 Близъ стѣнъ Гренады врагъ былъ побѣжденъ;
 Померкла предъ крестомъ луна пророка;
 Уничался врагъ и въ Африкѣ далекой
 Сталь мавританскихъ дѣвъ звучать унылый стонъ.

XXXVI.

Тѣмъ подвигомъ всѣ пѣсни края полны;
 Таковъ удѣлъ дѣяній прежнихъ лѣтъ;
 Когда гранить и лѣтопись безмолвны,
 Простая пѣснь ихъ сохраняетъ слѣдъ.
 Герой, склонись предъ силой пѣснопѣнья!
 Ни лести толпы, ни пышный мавзолей
 Тебя спасти не могутъ отъ забвенья;
 Порой историкъ вводитъ въ заблужденье,
 Но пѣснь народная звучитъ въ сердцахъ людей.

XXXVII.

«Испанцы, пробудитесь!» Такъ взываютъ
 Къ вамъ рыцари, кумиры дней былыхъ;
 Хоть копыя въ ихъ рукахъ ужь не сверкаютъ
 И красныхъ перьевъ нѣтъ на шлемахъ ихъ,
 Въ дыму, подъ ревъ орудій непрерывный
 Ихъ грозный зовъ звучитъ: «Вооружась,
 Воспряньте всѣ!» — исполненъ силы дивной,

*) Кава—Елена Испанія—была дочь гр. Юліана. Пелагъ отстоялъ свою независимость въ горахъ Астурійскихъ. Черезъ нѣсколько вѣковъ потомки его сподвижниковъ окончили борьбу побѣдой надъ Гренадой.

Ужель утратилъ власть тотъ бличъ призывный,
 Что въ Андалузїи сроднилъ съ побѣдой васъ?

XXXVIII.

Чу! конскій топоть слышенъ средь проклятій;
 Бого окровавленный мечъ настигъ?
 Ужель спасать вы не пойдете братїи
 Отъ деспотовъ и отъ клеветовъ ихъ?
 Грохочуть пушки; залповъ ихъ раскаты
 Зловѣще эхомъ горъ повторены,
 Они твердятъ о томъ, что смертью взяты
 Ряды бойцовъ. Всѣ ужасомъ объаты,
 Когда является во гнѣвѣ богъ войны.

XXXIX.

Бровавыми сверкая волосами,
 Съ горы на бойню смотритъ исполинъ;
 Онъ все сжигаетъ гнѣвными очами
 И въ царствѣ смерти властвуетъ одинъ.
 Съ нимъ рядомъ разрушенья духъ лукавый,
 Что чествовать побѣды будетъ зла.
 Сегодня три могучія державы
 Сойдутся здѣсь и вступятъ въ бой кровавый;
 Какъ счастливъ исполинъ, — ему лишь кровь мила!

XL.

Когда средь войскъ ни друга нѣтъ, ни брата,
 Васъ можетъ восхитить сраженья видъ;
 Какъ рати разукрашены богато!
 Какъ весело оружіе блеститъ!
 Подобно стаѣ псовъ, что травлѣ рада,
 Несется войско бѣшено впередъ;
 Но будетъ ли для многихъ лавръ наградой?
 Храбрѣйшіе погибнуть въ пеклѣ ада:
 Богъ брани, съ радости, всѣхъ павшихъ не сочтетъ.

XLI.

Три арміи стеклись сюда для битвы;
 Внушительнъ знаменъ трехъ націй видъ!
 Звучать на трехъ нарѣчїяхъ молитвы.
 Сюда сошлись: испанецъ; галлъ и бриттъ,

Союзникъ-другъ, услужливый безъ мѣры
 (Не лучше ли въ своей отчизнѣ пасть?).
 Войска, являя храбрости примѣры,
 Удобрять только нивы Талаверы
 И хищныхъ вороновъ накормятъ кровью власть.

XII.

Здѣсь павшіе сгніютъ; гнались за славой
 Безумцы, что искали громкихъ дѣлъ;
 Они-жъ служили деспоту забавой.
 Онъ пролагалъ свой путь чрезъ груди тѣлъ.
 Какой же былъ тотъ путь?—лишь путь обмана!
 Найдется ли на свѣтѣ уголокъ,
 Что былъ бы принадлежностью тирана?
 Его лишь склещь, гдѣ, поздно или рано,
 Предастся тлѣнью онъ, забытъ и одинокъ.

XIII.

О, Албуэра! славу и кручину
 Ты сочетала. Могъ ли мой герой
 Предвидѣть, чрезъ твою несясь равнину,
 Что скоро въ ней кровавый грянетъ бой?
 Пусть павшіе вкушаютъ миръ забвенья!
 Побѣдный лавръ пусть радуеть живыхъ!
 Великій день! До новаго сраженья
 Толпы ты будешь слышать прославленья
 И воспоешь тебя поэтъ въ стихахъ своихъ...

XLIV.

Довольно воспѣвать любимцевъ брани;
 Побѣдный лавръ ихъ не продолжитъ дней;
 Чтобъ міръ узналъ о славѣ ихъ дѣяній,
 Должны погибнуть тысячи людей.
 Пускай наемщикъ гонится за славой
 И, вѣря ей, кончаетъ жизнь въ бою:
 Онъ дома могъ бы въ свалкѣ пасть кровавой
 Иль, очерненъ разбойничьей расправой,
 Тѣмъ опозорить бы отчизну могъ свою!

Павель Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЮТНЫЙ УГОЛОКЪ.

(Повѣсть).

I.

Семень Ивановичъ Колотуевъ, въ халатѣ и въ соломенной съ большими полями шляпѣ, кололъ дрова неподалеку отъ своего деревенскаго домика, утонувшаго въ молодой зелени сада. Занимался онъ этимъ дѣломъ болѣе получаса и ночь градомъ лился съ его раскраснѣвшагося лица. Видно было, что работа эта была ему непривычна и не по вкусу, но онъ, все-таки, терпѣливо продолжалъ ее и только изрѣдка, воткнувъ топоръ въ нерасколотый еще чурбакъ, съ трудомъ разгибался и колотилъ себя кулакомъ по поясницѣ.

— Да будетъ вамъ маяться-то!—замѣтила, наконецъ, сидѣвшая на крылечкѣ женщина лѣтъ тридцати, разодѣтая, по весеннему, въ щегольской русскій костюмъ.—Время и чай пить!

— Нельзя, матушка. Ежели докторъ прописалъ, такъ надо исполнять.

— Мало чего они тамъ набрешутъ-то!—проворчала она и хотѣла еще что-то добавить, но, взглянувъ нечаянно на гору, возвышавшуюся верстахъ въ двухъ отъ домика, всплеснула руками и чуть не вскрикнула:

— А, вѣдь, это къ намъ, смотри!

Колотуевъ выпрямился, повернулся по направленію къ горѣ и, какъ-то прищуривъ глаза, принялся внимательно вглядываться въ спускавшуюся съ горы ямскую тройку, запряженную въ телѣжку. Гора была довольно крутая и лошади спускались шагомъ.

— Кто бы это могъ быть?—бормоталъ Колотуевъ, не спуская глазъ съ телѣжки.—Не узнаешь, Прасковья?

— Ништо возможно узнать отсюда?—замѣтила та.

— Не становой ли? Я еще «государственных» не платилъ... Теперь полиція только и занимается разысканіемъ «государственныхъ».

— Нѣтъ, это съ желѣзной дороги ктой-то,—замѣтила Прасковья.

— Неужто гость?—чуть не вскрикнулъ Колотуевъ.

— Такъ что-жь за бѣда?

— Отвыкъ я отъ этихъ гостей-то. Самъ не люблю по гостямъ ѣздить и у себя не люблю гостей принимать.

— А ко вдовушкѣ-то... чуть не каждый день ѣздите.

— Вдовушка безъ претензій... Тамъ я, какъ дома... безъ церемоніи...

Но Прасковья перебила его:

— Вы чего же это не умываетесь-то? Гость ѣдетъ, а вы не умойкой, въ халатѣ...

— Охъ, ужъ эти мнѣ гости,—ворчалъ Колотуевъ и лѣнливою поступью направился въ домъ.

— Захарь!—крикнулъ онъ, войдя въ переднюю,—умываться! Спавшій на коникѣ Захарь быстро вскочилъ на ноги и послѣдовалъ за бариномъ.

— Спишь все!—ворчалъ Колотуевъ.

— Даже и не думалъ,—отвѣтилъ Захарь. — У васъ все «спишь»!

Но Колотуевъ не успѣлъ путемъ умыться, какъ въ комнату вбѣжала Прасковья.

— Вотъ вы все смѣтаете надо мною, что я въ разныя примѣты вѣрю,—проговорила она суетливо.—Помните, вечеръ ножижъ-то уронили?... Что я вамъ сказала? Сказала: гость будетъ! Такъ и вышло... Гость ѣдетъ!

И, подбѣжавъ къ растворенному окну, суетливо заговорила:

— Вишь, какъ мчится!... Въ военной фуражкѣ съ кокардой.

— Да у насъ здѣсь никого и военныхъ-то нѣтъ.

И, еще болѣе растерявшись и смутившись, онъ подбѣжалъ къ окну, въ одномъ бѣльѣ, продолжая вытирать полотенцемъ мокрое лицо и шею.

А тройка мчалась по гладкой дорогѣ, направляясь къ усадьбѣ Колотуева и поднимая цѣлое облако пыли. Коренникъ летѣлъ иноходью, раскачиваясь и словно путаясь ногами, а пристяжныя—въ карьеръ и едва унося постромки. Гремѣли бубенчики, пронзительно влопотали колокольчики, а лихой ямщикъ (известно, что каждый ямщикъ дѣлается лихимъ, кончая свой путь), накрепко то

въ одну сторону, то въ другую, свисталъ сквозь зубы и поводилъ возжами. Самъ баринъ, въ военной фуражкѣ и венгеркѣ со шнурками, сидѣлъ въ телѣжкѣ, подбоченясь, погруживая длинный усъ, и зорко всматривался въ растворенное окно, въ рамѣ котораго, словно на темномъ рембрантовскомъ фонѣ, вырисовывалась фигура Колотуева въ бѣльѣ, а изъ-за плечь его—красивое лицо Прасковьи и небритая, сонная физиономія Захара.

— Кто бы это могъ быть?—удивлялся Колотуевъ.

Тройка подлетѣла къ крыльцу и остановилась, какъ вкопанная. Приѣхавшій быстро соскочилъ съ телѣжки, еще быстрѣе вбѣжалъ по ступенямъ крыльца, а минуту спустя молодцовато входилъ въ залу.

Тамъ встрѣтила его Прасковья.

— Вамъ кого угодно?—спросила она бойко.—Семена Иваныча?

— Да-съ, Семена Иваныча.

— Они одѣваются, —потрудитесь подождать.

Но приѣхавшій, какъ видно, ждать не любилъ. Услыхавъ за дверью сосѣдней комнаты какую-то возню и сопѣніе, онъ распахнулъ дверь и остановился на порогѣ. Передъ нимъ былъ Колотуевъ, все еще въ одномъ бѣльѣ, съ мучительнымъ вряхтѣньемъ натягивавшій на ногу сапогъ. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и едва дышалъ отъ согнутаго положенія. Увидавъ его въ этой позѣ, приѣхавшій расхохотался.

— Страдаешь?—крикнулъ онъ и, разверзая объятія, прибавилъ:—Не узнаешь?

— Виновать...—пробормоталъ Колотуевъ смущенно.

Но, взглянувъ въ лицо приѣхавшаго, вдругъ припомнилъ знакомыя и милыя ему черты и, швырнувъ въ сторону сапогъ, ринулся въ ожидавшія его объятія.

— Брянскій!—крикнулъ онъ,—ты ли это?

— Я, братецъ... я, дорогой мой!

— Откуда?

И громкія чмоканья торопливыхъ и вѣпчихъ поцѣлуевъ огласили комнату.

— Да неужели это ты?—продолжалъ удивляться Колотуевъ.

— Глазамъ не вѣришь?

— Не вѣрю, братецъ, не вѣрю!

И опять объятія, и опять поцѣлуи.

Прасковья стояла въ дверяхъ и изумленно смотрѣла на все происходившее, ожидая, чѣмъ оно кончится. А кончилось это тѣмъ, что гость, замѣтивъ ее, спросилъ, понизивъ голосъ:

— Это твоя жена?

Но Колотуевъ какъ-то сконфузился, смутился и ломаннымъ французскимъ языкомъ пробормоталъ:

— Нонъ... сѣ... сѣ ма эконоимъ...

— А, понимаю!—подхватилъ гость.

И, быстро повернувшись на одной ногѣ, подлетѣлъ къ Прасковѣ.

— Брянскій, Ардаліонъ Васильевичъ, товарищъ и другъ вашего идола!—проговорилъ онъ, протягивая ей руку.—Прошу любить и жаловать.

Но Колотуевъ успѣвшимъ перебить его:

— Самоваръ, самоваръ скорѣе!—заговорилъ онъ, обращаясь къ Прасковѣ и желая поскорѣе выпроводить ее вонъ изъ комнаты,—самоваръ!

А когда она ушла, Брянскій ударилъ по плечу друга и, подмигнувъ, проговорилъ:

— Шалунъ!

Но Колотуевъ принялся указывать ему глазами на Захара, стоявшаго съ сапогомъ въ рукахъ, и торопливо пробормоталъ:

— Апре... деванъ ле жансъ..., иль не фо па... апре...

— Развѣ это секретъ?—удивился Брянскій.

— Апре... апре...

II.

Немного погодя они сидѣли на балконѣ за чайнымъ столомъ. Брянскій успѣлъ умыться, очиститься отъ пыли и грязи и смотрѣлъ совсѣмъ молодцомъ. Утро было свѣтлое, солнечное. Солнце грѣло, но не пекло. Пахло молодою весеннею зеленью и только что распускавшеюся сиренью. Громадными кустами обнимала она балконъ и тѣнь отъ нея трепетала бабочками на полу. Прямо отъ балкона тянулась аллея густыхъ вишенъ и оглашалась соловьями. Голубое небо, прозрачное и искристое, съ чуть замѣтными, какъ пухъ, облачками, словно нѣжило землю теплымъ, ласкающимъ дыханіемъ.

— Фу, чортъ возьми, какъ хорошо-то!—восхищался Брянскій.

— Да, братецъ, хорошо.

— Вотъ ужъ именно гдѣ можно отдохнуть-то и тѣломъ, и душою!

— Усталъ развѣ?—спросилъ Колотуевъ.

Но Брянскій только вздохнулъ и махнулъ рукой.

— Апре... апре...—передразнилъ онъ пріятеля.

— Ну, что-жь, отдыхай, отдыхай.

— Да, ужь ты меня не гони,—подхватилъ Брянскій.—Придетъ время—самъ уйду, а до тѣхъ поръ не гони.

— Что ты, что ты! Я очень радъ, живи сколько хочешь... У тебя будетъ особая комнатка огнами въ садъ, прехорошенькая комнатка... Захаръ будетъ прислуживать тебѣ.

— Главное, братецъ, чтобы столъ былъ, да чернильница съ перомъ.

— Ужь не сдѣлался ли ты сочинителемъ?... Стихи не пишешь ли?

— Нѣтъ, братецъ, корреспонденція у меня большая,—перебилъ его Брянскій и тотчасъ же спросилъ:—А почту ты гдѣ получаешь?

— На желѣзной дорогѣ, на той самой станціи, съ которой ты пріѣхалъ. Только я, братецъ, ни журналовъ, ни газетъ не получаю, корреспонденцій никакихъ не имѣю, а потому и рѣдко посылаю на станцію.

— А нельзя ли мнѣ какого-нибудь почтара нанять, чтобы раза три въ недѣлю привозилъ и отвозилъ мою почту? Я буду платить ему.

— Нанять, братецъ, нельзя,—перебилъ его Колотуевъ,—потому что я не позволю этого, а посылать за почтой буду авгуратно.

— Я такъ и зналъ!—вскрикнулъ Брянскій,—такъ и зналъ, что встрѣчу у тебя братское радушіе... Ужь человекъ-то ты болъно хорошій... Душа у тебя святая!...

— Эхъ, другъ мой,—перебилъ его Колотуевъ,—человѣкъ я, какъ человекъ, самый заурядный.

— Вѣдь, стодитъ только посмотрѣть въ твои хорошіе, добрые глаза,—продолжалъ Брянскій,—какъ тотчасъ же на душѣ легко становится.

— Ахъ, перестань, пожалуйста!

— Ну, ладно, не буду... Да и то сказать: въ глаза хвалить не приходится. Можетъ быть, поэтому ты и не хвалишь меня?—спросилъ Брянскій шутя.

— Я, братецъ, всегда любилъ тебя. Безалаберный ты малый,—это вѣрно! А сердце у тебя хорошее.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— Ну, а ты... все такой же веселый, живой, энергичный?

— А зачѣмъ я буду мѣняться?—подхватилъ Брянскій.— За-чѣмъ? Что я, хамелеонъ, что ли? Я, братецъ, не хамелеонъ, а Брянскій. Брянскимъ родился, Брянскимъ сойду и въ могилу. Даже на моемъ надгробномъ памятникѣ будетъ только одна слѣдующая надпись: «Здѣсь лежитъ Брянскій» — и больше ничего. Ну, а ты какъ?—спросилъ Брянскій, перемѣнивъ тонъ.—Вѣдь, мы съ тобой чортъ знаетъ сколько лѣтъ не видались. Съ тѣхъ поръ, какъ ты въ отставку вышелъ... Лѣтъ пятнадцать.

— Я, братецъ, живу себѣ ничего,—проговорилъ Колотуевъ,— вѣдь, я въ своихъ желаніяхъ скромень...

— Не то, что я?

— Ахъ, братецъ, ты совсѣмъ иное дѣло! У тебя натура иная и потому ты—аристократъ.

У Брянскаго даже глаза вспыхнули.

— Въ лохмотьяхъ и съ пустымъ карманомъ я аристократовъ не признаю!—воскликнулъ онъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою и спросилъ совершенно спокойнымъ уже голосомъ:— А великъ у тебя участокъ?

— Ну, чего тамъ!—отвѣтилъ Колотуевъ, добродушно улыбаясь.—Двѣсти десятинъ только.

— Хозяиничаешь?

— Да, посѣвы дѣлаю... Садъ вотъ развелъ... У меня отличные сорта яблонь, самъ колеровалъ, зернышками сажалъ... Вишня тоже превосходная, крупная, сладкая.

— Торгуешь?

— Нѣтъ, хлопотъ много. Изъ Москвы съемщиги пріѣзжаютъ, имъ и сдаю... Мельницу построилъ,—небольшую, конечно,— ну, а, все-таки, кормить меня и даже доходишко даетъ. Коровы есть... масло продаю. Только ужъ скотнымъ дворомъ Прасковья завѣдуетъ.

— Словомъ,—подхватилъ Брянскій весело,—сдѣлался настоящимъ помѣщикомъ; наѣлъ себѣ брюшко и съ трудомъ саногъ на ногу натягиваешь.

— Иной разъ дѣло до тошноты доходить,—проговорилъ Колотуевъ, расхохотавшись, — въ особенности когда вскорѣ послѣ обѣда обуваться случится. Ожирѣлъ, братецъ. Въ Москву лечиться ѣзжу отъ этого самаго ожирѣнія... къ знаменитости тамошней, да что-то пользы мало.

— А чѣмъ тебя лечить «знаменитость»?

— Сперва ружье приказала выписать отъ Венига, Ричардса,

и ходить на охоту, а въ послѣдній разъ... «шляпу, говорить, соломенную у Лемерсье купите, да дрова рубите».

— И рубишь?

— Каждый день.

— А ты бы лучше старинку вспомнилъ... Помнишь, какъ мы когда-то, — кавалеристами когда были, — ногу въ стремя, да вихремъ бы по-полю?

— Нѣтъ, братецъ... Кубаремъ съ коня долой—это я могу.

И оба весело захохотали.

— Ну, а ты какъ?—подхватилъ Колотуевъ.

Но Брянскій, не любившій распространяться о собственныхъ своихъ походахъ, только махнулъ рукой и заговорилъ о закускѣ.

— Закусить бы теперь хорошо было, да водки выпить.

— Можно.

Колотуевъ собрался было позвать Захара, но вошла Прасковья и, обратясь къ Брянскому, проговорила:

— Тамъ, сударь, ямщикъ васъ спрашиваетъ зачѣмъ - то... прогоны, что ли.

— Ахъ, и забылъ! — вскрикнулъ Брянскій и, подойдя къ Колотуеву, проговорилъ торопливо: — Дай-ка мнѣ три рубля... гнѣнь чемоданъ разбирать.

Колотуевъ пошелъ за деньгами, а Брянскій вступилъ въ разговоръ съ Прасковьей.

— Не скучаете въ деревнѣ?—спросилъ онъ.

— Я деревенская, — отвѣтила та, — родилась въ деревнѣ, чего же скучать-то?

— А глядя на ваше лицо, нельзя и подумать, чтобы вы были «деревенская».

— Лапотница во всей формѣ!—бойко проговорила Прасковья, видимо польщенная замѣчаніемъ гостя.

— Глаза у васъ хорошіе, — продолжалъ онъ.

— Глаза, какъ глаза.

— Длинные, съ поволокой... такъ и бѣгаютъ.

— Не убѣгутъ никуда.

— И плечи роскошныя... Красавица вы, одно слово.

— Однако, — проговорила Прасковья, — я вижу, вы того...

— Что?

— Ну-ну!

— Я не понимаю васъ.

— Неправда, отлично понимаете!

— Божусь вамъ.

— Я еще давеча смѣтила.

— Когда давеча?

— Когда къ дому подъѣзжали... Такимъ-то козыремъ сидѣли.

— Я не люблю быть вороной.

— Про что же я и говорю-то.

— Послушайте, — перебилъ ее Брянскій, — а вы очень любите Семена?

— Я его уважаю...

— А за что вы его уважаете?

— Человѣкъ онъ добрый, — вотъ за что.

— А, можетъ быть, ради денегъ? Онъ вамъ много платитъ?

— Нѣтъ, ничего.

Брянскій даже изумился.

— Вы шутите?

— А зачѣмъ мнѣ деньги - то? Я вся тутъ! Никого у меня нѣтъ — ни отца, ни матери, ни сестеръ, ни братьевъ... Зачѣмъ же мнѣ деньги-то? Сыта, обута, одѣта... Вотъ, вѣдь, сарафаны-то какіе... у иной барыни нѣтъ такихъ.

— А вы никогда не измѣняли ему? — спросилъ Брянскій, нѣсколько понизивъ голосъ.

Та даже изумленно вскинула на него глазами, сдвинула брови и только отрицательно покачала головой.

— Ну, знаете что? — вскрикнулъ Брянскій, — я вамъ не вѣрю.

— Это ваше дѣло, — проговорила она серьезно.

— Вотъ вы какая!

Вошелъ Колотуевъ и, передавъ Брянскому деньги, обратился къ Прасковѣ.

— Гдѣ Захаръ? — спросилъ онъ ее.

— Извѣстно гдѣ! — отвѣтила та.

— Спать, что ли?

Прасковья засмѣялась.

— Такъ ступай же разбуди его и чтобы онъ намъ принесъ сюда водочки, масла, редисъ и проч.

— А эти три рубля, — перебилъ его Брянскій, — потрудитесь передать ямщику.

— Слушаю-съ, — проговорила Прасковья и, взявъ деньги, ушла съ балкона.

Когда она ушла, Колотуевъ взялъ Брянскаго за руку и дружески спросилъ его:

— Послушай, милый! Тебѣ, можетъ быть, деньги нужны,

такъ ты, пожалуйста, возьми... Нельзя же безъ карманныхъ денегъ.

Брянскій руками развелъ.

— Постой, братецъ!—вскрикнулъ онъ.—Да, вѣдь, это глупо же, наконецъ, быть до такой степени добрымъ и обязательнымъ!

— Я помню, что у тебя никогда въ карманѣ деньги не держались, а не держались онѣ потому, что ты былъ всегда слишкомъ щедръ,—замѣтилъ Колотуевъ.—А щедрость,—прибавилъ онъ,—вѣдь, тоже глупость. И выходитъ, что мы оба глупы!... Ну, говори же, сколько тебѣ требуется?

— Ну, давай, что ли, двадцать, тридцать рублей, — отвѣтилъ тотъ.

Колотуевъ отсчиталъ ему тридцать рублей, а Брянскій, положивъ деньги въ карманъ, поспѣшно отвернулся, желая скрыть отъ пріятеля охватившее его волненіе.

III.

Брянскій въ тотъ же день отлично освоился какъ съ мѣстностью, такъ и съ людьми, обитавшими въ колотуевской усадьбѣ, и въ тотъ же день чувствовалъ себя, какъ дома. Все это совершилъ онъ во время послѣобѣденнаго сна своего пріятеля. Колотуевъ не хотѣлъ было ложиться, но Брянскій уговорилъ его быть съ нимъ безъ церемоніи, грозя, въ противномъ случаѣ, немедленно же уѣхать отъ него. Колотуевъ улегся, а Брянскій, не имѣвшій привычки спать послѣ обѣда, пошелъ, какъ выразился онъ, пошататься. Онъ обошелъ всю усадьбу, все осмотрѣлъ подробно, познакомился съ садовникомъ, осмотрѣлъ садъ, побалагурилъ съ дѣвками и бабами, оганывавшими яблони. Побывалъ въ конюшнѣ, нашелъ, что лошади и экипажи находятся въ большомъ безпорядкѣ; побывалъ на скотномъ дворѣ, гдѣ утолил свою жажду крынгою молока, и затѣмъ, увидавъ позади сада водяную мельницу, пошелъ туда. Мельницу онъ тоже осмотрѣлъ подробно, щупалъ муку, сыпавшуюся изъ-подъ жернововъ, одобрилъ размолъ и поболталъ съ помольщиками, пріѣхавшими на мельницу. И мельника, и помольцевъ онъ нашелъ «славными ребятами», хотя нѣкоторые изъ этихъ «ребятъ» были уже старцами, убѣденными сѣдинами. Затѣмъ, увидавъ на берегу дѣвочку, пасшую крохотныхъ утятъ, подсѣлъ къ ней. Ему понравились ея черные большіе глаза, смуглый румянецъ загорѣвшихъ щекъ и бѣлыя, какъ сахаръ, зубы. Онъ ласково потрепалъ ее по

обнаженному плечу и вступилъ съ нею въ разговоръ. Но дѣвочка на всѣ его любезности не отвѣчала ни слова и даже повернулась къ нему спиной. Это разсердило его.

— Да что, у тебя языка, что ли, нѣтъ?—спросилъ онъ.

Но, не получивъ отвѣта даже и на этотъ вопросъ, обругалъ ее «дурѣхой» и порѣшилъ, что «бабы и дѣвки», работавшія въ саду, несравненно любезнѣе этой «босоножки».

Онъ всталъ и пошелъ дальше. Передъ нимъ разстилался лугъ, роскошный, изумрудный, пестрѣвшій благоухавшими весенними цвѣтами, съ сверкавшею, извилистою лентою рѣки. Разбросанныя кое-гдѣ болотца, съ неуспѣвшею еще пересохнуть вешнею водою и съ берегами, поросшими жимолостью и вербой, приятно разнообразили картину. Воздухъ былъ теплый, благоухающій, звенѣли жаворонки, перекливались соловьи, и, увлеченный всѣмъ этимъ, Брянскій направился по узенькой дорожкѣ, бѣжавшей лугами, къ зелѣнѣвшему вдали березовому лѣсу.

Но позвольте познакомить васъ съ моимъ героемъ.

Ему было лѣтъ подъ сорокъ. Онъ былъ щеголевато сложенъ, съ гордою осанкой и съ большими черными глазами, которые очень нравились женщинамъ. Онъ принадлежалъ къ родовитой дворянской фамиліи, былъ хорошо воспитанъ, обладалъ изящными манерами и когда-то вращался въ высшемъ аристократическомъ кругу. Когда-то фамилія эта была въ почетѣ, представители ея занимали видныя должности, владѣли большими имѣніями, давали балы и вечера, считающіеся непремѣнною прерогативой барства, но мало-по-малу средства истощались, имѣнія переходили въ руки кулаковъ, дворцы начали превращаться въ фабрики и заводы, тѣнистые парки вырубались и распиливались на желѣзно-дорожныя шпалы, и Брянскіе не замедлили ступешаться. Истощеніе это, длившееся, конечно, десятки лѣтъ, кончилось тѣмъ, что герой моего разказа, дотавшій послѣдніе остатки прежняго величія, былъ теперь ничто иное, какъ «голякъ, помогъ отрасли старинной, свѣтомъ позабытый и ни въ чемъ невинный».

Когда-то онъ служилъ, впрочемъ, въ гвардіи, блисталъ въ обществѣ, но все это было лишь послѣднею вспышкой замиравшаго огня. Блескъ этотъ продолжался недолго, и Брянскій, въ силу денежныхъ условій, принужденъ былъ оставить гвардію и перейти въ одинъ изъ полковъ армейской кавалеріи. Это было очень обидно, но необходимо. Полкъ, въ который перечислился Брянскій, былъ расположенъ гдѣ-то на югѣ, и вотъ тамъ-то, въ этомъ полку, судьба свела его съ Колотуевымъ. Это были люди однихъ лѣтъ, но совер-

шенно различныхъ темпераментовъ; вѣроятно, поэтому-то они быстро сошлись, сдружились и даже зажили на одной-квартирѣ. Брянскій былъ отличный фронтовикъ и лихой наѣздникъ. Еще будучи въ гвардіи, онъ на парадныхъ смотрахъ приводилъ въ восторгъ не только начальствующихъ лицъ, но даже и постороннихъ зрителей. Его кровный «арабъ» (арабъ этотъ былъ купленъ Брянскимъ на послѣднія родовыя деньги) считался лучшимъ парадеромъ, первымъ красавцемъ гвардейскихъ конюшенъ. Напротивъ, конь Колотуева былъ самый обыкновенный казенный конь, но смирный, послушный, съ «мякотцой», — хоть ребенка сажай на него, такъ и тотъ не свалится. Брянскій любилъ общество... готовъ былъ проскакать нѣсколько десятковъ верстъ, чтобы попасть на какой-нибудь обѣдъ или балъ, готовъ былъ танцевать по цѣлымъ ночамъ, а Колотуевъ избѣгалъ общества, любилъ подомосѣдничать и величайшимъ его наслажденіемъ было надѣть послѣ ученья халатъ, туфли, пообѣдать поплотнѣе и затѣмъ «малость всхрапнуть». Брянскій впадалъ въ тоску при отсутствіи дамскаго общества, а Колотуевъ бѣгалъ отъ дамъ, хотя и любилъ послушать, какъ о нихъ рассказывалъ ему Брянскій. Эскадронъ Брянскаго считался самымъ лихимъ не только въ полку, но и во всемъ корпусѣ. Люди и лошади его эскадрона щеголяли опрятностью, блескомъ, ловкостью, а эскадронъ Колотуева не отличался ничѣмъ и не бросался въ глаза. За то лошади его эскадрона были не только сыты, но даже жирны, а сонныя и вѣчно лоснившіяся, красныя лица солдатъ ясно доказывали, что во щахъ и кашѣ у нихъ недостатка не было. Даже его эскадронная собака, Баштанка, и та страдала ожиреніемъ и поэтому вѣчно хрипѣла.

Можетъ быть, поэтому Брянскій и передалъ Колотуеву все свое хозяйство по дому и даже свои деньги, которыми тотъ и распоряжался, какъ хотѣлъ. Колотуевъ аккуратно велъ это дѣло: учитывалъ ежедневно деньщика, покупавшаго провизію, наблюдалъ за кухней и еженедѣльно представлялъ Брянскому отчеты, которые тотъ, не читая, комкалъ и бросалъ на полъ.

Такъ прошло года три-четыре. Но вотъ у Колотуева умираетъ какой-то дядя, оставившій ему въ наслѣдство довольно кругленькій капиталецъ, и счастливый наслѣдникъ порѣшилъ бросить службу. Отличительною характеристикой его отъѣзда изъ полка было то, что товарищи поднесли ему роскошный альбомъ съ своими портретами, а люди его эскадрона, разставаясь съ своимъ «добрымъ бариномъ», искренно горевали. На унаслѣдованныя деньги Коло-

туевъ купилъ знакомый уже намъ участокъ земли, на которомъ и зажилъ мирнымъ Цинцинатомъ.

Совершенно иное было съ Брянскимъ. Не прошло и года послѣ отъѣзда Колотуева, какъ съ Брянскимъ произошла въ полку какая-то «непріятная исторія» и ему пришлось оставить службу. Какъ истый «голякъ, помогъ отрасли старинной», онъ никакихъ опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, къ труду былъ непривыченъ и чѣмъ именно существовалъ и жилъ — неизвѣстно. То онъ разъѣзжалъ въ экипажахъ, велъ большую игру, вращался въ лучшемъ обществѣ, то вдругъ «прогоралъ» и куда-то исчезалъ. Его можно было встрѣтить на минеральныхъ водахъ, на большихъ ярмаркахъ, на выставкахъ, — словомъ, всюду, гдѣ только собиралось многочисленное, разнообразное общество. Веселый, смѣлый, энергичный и, въ то же время, остроумный говорунъ, онъ могъ бы быть полезнымъ дѣятелемъ на какомъ угодно поприщѣ, но у него не было выдержки и не было границъ, передъ которыми бы онъ остановился. Одно время Брянскій былъ адвокатомъ, имѣлъ экипажи, рысаковъ и жилъ въ роскошной квартирѣ. Ораторскія способности его оказались настолько увлекательными, что весь городъ слушалъ его съ сердечнымъ трепетомъ. Рѣчи его были блестящи, пропитаны сатирой, остроуміемъ и основывались на несокрушимыхъ доводахъ. Тамъ, гдѣ защищалъ Брянскій, преступленій не существовало. Имъ восторгались судьи, присяжные, прокуроры, публика, и только одни адвокаты, доходы которыхъ, съ появленіемъ Брянскаго, значительно умалились, злорадно подтрунивали надъ нимъ и увѣряли, что онъ даже и судебныхъ-то уставовъ хорошенько не знаетъ. И, дѣйствительно, онъ ихъ не зналъ, а, тѣмъ не менѣе, кліенты осаждали квартиру знаменитаго адвоката, и онъ всемъ и каждому умѣлъ угодить и дать добрый совѣтъ. Счастье, видимо, повезло Брянскому, но опять произошла какая-то «непріятная исторія» — и Брянскій снова куда-то исчезъ. Куда онъ дѣвался, никто не вѣдалъ, и только нѣкоторое время спустя пришло извѣстіе, что его кто-то видѣлъ въ игорномъ домѣ въ Монте-Карло. Съ той поры о Брянскомъ стали приходиться самыя разнорѣчивыя и смутныя вѣсти. Одни говорили, что въ Монте-Карло онъ проигрался, а другіе, наоборотъ, что остался въ громадномъ выигрышѣ. Одни увѣряли, что онъ за какія-то уличныя анти-правительственныя демонстраціи арестованъ въ Парижѣ, а другіе, что онъ вовсе не въ Парижѣ, а гдѣ-то на Уралѣ, управляетъ какими-то желѣзными заводами и живетъ бариниомъ. Протекло еще нѣсколько лѣтъ и вотъ, наконецъ, прошелъ слухъ, что Брянскій умеръ гдѣ-то на Кавказѣ, умеръ въ крайней бѣдности и

даже похороненъ на счетъ того, у кого жилъ на квартирѣ. Пріятель потушили о «бѣднягѣ», внесли его въ списокъ «покончившихъ» и дѣло о немъ «сдали въ житейскій архивъ». Вдругъ въ какой-то французской газетѣ, въ описаніи бывшаго въ Ниццѣ землетрясенія, говорилось, между прочимъ, о какомъ-то русскомъ князѣ Брянскомъ, проявившемъ еще невиданную дотошъ неустрашимость при спасаніи погибавшихъ во время страшной катастрофы. Читавшіе эту газету не вѣрили своимъ глазамъ, но, тѣмъ не менѣе, всё почему-то были убѣждены, что этотъ русскій князь никто иной, какъ похороненный ими Брянскій. Полетѣли въ Ниццу телеграммы и самъ Брянскій удостовѣрилъ, что этотъ русскій князь, о подвигахъ котораго говорится въ газетѣ, дѣйствительно, онъ.

Однако, съ этой минуты и вплоть до внезапнаго появленія Брянскаго въ усадьбу Колотуева о немъ не было уже никакихъ слуховъ и никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Колотуевъ, не читавшій никакихъ газетъ и вообще избѣгавшій общества, конечно, ничего не вѣдалъ о жизни и приключеніяхъ своего друга и потерялъ его изъ вида со времени выхода своего въ отставку. Правда, на первыхъ порахъ онъ два раза писалъ ему, но, не получивъ на второе письмо отвѣта, пересталъ писать. Тѣмъ дѣло и кончилось. Остальное намъ извѣстно, и потому возвратимся къ прерванному разсказу.

IV.

Брянскій былъ уже въ лѣсу. Это былъ прелестный березовый лѣсъ, раскинувшійся по отлогому полугорью, спускавшемуся къ рѣкѣ. Пахло какимъ-то сладкимъ ароматомъ молодыхъ листьевъ. Бое-гдѣ бѣжали ручейки и своимъ чуть слышнымъ хрустальнымъ журчаньемъ вторили безъ словъ шепоту листьевъ. Давно не видалъ Брянскій ничего подобнаго и ему стало вдругъ такъ легко и хорошо, что онъ весь даже какъ-то встрепенулся.

— Вотъ она гдѣ, благодать-то! — вскрикнулъ онъ. — Вотъ оно гдѣ, всѣми искомое счастье и спокойствіе... Вотъ оно гдѣ... А люди мимо проходятъ и не замѣчаютъ его.

И онъ пошелъ по направленію къ рѣкѣ. Рѣка стояла неподвижно и отражала въ себѣ и лѣсъ, и небо, и даже стоящую на берегу фигуру Брянскаго, въ венгеркѣ и военной фуражкѣ, надѣтой на бекрень. Онъ взглянулъ на эту венгерку и ему даже противно стало. «Даже платья приличнаго нѣтъ!» — проворчалъ онъ. Противуположный глинистый берегъ, завѣшанный сѣткой мелкихъ корень-

евъ, былъ весь избуравленъ стрижиными норами. Стрижи поминутно вылетали изъ этихъ норокъ и съ пискомъ носились надъ зеркаломъ рѣки. Высоко въ воздухѣ парилъ ястребъ и зорко высматривалъ добычу.

— Хорошо! — восхищался Брянскій, и, увлеченный благодатнымъ вліяніемъ окружающей его природы, онъ далъ полную свободу этому увлеченію и тихо запѣлъ извѣстный вальсъ изъ *Ворневилльскихъ колоколовъ*. Пѣлъ онъ, какъ никогда, и голосъ его мелодично разливался по лѣсу. Онъ словно и въ самомъ дѣлѣ повѣдывалъ этимъ нѣмымъ своимъ слушателямъ о всѣхъ «своихъ скитаніяхъ вокругъ свѣта», въ которыхъ было такъ много «испытаній и страданій».

Такъ пропѣлъ онъ первую половину вальса, какъ вдругъ голосъ его оборвался. Брянскій круто, всѣмъ корпусомъ повернулся назадъ и сталъ въ чему-то прислушиваться. По лѣсу раздавался какой-то отдаленный топотъ: не то звѣрь бѣжалъ, не то человѣкъ. Вдругъ вдали гамкнула собака, разъ, другой, третій; топотъ ускорился и чей-то женскій голосъ кричалъ: «Назадъ, Нептунъ, назадъ!» Еще минута, и громадный черный водолазъ вылетѣлъ изъ чащи, но, увидавъ Брянскаго, метнулся въ сторону и огласилъ лѣсъ громкимъ лаемъ. «Тубо, Нептунъ, тубо, назадъ!» — раздался женскій голосъ, а вслѣдъ затѣмъ выбѣжала изъ лѣса какая-то молоденькая женщина, лѣтъ 25-ти. Волосы ея растрепались, соломенная шляпа, слетѣвшая съ головы, висѣла на спинѣ, а лицо такъ и горѣло отъ охватившаго ее волненія.

— Не бойтесь, пожалуйста, — проговорила она, увидавъ Брянскаго, — собака не кусается... Это она такъ только...

И, быстро подбѣжавъ къ собакѣ, она схватила ее за ошейникъ и взяла на цѣпочку.

— Извините, пожалуйста, — проговорила она, задыхаясь отъ усталости.

— Это я долженъ извиняться передъ вами, — перебилъ ее Брянскій, приподнявъ фуражку, — такъ какъ замѣчаю по всему, что вы перепуганы больше, чѣмъ я... Не прикажете ли воды?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ сдѣлалъ изъ лопуха ковшъ, зачерпнулъ имъ воды и подаль его своей незнакомкѣ. Та выпила воду съ жадностью и замѣтно успокоилась. Это была очень миниатюрная барынька, съ открытымъ, добрымъ личикомъ и пунцовыми, какъ малина, губками. Она сразу же произвела на Брянскаго самое пріятное впечатлѣніе. Онъ встрѣтился съ нею, словно какъ со старою знакомой, увидавъ которую, очень обрадовался. Оказа-

лось, что это была Юлія Петровна Страхова, ближайшая сосѣдка Колотуева и большая его пріятельница.

— Я очень сердита на вашего друга, — проговорила она, когда взаимныя представленія были покончены. — Вотъ уже цѣлыхъ пять дней, какъ онъ не былъ у меня.

— Я заставлю его у вашихъ ногъ молить о прощеніи, — замѣтилъ Брянскій.

Фраза эта не понравилась Страховой, она какъ-то сдвинула брови, но тотчасъ же развела ихъ и весело проговорила:

— Нѣтъ; зачѣмъ же... у ногъ... я не люблю этого!... Но я буду рада видѣть васъ обоихъ у себя. Откровенно сказать, здѣсь ужасно какъ скучно. Живу я въ лѣсу одна и меня навѣщаютъ только нашъ приходскій «батюшка» да нашъ земскій врачъ, котораго я прозвала «двухъ-пузырнымъ».

И она весело засмѣялась.

— Почему же вы его такъ прозвали? — спросилъ Брянскій.

— А потому, что щеки у него круглыя, словно пузыри.

— Однако, съ вами надо быть осторожнымъ.

— Думаете, на смѣхъ подниму? Нѣтъ, нѣтъ... не бойтесь.

И, протянувъ Брянскому руку, она прибавила:

— И такъ, я буду ждать васъ... А лучше всего... пріѣзжайте завтра обѣдать.

— Слушаю-съ.

— А послѣ обѣда я надѣюсь, что вы дадите мнѣ удовольствіе и пропоете тотъ вальсъ, который, по милости Нептуна, мнѣ не удалось дослушать.

— Я боюсь, что вы будете смѣяться надо мнѣй.

— Это почему?

— А потому, что я очень плохой пѣвецъ.

— Неправда!... Ну, зачѣмъ говорить неправду? Я слышала, какъ поютъ его лучшіе опереточные пѣвцы, и поэтому скажу, что вы пѣли прелестно.

— Мнѣ остается только благодарить васъ...

— И такъ, до свиданія! Жду васъ... непременно пріѣзжайте завтра... слышите? — непременно.

— Непременно-съ, — проговорилъ Брянскій и хотѣлъ было добавить: «сочту за особое блаженство», но, вспомнивъ, какъ насупилась Страхова при его обѣщаніи заставить Колотуева просить о помилованіи у ея ногъ, порѣшилъ, «что барынька до буквоческаго не охотница», и ограничился лишь вѣжливымъ поклономъ.

И они расстались. Страхова пошла направо по тропинкѣ, вдоль

рѣвки, таща на цѣпочкѣ все еще оглядывавшагося Нептуна, а Брянскій по направленію къ дому.

Брянскій былъ очень доволенъ этою неожиданною и даже отчасти поэтической встрѣчей. Ему очень понравилась Юлія Петровна, понравились ея веселенькіе глазки, ея симпатичный голосокъ, а, главное, простота и естественность, которыя онъ такъ рѣдко встрѣчалъ въ женщинахъ. Она держала себя такъ просто, что Брянскій тотчасъ же почувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо и легко въ ея обществѣ, и былъ весьма доволенъ, что завтра онъ будетъ у нея и еще короче познакомится съ нею. Его только нѣсколько смущала его поношенная и потертая венгерка и стоптанные сапоги, въ которыхъ ему, по неимѣнію другаго платья, придется дѣлать первый визитъ этой «славной бабенкѣ». Дойдя до мельницы, онъ тотчасъ же обратился къ мельнику и принялся разспрашивать его о новой своей знакомой. Оказалось, что Юлія Петровна была вдова, что никогда въ деревнѣ не жила, что живетъ въ небольшомъ флигелечкѣ, въ которомъ прежде помѣщался прикащикъ, и что теперь, овдовѣвъ, порѣшила, говорятъ, жить въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ.

Возвратясь домой, онъ встрѣтилъ на крылечкѣ Прасковью.

— Ну, что, проснулся, что ли?—спросилъ онъ ее.

Та даже разсмѣялась.

— Что ужъ это вы!—замѣтила она,—давнымъ давно всталъ. А теперь сидитъ и ругается...

— Съ кѣмъ?

— Съ портнымъ да съ сапожникомъ.

— Это за что?—удивился Брянскій.

— Сапожникъ сшилъ сапоги, которые на ногу не лѣзутъ, портной суконную пару...

Брянскій расхохотался и пошелъ къ пріятелю.

Колотуевъ, дѣйствительно, былъ внѣ себя отъ гнѣва и чуть не съ кулаками налеталъ на прижавшихся въ уголъ сапожника и портнаго. Лицо его побагровѣло, глаза какъ-то выпучились и онъ весь дрожалъ, словно его била лихорадка. Брянскій никогда не видалъ его въ такомъ разъяренномъ видѣ и началъ по-французски убѣждать пріятеля не горячиться, доказывая, что кулаками дѣла не поправишь и что лучше всего заставить портнаго сшить другое платье, а сапожника—другіе сапоги. И, говоря это, онъ сперва примѣрилъ сапоги, а потомъ и платье. И то, и другое оказалось словно по немъ сшитымъ, а платье сидѣло на немъ такъ превосходно, что

глядя на него, пришелъ въ восторгъ не только портной, но даже и самъ Колотуевъ.

— Отлично, прелестно!—кричалъ послѣдній.

— Словно на картинкѣ!—удивлялся портной.

И дѣйствительно, Брянскій походилъ теперь на модную картинку. Сюртукъ, стройно облегавшій его хорошо - сложенную фигуру, сидѣлъ на немъ свободно и, въ то же время, нигдѣ не морщилъ и не казался мѣшкомъ. Точно также жилетъ и панталоны. Брянскій подошелъ къ зеркалу, осмотрѣлъ себя кругомъ и невольно улыбнулся.

— А, вѣдь, хорошо!—вскрикнулъ онъ.

— Отлично, отлично!—подхватилъ Колотуевъ.

— Самъ Тедески, и тотъ лучше бы не сдѣлалъ!—замѣтилъ Брянскій.

Портной даже обозлился.

— Тедеска!—вскрикнулъ онъ, засверкавъ глазами.—Тедеска-то только деньги обираетъ съ васъ, а, вѣдь, работаетъ - то нашъ братъ—чумазый портной.

Но Брянскій уже не слушалъ болтовню портнаго; онъ еще разъ осмотрѣлъ себя въ зеркало и затѣмъ, дружески хлопнувъ Колотуева по плечу, вскрикнулъ:

— Ну, братецъ, теперь ужъ я совершеннымъ джентльменомъ явлюсь къ твоей восхитительной сосѣдкѣ!...

— Какъ,—перевилъ его Колотуевъ,—познакомился развѣ?

— Еще бы!

— Гдѣ, когда?

Брянскій рассказалъ ему про свою встрѣчу съ Страховой и кончилъ тѣмъ, что передалъ ей приглашеніе завтра обѣдать у нея.

Колотуевъ расхохотался даже и, какъ видно, совершенно уже забылъ про огорченія, причиненныя ему портнымъ и сапожникомъ.

— Ну, братецъ!—кричалъ онъ,—теперь я убѣдился, что ты все тотъ же Брянскій, какимъ я зналъ тебя въ полку. Помилуй! Я путемъ выспаться не успѣлъ, а ужъ ты даже съ сосѣдкой познакомился! Только вотъ что,—прибавилъ онъ, поглядывая на Брянскаго,—ты теперь франтомъ одѣтъ, а, вѣдь, у меня - то путнаго платья нѣтъ, обносился весь... Только и есть одна шелковая пара...

— Чего же лучше!—подхватилъ Брянскій.—Для гѣта это самый приличный костюмъ.

И онъ опять подошелъ къ зеркалу.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ, живописно растрепавъ волосы,—сегодня мнѣ положительно везетъ! И знакомство восхитительное при-

обрѣлъ, и обмундировался съ ногъ до головы. Не говоря уже про то, — прибавилъ онъ, обвиняя Колотуева, — что опять встрѣтилъ своего лучшаго истиннаго друга.

— И отлично, и отлично! — говорилъ Колотуевъ. — Пусть и везетъ тебѣ во всю твою жизнь такъ же, какъ сегодня!

Оказалось, что Колотуевъ за платье и за сапоги уплатилъ деньги впередъ и потому счета покончились бѣстро. Брянскій взялъ платье за себя, а Колотуевъ съ удовольствіемъ согласился подождать за нимъ деньги. Были счастливы и портной съ сапожникомъ, которымъ, не будь Брянскаго, пришлось бы, пожалуй, очень плохо.

V.

Немного погодя пріятели сидѣли въ довольно отдаленномъ углу сада, подъ тѣнью густой черемухи, и Колотуевъ восторженно перечислялъ Брянскому всѣ достоинства Юліи Петровны. Говорилъ о ней какъ-то захлебываясь, съ увлеченіемъ, торопливо, словно боясь, какъ бы чего-нибудь не забыть, и при этомъ глаза его то вспыхивали огонькомъ, то покрывались какою-то влагой. Волненіе это не ускользнуло, конечно, отъ зоркаго глаза Брянскаго. Онъ пристально смотрѣлъ на своего пріятеля и, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Постой, постой! — вскрикнулъ онъ, наконецъ, останавливая Колотуева. — Ужь не влюбленъ ли ты?

— Нѣтъ, братецъ, — перебилъ его Колотуевъ, — я не влюбленъ... но... какъ другу, я сознаю тебѣ, что она мнѣ очень и очень нравится.

— Такъ что ты не прочь бы и жениться? — спросилъ Брянскій, пытливо взглянувъ на Колотуева.

Тотъ горько усмѣхнулся.

— Развѣ она пойдетъ за меня?

— А почему же нѣтъ? Какъ видно, и ты ей по сердцу пришелся.

— Можетъ быть, и такъ... Но, — прибавилъ онъ, вздохнувъ, — тутъ, братецъ, совсѣмъ не то требуется, не то!... Вотъ ты, напримѣръ, — быстро подхватилъ онъ, указывая на него пальцемъ, — вотъ ты, напримѣръ, ты бы могъ... Ты и красивъ, и образованъ, и ловокъ... а я что? Развѣ я могу внушить любовь?

— Почему же нѣтъ? Что ты — уродъ, что ли? Да ты въ тысячу разъ лучше меня... Лицо у тебя симпатичное, доброе... У тебя имѣется хорошенькое состояніе... уютный домикъ... садикъ... А у

меня этого ничего нѣтъ. Я, братецъ, крыть небожь и обнесень
взхремь... а такихъ женщины любятъ совсѣмъ по-другому.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорилъ Колотуевъ, отмахиваясь, словно
сился освободиться отъ охватившихъ его розовыхъ надеждъ, —
нѣтъ, нечего и обманывать себя.

— А знаешь что? — вскрикнулъ Брянскій, ударивъ его по плечу.

— Что?

— Хочешь я женю тебя на ней?

— Ты шутишь...

— Зачѣмъ же шутить? Нисколько. Я только одно знаю, —
продолжалъ Брянскій, — что болѣе подходящаго мужа ей не найти.
Сообрази самъ. Ты любишь Юлію Петровну... Она тебѣ симпати-
зируетъ, ужъ въ этомъ я самъ убѣдился, — участки у васъ рядомъ,
межа съ межей... Ты хорошій хозяинъ, а она, конечно, въ хозяй-
ствѣ ничего не понимаетъ. Изъ двухъ вашихъ участковъ соста-
вился бы участокъ десятины въ семьсотъ... А, вѣдь, съ такимъ
добромъ можно было бы жить припѣваючи.

— Еще бы! — подхватилъ Колотуевъ.

— И такъ, рѣшено? — вскрикнулъ Брянскій.

Колотуевъ испугался даже.

— Что рѣшено? — спросилъ онъ.

— Уполномочиваешь меня поговорить съ ней на эту тему?

— Нѣтъ, не переговорить, — перебилъ его Колотуевъ, — а по-
развѣдать сперва, что и какъ.

— Ну, конечно... Не сразу же...

Колотуевъ задумался.

— Разумѣется, — говорилъ онъ словно про себя, — почему же
и не поразвѣдать... не попытать... а тогда будетъ видно... можетъ
быть, и въ самомъ дѣлѣ...

— Я заранѣе ручаюсь тебѣ за успѣхъ.

Колотуевъ даже просіялъ весь, счастливая улыбка озарила его
доброе лицо и щеки зардѣлись румянцемъ.

— Ты думаешь? — спросилъ онъ.

— Увѣренъ.

— Впрочемъ, — проговорилъ Колотуевъ съ увлеченіемъ, — ты
все можешь обдѣлать. Для тебя невозможнаго не существуетъ.
Энергія въ тебѣ дьявольская... Сила воли, находчивость...

— Такъ по рукамъ? — воскликнулъ Брянскій весело.

— Только не завтра, ради Бога, не завтра! — подхватилъ Коло-
туевъ. — Сперва надо поразвѣдать.

— Ты, пожалуйста, не учи меня.

— Ну ладно, ладно...

— Ты мнѣ вотъ что скажи лучше, — проговорилъ Брянскій.

И, нѣсколько помолчавъ и подумавъ, спросилъ:

— А какъ на твою женитьбу посмотреть твоя Прасковья?

— Ахъ, Боже мой! — подхватилъ Колотуевъ. — Ну, дамъ ей триста, четыреста рублей, постараюсь найти ей жениха какого-нибудь... и она будетъ совершенно счастлива.

— То-то! А то, вѣдь, эти бабы привязчивы!... Мнѣ почему-то сдается, что и твоя именно изъ такихъ. Прижилась она у тебя, привыкла къ дому... какъ, напримѣръ, собака къ своей конурѣ, кошка къ стѣнамъ, мышь къ своему подполью...

— Нѣтъ, нѣтъ, — увѣрялъ Колотуевъ, — нѣтъ!

— Ты говоришь, что замужъ отдашь ее... Но кто же возьметъ ее? Ее возьметъ мѣщанинъ какой-нибудь оборванный... торгашъ... Такъ развѣ ей тамъ такое житье будетъ, какъ здѣсь? Здѣсь она, братецъ, барыней живетъ. Сыта, обута, одѣта, спитъ на пуховикахъ, варенье ѣстъ... Всѣ ее Прасковией Зотьевной величаютъ... Пошъ съ попадѣй бываетъ у нея, управляющіе разные съ женами... Она къ нимъ ѣздитъ... Платьевъ у нея цѣлый сундукъ, бѣлья тоже.

— Когда ты успѣлъ развѣдать все это? — удивлялся Колотуевъ, заливаясь самымъ добродушнѣйшимъ хохотомъ.

— Такъ вотъ и сообрази, — продолжалъ Брянскій, не слушая друга, — какой же ей расчетъ замужъ-то выходить? Вѣдь, тамъ, у торгаша-то, такого житья не будетъ... Смотри, братъ, согласится ли она оставить тебя.

— А не согласится, такъ за урядникомъ пошлю! — вскрикнулъ Колотуевъ. — Нельзя же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, ради ее благополучія жертвовать собственнымъ своимъ счастьемъ. Я ее не обижу... Но, вѣдь, и мнѣ хочется пожить, какъ порядочные люди живутъ, и мнѣ, вѣдь, хочется, чтобы нравственный мой мірокъ возвысился до преклоненія передъ свѣтлыми чистыми идеалами... чтобы была цѣль жизни не въ смыслѣ только одного матеріальнаго благосостоянія, но и нравственнаго.

Брянскій захохоталъ.

— Тебѣ все это смѣшнымъ кажется? — спросилъ Колотуевъ обиженнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебилъ его Брянскій, продолжая хохотать, — я совсѣмъ не надъ этимъ смѣюсь... Твои идеалы только еще болѣе доказываютъ твою нравственную чистоту и опрятность... Нѣтъ, я

сибюсь самъ надъ собою, или, лучше сказать, надъ тѣмъ, что пришло мнѣ въ голову.

— Что такое?

— А что бы ты сказалъ, — спросилъ Брянскій, вопросительно взглянувъ на Колотуева, — ежели бы я воспользовался Прасковьею, какъ воспользовался непригодными для тебя сапогами и платьемъ?

Колотуевъ взглянулъ на Брянскаго и оба вдругъ расхохотались.

— Все тотъ же, тотъ же Брянскій, какимъ былъ и въ полку! — кричалъ Колотуевъ, продолжая хохотать.

Однако, вопросъ о Прасковьѣ такъ и остался неразрѣшеннымъ.

Остатокъ дня пріятели провели самымъ благодушнѣйшимъ образомъ. Брянскій притащилъ въ комнату Прасковью и принялся играть съ ней въ «дурачки». Затѣмъ онъ показалъ ей нѣсколько фокусовъ на картахъ, каковыми положительно озадачилъ ее. Та только смотрѣла, покачивала головой и какъ-то подозрительно всматривалась на Брянскаго. — «Ну-ну! — говорила она, — однако... вы вотъ какой!» Но послѣднимъ фокусомъ онъ не только озадачилъ ее, но даже положительно напугалъ. Фокусъ этотъ состоялъ въ томъ, что, перетасовавъ колоду картъ самымъ тщательнѣйшимъ образомъ, онъ потомъ развернулъ ее и карты оказались разобранными по мастямъ. Затѣмъ онъ вызвался погадать Прасковьѣ. Но Прасковья словно не слыхала этого предложенія, поблѣднѣла какъ-то и, молча вставъ изъ-за стола, направилась къ двери.

— Ну, ужъ нѣтъ, братецъ, — вскрикнулъ Колотуевъ, — гадать мы до смерти боимся!

— Боитесь? — удивился Брянскій и взглянулъ на Прасковью, успѣвшую уже дойти до двери.

— Не желаю, — отвѣтила Прасковья серьезно и даже сдвинула брови.

— Обѣщаніе дали на картахъ не гадать, — подшучивалъ Колотуевъ.

— Это точно, дала, — подтвердила Прасковья тѣмъ же серьезнымъ тономъ. — На духу «батюшка» сказалъ мнѣ, что узнавать свою судьбу грѣшно, и я дала обѣщаніе не узнавать ее.

Брянскій изумленно посмотрѣлъ на нее и по лицу ея убѣдился, что карты дѣйствительно могутъ предсказывать будущее, и потому гадать на картахъ великій грѣхъ. Но ему хотѣлось подшутить надъ Прасковьею, и потому онъ объявилъ ей, что ежели она не хочетъ заглядывать въ свое будущее, то онъ узнаетъ его и помимо ея желанія. И, проговоривъ это, принялся тасовать карты. Мертвая блѣдность покрыла лицо Прасковьи.

— Я васъ прошу не дѣлать этого!—проговорила она строго.

Но Брянскій не слушалъ ее. Онъ выложилъ сперва на столъ червонную даму и потомъ съ быстротою молніи принялся раскладывать остальные карты. Прасковья взялась было за ручку двери, но словно замерла, словно окаменѣла и уставилась глазами въ сыпавшіяся на столъ карты. А карты разложились такъ, что трефовый король (т.-е. Брянскій) лежалъ на сердцѣ червонной дамы, съ которымъ ей предстояла «приятная бесѣда про любовь», а червонный король (т.-е. Колотуевъ) лежалъ гдѣ-то въ сторонѣ, далеко отъ дамы, и весь былъ окруженъ пиками.

Колотуевъ хохоталъ до слезъ, за то не хохотала Прасковья. Она едва держалась на ногахъ и, судорожно вѣдпившись въ дверную ручку, проговорила какимъ-то упавшимъ голосомъ:

— Вы карты подтасовали... Давайте я сама перетасую!

— Извольте-съ, извольте-съ.

И онъ подалъ ей колоду. Тамъ же, возлѣ двери, она тщательно перетасовала карты и подала ихъ Брянскому.

— Только помните,—говорила она,— что это не я гадаю, а вы, вы!...

— Это все равно,—говорилъ Брянскій, садясь за столъ.

— Нѣтъ, не все равно,—нѣтъ, нѣтъ... большая разница.

— Никакой!—говорилъ Брянскій.

Карты опять посыпались на столъ и легли такъ же, какъ и въ первый разъ.

Прасковья едва на ногахъ устояла. Но вдругъ, что-то сообразивъ, она нѣсколько пріободрилась и твердымъ голосомъ проговорила:

— Вы глаза отводите.

Раздался общій хохоть.

— Да, отводите,—продолжала она.—Развѣ это возможно безъ «отвода глазъ» такіе фокусы дѣлать, какіе вы дѣлали сейчасъ? Тасовали колоду и вдругъ она вся по мастямъ разобралась. Тоже самое и гаданье ваше... Не вѣрю я ему, не вѣрю... Глаза вы отводите, только и всего!

И, сильно взволнованная, она широко распахнула дверь и чуть не выбѣжала изъ комнаты, сопровождаемая дружнымъ хохотомъ Колотуева и Брянскаго.

Немного погодя пріятели плотно поужинали и разошлись по своимъ комнатамъ.

Войдя къ себѣ, Брянскій распахнулъ окно. Въ душную комнату потянула ночная прохлада, ворвалась звонкая соловьиная трель и

съ сосѣднихъ болотъ долеталъ грубый концертъ иважавшихъ лягушекъ. Гдѣ-то стучалъ перепелъ свою стучающую пѣсню, гдѣ-то мимолостно трещалъ коростель. Брянскій раздѣлся, бросился въ постель, потушилъ свѣчу и моментально заснулъ.

Храпѣлъ и Колотуевъ, убаюканный радужными надеждами на будущее, и только не спала одна Прасковья, вѣрившая въ тяжелые дни, въ недобрый глазъ, въ неблагополучіе при встрѣчахъ съ попами, въ русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ, въ вѣщіе сны, и никогда не сомнѣвавшаяся въ справедливости сказаннаго картами. Гаданье Брянскаго такъ сильно, такъ удручающе повліяло на нее, что она не знала, куда дѣваться отъ щемившей ее тоски. Она сознавала, что судьба ея начертана, и сердце ея содрогалось отъ ужаса. Она металась на постели и только передъ утромъ заснула, и то не надолго. Она слышала въ просонкахъ, какъ скринула дверь, и видѣла острожно вошедшаго Брянскаго. Она закрыла глаза отъ испуга, но слышала, какъ онъ подошелъ къ ней и прильнулъ своими горячими губами къ ея губамъ. Она замерла даже... Но вдругъ она опомнилась, вскрикнула, вскочила съ постели... въ комнатѣ, кромѣ нея, не было никого... «Сонъ! — прошептала она, — сонъ!» — и торопливою, дрожавшею рукой принялась крестить себя, свою комнату, окна, дверь и свою постель. Затѣмъ она зажгла лампадку передъ иконами и принялась читать молитвы. Но молитвы какъ-то путались, оставались недогонченными и взаимно ихъ она она шептала тогда: «Мати святая владычица, царь небесный, батюшка Николай угодникъ, помогите... нельзя же такъ... Владычица пресвятая, не попусти лукавому...»

И слезы градомъ катились по матово-блѣднымъ щекамъ ея.

VI.

На слѣдующій день, часу въ первомъ пополудни, у крыльца колотуевского дома стоялъ уже тарантасъ, запряженный тройкою сытыхъ гнѣденыкихъ лошадокъ. Кучеръ въ плисовой безрукавкѣ и красной рубахѣ молодцовато сидѣлъ на козлахъ и перекидывался шуточками съ кухаркой, чистившей на крыльцѣ кухни картофель. Брянскій былъ тоже одѣтъ и стоялъ передъ зеркаломъ, любясь изящностью своего новаго костюма. Онъ слегка поnudрилъ себѣ лицо, слегка порастрепалъ волосы, придавъ имъ изящный беспорядокъ, и чуть-чуть наложилъ на усы брилліантину. «Точно маршизъ изъ какой-нибудь французской мелодрамы, — говорилъ себѣ Брянскій, повертываясь передъ зеркаломъ. — Только бы еще ленточ-

ку почетнаго легіона!» Но, вмѣсто ленточки, онъ воткнулъ себѣ въ петличку какой-то цвѣтокъ и былъ совершенно счастливъ.

Вошелъ Колотуевъ.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ!—говорилъ онъ.

Пріятели вышли на крыльцо, сонный Захаръ посадилъ ихъ въ тарантасъ и они поѣхали.

Мельникъ сказалъ правду. Дѣйствительно, Юлія Петровна жила во флигелькѣ, въ которомъ помѣщался прежде ея прикащикъ, простой русскій мужикъ изъ сосѣдняго села. Но она успѣла, все-таки, преобразить этотъ флигелекъ, оклеить стѣны обоями и пристроить къ нему большую террасу съ навѣсомъ и холстинными драпировками. Она даже успѣла перенести на другое мѣсто всѣ тѣ хлѣбушки и амбарушки, которые прежде безпорядочно и грязно окружали флигель, и вычистить накопившійся за нѣсколько лѣтъ навозъ. Теперь вокругъ флигеля не было никакихъ строеній, все было чисто, все было выметено, площадка успѣла зазеленѣть изумрудною муравой и маленькій домикъ смотрѣлъ такъ же весело и привѣтливо, какъ и его хозяина. Прямо противъ террасы протекала знакомая уже намъ рѣка—тихая, омутистая, на которой видѣлась крошечная купальня, обтянутая парусиной, и красиво разрисованная лодочка. Вся площадка, посреди которой стоялъ флигелекъ, была окружена березовымъ лѣсомъ; даже на самой площадкѣ росло нѣсколько громадныхъ березъ, придававшихъ всей этой картинкѣ весьма красивый и оригинальный видъ.

Однако, все это убранство стоило Юліи Петровнѣ не малыхъ хлопотъ и усилій: во-первыхъ, потому, что Сысой Назарычъ (такъ звали ея прикащика, про котораго она говорила, что «чапанъ у него сѣръ, да ума чортъ не съѣлъ») былъ вообще противъ чистоты и доказывалъ, что «хлѣвы и амбарушки завсегда должны быть на глазахъ», а, во-вторыхъ, и потому, что ломать всю эту рухлядь приходилось какъ разъ во время весенней пахоты, когда «весь мужикъ въ землю уткнулся». Сысой Назарычъ доказывалъ, что «междупарьемъ» всѣ эти затѣи обойдутся «много дешевле», а Юлія Петровна, что она не привыкла жить въ грязи и навозѣ. «Теперь за переноску-то двѣ радужныхъ гнуть,—говорилъ сѣрый чапанъ,—а междупарьемъ за сто соглашаются». Но Юлія Петровна мужика слушала, а дѣлала, все-таки, по-своему.

— Вы говорили, что двѣсти рублей за переноску просятъ?—спросила какъ-то Юлія Петровна своего Сысою Назарыча.

— Такъ точно-съ... Всѣ какъ есть деревни объѣхалъ.

— А я за пятьдесятъ наняла!—отвѣчала Юлія Петровна.

Сысой Назарычъ хоть бы глазомъ моргнулъ.

— Этого ничего, хорошо... — проговорилъ онъ, — совсѣмъ малъ!

— Завтра ломать начнутъ.

Однако, такая разница въ цѣнѣ пробудила въ Юліи Петровнѣ нѣкоторое подозрѣніе относительно добросовѣстности сѣраго чапана и она принялась наводить о немъ справки. По справкамъ этимъ оказалось, что это былъ отъявленный воръ, чуть не пополамъ дѣлившій съ нею ея доходы. Это очень огорчило Юлію Петровну, но болѣе всего огорчило ее то обстоятельство, что, по слухамъ, Сысой Назарычъ вырубилъ у нея цѣлую десятину лѣса, изъ котораго построилъ себѣ просторную избу со всѣми необходимыми надворными постройками. Желая провѣрить, однако, этотъ слухъ, она отправилась въ то село, гдѣ жилъ Сысой Назарычъ, и зашла къ нему въ гости.

— Какой у васъ домъ отличный! — говорила она, любуясь строеніемъ.

— Приторговываемъ маленько, — говорилъ, улыбаясь, «сѣрый чапанъ». — Лавочку имѣемъ, кабачокъ.

Онъ принялъ Юлію Петровну съ большимъ почетомъ, представилъ ей всю свою многочисленную семью, угощалъ чаемъ, сладостями, орѣхами и поминутно выражалъ ей свою благодарность, что она завѣстила его, «вѣрнаго слугу своего», и не погнушалась его «хлѣбомъ-солью». Даже слезы навертывались у него на глазахъ отъ переживаемаго имъ счастья. Юлія Петровна просидѣла у него болѣе часа, и когда стала собираться домой, то вся семья отъ большого до малаго пошла провожать ее до околицы. Юлія Петровна почувствовала себя безоруженною такими ласками простыхъ людей и даже начала было сомнѣваться въ справедливости слуховъ, но когда, на слѣдующій день, она отправилась въ лѣсъ и разыскала порубку, то чуть не расплакалась отъ жалости. Порубка была варварская. Срубленные деревья валяли какъ попало, уродуя ими стоявшія рядомъ; высокіе пни торчали чуть не въ ростъ человѣка и все, что было негоднымъ, валялось тутъ же неприбраннымъ, заглушая собою молодую поросль. Словомъ, рубили такъ, какъ только можетъ рубить «сѣрый чапанъ», забравшійся съ топоромъ въ чужой лѣсъ. На первыхъ порахъ Юлія Петровна хотѣла было привлечь ласковаго и гостепріимнаго Сысою Назарыча къ отвѣтственности, но потомъ раздумала, порѣшивъ, что главною виновницей во всемъ этомъ является она сама, оставившая прикащика безъ всякаго кон-

троля. Она только распорядилась спилить пни и очистить отъ валежника мѣсто порубки.

Однако, при первой же встрѣчѣ съ Сысоемъ Назарычемъ, она замѣтила ему:

— А у насъ въ лѣсу порубка большая!

— Большая, матушка, бо-ольшая! — отвѣчалъ онъ плаксивымъ голосомъ. — Когда рубилъ-то... плакалъ, горючими слезами плакалъ.

— Такъ это вы рубили?

— Я, матушка.

— Зачѣмъ же?

— Флигелевъ этоть топить нечѣмъ было... Померзли было...

И онъ тяжело вздохнулъ.

«Ну, что же я послѣ этого буду говорить съ нимъ?» — подумала Юлія Петровна и отпустила его домой.

Черезъ недѣлю, однако, она объявила Сысою Назарычу, что наняла себѣ другаго прикащика, а его отъ этой должности увольняетъ. Тотъ даже въ ножки поклонился ей.

— Спасибо, родная, — проговорилъ онъ на-распѣвъ, — спасибо. Признаться, и самъ я собирался уволиться отъ тебя, — продолжалъ онъ, — да все совѣсти не хватало. Какъ, думаю себѣ, оставлю ее одною, — въ хозяйствѣ она словно дитѣ малое... Какъ малое дитѣ бросить? Жаль!... Ну, а таперь, когда другаго нашла, такъ и сердце у меня болѣть не будетъ.

Затѣмъ, на прощанье, онъ выпросилъ у нея «пѣгую телушенку».

— Не надо мнѣ ее, — увѣрялъ онъ, взглянувъ на иконы, — потому своихъ довольно, а ради только гордости одной... Чтобы было чѣмъ погордиться. «Вотъ, молъ, добрые люди, смотрите, какъ барынька моя милая меня, старика, за мою вѣрную службу наградила!» И «животина-то» не стоить того, чтобы изъ-за нея тянуться, — продолжалъ онъ, слащаво улыбаясь, — потому грошъ ей цѣна, а только вотъ ради гордости.

Просьбу его Юлія Петровна уважила и только спустя нѣкоторое время узнала, что подаренная ею Сысою Назарычу телка была лучшимъ экземпляромъ на всея ея скотномъ дворѣ. Она даже въ отчаяніе пришла, сознавая всю безпомощность своего положенія въ деревнѣ, среди этихъ людей, у которыхъ «чортъ ума не съѣлъ». Однако, вскорѣ она успокоилась, познакомившись съ Колотуевымъ, который и принялъ въ ней самое живѣйшее участіе.

VII.

Юлія Петровна была очень рада гостямъ и приняла ихъ самымъ привѣтливымъ образомъ. Она провела ихъ прямо на террасу, съ которой былъ превосходный видъ на рѣку, и Брянскій пришелъ въ восторгъ отъ раскинувшейся передъ нимъ картины. Однако, Кологуевъ пробылъ на террасѣ не долго и тотчасъ же пошелъ на скотный дворъ и на овчарню.

— Вы тутъ разговаривайте себѣ, знакомьтесь, — говорилъ онъ, — а я пойду съ прикащикомъ потолкую. Пора и навозъ въ поле вывозить.

И онъ ушелъ, оставивъ Юлію Петровну вдвоемъ съ Брянскимъ. Проходилъ онъ съ полчаса, а когда онъ возвратился, Юлія Петровна пригласила гостей въ столовую.

— Я живу по-деревенски, — говорила она, — а потому пойдемте-ка сперва закусимъ, а немного погодя и обѣдать будемъ.

Оказалось, что столовая помѣщалась на воздухѣ, съ тѣневой стороны флигеля и подъ тѣнью развѣсистой березы, въ стволъ которой былъ врѣзанъ небольшой мѣдный образокъ. Юлія Петровна даже разсмѣялась, замѣтивъ удивленіе на лицѣ Брянскаго при видѣ этой оригинальной столовой.

— Ну, что, какова у меня столовая? — спросила она весело.

— Да, вѣдь, это роскошь! — чуть не вскрикнулъ Брянскій.

И дѣйствительно, уголокъ былъ прелестный. Тамъ уже было накрыто два стола. На одномъ изъ нихъ помѣщалась закуска и водка, а другой предназначался для обѣда. Брянскій мигомъ осмотрѣлъ оба стола и мысленно одобрилъ сервировку. Онъ былъ большой знатокъ по этой части.

— Ну-съ, господа, прошу, — проговорила Юлія Петровна. — Я водки не пью, а потому распорядитесь сами, безъ церемоніи.

Вокругъ стола суетилась горничная, разставляя приборы и бутылки съ виномъ. Пришелъ и Нептунъ, но на этотъ разъ онъ не лалялъ и не ворчалъ, а, напротивъ, умильно посматривалъ на гостей, виляя хвостомъ. Брянскій далъ ему кусочекъ сыра, который тотъ моментально и проглотилъ.

Вслѣдъ за закуской послѣдовалъ и обѣдъ.

— Я, господа, буду угощать васъ ботвиньей, — проговорила Юлія Петровна, — а вмѣсто осетрины, у насъ будетъ судакъ, котораго вчера я слегка просолила... У меня есть прекрасная поварская книга, изъ которой я и почерпаю разныя кулинарныя свѣдѣнія.

Ботвинья оказалась превкусною, рыба тоже, и всё ѣли съ аппетитомъ. За ботвиньей слѣдоваль сочный, хорошо приготовленный розбивъ со всевозможнымъ гарниромъ, затѣмъ жареные цыплята и, наконецъ, вафли съ густыми сливками. Кофе съ коньякомъ завершилъ обѣдъ.

Еъ вечернему чаю подѣхалъ «двухъ-пузырный» докторъ. Юлія Петровна познакомила его съ Брянскимъ, причеиъ прибавила:

— Нашъ земскій врачъ!

— Позвольте-сь, позвольте-сь, — перебилъ ее докторъ, — зачѣмъ же такъ? Вѣдь, вы прозвали меня «другомъ здравія», такъ и рекомендуюте.

И, обратясь къ Брянскому, прибавилъ:

— Другъ здравія Вѣнценосцевъ, только не священной породы, ибо отецъ мой всю жизнь свою былъ чиновникомъ и умеръ только тогда, когда дослужился до дворянства. Человѣкъ, какъ видите, терпѣливый и не безъ характера.

И, усѣвшись въ кресло, докторъ проговорилъ, обращаясь къ Юліи Петровнѣ:

— Эко я приновился-то какъ!

— А что?—спросила она.

— Всегда такъ-таки къ чаю и потрафлю.

— А вы обѣдали?

— Ёль какую-то бурду изъ курицы, которую называли супомъ, кашу, но сытъ и ѣсть не хочу. А вотъ чайку выпью съ превеликимъ наслажденіемъ.

За чаемъ, какъ это водится, «другъ здравія» принялся брать земство.

— Вѣдь, это чортъ знаетъ что такое, — говорилъ онъ, — устроили развѣздную систему. Извольте ѣздить по медицинскимъ пунктамъ и лечить больныхъ! Сегодня, на примѣръ, въ теченіе четырехъ часовъ двѣсти человѣкъ принялъ! На каждаго больного приходится, слѣдовательно, съ небольшимъ одна минута... Развѣ это не комедія? Ну, и валяешь на-обумъ Лазаря! Только и стараешься, чтобы цифра націентовъ была внушающая... «Вотъ, молъ, господа гласные, смотрите, сколько я народу перелечилъ! Нельзя ли награду назначить?» О, цифры—великое дѣло, тѣмъ болѣе, что никто провѣрять ихъ не захочетъ!]

— Однако, вы очень откровенны, — замѣтила Юлія Петровна.

Но докторъ даже и вниманія не обратилъ на ея замѣчаніе.

— А потомъ, — продолжалъ онъ, — когда этотъ дурацкій приеиъ больныхъ поконченъ, вы рассчитываете, конечно, отдохнуть, — не

туть-то было! Сегодня, напримѣръ, сажусь въ телѣжку, ѣду сюда, вдругъ въ деревнѣ Обливной мужикъ среди улицы останавливаетъ. «Что?» — спрашиваю. — «Хозяйка, третій день родами мучается, пожалуйте», — говоритъ. А въ Ивановкѣ пона «кондрашка» и тоже «пожалуйте!» Но, вѣдь, я не двушильный, мнѣ отдыхъ требуется.

— И не «пожаловали»? — спросила Юлія Петровна.

— И не пожаловалъ.

— Ни къ роженицѣ, ни къ попу?

— Ни къ роженицѣ, ни къ попу! — подтвердилъ «другъ здравія» и принялся расхваливать медицинскіе порядки сосѣдняго земства.

— Тамъ, — говорилъ онъ, обмакивая сухарь въ стаканъ, — этихъ дурацкихъ разѣздовъ не полагается. Тамъ врачъ живетъ при больницѣ. Онъ въ извѣстные часы принимаетъ больныхъ, въ извѣстные часы обѣдаетъ, ужинаетъ, спитъ, а по пунктамъ разѣзжаютъ фельдшера, направляя къ врачу только однихъ серьезно-больныхъ... Это я понимаю, здѣсь есть смыслъ!

— Такъ вы бы туда и ѣхали! — невольно воскликнула Юлія Петровна.

Докторъ расхохотался.

— Нельзя, барынька моя хорошая, нельзя-съ, а то бы давно махнулъ.

— Почему же нельзя?

— А потому, сударыня, что я былъ стипендіатомъ того земства! Оно за меня въ университетъ платило... — и онъ почему-то прищелкнулъ языкомъ.

— Тѣмъ лучше! — подхватила Юлія Петровна. — Вы бы служили тому именно земству, которое платило за васъ.

— Эка, а изъ жалованья-то, пожалуй, вычитать будутъ... А здѣсь-то полностью получаю.

— Послушайте, — перебила его Юлія Петровна, — вѣдь, это нехорошо съ вашей стороны.

— Не я первый, не я послѣдній! — воскликнулъ докторъ. — Слышали вы про общество вспоможенія «стремящимся»?

— Конечно, слыхала.

— Вѣдь, кассу-то всю растащили... тю-тю!

И, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ:

— Ну-съ, а ваше-то какъ драгоцѣнное?

Юлія Петровна усмѣхнулась.

— Вы такъ утомлены, господинъ другъ здравія,—проговорила она,—что я даже боюсь и говорить вамъ про свое «драгоценное».

«Молодецъ,—подумалъ Брянскій,—ловко отбрила!»

Чай былъ поконченъ и Юлія Петровна обратилась къ Брянскому съ просьбою пропѣть что-нибудь.

— Встать,—говорила она, указывая на доктора,—и еще одинъ пѣвецъ прибавился. У доктора пресимпатичный голосъ и онъ премило поетъ, въ особенности со мной, дуэтъ «Не искушай меня безъ нужды».

— Такъ вотъ вы съ него и начните,—проговорилъ Брянскій,—а я послушаю и встать просмотрую ваши ноты.

— Согласны?—спросила Юлія Петровна доктора.

— Не искушать-то?

— Да.

— Съ большущимъ удовольствіемъ!

Только одинъ Колотуевъ отказался отъ пѣнія, объявивъ, что у него очень неприятный голосъ, называемый «благимъ матомъ».

— По милости этого «благо-мата» я даже холостякомъ остался,—прибавилъ онъ.

— Какъ такъ?—спросили всѣ.

— Невѣстѣ серенаду вздумалъ пропѣть, меня и выгнали!

Перешли въ комнату. Юлія Петровна усѣлась за піанино, докторъ разложилъ ноты и они пропѣли дуэтъ. Спѣли они его очень недурно и, конечно, вызвали громкіе аплодисменты, за которые «другъ здравія» благодарилъ комическими поклонами, приложивъ руку къ сердцу. Тѣмъ временемъ Брянскій разыскалъ въ нотахъ романсъ «Ночи безумныя» и положилъ его на пюпитръ. Это тоже былъ дуэтъ, онъ очень нравился Юліи Петровнѣ и она охотно согласилась пропѣть его вмѣстѣ съ Брянскимъ. Пропѣли они его превосходно и произвели впечатлѣніе. Голосъ у Брянскаго былъ нѣсколько разбитый, но онъ такъ искусно скрывалъ это, такъ много влагалъ въ свое пѣніе души и граціи, что невольно плѣнилъ (именно плѣнилъ) всѣхъ. Пѣлъ онъ, какъ актеръ, пѣніе сопровождалъ красивыми жестами, увлекался пѣніемъ и держалъ себя какъ на сценѣ или въ концертномъ залѣ. Словомъ, онъ произвелъ такой эффектъ, что Юлія Петровна, покончивъ романсъ, объявила, что пѣть съ Брянскимъ она больше не будетъ.

— Помилуйте,—говорила она,—да, вѣдь, вы форменный пѣвецъ! Видно, что вы изучили пѣніе и что руководилъ вами хорошій мастеръ. Какъ же мнѣ пѣть съ вами?

— Божусь вамъ, что не учился,—увѣрялъ Брянскій.

— По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, — замѣтилъ Колотуевъ, — я за нимъ грѣха этого не зналъ.

— Да никогда же... — говорилъ Брянскій.

— Не вѣрю, не вѣрю! Самоучкой такъ пѣть нельзя! — говорила Юлія Петровна, и затѣмъ принялась «умолять» Брянскаго пропѣть вчерашній вальсъ изъ *Колоколовъ*, который Нептунъ не далъ ему докончить.

— Умоляю, — говорила она. — Естати, я и аккомпаниментъ знаю.

— Да-съ, это было бы недурно, — замѣтилъ «другъ здравія», на котораго только что пропѣтый дуэтъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе. — Это было бы очень недурно, а то эти ваши «ночи», — чортъ бы ихъ побралъ! — мнѣ всѣ нервы даже расшатали.

Дѣлать было нечего и Брянскій уступилъ общему желанію.

— Отлично, безподобно! — раздалось со всѣхъ сторонъ, когда вальсъ былъ пропѣтъ.

— И вы будете увѣрять меня, что вы поете самоучкой? — допрашивала Юлія Петровна.

— Самоучкой.

— Это невозможно! — воскликнула она.

— Невозможно! — повторилъ «другъ здравія». — Тутъ техника видна, да еще какая, самая патентованная... Чтѣ вы мнѣ рассказываете!... Мы, вѣдь, тоже не съ маленькими объѣдаемъ!

— Молодчина! — восклицалъ Колотуевъ.

— Увѣрю васъ, господа, что даже и ноть-то хорошенько не знаю.

Красивое пѣніе Брянскаго очень понравилось Юліи Петровнѣ, произвело на нее впечатлѣніе и, въ то же время, ее заинтересовала эта мистификація. Только что пропѣтый вальсъ воодушевилъ ее и ей опять захотѣлось пропѣть съ Брянскимъ что-нибудь. Она усѣлась за пианино, а Брянскій словно угадалъ ее желаніе, положилъ на пюпитръ дуэтъ изъ *Новобрачной* и, улыбаясь, проговорилъ:

— Вотъ это тоже очень красивая вещьца...

Юлія Петровна взглянула на ноты.

— И вы думаете, что я спою это? — спросила она.

— Безъ сомнѣнія.

— Что это, что такое? — вскрикнулъ докторъ и, подбѣжавъ къ пианино, посмотрѣлъ въ ноты. — А, знаю... Предеть, восторгъ!...

Дуэтъ изъ *Новобрачной*!

— Да, дуэтъ.

— Слышала... роскошь!

— Да не спую я!—говорила съ отчаяніемъ Юлія Петровна, а сама уже раскрыла ноты и начала аккомпанировать.

«Ну, дайте-жь ручку мнѣ...» — раздался голосъ Брянскаго, исполнившаго партію Подесто, и все замолкло. Докторъ осторожно, на цыпочкахъ, пробрался въ уголь и, опустившись тамъ въ мягкое кресло, весь превратился въ слухъ; онъ даже какъ-то ротъ разинулъ и глаза вытаращилъ. Колотуевъ сидѣлъ на диванѣ и, видимо, любовался своимъ другомъ, онъ насмотрѣться не могъ на него и, въ то же время, тайно завидовалъ ему. «Будь-ка я такимъ,—думалъ онъ,—сразу бы сдѣлалъ предложеніе... Вишь, вѣдь, глазищами-то какъ поводитъ!» Ему даже казалось, что глаза эти приводятъ въ смущеніе Юлію Петровну, несмотря на то, что она не видитъ ихъ. Брянскій стоялъ нѣсколько поодаль и, граціозно подавая Юлію Петровнѣ какую-то книгу, пѣлъ какимъ-то умоляющимъ шепотомъ: «Со мной наединѣ вы здѣсь ее прочтите...» Юлія Петровна робѣла, голосъ ея слегка дрожалъ, но такъ какъ именно это-то и требовалось въ настоящемъ дуэтѣ, то дуэтъ и былъ исполненъ замѣчательно хорошо и эффектно. Докторъ пришелъ, какъ говорится, въ «телячій восторгъ», неистово кричалъ «браво», топалъ неистово ногами и требовалъ повторенія; Колотуевъ кричалъ: «Молодчина!» и только одинъ Брянскій былъ недоволенъ самимъ собою.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—нѣтъ, не то, не то!... Такія вещи безъ обстановки пѣть нельзя... Сцена нужна, сцена... декорации, луна... нѣтъ, не то...

— Послушайте-ка,—говорилъ тѣмъ временемъ «другъ здравія», подойдя къ Брянскому.—Вы меня извините... но... я какъ только сюда вошелъ, такъ сейчасъ же лицо ваше показалось мнѣ знакомымъ... А вотъ теперь, услыхавъ ваше пѣніе, ваши манеры и мимику, я готовъ пари держать, что видѣлъ васъ.

— Очень можетъ быть.

— Не были ли вы...

И, нѣсколько помолчавъ, онъ назвалъ городъ, въ которомъ предполагалъ свою встрѣчу съ Брянскимъ.

— Не былъ,—отвѣтилъ Брянскій, улыбаясь.—Но я знаю,—продолжалъ онъ,—почему именно вы сдѣлали мнѣ этотъ вопросъ. Тамъ пѣлъ тогда Агинскій...

— Да, да! — воскликнулъ докторъ, словно обрадовавшись, что Брянскій самъ разрѣшилъ это недоразумѣніе.—Да, да, именно... Агинскій, Агинскій! — бормоталъ онъ. Разговоръ доктора походилъ на бормотанье, причемъ онъ какъ-то шлепалъ языкомъ и хлопалъ пухлыми губами.—Именно, именно...

— Агинскаго я никогда не видалъ, — продолжалъ тѣмъ временемъ Брянскій, — но всѣ говорятъ, что я очень похожъ на него...

— Удивительно! Даже манеры, жесты... Всѣ барыни по немъ съ ума сходили.

Юлія Петровна сыграла какую-то блестящую салонную пьеску, затѣмъ закрыла пианино и пригласила всѣхъ на террасу. Всѣ вышли и изумились, увидавъ громадную черную тучу, заслонявшую собою всю восточную часть горизонта.

— Откуда это? — удивились всѣ.

— И, вѣдь, какая туча-то почтенная! — говорилъ докторъ.

Туча была дѣйствительно «почтенная». Освѣщенная лучами только что закатившагося солнца и окрашенная въ темно-лиловый цвѣтъ, она быстро расплзалась во всѣ стороны. Вдали глухо гремѣлъ громъ, вспыхивала молнія (словно гдѣ-то громадные глаза мигали огненнымъ миганіемъ), потянулъ вѣтеръ и запахло дождемъ. Гости собрались было ѣхать, но Юлія Петровна удержала ихъ.

— Куда это... въ такую грозу, — говорила она, — развѣ возможно?

Наступили сумерки и, по мѣрѣ ихъ сгущенія, молнія становилась все ярче и ярче. Вѣтеръ усиливался, зашумѣли листья, лѣсъ наполнился гуломъ, захлопали драпировки на балковѣ, упалъ какой-то горшокъ съ цвѣтами и хлопнула балконная дверь, зазвенѣвъ разбившимися стеклами. Вошла горничная и собрала осколки въ фартукъ.

— Закрыта ли труба въ кухнѣ? — спросила ее Юлія Петровна.

Труба оказалась закрытою. Наконецъ, пошелъ дождь. Сперва посыпался онъ крупнымъ жемчугомъ и стучалъ о крышу, словно градъ, но свергнула молнія, ударилъ громъ и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Сквозь крышу навѣса потекли ручьи и всѣ перешли въ комнату.

И. Саловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЕРЕВЕНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Романъ Маргариты Вудсъ.

I.

— Не трогай, брось, говорю тебѣ, постылая харя, не то проучу! Смотри, захнычешь еще у меня не такъ!

Чей-то злобный, кричащій голосъ произпосиль эти слова какъ разъ въ ту минуту, когда подѣ тяжелыми шагами Джемса Понтинна скрипнула послѣдняя ступенька лѣстницы. Такія крутыя лѣстницы бывають въ лондонскихъ домахъ, сверху до низу переполненныхъ мелкими, бѣдными квартирами. По всей вышинѣ ея царила непроглядная тьма, за исключеніемъ одной площадки, освѣщенной слабымъ сѣрымъ просвѣтомъ сквозъ случайно открытую дверь. Черезъ эту дверь, въ глубинѣ комнаты, можно было различить съ полдюжины грязныхъ ребятишекъ, которые какъ черви ползали во всѣхъ углахъ и только передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто выдѣлялись изъ грязномъ полу; тутъ же женщина, съ перебитымъ носомъ, сидѣла за столомъ и медленно раскачивалась надъ пустою рюмкой. Джемсъ, выросшій въ грубой деревенской средѣ, не отличался чувствительностью, но, взглянувъ мимоходомъ на эту семью, онъ почувствовалъ какое-то странное физическое и нравственное отвращеніе пошелъ дальше, вверхъ, по скрипучимъ ступенькамъ лѣстницы, на поминающей темный колодезь. Возможно ли было, чтобы родной братъ его, такой же, какъ и онъ, почтенный и уважаемый Понтиннъ кончилъ жизнь въ такой труппѣ? Вотъ что значить дѣлать все по-своему и жить не такъ, какъ, бывало, жили отцы и дѣды. Ошибочно было бы предполагать, какъ это часто дѣлается, что только одному дворянству свойственно гордиться родовыми и наследственными преимуществами: въ душѣ представителя всѣхъ почетныхъ и уважаемыхъ Понтинновъ было то же смутное чувство

оскорбленнаго семейнаго достоинства, когда онъ постучался въ дверь квартиры своего умершаго брата. Джемсу какъ будто слышался на мгновеніе прежній рѣзкій, крикливый голосъ и грубая ругань и показалось, когда онъ заглянулъ въ комнату черезъ щель, сквозившую между полуоткрытою дверью и колодой, что женщина въ траурѣ сердито размахивала рапперомъ и кому-то угрожала; но деревенскую умственную воспріимчивость нельзя считать пластинкой, готовой всегда воспринять моментальное фотографическое изображеніе, и когда Джемсъ очутился посреди комнаты, прежде чѣмъ полученное впечатлѣніе успѣло наложить свой отпечатокъ, оно уже стерлось въ его головѣ. Комната была темная; въ одномъ углу стояла широкая грязная кровать, а посрединѣ—столъ, съ ободранною и пропитанною жиромъ скатертью и невытою посудой. Тутъ же стоялъ сломанный коммодъ и три стула; другой мебели не было, если не считать козлы, на которыхъ, вѣроятно, стоялъ передъ тѣмъ гробъ. Женщина въ траурѣ все еще была у стола, но рапперъ лежалъ уже на полу, и она стояла выпрямившись во весь ростъ, съ полнымъ сознаниемъ важности своего траурнаго платья, обшитаго такимъ широкимъ крепомъ, что любая великосвѣтская барыня безъ униженія могла бы признать его годнымъ для ношенія, хотя, въ то же время, цвѣтъ крепа напоминалъ о происхожденіи его изъ ближайшей на углу лавчонки готоваго платья. Женщина была высокаго роста и красива, но сломанные зубы съ перваго же взгляда придавали какую-то уродливость ея улыбкѣ; къ тому же, по всему было видно, что она и не привыкла, и не особенно старалась казаться не тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Хотя слезливо-жалобный тонъ, съ которымъ она предложила стулъ своему деверю, и отличался рѣзко отъ пронзительнаго крика, долетавшаго до него на лѣстницѣ, но голосъ не былъ пріятнѣе прежняго. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ это было безразлично, такъ какъ если бы даже она была первѣйшею актрисой въ мірѣ, ея искусство не произвело бы никакого впечатлѣнія на брата Джемса. Въ теченіе уже многихъ лѣтъ онъ зналъ и привыкъ къ мысли, что Селина, жена брата Джорджа, была изъ «безпутныхъ», а то, что онъ зналъ, зналъ онъ крѣпко; онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легкомысленно мѣняютъ свое, разъ установившееся мнѣніе о людяхъ потому только, что этимъ людямъ заблагоразсудится вдругъ ни съ того, ни съ сего измѣнить свое поведеніе. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда смерть похищаетъ одного изъ членовъ семьи, остающіеся въ живыхъ обязаны оказывать другъ другу особенную взаимную вѣжливость, а мистеръ Пон-

тинъ всю свою жизнь умѣлъ сохранять, даже при самыхъ безразличныхъ обстоятельствахъ, родъ своеобразнаго достоинства, отличающаго его отъ другихъ людей,—такого достоинства, котораго, однако, нельзя было приписать ни особенному развитію ума, ни природному благородству. И такъ, придвинувъ стулъ и сядя на него, онъ приступилъ къ обычному обмѣну привѣтствій.

— Надѣюсь, мистрисъ Джорджъ, что вы чувствуете себя, все-таки, не дурно.

— Настолько, насколько это возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Благодарю васъ, мистеръ Понтинъ. А какъ ваше здорье?

Затѣмъ Джемсъ выразилъ сожалѣніе, что онъ опоздалъ на похороны, и эти слова звучали не какъ учтивыя только фразы, а были какъ будто выраженіемъ искреннихъ чувствъ, чуть ли не упрекомъ.

— Если бы я узналъ днемъ раньше, то непременно пріѣхалъ бы въ-время, чего бы мнѣ это ни стоило. Въ прошлый вторникъ минулъ годъ съ того дня, какъ умеръ нашъ двоюродный братъ Гэль и мнѣ помнится, что я всталъ въ три часа утра, чтобы присутствовать при его похоронахъ въ Ватлингтонѣ. Я бы никогда не могъ себѣ представить, чтобы моего роднаго брата похоронили безъ меня.

— Это было сдѣлано по приказанію санитарной полиціи, сказала мистрисъ Джорджъ, надувая губы съ недовольнымъ видомъ, но какъ будто извиняясь.—Санитарный чиновникъ требовалъ, чтобы трупъ не оставался съ нами въ одной комнатѣ.—Наступила минутная пауза, и Селина погружилась въ размышленіе, затѣмъ не безъ нѣкотораго презрѣнія въ тонѣ продолжала:—Надъ признаться, что трупъ Джорджа былъ довольно жалкій, но я, все-таки, не щадя денегъ, похоронила его на премію за страхованіе его жизни. Ни одна душа не скажетъ, чтобы я не сдѣлала все, что слѣдуетъ, да еще и самымъ приличнымъ образомъ, хотя онъ далеко не былъ такимъ мужемъ, какимъ могъ бы быть, мистеръ Понтинъ. Повѣрьте, не былъ... помани его Господи!... да, не былъ не былъ... и вы, сударыня, знаете очень хорошо, что я говорю только одну святую истину, такъ что не совѣтую вамъ перечить мнѣ съ вашею обычною наглостью!

Последнія слова съ особенною силой были обращены въ сторону дыряваго полога надъ кроватью, изъ-за котораго на мгновение высунулось маленькое блѣдное личико съ выраженіемъ безусловнаго протеста противъ неблагопріятныхъ отзыовъ Селины о покойникѣ.

— Такъ это Анна? — спросилъ Джемсъ не безъ нѣкотораго участія.

Анна принадлежала къ числу тѣхъ дѣтей, которыя инстинктивно не любятъ дѣлать изъ проливаемыхъ ими слезъ предмета наблюденія для какихъ бы то ни было зрителей, хотя бы сочувственно относящихся къ нимъ. Успѣвъ за пологомъ кровати обтереть слезы и оправиться послѣ этого вопроса, она выступила впередъ и, стоя совершенно прямо, тихо и вѣжливо отвѣчала:

— Да, дядя.

Въ дѣйствительности ей было пятнадцать лѣтъ, но на видъ она была такъ мала и худа, что казалась совершеннымъ ребенкомъ въ своемъ простенькомъ, мѣшковатомъ черномъ платьѣ; она сохранила свои дѣтскіе большіе влажные глаза, синій цвѣтъ которыхъ отражался даже на бѣлкахъ и которые попадаютъ такъ часто, но такъ мимолетно среди дѣтей южной части средней полосы Англии. И волосы ея также были свѣтлы и мягки, какъ волосы ребенка. Джемсъ Понтинъ нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на нее, а затѣмъ сказалъ:

— Отецъ ея говорилъ мнѣ, что она пошла въ нашу семью. У тебя есть что-то общее съ твоею теткой Сюзанной, и дѣйствительно, моя милая... знаешь, съ той, которая умерла въ чахоткѣ, вотъ ужъ тому минуло въ Михайловъ день какъ разъ двѣнадцать лѣтъ...

— Я бы ничуть не удивилась, если бы въ недалекомъ будущемъ и Анна умерла въ чахоткѣ, — замѣтила Селина, равнодушно осматривая дочь съ головы до ногъ. — Она, въ самомъ дѣлѣ, вся въ отца. Была у насъ еще дѣвочка, Юлія, вотъ та была похожа на меня, — большая такая, славная, здоровая дѣвочка. Если бы не скарлатина, я бы, кажется, счумѣла воспитать ее, — ну, а всѣ другія дѣти, можно сказать, со дня рожденія дышатъ на ладонь.

Пока она говорила, деверь медленно вытаскивалъ изъ бѣковаго гармана связку запачканныхъ писемъ и нѣсколько истертыхъ плоскихъ кожаныхъ бумажниковъ.

— Вѣдь, вы знаете, что бѣдный братъ мой писалъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ и забралъ къ себѣ Анну? — спросилъ онъ.

Селина объ этомъ, повидимому, ничего не знала. По примѣру многихъ людей, желающихъ распорядиться значительнымъ и важнымъ наслѣдствомъ, ея мужъ высказался только тогда, когда очутился подъ защитой могилы, не желая при жизни начинать борьбу, которую должно было вызвать его посмертное распоряженіе.

Селина, однако, не была особенно расположена вести борьбу. Она простояла нѣсколько минутъ молча, опустивъ глаза, какъ бы взвѣ-

пивая мысленно свое положеніе. Она мигомъ смекнула, что, при недостаточномъ знакомствѣ съ юридическою стороною дѣла, она могла безъ всякой выгоды для себя столкнуться съ законнымъ правомъ деверя надъ Анной; а въ такомъ случаѣ лучше добровольно уступить. Какъ бы то ни было, врядъ ли выгодно было для нея оставлять при себѣ дочь, принимая во вниманіе несоотвѣтствіе между склонностями матери и дочери. Въ Аннѣ была какая-то врожденная порядочность, которая дѣлала ее обществомъ для Селины часто тягостнымъ и не предвѣщала много пользы для матери при томъ образѣ жизни, который она уже напередъ себѣ начертила. Но высказать откровенно свою готовность отдѣлаться отъ дочери было бы глупо, тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ она теряла лишній шансъ получить хоть немного денегъ въ вознагражденіе за свою материнскую жертву.

— Все это такъ, — захныкала она въ отвѣтъ, приготовляя носовой платокъ для ожидаемыхъ слезъ, — но сами посудите, какъ тяжело для бѣдной вдовы лишиться единственной дочери какъ разъ въ такіе годы, когда она можетъ быть полезна матери.

— Вѣдь, это для ея же пользы, мистрисъ Джорджъ, вы это знаете.

— Какъ! отъ меня отбираютъ моего единственнаго ребенка, такъ что мнѣ не съ кѣмъ будетъ даже промолвить слова, а она, къ тому же, такая мастерица у меня для всякаго шитья! Ей часто удавалось уже зарабатывать по полтора шиллинга въ день за штопанье носковъ и бѣлья.

Ея утвержденіе, очевидно, страдало неточностью, вслѣдствіе чего произошелъ мгновенный обмѣнъ сердитыхъ взглядовъ между матерью и дочерью.

Между тѣмъ, Джемсъ Понтинъ осторожно развернулъ два сконканныхъ письма и разложилъ ихъ на столѣ передъ своею новѣсткой; но глаза послѣдней быстро перенеслись дальше, къ другой жесткой бумажкѣ, поменьше первыхъ, которую деверь медленно расправлялъ на столикѣ. При этомъ пальцы его не смѣшили разстаться съ бумажкой: въ такія тяжелыя времена не легко человѣку разставаться съ пятью фунтами, но что же дѣлать? Никто изъ Понтиновъ никогда еще не обижалъ семьи въ денежномъ отношеніи, да, къ тому же, уплативъ эту сумму, онъ рассчитывалъ покончить всѣ счета съ Селиной.

— Вѣдь, это для ея же пользы, — медленно повторилъ онъ. — Кромѣ того, вотъ вамъ, мистрисъ Джорджъ, возьмите эти пять фунтовъ. Они болѣе чѣмъ достаточно покроютъ всякіе убытки,

которые вы можете при этомъ понести. Но помните, больше вы ничего и никогда не получите.

Онъ еще не успѣлъ договорить этихъ словъ, какъ ужь деньги вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ очутились въ карманѣ Селины.

— Это, безъ сомнѣнія, для ея пользы, мистеръ Понтинъ, какъ вы сами говорите, — подхватила она съ живостью. — Вы, вѣроятно, забудете за ней завтра рано утромъ?

— Неужели вы думаете, что я соглашусь провести ночь въ Лондонѣ? — возразилъ онъ почти негодующимъ тономъ. — Мнѣ и безъ того не въ моготу въ вашемъ городѣ. Нѣтъ ужь, сдѣлайте одолженіе, если вопросъ объ отъѣздѣ Анны рѣшенъ, проститесь съ ней сегодня, — не все ли вамъ равно, завтра или сегодня? Не много времени, вѣроятно, потребуется ей, чтобы собрать свои пожитки, и если мы съ ней захватимъ сегодняшній поѣздъ, то до сумерекъ еще будемъ дома.

— Слышишь, Анна? Ну-ка, поварачивайся! — сказала горящая мать, всовывая деньги въ старый кошелекъ и стягивая его резиною тесемкой.

Анна, которая до того времени стояла молча, прислонившись къ кровати, тотчасъ выпрямилась съ растеряннымъ видомъ и, открывъ коммодъ, начала перебирать въ немъ крохотную и жалкую кучу изношенныхъ одеждъ. Мать ея разостлала на полу листъ оберточной бумаги, который долженъ былъ служить чемоданомъ на дорогу, и начала суетливо укладывать ея вещи.

— Что это за дрянъ ты берешь съ собой? — немного погодя спросила она презрительно у дочери.

— Вещи эти принадлежали отцу, — отрѣзала Анна, и съ этими словами углы ея брѣтскаго дѣтскаго рта приняли то выраженіе непреодолимаго упорства, которое было такъ хорошо извѣстно Селинѣ. При другихъ обстоятельствахъ это не удержало бы мать отъ ссоры съ дѣвочкой, хотя она и знала, что при этомъ добиться чего-нибудь отъ дочери было совершенно невозможно, но въ данное время деньги, находящіяся въ ея карманѣ, наполняли все ея существо блаженствомъ, похожимъ даже на благодущіе, подъ вліяніемъ котораго она оставила дочь въ покоѣ.

Дѣйствительно, не много времени понадобилось Аннѣ, чтобы собрать свои ничтожные пожитки. Очень скоро неуелюжій узелъ въ оберточной бумагѣ, внѣшній видъ котораго такъ непріятно знакомъ обычному путешественнику третьяго класса, очутился въ рукахъ дяди, и Анна вскорѣ уже стояла около него совсѣмъ готовая къ

отъѣзду, въ черной шляпкѣ, обшитой грубымъ крепомъ, и въ худомъ плащѣ съ кашушономъ.

— Прощай, Анна, — сказала Селина, какъ бы птичьимъ глупомъ дотрогиваясь губами до ея щеки. — Постарайся вести себя лучше у дяди, чѣмъ ты вела себя у меня.

— Маменька, я жалѣю, если дурно вела себя относительно васъ, и надѣюсь, что вы простите мнѣ, — отвѣчала дѣвочка безжизненнымъ, формальнымъ тономъ, а затѣмъ послѣдовала за дядей все съ тѣмъ же неподвижнымъ и потеряннымъ взглядомъ. Но, дойдя до двери, она неожиданно и круто повернулась, какъ будто Анну кто-нибудь позвалъ, и остановилась, какъ вкопанная, напряженно уставясь на кровать. Джемсъ Понтинъ тоже остановился въ изумленіи, держась за ручку двери. Онъ собирался тронуть ее за плечо, какъ вдругъ, не говоря ни слова, однимъ прыжкомъ она очутилась на другой сторонѣ комнаты, бросилась на кровать и зарыдала глухими судорожными рыданіями:

— О, отецъ, отецъ! — простонала она, — отецъ!

Дядя подошелъ къ ней и сталъ у кровати.

— Успокойся, дитя мое, — проговорилъ онъ съ участіемъ, — не нужно такъ огорчаться. Все къ лучшему.

— Конечно, все къ лучшему, — вторила ему мать съ нетерпѣніемъ, ощупывая свой карманъ. — Сколько разъ заходила къ намъ дама-благотворительница нашего прихода и говорила и ей, и отцу ея, что глупо роптать противъ воли Божіей. Но вотъ посмотрите: говори, не говори, все одно, — какъ о стѣну горохъ, — ее не скоро проберешь.

Рыданія такъ же быстро прекратились, какъ и начались, и дѣвочка встала на ноги.

— Такъ недавно было это... въ воскресенье... — сказала она, глядя на противоположную стѣну.

Она хотѣла сказать, что еще въ воскресенье изнуренная фигура ея больного отца сидѣла тутъ, подпертая этими же самыми подушками. «Мнѣ жалъ оставлять тебя, Аня, голубчикъ мой», — съ трудомъ и еле слышнымъ шепотомъ сказалъ онъ ей въ этотъ день. Казалось, что цѣлые годы прошли съ тѣхъ поръ, но она все какъ будто ожидала, что опять предстанетъ здѣсь передъ ней лежащая фигура съ знакомымъ болѣзненнымъ лицомъ, которое одно только въ цѣломъ мірѣ и смотрѣло на нее любящими глазами.

— Вотъ глупенькая! вѣдь, это было не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ, — фыркнула на нее Селина, воображая, что дѣвочка говорила о смерти отца.

— Прощайте, маменька, — опять сказала Анна и дверь затворилась за ней и за ея дядей. Слышно было, какъ фермеръ, тяжелыми шагами и неловко цѣпляясь за ступеньки, спустился по темной лѣстницѣ, а Селина, между тѣмъ, доставъ изъ-подъ кровати темную бутылку, усѣлась и принялась съ жадностью разглядывать свой маленькій капиталъ.

Вдоль пограничной линіи Оксфордшира тянется длинный и совершенно прямой холмистый кряжъ, направляющійся отъ сѣвера къ югу. На одномъ концѣ кряжъ этотъ, какъ волна прибрежнаго буруна, поднимается выше и затѣмъ круто обрывается, переходя въ широкую долину, разстилающуюся вдалѣ. Какъ разъ на этомъ обрывѣ гнѣздится деревня Гайкросъ, напоминая своимъ мѣстоположеніемъ, даже среди полного несоотвѣтствія всѣхъ остальныхъ условій, старинный укрѣпленный городъ, украшающій своими башнями и стѣнами какой-нибудь скалистый утесъ въ Италіи. Чудный видъ кругомъ придавалъ не меньшій блескъ и мирной деревушкѣ съ ея скромными хижинами и стогами сѣна, чѣмъ посѣдѣвшимъ отъ времени стѣнамъ средневѣковой крѣпости. Неправильный рядъ черепичныхъ деревенскихъ крышъ, сбоку небольшое, поросшее травой кладбище съ своею обычною низенькою каменною оградой и своимъ старымъ, съ незапамятныхъ временъ стоящимъ тутъ тиссовымъ деревомъ, отлогое поле, золотящееся подъ желтыми лютиками или зрѣющею рожью, — всѣ эти самыя обыкновенныя принадлежности англійской деревни, рѣзко выступая на ярко-синемъ фонѣ туманной дали съ ея волнистыми и неясными очертаніями, принимали совершенно особенный видъ и имѣли поэтической характеръ. Исторія нагорной деревушки отличалась эпизодами, тоже напоминавшими бурное прошлое укрѣпленнаго города. На утесистомъ выступѣ южнаго склона стоитъ замокъ времени Елизаветы, превратившійся теперь въ ферму, хотя и понынѣ высокая терраса, пруды, напоминающіе крѣпостные рвы, тиссовые изгороди и величественныя ворота у входа остались безъ всякихъ измѣненій. Также и на сѣверной сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога круто спускается по отвѣсному обрыву кряжа, виднѣются стѣны изъ рыхлаго камня, которыя когда-то служили оградой для другого стариннаго барскаго дома; одинъ изъ невѣжественныхъ или глупыхъ потомковъ бывшаго величія снесъ всѣ старыя зданія и отъ нихъ ничего почти не осталось, за исключеніемъ столбовъ и высокаго восьмиугольнаго павильона, стоящаго въ видѣ сторожевой башни на сѣверномъ карнизѣ горъ. Въ этихъ укрѣпленіяхъ, защи-

щающихъ деревню съ обѣихъ сторонъ, можно видѣть указаніе на историческое прошлое этой мѣстности, и дѣйствительно, она когда-то служила убѣжищемъ остаткамъ разбитой роялистской арміи во времена парламентскихъ войнъ. Брутными гористыми склонамъ ея, покрытымъ травой и рожью, а также и узкому сѣрому каменному мосту, переброшенному черезъ протекающую внизу рѣчку, пришлось испытать на себѣ удары пушечныхъ ядеръ и испить свою долю человѣческой крови. Въ самомъ концѣ улицы, при выходѣ изъ села, немного не доходя до стараго барскаго дома, какъ продолжаютъ и теперь еще называть мѣсто разрушеннаго зданія, находится ферма Понтина, низкая постройка съ остроконечною крышей. Домъ былъ выстроенъ лѣтъ двѣсти назадъ однимъ изъ Понтиновъ и съ тѣхъ поръ Понтины не переставали владѣть имъ, но и они раздѣляютъ теперь участь всѣхъ фермеровъ и платятъ ренту неизвѣстному имъ владѣльцу, разрушившему древнее жилище своихъ праотцевъ. Небольшой садъ отдѣляетъ ферму отъ дороги и какъ разъ передъ фасадомъ дома растутъ три или четыре большихъ вяза, подъ тѣнью которыхъ стоитъ каменный крестъ. За этою частью сада начинался спускъ съ горы и за полуразрушеннымъ крестомъ, высоко возвышающимся надъ неровными ступеньками, разстилается безконечная лѣсная даль, на туманной и волнистой синевѣ которой въ солнечные дни выдѣляются блѣдно-сѣрыя башни и колокольни ближайшаго города. Послѣ долгой и скучной ѣзды по полямъ и проселочнымъ дорогамъ среди непробудной сельской тишины, которая сильно поразила и привела въ смущеніе маленькую урожденку Лондона, экипажъ, наконецъ, остановился подъ тѣнью вязовъ, и Анна Понтинъ вышла изъ него. Въ честь ея прибытія дядя остановился у садовой калитки, вмѣсто того, чтобы вѣхатъ во дворъ фермы; оттуда вышелъ къ нимъ молодой парень, не по годамъ физически развившійся, съ тупыми и некрасивыми чертами лица, и увелъ лошадь съ экипажемъ. Мистеръ Понтинъ своимъ обычнымъ серьезнымъ и строгимъ голосомъ задалъ молодому парню нѣсколько вопросовъ и можно было замѣтить, что онъ уже напередъ былъ недоволенъ въ ожиданіи медленныхъ и невнятныхъ отвѣтовъ. Между тѣмъ, со ступенекъ креста, не торопясь, сошелъ мальчигъ, повидимому, идіотъ, съ большою головой, бессмысленно взглядываясь и мыча на новопріѣзжую.

— Еще не попадался мнѣ такой глупый парень, какъ этотъ Джесъ, — пробормоталъ про себя фермеръ, бросая возжи своему работнику, и, показывая Аннѣ дорогу, направился впередъ по тропин-

ѣ, высланной плитнякомъ и ведущей въ дому. Дверь была отперта и они вошли въ домъ.

— Тетушка! эй, тетушка! Гдѣ же это вы запропастились?— началъ онъ громко звать.

— Вотъ тебѣ и на!—отвѣчало что-то невидимое, очевидно, болѣе удивленнымъ, чѣмъ довольнымъ голосомъ,— да неужели вы успѣли уже вернуться, мистеръ Понтинъ? А я только что вымыла чайную посуду и раньше ужина ни въ какомъ случаѣ не думала видѣть васъ!

— Трудно съ поѣздами-то напередъ угадать,—какъ бы извиняясь, отвѣчалъ мистеръ Понтинъ.—Назадъ мы ѣхали гораздо скорѣе, чѣмъ туда.

Тѣмъ временемъ они вошли въ невысокую комнату съ кирпичнымъ поломъ и съ совершенно заросшимъ зеленью окномъ. По тремъ стѣнамъ комнаты тянулись полки, на которыхъ стояли миски съ молокомъ и сливками, тарелки съ масломъ и съ разложенными въ маленькія кучки яйцами всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ прозрачной жемчужной бѣлизны вплоть до красновато-коричневыхъ.

Мистрисъ Понтинъ, какъ всегда, въ пятницу вечеромъ считала яйца и складывала ихъ въ корзину для отправки на рынокъ. Она была женщина невысокаго роста, весьма обширныхъ размѣровъ, съ длинными руками и круглымъ краснымъ лицомъ. На ней было темнокрасное ситцевое платье и старая черная соломенная шляпка съ темнокрасною лентой.

— Вотъ Анна,—сказалъ Джемсъ, положивъ руку на плечо дѣвушки.

Мистрисъ Понтинъ подошла, обтирая свои толстые мокрые пальцы о передникъ, и пристально посмотрѣла на Анну.

— Мы рады тебѣ, моя милая,—сказала она.—Я надѣюсь, что ты добромъ заплатишь людямъ, которые готовы отнестись къ тебѣ хорошо. Здѣсь не жалѣютъ, правда, труда, но за то и кормятъ хорошо. Мы все должны работать, чтобы жить, и могу сказать тебѣ напередъ, что и я себя не жалѣю въ этомъ отношеніи. Право, не знаю, что бы дядюшка дѣлалъ безъ меня.

Затѣмъ она снова пристально взглянула на Анну. Селину она видѣла только разъ въ жизни и, повидимому, ея ожиданія не сбылись относительно ея дочери: она ожидала худшаго въ нѣкоторомъ отношеніи, но въ другомъ, можетъ быть, и лучшаго. Анна, въ ея представленіи, должна была непремѣнно носить на шеѣ медальонъ, шляпу съ перьями, по пустягамъ улыбаться, имѣть здоровый цвѣтъ лица и большіе, круглые, черные глаза, постоянно глазѣющіе по

сторонамъ, — словомъ, мистрисъ Понтинъ надѣлила ее всѣми внѣшними признаками тѣхъ склонностей, которыя ей такъ мало были понятны и которыя, она думала, съумѣетъ обуздать. Выкупающія эти недостатки качества воображаемой Анны должны были заключаться въ крѣпкомъ тѣлосложеніи и длинныхъ рукахъ, обладающихъ неисчерпаемою и въ скрытомъ состояніи находящеюся способностью мыть и перетирать посуду и носить ведра. Настоящая же Анна была мала и блѣдна, съ серьезными и робкими глазами; по внѣшности она была достойною дочерью того самаго Джорджа, жалкій трупъ котораго, по мнѣнію его жены, дѣлалъ такъ мало чести его семьѣ.

— По всей вѣроятности, комната Бена уже приготовлена для нея?— спросилъ мистеръ Понтинъ.

— По всей вѣроятности, ничего подобнаго не могло и придти мнѣ въ голову, — рѣзко отрѣзала его жена и затѣмъ, наклонившись надъ корзиной, она продолжала нѣкоторое время отсчитывать яйца. Она, однако, вскорѣ обернулась и возобновила разговоръ. — Вотъ еще выдумали... комната Бена! Только этого не доставало. А что бы мы дѣлали въ тотъ день, когда Бенъ, можетъ быть, вернется? Да онъ, къ тому же, всегда такъ дорожилъ обстановкой своего помѣщенія... Анна, иди за мной и не обращай вниманія на дядюшку.

Такое безцеремонное обращеніе съ человѣкомъ, настолько провиннутымъ собственной важностью, какъ ея дядя, поразило слегка Анну, но она молча послѣдовала за мистрисъ Понтинъ наверхъ, во второй этажъ, по крутымъ ступенькамъ, и очутилась въ маленькой мансардѣ съ покатыми стѣнами.

— Здѣсь тебѣ будетъ, навѣрное, очень хорошо послѣ Лондона, — сказала ей тетка добродушно. — Въ этой комнатѣ жила горничная въ тѣ времена, когда я держала прислугу. Ужъ эти мнѣ дѣвчонки! Я рада, что избавилась отъ нихъ. Никакой нѣтъ отъ нихъ пользы, только одна обуза, больше ничего, и я всегда такъ говорила. Лучше самой сдѣлать все, что нужно, чѣмъ бѣгать за ними и додѣлывать, да передѣлывать всю ихъ работу, увѣряю тебя.

Это замѣчаніе неизмѣнно приводилось теткой каждый разъ, какъ заходилъ разговоръ о «дѣвчонкахъ»: оно входило въ ограниченный кругъ тѣхъ замѣчаній, которыя составляли ея разговорный репертуаръ. Все-таки, оно подѣйствовало удручающимъ образомъ на молодую дѣвушку, которая должна была замѣнить «дѣвчонку». Сильно покраснѣвъ, Анна робко проговорила:

— Боюсь, что не окажусь хорошею помощницей для васъ, тетюшка.

— Ничего, моя милая, — возразила мистрисъ Понтинъ, не унывая. — Я такъ привыкла къ всякаго рода хлопотамъ, что сама не знаю, что бы я дѣлала безъ нихъ. Трудиться, трудиться, съ утра до вечера трудиться — вотъ мое правило въ жизни. Недаромъ дядюшка Понтинъ говорить, что во всю свою жизнь не встречалъ такой женщины.

Она повѣсила полотенце на спинку единственнаго въ комнатѣ стула и тяжело побрела за кустомъ мыла.

Постельное бѣлье въ комнатѣ Анны было старое, но хорошее, и красная мѣтка Д. П. красовалась въ углу съ тщательно придуманными украшеніями. Когда Анна, утомленная пережитыми за день событіями, легла, наконецъ, въ постель, то не могла не почувствовать всей свѣжести этого бѣлья и съ удовольствіемъ вдыхала ароматъ, оставшійся въ немъ отъ сушеныхъ травъ. Если ужь правду говорить, то врядъ ли обширныя ноздри мистрисъ Понтинъ обращали вниманіе на какіе бы то ни было запахи, хорошіе или дурные, но одинъ изъ традиціонныхъ обычаевъ дома состоялъ въ томъ, чтобы въ извѣстное время года собирать душистые колосья съ лавендовыхъ кустовъ, растущихъ по обѣимъ сторонамъ крыльца, и обладывать ими шкафы съ постельнымъ бѣльемъ. Простыни были пропитаны ароматомъ этихъ травъ: проникая всюду, онъ былъ, въ то же время, такъ же неуловимъ, какъ и безмолвная молитва тѣхъ, которые въ давнопрошедшія времена собственными руками такъ заботливо шили и приготавливали это бѣлье, которые нѣкогда грѣлись и нѣжились въ немъ, а теперь лежатъ забытые подъ высокою травой заброшеннаго кладбища.

II.

Если человѣкъ, отличающійся по природѣ особенною склонностью къ внѣшнему порядку, погрѣшитъ противъ него хоть разъ въ жизни, то вы можете быть увѣрены, что фактъ этотъ никогда не будетъ имъ забытъ. Прямо ли, косвенно ли, смотря по тому, на какомъ социальномъ или умственномъ уровнѣ эти люди находятся, они будутъ вѣчно искать оправданія какъ для своихъ частныхъ мотивовъ, такъ и для общаго своего поведенія передъ свѣтомъ, который успѣлъ даже и забыть ихъ и давно уже ни въ чемъ не обвиняетъ. Мистрисъ Понтинъ одинъ разъ въ своей жизни преступила границы, налагаемыя на нее извѣстными правилами свѣтскаго приличія, которыя и въ ея кругѣ соблюдаются не менѣе точно, чѣмъ въ другомъ, болѣе высокомъ. Ея бракъ съ Джемсомъ

Понтиномъ состоялся, когда еще не исполнилось года со дня смерти ея перваго мужа. Аннѣ суждено было, какъ и всѣмъ остальнымъ знакомымъ тетке, часто и во всѣхъ подробностяхъ слышать пересказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которые повели къ такому нарушенію приличій; можно даже сказать, что трудно было бы передать, въ чемъ заключалось вообще содержаніе разговоровъ мистрисъ Понтинъ, пока она не насканивала на этотъ центральный и основной пунктъ, вокругъ котораго и начинала вертѣться.

Въ первое же утро своего прибыванія у родныхъ Анна была посвящена во всѣ подробности этого случая. Въ то время, какъ она слабыми и непривычными рученками обтирала жирный полъ кухни мокрою тряпкой, тетка ловкими, хотя и неуслужливыми, пальцами чистила картофель.

— Видѣла ли ты когда-нибудь свою тетку Сюзанну?—спросила неожиданно мистрисъ Понтинъ.

— Нѣтъ, никогда, — отвѣчала Анна, — но мнѣ рассказывали про нее. Отецъ говорилъ, что я похожа на нее лицомъ. Она умерла въ чахоткѣ, не правда ли?

— Да. Она была мать Бена, а я всегда очень любила Бена. Если бы не онъ и не мои сто фунтовъ, которые я уже назадъ получить не могла, то я не знаю, право, вышла ли бы я замужъ за Понтину.

Мистрисъ Понтинъ, несмотря на строгость, вносимую ею въ супружескія отношенія, нельзя было назвать злою женой, но она бывала непокойна, пока не смоетъ съ себя всякой тѣни подозрѣнія въ томъ, что второй бракъ ея явился результатомъ личнаго расположенія къ мужу. Приходилось поневолѣ признать, что она въ этомъ дѣлѣ дѣйствовала подъ давленіемъ лишь самой крайней необходимости.

— Когда была жива твоя тетка Сюзанна, то она хозяйничала въ домѣ дяди, и ужъ одному Богу извѣстно, какимъ образомъ все живущее въ домѣ, и въ томъ числѣ Бенъ, да и онъ самъ, прожили тѣ мѣсяцы, которые слѣдовали сейчасъ послѣ ея похоронъ. Мнѣ кажется даже, что твой дядя, вспоминая объ этомъ времени, до того забылся, что однажды сказалъ, какое счастье было для него, когда въ слѣдующую же затѣмъ Пасху скончался мой бѣдный Бейтъ, а, вѣдь, такъ говорить нельзя, — это нехорошія и недобрыя чувства.

Свободное и ничѣмъ не стѣсняемое цорицаніе мужа, которое себѣ позволяла мистрисъ Понтинъ, не поражало Анну такъ, какъ могло бы поразить насъ, привыкшихъ съ болѣею утонченностью

намекать на многочисленные недостатки нашихъ супруговъ и съ болѣею нѣжностью указывать на свойственную имъ всѣмъ сравнительно съ нами низкопробность.

Несмотря на это, Анна, все-таки, смутно испытывала непріятное чувство во время этого разговора, хотя она, въ то же время, и вставляла добросовѣстно свои односложные отвѣты тамъ, гдѣ тет-га, казалось, ихъ ожидала.

— Кайтъ былъ садовникомъ въ старомъ замкѣ въ тѣ времена, когда замокъ еще не былъ сданъ мистеру Шепердъ, и я тоже завѣдывала тамъ молочной въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ. Такимъ образомъ, мы вдвоемъ сберегли около ста фунтовъ и вотъ надо же такое несчастье, чтобы его попутало отдать эти деньги взаймы Джемсу Понтину, да еще безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ. Бѣдняга! и мучила-жь его эта мысль, когда настало время умирать!... А что, скажи, Анна, сильно страдалъ твой отецъ передъ смертью?

— Не знаю, право, — отвѣтила Анна, блѣднѣя, — я спала въ это время, а мать не приказала будить меня.

— Кайтъ страшно мучился передъ смертью. Онъ простудился и вскорѣ затѣмъ умеръ, а, вѣдь, былъ тоже крѣпкій, сильный человекъ. Послѣдній день онъ все стоналъ и кричалъ; къ сумеркамъ какъ будто затихъ и мнѣ послышалось что-то вродѣ хрипѣнья. — «Скончался, бѣдняга!» — подумала я и подошла къ огню, чтобы открыть его, какъ вдругъ онъ закричалъ: «Женни!» — да такимъ страшнымъ голосомъ, что я вздрогнула и бросилась къ нему, какъ полоумная. Вижу, сидитъ съ широко раскрытыми глазами. «Женни!» — повторилъ онъ, но уже болѣе слабымъ голосомъ, глядя на меня такъ пристально, что глаза его, казалось, готовы были выскочить. «Томасъ! — сказала я ему, придавая особую торжественность моимъ словамъ, — обыкновенно я называла его попросту Томъ, — смотри, если у тебя лежитъ что-нибудь на душѣ, лучше не бери съ собой въ могилу!» Послѣ этого онъ попытался притянуть мою голову поближе къ своимъ губамъ и медленно проговорилъ хриплымъ шепотомъ: «Понтинъ... Понтинъ, тебѣ достанутся мои сто фунтовъ... достанутся мои сто фунтовъ... мои сто...» Вслѣдъ за этимъ онъ вдругъ замолчалъ, вытянулся и умеръ съ этими словами. Да, Кайтъ былъ бережливый человекъ, очень бережливый. — При этихъ словахъ мистрисъ Понтинъ вздохнула по мужѣ, когда-то дѣлвшемъ дни ея юности, и начала готовить смѣсь изъ муки и картофельной шелухи для одной изъ свиней, требовавшей особенныхъ заботъ.

— Что же было мнѣ дѣлать? — продолжала тетва, рассуждая

сама съ собой, — у меня не было росписки, я была одинокая женщина и еще, ко всему этому, всёхъ насъ разсчитали въ замѣтъ, который отданъ былъ въ аренду мистеру Шепердъ. Я не хочу, конечно, сказать, что твой дядя обобралъ бы меня, но онъ клялся и божился, что не могъ въ то время заплатить мнѣ... а я-то, подумай, была совѣтъ, совѣтъ одинокая женщина! «Вамъ бы лучше выдти за меня замужъ, мистрисъ Кайтъ», — сказалъ немного спустя Понтинъ и прибавилъ: — «зачѣмъ откладывать? все въ домъ портится тѣмъ временемъ, и Бену тоже плохо: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я похоронилъ его мать, я все ломаю себѣ голову насчетъ того, какъ мнѣ съ нимъ быть, — ума не приложу». Вотъ такъ и пошло, одно къ одному, а тутъ встали и мой мужъ умеръ съ именемъ твоего дяди на устахъ, вотъ и повѣнчались мы съ нимъ... пятого іюля исполнится ровно двѣнадцать лѣтъ. Да и грѣшно сказать: хорошимъ мужемъ былъ мнѣ Понтинъ, но... все не то, что Кайтъ!

Затѣмъ послѣдовала длинная и грустная исторія сбившагося съ пути неблагодарнаго Бена.

Мальчикъ дѣлилъ чувства привязанности мистрисъ Понтинъ на ряду съ поросятами, индюшатами и утятами, которыхъ она откармливала и отправляла къ оксфордскимъ мясникамъ, и разставалась она съ ними безъ малѣйшаго сожалѣнія, несмотря на то, что ухаживала за ними съ чисто-материнскою заботливостью и самоотверженіемъ, пока они были малы. И человѣка она любила лишь до той поры, пока онъ былъ малъ и беспомощенъ. Со взрослыми она была замѣчательно нетерпѣлива, въ то время какъ дѣти могли гонять ея свиней, пугать ея насѣдокъ, обставлять весь полъ въ кухнѣ кучками изъ грязи въ видѣ пудинговъ, и они не получали отъ нея за свои шалости ни какаго замѣчанія, развѣ только въ видѣ слѣдующихъ возгласовъ: «Ахъ, какіе душки! всегда что-нибудь да придумаютъ!» Будь Бенъ дѣвочкой, то, вѣроятно, снисходительность, оказываемая ему теткой, исчезла бы раньше и безповоротнѣе. Къ нему же она осталась дѣйствительно привязана, хотя и сердилась, и бранилась съ нимъ, видя, какъ, по мѣрѣ того, что онъ подросталъ, въ немъ проявлялись дурныя привычки и баловство, которое вначалѣ она сама же въ немъ поощряла.

Между юношей и усыновившими его родителями не разъ происходили бурныя сцены, и, наконецъ, приблизительно за годъ до прибытія Анны, онъ бѣжалъ изъ дома и пропалъ безъ вѣсти, ни единымъ словомъ не извѣщая о себѣ.

— А когда подумаешь, какъ прекрасно онъ умѣлъ писать, это даже жестоко съ его стороны!

Бена не было въ домѣ, но его исторія отражалась неволью на положеніи Анны. Джемса Понтина этотъ несчастный случай ожесточилъ и внушилъ ему какое-то смутное чувство недоброжелательства ко всему молодому поколѣнію, ко всѣмъ его привычкамъ, взглядамъ и образу жизни. Симпатіями тетки, можно было напередъ сказать, Анна никогда не могла бы пользоваться уже потому, что она не была мальчикомъ, и потому еще, что она была физически не крѣпкая и не обѣщала быть дѣльною помощницей въ хозяйствѣ въ такіе годы, когда уже человекъ, по мнѣнію тетки, теряетъ всякое законное право на слабость и безпомощность. Однако, и тетка, можетъ быть, отнеслась бы съ большимъ участіемъ къ дѣвочкѣ, если бы не тѣнь отсутствующаго Бена. Если бы сама Анна отличалась болѣею смѣлостью и экспансивностью, если бы въ ней проявлялась веселость и даже то невинное своеволие молодости, которое часто бываетъ у дѣтей, живущихъ счастливою семейною жизнью, кто знаетъ, можетъ быть, она сѣумѣла бы завоевать любовь родныхъ, пробивъ закрытыя двери этихъ двухъ узкихъ и «о многомъ пекущихся» сердецъ. Но, подобно многимъ людямъ со страстною, чуть ли не болѣзненною потребностью любви, она не умѣла быстро и смѣло выражать свои чувства и еще менѣе умѣла требовать любви къ себѣ. Виной тому отчасти было ея саксонское происхожденіе, отчасти же и тѣ пятнадцать лѣтъ, которыя она провела при тяжелыхъ домашнихъ условіяхъ, созданныхъ грубымъ деспотизмомъ матери. Отецъ ея тоже мало выражалъ свои чувства, но это не мѣшало Аннѣ сознавать всю силу его любви къ ней. Она была для него не только дочерью, но, въ то же время, живымъ напоминаніемъ его любимой сестры и какъ бы ручательствомъ для него самого, — а въ этомъ онъ, видимо, нуждался, — что не вся жизнь его была проведена въ городскихъ лавкахъ и улицахъ; она напоминала ему, что онъ дѣйствительно когда-то былъ здоровымъ деревенскимъ мальчикомъ, что было время, когда онъ игралъ на отлогихъ поляхъ своей деревни и сидѣлъ по вечерамъ у большаго очага фермы въ Гайкросѣ вмѣстѣ съ остальными маленькими Понтинами, также, какъ и онъ, основательно вымытыми и при случаѣ основательно высѣченными. Его любовь, быть можетъ, даже слишкомъ сильно повліяла на развитіе въ дочери нѣкоторой чувствительности, которая не могла способствовать ея будущему счастію. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ самую природой уже заложена особенная сознательная потребность любви, которая другимъ дается лишь съ годами или вовсе не дается. Такимъ образомъ, для Анны всѣ матеріальныя преимущества жизни

въ Гайкросъ не замѣнили извѣданную и уже утраченную сердечную любовь и теплоту. Со стороны тетки она чувствовала къ себѣ такое же презрѣніе, съ какимъ относилась къ ней мать, хотя вслѣдствіе совершенно различныхъ причинъ. Дѣло въ томъ, что въ Лондонѣ Анна не могла научиться ничему, что бы могло быть полезнымъ въ деревнѣ, и вообще она не обѣщала превратиться въ хорошую, надежную работницу на фермѣ. Правда, дѣвочка была умна и на свѣжѣмъ деревенскомъ воздухѣ значительно окрѣпла, но нельзя было ожидать со стороны мистрисъ Понтинъ признанія въ ней какой-нибудь перемѣны къ лучшему, даже если таковая дѣйствительно и была. Недаромъ же провозглашала она съ самаго пріѣзда Анны, что въ ней силы не больше, чѣмъ въ мухѣ, и что она не можетъ видѣть ея неловкости при работѣ, а тетка была не изъ тѣхъ людей, которые легко отказываются отъ разъ высказаннаго мнѣнія. Однако, Анна не была лишена извѣстныхъ способностей. Селина когда-то была кухаркой и въ проявлявшихся иногда у нея порывахъ домовитости она всегда находила въ дочери усердную ученицу. Но даже воскресный обѣдъ у Понтиновъ, состоящій обыкновенно изъ куска недожареннаго мяса, недовареннаго картофеля и жирнаго пудинга, приготовленнаго на салѣ, представлялся имъ такою роскошью, далѣе которой идти уже некуда. Анна была, кромѣ того, чрезвычайно искусна во всемъ, что относилось къ шитью, и отличалась большимъ вкусомъ. Но тетка цѣнила въ шитьѣ только прочность и не знала, относиться ли ей съ одобреніемъ, или нѣтъ къ своему черному кружевному чепцу съ темно-красными лентами, который при содѣйствіи искусныхъ пальчиковъ Анны принялъ болѣе нарядный видъ. Никѣмъ неоспариваемое и для всѣхъ очевидное отсутствіе красоты, которымъ тетушка Понтинъ отличалась всю свою жизнь, служило ей постоянною поддержкой въ тѣхъ строгихъ и неумолимыхъ правилахъ, которыми она обставила вопросъ о лентахъ и тому подобныхъ предметахъ, предназначенныхъ для украшенія ея особы. Вѣроятно, какія-нибудь причины аналогичнаго характера, подкрѣпленные, вдобавокъ, непрестанною домашнею хлопотливостью, усилили въ ней убѣжденіе, свойственное всѣмъ обособившимся и отставшимъ отъ жизни небогатымъ семьямъ, что порядочные люди не ищутъ общества, а довольствуются собственными своими особами. Были у нея два-три старыхъ родственника, да двѣ-три старыя кумушки-пріятельницы въ деревнѣ, но въ кругу ея ближайшихъ знакомыхъ не было ни одной семьи съ молодымъ подроставшимъ поколѣніемъ. Нагорные жители этой мѣстности не отлича-

лись мягкостью нравовъ и не напоминали Аркадіи ни своими привычками, ни своимъ обращеніемъ, а, напротивъ, съ подозрѣніемъ и удивленіемъ смотрѣли на всякаго новаго человѣка, такъ что Анна, въ тѣ минуты, когда успѣвала думать о чемъ бы то ни было, чувствовала отсутствіе товарищей. Она вскорѣ начала создавать себѣ товарищей изъ тѣхъ неодушевленныхъ предметовъ, находящихся въ домѣ, которые рисовали ея воображенію людей уже умершихъ, но бывшихъ когда-то молодыми въ томъ же домѣ, гдѣ теперь она жила. На обшитыхъ панеляхъ стѣнахъ гостиной висѣли два коврика, прекрасно вышитые по канвѣ разноцвѣтными шелками. На одномъ вышитъ былъ красный геометрической правильности домъ съ двумя дамами такой же геометрической правильности и съ подписью синими буквами: Анна Турриль, 1810. На другомъ была вышита моральная сентенція съ тремя вѣтками и подписью Сюзанны Понтинъ 1832, красными буквами. Во всемъ домѣ попадались образики штопанья и вышиванья этихъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна была бабушка Анны, а другая—ея тетка. Надъ каминомъ въ той же гостиной висѣли по обѣимъ сторонамъ черный силуэтъ одной и дагерротипъ другой, и Аннѣ казалось, что оба портрета были похожи на ея отца, хотя въ дѣйствительности они никогда и ни на кого не были похожи. Разспрашивать дядю и тетку о бѣдной Сюзаннѣ было совершенно бесполезно: такой разговоръ могъ только привести къ обсужденію сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ ея ухода за домашнею птицей и свиньями съ уходомъ, принятымъ у тетки, и, конечно, къ немалому возвеличенію достоинствъ послѣдней.

Джемсъ когда-то любилъ сестру, но онъ успѣлъ забыть про это, и не переставалъ усиленно хвалиться своею прозорливостью въ дѣлѣ приобрѣтенія для себя услугъ бывшей мистрисъ Кайтъ.

— Добрая часть ренты выплачивается у насъ теперь изъ дохода съ птичнаго двора,—говаривалъ онъ въ минуты особенныхъ изліяній.—Я не знаю, право, что бы я дѣлалъ, если бы лишился тебя.

— Я надѣюсь, что Господь Богъ сохранитъ меня еще на многіе годы,—набожно отвѣчала въ такихъ случаяхъ мистрисъ Понтинъ.—Просто грѣшно подумать, да и представить себѣ нельзя, сколько денегъ ты истратилъ бы безъ меня на всякіе пустяки, да на наемъ работницъ, не умѣющихъ различить куринаго яйца отъ утиного. И ужь, конечно, не Анна была бы тебѣ помощницей,—добавляла она, если племянница присутствовала при такомъ разговорѣ.

Однажды вечеромъ, въ то время, какъ тетка окружала нѣжны-

ми заботами умирающаго цыпленка и Анна съ мистеромъ Понтинъ остались одни въ кухнѣ; молодая дѣвушка робко начала:

— Скажите, дядя, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умерла бабушка?

Мистеръ Понтинъ при этомъ вопросѣ опустил газету *Оксфордскій Дневникъ*, которую онъ читалъ, и потеръ себѣ лобъ.

— Почти тридцать восемь лѣтъ, — отвѣчалъ онъ медленно.

— Была она похожа на этотъ черный профиль, который виситъ въ гостиной? — спросила Анна.

Мистеръ Понтинъ не сразу отвѣтилъ.

— Право, не знаю, какъ тебѣ сказать, — проговорилъ онъ. Затѣмъ, помолчавъ довольно долго, онъ продолжалъ: — Моя мать была не здѣшняя, она изъ деревни Мильцотеръ, въ пяти миляхъ отсюда.

— Была она похожа на тетю Сюзанну? — не отставала Анна.

Мистеръ Понтинъ снова задумался.

— Право, не знаю, какъ сказать; по крайней мѣрѣ, я что-то забылъ.

— Она, вѣрно, была удивительно искусна въ шитьѣ, — замѣтила молодая дѣвушка. — Какъ красиво одѣяло, которое она вышила!

— Моя мать была преночтенная женщина, какихъ рѣдко встрѣтишь, можно сказать, — внушительно подтвердилъ дядя, — и, къ тому же, какъ мнѣ кажется, очень миловидная женщина! — Онъ опять замолчалъ. — Я слышалъ, будто оксфордскіе джентльмены весьма цѣнили искусство, съ которымъ она стряпала ватрушки.

Семейныя воспоминанія и чувства этимъ и исчерпывались въ Джемсѣ; надѣяться извлечь изъ него больше было бы напрасно, и Анна вскорѣ даже перестала почти совсѣмъ думать объ умершихъ Понтинахъ. Это произошло отчасти потому, что не вело ни къ чему, а отчасти потому, что она нашла живое молодое существо, немногимъ старше ея, о которомъ было гораздо интереснѣе думать.

Юнь близился къ концу; сѣно было почти убрано, но мистеръ Понтинъ немного запоздалъ съ уборкой сѣна верхнихъ луговъ, а, между тѣмъ, стрѣлка барометра повернула къ «перемѣнѣ».

— Съ сѣнокоса еще долго не вернуться рабочіе, — сказала мистрисъ Понтинъ, замѣтивъ, какъ удлиняющіяся тѣни большихъ орѣховыхъ деревьевъ легли уже на фруктовый садъ. — Придется тебѣ, Анна, идти и загнать коровъ домой съ поля.

Бѣдная Анна! Она еще такъ недолго жила на фермѣ, всего нѣсколько мѣсяцевъ, и не успѣла еще привыкнуть къ рогатому скоту, наводившему на нее ужасъ. Но выразить тетѣ все, что

у нея накопилось на душѣ, было бы и унизительно, и бесполезно, такъ что она молча надѣла свою шляпу и пошла черезъ фруктовый садъ. Мистеръ Понтинъ арендовалъ землю, на которой когда-то стоялъ барскій домъ съ усадьбой, и она была отдѣлена отъ земли фермы только проселочною дорогою. У входа съ проселочной дороги въ усадьбу нѣкогда красовались изящныя желѣзныя ворота, а теперь между оставшимися отъ нихъ каменными столбами были устроены обыкновенныя кривыя полевые ворота; они вмѣстѣ съ грязнымъ прогономъ для скота, въ который превратилась прежняя дорога, служили какъ бы грубою насмѣшкой надъ полуразрушенными, но все еще величественными каменными чудовищами, стоявшими по обѣимъ сторонамъ, каждый на своемъ вѣковомъ мѣстѣ. Оба чудовища все еще глядѣли сверху на далеко-разстилавшуюся передъ ними страну съ видомъ гордой, надменной власти, не сознавая, что гербъ, хранителями котораго они такъ долго были, уже былъ снятъ и что подъ ними не было уже ровно ничего. Смѣшныя, но, въ то же время, почтенныя созданія! Ихъ участь во многомъ напоминала участь той самой мелкой поземельной аристократіи, которой они были обязаны своимъ существованіемъ. Огородъ бывшаго владѣльца усадьбы былъ на своемъ старомъ мѣстѣ, въ ближайшемъ отъ павильона углу. Павильонъ представлялъ собой живописное восьмиугольное зданіе, съ высокою остроконечною крышей, покрытою сверху до низу мхомъ, какъ позолотой, съ рѣзьбой надъ входною дверью и съ мелкимъ переплетомъ въ окнахъ. Надъ нимъ поднимался высокій красный стволъ шотландской сосны, тѣнь отъ которой падала крапинками на стѣны и крышу павильона. Управляющій ландлорда сдавалъ его въ наймы, но въ то время занята была въ немъ одна только верхняя комната, и жилецъ ея былъ Джесь Вильямсъ, бывший прежде рабочимъ на фермѣ мистера Понтинъ и перешедшій недавно къ арендатору прежняго замка. Все сѣно мистера Шепердъ было уже убрано и Джесь, вернувшись домой къ пяти часамъ, преспокойно сидѣлъ у себя, запивая свой хлѣбъ какою-то темноватою горячею водою. Сидя у окна, онъ увидѣлъ Анну, идущую по полю. Коровы паслись всѣ вмѣстѣ и дѣвушка обошла ихъ боязливо. «Ну, Фіалка, ну, Жемчужина!» Но, несмотря на ея зовъ, коровы, повидимому, наслаждаясь вечернею прохладой, обострившею ихъ аппетитъ, продолжали громко и сочно жевать. Выгнать трехъ коровъ и телку съ поля кажется не труднымъ дѣломъ, но если онѣ на всѣ ваши самыя убѣдительныя увѣщанія не обращаютъ никакого вниманія и вы, къ тому же, маленькое и беззащитное существо и

дрожите отъ страха передъ ихъ рогами, что тогда? Трудно придумать лучший способъ, чѣмъ тотъ, который пришелъ Аннѣ въ голову, хотя онъ успѣха не имѣлъ. Стоя позади нихъ, она начала неистово трясти своими юбками и шикать на нихъ: «Шш... шш!...» Она подняла такую тревогу, что самый смѣлый утенокъ былъ бы несомнѣнно напуганъ до смерти; но коровы надѣлены болѣе флегматичнымъ темпераментомъ и нѣсколько минутъ прошло, прежде чѣмъ онѣ удостоили даже повернуть къ ней свои головы. Телка первая повернулась къ ней всѣмъ тѣломъ и съ любопытствомъ уставилась на невиданный дотогдѣ миниатюрный вихрь, крутящійся передъ ней, а за телкой медленно повернулись одна за другой и всѣ три коровы. Медленно, шагъ за шагомъ, стали онѣ приближаться и надвигаться на Анну, и надо признаться, что въ ихъ громадныхъ глазахъ, смотрящихъ на нее изъ-подъ большихъ роговъ, и въ ихъ теплому дыханію, обдающемъ ее изъ крупныхъ розовыхъ ноздрей, было мало успокоительнаго. Нѣсколько минутъ она продолжала пятиться передъ ними назадъ, пока не исчезла малая доза оставшагося въ ней мужества. Наконецъ, дѣвушка не выдержала и съ невѣроятною быстротой помчалась по направленію къ густой ольховой чащѣ на другой сторонѣ поля. Въ ту минуту, какъ она достигла этого убѣжища, на противоположной сторонѣ появилась долговизая фигура Джеса. Анна сейчасъ же остановилась и уже не снѣша дошла до чащи съ видомъ необыкновенно-важнаго раздумья.

— А, здравствуй, Джесь! Я хотѣла достать себѣ вѣтку, — сказала она, — безъ этого, видно, коровы не послушаются меня.

Джесь засмѣялся, оскаливъ зубы.

— Ну, теперь, погоди, вѣтку я тебѣ срѣжу, — сказалъ онъ, заикаясь, по обыкновенію, и принимаясь рѣзать сочную вѣтку ольхи своимъ складнымъ ножомъ. — Нѣтъ никакого смысла бояться коровъ, — замѣтилъ онъ добродушнымъ тономъ, который смягчалъ вышнюю грубоватость его словъ.

— Я никогда раньше не видѣла близко коровъ, — объяснила Анна, — и когда я осталась одна съ ними, мнѣ какъ-то стало не по себѣ.

— Лучше будетъ мнѣ погнать ихъ вмѣсто тебя домой, — сказалъ Джесь, дѣлая изъ зеленой вѣтки длинный пруть. — Вѣдь, онѣ меня-то знаютъ, голубушки.

Анна съ радостью приняла предложеніе. Только что коровы услышали знакомый голосъ прежняго работника, онѣ тотчасъ же повернули головы въ сторону воротъ и тяжело побрели домой, медленно

и ровно, не оглядываясь, съ полнымъ, повидимому, сознаниємъ, что такъ и быть должно.

— Много глупостей разсказываютъ про коровъ, — замѣтилъ Джесъ, проходя въ ворота рядомъ съ Анной, — и, кстати будь сказано, также о быкахъ.

— О, быковъ я не выношу, они такіе страшные! — воскликнула дѣвушка.

Джесъ посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, съ чувствомъ нѣкотораго превосходства.

— А вотъ нашъ старый быкъ, арендаторскій-то... можно почти оторвать у него хвостъ и онъ не тронетъ, такой ужъ смиренный онъ у насъ... — тутъ пруть свистнулъ по спинѣ телки.

— Я не буду пробовать, однако, да, вѣрно, и вы не захотите пробовать, — возразила она, хихикая, слегка вызывающимъ тономъ, въ которомъ слышалась привычка къ городскимъ манерамъ.

Джесъ хихикнулъ тоже и продолжалъ молча идти рядомъ съ ней, придумывая отвѣтъ поостроумнѣе. Но такъ какъ ничего не приходило ему въ голову, онъ опять засмѣялся. Больше они ничего не сказали другъ другу до самаго хлѣва, но они, казалось, узнали другъ друга ближе, пройдя вмѣстѣ это короткое разстояніе и въ теченіе этихъ нѣсколькихъ минутъ, чѣмъ за всѣ тѣ утра, когда они встрѣчались раньше за завтракомъ въ кухнѣ на фермѣ. Между ними, впрочемъ, всегда была какая-то молчаливая, невысказанная симпатія. Оба они были «чужіе, не свои» въ Гайкросѣ, а это было условіе немаловажное въ мѣстной жизни; притомъ же, когда во дворѣ бранили Джеса, Анна получала выговоры въ курятникѣ или въ молочной. Кромѣ того, когда мистеръ или мистрисъ Понтинъ хотѣли указать на испорченность современнаго молодаго поколѣнія, то Джесъ и Анна оба по очереди служили имъ для этого удобными образцами. Подобно многимъ, часто даже весьма дѣльнымъ, труженникамъ какъ въ умственной, такъ и въ практической сферѣ, у мистрисъ Понтинъ недоставало либо терпѣнія, либо умѣнья учить своему дѣлу другихъ; дядя Джесъ былъ тоже крайне нетерпѣливымъ наставникомъ, такъ что молодые люди часто одновременно испытывали на себѣ и несправедливость, и жестокость обращенія.

Анна такъ не привыкла видѣть вниманіе къ себѣ, что, быть можетъ, потому невольно и преувеличивала въ душѣ признательность, которую она чувствовала за своевременную помощь, только что оказанную ей Джесомъ. Дѣвушка стояла у дверей хлѣва и не находила словъ, чтобы выразить свою благодарность.

— Какъ бы я хотѣла тоже что-нибудь сдѣлать для тебя, —

проговорила она, наконецъ, робко дотрогираясь до его рукава, когда онъ проходилъ мимо, выйдя изъ хлѣва. — У тебя такая большая дыра на рукавѣ, какъ разъ на локтѣ, а можно было бы такъ прекрасно ее заштопать.

— Какое тебѣ дѣло? — отвѣчалъ Джесъ рѣзко, почувствовавъ себя неловко. — Когда у меня хватаетъ денегъ, такъ по субботамъ Бетси Тодъ штопаетъ мнѣ платье.

Но Анна не угомонилась.

— Нѣтъ, ужъ лучше дай мнѣ заштопать, — повторила она рѣшительно, — старуха Бетси только и сдѣлаетъ, что испортить, право. Брошь пустые разговоры, да повѣсь-ка лучше свою куртку вотъ сюда, а завтра утромъ, когда я приду въ садъ, то принесу ее и повѣшу за твоимъ окномъ.

И такъ какъ Анна не только серьезно желала, но и намѣревалась такъ поступить, а у Джеса не было другой причины для отказа, кромѣ крайней конфузливости, то и кончилось тѣмъ, что онъ снялъ съ себя куртку съ тѣмъ угрюмымъ и понурымъ видомъ пойманнаго вора, который обыкновенно служитъ выраженіемъ радостнаго смущенія, переполняющаго грудь деревенскаго парня.

Такъ началась дружба между обоими молодыми людьми, и хотя она не сопровождалась никакими особенными чувствами, но вскорѣ заняла большое мѣсто въ ихъ жизни уже въ силу той простой причины, что у нихъ обоихъ не было иныхъ друзей. Въ длинные лѣтніе вечера, когда Анна собирала фрукты въ саду или поливала послѣднія доцвѣтающія растения, уже рѣдко попадающіяся среди огородныхъ овощей въ старомъ господскомъ саду, можно было быть увѣреннымъ, что Джесъ тоже тутъ гдѣ-нибудь по близости. Случалось имъ и вмѣстѣ собирать смородину или малину по цѣлымъ часамъ, молча, другъ около друга, пока не начинала падать холодная роса и у обоихъ лица дѣлались совершенно блѣдными отъ наступающихъ сумерекъ. Иногда случалось имъ и посидѣть вмѣстѣ на низкой каменной оградѣ сада, тамъ, гдѣ онъ граничилъ съ лугомъ, и въ это время Анна нерѣдко чинила какую-нибудь прорѣху въ платьѣ Джеса при послѣднихъ красныхъ лучахъ вечерняго заката. Тетушка Понтинъ охотно принимала помощь отъ Джеса, когда послѣдній предлагалъ свои услуги Аннѣ во время работъ ея въ саду, но остается подъ большимъ сомнѣніемъ, посмотрѣла ли бы она такъ же благосклонно, если бы узнала, что съ своей стороны Анна удѣляетъ время на приведеніе въ порядокъ его одежды, хотя трудъ ея въ данномъ случаѣ являлся лишь справедливымъ вознагражденіемъ за его услуги. Если бы такія свиданія зависѣли

отъ одного только Джеса, то, вѣроятно, они скоро превратились бы въ тѣ обыкновенныя свиданія, которыя по воскреснымъ днямъ происходятъ во всѣхъ англійскихъ деревняхъ: медленно проходить деревенскія пары мимо васъ съ красными и блестящими лицами, одна за другой; иногда идутъ онѣ подъ руку, а чаще обнявшись еще нѣжнѣе, но всегда въ полномъ и убійственномъ молчаніи и непремѣнно упорно глядя въ разныя стороны. Деревенскій житель не словоохотливъ въ своей любви, какъ окружающія его деревья и растенія и многое другое, раздѣляющее вмѣстѣ съ нимъ его безсознательность. Онъ таковъ не только въ любви, но и во всѣхъ своихъ лучшихъ привязанностяхъ. Таковъ былъ и Джесъ, который еще не былъ влюбленъ въ Анну; его привязанность къ ней была скорѣе вызвана тѣмъ непреодолимымъ влеченіемъ, которое неизбѣжно чувствуетъ одинокое человѣческое существо къ другому такому же одинокому существу, хотя въ его чувствѣ и было нѣчто романтическое отъ сознанія неравенства положенія, раздѣляющаго ихъ. Несмотря на то, что племянница мистера Понтиня работала на фермѣ, какъ служанка, въ глазахъ мѣстнаго общества она стояла, все-таки, выше бывшаго воспитанника дома призрѣнія бѣдныхъ, теперешняго рабочаго, и въ дѣйствительности она была выше его по воспитанію и по уму.

Вліяніе всѣхъ условій деревенской жизни такъ сильно еще сказывалось наслѣдственнымъ путемъ въ самой Аннѣ, что и она тоже могла сидѣть по цѣлымъ часамъ и молчать. На фермѣ, по словамъ дяди Понтиня, она была необычайно тиха; но у нея, все-таки, былъ легче возбуждающійся и болѣе тонкій нервный организмъ, свойственный женщинѣ, воспитанной въ городѣ, и она иногда чувствовала сильную потребность высказаться, ей нужно было выражать и получать въ опредѣленной формѣ вылившееся участливое слово. Сидя въ кустахъ смородины или на каменной оградѣ, она рассказала Джесу всѣ подробности своей прежней жизни въ Лондонѣ, о шумныхъ его улицахъ, о подругахъ своихъ въ пансіонѣ, о воскресныхъ загородныхъ поѣздкахъ съ ними въ Батерси или даже до Путне; рассказала она ему тоже про своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ, которыхъ она такъ любила и которые всѣ умерли; по больше всего рассказывала она про своего отца. Домашняя жизнь, правда, по милости Селины, была, конечно, не вполнѣ счастливой, но пока бѣдный отецъ былъ въ состояніи работать, они жили, по крайней мѣрѣ, не въ нищетѣ и въ ихъ семьѣ бывали, все-таки, свѣтлые дни. Во всякомъ случаѣ, это была семейная жизнь. У Джеса не было даже и этого: въ его воспоминаніяхъ тянулася

вереница сѣрыхъ годовъ, проведенныхъ въ пріютѣ для нищихъ и брошенныхъ дѣтей, а еще раньше онъ смутно припоминалъ какую-то какоту на баржѣ, въ которую его запиралъ иногда на весь день пьяный отецъ-судовщикъ; отецъ не любилъ его и очень дурно обращался съ нимъ. Мальчикъ часто чувствовалъ себя заброшеннымъ и одинокимъ, не отдавая себѣ отчета въ своемъ одиночествѣ. Бесѣды съ Анной, ея заботливость о немъ въ разныхъ мелочахъ и свѣтлая улыбка, съ которой она встрѣчала его, дали ему почувствовать, что въ его жизни была какая-то пустота въ то время, когда онъ не зналъ Анны. Онъ былъ некрасивъ и въ своихъ грязныхъ полосатыхъ плисовыхъ панталонахъ, идя за плугомъ, имѣлъ крайне грубую и непривлекательную наружность; еще хуже казался онъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, красный, съ пылающимъ лицомъ и красною шеей, торчащею надъ отложнымъ воротникомъ и лоснящеюся курткой. Но, въ то же время, въ немъ была такая сердечная и сильная привязчивость и такая потребность любви, что онъ, благодаря этому, и тоньше понималъ, и тоньше чувствовалъ многихъ другихъ, и былъ, во всякомъ случаѣ, для Анны неизмѣримо болѣе безопаснымъ товарищемъ, чѣмъ большинство юношей, составляющихъ въ Гайкросѣ выгодныя партіи, такъ какъ нельзя, къ несчастью, сказать, чтобы флегматичность, отличающая деревенскаго юношу, спасала его отъ ранняго знакомства съ пороками.

Въ теченіе всего лѣта они встрѣчались почти ежедневно, но когда наступила зима, встрѣчи ихъ сдѣлались рѣже. Въ надеждѣ увидѣться съ Анной, Джесъ отправлялся по вечерамъ либо къ деревенской лавочкѣ, либо бродилъ по дорогѣ въ сосѣднюю деревню Горслэй, гдѣ была станція желѣзной дороги и аптека и куда Анна иногда ѣздила по порученіямъ. Онъ сдѣлался также усерднымъ посѣтителемъ церкви, такъ что въ тѣ дни, когда Анна по утрамъ въ церковь не приходила, Джесъ бывалъ непременно и на вечерней службѣ. Нельзя сказать, чтобы мистрисъ Понтинъ была изъ числа богомольныхъ и ревностныхъ посѣтительницъ храма Божія: «для такого рода дѣлъ», какъ она сама говорила, у нея было слишкомъ мало свободнаго времени, но говорила она это, вовсе не желая легкомысленно относиться ни къ религіи, ни къ какимъ бы то ни было принятымъ обычаямъ или обрядамъ. Изъ ея же собственныхъ устъ знали разсказъ объ одномъ памятномъ случаѣ въ ея жизни, который произошелъ десятью годами раньше описываемаго нами времени: однажды, какъ разъ въ то время, когда она была на утреннемъ богослуженіи, случилось какое-то несчастье съ одною изъ ея сви-

ней и съ цѣлою семьей поросятъ. По поводу этой катастрофы она формально и разъ навсегда выяснила себѣ вопросъ о противорѣчїи, существующемъ между обязанностями своими относительно Бога и живыхъ Его тварей. Оказывалось, что Господь Богъ тотчасъ же призналъ всю трудность ея положенія,— по крайней мѣрѣ, она всегда утверждала это съ невозмутимою увѣренностью, для которой, вѣроятно, имѣла какія-нибудь основанія, что Богу вполнѣ извѣстно, какъ нуждаются бѣдныя безсловесныя твари въ ея уходѣ, что никому другому нельзя ихъ довѣрить, а что она съ своей стороны не можетъ быть въ двухъ мѣстахъ одновременно, что она въ этомъ отношеніи такой же человѣкъ, какъ и всякій другой. Какъ бы тамъ ни было, а результатомъ такихъ соображеній явилось полное освобожденіе ея отъ обязанности ходить въ церковь, развѣ только въ такое время и въ такіе дни, когда ей покажется возможнымъ идти, какъ, на примѣръ, послѣ того, какъ всѣ индѣйки будутъ отправлены на рынокъ, а куры не начнутъ еще высиживать цыплятъ. Что же касается дядюшки Понтинъ, то тетушка приняла на себя обязательство посылать его въ церковь вмѣсто себя самымъ аккуратнымъ образомъ. Мистеръ Гейзъ, старый и сонливый приходскій священникъ, никогда не вмѣшивался въ ихъ распоряженія на этотъ счетъ, хотя однажды его супруга, мистрисъ Гейзъ, имѣвшая весьма ясныя и опредѣленные понятія насчетъ своихъ обязанностей, пыталась усовѣстить этихъ независимыхъ прихожанъ. Но, несмотря на всю ясность, простоту и удобопонятность рѣчи, которыми жена священника отличалась и такъ справедливо гордилась, она не могла убѣдить мистрисъ Понтинъ. Во время разговора съ мистрисъ Гейзъ она была крайне сдержанна и почтительна, но твердость ея могла довести до изступленія и обѣ женщины разстались въ сильнѣйшемъ негодованіи другъ на друга. Лѣтомъ, въ рабочую пору, тетушка не всегда пускала Анну въ церковь, но зимой почти каждое воскресенье можно было видѣть молодую дѣвушку сидящую въ церкви рядомъ съ дядей. Церковь была славная старая постройка съ стрѣльчатымъ норманскимъ сводомъ надъ алтаремъ; дальше виднѣлся надгробный памятникъ семьи Якобитовъ, на которомъ покоилась лежащая фигура богатой леди въ головномъ уборѣ, съ кольцами на сложенныхъ вмѣстѣ рукахъ, пальцы которыхъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранили розовую краску. На фермѣ религія сводилась къ выполненію обряда и была дѣломъ, требуемымъ приличіемъ; раньше же, въ Лондонѣ, Аннѣ приходилось слышать только насмѣшки надъ религіей, такъ что послѣдняя не входила въ число тѣхъ вещей, которыя имѣли бы для Анны жизненную дѣй-

ствительность. Сначала дядюшка Понтинъ былъ немного сконфуженъ, когда увидѣлъ, что Аннѣ трудно было слѣдить за богослуженіемъ по молитвеннику, и онъ въ особенности терялся, когда приходилось указывать ей страницы въ виду всѣхъ прихожанъ; но когда она стала сама находить все, что ей было нужно въ молитвенникѣ, то ему показалось, что ея религіозное образованіе благополучно и надлежащимъ образомъ закончилась. Пискливый тонъ фисгармоніи мистрисъ Гейзъ, однообразное пѣніе воспитанниковъ деревенской школы и надоедливыя повторенія старыхъ проповѣдей мистера Гэйза не могли возбудить интереса слушателей, и вниманіе Анны было несравненно болѣе привлечено каменною сложною отдѣлкой кружевъ, лентъ и газета костюма якобитской лэди или соображеніями насчетъ большей или меньшей вѣроятности ея встрѣчи съ Джесомъ при выходѣ изъ церкви, чѣмъ словами, долетавшими до нея или ею же повторяемыми.

Анна, со времени приѣзда на ферму, выросла и поздоровѣла, хотя все еще была тоненькою и хрупкою на видъ; ея голубые глаза и теперь были такъ же велики и не потеряли прежняго дѣтскаго выраженія; на щекахъ ея появился легкій румянецъ. Было бы ошибочно думать, что некультурные слои не умѣютъ цѣнить по своему нѣжности чертъ и тонкой красоты лица: на «племянницу Понтина», какъ ее называли въ деревнѣ, молодежь Гайкроса смотрѣла благосклонно, въ особенности по воскресеньямъ, когда всѣ юноши, сверкая праздничными нарядами, высыпали на улицу деревни или около могилъ у церковныхъ воротъ. Конечно, Анна не знала и не подозрѣвала, что на нее обращено вниманіе, но Джесъ съ трудомъ скрывалъ свою гордость, когда при немъ говорили, что «дѣвочка недурна», хотя и изъ Лондона, и высказывали предположеніе о томъ, что она, дескать, вѣрно, будетъ «важничать». Понтины всегда немного сторонились отъ сосѣдей, какъ и подобало ихъ щепетильности; кромѣ того, мистрисъ Понтинъ не любили въ деревнѣ, такъ что никто изъ молодыхъ людей, за исключеніемъ Джеса, никогда не предлагалъ сопровождать ихъ изъ церкви до дома. Такъ какъ Джесъ служилъ раньше на фермѣ нѣсколько лѣтъ сряду, то всѣмъ казалось совершенно естественнымъ, что онъ провожалъ ихъ домой.

Благодаря всѣмъ этимъ трудностямъ, которыя приходилось преодолевать, чтобы видѣться съ Анной, и которыя прерывались долгими и одинокими размышленіями, а также съ помощью часто повторяемыхъ, хотя и довольно ограниченныхъ похвалъ другихъ молодыхъ людей, къ концу зимы привязанность Джеса къ молодой

дѣвушкѣ начала уже проявлять ясные признаки нѣкоторой сентиментальности. Кромѣ того, ему уже былъ девятнадцатый годъ, а въ его средѣ, гдѣ начинаютъ жить рано, такой возрастъ не считается дѣтскимъ.

Лѣто опять вернулось, и опять Джесъ и Анна сидѣли вмѣстѣ на садовой оградѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ розовый кустъ, нагнувшись, распался волнообразною массой надъ бузиной и покрывалъ ее бѣлыми, розовыми и золотыми переливами. Джесъ былъ какъ-то молчаливѣе въ послѣднее время и, съ глупо-застѣнчивымъ видомъ, пытался иногда робко и неуклюже высказать какую-нибудь сентиментальность, но при первыхъ же звукахъ своего собственного голоса краснѣлъ еще больше Анны, которая лишь смутно угадывала его намѣреніе.

Однажды послѣ обѣда, когда розы уже почти отцвѣтали, вскарабкавшись на калитку, она хотѣла достать оставшіяся еще на изгороди нѣсколько бутонъ; въ это время Джесъ, проѣзжая съ пустою телѣгой, остановился и сорвалъ ихъ для нея; тогда она приколола ихъ себѣ къ вороту платья маленькою стальною брошкой.

— Они почти такого же цвѣта, какъ твое лицо, Анна, — сказалъ онъ, скорчивши жалкую, конфузливую улыбку, скорѣе похожую на гримасу.

Анна не нашла отвѣтить ему и направилась къ веревкамъ, на которыхъ сушилось бѣлье. Она сняла двѣ простыни и собиралась уложить ихъ въ корзину, но замѣтила, что Джесъ все еще стоитъ у калитки.

— Анна! — вдругъ торопливо позвалъ онъ ее, — послушай, Анна!

— Что тебѣ надо, Джесъ?

— Пойди сюда, я хочу тебѣ сказать что-то.

Она подошла къ калиткѣ.

— Ты не забудешь, что далъ тебѣ эти розы я, не правда ли? — сказалъ онъ. — Не бросай ихъ сейчасъ, пожалуйста, Анна, — и, кивнувъ ей головой, онъ влѣзъ на передокъ телѣги, щелкнулъ языкомъ и покатилъ дальше, не дожидаясь отвѣта.

— Извольте-ка сію минуту снять съ себя эти прикрасы, Анна, — сказала ей мистрисъ Понтинъ, встрѣтивъ ее у порога дома съ корзиной бѣлья. — Терпѣть не могу всѣ эти брошки, цвѣты, всю эту чепуху. Право, хоть брала бы ты примѣръ съ меня: я работаю, не покладая рукъ, такъ, что и не знаю, что бы твой дядюшка сталъ дѣлать безъ меня, а ужъ меня-то на такихъ пустякахъ, какъ одѣться да принарядиться, не поймашь.

Анна сняла съ себя не нравившіяся теткѣ украшенія и поставила розы въ маленькую сломанную вазу у себя въ комнатѣ. Неудовольствіе тетки отъ этого не уменьшилось. Нельзя сказать, чтобы она была женщина злая, но только Анна, несомнѣнно, нравилась бы ей гораздо больше, если бы шила свои платья похуже, была бы грубѣе цвѣтомъ лица и если бы волосы ея не были такъ тонки. Вкусъ и изящество могутъ внушать нѣкоторымъ натурамъ такое же отвращеніе, какъ противоположныя имъ качества бываютъ невыносимы для другихъ. На фермѣ постоянно приводили Селину въ примѣръ того, чего можно ожидать отъ Анны. Въ особенности часто возвращались къ этому предмету съ тѣхъ поръ, какъ двоюродный братъ Джемса, Петеръ, занимавшійся торговлей суконъ въ Оксфордѣ, предложилъ дядюшкѣ Понтину взять за ту же цѣну, вмѣсто заказаннаго уже для Анны темнокраснаго ситца, кусокъ розоваго зефира, который и былъ привезенъ ей на платье. Красивый и нарядный цвѣтъ новыхъ платьевъ Анны поражалъ не одну только тетюшку Понтинъ: Альбертъ-дурачокъ, который первый привѣтствовалъ Анну въ день прибытія ея въ Гайкросъ, тоже замѣтилъ ея наряды. Ему было тринадцать или четырнадцать лѣтъ, но ростомъ онъ былъ не больше десятилѣтняго мальчика. Его громадная, уродливая голова слабо держалась на плечахъ и качалась во всѣ стороны; одинъ глазъ у него былъ слѣпой, совершенно бѣлый, а большой уродливый ротъ вѣчно жевалъ всякую дрянъ. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ Альбертъ постоянно карабкался по ступенькамъ каменнаго креста, стоявшаго противъ воротъ фермы, или, пробравшись съ проселочной дороги въ огородъ, подбиралъ вмѣстѣ съ свиньями мистера Понтина свалившіеся на землю недозрѣвшіе плоды. Свиньи, повидимому, совершенно признали его членомъ своей семьи и когда, въ жаркіе лѣтніе дни, онъ ползалъ среди нихъ подъ большими орховыми деревьями, грязныя животныя обнюхивали складки его куртки или отдыхали, валяясь на его ногахъ, и трудно было бы сказать, прислушиваясь къ фырканью и визгамъ, которые изъ нихъ принадлежали человѣку и которые свиньямъ.

— Боже мой, Анна! Какимъ образомъ ты такъ разорвала себѣ фартукъ? — спросила однажды утромъ мистрисъ Понтинъ, съ удивленіемъ глядя на молодую дѣвушку, возвращавшуюся съ яйцами пятнпстой гамбургской курицы, которая настойчиво клала свои яйца въ отдаленномъ и тихомъ углу фруктоваго сада. Анна, отвѣчая теткѣ, была немного блѣдна и слезы досады еще блестяли въ ея глазахъ:

— Все это по винѣ несноснаго Альберта... Я, право, не знаю, что съ нимъ дѣлается, онъ такъ пристаётъ ко мнѣ. Сегодня утромъ онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ марать мое чистое платье своими грязными пальцами. Несмотря на то, что я повторяла ему сто разъ: «Уйди, Альбертъ!» — ничего не помогало, такъ что я, наконецъ, оттолкнула его; тогда онъ поднялъ такой крикъ и вопль, что можно было подумать, будто кричить дикій звѣрь, а не ребенокъ. Затѣмъ онъ схватилъ мой фартукъ зубами и разорвалъ его.

— Неужели? Бѣдный малютка! — воскликнула мистрисъ Понтинъ, соболѣзнуя идиоту. — Смотри, Анна, не говори никому ни слова объ этомъ, а то за нимъ прѣдутъ и заберутъ его въ пріютъ, какъ бѣднаго Томми Бѣсвелъ. Терпѣть не могу этихъ новыхъ, модныхъ понятій, будто нужно запираетъ людей, у которыхъ въ головѣ не совсѣмъ ладно, или больныхъ скарлатиной и тому подобными болѣзнями. Мы должны полагаться на Провидѣніе, вотъ что.

— А я бы очень хотѣла, чтобы его заперли куда-нибудь, — сказала Анна съ раздраженіемъ. — Не знаю, какъ другіе, а я его просто боюсь.

— Какъ жестоко такъ говорить! — строго возразила тетушка. — Бѣдный мальчигъ!... А меня такъ радуетъ видѣть его посреди другихъ живыхъ тварей, пользующихся счастьемъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Въ пріютѣ, вѣроятно, съ ними тоже хорошо обращаются, — какъ бы извиняясь, сказала Анна.

— Хорошо обращаются! — воскликнула тетка съ презрѣніемъ. — А кто про это скажетъ, хорошее ли тамъ или дурное обращеніе? — только тѣ, которые могутъ видѣть сквозь каменные стѣны. Повѣрь, никому изъ насъ не было бы тамъ хорошо, если бы мы туда попали... Вѣроятно, ихъ кормятъ черствымъ хлѣбомъ, спятъ они на соломѣ, да еще, ко всему этому, пожалуй, на цѣпь посадятъ, вотъ оно каково это хорошее обращеніе! Смотри же, милая, никому не говори, что Альбертъ тебя напугалъ, упаси Богъ! Бѣднугу засадятъ въ пріютъ.

Такъ какъ Анна никому не желала зла въ душѣ, то она никому и не говорила о постоянномъ преслѣдованіи идиота; сказала она объ этомъ только Джесу, которому пришлось поневолѣ принять въ этомъ участіе, такъ какъ Альбертъ пробирался иногда по вечерамъ въ садъ бывшаго господскаго дома, и въ такихъ случаяхъ Джесъ выбрасывалъ его оттуда съ безцеремонностью, которая, несомнѣнно, оскорбила бы чувства мистрисъ Понтинъ. Въ сентябрѣ Джесъ получилъ у арендатора замка другую работу, которая оканчивалась, обыкновенно, позднѣе, такъ что онъ уже до наступленія темноты

не возвращался домой; къ тому же, въ это время года вечера начинались рано. Такимъ образомъ, почти незамѣтно совершился переходъ лѣта въ зиму, наступленія которой молодой человѣкъ опасался, такъ какъ почти ежедневныя бесѣды его съ Анной сводились зимой къ рѣдкимъ и случайнымъ взглядамъ, нѣсколькимъ словамъ, и то черезъ большіе промежутки времени, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. Единственнымъ утѣшеніемъ было то обстоятельство, что ему увеличили жалованье. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ причинъ, изъ которыхъ увеличеніе жалованья было не изъ послѣднихъ, Джесъ придумалъ не особенно удачный способъ обойти всѣ эти преграды, но главною причиной неосторожнаго шага, все-таки, было нетерпѣніе влюбленнаго. Онъ началъ подбивать Анну получить разрѣшеніе гулять съ нимъ по воскресеньямъ въ послѣ-обѣденное время.

— Ты хочешь сказать—въ будущее воскресенье?—поправила Анна съ женскимъ благоразуміемъ или, скорѣе, съ бѣльшимъ пониманіемъ чувствъ окружающихъ людей, и тѣхъ чувствъ именно, съ которыми имъ придется считаться. Для молодой дѣвушки «гулять» съ молодымъ человѣкомъ, конечно, не было равносильно еще признанію его женихомъ, но этимъ какъ бы признавалось, что молодой человѣкъ находится въ числѣ возможныхъ жениховъ. Джесъ и Анна знали это и знали также, что Понтины, по всѣмъ вѣроятіямъ, не сочтутъ рабочаго, еще такъ недавно воспитывавшагося въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ, достойнымъ претендентомъ руки ихъ племянницы. Они знали это, какъ вообще молодые люди знаютъ еще не испытанные ими жизненные факты, о которые разбиваются ихъ желанія и надежды.

Анна не любила еще Джеса такъ, какъ онъ любилъ ее, но она привязалась къ нему, какъ еще не привязывалась ни къ одному живому существу, и длинная зима въ одиночествѣ, безъ его общества, представлялась ей тоскливѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Въ воскресенье утромъ, въ то время, когда она мыла посуду въ кухнѣ послѣ утренняго завтрака и когда мистрисъ Понтинъ не было въ комнатѣ, а мистеръ Понтинъ курилъ свою трубку, она смѣло приступила къ дѣлу:

— Дядя, если вы ничего не имѣете противъ этого, пустите меня погулять съ Джесомъ Вильямсъ нынче послѣ обѣда?

— Съ Джесомъ Вильямсъ?—повторилъ дядя, удивленный и пытающій своею жесткою трудовою рукой какъ бы втереть эту новую мысль въ свою сѣдую голову.

Когда мысль проникла внутрь, то она, повидимому, не нашла

тамъ одобренія. Онъ самъ никогда ни за кѣмъ не ухаживалъ и попытки въ этомъ отношеніи его братьевъ и сестеръ, а въ самое послѣднее время грѣшнаго Бена, не бросили особенно благопріятнаго свѣта на такія дѣла. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ преклонялся передъ очевиднымъ превосходствомъ мистрисъ Понтинъ, онъ тоже былъ человѣкъ рѣшительный.

— Послушайте-ка, тетушка Понтинъ, — сказалъ онъ женѣ, въ эту минуту суетливо вошедшей въ комнату, очень некстати, по мнѣнію Анны, — Анна просить, чтобы мы позволили Джесу Вильямсъ, — знаешь, здѣшнему воспитаннику дома призрѣнія? — поухаживать за ней.

— Вотъ, видите! — воскликнула тетушка побѣдоносно, — развѣ я не говорила, что тутъ не безъ грѣха, коли дѣло дошло до цвѣтовъ, до брошекъ, до всякихъ такихъ совершенно неприличныхъ вещей?

Анна вся сгорѣла отъ стыда и глаза ея наполнились слезами.

— Джесъ не ухаживаетъ за мной, — сказала она безсознательную неправду.

Дядя недобро засмѣялся.

— Такъ для чего же, по-твоему, онъ просить тебя гулять съ нимъ? — спросилъ онъ.

Анна принялась крутить тесемки своего фартука.

— У него нѣтъ никого близкихъ и онъ чувствуетъ себя одинокимъ. Онъ приходилъ иногда по вечерамъ и помогалъ мнѣ въ саду; ну, а теперь онъ поздно возвращается изъ замка, такъ что онъ уже приходитъ сюда не можетъ, а ему скучно безъ людей... ему хочется и меня видѣть... вотъ и все.

— Вотъ какъ! Вотъ и все, по-твоему?... А по-моему черезъ-чуръ много. — Затѣмъ, обратившись къ женѣ, онъ съ неудовольствіемъ спросилъ: — Что это еще за помощь Джеса въ саду? Вы бы должны были предупредить меня объ этомъ, кажется.

— У меня достаточно заботъ въ головѣ и безъ этихъ глупостей! — отрѣзала мистрисъ Понтинъ, мигомъ переходя въ оборонительную позицію. — Онъ былъ полезенъ для насъ въ саду, и кто бы могъ думать, что Анна развѣситъ уши передъ подкидышемъ изъ дома призрѣнія? Терпѣть не могу этихъ дѣвчонокъ, со всѣми ихъ ужимками, улыбками, ухаживаньями направо, налѣво, безъ конца! Не этимъ подцѣпила я Кайта, да и васъ также.

Тетушка Понтинъ съ гордостью сознавала, что она привлекла двухъ мужей чисто-практическими достоинствами, и чувствовала, что имѣетъ право говорить пренебрежительно о болѣе легкихъ сторо-

нахъ ухаживанья. Ей никогда не преподносили ни розъ, ни яблогъ, а громадный серебряный медальонъ, напоминавшій своими размѣрами чайное блюдечко и изрѣдка красовавшійся на ея обширныхъ персяхъ, не былъ подаркомъ скромнаго Байта: онъ служилъ выраженіемъ благодарности Понтинна послѣ необычайно удачной продажи ея же откормленныхъ свиней.

— И такъ, пойми меня разъ навсегда, моя милая, — строго сказалъ дядя, — чтобы не было тутъ у меня ни любезничаній, ни ухаживаній, ни съ Джесомъ, ни съ кѣмъ бы то ни было, — и баста.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

III.

На другой день утромъ дядя Джемсъ собрался въ Ватлингтонъ, по сосѣдству съ которымъ у него было дѣло. Поѣхалъ онъ съ наиѣреніемъ переночевать у двоюродныхъ братьевъ. Событіе было необычайное и ему предшествовало усердное мытье бѣлья и не менѣе усердная чистка платья. Передъ отъѣздомъ Анна сама завязала ему галстугъ: никто не могъ это сдѣлать лучше ея.

По несчастному совпаденію, въ тотъ же день одна изъ коровъ серьезно заболѣла. Уже раньше было замѣтно въ ней безпокойство, но до обѣда ничего серьезнаго не проявлялось. Къ этому времени Авель, одинъ изъ работниковъ фермы, нашелъ ее лежащею на боку въ полѣ, около стараго господскаго дома; она тяжело и конвульсивно дышала и работникъ съ трудомъ привелъ ее домой. Ухаживая за коровами, обыкновенно, не касался мистрисъ Понтинъ, и, при видѣ больной Жемчужины, она растерялась. Проще всего было бы послать Авеля въ Оксфордъ за ветеринаромъ, но послать его было невозможно, потому что на фермѣ, кромѣ него, не было другаго мужчины, а экипажъ былъ взятъ дядюшкой для поѣздки въ Ватлингтонъ. Въ глубинѣ души мистрисъ Понтинъ считала всѣхъ докторовъ шарлатанами, живущими, довольно понятнымъ для нея образомъ, на счетъ легковѣрія общества; приглашать ихъ, казалось ей, слѣдовало бы благоразумному человѣку только тогда, когда приходится звать и священника, чтобы придать смертному одру приличный видъ. Ей, все-таки, жалко было глядѣть на корову; въ теченіе дня нѣкоторые изъ сосѣдей заглянули къ ней въ хлѣвъ, отчасти для удовлетворенія собственнаго любопытства, отчасти для того, чтобы сообщить, къ какимъ мѣрамъ они прибѣгли бы въ подобномъ случаѣ. Сначала мистрисъ Понтинъ съ полною готовностью

стала было пробовать различныя, предлагаемыя ей средства и только напрасно мучила бѣдное животное, которое не могло выразить своихъ жалобъ. Между прочимъ, она позволила старухѣ Бетси Тоддъ написать на клочкѣ бумаги какія-то три буквы, единственныя ей извѣстныя и имѣющія особенную силу, и дала ей привязать ихъ къ шеѣ бѣдной коровы. Наконецъ, настала вечеръ и хлѣвъ опустѣлъ. Мистрисъ Понтинъ сидѣла одна на опрокинутомъ ведрѣ и тоскливымъ, неподвижнымъ взоромъ смотрѣла на большую корову, которая лежала на боку, съ мутными глазами и высунувши языкъ на солону. Отъ времени до времени корова слегка вздрагивала, стонала и поднимала морду вверхъ, выставя свои десны и большіе желтые зубы. Сидя у кровати больного ребенка, мистрисъ Понтинъ не могла бы страдать больше; впрочемъ, къ счастью для нея, она не была чужда фатализма своей среды, который подвергаетъ людей разнымъ несчастіямъ и заболѣваніямъ и, въ то же время, избавляетъ ихъ отъ многихъ суетныхъ надеждъ и излишняго противодѣйствія неизбѣжной смерти. Вдругъ на птичьемъ дворѣ послышались крики и громкое хлопанье крыльевъ; въ одинъ мигъ тетушка Понтинъ встрепенулась: выбѣжавъ во дворъ и перескочивъ черезъ кучи соломъ и грязи, на которыхъ валялись свиньи, она помчалась, неуклюже переваливаясь, къ бревенчатымъ воротамъ двора.

— Можно подумать, что сюда забралась лисица полагомиться нашими птицами!—воскликнула она. — Что случилось, скажи на милость?

Анна стояла передъ молодымъ и разъяреннымъ индюкомъ, размахивая длиннымъ прутомъ. Индюкъ былъ такъ молодъ, что сережки его были еще мало замѣтны, перья рѣдки и коротки, но въ эту минуту каждое отдѣльное перышко у него стояло дыбомъ. Потряхивая сухощавою, голою шеей и пытаясь, неудачно, подражать родительскому кулдыканью, разъяренный индюкъ съ бѣшенствомъ видался на испуганный выводокъ такихъ же, какъ и онъ, молодыхъ индюковъ, но меньше его ростомъ и значительно уступающихъ ему въ задорѣ.

— Весь вечеръ пришлось мнѣ унимать ихъ за ѣдой,—сказала Анна.—Вотъ этотъ молодой индюкъ чуть не убилъ одного изъ тѣхъ! Я только успѣла хватить его прутомъ по головѣ.

— Ишь, какой онъ у меня пряткій, такого и не бывало! — воскликнула мистрисъ Понтинъ съ дурно - скрываемою гордостью маменьки при видѣ шалости баловня-сынка. — Изъ него выйдетъ такой индюкъ, что просто чудо!... А, все-таки, нельзя давать ему распоряжаться молодыми, у меня и безъ того много возни съ ними

въ нынѣшнемъ году. Завтра придется отправить послѣдній выводокъ пастишь въ фруктовоиъ саду, но на ночь я не рѣшаюсь оставить ихъ на волю. Сосѣдъ Годфрей говорилъ, будто лисица, полакомившись нашими индюшками на прошлой недѣлѣ, стащила и у него цѣлый выводокъ цыплятъ. Проведи-ка ихъ черезъ фруктовый садъ и запири на ночь въ старомъ, заброшенномъ свиномъ хлѣву, да не забудь хорошенько запереть дверь, Анна... слышишь? — прибавила тетка, возвращаясь еще разъ и опять пресыывая голову въ ворота.

Гнать выводокъ молодыхъ и глупыхъ индѣекъ съ одного мѣста и доставить ихъ въ цѣлости на другое — дѣло весьма трудное, требующее много времени и большой осторожности; однако, съ помощью корзины съ кормомъ и длиннаго прута, Аннѣ удалось провести ихъ благополучно почти черезъ весь фруктовый садъ, т. е. три четверти пути. Въ этомъ мѣстѣ, какъ разъ, стояло большое орѣховое дерево, а подъ нимъ телѣга, но Анна ничего не видѣла, кромѣ своихъ сѣрыхъ, безпокойныхъ питомцевъ, бѣжавшихъ впереди тѣсными рядами, съ вытянутыми шеями и клопча рѣзкими и сердитыми голосами, какъ будто чуя бѣду. Индюшки, не спѣша, одна за другою перелѣзли черезъ оглоблю телѣги и, собираясь слѣдовать дальше, остановились тутъ же въ кучѣ, безъ всякой видимой надобности, чтобы поклевать разбросанный кругомъ соръ, какъ вдругъ какая-то темная масса выскочила изъ телѣги, на одно мгновоніе повисла, раскачиваясь, на передкѣ и затѣмъ съ безумнымъ и торжествующимъ воплемъ, всюю своею тяжестью, бросилась на землю прямо на пасущихся и кричащихъ индюшекъ.

Тутъ произошла сцена неслыханная и невиданная въ индюшечьемъ царствѣ, по своему безобразію и ужасу. Старая сѣрая индюшка, придавленная къ землѣ, съ отчаяннымъ крикомъ выползла изъ-подъ лежащаго на ней идиота и, совершенно обезумѣвъ отъ страха и хлопая отчаянно крыльями, взлетѣла на телѣгу, но только для того, чтобы въ полномъ безсиліи скатиться по другую сторону на землю, а въ это время высиженные ею молодые индюшата, выкарабкавшись изъ-подъ рукъ дурака, вытянувъ шею и не помня себя отъ ужаса, какъ угорѣлые, помчались въ самые отдаленные углы сада.

— Гадкій Альбертъ! дрянной, северный мальчишка! — крикнула сердито Анна, — какъ ты смѣешь пугать нашихъ птицъ?

Идиотъ, между тѣмъ, лежалъ на землѣ и, наслаждаясь произведенною имъ сумятицей, бессмысленно болталъ руками и ногами и корчился въ припадкахъ судорожнаго, прерывистаго смѣха. Затѣмъ

вдругъ такимъ же внезапнымъ движеніемъ онъ, кинулся впередъ и, припавъ къ ногамъ Анны, своими грязными, когтеобразными руками схватилъ ее за платье, причемъ большой уродливый его ротъ скривился въ отвратительную гримасу и открылся, какъ пасть животнаго. Дѣвушка пыталась вырвать платье изъ его рукъ, но онъ, между тѣмъ, безсвязно бормоча, успѣлъ вцѣпиться зубами въ подолъ ея юбки и принялся жевать его и постепенно вбирать въ ротъ, напоминая собою отвратительнаго, раздутаго гада, медленно пожирающаго свою добычу. Его громадный ротъ, широко раздутыя ноздри, нависшія мохнатыя брови, его единственный зрячій глазъ, которымъ онъ яростно водилъ во всѣ стороны и который какъ будто сверкалъ рядомъ съ другимъ, пустымъ, безжизненнымъ глазомъ,—все это вмѣстѣ придавало ему такой страшный и отталкивающій видъ, что Анна нѣсколько мгновений стояла передъ нимъ въ оцѣпенѣніи, не двигаясь съ мѣста и дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ будто въ дѣйствительности передъ ней пресмыкалось чудовище, въ открытой пасти котораго ей суждено было исчезнуть. Внѣ себя отъ ужаса, она, наконецъ, отскочила отъ него и нанесла ему нѣсколько отчаянныхъ ударовъ своимъ прутомъ. Длиннымъ, гибкимъ прутомъ она нѣсколько разъ стегнула его больно по спинѣ, по головѣ, по рукамъ и по ногамъ, и идіотъ, завопивъ отъ злости и боли, выпустилъ платье и кубаремъ скатился подъ телѣгу, не переставая ругать Анну самыми грязными словами, единственными, которыя онъ зналъ, за исключеніемъ словъ, выражающихъ просьбу о пищѣ. Едва успѣла Анна освободиться отъ Альберта, какъ вся ея тревога объ участи индѣекъ вернулась съ прежнею силой. Растерянные птицы все еще продолжали бѣгать вдоль изгороди сада и встревоженнымъ бормотаньемъ сообщали другъ другу о только что пережитой катастрофѣ, но, повидимому, начинали уже до нѣкоторой степени увлекаться удовольствіемъ бѣготни вокругъ сада. Только съ помощью величайшаго терпѣнія и ловкости удалось Аннѣ собрать ихъ, привести къ повиновенію и запереть въ покинутый хлѣвъ. Она оглянулась, ища колышекъ, чтобы покрѣпче забить имъ дверь, и какъ разъ въ эту минуту, черезъ отверстіе въ изгороди, надъ низкою каменною оградой двора фермы, передъ ея глазами промелькнула фигура, позади которой шла лошадь съ телѣгой. Знакомая фигура только успѣла промелькнуть, такъ что всякаго другаго человѣка Анна, можетъ быть, и не узнала бы, но въ данномъ случаѣ этого мига было достаточно, чтобы усилить лихорадочность, съ которой она искала колышекъ для двери. Въ воскресенье утромъ она обѣщала Джесу выдти къ нему хоть на

минуту, чтобы сообщить о результатѣ своихъ переговоровъ, но ее не пустили. Вѣна цѣлые переживались ею, пока она второпяхъ искала палочку и пока не нашла ее, наконецъ; всунувъ ее наскоро въ дверь, она со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать черезъ фруктовый садъ. Перелетѣвъ мигомъ черезъ первыя ворота и пробѣжавъ по межѣ, вдоль гороховаго поля, она перескочила черезъ вторыя ворота и безъ оглядки помчалась внизъ съ горы по острымъ камнямъ дороги, съ крикомъ:

— Джесь! Джесь!...

Онъ обернулся и остановился, увидѣвъ ее, съ выраженіемъ необычайной радости въ лицѣ и весь вспыхнувъ отъ удовольствія и удивленія; она подбѣжала къ нему, вся запыхавшись.

— Здравствуй, Анна! А я-то думалъ, скоро ли теперь увидимся?

— Ахъ, Джесь!—воскликнула она,—они меня не пустили!

— Я такъ и думалъ, что не пустятъ,—отвѣчалъ онъ, и лицо его сразу омрачилось.

— И теперь мнѣ достанется за то, что я выбѣжала къ тебѣ, но ужъ дольше я терпѣть не могла,—продолжала она торопливо.

— Что же они сказали?—спросилъ онъ.

— Они сказали... глупостей много наговорили, что ужъ тутъ!...—отвѣчала она, перебирая пальцами свой фартукъ.—Знаешь, Джесь, мнѣ не позволять ужъ больше работать съ тобою въ саду и дядя, вѣрно, не захочетъ больше, чтобы ты провожалъ насъ изъ церкви.

— Я зналъ напередъ, что они такъ сдѣлаютъ,—проговорилъ онъ, блѣднѣя и прислоняясь къ старой гнѣдой лошади, которая тѣмъ временемъ усердно рвала зубами клочки пожелтѣвшей придорожной травы.

— Чего же и можно было ожидать другаго?... Конечно, я не болѣе, какъ приемышъ изъ дома призрѣнія,—продолжалъ онъ немного погодя, останавливаясь послѣ каждой отдѣльной фразы.—Невѣроятно, чтобы я когда-либо сталъ получать больше жалованья, чѣмъ теперь. Я не изъ числа тѣхъ разбитныхъ парней, которымъ везетъ въ жизни. Я зналъ напередъ, что они такъ скажутъ.

Аннѣ, передъ тѣмъ, было жалко не только Джеса, но и себя тоже; къ тому же, она испытывала какую-то робость при тѣхъ новыхъ отношеніяхъ, которыя сразу создались между нимъ и ею словами дяди и тетки. Но въ эту минуту она все забыла и ей было жалко только его; она даже поблѣднѣла отъ волненія.

— Прошу тебя, не говори такъ, Джесь!—воскликнула она,

крѣпко стиснувъ руки.—Для меня домъ призрѣнія и все такое ничего не значить... Ты мнѣ нравишься больше всѣхъ другихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ живостью спросилъ онъ, приподнявъ голову, —дѣйствительно ли такъ, Анна? И ты меня не забудешь даже тогда, когда тебѣ не позволятъ со мной разговаривать?

— Не забуду, Джесь, —совершенно серьезно отвѣчала она.— Я и не дала имъ обѣщанія не разговаривать съ тобою, а теперь мнѣ надо идти, увѣряю тебя, —остаться здѣсь я не могу.

— Когда же опять увидимся?—сказалъ онъ, держа ее за руки и глядя на нее такими глазами, что ясно было, какъ неохотно онъ отпускалъ ее.— Не скоро, вѣрно, удастся намъ свидѣться. Обѣщай, что не откажешь мнѣ въ просьбѣ?

— Обѣщаю, —сказала Анна, —а что такое?

— Поцѣлуй меня разокъ, Анна, одинъ только разъ, — проговорилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Ахъ, Джесь! право, не знаю... а если это дурно?

— Отчего же дурно? Во всякомъ случаѣ, ты обѣщала. Одинъ только разочекъ, Анна... а я тѣмъ временемъ не шелохнусь.

Съ этими словами онъ наклонился къ ней, а она, опустивъ глаза и потянувшись къ нему, робко и быстро поцѣловала его. И поцѣлуй-то не былъ настоящій, а только какъ бы жалкая тѣнь его, но воспоминаніе о немъ было тѣмъ дороже.

Въ эту минуту раздался на дорогѣ хриплый зовъ: «Анна! Анна!» —звала ее разгнѣванная тетка.

— Иди сюда сейчасъ, —сейчасъ иди, негодная дѣвчонка! А ты убирайся, Джесь Вильямсъ! Чего таскаешься, негодяй ты эдакій, бездомникъ? Убирайся въ домъ призрѣнія, откуда пришелъ! Если я тебя еще разъ поймаю, смотри, достанется тебѣ!

Разъяренная мистрисъ Понтинъ не переставала кричать, пока Анна бѣжала въ гору къ ней на встрѣчу. Она схватила ее за уши, слабыя плечи и начала трясти, какъ двухлѣтняго ребенка.

— Ахъ, ты, дрянъ эдакая! ахъ, ты, потаскушка!—вопила она.— Вотъ такъ поведеніе, нечего сказать! Цѣлуется да таскается по большимъ дорогамъ со всякою дрянью изъ дома призрѣнія! Ахъ, ты, скверная, хитрая дѣвчонка, — вотъ я тебя! Иди сейчасъ со мной, —и она потащила ее за собой къ воротамъ фермы.— Такъ ведутъ себя только такія негодницы, какъ твоя мать, —продолжала она кричать, —а, конечно, не я и ни одна честная женщина такъ себя вести не станетъ. Одинъ позоръ отъ нея, да и отъ тебя тоже... всякой порядочной семьѣ остается только плюнуть на васъ. Что же ты молчишь, отродье негодное?—и она снова тряхнула ее.

Но Анна ничего не отвѣчала. Ярость тетки только вызвала въ ней то привычное пассивное сопротивленіе, съ которымъ она раньше встрѣчала брань матери, причѣмъ она, какъ звѣрокъ, пряталась въ свою скорлупу. Въ оправданіе мистрисъ Понтинъ надо замѣтить, что, несмотря на ея постоянную раздражительность, никогда еще молодая дѣвушка не видѣла ее въ такомъ бѣшенствѣ. Кромѣ смертельнаго отвращенія, которое она питала къ такого рода проступкамъ юности, приходилось еще приписать многое томительнымъ часамъ, проведеннымъ ею съ больною короной, которые тяжело отозвались на нервахъ заботливой хозяйки. Съ криками и бранью, какъ ураганъ, промчалась она, таща за собою свою жертву, черезъ дворъ фермы, гдѣ даже свиньи, лежа на боку въ видѣ громадныхъ, неподвижныхъ, синевато-багровыхъ мѣшковъ, взглянули на нихъ, мигая отъ удивленія, и влетѣла вверхъ по крутой лѣстницѣ въ мансарду, не переставая все время окачивать Анну самую грязною и отборною бранью.

— Сиди здѣсь до возвращенія дяди! — крикнула тетка, швырнувъ ее на кровать. — Я все расскажу ему, все, все, какъ было, онъ все узнаетъ. Боже мой! кто бы подумалъ, что его племянница такая безстыдница, ходить да цѣлуется на большой дорогѣ? Не знаю, потерпѣть ли онъ, чтобы ты жила послѣ этого у него въ домѣ!

Анна почувствовала себя задѣтой и не могла больше молчать.

— Я и не останусь, если ему не хочется, — съ гордостью отвѣчала она. — Я могу идти въ услуженіе, какъ и другія дѣвушки.

— Скажите на милость! — фуркнула ей тетюшка въ отвѣтъ. — Да кто тебя возьметъ, неуклюжее отродье, потерявшее всякій стыдъ? Если ты думаешь, что я буду тебя рекомендовать, такъ очень ошибаешься, — на меня не рассчитывай! — Затѣмъ послѣдовалъ длинный перечень всѣхъ дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ недостатковъ Анны, въ концѣ котораго тетка объявила ей: — Такъ вотъ и сиди здѣсь, пока дядя не вернется. Ужина не жди, — не получишь.

Она затѣмъ вылетѣла изъ комнаты такимъ же вихремъ, какимъ вошла, повернула ключъ въ замѣкъ и, тяжело ступая, спустилась съ лѣстницы.

Долго лежала Анна на постели, уткнувъ лицо въ подушку, и долго мочила она ее слезами. Выплакавшись, дѣвушка сѣла на кровать. Комната была совсѣмъ темна, а въ домѣ полная тишина. Ни одинаго звука кругомъ, только вѣтеръ завывалъ и дождикъ шумѣлъ по листьямъ вязовъ, стоящихъ передъ домомъ. Анна встала,

обмыла лицо и закрыла окошко; затѣмъ, дрожа отъ холода, она начала раздѣваться, испытывая тошноту, которую не знала чему приписать, голоду ли, или чему другому. Она только успѣла снять съ себя башмаки и чулки, какъ вдругъ на крутой лѣсенкѣ, ведущей въ ея мансарду, послышался странный шумъ, точно что-то очень тяжелое пыталось взбѣжать вверхъ по ступенькамъ и, спотыкаясь въ темнотѣ, свалилось внизъ, пыхтя, со стонами и проклятіями. Анна вся похолодѣла. Она вспомнила, какъ однажды въ Лондонѣ одна изъ жилищъ подняла на лѣстницѣ такой же шумъ, какъ дверь ихъ комнаты съ трескомъ отворилась и женщина съ сжатыми кулаками, распухшимъ лицомъ и съ пѣной у искривленнаго рта покатила на полъ къ нимъ въ комнату. Въ ту же минуту она вообразила, что у тетюшки тоже начинается припадокъ и что она добирается до нея. Что ей было дѣлать? Она бросилась искать спички въ темнотѣ, но спичекъ не было, и ей ничего не оставалось дѣлать, какъ стоять и ждать, пока чья-то дрожащая рука ощупывала снаружи дверь, сразу не находя ключа и ручки, наконецъ, повернувъ ключъ, дернула за ручку двери.

Анна даже почувствовала что-то вродѣ облегченія, когда въ комнату скорѣе ввалилась, чѣмъ вошла, мистрисъ Понтинъ и тяжело опустилась на низкій деревянный ящикъ, стоявшій у двери. Въ ея рукахъ былъ фонарь; она поставила его на полъ такъ, что ея лицо ярко освѣтилось снизу. При такомъ освѣщеніи всякое лицо производитъ странное впечатлѣніе, такъ какъ всѣ тѣни, поднимающіяся кверху, искажаютъ черты лица; лицу мистрисъ Понтинъ это придало безобразный и страшный видъ. Все оно было темно-краснаго цвѣта и распухло, надутыя жилы выпячивались на лбу и на шеѣ, двойной подбородокъ и большія синія губы тряслись; она съ трудомъ дышала и захлебывалась, пытаясь что-то сказать. Не долго думая, Анна окунула губку въ холодную воду и подбѣжала съ ней къ теткѣ, намѣреваясь приложить ей губку ко лбу, но въ то же мгновеніе губка была вырвана изъ ея рукъ и, прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла опомниться, тонкія кисти ея рукъ попали въ могучіе тиски мистрисъ Понтинъ и она была отброшена, съ ревомъ и силой дикаго звѣря, къ противоположной стѣнѣ комнаты; вслѣдъ за ней около самой ея головы о ту же стѣну шлепнулась и мокрая губка, а оттуда на полъ, образуя вокругъ себя небольшую лужу воды. Мистрисъ Понтинъ сидѣла, яростно поводя и сверкая маленькими глазами, раскраснѣвшими какъ у разъяреннаго животнаго; она вся дрожала и, казалось, отъ бѣшенства всѣ волосы у нея стали дыбомъ, какъ щетина.

— Господи, что съ вами, тетя?—закричала Анна.

Два или три раза мистрисъ Понтинъ судорожно открывала ротъ, пытаясь заговорить, но губы ея отказывались произносить членораздѣльные звуки. Тогда, сдѣлавъ страшное усиліе надъ собой, она тяжело приподнялась съ низкаго ящика и, направляясь прямо къ Аннѣ, стоявшей у стѣны, подошла такъ близко, что лицо дѣвочки почти касалось ея собственнаго лица. Тяжело придавивъ рукой плечо Анны, тетка проговорила хриплымъ шепотомъ:

— Ахъ, ты, дьяволъ!

Несмотря на ужасъ, овладѣвшій Анной, она успѣла подмѣтить, что отъ тетки пахло водкой, и была этимъ тѣмъ болѣе поражена, что мистрисъ Понтинъ была совершенно трезвая женщина, вполнѣ удовлетворявшаяся двумя стаканами пива въ день. Вслѣдъ за хриплымъ возгласомъ послѣдовало молчаніе; тутъ Анна успѣла совершенно ясно представить себѣ страшную пустоту дома, въ которомъ не было ни одной живой души, кромѣ нихъ двухъ, а также и отдаленность его отъ всякихъ сосѣдей. При этой мысли она еще больше испугалась.

— Да что такое случилось?—удалось ей опять спросить тоже шепотомъ.

Способность говорить тѣмъ временемъ мало-по-малу возвращалась къ мистрисъ Понтинъ.

— Гдѣ мои индѣйки?—проговорила она, хотя все еще хриплымъ голосомъ, но уже громче прежняго.

— Какія индѣйки?—спросила Анна, не понимая.

— *Какія* индѣйки? *какія*? — громко и рѣзко крикнула мистрисъ Понтинъ.—Ахъ, ты, негодная! смѣешь еще хитрить и дѣлать видъ, что не знаешь, какихъ индѣекъ тебѣ приказано было запереть въ хлѣвъ!

— Я заперла молодой выводокъ, — сказала Анна.

— Заперла, ты говоришь, заперла?... Га, га! только того недоставало, га, га!... — и тутъ мистрисъ Понтинъ разразилась сумасшедшимъ, истерическимъ хохотомъ. Затѣмъ, впадая снова въ злобную ярость, она схватила руку дѣвушки у самаго плеча своими короткими пальцами и ущипнула ее изо всѣхъ силъ.

— Ты отъявленная лгунья, вотъ что! — проревѣла она, приходя въ еще болѣшую ярость, быть можетъ, потому, что жертва ея не закричала отъ боли.

Схвативъ послѣ этого фонарь, она потащила Анну къ двери.

— Дайте мнѣ хоть надѣть башмаки, тетя,—просила Анна съ

тѣмъ вѣншнѣ спокойствіемъ, которое такъ часто скрывало испытываемую внутренній ужасъ, — мои ноги не обуты.

— Хотѣла бы ты была совершенно голая и тогда не дала бы и тебѣ ни одной минуты оставаться здѣсь! — съ бѣшенствомъ крикнула тетя и потащила ее, шатаясь, по крутой лѣстницѣ. Имъ пришлось пройти черезъ птичій дворъ, чтобы достигнуть фруктоваго сада, и Анна чувствовала, какъ во дворѣ гравій рѣзала и царапала ей голыя ноги, а въ саду ихъ мочила мокрая и холодная трава. Небо было покрыто тучами, но не сплошь, такъ что на немъ еще отражалось то сѣрое, разсѣянное мерцаніе свѣта, которое бываетъ въ лѣтнюю ночь именно въ Англіи. Подойдя къ свиню хлѣву, онѣ и безъ помощи фонаря увидѣли, что дверь его была широко раскрыта. Тетка выпустила Анну и молча, съ трагическимъ жестомъ, указала на нее; послѣ чего, не то со стономъ, не то съ воплемъ, она уперлась головой въ открытыя ворота и разразилась неудержимыми рыданіями, которыя трясли и раскачивали во всѣ стороны ея громадное туловище.

— Такого большаго вывода никогда не бывало у меня, — жалобно голосила она, — и это послѣдній на нынѣшній годъ, другаго уже не будетъ... а теперь лисица ихъ всѣхъ до одного заберетъ.

— Ахъ, нѣтъ, тетя! — сказала Анна, — я не знаю, какимъ образомъ они вышли изъ хлѣва, но лисица не могла еще всѣхъ ихъ передуть; они забились куда-нибудь въ фруктовомъ саду.

Мистрисъ Понтинъ при этихъ словахъ забыла свои жалобы и снова перешла въ неистовство.

— И почему бы имъ забиваться въ фруктовомъ саду, я бы хотѣла знать, — завизжала она, — когда они всѣ до одинаго могли свободно пройти въ гороховое поле? Если ужъ тебя такъ хотѣлось бѣжать къ любезному, такъ, по крайней мѣрѣ, ты бы могла не оставлять воротъ отворенными.

— Я воротъ даже не отворяла, — отвѣчала Анна, — я перелѣзла черезъ нихъ, а сначала заперла дверь хлѣва.

— Не смѣй врать! — крикнула мистрисъ Понтинъ и, схвативъ длинный пруть, оставленный Анной у хлѣва, хлестнула имъ по ней.

— Тетушка, тетюшка! — взмолилась дѣвушка, кусая себѣ губы отъ боли, — не дѣлайте этого, прошу васъ. Увѣрю васъ, я заперла индюшекъ въ хлѣвъ и, право, не отпирала воротъ, увѣрю васъ. Не знаю, кто могъ выпустить ихъ, развѣ только Альбертъ. Вечеромъ онъ былъ тутъ и напугалъ индѣекъ, а я ударила его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ бы не такъ!—и съ этими словами тетка опять стегнула ее прутомъ по спинѣ.—Я тебѣ прочу, если ты будешь мучить несчастнаго мальчика, да взвалива затѣмъ всѣ свои проказы на него, бѣднягу! Я бы, кажется, содѣла съ тебя кожу, если бы могла!

Она опять стегнула ее прутомъ, еще разъ и еще до тѣхъ поръ, пока изъ стиснутыхъ и поблѣднѣвшихъ губъ Душки не вырвался крикъ. Тогда, какъ бы удовлетворенная, мистрисъ Понтинъ бросила пруть и потащила Анну за собой въ воротъ, котораго, дѣйствительно, были раскрыты, и начала безумно метаться во всѣ стороны по широкому, отлогому гороховому полю в поискахъ за потеряннымъ выводкомъ.

— И корова пала, и индѣйки пропали,—все это хотъ кого-то ногъ собьетъ,—стонала тетушка. Она вытащила новую свѣчу изъ кармана, зажгла и вставила ее дрожащими руками въ фонарь.— Ты выпустила индѣекъ, ты и искать ихъ должна. Если ты ихъ не найдешь, такъ и оставайся съ ними всю ночь въ полѣ. Безъ нихъ не возвращайся домой, если не хочешь, чтобы я тебѣ переломала всѣ ребра.

Говоря это, она сунула фонарь въ руку Анны, толкнула ее еще разъ на прощанье и исчезла во мракѣ. Сѣрая, прозрачная пелена кругомъ начинала сгущаться; тяжелая и низкая туча надвигалась съ отдаленнаго горизонта, который тоже въ свою очередь окунулся въ мрачную, непроглядную тьму. Одни только тяжелолистные вязаы, темнѣе самой ночи, обрисовывались еще надъ изгородами, шепча и раскачиваясь отъ налетавшихъ по временамъ порывовъ вѣтра и дождя. Въ отблескѣ фонаря, неотступно слѣдующемъ за Анной, было что-то зловѣщее; благодаря ему, иногда отъ нея тянулась дрожащая, причудливая тѣнь по крутымъ изворотамъ и колеямъ дороги, но большею частью имъ освѣщалось поле, на которомъ въ июнѣ еще горохъ цвѣлъ красивыми рядами, а теперь стоялъ голый, высохшій и черный, въ видѣ цѣлой арміи ободранныхъ скелетовъ.

Въ первую минуту для Анны было уже облегченіемъ то, что она освободилась отъ мистрисъ Понтинъ, и она съ жаромъ начала было искать потерянный выводокъ, но постепенно ея старанія начали ослабѣвать и превратились вскорѣ въ машинальную ходьбу. Мало-по-малу дѣвушку началъ охватывать чисто-дѣтскій ужасъ передъ безграничною ночью темнотой, среди которой, за исключеніемъ ея самой, не видно было ни одной человѣческой души, передъ слабыми таинственными звуками въ видѣ вздоховъ, долетавшими до нея отъ

далекой невидимой равнины, передъ рѣзкимъ, необъяснимымъ шуршаньемъ и трескомъ, раздающимся вокругъ нея въ листьѣ и въ травѣ, но въ особенности страшилась она ярко-бѣлаго свѣтоваго пятна, окруженнаго черною движущеюся каймой ночнаго мрака, которое слѣдовало за ней всюду, куда бы она ни шла. Больно было и голымъ ногамъ, и всему тѣлу. Мелкій дождь покрывалъ по временамъ; наконецъ, съ равнины принесло вѣтромъ сильный ливень; тогда Анна подползла подъ терновый кустъ у самой изгороди и попыталась закрыть фонарь, чтобы освободиться отъ преслѣдующаго ее отсвѣта, но ея усилія были тщетны, такъ какъ фонарь оказался испорченнымъ. Спрятавъ тогда лицо между колѣнями, она рѣшила объ этомъ не думать и направить мысли на другой предметъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одиссей.

Легокъ, свѣтель, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ,
Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ.
Страшенъ былъ ихъ гимнъ побѣдный
Въ бурной тьмѣ, когда по нимъ
Одиссей, скиталецъ бѣдный,
Мчался, ужасомъ томимъ.
Вы отъ смѣха трепетали,
Волны, въ гнѣвѣ роковымъ,
Какъ былинкой вы играли
Греговъ царственнымъ вождемъ.
Онъ, отчаянемъ объятый,
Брошенъ моремъ на гранить,
Весь нагой, какъ звѣрь, косматый,
Тиной черною покрытъ.
Полубогъ, съ душой великой,
Грозный царь простертъ въ пыли,
Словно рабъ передъ владыкой,
Обнимая грудь земли.
И песокъ нѣмой пустыни
Орошая влагой слезъ,
Посейдону и Аѳинѣ
Гимнъ смиренный онъ вознесъ.
Въ Провидѣннѣ вѣры полный,
Ты не видишь, Одиссей,
Какъ смѣются эти волны
Надъ молитвою твоей.
Легокъ, свѣтель, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ,
Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ.

В а я т е л ь .

Конченъ трудъ... Передъ твореньемъ,
Въ немъ познавъ стремленій цѣль,
Съ торжествомъ и вдохновеньемъ
Всталъ создатель—Пракситель.

Но, въ божественномъ покоѣ,
Какъ съ заоблачныхъ небесъ,
Созерцаеть все земное
Бѣломраморный Зевесъ.

И властительно, и строго,
Не суля земныхъ наградъ,
Очи мраморнаго бога

На ваятеля глядятъ...

И пониѣ художникъ блѣдный
Передъ отблескомъ мечты,
Передъ властію побѣдной
Вѣковѣчной красоты.

Вотъ, наполнивъ доль сіяньемъ,
Солнце за горы зашло—

И художникъ предъ созданьемъ

Поднялъ гордое чело...

— То былъ камень... Онъ отъ вѣка,

Съ мірозданія началъ,

Чуждый власти человѣка,

Въ нѣдрахъ горныхъ пребывавъ, —
Этотъ камень въ скорбной мукѣ,

Подъ немолчный звонъ оковъ,

Отъ горы отторгли руки

Приневоленныхъ рабовъ...

Но природы даръ холодный

Мной властительно разбитъ;
Подъ рукой моей свободной

Въ немъ воспрянулъ самъ Бронидъ.

Долго трудъ свершали славный
 Тяжкій молотъ и рѣзецъ...
 Зевсъ могучій, Зевсъ державный!
 Ты—творенье, я—творецъ.
 Пусть твои спокойны очи
 И твой взглядъ исполненъ силъ...
 Но, вѣдь, ихъ средь дня и ночи
 Я въ душѣ своей носилъ,
 Но, вѣдь, ихъ я врѣзалъ въ камень,
 Я, работая въ тиши,
 Ввѣрилъ камню вѣщій пламень,
 Силу творческой души...
 Что же, Зевсъ, глядишь ты строго?
 Что-жь величьемъ я смущенъ?
 Я изъ камня вызвалъ бога,
 Мною камень оживленъ.
 — Но въ божественномъ покоѣ,
 Въ блескѣ вѣчной красоты
 Побѣждаютъ все земное
 Небожителя черты—
 И предъ собственнымъ твореньемъ,
 Ощущая тайный страхъ,
 И съ мольбою, и съ смиреньемъ,
 Царскитель упалъ во прахъ.

Н. Анановъ.

ЧОРТОВЫ КУКЛЫ.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ началѣ истекающаго девятнадцатаго столѣтія въ одной семьѣ германскаго происхожденія родился мальчикъ необыкновенной красоты. Онъ былъ такъ хорошъ, что въ семьѣ его не звали его крестнымъ именемъ, а называли его Фебо-фисъ или Фебуфисъ, т.-е. сынъ Феба. Это имя такъ ему пристало, что онъ удержалъ его за собою въ школѣ, а потомъ оно осталось при немъ во всю его жизнь. Съ возрастомъ оказалось, что при тѣлесной красотѣ ребенокъ былъ осчастливленъ замѣчательными способностями: онъ прекрасно учился наукамъ и рано обнаружилъ даръ и страсть къ живописи.

Отецъ Фебуфиса занимался крупными торговыми операціями и имѣлъ обеспеченное состояніе. Онъ хотѣлъ, чтобы сынъ шелъ по его же дорогѣ, и потому не былъ обрадованъ его художественными наклонностями, но мать ребенка, женщина очень чувствительная и поэтическая, не любила прозаическихъ, торговыхъ занятій мужа и настояла, чтобы Фебуфисъ получилъ возможность слѣдовать своимъ художественнымъ влеченіямъ.

Мать питала несомнѣнную увѣренность, что сына ея ожидаетъ слава, и она отчасти не ошиблась.

Отецъ уступилъ желаніямъ сына, поддерживаемымъ настойчивостью матери, и Фебуфисъ поступилъ въ высшую художественную школу, сначала въ томъ городѣ, гдѣ жили его родители, а потомъ перешелъ для усовершенствованія въ Римъ, гдѣ на него вскорѣ же стали указывать, какъ на самаго замѣчательнаго изъ современныхъ живописцевъ.

Съ теченіемъ времени на него обращали вниманіе больше и больше, и онъ вскорѣ сталъ пользоваться такою извѣстностью, которая уже довольно близко граничила со славою. Были основанія вѣрить, что невдалекѣ его ожидаетъ и настоящая слава. Характеръ у него былъ веселый, немножко заносчивый и дерзкій со старшими, но безпечный и общительный въ сношеніяхъ съ сверстниками, между которыми молодой человекъ имѣлъ друзей. Особенно дружны были съ нимъ два молодые живописца, прозванные въ своемъ кружкѣ Пикомъ и Макомъ. Оба эти молодые люди были разныхъ національностей и несходнаго нрава, но находились въ тѣснѣйшей пріязни и никогда почти не разлучались. За это ихъ и прозвали Пикъ и Макъ, — по дѣтской игрѣ: «гдѣ Пикъ, тамъ Макъ, — Пикъ здѣсь — Макъ здѣсь, — Пика нѣтъ и Мака нѣтъ». Макъ былъ крупный брюнетъ съ серьезнымъ, даже нѣсколько суровымъ и задумчивымъ лицомъ, а Пикъ — розовая, бѣлокурая крошка, съ личикомъ изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ «овечью мордочкой». Макъ былъ мыслитель, — его занимали общественные вопросы: онъ скорбѣлъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и задумывался надъ служебными цѣлями искусства, а Пикъ смотрѣлъ на жизнь въ розовыя стекла и отрицалъ въ искусствѣ всѣ постороннія цѣли, кромѣ самой красоты, любилъ погутить и Пикъ только былъ неразборчивый волокита, почти никогда не имѣвшій удачи, а Макъ само цѣломудріе, со всѣми шансами на успѣхи, если бы онъ ихъ хотѣлъ. Пикъ находилъ почти всѣхъ женщинъ очень милыми, а Макъ все смотрѣлъ и гдѣ-то надѣялся увидѣть одну заповѣдную женщину по своимъ мыслямъ. Она должна была обладать красотою духовной болѣе, чѣмъ тѣлесною, — во всякомъ случаѣ, она непремѣнно должна была имѣть надъ нимъ многія нравственные превосходства, особенно въ деликатности чувствъ, въ тонкомъ ощущеніи благородства, чести и добра. Она должна была не отдѣлять его отъ міра, какъ любятъ дѣлать многія женщины, а роднить его съ высшимъ міромъ. Если случалось, что Пикъ и Макъ нравились одно и то же, то оно непремѣнно нравилось имъ съ разныхъ сторонъ. Имъ, напримѣръ, обоимъ нравился Донъ-Жуанъ и они оба оправдывали байроновскаго героя, но совершенно съ различныхъ сторонъ: Пикъ находилъ, что перемѣнять привязанности очень весело, а Макъ любилъ Жуана за то, что онъ отрывалъ во всѣхъ любившихъ его женщинахъ обманъ, и не хотѣлъ довольствоваться фальсификаціею чувства. Несмотря на такое несходство во взглядахъ, Пикъ и Макъ были, однако, очень дружны: Пикъ уважалъ въ Макѣ его думы и даже заботы о служебныхъ задачахъ искусства, а Макъ любилъ въ Пикѣ искренность.

съ какою онъ восхищался каждымъ дарованіемъ, кромѣ своего собственнаго. Оба они жили вмѣстѣ, не богато и не бѣдно, какъ жило въ то время множество людей ихъ среды.

Фебуфиса отыскалъ Пикъ и сказалъ нелюдиму Магу:

— Пойдемъ, посмотримъ челоуѣка съ большимъ дарованіемъ.

— Въ чемъ же онъ проявилъ свои дарованія?

— Прекрасно пишетъ.

— Что же онъ пишетъ?—спросилъ Магъ.

— Все.

— Все?... Это много. Пойдемъ и посмотримъ *все*.

— Да, а вотъ ты можешь научить его выбирать лучшее.

Они пошли и подружились сразу.

II.

У Фебуфиса не было недостатка въ фантазіи, онъ прекрасно сочинялъ большія и очень сложныя картины, рисунокъ его отличался правильностью и смѣлостью, а кисть его блистала яркою колоритностью. Ему почти въ одинаковой степени давались сюжеты религиозные и историческіе, пейзажъ и жанръ, но особенно плѣняли вкусъ и чувство фигуры въ его любовныхъ сценахъ, которыхъ онъ писалъ много и которыя часто заходили у него за предѣлы скромности.

Въ послѣднемъ родѣ онъ позволялъ себѣ большія вольности, но грація его рисунка и живая прелесть колоритнаго письма отнимали у этихъ произведеній впечатлѣніе скабрзности и на выставкахъ появлялись такіе сюжеты Фебуфиса, какіе отъ художника меньшихъ дарованій ни за что не были бы приняты. Съ другой же стороны, соблазнительная прелесть картинъ этого рода привлекала къ нимъ вниманіе самой разнообразной публики и находила ему щедрыхъ покупателей, которые не скупились на деньги.

Такимъ образомъ росло его имя, и онъ получалъ такой значительной заработокъ, что уже не только не требовалъ никакой поддержки отъ родителей, но когда отецъ его умеръ, и дѣла ихъ пошатнулись, то Фебуфисъ уступилъ свою долю отцовскаго наслѣдства брату и сестрѣ и сталъ присылать значительныя суммы нѣжно любимой матери.

Пикъ всему этому шумно радовался, а Магъ серьезно молчалъ, когда Пикъ очень надобдалъ ему своими восторгамъ, восклицалъ:

— О, до чего онъ можетъ достичь!

Макъ отвѣчалъ:

— До всего; я боюсь, что онъ до чего хочешь достигнетъ.

— Нѣтъ, съ кѣмъ его можно сравнить?

— Съ Ванъ-дербъ-Пуфомъ,—отвѣчалъ Макъ.

Ванъ-дербъ-Пуфъ было шуточное прозваніе для тѣхъ, кто подавалъ большія надежды съ сомнительными послѣдствіями.

Пикъ за это сердился и находилъ, что Фебуфисъ похожъ на Луку Бранаха, котораго онъ очень любитъ и имѣетъ нѣкоторыя его свойства.

— Въ чемъ же это проявляется?—спрашивалъ Макъ.

— Въ дарованіи, въ смѣломъ характерѣ и въ умѣннѣ гордо держать себя съ великими міра.

Макъ отвѣчалъ, что лучшее умѣнне держать себя съ тѣми, кто почитаетъ себя великими міра, это—стараться не входить съ ними въ сношенія.

— А если это нельзя?

— Ну, тогда быть отъ нихъ какъ можно дальше.

— Э, братъ, это сочтутъ за робость и униженіе.

— Повѣрь, что въ этомъ только и есть настоящее величіе, которое и они сами чувствуютъ и которое одно можетъ уязвлять ихъ пустую надменность.

— Ну, ты, Макъ, вѣдь, аскетъ. Этакъ жить, такъ нельзя будетъ сдѣлать ничего достойнаго въ мірѣ.

А Макъ, наоборотъ, думалъ, что такъ только и можно что-нибудь сдѣлать самое достойное.

— А именно что?

— Прежде всего, сберечь *свое достоинство*.

— Ты все о *своемъ* достоинствѣ, — все только о томъ, что для себя.

— Нѣтъ, сохраненіе «достоинства» это не «только для себя», а это потомъ пригодится и для другихъ.

Студию Фебуфиса искали посѣщать самые разнообразныя путешественники, но достигали этого не всѣ, кто хотѣлъ. Онъ допускалъ къ себѣ только или извѣстныхъ знатоковъ и цѣнителей искусства, или людей высокаго положенія, вниманіе которыхъ ему льстило и которымъ онъ по преимуществу продавалъ свои картины для ихъ музеевъ и паллацо, и всегда за дорогую цѣну. Но и при этомъ онъ давалъ еще много произвола своимъ художественнымъ прихотямъ и капризамъ, очень часто доводимымъ имъ до непозволительной дерзости и пренебреженія къ сану и свѣтскому положенію своихъ важныхъ посѣтителей. Онъ продавалъ имъ часто не то, что они жела-

ли бы у него приобрѣсть, а то, что соглашается уступить имъ, всегда съ затаеннымъ, но мало-скрываемымъ намѣреніемъ заставить ихъ имѣть передъ собою сюжетъ, который могъ служить имъ намекомъ, попрекомъ или неприятнымъ воспоминаніемъ.

Пикъ находилъ это прекраснымъ и художественнымъ, а Магъ называлъ фиглярствомъ.

Произведенія Фебуфиса были въ модѣ, а при томъ же тогда было въ модѣ и потворство капризамъ художниковъ, и потому сколько-нибудь замѣчательнымъ изъ нихъ много позволяли. Люди самые деспотичные и грозные, требовавшіе, чтобы самые ученые и заслуженные люди въ ихъ присутствіи трепетали, сносили отъ художниковъ весьма часто непозволительныя вольности. Художниковъ это баловало и не всѣ изъ нихъ умѣли держать себя въ предѣлахъ умѣренности и забывались, но, къ удивленію, все это имъ сходило съ рукъ въ размѣрахъ, непонятныхъ для нынѣшняго реального времени.

Особенно они были избалованы женщинами, но еще больше, пожалуй, деспотами, которые отличались своею грозностью и недоступностью для людей всѣхъ ранговъ и положеній, а, между тѣмъ, даже какъ будто находили удовольствіе въ томъ, что художники обращались съ ними безцеремонно.

Такое было время и направленіе.

Фебуфисъ какъ первенствовалъ между собратіями въ искусствѣ, такъ же отличался смѣлостью и въ художественныхъ фарсахъ и шалопайствахъ. У него было много любовныхъ приключеній съ женщинами, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ въ Римѣ, но была и одна привязанность, болѣе прочная и глубокая, чѣмъ другія. Эта любовь была замѣчательно красивая, бѣдная дѣвушка римлянка, по имени Марчелла. Она любила красавца иностранца безъ памяти и безъ всякаго разсчета, а онъ и ее цѣнилъ мало. Онъ былъ больше всего занятъ тѣмъ, что съ успѣхомъ соперничалъ съ моднымъ кардиналомъ въ благорасположеніи великосвѣтскихъ римлянъ и высокорожденныхъ путешественницъ, или, наскучивъ этимъ, охотно пилъ и дрался кулаками въ тавернахъ за мимолетное обладаніе тою или другою изъ тамошнихъ посьтительницъ. По первой категоріи подвиги его восходили до дуэлей, угрожавшихъ ему высылкою изъ тогдашней папской столицы, а по второй дѣла кончались потасовками или полицейскимъ призывомъ къ порядку, что тоже тогда въ художественномъ мірѣ не почиталось за дурное и служило не въ укоръ, а, наоборотъ, слыло за молодечество.

III.

Сказано, что между любовными исторіями Фебуфиса была одна, которая могла его кое къ чему обязывать. Это то самое, что казалось красивой и благородной римской дѣвушки, по имени Марчеллы. Она была безвѣстнаго происхожденія и имѣла престарѣлую мать, которую съ большимъ трудомъ содержала своею работою, но замѣчательная красота Марчеллы сдѣлала ей большую извѣстность. Не одинъ Фебуфисъ былъ плѣненъ этою красотой, — молодой, тогда еще малозвѣстный, патриотъ Гарибальди, на одномъ изъ римскихъ празднествъ, тоже подаль Марчеллѣ цвѣтокъ, снявъ его со своей шляпы, но Марчелла взяла цвѣтокъ Гарибальди и весело перебрала его Фебуфису, который поймалъ его и, поцѣловавъ, приколотъ къ своей шляпѣ. Гарибальди видѣлъ это, послалъ имъ обоимъ поцѣлуй и крикнулъ: «благословеніе влюбленнымъ!» Сближеніе ихъ было очень быстро и оригинально. Расположенія Марчеллы искали многіе и въ числѣ претендентовъ на ея руку были и богатые люди: въ числѣ такихъ былъ одинъ пармезанецъ. Марчелла его не любила, но мать ея указывала на свое нездоровье и преклонные годы и требовала отъ дочери «маленькой жертвы». Марчелла согласилась на жертву и сдѣлалась невѣстой, но подъ самый день свадьбы пошла помолиться Мадоннѣ и безотчетно постучалась въ дверь Фебуфиса. Сюда привела ее нестерпимая любовь, съ которою она напрасно боролась, и она вышла отсюда только черезъ нѣскольکو дней и пошла къ пармезанцу сказать, что уже не можетъ быть его женою. Но Фебуфисъ, какъ многіе баловни женщинъ, не хотѣлъ оцѣнить лучше другихъ поступковъ Марчеллы и скоро охладѣлъ къ ней, какъ къ прочимъ. Эта побѣда только вилела новый листокъ въ его любовные лавры, а Марчеллу познакомила съ чувствами матери. Пикъ былъ этимъ смущенъ, а Макъ оскорбленъ и разгнѣванъ: онъ пересталъ говорить съ Фебуфисомъ и не сталъ давать ему руку.

— Это слишкомъ ужъ строго, — говорилъ Пикъ.

Макъ на это не отвѣчалъ, но, встрѣтивъ однажды Марчеллу, сказалъ ей:

— Какъ ты живешь нынче, добрая и честная Марчелла?

— Ты меня называешь *доброю*!

— И честною.

— Спасибо; я живу не худо, — отвѣчала Марчелла. — Съ тѣхъ поръ, какъ у меня есть дитя, я работаю вдвое и, представь себѣ, на все чувствую новыя силы.

— Но ты исхудала.

— Это скоро пройдетъ.

— А ты мнѣ скажи... только скажи откровенно.

— О, все, что ты хочешь... Я знаю тебя—въ тебѣ благородное сердце.

— Согласись быть моею женой.

— Женою?... Спасибо. Я знаю, что ты благороденъ и добръ... Женою!... Нѣтъ, милый Макъ, я уже никогда не буду ничьей женой.

— Почему?

— Почему?—Марчелла покачала своею красивою головою и отвѣчала:—Я, вѣдь, люблю! Развѣ ты хочешь, чтобы между нами всегда былъ третій въ поминѣ? Нѣтъ, милый Макъ, я любила и любить буду вѣчно. Полюби лучше другую.

Но благородство и гордость Марчеллы были подвергнуты слишкомъ тяжелому испытанію: мать ее безпрестанно укоряла ихъ тяжелою бѣдностью,—ея престарѣлыя годы требовали удобствъ и покоя,—дѣтя отрывало руки отъ занятій,—бѣдность всѣхъ ихъ душила. О Марчеллѣ пошли недобрые слухи, въ которыхъ имя доброй дѣвушки связывалось съ именемъ богатаго иностранца. Къ сожалѣнію, это не было пустою басней. Марчелла скрывалась отъ всѣхъ и никому не показывалась. Пикъ и Макъ о ней говорили только одинъ разъ и очень немного. Пикъ сказалъ:

— Слышалъ ты, Макъ, что говорятъ о Марчеллѣ?

— Слышалъ,—отвѣчалъ Макъ, сидя за мольбертомъ.

— И что же, ты этому вѣришь или не вѣришь?

— Вѣрю, конечно.

— Почему же конечно? Ты, вѣдь, былъ о ней всегда хорошаго мнѣнія.

Макъ отошелъ отъ мольберта, посмотрѣлъ на свою картину и, помедливъ, сказалъ:

— Я о ней и теперь остаюсь хорошаго мнѣнія.

Теперь Пикъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— Развѣ она не могла поступить лучше?

— Не знаю, можетъ быть, и не могла.

— Значить, у нее нѣтъ воли, нѣтъ характера?

— Ты спроси объ этомъ того, кто устроилъ испытаніе для ея воли и характера.

— Но она могла выйдти замужъ?

— Не любя?

— Хотя бы и такъ.

— Или... быть можетъ, даже любивши другаго?

— Ну, и все было-бъ лучше.

— Можеть быть, только и она не была бы тою Марчеллой, которая стоила бы моего лучшаго мнѣнія.

— А теперь?

— Изъ двухъ золъ она выбрала то, которое меньше.

— Меньше!... Продать себя... это ты считаешь за меньшее зло?

— Не себя.

— Какъ не себя? Неужто этотъ богачъ ѣздитъ къ ней читать съ нею Петrarку или Данте?

— Нѣтъ; она продала ему свое прекрасное тѣло и, навѣрное, не обѣщала отдать свою душу. Ты различай между *я* и *мое*: *я*—это *я* въ своей сущности, а тѣло *мое*— только моя принадлежность. Продать его—страшная жертва, но продать свою душу, свою правду, обѣщаться любить другаго—это гораздо подлѣе, и потому Марчелла дѣлаетъ меньшее зло.

— Есть еще средство!—замѣтилъ Пикъ.

— Какое?

— Прекратить свою жизнь. Смерть лучше позора.

Магъ сложилъ руки и сказалъ:

— Какъ убить себя?!... Женщинѣ убить себя за то, что ее бросили, и бросить на всѣ мученія нищеты свою мать и своего ребенка?... И ты это называешь лучшимъ? Нѣтъ, это не лучше. Лучше перенести все на себя и... Впрочемъ, иди лучше, Пикъ, читай уроки о чести другому,—мы о ней больше съ тобою никогда не должны говорить.

— Хорошо,—отвѣчалъ Пикъ,—но ты мнѣ никогда не докажешь...

— Ахъ, оставь про доказательства! Я никогда тебѣ и не буду доказывать того, что для меня ясно, какъ солнце, а ты знай, что доказать можно все на свѣтѣ, а въ жизни вѣрныя доказательства часто стоятъ менѣе, чѣмъ вѣрныя чувства.

Въ отношеніи Марчеллы Магъ имѣлъ «вѣрныя чувства» и вѣрно отгадывалъ, что двигало ея поступками. Другіе о ней позабыли,—Фебуфисъ ею не интересовался. Онъ съ той поры имѣлъ много другихъ успѣховъ у женщинъ, которыя, помимо своей красоты, льстили его самолюбію, и вообще шелъ на быстрыхъ парусахъ, при слабомъ рулѣ, который не правилъ судномъ, а предавалъ его во власть случайнымъ теченіямъ. Въ характерѣ его все болѣе обозначались признаки необузданности и своеволия. Успѣхи его туманили. Онъ становился капризенъ.

— Я хотѣлъ бы знать, чего онъ хочетъ? — говорилъ Пикъ.

— А я не хотѣлъ бы объ этомъ знать, но знаю, — отвѣчалъ Макъ.

— Чего же онъ хочетъ?

— Своей гибели, — и она будетъ его удѣломъ.

IV.

Фебуфису было около тридцати лѣтъ, когда онъ сбѣлъ съ руль исторію Марчеллы и потомъ въ теченіе одного года сдѣлалъ два безумные поступка: во-первыхъ, онъ послалъ дерзкій отказъ своему правительству, которое, по его мнѣнію, не достаточно почтительно приглашало его возвратиться на родину, чтобы принять руководство художественными работами во дворцѣ его государя; а, во-вторыхъ, произвелъ выходку, скандализовавшую цѣлую столицу. Жена одного изъ иностранныхъ дипломатовъ при папѣ удѣлила Фебуфису какую-то долю какого-то своего вниманія и потомъ, — какъ ему показалось, — занялась кардиналомъ. Фебуфись вскипѣлъ гнѣвомъ и выставилъ у себя въ мастерской самую неприличную картину вродѣ извѣстной классической *Pandora*. На этомъ полотнѣ онъ изобразилъ упомянутую красивую даму въ объятіяхъ знаменитаго въ свое время кардинала, а себя поставилъ близъ нихъ вмѣсто сатира, котораго отводить старуха со свѣчкой.

Картина эта представлялась забавною и ѣдкою всѣмъ, кромѣ мало разговорчиваго Мака.

— Твое цѣломудріе оскорблено моею *Пандорой*? — спросилъ его однажды вечеромъ, сидя за виномъ, Фебуфись.

Макъ прервалъ свое долгое молчаніе и отвѣтилъ ему:

— Да, съ этой поры я не перестану жалѣть, чѣмъ ты способенъ заниматься.

— Способенъ!... Какъ это глупо! Я способенъ заниматься всѣмъ... и я, наконецъ, не понимаю, почему иногда не позволить себѣ шалость.

— Ты называешь это шалостью?

— Конечно. А ты?

— По-моему, это низость, это растлѣніе другихъ и самого себя.

— Такъ ты видишь здѣсь одинъ цинизмъ?

— Нѣтъ, я вижу все, что здѣсь есть.

— Что же, напрімѣръ?

— Задоръ и вызовъ на борьбу людей, которыхъ не стѣбитъ трогать.

— Отчего? Они стоят довольно высоко и трогать их не безопасно.

— А-га! такъ тебѣ это доставляетъ удовольствіе?

— И очень большое.

Магъ тихо двинулъ плечами и, улыбнувшись, сказалъ:

— Я предпочелъ бы беречь свои силы, нѣмъ ихъ такъ раскидывать.

— Въ такомъ случаѣ, всѣ тѣ, кто желаетъ заслужить себѣ одобреніе властей, имѣютъ теперь отличный случай достигъ этого, — стоить только обнаруживать пренебреженіе *Пандоръ*. Ты это дѣлаешь?

Магъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ты не задерешь меня! Я не ссорюсь изъ-за пустяковъ и не люблю, когда ссорятся. Мнѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ, которые ищутъ для себя расположенія у властей, но мнѣ нравятся тѣ, которые не задираются съ ними.

— Ну, не хитри Магъ, ты — скрытый аристократъ.

— Пожалуй, я — аристократъ въ томъ смыслѣ, что я не хочу подражать слугамъ, предразнивающимъ у себя на застольной своихъ господъ. Я совсѣмъ не интересуюсь господами.

— Другими словами, ты бережешь себя для чего-то лучшаго.

— Очень быть можетъ.

Фебуфисъ ему насмѣшливо поклонился.

— Можешь мнѣ и не кланяться, — спокойно сказалъ ему Магъ.

И Магъ, заплативъ свои деньги, ушелъ ранѣе другихъ изъ таверны.

Обѣ выходки Фебуфиса, какъ и слѣдовало ожидать, не прошли даромъ: первая оскорбила правительство его страны и Фебуфису нельзя было возвратиться на родину, а вторая подняла противъ него страшную бурю въ самомъ Римѣ и угрожала художнику наемнымъ убійствомъ.

Фебуфисъ отнесся къ тому и къ другому съ полнымъ легкомысліемъ и даже бравировалъ своимъ положеніемъ; онъ ни съ того, ни съ сего написалъ своему государю, что очень радъ не возвращаться, ибо изъ всѣхъ формъ правленія предпочитаетъ республику, а насчетъ картины, компрометировавшей даму и кардинала, объявилъ, что это «мечта живописца», и позволялъ ее видѣть посѣтителемъ.

Въ это самое время по Европѣ путешествовалъ одинъ молодой герцогъ, о которомъ тогда говорили, будто онъ располагалъ несметными богатствами. О немъ тогда было очень много толковъ; увѣ-

рили, будто онъ отличался необыкновенною смѣлостью, щедростью и непреклонностью какихъ-то своихъ совершенно особенныхъ и твердыхъ убѣжденій, съ которыми, долго ли, коротко ли, придется посчитаться очень многимъ. Это дѣлало его интереснымъ со стороны политической, а въ то же время герцогъ слылъ за большаго знатока и цѣнителя разнообразныхъ произведеній искусства и особенно живописи.

Высокій путешественникъ прибылъ въ Римъ полуинкогнито изъ Неаполя, гдѣ всѣ имъ остались очень довольны. Папскій Римъ ему не понравился. Рассказывали, будто онъ сказалъ какому-то дипломату, что «дѣло поповъ — молиться, но не ихъ дѣло править», и не только не хотѣлъ принимать здѣсь никакихъ официальныхъ визитовъ, но даже не хотѣлъ осматривать и многихъ замѣчательностей вѣчнаго города.

Властямъ, которыя надѣялись вступить съ герцогомъ въ нѣкоторыя сношенія, было крайне неприятно, что онъ собирався уѣхать отсюда ранѣе, чѣмъ предполагалось по маршруту.

Говорили, будто одному изъ наиболѣе любимыхъ путешественникомъ лицъ въ его свитѣ былъ предложенъ богатый подарокъ за то, если оно сумѣетъ удержать герцога на опредѣленное по маршруту время. Это лицо, — кажется, адъютантъ, — любя деньги и будучи смѣло и находчиво, позаботилось о своихъ выгодахъ и сумѣло заинтересовать своего повелителя рассказомъ о скандальномъ происшествіи съ картиною Фебуфиса, которая какъ разъ о ту пору оскорбила римскихъ монаховъ и о ней шель говоръ въ художественныхъ кружкахъ и въ свѣтскихъ гостиныхъ.

Хитрость молодого царедворца удалась вдвойнѣ: герцогъ заинтересовался рассказомъ и пожелалъ посѣтить мастерскую Фебуфиса. Этимъ предпочтеніемъ онъ могъ нанести ударъ властнымъ монахамъ, и отъ этого одного у него прошла хандра, но за то она слишкомъ рѣзко уступила мѣсто нетерпѣнію, составлявшему самую сильную черту характера герцога.

Фебуфисъ входилъ въ кругъ идей для него постороннихъ и неожиданно получилъ новое значеніе.

У.

Тотъ же самый адъютантъ, которому удалось произвести переѣзду въ расположеніи высокаго путешественника, былъ посланъ къ Фебуфису извѣстить его, что такая-то особа, путешествующая подъ такимъ-то инкогнито, желаетъ завтра быть въ его мастерской.

Фебуфису показалось, что это сдѣлано какъ будто надменно, и его характеръ нашелъ себѣ здѣсь пищу.

— Развѣ вашъ герцогъ такъ любитъ искусство?—спросилъ онъ небрежно у адъютанта.

— Да, герцогъ очень любитъ искусство.

— И что-нибудь въ немъ понимаетъ?

— Какъ вы странно спрашиваете! Герцогъ прекрасный цѣнитель въ живописи.

— Я слыхалъ только, что онъ хорошій покупатель.

— Нѣтъ, я говорю вамъ именно то, что и хочу сказать: герцогъ—хорошій *цѣнитель*.

— Быть цѣнителемъ, это значитъ имѣть понятія о благородныхъ задачахъ искусства.

— Мм... да!... Онъ ихъ имѣетъ.

— Въ такомъ разѣ вы повезите его къ Магу.

— Кто это Магъ?

— Магъ? Это мой славный товарищъ и славный художникъ. У него превосходныя идеи, и я когда-то пользовался его совѣтомъ и даже началъ было картину *Бросься внизъ*, но не могъ справиться съ этою идеей.

— *Бросься внизъ?*

— Да... *Бросься внизъ*.

Гостю показалось, что хозяинъ надъ нимъ обидно шутить, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Я не понимаю такого сюжета.

— Позвольте усомниться.

— Я не имѣю привычки шутить съ незнакомыми.

— «Бросься внизъ»—это изъ *Евангелія*.

— Я не знаю такого текста.

— Сатана говоритъ Христу: «бросься внизъ».

Адъютантъ сконфузился и сказалъ:

— Вы правы, я вспоминаю,—это сцена на кровлѣ храма?

— Вы называете это «сценою»? Ну, прекрасно, будь по-вашему: станемъ называть евангельскія событія «сценами», но, впрочемъ, все дѣло въ благородствѣ задачи. Обыкновенно, вѣдь, пишутъ сатану съ рожками, и онъ приглашаетъ Христа броситься за какия-то царства... По идеѣ Мага выходило совсѣмъ не то: его сатана очень внушительный и практическій господинъ, который убѣждаетъ вдохновеннаго правдолюбца только снизойти съ высотъ его духовнаго настроенія и немножко «броситься внизъ», придти отъ правды Бога къ правдѣ герцоговъ и королей, войти съ нимъ

въ союзъ... а Христось, вы знаете, этого не сдѣлалъ. Какъ думать, что у нихъ шло дѣло объ этомъ, и что Христось *на это* не согласился.

— Да, конечно. Это тоже интересно... Но герцогъ вообще хочетъ видѣть всѣ ваши работы.

— Двери моей студіи открыты и вашъ повелитель можетъ въ нихъ войти, какъ и всякій другой.

— Онъ непремѣнно желаетъ быть у васъ завтра.

— Непремѣнно завтра?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, лучше пусть онъ придетъ послѣ-завтра!

— Позвольте!... Но почему же послѣ-завтра, а не завтра?

— А почему именно непремѣнно завтра, а не послѣ-завтра?

— Нѣтъ, ужъ позвольте завтра!

— Нѣтъ, послѣ-завтра!

Адъютантъ молча хлопнулъ нѣсколько разъ глазами, что составляло его привычку въ минуты усиленныхъ соображеній, и проговорилъ:

— Что же это значить?

— Ничего, кромѣ того, что я вамъ сказалъ, — отвѣчалъ Фебуфисъ и, вспрыгнувъ на высокій табуретъ передъ большимъ холстомъ, который расписывалъ, взялъ въ руки кисти и палитру.

Все существо его лиговало и озарялось торжествомъ въ самомъ его любимомъ родѣ: онъ могъ глядѣть свысока на стоявшаго около него свѣтскаго человѣка, присланнаго могущественнымъ лицомъ, и, такимъ образомъ, унижалъ и посла, и самого пославшаго.

Адъютантъ не скрывалъ своего неприятнаго положенія и сказалъ:

— Я не могу передать герцогу такого отвѣта.

— Отчего?

— Онъ не терпитъ отказовъ.

— Въ такомъ случаѣ, нечего дѣлать.

— Онъ не согласится остаться здѣсь до послѣ-завтра.

— Человѣкъ, который такъ любитъ искусство, согласится.

— Онъ назначилъ завтра вечеромъ уѣхать.

— Онъ самъ себѣ господинъ и всегда можетъ отсрочить.

Адъютантъ разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Вы оригинальный человѣкъ.

— Да, я не рабская копія.

— Безъ сомнѣнія, герцогъ можетъ остаться вездѣ, сколько ему угодно, но... поймите же, что съ нимъ не принято такъ обходиться. Ему нельзя дигтовать.

- Да, говорить, что у него есть характер?
- И очень большой.
- Говорять, говорить, и мнѣ это интересно! Такъ вотъ вы скажите ему, что я, такъ и быть, пушу его къ себѣ послѣ-завтра.
- Прошу васъ, оставьте это, маэстро!
- Не могу, господинъ адъютантъ, не могу, — я тоже, — рекомендуюсь вамъ, — человекъ чертовски упрямый.
- На что вамъ его сердить?
- По совѣсти сказать, ни на что, но мнѣ теперь взошла въ голову такая фантазія, и вы со мною, съ позволенія вашего, ни чорта не подѣлаете, ради всѣхъ герцоговъ вмѣстѣ и порознь.
- Вы дерзки.
- Хотите дуэль?
- Очень хотѣлъ бы, но, съ сожалѣнію, я теперь не могу принять дуэли.
- Почему?
- Конечно, не потому, что я не желаю васъ убить или страшусь быть убитымъ, но потому, что я состою въ свитѣ такого лица, путешествіе котораго не должно сопровождаться никакими скандалами.
- Хорошо, не нужно дуэли, но я вамъ предлагаю пари.
- Какое? Въ чемъ оно состоитъ?
- Оно состоитъ вотъ въ чемъ: мнѣ кажется, будто я знаю вашего герцога больше, чѣмъ вы.
- Это интересно.
- Да, и я это утверждаю и держу пари, что если вы передадите ему то, что я вамъ сказалъ, то онъ останется здѣсь еще на день.
- Ни за что на свѣтѣ!
- Вы ошибаетесь.
- Оставимъ этотъ разговоръ.
- А я вамъ ручаюсь, что я не ошибаюсь; онъ чудесно прождетъ до послѣ-завтра и я вамъ совѣтую принять пари, которое я предлагаю.
- Я желалъ бы знать, въ чемъ же будетъ заключаться самое пари?
- Въ томъ, что если вашъ повелитель останется здѣсь *на три дня*, то вы безъ всякихъ отговорокъ должны исполнить то, что я закажу вамъ; а если онъ не останется, то я исполню любое приказаніе, какое вы мнѣ дадите. Наши шансы равны, и даже, если хотите знать, я рискую больше, чѣмъ вы.
- Чѣмъ?

— Я не буду знать, точно ли вы передадите мои слова.

— Я передамъ ихъ въ точности, но въ свою очередь я могу принять ваше условіе только въ томъ случаѣ, если въ заказѣ, который вы мнѣ намѣрены сдѣлать въ случаѣ моего проигрыша, не будетъ ничего унижительнаго для моей чести.

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ...

— Вы принимаете мое пари?

— Да.

— Это прелестно: мы заключаемъ пари на герцога.

— Мнѣ неприятно, что вы надъ этимъ смѣетесь.

— Я не буду смѣяться. Пари идетъ?

— Извольте.

— Я подаю вамъ мою руку съ самыми серьезными намѣреніями.

— Я съ такими же ее принимаю.

Молодые люди ударили по рукамъ, и офицеръ откланялся и ушелъ, а Фебуфисъ, проводивъ его, отправился въ кафе, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ съ своими знакомыми и весело шутилъ съ красивыми служанками, а когда возвратился вечеромъ домой, то нашелъ у себя записку, въ которой было написано:

« Онъ остается здѣсь съ тѣмъ, чтобы быть у васъ въ студіи послѣ-завтра ».

Фебуфисъ небрежно смялъ записку и, улыбнувшись, написалъ и послалъ такой же короткій отвѣтъ. Въ отвѣтъ этомъ значилось слѣдующее:

« Онъ пробудетъ здѣсь три дня ».

VI.

Слѣдующій день Фебуфисъ провелъ, по обыкновенію, за работой и принималъ нѣсколько иностранцевъ, которые внимательно осматривали его талантливныя работы, а втайнѣ всего болѣе заглядывались на *Messaline dans la loge de Lisisca*, которая занимала большое и видное мѣсто. Картина во весь день не была задернута gobеленомъ и ее видѣли всѣ, кто посѣтилъ студію.

Потомъ Фебуфисъ былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣлъ въ обычаѣ посѣщать ежедневно, но вернулся домой нѣсколько раньше и, запершись дома съ слугою, занялся приведеніемъ своей мастерской въ большой порядокъ.

Семейство желчнаго, больнаго скульптора, обитавшее въ ниж-

нежь жилъ, которое находилось подъ ателье Фебуфиса, очень долго слышало шумъ и возню отъ передвижанія тяжелыхъ мольбертовъ. Можно было думать, что художникъ наскучилъ старымъ расположеніемъ своей мастерской, или ему, можетъ быть, пришла фантазія исполнить какую-нибудь новую затѣю съ *Messaline dans la loge de Lisisca*.

Это такъ и было.

На слѣдующій день догадки нижняго семейства подтвердились и разъяснились: тотчасъ послѣ ранней сіесты мастерскую Фебуфиса посѣтилъ именитый путешественникъ въ сопровожденіи двухъ лицъ изъ своей свиты.

Одинъ изъ нихъ былъ престарѣлый, но молодящійся сановникъ, во фракъ и съ значительнымъ количествомъ звѣздъ. Онъ былъ первый совѣтникъ герцога по всѣмъ дѣламъ, касающимся иностранныхъ сношеній, и занималъ должность начальника этого вѣдомства. Въ числѣ украшавшихъ лацкана его звѣздъ были и такія, которыхъ никто другой, кромѣ его, не имѣлъ. Старецъ носилъ превосходно взбитый на головѣ парикъ, блисталъ бѣлѣйшими зубами и былъ подрисованъ и зашнурованъ въ корсетъ. Лѣта его были неизвѣстны, но онъ держался бодро, хотя и вздрагивалъ точно подъ ударами вольтова столба. Чтобы маскировать это произвольное движеніе, онъ отъ времени до времени дѣлалъ то же самое нарочно. Въ существѣ это была дипломатическая хартія, вся уже выцвѣтшая, но еще кое-какъ разбираемая при случаѣ. Въ немъ была смѣсь джентльмена, маркиза и дворецкаго, но утверждали, будто въ дѣлахъ онъ ловокъ и очень находчивъ. Другой при герцогѣ былъ тотъ самый молодой адъютантъ, съ которымъ Фебуфисъ держалъ свое пари о «завтра и послѣ-завтра».

Самъ герцогъ и оба его провозатые были въ обыкновенномъ партикулярномъ платьѣ, въ которомъ, впрочемъ, герцогъ держался совсѣмъ по-военному. Онъ былъ представительный и даже красивый мужчина, имѣлъ очень широкія манеры и глядѣлъ какъ человекъ, который не боится, что его кто-нибудь остановитъ; онъ поводилъ плечами, какъ будто на немъ были эполеты, и шелъ легко, словно какъ только изъ милости касался ногами земли.

Взойдя въ atelier, герцогъ окинулъ все помѣщеніе глазами и удивился. Онъ какъ будто увидалъ совсѣмъ не то, что думалъ найти, и остановился посреди комнаты, насушивъ брови, и, оборотясь къ адъютанту, сказалъ:

— Это не то.

Адъютантъ покраснѣлъ.

— Это не то,—повторилъ громко герцогъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, подалъ художнику руку.

Фебуфисъ ему поклонился.

— А гдѣ же это?

Фебуфисъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ то на герцога, то на его провожатыхъ.

— Я спрашиваю это... то, что у васъ есть...

— Здѣсь рѣшительно все, что можетъ быть достойно вашего вниманія.

— Но было еще что-то?

— Бое-какой хламъ... пустяки, недостойные вашего вниманія.

— Прекрасно... благодарю, но я не хочу, чтобы вы со мною чинились: не обращайтесь вниманія, что я здѣсь, и продолжайте работать,—я хочу неспѣша осмотрѣть все, что есть у васъ въ atelier.

И онъ началъ скоро ходить взадъ и впередъ и вдругъ опять сказалъ:

— Да гдѣ же, наконецъ, *то*?

— Что вы желаете видѣть?—спросилъ Фебуфисъ.

— Что?

Герцогъ гнѣвно металъ глазами и не отвѣчалъ, а его адъютантъ стоялъ переконфуженный, но статскій сановникъ шепнулъ:

— Герцогъ хочетъ видѣть *ту* картину... *ту* вашу картину... *ту*, о которой всѣ говорятъ.

— Ахъ, я догадываюсь, — отвѣчалъ Фебуфисъ и откатилъ подставку, на которой стояло обернутое лицомъ къ стѣнѣ полотно съ новымъ многочисленнымъ историческимъ сюжетомъ.

— Не то!—вскричалъ герцогъ.—Что изображаетъ эта картина?

— Она изображаетъ знаменитаго въ XVI вѣкѣ живописца Луку Бранаха.

— Ну?

— Онъ, какъ извѣстно, былъ почтенъ большою дружбой Іоанна Великодушнаго.

— А что далѣе?

— Художникъ умѣлъ быть благороднѣе всѣхъ высокорожденныхъ льстецовъ и царедворцевъ, окружавшихъ Іоанна, и когда печальная судьба обрекла его покровителя на заточеніе, его всѣ бросили, кромѣ Луки Бранаха.

— Очень благородно, но... что еще?

— Лука Бранахъ одинъ добровольно раздѣлялъ неволю съ Іоанномъ въ теченіе пяти лѣтъ и поддерживалъ въ немъ душевную бодрость.

— Хорошо!

— Да, они не только не унывали въ заточеніи, но даже успѣли многому научиться и еще болѣе возбудить свои душевныя силы. Я на своей картинѣ представилъ, какъ они проводили свое время: вы видите здѣсь...

— Да, я вижу, прекрасно вижу.

— Иоаннъ Великодушный читаетъ вслухъ книгу, а Лука Бранхъ слушаетъ чтеніе и самъ пишетъ этюдъ нынынѣшней знамени той вѣнской картины *Почтлуй Іуды*...

— Ага! намежь предателямъ!

— Да, вокругъ узниковъ миръ и творческая тишина, можно думать, что книга—историческая и, можетъ быть, говорить о нравахъ царедворцевъ.

— Дрянъ!—оторвалъ герцогъ.—Вы прекрасно будете поступать, если будете всегда карать эти нравы.

Фебуфисъ продолжалъ указывать муштабелемъ на изображеніи Бранаха и говорилъ съ оживленіемъ:

— Я хотѣлъ выразить въ лицѣ Бранаха, что онъ старается проникнуть характеръ предателя и проникаетъ его... Онъ изображаетъ Іуду не злымъ, не скупцомъ, продающимъ друга за ничтожную цѣну, а только узкимъ, раздраженнымъ человѣкомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это прекрасно!

— Это человѣкъ, который не можетъ снести широты и смѣлости Христа, вдохновеннаго мыслью о любви ко всѣмъ людямъ безъ различія ихъ породы и вѣры. Съ этой картины Бранхъ началъ ставить внизу монограмму сухаго, тощаго дракона въ пятой манерѣ.

— Помню: сухой и тощій драконъ.

— Есть преданіе, будто онъ растиралъ для этого краску съ настоящею драконовою кровью...

— Да... Но, вѣдь, это все не то!—перебилъ его герцогъ.—Гдѣ же то?!... Я хочу видѣть вашу голую женщину!

— Голую женщину?

— Ну, да, голую женщину! — подсказалъ ему старый са новникъ.

— Ту голую женщину, которая вчера была на этомъ мольбертѣ,—подсказалъ съ другой стороны адъютантъ.

— Ахъ, вотъ это называете *то*?...

— Ну, да!

— Да, да.

— Но вы ошибаетесь, полковникъ, это, вѣдь, было не вчера, а позавчера.

— Оставьте споръ и покажите мнѣ, гдѣ голая женщина?

— Я думалъ, что она не стоить вашего вниманія, ваша свѣтлость, и убралъ ее.

— Достаньте.

— Она вынесена далеко и завалена хламомъ.

— Для чего вы это сдѣлали?

Фебуфисъ улыбнулся и сказалъ:

— Я могу быть откровененъ?

— Конечно!

— Я такъ много слышалъ о вашей строгости, что проработалъ всю ночь за перестановкою моей мастерской, чтобы только убрать нескромную картину въ недоступное мѣсто.

— Ненаходчиво. Впрочемъ, меня любятъ представлять звѣремъ, но... я не таковъ.

Фебуфисъ поклонился.

— Я хочу видѣть вашу картину.

— Чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ проработать другую ночь, но едва могу ее достать развѣ только къ завтрашнему дню.

Посѣтителю понравилась веселая откровенность Фебуфиса, а также и то, что онъ его будто боялся. Лицо герцога приняло смягченное выраженіе.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—достаньте. Я остаюсь здѣсь еще до завтра.

Онъ не сталъ ничего больше разсматривать и уѣхалъ съ своими провожатыми, а Фебуфисъ обернулъ опять лицомъ къ стѣнѣ полотна съ *Сатаной* и *Кранахомъ*, а *Пандору* поставилъ на мольбертъ и закрылъ гобеленомъ, подвижно ходившимъ на вздержковыхъ кольцахъ.

VI.

Устроивъ у себя въ мастерской все опять какъ было, по-старому, Фебуфисъ пошелъ, по обыкновенію, вечеромъ въ кафе, гдѣ сходились художники, и засталъ тамъ, въ числѣ прочихъ, скульптора, занимавшаго помѣщеніе подъ его мастерскою. Они повидались дружески, какъ всегда было прежде, но скульпторъ скоро началъ подшучивать надъ демократическими убѣжденіями Фебуфиса и рассказалъ о вознѣ, которую онъ слышалъ у него въ мастерской.

— Я не могъ этого понять до тѣхъ поръ, — говорилъ скульпторъ, — пока не увидалъ сегодня входившаго къ тебѣ герцога.

— Да, и когда ты его увидалъ, ты тоже ничего не понималъ?

— Я понялъ, что ты тоже не прочь поддѣлываться.

— Къ кому?

— Къ великимъ міра.

— Ну!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да еще къ такимъ, какъ этотъ герцогъ, который, говорятъ, рычить, а не разговариваетъ съ людьми по-человѣчески.

— Это неправда.

— Ты за него заступаешься!

— А отчего бы нѣтъ?

— Онъ тебя причаровалъ.

— Онъ держалъ себя со мною какъ бравый малый... немножко по-солдатски, но... онъ мнѣ понравился, и я даже не хотѣлъ бы, чтобы о немъ говорили неосновательно.

— Онъ купилъ чѣмъ-то твое расположеніе.

Фебуфисъ вспыхнулъ. Его горячій и вспыльчивый нравъ не дозволилъ ему ни отшутиться, не разъяснить своего поведенія, — онъ увидѣлъ въ намекѣ скульптора нестерпимое оскорбленіе и въ безумной запальчивости отвѣтилъ ему еще бѣльшимъ оскорбленіемъ. Завязался споръ и дошелъ до того, что Фебуфисъ схватился за стилетъ. Скульпторъ сдѣлалъ то же и они мгновенно напали одинъ на другаго. Ихъ розняли, но Фебуфисъ, однако, успѣлъ нанести скульптору легкую царапину и самъ былъ довольно серьезно раненъ въ правую руку.

Въ дѣло сейчасъ же вмѣшалась полиція, — римскія власти обрадовались случаю наказать художника, оскорбившаго своею нескромною картиною кардинала. Фебуфисъ, какъ зачинщикъ схватки, ночью же получилъ извѣщеніе, что онъ долженъ оставить Римъ до истеченія трехъ сутокъ.

Гнѣвъ овладѣлъ Фебуфисомъ въ такой степени, что онъ не заботился о послѣдствіяхъ и сидѣлъ въ своей мастерской, когда къ нему опять вошли герцогъ-incognito съ его молодымъ провожатымъ и старцемъ со звѣздою.

Фебуфисъ привсталъ при ихъ входѣ и, держа правую руку на перевязи, лѣвою открылъ картину.

Высокій гость сразу обнялъ взглядомъ *Пандору*, прищурилъ лѣвый глазъ и расхохотался, — столько было въ ней нескромнаго и въ нескромномъ смѣшнаго. Картина, видимо, доставляла зрителямъ

величайшее наслаждение и привела герцога въ самое доброе расположеніе. Онъ протянулъ художнику руку. Тотъ извинился, что подаетъ лѣвую руку.

— Принимаю ее, — отвѣчалъ гость, — она ближе къ сердцу. А, кстати, я слышалъ, что съ вами случилась непріятность?

— Я не обращаю на это вниманія, ваша свѣтлость.

— Однако, васъ высылають изъ папскихъ владѣній?

— Да.

— Въ этой исторіи я оказываюсь немножко причинень... Я очень былъ бы радъ быть вамъ полезенъ.

— Я на это не рассчитывалъ; но вы были мой гость и я не хотѣлъ, чтобы о васъ говорили неуважительно.

— Вы поступили очень благородно. Сколько стоитъ *Кранахъ*? Фебуффисъ сказалъ цѣну.

— Это дешево. Я ее покупаю и плачу вдвое.

— Это сверхъ мѣры и я...

— Ничего не сверхъ мѣры: благородная идея дорого стѣитъ. И, кромѣ того, во всякомъ случаѣ, я еще вашъ должникъ. Скажите мнѣ, куда вы теперь намѣрены уѣхать и что намѣрены дѣлать?

— Я застигнутъ врасплохъ и ничего не знаю.

— Обдумайтесь скорѣе. Вы, вѣдь, не въ ладахъ съ вашимъ государемъ.

— Да, ваша свѣтлость.

— Это не хорошо. Я могу просить за васъ.

— Покорно васъ благодарю. Я не желаю прощенія.

— Дурно. Впрочемъ, все вы, художники, всегда съ фантазіями, но я хотя и не художникъ, а мнѣ тоже иногда приходятъ фантазіи: не хотите ли вы ѣхать со мною?

— Какъ съ вами? Куда?

— Куда Богъ понесетъ. Со мною вы можете уѣхать ранѣе, чѣмъ вамъ назначено, и мы посѣтимъ много любопытныхъ мѣстъ... Кстати, вы мнѣ можете пригодиться при посѣщеніи галлерей; а я вамъ покажу дикія мѣстности и дикій воинственный народъ; быть котораго можетъ представить много интереснаго для вашего искусства... Другими никакими соображеніями не стѣсняйтесь — это все дѣло товарища, который васъ съ собой приглашаетъ.

Фебуффисъ стоялъ молча.

— Значить, ѣдемъ? — продолжалъ гость. — Сдѣлаемъ вмѣстѣ путешествіе, а потомъ вы свободны. Рука ваша пройдетъ и вы опять будете въ состояніи взяться за кисти и за палитру. Мы разстанемся тамъ, гдѣ вы захотите меня оставить.

— Вы такъ ко мнѣ милостивы, — перебилъ Фебуфись, — я опасаюсь, какъ бы мысль о разлукѣ не пришла очень поздно.

Гость улыбнулся.

— Вы «опасаетесь», вы думаете, что можете пожелать разстаться со мною, когда будетъ «поздно»?

Фебуфись сконфузился своей неясно выраженной мысли.

— Ничего, ничего! Я люблю чистосердечіе... Все, что чисто-сердечно, то все мнѣ нравится. Я приглашаю васъ быть моимъ товарищемъ въ путешествіи, и если вы запоздаете разстаться со мною на дорогѣ, то я приглашаю васъ къ себѣ и ручаюсь, что вамъ у меня будетъ не худо. Вы найдете у меня много дѣла, которое можетъ дать просторъ вашей кисти, а я подыщу вамъ невѣсту, которая будетъ достойна васъ умомъ и красотою и дастъ вамъ невозмутимое домашнее счастье. Наши женщины прекрасны.

— Я это знаю, — отвѣчалъ Фебуфись.

— Только онѣ прекрасныя жены, но позировать въ натурѣ не пойдутъ. Такъ это рѣшено: вы мой товарищъ?

— Я вашъ покорнѣйшій слуга.

— Прекрасно! И вы съ этой же секунды увидите, что это довольно удобно: берите шляпу и садитесь со мною. Распоряженія и сборы объ устройствѣ вашей студиі не должны васъ волновать. При ранѣ, хотя бы и не опасной, это вредно... Довѣрьте это ему.

Гость показалъ глазами на своего адъютанта и, оборотясь слегка въ его сторону, добавилъ:

— Сказать въ посольствѣ, что они отвѣчаютъ за всякую мелочь, которая здѣсь есть. Все уложить и переслать на мой счетъ куда потребуется. Положитесь на него и берите вашу шляпу.

Фебуфись протянулъ руку провожатому и сказалъ:

— Мы квиты.

Тотъ вспыхнулъ.

Герцогъ посмотрѣлъ на молодыхъ людей и произнесъ:

— Что между вами было?

— Пари, — отвѣтилъ Фебуфись и коротко добавилъ, что графъ ему проигралъ маленькую услугу и теперешнія его заботы онъ принимаетъ за свитку.

— И прекрасно! Честный человѣкъ всегда платитъ свои долги! А въ чемъ было пари?

Фебуфись опять взглянулъ въ лицо адъютанта и ему показалось, что этотъ человѣкъ умретъ сію минуту.

— Извините, ваша свѣтлость, — сказалъ Фебуфись, — въ это замѣшано имя третьяго лица.

— Ахъ, тайна! Что есть тайна, то и должно оставаться тайною. Я не хочу знать о вашемъ пари. Вдемъ.

Фебуфисъ вышелъ вмѣстѣ съ герцогомъ и съ нимъ же вмѣстѣ уѣхалъ въ роскошное помѣщеніе его посла.

VIII.

Извѣстіе о томъ, что Фебуфисъ такъ спѣшно покидаетъ Римъ, и, притомъ, въ сообществѣ могущественнаго лица, мгновенно облетѣло всѣ художественные кружки. Фебуфисъ теперь не удалялся изъ Рима какъ изгнанникъ, а онъ выступалъ какъ человѣкъ, который одержалъ блистательную побѣду надъ своими врагами. Никто не сомнѣвался, что Фебуфисъ не испугался бы изгнанія изъ Рима и, можетъ быть, вышелъ бы отсюда еще съ какою-нибудь новою дерзостью, но выйти такъ величественно, какъ онъ теперь выходитъ съ могущественнымъ покровителемъ, который добровольно назвалъ его «товарищемъ», это было настоящее торжество. Всѣ говорили: «А герцогъ-то, значить, совсѣмъ не такой грубый человѣкъ, какъ о немъ рассказываютъ. Вонъ онъ какъ простъ и какъ привѣтливъ! Что ни говори, а онъ достоинъ симпатій!»

И вотъ молодые художники, — всѣ, кто зналъ Фебуфиса, побросали работы и веселою гурьбой отправились на первую станцію, гдѣ надлежало перемѣнять лошадей въ экипажи путешественника и его свиты. Всѣ они хотѣли проводить товарища и даже привѣтствовать его великодушнаго покровителя. Въ числѣ провожатыхъ находились и Пикъ и Макъ.

Здѣсь были цвѣты, вино, пѣсни и даже сочинили на-скоро величанье «покровителю художниковъ».

Герцогъ былъ очень доволенъ сюрпризомъ: онъ не спѣшилъ прерывать прощаніе товарищей, и даже самъ поднялъ бокалъ за «товарищей» и за процвѣтаніе «всего изящнаго въ мірѣ».

Это возбудило такой всеобщій восторгъ, что герцогъ уѣхалъ сопровождаемый долго неумолкавшими кликами самаго непритворнаго и горячаго восторга.

Экипажъ, въ которомъ ѣхали Фебуфисъ и адъютантъ, съ разрѣшенія герцога, остался здѣсь до утра, когда оба путешественника были уложены въ коляску и, удаляясь, должны были долго слышать вслѣдъ за собою нетрезвые крики друзей, смѣшивавшихъ имена Луки Кранаха съ именемъ Фебуфиса и имя герцога съ именемъ Іоанна Великодушнаго. Болѣе всѣхъ шумѣлъ Пикъ.

— Нѣтъ, каковъ герцогъ! Каковъ этотъ суровый, страшный герцогъ! — кричалъ онъ весь въ поту, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Смотри, будь счастливъ, Фебуфисъ! — вторили ему другіе.

— О, онъ будетъ счастливъ! Онъ долженъ быть счастливъ съ такимъ покровителемъ!

— Еще бы! такое покровительство хоть кого выведетъ къ всемірной славѣ, тѣмъ болѣе Фебуфиса. Но какъ онъ это обдѣлалъ!

— А это штука, но что бы кто ни говорилъ, я ручаюсь за одно, что Фебуфисъ не дозволилъ себѣ ничего такого, что бы могло бросить тѣнь униженнаго искательства на его поведеніе!

— Конечно, конечно!

— Я тамъ не былъ, но я это чувствую... и я за это ручаюсь, — настаивалъ Пикъ.

— Конечно, конечно!... Изъ насъ никто тамъ не былъ, но мы всѣ ручаемся, что Фебуфисъ не сказалъ ни одного унижительнаго слова, что онъ не сдѣлалъ передъ герцогомъ ни одного поклона ниже, чѣмъ слѣдуетъ, и вообще... онъ... вообще...

— Да, вообще... вообще Фебуфисъ — благородный малый, и если скульпторъ имѣетъ объ этомъ иное мнѣніе, то онъ можетъ потребовать отъ каждаго изъ насъ отдѣльныхъ доказательствъ въ залѣ фехтовальныхъ уроковъ, а Фебуфису мы пошлемъ общее письмо, въ которомъ напишемъ, какъ мы ему вѣримъ, какъ возлагаемъ на него самыя лучшія наши надежды и клянемся ему въ товарищеской любви и преданности до гроба.

— До гроба! до гроба!

Но въ это время кто-то крикнулъ:

— Вы поклонитесь на своихъ мечахъ!

Всѣ обернулись туда, откуда шелъ этотъ голосъ, и увидали Мака.

Макъ до сихъ поръ такъ упорно молчалъ, и это обижало Пика, теперь же, когда онъ прервалъ свое молчаніе фразой изъ Гамлета, Пикъ обидѣлся еще болѣе.

— Я не ожидалъ этого отъ тебя, Макъ, — сказалъ онъ и затѣмъ вспрыгнувъ на столъ и, снявъ съ себя шляпу, вскричалъ:

— Друзья, здѣсь шутки Мака неумѣстны! Восторгъ не должно опошлять! Восходитъ солнце, я гляжу въ его огненное лицо: я вижу восходящее свѣтило, я кладу мою руку на мое сердце, въ которое я умѣстилъ мою горячую любовь къ Фебуфису. Я призываю тебя, великій въ дружбѣ Крапахъ!... Кладите, друзья, свои руки не на мечи, а на ваши сердца, и поклоняемся доказать нашу дружбу Фебуфису всѣмъ и всегда... и всегда... и всегда... да... да... да!

У пришедшаго въ восторгъ Пика стало истерически дергать гор-

ло, и всё его поняли, схватили его со стола, подняли его и всё помялись въ чемъ-то на своихъ сердцахъ.

И затѣмъ опять пили и пѣли всё, кромѣ Мага, который тихо всталъ и, выйдя въ садъ, нашелъ скрывавшуюся въ густой куртнѣ молодую женщину. Это была Марчелла. Она стояла одиноко у дерева, какъ бы въ окаменѣннн. Магъ тронулъ ее за плечо и сказалъ ей:

— Тебѣ пора домой, Марчелла. Пойдемъ, я провожу тебя.

— Благодарю, — отвѣчала Марчелла и пошла съ нимъ рядомъ, но, пройдя не далеко по каменистой дорогѣ, остановилась и сказала:

— Меня покидаютъ силы.

— Отдохнемъ.

Они сѣли. До нихъ долетали звуки пьяныхъ пѣсенъ.

— Какъ они противно поютъ! — уронила Марчелла.

— Да, — отвѣчалъ Магъ.

— Онъ пропадетъ?

— Не знаю, а, впрочемъ, быть можетъ.

— Мое сердце это знаетъ.

— Твое сердце его не спасало.

— Ахъ, да, добрый Магъ, не спасало.

— Что же будемъ дѣлать?

— Жалѣй его вмѣстѣ со мною!

И она братски поцѣловала Мага.

А тамъ все еще пѣли.

Такого взрыва дружескихъ чувствъ друзья не видали давно, и, что всего лучше, ихъ пированье, начатое съ аффектаціей и поддержанное виномъ, не минуло безслѣдно. Художники на другой день не только послали Фебуфису общее и всѣми ими подписанное письмо, но продолжали интересоваться его судьбою, а его многообѣщавшая судьба и сама скоро начала усугублять ихъ вниманіе и сразу же общала сдѣлаться интересною, да и въ самомъ дѣлѣ скоро таковою сдѣлалась въ дѣйствительности.

IX.

Фебуфисъ вскорѣ же прислалъ первыя письма на имя Пика. Какъ въ жизни и въ искусствѣ, такъ и въ письмахъ своихъ онъ стремился быть болѣе красивымъ, чѣмъ натуральнымъ и искреннимъ, но, тѣмъ не менѣе, письма его чрезвычайно нравились Пигу и тѣмъ изъ ихъ товарищей, которые имѣли сродныя свойства самоудовлѣющихъ художественныхъ натуръ воспоминаемаго времени.

Стоило молодой буфетчицѣ кафе, куда адресовалась корреспонденція маленькаго Пика, показать конвертъ, надписанный на его имя, какъ всѣ вскричали:

— Отъ Фебуффиса ли? Письмо отъ Фебуффиса!

И если письмо было дѣйствительно отъ Фебуффиса, то Пикъ кивалъ утвердительно головою и всѣ вдругъ кричали:

— Друзья, письмо отъ Фебуффиса! Радость и вниманіе! Пишетъ товарищъ и другъ вѣнценосца! Читай, Пикъ!

Пикъ подчинялся общему желанію, раскрывалъ письмо, запечатанное всѣмъ знакомою камеей Фебуффиса, и читалъ. Тотъ описывалъ видѣнныя имъ мѣстности, музеи, дворцы и палаты, а также свои личныя впечатлѣнія и особеннo характеръ своего великодушнаго покровителя и свои взаимныя съ нимъ отношенія. По правдѣ сказать, это особенно всѣхъ интересовало. Ихъ отношенія часто приводили художниковъ въ такой восторгъ, что они всѣ чувствовали себя какъ бы объединенными съ высокимъ лицомъ чрезъ Фебуффиса. Въ ихъ дружескомъ кругѣ не упоминалось болѣе официальное величаніе этой особы, а вмѣсто всего громкаго титула ему дали отъ сердца испешнее имя: «великодушный товарищъ».

Иначе его не называлъ никто, кромѣ Мака, который, впрочемъ, имѣлъ отъ природы недовѣрчивый характеръ и былъ склоненъ къ насмѣшкѣ надъ всякими шумными и надутыми чувствами и восторгами, но на него не обращали много вниманія: онъ въ самомъ дѣлѣ былъ ворчунъ и, можетъ быть, портилъ прямую линію самодовлѣющему искусству, наклоняя его къ «еретическому культу служенія идеямъ».

По поводу путевыхъ впечатлѣній Фебуффиса Макъ не ликовалъ: онъ не только не интересовался ими, но даже былъ рѣзокъ и удивлялся: что въ нихъ можетъ интересоваться другихъ? Когда всѣ слушали, что описываетъ Фебуффисъ, Макъ или лѣниво зѣвалъ, или слѣдилъ глазами по печатнымъ строчкамъ газеты, ища встрѣтить имя Джузепе Гарибальди, тогда еще извѣстное очень немногимъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, были Марчелла и Макъ (Пикъ звалъ ихъ: «организмы изъ укуснаго гнѣзда». *Укусное гнѣздо* тогда было въ заводѣ). Понятно, что человѣку такого духа было мало нужды до «путешествія съ герцогомъ».

По взглядамъ Мака, Фебуффисъ былъ талантливый человѣкъ, который пошелъ по дурной дорогѣ, и въ виду чего-нибудь болѣе достойнаго имъ не стоить заниматься.

— Ты—«черный воронъ», Макъ,—говорилъ ему съ обидою въ голосъ Пикъ.—Завѣщай намъ, чтобы мы изъ тебя сдѣлали пугало.

— А ты, мой милый Пикъ, настоящій теленокъ, и изъ тебя безъ всякаго твоего завѣщанія когда-нибудь приготовить такой же шнель-клёпсъ, какъ изъ твоего Фебуфиса.

— А изъ Фебуфиса уже готовятъ шнель-клёпсъ?

— Ну, конечно,

Послѣ такихъ перемолвокъ Пикъ давалъ себѣ слово ничего не говорить о Фебуфисѣ въ присутствіи Мака, но, однако, не выдерживалъ и при всякомъ новомъ извѣстіи спѣшилъ возвѣстить его при Макѣ. Да и трудно было удержаться, потому что извѣстія приходили одно другаго эффективѣе. На шнель-клёпсъ не было ничего похожего, — напротивъ, между Фебуфисомъ и его покровителемъ образовалась такая настоящая, товарищеская дружба, что можно было опасаться: нѣтъ ли тутъ преувеличеній?

— Шнель - клёпса не будетъ! — говорилъ Пикъ, похлопывая Мака.

Но Макъ отвѣчалъ:

— Будетъ!

И вдругъ въ самомъ дѣлѣ запахло шнель-клёпсомъ: пришло письмо, въ которомъ Фебуфисъ описывалъ, какъ они сдѣлали большой переѣздъ верхами по горамъ, обитаемымъ дикимъ, воинственнымъ племенемъ. Прекрасно были описаны виды неприступныхъ скалъ, паденіе гремящихъ потоковъ и удивительное освѣщеніе высей и дымящихся въ туманѣ ущелій и долинъ; потомъ описывались живописныя одежды горцевъ, ихъ воинственный видъ, мужество, отвага и простота ихъ патриархальныхъ обычаевъ, при которой сохранилось полное равенство, и, въ то же время, дружественность и гостепримство съ ласковостью, доходящею до готовности сдѣлать пріятное гостю даже съ рискомъ собственной жизни.

«Въ одномъ мѣстѣ, — описывалъ Фебуфисъ, — я былъ чрезвычайно тронутъ этою благородною чертой и у насъ даже дошло дѣло до маленькой непріятности съ моимъ патрономъ. Впрочемъ, все это сейчасъ же было заглажено и отъ непріятнаго не осталось ни малѣйшаго слѣда, — напротивъ, мы еще болѣе сблизились, и я послѣ этого полюбилъ его еще болѣе».

— Начинается что-то любопытное, — вставилъ слово Макъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Пикъ, — вѣдь, ты слышишь: они «еще болѣе сблизились»; но слушайте, я продолжаю:

«Мы еще болѣе сблизились»... Да, вотъ гдѣ я остановился: «мы сблизились, — мы ѣхали вдоль узкой, покрытой кремнистою осыпью, тропинки, которая висѣла надъ обрывомъ горной рѣчки. По обѣимъ сторонамъ тропы возвышались совершенно отвѣсныя,

точно какъ бы обрубленные скалы гранита. Обогнувъ одинъ загибъ, мы стали лицомъ къ отвѣсной стѣнѣ, такъ сильно освѣщенной солнечнымъ блескомъ, что она вся казалась намъ огненною, а на ней, въ страшной высотѣ, надъ свѣсившимися нитями зеленаго діарита, мы увидали какой-то разсыпчатый огненный комъ, который то разлетался искрами, то вновь собирался въ вучу и становился густымъ. Мы всё недоумѣвали, что это за метеоръ, но наши проводники сказали намъ, что это просто рой дикихъ пчелъ. Горцы отлично знаютъ природу своего дикаго края и имѣютъ преострое зрѣніе: они опредѣлили намъ, что этотъ рой только что отроился отъ стараго гнѣзда, которое живетъ здѣсь же гдѣ-нибудь въ горной трещинѣ и что тамъ у нихъ долженъ быть медъ. Герцогъ пошутилъ, что здѣшнія пчелы очень предусмотрительны, что, живучи между смѣлыхъ людей, они нашли себѣ такой пріютъ, гдѣ ихъ не можетъ потревожить человѣкъ самый безстрашный. Но старшій въ нашемъ эскортѣ, сѣдоволосый горецъ, со множествомъ ремешковъ у пояса, на которыхъ были нанизаны засохшіе носы, отрубленные у убитыхъ имъ непріятелей, покачалъ своею красивою, бѣлою головой и сказалъ:

«— Ты не правъ, господинъ: въ нашихъ горахъ нѣтъ для насъ мѣстъ недоступныхъ.

«— Ну, этому я повѣрю только тогда, — отвѣчалъ герцогъ, — если мнѣ подадутъ отвѣдать ихъ меда.

«Услыхавъ это, старшій горецъ взглянулъ въ глаза герцогу и спокойно отвѣтилъ:

«— Ты попробуешь этого меда.

«Съ этимъ онъ сейчасъ же произнесъ, на своемъ языкѣ, какое-то, намъ непонятное слово, и одинъ молодой красавецъ наѣздникъ изъ отряда въ ту же минуту повернулъ своего коня, гикнулъ и исчезъ въ ущельѣ. А старикъ молчаливымъ жестомъ руки далъ намъ знакъ остановиться.

«Мы остановились и должны были это сдѣлать, потому что всё наши провожатые стали, какъ вкопанные, и не двигались съ мѣста... старецъ сидѣлъ на своемъ конѣ неподвижно, глядя вверхъ, гдѣ свивался и развивался золотистый рой. Герцогъ его спросилъ: «Что это будетъ?» — но онъ отвѣтилъ: «увидишь» и сталъ крутить въ грязныхъ пальцахъ свои сѣдые усы.

«Такъ прошло не болѣе времени, чѣмъ вы, можетъ быть, употребите на то, чтобы прочесть мои строки, и вдругъ на верху скалы, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ вился рой, промелькнулъ отдѣлившійся отъ насъ всадникъ, а еще черезъ мгновение мы увида-

ли его, какъ онъ спѣшился около гребня скалы и сталъ спускаться на тонкомъ, совсѣмъ незамѣтномъ издали, ремнѣ, и повисъ въ воздухѣ надъ страшною пропастью.

«Герцогъ вздрогнулъ и сказалъ: «Это чортъ знаетъ, что такое!» и на минуту закрылъ рукой глаза.

«Мы всѣ замерли и затаили дыханіе, но горцы стояли спокойно и старикъ спокойно продолжалъ крутить свои сѣдые усы, а тотъ, межъ тѣмъ, снова поднялся наверхъ и черезъ пять минутъ былъ опять среди насъ и подалъ герцогу кусокъ сотоваго меда, воткнутый на остріи блестящаго кинжала.

«Герцогъ, къ удивленію моему, похвалилъ его холодно; онъ приказалъ адъютанту взять медъ и дать горцу червонецъ, а самъ тронулъ поводъ и поѣхалъ далѣе. Во всемъ этомъ выражалась какъ-будто вдругъ откуда-то вырвавшаяся, противная, властительская надменность.

«Это было сдѣлано такъ грубо, что меня взбѣсило. Я не держалъ себя, торопливо снялъ съ руки тотъ мой дорогой, брилліантовый перстень, который подарила мнѣ, извѣстная вамъ, богатая англичанка и, сжавъ руку молодаго смѣльчака, надѣлъ ему этотъ перстень на палецъ, а горецъ отстранилъ отъ себя протянутую къ нему адъютантомъ руку съ червонцемъ и подалъ мнѣ медъ на кинжалѣ. И я его взялъ. Я *не могъ* его не взять отъ горца, который, отстранивъ герцогскій подарокъ, охотно принялъ мой перстень и, взявъ мою руку, приложилъ ее къ своему сердцу, но далѣе я соблюлъ вѣжливость: я тотчасъ же подалъ медъ герцогу, только онъ не взялъ... онъ ѣхалъ, отворотясь въ сторону. Я подумалъ, что онъ обидѣлся, но это у меня промелькнуло въ головѣ и сейчасъ же исчезло, вытѣсненное живымъ ощущеніемъ, которое сообщало мнѣ вдохновляющее спокойствіе горца.

«Его сердце билось такъ же ровно, какъ бьется сердце человѣка, справляющаго пріятную сіесту. Ни страхъ минувшей опасности, ни оскорбленіе, которое онъ долженъ былъ почувствовать, когда ему хотѣли заплатить червонецъ, какъ за акробатское представленіе; ни мой дорогой подарокъ, стоимость котораго далеко превосходила цѣнность трехсотъ червонцевъ, — ничто не заставило его чувствовать себя инымъ, чѣмъ создала его благородная природа. Я былъ въ такомъ восторгѣ, что совсѣмъ позабылъ о неудобствѣ герцога и, вынувъ изъ кармана мой дорожный альбомъ, сталъ наскоро срисовывать туда лицо горца и всю эту сцену. Художественное было мнѣ дорого до той степени, что я совсѣмъ имъ увлекся, и когда кончилъ мои кроки, молча подѣхалъ къ гер-

цогу и подалъ ему мою книжку, но, вообразите себѣ, онъ былъ такъ невѣжливъ, что отстранилъ ее рукой и рѣзко сказалъ: «Я не требовалъ, чтобы мнѣ это было подано. Чортъ возьми, вы знаете, я къ этому не привыкъ!» Я спокойно положилъ мою книжку въ карманъ и отвѣчалъ: «Я извиняюсь!» Но и то простое слово его такъ страшно уязвило, что онъ сжалъ въ рукѣ судорожно поводья и взглядъ его засвергалъ бѣшенствомъ, а между губъ выступила свинцовая полоска.

«Я помнилъ спокойствіе горца и на все это сверканіе обратилъ нуль вниманія и... я побѣдилъ грубость герцога. Мы поѣхали дальше; я все прекрасно владѣлъ собою, но въ немъ кипѣла досада и онъ не могъ успокоиться: онъ оглянулся разъ, оглянулся два и потомъ сказалъ мнѣ:

«— Знаете ли вы, что я никогда не позволяю, чтобы кто-нибудь поправлялъ то, что я сдѣлалъ?»

«— Нѣтъ, не знаю, — отвѣчалъ я и добавилъ, что я вовсе не для того и показывалъ ему мой рисунокъ, чтобы требовать отъ него замѣчаній, потому что я тоже не люблю постороннихъ поправокъ, и, притомъ, я увѣренъ, что съ этого наброска современемъ выйдетъ прекрасная картина.

Тогда онъ сказалъ мнѣ уже повелительно: «Покажите мнѣ сейчасъ вашъ рисунокъ».

«Я хотѣлъ отказать, но улыбнулся и молча подалъ ему альбомъ.

«Герцогъ долго разсматривалъ послѣдній листокъ: онъ былъ въ худо-скрываемомъ бореньи надъ самимъ собою и, повидимому, переламывалъ себя и потомъ взглянулъ мнѣ въ глаза съ холодною и злою улыбкой и произнесъ:

«— Вы хорошо рисуете, но не хорошо обдумываете ваши пошлунки.

«— Что такое?—спросилъ я спокойно.

«— Я чуть-чуть не уронилъ вашъ альбомъ въ пропасть.

«— Что за бѣда?—отвѣчалъ я. —Этотъ смѣльчакъ, который сейчасъ досталъ медъ, вѣроятно, досталъ бы и мой альбомъ.

«— А если бы я вырвалъ отсюда листокъ, на которомъ вы зачертили меня съ такимъ особеннымъ выраженіемъ?»

«— Я передалъ то выраженіе, которое у васъ было.

«— Все равно, кто-нибудь на моемъ мѣстѣ очень могъ пожелать такое свое изображеніе уничтожить.

«Я былъ въ расположеніи отвѣчать дерзко на его дерзости и сказалъ, что я нарисовалъ бы то же самое во второй разъ и только

прибавилъ бы еще одну новую сцену, какъ рвутъ довѣренный альбомъ, — но, — добавилъ я, — я, вѣдь, зналъ, что вы не «кто-нибудь» и что вы этого не сдѣлаете.

« — Почему?

« — Потому, что вы въ вашемъ положеніи должны умѣть владѣть собою и не позволять намъ, простымъ людямъ, превосходить васъ въ благородствѣ и великодушіи.

« Лицо герцога мгновенно измѣнилось: онъ позеленѣлъ и точно съ спазмами въ горлѣ прошипѣлъ:

« — Вы забылись!... мнѣ тоже нельзя дѣлать и наставленій, — и на губахъ его опять протянулась свинцовая полоска.

« Это все произошло изъ-за куска меду и изъ-за того, что онъ не успѣлъ какъ должно поблагодарить полудикаго горца за его отвагу, а я это поправилъ... Это было для него несносное оскорбленіе, но я хотѣлъ, чтобы мнѣ не было до его фантазій никакого дѣла. Вмѣсто того, чтобы прекратить разговоръ сразу, я сказалъ ему, что никакихъ наставленій не думалъ дѣлать и о положеніи его имѣю такое уважительное мнѣніе, что не желаю допускать въ немъ никакихъ понижающихъ сближеній.

« Онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова и, вообразите, мнѣ показалось, что онъ утомился, но — позоръ человѣчества! — въ это же время я вдругъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ его окружающихъ на меня не смотритъ ни одинъ человѣкъ и всѣ они держатъ своихъ коней какъ можно плотнѣе къ нему, чтобы оттереть меня отъ него или оборонить отъ меня. Вообще, не знаю, что такое они хотѣли, но, во всякомъ случаѣ, что-то противное и глупое.

« Я осадилъ своего коня и, поравнявшись съ тѣмъ горцемъ, который доставалъ медъ, поѣхалъ съ нимъ рядомъ.

« Только здѣсь теперь, въ безмолвномъ сосѣдствѣ этого отважнаго дикаря, я почувствовалъ, какъ я самъ былъ потрясенъ и взволнованъ. Здѣсь мнѣ было несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ важной свитѣ, составленной изъ людей, которые мнѣ были до того непріятны, что я не хотѣлъ дышать съ ними однимъ воздухомъ и рѣшился на первой же остановкѣ распроститься съ герцогомъ и уѣхать въ Испанію или хоть въ Америку».

— Прекрасно! — перебилъ Магъ.

— Нѣтъ, ты подожди, что будетъ еще далѣе! — вставилъ Пикъ.

— Я всему предпочелъ бы, чтобы онъ сдержалъ это намѣреніе и этимъ кончилъ.

— Нѣтъ, ты услышишь!

Другіе вскричали:

— Да ну васъ къ чорту съ вашими переговорами! Письмо гораздо интереснѣе, чѣмъ ваши реплики!... Читай, Пигъ, читай! Пигъ продолжалъ чтеніе.

X.

«Я былъ очень золъ на себя, что предпринялъ это путешествіе съ герцогомъ, на котораго, признаться сказать вамъ, я, однако, не питалъ ни гнѣва, ни злобы. Все это у меня ушло почему-то на долю его окружающихъ. Настроеніе было препротивное: всѣ молчали. Такъ мы доѣхали до ночлега, гдѣ намъ было приготовлено сносное для здѣшной дикой страны помѣщеніе. Всѣ имѣли лица съ самымъ натянутымъ, а нѣкоторые съ смѣшнымъ и даже съ жалкимъ выраженіемъ. Если бы я не былъ очень недоволенъ собою, то я всего охотнѣе занялся бы занесеніемъ въ мой альбомъ этихъ лицъ, рассматривая которыя, всякій порядочный человѣкъ, навѣрное, сказалъ бы: «вотъ та компанія, въ которой не пожелаешь себя увидѣть въ серьезную минуту жизни!» Но мнѣ было не до того, чтобы ихъ срисовывать. Притомъ же, это было бы уже крайне грубо. Я теперь имѣлъ твердое намѣреніе немедленно же отстать отъ нихъ и ѣхать въ Америку.

«Не понижая своего тона и способа держаться, я не старался и скрывать своего раздраженія, — я отдалился отъ компаніи и не хотѣлъ ни ѣсть, ни спать подъ одною съ ними кровлей. Я отошелъ въ сторону и легъ на травѣ надъ откосомъ и вдругъ захотѣлъ спать. Этимъ въ моей счастливой организаціи обыкновенно выражается кризисъ моихъ волненій: я хочу спать и сплю, и во снѣ мои досажденія проходятъ или, по крайней мѣрѣ, смягчаются и представляются мнѣ послѣ въ болѣе сносомъ видѣ. Но я не успѣлъ разоспаться, какъ кто-то тронулъ меня за плечо; я открылъ глаза и увидалъ герцога, который сидѣлъ тутъ же, возлѣ меня, на травѣ и, не дозволяя мнѣ встать, сказалъ:

«— Простите меня, что я васъ разбудилъ. Я не ожидалъ, чтобы вы такъ скоро уснули, а я отыскалъ васъ и хочу съ вами говорить.

«И сейчасъ же вдругъ вслѣдъ за этимъ онъ сталъ извиняться въ своей запальчивости: На меня это страшно подѣйствовало и я старался его удержать, но онъ съ негодованіемъ говорилъ о своей «проклятой привычкѣ» не удерживаться и о ничтожествѣ характеровъ окружающихъ его людей. Онъ былъ такъ искрененъ и такъ уменъ и милъ, что я забылъ ему все непріятное и зашелъ въ своемъ порывѣ дальше, чѣмъ думалъ. Можетъ быть, я сдѣлалъ большую глупость, но это уже непоправимо. Я, навѣрное, удивлю васъ.

Да! узнайте же, мои друзья, что я себя намѣтилъ мѣсто и теперь приспѣло время выслать мнѣ мои вещи, но не на мое имя, а на имя герцога, такъ какъ я, *какъ другъ его*, отправляюсь съ нимъ въ его страну... Да, мои друзья, да, я называю его «другомъ» и ѣду къ нему. Это рѣшено и не можетъ быть перемѣнено, а рѣшено это тутъ же, на этомъ ночлегѣ, среди дикихъ скалъ, каплющихъ дикимъ медомъ. Не я просился къ нему и набивался съ моею дружбой, а *онъ* просилъ меня «не оставлять его» и ѣхать съ нимъ въ его страну, гдѣ я встрѣчу для себя большое поприще и, конечно, окажу услуги искусству, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и ему. Герцогъ—испорченная, но крупная натура, и я хочу быть полезенъ *ему*; его стала любить моя душа за его искренніе порывы, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ благородствѣ его природы, испорченной болѣе всего раболѣпною и льстивою средой. Я могу внести и, конечно, внесу въ эту среду иное. А кстати еще объ этой природѣ и объ этой средѣ. Средства эта удивительна и вамъ трудно составить себѣ о ней живое понятіе. Я уже писалъ вамъ, какъ послѣ исторіи съ медомъ на кинжалѣ эти люди смѣшно отъ меня удалялись, но они еще смѣшнѣе опять со мною сблизились: это случилось за ужиномъ, къ которому *онъ* подвелъ меня подъ руку, а потомъ вскорѣ сказалъ:

«— Удивительно, какъ сильно вліяетъ на человѣка такой грубый приборъ, какъ его желудокъ: усталость и голодъ въ теченіе знойнаго дня довели меня до несправедливости передъ нашимъ художественнымъ другомъ, а теперь, когда я сытъ и отдохнулъ, я ощущаю полное счастье отъ того, что умѣлъ заставить себя просить у него извиненія.

«Это произвело на всѣхъ дѣйствіе магическое, а когда герцогъ добавилъ, что онъ увѣренъ, что кто любитъ его, тотъ будетъ любить и меня, то усиліямъ показать мнѣ любовь не стало предѣла: всѣ лица на меня просіяли и всѣ сердца, казалось, хотѣли выпрыгнуть ко мнѣ на тарелку и смѣшаться съ маленькими кусками особливимъ способомъ приготовленной молодой баранины. Мнѣ говорили:

«— Не тужите о родинѣ, которая васъ отвергла! У насъ будетъ одинъ отецъ и одна родина и мы всѣ будемъ любить васъ, какъ брата!

«Все это у нихъ дѣлается такъ примитивно и такъ просто, что не можетъ быть названо хитростью и неспособно обмануть никого насчетъ ихъ характеровъ, и мнѣ кажется, что я буду жить, по крайней мѣрѣ, съ самыми безхитростными людьми въ цѣломъ свѣтѣ».

Письмо кончалось лаконическою припиской, что слѣдующія из-

вѣстія будутъ присланы уже изъ владѣннй герцога. И Пикъ, дочитавъ листъ, сталъ его многозначительно складывать и спросилъ Мака:

— Ну, какъ тебѣ это нравится?

— Недурно для начала, — процѣдилъ неохотно Макъ и сейчасъ же добавилъ, что это напоминаетъ ему рассказъ объ одномъ безпечномъ туркѣ.

— Какомъ туркѣ? — переспросилъ Пикъ.

— Ботораго однажды его падишахъ велѣлъ посадить на колъ.

— Я ничего не понимаю.

— Все дѣло въ томъ, что когда этого турка посадили на колъ, онъ сказалъ: «это недурно для начала» и сталъ опускаться.

— Что же тутъ сходнаго съ положеніемъ нашего товарища?

— Фебуфисъ сѣлъ на колъ и опускается.

— Ты отвратительно золь, Макъ!

— Нѣтъ, я не золь.

— Ну, завистливъ.

— Еще выдумай глупость!

— Тебѣ это письмо не нравится?

— Не нравится.

— Что же именно тебѣ въ немъ не нравится: медь, кинжалъ, сцена у скалъ, сцена съ альбомомъ?

— Мнѣ не нравится сцена съ желудкомъ!

— То-есть?

— Я не люблю положеній, въ которыхъ человѣкъ можетъ чувствовать себя въ зависимости отъ расположенія желудка другаго человѣка.

— Ну, вотъ!

— Да, и въ особенности гадко зависѣть отъ расположенія желудка такого человѣка, по гримасамъ котораго къ тебѣ считаютъ долгомъ оборачиваться лицомъ или спиною другіе. Согласясь жить съ ними, Фебуфисъ сѣлъ на колъ и тотъ, кто сталъ бы ему завидовать, былъ бы слѣпой и глухой человѣкъ.

— Ты, кажется, назвалъ меня глупцомъ?

Макъ посмотрѣлъ на него и замѣтилъ:

— Кажется, ты ко мнѣ хочешь придраться?

— А если бы и такъ?

Макъ промолчалъ.

— Ты, навѣрное, желаешь этимъ пренебречь.

Макъ молча повелъ плечами и хотѣлъ встать.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—приставалъ къ нему Пикъ, слегка заграждая ему путь рукой.

Макъ тихо отвелъ его руку, но Пикъ сталъ ему на дорогѣ и, покраснѣвъ въ лицѣ, настоятельно сказалъ:

— Нѣтъ, ты не долженъ отсюда уходить!

— Отчего я не могу уходить?

— Я вызываю тебя на дуэль!

Макъ улыбнулся.

— За что на дуэль? — сказалъ онъ, тихо поднимая себѣ на плечо свою альмавиву.

— За все!... за то, что ты мнѣ надоѣлъ своими насмѣшками, за то, что ты издѣваешься надъ отсутствующимъ товарищемъ, котораго... котораго... которому...

— Распутайся и скажи яснѣе.

— Мнѣ все ясно... который поднимаетъ имя и положеніе художника, котораго я люблю и хочу защищать, потому что онъ самъ здѣсь отсутствуетъ и которому ты... которому ты, Макъ, положительно завидуешь.

— Теперь ты въ самомъ дѣлѣ глупъ.

— Что же съ этимъ дѣлать?

— Не знаю, но я уйду.

— Уходишь?

— Да.

— Такъ ты трусъ, и вотъ тебѣ оскорбленіе!—и съ этимъ Пикъ бросилъ Маку въ лицо бутылочную пробку.

Макъ поблѣднѣлъ и, схвативъ Пика за шиворотъ, поднялъ его къ открытому окну на улицу и сказалъ:

— Ты можешь видѣть, что мнѣ ничего не стоитъ вышвырнуть тебя на мостовую, но...

— Нѣтъ, идемъ сейчасъ въ фехтовальный залъ.

— Но, вѣдь, это глупо!

— Нѣтъ, идемъ! Я тебя зову... я требую тебя въ фехтовальный залъ!—кричалъ Пикъ.

— Хорошо, дѣлать нечего, идемъ. Но ты знаешь что?

— Что?

— Я тамъ непременно обрублю тебѣ носъ.

Пикъ отъ бѣшенства не могъ даже отвѣтить, а черезъ часъ друзья, бывшіе въ залѣ свидѣтелями неосторожнаго фехтовальнаго урока, уводили его подъ руки и Пикъ въ самомъ дѣлѣ держалъ носовой платокъ у своего носа. Макъ въ точности сдержалъ свое обѣщаніе и отрѣзалъ рапирой у Пика самый кончикъ носа, но не

такой, какъ рѣжутъ дигари, надѣвающіе носы на вздержку, а только самый маленькій кончикъ, какъ самая маленькая золотая монета папскаго чекана.

Честь обоихъ художниковъ была удовлетворена, какъ требовали ихъ понятія, и все это повело къ неожиданнымъ и прекраснымъ послѣдствіямъ. О событіи съ носомъ Пика никто не сообщалъ Фебуфису, но отъ него въ непродолжительномъ же времени было получено письмо, въ которомъ, къ общему удивленію, встрѣтилось и упоминаніе о носѣ. Въ этомъ письмѣ Фебуфисъ уже описывалъ столицу своего покровителя. Онъ очень сдержанно говорилъ о ея климатѣ и населеніи, не распространялся и объ условіяхъ жизни, но за то очень много и напыщенно говорилъ объ открытой ему дѣятельности и о своихъ широкихъ планахъ.

Это должно было выражать и обхватывать что-то необъятное и свѣтлое какъ въ прямомъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ: чувствовалось, что въ головѣ у Фебуфиса какъ будто распустилъ хвостъ очень большой павлинъ, и художникъ уже положительно мечталъ направлять герцога и при его посредствѣ, развить вкусъ въ его подданныхъ и быть для нихъ благодѣтелемъ: «расписать ихъ небо».

Ему были нужны помощники, и онъ звалъ къ себѣ товарищей. Онъ звалъ всѣхъ, кто не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ и хочетъ болѣе широкой дѣятельности (деньги на дорогу можно безъ всякихъ хлопотъ получить отъ герцогова представителя въ Римѣ).

Особенно онъ рекомендовалъ это для Пика, про котораго онъ какимъ-то удивительнымъ образомъ узналъ его исторію *съ носомъ* и имѣлъ слабость рассказать о ней герцогу (герцога все интересуется въ художественномъ мірѣ). Правда, что носъ заставилъ его немного посмѣяться, но за то самый характеръ добраго Пика очень расположилъ герцога въ его пользу. При этомъ Фебуфисъ присовокуплялъ, что для него самого пріѣздъ Пика былъ бы очень большимъ счастіемъ, «потому что какъ ему ни хорошо на чужбинѣ, но есть минуты...»

Пикъ скомкалъ письмо и вскрикнулъ:

— Вотъ это и есть самое главное! Я его узнаю и понимаю: какъ ему тамъ ни хорошо, но, тѣмъ не менѣе, онъ чувствуетъ, что «есть минуты», — я понимаю эти минуты... Это—когда чело-вѣку нужна родная, вполне его понимающая душа... Я ему благодаренъ, что онъ въ этихъ размышленіяхъ вспомнилъ обо мнѣ, и я къ нему ѣду.

Пигу совѣтовали хорошенько подумать, на онъ отвѣчалъ, что ему не о чемъ думать.

— По крайней мѣрѣ, дай хорошенько зажить твоему носу.

Онъ вздохнулъ и отвѣчалъ:

— Да, хотя Магъ и оскорбилъ мнѣ кончикъ носа, и мнѣ неприятно, что мы съ нимъ въ ссорѣ, но я съ нимъ помирюсь передъ отъѣздомъ и онъ, навѣрное, скажетъ, что мнѣ тамъ приставятъ носъ.

Затѣмъ Пигъ безъ дальнѣйшихъ размышленій сталъ собираться, и прежде чѣмъ успѣлъ окончить свои несложные сборы, какъ предупредительно получилъ сумму денегъ на путешествіе.

Этимъ послѣднимъ вниманіемъ Пигъ былъ такъ растроганъ, что «хотѣлъ обнять міръ»; и началъ это съ Мака.

XI.

Онъ побѣжалъ къ Маку, кинулся ему на шею и заговорилъ со слезами:

— Что же это, милый Магъ, неужто мы все будемъ въ ссорѣ? Я пришелъ къ тебѣ, чтобы помириться съ тобою и прижать тебя къ моему сердцу.

— Радъ, и я отвѣчаю тебѣ тѣмъ же.

— Вѣдь, я люблю тебя попрежнему.

— И я тебя люблю тоже.

— Ты такъ жестокъ, что не хотѣлъ сдѣлать ко мнѣ шага, но все равно: я самъ сдѣлалъ этотъ шагъ. Для меня это даже отраднѣе. Я бѣгомъ бѣжалъ къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ, что... тамъ... далеко... куда я ѣду...

— Ахъ, Пигъ, для чего ты ѣдешь?

— Между прочимъ, для того, чтобы ты могъ шутить, что мнѣ тамъ приставятъ носъ.

— Я вовсе не хочу теперь шутить и самымъ серьезнымъ образомъ тебя спрашиваю: зачѣмъ ты ѣдешь?

— Это немудрено понять: я ѣду, чтобы жить вмѣстѣ съ нашимъ другомъ Фебуфисомъ и съ нимъ вмѣстѣ совершить службу искусству и вообще высокимъ идеямъ. Но ты опять улыбаешься. Не отрицай этого, я подстерегъ твою улыбку.

— Я улыбаюсь потому, что, во-первыхъ, не вѣрю въ возможность служить высокимъ идеямъ, состоя на службѣ у герцоговъ...

— А во-вторыхъ?... Говори, говори все откровенно!

— Во-вторыхъ, я ни тебя, ни твоего тамошняго друга не считаю способными служить такимъ идеямъ.

— Прекрасно! Благодарю за откровенность, благодарю! — лепеталъ Пигъ, — и даже не спорю съ тобою: здѣсь мы не велики птицы, но тамъ...

— Тамъ вы будете еще менѣе, и я боюсь, что васъ тамъ опицать и слопають.

— Почему?

— О, чортъ возьми,—еще почему? Ну, потому, что у тамошнихъ птицъ и носы, и перья,—все здоровѣе вашего.

— Грубая сила не много значить.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ.

— Дитя! А я тебѣ говорю: опицать и слопають. Это не можетъ быть иначе: грачъ и ворона всегда разорвутъ мягкоклювую птичку, и, вдобавокъ, еще эта ваша разнузданная художественность... Вамъ ли перевернуть людей упрямыхъ и крѣпкихъ въ своемъ невѣжествѣ, когда вы сами ежеминутно готовы свернуться на всѣ стороны?

— Я прошу тебя, Магъ, не разбивай меня: я рѣшился.

— Ты просишь, чтобы я замолчалъ?

— Да.

— Хорошо, я молчу.

— И теперь еще одна просьба: ты не богатъ и я не богатъ... мы оба равны въ томъ отношеніи, что оба бѣдны...

— Это и прекрасно, за то до сихъ поръ мы оба были свободны и никому ничѣмъ не обязаны.

— Не обязаны!... Ага! Тутъ опять есть шпилька: хорошо, я ее чувствую... Ты и остаешься свободнымъ, но я теперь уже не свободенъ,—я обязанъ, я взялъ деньги и обязанъ тому, кто мнѣ далъ эти деньги, но я ихъ заработаю и отдамъ.

— Да; по крайней мѣрѣ, не забывай объ этомъ и поспѣши отдать долгъ какъ можно скорѣе.

— Я тебѣ даю мое слово: я буду спѣшить. Фебуфисъ пишетъ, что тамъ много дѣла.

— Какого?... «Расписывать небо» или писать баталии или голыхъ женщинъ на зеркалахъ въ чертогахъ герцога?

— Ну, все равно, ты всегда найдешь, чѣмъ огорчить меня и надъ чѣмъ посмѣяться, но я къ тебѣ съ такою просьбой, въ которой ты мнѣ не долженъ отказать при разлукѣ.

— Пожалуйста, говори ее скорѣе.

— Нѣтъ, дай ты прежде слово, что ты мнѣ не откажешь.

— Я не могу дать такого слова.

— Видишь, какъ ты упрямъ.

— Это не упрямство: нельзя давать словъ и обѣщаній, не зная, въ чемъ дѣло.

— Ты, какъ художникъ, любишь славу?

— Любилъ.

— А теперь развѣ уже не любишь?

— Теперь не люблю.

— Что же это значитъ?

— Это значитъ, что я узналъ нѣчто лучшее, чѣмъ слава.

— И любишь теперь это «нѣчто» лучшее болѣе, чѣмъ извѣстность и славу?... Прекрасно! Я понимаю, о чемъ ты говоришь: это все про народныя страданія и прочее, въ чемъ ты согласишься съ Джузепе... А знаешь, есть мнѣніе... Ты не обидишься?

— Бываютъ всякія мнѣнія.

— Говорятъ, что онъ авантюристъ.

— Это кто?

— Твой этоъ Гарибальди, но я знаю, что ты его любишь, и не буду его разбирать.

Магъ въ это время тщательно обминалъ рукой стеариновый оплывъ около свѣтильни горѣвшей передъ ними свѣчи и ничего не отвѣтилъ. Пика продолжалъ:

— Я не понимаю только, какъ это честный человѣкъ можетъ желать и добиваться себѣ полной свободы дѣйствій и отрицать такое же право за другими? Хочешь вредить другимъ и не надо сердиться на нихъ, когда они защищаются и тоже тебѣ вредятъ...

— Говори о чемъ-нибудь другомъ!—произнесъ Магъ.

— Да, да; правда: это не въ твоемъ родѣ и ты уже сердишься, а я все это виляю оттого, что боюсь сказать тебѣ прямо: мнѣ прислали на дорогу денегъ.

— Поздравляю.

— И я нахожу, что мнѣ много присланныхъ денегъ... Магъ, осчастливь меня; возьми себѣ изъ нихъ половину, чтобы имѣть возможность написать свою большую картину.

— Отойти, сатана!—отвѣчалъ Магъ, шутливо отстраняя отъ себя Пика, который вдругъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ и сталъ совать ему деньги.

— Ну, перестань, оставь это.

— Отчего же? Неужто тебѣ весь вѣкъ все ее откладывать и мазигать на скорую руку для продажи твои маленькіе жанры?

— Я не вижу въ этомъ горя и мои маленькіе жанры, можетъ быть, дѣлаютъ свое дѣло лучше большой картины.

— Ну, мой другъ! что обольщаться напрасно?

— Я не обольщаюсь.

— Посмотри, сколько твоихъ жанровъ висятъ по тавернамъ: ихъ и не видить лучшее общество.

— Лучшее общество! А чортъ его побери, это лучшее общество! Оно для меня ничего не дѣлаетъ, а мои жанры меня кормятъ и шевелятъ кое-чью совѣсть. Особенно радуюсь, что они есть по тавернамъ. Нѣтъ, мнѣ чужихъ денегъ не нужно, а если у тебя такъ много денегъ, что онѣ тебѣ въ тягость, то толкнись въ домигъ къ Марчеллѣ и спроси: нѣтъ ли ей въ нихъ надобности?

— Марчелла! Ахъ, добрый Макъ, это правда. Я ему, однако, напомню о ней... я заставлю его о ней подумать...

— Нѣтъ, не напоминай! Найдется такой, который напомнитъ! Пойдемъ въ таверну и будемъ лучше пить на прощанье. Ни о чемъ грустномъ больше ни слова.

Друзья надѣли шляпы и пошли въ таверну, гдѣ собрались ихъ другіе товарищи и всю ночь шло пированье, а на другой день Пика усадили въ почтовую карету и проводили опять до той же станціи, до которой провожали Фебуфиса. Карета умчалась и Пикъ подъ звукъ почтальонскаго рожка прокричалъ друзьямъ послѣднее обѣщаніе: «писать все и обо всемъ», но сдержалъ это обѣщаніе только отчасти, и то въ теченіе очень непродолжительнаго времени.

Макъ видѣлъ въ этомъ дурной признакъ: наивный, но честный и прямодушный Пикъ, безъ сомнѣнія, въ чемъ-нибудь былъ серьезно разочарованъ, и, не умѣя лгать, онъ молчалъ. Спустя нѣкоторое время, однако, Пикъ началъ писать и письма его, въ одно и то же время, подкрѣпляли подозрѣнія Мака и приносили вѣсти сколько интересныхъ, столько же и забавныхъ.

ХП.

Для начала онъ, разумѣется, описывалъ въ нихъ только свою встрѣчу съ Фебуфисомъ и какъ они оба въ первую же ночь «напились по-старинному, вспоминая всѣхъ далекихъ, оставшихся въ Римѣ друзей», а потомъ писалъ о столицѣ герцога, о ея дорогомъ стоящихъ, но не очень важныхъ по монтировке музеевъ, о состояніи искусства, о его техникахъ, о направленіи и о предъявляемыхъ къ нему здѣсь требованіяхъ. Все это, въ настоящемъ художественномъ смыслѣ, для людей, понимающихъ дѣло, было жалко и ничтожно, но затѣмъ содержаніе писемъ измѣнилось и Пикъ скоро забредилъ о женщинахъ. Онъ неустанно распространялся о женщинахъ, въ

изученіи которыхъ вдругъ обнаружилъ поразившіе Мака разносторонніе успѣхи. По его описаніямъ выходило, что въ этой странѣ всего лучше женщины. Особенно онъ превозносилъ ихъ милую женственность и ихъ удивительную скромность. «Самый амуръ здѣсь совершаетъ свой полетъ не иначе, какъ благословясь и въ тихомъ безмолвіи, на безшумныхъ крылышкахъ, — писалъ Пигъ. — Кто чувствуетъ склонность къ семейной жизни и желаетъ выбрать себѣ вѣрную и достойную подругу, тотъ долженъ ѣхать сюда и здѣсь онъ, навѣрное, найдетъ ее. Самъ герцогъ — образцовый супругъ и, любя семейную жизнь, онъ покровительствуетъ бракамъ. Это даетъ патриархальный тонъ и направленіе жизни. Случается, что герцогъ самъ даже бываетъ сватомъ и послѣ заботится о новобрачныхъ, которыхъ устроилъ. Дѣвушки въ хорошихъ семействахъ здѣсь такъ тщательно оберегаются отъ всего, что можетъ вредить ихъ цѣломудрію, что иногда не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, — словомъ, онѣ наивны и милы, какъ дѣти. Очень скромны и взрослые. Такова жизнь. Что вездѣ считается вполне позволительнымъ, какъ, напримѣръ, обѣды въ ресторанахъ или ходить и ѣздить одной женщиной по городу, — здѣсь ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Ни одной сколько-нибудь порядочной женщины не встрѣтишь въ наемномъ экипажѣ и не увидишь въ самомъ лучшемъ ресторанѣ. Если бы женщина пренебрегла этимъ, то ее сочли бы падшею и передъ нею не только закрылись бы навсегда всѣ двери знакомыхъ домовъ, но и мужчины изъ прежнихъ знакомыхъ позволили бы себѣ съ нею раскланяться развѣ только въ густые сумерки. О дѣвушкахъ нечего и говорить: онѣ подъ постоянною опекой. Я часто сравниваю все это съ тѣмъ, что видѣлъ раньше среди римлянокъ и наѣзжихъ въ вашъ «вѣчный городъ» иностранокъ, и мнѣ здѣсь и странно, и нравится, я чувствую себя тутъ точно въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ все свѣже, полно силъ и... странная вещь! — но я вспоминаю тебя, Магъ, и начинаю размышлять социальна и политически. А почему? А вотъ почему: ты все любишь размышлять объ упадкѣ нравовъ и объ общихъ бѣдствіяхъ и искать отъ нихъ спасенія... А, можетъ быть, спасеніе-то здѣсь, гдѣ стоитъ волѣ захотѣть, чтобы что-нибудь сдѣлалось, и оно сейчасъ же становится возможнымъ, а не захотѣть — и все станетъ невозможно? И все это оттого, что жизнь удержана въ удобной формѣ».

Дочитавъ письмо до этого мѣста, Магъ положилъ листокъ и сталъ собирать на него мастихиномъ загустѣвшія на палитрѣ краски. Соображенія Пига его болѣе не интересовали, а на вопросы товарищей о томъ, что пишетъ Пигъ, онъ отвѣчалъ:

— Пишь писать, что онъ живеть въ такомъ любовитномъ городѣ, гдѣ женщины цѣломудренны до того, что не знаютъ, отчего у нихъ рождаются дѣти.

— Вотъ такъ разъ!

— Что же? Этимъ, вѣдь, пожалуй, можно быть довольнымъ, — замѣтили другіе и стали дѣлать по этому случаю различныя предположенія.

— Да, — отвѣчалъ Макъ, — и онъ этимъ очень доволенъ.

— По-моему, онъ тамъ можетъ неожиданно и скоро жениться.

— А отчего и нѣтъ, если тамъ это выгодно?

— Въ такихъ мѣстахъ что больше и дѣлать! — заключилъ Макъ: — или учиться, или жениться. Учиться трудно — жениться занятнѣе.

На письмо же то, о которое Макъ вытеръ свой мастихинъ, онъ вовсе не отвѣчалъ Пику, но, вспоминая иногда о пріятелѣ, въ самомъ дѣлѣ думалъ, что онъ можетъ жениться.

— Отчего, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ? Вѣдь, несомнѣнно, что есть такой сортъ дѣятелей, которые прежде начала исполненія всякихъ своихъ плановъ надѣвають себѣ на шею эту расписанную колодку. Почему же не одѣвать этого и Пику, или даже они оба тамъ съ этого начнутъ и, пожалуй, на этомъ и кончатъ.

И подозрѣніе еще усиливалось тѣмъ, что въ новомъ письмѣ Пикъ писалъ уже не о женщинахъ вообще, а особенно объ одной избранницѣ, которую онъ въ шаловливомъ восторгѣ называлъ именемъ старинной повѣсти: *Прелестная Пеллегрина или несравненная жемчужина*. Онъ о ней много рассказывалъ. Макъ долженъ былъ узнать изъ этого письма, что «прелестная Пеллегрина» была дочь почтеннаго воина, покрытаго самыми почтенными сѣдинами, ранами и орденами. Пеллегринна получила отъ природы милое, исполненное невинности лицо, осѣненное золотыми кудрями, а герцогъ далъ ей за заслуги отца на свой счетъ самое лучшее образование въ монастырѣ, укрывавшемъ ее отъ всякихъ соблазновъ во всѣ годы отрочества. Пикъ увидалъ ее первый разъ на выпускномъ экзаменѣ, гдѣ она пѣла, какъ Пери, одѣтая въ бѣлое платье, и, рыдая, прощалась съ подругами дѣтства, а потомъ произошла вторая, повидимому, очень значительная встрѣча на лѣтнемъ праздникѣ въ загородномъ герцогскомъ замкѣ, гдѣ Пеллегринна въ скромномъ уборѣ страдала отъ надменности богато-убранныхъ подругъ, которыя какъ только переодѣлись дома, такъ и переѣнились другъ къ другу. Тутъ за то Пеллегринна показала умъ и характеръ: она все видѣла и поняла, но совсѣмъ не дала замѣтить, что страдаетъ

отъ окружающѣй кичливости, и тѣмъ до того заинтересовала маленькаго Пика, что онъ познакомился съ ихъ домою, и сталъ здѣсь какъ родственникъ. Онъ то играетъ въ шахматы съ воиномъ, покрытымъ сѣдинами, то ходитъ по лѣсамъ и полямъ съ Пеллегриною. Отецъ Пеллегрины—добродушный простакъ, безконечно ему вѣритъ и только посылаетъ съ ними заслужениую и вѣрную служанку (онъ самъ давно вдовъ и на войнѣ храбръ, а дома этого не видно). Впрочемъ, Пикъ и Пеллегриня пока только собираютъ бабочекъ и букашекъ, причемъ наивность Пеллегрины доходитъ до того, что она иногда говоритъ Пикѣ: «Послушайте, вы художникъ, посмотрите, пожалуйста,—вы должны знать—это буванъ или букашка?»

Магъ не сталъ отвѣчать и на это письмо, а затѣмъ отъ Пика пришелъ только листочекъ съ описаніемъ маскарадовъ, которые ему казались верхомъ жизненнаго великолѣпія, и съ возвѣщеніемъ о большомъ путешествіи, которое онъ и Фебуфисъ намѣревались сдѣлать лѣтомъ съ художественною цѣлью внутрь страны. На томъ переписка совсѣмъ оборвалась.

Въ Римѣ если не совсѣмъ позабыли о Фебуфисѣ и о Пикѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ нимъ охладѣли и весь случай съ Фебуфисомъ воспоминали какъ странность, какъ капризъ или аристократическую прихоть герцога.

— Въ самомъ дѣлѣ, для чего этому отдаленному властителю Фебуфисъ? Чего онъ съ нимъ возится? Неужто онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ страстно любить искусство или онъ не видалъ лучшаго художника? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ сначала капризъ и желаніе сдѣлать колкость чернымъ королямъ Рима? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, въ XIX вѣкѣ стануть повторяться Филиппъ съ Лукой Бранахомъ? Вздоръ! Совсѣмъ не тѣ времена, ничто не можетъ ихъ долго связывать и, безъ сомнѣнія, фаворъ скоро отойдетъ и герцогъ его бросить.

— А, можетъ быть, его немножко удержитъ трусость.

— Передъ кѣмъ и передъ чѣмъ?

— Передъ талантливымъ художникомъ, который всегда можетъ найти средство отплатить за дурное съ собою обращеніе.

— Какія глупости! какія наивныя, дѣтскія глупости! Что вы о себѣ и о нихъ думаете? Какое это средство?—спросилъ Магъ.

— Полотно, на которомъ можно все увѣковѣчить. А Фебуфисъ всегда останется талантомъ.

Магъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Вы дѣти! Повѣрьте, что тому, кому ввѣрилъ себя упоминае-

мый вами «талантъ», никакой стыдъ не страшенъ. Онъ, я думаю, почелъ бы за стыдъ знать, что такое есть боязнь стыда; а что касается «таланта», то съ нимъ расправа коротка: ничто не помѣшаетъ оставить этотъ талантъ и безъ полотна, и безъ красокъ, и даже безъ Божьяго свѣта. Да и безъ того... этотъ талантъ выцветѣть... Не забывайте, что птицы съ ярко-цвѣтнымъ опереніемъ, перелинявъ разъ въ глѣтѣхъ, утрачиваютъ свою красивую окраску.

— Но за то онѣ выигрываютъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

— Да, жирѣютъ, перестаютъ дичиться, утрачиваютъ легкость и подвижность, — вообще становятся, что называется, *ручными*.

Но намъ время оставить теперь этихъ пессимистовъ и оптимистовъ и послѣдовать за Фебуфисомъ и Пикомъ, съ которыми, въ ихъ новой обстановкѣ, произошли событія, имѣвшія для нихъ новое значеніе.

XIII.

По прибытіи въ столицу своего покровителя, Фебуфисъ не былъ имъ покинутъ и позабытъ. Напротивъ, онъ тотчасъ же былъ прекрасно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ и не лишался даже знаковъ дружбы и вниманія, которыми пользовался во время путешествія. Конечно, теперь они видѣлись рѣже и бесѣдовали при другихъ условіяхъ, но, все-таки, положеніе Фебуфиса было прекрасное и возбуждало зависть въ мѣстномъ обществѣ и особенно среди приближенныхъ герцога. Повелитель, котораго боялись и трепетали всѣ его подданные, держалъ себя съ привезеннымъ художникомъ за просто, и Фебуфисъ этой линіи не портилъ. Къ чести его, онъ значительно измѣнился, и, вкусивъ мало меду на кинжалѣ, посбавилъ съ себя заносчивости, а держался такъ скромно, какъ этого требовало положеніе. Участіе въ придворной жизни его не тяготило: сначала это ему было любопытно само по себѣ, а потомъ стало интересно, начало втягивать какъ въ пучину и еще потомъ скоро стало ему нравиться. Какъ никакъ, но это была жизнь: здѣсь, все-таки, шла безпрестанная борьба и кипѣли страсти и шевелились умы, созидавшіе планы интригъ. Все это похоже на игру живыми шашками и при пустотѣ жизни дѣлаетъ интересъ. Фебуфисъ сталъ чувствовать этотъ интересъ.

Такою вовсе не рассчитанною и не умышленною пережѣной въ своемъ поведеніи Фебуфисъ чрезвычайно утѣшилъ своего покровителя, и герцогъ сталъ изливать на него еще большія милости. Ху-

ожнику дали отличное помѣщеніе, усвоили ему почетное званіе и учредили для него особенную должность съ большимъ содержаніемъ и съ подчиненіемъ ему прямымъ или косвеннымъ образомъ всѣхъ художественныхъ учреждений. Положеніе Фебуфиса, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто готовилось напоминать нѣкоторымъ образомъ положеніе Луки Кранаха. Правда, не всѣ смотрѣли на это серьезно, но, по мнѣнію многихъ, Фебуфисъ будто могъ уже оказывать вліяніе на отношеніе своего могущественнаго протектора къ людямъ разнообразныхъ положеній, и у него явились ласкатели и искатели. Когда герцогъ посѣщалъ его мастерскую, онъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ не объ одномъ искусствѣ, а и о многомъ другомъ, о чемъ не всѣ смѣли надѣяться имѣть съ нимъ бесѣды. Человѣка съ такимъ положеніемъ привѣчали лица, занимающія самыя высокія и почетныя должности. Фебуфисъ быстро очутился въ такъ называемомъ лучшемъ обществѣ и здѣсь тоже держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Для пріобрѣтенія вѣса и значенія въ этомъ обществѣ ему не нужно было употреблять никакихъ усилій, все давалось ему даромъ, но все это ему скоро прискучило. Герцогъ скоро замѣтилъ это и сказалъ ему: «ты не въ своей компаніи» — и предложилъ ему выписать къ себѣ кого-нибудь изъ своихъ друзей, причемъ самъ же и назвалъ Пига.

Пигъ, сколь извѣстно, былъ выписанъ и представленъ герцогу, но онъ ему не понравился, — герцогъ нашелъ, что «онъ очень свѣшонъ», и велѣлъ назначить его преподавателемъ искусствъ въ избранномъ воспитательномъ женскомъ заведеніи, что и погубило Пига, сблизивъ его съ златокудрою дочерью покрытаго сѣдинами воина.

Съ прибытіемъ Пига Фебуфису стало веселѣе; они работали и немножгу предавались кутежамъ, въ которыхъ, впрочемъ, находили здѣсь только хмѣльной чадъ, но не веселье. Оба они чувствовали себя здѣсь не по себѣ и оба другъ отъ друга это скрывали. Иногда они собирались оказать какое-то большое вліяніе на что-то въ искусствѣ, но всякій разъ это кончалось ничѣмъ. Обо всемъ надо спрашиваться у герцога, а онъ не любилъ не имъ задуманныхъ перемѣнъ. Фебуфисъ скоро понялъ, что шнурокъ, на которомъ онъ ходитъ, довольно коротокъ, а Пигъ въ предѣлахъ своей дѣятельности попробовалъ быть смѣлѣе: онъ далъ дѣвицамъ рисовать торсы, вмѣсто рыцарей въ шлемахъ, и за это, совершенно для него неожиданно, былъ посаженъ на военную гауптвахту «безъ объясненій». Это его такъ обидѣло, что онъ тотчасъ же хотѣлъ бросить все и уѣхать въ Римъ, но, вмѣсто того, отечески прощенный герцо-

гомъ, тоже «безъ объясненій», почелъ эту неприятность за неважное и остался.

— Что дѣлать, если это здѣсь бываетъ со всѣми!

Работать друзья могли только по заказамъ герцога и онъ же былъ и цѣнителемъ произведеній. Въ искусствѣ все зависѣло отъ него, какъ и во всемъ прочемъ: онъ осматривалъ всѣ произведенія учениковъ съ мѣломъ въ рукѣ и писалъ своею рукой на картинѣ свое безъапелляціонное рѣшеніе. Фебуфисъ — ихъ главный руководитель — при этомъ только стоялъ и молчалъ. Пигъ говорилъ ему: «Для чего ты не возразишь?» — но тотъ не возражалъ. Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что находится здѣсь только для вида и для парада. Программы допускались только старья, совсѣмъ не отвѣчавшія новымъ стремленіямъ, обозначавшимся уже среди всѣхъ лучшихъ европейскихъ школъ. Въ Римѣ слышали объ этомъ направленіи и смѣялись надъ нимъ. Фебуфису, по-настоящему, надо было признать свое положеніе несноснымъ и уйти, но онъ не хотѣлъ быть синицею, которая летала нагрѣвать шиломъ море. Онъ рѣшался лучше кое-что перенести и пошелъ по этой дорогѣ, чувствуя, что она вьется куда-то, все понижаясь, подъ гору, но раздражительно старался оспаривать и отрицать это, коль скоро то же самое замѣчали другіе. Въ этихъ соображеніяхъ ему былъ тяжель и Пигъ и еще болѣе нѣкоторые умные люди изъ мѣстныхъ, и особенно главный начальникъ внутренняго управленія, по фамиліи Шерь, который самъ слылъ за художника и, въ самомъ дѣлѣ, разумѣлъ въ искусствѣ больше, чѣмъ герцогъ. Этотъ, какъ его называли, «внутренній Шерь» былъ уменъ, пьянь и безстыденъ, и допускалъ со всѣми очень странное, фамильярное обращеніе, близко граничившее съ наглостью. Фебуфиса онъ, повидимому, считалъ ниже, чѣмъ бы тому хотѣлось, и называлъ его «величайшимъ мастеромъ по утвержденному герцогомъ образцу».

Это приводило Фебуфиса въ досаду, но, тѣмъ не менѣе, кличка плотно къ нему пристала.

И директоръ былъ не одинъ, который смотрѣлъ на привезеннаго герцогомъ фаворитнаго артиста, какъ на что-то полусмѣшное, полужалкое, изъ чего, можетъ быть, гдѣ-то, пожалуй, и сдѣлали бы что-нибудь цѣнное, но изъ чего здѣсь ничего выйти не должно и не выйдетъ. Все это, однако, ни мало ни помѣшало Фебуфису прогрѣмѣть въ странѣ, сдѣлавшейся его новымъ отечествомъ, за величайшаго мастера, который понялъ, что чистое искусство гибнетъ отъ тлетворнаго давленія соціальныхъ тенденцій, и чтобы сохранить

святую чашу неприкосновенною; онъ принесъ ее и поставилъ къ ногамъ герцога. Герцогъ ее не оттолкнулъ, какъ онъ не отталкиваетъ ничего, что можно спасти. Приѣзжіе мастера заставляли будто завидовать столицѣ герцога всѣ тѣ страны, гдѣ искусство падало, нисходя до служебной роли гражданскимъ и социальнымъ идеямъ. И за то они отблагодаряютъ герцога, — они въ угоду ему распишутъ небо. Пика это не испортило, потому что при ограниченности его дарованій онъ оставался только тѣмъ, чѣмъ былъ, но Фебуфисъ скоро сталъ замѣчать свою отсталость въ виду произведеній художниковъ, трудившихся безъ покровителей, но на свободѣ, и онъ сталъ ревновать ихъ къ славѣ, а самъ поощрялъ въ своей школѣ «непосредственное творчество», изъ котораго, впрочемъ, выходило подрядъ все только одно очень посредственное. Общій европейскій восторгъ при появленіи картины Каульбаха *Сраженіе гунновъ съ римлянами*, наконецъ, былъ нестерпимымъ ударомъ для его самолюбія. Фебуфисъ почувствовалъ, что вотъ пришелъ въ міръ новый великій мастеръ, который повлечетъ за собою послѣдователей въ идейномъ служеніи искусству. Тогда Фебуфисъ рѣшительно сталъ на сторону противоположнаго направленія, а герцогъ это одобрилъ и поручилъ ему «произвести что-нибудь болѣе значительное, чѣмъ картина Каульбаха».

Внутренній Шеръ его разцѣловалъ и сказалъ ему за обѣдомъ въ клубѣ на «ты»:

— Пришло твое время прославиться!

По герцогскому приказу Фебуфисъ началъ записывать огромное полотно, на которомъ хотѣлъ воспроизвести сюжетъ еще болѣе величественный и смѣлый, чѣмъ сюжетъ Каульбаха, — сюжетъ, «гдѣ человѣческіе характеры были бы выражены въ борьбѣ съ силой стихій», — помѣстивъ тамъ и себя, и другихъ и, вмѣсто пораженія Каульбаху, воспроизвелъ какое-то смѣшеніе псевдо-классицизма съ псевдо-натурализмомъ. Въ Европѣ онъ этимъ не удивилъ никого, но герцогу угодилъ какъ нельзя болѣе.

— Тебѣ это удалось, — сказалъ герцогъ, — но всего болѣе усердіе твое похвально и должно быть награждено.

Ему отпустили большія деньги и велѣли газетамъ напечатать ему похвалы. Тѣ сдѣлали свое дѣло. Была попытка поддержать его и въ Римѣ, но она оказалась неудачною и пришлось презирать сужденія Рима.

— Они не хотятъ видѣть ничего, что явилось не у нихъ; чужое ихъ не трогаетъ, — объяснялъ герцогу Фебуфисъ.

— Ты это прекрасно говоришь: да, ты имъ чужой.

- Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ сюда...
- Ну, да!...
- Имъ кажется, что я здѣсь переродился.
- Это и прекрасно. Ты мой!
- Нѣтъ, они думаютъ, что я все позабылъ...
- Ихъ глупости!
- И разучился.
- А вотъ пусть пріѣдутъ и посмотрятъ. Это все зависть!
- Не одна зависть,—они мнѣ не прощаютъ...
- Чего?
- Измѣны.
- Чему?
- Задачамъ искусства.

Герцогъ сѣлъ на высокій табуретъ противъ мольберта и произнесъ дидактически:

— Истинныя задачи искусства—это героизмъ и пастораль, вѣра, семья и мирная буколика, безъ всякаго сованья носа въ общественныя—вотъ ваша область, гдѣ вы цари и можете дѣлать, что хотите. Возможно и историческое, я не отрицаю историческаго, но съ нашей, вѣрной точки зрѣнія, а не съ ихней. Общественныя вопросы искусства не касаются. Художникъ долженъ стоять выше этого. Такіе намъ нужны! Ищи такихъ людей, которые въ этомъ родѣ могутъ быть полезны для искусства, и зови ихъ. Обезпечить ихъ—мое дѣло. Можно будетъ даже дать имъ чины и форму. У меня они могутъ *творить*, ничѣмъ не стѣсняясь, потому что у меня, вѣдь, нѣтъ никакихъ тревогъ, ни тревоженій. Только трудись. Я хочу, чтобы наша школа сохранила настоящія, чистыя, художественныя преданія и дала тонъ всѣмъ прочимъ. Обновить искусство—это наше призваніе.

Фебуфисъ понималъ, что все это несбыточный вздоръ, и ничего не хотѣлъ дѣлать, а, между тѣмъ, изъ-за границы его уязвляла критика. Одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ судей искусства написалъ о немъ, что «во всей его картинѣ достоинъ похвалы только правильный и твердый рисунокъ, но что ея мертвый сюжетъ представляетъ что-то окаменѣвшее, что идея если и есть, то она рутинна и бесплодна, ибо она не поднимаетъ выше умъ и не облагораживаетъ чувства зрителя,—она не трогаетъ его души и не стыдитъ его за эгоизмъ и за холодность къ общему страданію. Художникъ будто спалъ гдѣ-то въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ и не замѣтилъ, что въ искусствѣ уже началось другое вѣяніе, когда здравый умъ человѣческій отказывается высоко цѣнить художественныя

произведенія, ласкающія одно зрѣніе, не имѣющія возвышающей или порицающей идеи. Теперь чѣмъ такія бѣдныя смысломъ произведенія совершеннѣе въ своемъ техническомъ исполненіи, тѣмъ они укоризненнѣе и тѣмъ большее негодованіе должны поднимать противъ художника». А потому критикъ рѣшительно не хотѣлъ признать никакихъ замѣчательныхъ достоинствъ въ произведеніи, которымъ Фебуфисъ долженъ былъ прославить свою школу, и, вдобавокъ, унижилъ его тѣмъ, что сталъ объяснять овладѣвшее имъ направленіе его несвободнымъ положеніемъ, всегда зависящимъ отъ страха и фавора; онъ называлъ дальнѣйшее служеніе искусству въ такомъ направленіи «вреднымъ», «ставилъ надъ художникомъ крестъ» и давалъ ему совѣтъ, какъ самое лучше по степени безвредности, «изображать, по-старому, голыхъ женщинъ, которыми онъ открылъ себѣ фортуна».

Фебуфисъ былъ страшно уязвленъ этимъ «артиглемъ». Онъ никакъ не ожидалъ видѣть себя смѣщеннымъ и развѣнчаннымъ такъ скоро и такъ рѣшительно. Онъ ощутилъ въ себѣ неудержимый позывъ дать горделивый отпоръ, въ которомъ не намѣренъ былъ вступаться за свое произведеніе, но хотѣлъ сказать критику, что не онъ можетъ укорять въ несвободности художника, за то, что онъ не запрягаетъ свою музу въ ярмо и не заставляетъ ее двигать топчакъ молотилки; что не имъ, слугамъ постороннихъ искусству идей, судить о свободѣ, когда они не признаютъ свободы за каждымъ дѣлать что ему угодно; что онъ, Фебуфисъ, не только вольнѣй ихъ, но что онъ совсѣмъ воленъ, какъ птица, и свободенъ даже отъ предрасудка, желающаго запретъ свободное искусство въ плугъ и подчинить музу служенію пользамъ того или другаго порядка подъ полицейскимъ надзоромъ деспотической критики. И многое еще въ этомъ же задорно-сконфуженномъ родѣ собралъ Фебуфисъ, не замѣчая, что сквозь каждое слово его отповѣди звучало сознаніе, что онъ на чемъ-то пойманъ и въ спорѣ своемъ желаетъ только возбудить шумиху словъ, чтобы запутать понятія, ясныя, какъ солнце. У него, кстати, оказался и стиль, благодаря чему въ отповѣди очень сносно доказывалось, что «для искусства безразличны учрежденія и порядки и что оно можетъ процвѣтать и идти въ гору при всякомъ положеніи и при всякихъ порядкахъ».

Лучше написать это, какъ написалъ Фебуфисъ, даже не требовалось, но Пигъ, которому онъ читалъ свои громы, говорилъ, что онъ все это уже какъ будто раньше гдѣ-то читалъ или гдѣ-то слышалъ. И Фебуфисъ сердился, но сознавалъ, что это, однако, правда. Да, вѣдь, новаго и нѣтъ на свѣтѣ... Все уже когда-нибудь было

сказано, но почему это же самое опять не повторить, когда это умѣстно? Впрочемъ, чтобы отвѣчать отъ лица школы цѣлой страны, надо, чтобы дѣло имѣло надлежащую санкцію, и потому авторъ рѣшилъ представить свой трудъ самому герцогу. Это ему внушало спокойствіе и дало всему дѣйствительно самое лучшее направление.

XIV.

Выбравъ удобный случай, чтобы представить свою рукопись герцогу, Фебуфисъ волновался въ ожиданіи его отвѣта, который не получался очень долго, но, наконецъ, въ одинъ прекрасный день передъ наступленіемъ новаго года онъ получилъ приглашеніе отъ директора иностранныхъ сношеній, — того самаго искуснаго и ласковаго дипломата, который нѣкогда посѣтилъ вмѣстѣ съ герцогомъ его студию въ Римѣ.

Годы не измѣнили мягкихъ манеръ этого сановника: онъ встрѣтилъ художника чрезвычайно радушно и весело поздравилъ его съ большимъ успѣхомъ у герцога.

— Вашъ отвѣтъ вашимъ озлобленнымъ завистникамъ привелъ въ совершенный восторгъ герцога, — началъ онъ, усаживая передъ собою художника. — Его свѣтлость изволилъ поручить мнѣ выразить вамъ его полное удовольствіе къ вашимъ идеямъ, и если при этомъ могутъ еще имѣть какое-нибудь значеніе мои мнѣнія, то я позволю себѣ сказать, что и я прочиталъ ваше сочиненіе. Герцогъ желалъ этого, и я исполнился радости за васъ и скорби за себя, что въ числѣ моихъ помощниковъ нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ такіе ясные взгляды и умѣлъ такъ хорошо ихъ отстаивать.

Фебуфисъ поклонился, а сановникъ пожалъ его руку и сказалъ, что если бы онъ не былъ великимъ художникомъ, то онъ ни на кого бы смѣлѣе, чѣмъ на него, не рѣшился указать, какъ на способнѣйшаго дипломата.

— Значитъ, я теперь могу пускать написанное въ свѣтъ?

— Нѣтъ. Это само по себѣ такъ свѣтло, что не нуждается во внѣшнемъ свѣтѣ. Свѣтъ, освѣщающій насъ, въ насъ самихъ. Вамъ сейчасъ предстоитъ удовольствіе увидать, что именно герцогъ начерталъ наверху вашихъ правдивыхъ словъ своею собственною, безтрепетною рукой.

Сказавъ съ горделивымъ достоинствомъ эти слова, сановникъ взялъ на колѣни малиновый бархатный портфель, съ золотымъ, выпуклымъ вензелемъ и такимъ же золотымъ замкомъ, по

жѣщеннымъ въ полѣ орденской звѣзды. Затѣмъ онъ бережно ввелъ внутрь портфеля длинную кисть своей старческой руки и еще бережнѣе извлекъ оттуда рукопись Фебуфиса, на верхнемъ краю которой шли три строки, написанныя карандашомъ довольно красивымъ, круглватымъ почеркомъ, съ твердыми нажимами.

Положивъ бумагу на папку посреди стола, сановникъ поднялся съ своего мѣста и попросилъ художника сѣсть въ кресло, а самъ сталъ и стоялъ, поднявъ вверхъ лицо, какъ будто онъ готовился слушать лично ему отдаваемое распоряженіе герцога.

Фебуфисъ прочиталъ: «Одобряю и вполне согласенъ».

— Вотъ!—прошепталъ придыханіемъ и наклоняя голову вельможа.

«Но»,—продолжалъ Фебуфисъ.

Сановникъ опять поднималъ лицо и застылъ въ позѣ.

«Имѣя въ виду всеобщее растлѣніе, которое теперь господствуетъ въ умахъ, нахожу несообразнымъ говорить съ этими людьми словами убѣжденія».

Фебуфисъ вспыхнулъ и взглянулъ вопросительно на вельможу.

Тотъ тоже посмотрѣлъ на него выразительнымъ взглядомъ и произнесъ:

— Онъ гениаленъ!—и затѣмъ протянулъ руку къ бумагѣ съ тѣмъ, чтобы вложить ее снова бережно въ малиновый портфель.

— Развѣ вы мнѣ не возвратите и мою бумагу?

— Конечно, нѣтъ. И развѣ вы хотѣли бы этого желать? Съ этимъ начертаніемъ герцога она отнынѣ составляетъ историческій документъ, который будетъ храниться вѣка въ архивѣ, но вы, вмѣсто этой бумаги, получите другую, и вотъ она.

Онъ далъ художнику небольшой листокъ бристоля, на которомъ назначалось дать ему высочій чинъ и соединенныя съ нимъ потомственные права и имѣніе въ живописномъ уголкѣ герцогства.

Пока Фебуфисъ смотрѣлъ удивленными глазами на эти строки, значеніе которыхъ ему казалось и невѣроятно, и непонятно, и, наконецъ, даже щекотливо и обидно, директоръ поправлялъ свой носъ и, наконецъ, спросилъ:

— Мнѣ кажется, что вы какъ будто удивляетесь.

— Да, графъ,—отвѣтилъ Фебуфисъ.

Графъ качнулъ головою, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, это обыкновенно бываетъ съ тѣми, кто не привыкъ къ характеру герцога. Рѣдко кто знаетъ, какъ онъ щедръ и какъ онъ умѣетъ награждать.

— Да, герцогъ щедръ, но въ числѣ его наградъ есть одна,

которая, мнѣ кажется, соединена съ переменною подданства... Я уважаю герцога, но я никогда не просилъ объ этомъ.

— Неужто?... Впрочемъ, я до вещей внутренняго управленія не касаюсь... на это есть Шеръ, но это правда, что у него чертъ знаетъ какъ идти всѣ его дѣла. Впрочемъ, еще лучше, вы сами можете говорить объ этомъ съ герцогомъ... вамъ завтра надо ему представиться и благодарить его свѣтлость. Adiaux!

Графъ послалъ рукою поцѣлуй.

XV.

Фебуфисъ возвратился отъ обрадовавшаго его дипломата въ самомъ дурномъ расположеніи духа, переходя безпрестанно отъ угнетенности къ бѣшенству и не зная, чему дать болѣе хода. Дары, возвѣщенные ему маленькою записочкой на брistolѣ, были очень щедры, но, при всемъ томъ, онъ чувствовалъ, что потерялъ нѣчто болѣе важное и существенное, чѣмъ то, что получаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ трактованъ слишкомъ ниже того, до чего положилъ себѣ предѣльною мѣтой, и внутренній Шеръ имѣетъ основаніе шутить надъ его «головнымъ павлиномъ», а графъ виѣшнихъ сношеній можетъ посылать ему на прощаніе дѣтскіе поцѣлуи. Всѣ они, въ самомъ дѣлѣ, значительные каналы, но крѣпче его наступаютъ людямъ на ноги, межъ тѣмъ какъ онъ колеблется и не умѣетъ быть притворщикомъ, тогда какъ, въ сущности, это неотразимо требуется. Онъ все дышетъ и томится. А потомъ стекло, сквозь которое онъ смотритъ, какъ будто задышется и потемнѣетъ, и ничего не станетъ видно, и тогда онъ приметъ рѣшеніе, какого не думалъ. Такъ и теперь: простой и ясный смыслъ говорить ему, что онъ долженъ поблагодарить герцога сразу за все и сразу же отъ всего отказаться. Недаромъ духъ его хлопочетъ и онъ чувствуетъ въ себѣ полный достатокъ силъ все это сдѣлать, но онъ начинаетъ соображать: что для этого нужно разрушить и въ чемъ повиниться, и вотъ его практическій смыслъ угнетается цѣлою массой представленій, для успокоенія которыхъ выходитъ изъ завѣшеннаго угла на ходуляхъ софизмъ: «не все ли равно, такой или другой деспотизмъ?... И этотъ, и тѣ—всѣ гнуть—не парять, и сломать—не тужать... Этотъ, по крайней мѣрѣ... гадость, но есть его хуже...»

Тутъ проходитъ какая-то полусонная глупость: одинъ получаетъ преимущество передъ другимъ, потому что онъ одинъ, а въ существѣ потому, что съ нимъ уже сдѣла сдѣлана, и изъ одного

закрома брать кормъ удобнѣе; чѣмъ собирать его по пустымъ то-
намъ. Головной павлинь, дойдя досюда, складываетъ хвостъ и са-
дится на насѣсть.

Такъ это было и теперь. Фебуфись вздохнулъ, скребъ грудь
и даже, отправляясь утромъ другаго дня въ герцогскій замокъ для
принесенія благодарности его свѣтлости, еще не зналъ, что онъ
сдѣлаеть, но съ нимъ былъ его практическій геній, и органически
въ немъ уже сложилось то, что надо дѣлать.

Увидавъ его издали, герцогъ кивнулъ ему головою и, прервавъ
рѣчь съ тѣмъ, съ кѣмъ разговаривалъ, громко спросилъ:

— Ты доволенъ?

Это была пренеудобная форма для начала объясненій, и худож-
никъ почти столько же волею; сколько и неволею уронилъ тихо,
что онъ доволенъ, но осмѣлится нѣчто объяснить.

Отвѣтъ показался герцогу невнятенъ и онъ переспросилъ:

— Что?!

— Я благодарю вашу свѣтлость за ваши милости, но...

— То-то!

Художникъ было почтительно началъ о своей отповѣди, которую
онъ желалъ сдѣлать гласною, но герцогъ нахмурился и сказалъ:

— Оставь это: искусство, какъ и все, должно быть націо-
нально. А чтобы различныя толки не портили дѣла, я велѣлъ при-
нять мѣры, чтобы сюда не доходили никакіе толки. Ты очень впе-
чатлителенъ. Пора тебѣ перестать вести одинокую жизнь. Я тебѣ со-
вѣтую выбрать хорошую, добрую дѣвушку по сердцу и жениться.

Фебуфись благодарилъ за милостивое вниманіе и заботливость,
но не выразилъ желанія жениться.

Герцогъ сдвинулъ брови и сказалъ:

— А знаешь, мнѣ это очень противно! Семейная жизнь всего
лучше успокоиваетъ, и ты это, навѣрное, увидишь на своемъ това-
рищѣ, котораго, кстати, поздравь отъ меня. Онъ сдѣлалъ превос-
ходный выборъ и, вѣроятно, будетъ счастливъ.

— Мой товарищъ?... О комъ, ваша свѣтлость, изволите го-
ворить?

— Ну, разумѣется, о маленькомъ Пикѣ. Чтобы не забыть,—о
немъ теперь надо лучше позаботиться, такъ какъ онъ женится, то
я велю дать ему должность съ двойнымъ окладомъ. Его будущая
жена—дочь очень достойнаго человѣка и моего вѣрнаго слуги.
Храбръ... и глупъ, какъ сто тысячъ братьевъ. Будто ты ничего объ
этомъ не зналъ?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— Маленькій Пикъ, значить, въ любовныхъ дѣлахъ остороженъ. Это, впрочемъ, такъ и слѣдуетъ: дѣвушка очень молода и наивна, какъ настоящая монастырка, но онъ очень скоро побѣдилъ ея застѣчивость. Представь, онъ нашелъ способъ разъяснить ей, чѣмъ отличается буганъ отъ бугашки... Ну, это тюкъ на крюкъ! Это довольно смѣшной случай и пусть онъ самъ тебѣ о немъ расскажетъ. Кстати, онъ зоветъ ее «прелестная Пеллегрина». Ей это идетъ... Ты ее не видалъ?

— Нѣтъ.

— Очень интересна: она въ миньонномъ родѣ.

Фебуфисъ выслушалъ новость о Пикѣ какъ бы въ забытьѣ: его не интересовало теперь ничто, даже и то, что и съ самимъ съ нимъ происходило: все ему представлялось тяжелымъ сновидѣніемъ, отъ котораго онъ хотѣлъ бы отряхнуться, только это казалось невозможнымъ. Онъ чувствовалъ, что какъ будто ушелъ далеко въ какой-то дремучій лѣсъ, изъ котораго не найти выхода. Да и куда выходить? И зачѣмъ? Здѣсь онъ, все-таки, значительная величина, хоть по герцогскому распоряженію, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ станеть наравнѣ со всеми судимъ свободнымъ судомъ критики и... онъ знаетъ, какое она отведеть ему мѣсто... Тяжкое униженіе! Здѣсь онъ ничего этого не испытаетъ... Сюда ничто ему непріятное не проникнетъ,—къ этому велѣно принять мѣры. Онъ въ этомъ не виноватъ, а ему отъ этого спокойно, и онъ легъ на диванъ, покрылъ ноги пледомъ и сладко заснулъ до сумерокъ, когда Пикъ сталъ весело будить его къ обѣду.

Фебуфисъ всталъ нѣсколько мрачный и серьезный, молчалъ въ продолженіе всего стола, но при концѣ обѣда прямо, безъ всякихъ предисловій, спросилъ Пика:

— Я слышалъ, ты женишься?

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Герцогъ.

— На комъ же, смѣю спросить?

— Ну, что за глупость: будто ты не знаешь.

— До сихъ поръ не знаю.

— На какой-то милой дѣвущкѣ, невинной монастыркѣ, которую ты прозвалъ «прелестною Пеллегриной». Зачѣмъ ты покорилъ ея сердце и научилъ ее, какъ узнавать бугана отъ бугашки?

Пикъ расхохотался.

— И герцогъ это знаетъ?

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Боже мой, какая противность! Чего онъ только не знаетъ, кромѣ нуждъ своего народа!

— Такъ это правда или нѣтъ?

— Что я женюсь?... Конечно, неправда!

И Пигъ опять расхохотался. Онъ, такая маленькая крошка, чья незамѣтная фигура во всѣхъ возбуждала смѣхъ и шутивость, какъ онъ могъ быть любимъ милою дѣвучкой, которая ему чрезвычайно нравилась? И онъ *женится!* Это самому ему только и могло казаться слишкомъ грубою и слишкомъ неотдѣланною насмѣшкой, но, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ Фебуфису:

— Знаешь, я въ самомъ дѣлѣ, кажется, женюсь!

— Отчего же тебѣ это вдругъ стало казаться?

— Оттого, что я сдѣлалъ Пеллегиночкѣ предложеніе и объяснился съ ея отцомъ и отъ обоихъ отъ нихъ получилъ согласіе:

— Вотъ те чортъ! Въ такомъ случаѣ, я поздравляю тебя, — ты, значить, навѣрное женишься.

— Да, вообрази, женюсь! Это случилось какъ-то внезапно... У нея есть кузень, молодой офицеръ, мерзкій шалунъ, который выдалъ мою тайну и я былъ долженъ объяснить мои намѣренія... Конечно, не Богъ знаетъ что: мы съ нею, просто, ходили и гуляли, но этотъ достопочтенный старикъ, ея отецъ... онъ наивенъ такъ же; какъ сама Пеллегринна, и это неудивительно, потому что онъ женился на матери Пеллегринны, когда ему было всего двадцать лѣтъ, и его покойная жена держала его въ строгихъ рукахъ до самой смерти... Она умерла годъ тому назадъ.

— Слава Богу, что умерла.

— Да.

— Его племянникъ говорить, будто она ставила его на колѣни, а за то старичокъ теперь желаетъ компенсаціи и, выдавъ дочь замужъ, хочетъ самъ опять жениться.

Фебуфисъ уловилъ вполнѣ ясно только послѣднее слово и повторилъ вяло:

— Жениться! Это значительный ресурсъ при большой скукѣ.

— Такъ ты противъ женитьбы?

— Какъ можно! Особенно при настоящемъ случаѣ, когда кое-что можетъ перепасть и на мою холостецкую долю.

— Да, вѣдь, признайся, и тебѣ здѣсь скучно... Ты скучаешь?

— Очень скучаю, мой милый Пигъ, и потому я былъ бы очень счастливъ, если бы ты и твоя будущая жена не отогнали меня, ста-

рика, отъ своего обѣденнаго стола и отъ вашей вечерней лампы. А ужь потомъ я буду желать вамъ спокойной ночи.

— О, конечно, это такъ и будетъ! Это непременно такъ и будетъ! Мы съ тобой не разстанемся и будемъ жить все вмѣстѣ. Мы уже объ этомъ говорили. Пеллегриночка тебя очень почитаетъ. Она пренаивное дитя: она сказала, что она меня «любить», а тебя «почитаетъ», и сейчасъ же вскрикнула: «Ахъ, Боже мой! я не знаю, что больше!» Я ей сказалъ, что почтение значить больше, потому что оно заслуживается, и указалъ на ея чувства къ отцу, но она пренаивно замахала руками и говоритъ: «Что вы, что вы, я папу и не люблю, и не уважаю!» Я удивился и говорю: «За что же?»—А она говоритъ: «я, говорить, къ нему не привыгла». — «Въ какомъ смыслѣ?»— «Я не могу переносить, для чего отъ него бобковою мазью пахнетъ». — «Какіе пустяки!»— «Нѣтъ, говорить, это не пустяки; я слушаюсь мать: мама правду ему говорила, что онъ «не мужчина». — «Что же онъ такое?»— «Мама его называла: губка! Фу!»— «Чѣмъ же это порокъ?»— «Да фу!... мнѣ о немъ стыдно думать!» Ты вообрази себѣ этакую своего рода быстроту и бойкость въ нераздѣльномъ слитіи съ монастырскою наивностью... Это что-то дѣтское, что-то какъ будто игрушечное и чертопхайское... И главное—эти неожиданные сюрпризы и переходы, начиная отъ бугана до мужчины и до не-мужчины... Вѣдь, все это видѣть, все это самому вызвать и наблюдать все эти переходы...

— Что и говорить!—перебилъ Фабуфисъ.— Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, чувствуется бѣіеніе жизненнаго пульса.

— Да, вотъ, именно бѣіеніе жизненнаго пульса.

И ему было дано вволю испытать на себѣ въ разной степени бѣіеніе жизненнаго пульса. Одно изъ высшихъ удовольствій въ этомъ родѣ онъ узналъ въ самый блаженный мигъ, когда послѣ свадебныхъ церемоній остался вдвоемъ съ прелестною Пеллегриной. Случай былъ такой, что Пикъ совершенно потерялся, убѣжалъ въ холодный залъ и, прислонясь лбомъ къ покрытому изморозью оконному стеклу, проплакалъ всю ночь. Въ этомъ же положеніи спасла его утромъ его молоденькая жена: она подошла къ нему съ своимъ невиннымъ дѣтскимъ взглядомъ въ утреннемъ капотѣ новобрачной дамы, положила ему на плечи свои миниатюрныя ручки и, повернувъ къ себѣ этими ручками его лицо, сказала:

— Мой другъ, вѣдь, не раздѣвалась...

— Мнѣ все равно!—отвѣтилъ спѣшно Пикъ.

— Нѣтъ... не все равно.

У Пика кипѣла досада и онъ отвѣтилъ:

— Я говорю вамъ: все равно!

— А я... я хотѣла бы все себѣ объяснить и не могу...

— *Себя!*

— Да.

— Даже *себя* не можете объяснить?!

— Вотъ именно!

— Это становится интересно.

Я помню одно, что я дежурила въ комнатахъ у начальницы, и *она* неслышно взошелъ по мягкимъ коврамъ и взялъ меня очень сильно за поясъ...

— Чортъ бы васъ взялъ съ ними вмѣстѣ!

— Да!

— Но я не раздѣвалась и совсѣмъ измучена... и я больше ничего не знаю... я ничего не помню...

— Ага! Ничего не помните!

— Да, я только затрепетала...

— Удивительно!

— Ничего нѣтъ удивительнаго... мы такъ воспитаны.

— Вы очень оригинально воспитаны.

— Да... какъ хотите, а теперь мнѣ дурно.

Пикъ хотѣлъ ее оттолкнуть, но, вмѣсто того, принявъ жену подѣ руки, отвелъ ее въ спальню, помогъ ей раздѣться и сказалъ:

— Разъ что все было такъ, то это предается забвенію.

Она въ полузабытѣи, съ глазами, закрытыми вѣками, слабо пожала его руку.

— Но мы уѣдемъ отсюда. Здѣсь имъ вездѣ ужь слишкомъ полно.

— Буда хочешь, — прошептали милоя, дѣтскія уста Пеллегринны.

Пикъ очнулся и сталъ цѣловать ихъ и, только снова успокоясь, прошепталъ:

— Мы отсюда уѣдемъ.

— Да, — отвѣчала Пеллегринна, — только не надо ничѣмъ тревожить папу.

Пикъ молча, но крѣпко и выразительно сжалъ и потомъ въ знакъ почтенія даже поцѣловалъ руку своей наивной жены.

Они были счастливы. Равновѣсіе въ ихъ жизни нарушалось только однимъ стороннимъ обстоятельствомъ: отецъ Пеллегринны, съ двадцати лѣтъ состоявшій при своемъ семействѣ, съ выходомъ дочери замужъ вдругъ заскучалъ и началъ страстно молиться Богу, но не умѣлъ найти утѣшенія и обнаружилъ удивительную слабость:

онъ поддался вліянію своего племянника и съ особеннымъ удовольствіемъ началъ искать компенсаціи; чего онъ не успѣлъ сдѣлать въ юности, то все хотѣлъ исполнить теперь: онъ завилъ на головѣ остатокъ волосъ, купилъ трубку, сталъ пить вино и ѣздить смотрѣть, какъ танцуютъ веселыя женщины. Спусти малое время онъ не выдержалъ и самъ принялъ участіе въ танцахъ.

По его значенію въ военномъ мѣрѣ, внутренній Шеръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія герцога, а герцогъ, встрѣтя его въ паркѣ, спросилъ:

— Ты танцуешь?

— Виновать, — отвѣчалъ генераль.

— Отчего ты это вздумалъ?

— Рано женился и ничего не испыталъ въ молодости, ваша свѣтлость.

— То-то! Смотри, чтобъ этого не было.

Почтенный воинъ далъ слово своему повелителю, но не въ силахъ былъ этого слова выдержать: молодая компанія опять увлекла его въ опасное сообщество, гдѣ онъ нарушилъ свое обѣщаніе: онъ пилъ и танцевалъ, и, дѣлая рондъ въ фигурѣ, вдругъ увидалъ передъ собою внутренняго Шера... Генераль сейчасъ же упалъ и переломилъ себѣ хребеть, а когда пришелъ на мгновеніе въ себя и сообразилъ, что объ этомъ узнаетъ герцогъ, то тотчасъ же тутъ и умеръ на мѣстѣ преступленія. Внутренній Шеръ тихо перенесъ героя ночью въ его жилище и утромъ доложилъ герцогу. Герцогъ слушалъ начало доклада въ гнѣвѣ, но потомъ былъ тронутъ по-отупномъ генерала и сказалъ:

— Онъ хорошо кончилъ!

Затѣмъ вышло распоряженіе, чтобы молодыхъ людей посадить подъ арестъ, танцорокъ высѣчь, а усопшему сдѣлать погребальный церемоніаль по его заслугамъ и произнести надъ его гробомъ глубоко-прочувствованное слово.

Все это и было сдѣлано и герцогъ самъ былъ тутъ, самъ окинулъ взоромъ церемонію, самъ выслушалъ слово и даже приткнулся рукою ко гробу нѣкогда храбраго человѣка, а потомъ съ чувствомъ пожалъ руку его дочери. Фактъ этотъ цѣлкомъ перешелъ въ исторію народа.

XVI.

Трауръ, который надѣла по отцѣ Пеллегрину, до того шелъ въ ея граціозной, легкой фигуркѣ и пепельной головкѣ, что Фебуфисъ,

пробывавшій долгое время въ тяжелой и безпросвѣтной хандрѣ, увидавъ ее, просвѣтлѣлъ и сказалъ:

— Знаете ли, я очень хочу написать вашу портреть.

Пеллегрина, какъ женщина, съ удовольствіемъ чувствовала обаяніе, которое ея красота произвела на знаменитаго, по общему мнѣнію, друга ея мужа, и ничего не имѣла противъ осуществленія его артистическаго желанія. Пикъ одобрялъ это еще болѣе.

— Это тебѣ пришла счастливѣйшая мысль, — восклицалъ онъ, — это обоихъ васъ займетъ, и тебя, и ее заставитъ прогнать отъ себя тяжелыя мысли.

Портреть былъ начатъ во весь ростъ на большомъ холстѣ, гдѣ нашли мѣсто для своего расположенія всѣ любимыя вещи въ будуарѣ Миньоны.

Фебуфисъ послѣ продолжительной апатіи и бездѣйствія взялся за работу съ большимъ рвеніемъ и портреть Пеллегрини обѣщаль превзойти портреть, написанный Фебуфисомъ съ герцогини для кабинета герцога. Это обстоятельство заключало въ себѣ даже нѣчто щекотливое и заставляло Фебуфиса производить работу не въ мастерской, а въ будуарѣ Пеллегрини. Онъ приходилъ къ ней въ своемъ рабочемъ легкомъ костюмѣ — въ туфляхъ, сѣреныхъ широкихъ панталонахъ и коричневой бархатной курткѣ. Она позировала передъ нимъ стоя и, утомясь, отдыхала на широкой оттоманкѣ, а онъ переносилъ ея дѣвственныя черты на полотно и нѣчто занесъ нечаянно въ свое сердце, начавшее гнать кровь въ присутствіи жены друга съ увеличенною силой. Онъ сталъ неровенъ и нервенъ, — она это, кажется, замѣчала, но оставалась во всегдашнемъ своемъ безпечномъ, младенческомъ настроеніи, и даже когда онъ однажды сказалъ ей, что не можетъ глядѣть на нее издали, она и тогда промолчала. Но ужь тогда онъ бросилъ кисть и палитру и, бинувшись къ ней, обнялъ ея колѣни и овладѣлъ ею такъ бурно, что она совсѣмъ потерялась, закрыла лицо руками и прошептала не разъ, а два раза:

— Бога ради, Бога ради!

Онъ, кажется, не разобралъ, какъ это слѣдовало понять, и послѣдствія этого недоразумѣнія совершенно не отвѣчали программѣ сеанса.

Дѣла могли идти такимъ порядкомъ очень долго, но разъ Пикъ вошелъ домой не въ счастливый часъ и не въ урочное время и услышалъ это же странно произнесенное «Бога ради!» Онъ понялъ это не такъ, какъ слѣдовало: ему показалось, что его женѣ дурно, и онъ бросился къ ней на помощь, но, спѣшно войдя въ комнату,

онъ засталъ Пеллегрину и Фебуфиса сидящими на диванѣ слишкомъ тихими и въ слишкомъ далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они на него и всѣ трое не сказали другъ другу ни слова.

И Пикъ стоялъ, а тѣ двое продолжали сидѣть другъ отъ друга слишкомъ далеко, въ противоположныхъ концахъ дивана, и вездѣ, по всей комнатѣ слышно было, какъ у нихъ у всѣхъ у трехъ въ груди бьется сердце, а Пикъ прошипѣлъ: «Какъ все глупо!»—и вышелъ вонъ, ошеломленный, быть можетъ, одною мечтой своего воображенія, но за то онъ сію же минуту опомнился и, сдѣлавъ два шага по ковру, покрывавшему полъ сосѣдней гостиной, остановился. Его такъ колыхало, что онъ схватился одною рукой за мебель, а другою за сердце... Вокругъ была нѣсколько минутъ жуткая тишина и только потомъ до слуха Пика долетѣлъ тихій шепотъ:

— Для чего вамъ было садиться такъ далеко?

Это говорила *она*, и говорила съ укоризною... Фебуфисъ былъ сильнѣе потерянь и онъ молчалъ.

Ее это еще больше разсердило. Пикъ слышалъ, какъ она встала съ дивана и подошла къ столику, и Пикъ слышалъ тоже, какъ обручальное колечко на миниатюрномъ пальцѣ ея руки тихо звякнуло о граненый флаконъ съ одеколономъ. Онъ узнавалъ ее по этимъ мелкимъ примѣтамъ.

Она, очевидно, входила въ себя и держала себя на уровнѣ своихъ привычекъ, между тѣмъ какъ ея сообщникъ былъ недвижимъ и едва могъ произнести:

— Было бы все равно.

— Совсѣмъ не равно, — отвѣчала наставительно Пеллегрина, уже повышая тонъ до полуголоса.— Люди, которые просто разговариваютъ, такъ далеко никогда не сидятъ.

Онъ тоже хотѣлъ ободраться и съ улыбкою, слышною въ шепотѣ, спросилъ:

— Здѣсь это не принято?

Но она совсѣмъ уже полнымъ голосомъ повторила:

— Не принято!... Гораздо важнѣе—это не то, что *здѣсь* «не принято», а то, что это вездѣ *нестественно!*

И съ этимъ она поставила на уборный столъ флаконъ и, вѣроятно, хотѣла идти вслѣдъ за мужемъ, въ тѣ самыя двери, въ которыя онъ вышелъ, но Пикъ предупредилъ ее: онъ бросился впередъ, схватилъ въ передней свой плащъ и шляпу и выбѣжалъ на улицу. На дворѣ уже темнѣло и лилъ проливной дождь. Пикъ ничего этого не замѣчалъ; онъ шелъ и свисталъ, останавливаясь у угловъ, не

зная, за который изъ нихъ поворотить, и потомъ опять шель и свисталъ, и вдругъ расхохотался.

— И это я ей говорилъ! Я ей объяснялъ, что букашка и что буканъ! И это она увѣрила меня, какъ она не замѣтила и затрепетала! И это я писалъ Маку о здѣшнихъ женщинахъ, какъ онѣ наивны!... Что могъ я понять въ этомъ омутѣ, въ этой поголовной жи?... Что я могу понять даже теперь? Впрочемъ, теперь я понимаю то, что я не хочу здѣсь оставаться ни дня, ни часа, ни минуты!

И съ этихъ поръ онъ исчезъ безслѣдно.

Внутренній Шеръ доложилъ герцогу объ исчезновеніи Пика въ числѣ обыкновенныхъ полицейскихъ событій. Все, что предшествовало этому загадочному исчезновенію и что было его настоящею причиною, осталось для всѣхъ постороннихъ неизвѣстнымъ. Когда же всѣ розыски Пика въ предѣлахъ герцогства оказались безуспѣшными, герцогъ призвалъ Фебуфиса и спросилъ:

— Что ты знаешь о своемъ товарищѣ?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— А въ какомъ положеніи его жена? Она, можетъ быть, уже вдова и у нея нѣтъ права на пенсію?

— Если ваша свѣтлость повелите, — вкрадчиво вставилъ Шеръ.

— Да, — отвѣчалъ герцогъ, — я повелѣваю. И, кстати, пусть ее тоже опредѣляютъ воспитательницей тамъ, гдѣ она сама училась. Это будетъ пріятно герцогинѣ.

XVII.

Исчезновеніе Пика, однако, чувствительно ударило по сердцу Фебуфиса, и Пеллегрина перестала ему больше нравиться, а при томъ совершилось еще другое. Сопровождая герцога, онъ посѣтилъ одинъ богатый торговый городъ, въ ратушѣ котораго имъ былъ данъ роскошный балъ. На этомъ балѣ, въ числѣ многихъ красивыхъ женщинъ, появилась молодая дѣвушка поразительной и строгой красоты. Ее звали Гелія. Она была дочь мѣстнаго богатаго негоціанта, имѣвшаго дѣла со всею Европой. Красота ея бросилась всѣмъ въ глаза и такъ плѣнила Фебуфиса, что это замѣтилъ и герцогъ и тутъ же спросилъ его:

— Какова?

— Ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Фебуфисъ, — о ней можно сказать только по-восточному: глазъ смертнаго не можетъ видѣть такое совершенство безъ готовности умереть за него.

Герцогу понравилась восточная фраза: онъ, почитавшій себя покровителемъ вѣры, самъ любилъ иногда пустить въ ходъ слово отъ Писанія, и въ данномъ случаѣ онъ похлопалъ Фебуфиса по плечу и сказалъ:

— Э, смертный, ты, я вижу, уже уязвленъ красою. Бойся заболѣть, но, впрочемъ, при мнѣ и сія болѣзнь можетъ оборотиться не къ смерти, а къ славѣ... только съумѣй ей понравиться.

— Ваша свѣтлость, надо имѣть особое счастье, чтобы понравиться такой красавицѣ.

— Прекрасно сказано: можетъ быть, ей даже и при особенномъ счастьѣ нельзя понравиться, потому она единственная дочь богача-отца и хватила хваленой цивилизаціи за границую. Говорятъ, она холодна, какъ Діана.

— Вотъ изволите видѣть!

— Да, она Діана и даже ходитъ одна съ огромнымъ псомъ. Впрочемъ, она умна... даже, кажется, что-то пишетъ... И вотъ именно объ искусствѣ... Она тоже живописецъ и училась у Каульбаха. Но главное—отецъ въ ней не слышитъ души и она очень избалована и своевольна. Хочешь, я ее за тебя посватаю?

Фебуфисъ, сложивъ руки на груди, съ улыбкою поклонился герцогу и произнесъ:

— Посадите, ваша свѣтлость!

— Посватаю и выватаю: это дѣло мое, а ты знай самъ средство, какъ съ нею обходиться, — и съ этимъ онъ прямо съ мѣста направился къ отцу красавицы, взялъ его подъ руку въ сторону и сталъ просить у него руки дочери для жениха, котораго онъ рекомендуетъ.

Фебуфисъ былъ какъ на иголкахъ, но около него былъ Шеръ; онъ его успокоивалъ и шепталъ ему:

— Ничего не выйдетъ; у ея отца, у этого стараго Фрица, въ головѣ преогромный павлинъ: онъ собить дочкѣ мужа миллионера или маркграфа.

Отецъ красавицы, которую звали Гелія, былъ сытый и рослый бюргеръ съ надменнымъ лицомъ, напоминающимъ лицо герцога Веллингтона, слылъ за страшнаго богача и жилъ роскошно. Однако, обращаясь въ сторонѣ отъ дворскихъ обычаевъ и, притомъ, въ торговомъ кружкѣ, въ которомъ онъ имѣлъ первенствующее значеніе, онъ не отличался находчивостью и былъ взятъ врасплохъ; онъ слышалъ, что такимъ сватамъ не отказываютъ, и не успѣлъ сказать ни да, ни нѣтъ, какъ «сватъ» уже поманулъ къ себѣ жениха. Это обѣщало дрянную игру: два головные павлина сшибались:

отец отца Фебуфиса былъ прикащикомъ у отца стараго Фрица, Фрицъ не могъ желать себѣ такого зятя, но, тѣмъ не менѣе, сухое и даже немножко надменное согласіе было дано. Герцогъ поднималъ бокалъ за здоровье жениха и невѣсты, и они были помолвлены. Негоціанты порта были этимъ удивлены и обижены, — на всѣхъ лицахъ было замѣтно неудовольствіе, а Шеръ, принеся свое поздравленіе отцу невѣсты, отошелъ въ амбразуру окна и, доставъ изъ кармана агенду, написалъ nota bene, по которой тайной агентурѣ слѣдовало пошарить вездѣ, гдѣ возможно: все ли благополучно въ дѣлахъ почитаемаго въ миллионерахъ Фрица? Его уступчивость казалась Шеру подозрительною. Дѣвушка не протестовала ни мало, но съ первыхъ же минутъ показала своему жениху холодное презрѣніе, а, тѣмъ не менѣе, вскорѣ же съ царственною пышностью была отпразднована ихъ свадьба. Невѣстѣ, которая все продолжала держать себя въ строгомъ чинѣ, подвелъ къ алтарю самъ герцогъ и оставался первымъ гостемъ на пирѣ, гдѣ присутствовала вся знать столицы, но присутствовала также незримо и Немезида...

Негоціантъ ничего не опредѣлилъ дочери, но можно было думать, что онъ дастъ большое приданое, а герцогъ, который «любилъ награждать», конечно, доставитъ многостороннія другія выгоды, но вышло такъ, что все это было вдругъ испорчено на первыхъ порахъ. Недобримъ предвѣстіемъ всего было письмо, которое Фебуфисъ нашелъ у себя на столѣ въ то время, когда привезъ къ себѣ молодую супругу и оставилъ ее на короткое время въ ея художественно отдѣланной половинѣ. Письмо было написано какою-то злою и мстительною женщиной: въ немъ извѣщали Фебуфиса, что онъ великодушно надуть, что онъ получилъ жену съ большими претензіями и безъ всякихъ средствъ; что тестъ его, слывущій за миллионера, на самомъ дѣлѣ готовый банкротъ, ищущій спасенія въ дорого цѣнимой имъ уступкѣ; что бракъ этотъ со стороны Темни есть жертва для спасенія отца, а Фебуфисъ ото всего этого получить право ужинать всегда безъ послѣдняго блюда.

Фебуфису показалось, что это писала Пеллегрина, которая была чертовски скрытна, ловка и мстительна, а, притомъ, она, кажется, успѣла стать слишкомъ знакома съ внутреннимъ Шеромъ и умѣла узнавать у него кое-что изъ его ежедневныхъ упражненій въ подпечатываніи и чтеніи писемъ, ввѣряемыхъ почтовой пересылкѣ.

Маленькая, изящная Пеллегрина могла знать тайности, но ей также ничто не мѣшало и лгать, и клеветать на людей. Эта жен-

щина — живое и мерзкое воспоминаніе, при которомъ является уколъ въ сердцѣ и мелькаетъ передъ глазами тѣнь маленькаго Пика.

Теперь это случилось какъ нельзя больше не въ-время. Теперь это надо рѣшительно прочь.

Онъ наскоро сунулъ смутившее его на минуту письмо въ карманъ изящнаго спальнаго жакета изъ мягкой восточной матеріи и въ легкихъ восточныхъ туфляхъ спустился изъ мастерской внизъ къ женѣ, спальня и уборная которой были устроены въ тѣхъ самыхъ покояхъ, которые занималъ въ этомъ казенномъ домѣ Пикъ и его Пеллегриня. Спальня Геліи приходилась именно въ той самой комнатѣ, гдѣ Фебуфисъ писалъ портретъ съ Пеллегрини и скомпрометировалъ ее, сѣвши слишкомъ далеко отъ нея на диванѣ.

Это все опять ему ненадлежаще вспомнилось, когда онъ съ изящною ночною лампочкой въ рукѣ проходилъ по мягкому ковру той комнаты, гдѣ стоялъ Пикъ, держась рукою за сердце и выслушивая изъ собственныхъ устъ жены сознаніе въ ея поступкѣ и въ ея чертовской опытности и органической любви къ обману.

Фебуфисъ тряхнулъ своими порѣдѣвшими кудрями, какъ бы отгоняя воспоминанія, и положилъ руку на массивную бронзовую фигуру дракона, служившую ручкою двери въ женину спальню.

Сю минуту онъ увидитъ свою великолѣпную Гелію...

Сердце его усиленно билось, но дверь не подавалась... она была заперта. Быть можетъ, это ему такъ только кажется; быть можетъ, онъ неловко беретъ. Онъ надавилъ ручку сильнѣе, и теперь несомнѣнно убѣдился, что дверь заперта изнутри на ключъ. Значитъ, полученное неизвѣстнымъ путемъ письмо предупреждало его кое о чемъ вѣрно... свадебный пиръ его конченъ и онъ, какъ дитя, оставленъ «безъ послѣдняго блюда».

Онъ былъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать: встряхнуть дверь и звать жену такъ, чтобы она должна была откликнуться, или выдержать себя и на первыхъ же порахъ наказать ея ни съ чѣмъ несообразный капризъ пренебрежительною холодностью?

Первое угрожало шумомъ и скандаломъ, который могъ дойти до ушей прислуги и сдѣлать его смѣшнымъ въ передней, на кухнѣ и въ мелочныхъ лавкахъ, откуда потомъ придетъ слухъ и въ гостиныя... Второе... еще можетъ къ чему-нибудь вывести.

Онъ предпочелъ второе и возвратился спать въ свою мастерскую.

XVIII.

Утро втораго дня было для Фебуфиса тяжело неимоვნю. Начало семейной жизни его не радовало и онъ всталъ, ощущая ни-

когда ему до сихъ поръ неизвѣстный страхъ передъ женщиной... прекрасною, строгою и чертовски холодною женщиной, избалованности и капризовъ которой, очевидно, нѣтъ мѣры, точно также какъ не видно мѣры ея упорству и самообладанію, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у Фебуфиса.

Но обстоятельства требовали, чтобы онъ показалъ нѣкоторое самообладаніе, и онъ рѣшился сдѣлать надъ собою твердыя усилія. Онъ сошелъ въ столовую, гдѣ имѣлъ привычку пить свой утренній кофе, и, къ удивленію своему, засталъ здѣсь, за столомъ, совершенно одѣтую жену, передъ которой была англійская книга, а у ногъ ея лежала ея огромная черная собака, Рапд. Супруги повидались холодно, какъ знакомые. Гелія не обнаружила ни малѣйшаго замѣшательства и даже дала замѣтить мужу, что она его нѣкоторое время ожидала за кофе. Онъ хотѣлъ разразиться, но, вмѣсто того, извинился, сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ и нѣсколько разъ посмотрѣлъ на чернаго Рапд. Его занимало: когда и кто привезъ въ его домъ эту собаку, имѣвшую чрезвычайную привязанность къ Геліи, а къ нему возымѣвшую съ первой встрѣчи глухое личное неудовольствіе, способное, при всякомъ удобномъ поводѣ, перейти въ открытую неприятность? Фебуфисъ даже не вытерпѣлъ и полюбопытствовалъ:

— Когда сюда перебрался Рапд?

Гелія отвѣчала, что Рапо пришелъ вчера съ ея вѣрною служанкой.

«Рапд и вѣрная служанка!... Недурненькія штучки для начала», — подумалъ Фебуфисъ и затѣмъ спросилъ:

— А гдѣ вы нашли для него здѣсь помѣщеніе?

— Его помѣщеніе, какъ всегда, при мнѣ.

— Нѣтъ, гдѣ онъ спалъ?

— На коврѣ, въ ногахъ, у моей постели.

«Какова штучка!» — подумалъ Фебуфисъ и всталъ, чтобы привѣтствовать двухъ близкихъ родныхъ жены, пріѣхавшихъ сдѣлать ей на другое утро брака обычный визитъ.

Фебуфисъ былъ радъ ихъ приходу, чтобы избавиться отъ общества, въ которомъ ему становилось тяжело, и, въ то же время, показать первое проявленіе и своего равнодушія, и своего самообладанія.

Онъ мало поговорилъ и, вставъ, направился къ себѣ въ мастерскую; но, при поворотѣ на коврѣ, наткнулся на Рапд и чуть не упалъ.

Онъ видѣлъ, что гости и его жена сдѣлали надъ собою усиліе, чтобы не засмѣяться его полету и смѣшному взмаху руками.

Одинъ Рапо поглядѣлъ на него серьезно и грустно, безъ унижительной ироніи, и, звучно вздохнувъ изъ глубины своей собачьей души, точно хотѣлъ сказать: «Ахъ, уйди, тебѣ здѣсь не мѣсто!»

Фебуфисъ, съ своей стороны, подумалъ: «Я эту собаку непременно убью», и затѣмъ онъ прошелъ къ себѣ въ мастерскую, одновременно чувствуя и бѣшенство, и неотразимую потребность удерживаться, и вдругъ онъ схватилъ кисти и началъ работать.

Съ этихъ поръ мастерская, этажемъ выше жилья, сдѣлалась его постояннымъ пріютомъ. Онъ точно вышелъ изъ дому безъ спора и безъ боя, самъ не замѣтивъ, какъ это случилось.

Онъ дѣлалъ съ женой визиты; былъ съ нею на завтракъ, въ замкѣ, у герцога, причемъ герцогъ, поздравляя Гелію, поцѣловалъ у ней руку въ присутствіи герцогини. Потомъ у нихъ былъ родственныи обѣдъ, за которымъ Фебуфисъ убѣдился, что отецъ его жены не дастъ дочери ничего, а что всѣ прочіе ея родственники совсѣмъ даже и не намѣрены почитать его за замѣчательнаго человѣка. Они ни мало не скрываютъ, что смотрятъ на него просто, какъ на герцогскаго фаворита, до котораго они снизошли, случайно, по обстоятельствамъ, о которыхъ онъ пойметъ въ свое время и для которыхъ обязанъ будетъ поработать. Вообще современемъ ему скажутъ, что дѣлать. За обѣдомъ послѣдовалъ балъ, на которомъ, въ блестящей свитѣ, прошелъ герцогъ, и опять уже не разъ, а два раза поцѣловалъ руку Геліи, — здороваясь и прощаясь, — и сидѣлъ съ ней одной пять минутъ въ уединенной, маленькой гостиной, изъ которой, по принятому этикету, въ эти минуты всѣ вышли. Потомъ онъ подарилъ, по старинѣ, вниманіемъ и Фебуфиса. Онъ спросилъ его:

— Счастливъ?

Фебуфисъ поблагодарилъ за вниманіе.

— То-то! — пошутилъ герцогъ и, улыбаясь, шепнулъ ему на ухо: — Будь терпѣливъ и уповай на Бога.

«Что за дьявольщина! — подумалъ, провожая герцога, Фебуфисъ. — Во что онъ не вмѣшивается, чего онъ не знаетъ и о чемъ онъ не говорить!... Какъ его много! Какъ его вездѣ чертовски много!»

И вдругъ онъ остановился на мѣстѣ и зашатался. Онъ вдругъ ясно увидѣлъ, *его жена любовница герцога.*

Съ Фебуфисомъ сдѣлался обморокъ, и довольно странныи обморокъ, въ которомъ продолжалось сознаніе.

XIX.

Этого, можетъ быть, только не видятъ другіе, или, наоборотъ, это видѣли и видятъ всё, кромѣ его. Онъ, настоящій, форменный мужъ, который узнаетъ о своемъ позорѣ самый послѣдній и потому смиряется и сноситъ это изъ ложнаго стыда или выгоды, но вотъ тутъ ужь ошибка, — этого одного ужь ни за что не будетъ съ Фебуфисомъ. Этого онъ не снесетъ ни за какія выгоды въ мірѣ. Онъ это разъяснить и разрубить все сейчасъ, сію минуту. И всё условія ему благопріятствовали — обморокъ сокрылъ отъ него развѣздъ гостей и окончаніе бала. Придя окончательно въ чувство, Фебуфисъ увидѣлъ себя въ полумракѣ, на кушеткѣ, въ будуарѣ жены. Сюда перенесли его гости, при которыхъ онъ упалъ въ дурнотѣ, проводивши герцога. Гелія стояла передъ нимъ, возлѣ нея была ея «вѣрная служанка» и недалеко отъ нея, глядя ей въ глаза, лежалъ не менѣе вѣрный Рапд. Огни во всѣхъ апартаментахъ были потушены и въ домѣ была тишина; сквозь складки ожонныхъ занавѣсъ видѣлась звѣзда, меркнувшая въ предразсвѣтной синевѣ неба.

Фебуфисъ остановилъ взглядъ на служанкѣ и сбазалъ:

— Зачѣмъ она здѣсь?

Гелія сдѣлала легкое движеніе головой и женщина вышла.

— Могу ли я сдѣлать вамъ одинъ вопросъ? — сказалъ Фебуфисъ.

— Конечно, — отвѣчала Гелія.

— О чемъ съ вами говорилъ наединѣ герцогъ?

Гелія сдвинула брови и покраснѣла. Фебуфисъ мгновенно сорвался съ мѣста и вскрикнулъ:

— Я хочу это знать!

— Онъ говорилъ со мной объ одномъ дѣлѣ моего отца.

— О какомъ дѣлѣ?

— Я не должна этого никому сказать.

— Это неправда!... это ложь!... Вы его любовница!

Краска мгновенно сбѣжала съ лица Геліи и замѣнилась болѣзненною блѣдностью.

— Да, — продолжалъ Фебуфисъ, — я васъ поймалъ... я васъ открылъ, я теперь понимаю ваше поведеніе, и вотъ... вотъ...

— Что вы хотите?

— Ничего!... Отъ васъ ничего... Поняли?

— Поняла.

— Прекрасно!... Миѣ не нужна герцогская любовница!

— Да!

— Да. Вы должны были, по крайней мѣрѣ, раньше мнѣ со-
знаться въ этомъ.

— Идите - жь вонъ отсюда!... Сейчасъ же вонъ, или... эта
собака перекусить вамъ горло!

— Я вонъ... я?!

— Да, вы... Вонъ, сынъ прикащика моего дѣда!

— О, — протянулъ Фебуфисъ, въ головѣ котораго его соб-
ственный павлинъ вдругъ распустилъ всѣ свои перья, — такъ вы
вотъ какъ на меня смотрите! Я вамъ покажу, кто я!

И онъ, задыхаясь и колеблясь отъ гнѣва на ногахъ, пошелъ
въ свою мастерскую, но онъ не легъ спать, — его пожирала про-
стая физическая жажда мщенія, — онъ сошелъ опять внизъ, взявъ
изъ буфета двѣ бутылки шампанскаго и обѣ ихъ выпилъ, во все
время безпрестанно волнуясь и то такъ, то иначе соображая свое
положеніе. Онъ непремѣнно хотѣлъ что-то сдѣлать, и не зналъ, что
ему дѣлать. Въ этомъ уплылъ остатокъ ночи и въ окнахъ сѣрѣлъ
разсвѣтъ непогожаго дня.

Фебуфисъ сталъ приходить въ другое, мирное настроеніе: онъ
чувствовалъ теперь потребность сказать женѣ, — холодно и не
роняя своего достоинства, — что они навсегда будутъ чужды другъ
другу, и рѣшить сообща съ нею, какъ имъ держать себя, пока
они найдутъ наименѣе скандалѣзный выходъ. Это будетъ холодное,
дѣловое объясненіе, но его надо сдѣлать немедленно, сейчасъ, что-
бы ни онъ, ни она не предприняли ничего несоотвѣтственнаго по-
рознь и чтобы съ сердца разомъ скорѣе сбросить то, что такъ тя-
жело и гадко.

Но двери ея спальни, конечно, опять уже заперты, и если она
ихъ опять не отпереть?... Ему надо было, просто, уходя, вынуть
ключъ, но онъ не догадался. Но онъ ее *заставитъ* отпереться.
Онъ не будетъ стучать и ломиться, какъ ревнивый портной, а онъ
ее убѣдитъ... онъ ее образумитъ. Такъ или иначе, она ему отпереть
и его выслушаетъ... А иначе... онъ сдѣлаетъ чортъ знаетъ что!

Онъ выпилъ еще залпомъ, одинъ за другимъ, два стакана шам-
панскаго, взявъ съ камина флаконъ со скипидаромъ и сталъ спу-
скается съ лѣстницы. Онъ не чувствовалъ себя пьянымъ и, въ са-
момъ дѣлѣ, онъ не былъ пьянъ. Онъ ни скоро, ни тихо подошелъ
къ жениной спальнѣ, которая, дѣйствительно, оказалась запертою,
спокойно тронулъ ручку двери и произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Я прошу васъ меня извинить и не отказать мнѣ выдти ко
мнѣ въ эту комнату: мы должны сейчасъ объясниться.

Гелія не отвѣчала.

— Я хочу знать, слышите ли вы, что я вамъ говорю?

— Слышу.

— Одѣньтесь и выйдете. Это важно для моей и вашей жизни!

Молчаніе.

— Я вамъ даю слово, что вы не услышите ни одного грубаго слова. Не бойтесь меня.

Ему слышалось, что она какъ-будто ходить и что-то дѣлаетъ, но на его слова не отвѣчаетъ.

— Я вамъ даю слово, что вамъ меня не должно бояться.

Она отвѣтила: «я не боюсь», и опять слышались ея шаги и движеніе.

«Она ждетъ служанку и хочетъ уйти другимъ ходомъ!»

Это его взбѣсило.

— Вы не отворите?! — вскричалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, оставленныхъ ею безъ отвѣта.

Гелія снова молчала.

— А, въ такомъ случаѣ, я сейчасъ сожгу васъ въ вашемъ затворѣ.

Съ этимъ онъ плеснулъ скипидаромъ портьеры и зажегъ ихъ и въ полномъ безуміи бросился къ другому выходу изъ спальни, но въ это же мгновеніе осажденная повернула ключъ и, открывъ двери, предстала въ плавающей рамѣ горящихъ портьеръ. Она была въ мантильѣ и въ платьѣ, съ головой, покрытой кружевною косынкой. Этого Фебуфисъ не ожидалъ и закричалъ:

— Куда вы?

Она только смѣрила его глазами.

Тогда онъ, забывъ все, кинулся, чтобы остановить ее, но она на все это была готова: она вынула изъ-подъ мантильи руку и подняла прямо противъ его лица маленькій, щегольской пистолетъ.

— Я этого не боюсь! — вскричалъ Фебуфисъ.

— А я требую только, чтобы вы до меня не касались.

Изъ отуманенной бѣшенствомъ и, можетъ быть, отчасти виномъ головы Фебуфиса выскочилъ сразу весь планъ его мирныхъ и благородныхъ дѣйствій. Но успѣла его жена пройти черезъ залу, какъ онъ догналъ ее у второй двери и схватилъ ее сзади за мантилью. Гелія ударилась вискомъ о рѣзной шпингалетъ и страшно вскрикнула, рванулась и убѣжала, а въ рукахъ Фебуфиса осталась только мантилья. Она ушла... стало пусто: на полу лежала большая золотая шпилька, верхка въ четыре дюйма, какія носили по тогдашней модѣ, и на узорчатомъ шпингалетѣ двери вѣялись,

тихо колеблясь, нѣсколько длинныхъ и тонкихъ, шелковистыхъ черныхъ волосъ.

Гелія выбѣжала изъ мужнина дома, какъ изъ разбойничьяго вертепа, въ одномъ платьѣ, и безотчетно пошла, какъ нѣкогда шель, куда-то, обиженный Пякъ. Она не замѣчала ни окружающей ея стужи, ни вѣтра, который трепалъ ея прекрасные волосы и билъ въ ея красивое, негодующее лицо мелкими искрами леденистаго снѣга.

Въ умѣ Геліи было идти прямо къ герцогу и сказать ему:

— Защитите меня отъ обиды и если вы рыцарь, — какъ о васъ говорить, — скажите, что я не была вашею любовницею.

Она вѣрила, что она должна и можетъ это сказать, что она это непременно скажетъ, и онъ защититъ ее, какъ рыцарь.

XX.

Не давая себѣ отчета, хорошо или дурно она думаетъ, Гелія очутилась у герцогскаго замка. Выросши въ торговомъ городѣ, жившемъ болѣе во внѣшнихъ политическихъ сношеніяхъ съ Европой, чѣмъ съ своимъ правительственнымъ центромъ, Гелія имѣла очень недостаточныя понятія о томъ, какъ можно и какъ нельзя говорить съ герцогомъ; но это и послужило ей въ пользу, или, быть можетъ, во вредъ, какъ мы увидимъ потомъ, при развитіи нашего повѣствованія.

Въ замкѣ и вокругъ замка герцога жизнь начиналась по-военному, то-есть очень рано, и въ тотъ ранній часъ, когда Гелія показалась у подъѣзда герцога, тамъ уже стояла запряженная для него лошадь.

Гелія пошла прямо къ подъѣзду и стала у колонны. Дежурившій у подъѣзда офицеръ настоятельно просилъ ее удалиться и особенно указалъ ей на сопровождавшую ее собаку.

Гелія слабо понимала рѣчь того языка, на которомъ говорили въ столицѣ герцогства, но поняла указанія на Рапд и нетерпѣливо взглянула на него глазами.

Тяжелый и сильный звѣрь поднялся и пошелъ прочь за уголъ главной площади замка.

— И вы сами тоже должны удалиться, — сказалъ офицеръ; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ настоять на этомъ, тяжелая дверь быстро распахнулась и появился герцогъ. Гелія къ нему бросилась, какъ дитя и, въ то же время, какъ увѣренная, въ своемъ достоинствѣ женщина.

Герцогъ остановился: вѣтеръ сильно перебивалъ ея лепетъ.

Она говорила, но онъ не понималъ ее и... не узнавалъ ее.

Она въ отчаяніи закрыла лицо руками.

Герцогъ еще отодвинулся и приложилъ ладонь надъ глазами.

Гелія упала на колѣни и на этотъ разъ твердо сказала:

— Молю васъ, спасите!

— Что нужно?—спросилъ грозно герцогъ.

И въ этотъ же мигъ онъ узналъ Гелію и ужаснулся.

— Это вы, Гелія! Что съ вами случилось?

И онъ подался къ ней ближе и закрылъ ее отъ вѣтра и снѣга полою своего плаща.

— Ваша свѣтлость! — простонала она, — была ли я вашею любовницей?—и, зарыдавъ, она не могла продолжать далѣе.

Герцогъ замѣтилъ, что она шатается, и подхватилъ ее подъ руки.

— Кто смѣлъ сказать это?

— Вы меня выдали замужъ,—произнесла Гелія.

— Ну, да!... Что-жь дальше?

Гелія протянула къ герцогу руку, въ которой былъ пистолеть, и сказала:

— Прикажите скорѣе взять меня въ тюрьму.

— За что?

— Я сейчасъ хотѣла убить моего мужа.

— За что?

Она плакала.

— Говорите скорѣе, за что?

— Онъ обращается со мною, какъ звѣрь и разбойникъ!

И, произнося каждое слово, она колебалась на ногахъ и вдругъ совсѣмъ пошатнулась въ сторону.

Герцогъ плотнѣе прикрылъ ее плащомъ и сказалъ:

— Смотрите... правда ли это?

Вмѣсто отвѣта, Гелія взяла холодною рукой руку герцога и при-
близила ее къ своей головѣ.

На бѣлой замшевой перчаткѣ герцога осталось капля крови и нѣсколько глянцовитыхъ и тонкихъ черныхъ волосъ.

Изъ груди вырвался звукъ ужаса и негодованія.

— Злодѣй! — вскричалъ герцогъ, — онъ будетъ страшно наказанъ!

Съ этими словами, задыхаясь и сверкая глазами, разгнѣванный герцогъ всхлипнулъ и потомъ отечески обнялъ молодую красавицу, и, почувствовавъ, что она падаетъ, поднялъ ее, какъ дитя, на руки, поцѣловалъ въ темя и съ этою ношей возвратился назадъ въ двери замка.

Николай Лѣсковъ.

БЕЗЪ ДОГМАТА.

Современный романъ

Генрика Сенневича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Римъ, 9 января 1883 г.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я встрѣтилъ моего товарища и пріятеля, Юзефа Снятыньскаго, который въ послѣднее время занялъ видное положеніе между нашими писателями. Въ нашихъ разговорахъ о литературѣ Снятыньскій приписывалъ огромное значеніе дневникамъ. Онъ говорилъ, что человѣкъ, который оставляетъ послѣ себя дневникъ, даетъ будущимъ психологамъ и романистамъ не только картину современныхъ ему нравовъ, но и единственный человѣческій документъ, которому можно вѣрить. Онъ предсказывалъ, что беллетристическія произведенія будущаго примутъ непременно форму дневника; наконецъ, онъ утверждалъ, что всякій, пишущій дневникъ, тѣмъ самымъ трудится для общества и пріобрѣтаетъ себѣ право на признательность.

Мнѣ тридцать пять лѣтъ, а я не могу припомнить ни малѣйшей услуги, которую я принесъ бы обществу; можетъ быть, потому, что вся моя жизнь послѣ университета, съ малыми перерывами, прошла за границей. Несмотря на всю горечь этого сознанія, несмотря на скептицизмъ, которымъ я пропитанъ, какъ губка влагою, я рѣшилъ писать дневникъ. Если это дѣло настоящее, если я могу оказать кому-нибудь услугу, то я радъ услужить хотя бы и такимъ способомъ. Но я могу быть совершенно искреннимъ. Я беру за этотъ дневникъ не только въ силу вышесказанныхъ соображеній, но и потому, что эта мысль меня занимаетъ. Снятыньскій утверждаетъ, что разъ человѣкъ научится изображать свои мысли и впечатлѣнія, то впослѣдствіи это занятіе становится однимъ изъ

наслажденій въ жизни. Если окажется противное, то да сжалятся Богъ надъ моимъ дневникомъ. Я обманывалъ бы самъ себя, если бы не предвидѣлъ съ полною достовѣрностью, что тогда онъ повернется, какъ черезъ чуръ натянутая струна. Я готовъ многое претерпѣть для общества, но скучать для него — нѣтъ! Этого дѣлать я не могу, потому что не съумѣю.

Взамѣнъ этого я рѣшилъ не смущаться первыми трудностями, попробую привыкнуть и привязаться къ моей работѣ. Снятыньскій во время нашихъ разговоровъ постоянно повторялъ мнѣ: «только не впадай ни въ какой стиль, не пиши по-литераторски». Пустое дѣло! Я понимаю отлично, что чѣмъ крупнѣе писатель, тѣмъ менѣе онъ пишетъ по-литераторски; но я дилетантъ и не властвую надъ формой. По собственному опыту я знаю, что человѣку, который много думаетъ и сильно чувствуетъ, не разъ представляется, что стоитъ только просто описать то, о чемъ думаетъ онъ и что чувствуетъ, — и выйдетъ нѣчто необыкновенное... А сядетъ этотъ человѣкъ за работу — и тотчасъ же подчинится какой-нибудь стилистической формѣ, — хотя бы писалъ для самого себя, — начнетъ позировать, ударится въ пошлое фразерство, мысль не захочетъ выливаться съ его пера на бумагу... и можно сказать, что не голова руководитъ перомъ, а перо головою, и руководитъ глупо, плоско. Этого-то я и боюсь, и боюсь, главное, потому, что если у меня нѣтъ опытности, языка, художественности, поэтической простоты и т. д., то, во всякомъ случаѣ, я не страдаю недостаткомъ вкуса, и мой слогъ можетъ опротивѣть мнѣ до такой степени, что дальнѣйшая работа окажется невозможной. Но это будетъ видно потомъ.

Теперь я намѣреваюсь снабдить свой дневникъ краткимъ биографическимъ вступленіемъ. Дѣлаю я это отчасти для того, чтобы сосредоточиться, отчасти по другимъ соображеніямъ. Снятыньскій говорилъ, что мой дневникъ попадетъ кому-нибудь въ руки и на что-нибудь пригодится. Собственно говоря, я могъ бы относиться къ этому совершенно равнодушно, но отъ сдѣланнаго мнѣ внушенія (какъ говорятъ теперь) я не могу освободиться и буду писать такъ, какъ будто бы писалъ не для одного себя. Вотъ почему я въ короткихъ словахъ разскажу свое прошедшее, чтобы сдѣлать болѣе понятными настоящее и будущее. Принесетъ ли это когда-нибудь и кому-нибудь пользу, — это, по совѣсти говоря, не мое дѣло.

Зовутъ меня Леонъ Плошовскій; мнѣ тридцать пять лѣтъ, какъ сказано выше. Я родился въ семьѣ, которая до сихъ поръ сохранила всѣ свои далеко не маленькія средства. Что касается меня,

то я увѣренъ, что доставшагося мнѣ наслѣдства я не преумножу, но и не растрачу. Положеніе мое такого рода, что мнѣ нѣтъ надобности взбираться на какія-нибудь высоты или протискиваться куда-нибудь. Разорительныя и вредныя привычки мнѣ чужды: въ жизни я скептикъ и знаю, какая вещь чего стоить, или, иначе говоря, знаю, что рѣшительно все стоить чортъ знаетъ какъ мало.

Моя мать умерла черезъ недѣлю послѣ моего рожденія. Отецъ, который любилъ ее больше жизни, впалъ въ меланхолію. Немного оправившись въ Вѣнѣ, онъ не захотѣлъ вернуться въ родовое помѣстье (тамъ все напоминало бы ему о тягостной утратѣ), уступилъ Плошовъ своей сестрѣ, а самъ въ 1848 г. переѣхалъ въ Римъ, гдѣ безвыѣздно и прожилъ тридцать слишкомъ лѣтъ, не желая удаляться отъ могилы покойной жены. Я забылъ упомянуть, что онъ перенесъ прахъ моей матери и похоронилъ его на Campo Santo.

У насъ на Бабуино собственный домъ, который называется Casa Osorgia, по нашему гербу. Домъ этотъ отчасти напоминалъ музей, — у отца богатое собраніе древностей, въ особенности изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ настоящее время онѣ стали путеводною звѣздой его жизни. Въ молодости это былъ человѣкъ блестящій во всѣхъ отношеніяхъ. Фамилія и богатство открывали передъ нимъ всѣ дороги; ему сулили блестящую будущность. Я знаю объ этомъ отъ его товарищей по берлинскому университету. Отецъ усиленно занимался тогда философіей и, по общему мнѣнію, его имя современемъ должно было гремѣть такъ же, какъ имена Цѣшковскаго, Либельта и др. Но свѣтская жизнь и неслыханный успѣхъ у женщинъ отвлекли его отъ научныхъ занятій. Въ гоетиныхъ его называли «Léon l'invincible». Впрочемъ, несмотря на свои успѣхи въ свѣтскихъ кругахъ, отецъ не переставалъ заниматься философіей, и всѣ ожидали, что онъ не сегодня, такъ завтра выступитъ съ сочиненіемъ, которое разгласитъ его славу по всей Европѣ.

Надежды эти не оправдались. Отецъ уже старикъ, хотя я до сихъ поръ не видалъ еще болѣе прекрасной и благородной головы. Художники придерживаются того же мнѣнія, а одинъ изъ нихъ недавно сказалъ мнѣ, что лучшей модели для типа патриція трудно себѣ вообразить. По отношенію къ наукѣ отецъ мой былъ, есть и будетъ очень способнымъ и очень образованнымъ бариномъ-диллетантомъ. До нѣкоторой степени я увѣренъ, что диллентантизмъ — это участь всѣхъ Плошовскихъ, и подробнѣе расскажу объ этомъ позже, когда мнѣ придется говорить о самомъ себѣ.

Въ ящикѣ письменнаго стола отца лежитъ пожелтѣвшій отъ времени философскій трактатъ *О тройственности*. Я просматри-

валъ эту рукопись, — она навела на меня скуку. Помню только, что тамъ какимъ-то образомъ сопоставляется реальная троица: кислородъ, водородъ и азотъ, — съ трансцендентальной; кромѣ того, нѣтъ недостатка въ другихъ аналогичныхъ троицахъ, начиная отъ добра, красоты и правды и кончая логическимъ силлогизмомъ, состоящимъ изъ первой и второй посылки и заключенія, — смѣшеніе гегеліанскихъ идей съ идеями Гёне-Вронскаго, усиліе мысли очень хитрое и совершенно безплодное. Я убѣжденъ, что отецъ никогда не напечатаетъ свой трактатъ, хотя бы потому, что спекулятивная философія обанкротилась въ его глазахъ прежде, чѣмъ передъ глазами всего свѣта.

Причина этого банкротства была смерть моей матери. Отецъ, который, несмотря на свою кличку «l'invincible» и репутацію покорителя сердець, былъ человѣкъ съ необыкновенно чуткимъ и мягкимъ сердцемъ, вѣроятно, предъявилъ своей философіи множество страшныхъ вопросовъ и, не получивъ ни одного отвѣта, никакого утѣшенія, увидалъ ея тщетность и безсиліе передъ жизненнымъ несчастіемъ. Это была страшная трагедія въ его жизни, когда у него сразу отняли двѣ опоры, когда одинъ ударъ разбилъ его сердце и разможилъ его мозгъ. Какъ я говорилъ раньше, отецъ впалъ въ меланхолію, а потомъ, оправившись, обратился къ религіи. Мнѣ рассказывали, что было время, когда онъ молился день и ночь, падалъ на колѣни передъ всякимъ храмомъ и доходилъ до такой степени религіознаго экстаза, что въ Римѣ одни считали его за сумасшедшаго, другіе — за святаго.

Должно быть, въ этомъ онъ нашелъ больше утѣшенія, чѣмъ въ своихъ философскихъ троицахъ, потому что мало-по-малу успокоился и зажилъ дѣйствительною жизнью. Вся сила его любви сосредоточилась на мнѣ, а эстетическія и умственные потребности толкнули его на изученіе первыхъ вѣковъ христіанства. Умъ у отца былъ живой, дѣятельный, требовалъ пищи. Послѣ годоваго пребыванія въ Римѣ онъ началъ заниматься археологіей. Патеръ Кальви, мой первый гувернеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, великій знатокъ Рима, внушилъ отцу мысль заняться исторіей вѣчнаго города.

Спустя нѣсколько лѣтъ отецъ завязалъ знакомство, которое потомъ перешло въ дружбу, съ великимъ Росси и вмѣстѣ съ нимъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ катакомбахъ. Благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, онъ скоро такъ ознакомился съ Римомъ, что часто удивлялъ самого Росси своими свѣдѣніями. Нѣсколько разъ онъ брался за перо, да какъ-то никогда не оканчивалъ того, что начиналъ. Можетъ быть, все время моего отца

уходило на пополнение разных коллекцій, но, какъ бы то ни было, очень вѣроятно, что онъ ничего и не оставитъ послѣ себя, кромѣ коллекцій, потому что у него нѣтъ способности остановиться на какой-нибудь одной эпохѣ, избрать какую-нибудь одну специальность. Мало-по-малу средневѣковый Римъ бароновъ началъ его привлекать къ себѣ съ такою же силой, какъ когда-то первые вѣка христіанства. Была эпоха, когда голова моего отца была вся занята Колоннами и Орсины, потомъ онъ приблизился къ эпохѣ Возрожденія и влюбился въ нее окончательно. Отъ надписей, памятниковъ, остатковъ первой христіанской архитектуры онъ перешелъ къ болѣе позднимъ временамъ, отъ византійской живописи къ Фіезоли и Джотто, отъ нихъ къ чинквечентистамъ и т. д., увлекся статуями, картинами. Коллекціи, несомнѣнно, выигрывали отъ этого, но большее сочиненіе на польскомъ языкѣ о трехъ Римахъ, о которомъ мечталъ отецъ, перешло въ область неосуществившихся намѣреній.

Всѣ свои коллекціи отецъ хочетъ завѣщать Риму, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы помѣщены онѣ были въ отдѣльной залѣ, а на дверяхъ залы была бы надпись: «Музей Озоріевъ Плошовскихъ». Очевидно, это такъ и будетъ, — меня удивляетъ только одно, что отецъ убѣжденъ, будто бы такимъ образомъ онъ окажетъ большую услугу обществу, чѣмъ если бы перевезъ свое собраніе на родину.

Еще недавно онъ сказалъ мнѣ:

— Видишь, тамъ никто не увидитъ его, никто имъ не воспользуется, а сюда люди съѣзжаются со всѣхъ концовъ свѣта и всякій перенесетъ заслугу одного изъ поляковъ на всю Польшу.

Мнѣ не приходится разсуждать, нѣтъ ли въ этомъ немного аристократическаго тщеславія, и мысль, что фамилія Плошовскихъ останется изсѣченною на мраморѣ въ вѣчномъ городѣ, не была ли рѣшающею въ этомъ дѣлѣ? Говоря по совѣсти, я думаю, что это такъ и было. А, вообще, я совершенно равнодушенъ къ тому, гдѣ будетъ помѣщено собраніе моего отца.

За то моя тетка (кстати, надняхъ я выѣзжаю къ ней въ Варшаву) раздражается, когда слышитъ о намѣреніи отца; а такъ какъ никто въ свѣтѣ не можетъ удержать ее отъ выраженія своего мнѣнія, то она высказываетъ свое раздраженіе безъ всякихъ обиняковъ въ каждомъ письмѣ къ отцу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ Римѣ, она по этому поводу ссорилась съ отцомъ каждый день и поссорилась бы серьезно, еслибъ не ея неизмѣримая привязанность ко мнѣ. Моя тетка на нѣсколько лѣтъ

старше своего брата. Отецъ послѣ удара, который надъ нимъ разразился, при отъѣздѣ за границу раздѣлился съ сестрой, — ей оставилъ Плошовъ, себѣ взявъ деньги. Тетка управляетъ имѣніемъ тридцать лѣтъ, и управляетъ превосходно. Она женщина недюжиннаго характера, поэтому я посвящу ей нѣсколько словъ. 20-ти лѣтнею дѣвушкой она потеряла жениха, въ тотъ самый день, когда собиралась ѣхать къ нему за границу, и съ той поры упорно отвергала всѣ искательства другихъ жениховъ. Послѣ смерти моей матери она сопровождала отца въ Вѣну и Римъ, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ, окружая брата нѣжнѣйшими попеченіями. Тетушка въ полномъ значеніи этого слова *grande dame*, немного деспотичная, надменная ворчунья, полная самоувѣренности, которую придаютъ человѣку большія средства и высокое общественное положеніе; на самомъ же дѣлѣ она воплощенная добродѣтель. Подъ шероховатую внѣшностью она скрываетъ золотое, снисходительное сердце, любящее не только моего отца, меня, домашнихъ, но и всѣхъ людей вообще. Она настолько добродѣтельна, что, по моему мнѣнію, добродѣтель не составляетъ ея заслуги: она не могла бы быть иною. Благотворительность ея вошла въ пословицу. Она бранитъ стариковъ и старухъ, какъ констебль, и ухаживаетъ за ними, какъ св. Франсуа де-Поль. Она очень религіозна. Никогда никакая тѣнь сомнѣнія не закрадывалась въ ея душу; что дѣлаетъ она, то дѣлаетъ въ силу искренняго убѣжденія, поэтому никогда не раздумываетъ надъ выборомъ. Можетъ быть, поэтому она всегда спокойна и счастлива. Въ Варшавѣ тетку называютъ за ея рѣзкость *le bougeau bienfaisant*. Иные, а въ особенности дамы, не любятъ ее, но вообще она пользуется большимъ вліяніемъ.

Плошовъ лежитъ около самой Варшавы. Въ Варшавѣ у тетушки домъ, гдѣ она обыкновенно проводитъ зиму. Въ концѣ осени она постоянно старается заманить меня къ себѣ, чтобы женить. Вотъ и теперь я получилъ отъ нея письмо, полное таинственности и просьбъ пріѣхать. Нужно будетъ ѣхать: я нѣсколько лѣтъ не былъ на родинѣ, а тетка пишетъ, что старѣетъ и желала бы видѣть меня передъ смертію.

Признаюсь, я не съ большою охотой ѣзжу въ Польшу. Во-первыхъ, я отвыкъ; во-вторыхъ, знаю, что теткѣ во что бы то ни стало хочется женить меня, а каждый мой новый пріѣздъ грозитъ ей новымъ разочарованіемъ. Страхъ меня беретъ при мысли о такомъ рѣшительномъ шагѣ, послѣ котораго нужно начинать другую жизнь, въ то время, когда я и этою первой порядочно измученъ. Наконецъ, въ нашихъ отношеніяхъ есть нѣчто щекотливое — для меня, по край-

ней мѣрѣ. Какъ когда-то близкіе люди смотрѣли на моего отца, такъ она смотритъ на меня теперь, т.-е. какъ на человѣка съ необычайными способностями, отъ котораго можно ожидать великихъ дѣлъ. Дозволить теткѣ оставаться при такомъ мнѣніи—это значитъ злоупотреблять ея довѣрчивостью; сказать, что отъ меня не только великихъ, но и никакихъ дѣлъ ожидать нельзя,—тоже неудобно. Тогда я впалъ бы въ другую крайность и, кромѣ того, нанесъ бы старушкѣ тяжелый ударъ.

Можетъ быть, къ великому моему несчастію, множество близкихъ мнѣ людей раздѣляютъ мнѣніе тетушки. Заговоривъ объ этомъ, я позволю приступить къ обрисовкѣ моего портрета, что будетъ дѣломъ не особенно легкимъ, потому что я — существо чрезвычайно сложное.

Родился я на свѣтъ съ очень впечатлительными нервами, утонченными культурою цѣлаго ряда поколѣній. Сначала я находился подъ призоромъ тетки, потомъ перешелъ въ руки разныхъ боннъ. Мы жили въ Римѣ, среди чужаго народа, но отецъ хотѣлъ, чтобы я хорошо зналъ родной языкъ, и, поэтому, одною изъ моихъ боннъ была полька. Она живетъ и до сихъ поръ въ нашемъ домѣ на Бабуино въ качествѣ экономки. Отецъ тоже много занимался со мной, въ особенности съ того времени, какъ мнѣ миновало пять лѣтъ, а позже, когда археологическія изслѣдованія и пополненіе коллекцій заняли почти все его время, взялъ мнѣ учителя, патера Кальви. То былъ человѣкъ уже пожилой, съ чрезвычайно чистою и ясною вѣрой и душой. Любилъ онъ меня сильно, больше, чѣмъ всѣ искусства. Я думаю, что даже и религію онъ постигалъ исключительно при посредствѣ ея красоты. Въ музеяхъ, передъ произведеніемъ кисти или рѣзца великаго художника, въ Сикстинской капеллѣ, подъ звуки музыки, патеръ Кальви впадалъ въ полное самозабвеніе. Впрочемъ, въ его глубокой любви къ искусству не было ничего языческаго; эта любовь основывалась не на сибаритизмѣ, не на чувственности, а на чистомъ чувствѣ. Патеръ Кальви любилъ искусство тою чистою и ясною любовью, которую могли любить его Фиезоли, Чимабуэ или Джотто, и даже больше — любилъ его цѣломудренно, потому что у него не было никакого таланта. Говорилъ онъ мало, но чувствовалъ глубоко. Я даже не знаю, какая изъ отраслей искусства приходилась ему болѣе по душѣ; мнѣ кажется, во всѣхъ онъ болѣе всего любилъ гармонию, которая соотвѣтствовала его внутренней гармоніи.

Не знаю почему, но какъ только я подумаю о патерѣ Кальви,

мнѣ припоминается старецъ, стоящій около св. Цециліи Рафаэля и вслушивающійся въ музыку сферъ.

Дружба между моимъ отцомъ и патеромъ Кальви продолжалась до смерти этого послѣдняго. Онъ-то и вселилъ въ отца любовь къ археологическимъ изслѣдованіямъ и къ вѣчному городу въ особенности. Оба они считали меня необыкновеннымъ ребенкомъ, котораго ждетъ Богъ вѣсть какое будущее. Мнѣ не разъ приходитъ въ голову, что я представлялъ для нихъ тоже своего рода гармонію, связывающую ихъ съ внѣшнимъ міромъ, и что они любили меня такою же любовью, какъ Римъ и его памятники.

Такая атмосфера, такая обстановка не могли не имѣть на меня вліянія. Воспитывали меня довольно оригинальнымъ способомъ. Я ходилъ съ патеромъ Кальви, а иногда съ отцомъ, по галлереймъ, музеямъ, за городъ на виллы, на развалины, въ катакомбы. Патеръ Кальви, одинаково чутко воспринимающій красоты искусства и природы, научилъ и меня понимать меланхолическую прелесть римской Кампаньи, — гармонію, съ какою арки и линіи разрушенныхъ водопроводовъ рисуются на небѣ, чистоту контуровъ старыхъ пиній; прежде чѣмъ я хорошо познакомился съ четырьмя дѣйствіями ариѳметики, мнѣ случалось исправлять англичанъ, которые постоянно Барраччи смѣшивали съ Караваджо. По-латыни я выучился рано и безъ труда; въ этомъ мнѣ помогло знаніе итальянскаго языка, а по-итальянски я, какъ римскій житель, говорилъ совершенно свободно. Одиннадцати лѣтъ я высказывалъ свои мнѣнія относительно итальянскихъ и иностранныхъ художниковъ, причемъ отецъ и патеръ Кальви обмѣнивались изумленными взглядами. Я не любилъ Ребейры, — у него черезъ-чуръ много черныхъ и бѣлыхъ красокъ, отчего онъ казался мнѣ немного страшнымъ, — и очень любилъ Карло Дольче.

Въ такой атмосферѣ нервы мои воспитались рано и остались навсегда впечатлительными. Удивительно, впрочемъ, что вышеупомянутыя вліянія не были ни настолько глубоки, ни настолько рѣшительны, какъ можно было бы ожидать. Что я не сталъ артистомъ, я объясняю тѣмъ, что у меня не было никакихъ способностей, хотя мои учителя музыки и рисованія были противнаго мнѣнія, но я часто думаю о томъ, почему ни отецъ, ни патеръ Кальви не съумѣли привить ко мнѣ своей страсти въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ обладали ею сами? Люблю ли я искусство? — да; нужно ли оно мнѣ? — тоже да! Но они по-настоящему *любили* его, а я отношусь къ нему, какъ диллетантъ; оно мнѣ нужно какъ дополненіе къ другимъ впечатлѣніямъ жизни. Оно принадлежитъ къ числу ве-

щей, пріятныхъ мнѣ, но не къ числу моихъ страстей. Я не могу обойтись безъ искусства въ жизни, но и жизни за него не отдамъ.

Такъ какъ состояніе итальянскихъ школъ оставляло желать многого, то отецъ отдалъ меня въ коллежъ въ Мецъ. Ученіе я окончилъ скоро, безъ большаго труда, но со всевозможными почестями и наградами, какихъ только можно было ожидать. Правда, за годъ до окончанія курса я убѣжалъ къ Дону-Карлосу и два мѣсяца таскался съ отрядомъ Тристана по Пиренеямъ. Меня отыскали при помощи французскаго консула въ Бургосѣ и отправили въ Мецъ на покаяніе. Впрочемъ, я долженъ сказать, что покаяніе оказалось не особенно тяжелымъ: и мой отецъ, и школьное начальство въ душѣ гордились моею экспедиціей, а счастливый исходъ экзаменовъ заставилъ ихъ совсѣмъ позабыть о моей винѣ.

Въ мецскомъ коллежѣ, гдѣ всѣ симпатіи учениковъ лежали на сторонѣ Дона-Карлоса, я, конечно, считался героемъ. Я задавалъ тонъ всему заведенію и никто не осмѣливался оспаривать занимаемаго мною мѣста перваго ученика. Я росъ въ невольномъ убѣжденіи, что и дальше, на болѣе широкомъ поприщѣ, будетъ то же самое. Убѣжденіе это раздѣлялось и моими учителями и товарищами. Последнимъ и въ голову не приходило, чтобы они когда-нибудь могли соперничать со мной, а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ занимаютъ теперь во Франціи высокое положеніе на литературномъ, общественномъ, политическомъ поприщѣ, въ то время какъ я не выбралъ себѣ еще никакой спеціальности и былъ бы въ большомъ затрудненіи, еслибъ мнѣ приказали выбрать ее. Общественное положеніе мое блестяще: я получилъ наслѣдство послѣ матери, получу когда-нибудь послѣ отца; буду хозяйничать въ Плошовѣ, буду, худо ли, хорошо ли, распоряжаться всѣмъ своимъ состояніемъ, — но ужь направленіе этихъ занятій исключаетъ для меня надежду когда-нибудь играть какую-нибудь роль въ жизни.

Что я не буду никогда хорошимъ хозяиномъ и дѣльцомъ, это я знаю отлично: я вовсе не хочу устраняться отъ своихъ дѣлъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желаю посвящать имъ всю свою жизнь, — мои стремленія гораздо шире.

По временамъ я ставлю себѣ вопросъ: мы сами, Плошовскіе, не преувеличиваемъ ли свои способности? Но если бы это было такъ, то ошибались бы только мы одни, а посторонніе, чуждые намъ люди не впади бы въ подобную ошибку. Наконецъ, отецъ мой былъ и есть дѣйствительно человѣкъ съ недюжинными способностями. Что касается меня лично, то я не хочу распространяться объ этомъ, чтобы мои разсужденія не показались глупымъ тще-

славіемъ; кромѣ того, я искренно убѣжденъ, что могъ бы быть чѣмъ-нибудь безконечно болѣе крупнымъ, чѣмъ теперь.

Напримѣръ, въ Варшавскомъ университетѣ (отецъ и тетка хотѣли, чтобы я окончилъ курсъ на родинѣ) я учился вмѣстѣ со Снятынскимъ. Оба мы чувствовали призваніе къ литературѣ и пробовали свои силы на этомъ поприщѣ. Я не говорю уже о томъ, что считался гораздо болѣе способнымъ студентомъ, чѣмъ Снятынскій, но, ей-Богу, и то, что я писалъ, было гораздо лучше, гораздо больше общало въ будущемъ, чѣмъ писанія Снятынскаго. А теперь что? Снятынскій стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ высоко, а я остался тѣмъ же многообщающимъ паномъ Плошовскимъ, о которомъ добрые люди говорятъ, покачивая головами: «ахъ, еслибъ онъ взялся за что-нибудь!»

Добрые люди не принимаютъ въ соображеніе, что нужно *умѣть хотѣть*. Я думалъ не разъ, что не будь у меня состоянія, я долженъ былъ бы приняться за что-нибудь. Конечно. Я долженъ былъ бы какимъ-нибудь образомъ зарабатывать себѣ на хлѣбъ, но внутренно увѣренъ, что и при такихъ условіяхъ не пустилъ бы въ ходъ и двадцатой доли своихъ способностей. Наконецъ, такіе люди, какъ Бокль, какъ Дарвинъ, — люди богатые; сэръ Джонъ Лэббокъ — банкиръ, большинство извѣстныхъ политическихъ дѣятелей во Франціи окружены достаткомъ. Оказывается, что состояніе не только не мѣшаетъ, но, напротивъ, помогаетъ человѣку занять высокое положеніе въ свѣтѣ. Я даже допускаю, что мнѣ, лично мнѣ, богатство принесло большую пользу, — оно охранило мой характеръ отъ всѣхъ искаженій, которымъ онъ подвергся бы при бѣдности. Я не хочу этимъ сказать, чтобы мой характеръ былъ слабъ; при другихъ условіяхъ борьба могла бы даже закалить его... но, вѣдь, кто меньше встрѣчаетъ на своей дорогѣ каменьевъ, тотъ меньше рискуетъ споткнуться и упасть.

И лѣнью я не могу объяснить своей бездѣтельности. Въ одинаковой степени я обладаю и способностью усваивать знанія, и лобызтвомъ. Читаю я много и запоминаю много. Можетъ быть, у меня нѣтъ желѣзной выносливости, можетъ быть, меня не хватило бы на долгую, солидную работу, но, вѣдь, меня никто и не обязываетъ писать словари, какъ Литре. Кто не умѣетъ свѣтить съ постоянствомъ солнца, тотъ можетъ блеснуть на мигъ, какъ метеоръ. Но это ничтожество, это почти несомнѣнное ничтожество въ будущемъ... Тяжело мнѣ дѣлается, скука начинаетъ угнетать меня... На сегодня я отложу свой дневникъ.

Римъ, 10 января.

Вчера на вечерѣ у князя Малатеста я услыхалъ фразу: «l'improductivité slave» и почувствовалъ облегченіе, какъ нервный больной, который, узнавъ отъ врача, что признаки его болѣзни извѣстны, что эта болѣзнь повсюду распространена теперь, утѣшается этимъ сообщеніемъ. Правда, правда, сколько у меня товарищей по моей болѣзни!... Не знаю, какъ во всемъ славянскомъ мірѣ, — онъ не знакомъ мнѣ, — но у насъ-то, у насъ! Я думалъ объ этой «l'improductivité slave» цѣлую ночь. Не глупый человекъ формулировалъ такое понятіе. Въ насъ есть что-то такое; есть какая-то жизненная неспособность извлекать изъ себя все, что въ насъ заключается. Можно сказать, что Богъ далъ намъ лукъ и стрѣлы, только отказалъ въ способности натягивать этотъ лукъ и пускать стрѣлы. Я поговорилъ бы объ этомъ съ отцомъ, тѣмъ болѣе, что онъ любить подобные разговоры, но боюсь дотронуться до его больного мѣста. Думаю, что, вмѣсто этого, я наполню и переполню свой дневникъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Можетъ быть, это будетъ составлять его главнѣйшее достоинство. Наконецъ, очень естественно, что я буду писать о томъ, что меня больше касается. Каждый человекъ носить въ себѣ какую-нибудь свою трагедію. Моя трагедія — это «l'improductivité» Плошовскихъ. Въ присутствіи постороннихъ теперь нельзя щеголять такими вещами. Еще недавно, когда романтизмъ пышно разцвѣталъ въ сердцахъ человѣческихъ и въ поэзіи, люди носили свои трагедіи на-показъ, какъ живописно накинутый плащъ, теперь носятъ какъ шерстяную Егеровскую фуфайку — подъ рубашкой. Но дневникъ — дѣло совсѣмъ другое: въ дневникъ можно и даже должно быть откровеннымъ.

Римъ, 11 января.

Я проживу здѣсь еще нѣсколько дней и поэтому пользуюсь временемъ разъ навсегда покончить съ прошедшимъ, прежде чѣмъ перейду къ записыванію событій изо дня въ день. Я уже упомянулъ, что не намѣренъ писать въ обширныхъ размѣрахъ свою автобіографію, — кто я и каковъ, въ достаточной степени покажетъ мое будущее. Мелочное изслѣдованіе прошедшаго противно моей натурѣ. Что-то вродѣ сложенія: выписать нѣсколько цифръ одну подъ другою, провести черту и считать. Я терпѣть не могъ четырехъ правилъ ариметики, а первое изъ нихъ въ особенности мнѣ было противно.

Но, все-таки, мнѣ хотѣлось бы имѣть хотя бы самое общее представленіе о суммѣ, чтобы стать самому себѣ болѣе или менѣе понятнымъ, поэтому я иду дальше.

Послѣ университета я окончилъ курсъ въ земледѣльческой школѣ во Франціи, окончилъ безъ труда, но и безъ малѣйшей охоты, какъ человѣкъ, очень мало интересующійся изучаемымъ предметомъ, не соответствующимъ ни его способностямъ, ни честолюбію. Но, какъ бы то ни было, школа принесла мнѣ несомнѣнную пользу: во-первыхъ, земледѣліе перестало для меня быть какимъ-то сказочнымъ дѣломъ (теперь меня не проведетъ первый встрѣченный управляющій); во-вторыхъ, занятіе въ поляхъ, на чистомъ воздухѣ, укрѣпило мои силы и здоровье настолько, что парижская жизнь не оказала на меня никакого видимаго вліянія.

Слѣдующіе годы моей жизни я провелъ то въ Римѣ, то въ Парижѣ, не считая кратковременныхъ наѣздовъ въ Варшаву, когда тетушка выписывала меня подъ разными предлогами. Парижъ и его жизнь сильно привлекали меня. Несмотря на мою самоувѣренность и твердость, которую придаетъ человѣку прочное общественное положеніе, я долженъ сознаться, что сначала я игралъ довольно наивную роль на этой великой сценѣ всего міра. Прежде всего, я смертельно влюбился въ *м-ле Ришембергъ* изъ *Comedie Française* и хотѣлъ во что бы то ни стало жениться на ней. Съ какимъ трагическимъ обстоятельствомъ привелъ меня этотъ эпизодъ, рассказывать я не буду,—мнѣ становится стыдно, а подчасъ и самому смѣяться хочется. Потомъ меня проводили нѣсколько разъ, и, бромъ того, нѣсколько разъ мнѣ самому приходилось по своей охотѣ принимать фальшивую монету за настоящую. Француженка, какъ и полька, хотя бы принадлежащая къ самому высшему кругу общества, хотя бы самая добродѣтельная, напоминаетъ мнѣ фехтмейстера. Какъ фехтмейстеру необходимо каждый день имѣть свой «часъ упражненія», чтобы не утратить техники, такъ и дамы въ области чувства фехтуютъ просто-на-просто для техники. Какъ молодой человѣкъ, немного красивѣе чорта и принадлежащій къ хорошему обществу, я не разъ получалъ приглашенія на «часы упражненій», и такъ какъ, по наивности, сначала относился къ такимъ экзерциціямъ серьезно, то нерѣдко бывалъ и раненъ. Правда, эти раны не были смертельны, ихъ скорѣе можно назвать очень большими уколами. Наконецъ, я убѣжденъ, что всякій, живущій нашею жизнью и вращающійся въ нашемъ обществѣ, долженъ отдать свою дань наивности. Мои испытанія продолжались сравнительно недолго. Потомъ наступилъ періодъ, который я могу охарактеризовать словомъ «*la revanche*». Я платилъ свои долги, и если давалъ возможность вызвать себя на арену, то единственно потому, что мнѣ самому хотѣлось выдти.

Передо мною были настежь раскрыты всё двери и я вскорѣ ознакомился со всёми слоями общества, начиная отъ легитимистовъ, въ гостинныхъ которыхъ меня томила страшная скука, и кончая свѣжею титулованною аристократіей Бонапартовъ и Орлеановъ, — аристократіей, составляющей большой свѣтъ... можетъ быть, не парижскій, но, во всякомъ случаѣ, ниццскій. Дюма-сынъ, Сарду и другіе срисовываютъ своихъ графовъ, маркизовъ и князей именно съ людей такого сорта, которые не носятъ за плечами никакихъ историческихъ традицій и которые, благодаря своимъ титуламъ и доходамъ, заняты исключительно погоней за житейскими наслажденіями. Въ числу членовъ этого общества можно присоединить и крупныхъ финансистовъ. Меня сюда привлекали больше всего женщины, изящныя, съ тонко-настроенными нервами, алчущія новыхъ впечатлѣній и... почти лишеныя всякихъ идеаловъ. Часто онѣ такъ же развратны, какъ и романы, которые онѣ читаютъ, потому что нравственность ихъ не опирается ни на религиозномъ фундаментѣ, ни на традиціи, обязывающей къ чему-нибудь. Но какъ бы то ни было, это — міръ блеска. «Часы упражненій» здѣсь такъ продолжительны, что иногда равняются днямъ и ночамъ, и подчасъ оканчиваются очень трагически: здѣсь не имѣютъ обычая биться тупыми рапирами. И на мою долю выпало нѣсколько довольно тяжелыхъ уроковъ, прежде чѣмъ я выучился какъ слѣдуетъ. Я выказалъ бы много тщеславія или, что еще хуже, дурнаго вкуса, еслибъ сталъ распространяться о своихъ похожденияхъ; скажу только одно, что я старался насколько можно поддержать воспоминаніе объ отцовской молодости.

Низшіе слои этого общества иногда сталкиваются съ высшими наслоеніями полусвѣта. Этотъ полусвѣтъ болѣе опасенъ, чѣмъ кажется на первый взглядъ, — въ немъ нѣтъ ни капли тривіальности. Его цинизмъ имѣетъ видъ артистичности. Если я не оставилъ тамъ черезъ-чуръ много перьевъ, то только потому, что вступилъ туда уже съ порядочно наточеннымъ вѣжовомъ и острыми когтями.

Вообще о парижской жизни можно сказать, что всякій, выходящій изъ-подъ этого жернова, долженъ чувствовать себя немного измученнымъ, не говоря уже о тѣхъ, которые выходятъ отсюда только для того, чтобы вскорѣ вернуться назадъ. Вы только по прошествіи нѣкотораго времени начинаете сознавать, что ваши побѣды равняются триумфу Пирра. Мой по природѣ сильный организмъ устоялъ противъ ударовъ этой жизни, но нервы порядочно-таки разстроились.

Какъ бы то ни было, Парижъ имѣетъ одно преимущество передъ

всѣми другими центрами умственной жизни. Я не знаю никакого другаго города на свѣтѣ, гдѣ бы зачатки знанія, искусства, всякихъ общечеловѣческихъ идей такъ носились бы въ воздухѣ, такъ впитывались бы въ человѣческія головы, какъ тамъ. Человѣкъ не только усваиваетъ себѣ неволью то, что въ горнилѣ прогресса является новостью, но и умъ его утрачиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою односторонность, становится болѣе проникающимъ, цивилизованнымъ. Я подчеркиваю: цивилизованнымъ, потому что въ Италіи, Германіи и Польшѣ я встрѣчалъ людей, можетъ быть, и очень умныхъ, но не желающихъ допустить, чтобы могло что-нибудь существовать за предѣлами свѣтлаго круга ихъ костра, — людей настолько варварски упорныхъ, что для всякаго, желающаго сохранить свои убѣжденія, сношенія съ ними были почти невозможны.

Во Франціи или, точнѣе говоря, въ Парижѣ подобныя явленія не существуютъ. Какъ быстробѣгущій потокъ постояннымъ треніемъ округляетъ камни своего ложа, такъ теченіе жизни въ Парижѣ округляетъ и гуманизируетъ человѣческіе умы. Очевидно, подъ такимъ вліяніемъ и моя голова стала головой цивилизованнаго человека. Я умѣю тонко понимать, я не издаю павлиньяго крика, если услышу что-нибудь противное моему мнѣнію или увижу что-нибудь совсѣмъ новое для меня. Можетъ быть, такое почтительное отношеніе ко всякимъ мнѣніямъ приводитъ къ полнѣйшему индифференцизму, лишаетъ всякой энергіи, но я не сумѣлъ бы стать другимъ человѣкомъ.

Умственное теченіе несло меня и я плылъ. Если общество, сапоны, будуары, клубы поглощали значительную часть моего времени, то не поглощали его совсѣмъ. Я завелъ многочисленныя знакомства въ ученое и артистическое мѣрѣ и жилъ жизнью этого общества или, вѣрнѣе, живу ею и до сихъ поръ. Вообще я читалъ очень много и легко усваивалъ то, что читалъ, такъ что образованіе мое сильно подвинулось впередъ. Теперь я иду на ряду съ умственнымъ движеніемъ своего вѣка.

Я — существо необыкновенно хорошо знающее самого себя. Часто мое *я* посылаетъ къ чорту другое *я*, изслѣдующее и критикующее первое, не позволяющее ему всецѣло отдаться никакому впечатлѣнію, ни дѣлу, ни чувству, никакому вожделѣнію, никакой страсти. Быть можетъ, самопознаніе — признакъ высокаго умственнаго развитія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно страшно дѣйствуетъ на чувство. Носить въ себѣ непрерывную критику самого себя — значитъ отрѣшить отъ цѣлаго потребную на такое дѣйствіе

часть духа, и жить и чувствовать не всёю своимъ существомъ, а только оставшеюся его частью.

Это такъ же мучительно, какъ птицѣ было бы мучительно летать съ однимъ крыломъ. Кроме того, черезъ-чуръ развитое самопознание лишаетъ человѣка способности дѣлать что-нибудь. Если бы не это, Гамлетъ въ первомъ актѣ насквозь прокололъ бы своего дя-дюшку и спокойно вступилъ бы послѣ него въ права наслѣдства.

Что касается меня лично, то самопознание если по временамъ и охраняетъ меня отъ какого-нибудь неразумнаго шага, то въ свою очередь страшно надѣдаетъ мнѣ, не позволяя сосредоточиваться и отдаться всецѣло какому-нибудь одному дѣлу. Я ношу въ себѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ вѣчно все взвѣшиваетъ и критикуетъ, другой—живетъ полужизнью и теряетъ всякую рѣшительность. Къ моему великому огорченію, я знаю, что изъ этого ярма я не освобожусь никогда; напротивъ, чѣмъ умъ мой будетъ болѣе расширяться, тѣмъ и самопознание будетъ становиться яснѣй, и что, умирая даже, я не перестану критиковать умирающаго Плошовскаго, если только горячка не помутитъ моего ума.

Вѣроятно, я унаслѣдовалъ отъ отца синтетическій умъ, потому что я стараюсь объединить всѣ явленія, а изъ наукъ меня ни одна не привлекала такъ сильно, какъ философія.

Но во время молодости моего отца философія обнимала весь міръ, вслѣдствіе чего имѣла готовый отвѣтъ на всѣ вопросы. Теперь она стала разсудительна, теперь она признаетъ, что не имѣетъ прежняго общаго значенія и существуетъ только какъ философія отдѣльныхъ отраслей знанія. Право, когда я думаю объ этомъ, мнѣ хочется сказать, что и человѣческій разумъ переживаетъ свою трагедію, а что началась она для него въ одно время съ сознаніемъ своего безсилія. Такъ какъ я пишу *свой* дневникъ, то и буду говорить о такихъ вещахъ съ личной точки зрѣнія. Я не считаю себя философомъ по специальности (моя специальность, какъ я говорилъ уже, быть ничѣмъ), но, какъ и всѣ мыслящіе люди, интересующіеся новѣйшимъ движеніемъ философіи, я навсегда останусь подъ ея вліяніемъ и имѣю полное право говорить о томъ, что вошло въ составъ и повліяло на образованіе моей нравственной и моральной сущности.

Прежде всего, я долженъ заявить, что религіозныя вѣрованія, которыя я вынесъ нетронутыми изъ мецскаго коллежа, не уцѣлѣли отъ столкновенія съ естественно-философскими книгами. Изъ этого не выходитъ, чтобы я былъ атеистомъ. О, нѣтъ! Въ прежнія, давно минувшія времена, если кто-нибудь не признавалъ духа, тотъ

говорилъ себѣ: матерія—и успокоивалъ себя этимъ словомъ. Теперь только самые отсталые философы стоятъ на такой отсталой точкѣ зрѣнія. Теперь философія такихъ вещей не обсуждаетъ, отвѣчаетъ на жгучіе вопросы словомъ: «не знаю», и это «не знаю» вторгается въ человѣческую душу. Теперь психологія занимается очень узкимъ анализомъ всевозможныхъ психологическихъ явленій, на вопросъ о безсмертіи души отвѣчаетъ также: «не знаю», и дѣйствительно, не только не знаетъ, но и не можетъ знать.

Вотъ теперь мнѣ легко будетъ обрисовать мое умственное состояніе. Вотъ оно: не знаю, не знаю, не знаю! И здѣсь-то, въ этой сознательной немощи человѣческаго разума, заключается трагедія. Не говоря уже о томъ, что наша духовная природа всегда настоятельно и громко требуетъ отвѣта на предъявленные вопросы, ибо въ этихъ вопросахъ заключается огромное реальное значеніе для человѣка. Если на той сторонѣ есть что-то, и что-то вѣчное, то несчастія и утраты на этой сторонѣ уменьшаются до нуля. Можно было бы къ этому примѣнить слова Гамлета: «Такъ пусть же сатана ходить въ траурѣ; я же надѣну соболью мантию». Я соглашаюсь на смерть,—говорить Ренанъ,—но пусть мнѣ скажутъ, на что она мнѣ пригодится? А философія отвѣчаетъ: «не знаю».

Человѣкъ мятется въ этомъ великомъ незнаніи, чувствуя, что еслибъ могъ перейти на какую-нибудь сторону, то ему стало бы легче и спокойнѣй. Но что-жъ ему дѣлать? Винить ли философію за то, что она, вмѣсто построенія системъ, которыя каждый день разлетались, какъ карточные домики, сознала свою немощь и занялась изслѣдованіемъ и приведеніемъ въ порядокъ явленій, лежащихъ въ границахъ, доступныхъ разуму? Нѣтъ! Я думаю, что и всякій другой имѣлъ бы право придти къ ней и сказать ей: я удивляюсь твоей трезвости, преклоняюсь предъ точностью твоего анализа, но, со всѣмъ этимъ, ты сдѣлала меня несчастнымъ. У тебя нѣтъ, какъ ты сама признаешься, силы отвѣтить на необычайно важные для меня вопросы, а, между тѣмъ, этой силы было достаточно, чтобы подорвать мою увѣренность въ науку, которая отвѣчала мнѣ рѣшительно и ея отвѣты успокоивали и смиряли меня. И не говори, что если разъ ты не осуждаешь ничего, то позволяешь вѣрить во все. Неправда! Метода твоя, душа твоя, твоя сущность—это сомнѣніе и критика. И эту методику, и этотъ спептицизмъ, и эту критику ты такъ привила къ моей душѣ, что они перешли въ мою плоть и кровь. Ты, словно каменнымъ желѣзомъ, выжгла во мнѣ тѣ нервы духа, которыми вѣрятъ безхитростно, просто,—и теперь, еслибъ я и хо-

тѣмъ повѣрить, то не могъ бы; мнѣ нечѣмъ вѣрить. Ты позволяешь мнѣ ходить къ обѣдни, если у меня явится охота, но отравила скептицизмомъ до такой степени, что сегодня я скептически отношусь не только къ самому себѣ, но и къ своему скептицизму, и не знаю, не знаю, не знаю... и мучусь и шалѣю въ этой тьмѣ...

Римъ, 12 января.

Вчера я писалъ въ возбужденномъ состояніи. Но мнѣ кажется, что я коснулся язвы и моей собственной, и всеобщей человѣческой души. Бываютъ минуты, когда я равнодушно отношусь къ такимъ вопросамъ, но по временамъ они терзаютъ меня безъ милосердія, тѣмъ болѣе, что эти вопросы таятся внутри меня самого. Быть, можетъ, лучше было бы не думать о нихъ, но они такъ важны, такъ важны... а человѣкъ, во что бы то ни стало, хочетъ знать, что его ожидаетъ и какъ ему устроить свою жизнь. Я не разъ пробовалъ, наконецъ, говорить себѣ: довольно! изъ этого заколдованнаго круга не выйдешь, лучше не входить въ него! У меня достаточно средствъ, чтобъ обратить себя въ сытаго и веселаго звѣря, но я не могу навсегда остановиться на этомъ. Говорятъ, что въ природѣ славянъ лежитъ нѣкоторая склонность къ мистицизму. Я замѣтилъ, на примѣръ, что мистицизмомъ кончаютъ всѣ наши великіе писатели. Что-жъ удивительнаго, что по временамъ немного мучаются и люди обыкновенные? Что касается меня, то я долженъ былъ написать о своихъ внутреннихъ тревогахъ, чтобы обрисовать ясный образъ своей души. Притомъ, человѣкъ по временамъ чувствуетъ потребность оправдаться передъ самимъ собою. На примѣръ, я, съ этимъ безконечнымъ «не знаю» въ душѣ, соблюдаю предписанія религіи и не считаю себя неискреннимъ. Было бы такъ, еслибъ, вмѣсто «не знаю», я могъ бы сказать: знаю, что ничего нѣтъ. Но нашъ скептицизмъ — не открытое отрицаніе: это скорѣе болѣзненное и мучительное подозрѣніе, что, можетъ быть, ничего нѣтъ; это густая мгла, которая окружаетъ нашу голову, гнететъ нашу грудь и закрываетъ свѣтъ отъ нашихъ глазъ. И я простираю руки къ солнцу, которое, можетъ быть, свѣтитъ за тою мглой. И думаю я, что въ такомъ положеніи нахожусь не я одинъ, и что молитву многихъ, очень многихъ изъ тѣхъ, которые ходятъ въ воскресенье къ обѣдни, можно было бы выразить въ трехъ словахъ: Боже, разсѣй тьму!

Не могу я писать о такихъ вещахъ хладнокровно. Я соблюдаю религіозныя предписанія еще и потому, что жажду вѣры... Та доктрина, въ которой я воспитался, ставитъ непремѣннымъ условіемъ вѣры милосердіе, — и я жду милосердія. Я жду, чтобы мнѣ даровалъ кто-нибудь такое душевное состояніе, при которомъ я

могъ бы увѣровать безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, такъ глубоко, какъ вѣровадь въ дѣтствѣ. Мною руководятъ благородныя соображенія, въ нихъ нѣтъ ни тѣни чего-нибудь дурнаго; напротивъ, мнѣ было бы выгоднѣй быть сытымъ и веселымъ звѣремъ.

Но еслибъ мнѣ потребовалось оправдать свою внѣшнюю религиозность менѣе благородными и болѣе практическими соображеніями, то и въ нихъ не было бы недостатка. Исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей вошло въ мою привычку; какъ Генрихъ IV говорилъ, что Парижъ стѣдитъ обѣдни, такъ и я говорю себѣ: спокойствіе ближнихъ стѣдитъ обѣдни. Люди моего общества вообще исполняютъ обряды, а моя совѣсть только тогда могла бы предъявить какой-нибудь протестъ, еслибъ я могъ сказать себѣ что-нибудь болѣе рѣшительное, чѣмъ «не знаю». Наконецъ, я хожу въ церковь потому, что я скептикъ, возведенный въ квадратъ, а это значитъ, что я скептически отношусь даже къ своему собственному скептицизму.

Вотъ то-то и дурно. Душа моя влачитъ одно крыло по землѣ.

Мнѣ было бы еще горше, еслибъ я всегда жгучіе вопросы бралъ къ сердцу такъ, какъ во время послѣдней моей исповѣди передъ собою. Въ моему счастью, дѣло стоитъ не такъ. Я уже говорилъ, что на меня находятъ періоды равнодушія. По временамъ жизнь схватываетъ меня въ свои объятія, и хоть я, въ концѣ-концовъ, знаю, что такое значать всѣ ея сладости, но отдаюся ей всецѣло, и тогда моральное *to be or not to be* для меня не имѣетъ значенія. Странное и до сихъ поръ мало изслѣдованное явленіе, какъ сильно дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ деспотизмъ окружающей среды. Въ Парижѣ, на примѣръ, я бывалъ болѣе спокоенъ, и только потому, что меня оглушалъ шумъ мельничныхъ колесъ, что я самъ кипѣлъ въ этомъ кипяткѣ; что и сердце мое, и голова были наполнены «часами упражненій»; нѣтъ, тамъ люди, можетъ быть, не отдавая себѣ отчета, живутъ такъ, какъ будто каждый увѣренъ, что въ жизнь нужно вложить всѣ свои силы, ибо послѣ нея настанетъ очередь только химическихъ процессовъ. И мой пульсъ начинаетъ биться вмѣстѣ съ общественнымъ пульсомъ, и я настраиваюсь сообразно общему настроенію. Веселюсь я или скучаю, бью ли кого-нибудь, или меня бьютъ, наружно я бываю спокоенъ.

Римъ, Бабуино, 13 января.

До моего выѣзда остается четыре дня и я хочу передъ отъѣздомъ подвести итогъ тому, что говорилъ о себѣ. Я человекъ до нѣкоторой степени утомленный, очень впечатлительный и нервный. Самопознаніе мое, усиленное внѣшнимъ образованіемъ, на-

столько высоко, что вообще я могу считать себя за умственно развитое существо.

Скептицизмъ, скептицизмъ, возведенный въ квадратъ, исключаетъ во мнѣ всѣ непоколебимыя убѣжденія. Я смотрю, наблюдаю, критикую, по временамъ мнѣ сдается, что я улавливаю сущность вещей, но, въ концѣ-концовъ, готовъ усомниться и въ томъ. О моихъ отношеніяхъ къ религіи я говорилъ. Что касается моихъ политическихъ воззрѣній, то я консерваторъ, насколько человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ быть таковымъ и насколько консерватизмъ отвѣчаетъ моимъ вкусамъ. Не нужно говорить, какъ это далеко отъ воззрѣнія на застой, какъ на догматъ, къ которому нельзя даже и относиться критически. Я настолько цивилизованный человѣкъ, чтобы не стать безусловно на сторонѣ аристократіи или демократіи. Въ такія игрушки играютъ гдѣ-нибудь въ медвѣжьихъ углахъ или въ такихъ далекихъ странахъ, куда идеи, какъ моды, приходятъ, запаздывая на нѣсколько лѣтъ. Я люблю людей развитыхъ, съ чуткими нервами, и ищу ихъ тамъ, гдѣ легче найти. Я люблю ихъ такъ, какъ люблю произведеніе искусства, красивые виды, красивыхъ женщинъ. Моя эстетическая впечатлительность даетъ мнѣ столько же наслажденій, сколько и неприятностей, но за то оказывала и оказывала мнѣ одну великую услугу: она охраняетъ меня отъ цинизма, то-есть отъ окончательной порчи, и покуда замѣняетъ мнѣ моральныя основанія. Я не рѣшился бы на нѣкоторые проступки не потому, что видѣлъ бы въ нихъ зло, — они оттолкнули бы меня своею безобразною внѣшностью.

Вообще, мнѣ кажется, что я человѣкъ, можетъ быть, немного испорченный, но порядочный или, вѣрнѣе сказать, пока висящій въ воздухѣ, не опирающійся ни на какихъ догматахъ, — ни на религіозныхъ, ни на общественныхъ. У меня нѣтъ цѣли, которой я могъ бы посвятить жизнь, и отъ этого мнѣ такъ нехорошо.

Въ заключеніе еще слово о моихъ способностяхъ. Мой отецъ, тетка, товарищи, а отчасти и посторонніе люди считаютъ ихъ почти необыкновенными. Я самъ признаюсь, что умъ мой не лишень блеска. Но развѣ «l'improductivité slave» не развѣетъ всѣхъ возлагаемыхъ на меня надеждъ? Принимая въ соображеніе все, что сдѣлалъ я до сихъ поръ или, вѣрнѣе сказать, что я ничего не сдѣлалъ, не только для другихъ, но и для самого себя, мнѣ приходится допустить, что именно такъ и будетъ дальше.

А это сознаніе стоитъ мнѣ гораздо дороже, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Иронія моя, когда я думаю о себѣ, отзывается

горечью. Въ глинь, изъ которой Богъ сотворилъ Плошовскихъ; есть примѣсь какого-то безплодія; ибо на ней все возростаетъ такъ скоро и такъ роскошно и ничто не даетъ плодовъ. Еслибъ и дѣйствительно я, при такомъ безплодіи, обладалъ гениальными способностями, то представлялъ бы изъ себя интересный образецъ генія безъ портфеля, какъ бывають министры безъ портфеля.

Это опредѣленіе «геній безъ портфеля» мнѣ кажется точнымъ. Я долженъ буду взять привилегію на это изобрѣтеніе. О, да, вѣдь, я не одинъ, навѣрное не одинъ буду носить эту кличку. Имя мое легионъ. «L'improductivité slave» можетъ существовать само по себѣ, а геній безъ портфеля самъ по себѣ: это нашъ чисто - привислянскій плодъ. Еще разъ повторяю, что имя мое — легионъ. Я не знаю ни одного уголка земли, гдѣ бы пропадало задаромъ столько блестящихъ способностей, гдѣ бы даже и тѣ, что даютъ кое - что, давали бы такъ мало, такъ неслыханно мало, въ сравненіи съ тѣмъ, что имъ даровалъ Богъ.

Римъ, Бабуино, 14 января.

Второе письмо отъ тетки съ настойчивымъ требованіемъ ускорить пріѣздъ. Ёду, милая, ёду, и, видитъ Богъ, дѣлаю это только изъ любви къ тебѣ, иначе я предпочелъ бы остаться здѣсь. Отецъ нездоровъ, въ послѣднее время чувствуетъ онѣмѣніе въ лѣвой сторонѣ тѣла. По моей просьбѣ, онъ позвалъ врача, но я увѣренъ, что отецъ запретъ въ шкафъ прописанное лѣкарство, какъ дѣлалъ это постоянно. Однажды онъ отперъ шкафъ и сказалъ, указывая мнѣ на сотни пузырьковъ и пузыречковъ, банокъ, баночекъ, коробочекъ: «Помилуй, еслибъ все это съѣлъ и выпилъ здоровый человекъ, и тотъ бы не выдержалъ, а что же было бы съ больнымъ?» До сихъ поръ такіа воззрѣнія отца на медицину не приводили къ дурнымъ результатамъ, но мы безпокоимся о будущемъ.

Другое, почему мнѣ не хочется ѣхать, это—соображенія моей тетки. Очень естественно, что ей хочется женить меня. Не знаю, есть ли у нея кто-нибудь на примѣтѣ (дай Богъ, чтобы никого не было), но намѣреній своихъ почтенная старушка не скрываетъ. «Что за такую партію, какъ ты, — пишетъ она, — сейчасъ же вспыхнетъ война между алыми и бѣлыми розами, это легко предвидѣть». Такъ. Но я измученъ и не хочу быть причиной какой бы то ни было войны, а въ особенности не хочу, какъ Генрихъ VIII, окончить войну резь женитьбой. Съ другой стороны (этого, конечно, я не могу сказать тетущѣ, но самъ передъ собой откроюсь), я не люблю полегъ. Мнѣ тридцать пять лѣтъ, у меня, какъ у всякаго, много жившаго человѣка, были разныя любовныя приключе-

нія, сталкивался я и съ польками, и изъ всѣхъ приключеній и столкновеній вынесъ впечатлѣнiе, что польки самыя неудобныя, самыя мучительныя женщины въ свѣтѣ. Не знаю, въ общемъ, нравственнѣе ли онѣ французенокъ или нѣмогъ, знаю только, что гораздо патетичнѣе и тѣхъ, и другихъ. Мнѣ дѣлается холодно, когда я объ этомъ подумаю. Я понимаю элегію надъ разбитою кружкой, когда въ первый разъ увидишь у своихъ ногъ разбросанныя черепки, но декламировать эту элегію съ равнымъ паѳосомъ надъ многократно разбитою кружкой,—это, право, похоже на оперетку. Очень пріятна роль «сочувствующаго слушателя», котораго вѣжливость заставляетъ принимать все это въ серьезъ! Странныя, фантастическія женщины съ горящими головами и рыбымъ темпераментомъ! Въ нихъ нѣтъ не только веселости, но и простоты. Онѣ болѣе интересуются формою чувства и мало заботятся о внутреннемъ содержаніи. Поэтому никогда и не съумѣешь съ полькой устроиться какъ слѣдуетъ. Съ французенкой, съ итальянкой, если логично составилъ первыя послышки, всегда можешь ожидать своего «ergo». Съ полькой ни за что! Кто-то сказалъ, что если мужчина ошибается, то говорить, что дважды два — пять, и ошибка можетъ быть легко обнаружена; женщина же, ошибаясь, будетъ утверждать, что дважды два — лампа, и тогда хоть головой объ стѣну бейся. И вотъ, прежде всего, по логикѣ полекъ можетъ выйти, что дважды два не четыре, а лампа, любовь, ненависть, котъ, слезы, обязанности, воробей, презрѣнiе,—совсѣмъ ничего нельзя предвидѣть, ничего сосчитать, ни принять какихъ-нибудь мѣръ предосторожности. Можетъ быть, благодаря такимъ канканамъ, добродѣтель полекъ обезнечена лучше, чѣмъ добродѣтель другихъ женщинъ, хотя бы потому, что осаждающіе скучаютъ смертельно. Но что я хорошо замѣтилъ и чего не могу простить имъ, такъ это того, что всѣ канканы, палисады, ловушки, все мужество обороны,— все рассчитано не столько для скорѣйшаго отпора вражеской силы, сколько для получения сильныхъ ощущеній.

Однажды я говорилъ объ этомъ, конечно, стараясь какъ можно лучше позолотить пилюлю, съ одною очень остроумною женщиною, впрочемъ, только на половину полькой (отецъ ея былъ итальянецъ). Она выслушала меня и сказала:

— Въ этомъ дѣлѣ вы смотрите съ точки зрѣнiя лисицы на голубятню. Вамъ не нравится, что голуби живутъ очень высоко и что ихъ крылья сильнѣе куриныхъ. Все, что вы говорите, можетъ быть истолковано въ пользу полекъ.

— Какимъ образомъ?

— Чѣмъ полька хуже, какъ чужая жена, тѣмъ можетъ быть болѣе желательною, какъ собственная.

Меня, какъ говорится, прижали къ стѣнѣ и я не могъ сразу найти отвѣта. Можетъ быть, я дѣйствительно смотрю съ точки зрѣнія лисицы на голубятню. Несомнѣнно также, что еслибъ я былъ долженъ жениться вообще и жениться на полькѣ въ особенности, то эту польку искалъ бы не только между голубями, живущими высоко, но и только между бѣлыми голубями.

— Но я могу сравнить себя съ рыбой, которая на вопросъ, подъ какимъ соусомъ она желаетъ быть приготовлена, отвѣчаетъ, что, прежде всего, она совсѣмъ не хочетъ быть приготовлена. Здѣсь я опять возвращаюсь къ обвиненіямъ противъ васъ, милыя соотечественницы. Вообще, вы любите больше драму въ любви, чѣмъ самую любовь. Въ каждой изъ васъ сидитъ парица, — и вы этимъ самымъ страшно отличаетесь отъ другихъ женщинъ. Каждая изъ васъ думаетъ, что однимъ позволеніемъ любить себя она оказываетъ огромное благодѣяніе; ни одна изъ васъ не согласится быть только дополненіемъ мужской жизни, которая, однако, имѣетъ другія цѣли. Вы хотите, чтобы мы для васъ существовали, а не вы для насъ. Наконецъ, вы любите больше дѣтей, чѣмъ мужа. Участъ его есть участъ сателлита. Я не разъ наблюдалъ это, — таковы вы повсюду; только изрѣдка просвѣчиваютъ исключенія, какъ брилліанты среди розсыпи. Нѣтъ, мои королевны, позвольте мнѣ поклоняться вамъ издали.

Отстранить разъ навсегда на второй планъ всѣ свои цѣли, всѣ идеалы, пламенѣть ежедневно, какъ кадило, на алтарѣ жены, да, къ тому же, еще собственной жены, о, mesdames, это немного мало для человѣка. Правда, мое самопознаніе сейчасъ же задаетъ мнѣ вопросъ: «а что же ты можешь дѣлать лучшаго, какія у тебя намѣренія, какіе планы? Ты-то именно и созданъ для того, чтобы быть жертвой всепожженія».

Но нѣтъ, — къ чорту! женившись, нужно такъ измѣнить жизнь, отречься отъ столькихъ привычекъ, особенностей, вкусовъ, что едва ли за все это вознаградитъ самая чистая, самая великая любовь. Мнѣ это не годится. Я и такъ порядочно измученъ. Женитьба — это такой баснословный актъ воли и вѣры въ женщину, что меня на него не хватить. Повторяю еще разъ: я не хочу быть приготовленъ ни подъ какимъ соусомъ.

Варшава, 21 января.

Я пріѣхалъ сегодня утромъ, но такъ какъ останавливался въ Вѣнѣ, то дорога меня не особенно утомила. Часъ теперь поздній,

нервы не даютъ мнѣ спать, и потому я беру съ перо. Мало помалу я привыкаю къ своему дневнику, и это начинаетъ доставлять мнѣ удовольствіе. Въ домѣ у насъ радость... что за милое существо моя тетушка! По всей вѣроятности, она теперь тоже не спитъ отъ радости, а за обѣдомъ ничего не могла ѣсть. У себя въ имѣніи, въ Плошовѣ, она обыкновенно каждый день ссорится съ паномъ Хвастовскимъ, своимъ управляющимъ, пресердитымъ шляхтичемъ, который не позволитъ сдѣлать себѣ ни малѣйшаго замѣчанія и на одно слово наговорить десять. Когда ссора, повидимому, доходитъ до близкаго разрыва всѣхъ отношеній, тетушка умолкаетъ и начинаетъ кушать съ аппетитомъ, даже съ жадностью. Сегодня она должна была ограничиться ворчаньемъ на прислугу, что удовлетворило ее лишь въ малой степени. Несмотря на то, она находилась въ превосходномъ настроеніи духа и сколько нѣжности заключалось во взглядахъ, которые она кидала на меня изъ-подъ своихъ очковъ, — описать невозможно. Въ кружкѣ ея знакомыхъ меня называютъ фетишемъ, за что тетушка сильно обижается.

Очевидно, что мои предположенія и опасенія оправдались. Существуютъ не только намѣренія, даже что-то уже и высмотрѣно. Тетушка послѣ обѣда имѣетъ обыкновеніе ходить изъ угла въ уголь крупными шагами и думать вслухъ. И вотъ, несмотря на таинственность, какою она старалась окружать себя, я услышалъ слѣдующій монологъ:

— Молодъ, красивъ, богатъ, гениаленъ... дура она будетъ, если сразу не влюбится въ него.

Завтра мы ѣдемъ на пикникъ, который молодежь даетъ дамамъ. Пикникъ будетъ роскошный.

Варшава, 25 января.

Я часто скучаю на балахъ, какъ «*homo sapiens*», не выношу ихъ, какъ кандидатъ въ мужья, но люблю ихъ по временамъ, какъ артистъ, — конечно, артистъ безъ портфеля. Какъ красива напри-мѣръ, эта широкая, ярко освѣщенная, уставленная цвѣтами, лѣстница, по которой всходятъ наверхъ женщины, одѣтыя по-бальному. Всѣ онѣ мнѣ кажутся тогда очень высокими, а когда я гляжу на нихъ снизу и вижу, какъ они несутъ за собою шлейфы, мнѣ приходятъ на память ангелы во снѣ Іакова. Я люблю это движеніе, свѣтъ, цвѣты, легкія ткани, которыя, словно ясная мгла, облекаютъ фигуры молодыхъ дѣвушекъ. А эти обнаженные шеи и плечи... освободясь отъ накидокъ, они точно крѣпнутъ, застываютъ въ теплой атмосферѣ бальной залы и приобрѣтаютъ твердость мрамора.

Пибникъ очень удался. Надо отдать справедливость Сташевскому, — онъ умѣеть устраивать такія вещи. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ теткой, но потерялъ ее изъ вида въ сѣняхъ, потому что Сташевскій сбѣжалъ нарочно внизъ, чтобы взвести ее на лѣстницу.

У тетушки какая-то длинная горностаевая накидка, употребляемая на всякіе выѣзды такого рода. Войдя въ залу, я остановился возлѣ двери, чтобы немного осмотрѣться. Всегда испытываешь какое-то странное впечатлѣніе, когда, послѣ долгаго отсутствія, очутишься посреди соотечественниковъ. Тогда съ особенною легкостью чувствуешь, что это люди-близкіе, не тѣ, съ которыми сталкивался когда-то, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, присматриваешься къ нимъ и дѣлаешь заключенія, какъ чужой. Женщины въ особенности заняли мое вниманіе.

Какъ бы то ни было, а общество наше блестящее. Лица попадаютъ и красивыя, и не красивыя, но на всѣхъ лежитъ отпечатокъ старой и утонченной цивилизаціи. Женскія шеи и плечи, даже и юношески не сформированныя, напоминаютъ северскій фарфоръ. Очертанія изящны, чувствуется художественная законченность. Что за руки, что за ноги! Здѣсь не подражаютъ Европѣ, здѣсь сама Европа.

Такъ я простоялъ съ четверть часа, думая, какую изъ этихъ головокъ, какой изъ этихъ торсовъ предназначаетъ мнѣ тетка? Въ это время подошли Снятыньскіе. Его я видѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Римѣ, ее тоже зналъ раньше. Я люблю ее, у ней чудесное, доброе лицо; она принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ полекъ, которыя не заѣдаютъ жизни мужей, а отдаютъ имъ свою. Вскорѣ какая-то маленькая фигурка подошла къ намъ, поздоровалась со Снятыньской и протянула мнѣ ручку, затянутую въ бѣлую перчатку.

— Не узнаешь меня, Леонъ?

Этотъ вопросъ смутилъ меня. Въ первую минуту я не распозналъ, кого вижу передъ собой, но, тѣмъ не менѣе, какъ человекъ, не желающій оказаться невѣжливымъ, пожалъ ей руку, наклонилъ голову и отвѣтилъ: «Какже! какже! Узнаю ли? Конечно!» По всей вѣроятности, я соорилъ очень глупую мину, потому что пани Снятыньская разсмѣялась и сказала:

— А, вѣдь, вы дѣйствительно не узнали ее: Анельга П.

Анельга! моя кузина! Неудивительно, что я не узналъ ее! Я видѣлъ ее, лѣтъ десять, одиннадцать тому назадъ, въ платицѣ по колѣна. Помню, то было еще въ Плошовѣ, въ саду: на ней были розовые чулки и комары страшно кусали ее. Какъ я могъ догадать-

ся, что этотъ торсъ, украшенный фіалками, эти бѣлыя плечи, это прелестное личико съ томными глазами, — однимъ словомъ, дѣвушка въ полномъ разцвѣтѣ, и тотъ галченочъ на тонкихъ ножгахъ, — одно и то же. О, да какая же она красивая! Какой мотылекъ образовался изъ этой куколки! Я вторично, и на этотъ разъ съ большею искренностью, протянулъ ей руку. Потому Снятыньскіе ушли, а Анелька сказала мнѣ, что ее прислала за мной ея мать и тетка.

Мнѣ сразу все стало ясно. Очевидно, тетушка имѣетъ въ виду Анельку! Вотъ въ чемъ вся тайна, вся неожиданность! Тетушка всегда любила эту дѣвушку и вѣчно принимала къ сердцу финансовыя тревоженія пани П. Меня удивляло, отчего пани П. и Анелька не остановились въ тетушкиномъ домѣ, но мнѣ не хотѣлось задумываться надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, я предпочелъ разсматривать Анельку, которая, какъ легко догадаться, начала меня интересоватъ гораздо больше, чѣмъ первая встрѣчная дѣвушка. По дорогѣ у меня хватило достаточно времени и на разговоръ, и на экзамень; мы шли на другой конецъ залы, а толпа дѣлалась все гуще и гуще. Послѣдняя мода заставляетъ носить перчатки средней длины, и я замѣтилъ, что логотъ Анельки, опирающійся на мою руку, покрытъ легкимъ темноватымъ пушкомъ. Анелька не брюнетка, хотя на первый взглядъ производитъ впечатлѣніе брюнетки. Волосы ея отсвѣчиваютъ бронзой. Глаза свѣтлые, но и они кажутся черными, благодаря чрезвычайно длиннымъ рѣсницамъ; за то брови совершенно черныя и очень красивыя. Характеристическая черта этой маленькой головки съ низкимъ лбомъ — чрезмѣрная густота волосъ, бровей, рѣсницъ и пушка, легкою порослью покрывающаго щеки. Все это, вмѣстѣ взятое, современемъ можетъ послужить во вредъ ея красотѣ, но теперь указываетъ только на жизненность и крѣпость организма и дѣлаетъ эту дѣвушку не холодною куклой, а теплою, живою, полною привлекательности женщиной.

Мои нервы избалованы и не заговорятъ отъ всякаго прикосновенія, но теперь я почувствовалъ всю силу привлекательности. Это мой типъ. Тетушка, — если она когда-нибудь и слыхала о Дарвинѣ, то, вѣроятно, считаетъ его дуракомъ, — невольнo приняла его теорію естественнаго подбора. Да! Это мой типъ! На этотъ разъ на удочку навѣсили хорошую приманку.

Какіе-то электрическіе токи начали пробѣгать отъ ея локтя по моей рукѣ. Наконецъ, я вижу, что и я произвожу на нее выгодное впечатлѣніе, а это всегда оживляетъ. Экзамень, которому я подвергъ ее, какъ артистъ, далъ тоже благопріятный результатъ.

Есть лица, которые кажутся переводомъ съ музыки или съ поэзіи на человѣческія черты. Таково и лицо Анельки. Въ немъ нѣтъ ничего дюжиннаго. Дѣвочкамъ изъ дворянскихъ семей воспитаніе прививаетъ скромность такъ же, какъ дѣтямъ прививаютъ оспу. И въ лицѣ Анельки такое же выраженіе невинности, а изъ-подъ невинности проглядываетъ горячій темпераментъ. Что за соединеніе! Все равно, какъ еслибъ кто-нибудь сказалъ: невинный дьяволъ!

Допускаю, наконецъ, что, при всей своей невинности, Анелька можетъ быть не много кокеткой; я даже замѣтилъ, что она отлично понимаетъ всю силу своей привлекательности. Напримѣръ, зная, что у нея чудесныя рѣсницы, она опускаетъ ихъ то и дѣло, безъ всякой видимой надобности. Также она умѣетъ очень мило поднимать голову и смотрѣть на своего собесѣдника. Въ началѣ разговора она была немного искусственна, не смѣла, но вскорѣ мы оба почувствовали себя такъ, какъ будто не разставались послѣ нашего послѣдняго плошовскаго свиданія.

Тетушка неопѣнима со своими размышленіями вслухъ, только я не желалъ бы вмѣстѣ съ нею участвовать въ какомъ-нибудь разговорѣ. Едва я успѣлъ повидаться съ матерью Анельки и перекинуться съ нею нѣсколькими словами, какъ тетя, замѣтивъ мое оживленіе, свергнула глазами, пожала плечами и, приложивъ палецъ ко лбу, выпалила вслухъ:

— Какъ къ ней идутъ эти фіалки! Гмъ! Очень удачная мысль показать ее въ первый разъ на балу.

Мать Анельки смѣшалась, Анелька тоже, а я понялъ, почему дамы не остановились въ тетушкиномъ домѣ. Очевидно, это былъ планъ пани П. Вѣроятно, она давно вступила съ тетушкой въ соглашеніе. Я допускаю, что Анелька не была вполне посвящена въ ихъ тайны, но, благодаря дѣвической проницательности, проявляющейся при подобныхъ обстоятельствахъ, обо всемъ догадалась.

Чтобы положить конецъ всеобщему замѣшательству, я обратился къ ней и сказалъ:

— Я заранѣе предупреждаю, что танцую северно, но меня, вѣроятно, будутъ часто выбирать, поэтому общай мнѣ какой-нибудь вальсъ.

Анелька въ отвѣтъ подала мнѣ свою бнижечку и рѣшительно сказала:

— Запиши, что хочешь.

Я признаюсь, что не люблю роли манекена, котораго дергаютъ за шнурокъ, не люблю, чтобъ меня толкали куда-нибудь. Я не же-

лалъ занять какую-нибудь дѣятельную роль въ политикѣ старыхъ дамъ, и потому написалъ въ книгѣ: «Ты поняла, что насъ хотѣть женить?»

Анелъка прочла, лицо ея немного поблѣднѣло. Съ минуту она молчала, точно, колеблясь или не зная, что написать, наконецъ, подняла свои чудесныя рѣсницы и, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза, отвѣтила:

— Да!

Но теперь ужъ она начала допрашивать, правда, не словами, а глазами. Я сказалъ уже, что произвелъ на нее благопріятное впечатлѣніе, значить, теперь голова ея всецѣло занята мной. И вотъ теперь я ясно прочелъ въ ея глазахъ:

— Я знаю, что мама и тетя желаютъ, чтобъ мы узнали другъ друга, сблизились, а какъ... какъ ты?

Вмѣсто отвѣта, я обнялъ ея станъ, слегка привлекая къ себѣ. Музыка играла вальсъ. Припоминались мнѣ «часы упражненій».

Такая нѣмая исповѣдь могла взволновать дѣвушку, которую не могли не смутить слова, написанныя мною въ книгѣ. Но я думалъ: отчего бы ей и не поволноваться? Во всякомъ случаѣ, я не пойду дальше, чѣмъ хочу, а куда она пойдетъ — это меня мало интересуеетъ. Анелъка отлично танцуетъ, а этотъ вальсъ танцовала такъ, какъ всякая женщина должна танцовать вальсъ, то-есть съ нѣкоторымъ самозабвеніемъ отдавшись своему кавалеру. Я замѣтилъ, что фіалки на ея груди колышались сильнѣй, чѣмъ можно было бы объяснить довольно медленными темпами вальса. Я понималъ, что въ ней что-то такое начинается. Любовь, просто-на-просто физическая потребность, старательно сдерживаемая въ дѣвушкахъ хорошаго круга, но, тѣмъ не менѣе, непреоборимая. И вотъ, когда дѣвушкѣ говорить: «ты можешь любить его», она пользуется такимъ позволеніемъ не теряя ни минуты.

Анелъка, очевидно, рассчитывала, что послѣ моего смѣлаго вопроса я, послѣ вальса, войду въ какія-нибудь объясненія, но я нарочно отошелъ въ сторону, чтобы оставить ее въ ожиданіи.

Мнѣ, между прочимъ, хотѣлось посмотрѣть на нее издали. Такого рода женщины привлекаютъ меня, какъ магнитъ. Ахъ, еслибы ей было лѣтъ тридцать и меня не хотѣли бы женить на ней!

Варшава, 30 января.

Дамы переѣхали къ намъ. Вчера я цѣлый день провелъ съ Анелъкой. Въ ея душѣ большіе страницы, чѣмъ это бываетъ у дѣвушекъ ея возраста. Многія изъ этихъ страницъ испишетъ будущее, — тамъ много есть мѣста для занесенія хорошихъ

вещей. Она чувствует и понимает все, а слушает просто безподобно, какъ-то сосредоточиваясь и широко раскрывая свои умные глаза. Женщина, умѣющая слушать, обладаетъ лишнимъ средствомъ нравиться, — это льстить мужчинѣ. Знаетъ ли объ этомъ Анелька, или въ ней говорить счастливый инстинктъ женщины? Быть можетъ также, что она столько наслышалась обо мнѣ отъ тетки, что придаетъ моему слову особый вѣсъ и значеніе. Впрочемъ, у нея есть и нѣкоторая доля кокетства. Сегодня, на мой вопросъ, чего бы она больше всего хотѣла, Анелька отвѣтила: «увидѣть Римъ» и опустила свои бахромистыя рѣсницы. Необычайно красиво. Она хорошо видитъ, что нравится мнѣ, и это дѣлаетъ ее счастливою. Ея кокетство прелестно, — оно идетъ изъ радостнаго сердца, которое хочетъ понравиться другому, избранному имъ сердцу. У меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея душа стремится ко мнѣ, какъ бабочка къ огню. Бѣдное дитя пользуется позволеніемъ старшихъ, и пользуется торопясь, не теряя ни минуты. Этотъ процессъ можно наблюдать съ часу на часъ.

Я долженъ былъ бы предложить себѣ вопросъ: если ты не хочешь жениться, то зачѣмъ дѣлаешь все, чтобы влюбить въ себя дѣвушку? Но мнѣ не хочется отвѣчать на этотъ вопросъ. Мнѣ такъ хорошо и спокойно! А собственно говоря, что я такое дѣлаю? Я не стараюсь казаться ни болѣе глупымъ, ни болѣе неприятнымъ, ни антипатичнымъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ, — вотъ и все.

Анелька вышла сегодня къ утреннему кофе въ какой-то широкой полосатой матросской блузѣ, скрывающей всѣ ея формы. Глаза у нея немного заспанные, движенія утомленныя. Странно, какое впечатлѣніе она производитъ на меня!

31 января.

Тетушка даетъ вечеръ для Анельки. Я дѣлаю визиты. Былъ у Снятыньскихъ и просидѣлъ долго, потому что мнѣ у нихъ хорошо. Снятыньскіе живутъ въ вѣчномъ несогласіи между собой, но не въ тазомъ, какъ многія другія супружескія пары. Обыкновенно всякій тянетъ плащъ на свою сторону, но Снятыньскій готовъ весь плащъ отдать своей женѣ, а она ему. Я очень люблю ихъ, ибо только у нихъ убѣждаюсь, что счастье можетъ быть не книжнымъ вымысломъ, а совершенно реальною вещью. Кромѣ того, онъ чело-вѣкъ умный, впечатлительный, какъ скрипка Страдивариуса, обладаетъ полнымъ сознаниемъ своего счастья. Въ этомъ я завидую ему. Разговаривать съ нимъ всегда очень приятно. Мнѣ дали чернаго кофе, — развѣ только у литераторовъ пьютъ подобный, — и начали допрашивать, какъ мнѣ понравилась Варшава и хорошо ли

мнѣ живется въ ней послѣ такого долгаго отсутствія. Пани Снятыньская немного догадывается о тетушкиныхъ замыслахъ, хорошо знаетъ Анельку (онѣ обѣ родомъ изъ Вильны) и очень была бы рада всунуть свой розовый носикъ въ это дѣло.

Конечно, я остерегался сводить разговоръ на какія-нибудь личности, но о нашемъ обществѣ вообще мы говорили много.

Я сказалъ, что думаю объ изяществѣ этого общества. Снятыньскому мои слова очень понравились, и онѣ началъ поддакивать:

— Мнѣ очень пріятно слышать подобныя рѣчи изъ такихъ устъ, какъ твои, потому что ты много видѣлъ, можешь дѣлать сравненія, а, во-вторыхъ, ты—пессимистъ.

— Не знаю, мой милый, — отвѣтилъ я, — развѣ и послѣднее мое мнѣніе не пахнетъ пессимизмомъ?

— Я не понимаю, почему.

— Видишь ли, на всякой культурѣ, такъ вырафинированной, ты можешь написать то, что пишется на ящикахъ со стекломъ или фарфоромъ: «fragile!» Тебѣ, душою происходящему изъ Аѳинъ, мнѣ, другому и третьему хорошо и пріятно жить съ людьми, обладающими такими утонченными нервами; но если ты захочешь что-нибудь строить на такомъ фундаментѣ, то я предостерегаю, что на твою голову полетятъ балки. Ты думаешь, что эти изящные диллетанты не должны проиграть въ борьбѣ за существованіе противъ людей съ крѣпкими нервами, грубыми мускулами и толстою шкурой?

Снятыньскій, человекъ очень живой, вскочилъ съ мѣста, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и потомъ горячо напалъ на меня.

— Это только одна сторона, и сторона выгодная, какъ ты самъ признаешь. Но не думай, чтобы въ насъ, кромѣ этого, ничего не было. Ты пріѣхалъ изъ-за моря, а говоришь такъ, какъ будто бы прожилъ здѣсь всю жизнь.

— Я не знаю, что именно заключается въ васъ, но знаю то, что нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого недостатка равновѣсія въ культурѣ разныхъ классовъ общества, какъ здѣсь. Съ одной стороны, развѣтъ, а то, можетъ быть, и переспѣлость культуры, съ другой—абсолютное варварство и темнота.

Мы заспорили и уже смеркалось, когда я вышелъ отъ Снятыньскаго. Онѣ мнѣ сказалъ, что если я чаще буду приходиться къ нему, то онѣ беретъ показать мнѣ среднее звено цѣпи, ни большое диллетантизмомъ, ни темное, какъ первобытный человекъ, — однимъ словомъ, показать людей, которые знаютъ, что дѣлаютъ, и знаютъ, чего хотятъ. Говорили мы горячо, перебивая другъ друга, тѣмъ

олѣе, что послѣ кофе выпили по нѣсколько рюмокъ коньяку. Я же спускался съ лѣстницы, а Снятыньскій все кричалъ мнѣ сверху:

— Изъ такихъ, какъ ты, ничего, конечно, не выйдетъ; но въ твоихъ дѣтей могутъ выдти люди; только ты долженъ или, вѣрѣе сказать, всѣ вы должны будете обанкрутиться, а иначе и внушители ваши не возьмутся ни за какую работу!

Мнѣ кажется, что, вообще, правъ былъ я. Записываю этотъ разговоръ потому, что со дня моего прїѣзда я постоянно думаю объ отсутствіи равновѣсія. Неоспоримый фактъ, что у насъ общественные классы раздѣляются другъ отъ друга пропастью, при существованіи которой всякое сближеніе, всякая совмѣстная дѣятельность становятся положительно невозможными. Снятыньскій долженъ согласиться, что мы раздѣляемся на людей перецивилизованныхъ и вовсе нецивилизованныхъ. Такъ я, по крайней мѣрѣ, нахожусь. Севрскій фарфоръ и грубая глина, а въ серединѣ ничего. Одно «très fragile», другое—овидіевскій «radis indigestaque moles». Очевидно, севрскій фарфоръ раньше или позже побьется, а изъ глины будущее слѣпнуть, что ему покажется по вкусу.

2 февраля.

Вчера у насъ былъ танцевальный вечеръ. Анелька, рѣшительно обращала на себя всеобщее вниманіе. Ея бѣлыя плечики выглядывали изъ волнъ газа, тюля, —почемъ я знаю, какъ называется эта матерія?—словно плечи Венеры, выходящей изъ морской пѣны. Въ Варшавѣ уже разнеслась вѣсть, что я женюсь на анелькѣ. Я замѣтилъ, что она вчера не спускала съ меня глазъ и азѣянно слушала то, что болтали ей кавалеры. Бѣдная дѣвочка какъ не умѣетъ скрывать, такъ показываетъ всѣмъ, что у нея на сердцѣ, что развѣ только слѣпой не замѣтилъ бы этого. А со мною она такъ тиха, такъ покорна, такъ счастлива, когда я приближаюсь! Я начинаю ее очень любить и начинаю слабѣть. Вотъ снятыньскимъ такъ хорошо живется. Мнѣ не въ первый разъ хочется задать себѣ вопросъ, чтó Снятыньскій — глушій или умнѣй меня? Я изъ всѣхъ жизненныхъ задачъ не разрѣшилъ ни одной, и ничто, скептицизмъ изнуряетъ меня, я несчастливъ, чувствую себя утомленнымъ. У Снятыньскаго знаній не меньше, чѣмъ у меня, притомъ, онъ занимается дѣломъ, у него милая жена и, вѣроятно, есть какая-нибудь жизненная философія, которая поддерживаетъ его частіе. Рѣшительно, я глупѣе его. Ключъ къ философіи Снятыньскаго — его жизненные догматы. Еще передъ женитьбой онъ говорилъ мнѣ: «Есть одно, къ чему я не приближаюсь со своимъ скеп-

тицизмомъ, одно, чего не критикую: какъ для интеллигентнаго чело-
вѣка, догматомъ мнѣ служить общество, какъ для чело-вѣка чест-
наго — любимая женщина». Я тогда подумалъ: однако, мой умъ
смѣлѣе, коль скоро онъ не отступаетъ отъ критическаго разбора и
такихъ чувствъ. А теперь я вижу, что эта-то смѣлость и привела
меня ни къ чему. Съ другой стороны, онъ такъ прелестенъ, мой
«маленькій догматъ» съ шелковистыми рѣсницами! Рѣшительно,
я слабѣю. Мое влеченіе къ ней не можетъ быть истолковано одною
силой естественнаго подбора. Нѣтъ! Здѣсь есть что-то большее, и я
даже знаю, что: она полюбила меня такимъ свѣжимъ, правдивымъ
чувствомъ, какимъ меня никто не любилъ. О, какъ это не похоже
на «часы упражненій», во время которыхъ я наносилъ и париро-
валъ удары! Женщина, которая сильно понравится и сама любить
сильно, если только выдержитъ, можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ.
«Заблудшая птица», какъ выражается Словацкій, непременно воз-
вратится къ ней, какъ къ своему гнѣзду, къ своему покою, и воз-
вратится тѣмъ скорѣй, чѣмъ тяжелѣй и горше будетъ ей въ ея
блужданіяхъ. Ничто такъ не покоряетъ, не смягчаетъ мужскаго
сердца, какъ сознаніе, что его любятъ. Нѣсколько выше я напи-
салъ Богъ вѣсть что о польвахъ, но если кто-нибудь думаетъ, что,
изъ опасенія быть обвиненнымъ въ непослѣдовательности, я не
сдѣлаю того, что въ данную минуту сочту за лучшее, — тотъ грубо
ошибается.

Какъ эта дѣвушка удовлетворяетъ моему артистическому вку-
су, описать трудно! Послѣ бала наступила чудесная минута,
когда мы, проводивъ гостей, приказали принести себѣ чаю въ го-
стиную и сѣли вчетверомъ къ столику. Я подошелъ къ окну и
слегка раздвинулъ портьеру. Былъ уже девятый часъ утра и вдругъ
въ окно ворвался такой синеватый свѣтъ, что я изумился. Но
еще больше я удивился, когда увидалъ въ этомъ освѣщеніи Анель-
ку. Мнѣ показалось, что въ настоящую минуту она находилась въ
лазурномъ гротѣ на Капри. Что за тоны на ея обнаженныхъ плеч-
кахъ! И что дѣлать?—такова ужь моя натура, такова впечатли-
тельность, что я ослабѣлъ окончательно и Анелька всецѣло завла-
дѣла моимъ сердцемъ. Долго и совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше, я по-
жималъ ея ручку, прощаясь съ нею и желая ей доброй ночи. А
она отвѣтила мнѣ:

— Добраго дня, не доброй ночи, — добраго дня!

Слѣпъ я, что ли, или музыка нѣжнаго голоса говорила вмѣстѣ
съ очами дѣвушки:

— Люблю, люблю!

Да и я почти также.

Тетка, глядя на насъ, издаетъ глухое ворчаніе радости. На глазахъ у нея слезы. Мы выѣзжаемъ въ Плошовъ.

Плошовъ, 5 февраля.

Вотъ уже другой день мы въ деревнѣ. Дорога была великогѣбная. Солнце, морозъ; снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями и искрился на поляхъ. При заходѣ солнца эти огромныя бѣлыя пространства приняли совершенно фіолетовый оттѣнокъ. Въ липахъ, подъ Плошовомъ, каркали стаи воронъ. Зима, наша суровая зима полна особой прелести. Въ ней есть и сила, и величіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то откровенность. Какъ хорошій другъ рѣжетъ правду прямо въ глаза безъ обиняковъ, такъ и она, не спрашивая позволенія, щиплетъ за уши. За то ея свѣжесть сообщается и людямъ. Всѣ мы были довольны, что ѣдемъ въ деревню. Кромѣ того, старыя дамы были рады, что ихъ завѣтныя желанія близятся къ осуществленію, я былъ радъ, что прикасаясь своимъ плечомъ къ плечу сидящей рядомъ со мной Анельки, она же, можетъ быть, по тому же самому поводу, чувствовала себя счастливою. Два раза, наклонившись, она поцѣловала тетгину руку, — такъ себѣ, безъ всякаго повода, отъ избытка радости. Къ ней очень шло пушистое боа и мѣховая шапочка, изъ-подъ которой едва выглядывали ея темные, почти дѣтскіе глаза и лицо съ раскраснѣвшимися отъ мороза щеками. Отъ нея такъ и вѣетъ молодостью.

Хорошо въ Плошовѣ, тихо. Я въ особенности люблю огромныя старинныя камины. Тетушка бережетъ лѣса, какъ зеницу ока, но дровъ не жалѣетъ, поэтому камины топятся съ утра до вечера; огонь гудитъ, шипитъ и навѣваетъ веселыя мысли. Вчера все послѣобѣда мы сидѣли вдали отъ огня. Я много рассказывалъ о Римѣ и его памятникахъ и меня слушали съ такимъ благоговѣніемъ, что я самъ себѣ казался смѣшнымъ. Тетка, когда я рассказываю, не спускаетъ глазъ съ Анельки, слѣдя съ нѣкоторою суровостью, выражаетъ ли ея лицо надлежащій восторгъ. Но восторга оказывается достаточно. Вчера она сказала мнѣ:

— Другой кто-нибудь могъ бы прожить тамъ всю жизнь и не увидать половины тѣхъ чудесъ, которыя ты видишь.

Тетушка тотчасъ же прибавила съ догматическимъ спокойствіемъ:

— Я всегда то же самое говорила.

Нѣкоторое разногласіе въ наше общество вноситъ мать Анельки. Она столько перенесла въ жизни, столько настрадалась, что веселье ея разъ навсегда подорвано. Она просто боится будущаго

и бессознательно подозрѣваетъ, что даже и удача маскируетъ какую-нибудь ловушку. Съ мужемъ она была очень несчастлива, потому испытала массу тревоженій по милости большаго, но очень разстроеннаго состоянія. Въ добавокъ ко всему, у нея мигрень.

Анелька, кажется, принадлежитъ къ категоріи женщинъ, гораздо болѣе многочисленныхъ у насъ, чѣмъ думаютъ многіе, у которыхъ никогда не болитъ сердце отъ имущественныхъ непріятностей. Я люблю ее за то, — во всякомъ случаѣ, это признакъ высшихъ стремленій. Наконецъ, теперь меня все въ ней восхищаетъ. Нѣжность на почвѣ сердечнаго влеченія вырастаетъ такъ же скоро, какъ трава послѣ теплаго дождя. Сегодня утромъ я увидалъ, какъ горничная несетъ Анелькѣ платье и башмаки, и собственно эти башмаки такъ растрогали меня, какъ будто носеніе ихъ было вѣнцомъ всѣхъ добродѣтелей Анельки.

Вообще, мы, мужчины, страшно слабы. Я держу руку на своемъ пульсѣ и наблюдаю ходъ моей сердечной горячки. Пульсъ уже очень частый.

Плошовъ, 8 или 9 февраля.

Тетушка возобновила свою обычную войну съ паномъ Хвастовскимъ. Это такая оригинальная привычка, что одинъ изъ такихъ споровъ стѣдуетъ описать. Тетушкѣ необходимы стычки для возбужденія аппетита, а такъ какъ Хвастовскій, — который, къ слову сказать, замѣчательно управляетъ Плошовымъ, — шляхтичъ, составленный изъ сѣры и селитры, не позволяющій никому наступать себѣ на ногу, то сраженія между ними отличаются великою яростью. Уже сойдясь въ столовой, они начинаютъ метать другъ на друга зловѣщіе взоры; первую стрѣлу за супомъ выпускаетъ обыкновенно тетушка, заводя такой, приблизительно, разговоръ:

— Не помню уже, панъ Хвастовскій, съ какого времени я допытываюсь отъ васъ узнать, въ какомъ положеніи находятся озимые? Вы, какъ нарочно, говорите обо всемъ, только не объ этомъ.

— Графиня, съ осени они всходили хорошо, а теперь на два фута снѣгу, что я могу знать? Я, вѣдь, не Богъ.

— Напрасно вы, панъ Хвастовскій, всуе упоминаете имя Божіе.

— Я къ Нему подъ снѣгъ не заглядываю, значить, и не оскорбляю Его.

— Въ такомъ случаѣ, оскорбляю я?

— Очень можетъ быть!

— Вы невыносимы, панъ Хвастовскій!

— За то очень выносливъ, потому что выношу многое!

На такую или другую тему споръ доходилъ до самаго горячаго момента. Рѣдкій обѣдъ проходитъ безъ пререканій. Въ концѣ тетушка умолкаетъ и ѣсть съ ожесточеніемъ, точно желаетъ выместить свой гнѣвъ на кушаньяхъ. Дѣйствительно, у нея прекрасный аппетитъ. Мало-по-малу настроеніе ея духа поправляется. Теперь, когда я, послѣ обѣда, подаю руку матери Анельки, тетушкѣ подастъ панъ Хвастовскій и всѣ мы идемъ въ величайшемъ согласіи пить черный кофе. Тетушка спрашиваетъ пана Хвастовскаго объ его сыновьяхъ, онъ цѣлуетъ ея руку. На самомъ дѣлѣ они очень любятъ и уважаютъ другъ друга. Сыновей пана Хвастовскаго я видѣлъ еще когда они были въ университетѣ. Теперь они, должно быть, взрослые люди, но ужасные радикалы.

Анельку обѣденная война сначала пугала. Я объяснилъ ей суть дѣла, и теперь, когда споръ начинается, она поглядываетъ на меня украдкой изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ, усмѣхается кончиками губъ и вызываетъ во мнѣ желаніе обнять и поцѣловать ее. Ни у одной женщины я не видалъ такихъ почти алебастровыхъ висковъ и такихъ жилокъ на вискахъ.

12 февраля.

Чистые метаморфозы Овидія и на свѣтѣ, и во мнѣ! Морозъ стихъ, солнце спряталось, тьма царить египетская. Я не могу характеризовать того, что дѣлается на дворѣ, лучшимъ словомъ, чѣмъ слово гниль. Однако, какой здѣсь ужасный климатъ! Въ Римѣ, во время самой отчаянной непогоды, солнце, все-таки, разъ десять въ день покажется, а здѣсь два дня подрядъ нужно было бы зажигать лампы въ комнатахъ. Эта черная и тяжелая сырость проникаетъ въ мысли, окрашиваетъ ихъ въ мрачный цвѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угнетаетъ. Въ особенности это тяжело отражается на мнѣ. Тетушка съ Хвастовскимъ ссорились сегодня сильнѣй, чѣмъ когда бы то ни было. Хвастовскій утверждалъ, что тетка, не позволяя рубить лѣсъ, портитъ его, потому что старыя деревья становятся никуда негодными; тетка отвѣчала, что и безъ ея помощи у насъ достаточно вырубаютъ лѣсовъ: «я старѣюсь, пускай и лѣсъ старѣетъ!»

Но это въ сторону. Огромную непріятность причинила мнѣ, безъ всякаго намѣренія, мать Анельки. Она начала мнѣ сегодня въ оранжевѣй разсказывать, правда, съ материнскою, но, тѣмъ не менѣе, не эстетичною хвастливостію, какъ къ Анелькѣ сватался мой знакомый, Бромницкій. Я чувствовалъ то же, что чувствуетъ порядочный человѣкъ, когда въ его присутствіи кто-нибудь чиститъ зубы вилкой. Какъ недавно голубой утренній свѣтъ привлекъ мое сердце къ

Анелькѣ безъ всякой заслуги съ ея стороны, такъ теперь вождедѣнія Кромницкаго заставили меня охладѣть къ ней, хотя она тутъ вовсе не виновата. Эту обезьяну, Кромницкаго, я знаю уже нѣсколько лѣтъ и не люблю его. Родомъ онъ изъ австрійской Силезіи, гдѣ когда-то Кромницкіе, кажется, владѣли огромными пожалованными имѣніями. Въ Римѣ онъ болталъ, что его фамилія еще въ XV вѣкѣ носила графскій титулъ, и записывался въ отеляхъ «Graf von Kromisky». Если бы не маленькіе, черные глазки, похожіе на два зернышка жаренаго кофе, и такая же шевелюра, онъ походилъ бы на человѣка, вырѣзаннаго изъ сырной корки, къ тому же, у него такой же цвѣтъ лица. Голова его напоминаетъ мертвую голову. Во мнѣ онъ возбуждалъ просто физическое отвращеніе. Фи! какъ это уронило въ моихъ глазахъ Анельку! Я знаю отлично, что за Кромницкаго и его намѣренія она отвѣчать не можетъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣніе мое о ней сильно понизилось.

Не понимаю, почему пани П. такъ распространилась передо мною объ этомъ обстоятельствѣ? Если это было сдѣлано съ цѣлью заставить меня поторопиться, то вовсе не достигло назначенія. У пани П. большія достоинства, если она сумѣла выпутаться изъ тысячи непріятностей и еще воспитать такую дочь, но она очень недогадлива и скучна со своими мигренями и макаронизмами.

— Признаюсь,—сказала она,—я была на его сторонѣ. По временамъ я падала подъ бременемъ своихъ заботъ,—я женщина, дѣлъ никакихъ не знаю, и если узнала ихъ, то цѣною силъ, здоровья, имѣя въ виду будущность моего ребенка. Кромницкій очень ловокъ. У него большія дѣла въ Одессѣ, какія-то поставки, какія-то спекуляціи съ нефтью въ Баку, que sais-je! Но онъ не здѣшній подданный и это ему, вѣроятно, мѣшаетъ. Вотъ я и думала, что если онъ женился бы, то очистилъ бы имѣніе Анельки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, переимѣнилъ бы подданство, чтобы вступить во владѣніе этимъ имѣніемъ.

— А Анелька?—нетерпѣливо спросилъ я.

— Я видѣла, что Анелька не чувствуетъ къ нему большаго влеченія, но это такое доброе дитя! Притомъ, въ случаѣ моей смерти, она осталась бы круглою сиротой, такъ что...

Я не разспрашивалъ дальше, — это меня раздражало сильнѣй, чѣмъ я могу передать. И хотя я понимаю, что бракъ не состоялся благодаря только нежеланію Анельки, но мнѣ досадно, что она позволяла этой противной гадинѣ смотрѣть на себя, а въ особенности, что могла колебаться хоть одну секунду.

Для меня это былъ бы вопросъ нервовъ. Я забываю, впрочемъ,

одно, что не у всѣхъ такіе нервы, какъ у меня, и что Кромичкій, несмотря на его хлопчатую кожу и сходство съ мертвою головою, считается между женщинами приличнымъ человѣкомъ.

Интересно знать, какія аферы онъ обдѣлываетъ! Забылъ спросить, не въ Варшавѣ ли онъ. Очень можетъ быть; онъ, кажется, всякую зиму пріѣзжаетъ въ Варшаву. Что касается его дѣлъ, скажу только одно: они могутъ быть блестящи, но я сомнѣваюсь, чтобы они покоились на солидномъ и непоколебимомъ основаніи. Я не спекулянть и не сѣмѣлъ бы провести ни одной биржевой спекуляціи, но кое-что знаю о нихъ. Я много наблюдалъ и легко могу выводить заключенія. И вотъ, не вѣрю я въ нашихъ дворянъ, съ головами, гениально будто бы приспособленными ко всякимъ спекуляціямъ. Я боюсь, что ловкость Кромичкаго не врожденная или унаслѣдованная способность, а просто неврозъ, пошедшій въ этомъ направленіи. Видалъ я подобные примѣры. Вынырнетъ пороку, ни оттуда, ни отсюда, шляхтичъ-спекулянть, бываетъ даже, что сначала ему везетъ слѣпое счастье, что онъ быстро наживаетъ себѣ состояніе... но я не видалъ ни одного, который передъ смертью не обанкротился бы.

Такія способности или наслѣдуются, или пріобрѣтаются выучкою, начиная съ азбуки. Сыновья Хвастовскаго, можетъ быть, и преуспѣютъ, потому что у отца ихъ нѣтъ ничего, и они начинаютъ съ азбуки. Но кто съ готовымъ состояніемъ, безъ коммерческихъ традицій, безъ цеховыхъ знаній окунется въ этотъ омутъ, тотъ непременно сломаетъ шею. Въ дворянствѣ, повторяю, коренится денежный неврозъ. Спекуляція не можетъ основываться на заблужденіяхъ; а сколько въ этихъ шляхетскихъ спекуляціяхъ заблужденій — Богу только одному извѣстно. Впрочемъ, желаю пану «всн Кроміску» счастья.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫДАЛСЯ ДЕНЕКЪ!

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ПО ВОЛГѢ).

I.

Раннее лѣтнее утро того юньскаго дня, когда я «побѣжалъ» на самолетскомъ пароходѣ отъ Твери внизъ по Волгѣ, было дѣйствительно прелестное, какъ и весь первый и весь второй день переѣзда до Рыбинска; чистота, блескъ, легкое, прохладное движеніе свѣтлаго воздуха, просторъ безоблачнаго неба, — все это какъ-то внезапно влилось оживотворяющею силой во все существо того простаго смертнаго, который, проспавъ спокойно всю ночь на пароходѣ, былъ разбуженъ шумомъ его колесъ и вышелъ на рубку. Животворная сила прелестей природы была настолько велика, что и всѣ внѣшнія впечатлѣнія, которыя давала Волга и ея берега, отражались во всемъ существѣ и въ сознаниі простаго смертнаго, въ самыхъ пріятныхъ ощущеніяхъ, и, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, съ первымъ поворотомъ паровозныхъ колесъ, простой смертный все болѣе и болѣе недоумѣвалъ, почему никогда ему не приходило въ голову избрать именно этотъ, не «оживленный Бупономъ», путь поѣздки по Волгѣ, а, по примѣру прочихъ путешественниковъ, начинать поѣздку съ Рыбинска, то-есть съ такого пункта, гдѣ Волга начинаетъ пахнуть керосиномъ, гдѣ по берегамъ видны милліоны сажень дровъ, огромные склады бревенъ, безконечные амбары и безконечныя пяти-этажныя фабрики и эти желѣзныя трубы, изъ которыхъ валитъ дымъ, и этотъ свистъ паровиковъ до разсвѣта, и затѣмъ и днемъ, и ночью? Пять минутъ казалось простому смертному достаточно пробыть въ Рыбинскѣ, этомъ первомъ пунктѣ начинающагося оживленія Волги господиномъ Бупономъ, чтобы имѣть уже полное понятіе о качествахъ впечатлѣній, которыя предстоятъ въ дальнѣйшей поѣздкѣ, пока не

подойдутъ опять такія мѣста, какъ Жигули, куда Булону пока еще не подь силу втащить свою длинную трубу, чтобы и тамъ задымить и засвистать... Масса голыдбы, ломовыхъ лошадей и ломовыхъ людей, тюки, бочки, брусья и листы желѣза, лязгъ котораго иной разъ приходится слушать съ парохода, освѣщеннаго электричествомъ, и со всеми удобствами для успокоенія нервовъ, — часа по три, по четыре, — вотъ впечатлѣнія того, что видитъ глазъ по берегамъ оживленной Волги и что происходитъ на пристаняхъ у болѣе или менѣе оживленныхъ Булономъ городовъ. Рыбинскъ сосредоточилъ въ себѣ всю сутолоку и суматоху коммерческаго пункта, въ которомъ совпадаютъ сообщенія желѣзной дороги и парохода. Блпучая дѣятельность коммерсанта, нагрузка, перегрузка, выгрузка, телеграфъ, кафе-шантанъ, арфистки, биржа, театръ, — во всемъ этомъ оставлены слѣды оживленной дѣятельности коммерсанта, который уже знаетъ, что время — деньги, и что съ телеграфа, не теряя времени, надо мчаться къ арфисткамъ. Всѣ извоицичи лошади доведены до истерическаго состоянія, — разбитыя ногами и обхлестанныя кнутомъ, онѣ мчатся въ какомъ-то неистовомъ испугѣ и, видимо, поступаютъ очертя голову; вся мебель въ «номерахъ» распатана коммерсантами, всѣ скатерти пахнутъ невѣдомо чѣмъ и всѣ двери въ тѣхъ же номерахъ запираются и отпираются не безъ напряженныхъ усилій со стороны проѣзжающаго и прислуги. Проѣзжающему, который не можетъ выдти изъ номера, тагъ какъ ключъ поворачивается во всѣхъ направленіяхъ и даже выходитъ на сѣвостъ, внимательная прислуга совѣтуетъ потянуть къ себѣ дверь, поддержать ногою одну половину, взять ключомъ эдакъ вотъ въ сторону... Счеты и слѣды начинавшагося пожара, отъ опрокинутой коммерсантомъ, послѣ биржи и арфистокъ, свѣчи, — о чемъ свидѣтельствуетъ выгорѣвшее въ полу около кровати мѣсто величиной съ тарелку, — составляютъ принадлежность всякаго номера, и даже часы въ Рыбинскѣ также находятся въ истерическомъ состояніи: въ номерахъ ровно 12, на вокзалѣ, на плафонѣ, неизмѣнно изъ года въ годъ, изо-дня въ день, сбитаая съ толку стрѣлка показываетъ — 10, въ первой комнатѣ безъ четверти 12, а въ почтовомъ отдѣленіи — 1 часъ.

Простой смертный, будучи удивленъ такою непонятною разницей, позволилъ себѣ спросить у почтальона:

— Какой часъ?

Почтальонъ поднялъ голову отъ книги росписокъ, обернулся и спокойно спросилъ сторожа:

— Это кто же сдѣлалъ?

Сторожъ не менѣе спокойно отвѣчалъ:

— Да Лебедевъ... Онъ нониче заводилъ.

Не думаю, чтобы это была случайность, — въ суматохѣ нагрузокъ и арфистоковъ, возможно и часы сбить съ толку, такъ какъ здѣсь время считается по московскому времени, по петербургскому и еще по рыбинскому.

Ничего подобнаго не было во впечатлѣніяхъ Волги и ея береговъ въ неоживленномъ ея промежуткѣ между Рыбинскомъ и Тверью. Здѣсь не только не было ни малѣйшихъ слѣдовъ *новыихъ* видовъ оживленныхъ Купономъ пристаней и городовъ, т. -е. дровъ, бочекъ, голыдыбы, длинныхъ трубъ и т. д., но и недавнихъ докупонныхъ видовъ, почти обязательныхъ для каждаго губернскаго и уѣзднаго города, также не было и слѣда. Берега были чистѣхоньки и покрыты зеленью до песчаной полосы, намываемой половодьемъ; да и эта песчаная полоса съ отмелями была въ полной сохранности послѣ спада воды, нерушимо сохраняя всѣ рубежи, которые вода нарѣзала. На водѣ видны только рыбацкія лодочки, а на вершинѣ берега — исключительно обывательскіе дома, просторные, каменные, старинные дома, окруженные садами, и церкви одна другой лучше. Присутственныя мѣста, острогъ, должно быть, помѣщены гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, здѣсь же ихъ не видно, какъ не видно и фабрикъ.

Церкви — вотъ истинное украшеніе этихъ береговъ; всегда онѣ поставлены на самыхъ живописныхъ мѣстахъ, видны кругомъ, какъ на ладони, и никогда вокругъ нихъ нѣтъ ни лавокъ, ни трактировъ, ничего базарнаго, что мы видимъ въ «крупныхъ» торговыхъ пунктахъ Нижняго Поволжья, гдѣ новостроющіеся храмы ставятся почему-то среди торговыхъ площадей. Пространство площади тоже велико, но въ праздничный день звонъ колоколовъ теряется въ галдѣніи базара. Старинныя церкви всегда стоятъ уединенно отъ суеты - суеть, даже и обывательскіе дома отошли отъ нихъ на значительныя разстоянія, потому что обывателю надобенъ просторъ двора, надобенъ просторъ сада, широкая улица и вообще мѣсто ровное, широкое. Церкви же всегда на возвышенностяхъ, на уступахъ высокихъ береговъ, причѣмъ нерѣдко естественная возвышенность мѣста дополняется искусственной, т. -е. церковь стоитъ какъ бы на каменномъ пьедесталѣ, по верху котораго всегда идетъ каменная ограда и извивается многими поворотами каменная лѣстница. Уединенное положеніе церкви отъ суеты - суеть получаетъ вполне осмысленное значеніе, такъ какъ и въ самой архитектурѣ церковей ощущается мысль строителя отвлечь су-

етныя мысли человѣческія отъ тяготы душевнаго мрака суетной жизни и оживотворить ихъ омраченныя сердца ощущеніями «не отъ міра сего». Нѣтъ ни одной церкви, которая бы омрачала грѣховную душу и грозила бы своимъ видомъ исключительно человѣческому грѣху, упрекала бы его въ ничтожество, какъ омрачаетъ архитектура греческихъ церквей и мусульманскихъ мечетей; но не было въ этихъ старинныхъ церквахъ и того фронтства, которое вмѣстѣ съ непомѣрною тяжеловѣсностью, поражающею обиліемъ кирпича, вошло въ современную архитектуру церквей. Проѣзжая мимо Николо-Бабаевского монастыря, можно съ полною ясностью видѣть ту непомѣрную разницу въ архитектурѣ старыхъ и новыхъ церквей, которая произошла отъ утраты современными строителями способности выразить въ камнѣ животворную идею «не отъ міра сего». Говорю «животворную» потому, что эта черта оживотворенія идеями не отъ міра сего, а не омраченія тѣми же идеями грѣшной души, есть именно отличительная черта старинныхъ русскихъ церквей, совершенно исчезнувшая въ архитектурѣ церквей новаго, безыдейнаго типа. Въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, среди стариннаго типа церквей, воздвигнутъ огромнѣйшій храмъ новаго типа, съ такимъ разодѣтымъ въ блески, въ какія-то «толстыя» звѣзды «кумполомъ», что мысль не только не отвлекается отъ суеты-суеты, а, напротивъ, къ ней-то именно и привлекается. Вообще «кумполь», даже и не расфранченный, — всегда принадлежность церковныхъ построекъ новаго типа: жирная тяжеловѣсность такихъ «кумполовъ», съ явными признаками упорной лѣни встать и подняться пламенемъ къ небу, далеко не напоминаетъ того же купола въ старыхъ церквахъ.

Старина, не ближе какъ время Ивана Грознаго и даже болѣе раннихъ, вѣсть съ обѣихъ береговъ этого промежутка не оживленной купономъ Волги. Послушайте-ка, какъ переговариваются колокола церковей одного берега съ колоколами другаго, особливо въ праздничный день, когда идетъ красный звонъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на колокольныхъ дѣйствуютъ знатоки своего дѣла и что обыватель, который жертвовалъ на колоколъ, не имѣлъ въ виду только того, что въ колоколѣ этомъ несмѣтное количество пудовъ. «Въ нашемъ приходѣ, — полагалъ онъ, — звукъ особенный долженъ быть». И точно, переговоры этими звуками съ одного берега на другой, очевидно, соблюдаются съ величайшимъ вниманіемъ къ музыкальной сторонѣ стоудоваго инструмента. Въ Калязинѣ, безъ малѣйшаго ощущенія звука удара, медленно зазвучалъ и разлился по всей окрестности первый могучій звукъ и, долго не теряя сво-

ей устойчивой силы, замирает медленно, долго, все дальше и дальше разстилаясь по окрестности, и, наконецъ, настаетъ полная тишина. Но едва замеръ звукъ въ одной изъ церквей, разстиляется по всему поднебесью и по всему окрестному пространству другой, та же могучій, но особенный, своеобразный звукъ и также даетъ оцѣнить его качества продолжительной устойчивости. Несомнѣнна гордость за преимущества могучихъ звуковъ «своихъ» колоколовъ (есть и имена имъ) ясно ощущается въ тѣхъ колокольныхъ художникахъ, которые любятъ «свои» колокола больше всего на свѣтѣ. Иногда ощущается явный умыселъ въ поступкахъ колокольныхъ художниковъ, и иной какъ будто бы поджидаетъ, чтобы звукъ его соперника совершенно утратилъ произведенное имъ впечатлѣніе, онъ медлитъ больше обыкновеннаго, но за то и достигаетъ своей цѣли.

— Вотъ такъ прихлопнулъ, соборный-то!... У... у... у... ты Боже мой, силища какая!—крестясь и любуясь силищей, разсуждаетъ обыватель.

Но и на эту силищу всегда есть и еще бoльшая силища; и третій художникъ съ третьей колокольной распространить такое могущественное возглашеніе надъ всею вселенной, что иной разъ, видимо, пришибаетъ своихъ сотоварищей.

Долго такъ переговариваются торжественною, могучею музыкою звуковъ оба берега Волги, пока не начнется общій красный звонъ. Въ этотъ моментъ на пароходѣ всѣ оглушены, никто никого не слышитъ, шевелятъ только губами. Но, въ концѣ-концовъ, все это переносится за четыреста лѣтъ отъ нашего купоннаго времени, если человѣку, жаждущему отдохновенія, нужны, дѣйствительно впечатлѣнія, отдаляющія и прерывающія всякую малѣйшую связь его съ измучившею его современностью, то впечатлѣнія этого оживленнаго купономъ пути, несомнѣнно, произведутъ на него животворное впечатлѣніе, если только онъ избѣгнетъ впечатлѣній напоминающихъ дѣйствительность. Къ великому прискорбію, простой смертный, оживотворенный во всемъ своемъ существѣ первыми днями поѣздки, на третій былъ совершенно истерзанъ впечатлѣніями дѣйствительности.

II.

Но даже и эти неожиданныя потрясенія нервовъ, непривычныя къ ошеломляющему трезвону, ни мало не убавили въ простомъ смертномъ силы оздоровляющихъ, воспринятыхъ въ пути впечатлѣ-

ній, приче́мъ суше́ственнѣйшее значе́нiе въ это́мъ оздоровленіи имѣ́ла непо́мѣрная отдаленность ви́димаго и о́щущаемаго отъ со-вре́менности, отъ всѣ́хъ ея терза́ній, отъ все́й ея суе́ты-суе́тъ, отъ не́престанныхъ заботъ о́бъ упо́рядоченіи, оче́видно, безпоро́дочной жи́зни, отъ всѣ́хъ «насу́щныхъ» вопро́совъ, кото́рые еже́дневно вы-ростаю́тъ въ тако́мъ мно́жествѣ и съ тако́ю бы́стротой, ка́къ во мно́жествѣ вы́растаю́тъ въ те́ченіе са́маго ко́роткаго вре́мени гри́бы на гнило́мъ пнѣ́. Все ви́димое по пу́ти отдале́нiя отъ со́временности, да́леко за вре́мена Ио́анна Гро́знаго, бы́ло, сла́ва Бо́гу, дѣ́йстви-тельно да́лекое про́шлое, и отъ по́ступковъ то́гдашнихъ рефо́рма-торовъ не оста́лось и слѣ́да, а все, что оста́лось отъ ста́рины, воспри́нималось, по́дъ неосла́бѣвавшимъ влі́янiемъ жи́вотворнаго впе́чатлѣ́нiя перва́го утра поѣ́здки, по́стоянно съ са́мой привле-кательной сто́роны; въ У́гличѣ́, гдѣ́ пароходъ оста́навливается въ са́момъ бли́зкомъ разсто́янiи отъ дво́рца ца́ревича Ди́митрі́я и це́ркви Спа́са на Кро́вяхъ, не ме́ртва́й вспо́мнилса ца́ревичъ, а жи́вой, на ру́кахъ у ня́ньки, кото́рая не́премѣ́нно гу́ляла съ ни́мъ вотъ на это́мъ вы́сокомъ при́горѣ́ и весе́лила его чу́деснѣ́йшимъ ви́домъ Во́лги и Заво́лжья. И ло́дочки на Во́лгѣ́, и лѣ́са дре́мучіе, и се́ла—есть, есть чѣ́мъ развесели́ть ца́ревича!...

Та́къ, не омрача́ясь те́мнымъ про́шлымъ и не о́щущая ни ма́лѣ́йшей свя́зи съ насто́ящимъ, про́стой сме́ртный провель цѣ́лый де́нь въ то́мъ же неизмѣ́нномъ настро́енiи и съ тѣ́ми же жи́вотвор-ными впе́чатлѣ́нiями нача́лъ и второ́й де́нь свое́й поѣ́здки, ни ма́ло не сомнѣ́ваясь, что и второ́й де́нь про́йде́тъ сре́ди тѣ́хъ же жи́во-творныхъ впе́чатлѣ́нiй, ка́къ и вче́ра, съ ра́ннего утра и до по́здняго вче́ра.

Но, вопре́ки вся́кому вѣ́роятію, ко́гда вче́рь то́лько еще при-бли́жалса и ко́гда про́стой сме́ртный бы́лъ уже́ на пароходѣ́ Зеве́ке въ Ры́бинскѣ́, не́ожиданное, безсмы́сленное вто́рженіе безсмы́-леннѣ́йшихъ впе́чатлѣ́нiй дѣ́йствительности, въ те́ченіе все́го вто́раго дня, до тако́й сте́пени расша́тало все́ его су́щество, что онъ да́же съ ве́личайшими уси́ліями не мо́гъ поня́ть и о́бьяснить то́го не-возмо́жнаго состо́янiя, въ кото́ромъ онъ те́перь нахо́дился.

Еди́нственное, что бы́ло для него бо́лѣе или ме́нѣе я́сно, хотя и со́вершенно непоня́тно, это́ то, что въ проме́жуткѣ́ пу́ти ме́жду У́гличемъ́ и Ры́бинскомъ́, ме́жду утра́мъ и вче́ромъ́, онъ бы́лъ вне-за́пно превра́щенъ въ «по́литическа́го преступни́ка». Да и не то́лько онъ, а рѣ́шительно всѣ́ пассажи́ры паро́хода, бывші́е не въ і́рестья́нской оде́ждѣ́, всѣ́ до еди́наго оказа́лись злоумы́шленниками і́ противъ́ пра́вительства, приче́мъ въ прото́колѣ́, составле́нномъ́

урядникомъ Псуновымъ, кромѣ простаго смертнаго, оказались въ числѣ политическихъ злоумышленниковъ бывшій предсѣдатель земской управы, членъ тюремнаго комитета, мировой судья, помѣщикъ и нѣмецъ, коммиссіонеръ по залогу, перезалогу и продажѣ владѣльческихъ имѣній. Затѣмъ едва только окончилось дѣло о «политическихъ преступленіяхъ» и шумные пересуды этого нелѣпаго дѣла были еще въ полномъ разгарѣ, какъ неожиданно, т.-е. точно такъ же внезапно, какъ произошло съ политическимъ процессомъ, произошло новое безобразіе: пароходъ былъ *умышленно* посаженъ на мель, — а мелей въ этомъ промежуткѣ между Тверью и Рыбинскомъ довольно много, — съ несомнѣннымъ желаніемъ счистить съ парохода рублей 15, чтобъ его снять. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ этихъ неожиданныхъ вторженій дѣйствительности въ мирную жизнь обывателей, общее представленіе о происшедшемъ обрисовывалось исключительно въ видѣ полнѣйшей безсмыслицы, сущей чепухи, совершенной въ первомъ случаѣ урядникомъ Псуновымъ въ пьяномъ видѣ, а во второмъ случаѣ, также съ участіемъ и подъ авторитетомъ какого-то существа, доказывавшаго свои «права» особаго покроя фуражкой, и также не въ трезвомъ видѣ. Безсмыслица впечатлѣнія отъ этихъ бессмысленныхъ суматохъ совершенно понятна, но непонятна возможность совершить всякаго рода чепуху всякому, пьяному уряднику, и совершить ее всегда на какихъ-то основаніяхъ, дающихъ смѣлость и право поставить въ нелѣпое, даже подлое положеніе мирныхъ обывателей, или также на несомнѣнныхъ основаніяхъ *счистить* съ парохода 15 руб., — вотъ этой-то возможности и не могла выяснить расшатанная мысль несчастнаго путника, чему, конечно, немало способствовало полное забвеніе современности, предшествовавшее безсмыслицамъ жизни.

— Не уйдешь, другъ любезный, не уйдешь отъ дѣйствительности! — припоминались слова одного моего пріятели передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. — Ты полагаешь уйти для отдохновенія отъ такъ называемой гражданской скорби въ уединенныя мѣста? Не уйдешь, — и въ уединенныхъ-то мѣстахъ скорбь-то эта еще злѣе тебя будетъ грызть, чѣмъ здѣсь, въ центрѣ... Ты здѣсь, въ центрѣ-то, можешь скорбѣть и думать о какомъ бы то ни было, зараженномъ, по твоему мнѣнію, зловреднымъ микробомъ, насущномъ для всей страны вопросѣ, не въ мелочахъ его, не о дѣйствіяхъ микроба, который надо разсматривать въ микроскопъ, а вообще въ общемъ объемѣ заразы насущнаго общественнаго вопроса... А тамъ, въ глуши-то, ты дѣйствительно можешь отдохнуть отъ угнетающей мысли объ общемъ недугѣ, но тамъ преподнесетъ тебѣ тѣ

же качества недуга ничтожный микробъ, участникъ общаго недуга, мелкая тварь, проявляющая качества общей заразы въ практическомъ примѣненіи. Тамъ, на твоихъ глазахъ, эта микроскопическая тварь обнаружить всѣ свои «права» на безпрепятственное распространеніе вокругъ себя заразы... Тамъ, въ глуши-то, какой-нибудь волостной писарь, какъ микробъ, участвующій въ разложеніи и зараженіи насущнаго вопроса жизни, преподнесетъ тебѣ всю сумму лжи отъ внесенной имъ заразы въ самомъ микроскопическомъ ноступкѣ, но ядъ-то заразы скажется все тотъ же, что и въ общемъ зараженномъ вопросѣ...

Припомнивъ этотъ разговоръ, я почему-то вспомнилъ объ урядникѣ и о господинѣ, имѣвшемъ, вслѣдствіе особенной формы шапки, какія-то права. При его содѣйствіи (то-есть содѣйствіи шапки) можно было посадить на мель пароходъ, потому что онъ исполнялъ свои обязанности, именно снималъ съ мели баржу съ хлѣбомъ, т. - е. облегчалъ работу тружениковъ, которые не въ силахъ отпихнуться шестами. Потому-то, что онъ исполнялъ священные обязанности, онъ и преградилъ путь пароходу; если же пароходъ, чтобы не разбиться, долженъ былъ всунуться въ мель, то это не касается особенной фуражки, — фуражка только разрѣшаетъ помочь своимъ служащимъ пароходу и за труды просить не она, а рабочіе; это одолженіе, потому что баржа засѣла и требуетъ исполненія обязанности снять ее и предоставить пароходъ самому себѣ. Микробъ, очевидно, былъ участникомъ въ общемъ недугѣ — объяснять корыстные побужденія и цѣли самопожертвованіемъ, исполненіемъ священныхъ обязанностей. Несомнѣнно, что и урядникъ также участникъ въ зараженіи какимъ-нибудь общественнымъ недугомъ, точно также какъ и недугъ — потатчикъ дѣятельности микробовъ.

Вообще «микробъ», вспомнившійся мнѣ, навелъ меня почему-то на довольно ясныя представленія о бессмыслицахъ, совершившихся въ теченіе дня. Микробъ въ видѣ урядника появился на пароходѣ раннимъ утромъ втораго дня.

— Тихій ходъ... задній ходъ! — прозвучалъ басоватый голосъ капитана по мѣдной трубѣ, и пароходъ, сдѣлавъ то и другое, остановился и принялъ кого-то съ лодки.

Это и былъ урядникъ Псуновъ, въ полной формѣ, съ портфелемъ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Его фигура производила впечатлѣніе какой-то прыгающей и непрестанно движущейся птицы, чему особенно способствовало выраженіе его совершенно птичьихъ глазъ и птичьяго носа. Но, несмотря на обы-

денность этой птичьей физиономіи, обязанности «упорядоченія» приучили этотъ птичій носъ и этотъ птичій глазъ соваться во всѣ мѣста, куда только ихъ можно сунуть: въ ведро съ водой, въ машину, за бортъ, въ пассажира, въ пріотворенную дверь, въ кошелекъ, если онъ окажется въ чьихъ-нибудь рукахъ, въ карманъ, откуда достаетъ проѣзжіи папиросы и куда ихъ кладетъ, не говоря уже о безпрестанномъ сованіи носа въ буфетъ, откуда то и дѣло слышался звукъ птичьаго носа о стекло рюмки. Въ этомъ сованіи носа и глазъ во все и во вся, несмотря на птичій типъ лица, однакожь, и тогда уже ощущалась возможность какихъ-то послѣдствій, которыя птичій глазъ вправѣ былъ «предусмотрѣть», но пока свойственный его обязанностямъ микробъ не обнаружился, онъ былъ самъ по себѣ и выяснялъ собственную свою суть съ нескрываемою откровенностью.

— Вы что-жь это билетъ-то третьаго класса взяли?—спросилъ его служащій въ буфетѣ, неспѣша направляясь съ посудой за кипяткомъ и остановившись отъ нечего дѣлать поболтать.

Урядникъ только что взялъ билетъ, причеъ не преминулъ всунуть птичій носъ и птичій глазъ во все, что можно было видѣть въ каютѣ пассажира, если, притомъ, просунуть голову въ кассовое окно.

— Впрочемъ,—продолжалъ служащій,— по военному-то положенію вы, кажется, во второмъ классѣ можете ѣхать?

— Во-первыхъ,—проскрипѣло птицеобразное существо,— по военному положенію ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, а, во-вторыхъ, въ нашемъ сословіи въ три норы можно отъ воинской-то повинности проскользнуть!... Ты какого сословія?

— Обыкновенно изъ помѣщичьихъ, бывшихъ...

— А я изъ духовнаго! Понимаешь ты разницу? Тебѣ дѣло неминуемое—иди! А я въ три норы могу шмыгнуть и подъ пулю не попаду! Понимаешь?

— А какъ изъ норы-то вытаскать за хвостъ?

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Вашего брата вытаскать! И попадись кто изъ такихъ же урядниковъ—выдерну за хвостъ! А меня не выдернешь! Не въ одну нору, такъ въ другую, не въ другую, такъ въ третью!

— Такъ, вѣдь, у васъ сабля и все прочее по-военному. Стало быть, не ушли въ нору-то.

— Тѣмъ-то и ушелъ, что въ урядники нырнулъ, понимаешь? Не понимаешь!... А когда я тебѣ скажу, что и въ дяконы или въ священники могу поступить, такъ ты и вовсе ошалѣешь!

— Изъ урядниковъ?—съ изумленіемъ спросилъ служащій.

— А какъ бы ты думалъ? Почему офицеръ или тамъ чиновникъ какой можетъ идти въ монахи, а изъ духовнаго званія не можетъ?

— Вы, стало быть, изъ духовныхъ?

— Про то-то я и говорилъ!... И даже вотъ что я тебѣ скажу: даже курса я не окончилъ, а, все-таки, могу нырнуть отъ солдатчины въ три норы. Въ первый разъ нырнулъ я отъ солдатчины въ учителя, въ сельскіе. Подзубрилъ, поклонился, выскользнулъ изъ экзамена, у родственника въ селѣ пристроился... Пришла повинность, не тронули: «учитель!»—(плутовская ужимка).— Живу годъ, полтора, а ѣсть-то почитай нечего... Бросить мѣсто—солдатчина! Жду, не будетъ ли чего хорошаго? Хватъ—урядникъ объявился... «Кто пойдетъ въ урядники—не пойдетъ въ солдатчину!» Я, Господи благослови, прошеніе,—ту же минуту прямо верхомъ на лошадь, саблю надѣлъ и... слава тебѣ, Господи!...

— Стало быть, изъ духовныхъ можно?

— Да вотъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, адвокатъ одинъ изъ духовныхъ въ дьяконы постриженъ. Ну, чего еще тебѣ? Вѣдь, онъ изъ духовныхъ?

— Такъ ужъ ему бы и идти прямо въ духовные.

— Да понимаешь ли ты, отчего я-то, напримѣръ, нырять-то? Неокончившихъ не постригали, много было окончившихъ, а теперь не хватаетъ окончившихъ-то... Вотъ и мнѣ, и адвокату можно стало... Вотъ въ чемъ расчетъ-то!

Птичій обликъ урядника даже засіялъ при послѣднихъ словахъ, и онъ хитро подмигнулъ служителю, какъ бы говоря: «Ну-ка, изловчись этакъ-то!» Но засіялъ этотъ ликъ отъ собственнаго своего удовольствія, не касающагося высшаго назначенія птицеобразнаго существа.

Ни служащій, ни понемногу собравшіяся вокругъ разговаривающихъ разнаго рода народъ, два-три матроса въ красныхъ рубахахъ и кожаныхъ шапкахъ, никто не ощущалъ въ этомъ птицеобразномъ существѣ ничего, кромѣ птичьихъ мыслей, ничтожества его уловокъ и влияній, и, однакожь, вотъ это-то птицеподобное существо могло обнаружить себя въ поступкахъ, значительно превышающихъ его птицеподобныя душевныхъ качествъ свойства.

Не прошло и трехъ часовъ послѣ того, какъ птицеобразное существо появилось на пароходѣ, какъ ужъ всѣ мы, не одѣтые въ крестьянское платье, мирные обыватели, неожиданно увидѣли себя

во власти птичьего глаза и птичьего носа, и птичий носъ находилъ возможнымъ распорядиться нами по собственному усмотрѣнiю.

— Нѣтъ-съ, политическiе преступники! — трещалъ онъ во всю силу своего птичьего голоса, — не позволю-съ!... Нѣтъ-съ!...

Онъ продолжалъ прыгать и метаться изъ стороны въ сторону, между всѣми политическими преступниками, которыхъ онъ вызвалъ для составленiя протокола. Микробъ, до мозга костей проникнутый сознаниемъ своего назначенiя и ожесточенный полною возможностью проявить его, не обращалъ никакого вниманiя на протесты обвиняемыхъ имъ мирныхъ обывателей.

— Какъ же ты смѣешь орать на весь пароходъ? Составлю протоколъ, пьяная морда! Не смѣй позорить передъ народомъ!...

— Не позволю! — трясъ пальцемъ передъ лицомъ каждаго преступника и трясаясь отъ злобы, кричалъ микробъ, — не позволю политическихъ поступковъ!...

— Ахъ, ты, дуракъ!...

— За носъ! За носъ политическаго преступника!... Не уйдетъ отъ меня! За носъ, за носъ его, въ темненькое мѣсто!

— Оторвешь носъ-то! — громко сказалъ какой-то преступникъ, — такъ какъ хотя микробъ и былъ озлобленъ и трясъ грозящимъ пальцемъ у лица каждаго подсудимаго, но исполнить этого не посмѣлъ, и, вмѣсто того, на самомъ себѣ представилъ, какое униженiе будетъ для преступника, если онъ, микробъ, приведетъ въ дѣйствiе свое право. Злоба его была такъ велика, что онъ рѣшительно забылъ о собственномъ своемъ носѣ и теребилъ его съ тою же злобой, какъ бы у него въ рукахъ былъ носъ преступника.

— Вотъ какъ, вотъ какъ-съ! Пожалуйте, го-спо-динъ преступникъ, въ кон-то-ру для протокола!

И онъ самъ притянулъ себя за носъ внизу, согнулся, какъ согнулся бы, по его мнѣнiю, преступникъ, и, дергая за воображаемый носъ, какъ бы упираясь, изображалъ, какъ онъ неумолимо тянетъ преступника съ парохода въ контору.

— Вѣдь, ей-Богу, оторвешь носъ!

— Брось, дуракъ! Носъ-то посинѣлъ!

— По-жа-луй-те, преступники!

Всѣ неполитическiе преступники только хохотали, но «политическiе» сами находили, что надобно составить протоколъ на слѣдующей станци, вызвавъ г. исправника.

— Исправника? — хрипѣлъ неистово урядникъ и сдѣлалъ изъ пальцевъ такое соединенiе, которое вызвало еще нѣсколько самыхъ откровенныхъ ругательствъ. — Вотъ что исправникъ вамъ пока-

жетъ, вотъ!... Я священную... не позволю!... Моя священная обязанность... Исправникъ! Вотъ, извольте поглядѣть!... Н-нѣтъ! Политическій преступникъ!... Пожалуйте...

— Оторвешь!...

Какъ все это ни было бессмысленно и подло, но подсудимые, о злоумышленіяхъ которыхъ, все-таки, слышитъ много народу, который ничего не знаетъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ думать, что хоть урядникъ и пьянъ, а все-таки, было что-нибудь, не могли не выдти изъ этого положенія, не объясняя, изъ-за чего вышла вся чепуха. Всякій изъ нихъ подходилъ къ первому встрѣчному и въ нѣкоторомъ волненіи говорилъ:

— Ну, посмотрите, пожалуйста! Вѣдь, чортъ знаетъ что натворилъ! Разговоръ шель объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ...

— Не будетъ у меня политическій преступникъ!... О священ-ныхъ...

— Вѣдь, какое животное! Какъ, вѣдь, поймалъ! Дѣло шло объ Угличѣ, о дворцѣ Димитрія-царевича. Ну, извѣстно, какой былъ у Государя Николая Павловича взглядъ: взглянетъ своимъ воору-женнымъ взглядомъ — такъ, вѣдь, аминь!

— Нѣтъ. Дѣло было такъ, — рѣшительно говорить одинъ изъ преступниковъ, стараясь распутать дѣло по возможности въ послѣ-довательномъ видѣ. — Дѣло было такимъ образомъ. Мы всѣ, вотъ четверо, пришли во второй классъ пить чай; этотъ балбесъ былъ уже пьянъ, — бутылка водки, пиво, селедка... Садимся пить чай; онъ начинаетъ соваться въ разговоръ, мы сначала не обращаемъ вниманія, потомъ кто-то говоритъ: «Что вы мѣшаете?» Обозлился, осырывается: «Вы не имѣете права мнѣ запрещать. Вы разговари-ваете и я разговариваю. Вы мнѣ тоже мѣшаете...» Затѣмъ ворчалъ и кривлялся и пробовалъ дѣлать замѣчанія. Подошелъ Угличъ, вы-шли посмотрѣть, опять пришли чай пить, — опять онъ торчитъ... Бутылки поставилъ и золь, какъ чортъ, не къ чему только при-даться... Вотъ въ это время и начинаетъ Иванъ Ѳедоровичъ (вотъ они) рассказывать про посѣщеніе Углича Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Дворецъ-то старый, ветхій; такъ вотъ одинъ купецъ и поусердствовалъ, закрасилъ всѣ древніе рисунки, раззолотилъ букетами и думаетъ, что очень его похвалятъ. Только что самъ Им-ператоръ-то глянулъ, осерчалъ и грозно эдакъ сказалъ: «Какой ду-ракъ посмѣлъ это сдѣлать?...» Бупчишки-то ужъ ни живы, ни мертвы. Ну, вотъ, въ это-то время пьяная тварь и зашумѣла. «Ба-а-а!... про священныхъ особъ?... Протоколъ!...»

— Да какъ же онъ смелъ изъ этого политическое преступленіе?—недоумѣвая, говорилъ я.

— А несь его знаетъ!... Должно быть, я когда сказалъ *дуракъ* и плюнулъ на него, вотъ его и взорвало... А сказалъ - то я громко.

— Отчего это онъ взбѣленился?—спросилъ я служащаго, который съ нимъ разговаривалъ утромъ.

— Да онъ на меня-то и взбѣлся. Я ему говорю: можете идти во 2-й классъ закусывать, господа ушли наверхъ. Такъ онъ на это какъ окрысился. «Мнѣ вездѣ ходъ. Я вездѣ могу слѣдить!»—хлопнулъ по портфелю и говорить: «Кто сюда попалъ — ползать будетъ передо мной!... Боюсь я твоихъ господь!...» Ну, я ушелъ и всѣ отъ него посторонились. Вотъ онъ и сталъ водку-то пить со зла...

— Дозволять... о священныхъ... Я священныя обязанности...—хрипѣлъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ микробъ. — Нѣтъ! по-ли-ти-ческій преступникъ, поди-ка поползай, поползай...

— Очень жалѣю,—сказалъ ему капитанъ,— что тебя не ссадилъ на мель!

— Ссадите его, въ самомъ дѣлѣ, на берегъ.

— Нѣтъ, пускай, негодяй, протоколъ пишетъ. Посмотримъ, мы сами протоколъ составимъ.

Микробъ дѣлалъ знакъ пальцемъ:

— Вотъ! Выкуси, политическій преступникъ!

— И скажите, пожалуйста,— съ сожалѣніемъ и потихоньку заговорилъ со мною благообразнаго типа купецъ,— сколько мы времени читаемъ, будетъ *институтъ* урядниковъ, а все нѣтъ! Вѣдь, мы видимъ, ежели студентъ пріѣдетъ,—какая разница! Изъ технологическаго или, на примѣръ, лѣснаго, изо всѣхъ институтовъ дородѣй народъ выходитъ! И, вѣдь, этого бы ежели оболванить, обтесать его, какъ дубовое дерево, вѣдь, и онъ бы не посмѣлъ безобразничать. А то институтъ, институтъ...

Благообразный купецъ махнулъ рукой и ушелъ, а свалка продолжалась попрежнему.

— Свободы требуютъ! Чтобъ никакого не было закону! — откуда-то съ верхней площадки провозгласилъ какой-то возмущенный обыватель.

— Ду-б-би-ну Пет-ра Великаго надо! Ду-б-бину воз-ста-новить!—громогласно, на весь пароходъ и на всѣ берега, провозгласилъ какой-то другой обыватель съ дальняго конца парохода.

— Соціализму захотѣли!

— Д-у-у-би-ну Пе-тра Вели-каго! — упорно гремѣлъ во всеобщее поученіе огромнѣйшій басъ, а въ то же время не прекращались визгливые выкрики микроба:

— Поползаешь, политическій преступникъ, какъ прищемлю носъ-то!...

Наконецъ, пришли къ пристани. Микробъ ни мало не унимался: «Извольте-съ пожаловать въ контору!» — и побѣжалъ по мосткамъ, а за нимъ пошли всѣ преступники, чтобы послушать, что будетъ говорить микробъ, а въ то же время потребовали капитана. Городовой побѣжалъ въ городъ къ исправнику. Постороннюю публику микробъ удалилъ изъ конторы и оставилъ только преступниковъ, въ числѣ которыхъ оказался и я. Микробъ принялся строить; но едва онъ спросилъ одного изъ преступниковъ: «имя?» — такъ этотъ преступникъ, а за нимъ и всѣ прочіе ушли вонъ изъ конторы. «Нѣтъ, когда пріѣдетъ исправникъ, такъ ты тогда прежде всѣхъ имя-то твое говори, а потомъ уже и мы скажемъ». Ожиданіе пріѣзда исправника нѣсколько подбодрило публику. Явилась даже надежда упечь микроба, — свидѣтелей множество, безобразіе явное... Но исправникъ не пріѣхалъ, а пріѣхалъ, довольно поспѣшно, какой-то помощникъ пристава, — и микробъ встрѣтилъ его какъ большаго пріятеля, потрепалъ даже по плечу... Политическіе преступники всѣ столпились около помощника пристава. Капитанъ былъ до глубины души возмущенъ этимъ своевольствомъ на его пароходѣ, такъ какъ публика можетъ на него жаловаться его начальству за допущеніе такихъ безобразій, и настоятельно требовалъ составленія протокола о поступкахъ микроба. Но политическіе преступники значительно ослабили дѣло протеста. Они такъ же громко и раздраженно выражали свои требованія, какъ и капитанъ, но понемногу въ этихъ требованіяхъ стало слышаться слово: «наплевать!» Микробъ былъ въ это время совершенно не при чемъ и только по временамъ ощупывалъ свой носъ, хотя протоколъ и показывался помощнику. «Наплевать», сказанное съ глубочайшимъ негодованіемъ, нѣсколько разъ, нѣсколькими преступниками, было именно то рѣшеніе, которое до чрезвычайности обрадовало помощника пристава: «Ап-солютно наплевать-съ, — прижималъ онъ руки къ груди въ знакъ поспѣшнаго согласія. — Наплевать, вполнѣ и исключительно наплевать — и конецъ дѣлу! Почему же предпочитать непріятности? Я составлю, но беспокоиться... не стоить игра свѣчь!...» — «Наплевать! Наплевать! Наплевать!...»

Этими возгласами оглашался пароходъ, отчаливая отъ приста-

ни, а урядникъ шель вмѣстѣ съ помощникомъ пристава, обнявъ его по-пріятельски за спину.

Пріятель мой былъ совершенно правъ. Нездоровье общаго организма и въ микробѣ, его заражающемъ, оказывается, можетъ быть выражено во всей полнотѣ недуга. Животворныя впечатлѣнія исчезли безъ слѣда, и, что всего ужаснѣе, пароходъ Зевеке долженъ былъ везти меня по пути, въ концѣ котораго предстоитъ увидѣть собственными глазами одно изъ самыхъ изъѣденныхъ микробами общественныхъ дѣлъ, именно дѣло переселенческое. Нѣтъ надобности говорить, что дѣло это томило своимъ недугомъ общественное сознаніе въ теченіе многихъ лѣтъ подъ-рядъ... Отдохновения, слѣдовательно, никоимъ образомъ не предстоитъ. Множество микробовъ, которые разъѣдаютъ его, давно уже поняты и изслѣдованы, но разъѣданіе продолжается неизмѣнно какъ на старыхъ мѣстахъ, такъ и на новыхъ, поэтому, кромѣ величайшаго огорченія, ничего не предстоитъ отъ этой поѣздки... Но, въ минуту такихъ мрачныхъ размышленій, въ каюту, гдѣ я лежалъ на койкѣ, вошелъ нѣмецъ, — агентъ, который все время только хохоталъ и, какъ извѣстно, не попалъ въ политическіе преступники. Его совершенно нейтральное положеніе на пароходѣ, какъ чужеземца, его всегда сіяющее довольствомъ лицо возбудили во мнѣ желаніе вступить съ нимъ въ разговоръ, чего онъ, видимо, и самъ пожелалъ, съ улыбкой мотнувъ головой въ ту сторону, гдѣ произошли преступныя дѣйствія микроба.

«Нѣтъ, умѣютъ же они, нѣмцы, устраивать своихъ переселенцевъ, — подумалъ я, — да еще въ чужой сторонѣ!»

Вотъ въ чемъ заключалась причина знакомства съ нѣмцемъ и нашъ послѣдующій разговоръ.

Г. Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первая лекція въ Московскомъ университетѣ профессора И. М. Сѣченова.

(6 сентября 1889 г.).

По новому университетскому уставу, профессоръ, выслужившій свой срокъ, сохраняетъ за собою право преподаванія въ университетахъ, въ качествѣ привать-доцента. Этимъ драгоцѣннымъ правомъ я воспользовался; начальство соблаговолило допустить меня къ чтенію лекцій, и я, какъ бывшій воспитанникъ Московскаго университета, чувствую себя въ самомъ дѣлѣ очень счастливымъ, что имѣю, наконецъ, возможность послужить родному университету. Дѣятельность моя, какъ привать-доцента, должна заключаться въ томъ, чтобы содѣйствовать успѣхамъ преподаванія физиологій; и этой цѣли я думаю достигъ на первыхъ порахъ чтеніемъ специальныхъ курсовъ. Программа такого курса, представленная мною въ факультетъ, имѣетъ предметомъ «физиологію чувствованія», и чтенія предназначаются для гг. студентовъ, уже прослушавшихъ систематическій курсъ физиологій. Это значитъ — на своихъ лекціяхъ я буду предполагать въ слушателяхъ знакомство съ основными положеніями общей физиологій нервной системы и ученія объ органахъ чувствъ.

Въ этомъ смыслѣ на первомъ вопросѣ, подлежащемъ нашему разсмотрѣнію, какъ и въ какихъ предѣлахъ мы будемъ изучать акты чувствованія, останавливаться долго нечего. Извѣстно, что наша наука изучаетъ собственно связь этихъ явленій съ ихъ матеріальными субстратами, т. е. съ дѣятельностями органовъ чувствованія, включая, однако, въ кругъ изслѣдованія явленія и въ другихъ органахъ, которые или сопровождаютъ акты чувствованія, или послѣдуютъ за ними. Тамъ, гдѣ чувствованіе не можетъ быть приведено въ связь съ матеріальными основами, физиологическое изслѣдованіе по необходимости обрывается.

Кромѣ того, въ трудахъ великаго нѣмецкаго физиолога Гельмгольца по физиологической оптикѣ и акустикѣ мы имѣемъ прямые указанія, какъ и въ какихъ предѣлахъ прилагается физиологическое изслѣдованіе къ изученію актовъ чувствованія. Этихъ предѣловъ буду держаться и я.

Чувствованія, какъ акты сознанія, съ присущимъ каждому изъ нихъ специфическомъ характеромъ (то, чѣмъ отличается для сознанія свѣтъ отъ звука, вкуса и пр.), останутся внѣ круга нашего обсужденія; изученію же будутъ подлежать условія видоизмѣненія основныхъ формъ каждаго чувства и тѣ вторичныя явленія въ тѣлѣ, которыя вызываются актами чувствованія. Что разумѣть подѣ послѣдними, мы увидимъ сейчасъ ниже.

Послѣ того, какъ обозначенъ предметъ и предѣлы изслѣдованія, необходимо привести въ порядокъ подлежащій изученію матеріалъ, т.-е. подыскать, если возможно, какой-нибудь общій принципъ для классификаціи многообразныхъ актовъ чувствованія. На этомъ вопросѣ я долженъ, наоборотъ, остановиться съ нѣкоторою подробностью, такъ какъ въ учебникахъ физиологіи вы не найдете на него отвѣта, а также потому, что изъ развитія этого вопроса вытечетъ самъ собою весь планъ нашихъ бесѣдъ.

Извѣстно, что современная физиологія смотритъ на животное тѣло какъ на своеобразно-устроенную машину, всѣ работы которой направлены, въ концѣ-концовъ, къ тому, чтобы поддерживать индивидуальную жизнь *), т.-е. сохранять, наперекоръ разрушающимъ влияніямъ, анатомическую и физиологическую цѣлость тѣла въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени. Извѣстно далѣе, что рабочими органами въ тѣлѣ по преимуществу служатъ мышцы и железы. Первые производятъ работы чисто-механическія, вторыя приготавливаютъ различные соки. Всякому изъ васъ, наконецъ, извѣстно, въ какомъ отношеніи стоитъ нервная система къ рабочимъ органамъ и ихъ дѣятельностямъ. Подобно тому, какъ фабрикація различныхъ соковъ распредѣлена между различными железами, такъ и различные виды движенія распредѣляются между раздѣльными группами мышцъ, изъ коихъ однѣ производятъ, напримѣръ, сгибаніе или разгибаніе членовъ, другія—суживаютъ или расширяютъ просвѣтъ трубчатыхъ органовъ, третьи—двигаютъ туловищемъ и пр. Такой раздѣльности рабочихъ органовъ должна, очевидно, соответствовать и раздѣльность связанныхъ съ ними нервныхъ снарядовъ, въ случаѣ, если послѣдніе принимаютъ непосредственное участіе въ дѣятельности данной железы или данной мышечной группы. Но кто же изъ насъ не знаетъ такого участія? Въ тѣлѣ нѣтъ ни единой мышцы, которая приходила бы въ нормальную дѣятельность иначе, какъ подѣ влияніемъ импульсовъ, или толчковъ, изъ нервной системы; и то же самое повторяется на многихъ железахъ (слюнныхъ, потовыхъ, слезныхъ, желудочныхъ и, вѣроятно, на железахъ молочной и поджелудочной). Разрушите, напримѣръ, у лягушки головной и спинной мозгъ, или, еще лучше, отравите животное кураре, и оно теряетъ всякую способность двигаться, хотя мышцы на искусственное раздраженіе (электричествомъ) и отвѣчаютъ сокращеніемъ. Перерѣжьте собакѣ барабанную струну, и подчелюстная желе-

*) Половую дѣятельность, какъ не составляющую необходимости для поддержки индивидуальнаго существованія, я оставляю при этомъ въ сторонѣ.

за перестаетъ давать нормальный сокъ, хотя и сохраняетъ способность выдѣлять жидкость (такъ называемую параличную слюну).

(Показывается опытъ съ электрическимъ раздраженіемъ мышцъ на лягушкѣ съ разрушенною центральной нервною системою).

Значитъ, вся двигательная машина тѣла, представленная мышцами, и многія железы работаютъ нормально не иначе, какъ подъ вліяніемъ толчковъ изъ нервной системы, хотя тѣ и другіе органы устроены такъ, что могутъ приходить въ дѣятельность и помимо нормальныхъ нервныхъ вліяній, при помощи, напримѣръ, искусственныхъ раздраженій. Какъ же помирить эти два факта—необходимость нервныхъ толчковъ для нормальной дѣятельности железы и мышцы и, въ то же время, извѣстную независимость тѣхъ и другихъ отъ нервныхъ вліяній?

Примирить это очень легко, если мышцы и железы, вмѣстѣ съ ихъ нервными снарядами, приравнять машинамъ. Тогда мышцу, наприм., въ ея связи съ нервами, можно разсматривать какъ существенную часть машины, предназначенной производить механическую работу, а нервный аппаратъ считать придаткомъ, соответствующимъ тому, что въ машинахъ называютъ обыкновенно регуляторами. Это суть придатки, при посредствѣ которыхъ машинистъ пускаетъ машину въ ходъ, усиливаетъ, ослабляетъ или вовсе останавливаетъ ея дѣятельность. Въ отношеніи мышцъ и (нѣкоторыхъ) железъ нервная система есть инициаторъ ихъ дѣятельности; и такъ какъ послѣдняя, подобно дѣятельности машинъ, является временами (въ связи съ извѣстными потребностями организма) то усиленной, то ослабленной, то совсѣмъ остановленной, то явно, что вся эта регуляція выходитъ цѣликомъ изъ нервной системы.

Въ большинствѣ общеизвѣстныхъ машинъ регуляціей завѣдуетъ машинистъ,—его рука пускаетъ въ ходъ тотъ или другой придатокъ. Но есть въ машинахъ и такіе регуляторы, которые замѣняютъ руку машиниста, приходя въ цѣлесообразную дѣятельность, какъ говорится, сами собою, но, въ сущности, подъ вліяніемъ измѣняющихся условій въ ходѣ машины. Наибольше извѣстнымъ примѣромъ такого регулятора можетъ служить предохранительный клапанъ въ паровикахъ Уатта. По мѣрѣ того, какъ напряженіе пара въ котлѣ возрастаетъ за извѣстный предѣлъ, клапанъ самъ собою увеличиваетъ отверстіе для выхода пара вонъ, и наоборотъ. Такихъ приспособленій извѣстно множество и всѣ они носятъ названіе автоматическихъ регуляторовъ.

Въ животномъ, какъ самодѣйствующей машинѣ, регуляторы, очевидно, могутъ быть только автоматическими, т.-е. приходятъ въ цѣлесообразную дѣятельность подъ вліяніемъ измѣняющихся условій въ состояніи или ходѣ машины. Поскольку дѣятельности такихъ регуляторовъ цѣлесообразна, постольку они способны замѣнять руку машиниста, руководимую разумомъ.

При такомъ взглядѣ на значеніе нервныхъ снарядовъ уяснить себѣ жизненный смыслъ актовъ чувствованія уже не трудно.

Чувствование соответствует дѣйствию сигнальной части регулятора. Приходя въ дѣятельность подъ вліяніемъ измѣняющихся условій въ состояніи или ходъ той или другой части животной машины, сигнальный снарядъ въ свою очередь приводитъ въ дѣятельность приспособленіе (въ видѣ движенія или отдѣленія сока), направленное къ устраненію ненормальности.

Такихъ регуляторовъ въ тѣлѣ множество и дѣятельность ихъ, въ сущности, направлена къ тому, чтобы охранять анатомическую и физиологическую цѣлость тѣла. Чувствование во всѣхъ этихъ регуляціяхъ играетъ, въ сущности, одну и ту же сигнальную роль; но проявленіе его и отношеніе къ той части снарядовъ, которою вызывается движеніе или отдѣленіе, представляютъ большія разницы. Последними я и воспользуюсь, чтобы привести чувствованія въ опредѣленную систему. Таковую классификацію я позволю себѣ назвать рациональной, потому что она, какъ увидимъ ниже, обнимаетъ собою тѣ двѣ стороны чувствованія (его качественное проявленіе и отношеніе къ движенію), которыми опредѣляется его физиологическій смыслъ, т. е. смыслъ для жизни тѣла. Описывать различныя категоріи регуляцій я буду, ради большей ясности, на примѣрахъ.

Первую категорію образуютъ дѣятельности наиболѣ простыхъ снарядовъ, служащихъ, такъ сказать, провинціальнымъ или дробнымъ интересамъ тѣла,—снарядовъ, обеспечивающихъ анатомо-физиологическую цѣлость отдѣльныхъ частей животной машины.

Въ глазу три такихъ регулятора: мигательный, слезный и фотомоторный. Первые два дѣйствуютъ совмѣстно, обеспечивая цѣлость и прозрачность передней части глазнаго яблока. Производимый ими эффектъ можно безъ всякой натяжки уподобить протиранію стекла мокрою тряпкой. Дѣятельность обоихъ вызывается внѣшними вліяніями на чувствующую поверхность глазнаго яблока; убѣдиться въ этомъ можно на множество ладовъ. Нормальныя внѣшнія вліянія такъ слабы, что не ощущаются нами; но стоитъ тѣмъ же вліяніемъ нѣсколько усилиться (вѣтеръ, холодный воздухъ, летучія ѣдкія вещества и пр.) и, рядомъ съ сознаваемыми ощущеніями, они вызываютъ усиленное слезотеченіе и миганіе. Такъ же дѣйствуетъ и всякая попадающая въ глазъ соринка. Наоборотъ, держаніе глаза закрытымъ устраняетъ миганіе. Акты начинаются раздраженіемъ чувствующей поверхности глазнаго яблока (волокна тройничнаго нерва), и возбужденіе переходитъ, съ одной стороны, на круговую мышцу вѣка (черезъ волокна личнаго нерва), съ другой—на слезоотдѣлятельную железу (черезъ слезныя вѣтви тройничнаго). Оба явленія принадлежать къ разряду рефлексовъ и, какъ таковые, становятся невозможными, когда чувствующая поверхность разобщена съ отражательнымъ центромъ (перерѣзкой тройничнаго нерва). Дѣятельность третьяго механизма заключается въ регулированіи количества свѣта, падающаго на сѣтчатку, путемъ суженія зрачка, по мѣрѣ усиленія свѣта. Это въ свою очередь рефлексъ (съ воло-

конъ зрительнаго нерва на волокна п. oculomotorii), происходящій внѣ нашего сознанія (въ еще бѣльшей степени, чѣмъ предыдущіе).

Спускаясь по головѣ ниже, мы находимъ въ актѣ чиханія, вызванномъ раздраженіемъ внутренней чувствующей поверхности носа, проявленіе дѣятельности снаряда, защищающаго входъ въ дыхательные пути противъ проникновенія туда инородныхъ тѣлъ и раздражающихъ веществъ. Двигательную половину акта составляетъ наполненіе легкаго воздухомъ черезъ ротъ съ послѣдующимъ сильнымъ и отрывистымъ обратнымъ токомъ воздуха изъ легкаго черезъ носъ наружу, къ чему нерѣдко присоединяется усиленное отдѣленіе слезъ (выводимыхъ наружу черезъ полость носа). Актъ опять рефлекторный.

Если человекъ, лежа на спинѣ, закинеть голову настолько назадъ, чтобы въ носъ можно было налить осторожно воды (форма опыта Э. Г. Вебера), то задній выходъ носовой полости замыкается, какъ при глотаніи, небною занавѣской. Актъ опять рефлекторный и соотвѣтствуетъ по смыслу захлопыванію клапана на протяженіи дыхательныхъ путей.

Въ гортани встрѣчаемъ подобные же защитительные механизмы. Кверху отъ голосовыхъ связокъ раздраженіе чувствующей оболочки гортани вызываетъ отраженное замыканіе голосовой щели, что соотвѣтствуетъ захлопыванію клапана, направленному противъ прониканія инородныхъ веществъ внизъ. Если же этотъ входъ пройденъ инороднымъ тѣломъ и слизистая оболочка раздражается подъ голосовыми связками, то раздраженіе вызываетъ кашель, актъ выталкиванія, соотвѣтствующій по смыслу чиханію.

Полость рта защищена противъ дѣйствія раздражающихъ веществъ слабѣе, но, все-таки, защищена отраженнымъ слюноотеченіемъ, вслѣдъ за раздраженіемъ стѣнокъ полости рта. Слюноотдѣлительные рефлексы цѣлесообразны, впрочемъ, и въ другомъ еще отношеніи: совпадая по времени съ поступленіемъ пищевыхъ веществъ въ полость рта и актами жеванія, они являются цѣлесообразными приспособленіями, въ смыслѣ экономнаго расходованія пищеварительнаго сока, — наступаютъ именно тогда, когда сокъ нуженъ для пищеварительныхъ и глотательныхъ цѣлей.

На пути изъ рта въ желудокъ, въ мѣстѣ, гдѣ глотаніе изъ акта, подчиненнаго волѣ, становится произвольнымъ, существуютъ нервно-мышечныя приспособленія противъ прониканія пищи въ носъ и дыхательные пути, происходящія помимо нашего сознанія; но рядомъ съ ними есть и такіе механизмы, рефлекторная дѣятельность которыхъ сознается всякимъ, — я разумѣю позывы на рвоту при раздраженіи небной занавѣски или корня языка и позывы на глотаніе, совпадающіе съ катарральнымъ набуханіемъ язычка (uvulae).

Въ желудкѣ извѣстны три регулятора: отдѣленіе желудочнаго сока подъ влияніемъ раздраженія слизистой оболочки во всѣхъ мѣстахъ, усѣянныхъ пепсинными железами; рефлекторная рвота, при раздраженіи слизистой оболочки близъ входнаго отверстія, и, наконецъ, спазматическое замыканіе выходнаго отверстія (sphincter pyloricus) вслѣдъ за наполненіемъ желудка пи-

шей. (Изъ тѣла животного, убитаго тотчасъ послѣ ѣды, можно желудокъ вынуть, и онъ не опорожняется, какъ бы ни былъ сильно растянутъ пищей). Цѣлесообразность первыхъ двухъ актовъ понятна изъ вышеприведенныхъ аналогичныхъ примѣровъ; что же касается третьяго, то цѣлесообразность его опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что для перевариванія пищи въ желудкѣ требуется время, значить открытый выходъ изъ этой полости былъ бы фактомъ не цѣлесообразнымъ.

Дѣятельность всѣхъ описанныхъ механизмовъ представляетъ слѣдующія стороны: всѣ они обезпечиваютъ цѣлость отдѣльныхъ частей или органовъ тѣла; во всѣхъ случаяхъ акты происходятъ по типу рефлексовъ (отраженныхъ движеній) съ машинальнымъ однообразіемъ и правильностью: за раздраженіемъ чувствующей поверхности роковымъ образомъ слѣдуетъ движеніе всегда одного и того же рода (т.-е. въ немъ участвуетъ всегда одна и та же группа мышцъ) и весь актъ осложняется или въ малой степени, или вовсе не осложняется сознательными ощущеніями. Несмотря на послѣднее—точнѣе, можетъ быть, на основаніи послѣдняго—слѣдуетъ во всѣхъ случаяхъ приписать чувствующимъ поверхностямъ нервныхъ снарядовъ значительную степень возбудимости вообще, а нѣкоторымъ изъ нихъ, кромѣ того, такъ называемую специфическую раздражительность. Такъ, зрачокъ особенно чувствителенъ только къ свѣту; позывъ на рвоту происходитъ не отъ всякаго прикосновенія къ нѣбной занавѣскѣ, наприм., отъ прикосновенія къ ней проглатываемаго пищевого кома рвоты не бываетъ; слюно-отдѣлительный аппаратъ возбуждается преимущественно дѣйствіемъ извѣстныхъ вкусовыхъ веществъ,—не всѣхъ безъ разбора,—и т. д. Если бы такая тонкая чувствительность или легкая возбудимость была во всѣхъ случаяхъ доказана, то ею можно было бы объяснить какъ сравнительную безсознательность актовъ, относя причину послѣдней къ крайней слабости нормальныхъ раздраженій, такъ и роковое послѣдованіе движеній за возбужденіемъ.

На границѣ между этою категоріей регуляцій и послѣдующею я ставлю акты опорожненія мочевого пузыря и прямой кишки отъ ихъ содержимаго. По достигаемому регуляторами результату, оба акта равнозначны выше разобраннымъ, обоими обезпечивается функціональная цѣлость извѣстныхъ органовъ. Но чувствованіе, которымъ начинаются акты, здѣсь уже всегда сознательное, и сигнальное значеніе его выступаетъ съ особенною ясностью. Я разумѣю позывы на мочу и выведеніе кала, въ основѣ которыхъ лежитъ, какъ извѣстно, чувственное раздраженіе слизистой оболочки пузыря и прямой кишки близъ выходныхъ отверстій содержимымъ той и другой полости. Другая съ виду существенная разница этихъ регуляцій отъ предъидущихъ заключается въ томъ, что здѣсь двигательная реакція не связана столь роковымъ образомъ съ сигнальнымъ знакомъ, какъ тамъ: человекъ, получивъ такой сигналъ, можетъ и не послушаться его голоса; такъ что актъ опорожненія обѣихъ полостей становится до извѣстной степени актомъ произвольнымъ. Пренебrecъ голосомъ человекъ можетъ изъ

самыхъ разнообразныхъ побужденій, слѣдовательно, между сигналомъ и цѣлесообразнымъ движеніемъ становится не только воля, но и разсужденіе. Кто не знаетъ, наконецъ, что опорожненіе обѣихъ полостей можетъ быть намѣреннымъ безъ всякаго чувственного сигнала?

Слѣдуетъ ли, однако, заключить изъ этого, что наши новые регуляторы устроены совсѣмъ по другому типу, чѣмъ прежніе, что здѣсь сигнальная и двигательная половина разъединены, а тамъ связаны другъ съ другомъ,— дѣйствительно, какъ части какой-нибудь машины.

Наблюденія и прямыя опыты говорятъ положительно противное. Оба снаряда рождаются у человѣка готовыми на свѣтъ и приводятся въ дѣйствіе въ первые мѣсяцы жизни, конечно, не сознательно-произвольно иннервацией. У взрослого они тоже могутъ происходить бессознательно. Извѣстно далѣе, что человѣкъ властенъ не слушаться сигналовъ лишь до известной степени. Позывъ, вначалѣ не сильный, можетъ съ теченіемъ времени сдѣлаться настолько настойчивымъ, что человѣкъ ему уступаетъ. А неудержимые позывы при искусственныхъ раздраженіяхъ шейки мочевого пузыря, или такіе же позывы въ натужныхъ поносахъ! Извѣстны, правда, случаи на тифозныхъ больныхъ и вообще на людяхъ въ бессознательномъ состояніи, что пузырь можетъ растягиваться до громадныхъ размѣровъ, не вызывая сокращенія опоражнивающихъ мышцъ; но явленіе это можетъ быть истолковываемо не только тѣмъ, что подавлена произвольная иннервация, а также и разстройствомъ въ сигнальной части снаряда. Не нужно забывать, кромѣ того, что въ пузырь дѣйствіемъ *detrusoris* *crinae* противо-дѣйствуетъ сверхъ мышечнаго жома еще жомъ эластическій; поэтому удерживать мочу должно быть легче, чѣмъ удерживаться, наприм., отъ кашля или чиханія. Но, вѣдь, отъ послѣднихъ человѣкъ можетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ тоже удерживаться; отъ миганія также. Съ другой стороны, и миганіе, и кашель, и чиханіе человѣкъ можетъ воспроизводить намѣренно, безъ всякой чувственной стимуляціи. Значитъ, разъединеніе сигнальной и двигательной половины акта при посредствѣ угнетающаго дѣйствія воли встрѣчается и на регуляторахъ первой категоріи. Вотъ, движеніе райка, вторая половина акта глотанія, дѣйствіе желудочнаго жома и отдѣленія железъ,—эти дѣйствительно не подчинены волѣ и быть воспроизведены намѣренно не могутъ. Значитъ, въ сущности, дѣло стоитъ слѣдующимъ образомъ. Тамъ, гдѣ рабочій органъ регулятора не подчиненъ волѣ, актъ имѣетъ прямо машинообразный характеръ, хотя бы возбужденіе вызывало сознательныя ощущенія; связь между сигнальной и двигательной частью снаряда кажется здѣсь прямой и неразрывной. Когда же рабочій органъ подчиненъ волѣ, то актъ можетъ происходить съ двоякимъ характеромъ: или машинообразно (кашель или чиханіе въ глубокомъ снѣ и пр.), или съ завѣдома воли; и вмѣшательство послѣдней можетъ быть выражено въ различныхъ случаяхъ различно рѣзко. Соотвѣтственно этому актъ пріобрѣтаетъ въ большей или меньшей степени характеръ сознательной произвольности, и связь между сигнальной и двигательной половиной регулятора съ виду разрывается.

Вторую категорию регуляцій представляют такъ называемыя *системныя чувства* съ ихъ двигательными вліяніями. Общимъ фономъ для относящихся сюда многообразныхъ проявленій служить то смутное валовое чувство (вѣроятно, изъ всѣхъ органовъ тѣла, снабженныхъ чувствующими нервами), которое мы зовемъ у здороваго человѣка чувствомъ общаго благосостоянія, а у слабаго или болѣзненнаго—чувствомъ общаго недомоганія. Въ общемъ, фонъ этотъ хотя и имѣетъ характеръ спокойнаго, равнаго, смутнаго чувства, вліяетъ, однако, очень рѣзко не только на рабочую дѣятельность, но даже и на психику человѣка. Отъ него зависитъ тотъ здоровый тонъ во всемъ, что дѣлается въ тѣлѣ, который медики обозначаютъ словомъ *vigor vitalis* и то, что въ психической жизни носить названіе душевнаго настроенія. Фонъ этотъ не всегда, однако, остается спокойнымъ: время отъ времени въ немъ происходятъ нормальныя возмущенія, и когда это случается, изъ общей чувственной картины выдѣляется та или другая специальная форма системнаго чувства, которая и становится тогда господствующей. Такихъ нормальныхъ или физиологическихъ формъ мы знаемъ нѣсколько: голодъ, жажда, половое чувство, позывъ на дѣятельность, усталость и сонливость; у патологовъ же этихъ формъ, какъ видоизмѣненій чувства недомоганія и боли, множество; о послѣднихъ мы, однако, говорить не будемъ.

Всѣ физиологическія формы системнаго чувства имѣютъ слѣдующія общія стороны. Вездѣ чувство отличается такою же нерасчленяемостью, какъ въ случаяхъ первой категоріи, представляя, какъ тамъ, одни лишь колебанія въ силѣ. Подобно предшествующимъ двумъ переходнымъ формамъ, системное чувство имѣетъ всегда характеръ *позыва* (позывъ на еду, питье и половое удовлетвореніе, на дѣятельность, отдыхъ и сонъ); поэтому, появляясь періодически, оно исчезаетъ вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ позыва. На этомъ же основаніи чувство развивается постепенно и столь незамѣтно, что уловить его начало невозможно. Но разъ развившись до извѣстной степени, оно всегда доходитъ до сознанія и вліяетъ, подобно основной смутной формѣ, очень рѣзко даже на психику. Возростая же въ еще большихъ размѣрахъ, чувство приобретаетъ, наконецъ, столь рѣзко выраженный импульсивный характеръ, что становится, *черезъ посредство психики*, источникомъ для многообразныхъ сложныхъ дѣятельностей, направленныхъ къ удовлетворенію позыва. Къ общимъ же характеристикамъ системныхъ чувствъ слѣдуетъ отнести ихъ топографическую неопредѣленность. Это значитъ слѣдующее: сознаваемые человекомъ ощущенія первой категоріи относятся имъ (и всегда правильно) къ той именно мѣстности, гдѣ раздраженіе падаетъ на чувствующую поверхность—причина миганія отнесется къ глазу, причина чиханія — къ носу и т. д.; тогда какъ голодъ, жажду, сонливость, половое чувство и проч. отнести къ опредѣленному мѣсту невозможно. На какомъ же основаніи можно сопоставлять этотъ рядъ крайне сложныхъ явленій съ описанными выше случаями первой категоріи?

Явленія здѣсь, дѣйствительно, несравненно сложнѣе, чѣмъ тамъ, но по своему основному смыслу они, все - таки, представляютъ проявленія дѣятельности устроенныхъ извѣстнымъ образомъ регуляторовъ. Голодъ и жажда, съ чувствомъ насыщенія, регулируютъ періодичность и количественную правильность пищевого прихода. Усталость служитъ сигналомъ для прекращенія дѣятельности. Половыми инстинктами обезпечивается цѣлость вида и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ за чувствомъ остается, какъ и прежде, значеніе сигнала, и сигнальный знакъ вызывается, какъ въ машинахъ, измѣненными условіями въ ихъ ходѣ. При этомъ, въ сущности, безразлично, какъ именно развивается то или другое системное чувство—если и для нихъ часть эквивалентная чувствующимъ поверхностямъ первой категоріи, или оно родится изъ возбужденій въ центральной части нервной системы (подобно, наприм., чувству задыханія). Суть дѣла въ томъ, что измѣненныя условія въ состояніи машины, какъ условія для приведенія въ дѣйствіе автоматическаго регулятора, и здѣсь всегда налицо *). Существенную разницу между системными и дробными регуляторами составляетъ, дѣйствительно, то, что послѣдніе вліяютъ лишь на небольшія группы мышцъ, а первые приводятъ въ дѣятельность, такъ сказать, всю двигательную машину тѣла. Но, вѣдь, и цѣли регуляціи въ обоихъ случаяхъ не одинаковы: дробными обезпечивается цѣлость маленькихъ участковъ тѣла, а этими—цѣлость всей животной машины и цѣлость вида. Другая разница еще рѣзче: системное чувство вызываетъ цѣлесообразную дѣятельность не иначе, какъ черезъ посредство психики, такъ что дѣятельность получаетъ сознательно-произвольный характеръ. Однако, послѣднее вѣрно лишь въ извѣстныхъ границахъ: у животныхъ при сильномъ голодѣ и во время течки дѣятельность имѣетъ вынужденный характеръ; долгая безсонница при сильномъ физическомъ утомленіи ведетъ ко сну даже при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ (извѣстно, наприм., что солдаты на передовыхъ севастопольскихъ батареяхъ спали подъ бомбардировку). Слѣдовательно, и съ этой стороны дѣятельность системныхъ регуляторовъ не представляетъ принципиальнаго отличія отъ дѣйствія снарядовъ, опоражнивающихъ пузырь и прямую кишку (оттого я и поставилъ послѣдніе два акта, какъ переходную ступень отъ первой категоріи ко второй).

И тамъ, и здѣсь основныя черты въ устройствѣ регулятора однѣ и тѣ же, только связь между сигнальною и двигательною частью становится все болѣе и болѣе сложной, достигая у человѣка, съ его высокою психическою организаціей, наибольшей запутанности.

Въ промежутокъ между второй и послѣдующей категоріей слѣдуетъ поставить ту смутно сознаваемую систему ощущеній смѣшаннаго происхожденія, которая сопровождаетъ всякое мышечное движеніе или, точнѣе, всякое перемѣщеніе частей костнаго скелета другъ относительно друга. Для

*) Не доводя до тѣхъ патологическихъ случаевъ, когда то или другое системное чувство извращено.

краткости (хотя и неправильно) эту сумму ощущений обозначают иногда словом «мышечное чувство». Другую промежуточную форму составляет система кожных ощущений, за исключением, впрочем, осязательных, которые относятся уже в последующую третью категорию.

Изъ жизненной практики всякому известно, что человекъ управляет своими движениями при посредствѣ двухъ чувствъ: зрѣнія и осязанія. Под контролемъ глаза движение направляется къ достиженію известной (видимой или мыслимой) цѣли, а достиженіе послѣдней сигнализируется для сознания тѣмъ же глазомъ или осязаніемъ, или обоими вмѣстѣ (иногда и при чими чувствами). Но, вѣдь, и слѣпой умѣетъ управлять движениями своихъ членовъ, и если онъ способенъ давать имъ надлежащее направленіе значить, и у него имѣется какое-нибудь другое контрольное чувство, эквивалентное зрѣнію. Такое чувство есть въ самомъ дѣлѣ, но оно присуще какъ слѣпому, такъ и зрячему, и заключается въ нашей способности чувствовать и оцѣнивать съ известною вѣрностью всякое измѣненіе въ относительномъ положеніи частей собственнаго тѣла, равно какъ и самый актъ перемѣщенія ихъ, происходитъ ли послѣднее пассивно, или произведено сокращеніемъ мышцъ. Ощущенія, которыми сопровождаются такіа перемѣненія имѣютъ смѣшанное происхожденіе, родясь изъ натяженій и расслабленій кожи и подлежащихъ слоевъ, преимущественно вблизи сочлененій, равно какъ изъ активныхъ сокращеній и пассивныхъ растяженій участвующихъ въ перемѣщеніи мышцъ. Нѣтъ сомнѣній, что ощущенія эти, несмотря на ихъ смутность, играютъ руководящую роль въ дѣлѣ координаціи сокращеній отдѣльныхъ мускуловъ; уловить механизмъ такой регуляціи путемъ хотя бы опыта до сихъ поръ не удастся. Чувственные основы тѣхъ понятій, которыя мы выражаемъ словами: верхъ, низъ, передъ, задъ, правое, лѣвое, прямо, впередъ, поворотъ, подъемъ, наклонъ, скорый, медленный, отрывочный и проч., суть показанія мышечнаго чувства.

Понимаемое въ такомъ обширномъ смыслѣ, мышечное чувство можетъ слѣдовательно, назваться ближайшимъ регуляторомъ движений, и, въ то же время чувствомъ, которое помогаетъ животному сознавать въ каждый, данный моментъ положеніе собственнаго тѣла въ пространствѣ, притомъ, какъ при покоѣ его, такъ и при движеніи. Оно представляетъ, слѣдовательно, одно изъ орудій ориентаціи животнаго въ пространствѣ и времени. Какъ таковое, мышечное чувство служитъ, очевидно, валовымъ цѣлямъ организма и родится, подобно системнымъ чувствамъ, не изъ какаго-нибудь отдѣльнаго маленькаго участка тѣла, а изъ цѣлыхъ системъ чувствующихъ органовъ. Будучи, дагѣ, столь же смутнымъ, какъ системное чувство, онъ въ противность послѣднему способенъ уже значительно видоизмѣняться смотря по мѣстности, изъ которой родится, и по характеру движенія. По слѣднимъ свойствамъ оно уже напоминаетъ чувствованія болѣе высокаго порядка, но по своей полной безстрастности стоитъ совсѣмъ особнякомъ.

Кожѣ присущи, помимо осязательныхъ, тепловыя и болевыя ощущенія. Первые изъ нихъ (тепловыя), по ихъ малой способности вызывать у жи

вотныхъ двигательныхъ реакціи, изучены очень плохо и касаться ихъ мы не будемъ. Болевыя же ощущенія служатъ, наоборотъ, источникомъ самыхъ разнообразныхъ движеній и изучены въ отношеніи ихъ связи съ послѣдними сравнительно подробно. Общій смыслъ относящихся сюда явленій вытекаетъ изъ слѣдующаго. Способность чувствовать боль развита по всей поверхности кожи и въ какой бы ея точкѣ боль ни причинялась, она повсюду сопровождается и у животнаго, и у человѣка цѣлесообразными движеніями одного и того же смысла: устранить, оттолкнуть причиняющую боль причину или уйти отъ раздражителя. Такія реакціи въ отношеніи къ каждой точкѣ кожи въ отдѣльности носятъ характеръ невольныхъ движеній и называются кожно-мышечными рефlekсами; вся же сумма реакцій, отнесенная ко всей поверхности кожи, является выраженіемъ дѣятельности крупнаго системнаго снаряда, обезпечивающаго цѣлость всей внѣшней поверхности тѣла, которая, очевидно, подвергается во время жизни животнаго наибольшимъ случайнымъ насиліямъ.

Въ основныхъ чертахъ устройство кожно-мышечныхъ снарядовъ повторяетъ собою то, что было сказано выше о наипростѣйшихъ регуляторахъ, въ которыхъ рабочій органъ подчиняется волѣ. Цѣлесообразный кожно-мышечный рефлексъ можетъ происходить безъ сознанія и съ машинообразною правильностью, но также осложняться сознательными ощущеніями, съ вмѣшательствомъ воли, и можетъ, наконецъ, воспроизводиться намѣренно, безъ участія какого бы то ни было чувственнаго раздраженія. Все отличіе этихъ явленій отъ дѣятельности простыхъ дробныхъ регуляторовъ заключается въ томъ, что здѣсь работаетъ неизмѣнно одна и та же группа мышцъ въ одномъ и томъ же направленіи, а тамъ мышечная группировка можетъ разнообразиться въ значительныхъ предѣлахъ и по числу работающихъ мышцъ, и по порядку сочетанія ихъ дѣятельностей во времени.

Послѣднюю категорію регуляцій составляютъ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ съ ихъ двигательными послѣдствіями.

Въ высшихъ органахъ чувствъ причисляютъ обыкновенно вкусъ и обоняніе. Животному оба эти чувства оказываютъ дѣйствительно очень важныя услуги, давая ему возможность разобраться между съѣдомымъ и не съѣдомымъ, чуютъ добычу и врага; но въ жизни человѣка показанія этихъ чувствъ стоятъ по своему значенію неизмѣримо ниже того, что дается зрѣніемъ, осязаніемъ и слухомъ. Тѣмъ не менѣе, и въ нихъ начинается уже сказываться та особенность, которою отличаются чувствованія этой 3-й категоріи отъ всѣхъ предшествующихъ формъ.

Если въ глазъ попадетъ соринка, то для вызываемаго ею чувственнаго эффекта безразлично, будетъ ли она деревянная, каменная или желѣзная, будетъ ли она имѣть правильную или неправильную форму, тотъ или другой цвѣтъ и пр.,—присутствіе ея причиняетъ глазу или только помѣху, или боль, мало отличающаяся въ послѣднемъ случаѣ даже отъ дѣйствія капли раздражающей жидкости. Другое дѣло, если разсматривать ту же соринку зрительно: глазъ различаетъ въ ней цвѣтъ и форму, и настолько опредѣ-

ленно, что показанія его могутъ быть выражены словомъ (т.-е. соотвѣтственными данному цвѣту и формѣ терминами). Вотъ этою-то способностью давать измѣнчивыя по формѣ чувственныя показанія, въ связи съ измѣнчивостью формъ раздраженія, и отличаются высшіе органы чувствъ отъ всѣхъ прочихъ чувствующихъ поверхностей; и причина этого лежитъ въ ихъ болѣе сложной и высокой организаци. Чѣмъ проще устроенъ воспринимавшій раздраженіе снарядъ, тѣмъ ощущеніе однообразнѣе по содержанию, и наоборотъ. Различныя степени совершенства различныхъ органовъ чувствъ въ этомъ отношеніи легко узнавать изъ обилія прилагательныхъ которыми человекъ выражаетъ на словахъ разныя стороны даваемыхъ имъ ощущеній. Обоняніе и вкусъ даютъ, напримѣръ, только три главныхъ категорій качествъ: пріятныя, непріятныя и ѣдкіе запахи и вкусы; но послѣдняя категорія представляетъ уже вмѣшательство болевыхъ ощущеній. Далѣе, вкусъ различаетъ: сладкое, горькое, соленое (прилагательное заимствовано отъ предмета) и кислое; а затѣмъ для ощущеній уже нѣтъ специальныхъ терминовъ, — качество опредѣляется принадлежностью къ предмету: вкусъ рябчика, сыра, вина и т. п. То же самое повторяется и на обоняніи: чувствованія и здѣсь крайне разнообразны, но терминовъ для нихъ нѣтъ. Оттого и говорятъ: запахъ мяты, ландыша, сигары, амміака и пр. Зрѣніе же даетъ намъ пять категорій: очертаніе или контуры, цвѣтъ, величину, тѣлесную форму, наконецъ, положеніе предмета относительно нашего тѣла. Нѣкоторымъ изъ нихъ соотвѣтствуетъ, въ то же время, множество видовыхъ формъ съ специальными названіями: кругъ, овалъ, треугольникъ и пр. для 1-й категоріи; красный, оранжевый, желтый и т. д. для 2-й; круглый, цилиндрическій, трехгранный и т. д. для 4-й. Сумма кожныхъ ощущеній еще разнообразнѣе по содержанию, такъ какъ сюда, кромѣ четырехъ зрительныхъ категорій (за исключеніемъ цвѣтной), входятъ тепловыя ощущенія, чувство гладкости и шероховатости, твердости, упругости и мягкости осязаемыхъ предметовъ. Разнообразіе звуковыхъ формъ, доступныхъ человѣческому уху, едва ли не наибольшее. Стоитъ только принять во вниманіе, что для части ихъ, правда, значительной, специальное словесное наименованіе (вродѣ, напримѣръ, опредѣленій цвѣта) невозможно, а возможно только условное выраженіе письменными знаками. Это звуки, артикулированные въ рѣчь—сложные звуки, изъ которыхъ каждый представляетъ опредѣленный звуковой образъ. Легко понять, что сумма всѣхъ лексиконовъ всѣхъ нарѣчій не представляетъ собою и сотой доли всего богатства формъ, потому въ лексиконахъ нѣтъ ни грамматическихъ флексій, ни интонацій живой рѣчи, ни того громаднаго разнообразія шумовъ и неартикулированныхъ звуковъ, которыми наполнена природа. Для животныхъ звуки человѣческой рѣчи недоступны по смыслу, но имъ знакомы многіе голоса въ природѣ и они знаютъ, частью по опыту, частью инстинктивно, ихъ цѣну.

Другую отличительную особенность высшихъ органовъ чувствъ составляетъ то, что даваемыя ими ощущенія не имѣютъ такого субъективнаго

характера, какъ, напримѣръ, боль или голодъ, а относятся сознаниемъ наружу къ произведшимъ ихъ причинамъ, объективируются. У животныхъ, судя по двигательнымъ реакціямъ, вытекающимъ изъ показаній ихъ органовъ, свойства эти стоятъ въ прямой связи со способностью чувствующихихъ снарядовъ возбуждаться внѣшними вліяніями издалека. Такъ, у собакъ обонятельныя ощущенія едва ли имѣютъ менѣе объективный характеръ, чѣмъ зрительныя и слуховыя. Къ человѣку же это правило неприменимо, потому что неидущія издалека осязательныя ощущенія имѣютъ у него объективный характеръ, а обонятельныя скорѣе субъективный и относятся наружу лишь путемъ опыта, при посредствѣ другихъ чувствъ.

Какъ бы то ни было, но разобранными двумя свойствами, расчлененностью впечатлѣній и отношеніемъ ихъ наружу къ производящимъ причинамъ, опредѣляется жизненный смыслъ высшихъ органовъ чувствъ.

Это суть орудія общенія животнаго съ внѣшнимъ предметнымъ міромъ. Съ нашей же точки зрѣнія, это суть орудія, при посредствѣ которыхъ животное получаетъ чувственные сигналы или знаки отъ внѣшнихъ предметовъ, настолько разнообразные по содержанию, насколько высоко развитъ воспринимающій ихъ органъ. Въ прежнихъ категоріяхъ сигналъ шелъ изъ собственного тѣла, а теперь изъ окружающаго животное пространства. Въ большинствѣ прежнихъ случаевъ регуляторъ имѣлъ значеніе только защитительнаго снаряда противъ вліяній, уже непосредственно подѣйствовавшихъ на тѣло. Теперь же смыслъ его расширился: приходи издалека, сигналы предувѣдомляютъ животное и, будучи разнообразными по содержанию, способны вызывать не машинально-однообразную двигательную реакцію, какъ прежде (вродѣ, напримѣръ, суженія отверстия, захлопыванія клапана и т. п.), а серіи подобныхъ реакцій. Отсюда же само собою слѣдуетъ, что послѣднія появляются отвѣтомъ лишь на такіе сложные чувственные знаки, которые мы приурочиваемъ къ внѣшнимъ предметамъ. Солнечный лучъ, падая на глазъ, способенъ вызвать сокращеніе зрачка, миганіе, поворачиваніе головы и пр.; но это не будутъ реакціи «зрительнаго снаряда». Видъ волга для овцы или видъ овцы для волга — вотъ тѣ сигналы или тѣ чувственные образы, о которыхъ здѣсь говорится и которые вызываютъ у обоихъ животныхъ двигательныя реакціи противоположнаго смысла.

Нужно ли прибавлять къ этому, что разбираемыя чувствованія служатъ тѣлу не иначе, какъ въ сознательной формѣ?

Сказаннымъ доселѣ службы высшихъ органовъ чувствъ, особенно зрѣнія, еще не исчерпываются. Благодаря способности глаза (вмѣстѣ съ двигательными снарядами глазнаго яблока) быстро схватывать формы и относительное положеніе внѣшнихъ предметовъ, животное не только получаетъ возможность не быть прикрѣпленнымъ къ мѣсту, но и способность къ быстрымъ передвиженіямъ. Глазу же животное обязано умѣньемъ различать съ разстоянія покоющіеся предметы отъ движущихся. Поэтому

зрѣніе (пространственное) считается *главнымъ орудіемъ ориентации животнаго въ пространство и времени.*

Если собрать теперь воедино все, что было сказано о службахъ высшихъ органовъ чувствъ и ихъ отношеніи къ движению, то регулирующее значеніе ихъ становится несомнѣннымъ и типъ регуляціи остается въ основныхъ чертахъ прежнимъ, представляя усложненія лишь въ деталяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нормально, сигналы вызываютъ здѣсь цѣлесообразныя двигательныя реакціи только черезъ психику, насколько съ сигналами связанъ для сознанія животнаго опредѣленный смыслъ; оттого связь между обѣими половинами регулятора можно назвать психомоторной. Огородное чучело внушаетъ, напримѣръ, воробьямъ ужасъ только въ теченіе нѣкотораго времени, а затѣмъ наблюденія и опытъ научаютъ ихъ не бояться этого самаго образа. Но, вѣдь, и позывъ на опорожненіе пузыря, вызывая произвольно-двигательную реакцію, долженъ имѣть для сознанія соответственный смыслъ. Значитъ, въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ еще принципиальной разницы между разбираемыми актами и предшествующими формами регуляціи. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые животныя съ отнятыми полушаріями, лишеныя, какъ говорится, сознанія, сохраняютъ еще способность оцѣнивать по смыслу наиболѣе простыя пространственныя отношенія, способны, напримѣръ, при передвиженіи не наткнуться на окружающіе ихъ предметы.

Другое усложненіе заключается въ томъ, что въ сферѣ высшихъ органовъ чувствъ сигналы очень часто остаются безъ всякаго двигательнаго отвѣта, или, по крайней мѣрѣ, безъ всякой цѣлесообразной двигательной реакціи. Находясь, напримѣръ, въ покоѣ, животное относится къ привычнымъ окружающимъ его предметамъ, повидимому, совершенно безучастно, а, между тѣмъ, эти впечатлѣнія, какъ сигналы, должны были бы вызывать реакціи. Отчего же ихъ нѣтъ? Отвѣтить на это значило бы рѣшить другой болѣе общій вопросъ: чѣмъ собственно выражается то состояніе центральной нервной системы, которое соответствуетъ одновременно ровному мирному теченію актовъ сознанія, т.-е. чувствованія, и двигательному покою тѣла? Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи извѣстно еще очень мало. Знаютъ только, что когда голова сосредоточенно занята мыслями мирнаго свойства, не возбуждающими, движенія въ тѣлѣ угнетаются и чувственные сигналы почти или вовсе не доходятъ до сознанія. Возможно, слѣдовательно, думать, что двигательному покою соответствуетъ родъ затормажennaго состоянія двигательной машины тѣла.

Усложненіе есть, наконецъ, и въ двигательной половинѣ регулятора. Голодъ способенъ поднять животное на ноги, способенъ придать поискамъ болѣе или менѣе страстный характеръ; но въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ, чтобы направить движеніе въ ту или другую сторону и видоизмѣнять его сообразно требованіямъ мѣстности и случайностямъ встрѣтъ. Это дѣло высшихъ органовъ чувствъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, т.-е. когда локомоторный снарядъ пущенъ въ ходъ, чувствительные сигналы

дѣйствуютъ не на ту или другую группу мышцъ, какъ въ случаяхъ, когда мы при покоѣ намѣренно сгибаемъ, напримѣръ, пальцы руки, или ногу въ колѣнѣ, и. т. п., а на нервную механику локомоціи. Благодаря этому, актъ передвиженія, въ своей примитивной формѣ машинообразно-правильный, пріобрѣтаетъ значительную степень гибкости, а такъ какъ видоизмѣненія его дѣятельности строго согласованы съ цѣлями движенія (утеканіе отъ врага или преслѣдованіе добычи) и условіями мѣстности, то движеніе получаетъ характеръ обдуманности, какъ будто животное разсуждаетъ, когда ему слѣдуетъ повернуть, когда перескочить, замедлить бѣгъ и пр. А, между тѣмъ, понятно, что на бѣгу для подобныхъ размышленій у животнаго нѣтъ времени. Значитъ, связь между сигналами и регуляторными импульсами на локомоцію должна быть при цѣлесообразности очень тѣсная.

Другими словами, и съ этой стороны разница между регуляціями разныхъ порядковъ не принципиальная.

И такъ, жизненное значеніе чувствованія въ тѣхъ предѣлахъ, которые обозначены въ началѣ лекціи, опредѣляется первѣе всего его отношеніемъ къ рабочимъ органамъ, его способностью вызывать цѣлесообразныя реакціи и уже на второмъ мѣстѣ качественною стороною чувственныхъ продуктовъ—способностью чувствованія видоизмѣняться, соотвѣтственно измѣненію условій возбужденія. Въ первомъ смыслѣ чувствованіе представляетъ одно изъ главныхъ орудій самосохраненія, во второмъ—орудіе общенія съ предметнымъ міромъ, одну изъ главныхъ основъ психическаго развитія животныхъ и человѣка. Первою стороною чувствованіе всецѣло принадлежитъ къ области фізіологіи, а второю оно связываетъ нашу науку съ психологіей.

Въ теченіе нынѣшняго семестра я буду разбирать только первую сторону чувствованія, а въ будущемъ стану излагать въ фізіологическихъ предѣлахъ ученіе о чувствованіи, какъ орудіи общенія съ предметнымъ міромъ. Въ нынѣшнемъ году спеціальнымъ объектомъ изученія будутъ для насъ нервные снаряды, связывающіе кожу съ мышцами костнаго скелета, а въ будущемъ—преимущественно глазъ.

Обзоръ матеріаловъ по общинному землевладѣнію, хранящихся въ вольно-экономическомъ обществѣ.

Въ изслѣдованіяхъ нашей поземельной общины остаются еще недостаточно выясненными тѣ изъ ея сторонъ, которыя касаются ея сельско-хозяйственного значенія. Вслѣдствіе этого, въ настоящее время многіе даже изъ сторонниковъ общиннаго землевладѣнія, желающіе его сохраненія, предлагаютъ подчинить его въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ различнымъ регламентаціямъ, какъ, напримѣръ: ограничить сроки передѣловъ, ввести принудительный сѣвооборотъ, регламентировать ширину полосъ, отиѣнить круговую поруку и проч., — однимъ словомъ, уничтожить многое изъ того, что составляетъ нѣчто существенное въ общинномъ землевладѣніи.

Въ основаніи такихъ мнѣній лежитъ, главнымъ образомъ, невыясненность многихъ подробностей общиннаго землевладѣнія, имѣющихъ чисто сельско-хозяйственное значеніе, и происходящая отсюда невозможность правильно объяснить связь явленій и порядковъ общинной жизни съ климатическими, почвенными и вообще сельско-хозяйственными условіями данной мѣстности.

Много также вліяетъ на ошибочность выводовъ разсмотрѣніе явленій общинной жизни съ такой точки зрѣнія, съ которой обыкновенно относятся къ явленіямъ жизни торговой и промышленной; т.-е. съ точки зрѣнія чисто-капиталистической. Свойственная этой точкѣ зрѣнія *мѣрка рублемъ и копѣйкой* совершенно неприменима къ жизни деревни, гдѣ сельскіе хозяева воздѣлываютъ землю и добываютъ изъ нея хлѣбъ не путемъ затраты капиталовъ, которыхъ нѣтъ, а путемъ прямого приложенія своихъ рукъ къ землѣ. Несмотря, однако, на это, капиталистическою мѣркой сплошь и рядомъ мѣряютъ сельско-хозяйственную и экономическую жизнь крестьянъ-общинниковъ, и, конечно, такое отношеніе къ дѣлу еще болѣе затемняетъ дѣйствительность крестьянской жизни.

Поправить это дѣло, конечно, можетъ только, во-первыхъ, дальнѣйшее изученіе подробностей общинной жизни, въ связи съ сельско-хозяйственными и вообще экономическими условіями данной мѣстности, и, во-вторыхъ, освѣщеніе этихъ подробностей отнюдь не съ точки зрѣнія капиталиста и биржевика.

Держась этого направленія, мы имѣли случай приложить его при ознакомленіи съ матеріалами, заключающими въ себѣ отвѣты разныхъ учреждений и лицъ на вопросы программы по сельской общинѣ, составленной географическимъ и вольно-экономическимъ обществами. Часть этихъ отвѣтовъ, какъ извѣстно, была напечатана въ 1879 г. на соединенныя средства названныхъ обществъ *), но остальная, болѣе объемистая часть еще остается пока неизданной и хранится въ вольно-экономическомъ обществѣ.

Получивъ разрѣшеніе бывшего предсѣдателя III отдѣленія вольно-экономическаго общества, Ѳ. Л. Барыкова, я ознакомился съ этими неизданными матеріалами и сдѣлалъ изъ нихъ выписки. Въ составленный по этимъ выпискамъ обзоръ я внесъ такія особенности общинныхъ явленій, которыя или вовсе не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, или же весьма мало были гдѣ-либо наблюдаемы. Затѣмъ я старался по возможности указывать на данныя, которыя могутъ пролить свѣтъ на причины установленія тѣхъ или другихъ общинныхъ порядковъ и обычаевъ. Имѣя, кромѣ того, въ виду, что невыясненность точнаго значенія многихъ словъ народнаго языка (которыя выражаются разными дѣйствіями по распределенію полей, ихъ измѣренію, по оцѣнкѣ качества почвы, а также приемы и способы обработки земли) ведетъ зачастую къ сбивчивымъ представленіямъ о порядкахъ общиннаго землевладѣнія, я помѣщалъ въ обзорѣ указанія на употребительнѣйшіе въ каждой общинѣ термины. А такъ какъ въ отвѣтахъ на программы нерѣдко встрѣчаются противорѣчія, вслѣдствіе чего показанія по одному отдѣлу программы не соотвѣтствуютъ показаніямъ по другимъ отдѣламъ, то я ставилъ себѣ правиломъ отмѣчать эти противорѣчія, приводя при этомъ, гдѣ возможно, указанія, которому изъ двухъ разнорѣчивыхъ показаній слѣдуетъ отдать преимущество.

Въ отвѣтамъ на вопросы многіе авторы присоединяютъ свои воззрѣнія на бытъ народа, на степень его умственного и нравственнаго развитія, его сельско-хозяйственныхъ знаній, а также и на пригодность или непригодность какого-либо общиннаго порядка для развитія сельскаго хозяйства и подъема вообще экономическаго благосостоянія. Я старался не обходить этихъ замѣчаній, не сообразивъ ихъ со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ доселѣ извѣстно по всѣмъ означеннымъ предметамъ изъ литературы по отчизновѣдѣнію вообще и по общинному землевладѣнію въ частности.

Имена составителей отвѣтовъ внесены въ обзоръ настолько опредѣленно, насколько они означены въ матеріалахъ; дѣлалъ я это въ тѣхъ видахъ, что, можетъ быть, когда-нибудь вольно-экономическому обществу или вообще кому-либо изъ частныхъ изслѣдователей понадобится обратиться за какими-либо дополненіями и разъясненіями къ авторамъ отвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ обѣщали продолженіе своихъ дальнѣйшихъ наблюдений общинной жизни.

Предварительно изложенія самаго обзора не будетъ лишнимъ сдѣлать

*) Т. I: *Матер. для изученія сел. позем. общины.*

нѣсколько *общихъ* замѣчаній относительно фактовъ, которые читатель встрѣтитъ въ обзорѣ. Такъ, въ обзорѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе свѣдѣній, касающихся передѣловъ. Вошло ихъ въ обзоръ сравнительно много по той причинѣ, что ими наполнены почти всѣ отвѣты на вопросы программы, а это въ свою очередь должно было случиться, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что большая часть вопросовъ касается различныхъ порядковъ по владѣнію землею, а съ другой—что самая дѣйствительность крестьянской жизни, всѣ вопросы этой жизни сводятся на предметъ о владѣніи землей даннаго качества и количества. Платежъ податей, отправленіе повинностей, устройство хозяйственныхъ дѣлъ, общественная служба, вопросы благоустройства, семейныя отношенія, — все это или прямо обосновано на пользованіи извѣстными долями земли, или тѣсно сопрягается съ этимъ пользованіемъ. Наконецъ, множество правственныхъ понятій, управляющихъ внутреннею жизнью деревни, находится въ неразрывной связи съ порядками, вытекающими изъ понятія о правѣ каждаго члена общества на какую-либо часть «мірской» земли. Но, кромѣ всего этого, передѣлы въ нашихъ деревняхъ еще связываются съ тѣми приемами и способами воздѣлыванія земли, которые обуславливаются у насъ климатическими и вообще естественными условіями страны. И дѣйствительно, сельско-хозяйственныя особенности Россіи требуютъ такихъ приемовъ и способовъ хозяйства, которые иногда трудно, иногда совершенно невозможно выполнить безъ того, чтобы въ нихъ приняло участіе возможно большее число людей, дѣйствующихъ по установленному плану и порядку. Краткость того періода времени, которое у насъ отводится природою для роста и созрѣванія хлѣбовъ и растений, ставитъ каждаго отдѣльнаго деревенскаго хозяина въ невозможность управиться со всѣми сельско-хозяйственными работами въ короткое лѣто. Такъ, наприм., при уборкѣ хлѣба, хозяинъ можетъ потерять значительную часть зерна, если въ два-три дня не сожметъ всего хлѣба; точно также, растягивая уборку на большее количество дней, онъ рискуетъ упустить время, нужное на приготовленіе земли къ осеннему посѣву; неодновременная вывозка навоза или убора сѣна можетъ затруднить тѣ или другія сельско-хозяйственныя дѣйствія. Вообще у насъ нельзя работать методично и медленно, по заранѣе опредѣленному числу часовъ въ день. Между тѣмъ, въ сельскомъ быту можетъ случиться, и дѣйствительно весьма часто случается, у того, другого и третьяго хозяина — болѣзнь лошади, работника въ семьѣ и проч.

Такимъ образомъ, въ нашей деревнѣ почти постоянно существуетъ въ рабочую пору необходимость обращаться за помощію къ своимъ ододеревенцамъ. И вотъ, такимъ образомъ, рождается обычай *помочей*, благодаря которому большинство жителей деревни сперва помогаютъ тѣмъ домохозяевамъ, у которыхъ время созрѣванія хлѣба наступило раньше, а затѣмъ и остальнымъ хозяевамъ; благодаря «помочи» же, можетъ быть вывезенъ своевременно навозъ изъ такого двора, въ которомъ случилось какое-либо

несчастіе. Чѣмъ круче поступаетъ природа съ трудомъ человѣка, тѣмъ больше требуется сложенія силъ для борьбы съ нею, тѣмъ менѣе, слѣдовательно, вырабатывается тенденція о бесполезности для общества людей малосильныхъ или потерявшихъ средство для борьбы. Малосильный или незажиточный работникъ, все-таки, представляется извѣстною рабочею величиной, которая увеличиваетъ общую силу, составляетъ *часть трудового капитала*. Поэтому ребенокъ, старикъ, женщина не представляютъ здѣсь собою нулей и за ними всегда признается какъ право на землю, такъ и обязанность труда, а за этимъ возникаетъ самъ собою вопросъ, какъ поступить, чтобы обезпечить всякому возможность прилагать къ землѣ трудъ возможно болѣе производительно?

Земля не вездѣ одинакова по качеству, по роду необходимой обработки и проч. условіямъ. Если бы каждый изъ хозяевъ могъ вести капиталистическое хозяйство, если бы вся деревня представляла совокупность такихъ денежныхъ хозяйствъ, тогда не нужно было бы хлопотать, чтобы каждая личность обязывалась извѣстною работою и отбывала ее на сколько возможно производительно. Безъ хлопотъ со стороны всего общества дѣло бы здѣсь обезпечивалось тѣмъ, что, при извѣстномъ капиталѣ, у каждаго хозяина будутъ всегда налицо нужныя наемныя руки, слѣдовательно, каждый клочокъ земли дастъ должный продуктъ, благодаря капиталу. Но совершенно иные результаты должны имѣть мѣсто при отсутствіи капитала въ деревнѣ. Въ капиталистическомъ строѣ все совершается путемъ обращенія денегъ; въ хозяйствѣ же, не обладающемъ денежными средствами, въ роль всеяльнаго капитала вступаетъ *всесозидающій трудъ*. Въ силу чего здѣсь и выступаетъ на первый главный планъ вопросъ о возможно-выгодномъ приложеніи труда, чтобы не пропадалъ ни одинъ клочокъ земли безъ извлеченія изъ него должнаго продукта и ни одна трудовая личная сила, большая и малая, не оставалась бы безъ полезнаго дѣла. Но какъ достигнуть этого, если семья велика, а земли для приложенія силъ этой семьи мало, и, наоборотъ, что дѣлать, если земли много, а работниковъ въ семьѣ мало?

Въ первомъ случаѣ у многосемейныхъ окажется мало хлѣба на продовольствіе и удовлетвореніе другихъ нуждъ; во второмъ—останется часть земли, съ которой, какъ невоздѣланной, не будетъ собрано должнаго количества продуктовъ. Въ общемъ, для всей деревни убытокъ: отъ голодающихъ семей, незапаятыхъ рукъ и отъ пустующей земли. Въ «трудовомъ строѣ» жизни трудъ является синонимомъ продукта, слѣдовательно, «неприложеніе» къ землѣ труда есть почти то же самое, что потеря извѣстнаго количества продукта. Здѣсь дворъ съ избыткомъ работниковъ и съ недостаткомъ земельныхъ угодій можетъ, слѣдовательно, не вызывая съ чьей-либо стороны неудовольствія, запахать ту пустующую землю, на которую не достанетъ рабочихъ рукъ въ малосемейномъ дворѣ. Последнему нѣтъ повода претендовать на присвоеніе другимъ дворомъ такого участка, извлечь пользу изъ котораго онъ не могъ. Пока понятіе о деньгахъ, какъ

орудія, посредствомъ котораго можно приобрести чужой трудъ, не получило *властности*, не сдѣлалось точкой отправленія для разрѣшенія *всѣхъ жизненныхъ вопросовъ* деревни, до тѣхъ поръ не можетъ возникать и стремленій къ тому, чтобы воспользоваться рабочими руками малоземельнаго двора. И дѣйствительно, если пѣтъ капитала, то на какія же деньги могутъ быть наняты рабочіе? Съ издавна у нашего крестьянства не было денежныхъ капиталовъ и даже подати платились натурою: хлѣбомъ, птицей, скотомъ и другими продуктами хозяйства. Въ послѣднее время деньги есть у незначительнаго сравнительно числа лицъ крестьянскаго сословія, преимущественно у ростовщиковъ и торговцевъ; эти деньги хотя и поступаютъ въ видѣ ссудъ въ руки земледѣльцевъ, но поступаютъ, можно сказать, на нѣсколько мгновеній, до передачи ихъ въ руки старосты, на пополненіе недоимокъ, возвратъ же выражаемой ими цѣнности производится большею частью продуктами хозяйства или трудомъ надъ землею какъ кредиторамъ, такъ и постороннихъ общинѣ лицъ. Такимъ образомъ, одинъ только трудъ остается и понынѣ главнымъ условіемъ существованія крестьянина и путемъ одного только труда отбываются лежація на земледѣльцѣ повинности. Такимъ образомъ, понятно, что *какъ прежде, такъ и теперь* *понятіе о трудѣ лежитъ въ основаніи всѣхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ расчетовъ деревни.*

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ особенностей жизни русской деревни, выработались различныя общинныя обычаи и въ числѣ ихъ обычаи передѣла, скидки и накидки душъ. Въ общинахъ, гдѣ общественные порядки еще не достаточно урегулировались, тамъ, вмѣсто регламентированнаго передѣла, существуетъ, можно сказать, *стихійный* передѣлъ: такъ, напримѣръ, въ мелкихъ и малоземельныхъ общинахъ Грузинской волости. Здѣсь если у хозяина не хватаетъ силъ на обработку всего надѣла, то сосѣди его тотчасъ же беретъ пенужную землю и держитъ ее до тѣхъ поръ, пока она вновь не понадобится ея хозяину. Наоборотъ, въ общинахъ съ строго-выработанными и регламентированными порядками земля снимается и накладывается по разуму схода, опредѣляющему, съ кого полезно ее снять и на кого наложить. Исполняется это весьма строго даже и въ такихъ общинахъ, которыя не отвѣтствуютъ по закону круговою порукой за исправное отправленіе ихъ членами податей и повинностей (общины, въ которыхъ менѣе 40 душъ).

Вообще гдѣ земли сравнительно много, тамъ слабѣе и принужденіе брать пустующую землю, какъ, напримѣръ, въ Зарѣченской общинѣ, Тульской губерніи, и въ общинахъ Самарской и Екатеринославской губерній. Сообразно указаннымъ условіямъ идутъ разныя ограниченія относительно распоряженія имуществомъ, служащимъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, какъ, напримѣръ, запрещеніе отчуждать навозъ, скотъ, усадьбу, лѣсъ. Чѣмъ менѣе плодородна земля, чѣмъ бѣднѣе вообще общество угодыми, тѣмъ ограниченій больше, тѣмъ они подробнѣе регламентированы; есть общины, гдѣ установлена обязательная вывозка каждымъ навоза на поля; есть такія,

гдѣ эта сельско-хозяйственная операція производится *сообща*, такъ сказать, путемъ «обязательной помощи». Напротивъ, въ черноземныхъ и многоземельныхъ общинахъ указанныхъ ограниченій почти не существуетъ, или же проводятся они въ жизнь слабо: такъ, до 1865—70 годовъ въ Александровской общинѣ, Екатеринославской губерніи, усадьбы можно было продавать даже постороннимъ лицамъ; но съ указанныхъ годовъ начали появляться ограниченія и, между прочимъ, былъ опредѣленъ 12-ти лѣтній срокъ на сдачу усадьбы въ аренду.

Вообще цѣль всего дѣла распредѣленія земли между членами общины, а также и разныхъ имущественныхъ ограниченій клонится къ тому, чтобы осуществить право каждаго на землю при такихъ именно условіяхъ, при которыхъ она можетъ дать большее количество продуктовъ. Для ископаго земледѣльца ясно, какъ день, что при существующихъ условіяхъ жизни деревни крестьянская земля можетъ быть обрабатываема только путемъ приложенія къ ней собственныхъ ругъ; что денежное хозяйство можетъ вести лишь помѣщикъ и купецъ. Поэтому мы почти ни въ одной общинѣ не встрѣчаемъ такихъ распоряженій «міра», которыя умѣстны лишь при капиталистическомъ строѣ хозяйства, а, напротивъ, зачастую наталкиваемся на постановленія, способныя удивить экономиста, смотрящаго на все съ капиталистической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, передѣлы въ нѣкоторыхъ общинахъ предпринимаются иногда единственно съ тою цѣлью, чтобы хорошо унавоженные участки земли переходили въ руки бѣдныхъ хозяевъ, имѣющихъ мало скота, а плохо удобряемые участки этихъ послѣднихъ поступали бы къ хозяевамъ зажиточнымъ, богатымъ скотомъ.

При строѣ, основанномъ на началѣ труда, такой порядокъ представляетъ единственный исходъ къ тому, во-первыхъ, чтобы уменьшить шансы на появленіе въ обществѣ голодныхъ людей, и, во-вторыхъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ предотвратить появленіе заброшенныхъ полей. Въ нашихъ деревняхъ и старый, и малый очень ясно сознаютъ, что голодная, разорившаяся семья ложится бременемъ на остальные семьи, и что пустующее, задеревенѣлое поле трудно потомъ привести въ надлежащее состояніе. Въ Чернизовской общинѣ, Московскаго уѣзда, дѣло идетъ еще дальше: тамъ установлены передѣлы чрезъ 3—4 года, съ тѣмъ, чтобы находящіеся въ самыхъ лучшихъ естественныхъ условіяхъ полосы—*урожайныя*, какъ ихъ тамъ называютъ, не оставались надолго у однихъ и тѣхъ же хозяевъ, а переходили время отъ времени въ руки разныхъ лицъ. Сообщающій объ этомъ Н. Л. Озмидовъ (лицо весьма извѣстное въ сельско-хозяйственной литературѣ и практикѣ) даетъ, въ составленномъ имъ описаніи Вашутиной общины, слѣдующее объясненіе этому обычаю: «Сумма благоприятныхъ для сельскаго хозяйства условій во 100 разъ болѣе значить для насъ, сельскихъ хозяевъ (Московскаго уѣзда), чѣмъ различныя наши старанія надъ землею. Такимъ образомъ, крестьянинъ не-кулакъ считаетъ, что надобно прилагать къ землѣ всѣ свои старанія, но урожай никогда не можетъ зависѣть только отъ этихъ стараній; они—малѣйшая изъ причинъ, влияющихъ на

степень урожая», а главная причина, по словам г. Озмидова, «совокупность благоприятных естественных — почвенных и атмосферических условий». Замѣтимъ здѣсь, что почти вездѣ крестьяне добиваются уравненія этихъ условий посредствомъ раздѣленія земель по качеству ихъ на особые участки и затѣмъ нарѣзки въ каждомъ изъ нихъ полосъ. Однако, не всегда возможно достигнуть здѣсь вполне желательнаго уравненія, — всегда могутъ оказаться части полей, болѣе урожайныя при всѣхъ неблагоприятныхъ условияхъ погоды.

Хозяевъ такихъ участковъ крестьяне, по словамъ г. Озмидова, называютъ «счастливыми», и такъ какъ сами эти «счастливыцы» думаютъ и судятъ одинаково со всѣми остальными, то съ ихъ стороны и не можетъ возникнуть протеста противъ перехода ихъ полосъ въ руки однодеревенцевъ. Впрочемъ, практика общинной жизни всегда умѣетъ смягчить всякое дѣло, лишить его той рѣзкости, въ которой оно представляется въ теоріи. Такъ, при передѣлахъ всегда существуетъ стремленіе оставить часть земли въ прежнемъ владѣніи; существуютъ также разныя мѣры для отвращенія подрыва хозяйства, какъ-то: обязательное для всѣхъ уваженіе земли, обмѣнъ полосами, дѣленіе хозяевъ на особые товарищества, «десятки», вознагражденіе прирѣзками пахотной земли, различныя добавленія при отводѣ сѣнокошной земли, льготы при отправленіи натуральныхъ повинностей и проч. и проч. Вообще передѣлъ — не такая страшная вещь, какою она представляется теоретикамъ, тѣмъ болѣе, что подготовленіе къ нему совершается въ теченіе весьма долгаго времени (двухъ-трехъ лѣтъ) и обсуждается въ семейныхъ, интимныхъ кружкахъ, въ группахъ, на которыя дѣлится деревня, на сходкахъ, собирающихся по разнымъ случаямъ, и проч.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можемъ сказать, что передѣлы являются слѣдствіемъ: во-первыхъ, весьма многихъ климатическихъ и сельско-хозяйственныхъ особенностей Россіи; во-вторыхъ, общихъ для Россіи экономическихъ условий, исключающихъ возможность для массы крестьянъ имѣть денежные капиталы и производить продукты исключительно путемъ приложенія къ землѣ труда собственныхъ рукъ, и, въ-третьихъ, тѣхъ понятій, правовъ, обычаевъ, порядковъ, которые создались на почвѣ указаннаго строя хозяйства, естественныхъ и экономическихъ особенностей Россіи. Въ виду такого значенія передѣловъ, мы, при составленіи обзора разсмотрѣнныхъ нами матеріаловъ, считали нужнымъ отмѣчать находимые въ этихъ матеріалахъ способы производства передѣловъ. При этомъ мы старались не упускать изъ вида такихъ подробностей, которыя указываютъ причины, побуждающія къ передѣламъ, и вообще на связь ихъ съ существующими *сельско-хозяйственными условіями страны*.

У насъ, какъ выше было говорено, почти совершенно игнорируется значеніе этихъ условий для общинной жизни и вліяніе ихъ на уставленіе того или другаго порядка въ этой жизни. Между тѣмъ, условія эти играютъ здѣсь иногда первенствующую роль. Такъ, въ Корженьской общинѣ, Можайскаго уѣзда, недостатокъ лѣсныхъ угодій повліялъ на установленіе *очеред-*

ныхъ женскихъ помочей для мятья льна. Здѣсь, для избѣжанія расхода на топливо при подсушкѣ льна, каждая семья переминаетъ весь его за-разъ въ одинъ день при помощи всего женскаго населенія деревни. Вообще въ предлагаемомъ обзорѣ 24-хъ общинъ читатели найдутъ довольно значительное число данныхъ, подтверждающихъ сдѣланное выше указаніе на связь сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ условій Россіи съ общинными порядками жизни ея народа. Даже во многихъ способахъ и приѣмахъ передѣловъ и соблюдаемыхъ тутъ порядкахъ не трудно подмѣтить означенную связь.

Необходимо только при разсмотрѣніи всѣхъ этихъ данныхъ отрѣшиться отъ той точки зрѣнія, съ которой мы обыкновенно относимся къ явленіямъ нашей промышленной, торговой и вообще экономической жизни. Тогда многіе порядки крестьянскаго хозяйства не покажутся намъ нерациональными, многія явленія жизни деревни перестанутъ быть въ нашихъ глазахъ странными и вообще мы будемъ понимать, что въ строѣ хозяйства, основанномъ исключительно на трудовомъ началѣ, многое должно совершаться такъ, какъ совершается и нынѣ, и если здѣсь нужны какія-либо измѣненія, то ихъ приходится достигать другими путями, нежели въ имѣніяхъ, хозяйство въ которыхъ основано на затратѣ денежнаго капитала. Тогда уже не покажется страннымъ, что крестьяне села Грузино оставляютъ введенное у нихъ Аракчеевымъ строго-подворное землевладѣніе и переходятъ къ общинному, или что крестьяне мелкихъ селеній, не обязанные по закону отвѣтствовать другъ за друга круговою порукой, все-таки, раскладываютъ подати недоимщиковъ на все общество, снимаютъ и наглядываютъ души и проч. Стоя на точкѣ зрѣнія трудового начала, легко понять, что при исключительно трудовомъ строѣ сельскаго хозяйства весьма невыгодно для общества допускать образованіе «задеревенѣлыхъ» полей, пользоваться которыми потомъ никому невыгодно, вслѣдствіе необходимости затрачивать на нихъ большое количество труда и времени, а времени въ наше короткое лѣто и безъ того мало у крестьянина. Не покажется также страннымъ, что въ общинѣ Рылихъ, Шуйскаго уѣзда, крестьяне которой уже 100 лѣтъ не занимаютъ земледѣіемъ и сдаютъ всѣ свои земли въ аренду, работая постоянно на фабрикахъ и находясь на отхожихъ промыслахъ, сохранилось, однако, право всѣхъ на всю землю, а не подѣлена она на подворные участки; что здѣсь продолжаютъ быть въ силѣ различныя ограниченія въ дѣлѣ распоряженія землею; арендаторы земель подчинены разнымъ общиннымъ правиламъ и проч. Съ перваго взгляда читателю можетъ показаться, что здѣсь въ ходу денежное хозяйство, но, при болѣе подробномъ разсмотрѣніи существующихъ здѣсь порядковъ, приходится отказываться отъ такого заключенія и признавать противное.

Окончивъ это введеніе, обратимся къ самому обзору общинъ.

Ярославскаго уѣзда, Курбской волости, три общины: Детевская, Латышево-Поповская и Курбско-Камнинская. Описаніе этихъ общинъ составлено г. Валачовымъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ порядками въ такихъ об-

щинахъ, въ которыхъ за малочисленностью ихъ членовъ (менѣе 40 человекъ) не примѣняется по закону круговая порука. Эти общины—Дегтевская и Лаптево-Поповская—не имѣютъ, кромѣ того, хорошихъ угодьевъ, и значительная часть ихъ населенія постоянно уходитъ на заработки въ Москву, Ярославль и другіе города. Что же касается общины Курбско-Камынинской, то эта, напротивъ, хорошо надѣлена землею, имѣетъ луга и пастбища и разныя оброчныя статьи, изъ которыхъ покрывается значительная часть платежей. Населеніе ея состоитъ изъ 276 душъ.

Отвѣты на программу вольно-экономическаго общества, составленные г. Калачовымъ по всѣмъ тремъ общинамъ, весьма подробны и интересны. Въ особенности полонъ интереса отдѣлъ отвѣтовъ, касающихся передѣловъ земли, гдѣ самый текстъ поясняется чертежами разныхъ угодій. Здѣсь же встрѣчаемъ весьма точныя опредѣленія терминовъ, употребительныхъ въ народномъ языкѣ при производствѣ передѣловъ и вообще при порядкахъ общиннаго землевладѣнія.

Самыя подробныя данныя относительно передѣловъ содержатся въ отвѣтахъ по Дегтевской общинѣ. Здѣсь описаны отдѣльно передѣлы не только пашень и сѣнокосовъ, но огуменниковъ, капустниковъ и другихъ частей усадебной земли. Особенно интересно описаніе способа передвиженія полосъ отъ одного хозяина къ другому, вызываемаго прибавкою новыхъ душъ. Авторомъ очень ясно указывается, какая часть земли остается въ прежнемъ владѣніи и какая переходитъ въ другое. Весьма характерно, по нашему мнѣнію, при этомъ передѣлѣ то, что владѣлецъ первой полосы передѣляемаго на меньшія части участка удерживаетъ самую меньшую часть своей земли, а слѣдующій за нимъ удерживаетъ уже большую часть и т. д.; послѣдній же остается при прежнемъ владѣніи, лишь только уменьшенномъ.

Крупнѣйшее подраздѣленіе поля называется здѣсь «картою»; это такая часть поля, которая по самому положенію своему представляетъ обособленный участокъ, ограниченный дорогами, рѣкою, пастбищемъ, землями другихъ владѣльцевъ. «Карты» дѣлятся на «гоны». Гонъ представляетъ собою полевой участокъ, отличающійся *одинаковою покатостью*; въ немъ полосы идутъ въ одномъ направленіи, не прерываясь межниками. Въ «гонѣ» иногда прямо нарѣзываются полосы; но иногда «гонъ» разбивается предварительно на нѣсколько частей вслѣдствіе различнаго разстоянія его частей отъ селенія и неодинаковости качества почвы. Эти части гона называются «ярусами». Въ этомъ случаѣ полосы нарѣзываются въ каждой изъ ярусовъ. «Карты» раздѣляются одна отъ другой обыкновенно дорогами, а соприкасающіеся «гоны» и «ярусы» — межами, называемыми, въ отличіе отъ «межниковъ» (раздѣляющихъ полосы), *законными межами*. Эти послѣднія при передѣлахъ никогда не ломаются. Ширина межъ обыкновенно $\frac{1}{4}$ аршина. Тѣ изъ межъ, направленіе которыхъ перпендикулярно направленію полосъ и на которыхъ пахарь поворачиваетъ соху, называются «головниками». Межникъ, широкій настолько, чтобы проѣхать въ телегѣ, называется «рубежомъ».

Словомъ *за наминку* выражается отводъ увеличенной въ ширину полосы, соприкасающейся съ дорогою, а словомъ *на усть*—тоже болѣе широкая полоса, прилегающая къ загороди, куда надуваетъ много снѣга, отъ таянія котораго образуются вымочки. *Ширинками* называются полосы, на-рѣзываемыя перпендикулярно къ дорогѣ. Подъ словомъ *шмаринокъ* раз-умѣется пространство земли, мѣстами болотистое, мѣстами покрытое мел-кимъ лѣсомъ.

При распредѣленіи вообще земель домохозяева общины разбиваются на группы, какъ, напримѣръ: на «половины», на «трети», на «выти» и «де-сятки». «Вытей» можетъ быть и 4, и 5 и болѣе въ общинѣ. Вслѣдствіе этого, при отводѣ земли въ каждомъ отдѣльномъ «гонѣ» или «ярусѣ», онъ дѣлится на части, изъ которыхъ каждая и поступаетъ во владѣніе группы хозяевъ; вошедшіе въ составъ группы хозяева дѣлятъ доставшуюся имъ часть на полосы.

Стынокосныя угодья тоже разбиваются на карты, ярусы, въ которыхъ и отводятся по жребію полосы.

При пользованіи *пастбищами* соблюдается обычай: чѣмъ болѣе имѣеть хозяинъ скота, тѣмъ болѣе онъ долженъ расходовать своихъ средствъ на содержаніе пастуха.

Крестьяне обѣихъ половинъ д. Лаптевой, т.-е. Лаптево-Половской и Лаптево-Карауловской (отдѣльныя поземельныя общины), пользуются со-обща всѣми пастбищами. Побужденіемъ къ установленію такого порядка по-служило желаніе уменьшить расходы каждой отдѣльной семьи въ той и дру-гой общинѣ на содержаніе пастуха.

Въ общинномъ *лѣсѣ* ежегодно производится отводъ участковъ для руб-ки. Произвольной рубки не допускается. Въ Лаптевской общинѣ есть учас-токъ «заповѣднаго лѣсу».

Участокъ «загороди», которую каждый дворъ долженъ содержать въ исправности, отводится въ трехъ мѣстахъ: въ ближайшей къ селенію ча-сти поля, въ средней и въ дальней.

Изъ принудительнаго сѣвооборота (по трехпольной системѣ хозяйства) каждому хозяину дозволяется, по снятіи хлѣба, выдѣлать въ которомъ-либо полѣ, но непрежѣнно въ сторону, нѣсколько полосъ. На этихъ по-лосахъ, обыкновенно ближайшихъ къ селенію, садится преимущественно картофель. Огораживаніе этихъ участковъ обыкновенно не возбраняется.

Порядки распредѣленія по душамъ земель, а также податей, сборовъ на-туральныхъ повинностей, наложенія ограниченій на пользованіе разными угодьями схожи съ порядками, наблюдаемыми вообще въ разныхъ мѣст-ностяхъ Россіи.

Обычай платить міру за выбылыя души соблюдается во всей силѣ, не-смотря на отсутствіе законенной круговой поруки, какъ въ двухъ на-званныхъ общинахъ, такъ и въ соедѣнныхъ селеніяхъ—Третьяковѣ, Мики-шевкѣ, состоящихъ въ одномъ сельскомъ обществѣ съ сел. Дегтевымъ и живущихъ каждое тоже менѣе 40 душъ.

Есть въ этихъ деревняхъ *пустующіе* надѣлы. Денежные сборы, налагающіе на эти земли, тоже раскладываются на всѣхъ домохозяевъ, несмотря на законъ, освобождающій ихъ отъ отвѣтственности другъ за друга.

За «круговою же порукой» отправляются въ Дегтевъ и натуральные повинности, какъ, на примѣръ, починка мостовъ, гатей, дорогъ.

Курбско - Камынинская община находится въ условіяхъ весьма благоприятныхъ сравнительно съ названными общинами. Въ ней, во-первыхъ, 276 душъ. Кромѣ пахотной земли, она имѣетъ 80 десятичь поемныхъ луговъ; сверхъ того, здѣсь есть до 200 дес. покосовъ и выгонъ; въ ея владѣніи больше, чѣмъ въ выше очерченныхъ общинахъ, кустарниковъ и мелкаго лѣса («плашника»); наконецъ, ей принадлежатъ рыбныя ловли, торговая площадь и мірская мельница. Доходами съ этихъ имуществъ постоянно покрывается половина всѣхъ сходящихся съ общины сборовъ.

Надѣльная земля настолько хороша, что не только окупаетъ трудъ, но и даетъ хорошій доходъ.

Село Курбы, часть котораго составляютъ усадьбы описываемой общины, отчасти торговое село. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые изъ членовъ общины занимаются, кромѣ земледѣлія, мелкими торговыми оборотами, главнымъ образомъ, закупкой и продажей льна, и многіе имѣютъ временное занятіе, прислуживая по праздникамъ въ одномъ изъ семи курбскихъ трактировъ.

Всѣ эти условія возвышаютъ интересъ къ существующимъ здѣсь общиннымъ порядкамъ. Порядки эти, несмотря на присутствіе торговаго элемента, не представляются въ расшатанномъ видѣ; но, наоборотъ, благодаря достаточному обезпеченію землей, хорошему качеству почвы (средняя цѣнность надѣловъ здѣсь весьма значительна), земля здѣсь распределена весьма равномерно: 48 дворовъ надѣлены здѣсь по одному тягальному надѣлу, 34 двора по $1\frac{1}{2}$ тягла, 12—по 2, 8—по $2\frac{1}{2}$. Самый высшій надѣлъ, по 3 тягла, имѣетъ только 1 дворъ, равно какъ и самымъ низшимъ, $\frac{1}{2}$ тягла, надѣленъ тоже только 1 дворъ.

Такимъ образомъ, изъ 105 дворовъ общины 82 двора владѣютъ по 1 и $1\frac{1}{2}$ тягла.

Надѣлы распределяются соотвѣтственно рабочей силѣ дворовъ; паевъ работниковъ, какъ видно, не поощряется: такъ, былъ случай, что достигшій 60-ти лѣтъ зажиточный крестьянинъ, лишившись одного изъ двухъ взрослыхъ сыновей, нанялъ работника, въ намѣреніи, попрежнему, держать два тягла, но міръ ему этого не позволилъ.

Арендуемый обществомъ у сосѣдняго помѣщика участокъ земли распределяется точно такъ же, какъ и всѣ общинныя земли. Дороги и гати чинятся сообща всею общиной, но постройка моста и мірскаго магазина, а также устройство канавы съ изгородью, для отдѣленія пастбища отъ пашень, были произведены на мірскія средства наймомъ.

За рачительнымъ уходомъ за землею міръ наблюдаетъ весьма строго. Продажи навоза на сторону не только здѣсь не существуетъ, но обыкно-

венно покупается навозъ у такихъ лицъ, какъ мѣстный священникъ, врачъ и проч. Покупка производится не на деньги, а за сторожку лошадей.

Помочи здѣсь практикуются при вывозѣ лѣса на постройки и при обработкѣ земли у такого хозяина, у котораго падаетъ въ рабочее время лошадь. Съ *безземельныхъ* не берутъ даже и *подушныхъ*. Вопросы о передѣлахъ земли рѣшаются не скоро, длятся по 2—3 года. Одною изъ причинъ, вызывающихъ передѣлы, является чрезполосица, возникающая въ свою очередь съ теченіемъ времени отъ ежегодной сядки и выкладки душъ. Въмѣстѣ съ передѣломъ пашенной земли передѣляется и огуменная земля. Передѣлы послѣдней бывають даже чаще, чѣмъ первой.

Для распредѣленія земли всѣ домохозяева раздѣляются на группы, по 10 тяголь въ каждой. Эти группы называются «десятками». По разбивкѣ на «десятки», жребій опредѣляетъ, какому «десятку» владѣть первою, входящею въ составъ полеваго участка «десятиною».

Весь участокъ поля, подлежащій передѣлу, дѣлится на 10 равныхъ частей; каждая изъ этихъ десяти частей называется «десятиною». Ее въ свою очередь дѣлятъ на равное число тяголь. Въ общинѣ 135 тяголь, слѣдовательно, $\frac{1}{10}$ ихъ будетъ равна $12\frac{1}{2}$ тягламъ. Такимъ образомъ, каждая группа крестьянъ — «десятокъ» — получаетъ $13\frac{1}{2}$ «десятинъ» въ данномъ участкѣ поля.

Вся полевая земля раздѣлена на отдѣльныя части: «надѣлы» (болѣе крупныя части, соответствующія «картамъ»), «гоны», «ярусы», въ каждомъ изъ которыхъ получаетъ полосы каждый домохозяинъ.

Распредѣленіе *спянокосныхъ участковъ* производится ежегодно передъ косью сѣна.

Такъ какъ сѣнокосныя участки по пространству своему не равны и лежать въ разныхъ мѣстахъ, то при распредѣленіи ихъ припятъ такой порядокъ: наибольшій участокъ предоставляется для пользованія 50 тягламъ (5 «десяткамъ»), средній — 22 тягламъ, а послѣдній — $2\frac{1}{2}$ тягламъ. На сельскомъ сходѣ домохозяева устраиваются въ «десятки» *) и затѣмъ отъ cadaго десятка бросается жребій. Тѣ изъ 5 «десятковъ», которыхъ жребіи выпадутъ первыми, получаютъ наибольшій участокъ.

Сообразно такому порядку происходитъ распредѣленіе остальныхъ участковъ. Только относительно $2\frac{1}{2}$ -тягольного участка и 2 тяголь, оставшихся незанятыми отъ 22-тягольного, авторъ замѣчаетъ, что они отводятся не всѣмъ, составляющимъ десятокъ домохозяевъ, а каждому отдѣльно. Такъ, если въ составѣ этого десятка есть владѣющій $2\frac{1}{2}$ тягла, то ему отводится цѣликомъ весь $2\frac{1}{2}$ -тягольный (3 участокъ); двухтягольный хозяинъ или два однотягольника получаютъ 2 тягла, оставшіяся незанятыми во 2 (22-тягольномъ) участкѣ.

Производство косыбы и вообще уборка сѣна производится каждымъ «десяткомъ» сообща. Впослѣдствіи, по продажѣ убранныаго въ стога сѣна, чле-

*) Т.-е. группы, въ каждой изъ которыхъ сосредоточивается 10 тяголь.

ны «десятка» дѣлятся между собою по числу тяголъ деньгами. Не вошедшее въ стога сѣно дѣлится небольшими копами («взородами»). Изъ стога каждый можетъ запродать свою часть отдѣльно; но взять ее изъ стога можно не раньше того времени, когда большинство домохозяевъ запродать принадлежащія имъ части сѣна.

При уборкѣ сѣна сообща обращается вниманіе на то, равносильны ли всѣ косцы. Если окажется между ними плохой, то онъ обязывается поставить вмѣсто себя хорошаго или угостить водкой. Но существуетъ при общинной жизни много и другихъ способовъ устроить дѣло для всѣхъ безъ обидно. Такъ, если кому - либо изъ членовъ десятка нельзя или неудобно выставить отъ себя работника, напримѣръ, на $\frac{1}{2}$ тягла, то онъ сговаривается съ артелью, т. - е. съ членами своего десятка, объ уборкѣ за 2 — 3 руб. причитающагося на его долю сѣна. На покосныхъ участкахъ, которые по условіямъ мѣстности не могутъ быть разбиты на участки, — напримѣръ, на заросшихъ мелкимъ лѣсомъ, — обыкновенно дѣлятся скошеннымъ сѣномъ; на мѣстахъ открытыхъ трава по большей части раздѣляется на корню.

Этимъ мы оканчиваемъ наиболѣе интересныя выдержки изъ описаній г. Калачова общинъ Курбской волости, присовокупляя, что въ концѣ описанія Курбско - Камынинской общины приложены отвѣты по одному двухтягольному хозяйству; отвѣты эти даны именно на вопросы географическаго общества, изложенные въ его *Опытъ программы изслѣдованія поземельной общины* (стр. 24).

Лукицкая община, Новгородской губерніи, Устюженскаго уѣзда, Черенско-Жерновской волости.

Община состоитъ изъ 4-хъ деревень, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Описание этой общины составлено землевладѣльцемъ Г. А. Вороновымъ, лицомъ весьма извѣстнымъ въ сельско-хозяйственной литературѣ *). Авторъ очерчиваетъ весьма обстоятельно распредѣленіе земель на крупныя и мелкія части. При распредѣленіи этомъ принимается въ соображеніе, главнымъ образомъ, извѣстный уклонъ земли. Поэтому границы каждой крупной части и обусловливаются уклономъ, т. - е. чуть покатость почвы пошла въ другую сторону, сейчасъ отрѣзается новая крупная часть. Тѣ части, которыя прилегаютъ къ селенію, называются первымъ «одворкомъ»; слѣдующіе затѣмъ участки, — тоже съ хорошою почвой, — вторымъ «одворкомъ», а слѣдующіе уже за этими — «калитами»; самая же послѣдняя изъ нихъ, удаленная отъ селенія, съ плохой сырою почвой, называется *дѣбовою калитой*, нарѣзанныя же на нихъ полосы — «дѣбовыми полосами». Ширина полосъ различна, соотвѣтственно ширинѣ «одворка», а также и числу взятыхъ на себя хозяиномъ душъ. Если «одворокъ» весь состоитъ изъ земли равнаго качества, то лицо, владѣющее нѣсколькими душами, получаетъ соотвѣтственное число полосъ рядомъ одна съ другой.

*) Новгородской губ., станція Любохино, усадьба Григорьева. Геннадій Артемьевичъ Вороновъ.

Если крупная часть имѣетъ неодинаговую почву, а по своему уклону не можетъ быть разбита на два клина, то дѣлится она на двойное число полосъ. При различной почвѣ въ клину, каждый домохозяинъ получаетъ одну полосу съ лучшаго края и одну съ худшаго (дѣбоваго) края того же клина.

Изъ передѣла исключаются *росчистки* пустопорожнихъ мѣстъ, произведенныя хозяиномъ своимъ трудомъ. Онѣ оставляются въ постоянномъ его владѣніи отъ 6 до 15 лѣтъ.

Сѣнокосная угодья здѣсь лежатъ въ разныхъ мѣстахъ. Одни изъ нихъ примыкаютъ непосредственно къ пахотнымъ полямъ, и полосы въ нихъ нарезываются каждому хозяину непосредственно подлѣ его пахотныхъ полей; другіе сѣнокосы находятся въ «пустошахъ», называютъ ихъ обыкновенно «лѣсные сѣнокосы». Эти послѣдніе уже не дѣлятся на «одворки» и «калиты», а прямо на полосы. Г. Вороновъ дѣлаетъ подробное описаніе способа раздѣла этихъ сѣнокосовъ на равныя части (полосы). Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что сначала, по числу 27 домохозяевъ этой общины, отиѣривается на участкѣ, величиною, положимъ, въ 100 саж., 27 равныхъ частей, по 3 саж. въ каждой. Отиѣривъ, такимъ образомъ, 81 саж., приступаютъ къ раздѣлу остальныхъ 19-ти саж. Изъ нихъ на каждую душу владутъ по $\frac{1}{2}$ саж. Получится, слѣдовательно, $13\frac{1}{2}$ саж.; оставшіяся за этимъ $5\frac{1}{2}$ саж. измѣряются уже «лаптями» и «полулаптями». Получается, такимъ образомъ, для опредѣленія ширины полосы такой рядъ цифръ: 3 саж. + $1\frac{1}{2}$ саж. + 1 лапоть + $1\frac{1}{2}$ лаптя + $\frac{1}{4}$ лаптя, или же $4\frac{1}{2}$ саж. $1\frac{3}{4}$ лаптя., или 4 саж. 2 арш. $2\frac{1}{2}$ вершка.

По распредѣленіи *лѣсныхъ сѣнокосныхъ* участковъ, каждый хозяинъ расчищаетъ свою *дѣляницу* и сначала, годъ или два, сѣетъ на ней хлѣба, а потомъ собираетъ сѣно. Расчищенная «дѣляница» можетъ, въ случаѣ заключенія ея хозяиномъ съ «миромъ» особаго условія, не входить на опредѣленный срокъ въ разрядъ земель, подлежащихъ передѣлу.

Запускается иногда подъ луга часть «дѣбовыхъ» пахотныхъ полосъ. Эти полосы уже изъемяются изъ передѣловъ на томъ основаніи, что домохозяинъ, запустившій часть хлѣбной полосы подъ сѣнокосъ, имѣетъ чрезъ это недоборъ въ хлѣбѣ.

По отношенію пользованія *лѣсомъ* существуетъ одно ограниченіе, именно запрещеніе домохозяевамъ *самовольно* продавать лѣсъ на сторону. По съ разрѣшенія «мира» допускается иногда продажа нѣсколькихъ деревьевъ на срубъ. Однако, это разрѣшеніе дается миромъ лишь по соображеніи съ количествомъ лѣса, вывезеннаго уже домохозяиномъ на собственныя нужды, а также съ количествомъ его въ нарѣзкѣ и съ будущими нуждами въ немъ для домашняго обихода. Въ одной изъ дачъ общины есть прекрасный строевой лѣсъ, относительно котораго было постановлено на сходѣ не рубить его по частямъ, а при первомъ удобномъ случаѣ продать его огуломъ лѣсопромышленнику. Нарушеніе этого постановленія двумя крестьянами вызвало въ обществѣ цѣлую бурю. Виновные были наказаны.

Относительно пользованія *пастбищами* существуетъ въ общинѣ пра-

виде, по которому, если кто изъ крестьянъ занимается покупкой скота на убой или продажу, то пасты его на общихъ пастбищахъ права не имѣть.

Крестьянинъ, отгоняющій свой скотъ на пастбище сосѣдняго помѣщика на все лѣто, ничего не платитъ пастуху и не кормитъ его поочередн.

Непользованіе со стороны какого-либо хозяина пастбищемъ въ паровомъ полѣ не даетъ ему права производить косьбу сѣна на его сѣнокосныхъ полосахъ *).

Присутствіе на сходѣ безземельныхъ допускается безъ права голоса, но, впрочемъ, имъ иногда не возбраняется и высказывать свои мнѣнія; случается, что эти мнѣнія охотно выслушиваются и принимаются сходомъ.

Женщинамъ, которыя за смертью мужей признаются домохозяйками, обязательно быть на сходѣ и имъ дается право голоса наравнѣ съ мужчинами. Присутствіе на сходѣ требуется и отъ женъ домохозяевъ, находящихся въ отлучкѣ. Онѣ подають голосъ за то или другое обсуждаемое на сходѣ мнѣніе. Сообщая объ этихъ правахъ женщинъ, Г. А. Вороновъ излагаетъ взглядъ крестьянъ на женщинъ вообще и на степень ихъ способности дать толковое и полезное мнѣніе по предметамъ, обсуждаемымъ на сходѣ. Этотъ взглядъ выраженъ въ отвѣтахъ крестьянъ на заданные имъ г. Вороновымъ вопросы. Въ общемъ, изъ этихъ отвѣтовъ можно вывести такое заключеніе: вѣрное пониманіе дѣлъ деревни доступно болѣе мужскому ея населенію; мнѣніе мужчины болѣе вѣско; мнѣнію женщины нельзя придать никакого авторитета. Поступать по женскому разуму, подчиняться ему—не принято въ деревнѣ, а потому и голосъ женщины, поданный на сходѣ, не идетъ въ счетъ рѣшающихъ голосовъ и имѣетъ значеніе болѣе совѣщательнаго голоса.

Въ виду такихъ взглядовъ мужскаго населенія, допущеніе на сходѣ женщинъ, заправляющихъ хозяйствомъ, не представляется, по нашему мнѣнію, нелогичнымъ. Призывъ на сходѣ домохозяйки обуславливается: во-первыхъ, уже однимъ тѣмъ, что ей, какъ заправительницѣ хозяйствомъ, необходимо знать въ подробности все, что происходило на сходѣ, и сообразовать свои хозяйственныя распоряженія съ мірскою волей, и, во-вторыхъ, чтобъ имѣть возможность заявить о своихъ нуждахъ или отстоять свои интересы.

Вся, вообще, статья г. Воронова полна столь же интересныхъ, какъ и вышеуказанная, подробностей крестьянской общинной жизни.

Крутецкая община, *Новгородской* губерніи, *Устюженскаго* уѣзда, *Охано-Федовской* волости, съ подворною описью по селенію Крутцу.

Въ отвѣтахъ на программу по этой общинѣ, присланныхъ Е. Самаровымъ-Быховцемъ **), между прочимъ, упоминается о крестьянскихъ товариществахъ, образующихся здѣсь изъ нѣсколькихъ домохозяевъ для снятія земель исполу, на 6-ти лѣтній срокъ. Эти товарищества работаютъ сообща съ дѣломъ продукта. Упоминается еще о распространенности «помочей»,

*) Которыя, какъ выше объяснено, называются подлѣ пахотныхъ полосъ.

**) Усадьба Крутець, Новгородск. губ., станція Еремина.

посредствомъ которыхъ исполняются рѣшительно всѣ сельскія работы: возитса навозъ, производится вспашка, посѣвъ, уборка полей и сѣнокосовъ, вывозка бревенъ, дровъ, устройство печей, трепка льна и пеньки.

Общинные порядки въ Охано-Федовской волости сходны, по словамъ г. Самарова-Быховца, съ порядками и въ Охано-Остроговской волости.

Вашиутинъ община, Московскаго уѣзда, Черкизовской волости, весьма обстоятельно обрисована въ отвѣтахъ на программу вольно-экономическаго общества, составленныхъ Н. М. Озмидовымъ. Г. Озмидовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ хозяевъ Московск. губерніи, которые особенно выдаются своими теоретическими и практическими знаніями въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ отвѣтахъ своихъ онъ даетъ весьма интересныя указанія на связь общинныхъ порядковъ съ сельско-хозяйственными условіями мѣстности и съ нравственными понятіями народа. Въ отдѣлѣ статьи, касающейся передѣловъ, г. Озмидовъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя данныя: при наръвѣ въ 1877½ г. полосъ каждая часть отдѣльнаго участка земли—«кона», называемая здѣсь «осьмакъ», была раздѣлена, вмѣсто прежнихъ 9-ти, на 10-ть полосъ. Такъ какъ «осьмаковъ» въ каждомъ «конѣ» — 6-ть, то, слѣдовательно, въ конѣ получалось 60 полосъ; между тѣмъ, наличныхъ душъ 57; такимъ образомъ, было оставлено свободными три полосы (3 души) *заминія*. Сдѣлано это было въ тѣхъ видахъ, чтобы, при подростаніи современемъ новыхъ работниковъ, не прибѣгать, для надѣленія этихъ «прибылыхъ» душъ землею, къ новому передѣлу. Такимъ образомъ, въ первые послѣ передѣла годы «міръ» долженъ пережить нѣсколько лѣтъ, облагая «новыя» души сравнительно незначительнымъ количествомъ податей; когда же затѣмъ накопится еще 3 души, т. е. получится уже 63 наличныхъ, то тогда наступитъ надобность уже въ новомъ передѣлѣ, и «осьмаки» раздѣлятся уже на 11-ть полосъ и, такимъ образомъ, получится 66 полосъ въ «осьмакъ», т. е. опять 3 «заминныхъ», и т. д. Благодаря этому, передѣлы здѣсь можно производить черезъ 15—18 лѣтъ. Но есть, — замѣчаетъ г. Озмидовъ, — деревни, даже сосѣднія, которыя передѣляютъ поля чрезъ 3—4 года, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобъ *урожайныя полосы переходили во владѣніе лицъ, пользовавшихся плохую землей*. По объясненію г. Озмидова, такой обычай имѣетъ основаніе въ тѣхъ естественныхъ условіяхъ природы, въ силу которыхъ на данномъ полѣ можетъ быть урожай или неурожай независимо отъ труда и знаній хозяина. «Сумма *благоприятныхъ для сельскаго хозяйства климатическихъ условій*, — говоритъ г. Озмидовъ, — *во 100 разъ болѣе значитъ для насъ, сельскихъ хозяевъ, чѣмъ свои старанія*». Вотъ и «крестьянинъ (не-кулакъ) считаетъ, что надобно прилагать къ землѣ «всѣ свои старанія; но отъ нихъ однихъ только урожай никогда не можетъ зависѣть; они—малѣйшая изъ причинъ, вліяющихъ на степень урожая, а главныя причины отъ Бога». Вслѣдствіе этого, хозяевъ урожайныхъ полосъ народъ называетъ «счастливыми», которымъ Богъ помогаетъ. А такъ какъ эти «счастливые хозяева» и сами воспитаны въ такихъ же понятіяхъ, то они нисколько не претендуютъ на переходъ ихъ полосъ въ

руки несчастливыхъ. Въ этому, конечно, нужно прибавить, что здѣсь существуетъ постановленіе «мира», по которому хозяинъ, имѣющій навозъ, долженъ непременно его вывозить на свое поле и не имѣетъ права продавать скоть на сторону.

Очерченные понятія держатся въ Вашутинской общинѣ, несмотря на то, что разстояніе ея отъ Москвы всего 20 верстъ, отъ станціи жел. дор. 4 1/2 версты и отъ с.-петерб. шоссе 3 версты.

Составленное Н. Мурашкинцевымъ, описаніе общины сельца *Коржеть*, Можайскаго уѣзда, *Московской* губерніи, принадлежитъ къ числу весьма обстоятельныхъ описаній. Къ описанію приложенъ планъ съ обозначеніемъ различныхъ угодій. Г. Мурашкинцевъ, какъ видно, хорошо знакомъ съ бытомъ народа и съ условіями сельско-хозяйственнаго дѣла. Особенно полнотой отличается описаніе передѣловъ. Здѣсь мы узнаемъ, что часть *усадебной* земли подвергается почти ежегоднымъ передѣламъ. Причина этому заключается въ томъ, что въ общинѣ номинальное число душъ менѣе реальныхъ и потому чуть ли не каждому крестьянину приходится, кромѣ своей надѣльной земли, принимать, по мірской раскладкѣ, еще часть надѣловъ отсутствующихъ хозяевъ — тянуть *лишнія* по душѣ или по 1/2 душѣ. Какъ на послѣдствіе такого положенія дѣла, авторъ указываетъ на то, что здѣсь не въ употребленіи способъ передѣла, заключающійся въ передвиженіи *усадебныхъ участковъ*, при которыхъ огородную землю всегда можно отвести подлѣ самой усадьбы (двороваго мѣста) каждаго хозяина, и не раскидывать ея по разнымъ мѣстамъ.

Говоря о раздѣленіи *пахотной земли* по ея плодородію и проч., г. Мурашкинцевъ замѣчаетъ, что крестьяне хорошо изучили свою землю. При каждомъ существующемъ склонѣ или горѣ, малѣйшей покатости, ложбинѣ, близости болотъ, рѣки, они опредѣляютъ разницу въ удобствѣ обработки земли и въ ея плодородіи. Результатомъ этого разнообразія въ качествѣ почвы является обиліе *коновъ*, мелкость ихъ, обуславливающая узкость полосъ, доходящихъ иногда до такъ называемаго *борновнца*, т.-е. до полосы такой ширины, что можно проѣхать по этой полосѣ разъ только одною бороной.

Вопросы, касающіеся передѣловъ, *рѣшаются*, по словамъ автора, *при самыхъ «интимныхъ» беседахъ*, гдѣ обсуждается и взвѣшивается въ подробности все, что можетъ способствовать *производительности* семьи: количество скота, навоза, сохъ, количество «ложегъ» (ѣдоковъ), а также склоненъ ли работникъ въ семьѣ болѣе къ земледѣльческимъ занятіямъ, или же къ отхожимъ промысламъ.

Корень сельско-хозяйственныхъ неудачъ настоящей общины авторъ видитъ въ недостаткѣ сѣнокошныхъ угодій, вслѣдствіе чего является недостатокъ въ скотѣ, а съ этимъ и въ навозѣ, для удобренія крайне плохой земли по качеству и весьма ограниченной по количеству. Всѣ эти условія заставляютъ здѣсь крестьянъ искать заработковъ въ Москвѣ, на фабрикахъ. Весьма подробно изложено самое производство передѣловъ, техника этого дѣла.

Говоря объ *арендѣ* земли, въ особенности сѣнокосныхъ участковъ, г. Мурашкинцевъ объясняетъ причину, по которой сѣмка сѣнокосовъ рѣдко производится миромъ, а больше отдѣльно каждымъ хозяиномъ или нѣсколькими дворами вмѣстѣ: снимать миромъ, говорятъ крестьяне, слишкомъ «мѣшкотно».

Лѣса у общины нѣтъ и дрова зарабатываются на сторонѣ.

Въ отдѣлѣ статьи о *веденіи хозяйственныхъ дѣлъ* обращаетъ на себя вниманіе описаніе «очередныхъ женскихъ помочей» («толокъ») для «мятья льна». Обыкновенно эти помочи собираются поочередно въ каждомъ дворѣ и вызываются чисто-экономическими расчетами, именно тѣмъ, чтобы не топить для сушки льна овинъ нѣсколько разъ, вмѣсто одного.

Если производить мятье льна силами одной семьи, то по невозможности перемять все его количество въ одинъ день придется растянуть это дѣло на нѣсколько дней и, такимъ образомъ, расходовать на сушку его болѣе значительное количество топлива.

Платежъ податей и другихъ сборовъ раскладывается здѣсь, какъ и вездѣ, на всѣхъ хозяевъ, пользующихся землею. Въ одной изъ сосѣднихъ деревень вдова съ сиротами пользуется небольшимъ участкомъ *бесплатно*. Значительно ограничены здѣсь права хозяевъ относительно распоряженія скотомъ и навозомъ. Такъ, каждый, имѣющій навозъ, обязанъ вывозить его на поля; не имѣетъ права продавать какъ навозъ, такъ и весь свой скотъ.

С. Капустинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объ осуществленіи или постановкѣ драмы на сценѣ *)

Разсмотримъ, прежде всего, вопросъ, существуетъ ли художественная необходимость въ осуществленіи на сценѣ драмы, созданной поэтомъ. Прекрасное есть воплощеніе идеи въ формѣ образовъ, создаваемыхъ фантазіей; облеченная въ такую форму, она становится идеаломъ. Осуществленіе идеала въ матеріальныхъ образахъ, воздѣйствующихъ на наши внѣшнія чувства и посредствомъ ихъ возбуждающихъ творческую дѣятельность фантазіи, создаетъ художественное произведеніе. Слѣдовательно, такое произведеніе можно разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны его идеальнаго содержанія и со стороны матеріальныхъ формъ, въ которыхъ оно воплотилось, хотя объ онѣ неотдѣлимы другъ отъ друга: въ матеріальной формѣ заключено все матеріальное содержаніе произведенія, а идеальнымъ его содержаніемъ указана матеріальная форма его. Изъ односторонняго идеалистическаго возрѣнія на художественное произведеніе проистекла недостаточная оцѣнка значенія его матеріальной формы, — оцѣнка, которая собственно вытѣснила искусство изъ того мѣста въ области прекраснаго, которое оно должно занимать по праву; на его мѣсто она поставила идеалъ, который непосредственно возникаетъ и создается въ фантазіи поэта, артиста, художника, а созданіямъ собственно искусства отвела второе мѣсто. Такое возрѣніе признало за идеальными формами, созданными внутреннею дѣятельностью духа, высочайшую дѣйствительность въ области красоты, а художественныя произведенія сочло лишь попыткой неудовлетвореннаго стремленія воплотить полную красоту въ чувственныя формы.

Мы видѣли, что произведеніемъ искусства называется воплощеніе идеи въ формахъ матеріальныхъ; матеріалы, изъ которыхъ создаются его формы, опредѣляютъ родъ, къ которому оно принадлежитъ. Мы видѣли также, что каждый матеріалъ можетъ воплотить извѣстныя опредѣленныя стороны прекраснаго. Изъ образовательныхъ искусствъ архитектура и скульптура владѣютъ однѣми внѣшними формами предметовъ, и, такимъ образомъ, по-

*) Найденная въ бумагахъ С. А. Юрѣва глава изъ задуманнаго имъ большаго сочиненія о сценическомъ искусствѣ, служащая продолженіемъ статей, уже напечатанныхъ въ *Русской Мысли*.

слѣдняя изъ нихъ обладаетъ сравнительно ограниченными средствами для выраженія внутренняго состоянія души человѣка и вообще одушевленнаго существа. Живопись, имѣя въ своей власти нѣмыя формы предметовъ и краски, можетъ уже открывать передъ нами внутреннюю жизнь человѣка, но только не въ полной опредѣленности и ясности, не въ силахъ непосредственно раскрывать высшую сторону его духовной дѣятельности, его мышленіе, и можетъ сдѣлать это только образными намеками, возбуждая нашу фантазію, а чрезъ нее дѣятельность нашей мысли. Музыка не можетъ посредствомъ звуковъ, всегда неясныхъ для мысли, не перешедшихъ въ членораздѣльную рѣчь, ни описать видимыхъ явленій внѣшняго міра, ни выражать послѣдовательно развиваемой мысли; возбуждая только дѣятельность фантазіи, она предоставляетъ ее на волю произвола и случайности. Поэзія, наконецъ, если даже ограничивается однимъ беззвучнымъ печатнымъ или писаннымъ словомъ, получаетъ возможность описать и выразить не только то, что доступно образовательнымъ искусствамъ и музыкѣ, но и все содержаніе высшей дѣятельности духа, объемлющей жизнь всего міра, всю видимость его во всѣхъ направленіяхъ, и чувство, и мышленіе; въ этомъ смыслѣ поэзія можетъ быть названа универсальнымъ искусствомъ, — но только въ этомъ смыслѣ. Приобрѣтя въ широтѣ объема, въ высотѣ и достоинствѣ содержанія, поэзія безъ помощи звука и непосредственнаго предъявленія описаннаго предмета много утрачиваетъ въ силѣ впечатлѣнія, производимаго ею на читателя. Изъ сказаннаго видно, что не существуетъ искусства, которое бы могло, ограничиваясь матеріальными средствами, только ему свойственными, осуществить общую идею прекраснаго и открыть ее во всѣхъ слояхъ ея жизни, — такою искусства, которое бы въ силахъ было, соединивъ всѣ возможныя для того впечатлѣнія, вызывать, ихъ въ равной силѣ и чистотѣ, ибо не существуетъ общаго, для всякаго содержанія вполнѣ удовлетворительнаго средства выраженія его, — слѣдовательно, *нѣтъ въ полномъ смыслѣ абсолютнаго универсальнаго искусства.*

Если бы открылась какимъ-нибудь путемъ, хотя бы силою гипнотическаго внушенія, возможность поэтѣмъ, артистамъ и художникамъ передавать въ фантазію и сознаніе другаго человѣка идею, возникшую въ ихъ собственной фантазіи, во всей ея полнотѣ и цѣльности, не прибѣгая ни къ какому матеріальному средству, мы получили бы совершеннѣйшее искусство, достигли прицѣла, далѣе котораго ему некуда идти. Но, пока этого нѣтъ, художникъ можетъ исполнить свою задачу, переносить возникшій и живущій въ его фантазіи идеаль въ сознаніе и фантазію другаго, только воплощая этотъ идеаль въ формахъ, вещественно существующихъ. Изъ раскрытаго нами возрѣнія на идеаль, не вышедшій изъ области чисто-интеллектуальной, не облечшійся въ матеріальныя формы, чувственно его воплощающія, естественно долженъ былъ возникнуть слѣдующій эстетическій принципъ, который раздѣляли въ новѣйшее время различные знаменитые эстетика. Если высшая художественная красота заключается въ красотѣ интеллектуальнаго идеала, и всякая матеріализація его ослабляетъ ее, то

и наслаждение, доставляемое ею, возрастает съ ослабленіемъ матеріализации этой идеальной красоты. Отсюда понятна забота о томъ, чтобы возбужденія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, производимыя впечатлѣніемъ матеріальныхъ формъ художественнаго произведенія, не отвлекали нашего вниманія отъ внутренней интеллектуальной стороны его къ внѣшней. Въ виду занимающаго насъ предмета, считаемъ умѣстнымъ и не лишнимъ привести слова Гёте, относящіяся къ осуществленію драмы на сценѣ, и объяснить по возможности ихъ значеніе. Гёте въ своей статьѣ *Shakspeare und kein Ende* высказываетъ мысль, что «Шекспиръ производитъ впечатлѣніе только жизненною силой своего слова; это особенно становится яснымъ, когда слышишь чтеніе его произведеній: слушатель не развлекается ни хорошею, ни дурною игрой. Нѣтъ выше наслажденія, какъ слушать съ закрытыми глазами правильное, обычнымъ голосомъ чтеніе его произведенія, не декламированіе, а простое чтеніе». Въ концѣ той же статьи и Гёте высказываетъ мнѣніе, что было бы очень хорошо, если бы Шекспиръ былъ со всѣмъ вытѣсненъ со сцены, потому что тогда бы только одиночные читатели его твореній могли получать высшее наслажденіе. Въ этихъ словахъ вы узнаете драматурга, въ твореніяхъ котораго лица почти не дѣйствуютъ, какъ, напр., въ *Эмонтъ*, *Тассо*, *Ифигеніи*, и для котораго главный интересъ сосредоточенъ въ развитіи, съ величайшею глубиной мысли и со всею энергіей поэтическаго слова, тѣхъ тайнъ внутренней жизни духа, о которыхъ человѣкъ собственно молчатъ и которыя только открываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Откровеніе этихъ тайнъ восхищаетъ Гёте и въ твореніяхъ Шекспира. Понятно съ этой точки зрѣнія его желаніе отстранить впечатлѣнія на его слухъ и зрѣніе, которыя могутъ возмутить и нарушить покой его сосредоточеннаго вниманія, устремленнаго на предметъ, наиболѣе драгоценный для него. Вотъ почему онъ закрываетъ глаза при слушаніи чтенія, устраняетъ декламацию и предпочитаетъ ей простое, правильное чтеніе и ясное произношеніе слова обычнымъ для чтеца ровнымъ голосомъ; онъ желаетъ, чтобы зрѣніе и слухъ не смущали и не нарушали спокойствія его свободно развивающейся мысли. Онъ все предоставляетъ фантазіи, возбуждаемой спокойнымъ произношеніемъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ, и считаетъ высочайшею цѣлью и задачей драмы—возсозданіе въ душѣ слушателя, при помощи его ума и фантазіи, внутреннихъ интеллектуальныхъ образовъ идеальнаго міра, составляющаго содержаніе поэтическаго созданія, и для этого отрицаетъ почти всякую помощь со стороны матеріальныхъ средствъ. Авторитетность имени Гёте можетъ придавать вѣсь такому воззрѣнію и послужить опорой сказанному выше идеалистическому направленію въ пониманіи художественно-прекраснаго въ искусствѣ, способному до извѣстной степени парализовать успѣхи его развитія. такому воззрѣнію, можетъ быть, мы обязаны появленіемъ въ драматической литературѣ такъ называемыхъ «драмъ для чтенія» (*Lesedramen*), незаконныхъ порожденій драматической поэзіи, даже иногда въ извѣстномъ смыслѣ уродствъ. Въ виду этого, считаемъ не лишнимъ поговорить о такомъ воззрѣніи на дра-

му, прежде чѣмъ выяснимъ эстетическій принципъ, который долженъ быть положенъ въ основаніе осуществленія драмы на сценѣ.

Мы не можемъ ни на минуту сомнѣваться, что самъ Гёте испытывалъ высокое наслажденіе при слушаніи чтенія драмъ Шекспира, о которомъ онъ говоритъ; увѣрены, что при этомъ онъ не нуждался въ помощи особыхъ матеріально-чувственныхъ средствъ и вообще находилъ пользу въ уменьшеніи содѣйствія до минимума. За это ручается необыкновенная сила его поэтической фантазіи, сохранныя имъ до глубокой старости и постоянно увеличиваемая непрерывнымъ упражненіемъ въ продолженіе всей жизни. Допускаемъ, что многіе и послѣ него, и въ наше время одарены способностью и образованіемъ, подобными тѣмъ, какими онъ обладалъ, и такъ же, какъ и онъ, могутъ испытывать великое наслажденіе при слушаніи твореній великаго британца; но все это будетъ справедливо въ отношеніи сравнительно немногихъ и не можетъ быть распространено на всѣхъ, на цѣлыя народы. Искусство поэзіи не можетъ ограничиваться вліяніемъ только на нѣсколькихъ лицъ, богато-одаренныхъ фантазіей; оно существуетъ для всего человѣчества, и въ этомъ великая общественная сила и высокое назначеніе поэзіи, фантазія же громаднаго, подавляющаго своею численностью большинства можетъ быть возбуждаема только воздѣйствіемъ на внѣшніе органы чувствъ. Разсмотримъ ближе, чего опасается Гёте при осуществленіи драмы на сценѣ? Вниманіе и мысль слушателя, — говоритъ онъ, — не должны быть разсѣяны ни хорошимъ, ни дурнымъ исполненіемъ ея. Дурное исполненіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, и не о немъ мы говоримъ. Рѣчь идетъ и можетъ идти здѣсь только о хорошемъ, удовлетворительномъ исполненіи, и только такое имѣемъ мы въ виду, а также публику, хотя и не одаренную особенными духовными силами, но способную къ воспріятію въ свое сознаніе, хотя и не во всей полнотѣ, внутренняго содержанія поэтическаго произведенія. Подъ хорошимъ же сценическимъ исполненіемъ драмы мы разумѣемъ такое, которое какъ можно непосредственнѣе, вѣрнѣе, нагляднѣе и живѣе воплощаетъ содержаніе драмы и, пользуясь матеріальными средствами, не злоупотребляетъ ими, не подавляетъ внѣшними впечатлѣніями самостоятельной дѣятельности духа слушателя и не отвлекаетъ его вниманія отъ этого содержанія. Какимъ образомъ можетъ быть это доступно, мы нѣсколько далѣе постараемся разъяснить, хотя и не со всюю желанною подробностью. Здѣсь же замѣтимъ, что Гёте, желая избѣгать такого ослабленія вниманія къ внутреннему содержанію драмы по милости впечатлѣній на наши внѣшнія чувства, достигаетъ по отношенію къ человѣку, не одаренному силами его гениальной фантазіи, противоположнаго результата. При способѣ, которымъ Гёте хочетъ осуществить свою цѣль, онъ не устраняетъ внѣшнихъ впечатлѣній ни на слухъ, ни на зрѣніе, а только замѣняетъ ихъ другими, которыя не согласуются съ идеальнымъ содержаніемъ читаемой драмы: ровное, простое, реципирующее чтеніе прямо противорѣчитъ содержанію читаемаго, и это противорѣчіе становится особенно ощутительнымъ въ драмѣ; если оно до нѣ-

которой степени возможно при чтеніи эпическаго произведенія, какъ разказа о прошедшемъ, совершившемся уже событіи, идущаго отъ лица для него посторонняго, то въ драмѣ, гдѣ каждый говорить отъ себя, высказываетъ свои мысли, свои чувства во время событія, въ совершеніи котораго самъ участвуетъ и мыслью, и сердцемъ,—такое равнодушное произношеніе рѣчи возбуждаетъ крайне непріятное чувство. Странно слышать безстрастную рѣчь въ устахъ человѣка, котораго мы должны себѣ представить въ страстномъ возбужденіи. Кромѣ того, отсутствіе въ голосѣ произносящаго рѣчи въ драмѣ тоноу, возбуждающихъ соотвѣтствующія чувства, болѣе или менѣе ослабляетъ значеніе и часто искажаетъ самый смыслъ ихъ. Такимъ полнымъ разногласіемъ слышимаго съ тѣмъ, что творитъ фантазія слушателя, управляемая смысломъ произносимыхъ словъ, возбуждается въ душѣ послѣдняго тяжелое чувство нетерпѣливаго, но неудовлетворяемаго желанія устранить такую двойственность, противорѣчащую природѣ человѣка, въ которой чувства и звукъ органически слиты другъ съ другомъ такъ, что движеніе внутренняго чувства непосредственно переходитъ въ движеніе голосовыхъ мышцъ горла, издающее соотвѣтствующіе звуки. Инстинктивное противодѣйствіе этому причиняетъ болѣзненное чувство, возмущаетъ спокойную дѣятельность фантазіи и развлекаетъ вниманіе. Сверхъ того, при слушаніи съ закрытыми глазами такъ прочитанной драмы непріятное чувство, возбуждаемое сказаннымъ противорѣчіемъ звуковъ съ содержаніемъ, не можетъ не вліять и на творчество фантазіи слушающаго, воспроизводящей образы, внушаемые ему словами; оно при недостаточности ея силы или ослабляетъ создаваемые образы, или извращаетъ чувства, возбуждаемые ими. Кромѣ того, одѣвая весь внѣшній міръ тьмоу, заселяя его, вмѣсто живыхъ, реальныхъ образовъ, призраками воображенія, къ которымъ вдобавокъ еще возбуждается при этомъ сочувствіе, поднимаетъ при извѣстной яркости этихъ образовъ въ душѣ слушателя стремленіе видѣть ихъ, осязать живыми хоть ярѣніемъ. Всѣ эти источники, возмущающіе и чувства, и вниманіе слушающаго, могутъ быть при закрытыхъ его глазахъ парализованы только необыкновенною силой его фантазіи, изъ ряда выходящей, которая и при равнодушно произносимой рѣчи можетъ слышать въ ней одушевленные чувствомъ звуки и страстные тоны, и создавать образы, достигающіе яркости почти галлюцинаціонныхъ видѣній. Но невозможно этого ожидать и требовать отъ всѣхъ. Доказательство тому даетъ повсемѣстный и повседневный опытъ, которымъ легко убѣдиться, до какой степени можетъ быть утомительно и непріятно слышать продолжительное, однообразное и монотонное чтеніе не только драмы, но и всякаго поэтическаго произведенія, а никакой чтецъ не въ состояніи исполнить такого дѣла безъ усилія надъ собою. Слушать же драму въ театрѣ съ закрытыми глазами никто не рѣшится, и если вздумаетъ принудить себя къ тому, результатомъ будетъ только крайнее утомленіе и усыпленіе.

Мнѣніе Гёте, о которомъ мы здѣсь говоримъ и которому онъ, однако, въ другихъ мѣстахъ его сочиненія вообще противорѣчитъ, если не коренится,

на самомъ дѣлѣ, въ теоріяхъ идеалистическаго направленія, то, по крайней мѣрѣ, по существу своему можетъ истекать изъ нихъ, и несвойственно его художественной природѣ, живо чувствовавшей жизнь реального міра и наслаждавшейся красотой впечатлѣній, получаемыхъ отъ него.

Поэтическому духу Гёте служить противорѣчіемъ воззрѣніе, видящее высшую дѣйствительность красоты въ идеалѣ, создаваемомъ фантазіей художника, не выходящемъ изъ области чисто - интеллектуальной въ область жизни міра вещественнаго. Можетъ быть, по замѣчанію Пабста *), къ такому идеалистическому воззрѣнію привело общеупотребительное пониманіе значенія слова *идеалъ*, которымъ привыкли обозначать созданіе духа, не выходящее за предѣлы интеллектуальнаго міра. Но такое пониманіе ошибочно и можетъ быть названо злоупотребленіемъ ходячей рѣчи. Вообще художникъ, имѣющій дѣло съ вещественнымъ матеріаломъ, осуществлять свой идеалъ до степени полноты и совершенства, возможной для него и для его матеріала, воплощая возникшую въ его духѣ идею въ формахъ матеріальныхъ. Рѣчь, стало быть, можетъ идти о дѣйствительности и болѣе или меньшей важности воплощенія художественнаго идеала въ формахъ, создаваемыхъ изъ вещественнаго матеріала или изъ матеріала интеллектуальнаго. Отсюда возникли два направленія въ эстетикѣ: идеалистическое, въ которомъ мы упоминали, и другое, дающее перевѣсъ въ дѣлѣ красоты матеріальнымъ формамъ надъ внутреннею стороною художественнаго произведенія. Новѣйшей эстетикѣ удалось примирить оба эти направленія. Но этотъ вопросъ выпадаетъ изъ задачи нашей статьи. Мы не пишемъ трактата объ эстетикѣ и остановимся на томъ положеніи, которое, кромѣ неясной постановки понятія объ идеалѣ въ вопросѣ о художественныхъ произведеніяхъ, повело къ идеалистическому воззрѣнію на искусство, — именно на ограниченности пригодности каждаго вещественнаго матеріала для воплощенія всѣхъ сторонъ идеала интеллектуальнаго. Живой силѣ фантазіи художника присуще стремленіе расширить предѣлы своего творчества, охватить болѣе сторонъ жизни идеала, разрушить препятствія, перейти за границы, представляемыя матеріаломъ, или замѣнить его другимъ, въ которомъ идея даннаго явленія могла бы полнѣе и глубже выразиться, или же призвать на помощь другія искусства, обладающія другими матеріалами. Слѣдуя первому стремленію, художественная фантазія, единственный органъ прекраснаго, не находя матеріала, способна воплотить со всѣхъ сторонъ идею въ матеріальныя формы, отстраняетъ вещественность ихъ и останавливается на интеллектуальномъ идеалѣ, созданномъ изъ образовъ воображенія, и даетъ ему первое мѣсто въ области прекраснаго. Слѣдуя второму направленію, стремленіе художественной фантазіи, проникнутое желаніемъ стать въ полномъ смыслѣ живою силой, воздѣйствующею на окружающую жизнь, не останавливается на этомъ, не разрѣшаетъ задачи отвлеченнымъ идеализ-

*) Вообще, для болѣе подробнаго развитія занимающей насъ темы, въ этомъ мѣстѣ нашей статьи мы отсылаемъ читателя къ сочиненію Карла Роберта Пабста: *Die Verbindung der Künste auf der dramatischen Bühne*. Bern, 1870.

момъ, а комбинируетъ изъ нѣсколькихъ искусствъ живое, цѣльное художественное созданіе, воплощающее въ реальныхъ формахъ художественную идею со всѣхъ сторонъ.

Расширеніе идеальнаго содержанія художественнаго произведенія за предѣлы, допускаемые свойственнымъ ему матеріаломъ, совершается дополненіемъ впечатлѣній отъ него другими, получаемыми отъ созданій иныхъ искусствъ. Эти послѣднія входятъ въ это сочетаніе, не нарушая гармоніи впечатлѣній, двоякимъ путемъ: или полнымъ, органическимъ соединеніемъ перваго съ послѣдними, или сопоставленіемъ ихъ. Къ первому случаю принадлежитъ соединеніе поэзіи съ музыкой въ пѣніи, поэзіи съ пластикой въ мимикѣ, пластики съ музыкой въ танцахъ, гдѣ тѣлодвиженія согласуются съ ритмомъ музыки, а музыкальные тоны какъ бы воплощаются въ пластическія формы. Второму случаю могутъ служить примѣрами одновременное сопоставленіе произведеній архитектуры съ произведеніями скульптуры или живописи, когда послѣднія служатъ украшеніями, или когда первыя своимъ впечатлѣніемъ возвышаютъ впечатлѣніе отъ послѣднихъ, — также и сопоставленія искусствъ въ послѣдовательности, когда, напримѣръ, музыка предшествуетъ пѣнію или декламированію поэтическаго произведенія, или представленію такого же произведенія въ драматической формѣ, или же когда она слѣдуетъ за ними. Въ первомъ случаѣ музыка возбуждаетъ въ слушатель настроеніе, заставляющее его глубже и искреннѣе воспринимать впечатлѣнія отъ поэтическаго произведенія, а во второмъ, слѣдуя за ними, разрѣшаетъ возбужденное имъ чувство въ душевное удовлетвореніе или другое желанное состояніе. Какую бы цѣль ни имѣло подобное гармоническое соединеніе искусствъ: расширеніе ли идеальнаго содержанія художественнаго произведенія, воплощеніе ли большаго числа или всѣхъ возможныхъ сторонъ жизни этого идеала, усиленіе ли впечатлѣній, сосредоточеніе ли духа на идеѣ произведенія, устраненіе ли причинъ, возмущающихъ вниманіе къ нему, во всякомъ случаѣ, по необходимости долженъ имъ управлять одинъ законъ, чтобы всѣ искусства, соединенныя въ художественномъ произведеніи, были подчинены одному изъ нихъ. Этого требуетъ единство впечатлѣнія отъ даднаго произведенія, безъ чего немислима и красота его. Соединеніе искусствъ, въ которомъ каждое дѣйствуетъ самостоятельно и преслѣдуетъ только свои спеціальныя цѣли, не обращая вниманія на другія, лишено единства, въ которомъ должно слиться все разнообразіе впечатлѣній отъ художественнаго произведенія. Равносильное возбужденіе чувствъ, существуя въ полной ихъ интензивности вмѣстѣ, въ одно и то же время, только ослабляетъ каждое изъ нихъ . производить путаницу въ ощущеніяхъ. Вотъ почему ни въ одномъ соединеніи искусствъ не можетъ господствовать надъ ними болѣе одного искусства, а всѣ другія должны признать свою подчиненность ему или, въ противномъ случаѣ, ограничить силу получаемыхъ отъ нихъ впечатлѣній. Блистательнымъ примѣромъ, подтверждающимъ послѣднее, можетъ быть тотъ видъ оперы, который задуманъ Вагнеромъ. Онъ имѣлъ намѣреніе

создать такое универсальное художественное произведение, которое бы соединяло въ себѣ всѣ искусства въ равной силѣ. Въ результатъ получилось то, чего никто не можетъ признатьъ коллективнымъ изъ всѣхъ искусствъ, въ него входящихъ, художественнымъ созданиѣмъ, и даже такимъ, въ которое бы входили въ равной силѣ и музыка, и поэзія. Нельзя упрекать Вагнера, какъ композитора, за то, что онъ невольно далъ въ своемъ произведеніи первое мѣсто музыкѣ, и, написавъ оперу, отвелъ поэзіи подчиненное положеніе, но, преслѣдуя свою цѣль, онъ и музыкѣ, хотя наиболѣе родственной съ поэзіею, не далъ при этомъ развиться до той силы и полноты, которой она достигаетъ въ мелодіи. Его соединеніе музыки съ самостоятельнымъ поэтическимъ текстомъ уступаетъ простой пѣснѣ, и оба элемента, поэтическій и музыкальный, остались неразвитыми до полноты своихъ силъ. Вагнеръ хотѣлъ устранить этотъ недостатокъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ инструментальную музыку болѣе, чѣмъ аккомпаниментомъ поэтическаго слова, и обратилъ ее въ настоящаго музыкальнаго живописца, а поэзіи предоставилъ роль предлагательницы текста, поставилъ ее госпожею, опредѣляющею образы, создаваемые музыкой, и управляющею ими. Такимъ образомъ, онъ вытѣснилъ изъ музыки своего произведенія молодичное и собственно пѣсенное, а на мѣсто ихъ поставилъ речитативъ и декламаторство, сдѣлавъ для пѣнія невозможнымъ самостоятельное и свободное раскрытіе его красоты. Хотя Вагнеру мы можемъ быть благодарными за избавленіе мелодіи отъ безсодержательныхъ излишествъ и пустыхъ прикрасъ, но онъ все же не достигъ своей цѣли и не могъ достигнуть, потому что поэзія, сдѣлавшись управительницей содержанія музыкальнаго сочиненія, все-таки, не занимаетъ того мѣста, которое она должна занимать, а остается служительницей элемента, который не способенъ играть роль высшей способности духа, разума.

Въ созданіи Вагнера взаимное ослабленіе поэзіи и музыки есть необходимое послѣдствіе замысла создать такое коллективное произведеніе соединенныхъ искусствъ, въ которомъ ни одно изъ нихъ не господствовало бы надъ всѣми прочими и не подчиняло всѣхъ ихъ своему содержанію и своей цѣли. Творецъ коллективнаго художественнаго произведенія долженъ бы былъ или создавать собственно музыкальную драму, въ которой всѣ другіе элементы ея должны подчиняться музыкальной цѣли, музыкальной идеѣ, или драму, какъ поэтическое произведеніе, въ осуществленію котораго должны быть направлены всѣ другія соединенія въ данномъ произведеніи искусства. Двумъ господамъ и въ художественномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, не служатъ; одному поклоняются, а другаго ставятъ на второй планъ. Когда мы говоримъ здѣсь о коллективномъ художественномъ произведеніи, въ которомъ должно господствовать одно искусство, мы не говоримъ о равномъ ограниченіи эффектовъ, производимыхъ отдѣльными искусствами, и употребленіи художественныхъ средствъ, которыми располагаютъ они для выполненія своихъ специальныхъ цѣлей и задачъ, а тѣмъ менѣе о нарушеніи вѣрности присущимъ имъ законамъ. Здѣсь идетъ рѣчь:

1) о сочетаніи впечатлѣній, которыя можетъ производить своими средствами каждое изъ этихъ искусствъ, такъ, чтобы

2) каждое изъ искусствъ, входящихъ въ коллективное художественное произведеніе, не преслѣдовало исключительно только свои цѣли, а подчинялось цѣли главнаго, господствующаго въ произведеніи искусства, и, прежде всего,

3) чтобы соединенія впечатлѣній, производимыхъ искусствами, образующими коллективное произведеніе, были всегда психологически возможны. Такъ, наприм., какъ доказано опытомъ и объяснено Лазарусомъ въ его книгѣ *Das Leben der Seele*, психологически противорѣчатъ другъ другу обозрѣніе картины нѣсколько сложной и слушаніе пѣсни съ соответствующимъ содержаніемъ, и потому они художественно несоединимы. Невозможно сопоставленіе другъ съ другомъ многихъ красокъ, которыя между собою не мирятся цвѣтами. Извѣстно также, что слишкомъ большія подробности, окружающія данное явленіе и при этомъ часто измѣняющіяся, разсѣиваютъ вниманіе къ нему, или, заслоняя его разнообразіемъ впечатлѣній, ослабляютъ то, которое должно получиться отъ него.

4) Осуществленіе драмы на сценѣ должно имѣть исключительною цѣлью воплощеніе поэтической идеи ея со всею полнотою и прозрачностью, возможными для матеріальныхъ формъ, въ которыхъ она воплощается.

Вотъ главнѣйшія условія, которыя должны быть положены въ основу осуществленія драмы на сценѣ. Впослѣдствіи мы упомянемъ и о нѣкоторыхъ другихъ. Лучшимъ руководителемъ, въ видахъ избѣжанія нарушенія ихъ, долженъ служить умъ и тактъ режиссера.

Обсуждая желаніе Гёте, ради большаго наслажденія поэтическимъ содержаніемъ, устранить отъ формы драмы всякую ея матеріализацію, мы видѣли безуспѣшность подобныхъ усилій не только потому, что и при этомъ матеріальная сторона слова, все-таки, остается неизмѣнною, но и потому, что желанное для Гёте наслажденіе мыслимо только для немногихъ, подобно ему одаренныхъ. Слѣдовательно, драма, какъ чисто-поэтическое произведеніе, не можетъ довольствоваться для своей внѣшней формы ни словомъ беззвучнымъ, ни словомъ равнодушно рецитированнымъ. И этотъ матеріалъ слова, несмотря на его необъятную способность охватить всю безконечность существующихъ явленій бытія, несмотря на безконечную его гибкость, на возможность для него подняться на высочайшую точку проявленія духа, все-таки, нуждается въ помощи матеріаловъ, которыми владѣютъ другія искусства, нуждается и въ самыхъ этихъ искусствахъ.

Почему это? Чего же недостаетъ въ дивномъ матеріалѣ слова? Мы могли бы отвѣчать на этотъ вопросъ, продолжая разборъ выписанныхъ нами словъ Гёте, и подкрѣпить нашъ отвѣтъ его же собственными словами по другому поводу; но сдѣлаемъ лучше, если выведемъ этотъ отвѣтъ изъ самой сущности дѣла. Такимъ образомъ онъ яснѣе дастъ возможность видѣть значеніе въ осуществленіи драмы на сценѣ заимствованій, дѣлаемыхъ изъ

другихъ искусствъ, и роль ихъ въ коллективномъ художественномъ произведеніи, называемомъ *представленіемъ ея на сценѣ*.

На поэзіи обнаруживается общій для всѣхъ искусствъ законъ. Если кое-что изъ нихъ приобретаетъ передъ другими превосходство по соержанію, то такое приобретение неминуемо сопровождается потерей въ другомъ отношеніи. Потеря образовательныхъ искусствъ и музыки преимущественно заключается въ утратѣ нѣкоторыхъ областей явленій жизни или видимаго міра. Такъ, образовательныя искусства теряютъ область слышимыхъ явленій, а область лирики, живущей чувствомъ лишается всего видимаго міра; кромѣ того, образовательныя искусства и музыка принуждены отказаться отъ выраженія чистой мысли, сообщенія логически развивающейся идеи и предоставить ихъ поэзіи.

Поэзія же овладѣваетъ этою высшею областью духа и не отказывается отъ права, хотя и при помощи матеріальныхъ средствъ другихъ искусствъ, воспроизводить идеальное содержаніе и послѣднихъ; потому-то именно поэзія, обнимая своимъ матеріаломъ содержаніе всего міра, можетъ соединять между собою содержанія всѣхъ другихъ искусствъ и лечь въ основаніе внутренне объединеннаго коллективнаго художественнаго произведенія. Она можетъ посредствомъ рѣчи, вооруженной различными тонами звука, передать въ сознаніе человѣка весь міръ идей, понятій и видимыхъ или только слышимыхъ явленій. Для возможно яснаго и точнаго выраженія самаго высокаго и отвлеченнаго содержанія достаточно безстрастнаго слова; если же мы остановимся на такомъ словѣ, желая имъ выразить содержаніе и другихъ искусствъ, не прибѣгая къ ихъ средствамъ, то увидимъ, что оно не только не въ силахъ исполнить такую задачу съ полнотою и совершенствомъ, доступнымъ имъ при посредствѣ ихъ матеріаловъ, но получимъ въ немъ не болѣе, какъ механическое орудіе, передающее въ сознаніе слушателя понятіе въ формѣ ничего неговорящаго знака или символа. По крайнему идеалистическимъ воззрѣніямъ нѣкоторыхъ эстетиковъ, слово, какъ символъ, другаго значенія, кромѣ холоднаго, безстрастнаго проводника, въ поэзіи и не имѣетъ. Даже въ эстетикѣ такого глубокаго мыслителя, какъ Шиперъ, мы читаемъ: «въ поэзіи нѣтъ матеріальной стороны» (которая бы самостоятельно по своей природѣ производила дѣйствія), и слово имѣетъ только значеніе проводника (Vehikel) и механическаго средства переносить понятія изъ одного сознанія въ другое. «Такимъ образомъ, и языкъ играетъ роль безучастной кисти, которою фантазія поэта рисуетъ на фантазіи другаго». Такъ, повидимому, смотрѣлъ и Гёте, высказывая приведенныя нами выше мысли. Мы здѣсь не останавливаемся на дѣйствительной природѣ слова, какъ на истинно-художественномъ созданіи нашего духа и нашей чувственной жизни, и на назначеніи слова, какъ члена прозаической и поэтической рѣчи, не будемъ анализировать и природу послѣднихъ. Это заставило бы насъ сдѣлать излишнее отступленіе; и безъ того ясно, что значеніе слова не можетъ остановиться на полезности его, какъ символа или только механическаго проводника понятія изъ сознанія одного въ со-

знание другаго; слово по природѣ своей требуетъ звука, выражающаго чувство. Читая эпосъ, еще можно равнодушно рецитировать рѣчь, которую произносишь; но уже въ лирикѣ поэтъ говоритъ отъ своего имени, высказываетъ свои чувства, а въ драмѣ выводятся лица, не только отъ себя говорящія, сообщающія свои чувства и мысли, но и воздѣйствующія словами на другихъ; равнодушное произнесеніе словъ немислимо. Конечно, въ писанной или печатной драмѣ все это открывається только нашей силой представленій, и фантазіи предоставляется много дополнять; все остается на степени призрачнаго только бытія въ воображеніи, неразлучнаго съ недостатками такого бытія. Прекрасное же хочетъ *быть на самомъ дѣлѣ* и дѣйствовать не на одно внутреннее сознаніе, но и на нашу чувственность, — не на однѣ духовныя силы, но и на внѣшнія чувства. Недаромъ художественно-прекрасное есть высшее единеніе прекраснаго въ матеріальной природѣ съ прекраснымъ въ фантазіи. Поэзія по внутреннему своему содержанию, независимому отъ слова (если считать его только за проводника понятій), собственно почти вся вращается въ области внутренняго идеала, и чтобы сдѣлать одинъ шагъ за предѣлы такой призрачной жизни, ей необходимо только соединиться съ формами другихъ искусствъ, прибѣгнуть къ ихъ матеріаламъ. И этотъ шагъ поэзіи вынуждена сдѣлать съ полнымъ торжествомъ въ драмѣ, стоящей на самой высшей точкѣ ея. Дѣйствительность внутренняго содержанія въ драмѣ такъ интензивна, что какъ бы насильно разрываетъ форму слова, ее ограничивающую и представляющую такія мѣста, въ которыхъ рѣзко открывається недостаточность этой формы, и противорѣчіе, въ которое она становится съ сущностью драмы. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ противорѣчій, замѣтимъ, что если бы драма, въ виду такого противорѣчія, отказалась и отъ формы слова и нашла возможность иначе передавать сознанію человѣка свои идеалы въ формѣ чисто интеллектуальныхъ образовъ, хотя бы путемъ гипнотическаго внушенія, она перешла бы вся въ міръ призраковъ воображенія и носила бы на себѣ печать всѣхъ недостатковъ, неразлучныхъ съ такимъ существованіемъ, всю блѣдность и неполноту такого призрачнаго существованія.

Въ драмѣ дѣйствующія лица собственными ихъ словами открываютъ ясно и опредѣленно ихъ цѣли, ихъ внутреннія побужденія, настроенія ихъ чувствъ и мыслей, страсти, ихъ обуревающія, ихъ рѣчи вообще раскрываютъ передъ нами тайники души человѣка, все то, что живетъ въ ней, что движетъ и управляетъ ею. Въ этомъ мірѣ, составляющемъ содержаніе поэзіи, господствуетъ слово съ царственнымъ могуществомъ и царственною свободой. Но въ немъ есть область, въ которой для раскрытія и выраженія сущности жизни поэтъ не можетъ обойтись безъ помощи другихъ искусствъ, не можетъ не желать ввести ихъ въ нее. Это та туманная область душевныхъ настроеній, чувствъ, безотчетныхъ побуженій, то таинственное горнило, въ которомъ горитъ огонь, согрѣвающий всѣ внутреннія силы жизни человѣка и душу поэта въ минуту его творчества; отсюда возникаетъ міръ живыхъ образовъ, имъ создаваемыхъ. Открыть эту область передъ

нами во всей полнотѣ, заставить прочувствовать и понять необъяснимую для слова сущность ея и, наконецъ, ввести насъ въ самое горнило огня, творчество, можетъ только (какъ говоритъ Гёте въ его бесѣдѣ съ Эггерманомъ о сценическомъ исполненіи созданной имъ *Ифигеніи*) истинный артистъ, вооруживъ произносимыя имъ слова прочувствованными тонами звуковъ, матеріальною, такъ сказать, плотью, въ которой воплощается чувство. Слово драматическаго поэта, оставаясь только при беззвучной формѣ безъ присущаго его природѣ матеріальнаго элемента—звука, не проникло бы съ возможною для него силой въ нашу душу и наше сознание, и рѣчь актера не открыла бы для нашего разума съ полною ясностью своего смысла и значенія и не заставила бы насъ сочувствовать говорящему и внутренно сливаться съ нимъ. Музыкальные тоны рѣчи составляютъ для человѣка самое сильное и непосредственное средство сообщенія своихъ настроеній и движеній своихъ чувствъ другому. Одними беззвучными словами въ формѣ символическихъ знаковъ или словами, произносимыми однообразнымъ голосомъ дѣйствующимъ въ драмѣ лицомъ, не могли бы захватить весь интересъ нашей души и сдѣлать для насъ вполнѣ понятнымъ то, что живетъ и творится въ ея душѣ, и заставить насъ сочувствовать ему. Драма преимущественно, по самой сущности своей, требуетъ одушевленной удареніями и тонами звуковъ рѣчи: изображая событіе не какъ прошедшее, но какъ настоящее, передъ нами совершающееся, она желаетъ именно возбудить въ насъ сочувствіе къ нему такъ, какъ будто мы были участниками въ немъ, и черезъ это открываетъ его не только уму, но и чувству. Для этого необходимо то, что называется *декламацией*, мимика голосовая, безъ которой больше половины того, что заключается въ словахъ дѣйствующихъ лицъ, становится намъ непонятнымъ или совсѣмъ пропадаетъ. Но какъ ни необходима драмѣ декламация, не можетъ она на ней остановиться. Человѣкъ—органическое, единое цѣлое. Дума проникаетъ, какъ жизненная первичная сила, въ наше тѣло и во всѣ его органы и члены, и потому отъ сильнѣйшихъ до малѣйшихъ всѣ движенія души открываются, съ прирожденною намъ необходимостью, въ движеніяхъ чертъ нашего лица и другихъ видимыхъ частей нашей наружности и членовъ нашего тѣла, въ мимикѣ лица, въ жестахъ и, вообще, въ пластикѣ. Такъ естественна, неразрывна связь съ душевными движеніями мимики лица, жестовъ и другихъ движеній и положеній тѣла, что нужны часто большія усилія воли, чтобы сохранить при сколько-нибудь сильномъ внутреннемъ движеніи души въ спокойномъ состояніи черты лица и другіе члены тѣла. Но внутреннее движеніе, заключенное только въ головѣ и сердцѣ, не есть еще дѣйствіе, въ которомъ окончателно открывається весь человѣкъ, которое образуетъ главнѣйшій нервъ содержанія драмы и переходъ къ которому равносильнъ переходу ся отъ лирическаго элемента къ эпическому. Въ строгомъ смыслѣ дѣйствіе возникаетъ, когда духъ поэта, направляемый мыслью и чувствомъ, стремится къ избранной имъ цѣли, достигая ея силою ли слова, которое можетъ, какъ

говорится, «безъ ножа рѣзать и безъ меча рубить», движеніемъ ли рукъ или ногъ, и производить нѣкоторыя перемѣны во внѣшнемъ для него мірѣ. Здѣсь именно открывається съ особою яркостью недостаточность формы слова сравнительно съ образовательными искусствами. Слово принуждено описывать видимость всѣхъ предметовъ окружающаго міра и производимыя дѣйствующими лицами перемѣны и движенія въ нихъ. Тогда какъ образовательныя искусства посредствомъ красокъ и формъ въ состояніи предъ-явить нашимъ глазамъ всю эту видимость непосредственно безъ всякихъ измѣненій, поэтическое слово вынуждено ограничиваться возбужденіемъ интеллектуальныхъ представлений, понятій и мыслей, въ которыхъ всѣ во-ображаемые предметы и явленія болѣе или менѣе утрачиваютъ степень яркости и живости, которую бы они имѣли при непосредственной осязаемости ихъ зрѣніемъ. Еще было бы въ извѣстной степени удобно замѣнить описаніемъ видимость движенія или ходъ явленія, которое должно развиваться передъ глазами зрителя; предоставляя фантазіи послѣдовательно одинъ за другимъ моменты явленія, описаніе могло бы слѣдить за нимъ хотя съ большою неточностью, предоставляя многое на произволъ воображенія, не обращая вниманія на то, что опредѣлительныя слова, которыми владѣетъ языкъ, даже при великомъ искусствѣ поэта, не въ состояніи выразить многихъ характерныхъ чертъ дѣйствительнаго, живаго явленія. Но во избѣжаніе одновременнаго существованія рядомъ стоящихъ предметовъ и существующихъ признаковъ, слово должно прибѣгнуть къ послѣдовательному перечисленію ихъ, а это безъ ослабленія впечатлѣнія, которое могло бы получиться отъ непосредственной видимости предметовъ, невысказано. Поэтическій языкъ поневолѣ ограничивается въ описаніи предмета или явленія крайне немногими, характернѣйшими чертами. Да и не можетъ драма вдаваться въ такія подробныя описанія, состязаясь съ непосредственнымъ предъявленіемъ видимыхъ предметовъ, и замѣнять ихъ видимость безъ крайней задержки дѣйствія, невозможной въ развитіи драмы. Ей часто приходилось бы изображать въ словесной формѣ сложное дѣйствіе, составленное изъ множества соединенныхъ между собою и одновременно совершающихся частей его или моментально, или въ продолженіе большаго или меньшаго времени, и, притомъ, такое сложное дѣйствіе, которое образуетъ важный и необходимый моментъ въ развивающемся передъ зрителемъ событіи, включая при этомъ необходимость раскрывать нравственное состояніе и душевные мотивы каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь драма, ограничивающаяся только словесною формою, принуждена остановиться передъ рѣшительною невозможностью и, отказавшись отъ своей діалогической формы, перейти къ эпической, превратиться въ рассказъ отъ имени посторонняго, не участвующаго въ событіи лица, именно автора, стать въ явное противорѣчіе съ собою, что она и дѣлаетъ въ тагъ называемомъ сценаріи.

Въ эпическомъ рассказѣ поэтъ имѣетъ намѣреніе сообщить намъ о событіи прошедшемъ, котораго мы не были свидѣтелями, но которое онъ

видѣлъ или о которомъ слышалъ; драма же ставитъ насъ непосредственно свидѣтелями изображаемаго событія и имѣетъ цѣлью произвести иллюзію, что оно совершается въ настоящую минуту передъ нами. Въ сценаріи поэтъ разрушаетъ эту иллюзію, устраняетъ насъ отъ присутствія въ качествѣ свидѣтелей и самъ становится на наше мѣсто. Такая перемена нашего положенія, разрушая цѣльность художественнаго впечатлѣнія и ставя въ противорѣчіе самой сущности драмы, ставитъ для ея исключительно словесной формы затрудненіе, побѣдить которое драма можетъ только обратившись за помощью къ другимъ искусствамъ. Если органическая потребность природы человѣка выражать въ видимыхъ и слышимыхъ формахъ внутреннія состоянія души привела къ мимикѣ и декламации, то главная задача—раскрытіе внутренней стороны жизни человѣка въ дѣйствіяхъ и возникающихъ изъ нихъ событіяхъ — требуетъ всего искусства сценическаго артиста, которое не останавливается на одной мимикѣ и пластикѣ, но объемлетъ всѣ стороны воплощенія дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ, ихъ дѣйствій и ихъ наружности такими, какими они созданы въ фантазіи поэта. Подъ наружностью разумѣется не одинъ костюмъ въ тѣсномъ смыслѣ одежды, но и искусственныя измѣненія внѣшняго вида, къ которымъ относится и такъ называемая гримировка. Но видимыя дѣйствія лицъ, которыхъ осязаетъ наше зрѣніе, голосъ которыхъ слышитъ слухъ, не могутъ быть оставляемы безъ видимыхъ орудій, которыми они производятъ перемены въ окружающихъ ихъ предметахъ; эти предметы также не могутъ быть оставляемы на произволъ воображенія, не оскорбляя логики чувства, но должны быть предъявлены зрѣнію, такъ, чтобы форма и мѣсто дѣйствія представлялись зрителю такими, какими они были въ воображеніи поэта. Отсюда необходимость декоративной стороны и такъ называемыхъ «фигуративныхъ» предметовъ, характеризующихъ обстановку дѣйствій и бытъ времени.

Музыка инструментальная также приноситъ свои дары осуществленію на сценѣ драмы. Она предшествуетъ ему, служитъ для зрителя посредствующимъ звеномъ для перехода его изъ міра реального въ міръ идеальный, міръ фантазіи, настраивая душу къ воспріятію новыхъ впечатлѣній и приготавливая къ нимъ, а въ антрактахъ, между дѣйствій, предупреждая непріятное чувство быстрого перехода изъ міра очарованій въ міръ грубой дѣйствительности и настраивая эстетическое чувство къ воспріятію новыхъ впечатлѣній. Такимъ образомъ, инструментальная музыка передъ началомъ представленія и въ антрактахъ драмы, будучи согласована съ впечатлѣніями, которыя она должна производить, составляетъ съ нею одно цѣлое. Всѣ эти составныя части постановки драмы, составляющія сами по себѣ болѣе или менѣе самостоятельныя искусства, должны имѣть на сценѣ одну главнѣйшую цѣль — общими силами воплощать идею драмы и этой цѣли подчиняться, ограничивать себя ради ея, не нарушая при этомъ своихъ частныхъ законовъ, присущихъ каждому изъ нихъ. Во главѣ же ихъ кол-

лективного дѣйствія долженъ стоять высшій артистическій *ensemble* исполненія артистами ихъ ролей, наиболѣе существенный для той же цѣли воплощенія въ сценическихъ образахъ идеи драмы. Самою силой вещей постановка драмы на сценѣ направлена къ такому сосредоточенію зрителя, приковывающему его вниманіе къ важнѣйшему элементу драмы, представляемому самими артистами. Лишь только игра послѣднихъ возбуждетъ въ насъ достаточно симпатій къ себѣ, чувство горести или радости, декорации и всѣ другія части внѣшней обстановки почти перестаютъ обращать на себя наше вниманіе, и внѣшнее инсценированіе почти исчезаетъ для насъ. Однако, неловкость, допущенная въ немъ, заключаетъ въ себѣ только ту опасность, что своимъ иногда даже малымъ несогласіемъ съ происходящимъ дѣйствіемъ она можетъ разрушить очарованіе, производимое пьесой или, при извѣстной силѣ впечатлѣнія отъ игры артистовъ, породить раздвоеніе въ нашемъ чувствѣ, въ которомъ прекрасное впечатлѣніе отъ игры отравлено, благодаря неудачной обстановкѣ ея, непріятнымъ, ему противоположнымъ чувствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, внѣшняя обстановка оставляетъ тѣмъ болѣе слабое и смутное впечатлѣніе, чѣмъ выше было исполненіе артистовъ. Отсюда преобладающее значеніе послѣдняго въ заботахъ завѣдующаго сценой. Отсюда слѣдуетъ также, что слабость выполненія пьесы артистами не выкупается никакою искусною, даже блистательною внѣшнею обстановкой; содержаніе убито и представленіе обращается въ пустую забаву, развращающую эстетическое чувство. Сила блеска и роскоши внѣшней постановки пьесы не должна превышать силы впечатлѣнія, которое могутъ производить артисты.

Драма на сценѣ, говоримъ мы, есть цѣльное, въ себѣ законченное художественное осуществленіе идеи въ чувственныхъ образахъ, непосредственно говорящихъ нашему зрѣнію и слуху и овладѣвающихъ чувствомъ и разумомъ. Эти образы живутъ, чувствуютъ, дѣйствуютъ, смѣются, стонутъ, плачутъ и говорятъ. Въ ихъ рѣчахъ поэтъ высказываетъ внутреннія соприкосновенія души своей съ внѣшнимъ міромъ, всему въ немъ даетъ значеніе и разоблачаетъ тайны его жизни.

Движеніе и волны жизни человѣчества суть проявленія воли, свободной или несвободной, направляемой внѣшними вліяніями. Поэтическій духъ проникаетъ въ глубь этого потока, видитъ внутреннюю работу создающихъ его силъ и разоблачаетъ тайны совершающагося процесса ихъ движеній отъ первыхъ движеній чувства, заключающихъ зародженіе энергіи воли, до послѣдняго напряженія ея, воплощающагося уже въ видимое дѣйствіе. Музыка останавливается на первомъ моментѣ этого процесса; въ ней поэтъ не выходитъ изъ области внутренняго чувства, лишь усваиваетъ ему образы предметовъ и явленій внѣшняго міра и обращаетъ ихъ въ средства выраженія внутренней своей жизни въ данную минуту; всѣ стремленія его духа остаются на точкѣ ихъ зародженія въ его сердцѣ, не овладѣвая его волей и не переходя въ дѣйствіе.

Въ эпосѣ поэтъ выходитъ изъ самоуглубленія во внѣшній міръ и созерцаетъ широко открывшуюся передъ нимъ дѣйствительность. Избравъ изъ безконечнаго моря событій, образующихъ жизнь, одно событіе, уже совершившееся, законченное, явившееся результатомъ сложнаго процесса работы, произведенной многими силами многихъ волей, эпосъ останавливаетъ вниманіе на этомъ процессѣ, изучаетъ его и, проникнувъ глубины силъ, открывшихся въ немъ, раскрываетъ ихъ дѣйствія въ формѣ слова, спокойно повѣствуя о томъ, какъ они совершались. Онъ равнодушенъ къ тому, совершались ли дѣйствія и происшествія, имъ изображаемыя, силами свободной воли, или силами воли полусвободной и на половину плѣненной вліяніями безвольной природы, или силами воли, исключительно управляемой несущимъ ее потокомъ событій. Это различіе въ отношеніяхъ воли къ совершившимся фактамъ не можетъ дать существенно-характерной черты эпическому произведенію, гдѣ повѣствователь о событіи, въ которомъ онъ самъ не принималъ и не принимаетъ участія, равнодушенъ къ тому, результатъ ли оно дѣйствій, совершенныхъ свободною волей, или нѣтъ. Въ драмѣ же открывается передъ нами духъ человѣка во всей своей дѣйствительности. Здѣсь выступаетъ на первый планъ личность человѣка въ полнотѣ своей воли, направленной къ избранной цѣли, составляющей пагосъ ея жизни; она захвачена въ борьбѣ стремленій воли съ внутренними силами ея духа, или въ борьбѣ съ внѣшними противодѣйствіями, которыя неминуемо, по общему закону природы, вызываются всякимъ стремленіемъ измѣнить существующее и настаивающее на своемъ существованіи. Активное сопротивленіе вчинаетъ и развиваетъ новый процессъ воли, противоположный въ своемъ направленіи первому; возникаетъ борьба двухъ свободно дѣйствующихъ волевыхъ силъ, продуктомъ которыхъ является жизненный фактъ, опредѣляющій судьбу личностей, свободно дѣйствовавшихъ и своею борьбой создавшихъ ее. Этотъ процессъ движеній воли, внутренняя борьба каждой отдѣльной личности и борьба ихъ между собою, судьбы ихъ, обуславливающія судьбу человѣчества, составляютъ содержаніе драмы. Все равно, совершается ли процессъ движеній воли путями, сбивающимися въ противорѣчія, стремящимися къ цѣлямъ негнпымъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, и оканчивающимися комически, или совершается процессъ движенія и борьбы воли, разрѣшающійся гибелью борцовъ,—во всякомъ случаѣ, этотъ процессъ и эта борьба есть тотъ центральный пунктъ, на которомъ сосредоточено поэтическое созерцаніе драмы. Вотъ тѣ высокія для человѣка истины, которыя раскрываетъ ему драматическая поэзія. Вотъ глубокій смыслъ словъ Гёте въ его *Вильгельмъ Мейстеръ* по поводу твореній величайшаго творца драмы Шекспира: «Книга твореній его есть книга судебъ человѣческихъ, которую перелистываетъ время. Въ драмѣ человѣкъ не безвольное, бессознательное или слабовольное орудіе силъ природы и чуждыхъ ему совѣмъ или частью постороннихъ дѣйствій и событій, которое страдательно, без-

винно должно подчиниться невѣдомо откуда настагающей его судьбѣ, но изъ себя самого и глубинъ своего духа при полномъ свѣтѣ сознанія, своею волей изводитъ совершающіяся событія и свою судьбу. Здѣсь поэтъ, возносившійся въ эпическомъ твореніи надъ событіемъ, которому былъ только стороннимъ свидѣтелемъ, силою духа переносится внутрь еще не законченнаго, но совершающагося передъ нимъ дѣйствія и становится какъ бы участникомъ его».

Мы извиняемся передъ читателемъ за отступленіе, заключающее въ себѣ повтореніе того, о чемъ мы частью говорили уже прежде, именно, главныхъ основъ различія между лирикой, эпосомъ и драмой, но мы рѣшились еще разъ напомнить объ этомъ для большей ясности дальнѣйшаго.

С. Юрьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и его польскія отношенія и знакомства.

I.

Лицо, которому посвящена настоящая статья, не принадлежало къ числу перворазрядныхъ и самыхъ крупныхъ дѣятелей своего времени, но оно всегда пользовалось большимъ почетомъ и имя его отмѣчено на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности литературной и гражданской. Оно блистало не особенно ярко, но всегда замѣтно и въ отличнѣйшей компаніи, въ теченіе почти всей первой половины XIX вѣка, среди наиболѣе красивыхъ созвѣздіи. Легкимъ успѣхамъ, на всѣхъ поприщахъ, князя Петра Андреевича Вяземскаго содѣйствовала, конечно, его счастливая родовая и общественная обстановка. Родился онъ, какъ говоритъ пословица, не красенъ, а *счасенъ*; путь его былъ съ макодѣтства ровенъ и усѣянъ цвѣтами. Аристократъ родомъ отъ Рюриковичей, сынъ нижегородскаго намѣстника екатерининскихъ временъ, потомъ московскаго сенатора, князь Вяземскій изъ чиновника могъ прямо пройти, въ государственные люди, если же таковымъ не сдѣлался, хотя занималъ при Императорѣ Николаѣ довольно видныя мѣста (былъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли, потомъ директоромъ государственнаго заемнаго банка, наконецъ, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія), то потому, что чувствовалъ къ государственной дѣятельности мало призванія и охоты. Подъ конецъ жизни, въ автобіографическомъ введеніи къ затѣянному друзьями изданію сочиненій, еще неполному, хотя насчитывающему (1878 — 1889) уже 11 увѣсистыхъ томовъ, Вяземскій такъ опредѣляетъ свою служебную дѣятельность: «пора спуститься съ временнаго подножья челоуѣка *полуполитическаго*, куда попалъ я, на смиренный участокъ, которымъ надѣленъ я въ области литературной» (I, XLII). О своемъ литературномъ талантѣ Вяземскій имѣлъ весьма высокое понятіе, которое росло съ годами, по мѣрѣ того, какъ онъ старился, терялъ сверстниковъ и, переживъ себя и свое время, становился одинокимъ среди совершенно чуждыхъ ему послѣдующихъ поколѣній. До послѣдней минуты своей 86-ти лѣтней жизни (родилъ

ся 12 июля 1792 г., умеръ въ Баденъ-Баденѣ 10 ноября 1878 г.), князь Вяземскій остался вѣренъ стихамъ, написаннымъ имъ въ 1854 г.:

„Изъ колыбели я ужъ вышелъ рюмоплетомъ. (Сравни. у Вольтера:
 Au sortir du berceau je begayais des vers).
 Безвыходно больноѣ, въ безвыходномъ бреду,
 Отъ рюми къ рюмѣ я до старости бреду...“

Признаки если не дарованія, то большой стихотворной споровки видны даже въ послѣднихъ стихахъ, въ *Моей легендѣ* (1877 г.), въ которой отходящій князь, съ гейневскимъ почти юморомъ, передразниваетъ самого себя:

„Вы теперь—чѣмъ бить вамъ должно,
 Старикомъ, какъ есть старикъ,
 То-есть гадкѣй и подложникъ
 Быта прежняго двойникъ.
 Допотопный звѣрь, что молча
 Въ храмнѣ наукъ стоитъ,
 На котораго за гривну
 Въ балаганахъ чернь глядитъ.
 Петра Перваго обноски,
 Не полтавскіе-ль штаны?
 Ихъ и васъ ужъ моль изѣла,
 Васъ—останки старини!
 Такъ прощайте-жь, Петръ Андреичъ,
 Нашъ разрывъ необходимъ,
 Пѣшій коннымъ не товарищъ—
 Мертвыѣй не ходокъ къ живымъ“ (*Русскій Армія* 1879 г., т. I,
 стр. 134).

Полное отчужденіе отъ міра сего и непониманіе новыхъ теченій общественной жизни начались въ князѣ Вяземскомъ со смертью Императора Николая, то-есть съ самаго начала либеральныхъ реформъ слѣдующаго царствованія. Самъ себя называя, конечно, иронически: «А я анахронизмъ, поросшій мхомъ и прахомъ» (XI, 363), Вяземскій увѣрялъ, что противъ него устроенъ *заговоръ молчанія*, что его заживо похоронили, разжаловали, не потрудились даже выставить надгробную надпись (I, XLV): «...Плаксинъ и Галаховъ, Браговщики живыхъ и судьи славныхъ праховъ, Съ оглядкою меня выводятъ на показъ, Не расточая мнѣ своихъ хвалебныхъ фразъ» (XI, 166). Порою Вяземскій становился открыто ретроградомъ (XI, 345, 1860 г.): «Не вижу разницы большой Между холопствомъ либеральнымъ И всякой барщиной другой» и въ своемъ качествѣ литератора преслѣдуетъ, гдѣ можетъ и какъ можетъ, съ удивительнымъ остервенѣніемъ Бѣлинскаго и его послѣдователей-критиковъ, уже значительно опережаемыхъ новѣйшей формациі писателями антиэстетиками и утилитаріанцами: «приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго, въ моихъ глазахъ, человекъ отпѣтый и, просто сказать, пѣтый дуракъ». (*Письмо къ Полюдину*, 1869 г., X, 266):

„Вольно-жь вамъ рекрутамъ его подъ лацъ воинскій,
 При имени его на вытязкѣ стоять...“

Вы мыслить и писать затѣяли впервые
 Съ Бѣлинскимъ, до него жь вамъ былъ дремучій враждь.
 Прекрасно! у меня жь учителя другіе,
 И до него я мыслилъ кое-какъ.
 Вотъ тутъ и весь вопросъ со справкой и посылкой.
 Пожалуй, скажете, что я искуствамъ враждь,
 Когда не дорожу малярною мазилкой.
 И уличнымъ смычкомъ скрипичныхъ побродягъ“.

Хотя въ своей *Литературной исповѣди* 1854 г. (XI, 169) Вяземскій не называлъ Бѣлинскаго, но, очевидно, онъ его подразумѣваетъ, когда говоритъ о «геніѣ съ бѣльмомъ», о «родоначальникѣ литературной черни», то-есть тѣхъ критиковъ—пророковъ и жрецовъ «Каніхъ-то не въ домекъ *сороковыхъ* годовъ», или, иначе, тѣхъ лягушекъ, которыя «всплывая въ часъ вечерній, себя даютъ намъ знать изъ плѣсени болотъ». Конечно, Вяземскому, привыкшему къ щеголеватости и къ изысканной утонченности пріемовъ, весьма была противна, не очень опрятная обличительная литература шестидесятыхъ годовъ.

„А намъ далось жизнь разобрать до нитки
 И добрались до будочниковъ мн...
 Мы, Тациты управы благочинія,
 И въ мелочахъ мн ищемъ глубины.
 Съ Невы по Дѣбрь, за Дономъ, за Курмышемъ
 Съ полиціей взялись мн счеты свести,
 Мы на нее и ей доноси ищемъ,
 А разбирай, кому охота есть“ (XI, 428, 1862 г.).

Князь Вяземскій просто-на-просто не понималъ новѣйшихъ великихъ романистовъ, мастеровъ психологическаго анализа: «У Тургенева, у Толстаго (*Война и миръ*),—пишетъ онъ,—есть, безъ сомнѣнія, богатое дарованіе, но нѣтъ хозяина въ домѣ» (X, 266). Такъ какъ князь Вяземскій самъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, причеиъ подъ нимъ убиты двѣ лошади,—слѣдовательно, кое-что наблюдалъ въ войнѣ 1812 г. собственными физическими глазами,—то онъ считаетъ уже себя вправѣ судить, какъ клеветника и унижателя исторіи, того художника, который возсоздалъ великую войну только силою своего дивнаго воображенія и изобразилъ ее реальнѣе и гораздо правдивѣе, правдою поэтической, нежели ее намъ передаютъ въ совокупности взятыя рассказы всѣхъ очевидцевъ, участвовавшихъ понемногу въ этихъ событіяхъ лично и непосредственно и описавшихъ съ точностью мертвыя подробности, составляющія внѣшность событій, но не духъ и не чувства всего пережитаго историческаго момента. У Льва Толстаго, поэта-мистика, настоящій герой—самъ народъ или, лучше сказать, чувства, двигавшія народныя массы и дѣйствовавшія почти стихійнымъ образомъ подъ кажущимся руководствомъ наимѣе ими, въ сущности, управлявшихъ вождей и начальниковъ. Толстаго можно упрекнуть только въ односторонности, но его произведеніе есть наибольшая идеализація самаго народа, его заслугъ, его одушевленія, причеиъ сильно мельчаетъ роль его руководителей. Съ удивительною близорукостью и,

можно сказать, съ ослѣпленіемъ князь Вяземскій усматриваетъ въ произведеніи Толстаго протестъ противъ 1812 г., уже не скептицизмъ, а матеріализмъ, родъ раскола толка *натовщины*, заключающагося въ томъ, что септанты отрубали послѣдовательно другъ у друга головы. Толстой и участвуетъ въ такомъ усѣваніи головъ у командующихъ и генераловъ, а Вяземскій отстаиваетъ этихъ генераловъ, въ которыхъ усматриваетъ и славить настоящихъ виновниковъ побѣды надъ Наполеономъ и Западною Европой.

II.

Если бы мы захотѣли выдѣлнить изъ весьма объемистаго собранія сочиненій князя Петра Андреевича только то, что представляетъ его въ наилучшемъ видѣ и въ наилучшую пору, когда онъ былъ въ самомъ цвѣту своего дарованія, то мы бы должны были опустить въ литературную Лету и его патриотическія воинственныя произведенія времени крымской войны: *Lettres d'un veteran russe de l'année 1812 v. sur la question d'Orient par P. d'Ostafievo* (Lausanne, 1855 г.), и множество стиховъ либо въ возвышенномъ, либо въ простонародномъ, площадномъ стилѣ, коими онъ, вспоминая свою старину, напутствовалъ русскихъ солдатъ на бой съ иноземцами. Онъ хлопоталъ о помѣщеніи этихъ стиховъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* (X, 94, 102) и былъ вполне увѣренъ, что, для блага Россіи, ихъ бы слѣдовало разсылать во все арміишкіе штабы и всеѣмъ губернскимъ предводителямъ и уѣзднымъ исправникамъ *).

Вполнѣ вѣря искренности патриотизма князя Вяземскаго, мы отрицаемъ въ этихъ виршахъ всякое искусство, всякую поэзію. Въ нихъ, прежде всего, нѣтъ правды. Вяземскій является продолжателемъ официального пѣснопѣвца російскихъ побѣдъ—Державина, онъ служитъ службу и государственную, и народную, онъ сочиняетъ стихи по условному, почти казенному шаблону, судить прямолинейно съ удивительнымъ и неоправдаемымъ событіями самохвальствомъ. Любопытно было бы сопоставить эти грубыя издѣлія, сработанныя не перомъ, а мазилкою ad usum populi съ другимъ произведеніемъ молодого поэта, остроумнѣйшимъ и популярнѣйшимъ, вылившимся, вѣроятно, экспромтомъ въ счастливую минуту въ 1827 году, подъ заглавіемъ *Русскій Богъ*: «Богъ ухабовъ, Богъ мятелей, Богъ проселочныхъ дорогъ, Богъ ночлеговъ безъ постелей, Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ!... Богъ холодныхъ, Богъ голодныхъ — Нищихъ вдоль и поперекъ, Богъ имѣній бездоходныхъ... Богъ всеѣхъ съ Анною на

*) Примѣръ: 1858 г. (XI, 88, 41, 108, 118). „Со льдовъ Двины до береговъ Дуная, Съ Алтайскихъ горъ за рубежи Днѣпра (?) Да гранеть влечь по гласу Николая: Ребята, въ строй, къ ружью, ура!... Закипи святая сѣча, Грань нашъ влечь—побѣдъ предтеча: Русскій Богъ и Русскій царь!... Какъ трехгранной кочергой, Чисто тульскаго кадѣлля, Жаръ сгребали на убой, Имъ на баню новоселья... Такъ училъ насъ полкъ огнемъ Славный, бавыщикъ нашъ Суворовъ... Зададимъ вамъ пиръ, А тебя—вампиръ, Адмиралъ Непиръ, Ждетъ у насъ не пиръ...“

шеѣ, Богъ лавеевъ безъ сапогъ... Богъ пришельцевъ иноземцевъ, Богъ въ особенности нѣмцевъ, Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ» (III, 452). Одно изъ этихъ двухъ изображеній настоящее, а другое очевидно, что маска. Снимите позднѣйшее полуофициальное, тогда за нимъ покажется настоящее лицо остряка XVIII в., насмѣшника и вольтерянца, который писалъ о себѣ: «мой умъ былъ воспитанъ и образованъ во французской школѣ» (I, XVIII) и который унаслѣдовалъ этотъ складъ ума отъ отца: «Отецъ мой свѣтлый умъ Вольтеровской эпохи Не полагалъ, что всѣ поэты—скоморохи». Съ раннихъ лѣтъ этотъ человѣкъ имѣлъ страсть къ писанію, писалъ только легкія вещи, но писалъ много и скоро. «Жизнь моя сама по себѣ,—писалъ онъ,—выходила скоропечатными листами, я себя расточалъ, оглядываться и собираться не думалъ, робственно я никогда не писалъ для публики; когда я съ перомъ въ рукѣ, она мнѣ и въ голову не приходила» (I, XLIII). Никогда не былъ онъ доволенъ своими произведеніями: «Въ моей судьбѣ ничего полнаго не совершается, все недооски, недоудѣлки. Ни въ чемъ я себя вполне не выразилъ, никакой цѣли не достигъ, вертѣлся около многого, а ничего обѣими руками не схватилъ, начиная отъ литературной моей дѣятельности до служебной и до страннической» (IX, 281). Въ періодъ наибольшихъ успѣховъ князя Вяземскаго, въ самыхъ похвалахъ ему людей, которыхъ мнѣнія о себѣ онъ тщательно записывалъ, заключается, если ихъ брать *cum grano salis*, отрицаніе поэтическаго таланта и признаніе только полемическихъ способностей. «Mary Beck disait, пишетъ онъ, qu'elle me trouvait trop profond et qu'elle préférait Joukoffsky. Покорнѣйше благодарю, вы въ стихахъ любите что въ нихъ надобно любить: звуки, краски, простоту. Этого у меня мало, а у Жуковскаго много. Только въ моихъ стихахъ не тотъ порокъ, который изволите имъ приписывать. Я часто въ стихахъ умничаю и вслѣдствіе того сбиваюсь съ прямого поэтическаго пути, что и принимаютъ за глубокомысленность» (X, 43). Вотъ слова Гоголя: «У князя Вяземскаго бездна мыслей. Стихъ употребленъ какъ первое попавшееся орудіе, никакой наружной отдѣлки нѣтъ, никакого также сосредоточенія и округленія мысли. Онъ не художникъ и не заботится объ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и, главное, приготовленную голову. Онъ не поэтъ по образованію. Судьба надѣлила его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ, чтобы составить изъ него что-то полное» (I, LXII). Самъ о себѣ Вяземскій пишетъ: «Пушкинъ и Мицкевичъ увѣряли, что я рожденъ памфлетеромъ, открылось бы только поприще... Когда я молодой былъ—и кровь кипѣла въ жилахъ. Я этотъ кипятокъ любилъ черпать въ чернилахъ. Журнальныхъ схватокъ пылъ, тревогъ журнальныхъ шумъ, Какъ хлѣбемъ подстрекали заносчивый мой умъ. Въ журнальный циркъ не разъ задорный литераторъ На драку выходилъ, какъ уличный гладьаторъ. Бояринъ - богатырь, оставивъ блескъ двора, Бѣдался стгоряча, почувявъ запахъ крови, Въ народную толпу, чтобъ испытать въ бою Свой жилистый кулакъ и мощь и прыть»

свою... И я былъ, сознаюсь, бойцомъ кулачнымъ, Но, журналовъ перешедъ волнуемое поле, Сталъ менѣ прытокъ и жалостливъ сталъ болѣ» (1851 г. XI, 167. *Литер. исповѣдь*). Это сравненіе себя съ гладиаторомъ не совсемъ вѣрно. Для возбужденія гладиатора необходимъ гулъ публики, занимающей ступени цирка вокругъ сцены, между тѣмъ какъ Вяземскій къ этому-то гулу не былъ особенно чутокъ, но, обрѣтаясь въ блистательной компаніи, на самой вершинѣ россійскаго Парнасса, писалъ только для этихъ полубоговъ и дорожилъ только ихъ мнѣніями; когда же эти свѣтила одно за другимъ закатились, то Вяземскій и очутился точно въ пустомъ пространствѣ. «Не могу бѣжать къ Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы подѣлиться съ ними свѣжимъ, только что созрѣвшимъ, только что сорваннымъ съ вѣтки плодомъ моей мысли. Оцѣнка ихъ была бы моею окончательною оцѣнкой» (I, XLVII).

Намъ нынѣ трудно опредѣлить, чѣмъ восхищались Пушкинъ и Жуковский въ стихотвореніяхъ Вяземскаго *Первый снѣгъ* «Древній дубъ, пугающе Дриадъ, пріютъ крикливыхъ врановъ». 1817 г.) или *Уныніе* (1820 г. «Единый другъ обманутой души...» О вольнодумной пьесѣ *Сравненіе Петербурга съ Москвой*, за которую чуть не заплатилъ авторъ въ концѣ царствованія Александра I, мы судить не можемъ, потому что одно только заглавіе ея помѣщено въ 3-мъ томѣ, стр. 289, полного собранія его сочиненій. Въ *Негодованіи* (1818 г., III, 164) князь Вяземскій не безъ натуго взобрался на ходули классической сатиры и ораторствуетъ, загрывая на струнахъ гражданскаго чувства:

„Ищу я искреннихъ жрецовъ
Свободы—славныхъ душъ кумира.
Обширная темница міра
Являетъ мнѣ однихъ рабовъ...
Я зрѣлъ изгнанницей поруганную честь,
Доступнымъ торжищемъ—святыню правосудья,
Служенье истинѣ—коварства торжествомъ,
Законы правоты—священныя орудья—
Щитомъ могучему и слабому яرمомъ.
Зрѣлъ промышленящихъ спасительнымъ глаголомъ,
Хавжей, торгующихъ ученіемъ святымъ
Въ забвеніи Бога,—душъ, однимъ земнымъ престоломъ
Кадыщихъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ...“

Конечно, не съ этимъ грузнымъ и неудобочитаемымъ нынѣ багажомъ можетъ перейти имя Вяземскаго въ исторію литературы. Уцѣлѣютъ немногія удачныя вещи въ болѣе легкомъ родѣ. Останутся памятными восторженные стихи:

„Дай Богъ поболѣе журналовъ,
Плодять читателей они...
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро“.

Уцѣлѣеть отиѣченная Пушкинымъ характеристика современнаго ему человѣка въ посланіи Вяземскаго къ американицу Толстому (1818 г.):

„Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти легкой листъ“.

Скорбные стихи на память убитому Пушкину свѣжи донныѣ, столь сильно они прочувствованы (IV, 257). Эти мелочи, *Русскій Богъ*, десятокъ эпиграммъ—вотъ и все, что, по нашему мнѣнiю, спасеть Вяземскаго отъ совершеннаго забвенiя, въ которомъ онъ, повидимому, очутился уже въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ. Тутъ не было никакого воображаемаго Вяземскимъ «заговора молчанiя» со стороны молодого поколѣнiя. Причины полнаго отъ него отчужденiя молодыхъ литераторовъ лежали глубже, чѣмъ ему самому казалось, и заключались въ томъ, что князь Вяземскій не былъ собственно сверстникъ ни Пушкину, ни его поэтической плеядѣ, что всю свою жизнь, вплоть до гробовой доски, былъ онъ полный *классикъ* стараго покроя, между тѣмъ какъ кругомъ его умственная атмосфера общества радикальнѣйшимъ образомъ измѣнилась вслѣдствiе новыхъ вѣянiй, вслѣдствiе теченiя, извѣстнаго подъ именемъ *романтизма*. Намъ придется остановиться на этой коренной чертѣ писательства кн. Вяземскаго.

III.

Хотя князь Вяземскій провозглашалъ себя романтикомъ (1822 г., I, 74) сообщая съ лучшими поэтами своего времени, хотя онъ, вмѣстѣ съ «романтической вольницей», поклонялся Байрону, имѣя, однако, не совсѣмъ ясное и довольно сбивчивое представленiе о содержанiи его поэзiи (1827 г., III, 426: «Гробъ сей—Ирагловъ столбъ—одинъ былъ грань твоя, И жизнь твоя гласитъ, разбившись на могилѣ, Чѣмъ смертный можетъ быть и чѣмъ онъ быть не въ силѣ»), наконецъ, хотя Вяземскій перевелъ и посвятилъ Пушкину любимый обоими романъ Бенжамена Констана *Адомфъ*, какъ прототипъ Чайльдъ - Гарольда, какъ романъ вѣка сего, въ которомъ выразился недугъ сердца современнаго человѣка, его эгоистическiй субъективизмъ, безмѣрно раздутый и составляющiй самую суть романтизма, но собственно эти чувства были напускныя и это поклоненiе романтизму не болѣе, какъ пафосъ, подъ этимъ же налетомъ лежала нетронутая и никогда не измѣнявшаяся подкладка: боготворенiе Карамзина, какъ первоучителя, какъ законодателя литературы въ *Письмахъ русскаго путешественника* и въ *Исторiи*. Не бѣда, что Карамзинъ заимствовалъ отъ Руссо и внесъ къ намъ сантиментализмъ или слезливость, Вяземскій полагаетъ, что и чувствительность не приторна, когда она не жива (X, 177). Карамзинъ дорогъ Вяземскому потому, что, въ противность Шишкову и его старовѣрамъ, и мыслившимъ, и писавшимъ двуперстно, онъ былъ въ языкѣ *новаторъ*, а въ историческомъ и государственномъ отношенiи консерваторъ (X, 288, 1876 г.). Вся молодость князя (до 34 лѣтъ, т. е. до смерти Карамзина) прошла подъ сильнымъ личнымъ, почти отеческимъ влiянiемъ противника идей Сперанскаго и польской конституцiи, повѣствователя, сочинявшаго эпоху московскаго самодержавiя, шествующаго путемъ, указываемымъ ему

Провидѣніемъ. Карамзина побивался Вяземскій, будучи еще ребенкомъ, когда у отца засиживался далеко за полночь *monsieur minuit et demi* (I, XXXI). Нѣсколько томовъ *Исторіи* написаны Карамзинымъ у самого Петра Андреевича въ гостяхъ, въ его подмосковномъ Остафьевѣ. Князь былъ постояннымъ посѣтителемъ Карамзина въ его крошечномъ царско-сельскомъ домикѣ, гдѣ писалась *Записка о Польшѣ*, былъ почти свидѣтелемъ его прогулокъ съ Александромъ I, посвященныхъ интимнымъ беседамъ о государственномъ строѣ въ «зеленомъ кабинетѣ», то-есть по тѣнистымъ аллеямъ царскосельскаго парка. Онъ присутствовалъ при отъѣздѣ Карамзина, по волѣ Александра I, съ Аракчеевымъ для посѣщенія военныхъ поселеній. Изъ этой поѣздки Карамзинъ вернулся если не обращеннымъ въ аракчеевскую вѣру, то, во всякомъ случаѣ, съ нѣкоторыми впечатлѣніями, выгодными для Аракчеева, для его государственнаго ума (VII, 455). Всякій классицизмъ, а въ томъ числѣ и тотъ, который былъ въ Россіи самымъ послѣднимъ и самымъ утонченнымъ, — классицизмъ карамзинскій, былъ строгъ по отношенію къ формамъ, держался обѣими руками авторитета, вносилъ въ литературу дисциплину, начало государственности и нѣкоторыя, такъ сказать, полицейскія привычки, которыя неприятно поражаютъ насъ и въ самомъ князѣ Вяземскомъ. «Что ни говори, — писалъ онъ въ 1847 году (II, 366), — а въ *республикѣ письменъ* нужна глава, нуженъ президентъ. Въ литературномъ мірѣ ниспроверженіе законовъ ума и вкуса, возмущеніе анархическаго своевольства противъ нравственныхъ и умственныхъ властей бываетъ также введеніемъ къ лжецарствію невьжества» (II, 147). Нетерпимость свойственна была классикамъ вездѣ, не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. О ней написано въ журналѣ Гонкуровъ (1861 г., I, 393): «En art et en litterature les opinions consacrées sont sacrées et peut être au XIX siècle est il moins dangereux de marcher sur un crucifix que sur les beautés de la tragedie». Эта нетерпимость сживалась въ Вяземскомъ самымъ страннымъ образомъ съ его либерализмомъ въ духѣ тридцатыхъ годовъ и съ его ненавистью къ цензурѣ, которая внушила ему въ его *Исповѣди* въ 1829 г. слѣдующія строки: «Ты не знаешь, до какой степени цензура наша давить все, что не словарь, а подобіе мысли. Дай намъ не полную, а умѣренную свободу печатанія — и въ годъ словесность наша преобразуется». Вяземскій былъ до жестокости строгъ ко всѣмъ писателямъ по исторіи, которые осмѣливались имѣть свои идеи, не совпадающія съ идеями Карамзина; онъ преслѣдовалъ Н. Полеваго, а въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія Уварову 1836 г. (II, 211) написалъ нѣчто вродѣ доноса на вольнодумство Устрякова. Одно мѣсто въ этомъ письмѣ покорило Пушкина: «14 декабря не было ли вполнѣдствіи времени, такъ сказать, критика вооруженною рукой на мнѣніе, исповѣдуемое *Исторіей Государства Россійскаго* Карамзина?» Изъ того же источника истекало обвиненіе и Льва Толстаго въ нѣтовщину, въ созданіи школы отрицанія и униженія исторіи подъ видомъ новой оцѣнки, разувѣренія въ народныхъ вѣрованіяхъ. Послѣднее обвиненіе уже по ха-

рактору времени, въ которомъ оно было сдѣлано (1868 г.), не было столь опасное, какъ первое.

Въ аристократической республикѣ письменъ, вмѣщающей въ себѣ отборный кружокъ немногихъ отличныхъ людей, Вяземскій стоялъ всегда за сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ. «Нерѣдко намъ,—кто-жь не слыхалъ (?),—печали, Что мы кружкомъ средѣ арзамаскихъ стѣнь Олигархически себя держали, Какъ говорятъ въ республикѣ письменъ» (XI, 393). Литературное первенство въ этой олигархіи обозначалось для Вяземскаго до самой смерти Карамзина (22 мая 1826 г.) въ лицѣ Карамзина: «Онъ былъ лучезарнымъ средоточіемъ круга нашего, всего очества. Три смерти оставили послѣ себя такую бездну пустоты, которую и завалить не придется: Наполеона, Байрона и Карамзина. При каждой изъ нихъ у меня будто отпало отъ нравственнаго бытія моего» (IX, 90). Послѣ Карамзина литературное главенство олицетворялось для Вяземскаго не долгое время въ лицѣ Пушкина. Послѣ Пушкина верховное мѣсто осталось празднымъ (II, 357). Лермонтова Вяземскій не признавалъ, что можно заключить изъ слѣдующаго отрывка (II, 358): «Лермонтовъ не шелъ впередъ, лира его не звучала новыми струнами. Поэтический горизонтъ его не расширялся. Онъ остался русскимъ и слабымъ осколкомъ Байрона. Бури Пушкина были бури внутреннія, бури Лермонтова болѣе внѣшнія (?), театральныя, заказныя, то-есть онъ ихъ заказывалъ самъ себѣ. Въ созданіяхъ Лермонтова красуется предъ вами міръ театральныи со своими кулисами и суфлеромъ, который сидитъ въ будкѣ и подсказываетъ рѣчь, увлекательно повторяемую мастерскимъ художникомъ». Настоящее мало интересуеъ Вяземскаго; подъ старость онъ былъ въ немъ какъ не свой. Послѣдній человекъ, съ которымъ онъ могъ бесѣдовать о дѣлахъ минувшихъ дней, Плетневъ, умеръ въ 1866 г. (VII, 130). Одиночеству и роясь въ воспоминаніяхъ давно минувшихъ лѣтъ, Вяземскій все чаще и чаще переносится мыслью, минуя Пушкина и Жуковскаго, къ Карамзину. Научившись отъ Пушкина писать картины русскаго сельскаго быта, русской природы, князь Вяземскій, при всей любви къ Карамзину, не чувствовалъ никогда никакого влеченія къ живописанію воскрешаемой Карамзинымъ, сказать мимоходомъ, немного прихорашиваемой имъ старины, къ архаизму, къ воспроизведенію прошлаго съ его типическими чертами и даже уродливостями. Онъ былъ слишкомъ европеецъ, слишкомъ классикъ, а потому, даже сознавая, что въ Россіи господствуетъ чужемыслие и чужезычіе, что никто въ ней не старается дать поэзіи направленіе *народное* (мы бы сказали: народническое), онъ прямо заявляетъ, что онъ небольшой и безусловный приверженецъ и поклонникъ литературной національности, потому что ни литературная, ни политическая національность, принятая въ смыслѣ ограниченномъ, ни до чего хорошаго довести не могутъ (I, 183 — 185). Национальности нѣтъ у Горация въ пиитикѣ, она есть въ его твореніяхъ, не въ правилахъ, а въ чувствахъ (I, 169). Она чувство врожденное, захотѣть же вложить это чувство въ систему, въ законъ, это то же, что

задушить его. Боже мой, до каких гнусностей можетъ довести патриотизмъ, то-есть патриотизмъ, который зарождается въ нѣкоторыхъ головахъ, совершенно особо устроенныхъ, которыя хотѣли бы, наприимѣръ, чтобы каждая басня Крылова носила свое русское тавро, чтобы баснописецъ былъ именно русскій гуртовщикъ, русскій разнощикъ русскихъ пѣвчихъ птицъ, а отнюдь не канареекъ и иныхъ заморскихъ пернатыхъ (I, 184). Эти разсужденія прекрасны, они особенно пригодны для настоящаго времени, въ которомъ излишества національнаго направленія ведутъ нерѣдко къ одичанію и къ явному регрессу. Но чрезвычайно любопытенъ примѣръ у Вяземскаго, показывающій, какъ мало было чутья у людей тридцатыхъ годовъ, у Вяземскаго и у самого Крылова, для эстетической оцѣнки красотъ средневѣковаго быта, допетровской старины. Пушкинъ читалъ въ С.-Петербургѣ у Алексѣя Перовскаго своего *Бориса Годунова* въ рукописи. Послѣ чтенія онъ подходитъ къ Крылову и, добродушно смѣясь, говоритъ: «Признайтесь, Иванъ Андреевичъ, что моя трагедія вамъ не нравится и на глаза ваши нехороша». — «Почему же нехороша?» — отвѣчалъ Крыловъ. — «А вотъ что я вамъ скажу. Проповѣдникъ восхвалялъ Божій міръ и говорилъ: все такъ создано, что лучше и созданнымъ быть не можетъ. Послѣ проповѣди подходитъ къ нему горбатый и пеняетъ: не грѣшно ли вамъ насмѣхаться надо мною и увѣрять при мнѣ, что въ Божьемъ созданіи все прекрасно? — Такъ что же? — возражаетъ проповѣдникъ, — для горбатаго и ты очень хороша». Пушкинъ расхохотался и обнялъ Крылова. Вяземскій стоялъ тутъ же, подлѣ Крылова, и, повидимому, сочувствовалъ ему, то-есть находилъ, что архаическое, хотя бы и архинаціональное, составляетъ нѣкоторымъ образомъ видъ поэзіи горбатой.

IV.

Какъ литераторъ, князь Петръ Андреевичъ долженъ бы быть причисленъ только къ третъестепеннымъ писателямъ, но онъ любилъ переписываться съ другими даже ради собственнаго удовольствія и записывалъ всякую всячину въ свои записныя книжки, которыхъ накопилось числомъ 32 (томы 7, 8 и 9 *Полн. Собр. Соч.*). Эта переписка и эти книжки составляютъ нынѣ весьма цѣнные историческія документы, ярко освѣщающіе вѣкъ князя Вяземскаго и его современниковъ. Князь Вяземскій не велъ систематическихъ дневниковъ для фиксированія психологическихъ самонаблюденій. Онъ безъ большого разбора заносилъ туда слухи, остроты, анекдоты, — словомъ, все видѣнное, пойманное на лету или пережитое. Онъ вполнѣ сознавалъ, что онъ отличный письмописецъ: «Письма въ жизни другихъ — эпизодъ, у меня они — исторія моей жизни (II, 92). Мои письма ничто иное, какъ памфлеты. *De n'ai pas la repartie prompte*, ни того, что называютъ *le trait*. У меня много острыхъ словъ пропадающихъ, и, странное дѣло, я не слышу острякомъ. Надобно лишь отобрать свои письма у моихъ корреспондентовъ, — тутъ я весь налицо» (IX, 121). Особенно живой историческій ин-

тересъ возбуждаютъ тѣ части переписки и записныхъ отиѣтовъ князя Вяземскаго, которыя касаются польско-русскихъ отношеній послѣ вѣнскаго мира въ царствованіе Александра I и Николая. Вяземскій провелъ многіе годы въ Варшавѣ, отлично зналъ польскіе языкъ и литературу, помогъ успѣху Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, наконецъ, послѣ вспыхнувшего въ 1831 году мятежа, готовился полемизировать съ Пушкинымъ по поводу его *Бородинской годовщины* и *Къ клеветникамъ Россіи*. Вяземскій былъ до мозга костей русскій человѣкъ по складу ума, имѣлъ неуклюжую, нѣсколько грузную фигуру, типическое, но весьма некрасивое лицо, надъ безобразіемъ котораго онъ самъ трунилъ («Надо помянуть... и Петра Андреевича князя Вяземскаго курносова» (IV, 168), «хоть носъ мой, знаете вы сами, совсѣмъ бурбонскимъ не родня» (IV, 373). По характеру онъ былъ крайне добродушенъ, легко сживался съ чужестранцами, умѣлъ по своей гуманности симпатизировать полякамъ, понимая ихъ стремленія. Онъ обладалъ по тому времени всѣми качествами на то, чтобы быть хорошимъ международнымъ посредникомъ въ семейномъ спорѣ двухъ по крови близкихъ, но съ большими трудомъ примиряющихся народностей. Тяжба еще далеко не кончена, а такъ какъ по этому процессу князь Петръ Андреевичъ одинъ изъ капитальнѣйшихъ свидѣтелей, то его необходимо внимательно выслушать и распросить, что я и намѣренъ сдѣлать. Прежде всего, надо прослѣдить всѣ точки его соприкосновенія съ польско-русскими отношеніями и личную его роль въ этихъ отношеніяхъ.

У.

Ополченецъ 1812 г., князь Вяземскій остался послѣ распушенія ополченія въ службѣ—не въ службѣ, въ отставкѣ—не въ отставкѣ, чиновникомъ, вновь причисленнымъ къ межевой канцеляріи или, лучше сказать, не отчисленнымъ отъ нея, и проживалъ съ 1817 г. въ Москвѣ, куда прибылъ на отдыхъ и близкій другъ его отца, генералъ М. М. Бороздинъ. Сей послѣдній сталъ журить Вяземскаго за тунеядство, за битые баклуши, а такъ какъ онъ былъ друженъ съ пріѣхавшимъ въ Москву Н. Н. Новосильцевымъ, то познакомилъ съ нимъ Вяземскаго и сдалъ, такъ сказать, на руки Вяземскаго Новосильцеву, бывшему тогда императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ вновь учрежденнаго Царства Польскаго. Бывъ опредѣленъ въ канцелярію Новосильцева, Вяземскій сталъ сразу близкимъ къ нему и домашнимъ человѣкомъ (I, XXXIX). Опредѣленіе на службу состоялось въ весьма важный историческій моментъ, къ которому готовились и Александръ I, и подскій народъ—съ открытіемъ (15—17 марта 1818 г.) перваго конституціоннаго сейма въ Варшавѣ. Свита государя была многочисленна и блистательна, всѣ пріѣхавшіе были болѣе или менѣе доброжелательными и вѣжливыми гостями, даже и не совершенно сочувствующіе возрожденію Польши. Они увлекались, говоритъ Вяземскій, новостью и блестящею обстановкой зрѣлища. Предъ ними, какъ и передъ всѣми, ста-

вилась и разыгрывалась *новая драма* (I, XII). Вяземскій, уже женатый, ѣхалъ въ Варшаву съ семьей; на пути онъ захворалъ. Уже въ предѣлахъ Царства Польскаго его обогналъ государь, узналъ и предупредилъ Новосильцева, что новый чиновникъ ѣдетъ къ нему больной. Въ Варшавѣ Вяземскій сталъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по редакціонной русской части. Сеймовыя пренія происходили на польскомъ языкѣ, правительственныя сообщенія дѣлались на французскомъ.

По французской части состоялъ при канцеляріи юристъ и публицистъ французъ Deschamps, которому Новосильцевъ передавалъ свои мысли, а онъ писалъ, что слѣдовало, прямо на-бѣло, переливка же этихъ работъ въ русскія формы возлагалась на Вяземскаго. Вскорѣ Вяземскому пришлось перевести на скорую руку самоважнѣйшія изъ документовъ, оглашенныхъ на сеймѣ, а именно тронную рѣчь государя, открывшую этотъ сеймъ. Рѣчь была написана государемъ и лишь въ незначительной степени смягчена по замѣчаніямъ далеко не раздѣлявшаго взглядовъ государя министра иностранныхъ дѣлъ графа Каподистрія. Именемъ Россіи государь заявлялъ объ искреннемъ забвеніи имъ прошлаго и объяснялъ возстановленіе національнаго существованія Польши дѣйствіемъ одной только личной своей воли и убѣжденія (*d'ai obei à une conviction interieure puissamment secondée par les événements, j'ai rempli un devoir prescrit par elle seule*). Въ рѣчи не упоминалась Литва, но содержались слѣдующія предположенія, касающіяся имперіи и распространенія на нее уже дарованныхъ такъ называемому конгрессовому Царству Польскому либеральныхъ или, какъ они названы въ переводѣ, «законносвободныхъ» учрежденій (*institutions libérales qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude et dont j'espère avec l'aide de Dieu étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées que la Providence a confié à mes soins. Vous m'avez ainsi offert les moyens de montrer à ma patrie ce que je prepare pour elle des longtemps et ce qu'elle obtiendra lorsque les éléments d'une oeuvre aussi importante auront atteint le développement nécessaire*). Содержаніе тронной рѣчи было встрѣчено въ Россіи вообще не сочувственно, но князь Вяземскій, рѣшительно отходя въ этомъ пунктѣ отъ Карамзина, былъ отъ нея въ упоеніи, въ восторгѣ. Онъ вполне былъ убѣжденъ, согласно словамъ рѣчи, que les institutions libérales, dont on pretend confondre les principes sacrés avec les doctrines à jamais subversives, qui ont menacé de nos jours le système social d'une catastrophe épouvantable ne sont point une prestige dangereux, mais que réalisées avec une bonne foi et dirigées surtout avec pureté d'intention vers un but conservateur et utile à l'humanité elles s'allient parfaitement avec l'ordre et produisent d'un commun accord la prospérité véritable des nations. Вопреки Карамзину, князь Вяземскій плавалъ, можно сказать, въ либерализмѣ, сочинялъ въ Варшавѣ свое гражданскимъ чувствомъ одушевленное *Неудованіе* и былъ вполне сторонникомъ идеи уже совершившагося возстановленія Польши. За свой переводъ тронной рѣчи Вяземскій удостоился августѣйшаго благоволенія, выраженнаго ему лично государемъ на обѣдѣ у намѣстника Заюнчека. За

нововведенія въ языкѣ перевода досталось ему порядкомъ отъ Карамзина, который въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву совѣтовалъ выдрать Вяземскому уши за эти неологизмы, хотя не все они происходили отъ самого Вяземскаго, а главные изъ нихъ: *constitution*—«государственное уложеніе» и *libéral*—«законносвободный» принадлежали лично государю. «Варшава,—пишетъ Вяземскій (I, XXXVIII),—не только *мирная*, но и праздноющая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ новымъ воздухомъ. Я скоро и легко акклиматизировался». Вяземскій былъ доволенъ всеми—и поляками, и русскими. «Въ Новосильцевѣ нашелъ я начальника, чуждаго всякаго начальствованія. Я былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ и съ либералами, и съ консерваторами, съ старыми поляками, не покидавшими кунтуша, и съ молодежью, подчиняющеюся модѣ и лозунгу изъ Парижа, и съ сановниками, и съ средними слоями ученыхъ, художниковъ и актеровъ». Въ числѣ ближайшихъ его знакомыхъ находились сподвижникъ Косцюшки и товарищъ его въ пѣну и въ заключеніи въ Петербургѣ, поэтъ Юліанъ Нѣмцевичъ (ничего озлобленнаго, непримиримаго, революціоннаго въ немъ не было), и отъявленный классикъ, профессоръ университета и директоръ театра Осинскій. Театръ и газеты быстро ознакомили Вяземскаго съ польскою литературой. «Мои литературныя наклонности встрѣчали въ русскомъ обществѣ,—писалъ онъ,—менѣе дѣятельныхъ сочувствій, нежели въ польскомъ. Наши земляки, за весьма незначительными исключеніями, были вовсе не литературнаго и даже не грамотнаго настроенія. Я былъ изъ числа весьма немногихъ, съ которыми образованные поляки могли имѣть кое-какое сближеніе. Я всегда удивлялся равнодушію нашего правительства въ выборѣ людей на-показъ передъ чужими. Безъ сомнѣнія, надежнѣйшая порука наша есть дубинка Петра В., выглядывающая изъ-за головъ представителей нашихъ у европейской политики, но нравственное достоинство оскорбляется сими отреченіемъ отъ народной гордости. Самая палица Алкида была принадлежностью полубога».

Русская колонія въ Варшавѣ не соответствовала пословицѣ, что товаръ лицомъ продается. Въ числѣ чиновниковъ не было лицъ обольстительныхъ, а потому польское общество не могло обрести. Частныя лица не соответствовали мѣрамъ правительства и общежитіе не довершало дѣла, начатаго политикой, что должно было имѣть пагубныя послѣдствія (II, 90). «Я былъ любимъ поляками,—сообщаетъ Вяземскій,—и принимаемъ въ ихъ юму на пріятельской ногѣ, но ласки отличнѣйшихъ изъ нихъ я покупалъ не потворствомъ, не отсутствіемъ національной гордости. Напротивъ, въ вопросахъ, гдѣ отдѣлялась русская польза отъ польской, я всегда крѣпко стоялъ за первую и вынесъ не одинъ жаркій споръ по предмету возстановленія старой Польши и отсѣченія отъ Россіи областей, запечатлѣнныхъ кровью нашихъ отцовъ. Дѣло въ томъ, что, живя въ Польшѣ, я не ржалъ въ запоздалыхъ воспоминаніяхъ о полякахъ въ Кремлѣ и русскихъ въ Прагѣ (уколъ по адресу Жуковскаго и Пушкина), а былъ среди соплеченныхъ современниковъ, съ умомъ и душою, открытыми впечатлѣніямъ на-

стоящей эпохи». Вяземскій объясняетъ, что его влекло къ знакомству съ поляками: «изящное салонное барство, основанное на наследственной образованности, сохраняющіеся преданія, обычаи и повѣрья, а, пожалуй, и суевѣрія золотого вѣка европейскаго обществитія». Въ медовые мѣсяцы брачнаго сожительства варшавской Польни и русскаго правительства сношенія завоеванныхъ съ завоевателями были не только миролюбивы, но и дружественны со стороны первыхъ, была сдержанность, была нѣкоторая терпимость и только потомъ обнаружилась *incompatibilité d'humeur*. Даже Повосилцевъ былъ нѣкоторое время, что называется, *l'homme de la situation*; онъ не поддавался полякамъ, но и не унижалъ, не дразнить ихъ (IX, 355).

Приведенныя выписки изъ записныхъ книжекъ князя Вяземскаго показываютъ въ немъ хорошаго, гуманнаго и доброжелательнаго человѣка, представляющаго съ честью свой народъ. Его симпатіи къ польскому салонному барству не мѣшаютъ ему отстаивать весьма неуступчиво права Россіи на Польшу съ русской точки зрѣнія и видѣть ясно большія мѣста польскаго аристократическаго общественнаго строя. Въ своей поѣздкѣ въ Бракъ въ 1818 г. онъ отмѣчаетъ съ негодованіемъ, какъ на землѣ свободы онъ видѣлъ на жатвѣ жнецовъ, подгоняемыхъ къ работѣ плетью надзирающаго за ними смотрителя; какъ страдаютъ въ Лятвѣ крестьяне; какъ маршалъ Пусловскій и другіе «лимоножатели» кровью крестьянъ нажили миліоны; какъ сама предлагаемая панамъ свобода можетъ быть уловкою для еще большаго рабства (IX, 52—64). Но этотъ прямой и хитритъ неумѣющій человѣкъ, глядѣвшій постоянно въ даль, не замѣчалъ того, что происходитъ, такъ сказать, подъ его носомъ, не предполагалъ зыбкости почвы, на которой стоялъ, пустоты програмныхъ фразъ, всей изнанки конституціонализма, шаткости и измѣчивости людей, стоящихъ надъ нимъ, и ехидства людей, стоящихъ въ одномъ съ нимъ ряду; наконецъ, онъ не догадывался, что онъ неподходящій къ этой компаніи человѣкъ, которому при первомъ случаѣ подставятъ ножку, чтобы его спихнуть, чтобы онъ не мѣшалъ дружному хорошему пѣнію остальныхъ. Съ Вяземскимъ случилась катастрофа, онъ попалъ въ опалу, тщетно старался додуматься до причинъ этой опалы и, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ признать, что почти собственными руками онъ выкопалъ себѣ ту яму, въ которой потомъ очутился. Поучительна исторія о томъ, какъ была на нѣкоторое время разбита его служебная карьера.

VI.

Вяземскій заимствуетъ изъ *Courrier Français* 1825 г. (IX, 79) слѣдующую характеристику Александра I: il a été entraîné d'enthousiasme en enthousiasme et de culte en culte (culte de Napoleon, culte des principes libéraux, culte du pouvoir et de la Sainte Alliance). Онъ имѣлъ при дѣлахъ приближенными людьми рѣзко выдающіяся національныя личности: Чарторыскаго и Каподистрію. Ни одинъ изъ нихъ не измѣнялъ Россіи. Чарто-

рыскій не лукавилъ, но у него въ службѣ Россіи былъ умыселъ другой,—вездѣ онъ говорилъ, что имѣеть въ виду Польшу. Къ этимъ двумъ личностямъ Вяземскій причисляетъ третью—не національную, а либеральную—Сперанскаго, указывая, что всѣ три были вывѣсками и что всѣхъ трехъ Александръ удалилъ отъ себя на подорогѣ (X, 151). Въ промежуткѣ между польскими сеймами первымъ (1818 г.) и вторымъ (1820 г.) Александръ I былъ еще въ полномъ культѣ либеральныхъ принциповъ. Новосильцеву поручено было сочиненіе проекта конституціи для Россіи, принимаясь къ объѣмъ хартіямъ польской 1815 г. и французской. Главнымъ сочинителемъ былъ тотъ же французъ Deschamps, переводчикомъ—князь Вяземскій (II, 87). Лѣтомъ 1819 г. Вяземскій отпросился въ Петербургъ и Москву, былъ принять государемъ въ его кабинетѣ во дворцѣ на Каменномъ Острову, былъ разспрашиваемъ о своей поѣздкѣ въ Краковъ и о проектѣ редакціи русской конституціи. Въ словахъ государя о его неизмѣнившихся видахъ насчетъ Польши и ея національности сквозили, какъ казалось Вяземскому, маленькіе, но понятные намеки на противоположны идеи Карамзина: *quelques uns pensent que les desordres dont nous sommes parfois témoins seraient comme inhérents aux idées libérales, tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes* (I, XXXVI, и IX, 106). «Предоставляю судить,—присовокупляетъ Вяземскій,—какими сѣменами должны были подобныя слова оплодотворить сердце, уже раскрывшееся политическимъ надеждамъ, которыя освятились самою державною властью. Все вмѣстѣ дало живѣйшее направленіе моему образу мыслей, преданныхъ началамъ законной свободы и конституціоннаго монархическаго правленія, которое я всегда почиталъ надежнѣйшимъ залогомъ благоденствія общаго и частнаго, надежнѣйшимъ кормиломъ царей и народовъ».

Прибавимъ, что въ это же время (лѣтомъ 1819 г.) государю подана была записка за подписями Воронцова, Меншикова, Вяземскаго и другихъ объ освобожденіи русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Между тѣмъ, въ колеблющейся, недовѣрчивой и никогда не предающей всецѣло одному направленію душѣ Александра I уже совершалась въ этотъ моментъ незамѣтно перемѣна, ознаменовавшая конецъ его царствованія. Цѣлая масса причинъ располагала его къ этой перемѣнѣ: Меттернихъ и его система, состоявшая въ застрачиваніи европейскихъ государей всесвѣтною революціей, колеблющею всѣ алтари и престолы, неудовольствіе, вызываемое въ русскихъ людяхъ привилегированнымъ положеніемъ конституціонной Польши. Примѣръ Финляндіи показываетъ, что объ роли—«конституціоннаго монарха въ преддверіяхъ государства и самодержавнаго» у себя дома не безусловно несогласимы, но, конечно, соединеніе обоихъ качествъ мыслимо только при предположеніи недоступности преддверія враждебнымъ извнѣ вліяніямъ. Между тѣмъ, уже по географическому положенію Польши, съ этими враждебными вліяніями приходилось считаться, противопоставляя имъ въ дѣлаемой автономною націи особую русскую партію, посредствомъ которой можно было бы управлять страной. Матеріалъ для такой партіи не-

сомнѣнно существовалъ, чему доказательствами служатъ политика, рода Чарторыскихъ, потомъ имена князя Любецкаго и маркиза Вѣлѣпольскаго. Но послѣ вѣнскаго мира Адамъ Чарторыскій былъ уже для Александра I поконченный человѣкъ, намѣстникомъ онъ не сдѣланъ, оставленъ только попечителемъ виленскаго учебнаго округа, пока его не смѣнить на этомъ посту бывший нѣкогда близкій пріятель, но послѣ 1815 года смертельный врагъ — Новосильцевъ. Намѣстникомъ поставленъ никакимъ влияніемъ не пользующійся генералъ Заіончекъ, нѣкогда якобинецъ, теперь считаемый сервилитомъ. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ государя въ Варшавѣ былъ Новосильцевъ, никогда не любившій поляковъ, а теперь раздувающий неудовольствія, преувеличивающій опасенія и совѣтующій крутыя мѣры. Постоянное пребываніе въ Варшавѣ в. к. Цесаревича Константина Павловича обостряло отношенія. Хотя официально онъ былъ только командующимъ войсками, но онъ вѣдѣлся въ дѣла управленія и мало стѣснялся существующими законами. Открытый 1 (13) сентября 1820 г. второй сеймъ уже не былъ, по словамъ Вяземскаго, празднествомъ для Польши, ни торжествомъ для государя. Въ тронной рѣчи слышались предостереженія (*c'est la vérité que je vous demande; vous la chercherez dans les choses et non dans les vaines abstractions... En excitant le besoin d'une servile imitation le génie du mal plane sur une partie de l' Europe, déjà il y accumule les forfaits et les catastrophes*). Въ заключительной рѣчи «огласилась и разнеслась по Европѣ размова, которая всегда радуется иностранцевъ, какъ завистливые мелкопомѣстные дворяне радуются разстройству въ хозяйствѣ богатаго и могучаго сосѣда» (*interrogez votre conscience et vous saurez si dans le cours de vos discussions vous avez rendu à la Pologne tous les services qu'elle attendait de votre sagesse... si vous n'avez pas retardé dans ses progrès l'oeuvre de la restauration de votre patrie*). Размова съ годами все больше и больше увеличивалась, такъ что передъ третьимъ и послѣднимъ сеймомъ, по указу 3 февраля 1825 года, закрыты были для публики всѣ дѣловыя съ преніями засѣданія сейма.

Изъ Варшавы государь отправился на троппаускій конгрессъ (октябрь 1820 г.), откуда возвратился перемѣнившимся и отказавшимся отъ прежнихъ своихъ мыслей. По разнымъ признакамъ, Вяземскій, не удостоившійся получить въ Варшавѣ отъ государя ни одного милостиваго слова, чувствовалъ, «что собственная его судьба потускнѣла вмѣстѣ съ судьбою Польши», и, увидѣвъ, что «ни умъ его, ни совѣсть не могутъ подчиниться начальнику, имъ избранному (т. е. Новосильцеву), направивался въ чиновники къ графу Каподистрія съ тѣмъ, чтобы поѣхать на конгрессъ, но начальство его туда не отпустило (II, 90). Вмѣсто поѣздки въ Троппау, онъ отпросился въ отпускъ въ Москву, не подозрѣвая, что надъ нимъ учреждается особый полицейскій надзоръ. Когда, собравшись ѣхать въ Варшаву къ женѣ и дѣтямъ, онъ прибылъ въ Петербургъ, то получилъ здѣсь собственноручное письмо отъ Новосильцева, сообщающее ему о гнѣвѣ на него государя влѣдствие устной на него жалобы в. князя Цесаревича и о воспрещеніи ему воз-

вращаться въ Варшаву. Въ минуту перваго волненія Вяземскій подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія камеръ-юнкера. Этотъ крутой разрывъ со службою запечатлѣлъ еще болѣе въ глазахъ многихъ лицъ его политическое своеволие. За него вступился Карамзинъ и просилъ у государя помилованія и объясненія причинъ постигшей его неприятности. Государь разрѣшилъ Вяземскому вступить опять на службу въ любое мѣсто, соотвѣтствующее чину, за исключеніемъ Варшавы, но Вяземскій упорствовалъ вопреки совѣтамъ Карамзина. «Симъ кончилось,—говоритъ онъ (II, 94),—мое служебное поприще и началось мое опальное. Изъ рядовъ правительства очутился я, не тронувшись съ мѣста, въ ряду противниковъ его: дѣло въ томъ, что правительство перешло на другую сторону, съ моей же стороны обнаружился, — признаю охотно,—можетъ быть, излишній фанатизмъ страдалчества за гонимое исповѣданіе... Бѣда моя въ томъ, что у меня слишкомъ много ртути въ термометрѣ и что мой термометръ не привилегированный» (II, 107).

Вяземскій удаленъ былъ со службы подъ двумя предлогами: одинъ, чисто-этикетальный, заключался въ томъ, что, отправляясь изъ Варшавы въ отпускъ, онъ не раскланялся передъ великимъ княземъ. Онъ полагалъ, что ему и не слѣдовало раскланываться, такъ какъ онъ состоялъ на службѣ не при особѣ в. князя, а въ канцеляріи императорскаго комиссара—Новосильцева. Другой предлогъ былъ посущественнѣе. На Вяземскаго) донесли, что, служа въ Польшѣ, онъ восхвалялъ мнѣнія въ рѣчахъ въ парижской палатѣ депутатовъ оппозиціонныхъ членовъ палаты, генерала Фoa, Бенжамена Бонстана, Казимира Пэрье, «мнѣнія же чиновниковъ, употребляемыхъ правительствомъ, не должны быть въ противорѣчій съ нимъ» (II, XVIII). Князь Вяземскій, ни тѣломъ, ни душою не виноватый, «одною гимнастикою языка, притомъ въ совершенно частныхъ разговорахъ», прослылъ за революціонера и карбонара. Такому обороту дѣла нехотя содѣйствовалъ завядынный другъ Вяземскаго, графъ Нессельроде, близкій родственникъ канцлера и адъютантъ в. князя. Нессельроде былъ частью обрусѣвшій, а частью ополячившійся нѣмецъ, которому Вяземскій помогъ сблизиться съ хорошею пріятельницею Вяземскаго—полькою. Нессельроде на ней женился, но черезъ годъ супруги развѣхались. Плодомъ ихъ кратковременнаго сожителства была дочь, столь извѣстная въ варшавскомъ обществѣ временъ князя Паскевича подъ именемъ госпожи Калерджи (по второму браку Муханова), красавица, музыкантша, страстная, увлекательная женщина, освободившая своими вліяніями въ правительственныхъ сферахъ весьма многихъ лицъ, подвергавшихся преслѣдованіямъ политическимъ. Вяземскій любилъ Нессельроде за его прямой и рыцарскій характеръ; они жить одинъ безъ другаго не могли, но вѣчно спорили, распинаясь: Вяземскій—за либеральную оппозицію, а Нессельроде—за легитимистовъ. Однажды ночью Нессельроде ворвался къ спящему Вяземскому, чтобы поразить его извѣстіемъ, что австрійскія войска вошли въ Неаполь, возстановляя самодержавіе короля Фердинанда (24 марта 1820 года). «Наши поединки,—пишетъ Вязем-

скій, — имѣли огласку въ городѣ и въ ушахъ бдительнаго начальства получили важность», то — есть раздражали начальство. Разумѣется, что всякую выходку и остроуту подымали тотчасъ и распространяли раздуватели, изъ числа коихъ Вяземскій указываетъ (IX, 106) прямо на Байкова, старшаго чиновника при Новосильцевѣ, забавлявшаго и овладѣвшаго симъ послѣднимъ. Впрочемъ, не одинъ бритвенный языкъ Вяземскаго былъ его врагомъ; другой его врагъ было его же перо. Зная, что варшавскія письма подвергаются *пермостраци*, Вяземскій посылалъ, несмотря на то, съ курьеромъ въ Петербургъ письма, въ которыхъ рѣзко и откровенно передавалъ, что дѣлается въ официальномъ мирѣ въ Варшавѣ. Конечно, эта оживленная переписка доказывала бы, что у Вяземскаго былъ неудержимый свербежъ руки, если бы онъ не признался самъ (II, 105) пренаивнѣйшимъ образомъ, что тутъ была и «умышленная» неосторожность. «Въ припадкахъ патриотической желчи, при мѣрахъ правительства, несогласныхъ ни съ государственною пользою, ни съ достоинствомъ русскаго народа, при назначеніи на важныя мѣста людей недостойныхъ, я часто съ намѣреніемъ передавалъ животрепещущее соболѣзнованіе моего сердца, писалъ въ надеждѣ, что правительство узнаетъ чрезъ перехваченныя письма, что среди глубокаго молчанія на равнинѣ нашего общежитія есть укорительный представитель мнѣнія общаго. Чѣмъ я виноватъ, что Богъ назначилъ меня быть грамотнымъ, что потребность сообщать, выдавать себя посредствомъ дара слова, или, правильнѣе, *дара письменнаго*, пала мнѣ на удѣлъ въ числѣ немногихъ изъ русскихъ? Меня должно держать какъ комнатный термометръ; онъ не можетъ нагрѣть, ни освѣтить покой, но никто скорѣе и вѣрнѣе не почувствуетъ настоящей температуры».

Отставленный отъ службы, Вяземскій поселился въ Москвѣ и предался всецѣло литературѣ; у правительства онъ состоялъ на дурномъ счету и его положеніе стало еще тягостнѣе при послѣдующемъ царствованіи, потому что хотя слѣдствіе надъ декабристами не обнаружило ни малѣйшей его прикосновенности къ заговору, но солидаренъ онъ былъ съ декабристами во многомъ по образу мыслей и не скрывалъ ни своего къ нимъ состраданія, ни своего негодованія къ дѣятельности арзамасца Блудова, котораго, впрочемъ, никогда не любилъ. «Странная и незавидная, — пишетъ онъ (IX, 153), — участь Блудова: имѣя авторское дарованіе, онъ до сорока лѣтъ и болѣе не могъ рѣшиться ничего написать; тутъ вдругъ получила литературную извѣстность прологами своими къ дѣйствию палачей». Вяземскій объясняетъ, что онъ не попалъ въ тайное общество по двумъ причинамъ: потому, что, по его мнѣнію, принадлежность къ тайному обществу есть порабощеніе личной воли своей волею вожаковъ, и потому, что, какъ узналъ онъ впоследствии, откомандированные въ Москву, чтобы его ощупать и испытать, Якубовичъ и Александръ Бестужевъ, нашли, что онъ недостаточно ненавидитъ нѣмцевъ. Разговоръ коснулся нѣмцевъ, и Вяземскій на-отрѣзъ сказалъ, что онъ не раздѣляетъ *lieux communs*, котораго у насъ въ ходу (II, 107). Въ официальной своей оправдательной запискѣ

1829 г., озаглавленной *Моя исповѣдь* (II), Вяземскій, касаясь этого предмета, говоритъ: «Имя мое, характеръ, способность могли придать нѣкоторую цѣну завербованію въ ряды недовольныхъ, а отсутствіе мое между ними не могло быть случайнымъ, но по странному противорѣчію преубѣжденіе противъ меня не ослабло и мнѣ извѣстно слѣдующее заключеніе обо мнѣ: отсутствіе имени его доказываетъ только, что онъ былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ». Надзоръ за княземъ П. А. не ослабѣвалъ и послѣдствія его бывали порою весьма непріятны. Въ 1828 году, во время вспыхнувшей турецкой войны, и Пушкинъ, и Вяземскій просились опредѣлить ихъ въ дѣйствующую армию. Обоимъ было отказано, по докладамъ Бенкендорфа: Вяземскому—спеціально потому, «что отнюдь всѣ мѣста въ арміи заняты» (IX, 98). Затѣмъ 3 іюня послѣдовало объявленное графомъ П. А. Толстымъ высочайшее воспрещеніе Вяземскому издавать *Утреннюю Газету*, якобы имъ подъ чужимъ именемъ затѣянную, потому что государю извѣстно бывшее его поведеніе и *развратная* жизнь его, недостойная образованнаго человѣка. Распоряженіе послѣдовало, очевидно, по доносу, доносъ могъ исходить отъ опасавшихся конкуренціи журналистовъ, и Вяземскій заподозрилъ одного изъ трехъ: либо Бугарина, либо Греча, либо Воейкова. Самая идея издательства газеты существовала только въ досужемъ воображеніи доносчиковъ,—не только Вяземскій, но никто другой объ изданіи подобной газеты не хлопоталъ. По мнѣнію Пушкина, обвиненіе въ развратной жизни не иначе можно было вывести, какъ изъ вечеринки, продолжавшейся до утра въ С.-Петербургѣ въ какомъ-то захолустѣ у Филимонова, на которой были Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій и другіе. Полиція донесено было, вѣроятно, на основаніи невзрачной и подозрительной наружности дома, что Вяземскій провелъ ночь у дѣвогъ. Мѣра терпѣнія Вяземскаго переполнилась и полѣзъ онъ, такъ сказать, на стѣну. «Si je n'obtiens pas une justification honorable,—писалъ онъ князю В. Д. Голицыну,—il ne me reste qu' à m'expatrier au risque du compromettre par cette demarche l'avenir de mes enfants». Энергическая записка Вяземскаго (*Моя исповѣдь*) дошла до государя и была имъ препровождена къ в. к. Цесаревичу. Убѣдившись, что Вяземскій не столь черенъ, какъ его представляютъ, великій князь пожелалъ имѣть отъ него просительное письмо, по полученіи котораго онъ самъ писалъ къ государю о возвращеніи Вяземскаго на службу. Вяземскій поступилъ къ Канкрину по министерству финансовъ, а 1 августа 1833 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, причемъ дѣло о немъ по высочайшему повелѣнію сочтено конченнымъ. Таковъ былъ конецъ продолжительной опалы, увѣнчанный возвращеніемъ князя Вяземскаго, безъ малѣйшаго ущерба его достоинству и безъ перемѣны его убѣжденій, на государственную службу, которую онъ, по своимъ дворянскимъ преданіямъ, считалъ прямою своею обязанностью.

VI.

Остановимся нѣсколько подольше на этомъ опальномъ періодѣ, въ продолженіи котораго Вяземскій будировалъ и относился и къ службѣ, и къ

государственнымъ дѣламъ до извѣстной степени сатирически, что и сказывается въ слѣдующемъ отрывкѣ письма его 1821 г. къ «милому Рейну», то-есть къ одному изъ благороднѣйшихъ арзамасцевъ, генералу Михаилу Орлову (II, 109): «Служба отечеству—священное дѣло, но не надо пускаться въ излишнія отвлеченности. Между нами и государствомъ есть *лица*—какъ между смертными и Богомъ папы и попы. Вѣруй въ Бога, служи ему какъ хочешь, но при людяхъ у однихъ цѣлуй туфлю, а у другихъ руки, которыя иногда и туфли грязнѣе». Къ этому-то періоду опального времени относится одинъ эпизодъ изъ жизни Вяземскаго, сдѣлавшій его на нѣкоторое время звеномъ, соединившимъ двѣ литературы, русскую и польскую, среди совпадавшаго по времени разцвѣта обѣихъ. Вяземскій заинтересовался отправленнымъ во внутреннюю Россію на службу Мицкевичемъ, приласкалъ его, перезнакомилъ съ московскими и петербургскими литераторами, перевелъ прозой сонеты Мицкевича (1827 г.) и выразилъ въ заключеніе этого перевода надежду, что Пушкинъ, Баратынскій и другіе первоклассные поэты одѣнутъ волшебными красками голое его очертаніе и освятятъ своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами (I, 348). Онъ былъ одинъ изъ немногихъ способныхъ оцѣнить прелесть стиховъ Мицкевича въ подлинникѣ. «Изящное произведеніе, — пишетъ онъ, — вышло въ Москвѣ, а въ Москвѣ можетъ быть нѣтъ и десяти читателей. Оно поступило въ продажу *incognito*, безъ почестей журнальныхъ. Москва для польскаго поэта почти то же, что необитаемый островъ, но онъ свой міръ носить съ собою и населилъ имъ пустыню». Не только словами, но и дѣломъ содѣйствовалъ Вяземскій благой цѣли и исполненію сознаваемой имъ обязанности изготовить предварительныя мѣры сближенія. «Есть высшіе умственные слои, — думалъ онъ (VII, 306), — куда не должны достигать неистовыя страсти семейныхъ междоусобій. Тутъ не существуютъ условныя перегородки *приходскихъ* національностей. Мы пользуемся повсемѣстными плодами земнаго шара, не справляясь; какою почвой они были возращены, дружескою или непріязненною. Политика есть сила разъединяющая, а поэзія должна быть всегда примиряющею и скрѣпляющею силой». Самъ собою Мицкевичъ былъ человѣкъ привлекательный, очаровательный не только какъ поэтъ. Умный, одушевленный, онъ держался просто, безъ признаковъ ни заносчивости, ни обрядной унизительности, которыя Вяземскій подмѣтилъ у нѣкоторыхъ поляковъ. При отгнѣтѣ меланхолическаго выраженія въ лицѣ, онъ былъ веселаго склада, скоръ на мѣткія и удачныя слова; наконецъ, онъ вдохновенно импровизировалъ для своихъ земляковъ риемоватую рѣчь, а для русскихъ по-французски прозою, но съ лицомъ, озареннымъ пламенемъ вдохновенія, въ которомъ было что-то тревожное и прорицательное. Жуковскій и Пушкинъ, глубоко потрясенные этимъ огнедышащимъ изверженіемъ поэзіи, были въ восторгѣ. Увлеченію Вяземскаго Мицкевичемъ не мѣшало то, что Вяземскій усматривалъ въ его поэзіи байроновскія черты. Оставаясь, въ сущности, классикомъ, Вяземскій вмѣстѣ съ своими современниками признавалъ фактъ непререкаемаго царенія Байрона

въ тогдашней поэзіи романтической. Вяземскій усматривалъ въ поэзіи Мицкевича не подраженіе, а воввышенную *стачку* геніевъ, которые всё подвластны духу времени и движимы имъ въ силу какихъ-то мѣстныхъ и срочныхъ законовъ. Тогдашнее поколѣніе требовало байроновской поэзіи не по модѣ и прихоти, но по глубоко въ сердцѣ заронившимся потребностямъ вѣка, по *состройствѣ* въ запросахъ. Байронъ избранъ былъ только въ то время толмачомъ челоуѣка съ самимъ собою. Онъ переложилъ на музыку пѣсню поколѣнія, ввелъ новыя буквы, которыя напечатлѣли понятія и чувства, таящіяся подъ спудомъ за недостаткомъ знаговъ выразительныхъ (I, 331).

Лѣтъ за пять до смерти (1873 г.), возвращаясь въ своихъ воспоминаніяхъ къ давно умершему Мицкевичу, «блудному брату, но, все-таки, брату», Вяземскій опредѣляетъ такимъ образомъ существовавшія до 1830 г. междунаціональныя отношенія (VII, 306). Мицкевичъ оставался кровнымъ полякомъ, но озлобленія въ немъ не было. Только позднѣе и заднимъ числомъ заподозрѣна его поэма *Валленродъ*, но была ли она написана не подъ однимъ поэтическимъ, а и подъ макиавелическимъ вдохновеніемъ, каковой смыслъ придали ей послѣдующія событія, о томъ не берется сѣдить Вяземскій. То время,—говоритъ онъ,—было не столько вопросительно, какъ наше, польскаго же вопроса еще не было. Польшу знали мало, что было нехорошо; теперь знаютъ не лучше, но говорятъ о ней больше, что еще хуже. Государственные люди и нѣкоторые мыслители сѣтовали тогда о привилегированномъ положеніи воссозданнаго царства польскаго, но и тутъ была не племенная вражда, а одно политическое соображеніе съ государственно-русской точки зрѣнія, притомъ, это привилегированное положеніе было только временное въ виду общей системы государственнаго преобразованія, которое готовилъ государь (VII, 326). Мало ли кого есылаетъ у насъ администрація? Въ Мицкевичѣ видѣли подпавшаго дѣйствию административной мѣры, но мало заботились о поводѣ, вызвавшемъ эту мѣру. Мицкевичъ часто гостилъ у Вяземскихъ въ Остафьевѣ, сочинялъ тамъ стихи, до конца жизни хранилъ, какъ одно изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній, любовное письмо къ нему нягини Вѣры Вяземской (*P. Chmiłowski*: «*Mickiewicz*», I, 383). «Потомъ, послѣ многолѣтняго перерыва письменныхъ сношеній, мы сошлись съ Мицкевичемъ въ Парижѣ,—пишетъ Вяземскій,—и сошлись, разумѣется, старыми пріятелями. Я не видалъ въ немъ поляка, онъ не видалъ во мнѣ москаля, а развѣ просто москвича. Онъ показался мнѣ много и преждевременно постарѣвшимъ. Волненія, скорбь вырѣзали слѣды свои на лицѣ, уже и прежде осѣнненномъ меланхолическимъ выраженіемъ. Особенно при второй встрѣчѣ въ Парижѣ (1850 г.) замѣтны были еще болѣе на немъ признаки усталости и разочарованія. Если Мицкевичъ увлекся политическимъ движеніемъ и былъ политическимъ противникомъ Россіи, онъ не былъ революціонеромъ, онъ остался навсегда честнымъ и нравственнымъ челоуѣкомъ и сочувственною личностью» (VII, 332).

VII.

И такъ, личныя отношенія Вяземскаго и Мицкевича, установившіяся до возникновенія польскаго вопроса или, лучше сказать, до обостренія его въ 1831 г., не измѣнились послѣ этого событія. Спрашивается, измѣнили ли событія 1831 г. благожелательное расположеніе Вяземскаго къ самой польской націи, которую онъ зналъ, можетъ быть, лучше, нежели кто-либо другой изъ современныхъ русскаихъ людей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить любопытный документъ, занесенный въ записную книжку Вяземскаго, — набросокъ письма его къ Пушкину, не отправленнаго, но весьма характернаго, разборомъ котораго мы и заключаемъ нашъ этюдъ о Вяземскомъ. Громадное преимущество Вяземскаго по польско-русскому вопросу передъ современными ему публицистами и поэтами, такими, какъ Жуковский и Пушкинъ, заключалось въ томъ, что онъ отлично зналъ этотъ вопросъ и съ его лицевой, и съ оборотной стороны. Никто не сознавалъ такъ хорошо, какъ онъ самъ, что на варшавскихъ сеймахъ становилась и разыгрывалась новая драма съ загадочною и, можетъ быть, не желаемою, но трагическою развязкой. Изумительное безпристрастіе и объективность его взгляда отразились всего вѣрнѣе въ краткой отиѣткѣ записной книжки отъ 4 августа 1819 г., въ строкахъ, подобныя которымъ едва ли бы написалъ кто-либо другой изъ русскихъ (IX, 28). «Я вчера ѣхалъ одинъ изъ Багатели, чрезъ сумрачную рошу Лазенки (дворецъ Станислава - Августа Цонятовскаго). Сей одинокій, не освѣщенный замокъ, сіе опустѣніе въ рѣзкой картинѣ явили мнѣ судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованнаго народа. Злополучія Польши всегда говорили уму моему языкомъ политической необходимости. Тутъ въ первый разъ Польша сказала мнѣ голосомъ поэзіи. Я ужаснулся и готовъ былъ воскликнуть: «Государь, возставъ Польшу! ты поступишь въ смыслѣ голоса природы; но если слѣпое самолюбіе ставитъ тебя на степень возстановителя народа, оставъ это дѣло. Человѣческое несовершенство проглянетъ въ семь подвиговъ божественномъ и ты вынесешь негодование Россіи и открытый листъ на осужденіе потомства».

Когда Вяземскій писалъ эти строки, онъ уже зналъ о весьма малой пригодности лицъ, представляющихъ русскую политику въ Варшавѣ, къ исполненію задачъ, которыя ставились, и несоотвѣтствіе принимаемыхъ мѣръ къ дѣлямъ, которыя провозглашались. Вскорѣ затѣмъ онъ на себѣ самомъ испыталъ, какъ мало соотвѣтствовала дѣйствительность идеалу. Въ 1829 г. онъ не безъ основанія былъ встревоженъ положеніемъ Польши (IX, 116): «Одно коренное зло—излишнее число войскъ. Что такое польское войско? Польшѣ, отдѣльно взятой, войска не надобно. Войско—ограда независимости: польская независимость опирается на Россію... тѣло, однако, поражено недугомъ—искать язву внутри: гдѣ она кроется?»

4 декабря 1830 года записано въ дневныхъ отиѣткахъ, что Вяземскій (еще не поступившій на службу) получилъ извѣстіе о польскихъ событіяхъ (мятежъ 17/29 ноября 1830 г.). Онъ ничего не понималъ: «Подпрапорщики не дѣлаютъ революціи, они только бунтуютъ. Зачѣмъ вѣрныя войска вы-

ступили изъ Варшавы? Добро еще русскія, для избѣжанія поклеповъ, но зачѣмъ выступили польскія? На что держать вооруженную силу, если не на то, чтобы хранить порядокъ и усмирять буйство? Какъ бросить столицу на жертву нѣсколькимъ головорѣзамъ? Что вышло бы, если бы государь 14 декабря выступилъ изъ Петербурга съ вѣрными войсками? Я увѣренъ, что все это происшествіе—вспышка нѣсколькихъ головорѣзовъ, которую можно и должно было унять тотчасъ. Дѣло запуталось потому, что его запутали. Воры грабятъ домъ, а полиція, чѣмъ унимать, отходитъ прочь, чтобы не сказали, что грабежъ начать ею. Варшавская передрига не будетъ шекспировскою драмой, а классическою французскою трагедіей съ соблюденіемъ единства и времени, такъ чтобы въ два часа быть развязкѣ.

Вяземскій былъ совершенно правъ насчетъ полной неумѣлости мѣстныхъ органовъ правительства въ дѣлѣ подавленія мятежа, но онъ ошибся насчетъ скорости послѣдованія развязки. Великій князь сознательно бездѣйствовалъ, въ совѣтъ управленія проникли революціонные, усилившіе его эдементы, собрался безъ законнаго созыва и сеймъ, въ распоряженіи революціи оказались и войска. Положеніе становилось серьезнымъ, въ русскомъ народѣ пробуждалось безпокойство, шевелилось національное чувство, которое нашло себѣ откликъ и выраженіе уже послѣ сдачи Варшавы (7 сентября 1831 г.), сначала въ журналахъ, а потомъ въ сборникѣ патріотическихъ стиховъ, изданныхъ сообща Жуковскимъ и Пушкинымъ, подъ заглавіемъ: *На взятіе Варшавы (Старая пѣсня на новый ладъ)* Жуковского, *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина* Пушкина. Капитальное возраженіе съ этической стороны, которое можно бы сдѣлать противъ этого сборника, заключалось въ несвоевременности его появленія, послѣ одержанной побѣды, вопреки правилу: лежачаго не бьютъ. Пушкинъ чувствовалъ эту неловкость, а потому онъ, главнымъ образомъ, нападалъ на западно-европейскихъ *Клеветниковъ Россіи*, отказывая имъ въ правѣ вступаться въ домашній споръ славянъ между собою, въ семейную вражду, на что находилъ прекрасный отвѣтъ у кн. Вяземскаго. «Пушкинъ кажетъ клеветникамъ Россіи шишъ изъ кармана; онъ знаетъ, что они не прочтутъ его стиховъ,—слѣдовательно, и отвѣчать не будутъ на вопросы, на которые отвѣчать легко бы было и самому Пушкину».

До Вяземскаго въ Москвѣ дошли, прежде всего, стихи Жуковского 14 сентября 1831 г. Онъ написалъ сгоряча письмо къ Пушкину, котораго сразу хотѣлъ тоже «оцарапнуть», такъ какъ и о стихахъ Пушкина ходили уже слухи, но письма этого не отправилъ, «не отъ нравственной вѣжливости, но чтобы не сдѣлать хлопотъ, вслѣдствіе распечатаннаго письма на почтѣ» (IX, 156). Была тутъ, можетъ быть, и другая причина: стихи обоихъ поэтовъ понравились публикѣ, сдѣлались весьма популярны. Старикъ И. И. Дмитріевъ благодарилъ за нихъ Жуковского («Взыграй же духъ, Жуковскій, дай мнѣ руку, пускай съ пѣвцомъ воскликнетъ патріотъ...» Соч. Жуковского, 8 изд., III, 473). Въ Вяземскомъ съ каждымъ днемъ усиливалось то чувство, что «я болѣе и болѣе уединяюсь, обособляюсь

въ своемъ образѣ мыслей». Онъ и не захотѣлъ идти противъ теченія, но не могъ переварить этихъ поэтическихъ произведеній и только о нихъ и думалъ восемь дней (14, 15 до 22 сентября). Передаемъ сущность нелишенныхъ горечи замѣчаній, направленныхъ противъ каждаго изъ поэтовъ, участвовавшихъ въ сборникѣ.

Онъ наиболѣе недоволенъ Жуковскимъ и пишетъ: «Стихи Жуковскаго une question de vie et de mort между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочелъ бы имъ смерть. Прислалъ бы Жуковскій какую-либо новую сказку. Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, ходящіе въ Москвѣ въ шинеляхъ съ поздравительными одами). Не совѣстно ли сравнивать нынѣшнее событіе съ Бородинымъ? Тамъ мы бились 1 противъ 10, а здѣсь 10 противъ 1. Дѣло весьма важно въ государственномъ отношеніи, но тутъ поэзіи нѣтъ ни на грошъ. Какъ можно поэзію видѣть въ бомбахъ, въ палисадахъ? (у Жуковскаго написано: «Чу, какъ пламенные тромбы, Поднялися и летятъ Наши мстительныя бомбы На кипящій бунтомъ градъ!... Что намъ ваши палисады?» и т. д. Замѣтимъ, что Варшава не бомбардировалась, а сдана на капитуляцію генераломъ Круговецкимъ). Мало ли что политика можетъ и должна дѣлать? Ей нужны падачи, но развѣ ихъ будете пѣть? Мы ужасные самохвалы и грустно, что въ нашемъ самохвальствѣ есть какой-то холопскій *отсъдъ*. Мы похожи на дворню, которая поздравляетъ барина съ именинами, съ пожалованіемъ чина и проч. Воспѣвайте (взятіе Варшавы), если у васъ колѣни чешутся и непременно кадобно вамъ ползать съ лирою въ рукахъ. Однѣ пѣсни 12-го года могли быть нѣсколько на другой ладъ и потому Жуковскому стыдно запѣть иначе».

Не менѣе Жуковскаго досталось и Пушкину за географическія фанфаронады: *отъ Перми до Тавриды* и проч. «Что же тутъ хорошаго, что мы такъ лежимъ въ растяжку, что у насъ отъ мысли до мысли 5,000 верстъ? Неужели Пушкинъ не понимаетъ, что намъ съ Европою воевать была бы смерть? Зачѣмъ взбивать слова, заметать глаза пѣною? Когда рѣшишься быть поэтомъ *событій*, а не соображеній, то нечего робѣть и жеманиться,—пой да и только. Смѣшно, когда Пушкинъ говорить, что мы не сожжемъ Варшавы ихъ. И вѣстимо, потому что потомъ намъ бы пришлось и застроить ее. Вы такъ сбились съ пахвѣй въ патріотическомъ восторгѣ, что не знаете на чемъ рѣшиться—то у васъ Варшава неприятельскій городъ, то нашъ посадъ».

VIII.

Конечно, Вяземскій хватилъ черезъ край, когда спрашивалъ, какая можетъ быть поэзія въ бомбахъ и палисадахъ? По этому вопросу не судья эстетика, его рѣшаютъ только совѣсть, благопристойность и этика. Самъ Вяземскій впоследствии (1877 г.) признавалъ, что есть поэзія въ жадѣ крови, съ которою относятся другъ къ другу сербы и турки (поэзія свирѣца, но поэзія; есть что-то въ этомъ родѣ въ поэмѣ Мицкевича *Валленродъ*. X, 293). Самъ онъ воспѣвалъ въ крымскую войну русскій штыкъ и кровопролитіе всякаго рода стихами, безконечно уступающими по таланту сти-

внзязъ Пушкина; правда, что онъ слагалъ эти стихи не послѣ окончательнаго одолѣннн противниковъ, а въ пылу боя и въ моментъ, который считалъ весьма похожимъ на 12-й годъ. Торжествовать побѣду надъ сраженнымъ и подавленнымъ непрнатедемъ претило ему по его рыцарскому чувству: «курамъ на смѣхъ, быть внѣ себя отъ изумленн, что лъву удалось, наконецъ, положить лапу на мышъ». Но и среди тяжелой борьбы Россн съ европейскою коалицней въ боевыхъ пѣснопѣннхъ Вяземскаго никогда не звчала струна племенная, не общечеловѣческая, но специфически-русская, т. е. собственно великоросснйская и московская. Поразительно, какнмъ антиславнстомъ является онъ въ восточную войну. Увлеченн въ пользу славянъ считалъ онъ, въ письмѣ къ графу Шереметеву 1876 года (гл. VII, 467), судорогами, пляскою св. Внта. Всѣ упнваются патрнотическою свухой на славянскомъ настоѣ и закусываютъ бѣленю. Вяземскнй ненавндитъ генерала Чернаева: «Этотъ Анннбалъ, этотъ Вашингтонъ хрнстарадннчаетъ у Россн крови ея, денегъ, офицеровъ, сапоговъ и корпнн. Этотъ полководецъ не успѣлъ даже и корпнн заготовнть...» Наша главная погрѣшность, если вѣрнть Вяземскому, что мы считаемъ себя болѣе славянами, чѣмъ русскнми; русская кровь на главномъ планѣ, а впереди славнлюбне, между тѣмъ какъ для насъ лучше имѣть съ боку слабую, дряхлую Турцню, нежели молодую, сильную, демократическую Славнню, которая опасаться насъ будетъ, но любить не будетъ. И когда намъ были въ пользу славнне? Россн для ннхъ дойная корова, и только, а всѣ сочувствнн нхъ уклоняють къ Западу. Сохраннте письмо: хочу, чтобы потомство удостовѣрнлось, что въ пьяной Россн раздавались кое-какне *трезвые* голоса!» Внзязъ Вяземскнй несомнѣнно патрнотъ, и весьма горячнй, но онъ не патрнотъ-нацноналистъ, а патрнотъ-государственннкъ, сроднн тѣмъ Репннннмъ, Штакельбергамъ и другимъ, которые распоряжались судьбами падающей Польшн при королѣ Понятовскомъ, весьма пороку плохо владѣя русскнмъ языкомъ, представляя изъ себя свѣтскихъ европейцевъ и мнрясь съ тѣмъ, что представляемое нми государство по наружности разношерстно, что оно похоже на пышный узорчатый восточный коверъ, а не окрашено въ однообразное, хотя бы и ярко-алое сунно. Вяземскнй почти признаетъ за истнну, не особенно возмущаясь, то шуточное опредѣленн Россн, которое онъ занесъ въ 1830 г. въ свою записную книжку (гл. IX, 153): «Россн—нѣкогда варяжская колонн, теперь нѣмецкая; главные города—Петербургъ и Сарепта; дѣла въ ней дѣлаются по-нѣмцн, въ высшнхъ званнхъ говорнтся по-французскн, но деньги употребляются русскн, русскнй же языкъ и русскн руки служатъ только для черныхъ работъ». Всегда спокойный и въ сужденнхъ своихъ безстрастный, внзязъ Вяземскнй не видѣлъ большой бѣды въ *квасномъ* патрнотнзмѣ, но всездѣ преслѣдовалъ *снгушннй*, помрачающнй разсудокъ и ожесточающнй сердце (VIII, 139). На нервы его дѣйствовали, раздражая нхъ, литературно-варварскн выраженн: «полякующнй», «располяченн». «Не щаднте поляковъ,—пнсалъ онъ,—но пощаднте, по крайней мѣрѣ, русскнй языкъ; политическн страсти свонми уклонитель-

ными или ругательными кличками никогда языка не обогащали, а только позорили его и опошляли» (VII, 239). Самъ онъ не могъ бы быть названъ полякующимъ, потому что даже когда записывалъ въ 1819 году приведенныя нами слова: «Государь, возставъ Польшу!»—то и тогда имѣлъ онъ о Польшѣ весьма ограниченное и точно опредѣленное представленіе. Польша была для него одно конгрессовое Царство Польское, а не Волынь, не Литва и не наслѣдіе Богдана. Собственно для пользы Россіи, какъ государства, Вяземскій предпочиталъ бы это царство совсѣмъ «отсѣчь, бросить его» (писалъ онъ еще въ 1831 году, VII, 156), какъ даемъ мы отпускную негодяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни отдать въ рекруты. Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни; до побѣды нельзя было такъ поступать, но по побѣдѣ очень возможно. Какая выгода Россіи быть внутренней стражей Польши? Гораздо легче при случаѣ имѣть ее явнымъ врагомъ, но такая мысль слишкомъ широка для головы какого-нибудь Несельроде и она въ ней не умѣстится».

Разъ Россія не рѣшилась выдѣлить изъ себя Польшу, то тѣмъ самымъ польскій вопросъ сталъ вопросомъ внутреннимъ, и только внутреннимъ. Неизбѣжнымъ социологически послѣдствіемъ такой его постановки являлась необходимость считаться съ польскимъ элементомъ въ государствѣ, какъ съ составною частью и членомъ своего собственного организма, такъ что его нельзя ни отрѣзать, ни выправить, ни атрофировать, а необходимо для пользы цѣлаго установить нормальное, правильное кровообращеніе между этимъ членомъ и совокупностью всѣхъ другихъ. Этотъ взглядъ, правильный, трезвый и предвосхищенный у социологій, дошедшей до него лишь впоследствии, Вяземскій проводитъ постоянно, и въ томъ его высокая заслуга. «Насъ выгнали изъ Варшавы за то, что мы не умѣли владѣть ею. Послѣ нѣсколькихъ-мѣсячныхъ маршевъ и контръ-маршевъ, мы опять вступили въ этотъ городокъ. Грустны могли быть неудачи наши, но ничего нѣтъ возвышеннаго въ удачѣ, тѣмъ болѣе, что она никакъ нравственно не искупаетъ ихъ. Польское дѣло—болѣзнь, которая показала намъ пороги нашего сложенія. Мы не умѣли заставить поляковъ полюбить нашу власть. Эта причина теперь еще сильнѣе и ядовитѣе. На время можно будетъ придавить ее, но развѣ правительства могутъ созидать на одинъ день, говорить: вѣкъ мой—день мой?... При первой войнѣ, при первомъ движеніи въ Европѣ, Польша возстанетъ на насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часоваго при каждомъ полякѣ. Можно ли управлять людьми, имѣющими нѣкоторую степень образованности, не заслуживъ довѣренности и любви ихъ? Многіе изъ насъ думаютъ, что достаточно матеріальной силы для преобладанія въ чужой сторонѣ. Оно не всегда такъ. Сила силою, и пренебрегать ею нельзя, но не худо имѣть и нравственную указку для благонадежнаго и окончательнаго преподаванія. Многіе изъ насъ того мнѣнія, что правительственныя лица въ области чужой должны, если они хорошіе патриоты, ненавидѣть людей, подчиненныхъ ихъ власти, и равномѣрно быть ими ненавидимы. Не дай, Боже, чтобы администраторъ полюбилъ находящихся въ

управленіи его и они полюбили его: тутъ тотчасъ наши публицисты за-подозрять измѣну». Вяземскій держится совсѣмъ противнаго и въ этомъ случаѣ, конечно, болѣе христіанскаго мнѣнія, что вражда одну вражду и родить способна (VIII, 357). Мягкость этихъ сужденій, запечатлѣнныхъ кротостью, терпимостью и гуманностью, была въ противорѣчій съ суровыми началами политики Николая Павловича. Она находится въ еще большемъ противорѣчій съ русско-польскими отношеніями, сильно обострившимися и получившими сильную примѣсь страстности послѣ несвоевременно сдѣланныхъ, запоздалыхъ уступокъ 1861 и 1862 гг., съ которыми связано имя маркиза Вѣлѣпольскаго и послѣ роковаго для поляковъ 1863 года. Весьма ошибочно было бы приписывать мягкость въ сужденіяхъ Вяземскаго низпоклонничеству передъ превосходствомъ польской культуры. Если бы мнѣнія Вяземскаго, разбросанныя во множествѣ по листамъ его записныхъ книжекъ, были имъ въ свое время при жизни оглашены въ печати, то отъ сатирическихъ выходовъ его и отъ ѣдкихъ опредѣленій свойствъ польскаго ума и характера пришли бы, вѣроятно, въ негодованіе многіе его знакомые и друзья-поляки и, можетъ быть, предпочли бы открытую, къ насилію клонящуюся вражду презрительно-снисходительному отношенію къ развѣнчанной націи, съ которымъ Вяземскій обращался съ нею какъ съ народомъ больныхъ, людей вѣтренныхъ, дѣтски-легкомысленныхъ, съ которыми что хочешь сдѣлаешь, только не острастрою, а тонкою лестью и умною лаской. Приведемъ нѣсколько образчиковъ отзывовъ Вяземскаго, въ которыхъ поляки нисколько не пощажены.

IX.

Г-жа Сталь сказала о полякахъ: «въ нихъ есть блескъ, но ничего нѣтъ основательнаго, я ихъ скоро догнываю; мнѣ ихъ нужно, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ на недѣлю» (IX, 23). Г-жа Свѣчина, въ проѣздъ черезъ Варшаву, говорила, «что все здѣсь, и даже бытіе народа, кажется ей обманчивымъ, условленнымъ и театральнымъ» (VIII, 51). «Не благотворите имъ на дѣлѣ, — совѣтуетъ Вяземскій, — а говорите имъ о благодѣяніи. Они такъ дорожатъ слыть благородными и доблестными, что отъ словъ о благородствѣ и доблести полѣзутъ на стѣну. И добродѣтели ихъ всѣ театральныя, не твердыя правила, а только хорошее направленіе. Они всегда промѣняютъ солнце на фейерверкъ. Рѣчь государя на сеймѣ дороже имъ всѣхъ его благодѣяній. Бей ихъ дома, какъ хочешь, только при гостяхъ будь съ ними учтивъ. Они политическіе Донъ-Кихоты» (X, 18). «Съ поляками должно имѣть мягкость въ приемахъ и твердость въ исполненіи. Подавайте руку поляку вѣжливо и ласково, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, прижмите ее такъ, чтобы онъ могъ догадываться о силѣ вашей. Имъ некогда быть благодарными, они легко падаютъ духомъ или увлекаются энтузіазмомъ. Главное дѣло — ихъ заговорить и охмѣлить. Такъ поступалъ съ ними и Наполеонъ. Онъ никогда не думалъ возвратить имъ независимость, но только обольщалъ ихъ, а они

лѣзли за нимъ въ огонь и тысячами погибали» (VIII, 51). «Поляку сродно или бѣситься, или наслаждаться жизнью; унывать онъ неспособенъ. Польское общество имѣло большую жизненную силу. Оно падаетъ, разбивается въ кровь и опять возстаетъ, какъ будто бы ни въ чемъ не бывало. Этимъ свойствомъ оно сближается съ французскимъ, къ которому притягиваетъ его какая-то роковая и зловѣщая сила. Польскій народъ не имѣетъ сдержанности, необходимой для самосохраненія и здраваго воззрѣнія на свое настоящее и будущее. Можно ли послѣ того сердиться и негодовать на поляковъ? Не скорѣе ли должно жалѣть о нихъ? Должно противодѣйствовать ихъ политическимъ мечтаніямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя здравой, а не страстной политикѣ, дѣлать имъ добро, даже противъ собственной ихъ воли» (VII, 240).

У Вяземскаго есть своя философія польской исторіи, очень похожая въ окончательныхъ выводахъ на ту, къ которой приходитъ нынѣ и новѣйшая польская историографія: «внѣшнія тяготѣнія ослабили и *ампутировали* Польшу; но Польша и сама собою дѣятельно работала въ смыслѣ окончательнаго разложенія своего; къ тому же, и географическія ея условія отвратительныя. Паскевича спрашивали: «почему поляки всегда раболѣпствуютъ и бунтуютъ?»—«Такова уже у нихъ географія»,—отвѣчалъ намѣстникъ (VIII, 105). Если эти соображенія могли бы быть признаны разрѣшающими вопросъ о политической самобытности, то они нисколько не разрѣшаютъ вопроса о національной жизнеспособности, то-есть о возможности оздоровѣть, какъ нація, и приспособиться къ своему подвластному въ политическомъ отношеніи состоянію; но этотъ послѣдній вопросъ не обсуждается даже у Вяземскаго, хотя если бы онъ былъ поставленъ, то Вяземскій, вѣроятно, рѣшилъ бы его отрицательно, то-есть призналъ бы, что поляки нація милая, но не умная и неизлечимо больная. «Польская политика,—замѣчаетъ онъ,— всегда сбивается на фантазію. Романтической литературы еще и помину не было, а уже была, благодаря полякамъ, романтическая политика, пренебрегающая условіями времени, мѣста и дѣйствія. У нихъ нѣтъ *классическаго* воззрѣнія на вещи и событія. Ихъ не пугаетъ несообразность надеждъ, ихъ не пробуждаетъ отъ сновидѣнія вся историческая, политическая и русско-народная невозможность (желаемаго) событія. Они не признаютъ роковой силы слова: необходимость. Государственной политикѣ должно, при такихъ періодическихъ увлеченіяхъ и припадкахъ, быть всегда насторожѣ» (VIII, 111).

Анализируя, съ юморомъ и сатирически, недостатки польской націи, Вяземскій начертилъ, въ видѣ бѣглыхъ набросковъ, въ своихъ записныхъ книжкахъ множество портретовъ своихъ польскихъ знакомыхъ. Эти портреты нарисованы зло, тонко и, вѣроятно, сходны съ оригиналами, какъ сходна всякая ловкая карриатура, передающая съ преувеличеніями основныя черты подлинника. Эти замѣтки—большой кладъ для будущихъ историковъ нравовъ. Тутъ есть и вельможи, и паразиты, и великосвѣтскія дамы, есть графъ Генрихъ Ржевускій, *циркій*, преданный *ойчизнѣ* душой, но съ

ложными клерикальными и историческими предубѣждениями, безъ всякихъ, притомъ, мечтательскихъ надеждъ, кончившій свое поприще въ роли чиновника при князѣ Паскевичѣ, держамаго затѣмъ, чтобы въ бесѣдахъ за столомъ, далеко за полночь, давать князю *реплику*, какъ говорится на театральномъ языкѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ изображенъ и въ профиль, и en face другой, болѣе крупный по тому времени человекъ, генералъ Винцентъ Красинскій, солдатъ наполеоновскихъ войнъ, пожинавшій лавры въ Испаніи, потомъ приведшій остатки польско-французскихъ войскъ въ уже обрусѣвшую Варшаву, ласкаемый въ Петербургѣ за сильно уже померкшіе наполеоновскіе лучи. Красинскій дожилъ до того, что, по смерти Паскевича, ему, по старшинству чина, пришлось временно исправлять должность намѣстника. Въ польскомъ обществѣ онъ гораздо болѣе памятенъ, какъ отецъ одного изъ величайшихъ польскихъ поэтовъ, Сигизмунда Красинскаго (le poète anonyme de la Pologne), одного изъ непримиримѣйшихъ. У Вяземскаго графъ Винцентъ Красинскій изображенъ какъ вдохновеннѣйшій враль, сродни легендарному Карлу Радзивилу (Ranie kochanku) или нѣмецкому барону Мюнхгаузену. «Бываютъ лгуны добросовѣстные, они запинаются и краснѣютъ: эти никуда не годятся. Двѣ пріятельницы, — рассказываетъ графъ Красинскій, — встрѣтились неожиданно на улицѣ; та и другая ѣхали въ каретахъ. Одна, не замѣтивъ, что стекло поднято, кинулась къ нему, пробила его головой, но такъ, что стекло перерѣзало ей горло и голова ея скатилась на мостовую передъ каретой ея пріятельницы». Красинскій рассказывалъ еще, какъ послѣ одного удачнаго нападенія его на непріятели прискакалъ Наполеонъ и, со словами: «Vincent, je te dois la couronne», снялъ съ себя и надѣлъ на него звѣзду почетнаго легіона. «Какъ же вы никогда не носите этой звѣзды?» — «Я ее возвратилъ императору, потому что не признавалъ дѣйствія моего достойнымъ такой награды». Однажды, не зная, какъ выпутаться въ рассказѣ, графъ сослался на свидѣтельство своего адъютанта, но сей послѣдній нашелся и замѣтилъ: «Вы, графъ, вѣроятно, забыли, что я былъ убитъ при началѣ сраженія!» (VIII, 147, IX, 128; X, 57). «Пусть онъ, но не пустотупъ, какъ наши, il a de la verge, — замѣчаетъ князь Вяземскій. — Въ немъ есть какая-то смѣлость, разумѣется, нѣсколько пьяная. Его въ Польшѣ не уважаютъ, популярность его выдохлась въ Бельведерѣ (дворецъ в. к. Цесаревича) и въ особенности въ сенатѣ, по послѣднимъ дѣламъ государственнаго суда. Впрочемъ, у насъ не знаешь, чѣмъ понравиться. Можетъ быть, въ немъ то и полюбили, что нація отворотилась отъ него».

Съ виду снисходительное, а, въ сущности, довольно высокоумѣнное отношеніе Вяземскаго къ польской націи можетъ быть объяснено тѣмъ, что, чувствуя себя вполне русскимъ человекомъ, онъ за русскимъ народомъ признавалъ призваніе государствовать, нѣчто вродѣ того, что у Виргилія выражено въ стихѣ: «Tu regere imperio populos Romane memento». Онъ писалъ (X, 20): «Русская тонкость, лукавство и смѣтливость сами собою изъ каждаго умнаго русскаго дѣлаютъ дипломата, а мы отказываемся отъ

своей полуазиатской природы и дипломатизируемъ на французскій и англійскій ладъ». Властвовать, по его понятіямъ, не значить вытраивать и уничтожать не вполне русскіе элементы въ государствѣ, растирая силой на порошокъ цѣнные зерна ихъ вѣками накопившихся культуръ, но, бережливо пользуясь этими зернами, употреблять ихъ для достиженія цѣлей высшихъ, нежели тѣ, которыя могутъ быть у отдѣльныхъ составныхъ частей цѣлаго, цѣлей обще-государственныхъ. Въ насиліи Вяземскій видѣлъ, прежде всего, зло, несправедливость, а потому онъ и былъ открытымъ врагомъ принудительной руссификаціи. «Руссификація, — писалъ онъ, — о которой говорятъ и витійствуютъ наши бумагопотребители, дѣло очень легкое, но едва ли благонадежное; я до нея не охотникъ. Вы мѣтите въ одну цѣль, а попадаете въ другую, ей совершенно противную. Того и гляди, вы будете ставить въ вину окраинамъ вашимъ, что у нихъ растутъ тополи и каштаны и для вящаго однообразія захотите приневолить ихъ разсаживать у себя побольше ельника и ветлы» (VIII, 319).

X.

Въ лицѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго сошелъ со сцены весьма еще недавно и на нашихъ глазахъ послѣдній русскій *классикъ* и въ литературѣ, и въ политикѣ, чистый государственный, безъ малѣйшей примѣси романтическаго народническаго элемента, замѣтный въ средѣ значительно позднѣйшихъ поколѣній, между которыми онъ очутился подъ старость, и по своему сословно-дворянскому оттѣнку, и по своему европейскому лоску, и по своей французской манерѣ мыслить и разсуждать, — однимъ словомъ, по качествамъ, которыя были у него общія съ образованнѣйшими дѣятелями временъ Екатерины II и Александра I. По русско-польскому вопросу, къ которому онъ непосредственно прикасался какъ общественный дѣятель съ совершенно опредѣленнымъ образомъ мыслей, у насъ не имѣется теперь никакихъ уцѣлѣвшихъ традицій. Не только отставлена и скоронена та политика, которую Вяземскій проповѣдывалъ, называя ее классическою, и которая представляла соединенной въ 1815 г. на Вислѣ расположенной Польшѣ, въ виду ея сплошь польскаго сверху до низу населенія, извѣстную обособленность и автономію, но теперь можно сказать, что сдана въ архивъ и забыта программа другой политики, уже вполне романтической, то-есть на сильно-народнической подкладкѣ Николая Алексѣевича Милютина и его сподвижниковъ, — программа демократическая, пытавшаяся создать новую крестьянскую Польшу и противопоставить ее прежней клерикально-шляхетской, но, все-таки, Польшу не древне-историческую, а этнографическую. Въ настоящее время одержала верхъ и осуществляется система, на видъ несравненно болѣе простая, которую князь Вяземскій считалъ легкою, но не надежною, — система обрусѣнія. Она нынѣ господствуетъ и представляетъ изъ себя нѣкоторымъ образомъ Колумба, когда онъ, по преданію, сдѣлалъ то, что никому изъ собесѣдниковъ не удавалось, а именно поставилъ стоймя, разбивъ его, правда, яйцо.

Если мы вникнемъ въ совокупность тѣсно связующихся взглядовъ Вяземскаго на русско-польскій вопросъ, то мы должны будемъ признать въ этихъ взглядахъ и явные недостатки, и заблужденія. Вяземскій напрасно отрицаетъ и даже является врагомъ идеи славянскаго міра, единенія и братства народовъ славянскаго племени. Обозначившійся уже страшный перевѣсъ и напоръ на Востокъ германскаго племени не можетъ не вызвать дружнаго противодѣйствія со стороны славянства. Идею славянскаго міра не выдумали московскіе славянофилы, она родилась естественно изъ слада обстоятельствъ и ей принадлежитъ, вѣроятно, будущее. Донинѣ она находится въ зачаточномъ состояніи, ее эксплуатировали эгоистически тѣ или другіе славянскіе народы, либо для усиленія себя помощью извнѣ, либо для распространенія внѣ себя своего господства. Въ будущемъ она должна для значительной части Европы, для ея Востока, сдѣлаться исходною точкой и путеводною звѣздой политическихъ соображеній, весьма далеко идущихъ. Во всякомъ же случаѣ, только она можетъ послужить ключомъ для открытія русско-польскаго вопроса, для улаженія вѣковаго раздора и установленія безобиднаго сожитія съ сильнѣйшими славянскими народностями слабѣйшихъ, не рѣшающихся отречься отъ своей вѣры и своего языка. То, что представлялось для Вяземскаго желательнымъ послѣ матажа 1831 года, а именно отсѣченіе Царства Польскаго, съ предоставленіемъ его собственной судьбѣ, невысказано теперь послѣ того, какъ Царство Польское подведено подъ одинъ знаменатель съ коренными частями имперіи и какъ небольшая Пруссія усилилась и стала во главѣ первенствующей по своей боевой готовности европейской державы. Размежеваться этнографически съ польскими и другими разноплеменными элементами, отъ которыхъ пестрѣютъ западныя окраины, стало труднѣе, чѣмъ когда-нибудь. Историческія судьбы такъ пережѣшали эти племена, столько здѣсь наслоеній и оазисовъ, что разводъ невысказанъ, а вѣроятны только два пути: либо установленіе на началахъ терпимости сожитія подъ общимъ закономъ и на началахъ равноправности, либо принудительное денационализированіе болѣе слабыхъ численно или культурно племенъ болѣе сильнымъ и господствующимъ при помощи государственныхъ средствъ, т.-е. при мѣрахъ и законахъ исключительныхъ. Последнее князь Вяземскій считалъ не только не легкимъ дѣломъ, но и прямо невозможнымъ; если и допустить, что оно возможно, то нельзя не признать, что оно дѣло страшно-продолжительное, портящее систему законодательства исключительными законами, мѣшающее нормальному отправленію правосудія, крайне вредное экономически вслѣдствіе задерживанія имъ развитія производительныхъ силъ страны и достигающее весьма нескоро довольно бѣдныхъ, не соответствующихъ потерямъ и затратамъ результатовъ.

Что касается перваго изъ указанныхъ выше способовъ, то трудно сказать, оправдался ли бы на дѣлѣ методъ Вяземскаго, предлагавшаго управлять поляками, какъ дѣтьми, пользуясь ихъ вѣтренностью и легкомысліемъ и загрывая на ихъ національномъ самолюбіи.

Допустимъ, что легкомысліе и преувеличенное чувство національной чести были бросающимися въ глаза характерными чертами общества польскаго, которое онъ наблюдалъ, но онъ могъ проглядѣть, и, вѣроятно, проглядѣлъ, другія, болѣе солидныя качества. Притомъ, народный характеръ преобразуется постоянно, онъ теряетъ одни качества и приобретаетъ другія, иногда весьма противоположныя, такъ что изъ наблюдений въ одинъ историческій моментъ нельзя составить понятія, которое бы годилось для другихъ, слѣдующихъ за тѣмъ моментомъ. Польское общество за послѣдніе сто лѣтъ представляетъ примѣръ такого чрезвычайно быстрого измѣненія основныхъ чертъ народнаго характера. Оно было въ конецъ развращенное и до-нельзя продажное въ половинѣ XVIII вѣка. Когда послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 году наступилъ сильный кризисъ, ознаменованный перерожденіемъ умственнымъ, а затѣмъ реформами, и заключенный именемъ Косцюшки, то кризисъ этотъ хотя государства не спасъ, но пробудилъ патріотическій духъ, не унывающій и питающійся надеждами политической реставраціи. Ея искали поляки, выслуживаясь и у Наполеона, и у Александра I, а затѣмъ принимали участіе во всѣхъ сумятицахъ и революціяхъ европейскихъ, чѣмъ и стѣжали себѣ репутацію людей неисправимо-безпокойныхъ: «Фантомъ Польши», о которомъ не разъ говоритъ Вяземскій, дѣйствительно показывался и толкался въ двери европейскихъ кабинетовъ, но онъ безповоротно исчезъ въ 1863 году. Съ тѣхъ поръ прошло четверть столѣтія, нація не похожа ни на ту, какую знавалъ Вяземскій, ни даже на ту, съ которою имѣлъ дѣло Милютинъ. Она, видимо, прismsирѣла, отрѣшилась отъ притязаній на политическую самобытность, но продолжаетъ давать несомнѣнные признаки жизни, ведя борьбу за свое существованіе на почвѣ экономической и въ области умственнаго труда. Живучесть націи, которая удивляла князя Вяземскаго, есть извѣстная нравственная сила, не подчиняющаяся внѣшнимъ мѣрамъ чисто-механическимъ. Съ нею нельзя не считаться. Можно внѣшними мѣрами сжимать неудобный элементъ и уплотнить его, превративъ почти въ хрусталикъ; можно также отнѣною ограничительныхъ мѣръ содѣйствовать свободному его существованію и даже распространенію его по всему организму. Каждому вопросу политики соотвѣтствуетъ извѣстное, наиболѣе удобное для разрѣшенія его время, когда его легко рѣшить, не бывъ развлекаемымъ никакими посторонними помыслами или осложненіями, но нельзя никакъ избавиться отъ разрѣшенія задачи закрытіемъ на нее глазъ и утвержденіемъ, что самъ вопросъ вовсе не существуетъ.

Князь Вяземскій всю свою жизнь твердилъ, что надобно взять польскій вопросъ въ свои руки и рѣшить его по возможности снисходительно и наиболѣе льготно для поляковъ. Его сочиненія даютъ несомнѣнное свидѣтельство того, что въ Россіи даже и въ самомъ разгарѣ до страсти возбужденнаго націонализма раздавались противныя крайностямъ трезвые и разумные голоса.

В. Спасовичъ.

ФЮСТЕЛЬ ДЕ-КУЛАНЖЪ.

Итоги и приемы его ученой работы *).

Въ лицѣ недавно умершаго Фюстель де-Куланжа Европа лишилась одного изъ крупнѣйшихъ своихъ историковъ. Съ тремя именами связано представительство Франціи въ современной исторической наукѣ: *Жизнь Иисуса* Ренана, *Происхожденіе современной Франціи* Тэна и *Гражданская община древняго міра* Куланжа известны болѣе или менѣе всеѣмъ образованнымъ людямъ. Успѣхъ последней книги можетъ быть и наиболѣе достойнъ замѣчанія. Она стоитъ вдали отъ жгучихъ вопросовъ настоящаго, и, тѣмъ не менѣе, вызвала интересъ среди обширной публики и существенно повліяла на ея взгляды. Тайна успѣха не во внѣшнихъ достоинствахъ только; изящество, ясность изложенія, стройность аргументаціи сами по себѣ недостаточны для того, чтобы объяснить эту выходящую изъ ряда и весьма прочную популярность: преимущества формы тѣсно связаны въ данномъ случаѣ съ богатствомъ содержанія.

Для того, чтобы судить объ этомъ содержаніи, нельзя, конечно, ограничиться самою видной изъ работъ Куланжа, его *Cité antique*. Рядомъ съ этою книгой стоятъ нѣсколько сочиненій, менѣе известныхъ большой публикѣ, но не менѣе заслужившихъ вниманіе ученаго міра. Собственно по древней исторіи изъ-подъ пера Куланжа вышла еще только одна статья—*О земледѣльцѣ въ Спартѣ*¹⁾; за то онъ оставилъ много трудовъ по исторіи среднихъ вѣковъ и тѣсно связанной съ ними Римской имперіи: два тома *Истории французскихъ учрежденій*²⁾, томъ этюдовъ по отдѣльнымъ вопросамъ изъ только что указанной эпохи (*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*), наконецъ, цѣлый рядъ статей въ историческихъ, юридическихъ и литературныхъ журналахъ³⁾,—статей, имѣвшихъ цѣлью подготовить почву для послѣдующихъ томовъ *Истории учрежденій*. Всѣ эти работы при своемъ появленіи вызывали обыкновенно ожесточенные протесты и критику, но противники всегда признавали выдающійся талантъ и обширную ученость автора. Въ постепенномъ ходѣ обсужденія все болѣе выяснялось, что нашъ авторъ, во всякомъ случаѣ, является историкомъ не въ тѣсномъ, а въ широкомъ смыслѣ слова. Его изученіе прошедшаго всегда задавалось

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи моск. юридич. общества 6 ноября 1889 г.

цѣлью не разрѣшить тѣ или другіе частныя вопросы, а объяснить руководящіе принципы цѣльныхъ периодовъ человѣческаго развитія; при этомъ внѣшнія историческія событія, смѣна царствованій, подробности войны и дипломатіи совершенно ступшеваются, все вниманіе сосредоточивается на внутреннемъ строѣ: вѣрованія, нравственный складъ, право, хозяйство, учрежденія — вотъ что составляетъ содержаніе работъ Фюстель де-Куланжа. Мнѣ кажется, что въ такой постановкѣ дѣла коренится одно изъ главныхъ условій, объясняющихъ успѣхъ Куланжа въ обширномъ кругѣ образованныхъ людей. Ни одному писателю не удалось въ такой степени отстранить случайное и внѣшнее въ историческомъ матеріалѣ, указать съ такою силой внутреннюю связь между различными отраслями народной жизни и зависимость подробностей отъ немногочисленныхъ основныхъ идей; ни одинъ писатель не удовлетворяетъ въ такой степени потребности современнаго общества понимать исторію не какъ капризное сплетеніе разнокалиберныхъ событій, а какъ проявленіе строгой внутренней необходимости. Остается разсмотрѣть, насколько выдерживаютъ научную критику эти интересныя построенія.

Полнота оцѣнки требовала бы, конечно, какъ изложенія главныхъ результатовъ, такъ и критики каждаго отдѣльнаго изъ нихъ. Разрѣшеніе подобной задачи, однако, едва ли возможно даже въ предѣлахъ цѣлой книги, а не только статьи. Въ настоящей же статьѣ я обращаю вниманіе, во-первыхъ, на главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришелъ нашъ авторъ въ своей многолѣтней работѣ; во-вторыхъ, на взгляды, высказанные имъ относительно приемовъ изученія, и, въ-третьихъ, на практическое примѣненіе, которое самъ Куланжъ дѣлалъ изъ намѣченныхъ имъ методическихъ взглядовъ. Критика общихъ приемовъ косвенно установитъ точки зрѣнія на самые результаты.

I.

О *Гражданской общинѣ древняго міра* даже какъ-то неловко говорить. Всѣмъ извѣстно, что книга эта задается цѣлью выяснитъ основанія поражающихъ насъ противорѣчій между античнымъ и современнымъ міросозерцаніями. Помимо разницъ въ племенномъ составѣ, внѣшнемъ строѣ государства, въ количествѣ и направленіи знаній, въ формахъ хозяйственной дѣятельности, чувствуется какое-то коренное различіе въ пониманіи всѣхъ отношеній. Ни одно изъ условій, на которыя обыкновенно указываютъ, не даетъ достаточнаго объясненія. Ограниченіе государства городекою областью, рабство — факты, конечно, важные, но не достаточно общіе. Глубже захватываетъ противорѣчіе между разьединеніемъ религіозной и политической жизни въ новомъ мірѣ и единствомъ обѣихъ этихъ сферъ въ древнемъ. Это характерное античное сліяніе религіи и политики осуществляется въ непосредственной теократіи культа предковъ, изъ котораго вытекаютъ отдѣльныя положенія какъ сакральнаго, такъ и гражданскаго права; отсюда замкнутость родового союза, члены котораго объединены куль-

томъ и рѣзко противопологаются всѣмъ тѣмъ, кто не приобщенъ къ культу; отсюда федеративный характеръ государства, которое является формой производной, искусственной, долгое время второстепенной сравнительно съ родовымъ, богослужебнымъ союзомъ; отсюда пониманіе международныхъ отношеній, какъ борьбы и соглашенія боговъ—родоначальниковъ и покровителей; отсюда сословная противоположность между патриціями или эвпатридами, обладающими культомъ, съ одной стороны, плебеями или демотами, обдѣленными въ религиозномъ отношеніи,—съ другой; отсюда право землевладѣнія и наслѣдованія, подчиняющее отдѣльное лицо интересамъ родового союза, закрѣпленнымъ культомъ: не первоначальный коммунизмъ или социализмъ сказывается въ этихъ ограниченіяхъ личнаго права, а единственно влияніе родовой теократіи. Въ общемъ всѣ отношенія проникаются религиозною санкціей, безъ которой они теряютъ смыслъ и жизненность.

Отъ характеристики античныхъ началъ Куланжъ прямо перешелъ къ зачаткамъ новой цивилизаціи во Франціи. Несмотря на рѣзкую противоположность въ результатахъ, одна форма смѣнялась другою чрезвычайно постепенно. Ничто не можетъ быть неправильнѣе, чѣмъ представленіе о какомъ-то переворотѣ, оторвавшемъ средневѣковый міръ отъ древняго. Древній міръ, въ лицѣ Римской имперіи, не умеръ въ концѣ V вѣка, потому что не умиралъ до этого времени. Обычныя разсужденія объ упадкѣ Римской имперіи, о развращающемъ деспотизмѣ ея, знаменующемъ отсутствіе живыхъ силъ и водвореніе механической дисциплины, не находятъ подтвержденія въ источникахъ. Извѣстные взгляды составились въ этомъ направленіи отчасти вслѣдствіе неосмотрительнаго изученія сатириковъ и моралистовъ, которые бичуютъ пороки высшихъ классовъ и населенія города Рима. Провинціи, т.-е. главная масса имперіи, были здоровы и нравственны. Въ частности, онѣ были благодарны императорскому строю, который далъ имъ благодѣнія мира, твердой власти, юридическаго порядка и искусной администраціи. Борьба имперіи съ христіанствомъ внесла раздоръ и несчастіе въ это общество, но она окончилась въ IV в. и, во всякомъ случаѣ, не затронула главныхъ устоевъ римскаго строя, который оставался живымъ и сильнымъ во всѣхъ своихъ главныхъ частяхъ въ тотъ моментъ, когда въ него проникли новые народы германскаго племени. Легенда о паденіи Римской имперіи должна быть вычеркнута изъ исторіи ⁴⁾.

Новые народы, тупые умственно, грубые, слабые своею разрозненностью, не въ состояніи были мѣряться съ искусною и могущественною организаціей Рима, и они никогда не завоевывали его. То, что носитъ названіе переселенія народовъ, есть только поглощеніе новыхъ племенныхъ элементовъ римскимъ міромъ. Составъ, конечно, измѣняется, хотя и не такъ значительно, какъ обыкновенно думаютъ. Происходятъ крупныя безпорядки въ политической области, единство управленія разрушается, падаетъ правительственная техника, но не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ стараго новыми началами. Варвары не имѣли положительныхъ началъ, которыя могли бы вступитъ въ борьбу съ великими силами древности, объединивши-

мися въ цивилизацію Римской имперіи. Нельзя противопоставлять ихъ свободы римскому деспотизму. Римскій деспотизмъ былъ, во всякомъ случаѣ, законно и ясно выраженной политической организаціей, а свобода германцевъ, которую нѣкоторые ученые хотѣли возвести на степень принципа индивидуальной свободы вообще, была совершенно отрицательнымъ свойствомъ, сводилась на отсутствіе учреждений, господствующихъ надъ личнымъ произволомъ, и законовъ, стѣснявшихъ своеволие, на неумѣнье повиноваться даже немногимъ сколько-нибудь признаннымъ авторитетамъ, на слабость всякой власти. Нельзя сказать, была ли республика или монархія у германцевъ. Въ нашемъ смыслѣ, не было ни того, ни другого, — власть предводителя и власть вѣча и совѣщались, и противопоставлялись, и переходили одна въ другую⁵⁾. Еще менѣе принадлежала германцамъ организація суда на началѣ коллегіальности и народнаго участія. Источники римской эпохи показываютъ, что судять старѣйшины; источники эпохи, послѣдовавшей за переселеніемъ, свидѣтельствуютъ о всемогуществѣ единичнаго областного судьи—графа у франковъ⁶⁾.

Всего болѣе говорилось въ наукѣ о сельской общинѣ, какъ объ организаціи, внесенной въ римскій міръ германцами. Этому учрежденію приписывали какъ совершенно общее значеніе, такъ и специальное. Его находили въ различныхъ формахъ у разныхъ, чуть ли не у всѣхъ народовъ: и у грековъ, и у кельтовъ, и у славянъ, и у германцевъ, и у римлянъ въ архаическую эпоху, и у всевозможныхъ дикихъ и цивилизованныхъ племенъ съ менѣе громкими именами. Въ частности доказывали, что индивидуальное право собственности, выработанное Римомъ, было отгѣснено въ средніе вѣка общиннымъ союзомъ, господствовавшимъ въ земельномъ правѣ германцевъ. Отсюда будто бы пошли порядки средневѣковаго владѣнія, столь отличнаго отъ римскаго, главное—отличнаго въ томъ, что оно подчиняетъ право пользованія отдѣльнаго лица высшему *dominium* общины и вытекающимъ изъ него хозяйственнымъ и юридическимъ распоряжкамъ. Ученія эти ложны во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ только у германцевъ прекращаются передвиженія, какъ только наступаетъ осѣдность, земледѣліе и землевладѣніе, такъ у нихъ устанавливается право собственности отдѣльнаго хозяина на землю. Есть слѣды того, что первоначальными собственниками были родовые старшины, но общинный союз нигдѣ не проявляетъ своего дѣйствія и уже во время Тацита земля находится въ рукахъ отдѣльныхъ семей. Знакомство съ римскимъ правомъ и порядками привело никакъ не къ борьбѣ съ ними въ пользу общиннаго начала, а къ подчиненію болѣе точной классификаціи, терминологіи и опредѣленію отношеній.

Вообще не можетъ быть рѣчи о естественномъ происхожденіи самостоятельнаго права общиннаго землевладѣнія. Исторія знаетъ два порядка построенія общества и связанной съ нимъ земельной собственности. Кочевые и бродячіе народы дѣйствительно не знаютъ частной собственности на землю, но они не знаютъ и общинной собственности въ юридическомъ и точномъ смыслѣ слова. У народовъ осѣдлыхъ земледѣліе является приложеніемъ

къ землѣ труда отдѣльнаго лица и небольшихъ семейныхъ группъ и потому земельная собственность конструируется на началѣ личности или семейности. Позднѣйшія, извѣстныя намъ въ средневѣковомъ быту и подобныя имъ формы развиваются на почвѣ никакъ не собственности, а зависимаго владѣнія. Ограниченіе правъ отдѣльнаго хозяина, соединеніе нѣсколькихъ хозяевъ въ группы вытекаетъ при этомъ не изъ самостоятельнаго существованія общиннаго союза, а изъ подчиненія и лица, и земли высшему праву и власти дѣйствительнаго собственника. Это результаты организациі рабскаго или крѣпостнаго пользованія и связанныхъ съ нимъ повинностей⁷⁾.

Истинное пониманіе средневѣковой жизни, а вмѣстѣ образованія устоевъ всего современнаго строя—невозможно, если искать руководящей нити въ неопредѣленныхъ привычкахъ и невыработанныхъ учрежденіяхъ Германіи. Вліянія этого элемента отрицать нельзя, но оно второстепенное. Активное, опредѣляющее начало этой эпохи — начало римское, и не только въ области религіи и церкви, гдѣ оно всеми признается, но не менѣе того въ области государства, матеріальныхъ интересовъ и социальнаго строя, гдѣ хотятъ во что бы то ни стало выдвинуть вліяніе новой расы. Исторія новыхъ народовъ Запада начинается не съ переселенія германцевъ, не съ такъ называемаго завоеванія, а съ перехода отъ разрушенія городскихъ республикъ къ государственной системѣ Римской имперіи. Первые вѣка нашей эры во всехъ отношеніяхъ могутъ быть названы первыми вѣками новой цивилизациі. Зарождается и распространяется христіанство, зарождается и крѣпнеть политическая власть, которая сдѣлалась источникомъ и образцомъ всякой политической власти на долгое время,—остатками ея живутъ короли въ возникшихъ на развалинахъ имперіи верварскихъ государствахъ и остатковъ этихъ достаточно, чтобы послужить основаніемъ для неограниченной монархіи.

Весь политическій строй меровингскаго государства объясняется господствомъ монархическаго принципа и наслѣдія Рима. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ правъ народныхъ въ законодательной или правительственной областяхъ. Тацитово вѣче исчезло вмѣстѣ съ переходомъ племенъ на римскую почву; неясныя преданія объ участіи народа въ составленіи «Правдъ» не могутъ перевѣсить совершенно опредѣленныхъ указаній на законодательное полномочіе королей. Центральное управленіе связано съ дворцомъ (palatium), который слагается еще въ римское время. Въ области всемогущъ графъ, который получаетъ свои полномочія исключительно отъ короля. Большая часть ученыхъ признаетъ, что судъ меровингскаго общества былъ народный, причемъ мнѣнія расходятся только въ томъ отношеніи, что одни признаютъ широкое участіе въ немъ свободныхъ франковъ, а другіе сводятъ его къ организациі выборнаго засѣдательства рахимбурговъ. Фюстель де-Куланжъ, напротивъ, настаиваетъ на томъ, что судъ былъ единоличный—судъ короля и графа, какъ его намѣстника, а роль рахимбурговъ была совершенно вспомогательная; избирались они графомъ для помощи и заняли просто мѣсто римскихъ ассесоровъ. Въ социальномъ отношеніи опредѣля-

ющая роль римскаго элемента замѣтна не менѣе, нежели въ политическомъ. Уже имперія послѣднихъ вѣковъ скрывала подъ формами абсолютной монархiи господство могущественной землевладѣльческой аристократiи. Масса населенiя находится отъ нея въ зависимости на различныхъ началахъ. Къ ней тянутъ рабы, вольноотпущенные, обязанные услугами и сдерживаемые патронатомъ, свободные, попавшіе въ зависимость по землѣ. Само государство признаетъ официально эту новую сложившуюся въ немъ силу, обращаясь къ крупному землевладѣнiю для организации важнѣйшихъ повинностей. Распределеніе военной и податной тягости, которое первоначально было дѣломъ городскихъ обществъ, попало, такимъ образомъ, въ руки землевладѣльцевъ⁸⁾. Нѣтъ надобности въ особыхъ усиленiяхъ воображенiя, чтобы увидать, что римская аристократiя IV и V вв. представляетъ уже зачатки господствующаго землевладѣльческаго сословія феодальной эпохи. Точно также въ римскихъ порядкахъ приходится искать объясненiя для крѣпостнаго быта среднихъ вѣковъ. Римскій колонатъ, который незамѣтно развивается изъ задолженiя свободныхъ, съ одной стороны, закрѣпленiя временнаго, прекарнаго занятiя—съ другой, перемѣщенiя рабовъ на самостоятельную обработку мелкихъ участковъ земли—съ третьей,—римскій колонатъ является первообразомъ послѣдующихъ крестьянскихъ отношенiй, открывшихъ мировую эру средневѣковаго крѣпостничества и замѣнившихъ античное рабство. Въ общемъ, именно римская культура создаетъ главный аграрный и социальный фактъ западно-европейскаго общественнаго строя—союзъ между крупною собственностью и мелкою культурой. Имѣніе имперской и средневѣковой эпохи составлено изъ двухъ, взаимно обусловливающихъ и уравнивающихъ другъ друга частей—барскаго центра и зависимыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, питающихъ центръ своею работою и оброками. Всѣ явленiя, которыя современные изслѣдователи школы Маурера пытались конструировать изъ принципа свободной общины, отлично объясняются до мелочей именно влияніемъ римскаго крупнаго землевладѣнiя и его распорядковъ. Разверстка надѣловъ, общественные выгоны, пользование лѣсомъ, распределеніе повинностей,—все это вытекаетъ изъ хозяйственнаго и социальнаго устройства римскаго имѣнiя⁹⁾.

II.

Отдѣльныя научныя положенiя Фюстель де-Куланжа смыкаются въ тѣсныя группы и проникнуты нѣсколькими основными идеями, которымъ подчинено все остальное. Родовой культъ, опредѣляющее влияніе римской культуры, безсиліе германскаго племени—вотъ капиталныя стропила зданiя; къ нимъ примыкаютъ и отъ нихъ расходятся всѣ второстепенные выводы, хотя каждый изъ этихъ выводовъ опирается на факты и цитаты изъ источниковъ. Того, кто прочелъ хоть одну страницу Фюстель де-Куланжа, поражаетъ тонкость наблюденiя надъ отдѣльными данными и остроумное толкованіе отдѣльныхъ свидѣтельствъ; тотъ, кто знакомъ съ цѣлыми книгами

нашего автора, навѣрное, оцѣнить стройность цѣлаго, гармоническое соединеніе частей. Если цѣлое, дѣйствительно, вырастаетъ въ такой правильности и гармоніи въ силу присущихъ фактамъ взаимныхъ отношеній, безъ искусственнаго прилаживанія въ систему условій разнородныхъ и противорѣчивыхъ, то надо будетъ признать, что работа Фюстель де-Куланжа представляетъ образецъ исторической комбинаціи, какъ бы создающей литературный организмъ въ соотвѣтствіе давно исчезнувшей дѣйствительной организаціи. Если такъ, то особенно важно рассмотретьъ, какими общими условіями, помимо индивидуальнаго таланта, объясняется блестящій результатъ. Если не такъ, если формальная красота построенія зависитъ не отъ естественныхъ отношеній между самыми предметами, а отъ обманчивой и насильственной группировки, поучительно опредѣлить, въ чемъ заключается и какъ достигается иллюзія, какія вліянія исказили научные результаты. Конечно, какъ я уже сказалъ, вполнѣ прочное основаніе для сужденія можетъ дать только обстоятельный разборъ частныхъ аргументаціи по всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, по главнымъ пунктамъ изложенія. Но даже, если не ставить себѣ такой задачи, разрѣшимой только при большомъ количествѣ времени, многое выясняется, если, въ общемъ, удастся опредѣлить и подвергнуть оцѣнкѣ особенности самыхъ приемовъ изслѣдованія, методическую его сторону.

Задача наша была бы проста, еслибъ можно было въ данномъ случаѣ воспользоваться безъ оговорокъ и сомнѣній собственными заявленіями автора. Фюстель де-Куланжъ не одинъ разъ высказывается по этому поводу; уже въ первыхъ его книгахъ у него характерны нѣкоторые намеки, а въ послѣднихъ его работахъ на каждомъ шагу, и въ текстѣ, и въ примѣчаніяхъ, онъ разъясняетъ свое отношеніе къ исторіи вообще, къ источникамъ, къ приемамъ работы. Противорѣчія между его выводами и главными положеніями другихъ ученыхъ весьма замѣтны. Протесты и критика со стороны этихъ ученыхъ заставляли Куланжа все болѣе и болѣе сознательно относиться къ условіямъ и причинамъ раскола, искать оправданія своимъ особенностямъ. Бѣда въ томъ, что его методологическая *profession de foi* и слалась, и высказывалась подъ вліяніемъ крайняго раздраженія. Въ обличеніяхъ нашего автора сказывается не просто полемическій задоръ и не наивное самоубіеніе, а какъ бы оскорбленное нравственное чувство человѣка, гонимаго за то, что онъ указалъ истинный путь. Онъ глубоко убѣжденъ, что между нимъ и его противниками лежитъ цѣлая пропасть, что они держатся совершенно иныхъ и совершенно неправильныхъ взглядовъ на характеръ и цѣли исторической работы. Къ чему же, по его мнѣнію, сводится эта разница?

Въ нѣсколькихъ пунктахъ отмѣчаетъ онъ эту разницу, и между всѣми этими пунктами есть внутреннее сродство.

1) Современные ученые злоупотребляютъ синтезомъ въ исторіи, тогда какъ дорогу къ синтезу пролагаетъ анализъ. На нѣсколько дней синтетическаго изученія должны приходиться годы анализа, нѣсколькимъ страницамъ

синтетическаго изложенія должны соответствовать томы аналитических изысканій ¹⁰⁾. Это требованіе означаетъ, что, прежде чѣмъ давать картину извѣстнаго общества въ его совокупности и опредѣлять ходъ развитія въ его послѣдовательности, прежде чѣмъ говорить, какъ будто нѣтъ пробѣловъ и всѣ отдѣльные факты установлены, прежде чѣмъ судить о сложныхъ комбинаціяхъ, — необходимо разсмотрѣть наличный матеріалъ, отмѣтить его несовершенства, пополнить ихъ на основаніи косвенныхъ указаній, въ самомъ матеріалѣ находящихся, разсмотрѣть отдѣльно каждое учрежденіе, каждое крупное событіе и уже затѣмъ переходить къ вопросу о цѣломъ, о связи его частей, обусловленности его состояній. Примѣръ злоупотребленія синтетическимъ приемомъ представляетъ обычное изученіе римской имперіи. Общую характеристику періода послѣдшіи установить ранѣе изученія его подробностей. Соображеніе, что этотъ періодъ, отдѣляющій античную цивилизацію отъ средневѣковой, есть періодъ упадка для первой, общая характеристика предполагаемаго нравственнаго безобразія римскаго общества не научно перемеживаются съ частными фактами и наблюденіями. Если бы шли отъ непредубѣжденнаго изученія фактовъ къ общимъ выводамъ, то увидали бы, что ни упадка, ни особенной безнравственности не было, что Римская имперія есть одна изъ плодотворнѣйшихъ эпохъ человѣческаго развитія ¹¹⁾.

2) Такъ какъ современные ученые не различаютъ строго между синтетическою и аналитическою работою, то постоянно случается, что они вставляютъ въ свое изложеніе необоснованные на матеріалѣ собственные предположенія, понятія, принципы, а затѣмъ оперируютъ этими вставками, какъ бы забывая объ ихъ происхожденіи, дѣлая видъ, что вставки эти одного характера и достоинства съ подлинными фактами, завѣренными въ свидѣтельствахъ. Единственнымъ опорнымъ пунктомъ для историка должны служить тексты, и только тексты. Если бы всякую теорію старались свести на тексты и не перемеживали бы ихъ съ привнесенными предположеніями, то не возникло бы, напримѣръ, ученія о германскомъ завоеваніи и его глубокихъ послѣдствіяхъ въ политическомъ и социальномъ быту. Ниспроверженіе римской военной силы, неравенство гражданское между побѣдителями и побѣжденными, глубокой раздоръ между ними, раздѣлъ завоеванныхъ земель и т. п., — все это недоказанныя предположенія, которыя внесены въ науку, хотя ихъ нѣтъ въ научномъ матеріалѣ ¹²⁾.

3) Самое пользованіе текстами должно подчиняться правиламъ, чтобы быть плодотворнымъ. Прежде чѣмъ приводить фразу изъ источника, надо установить ея смыслъ въ контекстѣ, въ общей связи, откуда она берется; отрывочная ссылка можетъ подсказать мысль совершенно противоположную той, которую имѣлъ въ виду сообщить свидѣтель ¹³⁾. Какъ нельзя вырвать фразу изъ контекста, такъ нельзя вырывать фактъ изъ совокупности однородныхъ фактовъ. Нельзя придавать значенія эксцентрическимъ уклоненіямъ одной грамоты, одного параграфа какой-нибудь «Правды», если вся масса грамотъ, все множество параграфовъ законовъ направлены въ другую сто-

рону¹⁴⁾. Далѣе, свидѣтельства и факты имѣютъ силу только по отношенію къ періоду, къ которому относятся: заключенія отъ позднѣйшаго матеріала къ древнѣйшимъ состояніямъ не могутъ быть допущены¹⁵⁾. Примѣровъ уклоненій отъ этихъ правилъ множество. Въ отрѣзанныхъ отъ контекста фразахъ Цезаря и Тацита думали найти оправданіе ученію о коллективномъ владѣніи землею у древнихъ германцевъ. На двухъ-трехъ постановленіяхъ Салической Правды, изолированныхъ отъ другихъ источниковъ, отъ дѣтописей, житій, грамотъ и формулъ, построили обширную и фантастическую теорію народнаго суда у франковъ. Съ помощью перенесенія свидѣтельствъ о порядкахъ поздней и зависимой средневѣковой общины въ древнюю эпоху подтверждается ученіе о маркѣ, какъ основной формѣ германскаго землевладѣнія.

4) Задавшись мыслью объ изученіи, тѣсно привязанномъ къ тексту, если можно такъ выразиться, Куланжъ въ принципѣ отвергаетъ приемъ, который обыкновенно называется юридическою конструкціей и который онъ называетъ приемомъ логическаго построенія. Сведеніе праваго института или даже системы къ общимъ принципамъ, изъ которыхъ можно было бы дедуцировать всѣ частныя правила и положенія, заполненіе случайныхъ пробѣловъ матеріала выводами изъ разъ установленныхъ общихъ принциповъ вызываютъ его энергическій протестъ. Исторія—наука наблюденія, а не разсужденія, смѣло объявляетъ онъ. Можетъ быть, современный ученый дѣлаетъ очень логично дедукціи изъ сохранившихся фактовъ, но почему мы знаемъ, что люди изучаемаго времени руководствовались какъ разъ подобными соображеніями логики? Въ дѣйствительности на ряду съ логичнымъ живетъ противорѣчивое и несладкое; то, что нелѣпо для насъ, сплошь и рядомъ было закономъ для нашихъ предковъ. Во всемъ ряду ученыхъ, которыхъ Куланжъ избралъ своими противниками, нѣтъ болѣе для него ненавистнаго, нежели Зомъ, великій мастеръ устанавливать общіе, рѣзко очерченные принципы и на діалектической разработкѣ ихъ строить исторію¹⁷⁾. Общепринятые мнѣнія о вергельдѣ, о сотнѣ, о соприсажничествѣ представляютъ, по мнѣнію Куланжа, хорошіе примѣры логическихъ конструкцій, которыя или опровергаются источниками, или висятъ въ воздухѣ безъ достаточнаго оправданія.

5) Не безъ критики относится нашъ ученый къ сравнительному приему, хотя въ данномъ случаѣ высказывается умѣреннѣе и даже признаетъ и примѣняетъ въ извѣстной степени этотъ приемъ. Злоупотребляли имъ въ двухъ отношеніяхъ: думали, что фактъ, принесенный со стороны, можетъ замѣнить отсутствіе свидѣтельствъ изъ изучаемой среды или стать равноправнымъ основаніемъ для выводовъ; предполагали, что можно сравнивать безъ дальнѣйшихъ оговорокъ поверхностно изученные факты изъ исторіи самыхъ разнообразныхъ племенъ и эпохъ. Сравнительный методъ можетъ примѣняться съ пользою для окончательныхъ и самыхъ общихъ выводовъ, для провѣрки уже произведеннаго раздѣльнаго изученія, но никакимъ образомъ не можетъ предшествовать послѣднему или замѣнять его. Между

тѣмъ, общинная теорія въ значительной степени развилась именно благодаря неразборчивому и верхоглядному сравненію наскоро собранныхъ фактовъ при недостаточномъ знакомствѣ съ каждою отдѣльною сферой наблюденія и некритическомъ сближеніи состояній и процессовъ, взаимное отношеніе которыхъ не было предварительно установлено ¹⁸⁾.

б) Всѣ эти злоупотребленія и уклоненія отъ истиннаго пути сводятся къ одной главной неправильности. Исслѣдователи приступали къ предмету руководствуясь субъективными, а не объективными соображеніями. Они изучали и писали не просто ради научной истины, а въ виду различныхъ постороннихъ наукъ политическихъ, правовыхъ, экономическихъ теорій и идей. Этотъ субъективный методъ исказилъ французскую историографію внесеніемъ въ нее всякаго рода предубѣжденій въ угоду политическимъ партіямъ настоящаго времени. Нѣмцы искажали по-своему, изъ патріотическихъ побужденій, во славу германской расы ¹⁹⁾. И тѣ, и другіе искажали потому, что искали не истины, а пользы. Такъ возникли легенды о политической и индивидуальной свободѣ древней Германіи, о позорномъ и тлетворномъ деспотизмѣ Рима, о первоначальномъ коммунизмѣ земледѣльческихъ народовъ.

Таковы основы методологической критики, на которыхъ постоянно настаиваетъ Фюстель де-Куланжъ. Многое можно было бы сказать по ихъ поводу. Легко видѣть, что нѣкоторыя изъ его положеній признаются всѣми и не составляютъ нисколько особенности изслѣдованій нашего автора. Едва ли кто станетъ оспаривать мысли, что надо исходить отъ текстовъ и не выдавать предположенія за факты, что всякій ученый обязанъ относиться безпристрастно къ своему дѣлу и по возможности не вносить въ него постороннихъ политическихъ или патріотическихъ предрасположеній, что для успѣшнаго примѣненія научнаго сравненія необходимо точное изслѣдованіе сравниваемыхъ объектовъ въ отдѣльности. Если ошибки и встрѣчаются въ этихъ направленіяхъ, то происходятъ онѣ не отъ того, что правила не признаются, а потому, что въ отдѣльныхъ случаяхъ ученые отклоняются отъ нихъ сознательно или бессознательно. Съ другой стороны нѣкоторыя замѣчанія Куланжа бьютъ дальше цѣли и требуютъ нежелательныхъ стѣсненій. Не слѣдуетъ ставить діалектику вмѣсто истории, но сама простая анализъ историческихъ фактовъ требуетъ нѣкоторой діалектики уже хотя бы потому, что нельзя ограничиться прямымъ смысломъ случайно дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, которыя и отрывочны, и говорятъ часто не о томъ, что насъ интересуетъ и что дѣйствительно для насъ важно. Приходится искать косвеннаго смысла, поворачивать свидѣтельство не тою стороною, которою оно обращено къ намъ въ повѣствованіи источника. А разъ дѣло идетъ о такой аналитической перестановкѣ, нельзя обойтись безъ логическихъ построеній и діалектическаго развитія положеній противоположностей и примиреній.

Слѣдуетъ избѣгать некритическаго смѣшенія эпохъ, но относительно древнѣйшихъ періодовъ позднѣйшее время даетъ сплошь и рядомъ самыя

тѣхъ указанія въ формѣ засѣвшихъ въ немъ переживаній и аномалій, неладящихъ съ началами позднѣйшей жизни и получающихъ смыслъ только въ связи съ прошедшимъ. Случается также, что можно свести однохарактерные факты на общую основу у разсѣянныхъ въ позднѣйшую эпоху частей одного первоначального племени.

Наконецъ, нельзя не протестовать противъ слишкомъ рѣзкаго разграниченія между аналитическою и синтетическою работою въ исторіи. Нельзя ждать разбора всѣхъ частныхъ фактовъ и отдѣльныхъ институтовъ для установленія выводовъ. Въ двухъ отношеніяхъ синтетическій приемъ можетъ оказать великія услуги изученію даже ранѣе, чѣмъ исчерпанъ анализъ малыхъ данныхъ. Добытые по извѣстному вопросу результаты не могутъ игнорироваться при изученіи слѣдующаго вопроса; они войдутъ важною составною частью въ это изученіе, наравнѣ съ прямо относящимися къ нему фактами и текстами, хотя сами являются не текстами и не первоначальными фактами, а выводами, привнесенными со стороны на основаніи увѣренности въ неразрывной, живой связи цѣлаго. И понятно, что направленіе дальнѣйшей работы въ значительной степени будетъ зависѣть отъ освѣщенія предмета какъ разъ со стороны добытыхъ такимъ образомъ общихъ соображеній.

Во-вторыхъ, въ исторіи болѣе чѣмъ въ какой-либо наукѣ играютъ роль гипотезы, которыя сами по себѣ, конечно, не доказательны и не добыты путемъ точнаго вывода, а представляютъ предварительныя синтетическія комбинаціи; провѣряются онѣ всѣмъ наличнымъ матеріаломъ, но вытекаютъ не изъ его всесторонняго разслѣдованія, а изъ общихъ соображеній, отдѣльныхъ наблюденій, инстинктивной или глазомѣрной оцѣнки. Такого рода гипотезы пролагаютъ путь къ величайшимъ открытіямъ даже въ области болѣе точныхъ наукъ. Въ исторіи, при непримѣнности количественныхъ измѣреній и экспериментальныхъ методовъ, при отрывочности матеріала и чрезвычайной сложности задачъ, устранить такія гипотезы значило бы отказаться отъ самаго изученія. При всякой характеристикѣ цѣлаго, взаимодѣйствій его частей, процесса какъ взаимнаго отношенія причинъ и слѣдствій, приходится выставлять такія предварительныя гипотезы и сосредоточивать всю строгость методологическихъ требованій не на стѣсненія этого необходимаго фазиса изученія, а на тщательной провѣркѣ предложенныхъ комбинацій наличностью имѣющихся въ распоряженіи данныхъ. Въ сущности, и Фюстель де-Куланжъ не избѣжалъ въ данномъ случаѣ общей участи, хотя и ратуетъ такъ сильно противъ злоупотребленія синтезомъ. Замѣчаніе это приводитъ насъ къ наиболѣе существеннымъ изъ вопросовъ, возникающихъ изъ разбора методическихъ теорій нашего автора: въ какой степени самъ онъ дѣйствительно практикуетъ эти теоріи? Соответствуетъ ли его работа тѣмъ, во всякомъ случаѣ, высокимъ и строгимъ требованіямъ, которыя онъ ставитъ для другихъ? Самъ онъ твердо и вполне убѣжденъ, что его изслѣдованія подвигаются исключительно путемъ объективнаго, текстуальнаго анализа. Вѣрить на слово въ данномъ случаѣ не при-

ходится. Я полагаю, что разсмотрѣніе практическихъ приѣмовъ нашего автора покажетъ намъ, какъ, съ одной стороны, онъ самъ отступаетъ иногда отъ высказанныхъ имъ положеній, какъ, съ другой, положенія эти, все-таки, остаются весьма характерными для его работы и объясняютъ многое въ его успѣхахъ и въ его односторонностяхъ.

III.

Первое, что, казалось, слѣдовало бы ожидать отъ такого приверженца текстуальнаго изученія, какъ Фюстель де-Куланжъ, это—внимательное изслѣдованіе источниковъ, критика ихъ достовѣрности и относительной важности. Тексты текстамъ рознь! Если имѣеть значеніе количественное отношеніе между свидѣтельствами, то еще болѣе важны качественныя различія. Между тѣмъ, Фюстель де-Куланжъ, въ общемъ, весьма мало обращаетъ вниманія на предварительную критику памятниковъ. Равнодушіе его въ этомъ отношеніишло очень далеко. Не одинъ разъ ссылался онъ въ своихъ первыхъ работахъ на дурныя изданія, приводилъ искаженныя чтенія, пользовался завѣдомо подложными памятниками²⁰). Противники научили его быть осмотрительнѣе въ подробностяхъ, хотя онъ не былъ имъ благодаренъ за уроки. Общее же отношеніе его къ такъ называемой критикѣ источниковъ осталось неизмѣннымъ.

Правда, во II томѣ *Institutions* есть глава, озаглавленная «les documents» и посвященная оцѣнкѣ писателей, правдъ и грамотъ, но оцѣнка эта весьма общая и мало сообщаетъ интереснаго: Единственная крупная критическая заслуга Куланжа состоитъ въ томъ, что онъ съ особою силою выдвинулъ значеніе лѣтописныхъ памятниковъ для исторіи права, въ противоположность одностороннему предпочтенію, которое изслѣдователи оказывали правдамъ. Но и въ этомъ случаѣ остаются въ тѣни нѣкоторые капитальные вопросы, не разрѣшаются несомнѣнныя противорѣчія между извѣстіями. Различіе угла зрѣнія, интереса, эпохи не опредѣляется точно, извѣстія трактуются какъ однородныя и равноправныя.

Присматриваясь внимательнѣе, можно замѣтить, что какъ разъ эта слабая сторона Куланжа—отсутствие внѣшней критики памятниковъ—зависитъ отъ его исконной боязни субъективныхъ приѣмовъ со стороны современнаго изслѣдователя. Всякая предварительная критика разлагаетъ матеріалъ, устраняетъ часть его, выдвигаетъ впередъ другія и своими общими результатами поэтому предрѣшаетъ до извѣстной степени дальнѣйшія задачи изслѣдованія и толкованія; Фюстель де-Куланжъ не довѣряетъ этой критикѣ. Онъ спокойно говоритъ въ *Cité antique* о царствованіяхъ римскихъ царей, какъ будто не существуетъ работъ Нибура, Рубино, Момзена²¹). Какъ ни велики эти современные имена и какъ ни вѣски ихъ отрицательные аргументы, нашъ авторъ предпочитаетъ ссылаться безъ дальнѣйшихъ оговорокъ на Тита Ливія и Діонисія Галикарнаскаго. Въ *Monarchie Franque* онъ настаиваетъ на правѣ изслѣдователя пользоваться подложными и искаженными грамотами и житіями, если дѣло идетъ не о событіяхъ, которыя важно бы-

ло исказить, а о фактахъ безразличныхъ для фальсификаціи. Почва, конечно, скользкая и трудно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ согласиться съ Куланжемъ, но интересно уже на первой этой ступени отмѣтить его стремленіе отдѣлаться отъ посредства современныхъ истолкователей.

Отношеніе Куланжа къ внѣшней критикѣ принесло бы особенно вредные плоды, если бы его работы были историческими сочиненіями въ обычномъ смыслѣ слова,—сочиненіями, посвященными общему разсказу о судьбѣ народовъ и государствъ въ различныхъ ея проявленіяхъ, какъ во внѣшнемъ теченіи событій, такъ и во внутреннемъ бытѣ. Но Куланжъ, какъ извѣстно, иначе ставитъ свои цѣли. Его изслѣдованія сосредоточиваются исключительно на внутреннемъ строѣ. Внѣшнія событія затрогиваются изрѣдка, и только если они иллюстрируютъ внутреннія состоянія. Право, учрежденія, хозяйство и нравы — вотъ что подлежитъ изученію, а для такого изученія вопросы внѣшней критики дѣйствительно не играютъ такой первенствующей роли, какъ для изложенія перипетій общей исторіи съ ея войнами, крупными дѣятелями и партіями. Есть еще одно существенное ограниченіе, которому также соответствуетъ безразличіе Куланжа въ отношеніи критики памятниковъ. Ограниченіе это капитальное и заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны изучающихъ нашего автора.

Въ сущности, вся его работа статическая, а не динамическая; онъ характеризуетъ состояніе, а не процессъ. Въ *Cité antique* на одинъ планъ сведены черты родового быта и городского порядка, относящихся къ весьма различнымъ эпохамъ античнаго развитія. Цѣль—отмѣтить коренные принципы, дѣйствовавшіе какъ въ X, такъ и въ V вѣкѣ до Р. X. Задача взята настолько широко, что не приходится даже различать между греческими и римскими формами. Не сравнительный, а соединительный методъ руководить въ данномъ случаѣ Куланжемъ. Его пользованіе фактами какъ римской, такъ и греческой культуры такъ же мало имѣетъ отношенія къ сравненію, какъ характеристика общихъ свойствъ греческаго племени или греческаго города, отвлекающаяся отъ различій между дорьянами и іонянами, между Аеинами, Спартой, Фивами и т. п. При такой широтѣ постановки элементъ развитія отходить, естественно, на задній планъ, временныя комбинаціи ступеньваются подобно мѣстнымъ. Тотъ же статическій приемъ господствуетъ въ работахъ по французскому строю, хотя работы эти прямо носятъ названіе исторіи. Онѣ представляютъ рядъ картинъ, рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ состояній: Галлія до римскаго завоеванія, Римская имперія, германцы до переселенія, государство франковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ составлены изъ мозаики, матеріалы которой собраны въ совершенно разнородныхъ эпохахъ. Общая характеристика Римской имперіи не останавливается на отбѣнахъ, представляемыхъ первоначальнымъ принципатомъ и позднѣйшимъ христіанскимъ самодержавіемъ. Тацитъ и Сальвианъ, надписи первыхъ вѣковъ и кодексъ Іустиніана стоятъ рядомъ въ качествѣ однородныхъ источниковъ изученія. Нечего говорить, что такія общія характеристики очень опасны какъ разъ въ одномъ

изъ отношеній, отмѣченныхъ самимъ Куланжемъ: приходится перемѣшивать свидѣтельства разныхъ временъ, относить позднѣйшее къ болѣе раннему, древнее къ послѣдующему. Главное, какъ это ни странно сказать, въ работахъ Фюстель де-Куланжа мы, въ сущности, почти не видимъ попытокъ опредѣлить причинную зависимость историческихъ колебаній. Много потрачено силъ на доказательство того, что римское населеніе было здорово въ IV и V вѣкахъ и что германцы были разбиты и безсильны. Ясно ли кому-либо изъ читателей, почему эти германцы, все-таки, водворились въ имперію и разстроили ея порядки? Фюстель де-Куланжъ слѣдуетъ иногда за развитіемъ какого-нибудь института, напр., колоната, иммунитета, но и тогда отношеніе его остается довольно одностороннимъ. Онъ отмѣчаетъ по источникамъ слѣды перваго зарожденія извѣстной формы, затѣмъ рядъ видоизмѣненій ея по періодамъ. Это чрезвычайно важная сторона дѣла и какъ разъ разборъ колоната въ этомъ отношеніи представляетъ образецъ научнаго изслѣдованія. По вопросу, о которомъ спорили десятки ученыхъ, и, притомъ, самыхъ авторитетныхъ, Куланжу удалось сказать если не послѣднее, то главное слово. Но и въ этомъ случаѣ причины совершающихся видоизмѣненій едва затронуты. Чѣмъ вызванъ переходъ отъ крупной культуры къ мелкой, которая такъ существенно обусловливаетъ развитіе колоната? Какая сила выдвинула на иждивеніе массы свободныхъ арендаторовъ, которыхъ первоначально тамъ не было? Конечно, чтобы рѣшить эти вопросы, необходимо уже переходить за предѣлы прямыхъ показаній въ текстахъ, необходимо комбинировать самостоятельные ряды наблюдений, вводить въ расчетъ общія положенія эконоическаго свойства, — однимъ словомъ, дѣйствовать синтезомъ. А именно этого и не хочетъ Куланжъ.

Центръ тяжести лежитъ для него въ аналитической работѣ, и всякій внимательный и непредубѣжденный читатель признаетъ, что авторъ дѣйствительно обнаружилъ въ этомъ отношеніи громадное дарованіе и достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Толкованіе текстовъ всегда интенсивное и остроумное, наблюденія надъ словоупотребленіемъ источниковъ, объясненія ихъ общей связи всегда заслуживаютъ вниманія. Анализъ высшаго порядка — разборъ цѣлыхъ институтовъ и вопросовъ — точно также отличается обыкновенно оригинальностью, тонкостью и глубиной мысли. По цѣлому ряду истерзанныхъ изслѣдователями темъ удалось обновить ученіе. Работа надъ родовымъ строемъ античнаго міра, надъ социальными явлениями Римской имперіи, надъ судебною организаціей варваровъ, конечно, оставитъ самыя глубокіе слѣды въ наукѣ. И, въ то же время, всякому, изучавшему сочиненія нашего автора, извѣстно, сколько произвола и софизмовъ какъ разъ въ этой аналитической работѣ. Каждый испытывалъ, навѣрное, смѣшанное чувство удивленія и досады, наблюдая за адвокатскою ловкостью, съ которой Куланжъ устраняетъ самыя очевидныя толкованія, подрубаетъ тексты, вкладываетъ ихъ въ красивые ряды своихъ умозаключеній. Откуда это? Въ угоду чему строгій аналитикъ, поклонникъ факта и текста, прибѣгаетъ къ натяжкамъ, искусственно и насиль-

ственно обращается съ источниками? ²³). Не ради шаблоннаго проведенія равновѣсія между «хотя» и «однако» настаиваю я на этихъ чертахъ: противорѣчіе существенное и поучительное,—оно даетъ ключъ къ пониманію всей ученой личности Буланжа. По пословицѣ: «природа, изгнанная въ дверь, возвращается въ окно»,—синтетическое начало, противъ котораго принято столько предосторожностей, проникаетъ, въ сущности, всю работу нашего автора и подчиняетъ себѣ аналитическія соображенія въ гораздо большей степени, чѣмъ у всѣхъ, кто наивно или сознательно признавалъ его роль въ предварительной, а не только въ окончательной работѣ. Развѣ не давать идея культа предковъ на частныя толкованія и построенія *Cité antique*? Развѣ не принесены въ жертву этой идеѣ, ради цѣлостности системы и гармоніи частей, и многообразіе миеологическихъ вліяній, соларныхъ, этическихъ, и самостоятельныя теченія правоваго и экономическаго развитія? А сколько жертвъ въ подробностяхъ, сколько отрѣзанныхъ отъ контекста свидѣтельствъ, сколько умолчаній и насильственныхъ толкованій! Вѣрно наблюденная и, конечно, капитальная черта становится пунктомъ кристаллизаціи именно для такой объединяющей, тиранической конструкціи, на которыя такъ горячо нападаетъ Буланжъ у юристовъ. Подобную же роль играетъ положеніе о преобладаніи римской культуры въ началѣ среднихъ вѣковъ,—только тутъ еще труднѣе справиться съ матеріаломъ и приходится допустить извѣстныя ограниченія.

Остается спросить, чѣмъ внушены Фюстель де-Буланжу его преобладающія идеи? Конечно, онѣ найдены въ самыхъ источникахъ, а не просто внесены со стороны, но едва ли объясняется простою случайностью, что нашлись именно эти начала въ источникахъ,—что подчинилось имъ все остальное. Процессъ образованія мнѣній нашего ученаго раскрытъ болѣе въ его средневѣковыхъ изслѣдованіяхъ, чѣмъ въ книгѣ, посвященной античной цивилизаціи, и съ этой стороны лучше всего присмотрѣться къ нему. Фюстель де-Буланжъ стоитъ изолированно среди европейской исторической литературы, и изолированность эта сознательная. Онъ отдѣлился отъ собратьевъ по ремеслу и не хочетъ примкнуть прямо ни къ какой группѣ и школѣ, потому что главнымъ стимуломъ для образованія группъ и школъ считаютъ не научныя политическія вліянія. Благодаря этимъ вліяніямъ, изученіе давно прошедшихъ временъ прониклось тенденціей и фальшью, и задачей жизни Буланжъ поставилъ именно разсвѣяніе этой тенденции и фальши. Первоначальное развитіе Буланжъ получилъ во время господства либеральныхъ теченій. Главные представители ихъ во французской историографіи, Тьери и Гизо, раскрывали въ исторіи: одинъ—глубокую противоположность классовъ, вытекающую изъ племеннаго антагонизма норманновъ и саксовъ, римлянъ и галловъ, другой—историческія основанія современныхъ, свободныхъ учреждений; послѣдній клеймилъ развращающій деспотизмъ Рима, приурочивалъ къ появленію германцевъ обновляющій принципъ индивидуальной свободы ²³). Буланжъ выступилъ противъ и того, и другаго; историческая живопись О. Тьери кажется ему произвольнымъ искаже-

нiемъ данныхъ, рѣзкой противоположности національностей не было, борьба классовъ, которую искали въ меровингскихъ источникахъ, привнесена въ нихъ изъ современныхъ раздоровъ. Еще систематичнѣе проводится антагонизмъ противъ взглядовъ Гизо: величiе Римской имперiи, ея здоровая нравственность, отсутствiе свободы въ нашемъ смыслѣ у германцевъ,— все это, въ изложенiи Куланжа, пункты капитальные и общеизвѣстные ²⁴).

По мѣрѣ того, какъ успѣхъ Куланжа возрасталъ и ученый кругозоръ расширялся, нашему ученому все болѣе и болѣе приходилось считаться съ нѣмецкою наукою, которою онъ сначала почти совершенно пренебрегалъ. Въ рѣзкой противоположности патриотическимъ увлеченiемъ нѣмцевъ, Куланжъ разбилъ большую часть общепринятыхъ мнѣнiй по вопросамъ о началѣ среднихъ вѣковъ. Германцы оказались ничтожнымъ, постоянно побиваемымъ племенемъ, которое ничего не внесло въ европейскую культуру, кромѣ безпорядка, и пассивно подчинялось могучему влиянiю Рима.

Загадка феодализма остановила Куланжа въ послѣднiй перiодъ его дѣятельности и опять онъ встрѣтился съ злокозненнымъ, постороннимъ, субъективнымъ влиянiемъ. Ученiе о свободной сельской общинѣ вытекаетъ въ его глазахъ изъ радикальной идеи; Руссо вложилъ ее въ умы людей и она не осталась въ предѣлахъ практической политики, а захватила и исказила исторiю ²⁵). Мауреръ, Лавеле, Виолле, Arbis de Jubainville, всѣ ученые, развивавшие ученiе о свободной общинѣ и ея влиянiи на социальный строй, по мнѣнiю Куланжа, служатъ сознательно или безсознательно тенденци современнаго социализма.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ и посмотримъ, что доказываетъ *Cité antique*? Не есть ли эта книга въ своемъ родѣ протестъ противъ республиканской легенды, которая играла такую существенную роль въ исторiи европейскаго либерализма и радикализма? *Esprit classique*, въ которомъ Тэнъ видитъ одинъ изъ элементовъ революцiоннаго духа, коренится какъ разъ въ непосредственномъ сближенiи между движенiями настоящаго и предполагаемыми формами классическаго мiра, съ его республикой, идеей гражданства, вѣчемъ, законодательнымъ воздѣйствиемъ государства на гражданъ. Не въ этихъ фактахъ дѣло,—говоритъ Фюстель де-Куланжъ.—Всѣ эти понятiя и институты сами по себѣ не похожи на то, что существуетъ и предлагается современностью. Между новымъ временемъ и древностью лежитъ пропасть, потому что всѣ политическiе и правовые институты древности были проникнуты своеобразнымъ религиознымъ началомъ, теперь безслѣдно исчезнувшимъ ²⁶).

И такъ, противъ всякаго рода тенденциозности борется нашъ ученый, но его контръ-тенденци, вѣдь, тоже видъ тенденци и, какъ оказывается, одинъ изъ очень опасныхъ.

Надо прибавить, однако, что направленiе Фюстель де-Куланжа не просто-критическое. Черезъ всѣ его попытки разбить предвзятыя идеи и пристрастныя теорiи проходитъ одна общая и положительная мысль—о своеобразности историческаго момента. Каждая эпоха имѣетъ свои самостоя-

тельные цѣли и характеризуется особенностями, которыя не допускаютъ простаго перенесенія ея началъ въ другую среду или, наоборотъ, сужденія о ней по началамъ другой среды. Цѣль исторіи не въ томъ, чтобы обезличить многообразныя политическія и культурныя формы, а какъ разъ въ томъ, чтобы указать основанія для ихъ отличій. Фюстель де-Куланжу особенно дороги тѣ случаи, въ которыхъ рѣзко высказывается разница пониманія однихъ и тѣхъ же отношеній различными эпохами; онъ особенно подчеркиваетъ въ древнемъ или средневѣковомъ быту факты, по-нашему, нелѣпыя ²⁷⁾. Все дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ права судить «по-нашему», а должны перенестись въ пониманіе той эпохи, о которой судимъ. Только при такомъ усилии изученія раскрывается смыслъ древней идеи гражданства, древней организаціи брака, родовой собственности, преклоненія передъ императорскою властью, доходившаго до обожанія ея носителя, сословныхъ учрежденій среднихъ вѣковъ и т. п.

При разборѣ отдѣльныхъ положеній легко показать, насколько преувеличенной является идея, которой служить нашъ авторъ. Своеобразность историческаго момента совершенно закрываетъ для него общечеловѣческое однообразіе въ исторіи; но въ этомъ главномъ фактѣ, какъ и въ отдѣльныхъ выводахъ, преувеличенія Куланжа только ограничиваютъ, но никакъ не уничтожаютъ его заслугу. По своей натурѣ онъ былъ не способенъ спокойно и безразлично относиться къ занимавшимъ его научнымъ задачамъ. Страстное увлеченіе идеями вызывало его на борьбу и односторонность. Если ему не удалось поэтому создать уравновѣшенныхъ теорій, которыя каждому явленію отдавали бы должную оцѣнку и мѣсто, то въ общемъ развитіи науки его крайніе взгляды оказали весьма существенное вліяніе. Его мысль освятила прошедшее только въ извѣстныхъ пунктахъ, но на эти пункты она бросила яркій и сосредоточенный свѣтъ. Задача противниковъ и преемниковъ будетъ заключаться въ расширеніи области наблюденій, въ указаніи ряда условій, оставшихся для Куланжа во тьмѣ, но то, что онъ видѣлъ, то показалъ съ полною силой. Не трудно выяснитъ, что античная религія развивалась подъ вліяніемъ не только культа предковъ, но и другихъ культовъ, что античная политика сводится на гораздо болѣе разнообразныя элементы, чѣмъ тѣ, которые указаны въ *Cité antique*, и, все-таки, для характеристики родового союза и его вліянія въ древности книга Куланжа остается классической. Не трудно замѣтить, что сознательно или безсознательно Фюстель де-Куланжъ присоединился въ средневѣковой исторіи къ такъ называемымъ романистамъ и что все направленіе этого рода весьма односторонне представляетъ возникновеніе западно-европейской цивилизаціи; и, все-таки, каждый, желающій дать себѣ отчетъ о томъ, какъ усвоивалось и перерабатывалось наследіе Рима новыми поколѣніями германо-римской Европы, ни у кого не найдетъ болѣе драгоценныхъ указаній, нежели у Фюстель де-Куланжа.

Павель Виноградовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences morales et politiques*, 1879—1880.

2) Надяяхъ вышелъ посмертный, третій томъ, посвященный земледѣвнѣ эпохи Меровинговъ.

3) Я упомяну о главнѣйшихъ при изложеніи результатовъ, къ которымъ пришелъ Фюстель де-Буланжъ, по отдѣльнымъ вопросамъ. Здѣсь обращу вниманіе только на статьи, посвященные образованію феодализма. Главная—по вопросу объ иммунитетѣ въ *Revue historique*, XXII и XXIII. Этюдъ, помѣщенный въ *Revue des Deux Mondes* за 1878 г., представляютъ первые наброски, которымъ нельзя придавать значенія.

4) Обо всемъ этомъ трактуетъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: „La monarchie romaine“, въ первомъ томѣ *Исторіи французскихъ учреждений*.

5) *Institutions politiques de la France*, I, livre III: l'invasion germanique.

6) „Recherches sur quelques problèmes d'histoire; de l'organisation judiciaire“. *Institutions politiques*, II, chap. 13.

7) „Recherches etc.; du régime des terres en Germanie, de la marche germanique. Le problème des origines de la propriété foncière“ въ *Revue des questions historiques*, 90 livraison (1 avril 1889). Etude sur le titre de la loi Salique *de migrantibus*, въ *Revue générale de droit*, 1886, pp. 5 и сл. Относящіяся сюда взгляды Фюстель де-Буланжа вызвали не одно возраженіе. См.: М. Ковалевскій, въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, 1886, № 4; П. Бѣляевъ, тамъ же, 1887, № 8; K. Lamprecht, въ *Moyen Age*, 1889, juin. Ср. D'Arbois de Jubainville, „La propriété foncière en Gaule въ *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles lettres*, juin 1887.

8) *La monarchie franque* (II томъ *Institutions*). Для критики положеній Буланжа по этимъ вопросамъ полезно обратиться къ только что вышедшему сочиненію Поля Вильоля: *Histoire des institutions politiques et administratives de la France*, I, livre III.

9) „Recherches sur quelques problèmes, le colonat romain“. Статя „Le domaine rural chez les romains“ въ *Revue des Deux Mondes* за 1886 годъ. Въ нашей литературѣ сочувственное изложеніе и разборъ этюда о колонатѣ въ статьяхъ И. Гревса въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ноябрь и декабрь 1886 г.

10) *Institutions politiques*, I, 4: L'histoire n'est pas une science facile; l'objet qu'elle étudie est infiniment complexe; une société humaine est un corps dont on ne peut saisir l'harmonie et l'unité qu'à la condition d'avoir examiné successivement et de très-près chacun des organes qui le composent et qui en font la vie. Une longue et scrupuleuse observation du détail est donc la seule voie qui puisse conduire à quelque vue d'ensemble. Pour un jour de synthèse il faut des années d'analyse.—*Recherches etc.*, préface: En histoire, au moins autant qu'en toute autre science, on n'arrive à quelque synthèse qu'à force d'analyse. Mais le travail est plus long pour le régime féodal qu'il n'était pour les ancienes cités. Celles-ci étaient des organismes relativement simples où tous les éléments à une certaine époque avaient concordé. La réalité s'y montrait aisément, à la seule condition qu'on ne transportat pas dans ces vieux âges nos idées modernes. Quand j'eus étudié séparément une trentaine d'institutions, il arriva que ces trente études d'analyse, mises bout à bout, avaient un lien visible; je n'eus qu'à réduire chacune d'elles à la forme la plus brève et le livre se trouva fait. Il n'en serait déjà plus de même pour l'empire romain qui fut, sous une apparence d'unité qui a fait illusion à quelques historiens, l'une des sociétés les plus diverses qui aient existé. Ср. 359.

11) *Revue des Deux Mondes*. Tome 77 (1886), p. 867. Faut-il croire les documents? Ils nous disent que les femmes étaient chastes et les hommes ordinairement honnêtes. Je ne sais pas où les historiens modernes ont trouvé que ces générations étaient entièrement corrompues et fouchièrement vicieuses. Il s'y est trouvé des hommes vicieux, et les sermons ne sont pas gênés pour le dire en leur langage. Mais que la société fut tout entière corrompue, c'est ce que démentent toutes ces lettres

écrites au jour le jour et qui racontent la vie et les moeurs du temps. — *Institutions*. I, p. 311. Il est facile de répéter que les moeurs étaient corrompues dans l'empire romain; il est moins facile de trouver dans les documents la preuve de cette corruption. Quelques satires et quelques épigrammes ne démontrent rien. Il serait aussi contraire à la bonne méthode historique de juger cette époque sur deux ou trois fantaisies littéraires que de juger la société athénienne d'après les comédies d'Aristophane ou notre siècle d'après nos romans.

12) *Monarchie franque*, p. 30. — L'historien doit être en état de dire en toute sûreté, non seulement quelles choses sont dans les textes, mais encore quelles choses n'y sont pas; et c'est surtout cette seconde obligation qui le force à avoir tout étudié. Nous rencontrerons dans le cours de ces études plusieurs opinions modernes qui ne s'appuient pas sur les documents; nous devons être en état d'affirmer qu'elles ne sont conformes à aucun texte, et pour cette raison nous ne nous croirons pas le droit d'y adhérer. Cp. 303.

13) *Revue des questions historiques*. 90 livraison, p. 358. Maurer a commis là cette inadvertance qui consiste à isoler deux mots d'une phrase au lieu de lire la phrase entière.

14) *ib.*, p. 367. Au moins aurait-il été loyal d'avertir les recteurs que les actes qu'il citait n'étaient qu'une imperceptible minorité—dix-huit ou vingt sur environ dix mille. Les lecteurs n'ont pas toujours les recueils sans la main et ce qui leur manque encore plus, c'est la pensée même de vérifier. Si vous leur présentez vingt textes, ils croiront tout de suite que ce sont là tous les textes qu'on a. Il fallait les prévenir qu'il existe dix mille autres actes, qui sont de même nature, qui ont été écrits dans le même temps, qui sont rédigés d'après les mêmes formules; il fallait leur avouer que ces dix mille actes disent exactement le contraire de ces vingt que vous allez citer: il ne fallait pas les laisser ignorer que ces milliers de donations, de testaments, de ventes ou d'échanges de terres sont la démonstration irréfutable d'un régime de propriété privée. Et c'est alors seulement qu'on pouvait leur dire qu'il s'y trouve peut-être dix-huit ou vingt actes dans lesquels on croit voir quelque indice de communauté. Maurer n'a pas fait cet aveu; ses disciples, en Allemagne et en France, se sont gardés de le faire. Tous invoquent imperturbablement ces recueils de *Traditiones*, comme si ces quinze gros recueils n'étaient pas la réfutation écrasante de leur système.

15) *Ibid.*, p. 438. Il se gardera de présenter des faits relativement modernes pour prouver une institution antique et soi-disant primordiale, comme on a fait pour le *mark* germanique, pour l'île de Java et pour le *mir* russe.

16) *Monarchie franque*, p. 278. Tout cela est à peu près conforme à la logique absolue. Mais l'histoire n'est pas une science de raisonnement, elle est une science de faits. Il n'importe pas de savoir si les Francs ont dû être exemts d'impôts, mais s'ils l'ont été. Or cela ne peut se tirer que de l'observation des documents. Cp. 194, 209. *Revue des questions*, p. 405. Ici M-r Viollet laisse voir trop naïvement sa méthode. Pour lui, l'historien qui aperçoit un fait ou une institution, doit deviner un autre fait ou une autre institution, pour peu qu'il y ait quelque analogie apparente; par là, la logique supplée aux textes, et l'esprit peut bâtir tous les systèmes qu'il veut. Je n'ai pas tant de hardiesse; je ne vois pas dans l'histoire ce que je veux y voir, mais seulement ce qui y est. Je me garde bien d'y ajouter ce que je n'y vois pas... L'histoire n'est pas une science de raisonnement, elle est une science d'observation.

17) *Monarchie franque*, p. 411. Nous n'avons pas à citer ici l'ouvrage de Sohm sur *La procédure de la Loi salique*, puisque l'auteur prétend y décrire un état de choses antérieur à la naissance de l'État Franc. Ce n'est pas ici le lieu de discuter ce livre très ingénieux et très systématique, mais ou tout est à vérifier.

18) *Revue des questions*, p. 425. Il faut d'ailleurs s'entendre sur ce que c'est que la méthode comparative. Je vois que depuis une quinzaine d'années il s'est fait sur

elle un étrange malentendu. Quelques-uns ont dit et professé que rapprocher quelques faits et n'importe quels faits c'est faire de la méthode comparative... La méthode comparative ne consiste pas à chercher chez quinze peuples divers quinze petits faits qui, interprétés d'une certaine façon, concourent à faire un système; elle consiste à étudier plusieurs peuples dans leur droit, dans leurs idées, dans tous leurs faits sociaux, et à dégager ce qu'ils ont de commun, ce qu'ils ont de différent. Je crains fort que cette méthode comparative, lorsqu'elle sera sérieusement pratiquée, ne donne sur le sujet qui nous occupe des résultats fort différents de ceux que MM. Viollet et de Laveleye ont cru pouvoir déduire de la méthode comparative telle qu'ils l'ont entendue.

19) *Monarchie franque*, pp. 30, 31. La lecture même des documents ne servirait à rien si on la faisait avec des idées préconçues, et voilà et mal le plus ordinaire de notre époque. C'est particulièrement sur cette partie de l'histoire, c'est-à-dire sur les origines de la France, que les idées préconçues et les parties pris se sont donné carrière... Il y a surtout une idée qui depuis cent cinquante ans s'est insensiblement enracinée dans les esprits et a faussé l'histoire: c'est celle qui représente l'empire romain comme un despotisme pur et la vieille Germanie comme la pure liberté. De ces deux propositions, la première est à moitié inexacte, la seconde n'a jamais été démontrée. Toutes les deux ont pourtant la force d'axiomes et sont maîtresses des esprits... Ainsi, pendant que les érudits français portaient sur tout dans cette histoire leur esprit de parti, les Allemands y ont surtout porté leur amour de leur patrie et de leur race ce qui vaut peut-être mieux moralement, mais ce qui altère autant la vérité. Le patriotisme est une vertu, l'histoire est une science; il ne faut pas les confondre. *Revue des questions*, p. 439. Pas de fausse érudition. C'est l'intérêt de la science historique qui me touche ici. Le danger est que, par amour pour une théorie, on ne fasse entrer de force dans l'histoire une série d'erreurs. Ce qui m'effraie, ce n'est pas la théorie elle-même, elle ne modifiera par la marche des faits humains, mais c'est la méthode dont on se sert pour la faire passer. Je redoute cet usage que l'on prétend faire de l'érudition, cette manière de faire dire au documents le contraire de ce qu'ils disent.

20) См., напр., G. Waitz в *Historische Zeitschrift*, XXXVII, 49 (1877).

21) *Cité antique*, 291, 341.

22) См., напр., рассуждения о составѣ франкского суда в *Monarchie franque*, особенно стр. 366 и 375. Къ нимъ приложими самыя строгія замѣчания Куланжа относительно недоказанныхъ предположеній и произвольной диалектики.

23) Ср. *Ernest Desjardins*. Géographie historique et administrative de la *Gaulle Romaine*. Tome I. 8—10. Les histoires d'Amédée Thierry, d'Henri Martin et de Guizot lui même nous ont laissé dans l'esprit cette salutaire impression que rien n'était aussi regrettable que la perte des libertés républicaines à Rome et cette de l'indépendance nationale dans les Gaules; rien de plus haïssable que la tyrannie des Césars oppresseurs de l'Italie et des provinces; rien de plus funeste à la société d'alors que la déchéance de la petite propriété et la condition misérable des propriétaires responsables de l'impôt vis-à-vis du fisc et des violences de l'Etat vis-à-vis des contribuables pressurés. Ajoutez à cela la persécution religieuse, cet attentat d'un gouvernement absolu sur le plus inviolable des droits—celui de la conscience. Cela dit on détourne ses regards de ce douloureux spectacle pour les reporter, sinon avec amour, du moins avec les plus consolantes espérances, vers cette société nouvelle, rude et barbare d'abord, qui, après les lentes et douloureuses épreuves du moyen âge, nous laisse voir les lueurs, de siècle en siècle plus vives, de la civilisation moderne et annonce l'aurore de la Révolution française. Telle a été pour nous tous à peu près, l'éducation historique que nos livres et nos maîtres—qui ne les comprenaient pas toujours—nous ont donnée.... On nous a enseigné au collège à déplorer (et en cela on a bien fait) la corruption des moeurs causée par l'excès même des prospérités, l'oubli des „maximes anciennes“, l'indifférence pour ces libertés publiques qui sont la plus puissante garantie du partiotisme.....

Les vices de Tibère, les folies sanguinaires de Caligula, la faiblesse de Claude, les crimes inouïs de Néron, n'ont fait que confirmer notre haine pour ce régime de tyrannie et d'abaissement qui, grâce à la mâle et concise éloquence de Tacite, aux cyniques et lugubres anecdotes de Suétone, aux vigoureuses invectives de Jurénal nous avait dérobé le reste de l'Empire pour ne mettre sous nos yeux que le palais de Césars, dont les abominables excès remplissaient seuls la scène du monde.

24) *Monarchie franque*, 305. Cette opinion est chère à beaucoup d'esprits. Non seulement elle s'accorde bien avec toute la doctrine germaniste, mais encore elle plait aux esprits libéraux et généreux qui souhaiteraient de trouver la liberté et la démocratie dans les origines de la France.

25) *Revue des questions historiques*. 90-e livraison, 437, 438. Nous ne prétendons pas qu'il soit interdit de croire à une communauté primitive. Ce que nous disons, c'est qu'on a fait une tentative malheureuse en voulant appuyer cette théorie sur des textes historiques. C'est ce vêtement d'érudition fausse que nous rejetons. Pour la théorie elle-même, il y a une nature d'esprits qui y croira toujours. Parmi les idées courantes qui sont maîtresses du cerveau humain, il en est une que J. J. Rousseau y a mise, à savoir que la propriété est contre nature, et que ce qui est naturel est la communauté. Cette idée règne même chez des érudits qui lui obéissent sans s'en apercevoir.

26) *Cité antique*, 1, 2. On s'attachera surtout à faire ressortir les différences radicales et essentielles qui distinguent à tout jamais ces peuples anciens des sociétés modernes. Notre système d'éducation, qui nous a fait vivre dès l'enfance au milieu des Grecs et des Romains, nous habitue à les comparer sans cesse à nous, à juger leur histoire d'après la nôtre et à expliquer nos révolutions par les leurs...

Nous ne manquons guère de nous tromper sur ces peuples anciens quand nous les regardons à travers les opinions et les faits de notre temps. Or les erreurs en cette matière ne sont pas sans danger. L'idée que l'on s'est faite de la Grèce et de Rome a souvent troublé nos générations. Pour avoir mal observé les institutions de la cité ancienne, ou a imaginé de les faire revivre chez nous. On s'est fait illusion sur la liberté chez les anciens, et pour cela seul la liberté chez les modernes a été mise en péril. Nos quatre vingts dernières années ont montré clairement que l'une des grandes difficultés qui s'opposent à la marche de la société moderne, est l'habitude qu'elle a prise d'avoir toujours l'antiquité grecque et romaine devant les yeux.

27) *Institutions*, 150, 151, 105. Il est vrai que les règles de ce temps — là paraissent étranges aux hommes de notre siècle; mais cela tient apparemment à ce que notre manière de penser en matière de gouvernement n'est plus la même qu'à cette époque. Aux yeux des générations actuelles, tout privilège est une faveur tandis que dans presque tous les siècles de l'histoire les privilèges ont été des obligations.... Notre siècle diffère aussi de ceux dont nous parlons par la manière dont il conçoit la liberté..... Ces générations ne subirent pas la monarchie, elles la voulurent. Le sentiment qu'elles professèrent à son égard ne fut ni la résignation ni la crainte, ce fut la pitié. Elles eurent le fanatisme du pouvoir d'un seul comme d'autres générations ont eu le fanatisme des institutions républicaines. Il est naturel à l'homme de se faire une religion de toute idée qui remplit son âme. A certaines époques il voue un culte à la liberté; en d'autres temps, c'est le principe d'autorité qu'il adore.

Наказаніе и исправленіе.

(По поводу книги Обзоръ десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управленія и предстоящаго международнаго пенитенціарнаго конгресса въ Петербургѣ въ 1890 году).

Въ былыя времена, весьма еще недавнія, карательные законы преслѣдовали двоякую цѣль: наказаніе нарушителя закона и устрашеніе общества, «дабы впредь никому повадно не было». По отношенію къ виновному наказаніе имѣло значеніе возмездія за содѣянное, для общества оно было угрозой. Сообразно такимъ цѣлямъ опредѣлялись мѣры наказанія, ихъ характеръ и способъ ихъ приведенія въ исполненіе, — публично, въ мѣстахъ многочисленныхъ, съ извѣстною помпой и съ разными символическими обрядами. Законъ мстилъ преступнику и совершалъ свой актъ мести открыто и грозно, распростирая иногда свою месть на семью виновнаго, не принимавшую участія въ преступномъ дѣяніи, и даже—на тѣло казненнаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — на его душу посредствомъ церковнаго проклятія. По мѣрѣ смягченія нравовъ ослабѣвала суровая жестокость наказаній, отмѣнялись истязанія, предшествовавшія казни или ссылкѣ. Съ развитіемъ гуманныхъ идей, мало-по-малу возникала и росла мысль о возможности исправленія преступника, объ обязанностяхъ по отношенію къ преступнику, налагаемыхъ на общество высшимъ закономъ любви къ ближнему, впадшему въ несчастье, хотя бы и по собственной винѣ. Ростъ этой мысли идетъ крайне медленно, задерживаемый многовѣковыми представленіями о наказаніи, какъ о возмездіи и мѣрѣ устрашенія. Вопросъ о томъ, насколько достигаетъ цѣли желаніе устрашать карами, если и не рѣшенъ еще окончательно въ отрицательномъ смыслѣ, все же самую жизнь и путемъ накопленія фактовъ постепенно подвигается къ разрѣшенію въ этомъ направленіи. Много разъ уже было говорено и писано, что нѣкоторые предупреждающіе преступленіе вліяніе оказываютъ не кары и ихъ суровость, а большая или меньшая вѣроятность обнаруженія преступнаго дѣянія.

Кромѣ возмездія и устрашенія, уголовно-карательные законы, со времени глубокой древности и до нашихъ дней, преслѣдуютъ и еще одну цѣль:

они имѣютъ въ виду огражденіе общественной безопасности посредствомъ лишенія человѣка, признаннаго вреднымъ, возможности причинить зло обществу, какъ нравственное—путемъ растлѣвающаго вліянія, такъ и матеріальное—путемъ повторенія преступленій. Цѣль эта достигалась и достигается тремя способами: смертною казнью, лишеніемъ свободы и изгнаніемъ. Мы не станемъ повторять тѣхъ доводовъ противъ смертной казни, которые выставлялись многократно гуманными сторонниками полной ея отмены. Эти доводы, болѣе или менѣе, всѣмъ извѣстны, и для насъ они настолько убѣдительны, что, теоретически, мы считаемъ этотъ вопросъ поконченнымъ и рѣшеннымъ. Божественный законъ: «не убей», обязательный для каждаго человѣка въ отдѣльности, обязателенъ для всякой группы людей, для всякаго сообщества, для государства и для всего человечества въ его совокупности. Остается два способа удаленія изъ общества его вредныхъ и опасныхъ членовъ: лишеніе свободы и изгнаніе. Въ прежнія времена изгнаніе было во многихъ странахъ однимъ изъ обычныхъ наказаній и совершалось очень просто—высылкою обвиняемаго за границу государства съ воспрещеніемъ возврата въ отечество. Изгоняемый лишался права гражданства и затѣмъ воленъ былъ идти куда ему угодно, искать новаго отечества и новаго общественнаго положенія. Дальнѣйшая судьба изгнанника была совершенно безразлична для государства. Немногимъ болѣе интересовалось оно участіемъ приговоренныхъ къ лишенію свободы. Государство заботилось, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы сдѣлать невозможными побѣги изъ тюремъ; а затѣмъ уже никому дѣла не было ни до физическаго, ни до нравственнаго положенія заключенныхъ. Тюрмы, галеры, каторги, работы въ рудникахъ были только видами неволи и рабства, и никому мысли не приходило объ исправленіи порочныхъ этими средствами.

Съ теченіемъ времени изгнаніе изъ отечества замѣнилось ссылкой въ отдаленныя мѣста того же государства или въ его колоніи. Но и при этомъ едва ли имѣлось въ виду исправленіе ссылаемыхъ; къ этому, по крайней мѣрѣ, не принималось никакихъ средствъ. Ссылка во всѣхъ ея видахъ остается тѣмъ же, чѣмъ было встарину изгнаніе,—способомъ удалить изъ общества людей, признанныхъ вредными. Предшествующее ссылкѣ заключеніе въ тюрьмѣ и отправленіе въ мѣста ссылки обставлены такъ, что отнюдь не могутъ служить къ поднятію нравственнаго уровня осужденныхъ. Вотъ какую картину ссылки въ Россіи представляетъ намъ *Обзоръ десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управленія*: «Ссылка на поселеніе въ качествѣ самостоятельнаго наказанія, или же обязательно сопровождающая ссылку на каторгу, сводилась къ доставленію ссыльнаго этапнымъ порядкомъ въ указанныя закономъ мѣстности. Съ момента доставленія поселенца въ назначенную ему мѣстность въ дѣйствительности прекращался всякій надзоръ за преступникомъ и попеченіе о немъ правительственной власти, ибо ни предусмотрѣнныхъ закономъ казенныхъ поселеній, ни принудительныхъ въ теченіе нѣкотораго времени работъ не су-

ществовало. Доставленный въ назначенную ему мѣстность, поселенецъ прямо причислялся къ обществу и деревнѣ кореннаго сибирскаго населенія и предоставлялся съ первой же минуты на произволъ судьбы и собственнаго усмотрѣнія»... «Судьба его (сылнаго) зависѣла исключительно отъ личности или отсутствія въ данной мѣстности спроса на рабочія руки»... «Надзора за поселенцами въ мѣстѣ назначенія ихъ не было и быть не могло по равбросанности расселенія ссыльныхъ и многочисленности ихъ (ежегодное число ссылаемыхъ, не считая семействъ, простиралось до 2,650 чел. обоюго пола)»... «Ссылно-поселенецъ, попавъ въ назначенную ему мѣстность, торопился оставить ее и обращался въ скитальца, занятого только мыслью о пропитаніи и прибѣгающаго для этого, смотря по удобству, или къ прошенію милостыни, или же къ воровству и грабежу. Исключеніе составляли преимущественно семейные. Отсюда общепризнанный фактъ, что бѣльшей половины ссыльно-поселенцевъ никогда не оказывалось на мѣстѣ приписки,—они находились въ безвѣстной отлучкѣ», т.-е. въ бѣгахъ. «Ссылка на водвореніе, назначаемая за одинъ лишь видъ преступленія—бродяжничество, совершенно утратила свое карательное значеніе, и бродяжничество получило угрожающіе размѣры»... «Положеніе сосланныхъ на житье, бѣдственное съ точки зрѣнія ихъ обстановки, являлось въ высшей степени вреднымъ для тѣхъ мѣстностей, въ которыя они высылались. Большинство этихъ людей подвергалось суду и наказанію за преступленія корыстнаго свойства—кражу, мошенничество, присвоеніе, растрату и подлоги, избличающіе въ нихъ отсутствіе привычки къ правильному труду. Принадлежа до наказанія къ привилегированному классу, они на мѣстѣ ссылки нерѣдко дѣлались вхожи въ порядочные дома и оказывали развращающее вліяніе на мѣстное общество. Пьянство, азартныя карточныя игры, развратъ и всякіе неблаговидные поступки характеризовали собою жизнь этихъ ссыльныхъ»... «Все сказанное о неустройствахъ ссылки по суду и о бѣдственномъ положеніи ссыльныхъ относится и до ссылки по приговорамъ общества» *). Таково положеніе ссыльныхъ въ мѣстностяхъ, назначенныхъ имъ для жительства. Къ этому надо прибавить, что всѣ ссылаемые должны передъ отправкою въ Сибирь провести нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмахъ и въ пути этапнымъ порядкомъ, что никоимъ образомъ не можетъ способствовать исправленію порочныхъ и поднятію нравственности случайно впавшихъ въ преступленіе. «Въ концѣ 1886 г. Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на заявленіе сибирскихъ властей о крайнемъ разстройствѣ всей системы ссылки въ Сибирь и выразить непремѣнную высочайшую волю, чтобы вопросъ о ссылкѣ былъ подвергнутъ наискорѣйшему разсмотрѣнію въ смыслѣ возможнаго упорядоченія его и ограниченія повсемѣстнаго расселенія ссыльныхъ»... «Въ виду этихъ высочайшихъ указаній, начальникомъ главнаго тюремнаго управленія была составлена подробная записка, содержащая предпо-

*) *Обзоръ десятилѣтней дѣятельности вл. тюремнаго упр., стр. 20 и 21.* }

ожения о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье — лишеніемъ свободы на сроки, соотвѣтствующіе тяжести преступныхъ дѣяній, о замѣнѣ ссылки на водвореніе за бродяжничество ссылкой въ каторжныя работы, о совершенной отмѣнѣ ссылки по непринятію обществами лицъ, отбывшихъ наказанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, и, наконецъ, о сохраненіи ссылки по удаленію изъ обществъ порочныхъ членовъ» *). Въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о ссылкѣ не разрѣшенъ еще и «нынѣ приступлено къ новымъ подготовительнымъ по этому дѣлу работамъ».

И такъ, главное тюремное управленіе признало, что вся нынѣшняя система ссылки находится въ совершенномъ разстройствѣ; Государю Императору благоугодно было повелѣть составить предположенія объ «упорядоченіи» этого дѣла и объ «ограниченіи повсемѣстнаго расселенія ссылаемыхъ»; во исполненіе высочайшей воли составленъ проектъ о полной отмѣнѣ ссылки по судебнымъ приговорамъ, кромѣ ссылки на каторжныя работы. Мы думаемъ, что такія предположенія г. начальника гл. тюр. упр. не исполнѣтъ точно соотвѣтствуютъ высочайшимъ указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ Государемъ, и позволимъ себѣ обсудить здѣсь съ нашей точки зрѣнія причины теперешней неурядицы ссылочной системы и способы къ возможному, по нашему мнѣнію, упорядоченію этого дѣла. Отмѣнить совсѣмъ ссылку весьма легко и не трудно замѣнить ее тюремнымъ заключеніемъ. Тутъ весь вопросъ сводится, главнымъ образомъ, на изысканіе средства построить достаточное число тюремныхъ помѣщеній, приспособленныхъ къ карательно-исправительнымъ цѣлямъ. Расходы на это представляются намъ огромными, тягостными для государства, какъ одновременно для построекъ тюремъ, такъ и ежегодно для содержанія заключенныхъ, и, кромѣ того, расходы эти не вызываются крайнею необходимостью.

По признанію гл. тюр. управленія, ссылка въ Сибирь въ ея теперешнемъ видѣ не можетъ служить къ исправленію подвергшихся этому наказанію и во многихъ случаяхъ утратила значеніе карательной мѣры. Но произошло это не отъ того, что ссылка, сама по себѣ, не можетъ служить средствомъ наказанія преступниковъ и исправленія порочныхъ, а отъ того, что вся система пришла въ разстройство, и, притомъ, потому пришла въ разстройство, что не исполняются существующіе законы, устанавливающие порядокъ ссылки. Изъ этого мы заключаемъ, что, прежде чѣмъ отмѣнять совершенно ссылку, слѣдовало бы сдѣлать опытъ ея упорядоченія сообразно съ существующими законами и съ тѣми улучшеніями, какія указываютъ опытъ и требованія времени. Теперешняя ссылка въ Сибирь во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою старинное изгнаніе изъ отечества, съ тою весьма существенною разницей, что изгнанныкъ воленъ былъ идти куда ему угодно, искать—гдѣ ему жить удобно, тогда какъ ссылнаго отправляютъ въ опредѣленное мѣсто, часто въ такое мѣсто, гдѣ жить со-

*) Обз. десятилетней дѣят. гл. тюр. упр., стр. 142 и 143.

всѣмъ нельзя, и ссыльный тѣмъ самымъ поставляется въ необходимость совершать новыя преступленія: побѣги на поиски, гдѣ бы найти насущное пропитаніе, или—кражи и грабежи, дабы не умереть съ голоду. Встарину изгнанникъ лишался гражданскихъ правъ и отечества; изгнанному приходилось, такъ сказать, начинать жизнь сначала, приспособляться къ инымъ нравамъ, къ чужой средѣ, къ новымъ условіямъ быта и, притомъ, обязательно сдерживать свои порочныя наклонности и порывы подъ страхомъ новыхъ каръ, новаго изгнанія или лишенія свободы. При нынѣшней практикованной у насъ системѣ ссылки, для большинства приговоренныхъ отправка въ Сибирь есть ничто иное, какъ переселеніе изъ одного мѣста своего отечества въ другое, ничѣмъ существеннымъ не отличающееся отъ прежняго: въ Сибири—тѣ же люди, тотъ же бытъ, что и на родинѣ, а для крестьянъ и мѣщанъ и то же самое общественное положеніе. Постановленіе суда о «лишеніи нѣкоторыхъ, или же всѣхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ» не имѣетъ почти никакого значенія для лицъ такъ называемыхъ податныхъ состояній, ибо—какъ до приговора, такъ и послѣ приговора—огромное ихъ большинство не имѣетъ никакого понятія о «присвоенныхъ имъ правахъ и преимуществахъ» и на нѣкоторыя изъ нихъ смотрятъ какъ на тяготы, — таковы, напримѣръ, права быть избираемымъ на общественныя должности, и быть избирателями. Лишеніе семьи есть, несомнѣнно, очень тяжелое наказаніе; но для безсемейныхъ и для тѣхъ, за кѣмъ слѣдуютъ семьи, это обстоятельство утрачиваетъ свое значеніе. Къ тому же, лишеніе семьи совсѣмъ нежелательно, и надлежало бы употребить всѣ мѣры для того, чтобы семейства слѣдовали за ссылаемыми. Безсемейные или идущіе въ ссылку съ семьями «прямо причисляются къ обществу или деревнѣ», на своемъ новомъ мѣстѣ жительства, стало быть, прямо попадаютъ въ то самое положеніе, въ какомъ были на родинѣ. Мы говоримъ это, разумѣется, о крестьянахъ и мѣщанахъ, о рабочихъ классахъ. Если ихъ постигаютъ невзгоды, то невзгоды эти — чисто-экономическаго характера, совершенно не желательныя съ точки зрѣнія государственной, — такія, устранить которыя необходимо, по мнѣнію главнаго тюремнаго управленія, справедливо считающаго ихъ одною изъ важныхъ причинъ «неустройства ссылки». Изъ *Обзора* мы вправѣ сдѣлать такое заключеніе, что тяжесть наказанія ссылки выражается для большинства ссыльныхъ въ *нищету*, подъ гнетъ которой они почти неминуемо попадаютъ въ мѣстахъ своего водворенія. Такимъ образомъ, цѣль исправленія порочныхъ не достигается ссылкой въ нея теперешнемъ видѣ, и результаты получаются совершенно обратные потому, что бѣдственное положеніе, при безнадежности выдти изъ него, только подрываетъ физическое и нравственное существованіе впавшихъ въ нищету и никогда не можетъ вести къ подъему духа, этому единственному источнику исправленія. Какъ наказаніе, ссылка оказывается для однихъ карою слишкомъ ничтожной, и не для «бродягъ» только, беспаспортныхъ и «непоминающихъ родства», какъ полагаютъ составители *Обзора*, но и для

весьма многочисленного класса бездомниковъ: нищихъ, бродячихъ рабочихъ, легко превращающихся въ нищихъ и въ городскихъ «босяковъ», для всего множества голоднаго люда, такъ или иначе порвавшего свою связь съ деревней и съ «землей». Для другихъ, для зажиточныхъ обывателей всѣхъ классовъ, ссылка является наказаніемъ слишкомъ тяжелымъ и, какъ мы сказали, не исправляющимъ порочныхъ, а принижющимъ и развращающимъ. Наибольшею своею тяжестью эта кара ложится, конечно, на лицъ привилегированныхъ состояній, по рожденію, по имущественному положенію и, въ особенности, по образованію. Для такихъ лицъ самый приговоръ о «лишеніи правъ и преимуществъ» разрушаетъ уже не фикцію, какъ для людей низшихъ, рабочихъ классовъ, а уничтожаетъ нѣчто вполне реальное, существенное и драгоценное. Правда, къ привилегированнымъ законъ долженъ быть строже, онъ и есть строже въ дѣйствительности; но строже долженъ быть только законъ, а отнюдь не его примѣненіе. Тутъ же оказывается весьма существенная неравномѣрность въ примѣненіи карательныхъ законовъ и опять въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы указали выше. Для богатыхъ или разбогатѣвшихъ отъ преступныхъ дѣяній ссылка есть перемена мѣста жительства, очень непріятная, разумѣется, но и только, тогда какъ для живущихъ личнымъ трудомъ, службою казенной или частной ссылки равносильна лишенію всякихъ средствъ къ существованію. *Обзоръ* указываетъ на «развращающее» вліяніе ссылныхъ изъ привилегированныхъ классовъ «на мѣстное общество» Сибири. Въ данномъ случаѣ *Обзоръ* имѣетъ въ виду исключительно «порядочные дома», какъ это можно заключить изъ вышеприведенной нами цитаты. Мы же полагаемъ, что развращающее вліяніе ссылныхъ нѣкоторыхъ категорій распространяется въ большей или меньшей степени на все населеніе мѣстностей, назначенныхъ для ссылки. Но изъ всего нами сказаннаго мы, все-таки, не выведемъ заключенія о необходимости отмены ссылки и имѣемъ въ виду придти къ совершенно обратному положенію.

Соединить наказаніе съ исправленіемъ есть дѣло очень трудное, иногда почти неисполнимое; предупреждать же проступки и преступления угрозами наказанія совсѣмъ невозможно, въ особенности, когда мотивами къ совершенію наказуемыхъ дѣяній оказываются установившіяся въ обществѣ понятія о чести, правильныя или ложныя представленія о томъ, что «стыдно», убѣжденія или даже заблужденія. Тутъ никакими устрашеніями уже ничего нельзя достигнуть и мысль объ исправленіи нарушителя закона не можетъ имѣть мѣста. Государство можетъ и обязано озаботиться разумнымъ воздѣйствіемъ на правильное направленіе эволюціи нравовъ въ смыслѣ гуманности и справедливости, на развитіе идей добра и правды чрезъ средство воспитанія молодаго поколѣнія въ правилахъ нравственности и—воспитанія всего народа проведеніемъ въ его массы здравыхъ понятій о чести и стыдѣ. Съ этою высшею задачей должны быть въ возможной стройности согласованы всѣ государственныя мѣропріятія въ борьбѣ съ пороками и преступленіями, начиная отъ школьнаго воспитанія и кончая

уголовными карами за нарушение законовъ. А потому мы находимъ, что въ основу всей карательной системы должна непременно быть положена справедливость и гуманность. Здѣсь не мѣсто говорить о законахъ, опредѣляющихъ наказанія, и мы возвратимся къ исключительно занимающему насъ теперь предмету—къ прижизненію существующихъ законовъ и къ карательному и исправительному значенію установленныхъ законами наказаній.

Въ ряду ихъ ссылка представляется намъ наиболее цѣлесообразною мѣрой, могущею соединить въ себѣ все то, что намѣчено нами выше: удаленіе опасныхъ людей изъ общества, наказаніе виновныхъ и исправленіе порочныхъ. Для этого необходима коренная реформа всей системы ссылки, и *Обзоръ* главн. тюремнаго управленія упоминаетъ, правда, вскользь, объ одномъ изъ способовъ исправленія нынѣшнихъ неурядицъ ссылки. Изъ приведенной нами выписки изъ *Обзора* видно, что на мѣстахъ ссылки нѣтъ ни надзора за сосланными, ни попеченія о нихъ власти, «ибо ни предусмотрѣнныхъ закономъ казенныхъ поселеній, ни принудительныхъ въ теченіе нѣкотораго времени работъ не существуетъ». Стало быть, упорядоченіе ссылки должно начать съ исполненія существующаго закона объ устройствѣ казенныхъ поселеній, о дѣятельномъ надзорѣ за сосланными, о попеченіи о нихъ правительственной власти и о правильной организаціи принудительныхъ работъ. Ссылка должна быть не только карательною мѣрой, но и хорошимъ средствомъ для колонизаціи и эксплуатаціи нашихъ пустынныхъ окраинъ, причемъ не слѣдуетъ ограничиваться Сибирью. *Обзоръ* совершенно правильно признаетъ, что отнюдь не должно смѣшивать ссыльныхъ съ мѣстнымъ населеніемъ припискою къ существующимъ деревнямъ. Ссылочно-поселенческія колоніи должны представлять изъ себя совершенно обособленныя селенія, съ отдѣльною администраціей и съ порядками управленія, согласованными съ назначеніемъ такихъ колоній. Ссылные не должны быть бременемъ ни для мѣстнаго населенія, ни для казначейства, выдающаго имъ пайки, ни для управленія краемъ; напротивъ, они должны быть силою дѣятельной и полезной, выгодною для государства, совершающею въ его интересахъ «мирныя завоеванія превращеніемъ пустопорожнихъ мѣстъ въ культурныя и доходныя». Выше было упомянуто о принудительныхъ работахъ «въ теченіе нѣкотораго времени». Этому мы придаемъ очень важное исправительное значеніе и полагаемъ, что необходимо придать всѣмъ видамъ ссылки временный характеръ наказанія, какъ относительно отдѣльныхъ лицъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ колоніямъ. При заведеніи ссылочныхъ колоній слѣдовало бы раздѣлить ихъ на категоріи, сообразно тяжести преступленій ссылаемыхъ; слѣдовало бы опредѣлить нормальное число, выше котораго не должно идти количество лицъ, составляющихъ одну колонію. И затѣмъ, когда норма достигнута, прекращать дальнѣйшую высылку въ достаточно населенную колонію. Отдѣльныя лица, по истеченіи срока принудительныхъ работъ и при добропорядочномъ поведеніи, переходятъ въ категорію рядовыхъ обывателей колоніи; такъ же точно и цѣлая колонія, по истеченіи опредѣленнаго срока

и при одобрительномъ поведеніи всѣхъ ея обывателей, можетъ быть переводима изъ разряда «штрафнаго» поселенія на положеніе свободной колоніи, приравненное къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ.

Такъ, по нашему мнѣнію, должна быть упорядочена и устроена «ссылка на поселеніе», и такое ея устройство не представляетъ большихъ трудностей, даетъ основаніе предполагать, что всѣ указанія нами дѣли ссылки будутъ согласованы между собою и будутъ достигнуты, при гуманномъ и разумномъ веденіи дѣла со стороны властей и при солидарности, экономической и нравственной, лицъ, составляющихъ колонію и естественно должествующихъ стремиться скорѣе выдти изъ «штрафнаго» положенія.

То же самое надлежало бы установить для лицъ, ссылаемыхъ «на водвореніе», т.-е. для бродягъ, столь затрудняющихъ теперь сибирскую администрацію. Главное тюремное управленіе признаетъ, что «ссылка на водвореніе ничѣмъ не отличается отъ поселенія въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Восточной Сибири, ибо установленное по закону предварительное заключеніе (осужденныхъ) въ арестантскія роты (исправительныя отдѣленія) не примѣняется за совершеннымъ недостаткомъ помѣщеній для нихъ». Мы полагаемъ, что терминъ: «на водвореніе» долженъ быть замѣненъ выраженіемъ: «ссылка на поселеніе», что отбываніе «исправительныхъ работъ» должно быть установлено на мѣстахъ ссылки въ поселенческихъ колоніяхъ, и тогда неудобства нынѣшней ссылки «на водвореніе» исчезнутъ сами собою, — опять-таки при попечительномъ наблюденіи мѣстныхъ властей за ссыльными, набаловавшимися «бродяжничествомъ». Приведенное нами предположеніе о замѣнѣ ссылки на водвореніе каторжными работами ничѣмъ въ *Обзорѣ* не мотивировано, и мы лишены возможности судить объ основаніяхъ, побудившихъ главн. тюремное управленіе проектировать такую суровую мѣру наказанія за бродяжничество. Если въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто предположеніе, что бродяжничествомъ прикрываются лица, совершившія тяжкія преступленія или бѣжавшія отъ наказанія, то по однѣмъ догадкамъ и презумпціямъ нельзя присуждать людей къ самому тяжкому изъ существующихъ у насъ наказаній. Мы думаемъ, что одно упорядоченіе ссылки уже значительно повліяетъ на уменьшеніе бродяжничества, особенно въ Сибири.

«Все сказанное о неуройствахъ ссылки по суду и о бѣдственномъ положеніи ссыльныхъ относится и до ссылки по приговорамъ обществъ въ ея двоякомъ видѣ: ссылки по непосредственному удаленію изъ обществъ и ссылки по непринятію общественниками отбывшихъ наказаніе въ исправительныхъ отдѣленіяхъ и рабочихъ домахъ. Остается лишь присовокупить, что срочность послѣдняго вида ссылки, — по закону она длится 5 лѣтъ, послѣ чего ссыльные, одобренные въ поведеніи, могутъ вернуться въ Европейскую Россію, если найдутъ общество, которое согласно ихъ принять, — такая срочность составляла еще одинъ лишній стимулъ къ нежеланію ссыльныхъ упрочить свое положеніе въ Сибири» *). Высказавши это

*) *Обзоръ*, стр. 22.

въ своемъ *Обзорт*, главн. тюремное управленіе приходитъ къ заключенію о совершенной отмѣнѣ ссылки по непринятію обществами отбывшихъ наказаніе, о затрудненіи ссылки по приговорамъ обществъ и о предоставленіи права «земствамъ и городамъ замѣнять этотъ видъ ссылки отдачею въ принудительныя работы на общественныя надобности» *). Если признана вредною срочность ссылки по непринятію обществами отбывшихъ наказанія, опредѣленныя судами, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы отмѣнить срочность, а не самую ссылку, особливо же когда оставляется ссылка по приговорамъ обществъ лицъ, судомъ не опороченныхъ. Что же касается предоставленія земствамъ и городамъ права замѣнять ссылку для такихъ лицъ принудительными работами «на общественныя надобности», то мы знаемъ, что таковыхъ работъ нигдѣ не существуетъ, и ихъ пришлось бы придумывать, устраивать совершенно вновь, заводить для этого цѣлую организацію. Внесенное объ этомъ постановленіе закона окажется на практикѣ одною изъ неисполнимыхъ статей, какими оказались статьи «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», предоставляющія судьямъ приговаривать несостоятельныхъ уплатить штрафъ къ отдачѣ «на общественныя работы или въ заработки». Мы полагаемъ, что слѣдовало бы сохранить ссылку по приговорамъ обѣихъ категорій, отмѣнивши возвращеніе сосланныхъ и обставивши надлежащими гарантіями правильность общественныхъ приговоровъ. Ссылаемые по приговорамъ могли бы быть водворяемы на жительство въ тѣхъ поселенческихъ колоніяхъ, которыя вышли изъ разряда штрафныхъ, или же въ отдѣльныя колоніи, заведенныя для ссыльныхъ этихъ категорій.

Самое важное, что справедливо озабочиваетъ главное тюремное управленіе, это — «бѣдственное положеніе» ссыльныхъ, ихъ полная беспомощность по прибытіи на мѣсто ссылки. Слѣдовательно, на эту часть дѣла и должно быть обращено особенное вниманіе управленія. Изъ нынѣшнихъ «неустройствъ» ссылки и «разстройствъ» всей ссылочной системы нельзя заключать о непригодности ссылки, какъ мѣры карательной и исправительной, и о желательности ея совершенной отмѣны. Мы думаемъ, что правильнѣе было бы придти къ сознанію неотложности устройства ссылки на цѣлесообразныхъ началахъ и упорядоченія того, что пришло въ разстройство отчасти вслѣдствіе неисполненія существующихъ законовъ, отчасти отъ причинъ, уже выясненныхъ тюремнымъ управленіемъ, и отъ иныхъ, имѣющихъ быть выясненными, при основательномъ изученіи дѣла съ опредѣленною цѣлью его устроенія, а не уничтоженія. Мы считаемъ ссылку, — разумѣется, упорядоченную и хорошо организованную, — гуманнѣйшимъ видомъ наказанія и могущественнѣйшимъ средствомъ исправленія. Надлежащимъ образомъ упорядоченная ссылка представляетъ собою единственную мѣру, которою одновременно достигаются всѣ указанныя нами цѣли: удаленіе вредныхъ людей, наказаніе преступныхъ, исправленіе порочныхъ и

*) Тамъ же, стр. 143.

колониализация отдаленных мѣстностей, и все это—при наименьшихъ затратахъ со стороны государства и при несомнѣнности полученія постоянно возростающихъ выгодъ въ самомъ близкомъ будущемъ.

Вопросъ объ отмѣнѣ ссылки и о замѣнѣ ея каторжными работами и заключеніемъ въ тюрьмѣ понятенъ для насъ въ такихъ странахъ, которыми некуда выселять или ссылать порочныхъ и преступныхъ людей. Не въ такомъ положеніи находится наше отечество, владѣющее громадными пространствами земли, ждущей только дѣлателей для того, чтобы обратиться въ страны, цвѣтущія обиліемъ. Мы имѣемъ въ виду не одну только Сибирь, эту традиционную страну ссылки. У насъ есть Кавказъ и Закавказье, громадный Туркестанъ и Закаспійская область, необъятная граница отъ Батума и Барса съ ихъ округами до Персіи, Афганистана, Бухары, Хивы, Китая и Кореи. Вездѣ природа и земля работы только просятъ, чтобы дать неисчислимыя богатства работникамъ и государству. Но дѣло въ томъ, что вольный русскій колонистъ-переселенецъ въ такихъ странахъ до немогущности слабъ и неумѣемъ за дѣло взяться, и разрозненностью силъ, и недостаткомъ дисциплины. Свободнымъ трудомъ ничего нельзя подѣлать ни съ тою природой, ни съ тою землей, гдѣ необходимы оросительныя сооруженія, которыхъ не устроить безъ специальныхъ знаній и безъ принудительнаго, подневольнаго труда. Вотъ туда-то и должны бы быть направлены *роты* ссылочно-поселенцевъ и ссылочно-колонистовъ, подъ предводительствомъ знающихъ людей, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для мирнаго завоеванія пустынныхъ мѣстъ. Тутъ нечего бояться затратъ, хотя бы и большихъ, изъ казначейства. Онѣ вернутся скоро и будутъ приносить доходъ, тогда какъ тюрьмы, при огромнѣйшей единовременной затратѣ на постройку, никогда не въ состояніи окупать ежегоднаго на нихъ расхода. Тюрьмы не могутъ быть превращаемы въ фабрики. Это признаетъ само главн. тюремное управленіе, о чемъ мы будемъ говорить въ нашей второй статьѣ, которую предполагаемъ посвятить тюремному вопросу. Поселенія же ссылныхъ всѣхъ категорій могутъ и должны быть такъ устроены, чтобы каждое изъ нихъ представляло собою хозяйственную и доходную статью.

Здѣсь необходимо упомянуть и о различіи нравственнаго вліянія тюрьмы и ссылки въ томъ ея видѣ, о которомъ мы говоримъ. Какъ бы превосходно, какъ бы идеально ни была устроена тюрьма, все же это будетъ «мертвый домъ», жилище тоски и отчаянія, постоянного душевнаго мрака безъ радостей и безъ надеждъ. Нельзя же называть надеждой ожиданія срока выхода изъ заключенія и отсчитыванія дней, оставшихся до срока. Не много радости сулитъ и ожидаемый выходъ изъ тюрьмы, и не блестящими надеждами манить онъ арестантовъ. Отбывшаго наказаніе въ тюрьмѣ ждетъ на свободѣ названіе «острожника», недовѣрчивое, часто презрительное отношеніе общества, въ большинствѣ случаевъ—невозможность пристроиться къ дѣлу, найти честный заработокъ. Государство, имѣющее къ тому средство, обязано озаботиться возможнымъ уменьшеніемъ числа лицъ,

попадающихъ въ такое положеніе. Самыя тюремныя работы, исключительно ремесленнаго или фабричнаго характера, не способны дать того бодрящаго настроенія, какое получается отъ работы внѣ тюремныхъ стѣнъ, отъ труда, имѣющаго характеръ борьбы и созиданія, каковы всѣ земледѣльческія работы и, вообще, работы, производящіяся на свободѣ. Заключенный въ тюрьмѣ только отвлекается отъ здороваго земледѣльческаго труда, теряетъ необходимую для него энергію, набалыввается такою отвычкой и, на лучшей конецъ, получаетъ отъ своего заработка къ выходу изъ тюрьмы ничтожную сумму въ нѣсколько рублей. Ссылный, при надлежащемъ устройствѣ ссылки, будетъ находиться на своемъ новомъ мѣстѣ въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ изгнанника. Ему придется начать жизнь съ начала, и отъ него самого, отъ его энергіи будетъ зависѣть, чтобы новая жизнь сложилась наиболѣе для него благоприятно. Впереди у него много надеждъ, и всякое личное усиліе приближаетъ его къ ихъ осуществленію. Доброе поведеніе и дѣловитость поставятъ его, даже въ періодъ принудительныхъ работъ, десятникомъ, старшимъ рабочимъ; хорошее поведеніе приблизитъ срокъ окончанія этихъ невольныхъ работъ, сократитъ самыя рабочіе уроки и дастъ время и возможность подготавливать себѣ домъ и будущую усадьбу. Изъ-подъ рукъ работающаго будутъ выходить не мертвые и однообразныя предметы ремесленнаго производства; эти руки будутъ дѣлать живое, осмысленное дѣло созиданія общественнаго и личнаго блага. По окончаніи исправительнаго срока, на ссылномъ не будетъ лежать нареканія и позорящей клички: «острожникъ»; онъ войдетъ очищеннымъ и, такъ сказать, обновленнымъ, полноправнымъ членомъ въ общество такихъ же, какъ онъ, людей, искупившихъ свою вину и приобрѣтшихъ снова право гражданства въ новой отчизнѣ, созданной ихъ собственной силой.

Неизмѣримо большія трудности представляютъ вопросъ о ссылкѣ «на житье», оказывающей, по словамъ *Обзора*, самое пагубное вліяніе въ мѣстахъ водворенія ссылныхъ. Никакого другаго вліянія, разумѣется, и не можетъ имѣть наказаніе, не соединенное съ исправленіемъ, и, къ тому же, такое наказаніе, какъ переселеніе порочныхъ и вредныхъ людей изъ одного общества, гдѣ они терпимы быть не могутъ, въ другое общество, стоящее въ умственномъ и нравственномъ отношеніи ниже перваго. Изъ *Обзора* видно, что большинство ссылаемыхъ «на житье» принадлежало къ привилегированнымъ классамъ и подверглось карѣ закона за преступленія корыстнаго свойства, «изобличающія въ нихъ отсутствіе привычки къ правильному труду». Съ своей стороны мы добавимъ: и привычку къ роскоши, къ жизни не по средствамъ, къ беззащитности и неразборчивости въ способахъ удовлетворенія порочныхъ пристрастій... Все это, во всей неприкосновенности, они приносятъ съ собою «на житье», и еще съ новымъ запасомъ безстыдства и часто озлобленія, приобрѣтеннымъ или преумноженнымъ странствованіями по тюрьмамъ и этапамъ. Ссылка «на житье» ничего исправительнаго въ себѣ не заключаетъ, а какъ мѣра варательная—она далеко не одинакова для богатыхъ или разбогатѣвшихъ отъ пре-

стущенія и для бѣдняковъ или промотавшихъ приобрѣтенное преступными дѣянiями. Еще разъ повторимъ, мы не проектируемъ измѣненiя уголовныхъ законовъ и ихъ не касаемся; мы говоримъ только о томъ, насколько ихъ практическое примѣненiе способно привести къ указаннымъ нами цѣлямъ. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ ссылку на житье наименѣе пригодною изъ всѣхъ карательно-исправительныхъ мѣръ.

Изъ многихъ мѣстъ *Обзора* мы вправѣ заключить о желанiи главнаго тюремнаго управленiя придать налагаемымъ наказанiямъ, прежде всего, характеръ серьезнаго возмездiя, карающаго преступника и устрашающаго общество. Исправительное значенiе наказанiя какъ бы отодвигается на второй планъ. Относительно виновныхъ въ нѣкоторыхъ преступленiяхъ, наиболѣе тяжкихъ, каковы разные виды убiйствъ и покушенiй на жизнь изъ мотивовъ чисто-нравственнаго, а не корыстнаго свойства, исправленiе преступника едва ли можетъ имѣть мѣсто; если же и можетъ, то въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ при такихъ преступленiяхъ, которыя являются послѣдствiями порочности или испорченности. Объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующий разъ, когда дойдемъ до вопроса о раскаянiи.

Задача исправленiя состоитъ въ томъ, чтобы въ исправляемомъ ослабить дурные инстинкты, порочныя привычки и развить добрые нравственные зачатки до такой силы, которая дала бы ему возможность впредь противустоять искушенiямъ совершать преступныя дѣянiя. Исправленiе должно быть своего рода перевоспитанiемъ, что требуетъ большихъ заботъ и попеченiй со стороны несущихъ на себѣ эту отвѣтственную и благоую обязанность. Не подлежитъ сомнѣнiю, что нельзя перевоспитывать и исправлять людей, оставляя ихъ на произволъ судьбы при самыхъ неблагопрiятныхъ условiяхъ, на жертву «бѣдственному положенiю», нищетѣ, въ средѣ самаго дурнаго общества такихъ же несчастныхъ, униженныхъ и развращенныхъ острогами, этапами и всѣми неурядицами нынѣшней ссылки. О возможности устранить эти неурядицы, безъ отиѣны самой ссылки, мы говорили; намъ остается сказать едва ли не о самомъ трудномъ въ этомъ дѣлѣ: о предварительномъ заключенiи въ тюрьмѣ и о доставленiи ссылаемыхъ на мѣсто.

Всѣмъ давно извѣстно и подтверждается главнымъ тюремнымъ управленiемъ пагубное влiянiе тюремъ и этаповъ на нравственность заключенныхъ и пересылаемыхъ. При невозможности совершенно оградить подсудимыхъ и осужденныхъ отъ вреднаго влiянiя тюрьмы и пересылки, слѣдовало бы обратить всѣ усилiя на сокращенiе заключенiя и на упорядоченiе пересылки. На основанiи многихъ фактовъ, мы знаемъ, что наши слѣдственные власти подвергаютъ обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ предварительному заключенiю чаще, чѣмъ это необходимо въ видахъ правильнаго отправленiя правосудiя и пресѣченiя обвиняемымъ способовъ уклониться отъ суда. Подслѣдственные арестанты переполняютъ собою тюрьмы, по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, иногда по году и больше, ждутъ разбирательства дѣла и одно изъ двухъ: или сами развращаются въ обществѣ острожниковъ,

или развращают случайно попавшихъ въ него простыхъ людей. Подвергнутые предварительному заключенію не могутъ быть принуждаемы къ работамъ и вообще не подчинены всей строгости тюремной дисциплины; слѣдовательно, для нихъ время заключенія есть періодъ полного бездѣлья, разслабляющаго физически и нравственно, создающаго привычку отъ правильнаго труда. Пишущему это приходилось много разъ наблюдать, какъ добрый работникъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, возвращался домой ни къ чему негоднымъ человѣкомъ. Наконецъ, осужденные къ ссылкѣ по долгу ждутъ своей очереди отправки въ Сибирь, путешествуютъ изъ острога въ острогъ, прежде чѣмъ попадутъ въ партію, съ которою опять-таки по цѣлымъ мѣсяцамъ двигаются къ мѣсту ссылки. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ время тюремнаго заключенія, предшествующее тому или иному способу водворенія въ Сибири, ограничивается однимъ годомъ, и бывали случаи, что время это длилось два года и больше. Эти мѣсяцы и годы можно, по справедливости, назвать періодомъ страшной порчи, предшествующей предполагаемому исправленію порочныхъ и преступныхъ.

Всѣ старанія судебныхъ властей должны быть направлены къ сокращенію до возможнаго minimum'a случаевъ и времени предварительнаго заключенія подсѣдственныхъ; всѣ усилія власти, въ вѣдѣніе которой поступаютъ приговоренные судомъ, должны сосредоточиться на изысканіи способовъ сократить пребываніе въ тюрьмѣ ссыльныхъ и ускорить ихъ водвореніе въ мѣстахъ ссылки. Мы рѣшительно не видимъ необходимости собирать партіи ссылаемыхъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ для совмѣстной ихъ отправки, за исключеніемъ, конечно, присужденныхъ къ ссылкѣ на о. Сахалинъ, отправляемыхъ моремъ. При теперешнемъ развитіи путей сообщенія, ссылаемые могутъ быть отправляемы изъ ближайшаго желѣзно-дорожнаго пункта по нѣскольку человѣкъ, прихватывая попутно приговоренныхъ сосѣднихъ мѣстностей до сорока человѣкъ, т.-е. до пополненія вагона. Для установленія такого порядка требуется одно измѣненіе въ формѣ судебныхъ приговоровъ: въ нихъ не должно бы указывать мѣста ссылки обвиненнаго и надлежало бы опредѣлить только видъ наказанія, съ предоставленіемъ главному тюремному управленію распорядиться по его усмотрѣнію приведеніемъ въ исполненіе приговора по его точному смыслу. Этимъ устранялись бы многія неудобства теперешнихъ пересылочныхъ порядковъ, пагубно отзывающихся на здоровьѣ и нравственности ссыльныхъ. При томъ устройствѣ ссылки, о которомъ мы говорили, т.-е. при учрежденіи поселеній для ссыльныхъ разныхъ категорій въ пустыющихъ мѣстахъ Кавказа и Закавказья, съ Батумскимъ и Карскимъ округами, въ Туркестанѣ и въ Закаспійской области, на Кульджинской границѣ и въ иныхъ мѣстахъ, — тюремное управленіе получить возможность круглый годъ и тотчасъ по вступленіи приговора въ законную силу опорожнять мѣстныя тюрьмы отъ ссыльныхъ и направлять ссылаемыхъ малыми партіями по желѣзнымъ дорогамъ въ надлежащія поселенческія колоніи.

Въ программѣ международнаго пенитенціарнаго конгресса, созываемаго въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, о ссылкѣ едва упоминается только въ одномъ мѣстѣ. Въ параграфѣ 10, по второй секціи, сказано: «Если, въ цѣляхъ разработки пустопорожнихъ мѣстъ или въ видахъ колонизаціи, будетъ устроена тюрьма въ мѣстности, подлежащей разработкѣ, то слѣдуетъ ли въ такой тюрьмѣ установить специальный порядокъ, отличный отъ порядковъ, принятыхъ въ общихъ тюрьмахъ, и слѣдуетъ ли содержать заключенныхъ съ меньшею строгостью? Если бы такъ было постановлено, то, имѣя въ виду, что въ такія тюрьмы поступаютъ присужденные къ долгосрочному заключенію, не будетъ ли признано цѣлесообразнымъ установить для такихъ заключенныхъ особый пенитенціарный порядокъ и подвергать ихъ временно строгому заключенію во внутреннихъ тюрьмахъ до отправки ихъ въ вышеуказанныя тюрьмы?» Вопросы эти предложены японскимъ правительствомъ. Изъ всего высказаннаго нами явствуетъ, что мы дали бы на второй вопросъ отвѣтъ безусловно отрицательный. Задающій такой вопросъ, очевидно, занять, прежде всего, мыслью, какъ бы потяжелѣе наказать, заставить почувствовать и выстрадать въ тяжелой мѣрѣ возмездіе за содѣянное. Наша мысль сосредоточивается на одномъ, какъ бы скорѣе и вѣрнѣе предоставить виновному возможность нравственно возродиться и стать добрымъ человѣкомъ и гражданиномъ. Стремящійся карать, и только карать, видитъ въ нарушителѣ закона врага и злодѣя; мы же видимъ въ немъ, прежде всего, несчастнаго, заблудившагося на жизненномъ пути, неразумнаго или испорченнаго. Такой несчастный не самопроизвольно является въ нашемъ обществѣ за тѣмъ только, чтобы нарушать его спокойствіе, онъ есть продуктъ этого самаго общества, и не одинъ онъ виноватъ въ содѣянномъ имъ правонарушеніи. Часть его вины лежитъ на томъ обществѣ, въ которомъ онъ не нашелъ достаточной охраны противъ неразумія, заблужденія и пороковъ. Старая пословица гласитъ: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знаешься, я скажу—каковъ ты». Въ этому мы добавимъ, что напрасно люди воображаютъ, будто есть возможность приискать степень или видъ наказанія, соответствующаго въ правильной и точной мѣрѣ содѣянному проступку или преступленію. Это—величайшее заблужденіе, ибо никакой такой мѣры нѣтъ и быть ея не можетъ, тогда какъ средства исправленія есть, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы найти надлежащую въ практикѣ ихъ норму и осуществлять ихъ разумно и гуманно, выработывая ихъ на основаніи опыта, знанія и любви къ ближнему, впадшему въ заблужденіе и въ пороки. Мы этимъ не отрицаемъ права государства карать преступника тѣмъ или инымъ способомъ, тѣми или иными установленными закономъ наказаніями,—отнюдь нѣтъ. И право такое мы признаемъ, и обязанность государства ограждать спокойствіе общества всѣми средствами, какими располагаетъ власть. Мы признаемъ и необходимость уголовныхъ наказаній, но въ такой лишь мѣрѣ, въ какой они могутъ вызвать въ караемомъ чувство раскаянія и слѣдующую за нимъ, изъ него истекающую, готовность исправиться. То и другое имѣетъ сво-

имъ источникомъ только свободную волю человѣка и не можетъ быть плодомъ насилія; то и другое, чтобы быть искреннимъ и плодотворнымъ, должно явиться результатомъ самодѣтельности, направляемой и сдерживаемой въ опредѣленныхъ границахъ, подобно тому, какъ должно быть направляемо и сдерживаемо всякое воспитаніе. И вотъ, насколько для насъ немислимо воспитаніе въ неволѣ, а тѣмъ паче—въ одиночной неволѣ, настолько же неправдоподобно перевоспитаніе порочныхъ и преступныхъ въ плотно замкнутыхъ стѣнахъ тюрьмы—«мертвого дома».

Возвращаясь къ первому вопросу, предложенному Японіей, мы полагаемъ, что въ мѣстахъ ссылки должны быть устроены особые помѣщенія для отбывающихъ принудительныя работы, но помѣщенія не специально тюремнаго характера, а промежуточнаго типа, средняго между тюрьмою и казармою, скорѣе съ военною дисциплиною, чѣмъ съ острожною, съ работами непременно на волѣ, артелью и по урокамъ, съ постепеннымъ переходомъ къ полному освобожденію не только соответственно постановленнаго срока, но и по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, имѣющаго право сокращать и удлинять эти сроки, сообразно съ поведеніемъ отбывающихъ наказаніе. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣстно было бы «условное освобожденіе», обязательно долженствующее предшествовать полному освобожденію, съ предоставленіемъ административной власти права лишать предоставленной свободы за проступки и даже за неодобрительное поведеніе тѣхъ, кто не вышелъ еще на положеніе колониста. Само собою разумѣется, что право отлучки ссылныхъ изъ поселенческихъ колоній должно быть ограничено и строго регулируемо сроками и усмотрѣніемъ властей, вѣдающихъ штрафныя поселенія.

М. Ремезовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Житейская мудрость Шекспира.

(Статья проф. Эдуарда Даудена изъ „The Fortnightly Review“).

Когда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Шекспира, ему воздвигнули памятникъ въ приходской церкви Стратфорда, подъ бюстомъ были вырѣзаны двѣ строки изъ латинскаго элегическаго стихотворенія, посвященнаго умершему. «Опѣ, навѣрное, были начертаны, — говоритъ м-ръ Halliwell-Phillips, — съ полнаго согласія его старшей дочери, соорудившей, по преданію, этотъ памятникъ исключительно на свои средства». Какую похвалу считали родственники Шекспира наиболѣе подходящей для него? Какъ должны были, по ихъ мнѣнію, вспоминать о немъ его сограждане? Какъ о поэтѣ? Да, но поэтъ занимаетъ здѣсь не первое и не второе мѣсто: *Arte Maronem*, — гласитъ надпись, — не слишкомъ-то удачное сравненіе — «въ искусствѣ Виргилій»? Но, прежде чѣмъ придти къ Виргилію, она инымъ образомъ прославляетъ Шекспира: *Iudicio Pylium, Genio Socratem* — по разсудительности Несторъ, по генію Сократъ. Сначала его ставятъ на ряду съ мудрымъ руководителемъ людей, къ которому имѣлъ привычку обращаться во всѣхъ затрудненіяхъ вождь троянскаго похода и который былъ главою трехъ поколѣній, такъ что его совѣты и предписанія стали подъ конецъ уподоблять внушеніямъ безсмертныхъ боговъ — «по разсудительности Несторъ»; а затѣмъ его сравниваютъ съ мудрѣйшимъ изъ пытливыхъ умовъ Греціи, съ Сократомъ, относительно котораго мы находимъ у его ученика Платона слѣдующія слова: «Я никогда не подумалъ бы, что встрѣчусь съ человѣкомъ, подобнымъ ему по мудрости и терпѣнію». Развѣ не значить это, что стратфордскіе сосѣди Шекспира, среди которыхъ онъ жилъ, говорилъ и дѣйствовалъ, и передъ глазами которыхъ долженъ былъ возвышаться этотъ памятникъ, признали въ творцѣ *Короля Лира* и *Бури* человѣка, одареннаго необычайнымъ здравымъ смысломъ и трезвымъ разсудкомъ — прежде всего другаго, человѣка мудраго? Отрывая взоръ отъ надписи и поднимая его къ бюсту, мы утверждаемся въ этомъ впечатлѣніи, благодаря еще слѣдующему доказательству: мы видимъ предъ собою могучую голову съ широкимъ и высокимъ лбомъ, какія мы встрѣчаемъ порою въ жизни и всегда связываемъ съ представленіемъ о мудрости, гениальности и громадномъ, но спокойномъ дарованіи, въ которыхъ все сво-

бодно размѣщается, которыя заключаютъ въ себѣ такое множество предметовъ, что каждый изъ нихъ уравнивается другимъ, и никакая отдѣльная мысль или наклонность не можетъ сдѣлаться порывистой, чрезвычайной или рѣзкой.

Для насъ такой человекъ необходимо долженъ явиться руководителемъ въ жизненномъ пути, хотя мы знаемъ, какъ нашему утѣшенію, что онъ никогда не стремится поучать чему-либо. Это мы, болѣе мелкіе люди, разъ что намъ удалось уловить какіе-нибудь ключки истины изъ великаго итога вещей, тотчасъ же торопимся навязать ближнимъ наше неважное ученіе. Но самые великіе люди видятъ необъятное зрѣлище жизни и, по мѣрѣ того, какъ они наблюдаютъ это зрѣлище, оно ихъ успокоиваетъ и удовлетворяетъ, и они вовсе не думаютъ учить или проповѣдывать, а только говорятъ то, что они видѣли.

Однакожъ, вѣрно, какъ объявилъ это Вордсвортъ, что всякій великій поэтъ есть наставникъ, и тотъ, кто болѣе всѣхъ другихъ почерпаетъ изъ жизни и изъ природы, есть величайшій изъ подобныхъ наставниковъ. Всякій выдающійся поэтъ есть учитель въ смыслѣ образованія характера; онъ обучаетъ своего питомца тому или другому способу смотрѣть на вещи, и, быть можетъ, нѣтъ лучшаго средства оцѣнить здравость, силу и широту ума великаго писателя, какъ прослѣдить складъ характера, вырабатывающійся подъ его влияніемъ. Мы могли бы, пожалуй, вывести наши предположенія о житейской мудрости Шекспира изъ различныхъ афоризмовъ на ту или другую тему, выбранныхъ изъ его твореній, но относительно драматическаго писателя такая попытка затруднительна и врядъ ли законна. Выгоднѣе будетъ поставить вопросъ: какого рода ученикъ вырабатывается учителемъ? Ибо отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ включать въ себѣ не только результаты содержанія его ученія, но и результаты, быть можетъ, болѣе важныя, его методовъ. Мы знаемъ типъ характера, склонный образоваться подъ влияніемъ Данта: типъ человека глубокаго, съ сильно натянутыми струнами души, одареннаго проникательнымъ духовнымъ зрѣніемъ, суроваго, но обладающаго источниками безпредѣльной нѣжности, бьющей ключомъ изъ камня; его чресла всегда препоясаны, и свѣтильникъ его горитъ неугасимо. Мы знаемъ типъ человека, образующійся въ общеніи съ гениемъ Мильтона: это—характеръ, почерпающій свою твердость въ восторженной покорности великому Вершителю человѣческихъ судебъ, то воспаряющій къ небу на крыльяхъ стремленія, то остающійся на землѣ вооруженнымъ бойцомъ за дѣло Божіе противъ всѣхъ силъ міра, противъ плоти и дьявола. Въ наши дни обоготвореніе Шелли достигло своихъ крайнихъ предѣловъ; но влияніе Шелли на образованіе характера, поскольку его можно отдѣлить отъ немногихъ руководящихъ идей, составляющихъ общее достояніе этого революціоннаго вѣка, было неопредѣленно и неуловимо, какъ дѣйствіе музыки. Пища хамелеона—свѣтъ и воздухъ *); корен-

*) См. стихотвореніе Шелли *An Exhortation (Утѣшаніе)*, гдѣ проводится параллель между постомъ и хамелеономъ. *Прим. перес.*

ные зубы человека указывают на необходимость болѣе существеннаго питанія; намъ требуются даже кремнистыя частицы для образованія костей, и юноша, который сталъ бы питаться одною только поэзій Шелли (какъ ни достойна она удивленія въ качествѣ аксессуара), пожалуй, выказалъ бы въ скоромъ времени признаки умственнаго или нравственнаго рахитизма. Въ концѣ-концовъ, послѣдователь Вордсворта занимаетъ болѣе выгодное положеніе сравнительно съ питомцами другихъ учителей. Мечтательный свѣтъ поэзій Вордсворта не скрытъ отъ насъ облаками: онъ переливается на скалахъ и утесахъ, а когда свѣтъ погасаетъ, какъ это случилось съ самимъ Вордсвортомъ въ серединѣ его жизненнаго поприща, тогда остается нѣчто существенное и почтенное—почтенный гранитъ, замѣтный на лицѣ Вордсворта—пѣвца долины, когда исчезаетъ Вордсвортъ—мистикъ. Подъ настроеніемъ созерцательнаго энтузіазма у послѣдователя Вордсворта пролегалъ прочная основа характера. Однако, подобно своему учителю, чистый и простодушный питомецъ Вордсворта слишкомъ долго пребываетъ на вершинахъ холмовъ и въ одной и той же зеленой долинѣ; его собственный кругъ мыслей и чувствъ слишкомъ удовлетворяетъ его. Загнанный въ идеалъ, онъ усваиваетъ себѣ нѣкоторыя стороны островнаго нрава, его упорство и ограниченность, его величественную нетерпимость.

„Intent on high designs, a thoughtful band“...

«Отдавшись высокимъ дѣлямъ, вдумчивою толпой» проходить «властелиныи человѣческаго рода» въ поэмѣ Гольдсмита. Быть можетъ, какъ и эти сыны Британіи въ *Путешественникѣ*, кланъ Вордсворта стоитъ выше всѣхъ другихъ группъ современнаго человѣчества. Онъ несомнѣнно представляетъ вдумчивую толпу, и толпу, отдавшуюся высокимъ дѣлямъ. Но, какъ и сыны Британіи, эти люди нерѣдко вращаются въ удивительно пассивной средѣ и не могутъ не дать почувствовать своего превосходства уроженцамъ другихъ странъ—

„Gay sprightly lands of innocence and ease“

(Свѣтлыхъ, веселыхъ странъ невинности и покоя).

И со всѣмъ тѣмъ высшая мудрость отпрямляется на поиски жизненныхъ случайностей съ бодрою, смѣлою веселостью, которая есть, въ сущности, серьезность. Легко можетъ наступить такое время, когда вордсвортовскія долины и вершины уже не будутъ удовлетворять нашего духа, когда намъ захочется смѣло пуститься вдаль, когда нами овладѣетъ непреодолимое желаніе увидѣть міръ, скрывающійся за холмами, когда въ душѣ нашей изсякнетъ та сила страстнаго созерцанія, которая дѣлаетъ все предметомъ тихаго, но пламеннаго восторга, когда мы почувствуемъ необходимость обратить свои мысли къ дѣйствительности и дѣятельности, увидѣть множество незнакомыхъ лицъ мужскихъ и женскихъ и ощутить на себѣ мировую волну. Если на насъ найдетъ такое настроеніе, мы уже не будемъ въ состояніи наслаждаться безмятежно нашею нагорною равниною и, попрежнему, собирать съ нея жатву; странное недовольство отравитъ все наше блаженство, и

тогда будетъ всего лучше и благоразумнѣе ввалить на плечи котомку, бросить прощальный взглядъ на холмы, озаренные утреннимъ солнцемъ, и пойти бродить по бѣлому свѣту, чтобы изслѣдовать незнакомыя страны, увидѣть далекія моря и рѣки.

Шекспиръ переноситъ насъ въ этотъ міръ, на широкіе жизненные пути. Другіе поэты удовлетворяютъ насъ на время, или удовлетворяютъ одну какую-нибудь сторону нашей природы, или же какую-нибудь отдѣльную группу людей, но онъ дѣйствуетъ благодетельно на всѣ возрасты и на всякаго человѣка; мы всегда можемъ согрѣвать свою душу свѣтомъ его зрѣющей мудрости и пламенемъ его благороднаго сердца. «О широтѣ сферы, обнимаемой Шекспиромъ, — говоритъ м-ръ Рёскинъ (Ruskin), — я скажу только то, что мѣра интеллектуальности каждаго рожденнаго послѣ него человѣка въ области творческой мысли можетъ быть опредѣлена соответственно той степени, въ какой онъ воспринялъ ученіе Шекспира». Пожалуй, это черезчуръ смѣлый полетъ фантазіи, но можно утверждать съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ и согласно съ самою трезвою истиной, что изъ всѣхъ вліаній, протекающихъ изъ новой литературы, вліаніе Шекспира наиболѣе здоровое и наиболѣе могущественное въ смыслѣ образованія характера. Это объясняется тѣмъ, что оно оказывается одинаково широко, глубоко и высоко. Оно не дѣлаетъ человѣчскій умъ сильнымъ или глубокимъ, но узкимъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дѣлаетъ его широкимъ, но поверхностнымъ, и, помогая ему тверже и увѣреннѣе овладѣвать фактами простой земной дѣятельности, оно не задерживаетъ тѣхъ мыслей, которыя возносятся на высочайшія вершины человѣческихъ стремленій.

Теперь спрашивается, какой складъ придастъ Шекспиръ человѣку, починавшемуся его вліанію? Во-первыхъ, онъ удалитъ своего питомца отъ всякихъ доктринерныхъ теорій жизни, отъ всякихъ тонкихъ абстракцій ума, отъ всякой нѣги замкнутаго въ себѣ воображенія, отъ всякой чистосозерцательной мудрости и направитъ его къ міру человѣческой дѣятельности, характера и страсти. Онъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой писатель, помогаетъ намъ сдѣлаться реальными и войти въ плодотворныя сношенія съ нашими ближними. Его драматическій методъ, принуждающій насъ ежеминутно измѣнять нашу точку зрѣнія и, тѣмъ не менѣе, утверждающій насъ въ неуклонномъ исканіи нравственной истины, противоположенъ тому догматическому настроенію, съ какимъ многіе люди подступаютъ къ жизни, и приучаетъ насъ схватывать быстро, легко и безошибочно относительный видъ предметовъ и относительную силу чувствъ, тогда какъ иначе мы могли бы или совершенно отрицать ихъ, или же принимать какъ нѣчто безусловное и рѣшительное. Онъ показываетъ намъ, какой неисчерпаемый интересъ представляетъ жизнь человѣческая, и, хотя онъ не ставитъ себѣ цѣлью разгадать ея тайну, все же онъ сообщаетъ намъ то бодрое настроеніе, въ которомъ мы можемъ примириться съ непостижимыми для насъ вещами. Онъ высылаетъ насъ на борьбу съ міромъ, обѣщая намъ въ награду его любовь и смѣхъ, его тоску и слезы. Не всякій выдающійся поэтъ

способенъ такъ воодушевлять насъ. Вордсворту жизнь кажется интересной не столько сама по себѣ, сколько потому, что она даетъ матеріалъ для тихаго, хотя и пламеннаго созерцанія, характеризующаго складъ его души. Сказать о Вордсвортѣ, что для него имѣла значеніе лишь внѣшняя природа, было бы, конечно, совсѣмъ невѣрно; человѣкъ имѣлъ для него глубокое значеніе, но и природу, и человѣка онъ представляетъ читателю лишь послѣ того, какъ они прошли чрезъ извѣстные вордсвортовскіе процессы чувства. Онъ не вводитъ насъ въ прямое соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью, онъ только сообщаетъ намъ свой своеобразный методъ созерцать какъ внѣшнюю природу, такъ и человѣческое сердце. И если таково влияніе на насъ Вордсворта, то Китсъ и Шелли еще меньше погружаютъ насъ въ міръ реальный, еще меньше способствуютъ тому, чтобы каждый изъ насъ сдѣлался испытаннымъ гражданиномъ человѣчества. Одинъ приковываетъ наши взоры къ идеалу красоты, такъ что мы изнемогаемъ отъ желанія, подобно Эндимиону, влюбленному въ луну, и она посѣщаетъ насъ лишь въ нашихъ сновидѣніяхъ. Другой заставляетъ наши нервы трепетать какъ бы отъ звуковъ музыки и умолкаетъ, вызвавъ въ насъ безпредѣльное возбужденіе ожиданія или сожалѣнія; или же онъ является передъ нами поборникомъ какихъ-нибудь отвлеченныхъ доктринъ и старается превратить каждаго изъ насъ въ миссіонера идей революціи. Но Шекспиръ прямо заинтересовываетъ насъ мужчинами и женщинами, кто бы и каковы бы они ни были, и заинтересовываетъ насъ преимущественно тѣмъ, что есть самаго глубокаго въ мужчинахъ и женщинахъ,—игрою ихъ страстей и сокровенными свойствами ихъ души. Мы приобретаемъ отъ него привычку изучать каждаго изъ нашихъ ближнихъ изъ первыхъ рукъ и самостоятельно и думать гораздо меньше объ ихъ вѣрованіяхъ и мнѣніяхъ, нежели объ ихъ темпераментѣ и жизненной физиологіи ихъ страстей. Мы начинаемъ разсматривать многія проблемы человѣческаго существованія не какъ неразрѣшимыя загадки логики, а какъ вопросы моральной химіи. Мы имѣли случай наблюдать тысячу опытовъ и можемъ безошибочно сказать впередъ, что станетъ съ тою или другою группой чувствъ, если прибавить въ реторту или въ тигель тотъ или другой реактивъ. И такимъ образомъ мы все больше и больше посвящаемся въ искусство жизни.

Мы могли бы назвать Шекспира, придерживаясь фразеологіи современной критики, реалистомъ; но, къ несчастью, подъ этимъ неправильно употребляемымъ словомъ «реализмъ» подразумѣвается въ настоящую минуту школа писателей, стремящихся, повидимому, увѣрить насъ въ томъ, что реальное равнозначительно съ грубымъ и низкимъ. Не таково было, конечно, убѣжденіе Шекспира. Онъ изучалъ дѣйствительныя явленія человѣческой жизни и человѣческаго характера не въ парижскихъ сточныхъ трубахъ, не при свѣтѣ закоптыхъ фонарей, не въ грязныхъ закоулкахъ, не въ разливающимъ отраву кабакахъ и не въ жилищѣ разврата, хотя ради намѣченной цѣли воображеніе Шекспира могло посѣщать и подобныя мѣста, какъ мы это видимъ въ *Миръ за мру*; онъ изучалъ ихъ не здѣсь, а на про-

тяженіи многихъ вѣковъ, во множествѣ странъ и въ своемъ собственномъ великомъ сердцѣ: въ венеціанскихъ дворцахъ, въ озаренномъ луною Бельмонтскомъ саду, въ бальной залѣ и среди могилъ Вероны, въ римскомъ Капитоліи, на аѳинскомъ взморьѣ, среди египетскихъ памятниковъ, на Эльзинорской террасѣ, въ дной стѣнѣ близъ Форреса, на берегу Темзы и на улицахъ Виндзора, среди сторожевыхъ огней при Азенкурѣ, съ Автолкомъ на сельской пирушкѣ и на волшебномъ островѣ Просперо. И, изучивъ жизнь во всемъ ея разнообразіи, изслѣдовавъ всѣ тайные изгибы ея и изборожденные вертепами пропасти, изучивъ ее такъ, какъ никто никогда не изучалъ ея, Шекспиръ возвращается къ намъ съ отчетомъ о человѣческой природѣ, — отчетомъ, повѣствующимъ, это правда, о мрачныхъ явленіяхъ, но, въ концѣ-концовъ, все же поощряющимъ насъ усвоить себѣ свѣтлый взглядъ на Божія созданія, на мужчину и женщину. Если въ мірѣ есть жестокосердая Гонерилья, то въ немъ есть и Корделія. Если Яго питается прахомъ и жалитъ, если Макбетъ обогрѣваетъ свои руки кровью, то королева Екатерина стоитъ передъ своими судьями съ достоинствомъ непорочной души, и Пердита бѣгаетъ по зеленой муравѣ въ своей дѣвической невинности и веселости или же срываетъ въ своемъ садикѣ цвѣты для пастушескаго праздника, уподобляясь сама туземному цвѣтку. Такой реализмъ отстоятъ на цѣлое полушаріе отъ преднамѣренной грубости, завладѣвшей въ настоящее время его именемъ.

Одна изъ причинъ этого различія заключается въ слѣдующемъ: Шекспиръ былъ реалистъ, но его страсти и его воображеніе постоянно склоняли его сдѣлаться идеалистомъ, и онъ спасался отъ этого только своимъ твердымъ рѣшеніемъ видѣть вещи, какъ онѣ есть, примѣчать всѣ факты и разсматривать каждый фактъ со всѣхъ его сторонъ. Единственный автобиографическій отрывокъ, оставленный намъ Шекспиромъ, его *Сонеты*, изображаетъ намъ его человѣкомъ, отдающимся безразсудной и безумной привязанности, которая въ теченіе нѣкотораго времени заставляетъ его закрывать глаза на темныя стороны въ характерѣ его друга и на тяжкія заблужденія въ его поступкахъ. Когда же становится невозможнымъ отрицать долге эти недостатки и заблужденія, Шекспиръ все еще колеблется между необходимостью признать жестокіе факты и желаніемъ очистить ихъ своею идеализаціей. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отчужденія и страданія въ душѣ его снова водворяется спокойствіе и радость, хотя и восторженно встрѣчающая возрожденіе любви, но не лишенная, тѣмъ не менѣе, зрѣлости и трезвости, такъ какъ горе минувшаго времени онъ принимаетъ теперь на ряду съ его счастіемъ, такъ какъ онъ отрѣшился отъ всякихъ тщетныхъ надеждъ и обманчивыхъ мечтаній, такъ какъ погибшая было любовь его, если и не можетъ больше возноситься къ облакамъ, то опирается теперь на болѣе твердыя и прочныя основанія. *Сонеты* служатъ для насъ протоколомъ ошибокъ идеалиста по отношенію къ дружбѣ и окончательнаго исправленія этихъ ошибокъ, и мы не можемъ сомнѣваться въ

омъ, что, когда Шекспиръ писалъ эти *Сонеты*, взоръ его былъ устремленъ къ его собственное сердце.

Въ своихъ пьесахъ онъ смотритъ на идеалиста и его заблужденія съ нѣжностью кротости и строгости, съ тѣми же чувствами, съ какими онъ могъ бы относиться къ собственному прошлому, вспоминая съ нѣжностью о своихъ слабостяхъ, тѣмъ болѣе, что ему удалось одержать верхъ надъ ними. Эта кротость походитъ на мягкое чувство Сервантеса къ его Донъ-Кихоту. Нѣтъ числа заблужденіямъ этого доблестнаго рыцаря и, чтобы видѣть ихъ, стоитъ только обладать здравымъ разсудкомъ Санхо-Панса, но самая подверженность такимъ героическимъ иллюзіямъ предполагаетъ величіе души, о какомъ честный Санхо—смиранный реалистъ, обезпеченный отъ всѣхъ опасностей идеализма—можетъ имѣть лишь смутное представленіе. Сражаться съ вѣтранными мельницами, принимая ихъ за великановъ, это, конечно, злополучная ошибка, но быть до такой степени лишеннымъ мужества, чтобъ оказаться неспособнымъ вступить въ борьбу съ какими бы то ни было зломъ, значить быть еще глубже зараженнымъ заблужденіями и иллюзіями. Шекспиръ въ двухъ своихъ пьесахъ анализируетъ идеалистовъ: въ одной—римлянина Брута, горящаго любовью къ добродѣтели и возвышающаго въ своей фантазіи какъ друзей, такъ и враговъ до собственного уровня; въ другой—афинянина Тимона, который впадаетъ въ бѣшенство, увидѣвъ порогъ и постигнувъ его значеніе, и избираетъ для своей эпитафіи слѣдующія слова: «Здѣсь покоюсь я—я, Тимонъ, ненавидѣвшій при жизни все живое» *). И какъ Брута, такъ и Тимона Шекспиръ судитъ самымъ безпристрастнымъ образомъ, хотя онъ проявляетъ къ нимъ и нѣжность въ своемъ правосудіи. Идеализмъ стоика Брута, однакожъ, благороднѣе распущенности афинскаго расточителя; поэтому ему не приходится испытывать жестокихъ переворотовъ чувства, поэтому онъ можетъ воскликнуть въ моментъ своей самовольной смерти:

«Отрадно моему сердцу, сограждане, что въ цѣлую жизнь я не встрѣтилъ ни одного невѣрнаго мнѣ человѣка» **).

А, между тѣмъ, битва проиграна, и вмѣстѣ съ нею проиграно и то, что онъ считаетъ дѣломъ свободы, и все это, благодаря его неспособности сразу воспринимать и усваивать себѣ мировые факты. Шекспиръ суровъ къ Бруту, когда заставляетъ его переживать одно разочарованіе за другимъ, но онъ столь же нѣженъ, какъ и суровъ къ нему, и побуждаетъ насъ раньше присоединиться къ *похвальному слову*, произносимому Антоніемъ надъ умершимъ Брутомъ:

«Изъ всѣхъ заговорщиковъ онъ былъ благороднѣйшій» ***).

Въ такомъ, слѣдовательно, смыслѣ Шекспиръ—«реалистъ». Онъ властвуетъ надъ жизненными фактами, а къ тому, что мы называемъ фактами, должны быть отнесены не только тѣ явленія, которыя выступаютъ

*) *Тимонъ Афинскій*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе пятое, сцена 5-я.

**) *Юлій Цезарь*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе пятое, сцена 5-я.

***) *Юлій Цезарь*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе пятое, сцена 5-я.

передъ нами осязательными массаами, но и самыя неуловимыя чувства и мечты. Тѣни, скользящія по волнуемому полю пшеницы, точно такіе же факты ландшафта въ извѣстный моментъ, какъ и самая ширина нивы. Наиболѣе важная услуга, какую можетъ оказать намъ нощь, состоитъ въ усиленіи нашей воспріимчивости къ тончайшимъ и неуловимѣйшимъ явленіямъ жизни. Соотвѣтственно нашему усвоенію и признанію дѣйствительныхъ фактовъ міра, должна возрастать и трезвость и сила нашего ума, если только нашъ реализмъ будетъ крупнаго разбора, если онъ будетъ равно признавать и грубое, и прекрасное, и то, что низко, и что чисто, лучезарно, героично, священно. Но, для воспріянія болѣе тонкихъ явленій характера и страсти и игры социальныхъ силъ, намъ необходимо имѣть даръ воображенія, приученный къ открытію истины. Нѣтъ человѣка, который подчинился бы вліянію Шекспира и у котораго не расширилась и не изоцрилась бы сила фантазіи, а неизбѣжнымъ результатомъ этого оказывается въ болѣе или меньшей степени способность видѣть множество разнородныхъ предметовъ и видѣть каждый предметъ со многихъ сторонъ.

Но тотъ, кто пребываетъ въ тѣсныхъ и плодотворныхъ сношеніяхъ съ фактами жизни, непремѣнно приобретаетъ и нѣкоторую снисходительность, и нѣкоторую строгость. И таковъ складъ характера у Шекспира. Его строгость есть строгость благодѣтельная, не исключающая благодушія, но она для него обязательна, ибо онъ знаетъ, что жизнь есть то, что есть, и будетъ тѣмъ, чѣмъ будетъ; нечего прибѣгать къ отговоркамъ и увѣреніямъ: утесъ остается утесомъ, и даже паръ есть паръ и долженъ быть принятъ въ расчетъ при нашихъ вычисленіяхъ. Надо обладать здоровыми, крѣпкими фибрами, чтобы принудить себя видѣть жизнь, какъ она есть. «Неосновательныя мнѣнія, обольстительныя надежды, ложныя оцѣнки», о которыхъ говоритъ Бэконъ въ своемъ *Опытѣ*, такъ привлекательны. Приверженность Шекспира къ дѣйствительности избавляетъ его отъ склонности къ пустымъ словамъ, ибо настоящая, дѣйствительная жизнь требуетъ глубокаго сердца, избавляетъ его отъ той формы поддѣльнаго волненія, которую мы называемъ сентиментальностью, и отъ слабой формы воображенія, которую мы называемъ романтичностью, она предохраняетъ его отъ увлеченія блестящими идеями и ложною философій (увлеченія, до нѣкоторой степени проглядывающаго у Шелли) и указываетъ ему на необходимость умѣренности и сдержанности. «*Романтичность*, — было вѣрно замѣчено, — есть неизмѣнный признакъ слабаго воображенія, тѣмъ болѣе, что она совершенно отдѣляетъ реальное отъ идеальнаго и держитъ ихъ въ сторонѣ другъ отъ друга, словно два міра, которые должны наполняться поочередно, — міръ земной, сумрачный, и міръ божественный, лучезарный»^{*)}). Но Шекспиръ владѣетъ искусствомъ открывать божественное въ человѣческомъ и идеальное въ реальномъ. Вслѣдствіе этого, его энтузіазмъ, когда онъ поднимается до энтузіазма, отличается непоколебимою твердостью, проистегающею изъ того факта,

^{*)} Джемсъ Мартино: „Miscellanies“. Востокъ, 1852 г., стр. 227.

что онъ не сотканъ изъ сновидѣній, но опирается на истинныя силы все-ленной, ими вдохновляется и подкрѣпляется. Что касается сантиментальнаго умиленія съ его риторическими способами выраженія, слабого напыва поддѣльной страсти, то Шекспиръ изучалъ его съ интересомъ и даже съ симпатіей и разъ навсегда осудилъ его въ лицѣ своего царственного сантименталиста и ритора, короля Ричарда II.

И такъ, Шекспиръ осуждаетъ отсутствіе реальности въ чувствѣ и рѣчи и высоко цѣнитъ умѣренность и сдержанность. Когда кто-нибудь изъ насъ овладѣетъ какою-либо истиной, имѣющею въ его глазахъ существенную важность, какъ спѣшить онъ провозгласить ее на кровляхъ! Шекспиръ, въ силу того, что онъ истинный драматикъ, вовсе не думаетъ проповѣдывать подобную истину, какъ доктрину, но вновь повергаетъ ее въ жизнь и выставляетъ ее въ дѣйствіи, какъ одинъ изъ многихъ жизненныхъ фактовъ. Высшая дѣйствительность, о которой говорила ему жизнь, несомнѣнно заключалась не въ чемъ другомъ, какъ въ чистой, самоотверженной любви, въ радостной готовности мужчины или женщины испить сладко-горькую чашу полного самоотреченія ради любви. Если мученицей является въ подобномъ случаѣ женщина въ плѣнительномъ расцвѣтѣ жизни, юности и силы, если она облечена королевскимъ саномъ и твердыми шагами спускается со ступеней трона въ темницу, если она отказывается отъ счастья молодой супружеской любви, если жертва приносится ею ради человѣка, дни котораго почти сочтены и который жестоко обидѣлъ и оскорбилъ ее, и если—что всего печальнѣе—эта жертва принесена, повидимому, напрасно, такъ что нѣтъ у нея радости, которая освѣтила и смягчила бы ея скорбь и утрату, тогда будетъ представлено положеніе, исполненное такого трагическаго пафоса, какой только можно встрѣтить въ области драматической поэзіи. Это положеніе Шекспировской Корделии. Нѣкоторые критики недоумѣвали передъ тѣмъ страннымъ фактомъ, что здѣсь обречено на страданіе существо неповинное ни въ какомъ грѣхѣ, и старались открыть въ Корделии какое-нибудь преступленіе, за которое ее должно было постигнуть возмездіе карающаго правосудія. Они ссылаются на то, что въ отвѣтъ Корделии на требованіе любви со стороны ея отца, когда онъ отказывался отъ своего королевства, недоставало нѣжности. Но развѣ она была способна соперничать съ Гонерильей и Реганой въ увѣреніяхъ привязанности ради того, чтобы получить болѣе богатое приданое для своего мужа? Но развѣ вся пьеса не пронизана чистымъ сіяніемъ божественной нѣжности Корделии? Развѣ Кентъ не выступаетъ впередъ, чтобъ объявить истину:

„Я головой ручаюсь, дочь меньшая
Не меньше старшихъ предана тебѣ.
Вѣрь, не безъ сердца тотъ, чья рѣчь тиха,
Безъ словъ пустыхъ“ *)?

Развѣ тоска, угнетающая шута съ того времени, какъ его молодая госпожа уѣхала во Францію, не говоритъ намъ о любви Корделии, свѣтлившей,

*) *Король Лиръ*, въ перев. Дружинина. Дѣйствіе первое, сцена 1-я.

какъ солнце, и сильнымъ міра, и слабымъ? Развѣ мы можемъ забыть, съ какою покорностью и съ какою печалью, стараясь овладѣть своимъ гнѣвомъ, приняла она вѣсти объ обидахъ, нанесенныхъ ея отцу? Развѣ во всей поэзіи найдется сцена нѣжности, болѣе потрясающая по своей красотѣ, нежели сцена въ палаткѣ, когда Лиръ пробуждается отъ своего изступленія, слабый и еще полубезумный, и видитъ у своего изголовья оскорбленную имъ дочь? Но слова, окончательно оправдывающія отвѣтъ Корделіи отцу въ первой сценѣ, такъ какъ въ нихъ, при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, обнаруживается весь строй ея души,—это тѣ слова, которыя она произноситъ, когда сраженіе проиграно, когда она и отецъ ея оказываются плѣнниками Гонериллы и Реганы и она стоитъ рядомъ съ королемъ подъ стражей, ожидая торжественнаго входа сестеръ. Это какъ разъ такое положеніе, какое должно было бы вызвать у посредственнаго драматурга риторическую тираду морали, провозглашающую, что добродѣтель сама себѣ награда, и что чистая совѣсть въ темницѣ лучше злаго сердца на тронѣ. Но Шекспиръ не позволяетъ себѣ увлечься защитой добродѣтели; ничто не можетъ побѣдить его драматической сдержанности. Корделія, вѣрная себѣ, говоритъ лишь нѣсколько словъ, звучащихъ безмятежнымъ спокойствіемъ. Почему бы ей не потерпѣть неудачи и поражения? Она и на это рассчитывала, какъ на нѣчто возможное въ ходѣ событій:

„Не одни мы

Бѣдой постигнуты за честнымъ дѣломъ!
 Мнѣ горько за тебя, родитель бѣднѣй!
 Сама же я умѣю на бѣду
 Глядѣть съ презрѣніемъ. Намъ, быть можетъ, надо
 Увидѣть тѣхъ сестеръ и дочерей?“ *)

На что Лиръ, въ бурномъ, но бессильномъ порывѣ, раздражается патетическими фантазіями:

„Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! скорѣй уйдемъ въ темницу!
 Мы станемъ нѣтъ въ ней, будто птицы въ клеткѣ.
 Когда запросишь ты, чтобъ я тебя
 Благословилъ, я самъ, склонивъ колѣни,
 Прощенья буду у тебя просить!
 И такъ мы станемъ жить вдвоемъ и нѣтъ,
 Молиться, сказки сказывать другъ другу,
 Смѣяться надъ придворными и слушать
 Отъ нихъ рассказы о мірскихъ дѣлахъ“ **).

Лиръ, въ этомъ неудержимомъ потоцѣ льющихся черезъ край и на половину безсвязныхъ мечтаній, остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ всегда,—играліщемъ своихъ страстей, и не можетъ ни на минуту обуздать своего сердца.

«Шекспиръ, — говоритъ моралистъ восемнадцатаго столѣтія, Джон-

*) *Король Лиръ*, въ перев. *Дружинина*. Дѣйствіе пятое, сц. 3-я.

**) *Король Лиръ* въ перев. *Дружинина*. Дѣйствіе пятое, сцена 3-я.

сонъ,— допустилъ добродѣтельную Корделію погибнуть въ правомъ дѣлѣ, наперекоръ естественнымъ идеямъ справедливости, надеждамъ читателя и, что еще удивительнѣе, достовѣрности хроникъ». И онъ продолжаетъ выражать одобреніе измѣненію, внесенному въ пьесу Тэтомъ, у котораго героиня представлена въ концѣ драмы торжествующей и счастливой, и рассказываетъ, что въ молодые годы его самого такъ возмущала смерть Корделіи, что онъ не имѣлъ духа перечитать послѣднія сцены, пока не рѣшился просмотрѣть ихъ въ качествѣ издателя. Такъ неужели же Джонсонъ понималъ глубже, чѣмъ Шекспиръ, нравственный мировой порядокъ? Неужели нашъ мудрейшій поэтъ неправильно отнесся здѣсь къ глубочайшимъ фактамъ жизни? И неужели Нэгомъ Тэтъ (Nahum Tate), передѣлавшій его произведеніе, открылъ истинную развязку величайшей трагедіи міра? Нѣтъ, но Шекспиръ, такъ строго придерживающійся фактовъ, не станетъ отрицать ни испытанія, какому подвергается наша вѣра въ нравственный мировой порядокъ, ни этого самаго нравственнаго порядка, и отвращеніе, которое питалъ Джонсонъ къ послѣднимъ сценамъ пьесы, показываетъ, что, при всемъ своемъ замѣчательномъ здоровомъ смыслѣ, онъ не вполнѣ былъ чуждъ сентиментальности. Корделія умираетъ въ тюрьмѣ отъ задушенія. Такъ это награда за ея самоотверженную любовь? Нѣтъ, ибо самоотверженная любовь не награждается. Она совершаетъ свой подвигъ среди свѣта и радости, или среди мрака и скорби, но она никогда не ищетъ и никогда не можетъ получить награды. И мы должны имѣть въ виду, что, хотя Лиръ и Корделія лежатъ мертвые предъ нами, ея благородное предпріятіе не было бесплодно; эти бѣдныя человѣческія орудія вѣчнаго правосудія исполнили свою задачу и не нужны болѣе, но нечестивому правленію злыхъ сестеръ насталъ конецъ; дѣло справедливости торжествуетъ; изъ коварныхъ когтей столь безпощадныхъ въ своей силѣ Гонериллы и Реганы верховная власть теперь переходитъ въ вроткія руки герцога Альбанскаго.

Мировые законы добра, по увѣренію Шекспира, никогда не могутъ быть низвергнуты, какъ бы ни былъ дерзокъ посягающій на нихъ, и никогда не могутъ быть обойдены, какъ бы ни былъ лукавъ обманщикъ. Для руководства въ жизни ничто, конечно, не можетъ быть важнѣе этого убѣжденія, глубоко укоренившагося въ нашемъ сознаніи. «И сказалъ онъ челоуку: смотри, страхъ Господень—вотъ мудрость». Этотъ страхъ Господень Шекспиръ гораздо болѣе успѣшнымъ путемъ сообщаетъ тому впечатлѣнію, какое оставляютъ въ насъ его великія трагедіи, чѣмъ онъ могъ бы сдѣлать это неизмѣннымъ, быстрымъ и аккуратнымъ распредѣленіемъ въ пятомъ актѣ наградъ и наказаній между добрыми и злыми дѣйствующими лицами. Для него достаточно заручиться нашею непоколебимою любовью къ добродѣтели, гдѣ бы и какъ бы мы ни встрѣчались съ ней, и заставить насъ радоваться при видѣ ея, безъ всякаго отношенія къ тому, находитъ ли она въ этомъ мірѣ благоприятныя условія для своей дѣятельности, или наоборотъ. Мы могли бы назвать это принципомъ вѣры въ области этики

и здѣсь, во всякомъ случаѣ, мы спасаемся вѣрою. Невинные страдаютъ въ пьесахъ Шекспира, какъ и въ дѣйствительной жизни, но наши сердца отдають имъ всю свою симпатію. Кто изъ насъ не предпочелъ бы скорѣе быть Дунканомъ, плавающимъ въ своей крови, чѣмъ Макбетомъ на тронѣ? Кто изъ насъ не предпочелъ бы скорѣе невинно пострадать вмѣстѣ съ Дездемоной, чѣмъ радоваться совершенному злодѣйству вмѣстѣ съ Яго? Но Макбетъ, Яго, Эдмундъ, Ричардъ III, король Клавдій и другіе злодѣи въ пьесахъ Шекспира, въ концѣ-концовъ, вовсе не торжествуютъ. «Совѣсть-человѣчества отказывается вѣрить рѣшительной безнаказанности преступленія и думаетъ, что спасшійся преступникъ только дѣлаетъ обходъ, отдаляющій его отъ приговора *). Шекспиръ справедливо представляетъ здѣсь событія сокращенными въ пространствѣ времени. Хотя дѣйствительно и можетъ показаться, если судить съ чисто-внѣшней точки зрѣнія, что невинные и правые проигрываютъ въ жизненномъ состязаніи, однако, преступные никогда не могутъ остаться напоследокъ въ выигрышѣ. Болѣе низменные типы, процвѣтающіе въ данное время на нашъ взглядъ, вопреки нарушенію законовъ здоровья или духовныхъ законовъ внутренней жизни, неизбѣжно должны навлечь на себя бесплодіе и вырожденіе. Праведные не устремили своихъ помысловъ на успѣхъ или благоденствіе въ этомъ мірѣ и не достигаютъ ихъ; драматическій поэтъ можетъ смѣло выставить этотъ фактъ, но они приобретаютъ нѣчто болѣе драгоцѣнное — чистую совѣсть и спокойную увѣренность, что все хорошо кончится для тѣхъ, кого поддерживаютъ вѣчные законы. Но люди преступные, ставившіе своею цѣлью внѣшній успѣхъ, — люди, попиравшіе божественные законы или надѣявшіеся обойти ихъ, являются передъ нами потерпѣвшими подѣ конецъ неудачу въ погонѣ за тѣмъ жалкимъ успѣхомъ, къ которому были устремлены ихъ вождѣлнія. «Видѣлъ я нечестивца превозносящагося... но я прошелъ мимо, и вотъ его не стало». Послѣдите повнимательнѣе за злодѣемъ, говоритъ Шекспиръ, и вы увидите, что его ноги непремѣнно должны запутаться въ сѣтяхъ, разставленныхъ для тѣхъ, кто борется противъ нравственнаго міроваго порядка. И какъ преступленіе, такъ и удовольствіе не можетъ уклониться отъ этихъ неумолимыхъ законовъ. На какой-нибудь часъ удовольствіе создаетъ порою золотой туманъ съ волшебными испареніями и чудными призраками, но это — преходящее великолѣпіе вечерней мглы при солнечномъ закатѣ, которое ночь однимъ ударомъ тяжелой булавы своей превращаетъ въ угрюмое безмолвіе. Вотъ что показываетъ намъ Шекспиръ въ своемъ *Антоніи и Клеопатрѣ*. Все сладострастное очарованіе Востока развертывается тутъ передъ нами, но изъ-за золота, ароматовъ и музыки, изъ-за воспламененныхъ любовью лицъ поднимаются грозные образы исполнителей, которыхъ не приняли въ расчетъ участники этой дивной трагедіи-фарса, — образы невозмутимыхъ законовъ отмщенія.

*) *Джеймсъ Мартино*: „A Study of Religion“, томъ II, стр. 46.

Но Шекспиръ, какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ его критиковъ, не имѣетъ «моральной доказательности», не имѣетъ «словообилія совѣсти»; онъ не старается выставить «болѣе совершенную нравственность, нежели та, какой насъ учать природа и Провидѣнiе». Онъ вкладываетъ свои моральныя плоскости и трескучія фразы въ уста такихъ людей, которымъ ничего не стоить произносить ихъ, потому что во всю свою жизнь они не нашли ни одного вѣрнаго выраженiя. Никто другой, какъ Полонiй, проповѣдуетъ:

«... Будь вѣренъ самому себѣ. И, слѣдственно, какъ дважды два—четыре, ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ» *).

И хотя эта мысль вызываетъ рукоплесканiя зрителей, ея драматическая сила кроется не столько въ ея нравственной правдѣ, сколько въ иронiи, приписывающей ее хитрому прислужнику успѣха. Никто другой, какъ по-творствующiй своимъ слабостямъ король, восклицаетъ послѣ того, какъ онъ пренебрегъ всѣми королевскими обязанностями и своею распущенностью подготовилъ себѣ паденiе:

«За Ричарда, на каждого человѣка, котораго Бодинброкъ принудитъ поднять злобную сталь противъ нашей золотой короны, Всевышнiй выставитъ по свѣтлому ангелу, а въ борьбѣ съ ангелами слабый смертный падетъ непремѣнно: небо вѣчный заступникъ праваго!» **).

Если Шекспиръ заставляетъ насъ любить добродѣтели, то онъ достигаетъ этого, воплощая ее въ лицѣ мужчины или женщины, а не вкладывая въ уста своего героя рядъ моральныхъ тирадъ. «Поэту лучше хранить про себя сознанiе добродѣтели, — пишетъ м-ръ Гудзонъ, — развѣ только если смыслъ и духъ ея безмолвно проникаютъ въ созданiя его руки и живутъ въ нихъ, представляя нижнее теченiе въ естественномъ ходѣ истины и красоты. Если гений и сердце его способны видѣть и изображать вещи именно такъ, какъ онѣ есть въ дѣйствительности, его нравственное ученiе не можетъ не быть полезно, и чѣмъ менѣе оно выставляется, какъ специальная цѣль, тѣмъ плодотворнѣе оно будетъ; но если, изъ какихъ-нибудь видовъ, какъ бы ни были они нравственны, онъ начнетъ изображать вещи не такъ, какъ онѣ есть въ дѣйствительности, его нравственное ученiе какъ разъ настолько же отдалится отъ своей цѣли; если же онъ вздумаетъ, какъ это дѣлали разные благонамѣренныя лица, пускать намъ пылъ въ глаза своею этическою мантией, тогда ему придется примириться съ тѣмъ фактомъ, что онъ будетъ для насъ нѣчто меньшее или нѣчто болѣе, чѣмъ поэтъ: мы еще станемъ, пожалуй, читать его изъ ошибочнаго чувства долга, но никогда не привлечетъ онъ насъ чистою любовью къ красотѣ и правдѣ». Добродѣтели дѣйствующихъ лицъ Шекспира, — продолжаетъ м-ръ Гудзонъ, — не придаютъ имъ ничего принужденнаго. Гораціо, Эдгаръ, Кентъ, Постумусъ не представляются намъ людьми, живущими въ

*) *Гамлетъ*, въ перев. *Кроненберга*. Дѣйствiе первое, сцена 3-я.

***) *Король Ричардъ Второй*, въ перев. *Кетчера*. Дѣйствiе третье, сцена 2-я.

погонѣ за добродѣтелью; въ ихъ словахъ и поступкахъ нѣтъ нравственной натяжки. Елена, Порція, Виола, Корделія, Гермiona, Миранда, Дездемона, Имоджена—до какой степени чужды онѣ въ своей добродѣтели какой бы то ни было натяжки!... Онѣ разсудительны, остроумны, игривы, причудливы, строгы, серьезны, страстны, практичны, мечтательны; самыя глубокія и прекрасныя мысли вылетаютъ изъ ихъ устъ, какъ вещи слишкомъ простыя и обычныя, чтобъ ихъ стѣдло выражать съ малѣйшею высокопарностью».

«Два главныхъ житейскихъ правила или урока,—говорить и-съ Кашъ,—преподанныхъ Джорджемъ Эліотомъ одной изъ ея молодыхъ пріятельницъ, были: во-первыхъ, *«Будьте точны»* и, во-вторыхъ, *«Милое дитя мое, великій урокъ жизни—это снисходительность»*. Эти правила, на которыя Джорджъ Эліотъ указывала въ пору полного расцвѣта своей мудрости, какъ на наиболѣе важныя для руководства въ жизни, преподаются Шекспиромъ щедро и обильно, хотя и косвенно, безъ доводовъ, по его собственному драматическому методу. Развѣ эта реальность, приверженность къ фактамъ, строгость и умѣренность, проявляемая имъ въ его твореніяхъ, не говорятъ иными словами *«Будьте точны»*? Признайте факты и законы жизни и не извращайте ничего, не блуждайте наугадъ въ пустотѣ или въ сумрачной странѣ мечтаній и блѣдныхъ отвлеченностей, считайте мужчинъ и женщинъ тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, не закрывая глазъ ни на зло, ни на добро. Но Шекспиръ говоритъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *«Будьте снисходительны»*. Ибо строгость Шекспира не такого рода, чтобы дѣлать его угрюмымъ. Онъ полонъ, въ одно и то же время, и глубочайшаго состраданія, и радостнаго смѣха. И въ этомъ онъ оказывается болѣе мудрымъ учителемъ жизни, чѣмъ Данте. Данте, дѣйствительно, отличается определенностью, строгостью, точностью. Онъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой наставникъ, говоритъ своему питомцу: *«Будь точенъ»*. И, при всей суровости Данте, изъ глубины его природы пробиваются наружу источники самаго чуднаго состраданія и нѣжности. Но хотя Данте и можетъ быть сострадательнымъ, все же онъ угрюмъ, и если онъ смѣется, то смѣхъ его скорѣе страшенъ, нежели веселъ и благодушенъ. Шекспиръ же, говорящій, какъ и Данте: *«Будь точенъ»*, и отличающійся такою же точностью и определенностью, какъ и Данте, говоритъ, вмѣстѣ съ тѣмъ: *«Будь снисходителенъ»* и самъ, въ одно и то же время, полонъ и глубочайшаго состраданія къ человѣческой скорби, и безмѣрнаго смѣха надъ возбуждающимъ смѣхъ зрѣлищемъ человѣческой жизни. Онъ готовится вступить въ міръ подобно молодому атлету, который находитъ сильное наслажденіе въ борьбѣ и напряженіи и который улыбается при всемъ томъ, что онъ дѣйствуетъ совершенно серьезно. Каждому изъ истинныхъ учениковъ своихъ Шекспиръ сообщаетъ долю этой радостной серьезности. Мы чувствуемъ, что жизнь, какъ онъ внушаетъ намъ смотрѣть на нее, полна безчисленныхъ возможностей добра. Въ такомъ мірѣ, конечно, стоить жить, и для того, чтобъ овладѣть его сокровищами: сокровищами любви, истины, красоты и радости,—намъ слѣдуетъ поработать бодро и усердно.

Трудно вообразить себя, какъ можно быть точнымъ въ смыслѣ Джорджа Элиота или Шекспира, не будучи снисходительнымъ. Ибо ихъ точность не есть точность педанта или догматиста, точность неподвижныхъ линій, а живая точность драматига, быстрый и безошибочный переходъ отъ одного пункта симпатіи къ другому. Половина міровой нетерпимости и несправедливости проистекаетъ отъ неспособности схватывать или, по крайней мѣрѣ, уяснять себя иные типы характера, нежели нашъ собственный, и наслаждаться ими, отъ неспособности постигать скоро и точно складъ ума и душевный строй нашихъ ближнихъ. Если зрѣлице разнообразной жизни, которая окружаетъ насъ, доставляетъ намъ глубокое наслажденіе, мы врядъ ли можемъ быть нетерпимы; но для того, чтобъ получить такое наслажденіе, мы должны вѣрно воспринимать ощущенія и должны правильно истолковывать видимые факты. Наше воображеніе учитъ насъ играть тысячу ролей въ драмѣ человѣческаго существованія, учитъ насъ даже наблюдать съ драматическимъ интересомъ за движеніями нашего собственнаго сердца. И эта драматическая привычка чувства не будетъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ результатомъ ослабленія въ насъ нравственной силы, если мы воспитаемъ въ себя не только вѣрность многообразнымъ мелкимъ фактамъ жизни, но и честное отношеніе къ тѣмъ великимъ и неизмѣннымъ фактамъ, которые мы называемъ законами жизни. Можно быть, въ одно и то же время, и гибкимъ, и твердымъ. Никакая твердость не имѣетъ, въ сущности, и половины той цѣнности, какъ твердость легкая и эластическая, — не твердость оцѣпенѣвшаго трупа, а твердость атлета, готоваго начать свой бѣгъ.

Соединяя, такимъ образомъ, въ себя серьезность и радостную полноту жизни, Шекспиръ умѣетъ смѣяться непринужденнымъ и благороднымъ смѣхомъ. Далеко не маловажная доля воспитанія, которое онъ даетъ своему ученику, заключается въ томъ, что онъ показываетъ ему юмористическую сторону жизни и учитъ его смѣяться честно и искренно. Этотъ міръ часто называли «юдолью плача», и называли его такъ вполне справедливо, но, въ то же время, онъ есть юдоль улыбокъ и ликующаго смѣха. Шекспиръ показываетъ его намъ въ томъ и другомъ видѣ и заставляетъ насъ понять, что слезы, озаренныя свѣтомъ невинной радости, очищаются отъ всего судорожнаго, себялюбиваго и расслабляющаго, и что улыбки и смѣхъ становятся мудрѣе и возвышеннѣе, благодаря слезамъ. Иногда же, съ помощью дивной алхиміи, свойственной генію, онъ перемѣшиваетъ и то, и другое, когда изображаетъ, наприм., изступленіе Лира въ степи и въ шалашѣ и тутъ же помѣщаетъ бѣднаго шута, не прекращающаго своихъ шутокъ, несмотря на бурю, дождь и молнію, такъ что, наконецъ, въ странномъ сочетаніи свирѣпствующей природы и грубаго смѣха сердце человѣческое представляется не менѣе безумнымъ, чѣмъ стихія, и въ своемъ безуміи столь же необъятнымъ и чудеснымъ, какъ онѣ.

Шекспиръ учитъ насъ мудрому смѣху, учитъ насъ улыбаться отъ глубины нашего сочувствія, и потому онъ совершенно воздерживается отъ

двухъ родовъ смѣха—смѣха безумія и смѣха жестокости. Смѣха безумныхъ, этого треска сучьевъ подъ котломъ, мы вовсе не слышимъ у Шекспира, за тѣми рѣдкими исключеніями, когда онъ вводится въ драматическихъ цѣляхъ, чтобы выставить нищету духа какихъ-нибудь второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, въ *Бурь* низкіе заговорщики выдаютъ свою низость презрительными насмѣшками, раздражающими мудраго старика Гонзало и терзающими сердце короля, который все еще предполагаетъ, что сына его поглотили волны. Смѣхъ Шекспира всегда имѣеть основу здраваго смысла и, опять-таки, всегда имѣеть основу доброты. Есть смѣхъ демоническій, какой мы можемъ видѣть на лицахъ истязателей Чамполо въ иллюстраціи Блэна къ двадцать первой пѣснѣ *Ада*. И есть смѣхъ отчаянія, какой слышится въ издѣвательствѣ Свифта (смѣхъ тѣмъ болѣе ужасный, что онъ такъ вѣрно рассчитанъ), когда его началъ окутывать мракъ. Такого смѣха нѣтъ у Шекспира, ибо даже издѣательства Тимона надъ человѣчествомъ не имѣють въ себѣ ни тѣни холодности. Но если мы оставимъ въ сторонѣ смѣхъ діаволовъ и смѣхъ зарождающаго помѣшательства, то найдется ли какой-нибудь видъ человѣческаго смѣха, который не поощрялся и не воспитывался бы въ насъ Шекспиромъ, начиная съ задорныхъ шутокъ Робина *Goodfellow* среди его веселыхъ проказъ и кончая строгою и свѣтлою улыбкой Просперо, когда, съ высоты своего духовнаго совершенства, онъ обращаетъ взоръ на землю и видитъ Миранду, которая, въ первой радости дѣвической любви, настаиваетъ на своемъ желаніи носить дрова за Фердинанда?

«Бѣдняжка! заразилась ты; твой приходъ сюда ясно обнаруживаетъ это» *).

И если, какъ утверждала Джорджъ Эліотъ, второй великій урокъ жизни заключается въ словахъ: «Будьте снисходительны», то, безъ сомнѣнія, тотъ, кто учитъ насъ честно смѣяться и кротко улыбаться при видѣ мелкихъ заблужденій и слабостей прочихъ смертныхъ или нашихъ собственныхъ, вмѣсто того, чтобы относиться къ нимъ съ гнѣвомъ и негодованіемъ, не мало помогаетъ намъ усвоить себѣ этотъ урокъ. Умѣрять наши суровыя сужденія сознаніемъ человѣческаго братства и дѣлать это при посредствѣ улыбокъ,—улыбокъ, перемѣшанныхъ порою со слезами,—вотъ одно изъ благороднѣйшихъ нравственныхъ дарованій Шекспира. Фальстафъ—личность не особенно достойная уваженія; Данте помѣстилъ бы его, быть можетъ, въ третій кругъ ада, среди тѣней, угнетаемыхъ тяжелыми каплями дождя, и Шекспиръ предаетъ его осужденію въ тотъ моментъ, когда король Генрихъ отказывается принять старика въ число своихъ друзей или совѣтниковъ. Но сколько мудрости и мягкости вкладываетъ Шекспиръ въ нашъ приговоръ надъ Фальстафомъ, благодаря той послѣдней трогательной сценѣ, гдѣ рассказывается, какъ онъ игралъ цвѣтами и болталъ о зеленыхъ поляхъ, и какъ, защищая Фальстрафа, поэтъ защищаетъ все, что есть

*) *Буря*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе третье, сцена 1-я.

благодушнаго въ челоѣчествѣ! Если мы не можемъ смѣяться вмѣстѣ съ Фальстафомъ въ тавернѣ, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на самихъ себя, посмотрѣть, не приѣшивается ли нетерпимость къ нашей добродѣтели. Педантъ морали рискуетъ впасть въ другаго рода пороки и способень, въ обмѣщеніи своего себялюбія, разыграть предъ небесами роль шута, въ желтыхъ чулкахъ и съ подвязками на крестъ *), которая заставить ангеловъ смѣяться или плакать. Нѣтъ, мы не въ силахъ вообразить себѣ этого веселаго, добродушнаго гуляку въ третьемъ кругѣ *Ада* безъ сахара, безъ сладкаго вина; скорѣе мы готовы раздѣлить отзывъ о немъ м-съ Буингли:

«Нѣтъ, онъ, навѣрное, не въ аду; онъ на лонѣ Артура, если только челоѣкъ попадалъ когда-нибудь на лоно Артура» **).

Въ поэмѣ Грея *The Progress of Poesy* (Путешествіе поэзіи) могущественная Матерь снимаетъ покрывало со своего лица предъ отрокомъ Шекспиромъ, на берегу Эвона, и даетъ ему въ даръ власть надъ ключами.

„Thine too these golden keys, immortal Boy!
This can unlock the gates of Joy,
Of Horror that, and thrilling Fears,
Or ope the sacred source of sympathetic Tears“.

(Тебѣ принадлежать и эти золотые ключи, безсмертный отрокъ! Этотъ ключъ можетъ отпирать врата радости, этотъ—врата ужаса и трепещущихъ страховъ, или же можетъ отверзать священный источникъ сочувственныхъ слезъ).

Священный источникъ сочувственныхъ слезъ—кто такъ широко открывалъ его, какъ Шекспиръ? Если онъ воспитываетъ насъ своимъ юморомъ, если онъ учитъ насъ мудрому смѣху и смѣху доброму, то онъ также говоритъ намъ, что есть время не только для смѣха, но и для слезъ. А развивая въ себѣ, при помощи искусства, сочувствіе къ скорби, мы дѣлаемъ большое приобрѣтеніе. Не то чтобъ какая-либо сила искусства могла прямо или непосредственно ослабить давящій насъ гнетъ сокрушенія, но косвеннымъ путемъ оно способно достигнуть многого, такъ какъ приучаетъ наше воображеніе подчиняться сердцу и приводитъ насъ къ нѣкоторому сознанию того, что наше частное и личное горе есть доля великой міровой скорби, что мы представляемъ собою единицу въ цѣломъ обществѣ удрученныхъ печалью людей, и что поэтому нашъ вопль страданія долженъ быть не одинокимъ стономъ и не одинокимъ холоднымъ крикомъ, раздающимся во мракѣ, а долженъ входить въ составъ торжественнаго хора сѣтованій, къ которому каждому изъ насъ слѣдуетъ присоединиться съ серьезнымъ и по возможности мягкимъ чувствомъ. И, такимъ образомъ, простой, грубый крикъ боли—плачь, такъ сказать, дикаго звѣря объ убитой самкѣ или похищенномъ дѣтенышѣ—возвышается до степени чего-то чело-

*) Намекъ на Мальволио въ *Двенадцатой ночи*. Прим. перев.

***) *Король Генрихъ Пятый*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе второе, сцена 3-я.

вѣческаго, чего-то гармоническаго, хотя и глубоко-печальнаго. Воспитывающая свое воображеніе, мы начинаемъ принимать достойное участіе въ непрерывномъ хорѣ земной печали, начинаемъ чувствовать, что мы не разрозненные индивидуумы, что великое сердце челоуѣчества бьется въ унисонъ съ нашею скорбью, что мы должны, слѣдовательно, отбросить все, что есть нечистаго и высокопарнаго въ нашей горести, чтобы не было диссонанса между ею и этимъ великимъ сердцемъ скорби, состраданія и любви, этимъ общечелоуѣческимъ сердцемъ, на которомъ покоится наше собственное. Всего шумливѣе и громогласнѣе сѣтованія кормилицы въ *Ромео и Джульеттѣ* объ ея молодой госпожѣ, которую она считаетъ умершей:

«О горе! о горестный, горестный, горестный день, плачевнѣйшій, горестнѣйшій изъ всѣхъ доселѣ видѣнныхъ» *).

Съ этого низменнаго уровня намъ долго придется взбираться на высоты скорби, пока мы не услышимъ словъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ Констанція оплакиваетъ своего пропавшаго Артура: «Грусть занимаетъ мѣсто моего сына, ложится въ его постельку, бродитъ вездѣ со мною, глядитъ на меня его свѣтлыми глазами, повторяетъ его слова, припоминаетъ мнѣ всѣ его чудныя свойства, наполняетъ оставленное платье формами его» **).

И, однакожь, въ печали Констанціи еще проглядываетъ недостатокъ того твердаго при всей своей чуткости страданія,—страданія, готоваго перейти въ героическое дѣйствіе, которое мы узнаемъ въ слѣдующихъ словахъ Мавдуффа:

Малколль. Снеси несчастье какъ мужъ.

Мавдуффъ. Снесу;

Но я и чувствую его какъ мужъ!

Я не могу не вспоминать о томъ,

Что было для меня дороже жизни ***).

Этотъ тонъ дѣйствительно мужественъ. Но скорбь, переходящая въ братскую любовь, а не въ жажду мести и не въ ненависть, есть чувство еще болѣе высокаго полета. Такова скорбь Брута, передающаго въ самыхъ простыхъ словахъ извѣстіе о смерти Порціи и желающаго завершить въ этотъ моментъ примиреніе съ своимъ обезумѣвшимъ товарищемъ:

«Не говори болѣе о ней. Дай чашу. Въ ней я утоплю всѣ непріятности, Кассій» ****).

И, такимъ образомъ, духъ Порціи продолжаетъ жить въ любви двухъ сильныхъ людей.

Житейская мудрость Шекспира, какъ мы видимъ ее въ его твореніяхъ, направлена преимущественно, какъ это и должно быть, на интересы отдѣльной личности, а не на общественныя дѣла и не на исторію какой-

* *Ромео и Джульетта*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе четвертое, сцена 5-я.

** *Король Иоаннъ*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе третье, сцена 4-я.

*** *Макбетъ*, въ перев. Кронеберга. Дѣйствіе четвертое, сцена 3-я.

**** *Юлій Цезарь*, въ перев. Кетчера. Дѣйствіе четвертое, сцена 3-я.

либо нации. Прежде всего другого онъ посвящаетъ насъ въ физиологію страстей, и подъ его вліяніемъ мы начинаемъ чувствовать, что житейская мудрость заключается не столько въ простой осторожности или въ подавленіи страстей, сколько въ томъ, чтобы найти для нихъ ихъ настоящій путь. Но онъ представляетъ намъ также образъ дѣйствій людей, занимающихъ общественное положеніе, тѣ добродѣтели и недостатки, которые они выказываютъ въ качествѣ государственныхъ мужей и правителей, и, придерживаясь своего драматическаго метода, онъ прослѣдилъ всю жизнь англійскаго народа въ извѣстный критическій періодъ исторіи. И, однакожь, трудно было бы рѣшить, какой ярлыкъ, согласно съ современною номенклатурой, наиболѣе подходитъ къ Шекспиру, — ярлыкъ «либерала» или «консерватора», и ошибся или нѣтъ Гартлей Кольриджъ, шутиливо описавъ Шекспира, какъ «тори и джентльмена». Шекспиръ не сдѣлаетъ прозелитовъ для какой-либо политической партіи, какъ это могъ бы сдѣлать пропагандистъ отвлеченныхъ принциповъ. Ни одинъ юноша, читающій его англійскія или римскія историческія драмы, не выступитъ въ міръ съ пламенною миссіей, какъ выступилъ Шелли подъ вліяніемъ Годвиновской философіи революціи; но если онъ читаетъ съ пониманіемъ, его разсудокъ подвергнется въ извѣстной мѣрѣ благотворной дисциплинѣ. Онъ узнаетъ, что характеръ, честность, здравый смыслъ и страсть, направленная къ высокимъ цѣлямъ, важнѣе состязующихся доктринъ и партійныхъ рекламъ; и, такимъ образомъ, если Шекспиръ не дѣлаетъ политическихъ прозелитовъ, то онъ за то способствуетъ вѣгу сдѣлаться болѣе мудрымъ вигомъ и способствуетъ тори сдѣлаться болѣе мудрымъ тори. «Гораздо болѣе общаго, — пишетъ одинъ современный историкъ *), — между мудрыми и здоровыми членами противоположныхъ партій, нежели между здоровыми и испорченными членами одной и той же партіи — между мыслителями борющихся партій и мыслителями и глупцами одной и той же партіи». Изученіе Шекспиромъ правителей Англій за цѣлое столѣтіе распри и смуты, отъ Ричарда II до Ричарда III, есть не доктринерное изученіе отвлеченныхъ принциповъ, а изслѣдованіе человѣческаго характера и человѣческой дѣятельности. Его ученіе стремится образовать такихъ политиковъ, какихъ должно бы создать правильное пониманіе исторіи, а каковы они, пусть намъ скажетъ тотъ самый историкъ, чьи слова были только что приведены нами: «Что намъ желательно видѣть, это то, чтобы люди прилагали къ исторіи и политикѣ тотъ же духъ, въ какомъ дѣйствуютъ люди мудрые при самовоспитаніи, чтобы они не переставали быть приверженцами своей партіи, не переставали держаться твердыхъ мнѣній и исповѣдывать ихъ, но чтобы они были такъ же осторожны въ своемъ партійномъ поведеніи и въ защитѣ своихъ мнѣній, какъ въ своемъ поведеніи въ общественныхъ кружкахъ, въ своей бесѣдѣ въ общественной жизни. Первая цѣль истиннаго политика, какъ и истиннаго патріота, это сохранить себя и свою партію чисты-

*) *Bishop Stubbs*: „Лекція средней и новой исторіи“, стр. 19.

ми, а затѣмъ уже обезпечить себѣ побѣду; истреблять низость и испорченность тамъ, гдѣ онъ имѣеть влияние, а не считать наиболѣе существеннымъ изобличеніе ихъ тамъ, гдѣ изобличеніе можетъ только вызвать отраженіе. Здравомыслящій политикъ, въ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, и какъ бы ни былъ онъ искусенъ, вѣрить, что съ его политическимъ планомъ связаны наибольшія выгоды для его страны, а онъ желаетъ, чтобы положеніе его страны было неприступно; чтобы быть неприступнымъ, оно должно быть здорово; если его партія представляетъ для него его страну, его партія должна быть здорова, и для него гораздо важнѣе очистить собственные ряды, нежели ряды непріятельскіе. Успѣхъ чистыхъ и правдивыхъ несомнѣненъ; успѣхъ лжи и испорченности, тирани и насилія есть лишь начало болѣе глубокаго и безповоротнаго паденія».

Или, какъ Шекспиръ говоритъ намъ, Англія менѣе заинтересована въ томъ, облеченъ ли верховною властью представитель Юркской или Ланкастерской линіи, нежели въ томъ, честенъ и твердъ ли ея правитель, какъ его Генрихъ V, или же онъ образецъ государственной неспособности и неумѣнья сдерживать развратъ и буйство, какъ проникнутый ханжествомъ сынъ Генриха.

Во всѣхъ своихъ пьесахъ Шекспиръ является, въ одно и то же время, и приверженцемъ порядка, и приверженцемъ свободы — не пустаго слова свободы, которое выкрикивается на политической платформѣ, а такой свободы, какая требуется для энергической дѣятельности всѣхъ человѣческихъ дарованій.

Въ Шекспировской драмѣ жизнь богата, разнообразна и плодотворна, благодаря тому, что человѣческая мысль и страсть находятъ себѣ открытое поприще въ предѣлахъ справедливости. Въ этомъ-то свободномъ столновеніи и въ этой жизненной борьбѣ становится человѣкъ осторожнымъ, справедливымъ, исполнительнымъ и сильнымъ. Если бы Шекспиръ былъ придворнымъ драматургомъ какой-либо великой монархіи, то этого не могло бы быть; но такъ какъ онъ писалъ для пестрой толпы лондонскаго театра и въ такое время, когда въ Англіи чувствовался новый приливъ бодрости, энергіи и предприимчивости, то на его страницахъ отражается, какъ въ зеркалѣ, многообразная жизнь свободного народа.

Въ *Троилъ и Крессидъ*, пожалуй, больше цинизма, чѣмъ въ какомъ бы то ни было произведеніи Шекспира, и иная, высшая, а не мірская мудрость не соответствовала бы общему тону пьесы. Когда свѣжей, молодой любви Троила наносится смертельная рана въ тотъ моментъ, какъ онъ видитъ Крессиду, поворяющую честь и женственность въ лагерь грековъ, ему необходимо имѣть подъ рукою совѣтника съ холоднымъ темпераментомъ и испытаннымъ умомъ, и онъ находитъ его въ Улиссѣ. Въ какомъ совершенствѣ онъ владѣетъ политикой! Съ какою легкостью вертитъ онъ Агамемнономъ или болѣе ограниченнымъ Ахилломъ! Какъ живо разгадываетъ онъ истинный характеръ Крессиды и заставляетъ пробиться наружу благородную, еще не созрѣвшую натуру Троила! Искусный и опытный

боецъ въ жизненномъ состязаніи, Шекспиръ понимаетъ все значеніе подобной мірской мудрости и желалъ бы, чтобы мы вѣрно оцѣнивали ее. Безъ сомнѣнія, необузданный юноша, покинувшій Стрэтфордъ, чтобъ зарабатывать себѣ хлѣбъ среди лондонскихъ актеровъ, и вернувшійся человекомъ богатымъ, уважаемымъ и прославленнымъ, приобрѣлъ достаточное количество этой мірской мудрости и съумѣлъ ею воспользоваться. Но Шекспиру было доступно представленіе и о болѣе высокой житейской мудрости, нежели та, которую онъ показываетъ намъ въ греческомъ воинѣ и политикѣ, и эту высшую мудрость онъ олицетворилъ въ своемъ волшебникѣ Просперо. Мы видимъ здѣсь нѣчто болѣе широкое, болѣе возвышенное, болѣе свѣтлое, нѣчто такое, чѣмъ никогда не можетъ быть простая итромаунная дипломатія. Дѣйствительно, Просперо, «посвятившій себя уединенію и совершенствованію своего ума», не особенно искусенъ въ политикѣ съ ея извилистыми путями, иначе онъ не утратилъ бы своего герцогства въ минувшіе дни. И не дипломатіи могъ онъ научиться на волшебномъ островѣ. Но онъ приобрѣлъ власть надъ природой, начиная съ гуха грубой земли, Калибана, и кончая стихійнымъ геніемъ воздуха, который можетъ превратить въ огонь тонкую ткань своего существа, когда, наприм., онъ является въ видѣ пламени на топъ-мачтѣ, или въ морскую нимфу, когда онъ увлекаетъ впередъ Фердинанда пѣснями о странныхъ сокровищахъ океана. И, такимъ образомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи подчиненныхъ ему духовъ, Просперо можетъ играть роль провидѣнія, вѣдающаго судьбу тѣхъ, кто обидѣлъ его и низвергнулъ его съ герцогскаго престола. Съ высоты своей ясной и величавой мудрости онъ созерцаетъ жизнь съ нѣжностью, хотя и не безъ нѣкоторой суровости, потому что онъ знаетъ и зло, и добро, и цѣль его заключается въ томъ, чтобы мудро предусмотрительностью направить зло къ благимъ послѣдствіямъ. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, но связанъ съ нею глубокими и трогательными симпатіями, и эта жизнь возбуждаетъ теперь его участіе не столько ради его самого, сколько ради другихъ, потому что онъ видитъ, какъ кратковременны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сильны ихъ печали и радости.

«Мы изъ того же вещества, изъ котораго образуются сны, и маленькая наша жизнь окружена сномъ»^{*}).

Какой контрастъ представляетъ Просперо другому знаменитому чародѣю, *Баусту* Марло! Германскій докторъ хочетъ отдать свою душу «великому юциферу», если только злой духъ позволить ему прожить двадцать чеще года во всяческой роскоши, властелиномъ міра, и оставить при немъ лефистофеля.

„To give me whatsoever I shall ask,
To tell me whatsoever I demand,
To slay mine enemies and aid my friends,
And always be abedient to my will“.

(Чтобъ онъ давалъ мнѣ все, чего я ни потребую, говорилъ мнѣ все,

^{*} *Бура*, въ перев. *Кетчера*. Дѣйствіе четвертое, сцена 1-я.

о чемъ я ни спрошу его, чтобъ онъ убивать моихъ враговъ и помогать моимъ друзьямъ и былъ всегда послушенъ твоей волѣ).

Мы почти готовы подумать, что Шекспиръ, при заключеніи своего чудеснаго поэтическаго поприща, оглянулся на годы своей юности, когда онъ былъ послѣдователемъ Марло, и захотѣлъ показать теперь, каковъ можетъ быть чародѣй, внимавшій голосу своего добраго ангела, а не искушеніямъ своего прислѣзника діавола. Подъ конецъ Просперо предпочитаетъ сдѣлаться простымъ человѣкомъ, вмѣсто того, чтобъ оставаться чародѣемъ и волшебникомъ; и потому онъ сломаетъ свой волшебный жезлъ, погрузитъ свою книгу въ такую глубину, на какую лотъ еще никогда не опускался, и отшлетъ своего возлюбленнаго Аріеля къ тѣмъ стихіямъ, по которымъ онъ томится. Просперо сброситъ съ себя мантию волшебника и предстанетъ въ шляпѣ и со шпагой, какъ онъ былъ нѣкогда въ Миланѣ. Что могутъ въ самомъ дѣлѣ, дать еще чары и заклинанія тому, кто проникъ въ высшія тайны человѣческой жизни? Ибо теперь его заботы устремлены къ двумъ цѣлямъ, и въ нихъ находитъ онъ высочайшую радость, къ какой способна душа человѣка. Онъ хочетъ усовершенствовать и сохранить неповрежденной и незапятнанной радость юныхъ и невинныхъ сердець — Фердинандъ и Миранда должны любить другъ друга съ пламенною чистотой и порочныхъ душъ и въ подобной любви обрѣсти свое счастье. Это — во-первыхъ; а во-вторыхъ, Просперо хочетъ распространить щедроты своего прощенія на вающихся злодѣевъ, такъ безжалостно поступившихъ съ нимъ, когда онъ находился въ ихъ власти. Быть творцомъ и устроителемъ радости для тѣхъ, кто достоинъ ея, и платить добромъ за зло — вотъ краинее совершенство, какового достигли благородныя чары, приводимыя въ дѣйствіе Шекспировскимъ волшебникомъ, вотъ созрѣвшіе плоды всей житейской мудрости Шекспира. Что касается самого Просперо, то онъ возвратитъ въ свое герцогство и твердою рукой станетъ управлять имъ; онъ не утратитъ ни одной княжеской обязанности, хотя при этомъ онъ необходимо долженъ помнить, что эта бременная жизнь подобна чудному представленію духовъ — великолѣпному зрѣлищу, конечно, не лишенному смысла, но зрѣлищу, которое скоро исчезнетъ. И потому, когда онъ возвратится въ Миланъ, каждую третью мысль его будетъ мысль о могилѣ, — каждою третьею мыслью, но первыя двѣ принадлежать жизни и долгу. Въ Просперо, какъ его задумалъ Шекспиръ, мы касаемся, наконецъ, высшей ступени нравственнаго и духовнаго совершенства поэта. Онъ созерцаетъ жизнь широко, спокойно, безмятежно, созерцаетъ ее очищеннымъ и просвѣтленнымъ взоромъ.

Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси.

(Посвящается Б. Н. Чичерину).

Земскіе соборы древней Руси не особенно давно начали привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей нашей государственной старины; но они не перестаютъ служить для послѣднихъ предметомъ усиленнаго вниманія съ тѣхъ поръ, какъ было замѣчено и оцѣнено ихъ значеніе для пониманія всего строя Московскаго государства. Ученому, которому посвящается настоящая статья, принадлежитъ едва ли не первое по времени цѣльное и превосходное изображеніе устройства, дѣятельности и значенія земскихъ соборовъ, основанное на изученіи актовъ этого учрежденія, какіе были извѣстны въ то время *). Послѣ этого образцоваго опыта рядъ другихъ изслѣдователей продолжалъ изученіе земскихъ соборовъ, оспаривалъ, поправлялъ или подтверждалъ взглядъ на нихъ, высказанный г. Чичеринымъ, пересматривая тѣ же самые акты. Мы разумѣемъ здѣсь почтенные труды Бѣляева и Костомарова, гг. Сергѣевича, Владимірскаго-Буданова, Загоскина, Платонова. Въ послѣднее время литература о земскихъ соборахъ пополнилась цѣнными вкладками, разъяснившими съ помощью новооткрытыхъ документовъ, между прочимъ, дѣйствовавшій въ XVII в. порядокъ созыва и выбора земскихъ представителей на соборъ **). Благодаря этимъ работамъ, теперь можно составить себѣ довольно отчетливое представленіе о томъ, какъ и для чего созывались земскіе соборы, изъ какихъ элементовъ они составлялись, какіе вопросы предлагались имъ на обсужденіе и какъ эти вопросы обсуждались, какъ составлялся соборный приговоръ, какое вліяніе оказывали соборы на законодательство и образъ дѣйствій правительства и т. п. Судѣяны были даже попытки оцѣнить общее значеніе земскихъ соборовъ въ складѣ

*) Б. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“. М., 1866 г.

**) И. Дитятинъ: „Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII ст.“, въ *Русской Мысли* 1883 г., № 12; В. Латкинъ: „Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII в.“ и „Земскіе соборы древней Руси“; А. Зерцаловъ: „Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.“, въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р.* 1887 г.

и ходѣ жизни Московскаго государства, взвѣсить ихъ политическій голосъ и указать ихъ связь съ тѣмъ направлеишемъ, въ какомъ устанавливались и развивались внутреннія политическія отношенія Московской Руси въ XVI и XVII вв.

Впрочемъ, предметъ нельзя считать исчерпаннымъ: въ немъ остаются еще неясные пункты; иначе было бы меньше разногласія въ сужденіяхъ о характерѣ и значеніи земскихъ соборовъ. Въ нашей литературѣ можно уловить два взгляда на земскіе соборы. Одни видятъ въ нихъ только вспомогательное орудіе администраціи, никогда не выступавшее дѣятельнымъ и самостоятельнымъ двигателемъ политической жизни, никогда не имѣвшее собственного направленія и потому не оказавшее никакого вліянія на ходъ управленія и законодательства; отыгравъ свою кратковременную и мало-значительную роль, земскіе соборы сами собою исчезли вслѣдствіе внутренняго ничтожества, чрезмѣрной слабости представительнаго начала въ древней Россіи. Другіе расположены придавать имъ важное политическое значеніе, какъ органу народной оппозиціи: служа орудіемъ непосредственнаго общенія государя съ землей, представляя интересы народа, соборы, собственно земскіе выборные, являвшіеся на соборахъ, противодѣйствовали высшимъ классамъ, боярамъ и духовнымъ властямъ, которые и уговорили царя Алексѣя Михайловича не созывать больше соборовъ; но, прежде чѣмъ эти стороннія вліянія успѣли вытѣснить ихъ изъ государственной жизни, земскіе соборы оказали значительное вліяніе на законодательство и правительство въ оппозиціонномъ противобоярскомъ направленіи.

Оба эти взгляда неудобны тѣмъ, что трудно рѣшить, который изъ нихъ вѣренъ и даже вѣренъ ли который-нибудь изъ нихъ. Это не значитъ, что земскимъ соборамъ приписываются свойства, которыхъ они, можетъ быть, вовсе не имѣли; но трудно признать вѣрною и ту характеристику, которая составлена изъ чертъ нехарактерныхъ, несущественныхъ, хотя и дѣятельныхъ. Оба взгляда исходятъ изъ одной мысли, что для изображенія истиннаго характера такого представительнаго учрежденія, какъ земскій соборъ, необходимо показать, въ какой степени оно было послушно или оппозиціонно. Но почему это необходимо? Правда, представительныя учрежденія Западной Европы, соответствовавшія нашимъ земскимъ соборамъ, характеризуются преимущественно съ этой стороны, что совершенно понятно. Представительныя собранія средневѣковой Западной Европы были вызваны къ жизни политическою борьбой и ею же воспитаны. Средневѣковое западноевропейское государство было сословною федераціей, союзомъ нѣсколькихъ державныхъ сословій, державшимся на такомъ же договорѣ, какимъ опредѣляются взаимныя отношенія союзныхъ государствъ. Народное представительство служило наиболѣе обычнымъ средствомъ установки и поддержанія союзнаго *modus vivendi* въ такомъ государствѣ. Здѣсь каждое свободное сословіе должно было завоевывать или отстаивать свое мѣсто въ государствѣ, и верховная власть принуждена была приноравливаться къ измѣнчивому соотношенію соперничавшихъ политическихъ силъ: она то мирила ихъ другъ

съ другомъ, то поддерживала однѣ изъ нихъ въ борьбѣ съ другими, то защищалась отъ ихъ разрозненныхъ либо совокупныхъ нападеній. При такихъ условіяхъ представительныя собранія получали тѣмъ большее политическое значеніе, чѣмъ чаще и откровеннѣе сословные представители показывали на нихъ зубы другъ другу или правительству. Потому прочность политическихъ гарантій, точная опредѣленность конституціонныхъ догматовъ и обрядовъ, какъ цѣль, и неутолимая политическая притязательность, строгая, неуступчивая оппозиціонная дисциплина, какъ средство, являются наиболѣе характеристическими чертами западно - европейскаго представительства.

Очевидно, допытываясь въ древне - русскихъ земскихъ соборахъ такихъ же боевыхъ качествъ, мы становимся на точку зрѣнія, указанную не самими соборами, а заимствованную со стороны, у изслѣдователей западно - европейскаго представительства, поставленныхъ на такую точку характеромъ всей политической организаціи, въ составъ которой входили западно - европейскія представительныя собранія. Легко понять, что при другомъ складѣ политическихъ отношеній и представительныя собранія получали другое значеніе, усвоили иной характеръ, потому что при различныхъ сочетаніяхъ политическихъ силъ не одинаковы и потребности, удовлетворить которымъ призывается народное представительство, не одинаково и его назначеніе. Сообразно съ этимъ должна измѣняться и точка зрѣнія наблюдателя: нельзя искать одинаковыхъ свойствъ въ учрежденіяхъ, вызванныхъ различными потребностями и имѣвшихъ неодинаковое назначеніе. Но какъ угадать эти потребности и это назначеніе? Въ этомъ вопросѣ скрытъ ключъ къ разгадкѣ историческаго значенія и характера извѣстнаго представительнаго учрежденія; въ немъ же и вся трудность этой разгадки.

Въ древней Руси было очень мало публицистовъ, людей, которые старались уяснить себѣ и растолковать другимъ смыслъ дѣйствовавшихъ при нихъ учрежденій. Лишенный такихъ живыхъ указаній, изслѣдователь, изучающій древне - русскія учрежденія, испытываетъ неловкость, похожую на ту, какая чувствуется среди старинныхъ, давно покинутыхъ зданій. Все здѣсь говоритъ о какомъ-то исчезнувшемъ складѣ жизни, о потребностяхъ и привычкахъ, непохожихъ на тѣ, какія знакомы наблюдателю; но онъ уже не находитъ живыхъ слѣдовъ этого житейскаго порядка; среди опустѣлыхъ построекъ не уцѣлѣло даже достаточно сора, по которому можно было бы догадываться, какъ жили и о чемъ думали люди, нѣкогда двигавшіеся среди этихъ нѣмыхъ стѣнъ. Приходится вглядываться въ расположеніе всего зданія и въ конструкцію его отдѣльныхъ частей, чтобы угадать ихъ назначеніе. Именно важнѣйшія государственныя учрежденія древней Руси, къ которымъ безспорно можно причислить земскіе соборы, и заставляютъ изслѣдователя съ особенною силой испытывать это затрудненіе. Въ нихъ вообще нелегко уловить побужденія, вызвавшія ихъ къ жизни, и дѣйствіе, какое они производили на общество и государственный порядокъ, уловить то, что можно назвать историческою идеей учрежденія, а въ этой идеѣ все, чѣмъ пере-

ставшее дѣйствовать учрежденіе можетъ возбуждать научный историческій интересъ. Погибшее учрежденіе не воскреснетъ, какъ не загорится вновь угасшая индивидуальная жизнь; но его идея, какъ живучее сѣмя, притаится гдѣ-нибудь въ складкахъ общественной жизни и, постепенно перерождаясь, пуститъ отъ себя ростокъ въ какомъ-нибудь понятіи или привычкѣ, о которыхъ при поверхностномъ взглядѣ трудно и подумать, что они имѣютъ историческое родство съ учрежденіемъ, когда-то дѣйствовавшимъ. Кажется, это затрудненіе болѣе всего и вынуждало изслѣдователей изучать древне-русскіе земскіе соборы сравнительно съ западно-европейскими представительными собраніями, чтобы аналогіей восполнить недостатокъ прямыхъ туземныхъ и современныхъ указаній.

Дѣйствительно, сравнивая наши земскіе соборы съ представительными учрежденіями Западной Европы, давно замѣтили въ первыхъ рѣзкія и важныя особенности. На земскихъ соборахъ не бывало и помину о политическихъ правахъ; еще менѣе допускалось ихъ виѣшательство въ государственное управленіе; характеръ ихъ всегда оставался чисто-совѣщательнымъ; созывались они, когда находило то нужнымъ правительство; на нихъ не видимъ ни инструкцій, данныхъ представителямъ отъ избирателей, ни обширнаго изложенія общественныхъ нуждъ, ни той законодательной дѣятельности, которою отличались западныя представительныя собранія; на соборахъ не встрѣчаемъ общихъ преній; часто изъ соборныхъ совѣщаній даже не выходило никакого постановленія, а подавались только отдѣльныя мнѣнія выборныхъ по заданнымъ правительствомъ вопросамъ. Вообще земскіе соборы являются крайне скудными и безцвѣтными даже въ сравненіи съ французскими генеральными штатами, которые изъ западно-европейскихъ представительныхъ учреждений имѣли наименьшую силу*).

Такимъ образомъ, оказывается, что наиболѣе характерныя особенности земскихъ соборовъ всѣ суть ихъ крупныя недостатки. Можно было бы ничего не имѣть противъ такихъ отрицательныхъ выводовъ аналогіи, если бы они не производили впечатлѣнія, очень неблагоприятнаго для успѣшнаго изученія предмета. Въ развитіи нашего историческаго самосознанія не разъ повторялось одно прискорбное недоразумѣніе. Какое-либо крупное явленіе отечественной исторіи, первоначально возбуждавшее въ насъ живѣйшее любопытство, тотчасъ теряло интересъ въ нашихъ глазахъ, какъ скоро въ немъ не оказывалось свойствъ однороднаго съ нимъ или соответствовавшего ему явленія западно-европейскаго. Здѣсь можно не напоминать о тѣхъ неурядицахъ общественнаго сознанія, которыя породили такое своенравное мышленіе. Происходило ли это отъ слабости воображенія, привычнаго представлять важныя явленія только въ извѣстныхъ, затверженныхъ образахъ, или отъ унынія при мысли, что на судъ исторіи отечественное прошлое не выдержитъ состязательнаго испытанія съ прошлымъ Западной Европы, объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, безспорно то,

*) Б. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“, стр. 368 и сл.

что аналогія нерѣдко вносила въ наше отношеніе къ изучаемымъ явленіямъ отечественной исторіи разочарованіе, которымъ ослаблялась энергія изученія. Такой поворотъ исторической любознательности испыталъ и вопросъ о земскихъ соборахъ. Отъ значительнаго количества основательныхъ изслѣдованій въ общемъ оборотѣ нашихъ историческихъ свѣдѣній много ли отложилось ясныхъ представленій о древне-русскихъ земскихъ соборахъ, много ли уцѣлѣло даже простаго любопытства къ этому учрежденію, прежде такъ живо возбуждавшему нашу историческую любознательность? Мы никого не хотимъ обидѣть, сказавъ, что немного, и именно потому, что отрицательные выводы аналогіи врѣзались въ общественномъ сознаніи прежде и глубже другихъ, ослабляя охоту знать о соборахъ что-нибудь больше. Въ этомъ отношеніи земскіе соборы раздѣлили участь явленій, которыя, не оправдавъ преувеличенныхъ ожиданій, потомъ не удостоиваются и заслуживаемаго вниманія. Отраженіе этого поворота можно найти и въ нашей исторической литературѣ. Покойнаго Костомарова трудно упрекнуть въ недостаткѣ внимательности къ историческимъ явленіямъ, въ которыхъ можно замѣтить участіе общества. Его статья о земскихъ соборахъ была написана послѣ значительнаго ряда изслѣдованій, въ которыхъ вопросъ о соборахъ поставленъ былъ вполне серьезно и разъяснено много подробностей въ ихъ устройствѣ и дѣятельности. Однако, авторъ статьи счелъ возможнымъ связать созваніе перваго земскаго собора, вопреки указанію источника, непосредственно съ московскимъ бунтомъ 1547 года и выставить причиной этой мѣры трусость царя Ивана, испуганнаго народнымъ мятежомъ, даже утверждать, повторяя давнюю обмолвку К. Аксакова, что этотъ соборъ происходилъ на Красной площади, а не въ царскихъ палатахъ. На вопросъ, какъ возникли земскіе соборы, авторъ отвѣчаетъ, что прежде существовали вѣча, народныя собранія по землямъ, но теперь, когда Москва подчинила себѣ такія широкія пространства русскихъ земель, немыслимо было уже сходиться на общій совѣтъ людямъ за 300 или 500 верстъ и отсюда неизбѣжно вытекало, «что если призывать на совѣтъ русскаго государства людей, то надобно въ областяхъ выбирать нѣсколькихъ и отправлять въ столицу въ качествѣ пословъ или представителей своей области». Значитъ, земское представительство, которое и по идеѣ, и по организациіи надобно причислить къ самымъ сложнымъ политическимъ явленіямъ и до котораго народы, и то не все, дорабатывались съ большимъ трудомъ, путемъ усиленной внутренней борьбы, у насъ возникло само собою изъ неудобства географическихъ разстояній, было дѣломъ почтоваго соображенія. Поясняя или поправляя свою догадку, авторъ въ концѣ статьи замѣчаетъ, что къ мысли созывать соборы пришли, кажется, «главнымъ образомъ, по причинѣ всеобщей малограмотности въ оное время»; если бы въ XVII в. издавались у насъ журналы и газеты, не нужно было бы созывать земскихъ соборовъ, т.-е. послѣдніе были для правительства средствомъ узнавать мнѣнія и настроеніе общества *).

*) Н. Костомаровъ: „Историч. монограф. и изслѣдованія“, т. XIX, стр. 324 и 403.

ны только со стороны писателя, который видит въ соборахъ вспомогательное правительственное орудіе очень невысокой степени и случайнаго происхожденія и въ своихъ читателяхъ предполагаетъ довѣріе и сочувствіе такому взгляду. Авторъ самъ вскрываетъ точку зрѣнія, на которой составилъ его взглядъ на древне-русскіе земскіе соборы: онъ также опредѣляетъ ихъ значеніе сравнительно съ западно-европейскими представительными собраніями и опредѣляетъ его чисто-отрицательными чертами, не считая возможнымъ видѣть въ соборахъ что-нибудь похожее на эти собранія.

Нельзя упрекать изслѣдователей за впечатлѣніе, какое производятъ отрицательные выводы ихъ сравнительнаго изученія земскихъ соборовъ, если только они сами не поддаются этому впечатлѣнію и ихъ выводы основательны, а такими надобно признать ихъ если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ основныхъ чертахъ. Но, благодаря заимствованной точкѣ зрѣнія, эти выводы страдаютъ недоконченностью и съ этой стороны ихъ можно признать невольною причиною того разочарованія, которое, ослабляя интересъ къ земскимъ соборамъ, мѣшаетъ ихъ историческому изученію. Въ самомъ дѣлѣ, полная характеристика явленія не можетъ состоять изъ однихъ отрицаній; не отвергая послѣднихъ, насколько они доказаны, надобно поискать другой точки зрѣнія, съ которой были бы видны положительныя свойства разсматриваемаго предмета. Такимъ образомъ, предстоитъ не перерѣзать вопроса, а только продолжить его рѣшеніе. Чтобы найти эту другую точку зрѣнія, можно отправиться прямо отъ наблюденій, сдѣланныхъ на прежней.

Общимъ источникомъ недостатковъ древне-русскаго соборнаго представительства, открывающихся при сравненіи его съ западно-европейскимъ, признана «чрезмѣрная слабость представительнаго начала въ русскомъ государствѣ» *). И такъ, ясно, чего не слѣдуетъ искать въ земскихъ соборахъ,—ничего, что возможно только при сильномъ развитіи представительнаго начала. Что такое *представительное начало*? Несмотря на простоту термина, это—довольно сложное политическое явленіе. Въ составъ его входятъ, какъ основные элементы, способность и потребность всего общества, или только нѣкоторыхъ его классовъ, принять дѣятельное участіе въ управленіи и законодательствѣ. Но эти элементы въ свою очередь питаются двумя условіями: важною и солидарностью общественныхъ интересовъ. Необходимо въ обществѣ присутствіе и сознаніе интересовъ настолько крупныхъ, чтобы для огражденія ихъ въ обществѣ чувствовалась настойчивая потребность принять участіе въ управленіи или чтобы правительство находило полезнымъ призвать общество къ такому участію. Притомъ, разные классы общества должны настолько сознать и признавать эти интересы, настолько чувствовать себя солидарными въ нихъ, чтобы не только желать, но и умѣть принять совмѣстное и дружное участіе въ управленіи, не превращая представительства въ арену гражданской усобицы и не становясь, вмѣсто опоры порядка, новымъ источникомъ анархіи. Если представительное

*) Б. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“, стр. 381.

начало было крайне слабо въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, это значитъ, что не существовало ни такихъ крупныхъ интересовъ, которые возбуждали бы въ обществѣ достаточно настойчивыя политическія притязанія, ни такой солидарности между отдѣльными классами, которая побуждала бы правительство дѣлать уступки этимъ притязаніямъ. Однако, при маловажности и раздробленности общественныхъ интересовъ,—слѣдовательно, при недостаткѣ способности и потребности въ обществѣ дѣятельно участвовать въ управленіи,—попытка Грознаго повторяется, и повторяется болѣе столѣтія: соборное представительство входитъ въ правительственный обычай, хотя не утвержденный и не регулированный закономъ, общество начинаетъ понимать его пользу и, давая отвѣты на поставленные правительствомъ вопросы, само обращается чрезъ своихъ выборныхъ съ ходатайствами и запросами къ правительству, не теряя покорнаго тона, не дпуская оппозиционныхъ замашекъ. Въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ даже у рядовыхъ людей московскаго общества признаки довольно отчетливаго взгляда на компетенцію земскаго представительства и на его мѣсто въ государственномъ управленіи *). Съ другой стороны, въ исторіи представительства причины и слѣдствія не вездѣ идутъ въ одномъ неизмѣнномъ порядкѣ. Практика представительства питается силой представительнаго начала, какъ своего источника, но можетъ и сама воспитывать это начало, возникнувъ изъ другаго источника. Если на Западѣ общественные классы чувствовали потребность въ представительствѣ для борьбы другъ съ другомъ или съ правительствомъ, то въ другихъ странахъ само правительство могло чувствовать потребность въ представительныхъ учрежденіяхъ, чтобы мирить общественные классы и возбуждать ихъ къ дружной дѣятельности. Апатичное общество, разбитое на мелкіе, безсильные элементы, открывая широкій просторъ развитію сильной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ, создаетъ ей много неудобствъ, затрудняя установку государственнаго порядка, безъ котораго невозможна прочная власть. Тотъ же ученый, который наиболѣе рѣзко выставилъ недостатки

*) Въ 1662 г. было указано торговымъ людямъ столицы, чтобы они, „межъ себя поговоря“, помыслили о томъ, какія мѣры надобно принять для устранения дороговизны, наступившей вслѣдствіе паденія курса мѣдныхъ денегъ. Торговне люди Кадашевской слободы закончили поданную ими на запросъ правительства сказку словами: „А о семъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь изволилъ взять сказки у городовыхъ земскихъ людей, что то дѣло всего его великаго государства“. Еще яснѣе высказалось высшее столичное купечество; описавъ затрудненія, отъ которыхъ страдала торговля, оно прибавило: „а чѣмъ тому помочь, и о томъ мы нынѣ одни сказать похлнно недоумѣемъ для того, что то дѣло всего государства, всякъ годовой и всякъ чинювъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указавъ для того дѣла взять изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по пяти человекъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“. Столичное купечество ясно отличаетъ совѣщаніе съ отдѣльными классами общества отъ собранія лучшихъ земскихъ людей всего государства и знаетъ, какія дѣла могутъ быть рѣшаемы такимъ сепаратнымъ совѣщаніемъ и какія общимъ земскимъ собраніемъ. (Изъ дѣла 1662 г. о мѣдныхъ деньгахъ, приготавлиаемаго моск. архивомъ мин. юстиціи къ изданію).

древне-русского земского представительства сравнительно съ западно-европейскимъ, ярко изобразилъ такое состояніе древне-русского общества въ эпоху возникновенія земскихъ соборовъ и мѣтко указалъ условія, побуждавшія московское правительство обращаться къ содѣйствію разрозненныхъ общественныхъ силъ и вызвать къ жизни соборное представительство *). При такихъ условіяхъ изъ земскихъ соборовъ долженъ былъ выработаться особый типъ народнаго представительства, отличный отъ западныхъ представительныхъ собраній. На соборѣ, разумѣется, трудно было встрѣтить сословныхъ представителей, вооруженныхъ оппозиціонною дисциплиной, чувствовавшихъ за собой крѣпко сплоченныя, непривычныя къ уступкамъ корпораціи, готовые поддерживать своихъ уполномоченныхъ во имя важныхъ интересовъ, защита которыхъ имъ довѣрена. Подобныя особенности политическаго быта могли быть воспитаны въ древне-русскомъ обществѣ развѣ только продолжительною и непрерывною практикой соборнаго представительства. Такимъ образомъ, явленія, бывшія на Западѣ причинами успѣховъ представительства, у насъ могли быть лишь слѣдствіями его успѣшной дѣятельности. Очевидно, соборное представительство выросло изъ политической почвы, мало похожей на ту, какая росла западныя представительныя собранія; но связь древне-русскихъ земскихъ соборовъ съ выросшившей ихъ почвой, съ туземными учрежденіями представляется недостаточно ясно. Причина этого заключается въ одномъ пробѣлѣ, какой остается въ изученіи соборнаго устройства: недостаточно уясненъ составъ представительства на земскихъ соборахъ. Изображая устройство земскаго собора, изслѣдователи сосредоточиваютъ свое вниманіе на его дѣятельности и на обстановкѣ, въ какой онъ дѣйствовалъ; касаясь состава собора, они обыкновенно останавливаются прямо на томъ моментѣ, когда земскіе выборные занимали свои мѣста въ палатѣ соборныхъ засѣданій, причемъ ограничиваются чисто-статистическими наблюденіями, пересчитываютъ, сколько явилось на соборѣ бояръ и духовныхъ лицъ, сколько выборныхъ отъ другихъ классовъ. Изрѣдка излагаются нѣкоторыя подробности избирательной процедуры; но очень мало говорятъ или совсѣмъ умалчиваютъ о составѣ избирательныхъ обществъ и объ отношеніи ихъ къ своимъ представителямъ. Какіе общественные міры посылали на соборы этихъ представителей, когда возникли и какъ были устроены эти міры, кого и почему выбирали они своими представителями, — потому ли, что въ минуту выбора избранные пользовались наибольшимъ личнымъ довѣріемъ избирателей, или по какимъ-либо инымъ, менѣе капризнымъ причинамъ, какую отвѣтственность и какія ожиданія возлагали избиратели на своихъ выборныхъ, — всѣ эти вопросы далеко нельзя признать разрѣшенными. Благодаря тому, въ устройствѣ соборнаго представительства остается много подробностей, возбуждающихъ недоумѣніе. Укажемъ для примѣра на одну изъ нихъ. Въ XVII вѣкѣ призывали на соборъ представителей отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ

*) Б. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“, стр. 357 и слѣд.

каждаго уѣзда и отъ тяглыхъ посадскихъ людей каждаяго уѣзднаго города. Это заставило признать уѣздъ избирательнымъ округомъ при выборѣ соборныхъ представителей провинціального населенія. Но составляли ли тогда дворяне и дѣти боярскіе каждаяго уѣзда одну цѣльную корпорацію? Почему отъ дворянства каждаяго уѣзда являлось на соборъ обыкновенно по два депутата, а отъ уѣздныхъ городовъ по одному и почему отъ дворянства Рязанскаго уѣзда встрѣчаемъ на соборахъ 4 или 8 представителей, когда другіе уѣзды посылали по два депутата? Признаніе уѣзда избирательнымъ округомъ не даѣтъ отвѣта на эти вопросы. Связь соборнаго представительства съ устройствомъ древне-русскихъ земскихъ міровъ и общественныхъ классовъ—вотъ та другая точка зрѣнія, съ которой, можетъ быть, видны будутъ особенности земскихъ соборовъ, остающіяся незамѣтными при сопоставленіи ихъ съ западными представительными собраніями. Разсматриваемые безъ этой связи, сами соборы представляются политическою неожиданностью и даже политическимъ излишествомъ: не отдашь себѣ отчета въ томъ, кому и для чего надобились эти соборы, зачѣмъ ихъ рѣдкими и суетливыми созывами прерывалось спокойное и ровное теченіе боярскаго законодательства и приказной администраціи, соответствовали ли начала соборнаго представительства общимъ основаніямъ дѣйствовавшаго государственнаго порядка,—однимъ словомъ, были ли земскіе соборы нормальнымъ завершеніемъ земскаго строя, или только временною пристройкой въ исключительныхъ случаяхъ?

Съ указаннымъ сейчасъ пробѣломъ въ изученіи земскихъ соборовъ связанъ вопросъ, касающійся, такъ сказать, перспективы въ исторіи соборнаго представительства: имѣло ли это учрежденіе какое-либо развитіе, историческій ростъ, или оно замерло такимъ же, какимъ родилось, оставшись политическимъ недоростомъ? Въ изслѣдованіяхъ о земскихъ соборахъ трудно найти отчетливый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Замѣчали, что не всѣ соборы были похожи другъ на друга по своему социальному составу и политическому значенію: одни представляли преимущественно столицу, другіе отличались болѣе широкимъ земскимъ составомъ; одни имѣли болѣе рѣшительный голосъ, чѣмъ другіе. Но были ли это случайныя колебанія, отступленія отъ нормы, вынужденныя обстоятельствами, или этими колебаніями обозначались успѣхи послѣдовательной выработки соборной организаціи? Въ изслѣдованіяхъ можно замѣтить наклонность различать соборы по политическимъ категоріямъ, а не по историческимъ моментамъ: соборы дѣлятъ на избирательные и совѣщательные, на полные и не полные; находятъ возможнымъ признать даже фиктивные соборы. Но, если не измѣняетъ намъ память, не видятъ существеннаго различія въ складѣ и характерѣ представительства между соборами XVI и XVII вв. Такимъ образомъ, прилагая къ земскимъ соборамъ довольно сложную, даже нѣсколько изысканную политическую классификацію, отказываютъ имъ въ историческомъ движеніи. Въ этомъ отношеніи всѣ соборы съ перваго до послѣдняго разсматриваются подъ одинаковымъ угломъ зрѣнія и если не всѣ освѣ-

щаются одинаковымъ свѣтомъ, то оттѣнки объясняются внѣшними обстоятельствами, при которыхъ созывались отдѣльные соборы, а не внутреннимъ ростомъ соборнаго представительства; эти оттѣнки набрасывались обстановкой, а не постановкой учрежденія. Провѣряя такой взглядъ, можно спросить, всегда ли одни и тѣ же земскіе міры посылали на соборы своихъ представителей и съ одинаковыми представительными полномочіями, или сфера представительства и составъ представительныхъ собраній изменялись въ разное время, измѣняя и характеръ самого представителя? Все это разъяснится, какъ скоро восстановлена будетъ связь соборнаго представительства съ учрежденіями, среди которыхъ дѣйствовали соборы. Если эти соборы имѣли свою исторію, фазы ихъ развитія прежде и замѣтнѣе всего должны были отразиться на составѣ соборнаго представительства и характерѣ выборныхъ, какъ представителей, т. е. на ихъ отношеніи къ избиравшимъ ихъ мірамъ и на источникѣ и свойствахъ полномочій, какія они получали отъ этихъ міровъ.

Изучая соборное представительство съ этой стороны, въ связи съ земными учрежденіями, изслѣдователь неминуемо встрѣтится съ вопросомъ о происхожденіи земскихъ соборовъ: почему они появляются именно съ половины XVI в. и появляются какъ-то вдругъ и неожиданно, повидимому, безъ всякой подготовки, безъ политическихъ преданій и привычекъ? Если они не были случайною механическою накладкой на существовавшій правительственный и общественный строй, въ этомъ строѣ около того времени должны были произойти перемѣны, вызвавшія потребность въ земскомъ представительствѣ. Здѣсь, прежде всего, любопытно зарожденіе самой мысли о земскомъ представительствѣ: какъ возникла въ московскомъ обществѣ того времени такая сложная политическая идея, изъ какихъ понятій сложилась она при своемъ возникновеніи и откуда взялись эти понятія, незамѣтные прежде?

Были сдѣланы попытки объяснить побужденія, вызвавшія первый земскій соборъ 1550 г. По мнѣнію однихъ, этотъ соборъ былъ созданъ царемъ для борьбы съ боярами, противъ которыхъ Грозный искалъ опоры въ народѣ *). Это мнѣніе не поддерживается историческими свидѣтельствами. Напротивъ, именно въ 1550 г. царь всего менѣе могъ думать о борьбѣ съ боярствомъ. Въ тому времени при посредничествѣ митрополита Макарія и Сильвестра онъ сблизился съ лучшими людьми изъ боярства и составилъ изъ нихъ кругъ совѣтниковъ и сотрудниковъ, которые помогали ему въ его смѣлыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ предпріятіяхъ. Чувствуя это затрудненіе, другіе изслѣдователи поправляютъ догадку, прибавляя, что первый земскій соборъ далъ царю твердую почву для будущей борьбы съ боярствомъ **). Но когда настала эта ожидаемая борьба, царь не искалъ

*) С. М. Соловьевъ: „Шлецеръ и анти-истор. направление“, въ *Русскомъ Вѣстн.* 1857 г., т. VIII, стр. 444.—Г. Сергѣевичъ: „Земскіе соборы“, въ *Сборн. Госуд. Знаній*, т. II, стр. 5.

**) Г. Залоскинъ: „Исторія права Московскаго государства“, въ *Учен. Зап. Казанскаго Университета* 1877 г., № 4, стр. 768.

опоры въ твердой почвѣ земскаго собора, а создалъ для этого новое учрежденіе совершенно противоземскаго характера, опричнину. Все, что извѣстно о цѣляхъ перваго земскаго собора отъ самого верховнаго виновника и руководителя его, также не поддерживаетъ догадки о боевыхъ демократическихъ побужденіяхъ, будто бы его вызвавшихъ. Въ рѣчи на Красной площади, которою публично, въ присутствіи собравшагося народа, повидимому, открыты были засѣданія этого собора, царь призывалъ толпившихся передъ нимъ «людей Божіихъ» не къ борьбѣ съ боярами, а ко взаимному прощенью и примиренію, молилъ ихъ «оставить другъ другу вражды и тяготы свои» и обращался къ митрополиту съ мольбой помочь ему въ этомъ дѣлѣ общаго земскаго примиренія. Смыслъ этого воззванія объясняется другою рѣчью царя, прочитанной въ слѣдующемъ году на церковномъ Стоглавомъ соборѣ. Можно съ полною увѣренностью думать, что царь разумѣлъ предложеніе, сдѣланное имъ на земскомъ соборѣ 1550 года, когда въ рѣчи своей напоминалъ отцамъ Стоглаваго собора, что въ предъидущее лѣто онъ приказалъ своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ «помириться на срокъ» во всѣхъ прежнихъ дѣлахъ со всѣми христіанами своего царства. Все это можетъ показаться идилліей и въ такомъ кажущемся идиллическомъ смыслѣ повторялось иными повѣствователями. Трудно только представить себѣ, какимъ порядкомъ и въ какой формѣ могло совершиться предписанное царемъ примиреніе, и, притомъ, срочное примиреніе, цѣлыхъ классовъ общества другъ съ другомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что рѣчи царя на обоихъ соборахъ—ораторскія произведенія, въ которыхъ подъ торжественными метафорическими оборотами надобно искать простыхъ дѣйствительныхъ явленій, имѣвшихъ свой простой, будничныи языкъ. Переводя ораторскія выраженія царя на этотъ простой дѣловой языкъ тогдашняго управленія, открываемъ очень любопытный и мало замѣтный въ другихъ памятникахъ того времени фактъ, которымъ сопровождался первый земскій соборъ и которымъ ярко освѣщаются нѣкоторыя побужденія, вызвавшія этотъ первый опытъ земскаго представительства въ Московскомъ государствѣ. Извѣстно, что для сдержки злоупотребленій областныхъ управителей, намѣстниковъ и волостелей, управляемымъ ими обществамъ предоставлялось право жаловаться на нихъ высшей власти въ Москвѣ. Еще задолго до перваго земскаго собора московское законодательство старалось установить порядокъ принесенія и разбора такихъ жалобъ, назначая для того извѣстные сроки. Въ *Судебникѣ* 1550 г. царь Иванъ подтвердилъ важнѣйшія постановленія своихъ предшественниковъ по этому предмету. Тяжбы, возникавшія въ силу этого права, принадлежали къ наиболѣе характернымъ явленіямъ древне-русской жизни: то были не политическіе процессы демократіи съ аристократіей, а простыя гражданскія тяжбы о переборахъ въ *кормахъ* и *пошлинахъ*, т.-е. въ прямыхъ и косвенныхъ наюгахъ, взимаемыхъ въ пользу управителей, о проторяхъ и убыткахъ, какіе терпѣли обыватели отъ административныхъ и судебныхъ дѣйствій кормленщика, казавшихся имъ неправильными. Эти иски велъсь

или отдѣльными лицами, или цѣлыми обществами черезъ старость и мирскихъ ходяковъ, съ обычными приемами тогдашняго исковаго процесса, съ приставными памятями, свидѣтельскими показаніями, крестоцѣлованіями и т. д. Время малолѣтства Грознаго было, повидимому, особенно обильно такими тяжбами, длившимися иногда многіе годы, и московскіе приказы были завалены ими. Эти тяжбы и имѣлъ въ виду царь, приказавъ на соборѣ 1550 г. всѣмъ служилымъ людямъ, противъ которыхъ онѣ были направлены, *помириться* съ своими истцами «на срокъ»: велѣно было покончить всѣ накопившіеся противъ областной администраціи иски и покончить не обычнымъ исковымъ, формальнымъ, а *мировымъ* порядкомъ, полюбовно. Срокъ для этой судебно-административной ликвидаціи назначенъ былъ довольно короткій, вѣроятно, годовой, потому что въ 1551 г. царь могъ уже сообщить отцамъ церковнаго собора, что бояре, приказные люди и кормленщики во всякихъ дѣлахъ помирились со всѣми землями въ назначенный срокъ. Жалобы земскихъ мировъ обращались не противъ бояръ, какъ общественнаго класса, а противъ должностныхъ лицъ областного управления, большинство которыхъ принадлежало къ другимъ слоямъ военно-служилаго сословія, помѣщавшимся въ общественномъ складѣ государства ниже боярства, а на соборѣ 1550 года, если о его составѣ можно судить по составу дальнѣйшихъ соборовъ XVI вѣка, рѣшительное большинство выборныхъ принадлежало къ тѣмъ же не боярскимъ слоямъ служилаго сословія. Въ комъ же и противъ кого могъ царь найти опору на соборѣ съ такимъ составомъ? Царь, говорятъ, созвалъ земскій соборъ, чтобы найти въ народѣ опору противъ бояръ, говоря проще, чтобы возбудить народъ противъ бояръ, а на соборѣ предложилъ боярамъ и другимъ кормленщикамъ помириться съ народомъ; средствомъ возбужденія народа противъ бояръ должно было служить собраніе, на которомъ, надобно думать, было очень мало представителей *народа* и огромное большинство котораго состояло изъ служилыхъ людей, вполне солидарныхъ въ вопросѣ о кормленщикахъ съ боярами. Эти несообразности приводятъ къ тому заключенію, что на первомъ земскомъ соборѣ шло дѣло не о возбужденіи социально-политической борьбы, а объ устраненіи одного судебно-административнаго затрудненія, и молодой царь выступилъ на немъ не демократическимъ агитаторомъ, а просто—умнымъ и добросовѣстнымъ правителемъ. Легко догадаться, что и мысль о боевомъ противобоярскомъ происхожденіи собора 1550 г. навѣяна явленіями изъ исторіи западныхъ представительныхъ собраній. Наконецъ, если бы первый земскій соборъ имѣлъ враждебное боярству происхожденіе, слѣдовало бы ожидать и со стороны этого вліятельнаго тогда класса враждебнаго отношенія къ земскимъ соборамъ. Напротивъ, въ самыхъ горячихъ поборникахъ боярскихъ интересовъ второй половины XVI в. это учрежденіе встрѣчало не только признаніе, но и полное одобреніе. Князь Курбскій, который хорошо помнилъ соборъ 1550 года, когда писалъ направленную противъ Грознаго исторію этого царя, не только не упрекаетъ его за этотъ соборъ въ своемъ произведеніи, не

только не видитъ ничего вреднаго въ земскомъ представительствѣ, но даже прямо настаиваетъ на необходимости для царя искать добраго и полезнаго совѣта не у однихъ совѣтниковъ - бояръ, но и у «всенародныхъ человѣкъ», а составляя свой памфлетъ, авторъ знаетъ, что всенародные человѣки уже дважды собирались въ Москвѣ по зову царя, чтобы дать ему добрый и полезный совѣтъ. Современникъ князя Курбскаго, другой публицистъ, авторъ *Валаамской бесѣды* о монастырскомъ землевладѣннн, памфлета, горячо отстаивающаго правительственное и землевладѣльческое значеніе боярства, даже предлагаетъ сдѣлать земскій соборъ ежегоднымъ и всесословнымъ представительнымъ собраніемъ, которое помогало бы правительству въ надзорѣ за областною администраціей, доводя до свѣдѣнія царя о дѣйствіяхъ областныхъ управителей и вообще «о всякомъ дѣлѣ міра». Не будетъ лишнимъ отмѣтить еще одну особенность, какою отличается разсматриваемая причина созыва перваго собора, состоявшая будто бы въ потребности царя найти народную опору противъ бояръ: эта причина долго существовала, но производя своего дѣйствія, и долго дѣйствовала, переставъ существовать. Столкновенія московскаго государя съ боярствомъ становятся замѣтны съ конца XV в. и до половины слѣдующаго столѣтія не пробуждали въ московскихъ государяхъ потребности призвать къ себѣ на помощь земское представительство. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ такихъ столкновеній, которыя сколько-нибудь заслуживали бы названія борьбы, совсѣмъ не замѣтно, и, однако-жь, оба эти царя продолжаютъ созывать земскіе соборы; первый изъ нихъ созывалъ ихъ даже чаще, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Другіе изслѣдователи указываютъ другія причины созыва перваго земскаго собора; эти причины повторяютъ иногда, какъ подкрѣпленіе своей догадки, и сторонники противобоярскаго происхожденія этого собора. То были: возникшая съ объединеніемъ Руси Москвою потребность въ общемъ органѣ для всей Русской земли, при помощи котораго она могла бы заявлять о своихъ нуждахъ и желаніяхъ передъ образовавшеюся общою верховною властью, необходимость дать общее направленіе интересамъ и стремленіямъ отдѣльныхъ земщинъ Московскаго государства, чтобы могло выработаться сознаніе цѣлостной общерусской земщины, необходимость для царя вступить въ союзъ съ землею, отстранивъ бояръ съ пути, который велъ къ единенію царя и земли, ясно понятая царемъ необходимость непосредственнаго общенія своего съ народомъ, чтобы имѣть въ немъ твердую опору въ правительственной дѣятельности, и т. п. *). Нельзя не признать того удобства этихъ соображеній, что они касаются происхожденія соборнаго представительства вообще, а не перваго только собора: трудно объяснить происхожденіе перваго собора отдѣльно отъ дальнѣйшихъ, особенно когда для сужденій о первомъ соборѣ такъ мало данныхъ. Но эти

*) *Бяляевъ* въ университетской рѣчи 1867 г. „о земскихъ соборахъ“; *г. Загоскинъ* въ *Исторіи права Московскаго государства*.

соображенія страдают туманностью и какъ отвлеченныя формулы, подобно соборнымъ рѣчамъ царя Ивана, должны быть переложены на простой конкретный языкъ московскаго государственнаго порядка XVI вѣка, чтобы стать понятными. Притомъ, и эти соображенія не рѣшаютъ всей задачи, не даютъ достаточно прямого отвѣта на вопросъ о томъ, какъ возникло соборное представительство въ Московскомъ государствѣ. Положимъ, могло государство чувствовать потребность въ общемъ органѣ для заявленія нуждъ и желаній земли, могъ и государь понять необходимость непосредственнаго общенія своего съ народомъ; но остается неяснымъ, какъ и почему такимъ органомъ и средствомъ такого общенія явился земскій соборъ, учрежденіе еще небывалое на Руси, и явился именно съ такимъ, а не инымъ составомъ и характеромъ. Сказать, что земскій соборъ былъ созданъ вслѣдствіе понятой царемъ необходимости общенія съ народомъ, значить указать только первое смутное побужденіе, завязку мысли о земскомъ соборѣ; но чтобы исторически объяснить его происхожденіе, надобно показать, какъ эта мысль развилась въ цѣлую систему представительства, какъ сложился самый планъ учрежденія. Представительное собраніе нельзя проектировать отвлеченно, какъ математическое построеніе или канцелярію, штатъ и регламентъ которой зависятъ отъ соображеній и потребностей учредителя. Какъ бы ни зародилась въ умѣ царя Ивана мысль о земскомъ соборѣ, онъ могъ строить его только изъ наличныхъ политическихъ матеріаловъ, и если онъ обладалъ политическимъ глазомѣромъ, онъ не могъ не сообразовать своихъ цѣлей и побужденій со складомъ управляемаго имъ общества и взаимными отношеніями разныхъ его классовъ. Значить, дѣло не столько въ томъ, что думалъ или чего желалъ царь, созывая первый земскій соборъ, сколько въ томъ, какъ сложились самыя формы, усвоенныя земскими соборами XVI вѣка, какую связь имѣли ихъ составъ и вся организація съ правительственнымъ и общественнымъ складомъ государства. Такъ и вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ ставитъ насъ на ту же точку зрѣнія, которая сама собою представилась намъ при мысли о способѣ полнѣе опредѣлить характеръ и значеніе соборнаго представительства: она покажетъ, какъ и въ какомъ видѣ могло возникнуть это представительство изъ всей системы государственныхъ учреждений XVI в.

Сказаннымъ объясняется задача настоящаго очерка. Онъ предпринятъ съ мыслью, что нѣтъ нужды въ общемъ пересмотрѣ вопроса о древне-русскихъ земскихъ соборахъ. Наша историографія достигла многихъ прочныхъ выводовъ въ изученіи судьбы и характера этого учрежденія. Достаточно вывѣренъ политическій вѣсъ земскихъ соборовъ сравнительно съ западными представительными учрежденіями, рассказана исторія ихъ дѣятельности и отчасти разъяснено ихъ значеніе въ исторіи русскаго законодательства. Доказано, что наши земскіе соборы никогда не пользовались такими политическими обезпеченіями, какими на Западѣ поддерживалось постоянное и дѣятельное участіе представительныхъ учреждений въ законодательствѣ и управленіи: ни законъ, ни правительственная практика не

ставали такихъ обезпеченій земскому представительству въ Московскомъ государствѣ. Въ этомъ отношеніи земскіе соборы далеко отставали даже отъ Боярской думы московскихъ государей: ей сообщали известную политическую прочность не только въ ювой обычай, но и законъ, прямо выраженный въ *Судебникъ* 1550 года, по одной статьѣ котораго новые законы издаются «съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговора». Простое хронологическое сопоставленіе перваго и послѣдняго собора отнимаетъ возможность оспаривать, что земскіе соборы вызывались потребностями, не имѣвшими продолжительнаго дѣйствія: соборы не созывались до 1550 г. и перестали собираться полтора ста лѣтъ спустя. Отсюда же можно заключить, что эти временныя потребности не были и настолько настойчивы, чтобы самое соборное представительство сдѣлать политической потребностью, ввести его въ составъ устойчиваго обычая, способнаго держаться самимъ собою, безъ поддержки первоначальныхъ условій, его создавшихъ. Земскіе соборы созывались вообще довольно рѣдко, не были постоянно напряженною пружиной государственнаго механизма и потому ихъ дѣятельность не проходитъ ровною и непрерывною нитью въ ткани московскаго законодательства, какую проходила дѣятельность Боярской думы. Послѣ полуторавѣковаго прерывистаго существованія земскіе соборы прекратились, не оказавъ замѣтнаго дѣйствія на дальнѣйшій ростъ правительственныхъ учреждений: видѣть въ кодификаціонныхъ комиссіяхъ XVIII вѣка, даже въ самой шумной и нарядной изъ нихъ, въ комиссіи 1767 г., прямое продолженіе земскихъ соборовъ, слышать въ нихъ отзывъ замиравшаго соборнаго преданія едва ли не значить преувеличивать нѣкоторые наружныя признаки сходства въ учрежденіяхъ, построенныхъ на совершенно различныхъ началахъ и вызванныхъ совсѣмъ не одинаковыми побужденіями. Сказанное сейчасъ о земскихъ соборахъ неоднократно доказывалось и если не всѣми охотно признается за доказанное, то довольно рѣдко оспаривается. обстоятельно изслѣдованы и многія подробности устройства соборовъ, особенно соборнаго дѣлопроизводства; но здѣсь именно и остаются еще замѣтные пробѣлы. Выше отмѣчены тѣ изъ пробѣловъ, которые намъ кажутся наиболее важными; чтобы по возможности восполнить ихъ, попытаемся разобрать три тѣсно связанные другъ съ другомъ вопроса: о составѣ соборнаго представительства въ связи съ устройствомъ мѣстныхъ мировъ и общественныхъ классовъ, представители которыхъ призывались на соборы, о происхожденіи земскихъ соборовъ, насколько можно судить о томъ по первоначальному ихъ составу, и о развитіи соборнаго представительства, какъ оно отражалось въ постепенномъ измѣненіи этого состава. Такимъ образомъ, составъ соборнаго представительства является основнымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ отвѣтъ на остальные, а связь соборнаго представительства съ правительственнымъ и общественнымъ строемъ государства послужитъ общемою точкой зрѣнія, которая укажетъ путь къ рѣшенію всѣхъ ихъ. Если сопоставленіе земскихъ соборовъ съ пред-

ставительными учрежденіями другихъ странъ достаточно уяснило, чѣмъ не были эти соборы, то сопоставленіе ихъ съ туземными учрежденіями поможетъ объяснить, чѣмъ они были.

I.

Соборъ 1566 года.

Изображая составъ соборнаго представительства, мы обыкновенно руководствуемся соборными актами XVII вѣка въ молчаливомъ предположеніи, что точно такой же составъ имѣли и соборы XVI вѣка, что соборное представительство и на свѣтъ явилось съ такимъ составомъ. Это предположеніе доселѣ остается не оправданнымъ и не опровергнутымъ. Акты соборовъ XVI вѣка и извѣстія о нихъ, уцѣлѣвшія въ другихъ памятникахъ, таковы, что по нимъ трудно сообразить, какая система представительства принята была для этихъ соборовъ, была ли эта система та же, какою руководствовались при созывѣ земскихъ чиновъ въ XVII вѣкѣ, или кака-либо иная. Но, не зная этой системы, мы не имѣемъ въ рукахъ ключа къ рѣшенію вопросовъ о происхожденіи и развитіи земскихъ соборовъ. Это заставляетъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на соборахъ XVI вѣка и рассмотреть сохранившіяся указанія на ихъ составъ.

О цѣли созыва и о дѣятельности перваго земскаго собора 1550 г. въ нашей литературѣ высказано нѣсколько предположеній и догадокъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о происхожденіи соборнаго представительства, мы увидимъ, что въ памятникахъ XVI вѣка остались довольно ясныя указанія на важные вопросы государственнаго устройства, которые обсуждались на этомъ соборѣ и обсужденіе которыхъ, по всей вѣроятности, служило цѣлью его созыва. Такимъ образомъ, есть возможность отмѣтить нѣкоторые слѣды, оставленные въ законодательствѣ соборомъ 1550 г. Но этотъ соборъ надобно пока считать потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI вѣка. О составѣ его сохранилось краткое и неясное извѣстіе, которое гласитъ, что царь Иванъ на двадцатомъ году своей жизни повелѣлъ собрать «свое государство изъ городовъ *всякаго чина*»^{*)}). Если даже понимать эти слова вполнѣ въ буквальный смыслъ и предположить, что дѣйствительно были созваны въ столицу выборные отъ всѣхъ чиновъ, тогда существовавшихъ, составъ собора объяснится очень мало, потому что неизвѣстно, какіе *чины* тогда существовали. То было переходное время въ образованіи московской государственной іерархіи: дворцовыя должности удѣльнаго управленія превращались въ служебныя званія, не соединенныя съ опредѣленными должностными занятіями, а экономическія состоянія становились служебными рангами, обязанными исполнять извѣстныя правительственныя порученія. Такъ складывалась московская іерархія чиновъ. Полную табель этихъ чиновъ

*) *Собр. исуд. грам. и догов.*, II, № 37.

можно составить по памятникамъ первой половины XVII вѣка, когда эти крайне мелкіе разряды, на которые дробилось населеніе въ Московскомъ государствѣ по роду и размѣрамъ падавшихъ на него повинностей, уже начинали смыкаться въ нѣсколько крупныхъ классовъ съ характеромъ условий. Но къ половинѣ XVI вѣка многіе изъ этихъ чиновъ еще не успѣли образоваться, по крайней мѣрѣ, еще не носили техническихъ названій, какія позднѣе усвоила имъ чиновная терминологія. Такъ, въ памятникахъ того времени незамѣтно еще слѣдовъ дѣленія высшаго московскаго купечества на *юстей* и торговыхъ людей *юстинной* и *сукомной сотенъ* съ періодическими наборами въ эти званія низшихъ торговыхъ людей столичныхъ и областныхъ; слѣды такого дѣленія становятся замѣтны не раньше царствованія Феодора Иоанновича. Точно также не видно, чтобы ко времени перваго земскаго собора успѣла установиться іерархія чиновъ высшаго столичнаго дворянства, носившихъ въ XVII вѣкѣ названія *стольниковъ*, *стряпчихъ*, *дворянъ московскихъ* и *жилцовъ*: нѣкоторые изъ этихъ званій еще не получили значенія чиновъ, оставаясь придворными должностями, т. е. должностями дворцовой администраціи. Можно думать, что выработка служебной дворянской іерархіи началась нѣсколько раньше купеческой: слѣды ея замѣтны уже въ царствованіе Грознаго. Въ разрядной книгѣ полоцкаго похода 1563 г. перечисляются столичные служилые чины *стольниковъ*, *стряпчихъ*, *жилцовъ* и *дворянъ выборныхъ* *). Въ этомъ перечнѣ нѣтъ еще кореннаго столичнаго чина *дворянъ московскихъ*, если только не этотъ чинъ обозначенъ въ книгѣ названіемъ *съ Москвы дворовыхъ*, а *дворяне выборные*, причисляемые въ книгѣ къ столичному дворянству, въ позднѣйшихъ служилыхъ спискахъ являются первымъ чиномъ дворянства *городоваго*, т. е. провинціального. Значить, еще много лѣтъ послѣ собора 1550 г. лѣствица и терминологія чиновъ не получали окончательной установки. И такъ, о составѣ соборнаго представительства въ 1550 г. можно судить только по составу дальнѣйшихъ земскихъ соборовъ XVI вѣка.

Второй соборъ былъ созванъ въ 1566 г. во время войны съ Литвой за Ливонію. Царь хотѣлъ узнать мнѣнія чиновъ о томъ, мириться ли съ Литвой на условіяхъ, предложенныхъ литовскимъ королемъ. Отъ этого собора сохранилась приговорная грамота, полный протоколъ съ поименнымъ перечнемъ всѣхъ членовъ собора. Но этотъ перечень во многихъ отношеніяхъ представляется загадкой. Въ немъ поименовано 374 члена собора. По общественному положенію ихъ можно раздѣлить на 4 группы. Во-первыхъ, на соборѣ присутствовало 32 духовныхъ лица: то бы архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и монастырскіе старцы. Въ этой группѣ едва ли были выборные люди: ее составляли лица, одни изъ которыхъ явились на соборъ по своему сану, какъ его непремѣнные члены, другія, вѣроятно, были приглашены правительствомъ, какъ свѣдущіе люди, ува-

*) *Витебская Старина*, изд. А. Салуновымъ, т. IV, стр. 27 и 33.

жаемые обществомъ и могущіе подать полезный совѣтъ или усилить нравственный авторитетъ собранія. Вторая группа состояла изъ 29 бояръ, окольныхъ, государевыхъ дьяковъ, т.-е. статсъ-секретарей, и другихъ высшихъ сановниковъ, да изъ 33 простыхъ дьяковъ и приказныхъ людей. Здѣсь не могло быть выборныхъ представителей: это были все сановники и дѣльцы высшаго центрального управленія, члены Боярской думы, начальники и секретари московскихъ приказовъ, приглашенные на соборъ въ силу своего правительственнаго положенія. Третью группу составляли 97 дворянъ первой статьи, 99 дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, 3 торопецкихъ и 6 луцкихъ помѣщиковъ: это группа военно-служилыхъ людей. Наконецъ, въ составъ четвертой группы входили 12 гостей, т.-е. купцовъ высшаго разряда, соотвѣтствовавшаго нынѣшнему званію коммерціи совѣтниковъ, 41 человекъ простыхъ московскихъ купцовъ, «торговыхъ людей москвичей», какъ они названы въ соборной грамотѣ, и 22 человека смолянъ: это люди торгово-промышленнаго класса.

Составъ и значеніе двухъ послѣднихъ группъ и являются загадкой, благодаря своеобразной социальной терминологіи соборнаго акта и необычной группировкѣ членовъ собора въ ихъ перечнѣ. Позднѣе, когда установилась іерархія служилыхъ чиновъ, въ ней не находимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ первой и второй статьи. Что такое были эти 196 дворянъ и дѣтей боярскихъ обѣихъ статей, кого они представляли на соборѣ и даже представляли ли кого-нибудь, были ли выборными отъ какихъ-нибудь общественныхъ міровъ? Не находя въ соборной грамотѣ прямыхъ отвѣтовъ на эти вопросы и видя рядомъ съ дворянами и дѣтьми боярскими, неизвѣстнаго представлявшими, помѣщиковъ луцкихъ и торопецкихъ, нѣкоторые изслѣдователи признали составъ собора ненормальнымъ, неполнымъ. Этотъ составъ нѣкогда даже вызвалъ небольшой споръ въ нашей исторической литературѣ. Не находя достаточнаго количества областныхъ депутатовъ на соборѣ 1566 года, Соловьевъ не рѣшался признать за нимъ значенія земскаго представительнаго собранія. К. Аксаковъ возражалъ, признавая этотъ соборъ неполнымъ и сравнивая его съ молодымъ деревомъ, изъ котораго современемъ выростетъ вѣтвистый дубъ, — другими словами, подтверждавъ мнѣніе противника, замѣняя историческое возраженіе поэтическимъ сравненіемъ *). Присутствіе на соборѣ помѣщиковъ двухъ уѣздовъ и торговыхъ людей одного областного города, разумѣется, не могло сообщить ему значенія земскаго собранія, представительства всей земли. Появленіе этихъ немногихъ мѣстныхъ областныхъ представителей объясняли довольно искусственно. На соборѣ обсуждался вопросъ о томъ, отступаться ли отъ порубежныхъ ливонскихъ городовъ, которые литовскій король удерживалъ за собою. Вопросъ этотъ обсуждался преимущественно съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ Пскова, Новгорода и другихъ западныхъ коммерче-

*) Шлецеръ и анти-истор. направление (*Русск Вѣстн.*, т. VIII, стр. 445). Сочиненія К. Аксакова, I, 204.

скихъ центровъ Московскаго государства *). Обсуждая этотъ вопросъ, правительство, значить, хотѣло выслушать мнѣнія представителей тѣхъ областей, которыхъ онъ преимущественно касался. Выходить нѣчто довольно неожиданное изъ этихъ соображеній: обсуждали вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ Пскова и Новгорода и не позволяли ни одного представителя ни псковскаго, ни новгородскаго; ни Торопецъ, ни Вел. Луки не принадлежали къ числу коммерческихъ центровъ въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка и, однако, изъ ихъ уѣздовъ вызвали 9 представителей. Но и это объясненіе не касается 196 дворянскихъ представителей обѣихъ статей: ихъ представительное значеніе остается загадочнымъ. Такъ какъ мѣстное происхожденіе областныхъ дворянскихъ депутатовъ, хотя и очень немногочисленныхъ, только луцкихъ и торопецкихъ, прямо обозначено въ соборномъ актѣ, то г. Чичеринъ высказалъ предположеніе, что дворяне и дѣти боярскія обѣихъ статей, мѣстное происхожденіе которыхъ не обозначено, были представители не областного, а столичнаго, московскаго дворянства **). Впослѣдствіи столичное дворянство, составлявшее высшій слой служилаго класса, нѣчто похожее на гвардію, распалось, какъ сказано, на чины *стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жмѣльцовъ*, и каждый чинъ выбиралъ на соборы особыхъ представителей. Если предположить, что обѣ статьи, на которыя раздѣлены были перечисленные въ соборномъ актѣ дворяне и дѣти боярскія, имѣли въ XVI вѣкѣ значеніе служилыхъ московскихъ чиновъ, соотвѣтствовавшихъ позднѣйшему болѣе подробному чиновному дѣленію столичнаго дворянства, останется непонятнымъ, зачѣмъ понадобилось такое огромное, небывалое впослѣдствіи количество соборныхъ представителей того и другаго чина.

Есть возможность распутать этотъ узелъ и объяснить представительный характеръ загадочныхъ 196 дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 г. Эти дворяне и дѣти боярскія вмѣстѣ съ 9 торопецкими и луцкими помѣщиками представляли на соборѣ многочисленный военно-служилый классъ, если только представляли кого-нибудь, и, кромѣ нихъ, не видимъ другихъ представителей этого класса въ составѣ собора. Ихъ было 205 человекъ на 374 члена собора, т. е. почти 55% всего личнаго состава собранія. Значить, представители дворянства образовали самый многочисленный элементъ этого состава. Незадолго до собора, въ 1550-хъ годахъ, московское правительство приняло рядъ важныхъ мѣръ съ цѣлью организовать этотъ классъ, устроить его землевладѣльческое положеніе и порядокъ отбыванія лежавшихъ на немъ служебныхъ обязанностей. Первою извѣстною мѣрой изъ этого ряда былъ законъ 3 октября 1550 г. Царь приговорилъ съ боярами набрать по разнымъ областямъ государства тысячу лучшихъ служилыхъ людей и у кого изъ набранныхъ не окажется

*) *Ист. права Моск. юсуд.*, г. Загоскина, въ *Уч. Зап. Каз. Унив.* 1877 г., № 4, стр. 772 и сл.

**) *О народномъ представительствѣ*, стр. 365.

земельныхъ имѣній близъ Москвы, не далѣе 70 верстъ отъ столицы, тѣмъ дать помѣстья подъ Москвою на такомъ же отъ нея разстояніи. Въмѣстѣ съ простыми служилыми людьми на одинаковыхъ условіяхъ велѣно было испомѣстить и бояръ и другихъ высшихъ сановниковъ, также не имѣвшихъ подъ Москвою ни вотчинъ, ни помѣстій. Всѣ эти новые подмосковные помѣщики назначались на постоянную службу въ столицѣ и обязаны были всегда быть готовыми «въ посылки», для исполненія различныхъ правительственныхъ порученій. Служилые люди, набранные по этому закону изъ разныхъ уѣздовъ, раздѣлялись на три *статьи* или разряда по размѣрамъ назначенныхъ имъ помѣстныхъ надѣловъ (по 300, по 225 и по 150 десятинамъ пахотной земли). Составленъ былъ списокъ сановниковъ и простыхъ служилыхъ людей, которыхъ предположено было въ силу закона 3 октября испомѣстить подъ Москвою, съ обозначеніемъ уѣздовъ, изъ которыхъ взяты служилые люди, т.-е. въ которыхъ находились у нихъ недвижимыя имѣнія или къ которымъ они были приписаны по службѣ до закона 3 октября. Этотъ списокъ, получившій названіе *Тысячной книги*, дошелъ до насъ *). Сличая его съ перечнемъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 года, получаемъ возможность уяснить представительное значеніе послѣднихъ.

Очень многія имена, помѣщенные въ Тысячной книгѣ 1550 года, повторяются и въ соборномъ перечнѣ 1566 года; нерѣдко въ послѣднемъ обозначенъ сынъ служилаго человѣка, записаннаго въ первой. Сличеніе обоихъ этихъ документовъ приводитъ къ любопытнымъ наблюденіямъ. Разсматривая Тысячную книгу, замѣчаемъ, что статьи, на которыя она дѣлитъ служилыхъ людей, имѣютъ генеалогическое основаніе. Изъ нихъ двѣ первыя сравнительно немногочисленны, заключаютъ въ себѣ всего 112 именъ; но это все имена первостепенной или второстепенной знати, будущихъ сановниковъ. Третья статья, самая многочисленная, отличается смѣшаннымъ составомъ: и здѣсь встрѣчаются родовитые люди; но огромное большинство записанныхъ въ эту статью принадлежало къ рядовому дворянству. Очевидно, новобранцевъ столичной службы старались надѣлать подмосковными помѣстьями въ мѣру ихъ служебной годности, которая измѣрялась тогда, прежде всего, степенью родовитости, «отечествомъ». Этимъ именно дѣленіемъ Тысячной книги, установленнымъ закономъ 3 октября, руководился составитель соборнаго перечня при распредѣленіи на статьи дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 г. По Тысячной книгѣ въ первой статьѣ обозначенъ кн. Ю. И. Кашинъ; въ соборномъ перечнѣ дворяниномъ той же статьи является сынъ его, кн. Д. Ю. Кашинъ, замѣстившій своего отца, который немного лѣтъ спустя послѣ набора 1550 г. изъ столичныхъ дворянъ произведенъ былъ въ бояре. Это не значитъ, что столичные дворяне набора 1550 г. или сыновья ихъ, попавшіе на соборъ 1566 г., и здѣсь оставались въ тѣхъ же статьяхъ, въ

*) *Временникъ* общ. ист. и др. росс., кн. 20, смѣсь, стр. 41.

которыя они или ихъ отцы записаны были по Тысячной книгѣ. Статьи эти не были замкнутыми, безъисходными кругами, не допускавшими іерархическаго движенія: дворянинъ, въ 1550 г. по своей служебной годности зачисленный въ третью статью и потому получившій помѣстный надѣлъ подь Москвой въ 150 десятинъ пашни, потомъ за служебныя заслуги получалъ прибавки къ этому надѣлу до 225 или до 300 десятинъ и такимъ образомъ поднимался во вторую и въ первую статью. Вотъ почему почти всѣ дворяне, зачисленные по книгѣ 1550 г. во вторую или третью статью и присутствовавшіе на соборѣ 1566 года, въ соборномъ перечнѣ являются дворянами второй или первой статьи. Слѣдя за связью генеалогическаго значенія столичныхъ дворянъ съ ихъ служебнымъ положеніемъ и общественнымъ вѣсомъ, насколько эта связь открывается путемъ сличенія обоихъ разсматриваемыхъ документовъ, замѣчаемъ въ дворянскомъ составѣ собора 1566 года одну черту, которая при первомъ взглядѣ кажется непонятной. При такой связи слѣдовало бы ожидать, что изъ каждой статьи столичнаго дворянства на соборѣ явятся наиболѣе родовитые люди. Сличая Тысячную книгу съ соборнымъ перечнемъ дворянъ обѣихъ статей, этого не находимъ. Многіе дворяне знатныхъ фамилій, успѣшно проходившіе служебный путь, почему-то не попали на соборъ, а весьма многіе совсѣмъ неродовитые люди попали. Не было на соборѣ ни кн. П. Д. Пронскаго, вскорѣ пожалованнаго въ бояре, ни Д. А. Бутурлина и кн. Ю. И. Токмакова, которые черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ собора являются въ Боярской думѣ окольничими; между тѣмъ, представителями дворянства записаны въ соборномъ спискѣ люди такого скромнаго происхожденія, какъ Бортеневъ, Волуевъ, Коуровъ, Кобяковъ, Рясинъ, Чихачевъ, Чубаровъ и множество другихъ, фамиліи которыхъ никогда не появлялись въ думскихъ спискахъ. Значить, дворянскіе представители на соборѣ подбирались не по одной родовитости, но и по другимъ какимъ-то соображеніямъ. Этотъ подборъ и заставляетъ обратить вниманіе на мѣстное происхожденіе дворянъ, имена которыхъ обозначены въ соборномъ перечнѣ обѣихъ статей.

Тысячная книга даетъ возможность прослѣдить мѣстное происхожденіе очень многіхъ дворянскихъ представителей на соборѣ 1566 г.: какъ было замѣчено выше, въ ней обозначено, по какимъ уѣздамъ служили дворяне, взятые на столичную службу въ 1550 г. Параллельное изученіе обоихъ списковъ, тысячнаго 1550 г. и соборнаго 1566 г., приводитъ къ такимъ наблюденіямъ. Изъ 196 соборныхъ представителей дворянства обѣихъ статей можно опредѣлить мѣстное происхожденіе ста одного: имена ихъ или ихъ отцовъ встрѣчаемъ и въ Тысячной книгѣ, а по закону 3 октября 1550 г. дворянина, выбывшаго изъ набранной тысячи, долженъ былъ замѣщать его сынъ, если таковой былъ и оказывался годнымъ къ столичной службѣ. Прибавивъ къ этому числу 9 луцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ, мѣстное происхожденіе которыхъ указано въ самомъ соборномъ перечнѣ, получимъ изъ 205 дворянскихъ представителей 110 такихъ, о которыхъ несомнѣнно извѣстно, по какимъ уѣздамъ служили они или ихъ

отцы въ 1550 г., когда ихъ записали на столичную службу. Спрашивается, кто такіе были остальные 95 представителей? Судя по большинству ихъ, принадлежавшему къ добрымъ или среднимъ дворянскимъ фамиліямъ, они также входили въ составъ столичнаго дворянства. Но ни ихъ самихъ, ни ихъ отцовъ не находимъ въ Тысячной книгѣ. Это могло произойти отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, въ Тысячной книгѣ записаны далеко не всѣ дворяне, состоявшіе на столичной службѣ въ 1550 году, а только тѣ зачисленные тогда на эту службу новобранцы и тѣ изъ старыхъ столичныхъ служахъ, у которыхъ не было подмосковныхъ помѣстій и вотчинъ и которыхъ тогда же предписано было вновь испомѣстить подъ Москвою. Просматривая росписи служебныхъ назначеній 1550-хъ годовъ, сведенныя въ *Разрядной книгѣ*, встрѣчаемъ очень много дворянъ, которыхъ нѣтъ въ Тысячной книгѣ, но которые исполняли одинаковыя съ записанными въ ней порученія столичной службы; нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаемъ на соборѣ 1566 года въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ первой и второй статьи *). Во-вторыхъ, по закону 3 октября 1550 г., дворянинъ, выбывшій изъ новонабранной столичной тысячи, замѣнялся другимъ, стороннимъ служилымъ человѣкомъ, если не имѣлъ сына, годнаго къ столичной службѣ. Распредѣливъ 110 дворянскихъ представителей по мѣсту ихъ происхожденія, найдемъ, что они принадлежали къ 38 уѣздамъ **). Изъ неполнаго распредѣленія, захватывающаго немного болѣе половины всего количества дворянскихъ представителей на соборѣ, нельзя вывести никакихъ надежныхъ заключеній ни о томъ, всѣ ли уѣзды государства съ дворянско-землевладѣльческимъ населеніемъ были представлены на соборѣ, ни о томъ, было ли установлено нормальное число представителей отъ каждаго уѣзда. Можно только замѣтить, что около половины всего количества уѣздовъ, представители которыхъ извѣстны, принадлежали къ западной полосѣ государства, на границахъ которой шла вызвавшая соборъ война, а большинство остальныхъ—къ центральнымъ областямъ, окружавшимъ столицу; всего менѣе встрѣчаемъ уѣздовъ южныхъ и восточныхъ. Число представителей отъ каждаго уѣзда колеблется отъ 1 до 6; только отъ уѣздовъ Московскаго и Можайскаго было на соборѣ по 9 дворянъ. Все это приводитъ къ догадкѣ, что дворянскихъ представителей подбирали на соборѣ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ

*) Такъ, напримѣръ, въ тульскомъ походѣ 1555 г. порученія столичной службы исполняли рядомъ съ записанными въ Тысячной книгѣ кн. П. И. Татевныиъ, кн. А. И. Прозоровскіиъ, Л. Раковныиъ, Ѡ. Зезевитовныиъ и дворяне, въ ней не записанные, но бывшіе потомъ на соборѣ 1566 г., Л. Колтовской, кн. И. Ю. Голицыныиъ, кн. Ѡ. В. Сисѣевъ и другіе.

**) Псковъ, Вотъская, Шелонская, Деревская и Бѣжецкая пятинны Новгородѣ Великаго, обѣ Ржевны, Великія Луки, Торонецъ, Бѣлал, Дорогобухъ, Вязьма, Боровскъ, Малый Ярославецъ, Калуга, Масальскъ, Воротынскъ, Таруса, Тула, Рязань, Коломна, Москва, Можайскъ, Волокъ, Дмитровъ, Тверь, Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, Кашинь, Ярославль, Ростовъ, Переяславль, Юрьевъ, Суздаль, Стародубъ Ряполовскій, Муромъ, Кострома, Галичь.

землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ до набора 1550 г. Если это такъ, то становится возможно объяснить, почему на соборъ не попали нѣкоторые знатные дворяне, а многіе незнатные попали: въ иныхъ уѣздахъ родовитыхъ дворянъ, которые могли явиться представителями на соборѣ, было больше, чѣмъ сколько требовалось для представительства, а въ другихъ ихъ было мало или совсѣмъ не было. По сличеніемъ соборнаго акта со спискомъ 1550 г. вскрывается еще одна подробность, всего яснѣе указывающая на то, что присутствовавшіе на соборѣ дворяне обѣихъ статей явились сюда съ мѣстнымъ значеніемъ, какъ представители дворянскихъ обществъ извѣстныхъ уѣздовъ. Изъ числа этихъ дворянъ въ соборномъ перечнѣ торопецкіе и луцкіе помѣщики выдѣлены въ двѣ особыя группы, которыя подали на соборѣ отдѣльныя мнѣнія, хотя эти мнѣнія были очень сходны съ заявленіями дворянъ обѣихъ статей и дословно повторяли нѣкоторыя ихъ выраженія. Но эти торопецкіе и луцкіе помѣщики были такіе же служилые люди московской столичной службы, какъ и дворяне первой и второй статьи: въ числѣ ихъ встрѣчаемъ нѣсколько человекъ, поименованныхъ и въ Тысячной книгѣ 1550 года. Группа торопецкихъ помѣщиковъ состояла изъ Рябинина, Алексѣя Чеглокова и Хрипунова; но А. Чеглоковъ и Хрипуновъ записаны и въ Тысячной книгѣ, какъ столичные дворяне третьей статьи. За то въ числѣ дворянъ первой статьи соборный перечень помѣтилъ Невзора и Мих. Чеглоковыхъ, которые также были торопецкіе помѣщики и по книгѣ 1550 года были записаны въ число столичныхъ дворянъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Чеглоковымъ и Хрипуновымъ и по одной съ ними статьѣ. Значитъ, изъ Торопецкаго уѣзда на соборѣ присутствовали не три, а пять помѣщиковъ. Всѣ они были дворяне столичной службы; но двое изъ нихъ въ соборной грамотѣ не попали въ одну группу съ земляками потому, что не принадлежали уже къ одному съ ними служебному рангу, успѣли до собора подняться въ первую статью, тогда какъ ихъ земляки оставались въ прежней низшей статьѣ. Другими словами, въ соборномъ перечнѣ 9 луцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ отдѣлены отъ 196 дворянъ первой и второй статьи потому, что они, не принадлежа ни къ той, ни къ другой статьѣ и образу особыя мѣстныя группы, подавали на соборѣ мнѣнія отдѣльно отъ дворянъ обѣихъ высшихъ статей. Изъ этого слѣдуетъ, что дворянскіе представители на соборѣ распредѣлялись по статьямъ только при обсужденіи предложенныхъ собору вопросовъ и при подачѣ мнѣній; но это распредѣленіе не выражало ихъ представительнаго значенія *). По своему служебному

*) Впрочемъ, трудно сказать, насколько изложенный въ соборной грамотѣ порядокъ подачи мнѣній соответствовалъ дѣйствительности и насколько онъ былъ дѣломъ дѣла, составлявшаго грамоту и сводившаго соборныя мнѣнія по соображеніямъ редакціоннаго удобства. Слѣды этихъ соображеній можно было бы отмѣтить какъ въ этой, такъ и въ другихъ соборныхъ грамотахъ, если бы это входило въ составъ разсматриваемаго вопроса. Въ виду этого можно объяснить, почему составитель приговорной грамоты 1566 г. не

положенію они всё принадлежали къ высшему столичному дворянству, дѣлившемуся на три ранга или статьи, но представляли на соборѣ не одно это дворянство: они явились на соборѣ представителями мѣстныхъ мировъ, уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, съ которыми были связаны, несмотря на свою принадлежность къ столичному дворянству. Что это были за общества, какое отношеніе имѣли къ нимъ столичные дворяне и почему послѣдніе являлись ихъ соборными представителями — въ этомъ главный узелъ вопроса о составѣ представительства на соборѣ 1566 года. Самый подборъ уѣздовъ, къ которымъ принадлежало по мѣсту землевладѣнія большинство дворянскихъ представителей на этомъ соборѣ, повидимому, указываетъ путь, которымъ надобно идти къ рѣшенію этого вопроса. Мы видѣли, что, за немногими исключеніями, это были уѣзды западной и центральной полосы государства, откуда шла наибольшая масса боевыхъ силъ на войну, вызвавшую соборъ 1566 г. Здѣсь необходимо припомнить нѣкоторыя особенности нашего стариннаго военнаго строя.

Въ Московскомъ государствѣ всякая армія, большая или малая, выступала въ походъ обыкновенно пятью отрядами или корпусами, носившими названіе *полковъ*: это были большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки и лѣвая рука. Каждый полкъ, смотря по величинѣ арміи, составлялся изъ большаго и меньшаго количества территориальныхъ ротъ, уѣздныхъ *сотенъ*, составлявшихся каждая изъ служилыхъ людей одного-либо уѣзда *). Во главѣ полка становилось нѣсколько воеводъ, двое или болѣе, смотря также по численному составу полка. Первый воевода былъ главный командиръ полка; но при этомъ онъ непосредственно командовалъ одною изъ частей или дивизій, на которыя дѣлился полкъ; непосредственными начальниками остальныхъ дивизій были его товарищи, воеводы второй, третій и т. д. У каждаго дивизионнаго воеводы было подъ руками по нѣскольку *чоловъ*, начальствовавшихъ надъ сотнями. Эти сотенные головы въ XVII в. назначались либо изъ лучшихъ дворянъ тѣхъ сотенъ, во главѣ которыхъ они становились, либо изъ столичнаго дворянства. Последнее бывало чаще въ тѣхъ уѣздныхъ сотняхъ, которыя не имѣли въ своей средѣ служилыхъ людей, по своей служебной состоятельности способныхъ занимать офицерскія должности, быть «въ головствѣ». Благодаря тому, значительное количество столичныхъ дворянъ было постоянно занято

соединилъ 9 гудцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ въ третью статью. Помѣщики новгородскіе, исковскіе, ржевскіе, гудцкіе и торопецкіе въ книгѣ 1550 года раздѣлены не на три, а только на двѣ статьи, которыя по размѣрамъ назначенныхъ имъ подмосковныхъ помѣстій соответствовали второй и третьей статьѣ. Девять гудцкихъ и торопецкихъ представителей на соборѣ значились во второй статьѣ своего мѣстнаго дѣленія, соответствовавшей третьей статьѣ общаго дѣленія. Составитель приговорной грамоты, руководившійся классификаціей 1550 года, и не зналъ, по какому дѣленію числить ихъ, по общему или мѣстному.

*) Въ большихъ генеральныхъ походахъ составлялись и смѣшанныя сотни изъ обривковъ, какіе „за расходомъ оставались“ отъ сотеннаго распорядка отрядовъ разныхъ уѣздовъ.

службой «въ начальныхъ людяхъ у служилыхъ людей», т.-е. командованіемъ уѣздными территориальными отрядами. При этихъ назначеніяхъ въ XVII в. не принималось въ расчетъ, имѣлъ ли столичный дворянинъ какую-либо поземельную связь съ тѣмъ территориальнымъ отрядомъ, во главѣ котораго онъ становился. Но сотенные головы изъ уѣздныхъ дворянъ имѣли тѣсную корпоративную связь съ своими сотнями. Назначеніе такихъ головъ принадлежало воеводамъ полковымъ или городовымъ. Но по закону воеводы обязаны были назначать ихъ изъ сотенныхъ знаменщиковъ, а этихъ послѣднихъ выбирали сами уѣздные дворяне изъ верхняго слоя своего общества, который носилъ названіе *выбора* или *выборныхъ дворянъ*, «лутчихъ и полныхъ людей, которымъ служба за обычай». Но въ XVI вѣкѣ, когда корпусъ столичнаго дворянства не былъ еще вполне сформированъ, дворяне выборные, какъ мы видѣли, причислялись къ столичному, а не провинціальному дворянству; по всей вѣроятности, первоначально это званіе носили именно дворяне, набранные изъ уѣздовъ на столичную службу въ силу закона 3 октября 1550 г. Потому и подборъ головъ для уѣздныхъ дворянскихъ сотенъ въ XVI в. совершался нѣсколько иначе, однообразнѣе, чѣмъ въ XVII: головами уѣздныхъ сотенъ назначались обыкновенно столичные дворяне, но по мѣсту землевладѣнія принадлежавшіе къ однимъ съ ними уѣздамъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя черты военной московской лѣтописи второй половины XVI в. Въ 1557 г. царь Иванъ послалъ на Ливонію большую рать, въ составъ которой вошли всѣ служилые люди новгородскіе и псковскіе съ отрядами изъ центральныхъ уѣздовъ. Осенью 1558 г. двинуты были противъ магистра ордена три корпуса, составленные исключительно изъ служилыхъ людей Псковскаго уѣзда и Шелонской пятины. Сотенные головы, упоминаемые въ лѣтописномъ разсказѣ объ этой войнѣ, почти всѣ помѣщики тѣхъ же уѣздовъ, зачисленные въ 1550 году въ составъ столичнаго дворянства; изъ нихъ 8 человекъ были депутатами на соборѣ 1566 г. *). Въ 1559 году выставлена была большая армія на южной границѣ противъ крымскихъ татаръ, угрожавшихъ нападеніемъ. Большой полкъ находился подъ начальствомъ четырехъ воеводъ. Въ составъ четырехъ дивизій, на которыя раздѣлялся этотъ полкъ, входили и отряды новгородскихъ помѣщиковъ, находившіеся подъ начальствомъ 16 головъ. Всѣ эти головы были новгородскіе же помѣщики; но если не всѣ они, то шестеро изъ нихъ навѣрное были, въ то же время, столичные дворяне: имена ихъ находимъ въ Тысячной книгѣ **). Этимъ объясняется значеніе той особенности въ составѣ дворянскаго представительства на соборѣ 1566 года, что не меньше половины всего количества дворянскихъ представителей, мѣстное происхожденіе которыхъ можно опредѣлить, принадлежало уѣздамъ западной половины государства: это были уѣзды наиболѣе близкіе къ театру ливонской войны, откуда, какъ надобно думать, шло наибольшее

*) Лѣтопись Нормантскаго во *Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс.*, кн. 5, стр 117—134.

***) *Разрядная книга въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ*, № 99/131, л. 344.

количество военно-служилыхъ землевладѣльцевъ въ составѣ дѣйствовавшихъ на этомъ театрѣ московскихъ армій. Такимъ образомъ, дворянскій представитель являлся на соборѣ съ двойственнымъ значеніемъ, которому и былъ обязанъ своими представительными полномочіями: какъ землевладѣлецъ, онъ не выступалъ изъ корпораціи военно-служилыхъ землевладѣльцевъ извѣстнаго уѣзда, несмотря на свою принадлежность къ столичному дворянству; какъ столичный дворянинъ, онъ становился на походѣ во главѣ дворянскаго отряда своего уѣзда; наконецъ, въ томъ и другомъ качествѣ онъ являлся естественнымъ представителемъ на соборѣ уѣздной дворянской корпораціи, которой предводительствовалъ на походѣ. Въ Разрядной книгѣ отмѣченъ одинъ случай, въ которомъ довольно явственно выразилось такое значеніе дворянскихъ представителей на соборѣ. Осенью 1564 г. московская рать взяла приступомъ городъ Озерище (нынѣ мѣстечко въ Городецкомъ уѣздѣ, Витебской губ.). Одинъ изъ штурмовавшихъ отрядовъ, состоявшій изъ служилыхъ людей Юрьевского уѣзда (нынѣ Владимірской губ.), взялъ въ плѣнъ самого ротмистра польскаго пана Островецкаго, защищавшаго городъ. Въ Разрядной книгѣ XVI в. уѣздные отряды обозначались обыкновенно именами ихъ командировъ, головъ. Этимъ объясняется форма, въ какой Разрядная книга отмѣтила подвигъ юрьевскаго отряда: «а ротмистра королева, который въ городѣ сидѣлъ, пана Мартына Островецкаго въ городѣ *взяли* сынъ боярскаго юрьевецъ Карпъ Ивановъ сынъ Жеребятичевъ» *). Этого самаго Карпа Иванова Жеребятичева встрѣчаемъ на соборѣ 1566 г. въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи. Значитъ, онъ принадлежалъ къ столичному дворянству, не разрывая служебной связи и съ областною дворянскою корпораціей, къ которой принадлежалъ по мѣсту землевладѣнія, не переставая быть «сыномъ боярскимъ юрьевцемъ». Какъ столичный дворянинъ, онъ былъ назначенъ головой дворянскаго отряда своего уѣзда, а какъ голова, былъ выбранъ представителемъ этого отряда на соборѣ.

Впрочемъ, было бы очень поспѣшнымъ заключеніе, что всѣ обозначенные въ соборномъ перечнѣ дворяне и дѣти боярскія обѣихъ статей были такими представителями уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, которыми они предводительствовали въ походахъ. Разсматривая служебныя военно-административныя назначенія 1551—1566 г., отмѣченныя въ Разрядной книгѣ, почти на каждой страницѣ встрѣчаемъ имена столичныхъ дворянъ, большею частью изъ числа занесенныхъ въ Тысячную книгу: они являются самыми дѣятельными орудіями военно-походнаго управления, исполняютъ разнообразныя «посылки», особыя порученія главныхъ воеводъ или центрального правительства. Всего чаще назначали ихъ годовыми воеводами въ пограничные города, гдѣ требовалось постоянное присутствіе военной силы для бдительнаго надзора за движеніями непріятеля и для отраженія^е его внезапныхъ нападений. Правда, и въ этихъ назначеніяхъ можно замѣтить стремленіе правительства сообразоваться съ мѣстными отношеніями назначае-
мыхъ:

*) Разрядная книга въ Симбирскомъ Сборникѣ Валуева, ч. I, стр. 7.

такъ, воеводами въ города рязанской украины, въ Пронскъ, Михайловъ, Ряжскъ, очень часто назначали Сунбуловыхъ, Коробыныхъ, Сидоровыхъ, а это были все состоявшіе на столичной службѣ рязанскіе дворяне, потомки старинныхъ бояръ бывшаго Рязанскаго княжества. Но гораздо чаще встрѣчаемъ назначенія, въ которыхъ незамѣтно такихъ соображеній: въ городахъ на западной границѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ, Великихъ Лукахъ, Ржевѣ, даже въ Полоцкѣ и Юрьевѣ Ливонскомъ, встрѣчаемъ воеводами или городничими кн. Шуйскаго, кн. Прозоровскаго, кн. Гундорова, кн. Татеева, Бутурлиныхъ, столичныхъ дворянъ изъ такихъ центральныхъ уѣздовъ, какъ Суздальскій, Переяславскій, Стародубскій на Клязьмѣ, Московскій. Столичные дворяне, сейчасъ упомянутые, воеводствовали по городамъ въ 1565 и 1566 гг. и присутствовали на соборѣ 1566 г. Подобно дворянскимъ представителямъ, которые были головами уѣздныхъ отрядовъ, эти дворяне-воеводы явились на соборѣ прямо съ театра войны; но тѣ и другіе едва ли имѣли одинаковое представительное значеніе. Первые, какъ походные уѣздные *предводители* дворянства въ буквальномъ значеніи этого слова, пришли на соборѣ уполномоченными отъ уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ, которыми они предводительствовали; вторые едва ли имѣли такія полномочія: это было бы возможно только при условіи, если бы существовало правило ставить гарнизонами въ пограничные города дворянскіе отряды однихъ уѣздовъ съ назначаемыми въ эти города воеводами или, говоря точнѣе, назначать городскими воеводами головъ тѣхъ же уѣздныхъ отрядовъ, которые ставились гарнизонами въ эти города. Но не находимъ прямыхъ указаній на дѣйствіе подобнаго правила. Такіе городские воеводы, не командовавшіе дворянскими отрядами своихъ уѣздовъ, явились на соборѣ по правительственному призыву въ качествѣ свѣдущихъ людей, непосредственно знакомыхъ съ военнымъ положеніемъ границъ, гдѣ шла война. Надобно думать, что число такихъ экспертовъ, не имѣвшихъ представительнаго значенія, было въ составѣ собора довольно значительно: ограничиваясь только отмѣченными въ Разрядной книгѣ военно-административными назначеніями 1565 и 1566 годовъ, насчитываемъ до 50 присутствовавшихъ на соборѣ дворянъ, которые по характеру возложенныхъ на нихъ военно-административныхъ порученій едва ли были уполномоченными отъ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе соборнаго списка съ Разрядной книгой вскрываетъ ту характерную особенность въ составѣ этого собора, что бывшіе на немъ дворяне въ большинствѣ явились прямо съ похода. На эту особенность указали въ своемъ мнѣніи и представители торопецкихъ помѣщиковъ на соборѣ. Они писали, что предпочитаютъ сложить свои головы за одну десятину Полоцкаго и Озерицкаго повѣта, «чѣмъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ», прибавивъ къ этому: «мы, холопи его государскіе, *нынѣ на конехъ сидимъ* и мы за его государское съ коня померемъ».

И такъ, члены собора изъ дворянства всѣ принадлежали къ столичнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ трехъ статей, на которыя тогда дѣлилось по служебной годности столичное дворянство. Служа исполнителемъ разно-

образныхъ военно-административныхъ порученій, изъ которыхъ тогда слагалась столичная дворянская служба, это дворянство, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще не порвало служебныхъ связей съ уѣздами, гдѣ у него находились земельныя имущества, съ тѣми провинціальными дворянскими обществами, изъ которыхъ оно набиралось: ставъ столичными, эти дворяне не переставали быть уѣздными. На соборъ, созванный по вопросу о продолженіи войны, они явились съ двоякимъ значеніемъ: одни пришли, какъ командиры мобилизованныхъ для войны уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ; другіе были призваны, потому что были комендантами или помощниками комендантовъ пограничныхъ городовъ, близкихъ къ театрамъ военныхъ дѣйствій. Были и тѣ и другіе дворянскими представителями на соборѣ въ точномъ значеніи слова, *выборными* людьми, специально уполномоченными представлять избирателей, выражать ихъ мнѣнія на этомъ только соборѣ и только по вопросу, для обсужденія котораго онъ былъ созванъ? Относительно городовыхъ воеводъ или комендантовъ это очень сомнительно, относительно сотенныхъ головъ или отрядныхъ командировъ только вѣроятно. Но въ то время это едва ли считалось существеннымъ условіемъ, необходимымъ для того, чтобы сообщить головамъ уѣздныхъ дворянскихъ сотенъ характеръ уѣздныхъ дворянскихъ представителей: выборъ, какъ специальное полномочіе на отдѣльный случай, тогда не признавался необходимымъ условіемъ представительства. Столичный дворянинъ, командовавшій дворянами своего уѣзда, считался ихъ представителемъ по положенію, а не по выбору, повторявшемуся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и потому даже безъ выбора могъ представлять ихъ во всѣхъ случаяхъ, требовавшихъ представительнаго полномочія. Правительство ли призывало голову уѣздной дворянской сотни представителемъ на соборъ, или сама сотня выбирала его своимъ депутатомъ, это было, въ сущности, все равно, какъ скоро то и другое совершалось въ силу взгляда на сотеннаго голову, какъ на естественнаго и непрѣжняго представителя сотни во всѣхъ случаяхъ, когда она нуждалась въ представителѣ: какъ карпоративный выборъ ничего не прибавлялъ къ представительному значенію избраннаго, такъ и правительственный призывъ не отнималъ такого значенія у призваннаго. Столичный дворянинъ изъ переяславскихъ или юрьевскихъ помѣщиковъ являлся на соборѣ представителемъ переяславскихъ или юрьевскихъ дворянъ потому, что онъ былъ головой переяславской или юрьевской дворянской сотни, а головой онъ становился потому, что былъ столичный дворянинъ, столичнымъ же дворяниномъ онъ становился потому, что былъ однимъ изъ лучшихъ переяславскихъ или юрьевскихъ служивыхъ людей «по отечеству и по службѣ», т.-е. по породѣ и по служебной исправности. Превосходство породы при тогдашнихъ генеалогическихъ понятіяхъ обезпечивало ему, какъ предводителю уѣзднаго дворянства, почетъ и повиновеніе со стороны поставленныхъ подъ его команду дворянъ, служебная исправность обезпечивала правительству неоплошное несеніе дворяниномъ сопряженныхъ съ званіемъ сотеннаго головы военно-административныхъ тягостей, а то и другое служило ручательствомъ

за успѣхъ порученной дворянину команды. Такимъ образомъ, представительное значеніе сотеннаго головы не создавалось волей предводимой имъ дворянской корпораціи, а вытекало само собою, какъ послѣдствіе, изъ цѣлага ряда условій, не зависѣвшихъ отъ личнаго отношенія къ представителю каждаго изъ представляемыхъ и даже мало зависѣвшихъ отъ личныхъ качествъ и взглядовъ самого представителя. Совокупность этихъ условій составляла служебную годность сотеннаго головы, которая и была первичнымъ источникомъ его представительнаго значенія на соборѣ. Потому, вѣроятно, и въ XVI вѣкѣ, какъ это было въ XVII, назначеніе сотенныхъ головъ предоставлялось не самимъ дворянамъ уѣзда, а полковымъ или городовымъ воеводамъ, хотя въ XVII в. и дворянство уѣзда имѣло косвенное вліяніе на это назначеніе, выбирая сотенныхъ знаменщиковъ, изъ среды которыхъ воеводы обязаны были назначать головъ *).

Изъ всего сказаннаго становится ясно, какъ понимали московскіе люди XVI в. соборнаго представителя, съ какимъ политическимъ обличемъ являлся онъ на соборѣ. Согласно съ первичнымъ источникомъ его представительнаго значенія, служебною годностью, необходимымъ политическимъ его качествомъ считалось не довѣріе къ нему представляемаго общества, а довѣріе правительства. Существеннымъ и непремѣннымъ условіемъ представительства считали не корпоративный выборъ представителя, а извѣстное административное его положеніе, соединенное съ властью и отвѣтственностью начальника. Представитель являлся на соборѣ не столько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнымъ дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на соборѣ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленіе требованій, нуждъ и желаній его избирателей, а для того, чтобы снять съ него, какъ съ командира или управителя, обязаннаго знать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, показанія о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшеніе, принятое на соборѣ; съ собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненіи порученія, а для того, чтобы проводить въ немъ рѣшеніе, принятое правительствомъ на основаніи собранныхъ на соборѣ справокъ. Такой типъ представителя складывался практикой соборнаго представительства въ XVI вѣкѣ, сколько можно судить о

*) Нѣтъ прямыхъ указаній на порядокъ выбора или назначенія представителей на соборѣ 1566 г. и приходится ограничиться догадками. Повидимому, на этотъ соборъ были призваны дворянскіе представители только тѣхъ уѣздовъ, дворянство которыхъ было мобилизовано. Дворянство каждаго уѣзда дѣлилось на неодинаковое количество сотенъ и не всѣ сотни уѣзда поднимались въ походъ. Судя по большому числу соборныхъ представителей отъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, можно подумать, что на соборѣ призваны были головы всѣхъ сотенъ, въ минуту призыва сидѣвшихъ на коняхъ. Если же число вызывавшихся представителей извѣстнаго уѣзда было меньше количества мобилизованныхъ сотенъ этого уѣзда, дворянству послѣднаго приходилось выбирать требуемое число представителей изъ наличныхъ своихъ головъ. Можетъ быть, этимъ и ограничивались соборные выборы дворянства въ 1566 г.

томъ по дворянскому составу собора 1566 г. Представителя - челобитчика «обо всякихъ нуждахъ своей братіи», какимъ преимущественно являлся выборный человекъ на земскихъ соборахъ XVII в., совѣтъ еще не замѣтно въ дворянинъ, бывшемъ на соборѣ 1566 г. Этому практическому типу соборнаго представителя отчасти соответствовалъ и литературный, какъ онъ обрисованъ въ *Бесѣдѣ* валаамскихъ чудотворцевъ, извѣстномъ памфлетѣ второй половины XVI вѣка, направленномъ противъ монастырскаго землевладѣнія. Авторъ памфлета совѣтуетъ московскому царю «безпрестанно всегда держати погодно при собѣ ото всякихъ мѣръ (чиновъ) всякихъ людей и на всякъ день ихъ добръ и добръ распросити царю самому, про всякое дѣло міра», и тогда, — прибавляетъ публицистъ въ заключение своего совѣта, — «объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ» *).

Значеніе соборнаго представителя, открывающагося изъ служебнаго положенія дворянскихъ представителей, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 года, помогаетъ уяснить и составъ представительства городского торгово-промышленнаго населенія. Этотъ составъ также возбуждаетъ много недоумѣній. Кого или что представляли призванные на соборъ 1566 г. 12 гостей, 41 человекъ торговыхъ людей-москвичей и 22 человекъ смолянъ? Что значило такое обиліе представителей столичнаго купечества и почему изъ городского провинціального населенія на соборѣ оказались только смоляны и, притомъ, въ такомъ значительномъ количествѣ? Разъясняя эти недоумѣнія, прежде всего, надобно остановить вниманіе на іерархическомъ дѣленіи высшаго столичнаго купечества по соборному перечню. На соборѣ 1566 г. присутствовали *юсти* и *торговые люди москвичи*; на дальнѣйшіе соборы призывались обыкновенно *юсти* и торговые люди *гостинной* и *суконной сотенъ*. Если московскихъ гостей можно приравнять къ нынѣшнимъ коммерціи совѣтникамъ, то сотни гостинная и суконная были очень похожи на нынѣшнія первую и вторую гильдіи. Соборный актъ 1566 г. не знаетъ этихъ сотенъ — знакъ, что къ этому году еще не успѣла установиться іерархія чиновъ, на которые нѣсколько позднѣе дѣлилось столичное купечество. Съ другой стороны, высшее московское купечество въ XVII в. отличалось сборнымъ составомъ, набиралось изъ разживавшихся простыхъ торговыхъ людей столицы и изъ провинціальныхъ купцовъ или городовыхъ посадскихъ людей. «Гости, гостинная и суконная сотни помянуты всѣми городами и слободами — лучшими людьми»: такъ писали въ 1649 г. сотскіе и старосты московскихъ торговыхъ сотенъ и слободъ въ своей мірской челобитной **). Признаки такого же сборнаго состава замѣтны и въ высшемъ столичномъ купечествѣ XVI вѣка: судя по прозваніямъ, которыми обозначены въ актѣ собора 1566 г. нѣкоторые изъ торговыхъ людей москвичей, въ числѣ соборныхъ представителей московскаго купечества находились два переяславца, одинъ угличанинъ и одинъ костроми-

*) *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., I, 304.

***) *Доп. къ Акт. Ист.*, III, № 47, стр. 156.

тинъ. Изъ всего этого можно заключить, что уже въ XVI в. завязывалась та самая организація высшаго столичнаго купечества, какую встрѣчаемъ въ памятникахъ XVII вѣка; только ко времени собора 1566 г. она еще не успѣла получить окончательной выработки и тѣхъ формъ, съ какими она является позднѣе. Это даетъ возможность объяснить значеніе и тѣхъ 22 представителей купечества, которые въ актѣ собора 1566 г. названы *смоляннами*. Изстари на Руси купечество, ведшее заграничную торговлю и носившее общее названіе *гостей*, раздѣлялось на разряды, называвшіеся или по заграничнымъ рынкамъ, съ которыми купцы имѣли дѣла, или по роду товаровъ, которыми они торговали. Такъ, въ XII в. русскіе купцы, торговавшіе съ греками, назывались *гречниками*; точно также въ XIV в. московскіе купцы, имѣвшіе дѣла съ черноморскими и азовскими рынками, татарскими и генуэзскими, назывались *сурожаннами*, вѣроятно, по имени Сурожа (Судака), торговаго города на южномъ берегу Крыма, гдѣ въ то время господствовали генуэзцы, или по имени Азовскаго моря, называвшагося тогда на Руси Сурожскимъ. Лѣтописная повѣсть о взятіи Москвы Тохтамышемъ въ 1382 году, перечисляя составные элементы московскаго купечества, говоритъ о «сурожанахъ, суконникахъ и прочихъ купцахъ». Великій князь Дмитрій, отправляясь въ 1380 г. изъ Москвы противъ Мамаю, взялъ съ собою 10 человекъ «сурожанъ гостей», которые могли дать нужныя въ походѣ указанія, какъ люди бывалые, знакомые съ дѣлами и обычаями дальнихъ земель ордынскихъ и фряжскихъ *). Есть основаніе думать, что и подъ *смоляннами* соборный актъ 1566 г. разумѣлъ не купцовъ г. Смоленска, а особый разрядъ столичнаго московскаго купечества, называвшійся такъ, можетъ быть, потому, что принадлежавшіе къ нему купцы вели торговлю съ западною Русью и Литвой черезъ Смоленскъ. Впослѣдствіи купцы высшихъ торговыхъ сотенъ или гильдій, гостинной и суконной, торговали въ московскомъ Китаѣ-городѣ особыми рядами, которые назывались по именамъ сотенъ и память о которыхъ доселѣ сохранилась въ извѣстной исторической поговоркѣ о *суконномъ рылѣ*, которое нехстати дѣзетъ въ *Гостинный* рядъ чай пить: это—запоздалый отзвукъ старинной гильдейской спѣси и гостинодворскаго чиновлюбія. Въ XIV в. высшее московское купечество, нося общее званіе гостей, раздѣлялось на два разряда, на *сурожанъ* и *суконниковъ*. Въ XVII в. гости составляли особый первый разрядъ или чинъ въ составѣ высшаго столичнаго купечества, которое дѣлилось еще на двѣ сотни, *гостинную* и *суконную*. Со значеніемъ такого перваго чина купеческой іерархіи гости являются и на соборѣ 1566 года; но за ними въ этой іерархіи высшаго купечества слѣдовали тогда, сколько можно о томъ судить по чиновной терминологіи соборнаго акта, торговые люди *москвичи* и *смоляне* или, какъ еще дѣлится ихъ этотъ актъ, *купцы* и *смоляне*. Повидимому, эти два разряда соответствовали позднѣйшимъ сотнямъ гостинной и сукон-

*) *Полн. Собр. Лит.*, VIII, 43. Никон. IV, 101.

ной, впрочемъ, уже носившимъ эти самыя названія на соборѣ 1598 г. Можетъ быть, на эту связь *смоляннъ* соборнаго акта 1566 г. съ суконною сотней послѣдующаго времени указываетъ и одна черта рядской номенклатуры нынѣшняго Китая - города. Современныя намъ названія недавно сломанныхъ китай-городскихъ торговыхъ рядовъ въ большинствѣ стариннаго происхожденія и встрѣчаются уже въ актахъ XVI и XVII вѣковъ. Въ числѣ этихъ рядовъ одинъ доселѣ называется (т.-е. назывался до сломки) Московскимъ Суконнымъ, а другой *Смоленскимъ Суконнымъ* рядомъ. Позднѣйшіе разряды гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни были *чины*, т.-е. служебныя званія, въ которыя государь жаловалъ за службу. Сличая списки представителей высшаго купечества на соборахъ 1566 и 1598 годовъ, замѣчаемъ, что разряды, на которые актъ перваго собора дѣлать это купечество, имѣли значеніе точно такихъ же чиновъ, какими являются позднѣе званія гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни. Соборный актъ 1598 года, сказали мы, знаетъ уже это послѣднее дѣленіе. Трое изъ представителей купечества, поименованные въ этомъ актѣ съ званіемъ гостей, присутствовали и на соборѣ 1566 года; но тогда они не носили еще этого высшаго званія служебной купеческой іерархіи, съ какимъ являются 32 года спустя: одинъ изъ нихъ, И. Чуркинъ, поименованъ въ соборномъ актѣ 1566 г. въ числѣ торговыхъ людей *москвичей*, стоявшихъ ниже гостей, а двое другихъ, Ае. Юдинъ и Ст. Ботовъ, въ числѣ *смоляннъ*, слѣдовавшихъ по нисходящей линіи за москвичами. Въ одномъ хронографѣ разсказывается, что въ 1567 г. царь Иванъ послалъ за границу 8 купцовъ съ разными порученіями. Изъ нихъ шестеро были членами собора 1566 г. и въ томъ числѣ двое, Т. Смываловъ и Ае. Глядовъ, въ соборномъ перечнѣ помѣщены въ разрядѣ *смоляннъ*; но хронографъ называетъ ихъ просто купцами одинаково съ ихъ товарищами, которые въ соборномъ актѣ значатся «москвичами торговыми людьми» *). Значитъ, *смолянне*, присутствовавшіе на соборѣ 1566 года, не группа купеческихъ представителей уѣзднаго города, имя котораго они носили, а одинъ изъ разрядовъ или чиновъ столичнаго купечества, ступень іерархической лѣстницы, по которой шло служебное движеніе торгово-промышленнаго класса, подобное тому, какое военно-служилый классъ совершалъ по лѣстницѣ своихъ служилыхъ чиновъ.

И такъ, представительство городского торгово-промышленнаго класса на соборѣ 1566 г. было устроено совершенно одинаково съ представительствомъ служилаго класса. На соборъ были призваны представители только изъ среды столичнаго дворянства и столичнаго купечества; но эти столичные дворяне и купцы не представляли собою исключительно столичнаго дворянства и купечества. Какъ столичные дворяне - представители явились на соборъ выразителями мнѣній уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, такъ и мнѣнія уѣздныхъ торгово-промышленныхъ міровъ нашли себѣ выраженіе въ

*) А. Поповъ: „Изборникъ“, стр. 184.

голосъ высшаго купечества столицы. Мы видѣли, почему столичные дворяне получили на соборѣ такое широкое представительное значеніе. Они были ближайшими руководителями военного строя, разсыпаннаго по государству въ видѣ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, которыя поднимались въ походы территориальными отрядами. Столичные дворяне становились такими руководителями уѣзднаго дворянства потому, что были столичные дворяне, а столичными дворянами они дѣлались потому, что были лучшими уѣздными дворянами, которыхъ самое положеніе, т.-е. генеалогическое происхожденіе и хозяйственное, состояніе ставило во главѣ дворянства ихъ уѣздовъ. Это былъ генеральный штабъ арміи Московскаго государства, составленный изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, составлявшаго рядовую массу этой арміи. Подобное этому значеніе, только въ другой сферѣ государственнаго управленія, имѣло уже въ XVI в. высшее купечество столицы. Расширяя по мѣрѣ роста государственныхъ потребностей источники своихъ доходовъ, московская казна постепенно сосредоточила въ своемъ вѣдомствѣ много финансовыхъ операцій, значительно усложнившихъ государственное хозяйство. Взямая косвенные налоги, *пошлины*, съ различныхъ народно-хозяйственныхъ оборотовъ, она, въ то же время, сама принимала непосредственное участіе въ этихъ оборотахъ, ведя монопольную продажу питей и соли, торгуя дорогами мѣхами и проч. Сборъ косвенныхъ налоговъ и веденіе этихъ торгово-промышленныхъ предпріятій требовали торговой опытности, нѣкоторыхъ техническихъ знаній, которыми не обладали приказные люди, коронные органы управленія. Правительство старалось восполнить этотъ недостатокъ, возлагая веденіе такихъ казенныхъ операцій на опытныхъ въ торговомъ дѣлѣ людей изъ высшаго купечества. Такъ люди неслужилые по происхожденію привлекались къ государственной службѣ. Это вызывалось требованіемъ не только казеннаго интереса, но и политической логики. Издавна гости, первостатейные купцы, пользовались на Руси правомъ земельной собственности: съ образованіемъ Московскаго государства установилось правило, что всѣ земельные собственники обязаны нести государственную службу, ратную или приказную, административную. Высшее купечество сообразно съ своими занятіями и общественнымъ положеніемъ всего успѣшнѣе могло нести службу по финансовому вѣдомству, замѣняя служилыхъ и приказныхъ людей, непривычныхъ къ торгово-промышленнымъ дѣламъ. Съ теченіемъ времени, но еще до конца XVI вѣка, эта повинность высшаго купечества, осложняясь, разрослась въ цѣлую систему казенныхъ порученій, исполненіе которыхъ правительство, не имѣя для того своихъ специальныхъ исполнительныхъ органовъ среди служилыхъ людей, возлагало на неслужилые земскіе классы. Это была такъ называвшаяся *спрная* (присяжная) служба по сбору казенныхъ пошлинъ, по надзору за исполненіемъ натуральныхъ государственныхъ повинностей и по веденію казенныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій.

Съ высшаго купечества эта служба распространена была и на другіе классы земскаго тяглаго населенія, съ тою только разницей, что первое

ставило агентовъ для исполненія казенныхъ порученій по очереди или назначенію правительства, а вторые по мірскому выбору, подкрѣпляемому мірскою порукой за избранника. Но высшее столичное купечество сохраняло въ этой службѣ такое же руководящее значеніе, какое въ службѣ ратной имѣло столичное дворянство. Вѣрная служба дала организацию высшему столичному купечеству, опредѣлила самый его составъ. Эта служба была безмездная, но въ высшей степени отвѣтственная. Такъ какъ эту отвѣтственностью охранялась казенная прибыль, то главнымъ обезпеченіемъ отвѣтственности рядомъ съ *второй*, присягой, какъ гарантіей добросовѣстности, должна была служить имущественная состоятельность агента, матеріальная способность его возмѣстить причиненный имъ казнѣ убытокъ. Со степенью такой способности соразмѣрялась трудность и цѣнность казенныхъ порученій, а трудности и цѣнности порученій соотвѣтствовали права и льготы, какими казна вознаграждала своихъ агентовъ за успѣшное веденіе порученныхъ имъ дѣлъ. Такъ высшее купечество распалось на нѣсколько служебныхъ разрядовъ или *чиновъ*, различавшихся между собою степенью тяжести и отвѣтственности падавшей на каждый изъ нихъ казенной службы и размѣрами предоставленныхъ имъ за то правъ и льготъ. Около времени собора 1566 года, какъ видно изъ соборнаго акта, эти разряды носили названія *юстей* и торговыхъ людей *москвичей* и *смолянъ*, а 32 года спустя представители ихъ явились на новый соборъ уже съ званіями *юстей* и торговыхъ людей *юстинной* и *суконной сотенъ*; эти послѣднія званія высшее купечество столицы удерживаетъ и во весь XVII вѣкъ. Въ то же самое время, подобная переимѣна произошла и въ чиновной терминологіи столичнаго дворянства: на соборѣ 1566 г. оно дѣлилось еще просто по статьямъ, какъ дѣлилъ его законъ 1550 г., а на соборѣ 1598 года столичные дворяне различались уже званіями *стольниковъ*, *дворянъ* (московскихъ), *стряпчихъ* и *жилцовъ*, и это дѣленіе упрочилось за ними въ XVII в. Отсюда можно заключить, что оба класса, имѣвшіе руководящее значеніе въ двухъ различныхъ областяхъ управленія, какъ ближайшіе органы правительства, во второй половинѣ XVI в. еще только складывались и устроились. Они и складывались одинаковымъ образомъ. Зерно столичнаго дворянства, его первичные кадры составились изъ стариннаго московскаго боярства удѣльнаго времени. Потомъ въ эти кадры вошла молодежь знатныхъ титулованныхъ фамилій, бывшихъ прежде владѣтельными и перешедшихъ на московскую службу изъ упраздненныхъ удѣловъ. Первоначально и высшее купечество, носившее званіе гостей, состояло изъ богатѣйшихъ купцовъ, разсѣянныхъ по наиболѣе промышленнымъ городамъ государства, въ томъ числѣ и столичныхъ, и не составляло цѣльной корпораціи. Но потомъ всѣхъ провинціальныхъ гостей стали зачислять въ составъ высшаго столичнаго купечества, а около половины XVII в., во времена Уложенія, законъ обязывалъ ихъ имѣть и мѣстожителство въ столицѣ. Однако, такое корпоративное сосредоточеніе класса гостей оказалось недостаточнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ званіе гостя получило значеніе

служебнаго чина, приобретаемаго исполненіемъ казенныхъ порученій, и по мѣрѣ того, какъ самая служба по казеннымъ порученіямъ, усложняясь все болѣе, требовала все большаго количества опытныхъ и состоятельныхъ безмездныхъ органовъ, усиливалась потребность отъ времени до времени пополнять составъ высшаго столичнаго купечества годными къ казенной службѣ людьми изъ низшихъ слоевъ торгово-промышленнаго населенія, и какъ въ ряды столичнаго дворянства по примѣру 1550 г. вводились лучшія служилыя силы, поднимавшіяся изъ глубины провинціальной служилой массы, такъ и въ сжимавшійся кругъ высшаго московскаго купечества постоянно приливали лучшіе промышленные дѣльцы изъ столичныхъ рядовыхъ или черныхъ сотенъ, изъ дворцовыхъ и церковныхъ слободъ и изъ рядоваго купечества областныхъ городовъ. Это были настоящіе рекрутскіе наборы купечества въ казенную службу, наиболѣе тяжелую и отвѣтственную, производившіяся по казенному наряду, даже противъ воли тѣхъ, кого такимъ образомъ возводили въ высшіе чины торгово-служилой іерархіи. Изъ одного дѣла 1649 г. о пополненіи людьми гостинной и суконной сотенъ можно заключить, что такіе наборы начались въ царствованіе Грознаго; по крайней мѣрѣ, о наборахъ болѣе ранняго времени въ Москвѣ не помнили въ половинѣ XVII вѣка *). Мы отмѣтили выше признаки такого сборнаго состава высшаго московскаго купечества и въ спискѣ его представителей на соборѣ 1566 г. Въ томъ же дѣлѣ 1649 года приведенъ и перечень наборовъ за первую половину XVII вѣка, повторявшихся черезъ годъ, черезъ 2, 4, 5 и болѣе лѣтъ. Но вводимые, часто даже поневолѣ, въ составъ высшаго столичнаго купечества, «лутчіе люди изъ городовъ» не порывали связей съ мѣстными городскими обществами, къ которымъ прежде принадлежали, напротивъ, становились во главѣ ихъ съ новымъ авторитетомъ. Ихъ записывали въ столичныя гильдіи потому, что они были на мѣстахъ вліятельными торговцами по своей зажиточности и оборотливости; но какъ скоро они попадали въ столичные гости или суконники, правительство возлагало на нихъ веденіе наиболѣе важныхъ казенныхъ операций обыкновенно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, съ хозяйственнымъ бытомъ которыхъ они были хорошо знакомы по своимъ собственнымъ оборотамъ. Такимъ образомъ, тузы мѣстныхъ рынковъ становились отвѣтственными агентами центрального финансоваго управленія. Этимъ объясняется, почему въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. гости обозначались еще нерѣдко по именамъ мѣстностей, гдѣ имѣли постоянное мѣстожитель-

*) Въ челобитной 1649 г. гости и гостинной сотни торговые люди писали царю: „А напередъ, государь, сего блаженнаго памяти при прадѣдѣ твоемъ государевѣ государѣ ц. и в. кн. Иванѣ Васильевичѣ и при дѣдѣ твоемъ государевѣ г. ц. и в. кн. Федорѣ Ивановичѣ и при иныхъ прежнихъ государѣхъ даваны были изъ городовъ и изъ московскихъ изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ патриаршихъ лутчіе люди въ гостинную сотню для того, что изъ гостинные сотни выбираются въ твои государевы службы въ головы и въ цѣловальники первыми людьми“. *Доп. къ Акт. Ист.*, III, стр. 158.

ство или недвижимое имущество, хотя они всё числились уже въ составѣ высшаго столичнаго купечества. Въ числѣ столичныхъ гостей, бывшихъ на соборѣ 1598 года, упомянуть въ спискѣ нѣкто Иванъ Юрьевъ. Можетъ быть, это тотъ Иванъ Юрьевъ сынъ Петровъ, о которомъ вмѣстѣ съ его братомъ Никифоромъ Писцовая книга 1577 г. замѣчаетъ, что за этими «коломенскими гостями» старая ихъ вотчина въ Коломенскомъ уѣздѣ. Упомянутый выше актъ 1649 г. называетъ въ числѣ московскихъ гостей Григорія Никитникова, который былъ взятъ въ эту столичную корпорацію изъ ярославскихъ купцовъ, какъ это видно изъ одной мѣновной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря 1618 г., въ которой этотъ самый Никитниковъ названъ «Ярославля Большаго государевымъ гостемъ» *). Это сборное высшее купечество столицы и стало въ такое же отношеніе къ областнымъ торгово-промышленнымъ мірамъ въ дѣлахъ казеннаго управленія, какое въ военномъ управленіи существовало между такимъ же сборнымъ столичнымъ дворянствомъ и уѣздными обществами рядовыхъ служилыхъ людей, носившихъ званія: «городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ». Какъ московскіе дворяне разсылались изъ столицы, по выраженію Котошихина, «для всякихъ дѣлъ» по областямъ, править городами въ званіи намѣстниковъ и городовыхъ воеводъ, командовать полками или ихъ частями въ званіи полковыхъ воеводъ или сотенныхъ головъ, производить подъ руководствомъ боярина смотры и разборы городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, верстая ихъ помѣстными и денежными окладами «по отечеству и по службѣ», вообще руководить рядовымъ провинціальнымъ дворянствомъ, такъ точно и московскихъ гостей и торговцевъ гостинной и суконной сотенъ разсылали изъ столицы по областнымъ городамъ въ званіи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ направлять наиболѣе цѣнныя казенныя операціи, питейныя, таможенныя и другія. Какъ ближайшія орудія правительства въ управленіи провинціальнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, они иногда становились къ послѣднему въ отношеніе довѣренныхъ и полномочныхъ руководителей: такъ московскихъ гостей посылали въ областныя города верстать мѣстныхъ посадскихъ людей податными окладами; имъ иногда поручали выборъ торговыхъ людей провинціальныя городовъ на должности мѣстныхъ вѣрныхъ головъ кабацкихъ и таможенныхъ, не довѣряя этого мѣстнымъ городскимъ обществамъ **). Такимъ образомъ, высшее московское купечество было, если можно такъ, выразиться, финансовымъ штабомъ правительства, составленнымъ изъ сосредоточенныхъ въ столицѣ мѣстныхъ капиталистовъ, руководившихъ областными рынками и торгово-промышленными мірами.

Такъ подборъ представителей отъ купечества на соборѣ 1566 г. составляетъ только повторить тѣ заключенія о московскомъ взглядѣ XVI в. на соборнаго представителя, къ какимъ раньше привелъ насъ разборъ со-

*) Писц. книги XVI вѣка, изд. Н. Калачевымъ, I, 381. Сборн. грамотъ Тр. Сергіева монастыря, № 532, по г. Ярославлю грамота № 125.

**) *Полное Собр. Русск. Лит.*, IV, стр. 335.

става дворянскаго представительства на томъ же соборѣ. Въ соборномъ представителѣ видѣли не столько *уполномоченнаю* какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько *призваннаго* правительствомъ отъ такой корпораціи. Онъ являлся на соборъ не для того, чтобы заявить передъ властью о нуждахъ и желаніяхъ своихъ избирателей и потребовать ихъ удовлетворенія, а для того, чтобы отвѣчать на запросы, какіе ему сдѣлаетъ власть, дать совѣтъ, по какому дѣлу она его потребуетъ, и потомъ воротиться домой отвѣтственнымъ проводникомъ рѣшенія, принятаго властью на основаніи наведенныхъ справокъ и выслушанныхъ совѣтовъ. Чтобы обезпечить себѣ точность справокъ, основательность совѣтовъ и надежное исполненіе принятыхъ рѣшеній, власть призывала на соборъ не людей, пользовавшихся довѣріемъ общества по своимъ личнымъ качествамъ и отношеніямъ, а людей, стоявшихъ во главѣ общества и имѣвшихъ возможность знать его дѣла и мнѣнія. Потому источникомъ полномочій соборнаго представителя было не *порученіе*, возложенное на него по личному къ нему довѣрію избирателей, а довѣріе правительства, основанное на общественномъ *положеніи* довѣреннаго представителя. Такое положеніе среди мѣстныхъ обществъ, дворянскихъ служилыхъ и городскихъ торгово-промышленныхъ, занимали столичное дворянство и высшее столичное купечество: это были верхушки провинціальныхъ обществъ, снятыя правительствомъ и сосредоточенныя въ столицѣ. Но, оставаясь и послѣ такой пересадки во главѣ мѣстныхъ обществъ, оба столичные класса становились, благодаря ей, исполнительными орудіями правительства по дѣламъ, касавшимся тѣхъ же обществъ. Такимъ образомъ, соборъ 1566 г. былъ въ точномъ смыслѣ *совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами*. Таковъ первичный типъ земскаго представительства въ Россіи: это было отвѣтственное представительство по административному положенію, а не полномочное представительство по общественному довѣрію. Этимъ, между прочимъ, объясняется такое количество присутствовавшихъ на соборѣ дьяковъ. Земскаго представителя, какъ довѣреннаго выразителя нуждъ и желаній извѣстнаго класса или мѣстнаго общества, повторимъ, не знали и не понимали въ Московскомъ государствѣ XVI в. Этимъ же объясняются двѣ наиболѣе существенныя особенности представительства на соборѣ 1566 г., состоявшія въ томъ, что всѣ представители принадлежали къ столичнымъ корпораціямъ и ни изъ чего не видно, были ли они выбраны какими-либо обществами, или прямо приглашены правительствомъ.

Не будетъ лишнимъ отмѣтить, въ какомъ направленіи изложенный взглядъ на соборъ 1566 г. уклоняется отъ взглядовъ, выраженныхъ въ упомянутомъ спорѣ Соловьевымъ и Аксаковымъ. Первый, видя на соборѣ рядомъ съ представителями столицы депутатовъ только отъ двухъ уѣздовъ и только отъ одного областнаго города, не соглашался признать его земскимъ, т.-е. всеземскимъ собраніемъ, а второй признавалъ его такимъ въ идеѣ или потенциально; но оба они готовы были признать его представительнымъ собраніемъ и въ членахъ его изъ дворянства и купечества пред-

полагали депутатовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. выборныхъ. Наша рѣчь, напротивъ, клонится къ той мысли, что соборъ 1566 г. можно признать скорѣе земскимъ собраніемъ, чѣмъ представительнымъ въ этомъ смыслѣ: дворянскіе и купеческіе представители на соборѣ были земскіе люди и даже руководители земства, но могли и не быть выборными, специально уполномоченными представлять своихъ избирателей на этомъ соборѣ. Соловьевъ утверждалъ, что соборъ не былъ земскимъ, не былъ соборомъ всей Россіи, потому что представлялъ столицу, а не землю. Составъ собора заставляетъ признать, что онъ представлялъ землю посредствомъ столицы и самую столицу представлялъ лишь настолько, насколько она представляла землю; потому и низшее тяглое населеніе столицы, черныя сотни и слободы, не имѣли особыхъ представителей на соборѣ, а вмѣстѣ съ тяглымъ населеніемъ областныхъ городовъ были представлены высшимъ столичнымъ купечествомъ. Столичное дворянство и купечество имѣли тогда значеніе представителей земли по своему государственному положенію, хотя такое представительство не исключало возможности и выборной процедуры. Впрочемъ, представительство по положенію могутъ признать выраженіемъ, соединяющимъ несомвѣстимыя понятія, и тогда соборъ 1566 г. нельзя признавать ни земскимъ, ни представительнымъ собраніемъ и употребленіе самаго слова *представительство* въ примѣненіи къ нему надобно считать злоупотребленіемъ, допущеннымъ въ настоящемъ опытѣ по неумѣнью автора подобрать соответствующій предмету терминъ.

И такъ, часть въ составѣ собора 1566 года, имѣвшая, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое подобіе представительства, состояла изъ военныхъ губернаторовъ и военныхъ предводителей уѣзднаго дворянства, которыми были столичные дворяне, и изъ финансовыхъ прикащиковъ правительства, которыми были люди высшаго столичнаго купечества. Что за причудливый составъ представительства, какъ могла родиться мысль о такомъ составѣ и на что могло понадобиться представительство, такъ составленное? Это вопросы, касающіеся происхожденія земскихъ соборовъ.

В. Ключевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

И опять случай посылает мнѣ неожиданный матеріалъ для предисловія.

Дѣло вотъ въ чемъ. *Неделя*, хотя и не прямо, но также и не совсѣмъ косвенно, придаетъ моему ноябрьскому очерку личный характеръ. Газета говоритъ, что я приписываю г. Абрамову «путемъ окольныхъ и не совсѣмъ деликатныхъ соображеній» статью *Жалобы на наше время*. Очень жалѣю, что мой очеркъ былъ понятъ *Неделей* такимъ образомъ, и еще больше жалѣю, если и г. Абрамовъ усмотрѣлъ въ немъ что-нибудь личное. Могло это случиться только потому, что въ насъ, русскихъ публицистахъ, еще недостаточно развито сознание своей общественной роли.

Предположите, что въ земскомъ собраніи или въ думѣ кто-нибудь вступаетъ на трибуну и объявляетъ, что сегодня, въ воскресенье, 10 декабря, термометръ показываетъ 20° морозу и дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Выслушавъ такое сообщеніе, мы примемъ его къ свѣдѣнію и ужь, конечно, не поинтересуемся знать, кто его дѣлаетъ.

Но вотъ на ту же трибуну вступаетъ новый ораторъ и начинаетъ рѣзко нападать на образованіе и народныя школы и предлагаетъ ихъ закрыть. Тутъ ужь не о 20° мороза рѣчь и для слушателей вовсе не безразлично, кто ораторствуетъ. Мы, земцы, выбирающіе своихъ гласныхъ, конечно, пожелаемъ узнать не только фамилію, но имя и отчество оратора, да и къмъ онъ выбранъ въ гласные. Думаю, что и самъ ораторъ сочтетъ долгомъ своей общественной чести не скрываться за псевдонимомъ или за анонимомъ, ни, тѣмъ болѣе, прятаться за спиною своихъ избирателей.

Теперь предположите, что въ какомъ-нибудь повременномъ изданіи является не одна, а рядъ статей, въ которыхъ общественнымъ фактамъ придается съ настойчивостью такое объясненіе, что бѣлое оказывается чернымъ, а черное бѣлымъ; предположите, что въ тѣхъ же статьяхъ значеніе лицъ, имена которыхъ вписаны золотыми буквами въ исторію нашего умственного развитія и стремленія которыхъ мы должны бы больше всего цѣнить именно въ текущій моментъ, умаляются, а маленькіе, вовсе неизвестные, хотя и полезные дѣятели, преувеличиваются; наконецъ, пред-

положите, что эта спутанная умственная перспектива нарушается уже и совсѣмъ парадоксальнымъ утвержденіемъ, будто бы общественно-политическое мышленіе имѣетъ второстепенное значеніе. Спрашивается, какъ вы, читатель, ищущій въ печатномъ словѣ правды и поученія, должны принять подобные, спутывающіе васъ, парадоксы?

На статью *Недѣли*, о которой и идетъ главнѣйше рѣчь, нашли нужнымъ возражать *Вѣстникъ Европы* и *Русскія Вѣдомости*. Полагая, что господствующее настроеніе давно уже въ нашемъ обществѣ не измѣнялось до такой степени къ худшему, какъ теперь, *Вѣстникъ Европы* признаетъ несостоятельность мнѣнія одной петербургской газеты, что потерянное въ одномъ направленіи вознаграждается приобрѣтеніями въ другомъ. Газета указывала, наприм.,—говорить *Вѣстн. Евр.*,—что если въ шестидесятые годы печать пользовалась болѣею свободой обсужденія общихъ вопросовъ и насчитывала въ своей средѣ меньше безпринципныхъ органовъ, то она за то меньше, чѣмъ въ наше время, имѣла связей съ текущею жизнью; далѣе, доступъ къ высшему образованію тогда облегчался всѣми мѣрами для всѣхъ, теперь нѣтъ этого, и все же высшее образованіе получаетъ болѣе число лицъ; къ положительнымъ сторонамъ современности относится, наконецъ, расширеніе дѣла народнаго образованія и развитія земской дѣятельности въ наиболѣе желательномъ направленіи. Таковы, по мнѣнію газеты, свѣтлыя пятна, ярко выдѣляющіяся на темномъ фонѣ. Она забыла только,—замѣчаетъ *Вѣстникъ Европы*,—спросить себя: долго ли еще они будутъ выдѣляться? Да, прогрессъ народной школы,— прогрессъ, въ противоположность прежнимъ традиціямъ, не номинальный, а дѣйствительный,—безспорно знаменуетъ собою исторію двухъ послѣднихъ десятилѣтій; но обезпеченъ ли онъ отъ всякихъ случайностей, долго ли еще останется открытымъ тотъ путь, на которомъ и благодаря которому народная школа достигла столь выдающихся успѣховъ? Да, земство расширяетъ свою дѣятельность, и расширяетъ именно въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для массы; но сохранить ли оно свой настоящій составъ и свое настоящее устройство, которыми именно и обуславливается его направленіе? Что касается печати, то здѣсь мы не можемъ согласиться даже съ основнымъ тезисомъ газеты; мы не можемъ признать, чтобъ идеи, теперь распространяемыя печатью, были, «въ общемъ, идеи гуманныя и прогрессивныя, отчего и вліяніе ея гуманизирующее и цивилизующее». Мы думаемъ, что антигуманнаго, антипрогрессивнаго современная періодическая печать вноситъ въ обращеніе, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько хорошаго и свѣжаго. Одичанію взглядовъ и нравовъ она способствуетъ едва ли меньше, чѣмъ противодѣйствуетъ. Первая задача дается ей, во всякомъ случаѣ, гораздо легче, чѣмъ вторая, и нѣтъ ручательства въ томъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ вѣсы не опустились еще болѣе въ сторону своего нынѣшняго наклонна. Четверть вѣка назадъ исключеніемъ въ области печати было именно то, что теперь становится въ ней если не общимъ правиломъ, то явленіемъ весьма обычнымъ...

Вѣстникъ Европы, возражая *Недѣлю*, противопоставлялъ ей фактамъ, которые она брала *снизу*, факты, которые онъ бралъ *сверху*. Тѣми же фактами сверху пользовался и я въ своемъ очеркѣ. Но *Вѣстникъ Европы* писалъ какъ бы для *Недѣли* и дѣлалъ возраженіе ей. Отъ этого онъ даже и не упоминаетъ имени *Недѣли*, а говоритъ: «въ одной изъ петербургскихъ газетъ» или «въ газетѣ»,—я же писалъ для читателей *Русской Мысли* и ни однимъ словомъ не обращался къ *Недѣлѣ*. Я даже выдѣлялъ ее изъ соучастія въ статьяхъ, по поводу которыхъ говорилъ и думалъ, и думаю, что я поступалъ правильно.

Идейная полемика со всякимъ безъ исключенія изданіемъ совершенно бесполезна. Вы будете говорить одно, вамъ будутъ говорить другое—и споръ затѣется безконечный и совершенно бесплодный. Надоѣсть и вамъ возражать, надоѣсть и читателю васъ читать. Взять хотя бы тотъ же споръ о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ, который обошелъ почти всѣ наши періодическія изданія. Споръ этотъ былъ поднятъ *Недѣлей*, шуму произвелъ онъ много и каждый изъ шумѣвшихъ не только остался на своей позиціи, но еще и окопался на ней. Въ объявленіи о подпискѣ на 1890 годъ, разосланномъ *Недѣлей* при провинціальныхъ газетахъ, говорится, что «редакція всегда старается выяснять *общій* (курсивъ объявленія) смыслъ событій и докапываться до ихъ *коренныхъ основъ*». При этомъ *Недѣля* настойчиво проводитъ ту мысль, составляющую *глубокое убѣжденіе* редакціи, что, несмотря на многія печальныя явленія въ современной русской жизни, Россія не только не «гибнетъ» и не «идетъ назадъ», какъ утверждаютъ нѣкоторые, но, напротивъ, замѣтно развивается и во всѣхъ отношеніяхъ растетъ. Видите, какъ окопалась теперь *Недѣля*, и что станете вы говорить противъ «глубокаго убѣжденія»? Вѣдь, это такой редутъ, къ которому и приближаться бесполезно.

Но все дѣло становится иначе, если вы оставите редутъ въ покоѣ, не станете тащить на него читателя и вовлекать его въ рукопашный бой, а поступите согласно программы самой *Недѣли*, т. е. будете «докапываться до коренныхъ основъ».

И въ самомъ дѣлѣ, что за причина и изъ какого источника являются всѣ эти односторонніе парадоксы, что современная печать вноситъ столько же антипрогрессивнаго, сколько и хорошаго, что одичанію взглядовъ и нравовъ она способствуетъ едва ли меньше, чѣмъ противодействуетъ, что четверть вѣка назадъ исключеніемъ въ области печати было именно то, что теперь становится въ ней если не общимъ правиломъ, то явленіемъ весьма обычнымъ? Изъ какихъ тайниковъ мысли, какимъ мышленіемъ создаются всѣ эти странныя статьи, въ которыхъ то вамъ доказываютъ, что причиной самоубійствъ молодежи известная часть печати, плодящая будто бы недовольство жизнью, то говорятъ, что академическое направленіе мысли — пустыя, а гораздо важнѣе работа плотниковъ и штукатуровъ, то васъ увѣряютъ, что мы переживаемъ теперь чуть ли не самый свѣтлый періодъ русской исторіи, то поучаютъ отложить въ сторону всякія обще-

ственно-политическія мысли и рекомендуютъ заняться чисто-практическими и маленькими дѣлами, не думая о томъ, что вы дѣлаете, для чего дѣлаете, такъ ли дѣлаете и къ чему приведетъ ваша работа? Вѣдь, это цѣлый потокъ парадоксовъ, въ которомъ вы видите не «докапываніе до коренныхъ основъ», а закапываніе коренныхъ основъ.

И если бы только этимъ однимъ закапываніемъ и ограничивалось дѣло, а то въ тѣхъ же статьяхъ вы постоянно чувствуете зубъ противъ людей недавняго прошлаго. Ни одна изъ этихъ статей не написана спокойно, ни въ одной нѣтъ именно того самаго «докапыванія», которое *Неделя* вводитъ въ существенную часть своей программы. Этого мало: вы чувствуете, что всѣ эти статьи, перечисленныя *Неделяй* въ объявленіи, какъ редакціонныя, именно и не сходятся съ общимъ тономъ *Недели* и съ другими ея тоже редакціонными статьями, что въ нихъ преобладаетъ какой-то субъективизмъ, что-то умственно бродячее, какія-то струйки другаго цвѣта.

Если *Вѣстникъ Европы* и *Русскія Вѣдомости*, указывая на эти статьи, не упоминаютъ ни однимъ словомъ *Неделю*, а говорятъ, что статьи были напечатаны въ «одной изъ петербургскихъ газетъ», это—дѣло ихъ темперамента и объективнаго положенія, которое они не желаютъ нарушать. Но есть въ жизни и другіе темпераменты и другія положенія. Идеи—идеями, но нуженъ и живой человѣкъ, котораго вы могли бы и видѣть, и осязать, и знать. Не съ идеями только намъ приходится бороться, а приходится возиться и съ живыми людьми. Поэтому не все равно, когда тѣ или другія идеи вы слышите выходящими какъ бы изъ водосточной трубы или когда передъ вами стоитъ человѣкъ и вы видите, кто съ вами говорить. Редакція состоитъ не изъ безплотныхъ духовъ, а изъ живыхъ людей, и газетныя статьи пишутся не «идейными воплощеніями», а тоже живыми людьми. Вотъ этихъ-то живыхъ людей вы намъ и подайте, чтобы мы знали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, кто куда идетъ, съ кѣмъ намъ идти, съ кѣмъ не идти. Какой толкъ отъ такой гласности, которая не говоритъ вамъ ничего, что вы узнаете изъ указанія, что «въ одной изъ петербургскихъ газетъ» говорится то-то или то-то? Въ какой газетѣ: въ *Гражданинѣ* или въ *Земледѣльческой Газетѣ*? Открытость и искренность—нравственный долгъ каждаго человѣка, а для публициста это долгъ его публицистской чести. Для насъ, людей печати, не существуетъ статья закона о диффамаци и ужь, конечно, никто изъ насъ прибѣгать къ ея защитѣ не станетъ. Статья эта существуетъ только для людей, которымъ неизбѣжно скрывать свои имена. Публицистъ, писатель — это трибунъ, обязанный стоять передъ своими слушателями во весь ростъ. Слушателямъ не нуженъ ораторъ въ подумаскѣ, показывающій только свой говорящій ротъ. При слабо развитой гласности и при боязни ея, господствующей еще въ нашемъ обществѣ, намъ, писателямъ, слѣдовало бы явиться ея примѣромъ, а не проповѣдовать гласность только на словахъ и въ дѣйствительности плодить безгласность. Кому нужно, напримѣръ, такое сообщеніе, дѣлаемое *Неделяй*: «къ одному изъ здѣшнихъ медицинскихъ свѣтилъ явилась

въ приемный часъ барыня, лично съ нимъ знакомая. Послѣ консультаціи она положила на докторскій столъ два рубля, но едва лишь она вышла изъ докторскаго кабинета въ приемную, полную народа, какъ изъ кабинета раздался сердитый возгласъ: «Иванова!»—и прежде чѣмъ госпожа Иванова успѣла что-нибудь сообразить, докторъ сунулъ ей въ руку полученный отъ нея гонораръ и громогласно произнесъ:—«Возьмите ваши два рубля и приходите въ слѣдующій разъ въ лечебницу, гдѣ я принимаю бесплатно». Это очень характеристичный приемъ гласности. Тутъ есть все, что нужно для произведенія эффекта—и приемная, «полная народа», и «сердитый возгласъ», и «громогласный» выговоръ, нѣтъ только главнаго—имени знаменитости. Петербургскіе жители, вѣроятно, и знаютъ, о комъ тутъ рѣчь, но провинціальныя больныя, нуждающіеся тоже въ петербургскихъ знаменитостяхъ, ничего изъ этого «разоблаченія» не узнаютъ. Хуже! Они только увидятъ неблаговидную тѣнь, которая выдѣляется на всѣ петербургскія медицинскія знаменитости. Неужели въ этомъ заключалась цѣль сообщенія?

Бываютъ случаи, когда начинающіе авторы не подписываютъ своихъ именъ или выставляютъ ихъ не вполне, изъ неувѣренности въ себѣ. (Привожу фактъ хотя и личный, но думаю, что онъ фактъ и общій). Есть провинціальная газета, отъ которой вѣетъ здоровымъ, укрѣпляющимъ горнымъ воздухомъ, въ которой чувствуется тѣсная сплоченность, однородность и не видно ни умственной наготы, ни двойнаго хвоста, которымъ обзавелись теперь многія изъ нашихъ газетъ и особенно петербургскія. Газета эта *Екатерибургская Недѣля*. Въ ней есть «журнальныя замѣтки», которыя до сихъ поръ подписывались неполнымъ именемъ: Н. О—ва. Случалось и этимъ «замѣткамъ» со мною не соглашаться, случалось и мнѣ съ ними не соглашаться. Теперь въ объявленіи о подпискѣ *Екат. Недѣля* раскрываетъ псевдонимъ своего журнальнаго обозрѣвателя и обозрѣватель и самъ сталъ подписываться полною фамиліей. И, узнавъ, что Н. О—ва есть Н. В. Остроумова, я этому радуюсь; да, радуюсь,—радуюсь потому, что знаю человѣка, что, встрѣтившись съ нимъ, мнѣ не нужно будетъ наводить о немъ никакихъ справокъ, ни ждать взаимной рекомендаціи. Въ этой возможности узнавать другъ друга никогда не видѣвшись и на разстояніи десятковъ, тысячъ верстъ, въ этой возможности дѣлать себя извѣстнымъ не только писателямъ, но и всѣмъ читателямъ, въ этой широкой гласности, которая раскрываетъ вамъ душу человѣка и вы уже заранѣе его знаете,—знаете, какъ далеко съ нимъ можете идти, въ чемъ найдете въ немъ себѣ друга и единомышленника и въ чемъ врага и злоумышленника,—заключается одно изъ величайшихъ общественныхъ благъ гласности и одно изъ счастливыхъ привилегій писателей и вообще общественныхъ дѣятелей. Это одно изъ тѣхъ величайшихъ личныхъ нравственныхъ благъ, которымъ каждый изъ насъ долженъ дорожить, которымъ онъ долженъ гордиться, которое онъ долженъ охранять и оберегать какъ зеницу ока.

Но, кромѣ извѣстной доли личнаго счастья и нравственнаго удовлетво-

творенія, которыя гласность доставляетъ каждому порядочному человѣку, она имѣетъ еще и общественно-контролирующее значеніе и служить однимъ изъ стимуловъ общественно-нравственной чистоплотности. Это контролирующее значеніе гласности расширяется по мѣрѣ политически-общественнаго развитія каждаго общества, а по мѣрѣ демократизаціи идей проникаетъ до извѣстной степени и въ личную дѣятельность каждаго. У насъ еще, пока, говорятъ преимущественно о мертвыхъ, а о живыхъ говорить не рѣшаются, вѣроятно, изъ боязни, чтобы не вызвать разговоры о себѣ. Но въ Европѣ общественная пытливость начинаетъ проникать въ душевные тайники даже такихъ лицъ, къ которымъ до сихъ поръ она не смѣла подходить и за сто верстъ. Припомните опубликованный дневникъ императора Фридриха и характеристику императора Вильгельма II, напечатанную его воспитателемъ.

Пытливая общественная мысль и у насъ сдѣлала несомнѣнные успѣхи, но успѣхи эти больше теоретическіе. Что же касается практики гласности, то формула ея та же, надъ которой подсмѣивался еще тридцать лѣтъ назадъ Добролюбовъ: «въ одномъ повременномъ изданіи одинъ писатель...» или «одна медицинская знаменитость съ одною дамою...», или «въ одномъ земскомъ собраніи одинъ гласный...», т.-е. мы, попрежнему, склоняемъ на всѣ лады мѣстоименія одинъ и одна и въ этомъ усматриваемъ даже извѣстную личную деликатность, забывая, что на свѣтѣ есть еще болѣе важная деликатность — общественная, ради которой обязательно разоблачать то, что обществу должно быть извѣстно. Не лицамъ служить печать, а общественнымъ интересамъ. Несомнѣнно, что въ послѣдніа десяти лѣтъ гласность у насъ очень упала, и когда она встанетъ на ноги — неизвѣстно. Этому упадку гласности я приписываю и упрекъ, сдѣланный мнѣ *Недѣлей* въ личной не деликатности. Предположите, что я, публицистъ, встрѣчаю въ какомъ-нибудь органѣ печати не одну, а рядъ статей, которыя точно бусы нанизываются на одну и ту же нитку. Во всѣхъ этихъ статьяхъ ясно, а чаще всего робко, таинственно, подъ вуалью, высказываются мысли и тенденціи далеко не общественныя, а по времени и вполнѣ безтактныя. Такъ, напримѣръ, самоубійства приписываются «извѣстной части печати», будто бы только плодящей недовольство, и т. д. Вниманіе, оказываемое редакціею этимъ статьямъ, не возбуждающимъ умственной симпатіи ни содержаніемъ, ни приѣмомъ писанья, закутаннымъ и неоткровеннымъ, заставляетъ предполагать больше, чѣмъ единоборство авторовъ ихъ съ людьми и идеями недавняго прошлаго. Тутъ чувствуется цѣлое теченіе извѣстныхъ мыслей, пока еще робко и неувѣренно выступающихъ впередъ, но теченіе, очевидно, стремящееся проложить себѣ путь, создать направленіе, завербовать сторонниковъ, явиться пропагандой. И вотъ, когда изъ массы мелкихъ и непріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ статьями, во мнѣ слагается и боязливая, и досадная мысль, что, вѣдь, это же проповѣдь оглупѣнія и одичанія, что, вѣдь, это же провозглашеніе вражды къ людямъ и идеямъ, которые и такъ уже находятся не въ авантажѣ, я нахожу въ *Словарѣ* г. Венгери-

ва біографію публициста, которая разрѣшаетъ всё мои боязливныя и досадныя мысли. Публицистъ этотъ г. Абрамовъ, а біографія его составлена по матеріаламъ, имъ самимъ доставленнымъ издателю *Словаря*. Оказывается, что у насъ народилась цѣлая «фракція» людей и писателей, додумавшихся до возможности и плодотворности такихъ общественныхъ порядковъ, когда вся общественная работа можетъ быть сведена къ однимъ практическимъ мѣропріятіямъ внизу, а верхнимъ, мыслящимъ слоямъ общества надѣвается ночной колпакъ. Весьма вѣроятно, что когда выйдутъ послѣдующіе томы *Словаря*, то писатели и люди этой фракціи окажутся и въ буквахъ Б, В, Г и т. д. Но пока вышла буква А, подъ которой значится одинъ г. Абрамовъ. А такъ какъ между «фракціей», къ которой принадлежитъ г. Абрамовъ, и статьями *Недѣль*, о которыхъ рѣчь, очевидно, самая тѣсная связь, то на эту связь я и указываю. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни личнаго, ни окольнаго. Если г. Абрамовъ представляется мнѣ весьма характернымъ образикомъ «новаго» публициста, то и это заключеніе я сдѣлалъ изъ его же автобіографіи, которую всякій можетъ прочесть въ *Словарь* г. Венгерова. Какіе же тутъ секреты и отъ чего тутъ прятаться? «Назвался груздемъ—погѣзай въ кузовъ». Наконецъ, если г. Абрамову, какъ начинающему писателю, еще не создавшему себѣ точнаго положенія въ публицистикѣ, непріятна возможность даже самаго отдаленнаго предположенія, что эти статьи или нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть приписаны ему, то въ той же *Недѣль* онъ можетъ заявить, что статьи эти ему не принадлежатъ.

Ну, вотъ, моему вынужденному предисловію и конецъ. Теперь я буду говорить о томъ, о чемъ задумалъ говорить въ настоящемъ *Очеркѣ*. А думалъ я говорить все о той же печати.

Практическое направленіе настолько утвердилось и окрѣпло во всемъ внѣшнемъ, наружномъ теченіи нашей современной общественной жизни, что сообщило свой характеръ и свой пошибъ и печати. Точнѣе говоря—газетамъ. И всегда-то наша печать зависѣла отъ жизни, но бывали времена, когда эта самая жизнь направлялась высшимъ теченіемъ мысли, а теперь она направляется низшимъ. Когда жизнь направлялась теченіемъ высшимъ, тогда и въ печати, и въ обществѣ преобладала критическая мысль, каждый думалъ, каждый старался опредѣлить и оцѣнить то, что есть, и то, что можетъ быть, усложненныя требованія и усложненныя общественныя задачи вызывали и усложненное мышленіе, усложненное же мышленіе создавало приподнятость и энергію въ умственной работѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. А такъ какъ тогда думали всё и въ направленіи одного общаго дѣла, то соединенная энергія умственнаго движенія единицъ создавала ту самую коллективную силу ума, которая зовется обыкновенно воодушевленіемъ и восторженностью.

Это восторженное и энергическое настроеніе критической мысли очень легко управлялось съ фактами жизни, которые ему приходилось разрѣшать, и являлось, такимъ образомъ, господиномъ этихъ самыхъ фактовъ жизни. Но потомъ, когда именно вслѣдствіе того, что мысль справлялась съ фак-

тами жизни и дала имъ просторъ, явилась небывалая многосложность отноше- ній и число новыхъ жизненныхъ фактовъ разрослось и увеличилось, дирижирующая мысль встала передъ ними въ бессильномъ недоразумѣніи и получились тѣ умственные течения, которыя намъ приходится наблюдать въ современныхъ газетныхъ направленіяхъ, причежь однѣ изъ газетъ (почти исключительно петербургскія), не зная, какъ овладѣть многосложными фактами жизни, вполне подчинились имъ, и явился газетный оппортунизмъ разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ (*Неделя, Новое Время*).

Несмотря на кажущееся разнообразіе газетныхъ направленій, у нихъ есть одна общая черта—враждебное отношеніе къ идейности, къ теоретическому движению мысли, которое они называютъ профессорскимъ или академическимъ и частью не довѣряютъ ему, а частью считаютъ бесплоднымъ и даже иронизируютъ надъ «высшими идеями», предпочитая разработку «муравьиныхъ», но за то близкихъ каждому практическихъ вопросовъ «публицистскому празднословію» о вопросахъ, которые нельзя ставить прямо и ясно и отвѣчать на нихъ «рѣзко и категорически».

Нѣтъ, не въ томъ заключается «идейность» или «высшія идеи», чтобы говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить «рѣзко и категорически». Нельзя говорить, такъ и не говорите. Но то, о чемъ говорить можно и о чемъ вы говорите, говорите идейно и не считайте свой публицистскій долгъ выполненнымъ, если вы только сидите надъ муравьиными кучами, ковыряете въ нихъ палкой, раскладываете муравьиныя яйца по ихъ величинѣ на горсточки и считаете, сколько въ каждой горсточкѣ яицъ.

Чтобы говорить прямо и просто, не прибѣгая къ замаскированнымъ выраженіямъ, которыя читателя удовлетворить не могутъ, я выясню на примѣрѣ, какъ существенна и важна роль идейности въ публицистикѣ и къ чему ведетъ «недостаточное вниманіе» къ ней, которое,—какъ выразилась *Неделя*,—она дѣйствительно къ «высшимъ идеямъ» обнаруживаетъ. Прибавлю, что я вовсе не полемизирую съ *Неделей*, а только стараюсь выяснить недоразумѣнія, больше всего мѣшающія единомыслию современной печати.

Въ томъ же 48 № *Недели*, въ которомъ она на меня несправедливо сердится, напечатана статья *Чумазые лэндъ-лорды*. Прозвище «чумазыи», утвердившееся въ публицистикѣ, какъ характерное, мѣткое и заключающее ясный и опредѣленный для всѣхъ смыслъ, принадлежитъ Салтыкову. И у Салтыкова «чумазыи» имѣлъ не только опредѣленный смыслъ, но и страшный, путающій образъ. Вы чувствовали, какъ этотъ «чумазыи» ползетъ изъ каждой щели, какъ онъ надвигается со всѣхъ сторонъ точно туча, заволакивающая горизонтъ, какъ онъ забираетъ въ руки все, что не твердо лежитъ, какъ онъ грозитъ своимъ грубымъ нравомъ, обиходомъ, обычаемъ, своею холодною и неумолимою эксплуатаціей, безжалостною и безсердечною, вытѣснить ту небольшую общественную культуру, которую мы пока успѣли создать, и хозяиномъ всѣхъ отношеній хочетъ поставить себя. Эту надвигающуюся тучу вы видѣли,—видѣли, какъ она идетъ на васъ, какъ она

васъ захватываетъ. Вотъ ужъ она, кажется, и совсѣмъ подлѣ, вы озираетесь со страхомъ, вы всматриваетесь въ окружающую жизнь, вы въ нее вдумываетесь, въ васъ начинаетъ работать критическая мысль. Вотъ что такое «чумазыи» Салтыкова. Онъ не только общественное явленіе, на которое вамъ раскрываютъ глаза, онъ еще и толчокъ, заставляющій васъ думать въ общественномъ направленіи и пробуждающій критическую мысль. Скажутъ: Салтыковъ—крупный талантъ. Нѣтъ, тутъ талантъ на второмъ мѣстѣ; на первомъ стоитъ крупный, обобщающій умъ и его пронзительная критическая сила.

Посмотримъ же, что даютъ *Чумазые лэндъ-лорды*, напечатанные въ *Нидльмъ*. Статья эта составлена частью по газетнымъ корреспонденціямъ, частью по книгѣ о Башкиріи г. Ремезова, частью, какъ кажется, по личнымъ матеріаламъ автора. Но статья—компилятивная, центръ тяжести которой, собственно, въ фактахъ, а не въ обобщеніяхъ. Вамъ дается списокъ разбогатѣвшихъ мужиковъ, владѣющихъ на югѣ и востокѣ Россіи громаднѣйшими площадями земли, даже до двухсотъ тысячъ десятинъ. Тутъ и Мальцевъ, и Мазаевъ, и Петрикъ, и Панкеевъ,—однимъ словомъ, всѣ крупные землевладѣльцы, вышедшіе изъ молоканъ, колонистовъ, купцовъ, крестьянъ. И каждаго изъ нихъ авторъ прищипливаетъ булавкой и дѣлаетъ это съ злымъ чувствомъ, которое передается и читателю, ибо статья пестрѣетъ фамиліями съ болѣе или менѣе личною характеристикой. Есть, правда, указаніе и на происхожденіе этихъ богатствъ, но это указаніе болѣе вводное и центръ тяжести статьи совсѣмъ не въ немъ, а въ ея чисто-личномъ настроеніи.

Эта мелкая, личная и исключительно фактическая постройка статьи и дѣлаетъ ее сѣрой, безыдейной, скользкой поверхностью въ умѣ читателя. Даже и заглавіе-то къ статьѣ не подходитъ. Ну, какіе всѣ эти разбогатѣвшіе мужики «лэндъ-лорды», а тѣмъ болѣе «чумазые»? И что хочетъ сказать авторъ своею ироніей? То, что въ крупные землевладѣльцы полѣзли мужики? А если бы земли скупали графы и князья, т.-е. настоящіе лэндъ-лорды, а не «чумазые»,—имъ бы это простилось? Выходитъ какъ будто такъ, потому что, перечисляя по именамъ разбогатѣвшихъ молоканъ, колонистовъ и т. д., авторъ подчеркиваетъ, что они еще на нашихъ глазахъ были лапотниками и кабатчиками. Онъ не скупится на черныя краски, но всѣ эти черныя краски идутъ у него на рисованіе портретовъ. Правда, онъ группируетъ нѣкоторыя общія черты и говоритъ, что въ лицѣ «чумазаго лэндъ-лорда» родился новый типъ людей, поклоняющійся только золотому тельцу. Но, во-первыхъ, «типъ» есть коллективная личность, значить опять личная, а не общественная постановка вопроса; а, во-вторыхъ, когда же люди, особенно промышленные, молились другому богу? Вѣдь, и всѣ наши купцы, всѣ наши промышленники, фабриканты, заводчики свои помыслы и желанія направляютъ тоже только на пріобрѣтеніе и увеличеніе средствъ. Тутъ же рядомъ съ «чумазыми лэндъ-лордами» выросли заводы Юза и Пастухова, создавшіе небывалую еще у насъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ промышленность, но ни Юзъ, ни Пастуховъ не ока-

зываются «чумазыми». Да и что хочешь сказать авторъ своимъ презрительнымъ прилагательнымъ? Въ Европѣ вся интеллигенція и аристократія чумазаго происхожденія. Чумазымъ былъ отецъ Гладстона, Биконсфильдъ самъ былъ чумазымъ. Въ Америкѣ большинство президентовъ и ихъ помощниковъ изъ чумазыхъ, — одинъ былъ портнымъ, другой сапожникомъ, третій лѣсорубомъ и сплавищикомъ. Современные денежные короли Ротшильды происходятъ отъ чумазаго дѣда. А мы развѣ не чумазаго происхожденія? Много ли вы найдете русскихъ родовитыхъ фамилій, которыя бы не происходили отъ чумазаго родоначальника? Самъ же авторъ говоритъ, что «чумазые лэндъ-лорды» отдають своихъ дѣтей въ науку, что болѣе честолюбивые и дальновидные изъ нихъ не бѣгутъ отъ общественнаго дѣла, «и, благодаря своему вліянію, сразу становятся въ передніе ряды, занимая важнѣйшія и почетнѣйшія должности», что «современное поколѣніе лэндъ-лордовъ болѣе ранняго происхожденія (Фальцфейны, Люстичи, Панкеевы) состоитъ изъ лицъ, получившихъ образованіе». Очевидно, что «чумазость» не есть основной и характерный признакъ этихъ людей; а, между тѣмъ, авторъ только ее и выдвигаетъ на первое мѣсто и всю свою статью строить на чумазости и на желаніи возбудить какое-то личное чувство противъ перечисляемыхъ имъ Мазаевыхъ, Петриговъ, Мальцевыхъ и т. д. Авторъ настолько послѣдователенъ въ своемъ лично-пренебрежительномъ отношеніи къ происхожденію этихъ внезапно и изъ ничего возникшихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, что не допускаетъ ничего порядочнаго даже въ ихъ потомствѣ. «Ужь и теперь они (т.-е. теперешніе владѣльцы) даютъ себя знать,—говоритъ онъ въ заключеніе,—и если роль ихъ въ жизни страны пока скромнѣе роли англійскихъ лэндъ-лордовъ, то это зависитъ лишь отъ того, что они еще не развернулись... Да и неудивительно: вчера еще были лапотники и кабацкіе сидѣльцы, а нынче — «короли»,—поневоля ошалѣешь. За то новое поколѣніе, вырастающее или уже выросшее въ положеніи «лэндъ-лордовъ», покажетъ себя во всей силѣ».

И откуда вы знаете, въ какой силѣ покажетъ себя будущее поколѣніе? Да и въ этомъ ли вопросъ, или вопросъ въ томъ, чтобы, не гадая невѣстнаго будущаго, выяснитъ сущность настоящаго? Ужь, разумѣется, вопросъ въ послѣднемъ, но авторъ какъ разъ доводитъ вопросъ только до этого мѣста и ставитъ точку. И получилась распространенная репортерская замѣтка или корреспонденція, но не публицистская статья.

Увидѣть, что тавричане вѣсятъ отъ 8 до 9 пудовъ, что они имѣютъ аршинъ въ плечахъ, что это все тѣ же деревенскіе кулаки, но орудующіе десятками тысячъ десятинъ и тысячами рабочихъ, — можетъ всякій, у кого есть глаза. Но это факты простые, непосредственные и очевидные. За этими простыми фактами начинаются другіе, болѣе сложные, запутанные, и чтобы подмѣтить ихъ, нужно имѣть уже иное зрѣніе. Не въ «девятипудовыхъ» тавричанахъ и не въ томъ тутъ дѣло, чтобы возбуждать къ нимъ негодующее личное чувство, — тавричане, какъ и расхитители башкирскихъ

земель, больше ничего, как известная очевидность или наглядная несообразность, указывающая на нечто имъ предшествующее и создающее изъ нихъ аграрную уродливость. Всѣ эти девяти-пудовые тавричане нужны постольку, поскольку они указываютъ на систему внутреннихъ отношеній дающую просторъ противупообщественнымъ инстинктамъ. И вотъ съ этого-то мѣста и начинается публицистъ, а не съ установленія простыхъ и однородныхъ фактовъ, которые даетъ репортеръ и корреспондентъ.

Недоразумѣніе, значить, вотъ въ чемъ. «Новое» практическое направленіе въ публицистикѣ считаетъ для себя вполне достаточнымъ работать надъ простыми фактами, а «высшія идеи», т.-е. сложные общественные факты, оно выстраняетъ изъ поля своихъ наблюдений. Оттого-то и получаются у новыхъ публицистовъ такія чисто-фактическія статьи, какъ *Чумазые лэндъ-лорды*, которыя дѣйствуютъ только на чувство, а общественное сознаніе обходятъ, критической мысли не шевелятъ и оставляютъ читателя въ полнѣйшемъ недоразумѣніи какъ относительно сущности явленія, его происхожденія и закона, такъ и относительно средствъ, которыми вредный порядокъ общественныхъ явленій могъ бы быть замѣненъ порядкомъ общественно-полезнымъ. Такая публицистская мизерность тѣмъ болѣе печальна, что та же русская печать представляетъ образцы совсѣмъ иного рода, которымъ бы оставалось только слѣдовать, если, конечно, достанетъ на это силъ.

Укажемъ на *Русскія Вѣдомости*. Газета эта небольшая, особеннымъ разнообразіемъ содержанія или полнотой она не отличается, ведется серьезно, даже немножко скучно, ни рекламъ, ни широковѣщательныхъ объявленій съ заманчивыми обѣщаніями не разсылаетъ. Достигла она успѣха только «идейностью». Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* читатель чувствуетъ вѣрнаго друга, во мнѣніяхъ котораго онъ всегда найдетъ спокойную, беспристрастную объективность.

Газета идетъ съ жизнью рядомъ, объясняя каждый ея общественный фактъ, выясняя смыслъ ея явленій, пользуясь для оцѣнки фактовъ только «идейнымъ» аршиномъ, т.-е. тѣми «идеями высшаго порядка», которыя нашимъ практическимъ оппортунистамъ кажутся «публицистскимъ празднословіемъ».

Зная «идейную» программу *Русскихъ Вѣдомостей* и «практическое» направленіе другихъ газетъ, сдѣлайте, читатель, такой умственный опытъ. Опустите въ редакціонный ящикъ *Русск. Вѣд.*... ну, хоть бы статью *Чумазые лэндъ-лорды* и посмотрите, какое чудесное и умное превращеніе свершится съ этою статьей. Ея факты останутся фактами, но рядомъ съ этими фактами, увидѣтъ которые достаточно самаго обыкновеннаго «простаго» зрѣнія, явятся еще и тонкіе, сложные факты, для которыхъ требуется «двойное» зрѣніе. Никто не потянетъ за руку всѣхъ этихъ Мизаевыхъ и Петриковъ и не станетъ ихъ рекомендовать вамъ: «вотъ чумазый лэндъ-лордъ Мазаевъ», или «вотъ чумазый лэндъ-лордъ Петрикъ», даже и слово «чумазый» исчезнетъ изъ статьи, потому что оно совершенно не

статьи взято отъ Салтыкова. Въ его «картинѣ» оно имѣло смыслъ и потому производило эффектъ, а въ публицистской статьѣ оно не только не имѣетъ смысла, но вноситъ еще путающія понятія. Вопросъ *Русск. Вид.* будетъ поставленъ чисто-аграрно, потому что дѣло тутъ не въ Мазаевыхъ или Петрикахъ и не въ томъ, чумазые они или не чумазые, а въ томъ, что создаетъ возможности для концентрации въ отдѣльныхъ рукахъ такихъ громадныхъ площадей земли, что можно безъ денегъ, съ одними только желаніемъ и энергіей, стать владѣльцемъ двухсотъ тысячъ десятинъ? Не вскользь коснется газета этого вопроса, какъ сдѣлала авторъ статьи, а сдѣлаетъ изъ него центральную точку, выдвинетъ его на общественную очередь, ибо онъ уже давно просится на свѣтъ Божій и зарекомендовалъ себя такою массой фактовъ, обнаруженныхъ и заявленныхъ печатью, что въ сей моментъ задача публицистики совсѣмъ не въ томъ, чтобы перетряхать еще разъ тѣ же факты, а въ томъ, чтобы заговорить уже и выводами, пустить ихъ въ общественный оборотъ, сдѣлать ихъ предметомъ общественнаго вниманія и сознанія. Вѣдь, нашъ аграрный вопросъ такая нескончаемая путаница, такъ онъ себя даетъ знать на каждомъ шагу, начиная съ переселеній и перехода земли изъ рукъ въ руки не только отъ владѣльцевъ или чиновниковъ къ купцамъ и разночинцамъ, но и отъ коренныхъ земледѣльцевъ-крестьянъ, передвиженіе земли такъ всеобще и повсегодно, что оставлять это взбудоражившееся море на произволъ всѣмъ вѣтрамъ, случайностямъ, теченіямъ и личнымъ вождѣлніямъ, не подчинивъ ихъ общей руководящей аграрной политикѣ, пожалуй, уже и въ сей моментъ опасно. Нужно думать, что для этого нашего наиболѣе жизненнаго вопроса наступила не только пора общественнаго сознанія, но и близится часъ для его правительственнаго изслѣдованія. Въ такой важный, острый моментъ публицисту не приходится выѣзжать на однихъ голыхъ фактахъ и превращаться въ репортера или корреспондента, а нужно быть публицистомъ.

Ошибка нашего практическаго оппортунизма только въ томъ и заключается, что онъ теряется между частными теченіями и мелкія временныя случайности или даже отдѣльные голоса принимаетъ за требованія времени или за общее руководящее указаніе. Въ этомъ не только ошибка оппортунизма, но и его гибель, потому что, говоря сегодня одно, а завтра другое, смотря по тому, въ какое теченіе онъ попадетъ, онъ не только теряетъ свою собственную ниточку, но и своего читателя. Сегодняшній случайный читатель на-завтра имъ можетъ перестать быть. Будьте тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, и читатель придетъ къ вамъ самъ.

Не факты нужны читателю и современному русскому человѣку: онъ ихъ знаетъ лучше насъ съ вами, потому что заваленъ ими выше головы, ему нуженъ смыслъ фактовъ, —ему нуженъ волшебный фонарь, который бы всѣ эти факты ему освѣтилъ и показалъ бы ихъ въ вѣрной умственной перспективѣ. Читателю нужны идеи, и именно «идеи высшаго порядка». Идеи же «высшаго порядка» не значать разсужденія о сухихъ туманахъ

или несбыточные мечты о томъ, до чего не дотянешься теперь и съ самыми длинными руками. Идеинность есть больше ничего, какъ умное и понимающее отношеніе къ жизни, которой должно даваться то, чего ей именно въ сей моментъ недостаетъ, и что каждый, ужъ слишкомъ подавленный фактами и мелкою практикой текущихъ отношеній, ищетъ и ожидаетъ найти въ печати.

Народу миль и дорогъ тотъ,
Заснуть кто мысли не дасть.

Наши же оппортунисты и практики не только не шевелятъ мысли, не только не возбуждаютъ въ ней критическаго отношенія къ дѣйствительности въ ея сложныхъ и запутанныхъ фактахъ, но съ свѣтлымъ лицомъ, точно они и не вѣсть какіе спасители отечества, проповѣдуютъ теорію оглупѣнія. Въ этомъ отношеніи какъ газеты, придерживающіяся практическаго оппортунизма, такъ и придерживающіяся оппортунизма политическаго, идутъ рука въ руку.

Намъ всегда было вредно уходить въ самихъ себя и глядѣть только подъ свои собственныя ноги, а, вѣдь, оппортунизмъ насъ ничему другому и не учить. Наша многовѣковая историческая жизнь была жизнью только факта и бессознательнаго мышленія. Двигали насъ обстоятельства налѣво—мы шли налѣво; двигали направо — шли направо. До сихъ поръ мы росли почти исключительно физически, подчиняясь бессознательнымъ инстинктамъ и стихійности, овладѣть которой намъ пока еще не удалось. Подниметъ насъ волна—поднимаемся; опуститъ—опустимся. Рѣдкіе свѣтлые моменты историческаго сознанія и идеинности не оставляли прочныхъ слѣдовъ въ нашемъ общественномъ мышленіи и не служили намъ урокомъ и руководствомъ для будущаго. Отъ этого-то въ нашей общественной жизни, не только въ ея цѣломъ, но и въ частностяхъ, нѣтъ ни установившейся и выработанной системы, ни той традиціонной, одинаковой изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, поступательности, направленіе которой не зависитъ отъ личныхъ случайностей. Отъ этого же послѣ эпохи реформъ у насъ вдругъ сталъ возможенъ практическій оппортунизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выдвигаетъ себя и желаетъ явиться хозяиномъ и распорядителемъ общественнаго поведенія.

Прочна и непоколебима у насъ въ своемъ направленіи лишь «деревня», и то только потому, что она не начала еще думать. Также традиціонно-стихійны въ своей общественной неподвижности и ближайшіе къ деревнѣ слои. Въ жизни этихъ слоевъ фактъ есть единственная творческая и руководящая сила. Оттого-то Мазаевы, Петрины, Мальцевы и сотни тысячъ слѣдующихъ за ними мелкихъ, однородныхъ съ ними темныхъ бессознательныхъ силъ могутъ въ водоворотѣ нашей общей бессознательности и спячки мысли вырасти до размѣровъ эйфелевой башни, и только тогда мы о нихъ заговоримъ; а что сдѣлать, чтобы подобныя эйфелевы башни у насъ больше не выросли, мы, все-таки, не придумаемъ. Мы только выводимъ ихъ пе-

редь публикой, да рекомендуемъ, а эйфелевы башни, ничего этого не по-дозрѣвая, растутъ себѣ попрежнему.

Опустившись на дно жизненнаго русла, гдѣ преобладаетъ неосмысленный и несознаваемый фактъ, практическій оппортунизмъ напоминаетъ сказку Сисмонди о водоносѣ. Какъ и хозяинъ въ этой сказкѣ, онъ хочетъ бороться только съ фактомъ, а волшебнаго слова, которое бы закрыло путь развитію факта, не знаетъ.

И въ шестидесятыхъ годахъ шла борьба съ фактомъ, да еще съ какимъ! Но тогда у борцовъ было волшебное слово, и борьба шла во имя общечеловѣческихъ началъ. Теперешнее же практическое направленіе, выработавшее даже и свою теорію, думаетъ, что можно прожить умно на свѣтѣ, не затрудняя себя ни общественными, ни политическими соображеніями. Вотъ это - то и есть та самая попятность, то оглупѣніе, съ которымъ борятся даже и тѣ самые органы печати, которые это оглупѣніе отстаиваютъ и проповѣдуютъ. Въ чемъ причина, что у насъ упало художественное творчество и что оно не находитъ для себя жизненныхъ темъ; въ чемъ причина, что у насъ исчезла литературная критика, а общественно-критическая мысль сидитъ за пѣчкой, точно сандрильонна; въ чемъ причина, что, какъ говорить критикъ той же *Недѣли*, въ громадномъ большинствѣ произведеній новыхъ беллетристовъ общественное положеніе персонажей представляется чѣмъ-то случайнымъ, безразличнымъ, что новыхъ писателей занимаетъ преимущественно судьба человѣка, различныя возможности его жизни, что они относятся къ судьбѣ этого человѣка патетически и въ словахъ ихъ звучатъ лирическія ноты; въ чемъ причина, что, по словамъ того же кружка, за критическую работу берутся теперь люди безъ образованія, едва грамотные, неспособные судить правильно о томъ, о чемъ они берутся говорить, — въ чемъ причина подобнаго всеобщаго упадка общественной мысли, отсутствія въ ней всякой энергіи, воодушевленія, порыва и творчества, что ни въ литературѣ, ни на сценѣ не является и десятой доли того, что давали шестидесятые года, когда мысль была ключомъ, едва справляясь со множествомъ работы, которую она сама себѣ задавала? Причина тутъ одна: не мысль тогда завистѣла отъ факта, а фактъ отъ мысли. Тогда мы жили при повышенной впечатлительности, видѣли то, чего теперь уже не видимъ, и были господами фактовъ, съ которыми боролись. Теперь же фактъ сталъ господиномъ мысли и не только оттянулъ ее книзу, но подобное ненормальное для общества умственное состояніе нашло еще сторонниковъ, защитниковъ и пропагандистовъ, создало цѣлую фракцію людей, которыхъ этотъ фактъ покорилъ своей волѣ. Въ своемъ идейномъ безсиліи передъ фактомъ, эти люди смиренно сложили свое умственное оружіе и, забывъ завѣтъ своихъ предшественниковъ, что только идеи управляютъ жизнью, отказались отъ лучшаго человѣческаго права и высшаго человѣческаго блага, которое одно только и дѣлаетъ человѣка распорядителемъ его общественныхъ судебъ. Неспособные подняться выше факта, безсильные и бездарные, чтобы овладѣть какою-либо общею

идеи, они этот самый фактъ, который подчинилъ ихъ своей волѣ, возвели въ идею и послушно доплелись за нимъ, распространяя повсюду умственную скуку, бездарность, уныніе и понижая умственный темпъ жизни.

Обозрѣвая экономическую дѣятельность Россіи за прошлый годъ, *Русскія Вѣдомости* указываютъ на тѣ признаки, которыми характеризуется общее экономическое положеніе народа. «Если торговля въ застоѣ, — говоритъ газета, — если движеніе и сборы желѣзныхъ дорогъ идутъ на убыль, если и банки сокращаютъ свои учетно-ссудныя операціи, то это вѣрный знакъ, что и въ различныхъ отрасляхъ производства и потребленія, во всѣхъ внутреннихъ тайникахъ народной жизни, куда не въ силахъ проникнуть статистикъ съ своими бланками и цифрами, всюду ощущается заминка и чувствуется недомоганіе, которое можетъ современемъ перейти въ открытое разстройство. Напротивъ, бойкая торговля, оживленное движеніе по рельсовымъ путямъ, сильный спросъ на кредитъ обыкновенно указываютъ на бодрую, здоровую работу народнаго хозяйства».

Это законъ экономическихъ сношеній, и этотъ же законъ остается закономъ и умственныхъ сношеній. Если темпъ умственной жизни упалъ, если бездарность ползла изъ всѣхъ щелей и, потерявъ мѣру своего роста, подняла голову, если не только полубразованіе, но и самое безнадежное невѣжество нашли себѣ мѣсто въ печати и даже стали руководить ея органами, если производительность мысли понизилась до того, что ни литература, ни критика, ни публицистика не выдвигаютъ талантовъ, то очевидно, что во внутреннихъ тайникахъ умственной жизни свершается нѣчто, лишшающее мысль полета, широкаго, бодрого, смѣлаго движенія, силы, многообразія, и что гнететь ее къ землѣ, заставляя стлаться.

И это «нѣчто» есть. Оно заключается въ томъ, что въ самомъ источникѣ, изъ котораго питается современная мысль, нѣтъ той одухотворяющей силы, которая могла бы сообщить мысли полетъ, разнообразіе, могучее творчество и раскрыть для ея дѣятельности всѣ области, подлежащія ея компетенціи.

Да, мы ушли въ фактъ, но въ фактъ мелкій, односложный, — фактъ, который для разслѣдованія и опредѣленія себя не требуетъ большихъ умственныхъ силъ, съ которыми можетъ справиться каждая бездарность. И получилось вотъ что: съ одной стороны, односложный фактъ, съ которымъ можетъ справиться всякая бездарность, потянулъ эту бездарность къ себѣ; съ другой, этотъ же самый фактъ, не нуждающійся въ даровитыхъ силахъ и въ людяхъ ума, оставилъ ихъ за флагомъ. Бездарность расплодилась у насъ не потому, чтобы только ее Россія и производила, — бездарность расплодилась потому, что въ томъ самоуглубленіи, въ которое мы опустились, наибольшій просторъ движенію представляется именно только для бездарностей и людей односложнаго ума. Зачѣмъ человѣку учиться, если онъ и не учась чувствуетъ въ себѣ силу разрѣшать лежащія подлѣ него вопросы; а съ другой стороны зачѣмъ ему давать полное образованіе, когда и съ полубразованіемъ онъ тянетъ свою умственную ляжку? Вотъ резуль-

таты нашего теперешняго самоуглубленія. И они всегда бывали такими, когда мы замыкались въ себя и только въ своей собственной жизни черпали умственную силу и указаніе на то, что и какъ намъ дѣлать. Въ исторіи нашего умственнаго развитія подобныя эпохи отмѣчались всегда какъ эпохи застоя.

Насколько это изолированное самоуглубленіе уже успѣло принести и плоды, читатель можетъ убѣдиться изъ того, что у насъ находилась дѣлая фракція людей, имѣющая и своихъ представителей въ печати, которые выставляютъ въ видѣ общественнаго и руководящаго догмата удовлетвореніе мелкимъ, однороднымъ фактическимъ трудомъ и однопредметнымъ фактическимъ мышленіемъ. Вотъ это-то и есть тѣ практическіе оппортунисты, которые всегда пристають къ господствующему теченію. Въ эпохи сильныхъ умственныхъ теченій они тоже и волнуются, и пѣняются, и отдаются умственной волнѣ, которая и ихъ подхватываетъ, а въ эпохи фактическія и застоя мысли они точно также волнуются и пѣняются, отдаваясь фактическому теченію и находя и въ немъ совершенно такое же умственное удовлетвореніе. Несомнѣнное достоинство этихъ несильныхъ умомъ людей составляетъ, впрочемъ, ихъ искренность и чувство общественнаго доброжелательства.

Политическіе оппортунисты гораздо умнѣе, но за то и лукавѣе. Они видятъ больше, соображаютъ лучше, вообще даровитѣе, проникательнѣе и гибче. Поэтому, отдаваясь руководящему практическому теченію и хорошо понимая всѣ его слабыя стороны, а въ особенности слабое умственное удовлетвореніе, которое оно представляетъ, они умѣютъ если не отыскать, то прискаты для него идейную окраску, придумать извѣстное обобщеніе, которое становится для нихъ принципомъ ихъ общественнаго поведенія, а если они публицисты, то программой для ихъ публицистской дѣятельности. Такимъ принципомъ для политическихъ оппортунистовъ служить «русскій патріотизмъ», «интересы русской партіи» и «русское начало», т.-е. опять исключительно собственные, домашніе источники, которыми должна питаться мысль, даже и съ этими источниками недостаточно знакомая.

Въ преддверіе какой широкой области вѣдѣнія вступаетъ мысль, пытающаяся встать на подобную историческую точку зрѣнія, читатель увидитъ изъ слѣдующей выписки изъ посмертнаго сочиненія Фюстель де-Куланжа *Исторія политическихъ учреждений древней Франціи*. Всегда и вездѣ,—говоритъ Фюстель де-Куланжъ,—форма владѣнія землею является однимъ изъ главныхъ элементовъ, опредѣляющихъ характеръ общественнаго и политическаго строя. По отношенію къ настоящему времени, эта истина не имѣетъ того значенія, какое слѣдуетъ признать за нею для болѣе древнихъ періодовъ исторіи. Въ послѣднія четыре столѣтія наши общества сдѣлались болѣе сложными организмами. Будущему историку, который черезъ нѣсколько вѣковъ пожелаетъ узнать наши теперешнія учрежденія, придется изучать многое другое помимо поземельнаго строя. Ему придется отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ являлась у насъ

фабрика и что представляло собою население, работающее на ней. Онъ будетъ стараться понять нашу биржу, наши финансовыя предпріятія, нашу журналистику и все, что съ нею связано. Онъ вынужденъ будетъ прослѣдить одинаково какъ исторію денегъ, такъ и поземельную исторію,—какъ исторію машинъ, такъ и исторію людей. Исторія науки и всѣхъ профессій, съ нею соприкасающихся, будетъ имѣть для него огромное значеніе. Наши взгляды, истинныя и ложныя, и всѣ разнообразныя проявленія нашей духовной жизни будутъ имѣть для него большую цѣну. Чтобы понять наши политическія движенія, онъ долженъ будетъ заняться не только тѣмъ классомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается земельная собственность,—ему придется обратить вниманіе и на тѣ два класса, которые не владѣютъ землею: съ одной стороны, на тотъ, который обнимаетъ собою такъ называемыя либеральныя профессіи, съ другой—рабочій классъ. Онъ долженъ будетъ измѣрить то вліяніе, какое каждый изъ нихъ оказываетъ на общественныя дѣла... И все это историки должны выяснитъ не изъ простаго любопытства. Исторія не есть собраніе всякаго рода событій, совершившихся въ прошломъ; исторія—наука человѣческихъ обществъ. Ея задача—узнать, какъ образовались эти общества. Она должна изучить, подъ дѣйствіемъ какихъ силъ они управлялись, т.-е. какія силы поддерживали связь и единство каждаго изъ нихъ. Она изслѣдуетъ тѣ органы, которыми общества жили, т.-е. ихъ право, ихъ общественную экономію, ихъ привычки, духовныя и матеріальныя. Каждое изъ этихъ обществъ было живымъ существомъ...»

Въ Западной Европѣ эта программа служитъ не для однихъ историковъ. Выработали ее для сужденія о прошломъ, европейскій умъ пользуется ею и для сужденія о настоящемъ. Программа эта есть программа каждаго выдающагося и свободномыслящаго государственнаго человѣка, политическаго дѣятеля и публициста, ибо эта программа собственно тѣхъ знаній и понятій, которыя каждый изъ нихъ долженъ имѣть о своей странѣ и своемъ времени,—тѣхъ понятій и того общественнаго кругозора, которые каждый изъ нихъ долженъ себѣ выработать и которыми долженъ руководствоваться, чтобы, взвѣсивъ текущія событія и уясняя текущія явленія, умѣть находить для ихъ разрѣшенія и уравниванія средства справедливыя и прогрессивныя, помогающія историческому движенію впередъ, а не останавливающія его.

Сравнительно съ многообъемлющею программой, которую предъявляетъ современная сложная жизнь современному публицисту, программа нашихъ «патріотическихъ» органовъ поражаетъ своею прямолинейною простотою и односложностью. О ней говорить я не стану, потому что она достаточно известна читателю, да и не о «патріотической» печати я говорю теперь. Не буду говорить подробно и о «русской» программѣ *Новаго Времени*, а сошлюсь на нее лишь настолько, насколько это нужно для ясности и связи

Очерка.

Корреспондентъ изъ Екатеринославля пишетъ *Новому Времени*, что еще

въ прошломъ году екатеринославское уѣздное земское собраніе заявило желаніе ограничить права нѣмцевъ-колонистовъ на покупку земель. Въ губернскомъ собраніи одни нашли такое желаніе неосновательнымъ, а другіе нашли нѣмецкую колонизацію даже желательной и полезной. Тогда уѣздное собраніе постановило обратиться непосредственно къ правительству съ ходатайствомъ объ ограниченіи правъ колонистовъ въ законодательномъ порядкѣ.

Состоится ли это ходатайство и какъ отнесется къ нему правительство— неизвѣстно, но *Новое Время* разрѣшило вопросъ такъ: съ принципиальной точки зрѣнія оно считаетъ мѣру, предложенную екатеринославскимъ земствомъ, вполне основательной, потому что «подъ давленіемъ и гнетомъ надвигающейся тучи германизма постепенно могутъ исчезнуть, не успѣвъ привиться, русскіе элементы на нашемъ югѣ, и безъ того уже бывшіе тамъ весьма слабыми и неустойчивыми». «Не слѣдуетъ забывать,—пишетъ *Новое Время* (начинается программа «русской» партіи),—что Россія есть государство русское, и, поѣтому, хотя въ ней и существуетъ масса инородческихъ и иноплеменныхъ элементовъ, эти элементы должны всегда подчиняться и уступать кореннымъ началамъ нашей государственной жизни, сложившимся въ теченіе вѣковъ и вытекающимъ изъ характера русскаго народа, изъ его своеобразныхъ племенныхъ свойствъ. Это преобладаніе русскихъ началъ въ государственномъ строѣ Россіи является необходимымъ условіемъ нормальнаго теченія нашей внутренней государственной жизни. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ чуждая національность начинаетъ получать преобладающее вліяніе, немедленно должны быть—въ интересахъ государственныхъ—принимаемы мѣры для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, для поддержанія ослабѣвающихъ началъ господствующей русской національности».

Все это теоретически правильно, хотя и выражено слишкомъ торжественно. Нужно бы, однако, прежде всего, доказать, что «туча германизма» на насъ дѣйствительно надвигается и грозитъ нашему государственному строю. Да и откуда взяться этой тучѣ? Вѣдь, не сто же менонитовъ, живущихъ на югѣ, ступились внезапно въ такую грозную тучу. Да и въ «нѣмецкой тучѣ» ли тутъ дѣло? Национальный ли это вопросъ или аграрный? Въ тучу ли собрались нѣмцы-скупщики или образовали тучу Мазаевы, Петрики и Мальцевы, скупившіе по 100, 150, 200 тысячъ десятинъ, да громадный хвостъ болѣе мелкихъ скупщиковъ-кулаковъ, который именно и грозитъ потрясти основы народнаго земледѣльческаго быта? Вотъ въ чемъ, казалось бы, слѣдовало видѣть «русское начало»; слѣдовало бы видѣть его въ томъ, чтобы земля не ускользала изъ рукъ русскаго кореннаго земледѣльца.

На нашей памяти «русскія начала» были другими началами; они были началами справедливости и равныхъ благъ для всѣхъ. Во имя этихъ русскихъ началъ свершилось освобожденіе, введенъ гласный судъ, введены земскія учрежденія. Мы съ гордостью и съ сознаніемъ своей вели-

кой исторической миссии готовы были распространить это начало по всему миру. Мы считали себя творцами новаго аграрнаго слова, вершителями судьбы труженика-земледѣльца, «русское начало» должно было убить въ корнѣ земледѣльческій пролетаріатъ и спасти отъ него Европу. Мы освободили хрестьянъ въ Царствѣ Польскомъ во имя этого русскаго начала. Русское начало мы сознавали тогда какъ нѣчто очень широкое, освободительное и общечеловѣческое.

Какое же изъ этихъ началъ есть истинно «русское»? То ли, которое выступаетъ съ провозглашеніемъ широкихъ освободительныхъ началъ, или то, которое спѣшитъ замазать всякую щелку, чтобы въ нее не пролѣзъ та-кой человѣческой микробъ, какъ еврей-лудильщикъ, которое видитъ надвигающуюся тучу въ десяти мѣнонитахъ, покупающихъ землю, въ то же время, растворяетъ широко ворота, въ которыя истинною тучей врываются Мазаевы и Петрики съ ихъ нескончаемымъ кулаческимъ хвостомъ?

А было время, и недавнее время, когда первые пророки нашего національнаго сознанія—Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ, Самаринъ, люди высокой честности, глубокаго, искренняго убѣжденія, широкаго кругозора, законченнаго европейскаго образованія и философскаго развитія, пропустивъ черезъ собственное зрѣлое сознаніе русскую народную и государственную жизнь, провозгласили, что, можетъ быть, міръ не видѣлъ еще того общаго человѣческаго, какое явить великая славянская и именно русская природа, что исключительности національной не было никогда въ до-петровской Руси, что духъ русскаго народа есть хрестіанско-человѣческой, и національная исключительность не только чужда, но и ненавистна русскому народу, что ни къ нѣмцамъ, ни къ полякамъ въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти, что русскій народъ есть богоизбранный, что въ немъ заключается источникъ свѣта, правды и общественной нравственности для другихъ народовъ, что богоизбранный чистый русскій народъ призванъ спасти «гнилой» Западъ, оздоровить его духовно, привить къ нему истинныя начала нравственности, терпимости и любви.

Пускай все это было увлеченіемъ, но въ этомъ увлеченіи вы чувствовали честныя, благородныя и возвышенныя стремленія; вы могли съ проповѣдниками не соглашаться, но они побѣждали ваше сердце, они заставляли его биться облагораживающими чувствами, они возбуждали въ васъ человѣколюбивыя побужденія, они освѣтляли ваши понятія благими помыслами, они вдохновляли васъ благородными началами, источникъ которыхъ вы видѣли въ народѣ, и вы съ благороднымъ и любящимъ чувствомъ смотрѣли на этотъ нравственно-возвышающій васъ народъ, всѣ ваши помыслы становились честными и возвышенными, вся ваша дѣятельность становилась справедливой, гуманной.

Но вотъ прошло сорокъ лѣтъ, на смѣну дѣдовъ выступили внуки, и богатое идеями умственное наслѣдіе, имъ доставшееся, превратилось въ лохмотья. Тотъ же самый богоизбранный народъ, бывшій только что источникомъ правды, справедливости и любви, сталъ внезапно началомъ вражды,

гоненія и несправедливости. Во имя этого же самаго народа дѣды призвали васъ къ общечеловѣческой любви и во имя того же народа внуки стали призывать васъ къ народной исключительности и къ внутренней враждѣ. Что же случилось съ народомъ, откуда такая внезапная пережѣна его нравственныхъ началъ? Пережѣны въ народѣ никакой не случилось и какимъ онъ былъ сорокъ лѣтъ назадъ, такимъ онъ остался и теперь. Пережѣнился не народъ, — пережѣнились внуки.

Творцы славянофильства были идеалисты, — это были европейски-образованные и человѣчески-мыслящіе люди, глазами европейскаго просвѣщенія они смотрѣли на народъ и, потому, и видѣли въ немъ черты общечеловѣческія, несомнѣнно ему присущія. Внуки рѣшили, что легче смотрѣть своими умственными глазами, что можно обойтись и безъ европейскаго просвѣщенія. Они очистили славянофильство отъ его идеализма, взглянули на жизнь «трезво» и «своими» глазами увидѣли въ томъ же русскомъ народѣ, и не думавшемъ измѣнять своей правдѣ, такія «русскія начала», отъ которыхъ ихъ просвѣщенные дѣды отреклись бы какъ отъ Божьяго проклятья, какъ отъ гнусной клеветы на народъ и его нравственный душевный строй.

И все это случилось оттого, что внуки вздумали только въ «своемъ» умѣ искать источникъ умственной самодѣятельности. Они нашли вполне достаточнымъ для себя курса 6-ти классовъ гимназіи и, надѣвъ шоры, перестали видѣть что - либо по сторонамъ. Это больше ничего, какъ плоды полуобразования, какъ доказательство, къ какому умственному перерожденію оно приводитъ и какую силу надъ нимъ обнаруживаетъ господствующій фактъ, въ которомъ одномъ оно и черпаетъ свое общественное сознание, не провѣряя его знаніями и идеями народовъ впереди насъ идущихъ, какъ это дѣлали просвѣщенные творцы нашего умственнаго возрожденія и творцы тѣхъ реформъ, къ которымъ это возрожденіе привело.

Н. Ш.

Литература и жизнь.

(Критическія замѣтки).

Тяжелы были утраты русской литературы въ прошломъ году и бѣденъ онъ литературными произведеніями. Самымъ значительнымъ явленіемъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, признать романъ А. Эртеля: *Гарденины*. Романъ этотъ печатался въ *Русской Мысли*, но въ наступившемъ году я считаю возможнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ, въ особенности потому, что одинъ изъ авторитетныхъ современныхъ критиковъ, г. Скабичевскій, взвелъ на *Гарденины* большую напраслину. Указывая на одну сцену въ романѣ (страницы 425 — 426 отдѣльнаго изданія, значительно дополненнаго), въ которой Ефремъ грубо останавливаетъ отца, извоившаго конюха Фодотку, г. Скабичевскій съчелъ позволительнымъ рѣзко упрекнуть автора въ гнѣсной тенденціи, въ клеветѣ на молодое поколѣніе и т. п. Грустно читать такое легкомысленное обвиненіе. Кто внимательно и беспристрастно прочелъ *Гарденины* (а это не мѣшаетъ дѣлать самымъ авторитетнымъ критикомъ), тотъ никогда не скажетъ ничего подобнаго сказанному г. Скабичевскимъ. Много въ романѣ г. Эртеля недостатковъ и во многомъ несогласенъ я съ тѣми идеями, которыя иногда намѣчаются, иногда проскальзываютъ въ талантливомъ, широкомъ и весьма интересномъ по замыслу произведеніи этого автора. И при всемъ томъ общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія *Гарденины*, въ идейномъ смыслѣ, въ смыслѣ настроенія, которое вызывается всѣмъ романомъ, было въ высшей степени хорошее, гуманное. И сейчасъ, вѣдь, перелистывая книгу, я не нахожу ничего подобнаго тому, въ чемъ г. Скабичевскій обвиняетъ автора *Гарденины*.

Для меня въ романѣ г. Эртеля встаетъ наша дореформенная и послѣ-реформенная деревня и отчасти провинціальный городъ. На крѣпостническій строй надвигается гроза, его устои подтачиваютъ новыя теченія. Иной разъ, а, можетъ быть, и чаще всего, борьба со старымъ ведется рѣзко и грубо, съ ненужными преувеличеніями, съ большими ошибками, а то и съ искаженіемъ тѣхъ идей, во имя которыхъ борьба поднята. Но, вѣдь, это *старый порядокъ* выработалъ жестокость; вѣдь, это онъ, враждебный жи-

вой мысли, свободному росту личности, повиненъ въ томъ, что личность эта, поднявшись, вопреки ему, не разбираетъ ударовъ и наноситъ ихъ съ прискорбнымъ раздраженіемъ. Живыя, интересныя лица встаютъ въ произведеніи г. Эртеля, и вы чувствуете, что просвѣщеніе, что истинная благодать знанія, преломляясь даже въ нечистой средѣ, вносятъ въ нее свѣтъ и тепло. Симпатіи г. Эртеля лежатъ къ деревнѣ, къ мужику, — этого ли не замѣтилъ г. Скабичевскій, такъ много писавшій о беллетристахъ-народникахъ? Но романистъ отнюдь не клеветаетъ ни на науку, ни на какое бы то ни было поколѣніе. Вы видите, что свѣтлыя и добрыя «столичныя» мысли будятъ свѣтлыя и добрыя стремленія въ нашей глуши. Что за бѣда, — да и какъ могло быть иначе? — если одинъ довольно смѣшно перепутаетъ прочитанное, другой нелѣпымъ образомъ начнетъ «протестовать»? Даже при правильномъ «прохожденіи курса наукъ» не могутъ не случаться такія забавныя или печальныя уклоненія, когда новое міропониманіе, по особенностямъ общественнаго развитія, бурно разливается въ стороны, въ одномъ мѣстѣ поверхностно задѣвая верхушки *стоячаго мяса* старыхъ порядковъ, въ другомъ — выворачивая съ корнемъ старые пни или очищая гнилое болото.

У г. Эртеля выведены и нѣсколько идеализированныя лица, — напримеръ, Иванъ Федотычъ, — и мнѣ такая идеализація доставляетъ особенное удовольствіе. Впрочемъ, по этому поводу я теоретически расхожусь, кажется, съ г. Скабичевскимъ. Говорю *кажется* потому, что для меня не совсѣмъ ясны взгляды на этотъ вопросъ самого критика. «Реализмъ, — говоритъ г. Скабичевскій, — отвергаетъ все то, что признаетъ идеализмъ, и искать середины между да и нѣтъ значитъ не знать одного изъ существенныхъ законовъ логики» *). Задача вѣка, — сказано въ другомъ мѣстѣ, — «отрѣшиться совершенно отъ всякаго романтизма, наблюдать простую, обыденную жизнь такъ, какъ она течетъ вокругъ насъ, не украшая, *не идеализируя*, не выбирая изъ нея однѣ рѣдкости, но, въ то же время, и не ограничиваясь однимъ поверхностнымъ наблюденіемъ повседневныхъ сценъ въ духѣ натуральной школы, а проникая въ ея существенныя сокровенныя пружины, раскрывая передъ нами всю ея трагическую глубину» **). Въ статьѣ *Герои вѣчныхъ ожиданій* мы читаемъ, что «не только образъ искусства не выше дѣйствительности, но и съ формальной стороны искусство только стремится къ достиженію идеаловъ красоты и гармоніи, но такъ же рѣдко и случайно достигаетъ этихъ идеаловъ, какъ и все въ природѣ». Въ другой статьѣ рѣшительно сказано: «Элементарный принципъ реального искусства заключается, какъ всѣмъ извѣстно, въ томъ, чтобы изображать жизнь такъ, какъ она есть, во всей ея неподкрашенной правдѣ, не идеализируя и не искажая ее» ***). «Изображеніе новыхъ людей, — говоритъ г. Скабичевскій, — въ видѣ марнизовъ Позъ и Іоаннъ д'Аркъ мо-

*) Г. Скабичевскій: „Сочиненія“, т. I, стр. 74.

**) Сочиненія, т. I, стр. 268.

***) Ibid., стр. 603.

жетъ принести не менѣ вреда для тѣхъ же самыхъ юношей, для поученія которыхъ эти романы пишутся». Кому же принесъ вредъ маркизъ Поза? Вѣдь, г. Скабичевскій самъ признаетъ, что «искусство должно выставлять правду жизни съ цѣлью будить общественное сознание въ модяхъ, указывать имъ на общественные недостатки и цѣли, къ которымъ они должны стремиться». Во имя чѣго же должна происходить борьба за правду, которую обязанъ, по мнѣнью г. Скабичевского, вести художникъ? Во имя идеала? Въ такомъ случаѣ, не вразумительно, почему изображеніе этого идеала изгоняется изъ искусства. Нашъ критикъ воображаетъ, что намель вѣрное и простое разрѣшеніе вопроса, когда говорить: «Истинный реалистъ въ жизни своей долженъ руководиться не предписаніями отвлеченныхъ теорій, а влеченіями и призывами самой жизни въ ея прогрессивномъ процессѣ». А какъ же я безъ «отвлеченныхъ теорій» опредѣлю, что такое прогрессивный процессъ жизни? Какъ я распознаю въ сутолокѣ явленій, какъ буду толковать, что такое-то теченіе прогрессивное, а это регрессивное, когда я не знаю, что и почему должно быть, когда у меня нѣтъ отчетливаго идеала?

Но въ сочиненіяхъ г. Скабичевского развиваются и другіе взгляды, по моему мнѣнью, несогласимые съ приведенными, и взгляды правильные. Такъ, критикъ говоритъ: «Примите во вниманіе, что во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Западной Европы послѣдней четверти прошлаго столѣтія и первой четверти настоящаго преобладаетъ наклонность къ грандіозному въ изображеніи какъ жизни человѣческой, такъ и природы. На сцену выступаетъ передъ вами цѣлый рядъ титаническихъ личностей, представляющихъ въ себѣ какъ бы фокусы всего человѣчества, каковы Фаустъ, Чайльд-Гарольдъ, маркизъ Поза и пр. Они обставляются соотвѣтствующею величественною обстановкою: сюжеты произведеній развиваются постоянно то среди громогласящихъ скалъ и вѣчныхъ снѣговъ Альпъ, то среди бушующихъ волнъ океановъ, то въ дѣвственныхъ лѣсахъ тропической природы, то подъ гигантскими сводами средневѣковыхъ храмовъ или замковъ или среди обвитыхъ плющами и миртами развалинъ классической древности» *). Маркизу Позѣ отведенъ, такимъ образомъ, уголокъ въ искусствѣ; но наши дальнѣйшіе поиски приводятъ къ довольно неожиданному заключенію, что г. Скабичевскій радушно впускаетъ идеальнаго шиллеровскаго героя на прочное водвореніе въ искусствѣ. «Доктрина, — говоритъ критикъ, — опредѣляющая цѣли искусства въ изображеніи жизни такъ, какъ она есть, опровергается, прежде всего, самыми элементарными философскими положеніями, давно, съ начала XVIII вѣка, принятыми равно всѣми философскими школами — метафизическими и реальными». «Искусство должно воспроизводить дѣйствительность не въ томъ видѣ, какъ она есть сама по себѣ, а какъ она намъ представляется». Миръ нашихъ представленій, — продолжаетъ г. Скабичевскій, — есть нѣчто крайне относительное и услов-

*) Сочиненія, т. II, стр. 231.

ное, «зависящее какъ отъ точекъ зрѣнія, съ какихъ мы смотримъ на различные предметы, такъ и отъ силы или слабости впечатлѣній». «Поэтическое творчество, по самому существу своему, есть ничто иное, какъ рефлексированье впечатлѣній» (только рефлексированье?) *). Художникъ отличается болѣе впечатлительною натурой, и потому «творчество, въ наибольшемъ напряженіи своихъ силъ, отражаетъ образы дѣйствительности въ преувеличенномъ видѣ сравнительно съ представленіями простыхъ смертныхъ». Перевертываемъ еще нѣсколько страницъ и читаемъ: «Тѣ преувеличенія представленій дѣйствительности, какія мы видимъ на каждомъ шагу въ искусствѣ, играютъ роль не лжи и искаженія правды, а имѣютъ характеръ совершенно подобный тѣмъ преувеличеніямъ, какія употребляютъ естественныя науки, вооружая ваши глаза оптическими инструментами и заставляя васъ видѣть мухъ со слоновъ и тончайшія ткани съ канаты, съ цѣлю наблюдать такія явленія природы, которыя незамѣтны для невооруженнаго глаза». Неужели г. Скабичевскій не замѣчаетъ, что съ этимъ микроскопомъ онъ вводитъ въ искусство идеализацію? Шиллеръ видѣлъ и зналъ много благородныхъ людей и въ современной ему жизни, и въ исторіи. Его художественный глазъ былъ тѣмъ микроскопомъ, благодаря которому онъ «въ преувеличенномъ видѣ отразилъ образы дѣйствительности»; а такой образъ и есть идеальный.

Однако, на этомъ благополучномъ исходѣ г. Скабичевскій не даетъ намъ успокоиться. Въ статьѣ *Сантиментальное прекрасноедушіе въ мундирѣ реализма* находятся слѣдующія утвержденія: «Идеализмъ въ жизни и искусствѣ, параллельно съ метафизикою въ наукѣ, считаются обыкновенно извѣстною степенью умственного развитія, за которою слѣдуетъ періодъ процвѣтанія положительныхъ знаній и реального искусства». На чемъ основано это странное утвержденіе? Не противорѣчитъ ли оно закону челоувѣческой души, закону художественнаго творчества, по которому искусство можетъ *отражать* образы дѣйствительности въ *преувеличенномъ видѣ*, т. е. можетъ создавать идеалы, какъ ихъ и жизнь создаетъ? Совершенно напрасно поэтому признавать извѣстною ступенью развитія то, что составляетъ одинъ изъ существенныхъ, а, стало быть, и постоянныхъ признаковъ искусства. Г. Скабичевскій, впрочемъ, весьма убѣдительно высказывается и въ противоположномъ направленіи. «Искусство, — говоритъ критикъ, — въ истинныхъ своихъ проявленіяхъ, всегда относилось къ дѣйствительности совершенно такъ же, какъ и наука (!), то-есть рассматривало явленія ея изолированно, односторонне, увеличивало ихъ интензивность или экстензивность; наконецъ, случалось ему зачастую слагать явленія эти и въ такія комбинаціи, какія хотя и возможны, но встрѣчаются въ дѣйствительности очень рѣдко или же и никогда **). Вотъ какъ далеко ушли мы отъ изображенія жизни, какъ она есть, отъ рефлексированья впечатлѣній!

*) Ibid., стр. 205, 207, 208, 210, 219 и др.

***) Сочиненія, т. II, стр. 262.

И г. Скабичевскій спѣшитъ прибавить: «И замѣчательно, что именно такія произведенія искусства, въ которыхъ явленія жизни разсматриваются наиболѣе изолированно, преувеличенно, въ которыхъ дѣйствительность наиболѣе измѣняется сообразно цѣлямъ творчества, такія произведенія и производятъ наибольшее впечатлѣніе на читателей, они-то, въ концѣ-концовъ, и заслуживаютъ лестнаго эпитета правдивыхъ».

Въ самомъ дѣлѣ, это замѣчательно... Г. Скабичевскій былъ правъ, когда говорилъ, что «публика инстинктивно жаждетъ въ художественныхъ произведеніяхъ поразительныхъ образовъ и сильныхъ, страстныхъ впечатлѣній», и что же она находитъ въ современной намъ белетристикѣ? Точно какъ будто нарочно, вопреки этимъ естественнымъ требованіямъ, большинство нашихъ белетристовъ только и заботится о томъ, какъ бы представить рядъ явленій самыхъ заурядныхъ, самыхъ обыденныхъ, наиболѣе прѣвпшихся намъ въ самой жизни, давно намозолившихъ глава наши, давно разсмотрѣнныхъ нами самими со всѣхъ сторонъ и надоѣвшихъ хуже, чѣмъ надоѣдаютъ дѣтямъ старыя и переигранныя игрушки».

Подобнаго упрека романъ г. Эртеля во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ. Въ немъ есть и новыя лица, и новыя положенія, и важный общественный смыслъ. Тѣ теченія религіозно-нравственной мысли, которыя идутъ изъ глубины народной жизни, изображены авторомъ, по моему мнѣнію, съ большимъ знаніемъ дѣла, съ искреннею любовью и съ немалымъ мастерствомъ, съ доброю долей идеализаціи. Мнѣ хочется поговорить на этотъ разъ объ одномъ женскомъ образѣ, не занимающемъ въ романѣ особенно замѣтнаго мѣста, но очень интересномъ, заслуживающемъ вниманія критики. Я имѣю въ виду Вѣрусу Турчанинову.

Мы встрѣчаемъ ее гимназисткой, которая возвѣщаетъ, что либералы— первые враги народа. Г. Эртель чуть-чуть пересолилъ, заставляя дѣвочку во второе свиданіе съ Николаемъ Рахманнымъ выкрикивать: *Дрепэръ, школа, социално-политическія условія...* Но съ первой же встрѣчи намъ, либераламъ, милъ этотъ честный, вдумчивый ребенокъ, и мы готовы сказать съ Николаемъ: «Какая прелестная особа!» Когда Вѣрусю узнаетъ про жестокости и гнусныя продѣлки своего отца, она поражена и глубоко страдаетъ. Безъ кровинки въ лицѣ, съ расширенными отъ ужаса и боли глазами выслушиваетъ она роковыя слова и тутъ же рѣшаетъ начать новую, трудовую и самостоятельную жизнь. Затѣмъ мы видимъ Вѣрусу въ роли деревенской учительницы. Она выросла умственно и нравственно и вноситъ оживленіе, бодрость всюду, куда появляется. Даже суровый врагъ всякихъ новшествъ, въ томъ числѣ и школы, Мартинъ Лукьянычъ, и тотъ раздѣтается и смягчается въ ея присутствіи, и его она заставила пойти на уступки новымъ идеямъ. Потомъ Николай уѣхалъ, молодая дѣвушка осталась одна въ деревнѣ. Осеннія долгія ночи, хмурое небо, тоска одиночества стали томить Вѣрусу. Она переписывается съ Рахманнымъ, котораго любила, стойко занимается съ ребятишками. Она стала серьезнѣе, глубже всматривается въ жизнь, всѣ ея добрые порывы готовились перейти, при

благоприятныхъ условіяхъ, въ надежныя убѣжденія, но вышло иначе. Явился новый управляющій, — начитанный, ловкій и выдержанный господинъ Переверзевъ, — Николая на бѣду увлекла отнюдь не прелестная, а тоже ловкая особа, — и Вѣруся стала госпожею Переверзевой. Долго сопротивлялась такому исходу одинокая дѣвушка, долго боролась ея чистая душа противъ логическихъ выкладокъ господина Переверзева, все существо ея, — писала Вѣруся Николаю, — бунтовало противъ аргументовъ Якова Ильича, но пришлось ей воскликнуть: «Что же это за мучительный человѣкъ со всѣми его цитатами, ссылками на Европу, ученостью и благоразуміемъ!...» «Ну, да посмотримъ, кто кого!» — вырвалось у Вѣруси.

Прошло много лѣтъ. И вотъ Николай увидѣлъ снова Переверзеву, — очень красивую, очень блѣдную, нарядную женщину съ какимъ-то тревожнымъ блескомъ въ глазахъ и съ нервическою полуулыбкой. Прѣжняя Вѣруся сгнула, какъ сказала сама Переверзева. «Вмѣстѣ съ честною работою, — говорила Вѣруся Николаю, — я жаждала счастья, друга, я думала — жизнь не полна безъ этого... Ужели беззаконная жажда, преступныя мысли? Ужели счастье не совмѣстно съ честною работою?... А вышло, что несомѣстно» *)... Сгнула прѣжняя Вѣруся, и сколько еще такихъ хорошихъ людей погубить русская жизнь!

Въ переходное время, которое изображается въ романѣ г. Эртеля, особенно трудно бываетъ положеніе женщины. Говорятъ, что въ женской природѣ лежитъ способность идти до конца, не раздваивать себя, беззавѣтно отдаваться любимому дѣлу, любимому человѣку. Быть можетъ, это и такъ. Элизъ не остановилась ни передъ чѣмъ, разрушила все свое прошлое, порвала окончательно съ тѣмъ міромъ, который окружалъ ее съ колыбели. Ея дальнѣйшая участь оставлена авторомъ въ тѣни, но нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что въ душѣ самоотверженной женщины, сознательно избравшей свой путь, когда-нибудь шевельнется сожалѣніе о своемъ безповоротномъ рѣшеніи. Вѣруся Переверзева умственно поддавалась ухищреннымъ и систематическимъ доказательствамъ господина Переверзева; но все ея существо непокорно стремилось къ тому, что волновало ее въ беседахъ съ Николаемъ, что она вдумчиво вычитала и на осуществленіе чего готова была положить душу. Но одинъ въ полѣ не воинъ, не воинъ въ особенности женщина, и вовсе не по слабости, а потому, что въ подобныхъ случаяхъ ея положеніе несравненно труднѣе положенія мужчины. Мужчинѣ многое простятъ, то какъ эксцентричность, то какъ увлеченіе; женщинѣ поставятъ въ счетъ каждую мелочь, каждое отступленіе отъ условеннаго порядка и безжалостно набросятся на нее, — надо прибавить, что такъ поступаютъ, главнымъ образомъ, женщины. Необходима необычная сила духа, глубокая вѣра въ любимого человѣка, чтобы женщина пошла съ нимъ по новому пути. За то подобная женщина не свернетъ уже потомъ съ доро-

*) Эпизодъ, изъ котораго я беру эти выдержки, не былъ напечатанъ въ *Русской Мысли*.

и, да и другаго не допустить до сдѣлокъ съ совѣстью, до отступленій въ сторону сытаго, мѣщанскаго благополучія или наглаго блеска господина Кююна. Героини у насъ есть, только ждуть онѣ героевъ, какъ ждала спящая царевна Ивана-царевича...

Герой не приходитъ, за то Молчалинъ пріободрился и началъ изъ заднихъ рядовъ быстро пробираться въ первые. И не только пріободрился, но увидася уже попытка теоретическаго оправданія безсмертнаго типа, изображеннаго Грибоѣдовымъ. Молчалинъ неуклонно исполняетъ завѣтъ отца:

Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

И представьте, какой мы читаемъ комментарий къ этому мѣсту въ недавно вышедшей книжкѣ, написанной съ большимъ знаніемъ дѣла, — что углубляетъ изумленіе читателя: «Въ этой потребности *ласки* заключается глубоко-человѣческая черта, вносящая блѣдный лучъ свѣта въ мракъ, заутрачивающій Молчалиныхъ» *). Но, вѣдь, Молчалинъ угождаетъ швейцару и дворнику *для избѣжанья зла*, неужели у него *глубоко-человѣческая черта* заключается въ потребности *собачьей ласки* **)? Любопытно, однако, то г. Васильевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ про Скалозуба и Молчалина: «Въ сущности, тотъ и другой только бездушны, т.-е. люди съ неразвинутою душой». Признаюсь, что я не понимаю этого *то-есть*: младенческая уша, конечно, не развита, но почему же она бездушна? Молчалина и Скалозуба можно назвать бездушными за ихъ черствость, за ихъ эгоизмъ, за то, что исключительными свойствами ихъ является «исполнительность», знаніе ормы, — умѣренность и аккуратность, — а все это не *душа*, въ общепотребительномъ смыслѣ послѣдняго слова.

Далѣе читаемъ мы у г. Васильева, что «въ романѣ между Софьей и Молчалинымъ послѣдній ни въ чемъ не грѣшенъ». «Онъ только, — продолжаетъ авторъ, — *угождалъ* Софьѣ, какъ угождалъ всѣмъ». «Но онъ не заикался Софью. Онъ не любилъ ее. Онъ тяготится этимъ романомъ, соединеннымъ съ величайшею опасностью, какою знаетъ Молчалинъ, съ опасностью навлечь на себя гнѣвъ начальника». Какъ? Притворяться, что любишь дѣвушку, — притворяться, опасаясь даже, что Павелъ Аванасьичъ *пойметъ, разониметъ, проклянетъ*, — и оставаться *нервнымъ*? Г. Васильевъ признаетъ, что Молчалинъ «подробно обсудилъ, выгодно ли ему жениться на Софьѣ, и рѣшилъ, что невыгодно», — и, въ то же время, разыгрываетъ

*) С. Васильевъ: „Драматическіе характеры“. Молчалинъ. М., 1890 г., стр. 21.

***) Въ концѣ книжки г. Васильевъ заставляетъ Молчалина угождать *для избѣжанья зла* собакамъ, а не швейцару и дворнику.

любовные дуэты съ Софьей,—и г. Васильевъ, виѣстъ съ тѣмъ, утверждеть, что Молчалинъ *не грѣшенъ* въ романѣ съ Софьей? Я не знаю послѣ этого, кто же можетъ назваться въ подобнаго рода романахъ отъявленнымъ негодяемъ?

Общій выводъ г. Васильева таковъ: «Говоря, что Молчалинъ, какинъ является онъ теперь, *недостаточно рѣзко подлъ*, Пушкинъ своимъ геніальнымъ чутьемъ *угадалъ*, что Молчалинъ—*совсѣмъ не подлецъ*». Невозможно, разумѣется, изъ словъ Пушкина вывести такое заключеніе, какое вводитъ г. Васильевъ: противъ этого вопіеть элементарная логика. Если скажу, что лѣсъ недостаточно высокъ, не полагается выдумывать, будто *угадалъ*, что нѣтъ никакого лѣса. Вся аргументація, которою критикъ хочетъ установить свой выводъ, отличается странностью и ошибочностью. Чацкій называетъ Молчалина подлецомъ, но въ дѣйствительности будто бы онъ хотѣлъ сказать про возстановляемаго въ своемъ достоинствѣ Алексѣя Степановича Молчалина: какой циникъ! и т. д. Гдѣ же подлость? — недоумѣваетъ г. Васильевъ:—отношенія его къ Фамусову были *искреннія*, отношенія къ Софьѣ были лишь продолженіемъ отношеній служебныхъ. «Молчалинъ то, что называется *подленькій* человекъ, но онъ не *подлецъ*. Различіе заключается въ томъ, что *подленькій* человекъ есть человекъ немощный и неразвитый, нравственный недоросль, совершенно искренно и живо совершающій такія вещи, какія нравственно развитому, облагороженному человеку кажутся *подлостью*. *Подлецъ* начинается лишь тамъ, гдѣ является *сознательность*, гдѣ подлость сознательно совершается *противъ совѣсти и внутреннюю убѣжденія*, ради достиженія выгоды себѣ, обыкновенно во вредъ другому».

Интересно отмѣтить, что, не безъ нѣжности называя Молчалина *подленькимъ*, театральнѣйшій критикъ *Московскихъ Вѣдомостей* отказывается отъ объективнаго критеріума нравственности. Молчалинъ, человекъ умный, сознательно обманываетъ Софью изъ-за своихъ служебныхъ выгодъ, *по его мнѣнію*, такое надругательство надъ святымъ чувствомъ не подлость, стало быть,—утверждаетъ г. Васильевъ,—Алексѣй Степановичъ не подлецъ, а *подленькій*. Молчалинъ будто бы никому *не вредитъ*. И Софьѣ? Развѣ нагло оскорбить человѣческое достоинство, *по служебнымъ соображеніямъ* систематически издѣваться надъ женскою любовью не значить принести вредъ?

Нѣтъ, эта попытка реабилитаціи Молчалина, исполненная такъ тщательно г. Васильевымъ, признакъ времени, и очень печальный признакъ времени. Заговорили «про умъ Молчалина, про душу Скалозуба...» Глубоко человѣческія черты усматриваютъ въ выдержанномъ холопѣ, пробирающемся къ завидному мѣстечку по дебрямъ *красиваго сѣмени*! Но попытка критика *Московскихъ Вѣдомостей*, надо надѣяться, не собьѣтъ съ толку и актеровъ, ни зрителей. Гуманныя идеи не такъ уже спутаны и слабы въ русскомъ обществѣ, чтобы Молчалины могли подняться въ его глѣзахъ.

Съ истиннымъ наслажденіемъ отвертываюсь отъ этой фигуры, чтобы кончить свои замѣтки нѣсколькими словами о дѣйствительно *глубоко-человѣческой* чертѣ, отличавшей знаменитаго дѣятеля, со смерти котораго двадцатаго января нынѣшняго года минетъ сто лѣтъ. Я говорю о Джонѣ Говардѣ, прославленномъ филантропѣ, скончавшемся у насъ въ Херсонѣ. Говардъ заразился, посѣщая эпидемическихъ больныхъ. Ему человѣчество многимъ обязано въ дѣлѣ улучшенія тюремъ. Его отечество, Англія, воздвигло ему великолѣпный памятникъ въ лондонскомъ храмѣ св. Павла. Но Говардъ принадлежитъ всему человѣчеству, чествовать его память подобаетъ, конечно, и Россіи.

Т.

1889 годъ въ политическомъ отношеніи.

Прошлый годъ ознаменовался мирнымъ и блистательнымъ торжествомъ французскаго народа. Успѣхъ парижской всемірной выставки превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Франція явилась на этой выставкѣ вооруженною удивительнымъ знаніемъ. Геній французскаго народа обнаружилъ чудеса изобрѣтательности, вкуса и настойчиваго труда. Великая страна благополучно преодолѣла всѣ историческія бѣды, которыя на нее обрушились, изгладилла почти всѣ слѣды позорнаго управленія третьей имперіи. Соединеннымъ усиліямъ враговъ парламентарной республики не удалось поколебать республику, которая быстро и глубоко пріобрѣтаетъ сочувствіе народныхъ массъ. Можно съ большими шансами на безошибочность предсказать, что въ будущемъ республика во Франціи окупитъ совершенно. Нѣмецкія газеты признають, что и въ настоящее время эту форму правленія можно считать установившеюся во Франціи. Пораженіе буланжизма свидѣтельствуетъ о сильномъ подъемѣ уровня политическаго пониманія въ земледѣльческихъ и вообще въ рабочихъ классахъ французскаго народа. Широкое распространеніе образованія, для котораго такъ много сдѣлано республикою, естественнымъ образомъ просвѣтитъ общественное сознаніе и предохранитъ его отъ тѣхъ приманокъ и ловушекъ, съ которыми выступаютъ Буланже и другіе претенденты на цезаріанскую власть. Вотъ нѣсколько цифръ, доказывающихъ лучше всякихъ разсужденій, какъ быстры успѣхи школьнаго образованія въ современной Франціи. Подъ конецъ имперіи, въ 1870 году, въ Парижѣ было 352 начальныхъ училища (1,095 классовъ); теперь въ столицѣ 497 училищъ (2,591 классъ), то-есть прибавилось сто сорокъ пять школъ. Расходы города Парижа на народное образованіе въ 1870 году не превышали семи милліоновъ франковъ, а въ истекшемъ году достигли двадцати почти милліоновъ *).

Ни одно изъ европейскихъ государствъ не можетъ отмѣтить за прошлый годъ такихъ успѣховъ, какими была богата внутренняя жизнь Франціи. Несомнѣнно, что выставка, содѣйствовавшая относительному умиротворенію партій и побѣдѣ республиканцевъ надъ коалиціей бонапартистовъ,

*) *Paris*, 5 janvier 1890.

клерикаловъ, буланжистовъ и монархистовъ, принесла, Франція не малые матеріальныя выгоды *) и сильно подняла ея международное значеніе. Нежудрено по этому, что Европа внимательно прислушивалась къ словамъ президента Французской республики, которыя были произнесены на годовомъ приѣмѣ дипломатическаго корпуса. Слова эти звучали спокойно и миролюбиво и не могли не порадовать друзей мира. Сильная Франція, не стремящаяся къ завоеваніямъ, составляетъ необходимое условіе благополучнаго духовнаго, политическаго и экономическаго развитія всѣхъ европейскихъ народовъ.

Изъ событій внутренней жизни Германіи, отмѣчающихъ крупныя успѣхи народа, можно указать на принятый парламентомъ законъ объ обезпеченіи рабочихъ при наступленіи старости или неспособности къ труду. Достаточнаго обезпеченія отъ нужды новый нѣмецкій законъ не создастъ, но онъ оказываетъ людямъ, живущимъ однимъ лишь трудомъ, немаловажную поддержку, а принципиальное значеніе такого страхованія чрезвычайно велико. Государство признало закономъ 12 мая 1889 года свою обязанность позаботиться о судьбѣ рабочихъ классовъ и доказало, что уже въ настоящее время въ этомъ отношеніи просвѣщенный починъ правительства, поддержанный парламентомъ, можетъ принести непосредственную и большую пользу. Соціальныя задачи все болѣе и болѣе проникаютъ германское законодательство. Въ числѣ важнѣйшихъ недостатковъ проекта гражданскаго кодекса для нѣмецкой имперіи авторитетные ученые и практическіе общественные дѣятели указываютъ въ особенности на то, что законопроектъ мало обратилъ вниманія на эту потребность современной государственной жизни. Въ этомъ отношеніи очень интересна и важна брошюра о соціальной задачѣ гражданскаго права извѣстнаго берлинскаго профессора Отто Гирке.

Милитаризмъ и бюрократическія стремленія князя Бисмарка не убили, конечно, творческихъ силъ нѣмецкаго народа, хотя и сильно затормозили ихъ правильное развитіе. Распространеніе образованія, ростъ общественнаго сознанія въ зависимости отъ дѣятельности имперскаго парламента и законодательныхъ палатъ входящихъ въ имперію государствъ дѣлаютъ свое дѣло. Правда, общее направленіе политики князя Бисмарка не можетъ оставаться безъ своей доли дурнаго вліянія и на направленіе, въ которомъ идетъ народное образованіе; но доля эта едва ли очень значительна, потому что у германскаго народа великое культурное прошлое, упроченныя наклонности къ духовной свободѣ, къ самостоятельной общественной мысли. Многочисленные съѣзды, которые ежегодно сближаютъ германскихъ естествоиспытателей, юристовъ, врачей, филологовъ, даютъ непрерывныя толчки развитію знаній и популяризаціи научныхъ выводовъ. Съѣзды учителей улучшаютъ приемы преподаванія, укрѣпляютъ связь между школою

*) Съ 6 мая (день открытія выставки) до 6 ноября (закрытіе) на ней побывало 28.268,726 человекъ (*Le Temps*, 4 janvier 1890).

и обществомъ. Изъ съѣздовъ послѣдняго рода упомянемъ объ общегерманскомъ съѣздѣ учителей, происходившемъ лѣтомъ прошлаго года въ Аугсбургѣ. На немъ участвовало до 2,000 учителей. Были делегаты изъ Австро-Венгріи и Швейцаріи. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на этомъ съѣздѣ, сильно звучала національная нѣмецкая нота. Но тѣ же ораторы, которые кончали свои рѣчи патриотическимъ восклицаніемъ извѣстной пѣсни *Deutschland, Deutschland über Alles, über Alles in der Welt*, — признавали, что вѣротерпимость и гуманность составляютъ основу германскаго народнаго духа, и взывали къ настойчивой работѣ въ этомъ направленіи.

Далеко еще европейскому человѣчеству до полного осуществленія этихъ началъ, и тѣмъ достойнѣе и симпатичнѣе усилія, направленныя къ достиженію возвышенной цѣли. Вѣнская *Neue Freie Presse* въ передовой статьѣ рождественскаго нумера съ грустью заявляла, что австрійскіе нѣмцы не могутъ всецѣло присоединиться къ словамъ мира и благоволенія, которыя повторяются въ этотъ день. Борьба національностей въ Австро-Венгріи не смягчилась, а ожесточилась въ послѣднія десять лѣтъ. Политическое самознаніе славянскихъ племенъ значительно выросло, но австрійскіе нѣмцы, гордые своею культурой, своими историческими заслугами, не хотятъ признать равноправности за народами, которые еще такъ недавно казались безвозвратно поглощенными силою нѣмецкаго генія и нѣмецкой государственной власти. *Neue Freie Presse* сѣтуетъ на то, что Австро-Венгрія далека отъ основаннаго на справедливости и свободѣ *критикаю однороднаго государства*, и этимъ указываетъ на самое больное мѣсто политической жизни Габсбургской монархіи. Въ государствахъ, въ которыхъ одинъ народъ значительно преобладаетъ по численности надъ всѣми вмѣстѣ взятыми иными народностями, живущими на той же территоріи, справедливость и благоразуміе требуютъ бережнаго отношенія къ мелкимъ племенамъ и предоставленія имъ достаточной самостоятельности. Что же касается государствъ, гдѣ такой преобладающей народности нѣтъ, то равноправность племенъ является для нихъ необходимымъ условіемъ мирнаго существованія и подлинной государственной мощи. Австро-Венгрія, дѣйствительно, далека отъ благополучнаго разрѣшенія этой задачи, отъ *монархической Швейцаріи*. Вопросъ о чешскомъ государственномъ правѣ, поднятый младочехами на богемскомъ сеймѣ и перенесенный потомъ въ цислейтанскій рейхсратъ, увеличилъ разладъ и ожесточеніе противниковъ. Вождь нѣмецкой либеральной партіи Пленеръ обратился къ правительству съ запросомъ по поводу правъ короны св. Вячеслава. Пленеръ говорилъ, что борьба чеховъ съ нѣмцами въ Богеміи имѣетъ не провинціальныи, а общегосударственный интересъ, что дѣло идетъ при этомъ о коренныхъ условіяхъ существованія Австро-Венгріи, о всемъ ея будущемъ. Австрійскіе нѣмцы и нѣмцы въ другихъ странахъ, утверждалъ Пленеръ, сознаютъ, что богемскіе нѣмцы являются передовыми бойцами, что отъ ихъ участи зависитъ участь германскаго племени вообще. Несмотря на то, что эти слова Пленера вызвали рукоплесканія нѣмецкой либеральной партіи цислейта-

скаго рейхсрата, въ нихъ нельзя не видѣть, сильнаго преувеличенія, быть можетъ, и преднамѣреннаго. Нѣмцы Германской имперіи не могутъ, конечно, пострадать отъ того, что чешскій народъ достигнетъ полной автономіи, дѣйствительной равноправности съ австрійскими нѣмцами и мадьярами; но значеніе Германіи въ международномъ смыслѣ слова уменьшится, разумѣется, отъ того, что нѣмецкая Австро-Венгрія превратится въ государство федеративное, въ которомъ славяне составятъ большинство въ парламентѣ, соответствующее ихъ численности въ имперіи.

Пленеръ рѣшительно отрицалъ основательность чешскихъ стремленій къ такой же государственной самостоятельности, какою пользуется Венгрія, иными словами, онъ отвергалъ чешское (историческое) государственное право. По мнѣнію знаменитаго парламентскаго дѣятеля, осуществленіе національных желаній чешскаго народа разрушило бы современный строй монархіи и сопровождалось бы для нея самыми пагубными послѣдствіями.

Neue Freie Presse и другіе органы нѣмецкой либеральной партіи превозносятъ рѣчь Пленера, а старо-чешскія газеты восхищаются отвѣтомъ на эту рѣчь Ригера, — это само собою разумѣется. Ригеръ началъ свою рѣчь удачнымъ сравненіемъ: всѣ дороги ведутъ въ Римъ, всѣ вопросы въ цислейтанскомъ парламентѣ не обходятся безъ преній о чешскомъ языкѣ и чешскомъ государственномъ правѣ. Престарѣлый вождь старо-чеховъ выразилъ свою радость по поводу признанія, такимъ образомъ, за Богемію столь важнаго значенія; но, именно въ силу своего значенія, чешскій народъ и требуетъ, чтобы къ нему относились съ уваженіемъ. Чешское государственное право существовало до министерства графа Таафе, будетъ, разумѣется, существовать и въ случаѣ паденія этого кабинета, потому что за него стоитъ шестимилліонный чешскій народъ. Ригеръ указалъ на живѣйшую готовность старо-чеховъ вступить въ соглашеніе съ своими земляками-нѣмцами, на цѣлый рядъ попытокъ, ими съ этою цѣлью сдѣланныхъ. Всѣ эти попытки разбились о сопротивленіе нѣмцевъ, которые желаютъ раздробленія Богемскаго королевства.

Депутатъ Энгель, отъ имени младо-чеховъ, вполне присоединился къ заявленіямъ Ригера. Онъ указалъ на то, что столь разноплеменное государство, какъ Австро-Венгрія, не можетъ правильно управляться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ управляется государство съ единообразнымъ племеннымъ составомъ населенія.

Славянскія Извѣстія замѣчаютъ, что отвѣтъ графа Таафе на запросъ Пленера «изумилъ всѣхъ своею двусмысленностью; нѣмцы были такъ сильно поражены имъ, что даже ихъ передовые парламентскіе рутинеры (?) не знали, что сказать и какъ поступить. Старо- и младо-чехи тоже не знали, радоваться или сердиться на эти понятныя и, въ то же время, довольно темныя слова *). Газета прибавляетъ, что отвѣтъ министра - президента былъ очень ловокъ, но что такъ врядъ ли слѣдовало говорить государственному челоуѣку. Графъ Таафе не отрицалъ основательности чешскихъ тре-

*) *Славянскія Извѣстія*, № 52.

бований о коронованіи императора австрійскаго королемъ въ Прагѣ, но призналъ осуществленіе этихъ требованій несвоевременнымъ. Онъ посовѣтовалъ нѣмцамъ отказаться отъ пассивнаго сопротивленія и вновь вступить въ богемскій ландтагъ для совмѣстной работы съ чехами въ цѣляхъ примиренія обѣихъ національностей. Императорское правительство, по словамъ графа Таафе, всегда искренно заботилось о томъ, чтобы равноправность, общанная конституціей, дѣйствительно проводилась въ жизнь. Въ рѣчи графа Таафе важно лишь признаніе того, что дуалистическая конституція можетъ быть подвергнута измѣненію законнымъ путемъ. Это признаніе естественно не могло успокоить нѣмецкихъ централистовъ, и оно, очевидно, побудило ихъ пойти на переговоры съ правительствомъ и чехами. Особая конференція, образованная съ этою цѣлью въ Вѣнѣ, держитъ свои совѣщанія въ тайнѣ; но слухи, которые до настоящаго времени проникали въ печать о результатахъ совѣщанія, даютъ нѣкоторую надежду на благопріятный исходъ этой примирительной попытки.

Мы остановились на запросѣ Пленера и отвѣтѣ на него вождей чеховъ и министра-президента потому, что интересы австрійскихъ славянъ близки русскому обществу. Отъ того или иного результата происходящей въ Австро-Венгріи національной борьбы зависитъ направленіе международной политики Габсбургской монархіи, причемъ въ будущемъ отнюдь не исключена возможность прямого соглашенія между нашимъ отечествомъ и этою монархіей. Бромѣ того, пренія въ цислейтанскомъ парламентѣ ярко освѣщаютъ всю гибельность борьбы между племенами за господство, всю шаткость государственнаго величія, основаннаго на угнетеніи одного народа другимъ. Национальная идея въ нынѣшнемъ вѣкѣ получила особенно широкое распространеніе. Она одержала блестящія побѣды, объединила Германію и Италію, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи приняла одностороннее и крайне вредное направленіе, создавши борьбу за преобладаніе, а не за существованіе. Покуда дѣло ограничивается естественнымъ стремленіемъ народа говорить на своемъ языкѣ, свободно исповѣдовать свою религію, самостоятельно управлять своими дѣлами, — до тѣхъ поръ все наши симпатіи на сторонѣ племени, добивающагося нормальныхъ условій для своего существованія. Таково было отношеніе нашего правительства и нашего общества къ сербамъ и болгарамъ, страдавшимъ подъ турецкимъ игомъ; не таково это отношеніе въ Германіи, напрімѣръ, насильственно отнявшей у французскаго народа Эльзасъ и Лотарингію и преслѣдующей тамъ все французское. Это уже злоупотребленіе національною и государственною идеями.

Въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, изъ котораго при помощи Россіи освободились сербы и болгары, находится въ настоящее время армянскій народъ. Энергическую борьбу за права этого многострадальнаго племени ведутъ два повременихъ изданія: *Haïasdan*, органъ армянской патріотической ассоціаціи, и *L'Arménie* *). Мы думаемъ, что не далеко то время, когда армян-

*) Издаются въ Лондонѣ, первый на французскомъ и армянскомъ языкахъ, второй — по-французски (есть статьи и на англійскомъ языкѣ).

скій вопросъ выдвинется съ бѣльшею силой. Для нашего отечества, въ предѣлахъ котораго живетъ многочисленное армянское населеніе, чрезвычайно важно знать о положеніи армянъ, населяющихъ области, подвластныя покуда турецкому султану. На страницахъ названныхъ изданій непрерывною вереницей тянутся извѣстія о притѣсненіяхъ и жестокостяхъ турецкой администраціи, о грабежахъ и насиліяхъ курдовъ, жертвою которыхъ являются армяне. Въ Корпоотъ (Khozroot), напримѣръ, подати собираются съ крайнимъ безчеловѣчiemъ. Заптіи схватили одного недоимщика, раздѣли его, облили оливковымъ масломъ, связали и оставили въ такомъ положеніи цѣлый день подѣ палящими лучами солнца. Черезъ нѣсколько дней несчастный умеръ въ ужасающихъ страданіяхъ *). И этотъ случай не составляетъ какого-либо поразительнаго исключенія. Въ Діарбекирѣ армянина, не уплатившаго налога, заптіи погружали въ холодную воду источника и лили на него кипятокъ. И этотъ армянинъ умеръ послѣ такой пытки. Допустимъ, однако, что подобныхъ звѣрствъ совершается немного; но ужасенъ и позоренъ тотъ фактъ, что звѣрства эти проходятъ безнаказанно, что не несутъ кары такіе разбойники, какъ одинъ изъ курдскихъ вождей, Мусса-бей. Берлинскимъ трактатомъ турецкой Арменіи были обѣщаны значительныя реформы; но это постановленіе трактата остается не выполненнымъ, благодаря потворству консервативнаго англійскаго кабинета. Естественно, что угнетенные армяне возлагаютъ надежды на возвращеніе къ власти Гладстона. Великій государственный человѣкъ всегда выступалъ на защиту притѣсняемыхъ народовъ. Если онъ станетъ во главѣ британскаго правительства, то потребуетъ, конечно, отъ Турціи прекращенія возмутительныхъ злоупотребленій администраціи и введенія въ Арменіи самоуправленія. Такое требованіе, поддержанное нашимъ правительствомъ, не замедлило бы, конечно; принести добрые плоды и положило бы начало возрожденію и правильному національному развитію страны, за которой лежитъ значительное и многовѣковое историческое прошлое.

L'Arménie рассчитываетъ въ будущемъ на содѣйствіе Англій и полагаютъ, что прямой расчетъ заставить это государство поддержать національныя армянскія стремленія: Англій предстоитъ будто бы неминуемая борьба съ Россіей изъ-за Индіи и въ этой борьбѣ возрожденная при помощи англичанъ Арменія **) можетъ оказать имъ большое содѣйствіе. Вождемъ народа, находящагося въ такомъ невыносимомъ положеніи, въ какомъ находятся армяне въ предѣлахъ Турціи, естественно искать повсюду друзей и союзниковъ. Мы думаемъ, что надежнымъ другомъ армянъ можетъ быть, главнымъ образомъ, русскій народъ, и непростительна, по нашему мнѣнію, ошибка строить планы освобожденія отъ азіатскаго ига на антагонизмъ Россіи и Великобританіи. Мы много разъ высказывали увѣренность, что этотъ антагонизмъ отнюдь не составляетъ исторической необ-

*) *Le Haïasdan*, 1 et 15 decembre 1889.

**) *L'Arménie*, 15 decembre 1889.

ходимости, а является печальнымъ результатомъ ошибочнаго направленія политики. Лордъ Салисбери и вообще консервативное правительство въ Англіи, быть можетъ, и не прочь были бы вступить въ борьбу съ нашимъ отечествомъ; но тотъ же консервативный кабинетъ ничего не дѣлаетъ и ничего не сдѣлаетъ для турецкой Арменіи. За ея интересы вступился бы Гладстонъ, который не былъ и не можетъ быть врагомъ Россіи и совсѣмъ не расположенъ воевать съ нами изъ-за Индіи, которой наше правительство и не помышляетъ угрожать. О существованіи въ русскомъ обществѣ искреннихъ симпатій къ армянскому народу мы встрѣчаемъ указаніе и въ упомянутомъ органѣ армянской патріотической ассоціаціи. *Le Haïasdan* печатаетъ, подъ общимъ заглавіемъ *Наши друзья*, отзывы объ армянскихъ дѣлахъ выдающихся европейскихъ общественныхъ дѣятелей и публицистовъ. Мы находимъ среди этихъ отзывовъ письмо извѣстнаго профессора международнаго права въ Московскомъ университетѣ графа Камаровскаго. Московскій публицистъ признаетъ, что политическое соперничество державъ ведетъ въ армянскомъ вопросѣ къ нарушенію основныхъ началъ международнаго права. Европейскія государства забыли свою солидарность и свою высокую миссію, въ особенности по отношенію къ христіанскимъ народамъ Турціи. И общее, и договорное международное право требуютъ внимательства въ пользу армянъ. Графъ Камаровскій говоритъ, что великія европейскія державы должны были бы собраться на новый конгрессъ, чтобы пересмотрѣть и осуществить постановленія берлинскаго трактата. Кончаетъ московскій профессоръ выраженіемъ желанія, чтобы армянскій народъ, послѣ столькихъ вѣковъ страданій, вновь и въ недалекомъ будущемъ достигъ свободы *).

Европейскимъ правительствамъ много, разумѣется, дѣла и у себя дома; но достаточно дружное внимательство въ пользу несчастнаго населенія Арменіи, дипломатическимъ путемъ, не потребовало бы большаго времени и оказало бы воздѣйствіе на Турцію безъ затраты какихъ бы то ни было средствъ. Между тѣмъ, западно-европейскія правительства, отказавшись отъ идеальныхъ принциповъ въ политикѣ, истощаютъ народъ непрерывными вооруженіями. Изъ великихъ державъ тяжелѣе всего милитаризмъ отразился на Италіи. Торговый оборотъ этого государства уменьшился въ прошломъ году по сравненію съ 1888 годомъ почти на 600 милліоновъ франковъ. Таможенные доходы вслѣдствіе этого сильно сократились. Въ промышленности и торговлѣ застой, земледѣльческое населеніе бѣдствуетъ. Депутатъ Джіованни Фальделла напечаталъ недавно письмо, въ которомъ такъ говоритъ о положеніи итальянской деревни: «Всякій, кому приходится быть въ деревнѣ, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ крестьянами, имѣетъ случай наблюдать отчаянныя картины нищеты: нѣкоторые бѣдняки бросаются на всякую пищу, какъ бы ни была она отвратительна; въ деревняхъ ѣдятъ верѣдко собакъ». Фальделла рассказываетъ, что при конста-

*) *Le Haïasdan*, I et 15 Aout 1889.

тированіи на скотобойняхъ негодныхъ къ употребленію въ пищу животныхъ администрація обыкновенно отдаетъ приказаніе зарывать ихъ въ ночное время, въ тѣхъ видахъ, чтобы голодающіе не соблазнились вырыть и съѣсть забракованныхъ животныхъ.*). И при такихъ-то печальныхъ условіяхъ, когда значительная часть населенія Италіи находится въ бѣдственномъ положеніи, министръ-президентъ Криспи настойчиво стремится къ вышнему величію Италіи. Въ то время, какъ крестьяне во многихъ мѣстностяхъ страдаютъ отъ голода, сооружаются новыя военныя суда, усиливается армія, строятся крѣпости, какъ будто Италіи угрожаетъ нападеніе опаснаго врага. Такимъ врагомъ выставлялась Франція, но Криспи пришлось въ послѣднее время, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, пойти на уступки, отмѣнить направленные противъ Франціи дифференціальныя пошлины и высказать даже дружелюбныя чувства по отношенію къ Французской республикѣ.

Внутреннее положеніе Италіи, разстроенное милитаризмомъ, идеей военнаго могущества государственной власти, ухудшается отношеніями папскаго престола къ итальянскому правительству. Папа отнюдь не отказался отъ притязаній на свѣтскую власть, и распря между главою римско-католической церкви и государствомъ снова принимаетъ острый характеръ. Новымъ поводомъ къ усиленію вражды послужилъ принятый палатою депутатовъ законопроектъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ. Любопытныя данныя приводитъ по этому случаю римскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, извѣстный ученый и политическій дѣятель Энрико Ферри. Вопросъ о реформѣ общественной благотворительности возбужденъ былъ въ 1876 году, когда власть перешла въ руки либеральной партіи; въ 1877 и 1880 гг. правительствомъ были предложены законопроекты, которые не были, однако, подвергнуты обсужденію. Въ 1880 году была образована большая коммиссія, которой поручено было изученіе благотворительныхъ учрежденій. Работу свою коммиссія окончила лишь въ февралѣ 1889 года, собравъ и опубликовавъ въ нѣсколькихъ томахъ интересныя цифровыя и фактическія данныя, изъ которыхъ укажемъ наиболѣе характерныя.

Въ концѣ 1880 г. въ Италіи было всего 27,819 учрежденій общественной благотворительности. Важнѣйшими изъ нихъ являются «благотворительныя конгрегаціи», которыя должны были находиться въ каждой коммунѣ, на дѣль же изъ 8,200 коммунъ только въ 2,022 имѣлись конгрегаціи. Далѣе слѣдуютъ 4,000 учрежденій по раздачѣ милостыни; 3,000 учрежденій, на которыхъ лежитъ забота о выдачѣ приданого бѣднымъ дѣвушкамъ при выходѣ ихъ замужъ; 1,300 госпиталей для больныхъ; наконецъ, болѣе 6,000 учрежденій смѣшаннаго характера, преслѣдующихъ отчасти интересы религіознаго культа, отчасти благотворительности. Имущества всѣхъ учрежденій въ совокупности въ 1880 г. составляли 1,780 милліоновъ франковъ, а въ 1887 г.—1,900 милліоновъ, съ ежегоднымъ

*) *Русскія Вѣдомости*, № 2.

доходомъ въ 90 милліоновъ, къ которымъ нужно прибавить еще тѣ 39 милліоновъ въ годъ, которые расходуются на дѣло призрѣнія бѣдныхъ коммунами и провинціями. Болѣе половины, а именно 54%, указанныхъ доходовъ поглощалось расходами по администраціи, платежу налоговъ и управленій религіознаго культа, а въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ вліяніе духовенства такъ велико, что на однѣ религіозныя церемоніи идетъ треть всего количества доходовъ.

Законопроектъ, прошедшій въ палатѣ депутатовъ весьма значительнымъ большинствомъ (196 голосовъ противъ 98), отдаетъ завѣдываніе благотворительными средствами въ руки выбранныхъ общинами конгрегацій. Правительству предоставляется право измѣнять характеръ старинныхъ благотворительныхъ учрежденій, первоначальное назначеніе которыхъ не соотвѣтствуетъ современнымъ общественнымъ потребностямъ. Въ Италіи, на примѣръ, существуютъ учрежденія, которыя имѣютъ своею задачей заботы о приговоренныхъ къ смертной казни, смертная же казнь отмѣнена въ новомъ уголовномъ кодексѣ, вступившемъ въ силу съ 1 января 1890 года, и т. д.

Этотъ законъ вызвалъ въ клерикальномъ лагерѣ ожесточенныя нападенія. Сенатъ, повидимому, не расположенъ принять его, и Криспи придется прибѣгнуть къ энергической мѣрѣ: къ назначенію новыхъ сенаторовъ, голоса которыхъ доставили бы большинство законопроекту. Нельзя не прибавить, что сотни милліоновъ, пошедшія на военные расходы, принесли бы еще болѣе пользы бѣдствующему населенію, чѣмъ эта несомнѣнно хорошая реформа благотворительныхъ учрежденій. Подлинное величіе страны только выиграло бы отъ производительнаго употребленія громаднхъ средствъ, теперь расточаемыхъ на вооруженія противъ несуществующаго врага.

Тревожное наслѣдство передалъ истекшій годъ и Пиренейскому полуострову. Въ кабинетѣ Сагасты обнаружился кризисъ. Опасная болѣзнь мальчика - короля отсрочила его разрѣшеніе и, въ то же время, грозитъ новыми осложненіями. Съ одной стороны, къ власти стремятся консерваторы, съ другой стороны—усиливается республиканское движеніе. Сосѣдка Испаніи, Португалія, въ концѣ прошлаго года вступила въ столкновеніе съ Великобританіей изъ-за африканскихъ владѣній. Столкновеніе это приняло довольно опасный оборотъ, но преобладаетъ надежда на его мирный исходъ. Для консервативнаго кабинета лорда Салисбери представился удачный случай запугать слабого и вынудить значительныя пожертвованія у страны, которой приходилось уже не разъ терпѣть отъ тяжелой руки Великобританіи. Такой образъ дѣйствія вызвалъ общественное негодованіе въ Португаліи и въ Испаніи. Сильно осуждаетъ поведеніе британскаго кабинета и французская печать.

Основной вопросъ современной политической жизни самой Англій, ирландскій, перешелъ въ качествѣ такого вопроса и въ 1890 годъ. Нынѣшній парламентъ не подвинетъ его, а распуститъ палату кабинетъ Салисбери, опасаясь пораженія на общихъ выборахъ, не рѣшается. Кон-

сервативное министерство въ союзѣ съ отщепенцами либеральной партіи, предводимыми Чемберленомъ и Гартингтономъ, старается второстепенными реформами земельныхъ отношеній внести успокоеніе въ Ирландію и затормозить стремленіе къ самоуправленію среди ирландскаго народа. Но движеніе это пустило глубокіе корни, политическое сознаніе ирландцевъ очень развилось и нѣтъ основаній предполагать, что они даже временно отодвинутъ на задній планъ *home rule*. Связь экономическихъ, юридическихъ и чисто-политическихъ вопросовъ становится все болѣе и болѣе ясною для общественнаго мнѣнія Западной Европы и одностороннимъ программамъ, какъ бы ни были онѣ въ своей области рѣшительны и многообъемлющи, уже не такъ легко, какъ въ былые годы, сбить съ толку крестьянъ или фабричныхъ рабочихъ. Многочисленныя и грозныя стачки, которыя въ прошломъ году обошли почти всю Западную Европу, свидѣтельствуютъ о далеко ненормальномъ положеніи рабочихъ классовъ. Въ нѣкоторыхъ, и очень важныхъ, случаяхъ требованія рабочихъ, — или, по крайней мѣрѣ, часть этихъ справедливыхъ требованій, — были удовлетворены, — въ Англии подъ давленіемъ просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія, въ Германіи при личномъ содѣйствіи императора Вильгельма II. Само собою разумѣется, что такое содѣйствіе осуществленію законныхъ желаній рабочихъ въ той или другой отрасли промышленности представляетъ единственно разумную правительственную мѣру для устраненія разрушительныхъ стремленій. Благодѣтельное значеніе такого способа дѣйствій только парализируется суровыми исключительными законами, которыми князь Бисмаркъ такъ давно и такъ безуспѣшно борется съ германскими социаль-демократами.

Замѣтныхъ перемѣнъ не произошло въ другихъ европейскихъ странахъ. Только Сербія послѣ отреченія короля Милана довольно рѣшительно освобождается отъ австрійскаго вліянія и становится на широкую дорогу самостоятельнаго народнаго развитія. Трудно положеніе двухъ остальныхъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Черногорію постигнулъ сильный голодъ, а болгарское правительство до сихъ поръ не получило признанія со стороны державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Рѣшительное неблаговоленіе императорскаго руссійскаго правительства понуждаетъ Болгарское княжество подчиняться тому вліянію, отъ котораго не безъ труда высвобождается Сербія, то-есть вліянію Австро-Венгрии. Въ одномъ изъ консервативныхъ нашихъ изданій, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, было высказано предположеніе о вредѣ долгой отчужденности Болгаріи отъ Россіи, вредѣ не для Болгаріи только, а для всего славянскаго міра. Мы раздѣляемъ эти опасенія и думаемъ, что отъ доброй воли и искусства нашей дипломатіи зависитъ вновь привлечь къ Россіи Болгарское княжество. Народъ болгарскій сохраняетъ, разумѣется, глубокую симпатію къ освободившему его народу русскому, и не Фердинанду Кобургскому, не сторонникамъ окатоличенія болгаръ заглушить эти симпатіи. Старо-чешская *Politik*, рассуждая о болгарскихъ дѣлахъ, выразилась однажды слѣдующимъ образомъ: Россія выжидаетъ, покуда господствующая теперь въ Болгаріи партія есте-

ственнымъ ходомъ вещей потерпѣть, наконецъ, фіаско; Австрія ждетъ, куда сила дѣйствующихъ фактовъ достигнетъ такого результата, который станетъ уже неотвѣннымъ. Длительное такое положеніе вещей выгодно одному только князю Бисмарку.

Брупнѣйшимъ событіемъ внѣ Европы было сверженіе императора Донъ-Педро и провозглашеніе республики въ Бразиліи. Переворотъ совершился мирно, но послѣднія извѣстія говорятъ о нѣкоторыхъ беспорядкахъ, о попыткахъ возстанія противъ неукрѣпившагося еще республиканскаго правительства. Можно только пожелать, чтобы Бразилія избѣгла участи республикъ южной и центральной Америки, такъ много страдавшихъ отъ взаимныхъ столкновеній, военныхъ прононсіаментовъ и междуусобныхъ войнъ.

Въ общемъ надежды на сохраненіе европейскаго мира къ началу 1890 года повысились. Европейская печать привѣтствуетъ миролюбивую политику императорскаго русскаго правительства, которая отразилась и въ отчетѣ министра финансовъ. Не дать разразиться жестокой международной войнѣ—великая заслуга, и для нашего общественнаго сознанія утѣшительно, что такая заслуга выпала на долю Россіи.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Земскія ходатайства относительно гимназій.—Обзоръ постановленій московскаго собранія.—Вопросъ о пониженіи процента по ссудамъ въ крестьянскомъ банкѣ. — Продажи крестьянскихъ участковъ.—Обсужденіе правилъ судопроизводства для земскихъ начальниковъ и губернскихъ присутствій. — Опре-
дѣленіе св. синода относительно противодѣйствія штундѣ.—Техническій съѣздъ въ Петербургѣ.—О двухъ банкирскихъ конторахъ.—С. П. Боткинъ.

У жизни общественной есть свои собственные, скрытые законы, и проявленія ея могутъ порою какъ бы противорѣчить тѣмъ или другимъ внѣшнимъ условіямъ, но всегда обнаруживаютъ собою условія внутреннія. Такъ въ теченіи рѣки бываютъ мѣстами быстрины, которыхъ нельзя объяснить конфигураціею береговъ, замыкающихъ это теченіе, но которыя за то свидѣтельствуютъ о наличности условій реальныхъ, естественныхъ, только внутреннихъ, скрытыхъ отъ глаза; встрѣчаемая гдѣ-нибудь неровность въ теченіи можетъ зависѣть отъ геологическаго свойства ложа, отъ обильныхъ подземныхъ притоковъ, обуславливающихъ, что рѣка въ томъ или другомъ мѣстѣ чувствуетъ себя какъ бы стѣсненною и спѣшить впередъ, будто возражая противъ этой мѣстной тѣсноты русла обиліемъ своей жизни, неотгнѣнною и силою своей потребности.

Мы могли бы продолжать это, отчасти геологическое, сравненіе, указавъ, что тамъ, гдѣ встрѣчаются такія случайныя быстрины, оказывается обыкновенно и нѣкоторое дробленіе самого теченія, которое дѣлится на нѣсколько токовъ, а иногда и оборотовъ, въ не вполне согласномъ направленіи, лишь бы продолжаться, жить, идти впередъ, по уставу всей природы. Нѣчто подобное указанному явленію можно было наблюдать въ происходившихъ прошлымъ мѣсяцемъ сессіяхъ земскихъ и дворянскихъ собраній. Нѣсколько выдавшеюся чертой этихъ сессій, въ ихъ совокупности, надо признать обиліе ходатайствъ по разнымъ вопросамъ..

Начало этому, хотя небольшому, но вполне естественному и строго-закононому общественному движенію было положено въ многочисленныхъ ходатайствахъ городовъ о сохраненіи въ прежнемъ видѣ учрежденія мировыхъ судей. Затѣмъ прошелъ рядъ адресовъ дворянскихъ собраній относительно закона о земскихъ начальникахъ, а къ этимъ адресамъ присо-

единились вятское и симбирское губернскія земскія собранія. По вопросу объ оставленіи мировыхъ судей было предложено ходатайство въ тверскомъ, тамбовскомъ и таврическомъ земскихъ собраніяхъ, но предсѣдателями собраній не было допущено къ обсужденію. Можно предполагать съ достовѣрностью, что, не будь этого обстоятельства, предложеніе прошло бы и на этихъ собраніяхъ. Это доказывается тѣмъ, что вслѣдъ за объявленіемъ предсѣдателя собранія о недопущеніи преній объ этомъ вопросѣ, тверское собраніе постановило выразить сочувствіе мысли гласнаго Родичева о ходатайствѣ относительно сохраненія института мировыхъ судей; въ Тамбовскомъ же собраніи предложеніе объ этомъ предметѣ было внесено 32-мя гласными. Харьковское земское собраніе, вслѣдствіе предложенія, въ которомъ развивалась мысль, что какъ покровительство, оказываемое фабрикантамъ, такъ и установленіе хлѣбныхъ тарифовъ не во всемъ согласны съ нуждами сельскаго хозяйства, постановило ходатайствовать объ учрежденіи особаго министерства земледѣлія. Орловское дворянское собраніе постановило огромнымъ большинствомъ не присоединяться къ ходатайству полтавскаго дворянства объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній. Екатеринославское земское собраніе ходатайствуетъ о воспрещеніи покупки земель иностранными колонистами. Воронежское, тамбовское, саратовское и тверское земскія собранія рѣшили войти съ ходатайствомъ о пониженіи процента по ссудамъ крестьянскаго банка. Орловское дворянское собраніе, тамбовское, тверское, воронежское и костромское земскія собранія постановили ходатайствовать о скорѣйшемъ измѣненіи преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ съ цѣлью облегчить учениковъ, нынѣ слишкомъ обремененныхъ гласными и виѣкласными занятіями.

Таковъ довольно обширный кругъ общественныхъ ходатайствъ, высказавшихся за самое послѣднее время и относящихся къ вопросамъ характера общаго, хотя истекающихъ несомнѣнно изъ соображеній о пользахъ мѣстнаго населенія.

Изъ общихъ вопросовъ, которыхъ коснулись ходатайства, мы поговоримъ ниже особо о пониженіи процента по ссудамъ, выдаваемымъ изъ крестьянскаго банка. Теперь же остановимся на вопросѣ о классицизмѣ въ гимназіяхъ — въ связи съ происходившими преніями. Въ орловскомъ дворянскомъ собраніи вопросъ этотъ былъ поставленъ г. Бехтѣвымъ. «За все время съ 1872 года, какъ введена существующая система преподаванія,—говорилъ онъ,—она дала намъ людей слабогрудыхъ, нервныхъ, съ искривленными позвоночниками и далеко не блестящимъ, а скорѣе слабымъ умомъ». Орловское дворянское собраніе единодушно приняло предложеніе о ходатайствѣ въ смыслѣ реформы дѣйствующей системы средняго образованія. Воронежское собраніе приняло одинаковое рѣшеніе, послѣ того, какъ была прочтена рѣчь г. Бехтѣва; вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе высказалось за преобразование классической прогимназіи, существующей въ Острогожскѣ, въ среднее техническое училище.

Въ тверскомъ земствѣ предложеніе, принятое собраніемъ, было моти-

«вировано г. Родичевымъ слѣдующимъ образомъ: «ходатайствовать объ уменьшеніи количества учебныхъ занятій въ гимназіяхъ, посредствомъ сокращенія, если не совершеннаго уничтоженія уроковъ по классическимъ языкамъ, что въ связи съ другими условіями программы вызываетъ переутомленіе учащихся». Постановка вопроса здѣсь вполнѣ правильная. Фактъ переутомленія учениковъ гимназій несомнѣненъ, а такъ какъ желательно было бы еще дополнить гимназическій курсъ нѣкоторыми предметами, то очевидно, что изъ этого нѣтъ иного выхода, какъ именно посредствомъ уменьшенія числа уроковъ по древнимъ языкамъ. Но дѣло въ томъ, что переутомленіе замѣчается и въ ученикахъ реальныхъ училищъ. Проводя 6 часовъ въ заведеніи и получая столько уроковъ для затверживанія, письменныхъ упражненій и задачъ на домъ, что для усвоенія и исполненія всего этого, безъ посторонней помощи, требуется нерѣдко часа 4 вечернихъ занятій, ученики нашихъ среднихъ школъ, дѣйствительно, обременены непосильной для юныхъ, въ особенности же дѣтскихъ, организмовъ работой. Десять часовъ умственного труда, причемъ нерѣдко требуется крайнее напряженіе, чтобы понять заданное или открыть причину ошибочности въ счетѣ, это тяжелѣе, чѣмъ равное число часовъ работы физической. Между тѣмъ, фабричный законъ не допускаетъ работы малолѣтнихъ ни свыше 10 часовъ, ни ночью. Неужели же учебный законъ можетъ быть менѣе гуманенъ, чѣмъ фабричный?

Правда, педагоги на сужденія такого рода обыкновенно отвѣчаютъ ссылкой на Германію, гдѣ въ гимназіяхъ число учебныхъ часовъ не меньше, а скорѣе больше. Но, во-первыхъ, и въ Германіи констатированъ тотъ же фактъ переутомленія учащихся въ среднихъ школахъ, и непонятно, почему намъ слѣдуетъ дожидаться, пока примѣръ сокращенія намъ дастъ Германія. Во-вторыхъ, ссылка на продолжительность классныхъ занятій въ Германіи не рѣшаетъ вопроса потому, что главная причина переутомленія у насъ лежитъ именно въ чрезмѣрномъ бремени упражненій и задачъ, требующихъ вечерней работы. Объ этомъ, дѣйствительномъ «бремени», приносимомъ на домъ, можно прямо утверждать, что оно непосильно безъ посторонней помощи. Всѣмъ извѣстно, что гимназистамъ, по необходимости, помогаютъ или особые репетиторы, или старшія сестры, или родители, такъ какъ не могутъ допустить, чтобы мальчикъ бился съ этими работами до 2 часовъ ночи, когда ему завтра надо вставать въ 7¹/₂ часовъ. Хорошо, если такая посторонняя помощь дается разсудительно, то-есть съ такимъ расчетомъ, чтобы ученику лишь облегчить трудъ, а не освободить его отъ труда. Между тѣмъ, зачастую бываетъ, что, въ виду огромности всего заданнаго, старшіе просто сами составляютъ хоть часть переводовъ и задачъ; а это уже можетъ явиться прямою причиной малоуспѣшности ученика. Но, затѣмъ, каково же положеніе тѣхъ учениковъ младшихъ классовъ, которые никакой помощи дома не имѣютъ? Тѣ, дѣйствительно, должны или выходить изъ заведенія, или терять здоровье подѣ

вліянієм недостаточнаго сна и чрезмѣрнаго напряженія, соединеннаго еще со страхомъ не одолѣть заданнаго.

Вотъ то печальное положеніе, которое, конечно, имѣли въ виду и г. Бехтѣвъ, когда въ орловскомъ земствѣ говорилъ объ изнуренности учениковъ гимназій, и гласный тверскаго собранія г. де-Роберти, который указывалъ на «существующіе въ настоящее время невозможные приемы гимназическихъ педагоговъ, преслѣдующихъ досугъ учениковъ въ домахъ». Тотъ же ораторъ прибавилъ, что такимъ образомъ роняется авторитетъ семьи, и предлагалъ ходатайствовать объ освобожденіи родителей и вообще семьи отъ подобнаго рода униженія (корр. изъ Твери въ *Нов. Вр.*, 21 декабря). Неудобопонятность этого добавленія мы относимъ къ неправильной передачѣ словъ оратора и оставляемъ такой выводъ въ сторонѣ, но замѣтимъ, что г. де-Роберти попалъ именно въ самый центръ практической стороны вопроса. Дѣйствительно, педагоги наши, и классическіе по преимуществу, не знаютъ мѣры и преслѣдуютъ досугъ учениковъ въ домахъ.

Постановленіе тверскаго земства о ходатайствѣ коснулось и университетовъ, въ связи съ гимназіями. По предложенію гласнаго де-Роберти, губернское собраніе рѣшило ходатайствовать еще, чтобы окончившіе курсъ реальныхъ училищъ имѣли право поступать въ университеты наравнѣ съ абитуриентами гимназій и чтобы университеты «были открыты для вольныхъ слушателей». Подразумѣвается, конечно, приемъ реалистовъ собственно на физическо-математическій факультетъ. Требованіе это вполнѣ разумно и противъ него педагоги наши уже не могутъ возразить и ссылкой на Германію. Ровно за годъ передъ тѣмъ, какъ у насъ былъ утвержденъ новый уставъ гимназій, обусловившій ихъ исключительное право пополнять своими учениками университеты, въ Пруссіи прошелъ законъ, разрѣшившій воспитанникамъ высшихъ реальныхъ училищъ (соотвѣствующихъ нашимъ реальнымъ и носящихъ названіе «высшихъ» лишь въ отличіе отъ спеціально-техническихъ, которыя у насъ теперь предположены) поступать на физико-математическій факультетъ. Если намъ непремѣнно нуженъ примѣръ Германіи, то вотъ такой примѣръ, достаточно, притомъ, созрѣвшій, такъ какъ за нимъ 18 лѣтъ дѣйствія.

Недопущеніе у насъ университетскаго права для реалистовъ было внушено тою фанатическою ревностью, съ какою въ то время относились ко всякой школѣ, которая могла бы соперничать съ гимназіею. Вотъ почему отмѣнены были собственные приемные экзамены въ университеты и единственнымъ паспортомъ къ нему былъ поставленъ «аттестатъ зрѣлости». Хотя вся гимназическая реформа опиралась на примѣръ Германіи, но примѣръ доступа реалистовъ въ университетъ былъ произвольно отклоненъ, какъ у насъ, впрочемъ, вообще принято считать примѣры Запада убѣдительными и даже обязательными, но лишь въ томъ, что у насъ хотять вводить, во всемъ же прочемъ примѣръ Запада не только отвергается, какъ не убѣдительный, но зачастую еще пошло осмѣивается.

Противъ допущенія реалистовъ на математическій факультетъ одержало верхъ такое соображеніе, что это внесло бы «раздвоеніе» въ «ученую школу», что единственная «ученая» средняя школа, это—гимназія, и что она должна быть исключительнымъ основаніемъ для университета, который «де» приготовляетъ не специалистовъ, а именно только ученыхъ. Возраженіе это было столь же не серьезно, какъ большинство всякихъ доводовъ, исходившихъ изъ того же источника. Реальное училище, дающее законченное научное образованіе, представляетъ среднюю ученую школу совершенно наравнѣ съ гимназіей, изъ основнаго курса которой у большинства ея учениковъ остается, черезъ нѣсколько лѣтъ, лишь воспоминаніе о склоненіяхъ и спряженіяхъ. Затѣмъ, почему же инженеръ-строитель или технологъ не такой же ученый, какъ, наприм., филологъ, и почему университетскіе адвокаты и врачи—только ученые, а не специалисты, совершенно подобные инженерамъ? Если есть «раздвоеніе» въ ученой школѣ, то оно обуславливается громаднымъ объемомъ знаній въ наше время, не позволяющимъ включить необычайно разросшіяся отрасли техники въ область университета, который нѣкогда представлялъ собой совокупность (*universitas*) знаній. Это раздвоеніе не увеличится отъ доступа реалистовъ въ университетскій математическій курсъ и нисколько не устраняется прегражденіемъ для нихъ такого доступа.

Мы остановились на этой части ходатайства тверскаго земства по той причинѣ, что она вполнѣ логически истекаетъ изъ первой. Ходатайствовать о сокращеніи классическаго курса въ гимназіи можно только исходя изъ той мысли, что классицизмъ вовсе не есть исключительный путь къ умственному развитію и къ наукѣ, и въ такомъ случаѣ логично ходатайствовать о допущеніи реалистовъ на физико-математическій и медицинскій факультеты. Что могутъ быть хорошіе врачи безъ знанія древнихъ языковъ—доказывается примѣромъ врачей-женщинъ. Та лабораторная или кухонная (*officinalis*) латынь, которая установилась въ фармакологіи, вовсе не требуетъ аттестата зрѣлости; забавно требовать отъ людей затверживанія на-память двухъ тысячъ стиховъ изъ Энеиды и бѣлаго чтенія Гомера для того, чтобы они умѣли писать такія премудрости, какъ *rescire, solve* и *miscere*. Не по Гиппократу, вѣдь, нынѣ учатся медицинѣ.

Наконецъ, что касается допущенія въ университеты вольныхъ слушателей, то слѣдуетъ точнѣ опредѣлить, въ чемъ дѣло. Вольнослушатели имѣются и нынѣ въ университетахъ, но въ крайне маломъ числѣ, такъ какъ новый уставъ условливаетъ допущеніе каждаго изъ нихъ отдѣльнымъ разрѣшеніемъ попечителя. «Раскрыть университеты» для вольныхъ слушателей значило бы допускать на университетскія лекціи всѣхъ, кто заявитъ университетскому начальству желаніе правильно посѣщать тотъ или иной курсъ, причемъ согласіе могло бы быть обусловлено единственно соображеніемъ вмѣстимости той или другой аудиторіи. Почему, наприм., чиновникъ, который предполагаетъ перейти на службу въ консульствахъ или въ администрацію въ Средней Азій, не могъ бы посѣщать за плату уни-

верситетскія лекціи татарскаго, персидскаго и арабскаго языковъ, на которыхъ обыкновенно присутствуютъ всего нѣсколько студентовъ? Почему журналисту возбраняется прослушать въ университетѣ, за равную со студентами плату, курсъ русской литературы, если этотъ слушатель не имѣетъ «аттестата зрѣлости» и неизвѣстенъ лично начальнику учебнаго округа? Основательное возраженіе можетъ представляться лишь въ недостаткѣ мѣста и понятно, что вольнослушатели могутъ быть допускаемы лишь съ обезпеченіемъ удобства для правильныхъ слушателей, т. е. для студентовъ.

Съ полнымъ сочувствіемъ упомянемъ еще о принятыхъ тверскимъ собраніемъ безъ преній предложеніяхъ гласныхъ д-ра Петрункевича и Родичева о ходатайствѣ относительно полной отміны тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ судѣ, «какъ унижающемъ достоинство человѣка», или, по меньшей мѣрѣ, о запрещеніи подвергать такому наказанію крестьянъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ земскихъ училищахъ. Понятно, что ограниченіе, представляемое здѣсь словомъ «земскихъ», поставлено лишь потому, что земство ходатайствуетъ о своихъ школахъ. Мѣра можетъ быть только общая, и нельзя не пожелать, чтобы она распространилась на всѣхъ крестьянъ, грамотныхъ и неграмотныхъ. Въ свое время, при обсужденіи проектовъ объ отмінѣ подушной подати, много у насъ говорилось о томъ, несогласномъ съ общимъ принципомъ всесловности въ учрежденіяхъ и равенства передъ закономъ, различіи, какое представлялось между «податными сословіями» и неподатными. Быть можетъ, нѣсколько рѣзко, но справедливо будетъ сказать, что гораздо возмутительнѣе различіе въ государствѣ между сословіемъ, подлежащимъ розгѣ, и остальными, «привилегированными» сословіями. Въ дѣйствительности, въ законахъ осталась одна только привилегія—не подлежитъ тѣлесному наказанію, и въ этомъ смыслѣ привилегированными передъ крестьянствомъ являются нынѣ всѣ свободныя состоянія Россійской имперіи. Факторъ и кабатчикъ, мѣщанинъ, лишенный по суду «особыхъ правъ и преимуществъ», даже преступникъ, сосланный въ Сибирь по судебному приговору, безъ лишешя всѣхъ правъ состоянія, представляются привилегированными въ этомъ отношеніи передъ крестьяниномъ-землевладѣльцемъ и домохозяиномъ. Пора этой аномаліи исчезнуть, а съ возрастаніемъ въ народѣ чувства личнаго достоинства уменьшатся и пороки, которые противны этому чувству.

Возраженіе, что наши крестьяне могутъ и нынѣ не примѣнять тѣлеснаго наказанія, если оно уже противорѣчитъ правамъ, неубѣдительно. Старики, сидящіе въ волостномъ судѣ и еще помнящіе крѣпостное право, разумѣется, не понимаютъ возможности какого-либо порядка безъ той «острастки», какая представляется въ возможности примѣненія тѣлеснаго наказанія. Но что же выходитъ на дѣлѣ? Оказывается, что огромный процентъ карательныхъ приговоровъ въ волостныхъ судахъ вовсе не приводится въ исполненіе. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть фактическаго протеста противъ тѣлеснаго наказанія, точно такъ, какъ рѣдкость примѣненія смертной казни въ тѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ, представ-

дѣять собой осужденіе принципа казни въ общественной совѣсти. Выходить, что тѣлесное наказаніе назначается потому, что старики считаютъ это нужнымъ «для острастки», а на дѣлѣ большинство осужденныхъ остаются, вслѣдствіе того, вовсе безъ наказанія, подвергаются же ему неуклонно лишь тѣ, съ кѣмъ имѣютъ личные счеты судьи или старшина. Мнѣніе стариковъ о невозможности обходиться безъ тѣлеснаго наказанія опровергается примѣромъ губерній Архангельской, Вологодской, Олонецкой, гдѣ это наказаніе въ большинствѣ волостей не существуетъ, а, между тѣмъ, и подати съ нихъ поступаютъ, и безчинства меньше, чѣмъ въ иныхъ центральныхъ. Но съ законодательною отмѣной тѣлеснаго наказанія непременно должно быть соединено также прямое разъясненіе, что законъ не дозволяетъ и кулачной расправы въ семьѣ, что бракъ или родство не оправдываютъ ни истязанія, ни насилія. Законъ, какъ говорится нынѣ, есть продуктъ нравственныхъ и экономическихъ воззрѣній, преобладающихъ среди даннаго народа въ данное время. Однако, нельзя отрицать, что и самый законъ можетъ имѣть большое воспитательное вліяніе на общество.

Послѣ обсужденія наиболѣе выдающихся фактовъ общей земской сессіи мы обратимся теперь специально къ дѣятельности московскаго земства. Предсѣдателемъ губернской управы въ десятый разъ былъ избранъ Д. А. Наумовъ и въ рѣчи своей высказалъ полную увѣренность въ будущности земскаго дѣла. Такъ какъ въ собраніяхъ нѣсколькихъ губерній были разсужденія по поводу совершившагося 25-лѣтія земскихъ учрежденій, то мы приведемъ изъ рѣчи г. Наумова нѣсколько словъ, къ которымъ относимся вполне сочувственно: «Путь нашъ, — сказалъ заслуженный предсѣдатель московской губернской управы, — былъ не легокъ, такъ какъ приходилось дѣло создавать вновь и направлять его, но, благодаря Бога, всѣ затрудненія, которыя встрѣчались до сихъ поръ на пути земства, сглаживались и устранялись, и дѣло подвигалось впередъ. Въ настоящее время мы можемъ подвести итоги того, что было сдѣлано въ короткій, сравнительно, срокъ, и можемъ съ гордостью сказать, что сдѣлано много». Предсѣдатель заключилъ выраженіемъ надежды, «что пути, по которымъ предстоитъ намъ идти, будутъ гладки и приведутъ лишь къ большому и большому развитію тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе земскихъ учрежденій». Остается пожелать, чтобы надежды эти оправдались, чтобы и новѣйшія затрудненія, какъ бы они ни были серьезны, устранились и чтобы могли установиться уже въ наше время безповоротно и окончательно какъ убѣжденіе въ необходимости самостоятельнаго общественнаго управленія, хотя бы только хозяйственными мѣстными дѣлами, такъ и увѣренность, что дальнѣйшій путь земской дѣятельности будетъ «гладокъ».

Говоря о нынѣшней московской сессіи, мы обязаны отмѣтить фактъ устраненія шести лицъ, избранныхъ въ гласные: одного за неокончаніемъ слѣдствія, а остальныхъ по протесту начальника губерній, относительно допущенныхъ при избраніи неправильностей. Относительная многочислен-

ность такихъ устраненій въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что большинство ихъ зависѣло отъ неправильностей производства выборовъ въ одномъ уѣздѣ. Изъ выборовъ внутреннихъ, въ самоѣ собраніи, отмѣтимъ, что предсѣдатель управы избранъ большинствомъ 55 противъ 9, и, затѣмъ, что, по разрѣшеніи вопроса о необходимости избранія особаго члена управы для завѣдыванія дорожною частью, въ должность эту снова былъ избранъ Н. Ѳ. Рихтеръ, большинствомъ 30 голосовъ противъ 8. Мы уже имѣли случай говорить о заявленныхъ въ предшествующей сессіи, болѣе рѣзкихъ, чѣмъ доказательныхъ, нареканіяхъ на веденіе дорожной части и въ нынѣшнемъ избраніи завѣдывающаго ею значительнымъ большинствомъ видимъ только подтвержденіе нашего мнѣнія, что въ сужденіи о дѣйствіяхъ общественныхъ лицъ слѣдуетъ соблюдать осторожность, никакъ не заходя въ опредѣленія далѣе тѣхъ фактовъ, какіе могутъ быть предъявлены въ подтвержденіе.

Характеристическою чертой новѣйшей земской дѣятельности вообще является та, что, не уменьшая расходовъ на народное образованіе, которое составляло главную заботу первыхъ трехлѣтій земства, и на устройство врачебной помощи для народа, которое привлекло къ себѣ преимущественное вниманіе послѣдующихъ земскихъ періодовъ, земства нынѣ начали обращать особое вниманіе на возможную инициативу въ улучшеніи экономическаго быта населенія. Такъ, между прочимъ, московское земство предположило содѣйствовать улучшенію приѣмовъ кустарной промышленности посредствомъ передвижныхъ учебныхъ мастерскихъ. Такія мастерскія, вовсе не требующія большихъ расходовъ, соединенныхъ съ устройствомъ постоянной фабрикаціи, представляютъ собой собственно только извѣстный составъ практическихъ учителей, орудій и образцовъ издѣлій. Совсе не задаваясь техническимъ развитіемъ кустарей, эти мастерскія будутъ скорѣе имѣть цѣлью какъ бы ревизію существующаго кустарнаго производства, съ тѣмъ, чтобы показать кустарямъ одной мѣстности за другою улучшенныя орудія и болѣе совершенныя приемы работы. Для преподаванія, въ возможно короткое для каждой мѣстности время, такихъ чисто-практическихъ свѣдѣній, въ мастерскія будутъ приглашаться рабочіе, знаемые съ улучшенными приѣмами, и обученіе должно происходить на мѣстахъ кустарнаго производства, по возможности въ избахъ самихъ кустарей, и обученіе это будетъ бесплатное. Въ связи съ этимъ, предположено также преобразование земскаго кустарнаго музея, чтобы онъ сдѣлался дѣятельнымъ центромъ распространенія техническихъ улучшеній и, по возможности, посредникомъ для ознакомленія публики съ кустарными издѣліями и продуктами сбыта ихъ. Первоначально предположено ограничиться устройствомъ трехъ мастерскихъ по тѣмъ отраслямъ кустарныхъ производствъ, которыя наиболѣе распространены въ губерніи и будутъ представлены въ музеѣ, а именно по производствамъ: металлическому, игрушечному и мебельному.

Что касается мѣръ по содѣйствію сельскому крестьянскому хозяйству, то выработку ихъ, какъ и дальнѣйшаго содѣйствія кустарной промышлен-

ности, собраніе поручило особому экономическому учрежденію при губернской управѣ, которое собраніе постановило образовать. При управѣ будетъ состоять экономическое отдѣленіе, представляемое «губернскимъ совѣтомъ» и «экономическимъ бюро». Мысль о необходимости такого учрежденія возникла въ той комиссіи по дальнѣйшему устройству и развитію кустарнаго музея, которая была образована по порученію губернскаго собранія на прошлогодней очередной сессіи. Комиссія пришла къ убѣжденію, что оказывать какое-либо дѣйствительное содѣйствіе улучшеніямъ въ экономическомъ бытѣ населенія губернское земство можетъ лишь рядомъ систематическихъ мѣръ, а не въ видѣ разрозненныхъ и отчасти случайныхъ начинаній, какъ то было до сихъ поръ. Губернское земство доселѣ выдавало ссуды для учрежденія ссудо-сберегательныхъ товариществъ, на покупку земли и улучшенныхъ орудій, давало пособія уѣзднымъ земствамъ со сходными цѣлями; но всѣ эти мѣры, по удостовѣренію комиссіи, «проводились слабо и дали незначительные результаты», именно по отсутствію связи или плана. Такъ, кустарные промыслы не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ земледѣлія, потому что всѣ кустари — земледѣльцы и кто зимою занимается кустарничествомъ, тотъ лѣтомъ работаетъ въ полѣ, а кто зимой уходитъ на заработки — рѣдко возвращается и лѣтомъ къ земледѣлію. Стало быть, экономическое содѣйствіе крестьянамъ должно имѣть въ виду и промыслы, и сельское хозяйство, въ ихъ взаимной связи. Кромѣ того, начинанія губернскаго земства въ этомъ направленіи должны быть согласованы съ дѣятельностью земствъ уѣздныхъ.

Для такой систематической разработки и организаціи мѣръ экономическаго содѣйствія крестьянамъ, которое въ дѣятельности земства многихъ губерній нынѣ все болѣе выдвигается, собраніе, согласившись съ мнѣніемъ комиссіи, и установило названные выше органы. Губернскій совѣтъ долженъ указывать мѣропріятія, а экономическое бюро, при помощи специалистовъ, будетъ приводить ихъ въ дѣйствіе. Совѣтъ будетъ состоять изъ предсѣдателя и членовъ губернской управы, 5-ти гласныхъ, избранныхъ губернскимъ собраніемъ, и завѣдывающаго экономическимъ бюро. Это бюро будетъ заключаться, сверхъ завѣдывающаго, изъ специалистовъ по кустарнымъ промысламъ и земледѣлію, то-есть изъ лицъ, ведущихъ дѣло кустарнаго музея, и изъ особаго земскаго агронома. На содержаніе этого бюро ассигновано 6 т. р., въ томъ числѣ 3 т. р. на жалованье завѣдывающему. И такъ, съ настоящаго времени, это бюро будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи три передвижныя кустарныя мастерскія и агронома.

Такъ какъ расходъ собственно на управленіе при этой организаціи возрастаетъ только на 4 т. руб. (включая канцелярскія издержки), то противъ нея нельзя возражать, а польза систематической выработки мѣръ по улучшенію крестьянскихъ промысловъ и хозяйства очевидна. Къ ней можно примѣнить то самое, что гласный С. А. Муромцевъ сказалъ въ защиту проектированныхъ (и одобренныхъ затѣмъ) передвижныхъ мастерскихъ: «или не нужно вмѣшиваться съ помощью въ кустарное дѣло,

или если земство желает заняться этимъ дѣломъ, то должно создать для того правильную организацію». Собрание, по примѣру прошлаго года, ассигновало изъ продовольственнаго капитала 10 т. р. на распространеніе улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Утѣшительно заявленіе доклада по народному продовольствію объ удовлетворительности урожая нынѣшняго года въ губерніи и о томъ, что въ прошломъ году изъ 15 т. руб., назначенныхъ на выдачу ссудъ изъ продовольственнаго капитала, потребовалось выдать всего 1,375 руб.; но сумма долговъ этому капиталу по ссудамъ прежнихъ лѣтъ остается весьма внушительною, — она почти доходитъ до полумилліона рублей.

По части санитарной собраніе приняло важное рѣшеніе—построить въ наступающемъ году сразу всѣ 8 бараконъ для неизлечимыхъ, предположенные на прошлагодней сессіи. Для этого ассигновано 40 тыс. р. Суть дѣла въ томъ, что неизлечимые, взрослые и дѣти, находятся въ деревняхъ въ бѣдственномъ, а иногда и въ ужасномъ положеніи. Для призрѣнія ихъ и будетъ устроено по одному бараку на 10 кроватей при каждой изъ 8 губернскихъ земскихъ лечебницъ. По дорожному дѣлу собраніе приняло на себя весьма энергическую инициативу: избрана коммиссія для разработки вопроса о долгосрочномъ земскомъ займѣ на постройку новой сѣти шоссейныхъ дорогъ, и рѣшено шоссировать составленную уже сѣть дорогъ протяженіемъ въ 342 версты. При этомъ собраніе постановило попытаться ходатайства о казенной ссудѣ на этотъ предметъ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ довольно любопытныя подробности. Дѣло въ томъ, что существуетъ законъ, изданный въ 1883 году, по которому земствамъ, при недостаточности средствъ, могутъ быть отпускаемы изъ казны на устройство подъѣздныхъ путей къ торговымъ и промышленнымъ пунктамъ, пристанямъ и желѣзно-дорожнымъ станціямъ процентныя ссуды съ возвратомъ по частямъ въ теченіе 10 лѣтъ или безвозвратныя пособія, но лишь до половины всей исчисленной суммы. Управа нынѣ и предлагала собранію, такъ какъ намѣченныя къ постройкѣ шоссе подходятъ подъ опредѣленіе закона 1883 года, ходатайствовать объ отпускѣ изъ казны земству половинной суммы безвозвратно. Но при возникшихъ по этому предмету преніяхъ заявлено было, что едва ли не вѣрнѣе разсчитывать на заключеніе займа самимъ земствомъ. Такъ, гласный Алексѣевъ выразилъ сомнѣніе, чтобы только что упомянутое ходатайство могло имѣть успѣхъ уже по тому соображенію, что московское земство получаетъ приплату за казенныя шоссе и пользуется оборотомъ съ нихъ (который и обращался на шоссированіе земскихъ дорогъ). Но, сверхъ того, тотъ же ораторъ сообщилъ, что, по наведеннымъ имъ въ Петербургѣ справкамъ, «кредитъ, открытый правительствомъ на постройку подъѣздныхъ дорогъ, очень незначителенъ, въ виду чего министерство путей сообщенія и удовлетворяетъ только тѣ ходатайства, при которыхъ проведеніе такихъ дорогъ имѣетъ стратегическое значеніе». Если это свѣдѣніе вѣрно, то такой фактъ является только лишнею иллюстраціей нашей невыдержанности въ предпри-

ятіяхъ. Прокричали одно время о крайней необходимости подъѣздныхъ путей, желѣзныхъ и шоссированныхъ, безъ которыхъ и самое движеніе по большимъ линіямъ недостаточно производительнo и крайне неравномѣрно, такъ какъ оно зависитъ отъ вліянія времени года на грунтовыя дороги. И вотъ, вышелъ законъ, поощрявшій земства къ постройкѣ подъѣздныхъ путей назначеніемъ имъ пособій, а теперь оказывалось бы, что кредитъ на ихъ устройство уже обратился, главнымъ образомъ, на цѣли стратегическія. Въ виду такихъ соображеній, вопросъ о средствахъ на постройку новой сѣти шоссе рѣшенъ былъ собраніемъ такъ: поручить комиссіи разработку вопроса о долгосрочномъ земскомъ займѣ, а управѣ поручить собраніе предварительныхъ свѣдѣній, можетъ ли быть удовлетворено ходатайство земства о пособіи изъ казны на основаніи закона 1883 года, и только въ случаѣ возможности—войти съ такимъ ходатайствомъ.

Собраніе постановило усилить управу ещё однимъ членомъ и увеличить жалованье какъ предсѣдателю, такъ и членамъ. Прибавка одного члена къ двумъ, состоявшимъ нынѣ, вполне оправдывается необходимостью спеціальнаго надзора за постройками и ремонтомъ шоссе со значительнымъ составомъ. Что касается прибавки жалованья предсѣдателю съ 4 на 6 т. р., а членамъ съ 2½ до 4 т. р., то ее нельзя, во всякомъ случаѣ, признать несоразмѣрною съ высотой губернскаго бюджета. Общая цифра расхода опредѣлена въ 742 т. р., а расходъ на содержаніе управы съ канцеляріей, съ наймомъ помѣщенія, его отопленіемъ и освѣщеніемъ и теперь составитъ 35 т. р. Но нельзя не обратить вниманія на фактъ дефицита въ губернскомъ бюджетѣ. Въ виду все бѣдшаго развитія, какое принимаютъ полезныя предпріятія губернскаго земства, слѣдовало бы позаботиться о покрытіи дефицита не изъ запаснаго капитала, какъ это сдѣлано нынѣ, но посредствомъ возвышенія обложенія.

Въ предшествующемъ обзорѣ мы коснулись дѣла объ обезземеленіи, угрожающемъ крестьянамъ, которые, выкупивъ свои надѣлы при помощи капитала, завѣщаннаго землевладѣльцемъ Пантелѣевымъ, заложили ихъ затѣмъ въ порховскомъ городскомъ банкѣ. Но то дѣло представляетъ собой частный случай, когда капиталъ, предназначенный для упроченія крестьянскаго землевладѣнія, явился, наоборотъ, какъ бы орудіемъ для экспроприаціи. Нѣчто подобное совершается, однако, и съ крестьянскимъ банкомъ, который пускаетъ въ продажу большое число земельныхъ участковъ, приобретенныхъ съ его помощью, а въ этомъ представляется уже явленіе общее и хроническое, гдѣ помощь, оказанная крестьянамъ для приобретения земли, ведетъ, наоборотъ, къ полному ихъ обезземеленію. Дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне, чтобы добыть средства на слѣдовавшую отъ нихъ приплату при покупкѣ земли, отказались отъ своихъ надѣловъ, рассчитывая хозяйничать болѣе выгодно на землѣ, приобретенной на ссуду изъ банка,—продажа банкомъ этой земли за неисправность платежа ведетъ именно къ лишенію крестьянъ всякаго земельного

участка. Но если даже отказа отъ надѣловъ при этомъ и не было, все-таки, не подлежитъ сомнѣнiю, что если крестьянское общество или товарищество допустило продажу земли банкомъ, то это значить, что ранѣе того крестьяне продали все, что могли, и заняли у ростовщиковъ сколько возможно, лишь бы вносить срочные платежи; и, стало быть, когда продажа состоялась, то у нихъ уже не осталось средствъ на продолженiе хозяйства и на прежнихъ надѣльныхъ участкахъ.

При первыхъ случаяхъ продажи крестьянскимъ банкомъ земли, приобретенной съ его содѣйствiемъ, можно было еще утѣшать себя надеждой, что это будутъ единичные случаи, не имѣющiе значенiя въ совокупности всей операцiи, подъ которой разумѣлось нѣкоторое частное исправленiе, при помощи банка, крестьянскаго малоземелья. Но теперь, когда число этихъ случаевъ все возрастаетъ и продажи начинаютъ принимать значительные размѣры, можетъ возникнуть именно общiй вопросъ: чѣмъ собственно представляется, въ конечномъ результатѣ, дѣятельность банка и къ какимъ послѣдствiямъ она можетъ повести въ своей совокупности? Поведетъ ли дѣятельность банка къ округленiю и упроченiю крестьянскаго землевладѣнiя, или къ нѣкоторой его ликвидацiи? Въ печати неоднократно уже высказывалась мысль о необходимости двухъ законодательныхъ мѣръ, которыя могли бы если не устранить, то, по крайней мѣрѣ, уменьшить опасность обезземеленiя, а именно объ установленiи неотчуждаемости надѣльной земли, хотя и выкупленной окончательно, и о поставленiи срочныхъ платежей крестьянскому банку въ одинаковыя условiя съ выкупными платежами,—иными словами, о взысканiи недоимокъ банку не посредствомъ продажи приобретаемыхъ при его содѣйствiи участковъ, но тѣмъ же порядкомъ, какъ взыскиваются недоимки по выкупнымъ платежамъ за надѣльную землю.

Вмѣстѣ съ другими органами печати намъ уже случалось высказываться въ пользу установленiя принципа неотчуждаемости. Достаточно будетъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ, что выкупъ надѣльныхъ участковъ до срока по большей части имѣетъ характеръ фиктивный, такъ какъ платежи вносятся не собственникомъ, желающимъ освободиться отъ ежегоднаго расхода, но кулакомъ, который имѣетъ въ виду взять въ свои руки оплаченный до срока участокъ, подлежащiй затѣмъ отчужденiю. Такъ какъ по окончанiи выкупной операцiи вся надѣльная земля сдѣлается отчуждаемою вслѣдствiе отсутствiя какого-либо ограниченiя въ положенiи 19 февраля относительно права распоряженiя земли, перешедшей въ полную собственность, то можно опасаться, что выкупная операцiя, въ конечномъ результатѣ, вмѣсто созданiя крестьянской земельной собственности, можетъ привести къ вздорожанiю самаго пользованiя для крестьянъ землею. Наилучшее аграрное устройство, несомнѣнно, представляется въ такомъ видѣ, чтобы работникъ, лично обрабатывающiй землю, былъ только ея собственникомъ; такова была мысль великой реформы. Но, кромѣ этой формы, есть и другая, согласимая съ интересомъ работника, а именно та, при которой

титულъ владѣнія землею остается за государствомъ, земледѣльческая же община пользуется землею въ безсрочной арендѣ за установленную государствомъ и, естественно, невысокую плату. Затѣмъ уже является та землевладѣльческая форма, которая преобладаетъ въ Англіи, въ Италіи, а отчасти и въ Германіи, а именно: владѣніе землею находится въ рукахъ ея не обрабатывающихъ, пользованіе землею принадлежитъ фермерамъ, арендная плата которыхъ возвышается собственникомъ по мѣрѣ возможности, подѣ однимъ условіемъ конкуренціи, обрабатывающіе же землю крестьяне являются батраками, служащими по найму за плату, которая понижается сколько возможно, опять-таки, по закону одной конкуренціи.

И вотъ, если бы, въ силу отчуждаемости крестьянской земли, у насъ когда-нибудь установился, хотя бы на половинѣ территоріи, этотъ послѣдній, наименѣе рациональный видъ аграрныхъ отношеній, то пришлось бы признать, что вся операція надѣла крестьянъ землею въ полную собственность была ошибкой, что лучше было бы, вмѣсто того, оставить землю, выкупленную государствомъ у помещиковъ, въ собственности государства, съ отдачею ея лишь въ пользованіе обществамъ за опредѣленную ренту. Чтобы отвратить возможность такого печальнаго исхода выкупной операціи, хотя бы не въ совокупности ея, но въ значительной части, и требуется установленіе неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли и по совершеніи ея выкупа.

О пониженіи процента по ссудамъ изъ крестьянскаго банка въ нынѣшнюю сессію постановили ходатайствовать земства: саратовское, тамбовское, тверское и воронежское. Что вопросъ этотъ вдругъ выступилъ впередъ и далъ поводъ къ земскимъ ходатайствамъ,—поводъ къ тому представляется въ большихъ льготахъ, какія недавно предоставлены заемщикамъ банка дворянскаго. Въ числѣ тѣхъ льготъ заключается, какъ извѣстно, и пониженіе процента. Странно, въ самомъ дѣлѣ, одновременное взиманіе государственными кредитными учрежденіями съ заемщиковъ-дворянъ 4-хъ, а съ заемщиковъ-крестьянъ—6-ти процентовъ. То же можно сказать и объ усиленіи продажъ крестьянскихъ участковъ по неисправности платежа, въ то самое время, когда неисправнымъ заемщикамъ-дворянамъ банковыя недоимки приписываются къ капиталу безъ процентовъ и безъ возвышенія платежей, такъ какъ взысканіе недоимокъ, накопленныхъ дворянами, отсрочивается до уплаты ими всей остальной части капитала. Нельзя было не ожидать, что отсюда естественно возникнетъ вопросъ о пониженіи процента въ банкѣ крестьянскомъ. Что съ такимъ ходатайствомъ выступаютъ земскія учрежденія, въ которыхъ преобладающее значеніе имѣетъ элементъ дворянскій, это — фактъ весьма сочувственный, дающій еще одно доказательство, что въ Россіи не существуетъ того сословнаго эгоизма, который столь рѣзко проявляется, наприм., въ Англіи—въ безусловной оппозиціи представителей землевладѣнія противъ законодательнаго облегченія фермерамъ по приобрѣтенію земли, а во Франціи — въ рѣшительномъ противо-дѣйствіи достаточной буржуазіи установленію общаго подоходнаго налога.

Въ экономическомъ смыслѣ для государства все равно, принадлежать ли землевладѣльцы къ дворянскому сословію, или нѣтъ. Желаніе, чтобы крупное землевладѣніе оставалось въ рукахъ дворянъ, можетъ быть, весьма почтенно, но оно не имѣетъ ничего общаго съ соображеніемъ государственной экономіи. Между тѣмъ, забота, чтобы земля оставалась во владѣніи или непосредственномъ пользованіи тѣхъ рабочихъ, которые лично надъ нею трудятся, относится къ вопросу первостепенной государственной важности. Нечего и настаивать на томъ, что пониженіе процента въ крестьянскомъ банкѣ особенно необходимо. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что средства для собственной доплаты банку за приобретаемыя земли покроются крестьянами путемъ займа у частныхъ лицъ, за проценты весьма высокіе, а, сверхъ того, платежи банку для заемщиковъ-крестьянъ уже потому тяжелѣе, чѣмъ для заемщиковъ-дворянъ, что послѣдніе платятъ процента со ссуды, которая, вслѣдствіе умѣренной оцѣнки, составляетъ обыкновенно не болѣе половины дѣйствительной стоимости земли. Такимъ образомъ, помѣщикъ, выручая, положимъ, лишь 5 процентовъ съ дѣйствительной цѣны имѣнія, можетъ легко платить 5, а тѣмъ болѣе 4 процента на ссуду, которая составляетъ только половину капитала, приносящаго ему доходъ. Заемщикъ же банка крестьянскаго платитъ процентъ со всей покушной цѣны приобретаемаго имъ участка, причемъ бываетъ такъ, что за одну пятую или даже десятую часть этой стоимости,—часть, составляемую собственно доплатой, ему приходится платить частному кредитору немногимъ меньше, чѣмъ онъ платитъ банку за остальные три пятыхъ или девять десятыхъ той же цѣны. Цѣна же, по которой земля приобретается, никогда не можетъ быть низкою, такъ какъ она устанавливается спросомъ со стороны крестьянина-покупщика и согласіемъ со стороны продавца.

Мы, разумѣется, не можемъ входить здѣсь въ изысканіе тѣхъ средствъ, изъ которыхъ государство могло бы оказать крестьянскому банку помощь, соответствующую пониженію размѣра процента, такъ какъ банкъ обязанъ самъ платить опредѣленный процентъ по выпущеннымъ имъ закладнымъ листамъ. Только часть нужныхъ для этого средствъ могла бы найтись въ нѣкоторомъ удлинении срока ссуды. Такое удлиненіе не представило бы неудобства, если бы оно было сдѣлано всего на нѣсколько лѣтъ, какъ это было принято при установленіи льготъ въ пользу заемщиковъ дворянскаго банка.

Но и пониженіе банковскаго процента не составляетъ всего, что бы требовалось, если крестьянскій банкъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ служить той цѣли, для которой былъ основанъ. Операція надѣла, сама по себѣ, включала зародышъ обезземеленія для крестьянъ цѣлой категоріи, именно для тѣхъ, которые получили малые даровые надѣлы, на которыхъ трудно было вести хозяйство существующими у насъ приемами. Увеличеніе населенія и раздѣлы повели къ такому дальнѣйшему дробленію участковъ, что изъ крестьянъ, получившихъ даровые надѣлы, множество уже давно не

занимаются земледѣіемъ. Очевидно, что банкъ не можетъ остановить процесса обезземеленія, который совершается въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, но, все-таки, банкъ былъ учрежденъ для того, чтобы нѣсколько задерживать этотъ процессъ—оказаніемъ такой помощи, которая въ отдѣльныхъ, даже многочисленныхъ случаяхъ могла прямо спасать цѣлое общество или нѣсколько хозяевъ отъ безземелья. Во всякомъ же случаѣ, не для того банкъ былъ основанъ, чтобы стать самому лишнимъ факторомъ обезземеленія.

Между тѣмъ, въ настоящее время дѣятельность крестьянскаго банка стала положительно уклоняться отъ первой цѣли, и можно опасаться, что скорѣе будетъ приближаться ко второй. Банкъ сталъ сокращать самыя размѣры своихъ выдать и число разрѣшаемыхъ ссудъ, которыхъ въ 1888 году имъ уже разрѣшено втрое меньше, чѣмъ въ 1885 году. Несмотря на сознанную прежнимъ управленіемъ банка (въ прежнихъ отчетахъ) фиктивность «собственныхъ доплатъ», которыя, въ большинствѣ случаевъ, производятся изъ средствъ, занятыхъ за лихвенные проценты, банкъ не только не уменьшилъ, но возвысилъ размѣры такихъ доплатъ при ссудахъ, разрѣшенныхъ въ 1888 году. Тѣмъ самымъ банкъ сталъ оказывать рѣшительное предпочтеніе крестьянамъ состоятельнымъ передъ малоземельными, или, иными словами, сталъ служить болѣе кулакамъ, желающимъ округлиться съ его содѣйствіемъ, чѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые, при его помощи, могли бы пріобрѣтать угодыя, поддержать хозяйство и избѣгнуть полнаго обезземеленія. Такъ, изъ цифръ отчета видно, что въ числѣ получившихъ ссуды въ 1888 году малоземельные составляли только 55 процентовъ, причежъ въ число малоземельныхъ включены и крестьяне съ надѣломъ до 3 десятинъ земли худшаго качества. За исключеніемъ этихъ послѣднихъ, число безземельныхъ и малоземельныхъ заемщиковъ, которымъ разрѣшены были ссуды въ 1888 году, оказалось бы менѣ половины общаго числа. Наконецъ, продажею участковъ, по коимъ оказывалась неисправность платежей, банкъ уже самъ непосредственно подвигаетъ впередъ дѣло обезземеленія.

Можно, конечно, возразить, что крестьянскій банкъ не получаетъ самъ никакихъ льготъ въ платежахъ процентовъ по выпущеннымъ имъ бумагамъ, а, стало быть, ему не изъ чего и дѣлать послабленій неисправнымъ плательщикамъ. Но это будетъ значить не болѣе, какъ если бы сказать, что, за учрежденіемъ крестьянскаго банка, государство уже сложило съ себя всякую дальнѣйшую заботу о крестьянскомъ землевладѣніи въ Россіи. Еслибъ это было правдой, то пришлось бы, пожалуй, пожалѣть о самомъ учрежденіи крестьянскаго банка. Банкъ этотъ, существуя вдвое долѣе, чѣмъ банкъ дворянскій, выдалъ ссудъ менѣ послѣдняго и вотъ уже второй годъ сталъ сокращать свои выдачи, увеличивая число своихъ продажъ по неисправности платежей. При такомъ направленіи дѣятельности банка, существованіе его вовсе не снимаетъ съ государства дальнѣйшей заботы по вопросамъ объ исправленіи ошибки, допущенной въ самой операциіи на-

дѣла, о возможномъ противодѣйствіи обезземеленію и о содѣйствіи переселенію. Если же заботы эти остаются на государствѣ, то ссылка на невозможность для банка оказывать льготы, въ виду обязательныхъ платежей по выпущеннымъ имъ бумагамъ, теряетъ значеніе.

Выкупное учрежденіе, которое ведетъ операциі надѣла, могло бы также сослаться на обязательность для государственной казны срочныхъ уплатъ по займамъ, выпущеннымъ для выкупа земли отъ помѣщиковъ,—уплатъ, которыя должны покрываться изъ поступающихъ съ крестьянъ выкупныхъ платежей. Между тѣмъ, и несмотря на оказывающіяся по нимъ недоимки, не было, да и не могло быть, рѣчи объ отобраніи отъ крестьянскихъ обществъ надѣловъ и о продажѣ надѣльной земли съ аукціона, съ дробленіемъ ея, для бѣльшей доступности покупки, какъ то устанавливается новыми правилами о продажѣ участковъ крестьянскимъ банкомъ. Выкупные платежи взыскиваются вмѣстѣ съ податями и тѣмъ же порядкомъ. Признавая, что истиннымъ назначеніемъ крестьянскаго банка должно быть именно исправленіе и расширеніе операциі надѣла, мы не видимъ, почему бы и его недоимки не могли взыскиваться на одинаковыхъ условіяхъ, то-есть безъ продажи участковъ. Правда, участки эти считаются заложенными въ банкѣ, между тѣмъ какъ надѣльная земля не полагалась заложенною въ выкупномъ учрежденіи. Но и самый залогъ этотъ нельзя считать равнозначущимъ съ влекущимъ за собой по необходимости тѣ же послѣдствія, какъ залогъ имѣній въ банкѣ дворянскомъ, взаимнаго поземельнаго кредита и частныхъ земельныхъ банкахъ. Условія въ обоихъ случаяхъ существенно различны. Тѣ кредитныя учрежденія выдаютъ ссуды подъ залогъ недвижимостей, составляющихъ полную собственность заемщиковъ во время заключенія договора и, вмѣстѣ, единственное обезпеченіе ссуды; между тѣмъ какъ крестьянскій банкъ даетъ ссуды на пріобрѣтеніе земли, причемъ требуетъ собственныхъ доплатъ отъ крестьянъ и добавочной гарантіи въ видѣ взаимнаго поручительства. Такимъ образомъ, за неплатежъ крестьянскому банку заемщики его могутъ отвѣчать не только пріобрѣтаемыми участками земли, но и всѣмъ прочимъ имуществомъ.

Въ послѣдній понедѣльникъ передъ Рождествомъ состоялось общее собраніе государственнаго совѣта, въ которомъ рассмотрѣнъ проектъ правилъ сокращеннаго судопроизводства для земскихъ начальниковъ, а также представленіе о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о нихъ. Положеніе это съ 1 января вводится сперва въ шести губерніяхъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, принадлежитъ и Московская. Новыя правила судопроизводства относятся и къ городскимъ судьямъ, и при обсужденіи проекта государственный совѣтъ рѣшилъ распространить ихъ и на мировыхъ судей, имѣющихъ остаться въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Такимъ образомъ, мировое судопроизводство по судебнымъ уставамъ слѣдуетъ считать отмѣненнымъ въ принципѣ, хотя, вѣроятно, въ тѣхъ гу-

берніяхъ, гдѣ мировые судьи останутся лишь временно, до введенія новаго положенія, будетъ пока сохраненъ и прежній порядокъ судопроизводства.

То соединеніе власти судебной и административной, которое составляетъ характеристическую черту положенія о земскихъ начальникахъ, ярко выступило при обсужденіи состава и атрибуцій учрежденія, поставленнаго надъ земскими начальниками и городскими судьями, а именно губернскаго присутствія. Присутствіе это, призванное къ надзору за дѣятельностью участковыхъ начальниковъ и къ разбору жалобъ на нихъ, будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть въ значительной степени характеръ судебный, а, между тѣмъ, оно будетъ состоять въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ виду этого, при разсмотрѣніи проекта, какъ слышно, рѣшено было ввести нѣкоторыя измѣненія въ самый законъ о земскихъ начальникахъ, усиливъ число представителей судебного вѣдомства въ тѣхъ присутствіяхъ и представивъ министру юстиціи право надзора за ихъ судебными рѣшеніями, съ учрежденіемъ въ сенатѣ особаго присутствія, которому будетъ принадлежать кассачія судебныхъ рѣшеній губернскихъ присутствій, въ случаяхъ нарушенія ими законовъ.

При такомъ преобразованіи прежнихъ мировыхъ установленій, губернское присутствіе — въ судебныхъ своихъ атрибуціяхъ — является совершенно новымъ органомъ, такъ какъ съѣзды мировыхъ судей замѣняются съѣздами участковыхъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Мировые съѣзды, какъ и всѣ судебныя мѣста, дѣйствующія на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 года, разсматривали дѣла публично, становящіеся же на ихъ мѣсто съѣзды участковыхъ начальниковъ и городскихъ судей, а также и губернскія присутствія, по проекту, должны рѣшать дѣла въ засѣданіяхъ закрытыхъ. Вопросъ о пользѣ сохраненія порядка гласнаго судопроизводства и въ новыхъ учрежденіяхъ былъ поднятъ въ государственномъ совѣтѣ, причемъ, большинствомъ одного, а по инымъ свѣдѣніямъ — двухъ голосовъ, былъ рѣшенъ въ пользу публичности. Обнародованіе новаго закона должно было послѣдовать въ первыхъ числахъ января.

О штундистскомъ движеніи среди народа въ печати давно уже не появляется сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній. Было время, когда движеніемъ этимъ занимались усердно; тогда были выяснены характеръ и происхожденіе штунды, а также и то, что противъ распространенія ея были принимаемы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и полицейскія мѣры. Но за послѣднее время о штундѣ пишутъ мало, какъ бы въ предположеніи, что вопросъ о ней, въ свою очередь, пересталъ интересоваться, что «штунда» есть одна изъ формъ «баптизма», что занесена она къ намъ изъ Германіи и распространяется въ южнорусскомъ краѣ, гдѣ находятся многочисленныя и многолюдныя нѣмецкія колоніи, исходя именно изъ этихъ колоній, какъ изъ центровъ.

Само собою разумѣется, однако, что духовное вѣдомство продолжаетъ бдительно слѣдить за распространеніемъ въ Россіи баптистскаго ученія и

озабочивается мѣрами борьбы съ нимъ. Изъ помѣщенного въ прошломъ мѣсяцѣ въ газетахъ «опредѣленія» св. синода видно, что духовное вѣдомство именно за два послѣдніе года прилагаало особенныя попеченія къ противодѣйствію штундистской пропагандѣ. Изъ этого опредѣленія мы узнаемъ, между прочимъ, что такая пропаганда проявилась и въ Витебской губерніи и что въ отчетѣ о состояніи той губерніи за 1888 годъ выражалась увѣренность, что при совокупныхъ твердыхъ мѣрахъ, своевременно предпринятыхъ духовными и гражданскими властями, штундистская пропаганда скоро исчезнетъ безслѣдно. Но если штунда, предполагавшаяся доселѣ лишь въ новороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, оказалась дѣйствующею въ Витебской губерніи, то позволительна догадка, что пропаганда, перейдя за предѣлы своего первоначальнаго района, коснулась уже и другихъ сѣверныхъ, а, можетъ быть, и центральныхъ губерній.

Самый фактъ предписаній объ усиленныхъ мѣрахъ для борьбы съ ней, изданныхъ въ прошломъ году и повторенныхъ въ настоящее время, наводитъ на мысль, что если пропаганда и не получила болѣе интензивнаго характера, все-таки, она, вѣроятно, расширила кругъ своего дѣйствія, и вотъ почему необходимо нѣсколько остановиться на предпринимаемыхъ средствахъ къ борьбѣ съ этимъ народно-бытовымъ явленіемъ. Первоначально такія средства были примѣнены самими епархіальными начальствами, съ одобренія, впрочемъ, высшаго духовнаго управленія. Они заключались въ учрежденіи церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ появлялась штунда, въ устройствѣ духовныхъ собесѣдованій и въ замѣнѣ въ приходяхъ, зараженныхъ штундой, членовъ причта неудовлетворительныхъ по нравственнымъ качествамъ и степени образованія лицами болѣе благонадежными. Изъ этихъ мѣръ первыя двѣ, представляя вполнѣ естественныя средства духовнаго воздѣйствія на паству, не вызываютъ никакихъ сомнѣній.

Относительно же смѣны причтовъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ штундою, нельзя не замѣтить, что этой мѣрѣ присущъ отчасти какъ бы карательный характеръ. Такъ, нельзя сомнѣваться, что и до появленія лжеученія въ какомъ-либо приходѣ, и независимо отъ такого явленія, тѣ члены причта, которые оказывались бы неудовлетворительными по нравственнымъ качествамъ, не могли быть оставляемы при отправленіи своихъ обязанностей; фактъ появленія ереси ничего въ этомъ отношеніи самъ по себѣ не измѣнялъ. Стало быть, смѣна лицъ причта, послѣдующая за появленіемъ лжеученія, означала бы и то, что самая возможность такого факта могла быть принимаема какъ свидѣтельство о неудовлетворительности нравственныхъ качествъ лицъ, составлявшихъ мѣстный причтъ. Возьмемъ въ примѣръ два сосѣднихъ прихода, изъ которыхъ въ одномъ проявилась штунда, а въ другомъ—нѣтъ; можно съ достовѣрностью предполагать, что такое различіе было обусловлено какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствомъ. Въ первомъ приходѣ могутъ жить люди, состоящіе въ близкихъ сношеніяхъ съ колонистами, или тамъ поселился, а, можетъ быть, только

временно проживалъ пришедшій изъ другаго уѣзда сектантъ, занявшійся пропагандою. То же самое могло случиться и не въ первомъ приходѣ, а во второмъ, безъ всякаго отношенія къ нравственнымъ качествамъ мѣстныхъ причтовъ. Мы не хотимъ сказать этимъ, что, въ совокупности, распространеніе штунды или разныхъ видовъ раскола представляетъ нѣчто случайное; это есть явленіе безспорно бытовое и нельзя сомнѣваться, что и нравственныя качества, вмѣстѣ съ уровнемъ образованія причтовъ, могутъ имѣть тутъ значеніе. Надо допустить, что новые религіозныя толки распространятся тамъ, гдѣ для нихъ подготовилась почва. Но бытовыя нравственныя особенности бываютъ общи цѣлой полосѣ, а не какому-либо одному приходу, и фактъ появленія въ немъ штунды едва ли можно относить къ винѣ мѣстнаго причта.

Еслѣдъ за отдѣльными распоряженіями въ разныхъ епархіяхъ относительно борьбы со штундою, только въ 1888 году состоялось распоряженіе общее, а именно сообщены были епархіальнымъ начальствамъ утвержденныя св. синодомъ *Правила объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣятельной миссіонерствъ и пастырей церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ*. Правила эти имѣютъ примѣненіе общее, но вызваны они были именно распространеніемъ штунды. Правила предписываютъ приходскому духовенству заботиться о нравственномъ состояніи паствы, строго соблюдать чинъ богослуженія, устраивать собесѣдованія съ заблуждающимися и уже отдѣлившимися отъ церкви, а если это оказывается невозможнымъ, то — поучительныя бесѣды съ прихожанами, направленныя къ разъясненію догматовъ, обрядовъ и правилъ жизни, учредить церковно-приходскія школы и школы грамоты, распространять въ народѣ книги и брошюры, направленныя противъ раскола, наблюдать за книгоношами, которые нерѣдко распространяютъ ученіе молоканъ и баптистовъ; наконецъ, доносить архіереямъ о каждомъ случаѣ распространенія подобныхъ книгъ и брошюръ, а также и мнѣній, оскорбительныхъ для достоинства православной церкви и ея пастырей.

Въ настоящее время св. синодъ предложилъ начальникамъ епархій, чтобы они наблюдали за исполненіемъ упомянутыхъ правилъ, причемъ, въ случаѣ появленія штунды въ какомъ-либо приходѣ, священнослужители, оказавшіеся неспособными для борьбы съ лжеученіемъ или неблагонадежными въ иныхъ отношеніяхъ, должны быть немедленно замѣняемы лицами болѣе достойными и полезными. Преосвященнымъ предлагается также поощрять тѣхъ священниковъ, которые окажутъ благоприятное вліяніе на нравственное состояніе паствы, «строго отличая ихъ отъ нерадивыхъ и не оставляя ихъ поощреніемъ».

Таковы исключительно-нравственныя средства, указываемыя высшимъ церковнымъ управленіемъ для борьбы съ расколомъ. Изъ нихъ, въ примѣненіи спеціально къ штундѣ, наиболѣе успѣха должно ожидать именно отъ ближайшаго общенія приходскаго духовенства съ народомъ и отъ удачнаго выбора священниковъ, назначаемыхъ въ мѣстности, гдѣ распро-

страняется штунда. Обличеніемъ заблужденій противъ штунды бороться труднѣе, чѣмъ противъ разныхъ видовъ раскола, такъ какъ штундистское ученіе имѣетъ рационалистическую подкладку и, въ сущности, лишено опредѣленныхъ догматовъ. Нравственное же личное вліяніе образованныхъ священниковъ на паству представляетъ здѣсь средство наиболѣе дѣйствительное.

Съѣздъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, открывшійся въ Петербургѣ въ истекшемъ мѣсяцѣ, былъ внушительнъ по самому числу участниковъ въ немъ. На первомъ общемъ засѣданіи присутствовало болѣе 500 человекъ, было и нѣсколько министровъ. Съѣздъ былъ открытъ рѣчью графа И. Д. Делянова, имѣвшею большое значеніе по заявленному въ ней серьезному вниманію правительства къ скорѣйшему устройству техническихъ и ремесленныхъ школъ и вообще къ развитію въ Россіи техническаго образованія. Сопоставляя это обстоятельство съ предпринятыми пересмотрами методовъ преподаванія въ классическихъ гимназіяхъ, который, въ концѣ-концовъ, не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ уступокъ изъ крайняго преобладанія древнихъ языковъ въ средней школѣ, мы можемъ сказать, что защитники реального образованія, ратовавшіе за него 18 лѣтъ тому назадъ, уже теперь имѣютъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что пораженіе, ими въ то время испытанное, было лишь временное и что будущность развитія нашей школы вообще не можетъ не принадлежать реализму, при всѣхъ возможныхъ смягченіяхъ въ переходѣ отъ одной системы къ другой.

Г. министръ народнаго просвѣщенія напомнилъ, что еще въ 1878 г. состоялось повелѣніе, которымъ было поручено министерству финансовъ начертать общій планъ техническаго и профессиональнаго образованія. «Послѣдствія войны и разныя другія, весьма тяжкія обстоятельства, которыя очень заботили министерство финансовъ, не дали министерству возможности совершить это дѣло», — сказалъ графъ И. Д. Деляновъ. Затѣмъ, въ 1881 г. состоялось повелѣніе о передачѣ техническихъ и профессиональныхъ школъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, и въ этомъ-то вѣдомствѣ членъ совѣта его, И. А. Вышнеградскій, принялъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. «И. А. Вышнеградскій собственноручно начерталъ общій планъ техническаго и профессиональнаго образованія въ различныхъ его отрасляхъ, и этотъ планъ, по разсмотрѣніи его установленнымъ порядкомъ въ разныхъ инстанціяхъ, и легъ въ основаніе нынѣ изданныхъ уставовъ среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ». На основаніи этого свѣдѣнія, заключающагося въ рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія, остается ожидать, что инициаторъ образованія техническихъ и ремесленныхъ училищъ укажетъ средства для дѣйствительнаго и серьезнаго почина къ ихъ учрежденію. Графъ И. Д. Деляновъ упомянулъ также о выказавшемся сочувствіи земствъ, городовъ и частныхъ лицъ къ этимъ новымъ типамъ

учебныхъ зеведеній и о значительныхъ пожертвованіяхъ, какія поступили доселѣ на устройство такихъ училищъ. Онъ высказалъ надежду, что такія пожертвованія будутъ поступать и впослѣдствіи. Но частная инициатива въ данномъ дѣлѣ можетъ быть плодотворна лишь тогда, когда общество увидитъ дѣйствующими эти типы новыхъ училищъ. Необходимо, чтобы министерство финансовъ предоставило средства на учрежденіе, хотя бы въ видѣ образца, нѣкотораго числа такихъ училищъ. Изъ рѣчи министра народнаго просвѣщенія мы видимъ, что, дѣйствительно, министерство финансовъ и государственный совѣтъ, по мѣрѣ возможности, не отказывали въ пособіи отъ казны для этой цѣли, но доселѣ мы еще не видимъ самаго осуществленія училищъ упомянутого типа.

Предсѣдатель сѣзда, генералъ Н. В. Шиповъ, въ нѣсколькихъ произнесенныхъ имъ словахъ сдѣлалъ сопоставленіе, которое можетъ собственно относиться болѣе къ нашимъ земскимъ попеченіямъ о развитіи кустарныхъ промысловъ въ селѣ. «Пріятно видѣть, — говоритъ онъ, — русское село, когда въ избушкахъ освѣщены окна, вездѣ стукъ, вся семья въ сборѣ и въ работѣ, но грустное впечатлѣніе производитъ темное, забытое село, гдѣ съ прекращеніемъ сельскихъ работъ наступаетъ бездѣлье, поселяне и рады бы работать, да не умѣютъ, не зная никакого ремесла, между тѣмъ какъ часто голодъ и нужда господствуютъ въ такихъ темныхъ, забытыхъ селахъ». Въ этихъ словахъ предсѣдателя сѣзда отразилось сознаніе въ правительственныхъ сферахъ той бытовой истины, что на помощь земледѣлю въ странахъ сѣверныхъ непременно должны придти промыслы мѣстные, которые бы не отрывали земледѣльца отъ поля, имѣющаго чрезъ нѣкоторое время потребовать отъ него напряженія всѣхъ силъ въ промышлѣ хлѣбопашества. Можно прибавить, въ видѣ добавочнаго, нравственнаго мотива, что развитіе мѣстныхъ промысловъ укрѣпитъ семью, которой угрожаютъ промыслы отхожіе, соединенные съ отвычкой отъ земледѣлія и отъ великаго нравственнаго вліянія, какое оказываетъ, особенно на простаго человѣка, «свое мѣсто»:

Изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ отдѣленіяхъ сѣзда, и принятыхъ рѣшеній отмѣтимъ здѣсь мнѣніе, принятое отдѣленіемъ, разсматривавшимъ вопросъ о введеніи въ народныя школы преподаванія сельскаго хозяйства, такъ какъ этимъ вопросомъ живо интересуется земство. Отдѣленіе выразило слѣдующія желанія: чтобы народная школа пришла на помощь въ дѣлѣ распространенія элементарныхъ познаній по садоводству и огородничеству; чтобы сельскіе учителя получали сельско-хозяйственныя знанія въ учительскихъ семинаріяхъ, самое число которыхъ (нынѣ ихъ 75) слѣдовало бы увеличить; и чтобы для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній употреблялись переходящіе съ мѣста на мѣсто учителя и садовники (та же мысль, которая побуждаетъ московское земство учредить передвижныя мастерскія для распространенія лучшихъ техническихъ приѣмовъ среди кустарей). По вопросу о преподаваніи сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ пренія были весьма оживленныя, причемъ многими вы-

сказывалось и сомнѣніе въ успѣшномъ веденіи этого дѣла. Съѣзду до-
ставлены были отъ 500 сельскихъ учителей свѣдѣнія, изъ которыхъ
оказывается, что преподаваніе садоводства и огородничества уже введено
во многихъ народныхъ школахъ. Собраніе высказалось и въ пользу на-
дѣленія школь землю, а также признало необходимымъ изданіе популяр-
ныхъ книгъ и учебниковъ по всеѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Производившаяся въ Петербургѣ ревизія нѣкоторыхъ банкирскихъ кон-
торъ уже повела къ первому примѣненію относящагося къ нимъ новаго
закона. По опредѣленію совѣта министра финансовъ, петербургской кон-
торѣ Кліма воспрещено производство продажи, «подъ какимъ бы то ни
было видомъ», внутреннихъ процентныхъ съ выигрышами бумагъ съ раз-
срочною платежа. Употребленное при этомъ выраженіе «бумагъ», вмѣсто
«билетовъ», указываетъ, что запрещеніе распространяется и на продажу
съ рассрочною выигрышныхъ листовъ дворянскаго банка, которыхъ еще
не было при изданіи закона. Мѣра, принятая относительно конторы Кліма,
мотивируется открытыми въ ней неправильными дѣйствіями. Одновременно
съ этимъ случаемъ и какъ бы въ подтвержденіе необходимости усиленнаго
надзора за этого рода заведеніями произошелъ въ Одессѣ «крахъ» банкир-
ской конторы Іованновича, вызвавшій сильный переполохъ по многочис-
ленности ея кліентовъ и значительности ихъ потерь. Случай съ конторой
Іованновича по самымъ своимъ особенностямъ доказываетъ, что надзоръ
долженъ задаваться не только порядкомъ операций, но и точнымъ опредѣ-
леніемъ тѣхъ лицъ, которыя должны отвѣчать за дѣйствія банкирскихъ
конторъ. Лопнувшая въ Одессѣ контора дѣйствовала подъ фирмой кiev-
скаго дома «Данилевскій и К^о». Между тѣмъ, въ дѣйствительности она
была открыта Іованновичемъ сперва въ компаніи съ Данилевскимъ, въ ви-
дѣ филиальнаго учрежденія кievской конторы, а потомъ она была уступ-
лена Іованновичу въ полную собственность и, наконецъ, Іованновичъ отъ
себя выдалъ довѣренность на управленіе конторою Бѣлому. Несмотря на
все эти перемѣны, контора продолжала носить на 'вывѣскѣ фирму «Дани-
левскій и К^о» и смѣнявшіеся распорядители подписывали все обязательства
и объявленія не своими именами, а тою же фирмой.

Когда Іованновичъ бѣжалъ (онъ арестованъ въ Граевѣ) и касса была
открыта слѣдователемъ и полиціей при большомъ стеченіи публики, то
оказалось, что въ кассѣ осталась только мелкая монета, а, между тѣмъ,
разсказываютъ о многочисленныхъ вкладахъ на текущій счетъ, изъ кото-
рыхъ одинъ въ 50 тысячъ былъ полученъ за два дня до краха, о боль-
шихъ размѣрахъ операций по покупкѣ билетовъ выигрышныхъ займовъ въ
рассрочку и т. д.

Теперь спрашивается, въ какой мѣрѣ кievская контора можетъ быть
отвѣтственна по обязательствамъ одесской конторы, уступленной Іованно-
вичу съ циркулярнымъ о томъ оповѣщеніемъ, и до какой степени самому
Іованновичу удастся прикрыться тою довѣренностью, которую онъ выдалъ

Бѣлому? Ясно изъ этого случая, что правительственная ревизія банкирскихъ конторъ должна быть направлена не только къ тому, чтобы самыя операціи конторъ велись безъ обмана и сообразно съ относящимся къ нимъ закономъ (который, между прочимъ, предписываетъ имѣть въ наличности бумаги, продаваемыя въ разсрочку), но еще и къ тому, чтобы юридическія условія владѣнія конторами были установлены съ опредѣлительностью и чтобы публика не могла быть заманиваема такою фирмой, которая въ результатѣ не будетъ отвѣчать за обязательства той или другой конторы.

Надзоръ этого рода является просто въ характерѣ мѣры общественной безопасности. Это есть, положимъ, регламентація въ промышленномъ дѣлѣ, но регламентація столь же необходимая, какъ санитарный надзоръ за продаваемыми съѣстными продуктами. Признать необходимость такого надзора еще не значитъ усматривать пользу въ такой регламентаціи, которая силится обезпечить самую успѣшность промышленныхъ и коммерческихъ операцій. Въ *Новомъ Времени* былъ приведенъ недавно, безъ прямого обозначенія мѣстъ и лицъ, любопытный фактъ, весьма пригодный особенно въ наше время для того, чтобы предостеречь отъ увлеченій чрезмѣрною регламентаціей. Оказывается, что существуетъ русское морское предпріятіе, котораго пароходы ходятъ подъ англійскимъ флагомъ и самое предпріятіе утверждено въ Англии, а не въ Россіи. Газета приводила крайне характерныя объясненія этого страшнаго факта, какія представилъ самъ основатель предпріятія въ одномъ изъ нашихъ обществъ, обсуждающихъ нужды промышленности и торговли. «Собираясь составить наше общество,— говорилъ онъ,— мы заказали пароходы и написали уставъ. Пароходы начали строить, а уставъ, въ подлежащихъ вѣдомствахъ, утверждать. Прошло 18 мѣсяцевъ, суда давно были готовы къ плаванію, но уставъ все еще не могъ получить надлежащаго утвержденія. И почему?— потому, что онъ былъ для насъ чрезвычайно невыгоденъ. Чиновники благороднѣйшимъ образомъ сокрушались о нашихъ возможныхъ убыткахъ и постоянно предлагали все новыя и новыя поправки». Тогда учредители общества предпочли поступить такъ: въ Англии для утвержденія промышленно-торговаго общества требуется лишь, чтобы объ этомъ просили семь человекъ, признаваемыхъ «добропорядочными», и внесли каждый по одному фунту ст.; этимъ, значительно болѣе удобнымъ, чѣмъ въ отечествѣ, путемъ русское общество мореходства и конституировалось. «Семь англичанъ, конечно, нашились, семь фунтовъ немедленно были внесены и черезъ три дня мы уже стояли во главѣ вполне законнаго общества и могли дѣйствовать, хотя бы даже и подъ русскимъ флагомъ». Но послѣ начала рейсовъ учредители убѣдились, что и ходить-то русскимъ пароходамъ сподручнѣе подъ флагомъ англійскимъ. Это объясняется тѣмъ, что когда русскія суда заходятъ въ заграничныя порты, то оказывается, что «наши консулы не любятъ насъ, причиняющихъ имъ вѣчныя служебныя безпокойства», а въ русскихъ водахъ «возникаютъ опять трогательныя заботы и попеченія о нашихъ при-

ватных интересахъ, при которыхъ (т. е. при тѣхъ попеченіяхъ) не только безпрепятственно плавать, но, кажется, и дышать-то нельзя». Въ заключеніе основатель сказалъ: «Вотъ, мм. гг., причины, заставившія насъ пароходы, носящіе русскія имена, управляемые русскими инженерами и матросами, фрахтующіе русскіе же товары, приписать къ Портаменту, поставить въ зависимость отъ фиктивнаго англійскаго общества и носить на русскихъ мачтахъ англійскіе флаги».

Давненько уже въ русской журналистикѣ не было слышно такого живаго, прямо къ дѣлу идущаго голоса. Въ высшей степени любопытны самый примѣръ и сопровождающія его соображенія, а также и фактъ, что все это появилось на страницахъ *Новаго Времени*, которое обыкновенно стоитъ за всякія увеличенія и преувеличенія регламентаціи. Очевидно, приведенное заявленіе подкупило редакцію своею почти художественною стороною,—художественною реально. Увлечшись ею, *Новое Время* и отъ себя прибавляетъ нѣсколько довольно необычныхъ мудрствованій. «Такъ какъ при такой (какъ въ Англии) простотѣ многимъ усерднымъ бюрократамъ дѣлать было бы нечего, а, слѣдовательно, и ѣсть нечего, то мы еще очень не скоро дождемся подобной простоты»,—заключаетъ газета.

Русская медицинская наука и русское общество понесли въ прошломъ мѣсяцѣ тяжкую утрату: 12 декабря скончался Сергѣй Петровичъ Боткинъ. По образованію своему онъ принадлежалъ Москвѣ, по мѣсту дѣятельности—Петербургу, а по своей славѣ, научному и общественному значенію—всей Россіи. Значеніе и заслуги покойнаго въ наукѣ лучше всего опредѣляются словами проф. Склифасовскаго въ *Русск. Вѣд.*: «С. П. Боткинъ создалъ въ Россіи школу клинической медицины». Имя Боткина ставятъ на ряду съ именемъ Прогорова. Боткина высоко цѣнили и за границей, какъ знаменитаго врача и выдающагося ученаго. Русское же общество положительно гордилось имъ и во всѣхъ насъ было живо сознаніе этой гордости. Если съ печальнымъ фактомъ потери дѣятеля, окруженнаго національнымъ сочувствіемъ, можетъ совмѣститься мысль утѣшительная, то въ данномъ случаѣ такая мысль представляется въ томъ, что Боткину отдавалась справедливость еще при жизни. Онъ рѣшительно принадлежалъ къ довольно рѣдкимъ у насъ любимцамъ общества. Популярность его была огромная и безусловно безспорная. Всѣми согласно признавались и ученые его заслуги, и высокій его талантъ какъ діагноста, и плодотворная его общественная дѣятельность, и симпатичность личнаго его характера, его склонность къ дѣламъ добра. Тяжело обществу терять такого человѣка, тѣмъ болѣе терять его преждевременно. Но тотъ, кто успѣлъ стать въ общественномъ сознаніи на такую высоту, могъ въ послѣдніе дни жизни сознавать, что прожилъ онъ не мало и прожилъ не даромъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Успѣхи научныхъ методовъ въ агрономіи.

Содержаніе агрономіи. — Основные методы агрономіи: дедукція, экспериментъ, массовое наблюденіе. — Примѣры примѣненія различныхъ методовъ къ разработкѣ агрономическихъ вопросовъ въ послѣдніе годы: агрономическая метеорологія, агрономическое почвовѣдѣніе, новыя открытія объ источникахъ связаннаго азота, новыя данныя объ азотистыхъ тукахъ и о фосфорнокислыхъ удобренияхъ, вопросъ о дѣлесообразной густотѣ посѣва. — Мысли объ агрономической наукѣ, высказанныя въ Россіи въ 1838 году.

Агрономическая наука или агрономія изучаетъ законосообразности во всѣхъ явленіяхъ, относящихся къ сельско-хозяйственной дѣятельности человѣка. Слово «агрономія» сравнительно молодое. Одинъ изъ первыхъ употребилъ его аббатъ Розье въ своемъ *Курсѣ земледѣлія*, который былъ изданъ въ 1785 году. У насъ въ Россіи слово «агрономія» пользуется слабымъ распространеніемъ и, пожалуй, въ послѣднее десятилѣтіе употребляется рѣже, чѣмъ употреблялось въ прежніе годы. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, потому что замѣнить это слово другими довольно затруднительно. Выраженіе «сельское хозяйство», сейчасъ значительно распространенное, еще менѣе удачно, чѣмъ слово агрономія, и, конечно, не составляетъ синонима съ послѣднимъ словомъ. Синонимомъ агрономіи было бы выраженіе «научное сельское хозяйство»; но если подъ хозяйствомъ разумѣть промышленную дѣятельность, то это трехъэтажное выраженіе оказывается совершенно неудобнымъ, его приходится замѣнять словами «наука о сельскомъ хозяйствѣ», да и тутъ могутъ возникать большія недоразумѣнія, ибо подъ сельскимъ хозяйствомъ въ широкомъ смыслѣ можно было бы понимать всякую хозяйственную дѣятельность, протекающую въ селеніяхъ, въ томъ числѣ ремесленную и заводскую. Выраженіе «сельское хозяйство» стало встрѣчаться въ русской литературѣ съ конца прошлаго вѣка, какъ переводъ нѣмецкаго *Landwirthschaft*. Теперь подъ этимъ словомъ обыкновенно разумѣютъ лишь ту хозяйственную дѣятельность, которая занимается производствомъ живыхъ существъ — полезныхъ растений и животныхъ. Агрономія же является прикладною наукой, которая открываетъ и связываетъ между собою законы производства растительныхъ и животныхъ продуктовъ.

Корни агрономической науки слѣдуетъ искать въ умственной жизни XVIII вѣка, но самостоятельное положеніе агрономіа получила лишь въ текущемъ столѣтіи: только въ XIX вѣкѣ она отмежевала область своего содержанія, стала сознательно пользоваться различными научными методами и сопоставлять результаты, полученные съ помощью этихъ методовъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ орудія, посредствомъ которыхъ агрономическая мысль ищетъ истины, и отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторые успѣхи, сдѣланные агрономіею въ послѣдніе годы.

Выводы свои агрономіа получаетъ какъ дедуктивнымъ путемъ, такъ и индуктивнымъ: въ послѣднемъ случаѣ главными научными методами агрономіи являются экспериментъ и массовое наблюденіе. Дедуктивный методъ, кажется, до настоящаго времени былъ преобладающимъ какъ въ научной разработкѣ агрономіа, такъ и въ ученой подготовкѣ агрономовъ. Съ помощью дедукціи агрономіа выводилъ частные законы тѣхъ явленій, съ которыми она имѣетъ дѣло, изъ общихъ законовъ, устанавливаемыхъ другими дисциплинами. Такъ какъ сельско-хозяйственная дѣятельность чело- вѣка есть фактъ общественной жизни, то основными дисциплинами для агрономіи должны быть не только естественныя, но также и общественныя науки, и сама агрономіа представляетъ собою прикладную науку физико-соціальную. Первая крупная попытка систематическаго примѣненія дедукціи къ разработкѣ естественно-научныхъ основаній агрономіа принадлежитъ Альбрехту Тэеру, котораго называютъ отцомъ нѣмецкой агрономіи. Тэеръ родился въ 1752 году, поступилъ въ университетъ очень поздно, 27 лѣтъ, изучалъ въ университетѣ медицину и по окончаніи курса занялся врачебною практикой въ родномъ городѣ Целле. На 35-мъ году жизни сдѣлался онъ собственникомъ небольшого клочка земли, занялся практическимъ хозяйствомъ и чтеніемъ книгъ по сельскому хозяйству. Пятидесяти лѣтъ отъ роду Тэеръ началъ читать лекціи по естествознанію и по сельскому хозяйству, а въ 1806 году основалъ въ Мёглинѣ институтъ, явившійся первымъ агрономическимъ учебнымъ заведеніемъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова: въ XVIII вѣкѣ въ Германіи говорили о сельскомъ хозяйствѣ съ кафедръ лишь при преподаваніи наукъ камеральныхъ, нужныхъ будущимъ чиновникамъ. Литературную извѣстность Тэеръ составилъ себѣ, прежде всего, *Введеніемъ къ познанію англійскаго сельскаго хозяйства*; самъ авторъ въ Англіи никогда не былъ, и основаніемъ его работы были только книги (болѣе 100). Главнымъ сочиненіемъ Тэера были *Основы рациональнаго сельскаго хозяйства*, переведенныя на многіе языки. Здѣсь безъ особой скромности Тэеръ говоритъ про себя, что онъ достигъ высшей ступени, на которой въ его время могло стоять сельское хозяйство, какъ наука *). По отношенію къ естественно-научнымъ основамъ агрономіи, по-видимому, онъ былъ правъ, хотя общественно-научныя основы могли и въ

*) Слово „сельское хозяйство“ Тэеръ придавалъ тройкій смыслъ: ремесла, искусства и науки.

его время быть разработаны полнѣе. Опытъ остроумнаго, глубоко продуманнаго примѣненія дедукціи къ разработкѣ экономическихъ основаній агрономіи данъ былъ опять-таки нѣмцемъ — Юганномъ Тюенемъ въ его *Изолированномъ государствѣ* (1826), которое до сихъ поръ остается недостижимымъ образцомъ въ области теоретической сельско-хозяйственной экономіи. И такъ, нѣмцамъ принадлежитъ починъ дедуктивной разработки агрономіи, что и приличествовало основнымъ свойствамъ германской мысли. Дедуктивный методъ, вѣроятно, надолго останется главнымъ методомъ агрономіи, потому что явленія, изучаемыя агрономіею, крайне сложны и зависятъ отъ множества причинъ. Но методъ этотъ едва ли когда будетъ единственнымъ методомъ открытія истины въ наукѣ о сельскомъ хозяйствѣ: апіорныя заключенія всегда будутъ требовать повѣрки, которая достигается лишь примѣненіемъ методовъ апостеріорныхъ — эксперимента и массоваго наблюденія.

Экспериментальная агрономія родилась не на германской почвѣ. Хотя Тэеръ соединилъ свой институтъ съ практическимъ хозяйствомъ въ Мёглингѣ и устраивалъ въ этомъ хозяйствѣ разнообразныя опыты, Тэеровская агрономія носила преобладающій характеръ дедуктивнаго построенія на тѣхъ началахъ, которыя давались естественными науками. Такимъ же характеромъ отличалась и нѣмецкая агрономія сороковыхъ годовъ, группировавшаяся около гениальнаго химика, Либиха. Установка агрономическихъ экспериментовъ принадлежитъ тѣмъ націямъ, которыя уступаютъ нѣмцамъ въ книжничествѣ и въ разработкѣ отвлеченной философіи, но не уступаютъ имъ въ успѣхѣ точныхъ наукъ, научной философіи, а отчасти и практическаго сельскаго хозяйства. Первые научныя опытные станціи для изслѣдованія агрономическихъ вопросовъ устроились во Франціи (Бешельброннъ) и въ Англіи (Ротгамстедъ)*). Заслугамъ француза Буссенго и англичанъ Лооза и Гильберта обязаны мы первыми шагами научной индукціи въ области агрономіи. Агрономическіе эксперименты неизбежно должны были примкнуть къ другимъ фізіологическимъ экспериментамъ, и развитіе экспериментальной агрономіи тѣсно сплелось съ общими успѣхами фізіологіи растеній и животныхъ. Область агрономическаго эксперимента весьма обширна, но не можетъ обнимать всей совокупности явленій, изучаемыхъ агрономіею, и, кромѣ того, область практическаго примѣненія экспериментальныхъ выводовъ далеко не такъ обширна, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Совершенство экспериментальнаго метода, какъ орудія теоретической мысли, лежитъ въ возможности пользоваться для уясненія причинной связи такъ называемымъ способомъ разницы. Милль**) даетъ способу разницы слѣдующее выраженіе: «если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, совпадаетъ во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося только въ первомъ

*) Позднѣе уже основалась первая нѣмецкая станція въ Меккернгѣ.

**) *Система логики*. Переводъ Резенера. Томъ I, стр. 444.

случаѣ, то обстоятельство, составляющее единственную разницу двухъ случаевъ, есть дѣйствіе, или причина, или необходимая часть причины явленія». Экспериментаторъ создаетъ для изучаемаго явленія искусственную обстановку и получаетъ тогда возможность дѣйствовать на самыя причины явленій; измѣняя причины, онъ обнаруживаетъ измѣненіе дѣйствій. Даже природныя факторы сельско-хозяйственнаго производства далеко не всегда укладываются въ искусственную обстановку, общественныя же факторы едва ли допускаютъ научное экспериментированіе. «Если бы мы могли, — говоритъ Милль *), — производить опыты надъ народомъ и надъ человечествомъ съ такою же спокойною совѣстью, съ какою Мажанди дѣлалъ ихъ надъ кроликами и надъ собаками, то и тогда намъ не удалось бы сдѣлать два случая тождественными во всѣхъ отношеніяхъ при присутствіи или отсутствіи определенныхъ обстоятельствъ». Русская исторія представляетъ не мало интересныхъ примѣровъ государственнаго экспериментированія надъ сельско-хозяйственною дѣятельностью человѣка: къ этой категоріи явленій принадлежатъ арачьевскія военныя поселенія и просвѣщенная опека киселевскаго министерства надъ хозяйствомъ государственныхъ крестьянъ. Едва ли кто назоветъ эти политическія опыты научными экспериментами, хотя, можетъ быть, и въ нихъ будущіе агрономы откроютъ поучительный матеріалъ для разработки наблюдательной русской агрономіи. Можетъ быть, отдаленному будущему удастся хотя отчасти рѣшить неразрѣшимую для нашего времени проблему социальнаго эксперимента вообще и эксперимента надъ общественными условіями сельскаго хозяйства въ частности.

При полномъ успѣхѣ экспериментальнаго открытія естественныхъ условій растеніеводства и животноводства, выводы, получаемые при такомъ открытіи, встрѣчаютъ часто для своего практическаго примѣненія непреодолимыя препятствія въ недостаточномъ знакомствѣ человѣка съ мѣстными измѣненіями естественныхъ условій. Экспериментъ въ агрономіи имѣетъ тѣмъ большее практическое значеніе, чѣмъ точнѣе извѣстны тѣ условія климата и условія почвы, при которыхъ дѣйствовалъ экспериментаторъ. Въ настоящее время земной шаръ покрылся уже довольно густою сѣтью агрономическихъ станцій, на которыхъ люди стремятся получать научныя выводы путемъ эксперимента. Германія числомъ такихъ станцій давно обогнала тѣ страны, гдѣ возникли первыя станціи. Россія имѣетъ уже нѣсколько такихъ станцій. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки число станцій доходитъ до 60; станціи имѣются и въ Буеносъ-Айресѣ.

Экспериментъ составляетъ не единственное орудіе опытнаго мышленія; на ряду съ нимъ, но много раньше его, встало наблюденіе, какъ орудіе теоретической мысли. Даже однопредметныя наблюденія сыграли крупную роль въ разработкѣ тѣхъ матеріаловъ, которые агрономія черпаетъ для себя въ основныхъ наукахъ. Но такъ какъ сельско-хозяйственная дѣятельность человѣка, рассматриваемая во всей ея совокупности, не принадле-

*) Система логики. Томъ I, стр. 516.

жить къ явленіямъ типическимъ, то для наблюдательнаго изученія этой дѣятельности требуются наблюденія массовыя, а не однопредметныя. Тѣ эмпирическіе законы которые человекъ можетъ вывести путемъ наблюдений для объясненія причинной связи сельско-хозяйственныхъ явленій, всегда будутъ только законами большихъ чиселъ и никогда не сравниваются съ положеніями геометрическихъ теоремъ, не допускающими никакихъ исключений. Эмпирическій законъ, построенный на наблюденіи, выводится путемъ сличенія разныхъ случаевъ дѣйствія нѣкоторыхъ предполагаемыхъ причинъ; чистое наблюденіе, въ отличие отъ эксперимента, неспособно вліять на самыя причины, тѣмъ не менѣе, и наблюдательный методъ стремится открывать причинность явленій, иначе онъ не былъ бы методомъ научнаго открытія. Самый могущественный способъ индуктивнаго заключенія, способъ разницы, остается закрытымъ для наблюдателя, если наблюдателю придется изучать сложныя явленія, напримѣръ, такія, съ какими имѣетъ дѣло агрономъ. Наибольшее примѣненіе въ научной разработкѣ массовыхъ наблюдений принадлежитъ способу сопутствующихъ измѣненій, который выраженъ у Милля *) въ слѣдующемъ правилѣ: «Всякое явленіе, измѣняющееся какимъ-либо образомъ всякій разъ, когда другое явленіе измѣняется особеннымъ образомъ, есть или причина, или дѣйствіе этого явленія, или соединено съ нимъ какимъ-нибудь фактомъ связи причины съ слѣдствіемъ».

Методъ массовыхъ наблюдений или статистическій методъ въ агрономіи до сихъ поръ примѣняется въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Крупныя завоеванія, сдѣланныя теоретическою мыслью въ агрономіи за послѣдніе годы, совершались путемъ эксперимента и обыкновенно подвѣржались параллельными дедуктивными умозаключеніями. Агрономическое примѣненіе статистическаго метода не дождалось еще своего Тэера или своего Буссенго и, можетъ быть, никогда не дождется по той причинѣ, что роль отдѣльной личности никогда не можетъ быть здѣсь такъ велика, какъ въ дедукціи и въ экспериментѣ. Статистическій методъ въ наукѣ есть методъ сужденія о массовыхъ явленіяхъ по даннымъ счисленія. Счисленіе же лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть исполнено отдѣльною личностью, обыкновенно оно требуетъ помощи цѣлыхъ учреждений, которыя ведутъ свои наблюденія въ сторонѣ отъ агрономической науки. Въ однопредметномъ наблюденіи ученый можетъ единолично производить наблюденіе и тотчасъ же вслѣдъ за моментомъ наблюденія дѣлать изъ него свои выводы; при массовомъ наблюденіи это невозможно, тамъ моменты наблюденія неизбежно отдѣлены по времени отъ моментовъ вывода, и между наблюденіемъ и научнымъ выводомъ вставляется еще операція механическаго подсчета матеріаловъ. Такое раздѣленіе неизбежно даже при изученіи измѣненій какого-нибудь предмета въ пространствѣ и совершенно необходимо при изученіи измѣненій хронологическихъ. За то въ послѣднемъ случаѣ всѣ операціи могутъ быть выполнены силами одного лица. Напримѣръ, одно лицо

*) Система логики. Томъ I, стр. 459.

могло бы въ теченіе 20 лѣтъ наблюдать температуру воздуха, количество атмосферныхъ осадковъ и урожаи одного растенія въ одномъ и томъ же хозяйствѣ, хотя бы на фермѣ Петровской академіи (чего на самомъ дѣлѣ не было). Воспользуемся этимъ примѣромъ, чтобы показать примѣненіе различныхъ научныхъ методовъ къ рѣшенію агрономическаго вопроса. Мы задаемъ вопросомъ: какъ вліяютъ температура воздуха и атмосферная влага на урожай ржи? Дедуктивный методъ рѣшенія долженъ здѣсь заключаться, прежде всего, въ установкѣ первыхъ (большихъ) посылокъ, извлекаемыхъ изъ физиологіи растеній по отношенію къ вліяніямъ тепла и влаги на созрѣваніе хлѣбныхъ зеренъ. Вторыя (малыя) послылки должны быть даны специальными свойствами, которыя представляетъ рожь. Выводъ въ наиболѣе общей формѣ будетъ тотъ, что урожаи должны быть пропорціональны количеству тепла и влаги, но лишь до нѣкотораго предѣла. Установить этотъ предѣлъ можно только опытнымъ путемъ. Можно устроить эксперименты въ оранжереѣ при искусственно созданной температурѣ, при искусственномъ, строго опредѣленномъ орошеніи. Тогда передъ нами будетъ апостериорное опредѣленіе тѣхъ границъ, внутри которыхъ тепло и влага оказываются благоприятными для произростанія ржаныхъ зеренъ. Но можно въ примѣненіи къ отдѣльной мѣстности рѣшить тотъ же вопросъ иначе, съ помощью массоваго наблюденія за много лѣтъ. Если годы не укладываются въ строго послѣдовательные ряды по взаимной связи между тепломъ и урожаями, или влагою и урожаями, приходится соединять ихъ въ группы и смотрѣть, нѣтъ ли опредѣленной послѣдовательности между группами.

Такъ, двадцать растительныхъ періодовъ ржи (съ августа 1868 г. по іюль 1888 г. включительно) на фермѣ Петровской академіи могутъ быть соединены въ четыре группы (по пяти лѣтъ въ каждой группѣ) съ различною среднею температурой. Средніе урожаи ржи съ десятины для каждой группы лѣтъ выражаются такими цифрами:

при средней температурѣ выше 4,75° Цельзія—	15,15	четверт.
» » » 4,00°—4,75°	» 13,88	»
» » » 3,00°—4,00°	» 13,19	»
» » » ниже 3°	» 12,45	»

Оказывается, что теплые годы были вообще болѣе благоприятными для произростанія ржи подъ Москвою, чѣмъ годы холодные.

Подобнымъ же образомъ можемъ мы сгруппировать тѣ же 20 растительныхъ періодовъ (съ іюля по августъ) въ четыре группы (по 5 лѣтъ) съ различнымъ годовымъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ. Средніе урожаи ржи съ десятины были по группамъ лѣтъ таковы:

при годовомъ количествѣ осадковъ болѣе 620 миллиметр.	12,58	четв.
» » » 560—620	» 12,76	»
» » » 493—560	» 13,78	»
» » » менѣе 493	» 15,72	»

И такъ, мокрые годы подъ Москвою оказываются вообще менѣе благоприятными для ржи, чѣмъ годы сухіе. Не надо забывать о мѣстномъ значеніи такого вывода и о томъ, что въ недалекомъ разстояніи къ югу отъ Москвы начинается та полоса, гдѣ вѣроятнѣе будетъ благоприятное влияние значительнаго количества атмосферныхъ осадковъ.

Приведенный нами примѣръ затрогиваетъ ту область, въ которой массовое наблюденіе давно уже пользуется вниманіемъ ученыхъ. *Метеорологія* съ первыхъ шаговъ своихъ должна была прибѣгнуть къ услугамъ статистическаго метода научныхъ открытій: по самому объекту метеорологіи этотъ методъ долженъ былъ сдѣлаться въ ней преобладающимъ. Агрономическая метеорологія разрабатывается сейчасъ еще очень слабо. Однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ агрономической утилизации метеорологическихъ данныхъ является французская обсерваторія въ Монсури: тамъ давно уже сопоставляютъ систематическія наблюденія надъ ходомъ погоды съ наблюденіями надъ ростомъ сельско-хозяйственныхъ растений. Въ Россіи значеніе метеорологіи для агрономіи усиленно пропагандируется петербургскимъ профессоромъ А. И. Воейковымъ, который много сдѣлалъ какъ по разработкѣ накопившихся матеріаловъ, такъ и по собиранію свѣдѣній въ новыхъ направленіяхъ. Напомнимъ хотя бы составленную въ 1885 г. программу непинструментальныхъ наблюденій надъ періодическими явленіями растительнаго и животнаго міра; наблюденія эти доступны каждому образованному охотливому сельскому жителю. Такія наблюденія сведены и опубликованы г. Воейковымъ пока только за 1887 годъ *) и относятся, къ сожалѣнію, только къ 46 пунктамъ. Несомнѣнно, что въ будущемъ, на основаніи этого матеріала, возникнутъ выводы крайне важные для русской агрономіи.

Работы статистическихъ учрежденій остаются не безъ участія въ обогащеніи русской сельско-хозяйственной метеорологіи. Для примѣра укажемъ на тотъ выводъ, который былъ сдѣланъ В. И. Ковалевскимъ еще въ 1884 г. изъ свѣдѣній, присланныхъ добровольными корреспондентами о растительномъ періодѣ ржи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи **). Оказывается, что растительный періодъ въ собственномъ смыслѣ слова (за вычетомъ зимняго покоя изъ числа дней пребыванія на корню) тѣмъ меньше, чѣмъ мѣстность ближе къ сѣверу: объясняется это продолжительностью сѣвернаго лѣтнаго дня. Въ той же работѣ подмѣчена связь между временемъ озимаго носѣва и ходомъ линій, которыми соединяются мѣстности съ одновременнымъ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней безъ оттепели.

Въ разработкѣ агрономическаго *почвовѣднія* за послѣднее время можно отмѣтить примѣненіе всѣхъ трехъ поименованныхъ нами научныхъ методовъ. Къ научному изученію почвъ всего раньше приступили геологи. Многія почвенныя классификаціи и большая часть заграничныхъ почвен-

*) *Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи.* Томъ XVIII, № 5. Спб., 1889 г.

**) *Сельско-хозяйственныя и статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ.* Изд. департамента земледѣлія. Вып. I. Спб., 1884 г.

ныхъ картъ составлены геологами. Едва ли мы ошибемя, если скажемъ, что преобладающее орудіе для заключеній геолога въ вопросъ о почвахъ составляетъ дедукція. Геологъ во многихъ случаяхъ берется предсказать, какова должна быть почва данной мѣстности, если ему извѣстны характеръ и возрастъ материнскихъ породъ, ихъ напластованіе и рельефъ мѣстности. Геологъ можетъ не нуждаться въ опытномъ знакомствѣ съ почвами для того, чтобы говорить о свойствахъ почвы: свойства эти для него—логическій выводъ изъ законовъ исторической и динамической геологіи. Но понятно, какія неожиданности можетъ представлять и, дѣйствительно, представляетъ геологу безконечное разнообразіе реальныхъ почвъ, явившееся слѣдствіемъ сцѣпленія разнообразныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ фигурируетъ и человекъ. И вотъ въ средѣ самихъ геологовъ возникаетъ мысль о необходимомъ участіи экспериментальнаго метода въ изслѣдованіи почвъ. У насъ въ Россіи примѣромъ широкой естественно-исторической постановки вопросовъ почвовѣднія могутъ служить работы профессора Докучаева, который не отнесся къ почвамъ какъ узкій специалистъ, но призналъ необходимымъ вести геологическое изученіе почвъ параллельно съ изученіемъ физическимъ, химическимъ и ботаническимъ *). Для физическаго и химическаго изученія, конечно, потребовались эксперименты, а ботаническое изученіе не могло обойтись безъ сравнительнаго наблюденія. Но хотя выводы, сдѣланные г. Докучаевымъ и его учениками по оцѣнкѣ нижегородскихъ почвъ, основаны на количественномъ объективномъ изслѣдованіи типичныхъ почвъ Нижегородской губерніи въ различныхъ направленіяхъ, нельзя сказать, чтобы къ изученію этихъ почвъ въ достаточной полнотѣ былъ примѣненъ методъ массоваго наблюденія. Этимъ работамъ недоставало, во-первыхъ, мелкой территоріальной единицы изслѣдованія и, во-вторыхъ, суммированія тѣхъ разнообразныхъ свѣдѣній о почвѣ, которыя можно было получить систематическимъ опросомъ мѣстныхъ жителей. То и другое пополнено въ тѣхъ работахъ, которыя производились впоследствии и производятся теперь въ той же Нижегородской губерніи (тоже на средства губернскаго земства, какъ и предварительная работа г. Докучаева). Здѣсь мы имѣемъ остроумное примѣненіе статистическаго метода къ почвовѣднію **). Въ принципѣ еще ранѣе примѣненіе это сдѣлано черниговскою земскою статистикой.

Отъ вопросовъ о почвѣ перейдемъ къ вопросамъ объ *удобреніи* и остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Для теоріи удобрения капиталную важность имѣетъ вопросъ объ источникахъ тѣхъ питательныхъ веществъ, которыя являются важнѣйшими для нашихъ культурныхъ растений. Въ послѣдніе годы изъ этой области самымъ моднымъ вопросомъ агрономической литературы является вопросъ объ источникахъ азота. Круп-

*) См. *Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи*. Часть естественно-историческая. Вып. XIV. Спб., 1886 г.

**) См. *Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи*. Часть экономическая. Выпускъ IV. Бягининскій уѣздъ. 1888 г.

ныя приобрѣтенія въ этомъ вопросѣ сдѣланы съ помощью новыхъ экспериментовъ.

Давно уже извѣстно, что атмосферные осадки доставляютъ почвѣ нѣкоторое количество азота въ видѣ амміачныхъ и азотно-кислыхъ соединений. Недавнія опредѣленія Маха *) даютъ величину около 20 килограммовъ на гектаръ (около 45 фунтовъ на десятину) для того количества азота, которое получается въ годъ изъ атмосферныхъ осадковъ. Но какъ ни велико это количество, осторожное примѣненіе дедуктивнаго метода приводило обыкновенно къ недоумѣнію изслѣдователей, которые вспоминали, какая масса связаннаго азота теряется почвами при процессахъ гніенія, вымыванія и другихъ. Подсчитывая всѣ допустимые источники связаннаго азота, агрономъ не могъ объяснить громадной суммы потерь почвеннаго азота, и дефицитъ въ его расчетахъ оказывался особенно большимъ, когда учитывалось питаніе бобовыхъ растений.

Сельско-хозяйственная практика давно уже подмѣтила тотъ фактъ, что послѣ культуры бобовыхъ растений почвы какъ будто обогащаются питательными веществами. Лишь въ восьмидесятыхъ годахъ фактъ этотъ былъ сопоставленъ съ присутствіемъ на корняхъ бобовыхъ растений особыхъ шишечекъ или клубеньковъ, которые наполнены образованіями, похожими на бактерій. Опыты послѣдняго времени, произведенные въ Германіи, во Франціи, въ Англіи и въ Америкѣ, стремились къ разъясенію роли этихъ клубеньковъ, и хотя значеніе ихъ окончательно еще не выяснено, тѣмъ не менѣе, наблюденія и опыты дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе о томъ, что съ помощью этихъ корневыхъ клубеньковъ бобовыя растенія могутъ усваивать азотъ воздуха или, по крайней мѣрѣ, воспринимать азотъ изъ такихъ соединений, которыя иначе были бы для растений недоступны.

Восьмидесятые годы ознаменовались вообще значительными успѣхами бактериологіи, достигнутыми, главнымъ образомъ, вслѣдствіе усовершенствованія тѣхъ методовъ, съ помощью которыхъ изслѣдуется жизнь микроскопическихъ организмовъ **). Уже старыя опыты Гельригеля заставили его заключить, что бобовыя растенія получаютъ азотъ изъ какого-то неизвѣстнаго источника; причина должна была лежать гдѣ-то внѣ намѣренно создаваемой при экспериментахъ обстановки, и, повидимому, дѣйствіе ея подвергалось сильнымъ случайнымъ колебаніямъ. Для своихъ опытовъ 1886 и 1887 годовъ Гельригель употреблялъ песокъ стерилизованный, а именно подвергнутый сильному нагрѣванію, сосуды стерилизованные (обмытые растворомъ сулемы и спиртомъ), питательную смѣсь и воду для поливки тоже стерилизованныя (съ помощью кипяченія); такіе приемы давали увѣренность, что среда, въ которой выращивались растенія, была совершенно свободна отъ микроорганизмовъ. У бобовыхъ растений, культивированныхъ въ стерилизованномъ пескѣ съ помощью искусственныхъ питательныхъ смѣсей,

*) *Jahresberichte über die Fortschritte der Agrikulturchemie*, 1888.

**) Открытія Пастера и Коха остались, несомнѣнно, не безъ вліянія на приемы агрономической бактериологіи.

клубеньки на корнях не развивались. Въ сосудахъ нестерилизованныхъ часто замѣчалось обильное развитіе клубеньковъ. Наконецъ, при введеніи въ стерилизованные сосуды почвеннаго настоя, образованіе корневыхъ клубеньковъ происходило всегда, и при этомъ бобовыя растенія нормально развивались; приносили хорошія сѣмена, что нельзя объяснить иначе, какъ усвоеніемъ свободнаго атмосфернаго азота. Если въ такихъ же стерилизованныхъ сосудахъ культивировались злаки, гречишные и крестоцвѣтныя, то введеніе почвеннаго настоя (содержащаго микроорганизмы) не оказывало никакого благопріятнаго вліянія на развитіе этихъ растеній. Къ такимъ же выводамъ пришелъ Празмовскій въ своихъ опытахъ (1888 г.). Изслѣдуя содержимое корневыхъ шишечекъ, Празмовскій вмѣстѣ съ Гельригелемъ признаетъ шишечки результатомъ паразитированія бактерій или особымъ симбіозомъ (сожительствомъ) корня и микроорганизмовъ. Американецъ Атватеръ *) готовъ допустить (вопреки стариннымъ опытамъ Буссенго) прямое усвоеніе атмосфернаго азота надземными частями бобовыхъ растеній. Такого же рода догадку высказываетъ въ послѣднее время Бертело, вновь напоминающій объ отношеніи атмосфернаго электричества къ азоту.

Приведенныя нами заключенія являются выводами изъ экспериментовъ. Но встрѣчаются уже попытки провѣрить результаты экспериментовъ результатами массовыхъ наблюденій. Тотъ же Гельригель, который съ 1862 г. неутомимо занимается количественными экспериментами надъ вліяніемъ отдѣльныхъ питательныхъ веществъ, разослалъ недавно германскимъ хозяйкамъ программу вопросовъ слѣдующаго содержанія: 1) Правда ли, что для большинства бобовыхъ растеній азотистое удобреніе не необходимо и не дѣйствительно? 2) Замѣтнѣ ли азотособирающая дѣятельность на болѣе бѣдныхъ почвахъ, чѣмъ на болѣе богатыхъ? 3) Одинаково ли съ бобовыми пригодны для азотособирания греча, сурѣпка, горчица и другія растенія, воздѣлываемыя на зеленое удобреніе? Не думаемъ, чтобъ по такому вопросу удалось получить большое количество матеріала даже отъ весьма опытныхъ хозяевъ. Но, во всякомъ случаѣ, попытка Гельригеля заслуживаетъ большаго вниманія, какъ желаніе воспользоваться новымъ методомъ для рѣшенія агрономическихъ вопросовъ.

Помимо спеціальнаго отношенія бобовыхъ къ свободному азоту, опыты послѣдняго времени подтвердили существованіе нѣкотораго поглощенія азота самими почвами **) (Бертело).

Преобладающею формой искусственнаго внесенія азота въ почву до сихъ поръ остается въ хозяйственной практикѣ употребленіе хлѣбнаго навоза. Но для точнаго учета дѣйствія, оказываемаго навознымъ удобреніемъ, имѣется еще слишкомъ мало матеріала даже въ странѣ съ такимъ широкимъ развитіемъ «навознаго хозяйства», какъ Россія. Упомянемъ о нѣкоторыхъ новыхъ, въ послѣднее время появившихся матеріалахъ. Отчеты

*) Руководитель агрономическихъ опытныхъ станцій въ Соединенныхъ Штатахъ.

**) О первыхъ опытахъ такого рода была рѣчь въ „Научномъ обзорѣ“ *Русской Мысли* въ апрѣльской книгѣ 1886 г.

богодуховскаго и полтавскаго опытныхъ полей дають по этому вопросу выводы, полученные строго-экспериментальнымъ путемъ. Далеко не такъ строга была обстановка опытовъ, предпринятыхъ частными хозяйствами по почину департамента земледѣлія, причеиъ дѣйствіе навознаго удобрения изслѣдовалось параллельно съ дѣйствіемъ суперфосфатовъ *). Съ помощью добровольныхъ корреспондентовъ департаментъ земледѣлія попытался дать общія основанія географіи навознаго удобрения въ Россіи (въ годовомъ обзорѣ за 1887 годъ). Затѣмъ земскіе статистики различныхъ мѣстностей подарили литературу новымъ фактическимъ матеріаломъ по изученію навознаго удобрения; особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ свѣдѣнія по Киягининскому уѣзду, собранныя и обработанныя подъ руководствомъ г. Анненскаго. Наконецъ, позволимъ себѣ назвать еще остроумный учетъ дѣйствія навознаго удобрения, сдѣланный г. Володимировымъ для одного только хозяйства Воронежской губерніи, но за продолжительный срокъ **).

Азотистые удобрительные туки, играющіе мѣстами за границу важную практическую роль, у насъ еще почти не вышли за предѣлы научнаго экспериментированія. Въ заграничной практикѣ главная борьба идетъ между чилийскою селитрою (азотнокислымъ натромъ) и сѣрнокислымъ амміакомъ. Въ послѣднее время Варингтонъ (сотрудникъ Лооза и Гильберта по Ротгамстеду) обратилъ вниманіе на выгодное употребленіе сѣрноамміачной соли въ смѣси съ суперфосфатомъ. По опытамъ въ Ротгамстедѣ за 36 лѣтъ, при такомъ удобреніи урожай ячменя и зерномъ, и соломой былъ въ 2 $\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ на неудобренныхъ участкахъ. Пшеница на разныхъ почвахъ (на глинистомергельной въ Ротгамстедѣ и на песчаной въ Вобернѣ) давала лучший урожай зерна отъ сѣрноамміачной соли, чѣмъ отъ чилийской селитры, хотя въ послѣднемъ случаѣ получался болѣшій урожай соломы ***). Французъ Ролланъ замѣтилъ, что въ сухіе годы сѣрнокислый амміакъ дѣйствуетъ значительно слабѣе, чѣмъ чилийская селитра. Бесслеръ ****) высказывается въ пользу сѣрнокислаго амміака сравнительно съ чилийскою селитрою при удобреніи подъ картофель и овесъ. Употребленію чилийской селитры въ послѣднее время стала еще мѣшать усилившаяся фальсификація; по анализамъ Бѣттхера, селитра поддѣлывается, между прочимъ, стассфуртскими солями *****). На богодуховскомъ опытномъ полѣ (Орловской губерніи) въ 1888 году селитра вызвала значительно болѣшій приростъ въ урожай овсянаго зерна, чѣмъ сѣрнокислый амміакъ (для овсяной соломы перевѣсъ урожая отъ селитры былъ относительно меньше).

По вопросу о фосфорнокислыхъ удобренияхъ нѣсколько новыхъ дан-

*) Результаты этихъ опытовъ печатались въ *Земледѣльческой Газетѣ*; здѣсь мы видимъ соединенное примѣненіе экспериментальнаго и статистическаго методовъ.

**) Статя въ журналѣ *Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства* за 1889 г.

***) *Annales agronomiques* 1889, № 5.

****) *Jahresberichte über die Fortschutte der Agrikulturchemie*. 1888.

*****) *Biedermann's Centralblatt*, 1889, № 10.

ныхъ было сообщено на международномъ конгрессѣ агрономическихъ станцій и лабораторій, происходившемъ въ Парижѣ во время выставки въ концѣ юня 1889 года (въ конгрессѣ этомъ принимали участие представители Франціи, Испаніи, Португаліи, Россіи, Англіи, Шотландіи, Бельгіи, Мексики и Соединенныхъ Штатовъ *). Грандо сообщилъ здѣсь результаты своихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ сырыхъ фосфоритовъ и суперфосфатовъ на различныхъ почвахъ: на почвахъ, богатыхъ глиноземомъ и кремнеземомъ, вліяніе фосфоритовъ и суперфосфатовъ почти одинаково, на почвахъ же, богатыхъ известью, оказывается разница въ пользу суперфосфатовъ. Фосфориты, какъ замѣтилъ Грандо, лучше усваиваются растениями, если ихъ предварительно подвергать сильному нагрѣванію (до 1,200° С). Для точнаго сравненія суперфосфатовъ и фосфоритовъ Грандо совѣтуетъ принимать во вниманіе количество сѣрнокислой извести, содержащейся въ суперфосфатахъ (Гинонъ и Шюаръ подтвердили это своими наблюденіями). Лешартъ въ Бретани подмѣтилъ на вновь распахиваемыхъ земляхъ лучшее дѣйствіе фосфоритовъ по сравненію съ суперфосфатами, на земляхъ же давно воздѣлываемыхъ преимущество оказывалось на сторонѣ суперфосфатовъ. Нантъе привелъ новые случаи успѣшнаго примѣненія бовальскаго фосфорита: это—желтоватый порошокъ съ высокимъ содержаніемъ фосфорной кислоты (отъ 25 до 40%), который для употребленія только высушивается и слегка дробится.

Въ Россіи за послѣднее время было не мало новыхъ опытовъ съ фосфорнокислыми удобрениями; чтобы не удлинять нашу бесѣду, мы на нихъ останавливаться не будемъ.

Остановимся еще на одномъ агрономическомъ вопросѣ для того, чтобы показать примѣнимость трехъ выше названныхъ методовъ къ разработкѣ агрономіи. Это вопросъ о цѣлесообразной *густотѣ посѣва*. Абсолютное рѣшеніе этого вопроса, конечно, не можетъ быть достигнуто никакимъ методомъ: въ практическомъ хозяйствѣ вопросъ будетъ имѣть различные отвѣты, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста. Априорное рѣшеніе вопроса можетъ основываться на данныхъ физиологии растений и химіи. Либихъ полагалъ, что развитіе растений пропорціонально количеству минеральныхъ питательныхъ веществъ, содержащихся въ почвѣ: если минеральныхъ веществъ на опредѣленномъ пространствѣ хватитъ для полнаго развитія десяти растений, то на томъ же пространствѣ 20 такихъ же растений могутъ развиваться только въ половину. При такихъ взглядахъ густота посѣва, выше нѣкотораго предѣла (соотвѣтствующаго числу вполне развившихся растений) можетъ быть для практики безразлично; изъ мѣстныхъ условій для опредѣленія минимальной густоты пришлось бы считаться только съ запасомъ минеральныхъ питательныхъ веществъ въ почвѣ.

Къ априорному рѣшенію вопроса близко и старинное правило опредѣлять выгодную густоту посѣва удвоеннымъ или утроеннымъ числомъ растений, хорошо развившихся на опредѣленной площади.

*) *Journal d'agriculture pratique*. 1889. № 27.

Значительно успешнѣе оказался дедуктивный методъ, когда имъ стали пользоваться отдѣльно для выясненія различныхъ условій, говорящихъ въ пользу густаго и въ пользу рѣдкаго посѣва *). Обращено было вниманіе на большую возможность растений пользоваться свѣтомъ при рѣдкомъ посѣвѣ, на большой запасъ тепла и влаги въ почвѣ въ томъ же случаѣ; съ другой стороны, густой посѣвъ, дающій большее число экземпляровъ, является менѣе рискованнымъ въ случаѣ разнообразныхъ обстоятельствъ, могущихъ повредить отдѣльнымъ растеніямъ. Различные сорта одного и того же растенія, отличающагося по силѣ развитія корней и надземныхъ частей, могутъ имѣть различныя величины выгоднѣйшей густоты посѣва. На удобренной почвѣ можно достигнуть максимальнаго урожая при меньшей густотѣ посѣва, чѣмъ на неудобренной. Теплый климатъ допускаетъ уменьшеніе количества сѣмянъ; вездѣ, гдѣ есть опасность вымерзанія растеній, требуется увеличенная густота. Культурные приемы стоятъ въ связи съ густотою посѣва и, вообще, чѣмъ эти приемы совершеннѣе, тѣмъ возможнѣе рѣдкій посѣвъ: такъ, густота посѣва можетъ быть тѣмъ меньше, чѣмъ глубже и лучше обработана почва, чѣмъ чище она отъ сорныхъ травъ, чѣмъ раньше произведенъ посѣвъ; задѣлка сѣмянъ экстирпаторомъ допускаетъ болѣе рѣдкій посѣвъ, чѣмъ задѣлка ихъ плугомъ, сохою или бороною; рядовой посѣвъ требуетъ меньше сѣмянъ, чѣмъ машинный-разбросный, а послѣдній меньше, чѣмъ ручной.

Все сказанное при достаточномъ знакомствѣ съ физиологіею растеній и съ агрономическою химіею можетъ быть выведено à priori, но тѣ же выводы много выиграютъ въ убѣдительности, если они будутъ подкрѣплены опытными доказательствами. И вотъ давно уже экспериментаторы различныхъ странъ рѣшаютъ вопросъ о цѣлесообразной густотѣ посѣва отдѣльныхъ растеній специальными опытами. Никто не сомнѣвается, конечно, въ томъ, что за нѣкоторыми предѣлами избыточно рѣдкій и избыточно густой посѣвъ оказываются невыгодными; но внутри допускаемыхъ обычною практикой предѣловъ возможно различное вліяніе густоты посѣва на урожай, и результаты различныхъ экспериментовъ между собою не сходятся. Габерландтъ изъ своихъ опытовъ съ разными растеніями вынесъ убѣжденіе въ пользѣ возможно болѣе густоты посѣва, присоединяясь, такимъ образомъ, къ русской пословицѣ: «сѣй густо, не будетъ пусто». Моу въ Англіи получилъ такіе же выводы для картофеля. Напротивъ, Гейнрихъ, экспериментируя съ овсомъ на скудной песчаной почвѣ, обнаружилъ обратную зависимость между чистымъ сборомъ зерна и густотою посѣва. Для сахарной свеклы Ладуро и Вильморенъ во Франціи, Петерманъ въ Бельгіи показали выгоду возможно рѣдкаго посѣва. Наконецъ, Ноббе и Гейденъ, а въ послѣднее время Вольни—стоятъ за среднюю (въ обычныхъ нормахъ) величину посѣва. Эта средняя величина для каждаго вида растеній различна,

*) Обстоятельный обзоръ этихъ условій вмѣстѣ съ обзоромъ экспериментовъ по тому же вопросу приведенъ въ интересной книгѣ Вольни (*Wollny: „Saat und Pflege der landwirthschaftlichen Kulturpflanzen“*. 1885).

но максимальный урожай съ опредѣленной площади можетъ достигаться лишь при опредѣленной густотѣ посѣва (качество зерна лучше при меньшей густотѣ, урожай соломы выше при болѣе густотѣ).

Приложимъ ли статистическій методъ къ вопросу о цѣлесообразной густотѣ посѣва? Конечно, приложимъ, но отвѣты, которые онъ можетъ давать, будутъ вѣрны лишь при опредѣленныхъ условіяхъ времени и мѣста, и, притомъ, только для большинства случаевъ.

Статистическія учрежденія различныхъ странъ накопляютъ богатый массовый матеріалъ, относящійся къ дѣйствительной густотѣ посѣва различныхъ сельско-хозяйственныхъ растений. Научная разработка этого матеріала—дѣло не легкое. Помимо тщательнаго изученія постановки наблюдений, помимо возможно полной критики полученныхъ цифръ, такая разработка требуетъ крайне трудно-осуществимаго изолированія разнообразныхъ вліяній, которыми опредѣляется высота урожая помимо густоты посѣва. Коль скоро районъ наблюденія довольно великъ, приходится изолировать вліяніе почвы и климата.

Въ Россіи первая попытка дать географію густоты посѣва принадлежитъ департаменту земледѣлія: свѣдѣнія о средней густотѣ посѣва были собраны имъ отъ хозяевъ въ 1882 году и опубликованы въ 1884 году. Въ концѣ 1888 года появилась въ свѣтъ сводная работа центрального статистическаго комитета: *Средній урожай за пятилѣтіе 1883—1887 г.*,—и въ ней приведены поуѣздныя и погубернскія цифры густоты посѣва у крестьянъ и землевладѣльцевъ въ среднемъ выводѣ за пять лѣтъ для восьми растений.

Попробуемъ извлечь изъ этой работы выводъ о цѣлесообразной густотѣ посѣва овса въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Если мы возьмемъ 123 уѣзда черноземной не степной Россіи (сравнительно мало разнящіеся въ почвенномъ отношеніи) и расположимъ ихъ въ группы по возрастающей густотѣ посѣва овса на частновладѣльческихъ земляхъ, то получится такая зависимость между среднею густотой посѣва и средними урожаями:

При густотѣ посѣва на десятину:	Средній валовой сборъ съ десятины:	Число уѣздовъ:
менѣе 10 мѣр.	6, ₂₃ четверти.	3
10—11 >	6, ₃₀ >	1
11—12 >	6, ₉₀ >	15
12—13 >	7, ₈₄ >	17
13—14 >	7, ₉₉ >	15
14—15 >	8, ₄₄ >	17
15—16 >	8, ₂₃ >	22
16—17 >	8, ₁₂ >	18
17—18 >	8, ₀₅ >	11
18—19 >	7, ₉₂ >	4

Выводъ совпадаетъ съ результатами опытовъ Вольни: при нѣкоторой средней густотѣ посѣва (въ данномъ случаѣ при густотѣ 14 — 15 мѣр.)

достигается наибольший урожай овса; въ обѣ стороны отъ этой густоты урожай понижается.

Нѣсколько иная и, притомъ, менѣ правильная зависимость оказывается въ нечерноземныхъ уѣздахъ, лежащихъ вблизи сѣверной границы чернозема (здѣсь почвенныя условія гораздо разнороднѣе, чѣмъ въ прежде взятомъ районѣ).

Въ 62 уѣздахъ нечерноземной Россіи, ближайшихъ къ чернозему, получаютъ такія отношенія для частновладѣльческихъ посѣвовъ овса:

При средней густотѣ:	Средній валовой сборъ:	Число уѣздовъ:
10—11 мѣръ.	4,770 четверти.	6
11—12 „	5,110 „	3
12—13 „	5,89 „	7
13—14 „	6,350 „	3
14—15 „	6,88 „	7
15—16 „	7,29 „	9
16—17 „	6,773 „	11
17—18 „	6,94 „	9
18—19 „	7,06 „	5
19—20 „	7,15 „	2

Хотя и здѣсь максимальный сборъ достигается при нѣкоторой средней густотѣ (15—16 мѣръ), но послѣдовательность цифръ иная, и для этого района скорѣе можно высказаться за цѣлесообразность нѣкотораго повышения густоты посѣва въ согласіи съ результатами опытовъ Габерландта.

Въ предѣлахъ небольшой мѣстности уже одинъ годъ можетъ дать матеріалы для вывода. Такъ, въ Казанской губерніи за 1888 годъ сличеніе поволостныхъ цифръ посѣва и урожая овса у владѣльцевъ обнаруживаетъ, что при густотѣ болѣе 12 пудовъ на десятину получился средній валовой сборъ 52,28 пуда, при посѣвѣ отъ 10 до 12 пудовъ... 48,49 пуда, при посѣвѣ менѣе 10 пудовъ сборъ... 44,26 пуда *). Это какъ бы намекаетъ на то, что современная густота посѣва овса у частныхъ владѣльцевъ въ Казанской губерніи ниже наивыгоднѣйшей густоты и оправдываетъ для этой мѣстности пословицу: «сѣй густо, не будетъ пусто».

Даже во Франціи, гдѣ техника земледѣлія стоитъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ Россіи, желаніе сберечь сѣмена заставляетъ, повидимому, многихъ хозяевъ сѣять овесъ рѣже, чѣмъ слѣдовало бы сѣять для полученія максимальныхъ урожаевъ овса. Къ такому выводу приводитъ группированіе французскихъ департаментовъ по возрастающей густотѣ посѣва овса и сопоставленіе данныхъ о посѣвѣ съ цифрами средняго урожая, относящимися къ тѣмъ же группамъ департаментовъ. Источникомъ свѣдѣній являются

*) Вычисленія произведены по статистическому изданію губернскаго земства: *Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1888 годъ.*

здесь результаты последней сельско-хозяйственной переписи (1882 года), опубликованные въ изданіи *Statistique agricole de la France* (Nancy, 1887). При посѣвѣ овса гуще 3 гектолитровъ на гектаръ средній урожай 23,19 гектолитровъ съ гектара,

при посѣвѣ	2,75	—	3 hl	урожай	24,01
>	>	2,5	—	2,75	> 21,90
>	>	2,25	—	2,50	> 22,70
>	>	2,0	—	2,25	> 18,70
>	>	1,75	—	2,00	> 18,83
>	>	менѣе	1,75 hl	>	19,19.

Замѣтно, что группы департаментовъ съ болѣе густымъ посѣвомъ (свыше 2,25 hl) даютъ болѣе большой урожай овса.

Въ настоящемъ обзорѣ мы пытались на отдѣльныхъ примѣрахъ рассмотреть успѣхи примѣненія различныхъ методовъ къ изслѣдованію агрономическихъ вопросовъ. Взятые нами примѣры страдаютъ случайностью, значительною неполнотою и, можетъ быть, неточностью изложенія, но въ предѣлахъ краткой и спѣшной статьи затруднительно было бы исправить эти недостатки. Цѣль, руководившая нами, достигнута, если читатель согласится, что и въ агрономіи къ истинѣ ведетъ не одна только дорога и что если всецѣлое обладаніе агрономическою истиной никогда не будетъ во власти человека, то, все-таки, приблизительное знаніе истины будетъ много прочнѣе, если оно будетъ построено на согласныхъ результатахъ, полученныхъ съ помощью различныхъ методовъ.

Русская агрономія, помимо усовершенствованія методовъ, нуждается еще часто въ признаніи со стороны общества правъ на существованіе. Въ концѣ-концовъ, мы не далеко ушли отъ временъ профессора М. Г. Павлова, который преподавалъ сельское хозяйство въ Московскомъ университетѣ въ тридцатыхъ годахъ послѣ того, какъ ему было воспрещено преподавать философію.

Въ своемъ журналѣ *Русскій Земледѣлецъ* (1838 г.) Павловъ, ученикъ Тэера, въ рядѣ статей развивалъ свои мысли объ агрономіи, примыкавшія къ взглядамъ Тэера. Подъ сельскимъ хозяйствомъ Павловъ, подобно Тэеру, разумѣлъ ремесло, искусство и науку. «Сельскому хозяйству, — говорилъ онъ *), — надо учить, а не науку; но многіе повторяютъ это, разумѣя подъ сельскимъ хозяйствомъ, все-таки, ремесло или искусство... Дайте такому человеку средства дѣйствовать, и онъ повредитъ наукѣ больше, чѣмъ ея открытый врагъ». «Свѣдѣнія по естествознанію **) для ремесла и искусства не нужны, для науки необходимы. Кто безъ свѣдѣній о природѣ хочетъ быть агрономомъ, тотъ только агроманъ; агрономія и агроманія—

*) *Русскій Земледѣлецъ* 1838 г., мартъ, стр. 270.

**) Тамъ же, апрѣль, стр. 12.

двѣ различныя вещи: та — наука, вторая — родъ помѣшательства. Наука сельскаго хозяйства по существу можетъ быть лишь удѣломъ немногихъ».

Павловъ разбираетъ затѣмъ нелѣпность ходячаго выраженія, гласящаго, будто бы при изученіи сельскаго хозяйства (онъ разумѣетъ научное изученіе) надобно болѣе придерживаться практики, нежели теоріи. Цитатой словъ Павлова, относящихся къ этому вопросу, мы и закончимъ настоящій обзоръ.

«Сельское хозяйство сознательное (раціональное), предпринимаемое съ разумѣніемъ дѣла, начинается съ опытовъ... Все въ сельскомъ хозяйствѣ есть извлеченіе изъ случаевъ частныхъ, изъ производствъ особенныхъ, изъ обстоятельствъ мѣстныхъ. Разумъ, изслѣдуя частности, особенности и мѣстности, дивною силой отвлеченія превращаетъ ихъ въ понятія или свѣдѣнія, соподчиняя ихъ однѣ другимъ: частныя—общимъ, низшія—высшимъ, доходитъ, наконецъ, до началъ, которыми все стяжанное имъ такимъ образомъ связывается въ стройное цѣлое, образуя систему свѣдѣнія — науку. Таково происхожденіе науки сельскаго хозяйства, этого чуднаго созданія разума, котораго толпа такъ дичится, ограждаясь отъ его навожденія знаменіемъ опыта. Это самъ опытъ, отвлеченіемъ отъ случаевъ частныхъ, отъ производствъ особенныхъ, отъ обстоятельствъ мѣстныхъ возведенный на степень общихъ началъ... Учить сельско - хозяйственной наукѣ значитъ знакомить съ вѣковой опытностью предшественниковъ».

«Можно ли равнодушно слышать ***) приговоры, подобные слѣдующему: *мы нашимъ ученикамъ не будемъ много толковать изъ науки, мы займемъ ихъ болѣе дѣломъ*. Безъ всякаго сомнѣнія, это лепетъ вѣчныхъ младенцевъ человѣчества, остающихся позади не только предшественниковъ, но и современниковъ. Въ несчастію, этотъ лепетъ бываетъ иногда голосомъ большинства, и на основаніи его рѣшается участь науки».

«Практика, опыты, образцовыя хозяйства могутъ быть средствами къ усовершенствованію сельскаго хозяйства, но второстепенными, и то при наукѣ; наука между ними солнце, а они предъ наукою темныя тѣла, заимствующія отъ нея свѣтъ и значеніе; средство къ усовершенствованію сельскаго хозяйства могущественнѣйшее, вѣрнѣйшее, первостепенное есть наука».

Слова эти, сказанныя болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, не потеряли своего животрепещущаго значенія для русской агрономіи и для тѣсно связаннаго съ судьбами агрономіи вопроса объ агрономическомъ образованіи. Къ близкому выводу о значеніи сельско-хозяйственной науки пришелъ недавно и профессоръ И. А. Стебутъ въ отвѣтной рѣчи на пріивѣтствія, принесенныя ему по случаю его 35-ти лѣтняго юбилея.

А. Фортунатовъ.

*) Тамъ же, май, стр. 116—117.

**) Тамъ же, стр. 120—121.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Божья коровка*, комедія П. Д. Боборыкина; *Викторъ Павловичъ Пичужкинъ*, комедія А. Ф. Фодотова. — Театръ г-жи Горевой: *Ксенія и Лжедмитрій*, драма Н. Л. Пушкарева; *Борьба за существованіе*, драма А. Додэ.—Русская опера.

Не разъ мы печаловались о томъ, что наши драматурги не пишутъ комедій, а возлюбили смертоубійства и сочиняютъ «убійственныя» драмы. Теперь ужъ и не знаемъ, что предпринять, — не начать ли радоваться усердію, съ которымъ современные писатели раздѣлываютъ уголовщину, не начать ли восклицать, по примѣру добраго, стараго Панглоса: «все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!» До сихъ поръ предполагалось, что назначеніе и смыслъ комедіи состоитъ въ томъ, чтобы осмѣивать людскіе пороки и слабости и дѣйствовать на общественное самосознаніе самымъ могущественнымъ средствомъ — честнымъ, отрезвляющимъ смѣхомъ. А назначеніе драмы—въ томъ, чтобы примѣрами активной борьбы со зломъ воодушевить зрителей и читателей на такую же борьбу безъ страха за ея исходъ и при признаніи, что непобѣжденное зло все равно уничтожить если не физически, то нравственно того, кто себялюбиво уклонится отъ сопротивленія ему. Если театръ признавать школой нравственности, а не праздною забавой, скоморошествомъ, то драма должна быть урокомъ геройства и самопожертванія въ дѣлахъ, касающихся личной или общественной чести, личнаго или общественнаго блага; комедія должна быть урокомъ житейской нравственности въ повседневныхъ отношеніяхъ между людьми и въ такихъ столкновеніяхъ, выходъ изъ которыхъ возможенъ и только затрудненъ недоразумѣніями, заблужденіями, ошибочнымъ пониманіемъ того, что составляетъ личное или общественное благо, и неумѣнемъ найти надлежащія средства къ достиженію предположенной цѣли. Комедія допускаетъ преувеличенія въ болъшей мѣрѣ, чѣмъ драма, и можетъ даже переходить въ шаржъ при тѣхъ непремѣнныхъ условіяхъ, чтобы шаржъ былъ остроуменъ и чтобы авторъ прибѣгалъ къ нему не ради грубаго эффекта и потѣхи зрителей, а лишь тогда, когда это оказывается необходимымъ для болѣе рельефнаго изображенія лица или положенія. Несоблюденіе этихъ условій превращаетъ комедію въ фарсъ, а урокъ нрав-

ственности—въ пустую забаву, и хорошо еще, если не въ глупую забаву балаганнаго характера. Этимъ мы не отрицаемъ и за фарсомъ, — только непремѣнно остроумнымъ и неглупымъ, — права появляться на какой бы то ни было сценѣ, какъ не отрицаемъ добраго веселья и безобиднаго смѣха; но считаемъ фарсъ неумѣстнымъ тамъ, гдѣ авторъ берется поучать или обличать. Въ такихъ случаяхъ форма заслоняетъ содержаніе, и слишкомъ легкое, вѣрнѣе—легкомысленное, изложеніе подрываетъ сущность проводимой авторомъ мысли. Въ такую-то именно ошибку впалъ нашъ извѣстный романистъ и драматургъ П. Д. Боборыкинъ въ своей комедіи *Божья коровка*, представленной на сценѣ Малаго театра въ бенефисъ заслуженнаго артиста І. А. Правдина. Въ этой комедіи авторъ взялся за очень интересный и серьезный вопросъ о разводѣ и его послѣдствіяхъ. Въ наше время весьма размножились разводы изъ-за желанія одного изъ супруговъ вступить въ новый бракъ,—размножились настолько, что въ разговорномъ языкѣ получило право гражданства выраженіе: «дать разводъ». Существующій законъ строго,— быть можетъ, даже слишкомъ строго,— охраняетъ нерасторжимость брака, и въ обществѣ непрерывно слышишь: такой-то «далъ своей женѣ разводъ и она выходитъ замужъ за сосѣда». Такой-то «требуется, чтобы жена дала ему разводъ, хочетъ жениться на сосѣдѣ, а жена не соглашается». Такая-то «соглашается дать мужу разводъ, но требуетъ обезпеченія»... и т. п. въ разныхъ вариантахъ и безъ конца. Теоретически разводы запрещены, на практикѣ ихъ «даютъ», требуютъ, продаютъ и покупаютъ. Хорошо это или дурно, къ добру это ведетъ или къ худу,—вотъ что долженъ, разумѣется, съ своей личной точки зрѣнія, выяснить намъ авторъ, берущійся за такой сюжетъ, и обязанъ показать и доказать, почему онъ находитъ это хорошимъ или дурнымъ. Можетъ, впрочемъ, быть и третье заключеніе: это—не хорошо и не дурно, это—такъ же безразлично, какъ вторичный бракъ вдовца или вдовы. Въ такомъ случаѣ надо доказать и это положеніе, иллюстрируя его надлежащимъ приѣмомъ. Мы говоримъ лишь о фактахъ развода и вторичнаго брака, а не о тѣхъ способахъ, какими устраиваются разводы. На этотъ предметъ въ нынѣшнемъ обществѣ сложилось тоже жаргонное выраженіе: «принять на себя», что принять—всѣмъ понятно безъ поясненій, кажется, даже подросткамъ, чуть не дѣтямъ. Такъ вотъ П. Д. Боборыкинъ представляетъ намъ супруга, бывшаго, Луку Лукича Напѣвина (г. Правдинъ), «давшаго разводъ» женѣ и «принявшаго на себя»; его бывшую жену (г-жа Федотова), вышедшую замужъ за Ярцова, товарища и друга Напѣвина; затѣмъ самого Ярцова (г. Южинъ), съ которымъ Напѣвинъ остался другомъ и товарищемъ. Вообще такія дружески-товарищескія отношенія не переживаютъ перехода жены отъ одного мужа къ другому; если же переживаютъ, то это представить очень рѣдкостное и удивительное явленіе. Въ данномъ случаѣ дружба Напѣвина съ супругами Ярцовыми никого не удивляетъ потому, что, во-первыхъ, Лука Лукичъ—«божья коровка», козявка, стяжавшая себѣ издавна репутацію незлобivosti; во-вторыхъ, неизвѣстно, кто

кому пристроилъ нехорошую штуку—Ярцовъ Напѣвину, сманивши у друга жену, или Напѣвинъ Ярцову, уступивши другу такую подругу жизни, какъ бывшая madame Напѣвина. Эта барышня—такой «сахаръ», что ради освобожденія отъ нея «примешь на себя» все на свѣтъ. Не знаемъ, какъ дружимъ зрителямъ, а намъ представляется, будто эта «божья коровка» себѣ на умъ и совѣмъ не такая невинная козявочка, какою кажется, быть можетъ, даже самому создавшему ее автору. Правда, Напѣвинъ безпрестанно миритъ свою бывшую жену съ ея вторымъ мужемъ. За Лукою Лукичемъ даже постоянно посылаютъ супруги Ярцовы для водворенія хотя бы кратковременнаго спокойствія въ ихъ домъ, гдѣ, къ слову сказать, живетъ и дочь бывшихъ супруговъ Напѣвиныхъ, Соня (г-жа Лешковская). Барышня она довольно странная, уродилась не въ маменьку и не въ папеньку и занимается тѣмъ, что «тренируетъ» себѣ въ мужа какого-то Корнилова (г. Багровъ). «Тренировать въ мужа»—собственное выраженіе барышни, и, повидимому, любимое; она имъ щеголяетъ и повторяетъ его съ особеннымъ удовольствіемъ. Какъ ни хлопоталъ Напѣвинъ, ему, все-таки, не удалось сохранить согласіе въ семьѣ Ярцовыхъ, главнымъ образомъ, потому, что Ярцовъ влюбился въ живущую врознь съ мужемъ Левонтьеву (г-жа Васильева) и хочетъ на ней жениться. Напѣвинъ влюбленъ въ эту же даму и тоже хочетъ на ней жениться. Мы не совѣмъ ясно поняли, желаетъ ли Левонтьева выйти замужъ за Напѣвина; но не подлежитъ сомнѣнію, что она хочетъ развестись съ мужемъ и требуетъ, чтобы мужъ «далъ разводъ» и «принялъ»... Въ этомъ ее поддерживаетъ Бандыбина (г-жа Никулина), должно быть, вдова, такъ какъ о разводѣ она не хлопочетъ, хотя «тренируетъ себѣ въ мужа» Фирсова (г. Садовскій), адвоката-специалиста по бракоразводнымъ дѣламъ. Всѣ направляются къ адвокату,—Ярцова и Левонтьева разводиться съ мужемъ, Ярцовъ—разводиться съ женой, Напѣвинъ—мирить, Бандыбина—женить на себѣ Фирсова. Адвокатъ въ изнеможеніи, никого не хочетъ принимать, не въ силахъ выслушивать; онъ въ «простраціи», разводы довели его даже до галлюцинаціи: ему кажется, будто всѣ имъ разведенные танцуютъ кадрили-монстръ, причемъ мужа и жены переходятъ изъ одной пары въ другую, продѣлывая какія-то неправдоподобныя «шассе-круазе»... Кончается дѣло, однако же, тѣмъ, что самъ адвокатъ попадаетъ въ эту кадрили и въ парѣ съ Бандыбиной, только уже не въ галлюцинаціи, а по-настоящему. Въ эту минуту изъ всѣхъ дверей врываются толпы мужей и женъ, требующихъ разводовъ. Въ послѣднемъ, четвертомъ дѣйствіи, въ квартирѣ Напѣвина, Соня живетъ съ отцомъ съ тѣхъ поръ, какъ ея мамаша уѣхала отъ мужа куда-то въ деревню. «Тренировка» жениха кончена, и практическая барышня задаетъ Корнилову послѣдній «экзаменъ», причемъ требуетъ отъ него обязательства въ томъ, что онъ оставитъ навсегда попытки стать писателемъ и поступитъ на службу. Онъ согласенъ, все улажено и обѣдъ заказанъ для помолвки, какъ вдругъ является маменька, г-жа Ярцова. Она вернулась изъ деревни и такъ какъ съ мужемъ

Ярцовымъ она разошлась, то находить совершенно естественнымъ поселиться у дочери, Сони, живущей въ домъ своего отца, ех-мужа Ярцовой. Напѣвнивъ въ ужасъ отъ такого сюрприза, Соня въ отчаяннѣ; оба не знаютъ, что дѣлать съ нежданною гостью. На счастье приходитъ зачѣмъ-то Ярцовъ. Лукъ Лукичу и Сонѣ удается кое-какъ еще разъ помирить супруговъ и выпроводить ихъ изъ дому. На смѣху имъ входятъ адвокатъ Фирсовъ съ женой, бывшею Кандыбиной, и женихъ Сони. Вся исторія кончается тѣмъ, что Соня объявляетъ о своемъ предстоящемъ замужствѣ, а адвокатъ, оставившій бракоразводную практику, обѣщаетъ сдѣлать для Сони исключеніе и развести ее съ мужемъ, когда ей вздумается. Соня выражаетъ увѣренность въ томъ, что этого не понадобится, такъ какъ она особа благоразумная и своего будущаго мужа «тренировала» по всѣмъ правиламъ искусства: онъ уже изъ ея рукъ не вырвется.

Въ комедіи много забавныхъ сценъ и истинно комическихкихъ положеній, мастерски передаваемыхъ первоклассными нашими артистами, создавшими живые и типическіе образы изъ заурядныхъ фигуръ дѣйствующихъ лицъ. Эту заурядность мы не ставимъ въ вину автору,—напротивъ, считаемъ за достоинство комедіи, если, выводя на сцену самыхъ обыкновенныхъ людей, авторъ даетъ исполнителямъ матеріалъ для изображенія типическихкихъ чертъ характеровъ. Настоящія, крупные типы—большая рѣдкость, ихъ не насчитываешь на каждую театральную пьесу хотя бы и по одному. Довольно и того, что дѣйствующія лица комедіи г. Боборыкина имѣютъ каждое свою собственную физиономію, достаточно оригинальны и не похожи на фантошей, изготовляемыхъ по заказу. Все это очень хорошо, но нехорошо то, что въ результатѣ комедія не приводитъ зрителя ни къ какому заключенію по существу затронутого въ ней вопроса. Хотѣлъ ли авторъ осмѣять разводы и попридержать нѣсколько охотниковъ и охотницъ разводиться угрозою сдѣлаться смѣшными? Если такова была его цѣль, то онъ ея не достигъ своею комедіей и даже не двинулъ дѣла ни на одинъ шагъ. Забавны въ пьесѣ разведенные, собирающіеся разводиться и отчасти разволившій ихъ адвокатъ; самая же суть дѣла осталась незатронутою. Мало этого, авторъ,—желая того или не желая,—наводитъ зрителей и, въ особенности, зрительницъ на довольно странныя мысли, что, въ предупрежденіе могущихъ явиться впоследствии пополозновеній къ разводу, недурно дѣвицамъ особеннымъ образомъ «тренировать» жениховъ, прежде чѣмъ идти подъ вѣнецъ. Не станемъ возражать, допустимъ, что это вѣрно, тогда возникаетъ другой вопросъ: какъ же поступать женихамъ, тренировать дѣвицъ или не тренировать? Если такъ, то должна происходить обоюдная предбрачная тренировка,—нѣчто совсѣмъ неправдоподобное и, притомъ, едва ли обезпечивающее прочность супружескаго сожителства. Намъ забавляютъ и смѣшать выведенныя авторомъ лица, но что же потомъ? Имъ-то самимъ, этимъ лицамъ, какъ же слѣдовало поступать—разводиться и жениться, или оставаться на своихъ мѣстахъ? По пьесѣ оказывается, что «божья коровка»—Напѣвинъ свѣтъ увидалъ съ тѣхъ поръ, какъ выдалъ свою жену замужъ

за пріятеля и избавился отъ непріятнаго положенія обманутаго мужа. Ле-вонтьева фактически живетъ врознь съ мужемъ и не можетъ выдти замужъ потому, что мужъ «не даетъ» развода и не хочетъ «принимать на себя»; если она серьезно полюбитъ, то вступить въ незаконное сожителство, а это не одобряется ни обществомъ, ни законами. Супруги Ярцовы отравляютъ другъ другу каждый часъ своего существованія и почему-то не разводятся. Кому же хорошо, кому плохо? Всѣхъ лучше Лукъ Лукичу Напѣвину, лучше потому, что онъ «далъ» и «принялъ» что слѣдуетъ. Стало быть, такъ и надо поступать всякому мужу, когда жена того пожелаетъ... Такой ли урокъ хотѣлъ преподать намъ П. Д. Боборыкинъ? Ниже мы увидимъ, какъ относятся къ вопросу о разводѣ другіе писатели, сочиняющіе «убійственныя» драмы.

Чтобы покончить съ Малымъ театромъ, упомянемъ о четырехъ-актной комедіи А. Ф. Ѳедотова: *Викторъ Павловичъ Пичужкинъ*, шедшей въ первый разъ 27 декабря прошедшаго года. Пьеса успѣха не имѣла и, по всей вѣроятности, будетъ уже покоиться въ архивѣ въ то время, когда нашъ отчетъ попадетъ въ руки читателей, а потому о ней, какъ о произведеніи, не имѣющемъ никакого значенія, мы говорить не будемъ, а побесѣдуемъ о театрѣ Е. Н. Горевой, представляющемъ любопытное, въ своемъ родѣ, учрежденіе.

Г-жа Горева продождаетъ свою антрепризу съ неослабѣвающей энергіей и съ ничѣмъ несокрушимымъ постоянствомъ. На этой сценѣ произведенія Шиллера, *Донъ-Карлосъ* и *Марія Стюартъ*, чередуются съ комедіями Онэ (*Горнозаводчикъ*) и Ал. Додэ (*Борьба за существованіе*); въ своей «борьбѣ за существованіе» г-жа Горева не останавливается ни передъ большими затратами на роскошную постановку пьесъ, ни передъ появленіемъ самолично то въ роли Маріи Стюартъ, то въ роли юной героини комедіи *Горнозаводчикъ*, то, наконецъ, въ роли Ксеніи Годуновой въ новой драмѣ Н. Л. Пушкирева *Ксенія и Лжедмитрій*. Эта драма, въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, написана, какъ намъ передавали, прекрасными рѣмованными стихами. Мы не беремся судить о достоинствѣ стиховъ, такъ какъ пьесы не читали, декламация же артистовъ дала намъ столь плачевное о нихъ понятіе, что мы вѣрить не хотѣли, будто такой мастеръ писать стихи, какъ Н. Л. Пушкиревъ, могъ надѣлать столько ничѣмъ неискупимыхъ стихотворныхъ преступленій. До тѣхъ поръ, пока не увидимъ драмы въ печати, мы этой стороны дѣла не будемъ касаться. Нельзя сказать, чтобы легко было судить и о содержаніи произведенія г. Пушкирева по исполненію его на сценѣ г-жею Горевой и ея труппой. Каково бы оно ни было, мы думаемъ, что эта драма настолько же не по силамъ исполнителямъ, насколько оказались не соотвѣтствующими ихъ средствамъ видѣнныя нами на этой сценѣ драмы Шиллера. Для насъ несомнѣнно, впрочемъ, одно, что авторъ слишкомъ произвольно обращается съ выбраннымъ имъ историческимъ сюжетомъ и далеко переступаетъ за предѣлы допускаемыхъ въ такихъ случаяхъ вольностей, безъ особенной даже въ томъ надобности и въ-

ущербъ художественности. Такія, ни на что не нужны сочинительскія вольности начинаются съ перваго же дѣйствія. При открытіи занавѣса плотники строятъ эшафотъ. Намъ говорили, будто г-жею Горовой были приглашены, ради вящаго реализма, настоящіе плотники; вѣрно ли это—не знаемъ, но рубили они настоящими топорами, настоящія доски, и тесали на совѣсть, не жалѣя ни топоровъ, ни рукъ своихъ, ни нервовъ зрителей, пришедшихъ въ театръ совѣсть не за тѣмъ, чтобы смотрѣть и слушать, какъ строятъ мосты. На эшафотъ привели казнить Григорья, слугу кн. Вишневецкаго (г. Ильинскій), приговореннаго къ смертной казни за то, что онъ осмѣлился влюбиться въ Марину Мнишекъ, свояченицу князя, и кого-то изъ ревности порубилъ саблею. Передъ смертью Григорій вынулъ изъ-за ворота крестъ и поцѣловалъ его. Русскіе бояре, очутившіеся какими-то судьбами въ гостяхъ у Вишневецкаго, узнали въ Григорья, по кресту и по другимъ примѣтамъ, царевича Дмитрія, убитаго въ Угличѣ сына царя Ивана Грознаго. Они, разумѣется, поспѣшили остановить казнь и въ двѣ минуты увѣрили польскихъ магнатовъ въ подлинности царевича. Григорій подтвердилъ ихъ увѣренія, и всѣ начали величать его царевичемъ и царемъ Московскимъ, собрались даже неукоснительно идти на Москву свергать Бориса и водворять на царство никому невѣдомаго молодца. Ну, скажите на милость, зачѣмъ понадобилось автору все это вранье? Изъ исполнѣ достовѣрной исторіи извѣстно, что ничего похожаго никогда не было и что объявился «названный» царевич совершенно иначе, при обстоятельствахъ, неизмѣримо болѣе пригодныхъ для сценической драмы, чѣмъ грубый эффектъ, сочиненный г. Пушкиревымъ. Мы не станемъ теперь слѣдить за всѣми искаженіями историческихъ фактовъ, придуманными авторомъ крайне неудачно, и отлагаемъ это до появленія драмы въ печати, тогда же подробнѣе поговоримъ и о характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя въ особенности бросившіяся намъ въ глаза погрѣшности противъ исторической правды и противъ правды художественной. Въ драмѣ г. Пушкирева Ксенія Годунова убѣждаетъ Лжедмитрія жениться на Маринѣ Мнишекъ съ тѣмъ, чтобы самой остаться его любовницей. По нашему мнѣнію, это совершенная несодѣянность,—нѣчто безусловно невысказанное въ Москвѣ начала XVII столѣтія, невысказанное по религиознымъ понятіямъ того времени о святости брака и по условіямъ тогдашняго быта. При московскихъ царяхъ были невозможны «фаворитки» на французскій манеръ. Нельзя себѣ представить даже, гдѣ и на какомъ положеніи могла бы проживать признанная «метресса» женатаго царя. Такой несообразности не могло придти въ голову ни одной русской женщинѣ того времени. Кромѣ того, мы знаемъ, что Мнишекъ обусловилъ прибытіе въ Москву своей дочери, Марины, удаленіемъ дѣвицы Ксеніи Годуновой. И Ксенія была удалена и пострижена во Владимірѣ. Не меньшую исторически-бытовую несодѣянность мы видимъ въ присутствіи Ксеніи среди заговорщиковъ въ домѣ Шуйскаго, причемъ Ксенія возглашаетъ, что пойдетъ «на еретика впереди всѣхъ съ мечомъ и крестомъ въ рукахъ». Вся

сцена заговора плоха до крайности и всего хуже въ ней появленіе дѣвicy, похваляющейся стать воеводою. Если бы какая-нибудь обезумѣвшая боярышня сдѣлала и сказала что-либо подобное, всѣ эти Шуйскіе, Голицыны, Куракины и другіе бояре или расхохотались бы до колицъ, или перепугались бы за бѣдняжку и неукоснительно приказали бы запереть ее на вышку и отчитывать отъ вселившагося въ нее бѣса. «Дѣвка» съ мечомъ въ одной рукѣ, съ крестомъ въ другой, впереди бояръ,—такой шальной мысли не могло придти въ голову самой царевнѣ Софьѣ ста годами позднѣе, а Софья Алексѣевна ужь, конечно, не чета была Акинѣѣ Боровнѣ. Съ нѣкоторою натяжкой еще возможно было бы, эффекта ради, допустить появленіе царевны Ксеніи среди бояръ для того, чтобы «жалобиться» и удостовѣрить самозванство. Лжедмитрія; но никоимъ образомъ нельзя допустить ея геройствованія, во вкусъ нѣмецкихъ и испанскихъ трагедій, и активнаго участія въ низверженіи самозванца, какъ мы это видимъ въ финальномъ актѣ пьесы г. Пушкирева.

Въ томъ же театрѣ шла драма Альфонса Додэ: *Борьба за существованіе* (*La lutte pour la vie*) въ переводѣ Э. Э. Матерна. Увлеченный конкурренціей, г. Боршъ поставилъ ту же пьесу, въ другомъ переводѣ, на своемъ театрѣ, пустивши предварительно оповѣщенія, что вся постановка пьесы сдѣлана по рисункамъ, выписаннымъ изъ Парижа. Намъ передавали, что тою же *Борьбой*, въ третьемъ переводѣ, кажется, С. Г. Дудышкина, предполагаетъ угостить насъ театръ г-жи Абрамовой. Въ Петербургѣ драма А. Додэ идетъ въ четвертомъ переводѣ А. Н. Плещеева. Это ужь выходитъ настоящая «борьба за существованіе» театральныхъ антрепренеровъ и переводчиковъ. И съ чего только они накинулись на эту пьесу? Альфонсъ Додэ знаменитый романистъ, драматургъ же онъ совсѣмъ незнаменитый, и его послѣдняя драма не послужитъ къ его прославленію въ качествѣ писателя для сцены. Начать съ того, что въ пьесѣ мы не видимъ никакой борьбы за существованіе; въ ней изображена погоня за богатствомъ и наслажденіями безнравственнѣйшаго изъ парижскихъ франтовъ, прожигающихъ жизнь, какъ говорится у насъ. Поль Астье, съ которымъ наши читатели знакомы по роману А. Додэ *Безсмертный*, напечатанному въ *Русской Мысли*, — герой драмы *Борьбы за существованіе*, никогда и ни за что не боролся; онъ едва ли даже способенъ на какую-либо борьбу. Съ дѣтства онъ обиралъ свою дрянную мамашу, съ нею за одно обирадовалъ отца, эксплуатировалъ и обворовывалъ товарищей, потомъ сталъ обирать женщинъ, женился на богатой старухѣ,—все это въ романѣ *Безсмертный*. Потомъ, въ драмѣ, онъ промоталъ огромное состояніе старухи-жены, соблазнилъ и обезчестилъ какую-то бѣдную дѣвушку, подбирается къ богатой невѣстѣ и требуетъ отъ жены развода, пытается отравить жену, но труситъ въ послѣднюю минуту и погибаетъ, убитый отцомъ осрамленной имъ дѣвушкой. Гдѣ же тутъ «борьба за существованіе» и гдѣ тутъ, вообще, какая бы то не было «борьба»? Послѣ этого и *Свадьбу Кречинскаго* можно переименовать въ «борьбу за существованіе», и *Волга*, драму г. Фе-

птова, и драму *Грѣшница*, гдѣ негодяй врачъ процѣлываетъ съ богатою женою кое-что похуже, чѣмъ Поль Астье съ герцогиней Падовани... Что за «борцы за существованіе», всѣ герои этихъ и имъ подобныхъ пьесъ, построенныхъ на уголовничѣ изъ корыстныхъ побужденій? Такими «борцами» у насъ полны остроги, такихъ героевъ сотнями отправляютъ ежегодно «въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя»... Въ драмѣ Додэ есть блестящія сцены, но вся пьеса далеко не сценична, и мы думаемъ, что авторъ сдѣлалъ большую ошибку, выводя сына *Безсмертнаго* Астье-Рею на сцену театра. Романъ изъ этого могъ бы выйти хорошій, и съ романомъ авторъ справился бы превосходно; съ драмою же онъ не справился и пьеса вышла довольно неуклюжая. Еще болѣшую ошибку дѣлаютъ наши театральные антрепренеры, дающіе ее въ запуски другъ передъ другомъ. Этимъ они сами подрываютъ свои антрепризы.

Въ началѣ нашей бесѣды съ читателемъ мы припомнили почтеннаго Пангласа съ его ни передъ чѣмъ неунывающимъ оптимизмомъ, между прочимъ, по поводу пятиактной драмы Е. П. Карпова *Сумерки*, шедшей въ театрѣ г-жи Абрамовой. Появись на сценѣ эта пьеса въ другое время, мы о ней, пожалуй, и говорить бы не стали,—такъ она сама по себѣ ничтожна. Теперь — иное дѣло, и *Сумерки* г. Карпова, очень можетъ быть, ничто иное, какъ передразвѣтныя сумерки. Мы уже сказали, что смѣхъ есть великая сила, что ничто такъ не отрезвляетъ, какъ смѣхъ, ничто такъ не сдерживаетъ людей, какъ боязнь оказаться смѣшнымъ. Пьеса г. Карпова до того смѣшная драма, что очень многіе охотники сочинять для сцены, ознакомившись съ нею, крѣпко задумаются, прежде чѣмъ браться за писательство. Неизмѣримо важнѣе этого, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что съ нѣкоторыхъ поръ въ нашемъ обществѣ чрезмѣрно размножились самоубійства изъ-за маловажныхъ поводовъ. Такія драмы, какъ *Сумерки*, могутъ представить самоубійства въ столь смѣхотворномъ видѣ, что останавливаютъ многихъ отъ посягательства на свою жизнь боязнь возбудить надъ собою смѣхъ. «Все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ». Драма г. Карпова почти ничемъ не разнится отъ комедіи г. Невѣжина *Невольный врагъ*. Въ комедіи г. Рошинъ-Инсаровъ изображалъ деревенскаго врача, мужа г-жи Рыбчинской, занимающейся хозяйствомъ; въ драмѣ г. Рошинъ-Инсаровъ изображаетъ мужа деревенскаго врача (г-жи Рыбчинской) и самъ занимается хозяйствомъ въ качествѣ «ученаго агронома». Очень возможно, что въ недалекомъ будущемъ г. Рошинъ-Инсаровъ обреченъ представлять астронома, состоящаго въ бракѣ съ «ученымъ агрономомъ». Но загадывать впередъ не станемъ, а вернемся къ сопоставленію двухъ пьесъ. Въ комедіи врачъ влюбляется въ пациентку, пациентка въ врача; въ драмѣ агрономъ влюбляется въ богатую помѣщицу Ивлеву (г-жа Габцова), въ имѣніи которой онъ агрономствуетъ, помѣщица влюбляется въ агронома. Врачъ бросаетъ жену-хозяйку, хозяинъ-агрономъ бросаетъ жену-врача; въ комедіи и драмѣ покидаемыя супруги плачутъ и причитаютъ: «не уѣзжай, голубчякъ мой»,—ни супруга врача, ни супруга агронома

на разводъ не согласны. Дальше начинается разниа: помѣщица г. Невѣжина замужемъ за старикомъ; помѣщица г. Карпова вдова, живущая съ старикомъ отцомъ. Дама г. Невѣжина цѣловалась съ врачомъ потихоньку, при лунѣ и очень недолго; дама г. Карпова цѣлуется съ агрономомъ со-всѣмъ въявь, при дневномъ свѣтѣ и довольно долго, цѣлыхъ два года, которые, къ нашему счастью, проходятъ во время антракта между первымъ и вторымъ дѣйствіями. Деревенскій врачъ г. Невѣжина уѣхалъ и обѣщалъ возвратиться, но, къ нашему удовольствію, не возвратился, по нежеланію автора сочинять пятое дѣйствіе. Агрономъ возвратился разбогатѣвшимъ человѣкомъ и обогативши свою сожительницу Ивлеву. Въ комедіи мораль говорить, и обличаетъ героя г. Соловцовъ, изображающій товарища врача; въ драмѣ г. Соловцовъ дѣлаетъ то же самое, но изображаетъ пьянаго «писателя». Въ обѣихъ пьесахъ г-жа Рыбчинская одинаково добродѣтельна. Въ чемъ же состоитъ собственно драма г. Карпова? Чѣмъ обуславливается драматичность положенія героя и двухъ героинь? Этого никакъ нельзя понять. Агрономъ, послѣ двухъ лѣтъ дѣйствительнѣйшихъ успѣховъ, вдругъ затосковалъ до того, что свѣтъ ему не милъ. Затосковалъ онъ не о женѣ, а такъ — невѣдомо о чемъ, ходитъ и повторяетъ: «нѣтъ мнѣ возврата, нѣтъ возврата»... А куда нѣтъ ему возврата—не пояснить. Говоритъ онъ что-то вскользь, и пьяный писатель, кажется, тоже говорить о какихъ-то товарищахъ, которые отъ него, агронома, отвернулись за то, что онъ полюбилъ состоятельную женщину, которая его любитъ. Изъ пьесы, однако же, нельзя вывести заключенія, будто онъ пользовался средствами этой барыни; напротивъ, оказывается, что онъ ее обогатилъ и самъ нажилъ состояніе вполне одобрительными средствами: знаніемъ, трудовою жизнью, полезною дѣятельностью не для себя только, но и для цѣлаго края. Мы также не понимаемъ, для чего онъ требуетъ отъ жены, чтобы она «дала разводъ» и, слѣдовательно, «приняла на себя». По всей видимости, это такая же блажь, какъ повтореніе ничего не выражающихъ словъ: «нѣтъ возврата». Разводъ ни на что ровно не нуженъ захандрившему агроному. Живетъ онъ съ вдовою, какъ говорится, «maritalement», безъ малѣйшей помѣхи съ чьей-либо стороны. Папаша этой дамы, помѣщикъ Разградовъ (г. Киселевскій), смотритъ прелюбодушно на нелегальное сожитіе дочери съ агрономомъ. Ея двоюродный братъ и его жена не только ничего не имѣютъ противъ такого сожитія кузины, но даже хлопочутъ о восстановленіи согласія между Ивлевою и ея сожителемъ, когда миръ и любовь ихъ омрачились хандрю агронома. Не изъ чего нельзя заключить, чтобы кто-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ отнесся къ этому факту иначе, чѣмъ папенька, братецъ и сестрица. Жена агронома, деревенскій врачъ, усердно занимается своимъ дѣломъ, ничѣмъ не тревожитъ бросившаго ее мужа и увлекшую его барыню, желаетъ только, чтобы ее оставили въ покоѣ и не приставали къ ней съ глупостями: «дай разводъ» и «прими на себя»... Метался, метался нашъ агрономъ и ничего лучшаго не придумалъ, какъ застрѣлиться въ квартирѣ своей и

въ чемъ неповинной жены. Такимъ образомъ, въ драмѣ г. Карпова повторяется невыносимо прискучившая публикѣ за нынѣшній сезонъ исторія ничтожнаго человѣка, очутившагося между двумя женщинами, изъ которыхъ одна законная жена, другая отнимаетъ или отняла у нея мужа. Матерія эта такъ много трактовалась, что серьезная ея сторона, кажется, исчерпана сполна, и осталось еще нетронутымъ лишь кое-что изъ стороны комической. На эту тему, почти не измѣняя сюжета, взятаго г. Карповымъ, можно написать презабавную комедію, пожалуй даже съ револьверомъ, изъ котораго, однако же, не стрѣляютъ, какъ въ пьесѣ г. Невѣжина. Но разъ въ основѣ драмы есть хотя малая доля комическаго элемента, и авторъ этого не замѣчаетъ, а раздѣлываетъ все съ самымъ серьезнымъ и важнымъ видомъ, тогда весь комизмъ достается на долю автора, какъ лица, употребляющаго героическія усилія для достиженія пустяковыхъ результатовъ. Авторъ надрывается, всю свою душеньку опорожняетъ въ свое произведеніе, заставляетъ актеровъ вопить, слезами обливаться, рыдать, палить изъ пистолетовъ; актеры изъ кожи лѣзутъ, вопять, рыдаютъ и палить. А публика остается невозмутимо-равнодушною, зѣваетъ со скуки и лишь изрѣдка фыркаетъ отъ смѣха, преимущественно въ самыхъ драматически-забирательныхъ мѣстахъ. Въ драмѣ, гдѣ есть что-нибудь серьезное въ мотивахъ убійства или самоубійства, — ну, хотя бы психопатія, какъ это ни плохо, — впечатлѣніе остается, все-таки, нѣсколько жуткое и зрителямъ не до смѣха: вѣдь, и на самомъ дѣлѣ такъ бываетъ. Лишь потомъ, когда начнетъ сглаживаться первое впечатлѣніе, оно смѣняется въ сознаніи зрителя неудовольствіемъ, досадно на то, что его заставили пережить неприятный моментъ безъ всякой нужды и пользы. Когда же нецелое и бесполезное смертоубійство происходитъ на сценѣ безъ всякаго повода, признаваемаго возможнымъ въ жизни, тогда уже смѣха зрителей ничто сдержать не можетъ. Иллюзіи не существуетъ, публика ни на мгновение не забываетъ, что все это «нарочно», и впечатлѣніе получается такое же точно, какъ отъ убійства жандарма полишинелемъ. Если наша публика не хочетъ надъ подобными драмами, то лишь потому, что русскіе люди вообще очень сдержаны въ выраженіи своихъ чувствъ. У французовъ, на представленіи подобной драмы, стонъ стоялъ бы въ театрѣ отъ хохоту. Русская публика смѣется тихо, про себя, больше улыбками. Тѣмъ не менѣе, драмы à la *Сумерки* производятъ хорошее дѣйствіе: онѣ дѣлаютъ смѣшными самоубійства.

Лучшею пьесой за нынѣшній сезонъ была драма И. Н. Ладженскаго: *Ларскій*, идущая въ театрѣ г-жи Абрамовой. Въ пьесѣ есть не только самоубійство, но и убійство, и, однако же, несмотря на ея крупныя недостатки, ни у кого не хватаетъ духа отнести шутивно къ произведенію начинающаго драматурга, — настолько въ этой пьесѣ есть жизненной правды. Фабула нова и оригинальна. Уѣздный предводитель дворянства, Ларскій (г. Чарскій), любитъ жену помѣщика Зернищева, Варвару Петровну (г-жа Рыбчинская). Съ Зернищевымъ (г. Киселевскій) Ларскій находится издавна въ

самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Зернищева любить Ларскаго. Въ трое люди умные, честные, вполне порядочные. Ни Ларскому, ни Зернищевой ни на минуту не приходитъ въ голову мысли о тайной любовной связи. Убѣдившись въ силѣ обоюдной любви и въ невозможности противостоять влеченію другъ къ другу, они рѣшаются высказать все мужу и сообща найти средство выдти изъ трудно разрѣшимаго положенія. Дѣло усложняется еще тѣмъ, что у Зернищевыхъ есть единственный сынъ. Мать беззавѣтно любитъ свое дитя. Зернищевъ не препятствуетъ женѣ ухаживать и жить съ Ларскимъ; но какъ только вопросъ доходитъ до ребенка, то отецъ категорически объявляетъ, что сына не отдастъ. «Какъ же тутъ быть? — говорить ему Ларскій. — Гдѣ же выходъ изъ этого положенія?» — «Это уже ваше дѣло, а не мое», — насмѣшливо возражаетъ Зернищевъ, сидя на крутомъ обрывѣ и продолжая спокойно удить рыбу. На всѣ убѣжденія Ларскаго онъ отвѣчаетъ ироніей и глумленіемъ. «Это нечестно съ твоей стороны. Ты пользуешься своимъ правомъ и обращаешь его въ средство насилія надъ женщиной! — говоритъ Ларскій. — Жена не хочетъ жить съ тобою, ты удерживаешь ее насиліемъ». — «И не думаю. Пусть уходитъ». — «Она не можетъ разстаться съ ребенкомъ». — «Пусть остается». — «Не можетъ она оставаться, пойми ты...» — «Пусть уходитъ, а сына не отдамъ... — стоитъ на своемъ Зернищевъ. — А ты вотъ что сдѣлай: вызови меня на дуэль и убей, а потомъ женись на ней. Вотъ тебѣ и исходъ». Ларскій говорить; что неммыслимо жениться на вдовѣ убитаго имъ человѣка, убивши отца, стать вотчимомъ сына. Холодные насмѣшки и подразниванія Зернищева бѣсятъ Ларскаго. «Въ такомъ случаѣ, — продолжаетъ Зернищевъ, — не пропускай удобнаго момента. Я сижу тутъ на обрывѣ, насъ только двое, никто не увидитъ. Стоитъ тебѣ толкнуть меня, и я полечу въ омутъ... Вотъ тебѣ и исходъ». Доведенный до изступленія, Ларскій дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ Зернищеву. Тотъ пугается, готовъ крикнуть, броситься на Ларскаго. Ларскій его предупреждаетъ и, послѣ мгновенія борьбы, сталкивается съ кручи. Зернищевъ отчаянно зоветъ на помощь. На балконѣ появляется кто-то изъ гостей. Очнувшійся отъ аффекта, Ларскій бросается въ воду спасать Зернищева. На крики сбѣгаются гости, народъ, вытаскиваютъ кого-то изъ воды... «Кто, кто спасенъ?» Вытащили Ларскаго безъ чувствъ, Зернищева не нашли. Запавъсь.

Тутъ намъ приходится сдѣлать маленькій перерывъ и поговорить не о пьесѣ, а объ одной газетной критикѣ на нее. Въ № 356 *Московскихъ Вѣдомостей* (25 дек. 1889 г.) г. Васильевъ пишетъ: «Убѣднѣйшій предводитель, дѣйствительно, спихиваетъ въ воду состоятельнаго землевладѣльца Зернищева. За сценой слышны задыхающіеся крики: «спасите!» Предводитель, помедливъ нѣсколько времени, самъ бросается съ берега. «Онъ кинулся въ воду не для того, чтобы спасти Зернищева, а для того, чтобы его удушить». «Мы, зрители, не интересуемся Ларскимъ. Мы ничего къ нему не чувствуемъ, ибо онъ для насъ не ясенъ. Неясность эта начинается съ перваго же акта. У него (?) въ головѣ какая-то путаница, *несмот-*

ря на то, что она предводитель дворянства...» «Мы, зрители, понимаем силу страсти и прощаемъ ей...» «Мы поняли бы Ларскаго, еслибъ онъ, въ порывѣ бѣшеной страсти къ женщинѣ, вызвалъ Зернищева на дуэль, убилъ бы его. Но мы не понимаемъ, когда человекъ, въ которомъ нѣтъ этой страстности,—человекъ, отыскивающий *modus vivendi*, внезапно совершаетъ убійство, да еще, какъ оказывается потомъ, *убійство съ два приема*...» Выходить на самогъ дѣлѣ «какая-то путаница». Только вотъ вопросъ: у кого же она въ головѣ? Г. Васильевъ пишетъ, что «былъ на первомъ представленіи» драмы, и мы были на первомъ представленіи. Г. Васильевъ говоритъ: «мы, зрители, не интересуемся Ларскимъ», «мы ничего къ нему не чувствуемъ». «Мы, зрители, не понимаемъ...» Мы—тоже зрители, и Ларскимъ интересуемся, понимаемъ безвыходность его положенія, видимъ порывъ страсти и понимаемъ, что, подъ влияніемъ аффекта, Ларскій могъ столкнуть въ воду землевладѣльца, насмѣхающагося надъ его чувствами и надъ безвыходнымъ положеніемъ несчастной, любимой имъ женщины, находящейся въ зависимости отъ воли и каприза этого землевладѣльца. Отъ чего же это произошло, что «зрители» г. Васильева ничего не поняли, а наши «зрители» все поняли? Да отъ того, полагать надо, что въ театрѣ мы съ г. Васильевымъ были одновременно, а видѣли и слышали не одно и то же. Пишущій эти строки видѣлъ, какъ Ларскій столкнулъ въ воду Зернищева и потомъ, опомнившись отъ аффекта, бросился его *спасать*, рискуя собственной жизнью и даже болѣе, чѣмъ жизнью,—рискую, что спасенный имъ Зернищевъ обвинитъ его въ покушеніи на убійство. А г. Васильевъ видѣлъ, какъ Ларскій столкнулъ Зернищева и потомъ кинулся въ воду его *душить*,—г. Васильевъ удостоверяетъ, что Ларскій совершилъ *убійство съ два приема*. Что, если бы дѣло шло не о театральнoй пьесѣ, а о настоящемъ, живомъ человекѣ? Вѣдь, такой очевидецъ, какъ г. Васильевъ, безъ воды утопилъ бы Ларскаго. Понимаетъ г. Васильевъ то, что передъ нимъ происходитъ на сценѣ, или не понимаетъ—это его дѣло; интересуется онъ тѣмъ или другимъ лицомъ или не интересуется, это—тоже его дѣло. А искажать факты, передавать ихъ на выворотъ и на этомъ основывать критическій разборъ драматическаго произведенія, это—уже не личное только дѣло критика, ибо этимъ онъ вводитъ въ заблужденіе публику и наноситъ весьма существенный вредъ автору и исполнителямъ. Если бы Ларскій сдѣлалъ то, что ему приписалъ критикъ *Московскихъ Вѣдомостей*, тогда мы, да и всякій, думается намъ, зритель, сказали бы, что это не человекъ, а чудовище, и что вся драма г. Ладженскаго нигуда не годится, ибо она была бы построена на совершенно неправдоподобномъ злодѣйствѣ, и не только на неправдоподобномъ, но и на физически невозможномъ, такъ какъ вступать въ борьбу съ тонущимъ—значитъ идти на вѣрную смерть. А г. Васильевъ категорически говоритъ, что послѣ того, какъ Ларскій кинулся въ воду *удушить* Зернищева, «между ними происходила борьба, въ продолженіе которой у Ларскаго выпали изъ кармана часы, былъ сорванъ галстукъ и разорванъ воротъ рубашки».

Часы, дѣйствительно, выпали изъ кармана Ларскаго во время борьбы съ Зернищевымъ, только борьба-то происходила на берегу и часы оказались въ травѣ, иначе они такъ и остались бы на днѣ омута и никогда не появились бы на свѣтъ Божій служить уликой противъ Ларскаго, какъ мы это увидимъ ниже. Эти часы имѣютъ огромное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы, о нихъ говорится не разъ, и намъ кажется страннымъ, какъ критикъ «не понялъ», что изъ омута часы, во-первыхъ, не могли вынырнуть и, во-вторыхъ, очутившись разъ въ водѣ, не могли бы стать уликой. Тутъ уже нельзя сказать: «мы, зрители, часами не интересуемся». Взглянъ разбираться пьесу, такъ ужъ, дѣлать нечего, интересуйся и часами, и галстукомъ, и мѣстомъ борьбы, и всякою подробностью, имѣющимъ вліяніе на развитіе и исходъ пьесы. Къ этимъ часамъ мы въ свое время вернемся.

Для насъ первый актъ имѣетъ значеніе пролога, построеннаго нѣсколько на старинный ладъ прологовъ къ мелодрамамъ. Смертью Зернищева заканчивается самостоятельная драма, возникшая изъ-за любви замужней женщины къ холостому человѣку. Дѣло, какъ мы видѣли, усложнилось тѣмъ, что у этой женщины есть ребенокъ, котораго мужъ не соглашается ей отдать, если она покинетъ супружескій кровъ. Мало того, Зернищевъ объявляетъ, что оставившей его женѣ онъ никогда не дозволитъ видѣться съ ея сыномъ, что не пуститъ ее въ домъ даже въ томъ случаѣ, когда ребенокъ заболѣетъ; онъ грозитъ воспитать сына такъ, что изгладитъ изъ его сердца даже память о матери. Легально мужъ вправѣ такъ поступать; по душѣ, по совѣсти—не вправѣ. Въ подобныхъ случаяхъ симпатія общества хотя и колеблются, но всего чаще склоняются на сторону матери уже потому, что она представляетъ въ дѣлѣ слабѣйшую сторону и болѣе страдающую. Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто затрогивать мудреный вопросъ, способный растревожить слишкомъ суровыхъ моралистовъ. Какъ бы то ни было, въ концѣ перваго дѣйствія Зернищева оказалась свободною. Тутъ, по нашему мнѣнію, авторъ сдѣлалъ существенную ошибку, приписавши любовь сестры Зернищевой, молодой дѣвушки, Елены Петровны (г-жа Синельникова), къ тому же Ларскому. Мы думаемъ, что авторъ поступилъ бы проще и лучше, если бы ограничилъ отношенія этой дѣвушки къ Ларскому дружбой, основанною на глубокомъ уваженіи и безграничномъ довѣрїи къ его честности и уму. Любовь Елены не имѣетъ никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ событій, и сама эта дѣвушка нужна тутъ въ качествѣ дѣйствующаго лица для того только, чтобы въ тяжелую минуту Ларскій ей одной признался въ преступленіи. Ларскій хотѣлъ было послѣ смерти Зернищева ухъать куда-нибудь далеко, бѣжать отъ мученій совѣсти и отъ любви вдовы убитаго имъ человѣка; но обстоятельства складываются иначе, и Ларскій женится на Варварѣ Петровнѣ. Между тѣмъ, говоръ о смерти Зернищева то замолкаетъ, то опять возникаетъ, раздуваемый провинціальными сплетнями и недоброжелателями, которыхъ нашлъ себѣ предводитель дворянства непоколебимо честнымъ исполненіемъ своихъ

обязанностей. Въ дѣло замѣшивается еще одна лишняя любовь: въ Ларскаго влюблена жена помѣщика Магорина. Эта барыня приходитъ къ Ларскому и рѣзко требуетъ его любви. Когда же Ларскій оттолкнулъ слишкомъ навязчивую даму, тогда она грозитъ отомстить. Она не повѣрила случайности паденія въ воду Зернищева, осмотрѣла мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ, видѣла слѣды борьбы и нашла тутъ же въ травѣ часы Ларскаго. Мало-по-малу противъ убійцы Зернищева собираются настолько серьезныя улики, что въ дѣло вмѣшивается прокурорскій надзоръ, начинается слѣдствие. Ларскій знаетъ, что на судѣ откроется вся правда; онъ чувствуетъ, что не въ силахъ дольше отрицать свое преступленіе. И чтобы отклонить позоръ отъ любимой женщины, отъ ребенка, рожденія котораго она ожидаетъ, онъ рѣшается уѣхать и покончить съ собою такъ, чтобы смерть его могла быть приписана несчастной случайности. Появленіе слѣдователя, пришедшаго арестовать Ларскаго, ускоряетъ развязку. Ларскій застрѣливается, отрицая свою виновность: «не я убилъ... они лгутъ... все неправда!»

Основной недостатокъ новой пьесы г. Ладыженскаго тотъ же, что и въ первой его пьесѣ *Подъ властью сердца*: это не драма, а повѣсть въ лицахъ. Въ ней есть, конечно, драматическіе моменты, но они составляютъ лишь эпизоды этой повѣсти. Въ пьесѣ нѣтъ единства и цѣльности борьбы двухъ началъ—разума и чувства изъ-за рѣшенія жизненнаго вопроса. Вопросъ, какъ мы видѣли, рѣшенъ въ первомъ актѣ, драма сыграна. Последующіе четыре акта посвящены изложенію послѣдствій, къ которымъ ведетъ развязка предшествовавшей драмы. Такимъ образомъ, въ произведеніи г. Ладыженскаго мы имѣемъ коротенькую, одноактную драму и четырехъактный психологическій этюдъ. Такое построеніе пьесы мы назвали бы уродливымъ, если бы въ этихъ четырехъ актахъ авторъ занималъ насъ исключительно или преимущественно развитіемъ психическаго состоянія своего героя. Г. Ладыженскій съ большимъ тактомъ избѣжалъ этой капитальной ошибки. Ларскій остался, разумѣется, центральнымъ лицомъ, но вокругъ этого лица передъ нами развертывается интересная и хорошо, правдиво написанная картина провинціальной жизни. Зритель видитъ тутъ весь уѣздъ со всѣми его симпатіями и антипатіями, со всѣмъ, что есть въ немъ добраго и что есть недобраго. Получается бытовой этюдъ, очеркъ психики цѣлаго общества. Вотъ почему пьеса г. Ладыженскаго представляется очень интересною и смотрится съ неослабвающимъ вниманіемъ. Для одного Ларскаго было бы совершенно достаточно двухъ актовъ, и ни на что не нуженъ прологъ съ демонстраціей самаго факта убійства. Въ общей картинѣ и этотъ актъ имѣетъ свое немалое значеніе. Пьеса была разыграна хорошо; только мы находимъ, что г. Чарскій, артистъ несомнѣнно очень талантливый, взявъ съ перваго же появленія на сценѣ слишкомъ мрачный тонъ и угрюмый видъ, могущіе сбивать съ толку зрителей. Въ исполненіи г. Чарскаго мы не видимъ различія между Ларскимъ до убійства и тѣмъ же человѣкомъ, но уже носящимъ на душѣ тяжесть

преступленія; мы не видимъ тѣхъ колебаній въ послѣдующихъ, измѣнчивыхъ настроеніяхъ, которыя переживаетъ Ларскій, когда къ немъ то стихаетъ и какъ бы дремлетъ сознаніе, убаюкиваемое окружающимъ его семейнымъ миромъ, то поднимаются тревоги сердца и ума подъ напоромъ разрастающихся вокругъ него враждебныхъ ему обстоятельствъ. Съ такимъ непрерывно одинаковымъ мракомъ въ душѣ человѣкъ не могъ бы выжить и нѣсколькихъ недѣль,—онъ сошелъ бы съ ума или покончилъ бы самоубійствомъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ поводовъ.

Взвѣсивши всѣ недостатки и достоинства пьесы г. Ладыженскаго, мы еще разъ повторяемъ, что это лучшая пьеса изъ всѣхъ вновь поставленныхъ въ теченіе нынѣшняго сезона. Къ вопросу о томъ, допустимы или нѣтъ на сценѣ «повѣсти въ лицахъ», мы рассчитываемъ вернуться въ слѣдующій разъ.

Ан.

Русская опера на сценѣ нашего Большаго театра все болѣе и болѣе завоевываетъ симпатію публики, и Большой театръ съ его оперными спектаклями посѣщается въ настоящее время едва ли не усерднѣе всѣхъ остальныхъ, хотя никакъ нельзя сказать, чтобы онъ представлялъ особый интересъ своимъ репертуаромъ; давно уже не было у насъ такого бѣднаго сезона, какъ настоящій.

Нашъ Большой театръ, по величинѣ своей, одинъ изъ первыхъ, если не первый въ мірѣ. Говорятъ, что сцена Миланскаго la Scala больше; хотя пишущему эти строки случалось видѣть ее, но она была совершенно пуста, по случаю каникулярнаго времени, между тѣмъ какъ сцена Большаго театра, кромѣ своего прямого назначенія, служитъ еще постояннымъ складомъ для цѣлой массы декораций, загромождающихъ значительную ея часть, поэтому на глазъ сравненіе сдѣлать трудно. Кстати, присутствіе этихъ складовъ на нашей сценѣ грозитъ такимъ бѣдствіемъ въ случаѣ пожара, что объ этомъ страшно и подумать; покойный А. Н. Островскій, въ недолгое время своего директорства, былъ сильно озабоченъ изысканіемъ средствъ для устраненія такой страшной угрозы, но смерть помѣшала ему довести дѣло до конца, а съ тѣхъ поръ опять, кажется, рѣшили возложить упованіе на наше національное *авось* и оставить все попрежнему.

Одно изъ лучшихъ и, дѣйствительно, драгоценныхъ качествъ нашей оперной залы заключается въ ея превосходной акустикѣ; въ этомъ отношеніи она едва ли уступитъ какому-либо другому театру. Несмотря на ея громадную величину, пѣть на нашей сценѣ очень легко, такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ знаменитости, выступавшія на ней и знакомыя со всѣми почти заграничными театрами. Но, все-таки, зала Большаго театра страдаетъ огромнымъ недостаткомъ — отсутствіемъ вентиляціи, вслѣдствіе чего при большомъ стеченіи публики въ ней бываетъ невыносимая духота, не только отравляющая удовольствіе, но, безъ сомнѣнія, вредно отзывающаяся на здоровьѣ зрителей. Театральному управленію слѣдовало бы обра-

тить на это вниманіе; какъ бы ни дорого обошлось устройство хорошей вентиляціи, передъ этимъ расходомъ останавливаться нельзя, да и будетъ ли этотъ расходъ такъ громаденъ по отношенію къ годовому бюджету?—едва ли. Другое вопіющее зло нашей сцены заключается въ безконечно длинныхъ антрактахъ, растушихъ съ каждымъ годомъ, съ каждою новой постановкой. Надо исключить *Волшебную флейту*, гдѣ, принимая во вниманіе сложность постановки, длина антрактовъ, пожалуй, еще имѣетъ какое-либо оправданіе, хотя въ Вѣнѣ, при богатѣйшей обстановкѣ *Волшебная флейта* длится менѣе 3-хъ часовъ. Говорятъ, что у насъ нѣтъ приспособленій для быстрыхъ перемѣнъ декораций; казалось бы, всего проще устроить такія приспособленія; здѣсь даже и вопросъ о затратахъ едва ли бы могъ останавливать, потому что при сокращеніи длительности спектаклей одна экономія въ освѣщеніи должна составить порядочную сумму, не говоря о томъ, что число рабочихъ по сценѣ должно тоже сократиться весьма значительно; слѣдовательно, такая затрата была бы расходомъ производительнымъ, помимо чрезвычайнаго удобства для зрителей, которымъ не пришлось бы просиживать въ театрѣ 1½ — 2 часа лишніхъ. Приведемъ для сравненія продолжительность нѣкоторыхъ спектаклей вѣнскаго опернаго театра. Балетъ *Эксельсиоръ* съ очень богатою и сложною постановкой (12 картинъ) длится всего два часа; опера Вагнера *Морякъ-скиталецъ* длится также два часа; *Лоэнгринъ*, вмѣсто нашихъ пяти часовъ, длится только три часа и т. п. Можно бы выписать продолжительность всѣхъ представленій вѣнской сцены, потому что тамъ въ театральныхъ афишахъ обозначается не только время начала, но также и конца каждаго спектакля. Въ Вѣнѣ лишь небольшая часть публики выходитъ въ антрактахъ, благодаря ихъ краткости, а большинство ихъ остается на мѣстахъ съ начала и до конца представленія. Продолжительность нашихъ антрактовъ все возрастаетъ; прежде, когда еще въ Большомъ театрѣ давались маскарады, въ дни ихъ оперные спектакли оканчивались не позже 10¼ часовъ, теперь же, какъ извѣстно, не одно оперное представленіе такъ рано не оканчивается. Никакая обстановка, хотя бы она была роскошна и красива, не можетъ быть признана удовлетворительной, когда, вмѣсто частыхъ перемѣнъ, являются антракты, а каждый антрактъ длится 20—40 минутъ. Вѣдь, оказалось же возможнымъ уничтожить антрактъ между первой и второй картинами перваго акта *Фауста*, много выигравшими отъ этого и въ художественномъ отношеніи, потому что вторая картина есть ничто иное, какъ финалъ перваго акта. То же самое нужно сдѣлать съ первымъ актомъ *Демона* (кстати, прежняя постановка этой оперы была практичнѣе и лучше во всѣхъ отношеніяхъ) и третьимъ *Лоэнгринъ*, первая декорация котораго, повторяющаяся и въ заключительной картинѣ, нигуда не годится.

Репертуаръ нашей сцены также составляетъ одинъ изъ ея крупныхъ недостатковъ. Не говоря о нынѣшнемъ сезонѣ, представляющемъ исключительное явленіе вслѣдствіе дезорганизации труппы, и при нормальномъ

своемъ положеніи онъ никогда не представлялъ у насъ ничего систематическаго, обдуманнаго. Всякая большая сцена имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленное направленіе, выражающееся въ ея репертуарѣ, у насъ же трудно подмѣтить что-либо подобное. Всего характернѣе въ нашемъ репертуарѣ недолговѣчность появляющихся въ немъ новинокъ; изъ числа поставленныхъ въ послѣднія 5—6 лѣтъ оперъ лишь весьма немногія удержались въ репертуарѣ. Слѣдуетъ ли вывести отсюда заключеніе объ отсутствіи интереса въ этихъ произведеніяхъ или несоотвѣтствіи ихъ со средствами и силами нашей сцены — сказать трудно, во всякомъ случаѣ, фактъ недолговѣчности говорить о неудачномъ выборѣ новыхъ пьесъ для постановки. Одна изъ ошибокъ управленія заключается въ томъ, что оно почти исключительно задается постановкой новыхъ большихъ оперъ, требующихъ огромнаго персонала и чрезвычайнаго напряженія силъ исполнителей главныхъ партій, что мѣшаетъ давать такія оперы болѣе или менѣе часто, или же заставляетъ поручать исполненіе этихъ партій такимъ артистамъ, средствамъ которыхъ эти партіи мало отвѣчаютъ. Здѣсь намъ можетъ помочь сравненіе съ репертуаромъ большихъ заграничныхъ сценъ, изъ которыхъ германскія наиболѣе подходят по своимъ условіямъ къ нашимъ, потому что въ Парижѣ существуютъ два оперныхъ театра, имѣющихъ специальное назначеніе каждый, итальянскіе же театры слишкомъ односторонне національны, а театры другихъ государствъ не имѣютъ выдающагося значенія.

Вѣнская оперная сцена отличается, пожалуй, наибольшимъ богатствомъ и разнообразіемъ репертуара, но въ ней замѣчается преобладаніе новѣйшихъ композиторовъ надъ классическимъ репертуаромъ, хотя и послѣдній представленъ въ немъ недурно нѣсколькими операми Моцарта и Глюка, за то всякая выдающаяся новостъ во французской или итальянской оперной литературѣ, не говоря уже о нѣмецкой, очень скоро достигаетъ Вѣны; такимъ образомъ, на вѣнской сценѣ, кромѣ восьми оперъ Вагнера (*Морякскитамца*, *Тамейзера*, *Лоэнгриня*, *Мейстерзингеровъ* и четырехъ оперъ, составляющихъ тетралогію *Кольца Нибелунговъ*), дающихся едва ли не чаще всего остальнаго, можно услышать и новѣйшія французскія оперы, какъ, наприм., *Сидя* Массенэ, не говоря объ операхъ Гуно и Тома, а изъ итальянскихъ—*Отелло* Верди и *Мефистофеля* Бойто и *Джоконду* Поккелли. Въ репертуарѣ есть также оперы Вебера, Маршнера и др. и, кромѣ того, цѣлый рядъ комическихъ оперъ, старыхъ и новыхъ. Спектакли составляютъ такъ, что большія трудныя оперы чередуются съ легкими комическими, что вноситъ въ репертуаръ большое разнообразіе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ возможность полного отдыха главнымъ артистамъ труппы, которымъ приходится пѣть очень тяжелыя партіи никакъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, а большею частью по одному разу. Вотъ, наприм., распределеніе репертуара за одну недѣлю въ прошломъ году, взятую безъ выбора, наудачу: *Сидя* Массенэ, *Золотой крестъ* Брюлля (легенькая комическая опера), *Браконьеръ* Лортцинга (тоже), *Лоэнгринъ* Вагнера, *Мефистофель* Бойто, *Мейстерзингеры* Вагнера, *Волшебная флейта* Моцарта.

Такииъ же смѣшанныиъ характеромъ репертуара отличается и берлинская сцена. На ней первое мѣсто отводится Вагнеру и Мейерберу, но на ряду съ ними даются и комическія оперы Лортцинга, *Дочь полка* Донизетти и *Марта* Флотова; оперы французскаго репертуара почти отсутствуют. Если просмотрѣть такииъ же образомъ перечни спектаклей другихъ большихъ сценъ Германіи, то, при нѣкоторыхъ своихъ второстепенныхъ характерныхъ особенностяхъ, во всѣхъ нихъ замѣчается тотъ же принципъ чередованія большихъ оперъ съ легкими комическими, оперъ классическаго репертуара съ романтическими и новѣйшими. Такойъ приѣмъ даетъ репертуару очень большое разнообразіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ возможность не требовать чрезмѣрнаго напряженія силъ отдѣльныхъ членовъ труппы. Нашей сценѣ слѣдовало бы воспользоваться готовымъ примѣромъ германскихъ сценъ и заняться классическими операми, во всякомъ случаѣ, не требующими ни особенныхъ расходовъ на постановку, ни участія слишкомъ большаго числа исполнителей. Прибавивъ къ этому нѣсколько французскихъ оперъ Бизэ, Делиба, Тома и др., можно бы составить очень живой и разнообразный репертуаръ. Непремѣнно слѣдуетъ поставить *Майскую ночь* Н. А. Римскаго-Корсакова, а потомъ его же *Синюю ручку*,— эти два произведенія вовсе не заслуживаютъ, чтобы ихъ совершенно игнорировали. Конечно, всего этого нельзя сдѣлать разомъ, но если бы рѣшились идти послѣдовательно въ какомъ-либо направленіи, если бы намѣтили себѣ опредѣленный планъ дѣйствій, то все могло бы осуществиться даже въ неособенно далекомъ будущемъ. Мы привели здѣсь для примѣра немногія вещи, перечень оперъ, постановка которыхъ была бы желательна и полезна для нашей сцены, можетъ быть увеличенъ въ нѣсколько разъ; оперная литература въ настоящее время такъ богата, что, выбирая только лучшее, можно задать себѣ работу на много лѣтъ, не считая могущихъ появиться за это время новостей, только выбирать нужно съ умѣньемъ и держаться какой-нибудь опредѣленной системы, а не хвататься за первое попавшееся.

Свободный выборъ пьесъ для репертуара возможенъ только при томъ условіи, когда сцена располагаетъ труппой достаточно полной по составу, въ которой кругъ дѣятельности ея членовъ былъ бы заранее опредѣленъ. Собрать хорошую оперную труппу нелегко, особенно у насъ, но, тѣмъ не менѣе, возможно. Особенно важно умѣнье утилизировать находящіяся въ распоряженіи сцены силы и, сообразуясь съ ясно намѣченнымъ репертуаромъ, дополнять ихъ по мѣрѣ надобности. Большія оперы новыхъ композиторовъ представляютъ такія тяжелыя задачи для исполнителей, требуютъ такихъ исключительныхъ голосовыхъ средствъ, что основывать репертуаръ, главнымъ образомъ, на нихъ почти нѣтъ возможности. Такія молодыя артистки, какъ г-жа Павленкова, Эйхенвальдъ, могутъ быть очень полезными и занять видныя мѣста, но имъ пока недоступны главныя партіи новыхъ оперъ, тогда какъ во многихъ операхъ классическаго репертуара или въ комическихкихъ онѣ могутъ быть очень хороши. То же самое можно сказать и о

нѣкоторыхъ артистахъ изъ недавно ангажированныхъ. Въ настоящій сезонъ поставлена вновь одна только опера *Лоэнгринъ* Вагнера, да, какъ говорятъ, готовится еще къ постановкѣ *Чародѣйка* г. Чайковскаго; объ эти оперы представляютъ для исполнителей огромныя трудности и требуютъ исключительныхъ голосовыхъ средствъ, вслѣдствіе чего всю почти тяжесть работы приходится вваливать постоянно на немногихъ членовъ труппы, располагающихъ такими исключительными средствами, а остальные оказываются чуть ли не лишними, исполняя отъ времени до времени какія-нибудь маленькія партіи, или же поневолѣ берутся за выполненіе непосильныхъ для нихъ задачъ. Даже возобновленный *Трубадуръ* требуетъ участія г. Преображенскаго, который не въ силахъ постоянно пѣть и въ операхъ ранѣе поставленныхъ; теперь, говорятъ, репетируютъ *Африканку* опять все съ тѣмъ же г. Преображенскимъ. Такимъ способомъ репертуаръ нашъ едва ли чувствительно обогатится.

Вся дѣятельность нашей сцены была парализована въ настоящемъ сезонѣ чувствительными пробѣлами, оставленными въ рядахъ нашей труппы одновременнымъ увольненіемъ трехъ примадоннъ и нѣсколькихъ лицъ изъ мужскаго персонала. Взаимнѣ были ангажированы вновь многія молодыя и не очень молодыя артистки, а также и артисты, но изъ всѣхъ нихъ одна г-жа Скомпская оказалась дѣйствительно вполнѣ подготовленной артисткой, могущей съ успѣхомъ держать на себѣ извѣстную часть репертуара. Что касается остальныхъ вновь ангажированныхъ артистокъ, то между молодыми силами въ ихъ средѣ есть подающія большія надежды, но при нашемъ теперешнемъ репертуарѣ этимъ артисткамъ совсѣмъ почти нечего дѣлать и приходится оставаться совершенно въ тѣни, не смѣя даже ласкать себя надеждой, что обстоятельства могутъ измѣниться въ скоромъ времени. Такимъ молодымъ артисткамъ можно бы посовѣтовать поискать дѣла, если не въ Россіи, то за границей, а то здѣсь ихъ таланты могутъ заглухнуть вслѣдствіе полного отсутствія серьезной работы. Болѣе или менѣе опытыя пѣвицы изъ числа вновь ангажированныхъ оказались стоящими не выше заурядной посредственности и даже ниже. Мы не причисляемъ г-жу Звягину къ этому разряду: у нея есть и голосъ, и талантливость; при своемъ весеннемъ дебютѣ въ *Русланъ* она произвела весьма приятное впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, въ другихъ партіяхъ, даже въ дальнѣйшихъ повтореніяхъ партіи Ратмира, появились недостатки, свидѣтельствующіе о недостаточной артистической зрѣлости молодой пѣвицы; у нея не трудно подмѣтить иногда неряшливость исполненія и на ряду съ этимъ несчастная погоня за эффектомъ форсированныхъ нижнихъ нотъ, производящихъ совсѣмъ непріятное впечатлѣніе. Если молодая артистка не остановится на этомъ пути, то ее ждетъ горькое разочарованіе, ибо едва ли ея прекрасный голосъ долго устоитъ противъ неумѣлаго злоупотребленія имъ; очень было бы жаль, если бы это дѣйствительно такъ случилось: съ нашей стороны мы бы посовѣтовали г-жѣ Звягиной обратиться за со-

вѣтами къ опытному, добросовѣстному учителю,—безъ такой помощи г-жѣ Звягиной трудно будетъ сдѣлать что-нибудь.

Неудачныя измѣненія въ составѣ труппы имѣли послѣдствіемъ то, что пришлось отложить почти всѣ предположенныя на нынѣшній сезонъ новинки и даже болѣе того—пришлось исключить изъ репертуара нѣкоторыя оперы, уже имѣвшіяся въ немъ, потому что, несмотря на многочисленность персонала, пѣть въ этихъ операхъ оказалось некому. Многія изъ уцѣлѣвшихъ въ репертуарѣ оперъ стали исполняться далеко хуже прежняго. Для примѣра укажемъ *Фауста*: развѣ теперешнія исполнительницы партіи Маргариты могутъ равняться съ прежними? Или развѣ теперь *Робертъ* идетъ какъ шелъ раньше? Печальный опытъ нынѣшняго сезона, нужно надѣяться, докажетъ дирекціи Большаго театра, что опытными, талантливыми артистами оцѣдуется дорожить, что новые ангажементы нужно дѣлать съ разборомъ и, во всякомъ случаѣ, требовать знанія дѣленія такта и умѣнья читать ноты отъ вновь поступающихъ членовъ труппы, иначе вести дѣло сколько-нибудь успѣшно нѣтъ возможности. Необходимо теперь же опредѣлить весь репертуаръ будущаго года, составить даже примѣрное распредѣленіе спектаклей и, сообразно съ этимъ, пополнить труппу, чтобы не очутиться на мели, какъ нынѣшній годъ. Все, что мы говоримъ, есть азбука театральнаго дѣла, конечно, извѣстная лицамъ, стоящимъ во главѣ Большаго театра, но приходится напомнить о ней.

Н. К—инъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

I.

ОБЪ ИСКУССТВЪ.

Критическія замѣтки

В. А. Гольцева.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

II.

ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ.

Романъ А. И. Эртеля.

Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

III.

ПОСЛѢ ПУШКИНА.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ,
составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль».

Цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 р. 50 коп.

Подписчики на журналъ *Русская Мысль* за пересылку не платятъ.

IV.

КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ

Н. К. Михайловскаго.

II.

ЩЕДРИНЪ.

Цѣна 1 руб.

Складъ изданій въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва,
Леонтьевскій, 21).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь.

1890 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Исторія.—Этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Медицина.—Учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г.—„Русскій Вѣстникъ“, ноябрь—декабрь 1889 г.—„Этнографическое Обозрѣніе“, кн. II, 1889 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Незамѣтные герои“. Вас. И. Немировича-Данченко.—„Монахъ“. Его же.—„Послѣ Пушкина“.—„Стихотворенія“ Липлянина.

Незамѣтные герои. Вас. Немировича-Данченко. Спб., 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к. Героизмъ есть нѣчто весьма условное. Герой, по мнѣнію однихъ, другимъ нерѣдко представляется человѣкомъ зауряднымъ и иногда несимпатичнымъ, а третьими почитается человѣкъ злореднымъ и преступнымъ. Тутъ многое зависитъ отъ того, на чьей сторонѣ стоитъ самъ „герой“ и кто рассчитываетъ извлечь для себя пользу изъ его геройства. Существуютъ, конечно, и несомнѣнные герои, стоить вспомнить, наприм., Гарибальди, сдѣлавшаго великое дѣло освобожденія своего отечества. Большинство же „замѣтныхъ“ героевъ, имена которыхъ увѣковѣчиваются исторіей, геройствуетъ, имѣя въ виду, прежде всего, достиженіе личныхъ цѣлей. Такіе герои совершаютъ прославляемые подвиги, одерживаютъ громкія побѣды, не щадя себя, но за то и никого не щадя. Громкіе клики славословія героямъ смѣшиваются съ ужасающими стопами жертвъ подобнаго геройства, съ проклятіями тѣхъ, чьими страданіями приобрѣтено наименованіе „героємъ“. Славословіе такихъ героевъ въ прозѣ и въ стихахъ есть тѣмъ охотниковъ, не сознающихъ, что всѣ ихъ дифирамбы есть ничто иное, какъ пѣсни торжествующаго человѣконенавистничества. Къ счастью для человѣчества, число замѣтныхъ героевъ идетъ все на убыль и роетъ надежда на такое будущее, когда геройство этого рода и совсѣмъ окажется упраздненнымъ. И къ еще большому счастью людей, „незамѣтные герои“ никогда среди нихъ не переводились, и героизмъ любви и милосердія никогда не оскудѣвалъ, и проявлялся часто въ умилительныхъ, возвышающихъ душу подвигахъ тамъ, гдѣ его нельзя было ожидать и трудно было увидать. Большую услугу обществу оказываютъ писатели, умѣющие разсмотрѣть подъ сѣрою оболочкой повседневнои незамѣтное для огромнаго большинства и умѣющие „чувства добрыя будить“ пѣснями торжествующаго милосердія. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ книжку Вас. Ив. Немировича-Данченко, въ которой авторъ, подъ общимъ заглавіемъ *Незамѣтные герои*,

собрать пять рассказовъ, проникнутыхъ горячею любовью къ ближнему и глубокою вѣрой въ неугасимость „искры Божьей“ въ душѣ человѣка. Первое мѣсто въ книжкѣ занимаетъ повѣсть *Счастье Ивана-Непомнящаго*. Бездомный бродяга, убійца и каторжникъ, доведенный безприторнымъ дѣтствомъ и мрачною юностью до полного озвѣренія, убѣжалъ, невѣдомо уже въ который разъ, изъ этапа; по дорогѣ наткнулся на охотника, придушилъ его такъ же спокойно и просто, какъ волкъ душитъ собаку, смѣнилъ свой арестантскій халатъ на платье убитаго, забралъ его ружье и весь охотничій снарядъ и зажилъ обычною жизнью сибирскаго бродяги, избѣгая жилыхъ мѣстъ и осторожно показываясь въ поселеніяхъ лишь за припасами, получаемыми въ обмѣнъ на шкурки убитыхъ звѣрей. Однажды въ лѣсу онъ набрелъ на трупъ женщины и на малаго ребенка, безпомощно жавшагося къ мертвой матери. Жалость проснулась въ зачерствѣломъ сердцѣ бродяги, человѣкъ сказался, и Иванъ-Непомнящій взялъ съ собою ребенка. Разъ проснувшееся чувство выросло, превратилось въ чисто-отеческую привязанность и дало загнанному, звѣроподобному каторжнику свѣтлое счастье любви, блаженство милосердія. Прочтете вы эту повѣсть и вамъ ясно станетъ, что въ груди бродяги билось истинно-геройское сердце, способное на подвиги любви, но затоптанное въ грязь и ожесточенное тою травлей человѣка, которая начинается иногда съ самаго ранняго дѣтства и продолжается до сѣднѣ, до самой смерти бѣдняги, никогда не знавшаго ласки и привѣта. Но достаточно яснаго, довѣрчиваго взгляда для того, чтобы въ такомъ существѣ, доведенномъ до звѣрства, сказался человѣкъ и вспыхнула бы въ немъ искра Божія.

Другая повѣсть: *Ошибка* вводитъ насъ въ „такую обитель“, гдѣ многіе думаютъ найти миръ и покой измученной жизнью душѣ, — въ женскій монастырь. Героиня повѣсти, молодая монахиня Елена, укрылась въ эту обитель, жертвуя собою и своимъ чувствомъ счастію меньшей сестры Нины. Чтобы оцѣнить весь героизмъ этой жертвы, надо прочесть въ рассказѣ г. Немировича-Данченка всѣ мученія молодого сердца, сдавленнаго монашескою рясой, всѣ терзанія молодой головы, стиснутой монашескою скуфьей, „какъ желѣзнымъ обручемъ“. Жертва несчастной Елены оказалась напрасною: она не дала счастья сестрѣ и стала причиною ея гибели. Еще въ одномъ рассказѣ, *Свѣжамъ*, если не приносится жертва ради любимаго человѣка, то выражается полная готовность ее принести, и только счастливый случай отклоняетъ необходимость великаго самопожертвованія. Всѣ эти героическія жертвы приносятся, однако же, изъ-за любви одного человѣка къ другому человѣку. Побудительнымъ поводомъ является не альтруизмъ въ широкомъ смыслѣ, а личное расположеніе. Совсѣмъ иное находимъ мы въ повѣсти *Большое сердце*. Ея героиня — простая дѣвушка, изъ низшаго класса, съ дѣтства загнанная въ самыя ужасныя трущобы порока, не осилывшаго, однако же, ея „большаго сердца“. При первомъ благоприятномъ случаѣ, таившаяся въ этомъ сердцѣ искра Божія вспыхнула всеобъемлющею любовью къ страждущимъ и несчастнымъ, кто бы они ни были, свои или чужіе, друзья или враги. Сестра милосердія Васильева, безразлично, съ одинаковою самоотверженностью жертвуетъ жизнью и совершаетъ великіе подвиги для облегченія страданій русскихъ солдатъ и турокъ. Она — истинная героиня гуманности, и не даромъ всѣ, кто зналъ ее, звали сестру Васильеву „святою“. Хорошее, свѣтлое впечатлѣніе оставляетъ по себѣ книжка Вас. Ив. Немировича-Данченка. Написана она съ увлеченіемъ и мастерски.

Монахъ. Романъ Вас. Немировича-Данченко. Спб., 1889 г. Цѣна 1 рубль. Авторъ этого романа въ живыхъ и яркихъ рассказахъ описывалъ свои путешествія въ Соловки, на Валаамъ и въ Святогорскій монастырь. На Валаамѣ г. Немировичъ-Данченко слышалъ рассказъ проводника-монаха „о молодомъ богачѣ, уединившемся на этомъ Ладожскомъ Патмосѣ“. Изъ этого рассказа нашъ талантливый писатель сдѣлалъ прелестный и трогательный романъ, простой, какъ сама жизнь, и какъ жизнь—глубокій. Воспитанный въ суровой купеческой семьѣ, юноша, Александръ, болѣзненный, отъ природы склонный къ мистическимъ экстазамъ, не выдержалъ тяжелой жизни въ домѣ отца-миллионера, деспота на старинный ладъ, и ушелъ на Валаамъ. Тамъ, послѣ долгаго и труднаго искуса, юноша вымолил себѣ разрѣшеніе игумена и своего старца-руководителя уединиться на отдѣльно-стоящую въ морѣ скалу, гдѣ ранѣе того спасался въ пещерѣ одинъ схимникъ. Александръ два года прожилъ въ этой пустынѣ, забывая міръ и возносясь духомъ къ горнымъ высотамъ, непостижимымъ разумомъ, но чувствуемымъ сердцемъ, жаждущимъ духовнаго подвижничества. Въ монастырѣ получили письмо, въ которомъ отецъ молодого отшельника извѣщало о своей смертельной болѣзни и просилъ сына пріѣхать проститься, простить старику старыя злобы. Не легко было уговорить Александра разстаться съ излюбленнымъ имъ „Патмосомъ“. Только исполняя „послушаніе, опредѣленное ему“ духовными руководителями, рѣшился молодой человѣкъ вернуться на самое короткое время въ ненавидимый ему, светный міръ. И міръ этотъ едва не захватилъ юнаго подвижника въ свои объятія. Благодаря лишь случайности удалось Александру спастись отъ грозившей ему опасности, и онъ опять вернулся на свою одинокую скалу, въ свою пустыню уже навсегда. Фабула романа очень несложна; но написанъ онъ увлекательно. Всѣ фигуры въ немъ, хотя бы только мелькающія на 4—5 строчкахъ, необычайно живы и правдивы,—точно воочию ихъ видишь, точно слышишь ихъ разговоры. Въ этомъ романѣ авторъ взялся за очень трудную задачу и разрѣшилъ ее умно, талантливо и художественно. Всѣмъ извѣстно, какая пропасть лежитъ между жизнью „въ міру“ и монастыремъ и какъ часто „мірскіе“ люди относятся недоброжелательно къ монахамъ, какъ охотно укоряютъ ихъ въ тунеядствѣ, корысти и т. п. порокахъ. „Міръ“ враждебенъ аскетизму. И, надо правду сказать, аскетизмъ и монашество нерѣдко подаютъ поводы къ поддержанію такихъ недобрыхъ мнѣній и отношеній. Касаться этихъ щекотливыхъ вопросовъ весьма опасно въ беллетристическомъ произведеніи; а затронувши ихъ, мудро избѣгать тенденціозности въ ту или другую сторону. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко съ большимъ художественнымъ тактомъ миновалъ Сциллу и Харибду. Въ результатѣ получается простое и высокогуманное рѣшеніе щекотливаго вопроса: міръ прекрасенъ, въ міру много добра можно сдѣлать, и міръ покидать для монастыря не слѣдуетъ. Умный іеромонахъ Палладій, старецъ-руководитель Александра, говоритъ рвущемуся въ монастырь юношѣ: „Въ томъ нѣтъ дурнаго, что міръ тебя къ себѣ влечетъ. У тебя теперь дѣла-то не мало. Два года у насъ помолился,—ну, Богъ тебѣ это вмѣнитъ. А теперь потрудись. Ты думаешь, деньги-то не обязываютъ? Ахъ, какъ обязываютъ еще! Сколько служащихъ на твоей совѣсти теперь. Ты думаешь и всю задачу разрѣшишь тѣмъ, что бросишь все да въ обитель запрешься?...“ „Хорошему человѣку и въ міру спастись легко. Исполни заповѣди Господни, будь честенъ, добръ, люби

олижняго, какъ самого себя, а Бога и еще наипаче. Вотъ тебѣ и мудрость вся“. Мирь—для всѣхъ, монастырь—для не многихъ, пустыня—для исключительныхъ натуръ, образецъ которыхъ намъ показалъ авторъ въ лицѣ Александра Свиридова. Въ міру онъ былъ бы несчастѣйшимъ человекомъ, въ монастырѣ онъ былъ бы страдальцемъ; только голый камень пустынной скалы и одинокая пещера могли ему дать то, чего жаждала его душа. Кто же вправдѣ лишать его этого счастья?... Въ міру зла много, много въ немъ и добра; въ монастырѣ есть тоже свое зло и свое добро. Въ предисловіи къ роману авторъ говоритъ: „Окруженный страннымъ для насъ міромъ, ставиваясь въ немъ съ оригинальными людьми, искренними, глубоко убѣжденными, я тогда же задался цѣлью обрисовать первый и усвоить себѣ міросозерцаніе вторыхъ, чтобы передать ихъ такими, какими они мнѣ являлись. Удалось ли это или нѣтъ—не знаю. Думаю только, что задача беллетриста: быть вѣрнымъ выразителемъ дѣйствительности, предоставляя ей самой говорить за себя, хороша она или нѣтъ“. Этимъ, по нашему мнѣнію, не ограничивается задача беллетриста; мы думаемъ, что она значительно шире, хотя всегда признаемъ большую заслугу за беллетристомъ, сумѣвшимъ стать „вѣрнымъ выразителемъ дѣйствительности“, а не фотографомъ или протоколистомъ, тщательно записывающимъ видѣнное и слышанное. Авторъ романа *Монахъ* изобразилъ не идиллію монастырской жизни и отшельничества, а описалъ намъ ихъ такими, „какими они являлись“ ему, т.-е. не физическому его зрѣнію и слуху, а его художественному творчеству, откидывавшему все ненужное для его цѣли и случайное и усвоивавшему все существенное для ознакомленія насъ съ тѣмъ чуждымъ и казующимся намъ „страннымъ міромъ“, который живетъ своею обособленною жизнью, мало понятною издали. Въ высшей степени симпатичная особенность таланта г. Немировича-Данченко состоитъ въ большой мягкости и незлобивости, съ какими онъ относится къ явленіямъ дѣйствительности. Впечатлѣнія, имъ воспринимаемыя, регулируются и, такъ сказать, очищаются замѣчательнымъ добросердечіемъ. А потому все дурное, злое и безобразное проходитъ лишь тѣнями въ изображаемыхъ имъ картинахъ; все же хорошее и доброе выписывается съ особенною любовью, что отнюдь не мѣшаетъ ни яркости красокъ, ни правдивости картинъ. Чѣмъ больше растетъ талантъ писателя, тѣмъ опредѣленнѣе становится эта его особенность, тѣмъ привлекательнѣе дѣлаются его произведенія, проинкнутыя все возвышающею гуманною мыслью.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, Составленъ и изданъ редакціей журнала „Русская Мысль“. Москва, 1890 г. Цѣна 2 руб. Не намъ, конечно, разбирать этотъ *Сборникъ* и дѣлать оцѣнку его достоинствъ и недостатковъ. Задумывая его, мы имѣли въ виду составить сборникъ такимъ образомъ, „чтобы въ немъ отразилась наша послѣ-пушкинская поэзія, чтобы въ него вошли образцы *всѣхъ замѣчательныхъ* писателей съ сороковыхъ годовъ до нашихъ дней“. Нѣкоторые критики, очень немногіе, правда, отнесли недоброжелательно къ изданной нами книгѣ. Недоброжелательность эта есть, повидимому, результатъ нѣкотораго недоразумѣнія. Насъ упрекали въ томъ, что мы не включили въ *Сборникъ* ни одного изъ произведеній такихъ-то и такихъ-то писателей, перечисляемыхъ критикомъ въ числѣ десятка именъ, мало извѣстныхъ публикѣ. На это мы считаемъ не лишнимъ отвѣтить, что мы вовсе не предполагали составлять сборникъ образцовъ изъ произведеній всѣхъ авторовъ, писавшихъ стихи въ болѣе или меньшемъ количествѣ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти

лѣтъ. Въ нашъ *Сборникъ* вошли избранныя нами стихотворенія 74 писателей, и мы смѣемъ думать, что не пропустили ни одного изъ *замѣчательныхъ* нашихъ *поэтовъ*. Что же касается *стихотворцевъ*, то такихъ со времени Пушкина были сотни; нѣкоторые изъ нихъ писали, можетъ быть, довольно гладкіе стихи. Мы дали, по крайнему разумѣнію нашему, образцы поэзіи, а не обращенія стихописательства, которое принимается нѣкоторыми любителями этой формы за настоящее поэтическое творчество. Мы, главнымъ образомъ, старались дать читателямъ сборникъ *художественныхъ* произведеній, *поэтическихъ* думъ и картинъ нашихъ лучшихъ писателей, а отнюдь не коллекцію стихотвореній всѣхъ авторовъ, воображающихъ себя поэтами и пишущихъ такъ, что большинство ихъ произведеній можетъ служить только образцами того, какъ писать не слѣдуетъ.

Стихотворенія Липяжанина. Москва, 1889 г. Книжка издана очень хорошо, совсѣмъ на охотника: за обложкою слѣдуютъ четыре бѣлыхъ страницы, потомъ страница съ заглавіемъ и бѣлая страница, потомъ страница — опять съ заглавіемъ, потомъ еще три бѣлыхъ страницы и, наконецъ, первое стихотвореніе, *Совѣсть*, „изъ Виктора Гюго“, — на 11 страницѣ. Въ концѣ книги имѣются еще шесть бѣлыхъ страницъ. Для чего, собственно, предназначены эти четырнадцать, ничѣмъ незапятнанныхъ страницъ, мы не знаемъ, но смѣемъ думать, что книжка г. Липяжанина много выиграла бы, если бы и остальные имѣющіяся въ ней 80 страницъ остались бы такими же чистыми... „На охотника“, впрочемъ, и *Стихотворенія Липяжанина*, это въ своемъ родѣ—перлы. Судите сами, читатель, по нижеслѣдующему началу *Поэмы* (стр. 73):

„Кольнулъ ты, однажды, такъ мѣтко,
Какъ очень счастливится рѣдко
И людямъ большаго ума!...
Явилъ ты: „мечтаю, мама,
(Въ лицо, освѣщенное свѣтомъ,
Глядѣлъ ты, нарочно, при этомъ).
„Мечтою супругу мою
Обрѣсть какъ рара мой—свою!“
Ты нѣженка, ты образованъ,
Прекрасно ты утилизованъ
Къ остроумъ находчивый даръ!
Прекрасно янесъ ты ударъ!
Сказавши одну только фразу,
Все прошлое выдвинулъ сразу!
Съ учтивостью милой на видъ,
Мучительно былъ ядовидъ!...“

Довольно, однако!... Если бы мы имѣли возможность дать насладиться читателямъ всѣми перлами поэзіи г. Липяжанина, мы привели бы здѣсь всѣ 36 стихотвореній, напечатанныхъ въ его книжкѣ, прекрасно изданной въ типографіи И. Н. Кушнерева и К^о.

И С Т О Р І Я .

„Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. П. И. Бущинскаго.—„Исторія Сибири“. В. К. Андриѣвича.—„Сибирь въ Екатерининской комиссіи“. П. Головачева.—„Забытое прошлое окрестностей Петербурга“. М. И. Пыляева.*

Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Изслѣдованіе П. И., Бущинскаго. Харьковъ, 1889 г. Книга г. Бущинскаго должна обратить на себя вниманіе уже потому, что въ ней изслѣдова-

ніе сибирской исторіи становится, наконецъ, на настоящую дорогу; авторъ обращается къ рукописному матеріалу московскихъ архивовъ—министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ; въ первомъ онъ воспользовался „асачными“, „дозорными“, „смѣтными“, „ужимными“ и др. книгами сибирскаго приказа; во второмъ—просмотрѣлъ портфели Миллера и кое-что изъ „приказныхъ дѣлъ“. Конечно, его разработка всего этого матеріала далеко не полна и самый подборъ матеріала часто случаенъ; но самъ авторъ смотритъ на свою книгу какъ „только на начало обширнаго труда“, имѣющаго цѣлью „общую исторію Сибири отъ начала ея завоеванія и до половины XVIII в.“. Нельзя не признать, что выборъ темы сдѣланъ очень счастливо, и выборъ матеріала сдѣланъ очень удачно; остается пожелать автору надлежащей настойчивости для выполненія задуманнаго, дѣйствительно, „обширнаго“ труда.

Разбираемое изслѣдованіе ограничивается относительно мѣста семью ближайшими уѣздами Западной Сибири (Верхотурскій, Туринскій, Тюменскій, Тобольскій, Тарскій, Пелымскій и Березовскій), относительно времени—царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича. Изъ девяти главъ первой семь посвящены публичному описанію населенія въ его движеніи до 1645 г.; послѣднія двѣ, составляющія половину книги, характеризуютъ положеніе разныхъ сословій и инородцевъ Сибири, а также составъ и приемы сибирской администраціи. Форма изложенія сводится, большею частью, къ простому пересказу и цитированію матеріала; но этотъ матеріалъ такъ богатъ и такъ много говоритъ самъ за себя, что книга читается съ живымъ интересомъ и даетъ живое представленіе о сибирской жизни первой половины XVII в. Мы и постараемся передать общее впечатлѣніе, производимое сгруппированными у автора данными.

Въ 1555 г. послы царя Едигера говорили въ Москвѣ, что „у Едигера 30,700 человекъ черныхъ людей“. Къ началу XVII в. на площади, подчинявшейся Едигеру, осталось меньше 4,000 человекъ. Старое инородческое населеніе, такимъ образомъ, было перебито или бѣжало; только жалкіе остатки держались на прежнихъ мѣстахъ: до 300 чел. въ Верхотурскомъ уѣздѣ, около 100—въ Туринскомъ, до 150—въ Тюменскомъ, до 800—въ Пелымскомъ, до 900—въ Березовскомъ (вромѣ самоѣдовъ), около 750—въ Тобольскомъ, около 650—въ Тарскомъ. Не надо забывать, что площадь этихъ уѣздовъ составляетъ болѣе милліона квадратныхъ верстъ и населена въ настоящее время почти милліономъ душъ обоого пола. Понятно, что эти остатки не могли быть опасны для русскаго владычества въ Сибири даже въ самое опасное время, въ смуту, когда среди инородцевъ происходило броженіе и дѣлались попытки снова „быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ“.

Въ эту опустѣлую Сибирь на смѣну инородцамъ явилось русское населеніе въ двухъ видахъ одновременно: въ видѣ служилыхъ и въ видѣ гулящихъ людей. Съ появленіемъ первыхъ на правительство ложится сложная обязанность—ихъ содержанія и продовольствія. Платить имъ денежное жалованье было тяжело для казны, особенно при Михаилѣ; доставка хлѣбнаго жалованья также затрудняла правительство, потому что хлѣбъ приходилось привозить изъ Европейской Россіи. Избѣгнуть того и другаго можно было, замѣнивъ денежное жалованье хлѣбнымъ и предоставивъ этотъ хлѣбъ добывать самимъ служилымъ людямъ съ собственной пашни. Такимъ образомъ, устройство служилаго сословія на пашнѣ естественно стало ближайшею цѣлью московскаго правительства. Интересъ самихъ служилыхъ людей совершенно совпадалъ съ ин-

тересами правительства, и естественно, поэтому, что они являются первыми колонизаторами Сибири, заводя свои деревни въ уѣздѣ, иногда довольно далеко отъ города, или же довольствуясь одними пашнями и займищами; эти „отъѣзжія пашни“ они пахутъ сами или съ помощью свойственниковъ и наемныхъ рабочихъ изъ гулящихъ людей (половниковъ); недостатокъ рабочихъ рукъ вызвалъ даже любопытное явленіе: нѣкоторые землевладѣльцы даютъ въ Сибири *отпускныя своимъ головамъ*, съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдніе пробыли въ ихъ деревняхъ половниками по пяти-шести лѣтъ. Вслѣдствіе того, что большинство служилыхъ и посадскихъ работали на пашнѣ, сибирскій городъ лѣтомъ совершенно пустѣлъ: „всѣ городскіе жильцы, и служилые, и посадскіе, и крестьяне жили по своимъ деревнямъ на своихъ пашняхъ“.

Обезпечивъ служилое сословіе пашней, можно было убавить ему денежное жалованье и (иногда) вовсе отменить хлѣбное; но это не избавляло отъ необходимости имѣть въ Сибири казенный хлѣбъ и казенныя деньги: завоеваніе Сибири продолжалось, и теперь сама Сибирь должна была доставлять правительству средства для продолженія и развитія военныхъ операцій. Чтобы новая колонія не приносила убытковъ метрополи, необходимо было разыскать въ ней самой источникъ дохода. Такими источниками и послужили государева пашня и государевы подати. Чтобы создать государеву пашню, естественнѣе всего было воспользоваться массой гулящихъ людей, въ большомъ количествѣ толкавшихся въ Сибири,—особенно на проѣзжей дорогѣ—по Турѣ; въ Верхотурьѣ, исходномъ пунктѣ этой дороги, въ 1645 г. ихъ было 617 человекъ (при 100 служилыхъ и до 50 посадскихъ). Но поймать это подвижное населеніе было не такъ-то легко; рѣшительныхъ мѣръ съ нимъ употреблять было нельзя: когда въ 1646 г. тобольскій воевода попытался было всѣхъ гулящихъ людей, по указу Алексѣя Михайловича, переписать и посадить на государеву пашню, то они немедленно разбѣжались; въ Турѣ число гулящихъ быстро росло: въ 1624 г. ихъ было 3, въ 1625 г.—17, въ 1626 г.—43, въ 1628г.—211, въ 1629 г.—315, но когда въ 1630 г. тарскій воевода попробовалъ прибрать изъ гулящихъ нѣсколько человекъ на выбылыя мѣста на государеву пашню,—вдругъ ихъ не оказалось въ Турѣ (по донесенію воеводы) ни одного человека. „Мы, люди гулящіе изъ разныхъ городовъ,—жаловались 17 человекъ, приставленныхъ къ судовому дѣлу,—живемъ въ Сибири только по полугоду, а иные по 10 недѣль“. Понятно, что на государеву пашню приходилось завлекать всевозможными подмогами и льготами, „кричать не одинъ день“ и лишь понемногу облагать поселенцевъ государственными повинностями. Вотъ типичное донесеніе, рисующее весь ходъ заселенія государевой пашни: „Вверхъ по Турѣ рѣчкѣ,—пишетъ туринскій воевода,—есть рѣчка Сусатка, а по той рѣчкѣ есть дикое поле; и въ нынѣшнемъ 1639 г. я на то поле ѣздилъ и досматривалъ: и на томъ дикомъ полѣ государеву пашню завести можно, и тою рѣчкою Сусаткою весной, въ подую воду, хлѣбъ судами сивавлять въ Туру можно; есть и лѣсъ для постройки судовъ и крестьянскихъ дворовъ и государевыхъ житницъ. И я, холопъ твой, въ нынѣшнемъ же году въ туринскомъ острогѣ прибралъ на то высокое поле 14 человекъ пашенныхъ крестьянъ и далъ имъ льготы на шесть лѣтъ, да денегъ въ ссуду по 3 и 4 рубля человеку, для приуки, чтобы охочіе тулящіе люди и впредь шли на льготные года; а дозировать за тѣми крестьянами я велѣлъ туринскому стрѣльцу Еремкѣ Кондратьеву... и впредь ему Еремкѣ быть въ *прикащикахъ* можно, потому что ему пашенное дѣло и новая селитба — за обычай“. Но и

поселеніе на льготѣ еще не обезпечивало прочности „новой селитьбы“; крестьяне Ницынской слободы получили и льготу, и казенную подмогу по 11 руб. на человѣка; но когда отошли льготные годы и прикащикъ наложилъ на нихъ государеву пашню, они убили его и бросили въ воду; въ другихъ случаяхъ, пашенные крестьяне, проживъ льготные годы, просто разбѣгались, иногда даже продавъ или заложивъ свой участокъ. И нужно признать, что имъ было отчего бунтовать и бѣгать: положеніе государева пашеннаго крестьянина было едва ли не самое тяжелое въ Сибири. За право пахать государеву пашню онъ обыкновенно или платилъ пятый снопъ, если былъ на оброкѣ, или обрабатывалъ на государя пятую десятину; для казеннаго интереса то или другое было безразлично: „въ томъ прибыли и убыли для государевой казны нѣтъ“. Но эта плата на практикѣ повышалась, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что крестьянамъ приходилось платить или „пахать міромъ за бѣглыхъ и мертвыхъ“; во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что власти, въ доказательство своего усердія къ государевой прибыли, „накидывали на нихъ лишнія десятины“. Приведемъ одинъ примѣръ послѣдняго. Крестьяне Верхотурскаго уѣзда, Тагильской волости, обрабатывали въ 1623 г. государевой пашни 34 десятины въ полѣ; въ 1624 г. на нихъ накинута еще 16 дес.; князь Гагаринъ прибавилъ еще 6, сынъ боярскій Шульгинъ—еще 4; при воеводѣ Плещеевѣ было еще прибавлено 6 дес., въ 1631 г.—13 дес. и въ 1632 г.—8 десятинъ; слѣдовательно, въ 8 лѣтъ государева пашня возросла до 87 десятинъ, и, стало быть, повинность стала въ $2\frac{1}{2}$ раза тяжеле. Но все это еще было неважно сравнительно съ безчисленными „государевыми разными издѣліями“, возлагавшимися на пашенныхъ крестьянъ и отвлекавшихъ ихъ отъ земледѣльческихъ работъ. Вотъ яркая картина этихъ „издѣлій“ въ челобитьяхъ туринскихъ крестьянъ 1632 г.: „Какъ мы, сироты твои, десятинный хлѣбъ пожали, посвозили и въ сирды поклали, то воевода заставилъ насъ старую тюрьму поправлять и около тюрьмы тынъ ставить; да въ то же время велѣлъ намъ на твои десятины навозъ возить; а какъ навозъ возили, велѣлъ намъ же молотить десятинный хлѣбъ; да въ то же время на гостинномъ дворѣ мы рубили избу и поставили совсѣмъ наготово, да поставили наготово на воеводскомъ дворѣ горницу, да избу... и за тѣми великими издѣліями нашъ хлѣбъ на полѣ застоялся, осыпался и мышъ поѣла, и мы, сироты твои, остались безъ хлѣба и безъ сѣмянъ...; да насъ же воевода заставляетъ дѣлать крупу и толокно по тысячѣ четвертей и больше ежегодно, на мельницахъ рожь молотъ тоже по тысячѣ четвертей и больше, да мы же кроемъ амбары и гостинный дворъ... да мы же въ лютые морозы возили бревна... 3,000, да 800 тесницъ, а въ великій постъ острогъ ставили etc... и отъ тѣхъ издѣлій, отъ бременной возки остались безъ коней... и пашни теперъ пахать не на чемъ“. И тутъ еще упомянуты далеко не всѣ издѣлія: тѣ же крестьяне должны суда строить, солоды растить, дрова возить, сѣно косить и возить, вѣники дѣлать, лыка драть, хмѣль собирать, рыбу ловить и т. д.

Съ положеніемъ пашеннаго крестьянина по тяжести можно сравнить только положеніе ясачнаго инородца. Были попытки и инородцевъ посадить на пашню; мѣстами онѣ удались; за то въ другихъ мѣстахъ (Пелымскій уѣздъ) инородцы жаловались, что ихъ „пристава выгоняютъ изъ юртъ на государеву пашню и юрты остаются пустыя; за то пашнею рыбы добыть не успѣваютъ и все лѣто кормятся съ семьями одною травой“; они просили перевести ихъ на ясакъ. Но и ясачнымъ

жилося не легко. Собственно окладъ былъ также умѣренъ, какъ и съ пашенныхъ крестьянъ, и собирать ясакъ предписывалось „ласкою, а не жесточью и не правеземъ“; но и здѣсь онъ повышался въ дѣйствительности въ нѣсколько разъ, во-первыхъ, потому, что приходилось платить за мертвыхъ, бѣглыхъ, старыхъ и увѣчныхъ, во-вторыхъ—вслѣдствіе надбавокъ воеводъ. Эти надбавки были невозможны, пока ясакъ платился извѣстнымъ количествомъ соболей, „каковыя соболи добудутся на промыслъ“; но около 1626 г. ясачная подать переведена была на деньги; а такъ какъ уплата его продолжала производиться мѣхами, то количество ихъ зависѣло отъ того, какъ воеводы оцѣнить приносимые мѣха; между тѣмъ, правительству требовало, чтобы воеводы цѣнили мѣха „сибирскою цѣной“ и чтобы при переоцѣнѣ въ Москвѣ получалась „прицѣнка“, въ противномъ случаѣ недостающее доправлялось съ самого воеводы; естественно, что изъ собственнаго самосохраненія воевода не могъ цѣнить дорого, а чтобы показать усердіе и чтобы „прицѣнка“ была не меньше 20% (а она доходила и до 80%), долженъ былъ цѣнить мѣха „дешевою цѣной“. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 6—10 соболей, приходилось платить, по показанію одной челобитной, 10—15 съ человѣка. А, между тѣмъ, ясачные постоянно жалуются, что звѣрей стало меньше, что ихъ угодня заняты русскими поселенцами; распоряженія правительства, чтобы русскіе крестьяне владѣли только пашнями, а въ угодня, лѣса и бобровые гоны не вступались, лѣса не выжигали подъ пашню etc.,—оказывались невыполнимыми на практикѣ; роковымъ образомъ русская колонизація лишала инородца его единственныхъ средствъ существованія—звѣря и рыбы.

Результаты, достигнутыя правительствомъ такимъ тяжелымъ для населенія Сибири путемъ, были очень значительны. По Турѣ, въ Верхотурѣ, Туринскѣ, Тюмени правительство создало такую площадь государственной пашни, хлѣбный доходъ съ которой далеко превосходилъ мѣстные нужды и могъ быть употребленъ для мѣстъ, еще не развившихъ хлѣбопашества. Денежный доходъ, въ общемъ, тоже покрывалъ мѣстные расходы Сибири; а ясакъ, мягкая рухлядь—составляли чистую прибыль центральнаго правительства и сибирскій приказъ начиналъ играть важную роль въ государственномъ хозяйствѣ. Главною статьей денежнаго дохода, какъ и въ остальной Россіи, были косвенные налоги, таможенный и кабацкій. Въ 1623 верхотурскій воевода доносилъ государю, что жители Верхотурья „въ верхотурскомъ кабакѣ многіе пропильсь..., а пашенные крестьяне отъ того же кабака одолжали и обнищали“. Отвѣтъ былъ суровый: „все то пишете къ намъ не радѣя о нашемъ дѣлѣ, что кабакъ хотите отставить; а кабакъ заведенъ давно на Верхотурѣ, до московскаго разоренія задолго, и прежь васъ многіе наши воеводы на Верхотурѣ бывали, а о томъ кабакѣ къ намъ не писывали; а вамъ, гдѣ было искать предъ прежнимъ во всемъ прибыли, а и старое хотите растерять... и вы, дѣлая лѣнностію своею и не хотя намъ служить, пишете къ намъ не дѣломъ“.

Мы остановились только на нѣкоторыхъ данныхъ книги г. Будинскаго, казавшихся намъ особенно новыми и интересными; мы ничего не упомянули о фактахъ, характеризующихъ воеводское управленіе, о приѣмахъ и результатахъ монастырской колонизаціи, о распредѣленіи военныхъ силъ, о волненіяхъ инородцевъ, о главныхъ направленіяхъ колонизаціи Западной Сибири и о многомъ другомъ; нашею цѣлью было только указать, какой богатый матеріалъ для исторіи Сибири представляютъ документы московскихъ архивовъ.

Исторія Сибири. Часть I. Періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства города Тобольска и основанія Иркутскаго острога. Часть II. Періодъ съ 1660 года до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Составилъ В. К. Андріевичъ. Спб., 1889 г. Сочиненіе г. Андріевича, въ параллель только что разобранному, показываетъ, какъ трудно дѣлать впередъ разработку исторіи Сибири безъ новыхъ архивныхъ документовъ. Въ усердіи никакъ нельзя отказать автору, уже пять лѣтъ работающему надъ исторіей Сибири, и будь въ его рукахъ матеріалъ московскихъ архивовъ, мы, конечно, имѣли бы въ его многомномъ трудѣ незамѣнимый источникъ сибирской исторіи. Теперь же первый томъ разсматриваемаго труда есть старательная компиляція, преимущественно по Миллеру и Фишеру; второй томъ, составленный преимущественно по *Полному Собранію Законовъ*, имѣетъ нѣсколько большую цѣну, потому что авторъ употребилъ въ дѣло и нѣкоторыя новыя изданія матеріаловъ, но и только поэтому; *Полное Собраніе* эксплуатировалъ уже Словцовъ; преимущество г. Андріевича, правда, заключается въ томъ, что матеріалъ *Полнаго Собранія* экскерпированъ имъ полнѣе, чѣмъ у Словцова, и вездѣ сдѣланы точныя ссылки, которыя у Словцова совсѣмъ отсутствуютъ; затѣмъ, нѣтъ лирическихъ отступленій и своеобразной сентенціозности Словцова, но за то нѣтъ и его попытокъ—ислѣдовать, объяснить, сгруппировать данныя, нѣтъ (или, по крайней мѣрѣ, не видно) и его замѣчательнаго знанія Сибири, ея природы и нравовъ. Но самый главный недостатокъ работы г. Андріевича заключается не въ томъ, что онъ не могъ пользоваться рукописнымъ матеріаломъ, а въ томъ, что онъ далеко не воспользовался и печатнымъ. Во времена Словцова можно было смотрѣть на *Полное Собраніе* какъ на единственный, кромѣ Миллера, источникъ сибирской исторіи; но въ наше время—дѣло другое. Г. Андріевичъ какъ будто и не подозреваетъ, что огромная масса матеріала по исторіи Сибири, отчасти еще собраннаго Миллеромъ, печаталась и печатается въ разныхъ изданіяхъ археографической комиссіи; то, что печаталось въ изданіяхъ географическаго общества и въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, остается ему одинаково неизвѣстнымъ; наконецъ, даже такія общія изслѣдованія, какъ исторія Соловьева, такіе общіе сборники матеріаловъ, какъ *Доклады и приговоры сената*, не попадаютъ къ нему на письменный столъ; всю эту специальную и общую литературу и матеріалы замѣняетъ ему одинъ дополнительный источникъ, именно *Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири* г. Щеглова; изъ Щеглова онъ узнаетъ, что Югорская земля „съ половины XIII столѣтія была уже въ числѣ новгородскихъ волостей“ (невольнаго припоминается при этомъ отиѣтка Словцова относительно его руководство: *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ: немаловажное пособіе для исторіи сибирской*); изъ Щеглова онъ узнаетъ и о жалованной грамотѣ Якову Строганову 1568 г. (а нужно бы прочесть ее въ *Доп. къ А. И.*, т. I); наконецъ, даже ссылки на Карамзина и Словцова,—книги, несомнѣнно находящіяся въ его распоряженіи,—онъ дѣлаетъ иногда по тому же Щеглову.

Всѣ эти промахи обличаютъ автодидакта; они, впрочемъ, не мѣшаютъ намъ цѣнить въ г. Андріевичѣ весьма добросовѣстнаго—въ предѣлахъ своего ученаго кругозора—ислѣдователя, способнаго къ серьезному труду и, будемъ надѣяться, къ дальнѣйшему самоусовершенствованію.

Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. П. Головачева. М., 1889 г. Содержаніе брошюры

г. Головачева нѣсколько шире ея заглавія. Къ изложенію депутатскихъ наказовъ, привезенныхъ въ комиссію сибирскими депутатами, авторъ присоединилъ характеристику сибирскаго общества и старался заявленія желаній различныхъ классовъ поставить въ связь съ явленіями современной сибирской жизни. Матеріалъ взятъ изъ сочиненій: Словцова, Ядринцева, В. И. Семеновскаго, Шашкова, Андріевича. Особенной самостоятельности авторъ не могъ проявить по самому свойству темы и матеріала; тѣмъ не менѣе, сдѣланное имъ сопоставленіе не безполезно и небезынтересно.

Забытое прошлое окрестностей Петербурга. М. И. Пыляева. Съ 104 гравюрами. Спб., 1889 г. Разказавши любителямъ легкаго историческаго чтенія преданія „старога Петербурга“, г. Пыляевъ перешелъ къ „окрестностямъ Петербурга“ и въ рядѣ бойкихъ очерковъ оживилъ „забытое прошлое“ петербургскихъ острововъ, подгородныхъ мѣстъ, Петергофа, Ораніенбаума, Царскаго Села и т. д. Мимоходомъ, авторъ характеризовалъ различныхъ видныхъ дѣятелей прошлаго вѣка, передалъ множество анекдотовъ изъ ихъ домашней жизни, собралъ множество мелочей для изображенія быта. Задачи автора — самыя скромныя. „Какъ эти очерки составились, — одновременно и отрывочно, въ самой простой, такъ сказать, бесѣдной формѣ, — такъ я ихъ и перенесъ въ книгу, безъ передѣлокъ и безъ малѣйшей претензій на ученую серьезность. Если моя книга займетъ вниманіе читателей и хоть отчасти поможетъ имъ вспомнить или даже, можетъ быть, узнать „забытое прошлое“, то я достигъ своей цѣли и ничего другаго не желаю“. Мы можемъ прибавить, что авторъ достигъ даже большаго: его книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя заохочиваютъ къ чтенію и могутъ дать толчокъ въ пробужденію историческаго интереса въ извѣстномъ возрастѣ. Многочисленныя гравюры какъ нельзя болѣе подходятъ къ характеру книги.

Э Т Н О Г Р А Ф И Я.

„Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ“. — „Объ изученіи семейнаго быта литовско-жемайтскаго народа“. *Вольтера*. — „Описание свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“. *Гр. Калиновскаго*. — „Черемисы“. *И. Н. Смирнова*. — „Jagodne“. *Wasilewskiego*.

Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Изданіе комиссіи собиранія нар. юр. обычаевъ при отдѣленіи этнографіи Имп. русскаго географическаго общества). Спб., 1889 г. Указанная программа обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: право гражданское, уголовное и судопроизводства. Изъ нихъ нѣкоторую новостъ представляютъ вопросы, касающіеся послѣдняго отдѣла; въ общемъ же программа повторяетъ все то, что не разъ являлось въ разныхъ изданіяхъ, между прочимъ, въ извѣстномъ изданіи отдѣла этнографіи общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, въ изданіи, для котораго такъ много и плодотворно потрудились покойный ученый М. Н. Харузинъ. На нашъ взглядъ, программа, изданная послѣднимъ, представляетъ не малыя преимущества сравнительно съ новою программой географическаго общества, какъ по простотѣ и доступности изложенія, такъ и по тому, что въ ней дается рядъ *руководящихъ замѣчаній*, весьма важныхъ для начинающихъ. Нельзя также вполне согласиться съ замѣчаніемъ составителей программы (стр. VII),

что если ими болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ вопросовъ удѣлено праву гражданскому, то это сдѣлано потому, что „въ этой области по преимуществу отражаются особенности народнаго быта и народныхъ юридическѣхъ понятій“. Не говори уже о томъ, что народный бытъ и юридическія понятія одинаково отражаются и въ другихъ областяхъ права, намъ кажется, что всякая программа должна по преимуществу давать вопросы по тѣмъ отдѣламъ права, которые *наименне* изучены для того, чтобы вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей направить на то, что ускользало отъ прежнихъ наблюдений и что поэтому представляетъ интересъ и научной, и практической новизны. Въ разбираемой же программѣ вопросы задаются безъ большаго вниманія именно къ этой важной сторонѣ дѣла. Во всякомъ случаѣ, программа эта, если она попадетъ въ руки человѣка болѣе или менѣе образованнаго, можетъ оказать нѣкоторую пользу.

Объ изученіи семейнаго быта литовско - жемайтскаго народа. Вольтера. Ковно, 1889 г. За послѣдніе годы дѣло литовской этнографіи оказало значительные успѣхи; явился цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ разнымъ сторонамъ быта народностей литовскаго племени; наприм., *Латышскія пословицы, загадки и пѣсни* Трейланда-Бривземіюкса (2 очень солидныхъ тома), *Латышскія сказки* его же, *Свѣтлинѣ рѣдас* Юшкевича и т. д.; явилось нѣсколько лицъ, посвятившихъ всѣ свои силы и время специальному изученію литовскихъ народностей. Къ такимъ лицамъ можно отчасти отнести и г. Вольтера. Изъ его предъидущихъ работъ намъ извѣстны только мало удовлетворительныя по формѣ и содержанію изданія: *Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди летомъ 1887 года* (Спб., 1886 г.) и программа для собранія этнографическѣхъ свѣдѣній, очень наивная, неполная и напояющая тѣ вопросы, съ которыми обращались къ мѣстнымъ жителямъ герои Щедринской *Современной идилліи* при своихъ траги-комическихъ странствіяхъ по російскимъ провинціальнымъ дебрямъ.

Настоящая брошюрка производитъ болѣе отрадное впечатлѣніе. Въ ней заключается краткое, но полное перечисленіе того, что сдѣлано до сихъ поръ по изученію литовскаго свадебнаго ритуала, указываются нѣкоторые дезидераты относительно этого изученія (полнота собранія фактовъ и примѣненіе сравнительнаго метода), которые, впрочемъ, давно уже сдѣлались общимъ мѣстомъ во всякаго рода этнографическихъ статьяхъ. Въ концѣ приложена довольно удачная программа для собранія свѣдѣній о крестинахъ, свадьбѣ и похоронахъ у литовцевъ, состоящая изъ 146 вопросовъ.

Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ. Харьковъ, 1889 г. Эта маленькая брошюрка представляетъ перепечатку *перваго* научнаго труда по южно-русской этнографіи, напечатаннаго еще въ 1776 году въ Петербургѣ. Это изданіе сдѣлалось давно уже чрезвычайною библиографическою рѣдкостью и г. С., переиздавший его, оказалъ большую услугу занимающимся и интересующимся украиновѣдѣніемъ. *Описаніе* Калиновскаго драгоценно тѣмъ, что въ немъ заключаются свѣдѣнія объ южно-русскомъ свадебномъ ритуалѣ, записанныя болѣе *вѣка* тому назадъ и дающія, такимъ образомъ, возможность опредѣлить тѣ измѣненія, которыя произошли

въ этой области въ такой сравнительно значительный промежутокъ времени. Оказывается, что существа, основныхъ подробностей обряда время почти не воснулосъ; современныя записи свадебныхъ обрядовъ немногими чѣмъ отличаются отъ *Описанія* Калиновскаго. Изъ такихъ отличій отмѣтимъ два болѣе существенныхъ: одна изъ подругъ невѣсты при свадебномъ обрядѣ держала въ рукахъ саблю; невѣсту перевозили черезъ костеръ изъ зажженной соломы. Оба эти обряда стоятъ въ несомнѣнной связи съ старымъ украинскимъ бытомъ и примитивными воззрѣнiями; органически измѣнились нравы и взгляды—пали и эти обычаи вмѣстѣ съ многими другими порядками „старой, отшедшей въ тьму вѣковъ Малороссiи“.

Черемисы. Историко-этнографическiй очеркъ. И. Н. Смирнова. Казань, 1889 г. Изученiе быта нашихъ инородцевъ подвигается въ послѣднее время довольно успѣшно. Названный очеркъ представляетъ интересъ потому въ особенности, что его авторъ описываетъ не только *внѣшнiя* формы быта черемисъ, какъ это часто случается въ этнографическихъ описанiяхъ, но пытается заглянуть и во *внутреннiя* основы ихъ миросозерцанiя. Здѣсь, поэтому, на ряду съ очеркомъ исторiи черемисской народности, дается описанiе природы страны, вѣшняго быта, а затѣмъ и внутренняго устройства семьи и общества, религиозныхъ вѣрованiй и космогонiи черемисъ. Наблюдая все это, авторъ дѣлаетъ не мало и лингвистическихъ изысканiй, что очень важно при изученiи первичныхъ культуръ и что, обыкновенно, отсутствуетъ въ наблюденiяхъ юристовъ-этнографовъ, не имѣющихъ въ своемъ распоряженiи филологическихъ знанiй, а потому и не примѣняющихъ ихъ къ изученiю быта и нравовъ. Очеркъ снабженъ обзоромъ литературы о черемисахъ, что также весьма важно въ виду малой доступности многихъ сочиненiй и брошюръ для публики. Интересно также описанiе положенiя черемисъ подѣ власть татаръ и русскихъ, характеристика встрѣчъ разнородныхъ культуръ, оканчивающихся побѣдою высшей.

Jagodne (wiesz w powiecie łukowskim, gminie Dąbie). Wasilewskiego. Biblijoteka „Wisły“, t. IV. Warszawa, 1889. 951 + 4 (ноты). Монографiя г. Василевскаго *Jagodne* представляетъ сводъ этнографическихъ данныхъ, собранныхъ въ селѣ Ягоднѣ (Луковскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ.). Эти данныя характеризуютъ какъ вѣшнiй, такъ и внутреннiй бытъ ягодицкихъ обывателей. Г. Василевскiй описываетъ жилища, одежду, пищу и напитки, наружность и характеръ ягодиццевъ, говоритъ объ ихъ религиозныхъ представленiяхъ, обычаяхъ, обрядахъ и танцахъ, приводитъ 159 пѣсенъ (въ томъ числѣ 11 съ нотами), 98 загадокъ и очень много данныхъ по „народной медицинѣ“; въ концѣ перечислены тѣ особенности мѣстнаго говора, которыя удалось подмѣтить изслѣдователю. Новыхъ, оригинальныхъ данныхъ во всемъ этомъ изслѣдованiи мы не встрѣтили совсѣмъ; оно можетъ представить для этнолога интересъ только въ томъ отношенiи, что даетъ нѣкоторый материалъ для рѣшенiя вопроса о степени географической распространенности разныхъ пѣсенъ, обрядовъ и т. д. Книга написана живо, читается легко и производитъ прекрасное впечатлѣнiе своимъ скромнымъ и искреннимъ тономъ; издана она недурно и стоить дешево (75 коп.). Жаль, что большинство рисунковъ не удалось.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Life and Labour of the People“ by Booth.—„La France économique“ par de Foville.—
„Статистика Россійской имперіи“.

Booth. Life and Labour of the People. The Inhabitants of East London, 1889. Въ этомъ обширномъ трудѣ Ботсъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ, представилъ яркую картину условій, въ которыхъ живетъ населеніе восточной части Лондона. Автора въ равной мѣрѣ интересуютъ какъ условія экономическаго быта, такъ и складъ духовной жизни населенія. Исслѣдованія Ботсы и его сотрудниковъ касаются очень обширной площади,—населенія слишкомъ въ 900,000 душъ. Эта почти миллионная масса разбивается авторомъ на 2 основныхъ класса: 1) тѣ, которые имѣютъ доходъ, едва покрывающій необходимыя потребности и даже гораздо меньше этого; 2) работники, получающіе уже болѣе значительную плату, низшіе, средніе и высшіе слои торговцевъ, промышленниковъ, лицъ свободныхъ профессій и т. д. Въ первомъ классѣ авторъ насчитываетъ болѣе 350,000 душъ, во второмъ—нѣсколько болѣе 550,000. Но было бы неправильно сдѣлать изъ этихъ цифръ заключеніе, что въ восточной части Лондона большинство жителей принадлежитъ не среднему обезпеченному классу: въ первую группу отнесены только тѣ, наивысшій недѣльный заработокъ которыхъ составляетъ 18—20 шиллинговъ, а этотъ доходъ даетъ семь очень скудное существованіе. Но въ этой группѣ многіе десятки тысячъ не имѣютъ и половины такого заработка и даже не имѣютъ постоянныхъ занятій. Изъ нихъ 11,000 образуютъ полуголодную, бродячую массу; она не знаетъ ни прочныхъ семейныхъ связей, ни тепла угла. „Живя подобно дикимъ, они переживаютъ, — говоритъ авторъ, — рѣзкіе переходы отъ крайней нужды до сравнительнаго избытка; пьянство служить для нихъ главнымъ наслажденіемъ. Трудно сказать даже, какъ и чѣмъ они существуютъ“ (стр. 83). На противоположномъ концѣ этой лѣстницы стоятъ тѣ, которые пользуются уже значительнымъ довольствомъ. Признакомъ довольства служатъ въ глазахъ автора возможность держать прислугу. Эта группа имѣетъ 40—50,000 душъ. Особенный интересъ представляетъ описаніе быта мелкихъ ремесленниковъ, которыми кишитъ эта часть Лондона. Здѣсь множество портныхъ, столяровъ, шляпочниковъ, переплетчиковъ и т. д. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ постояннаго занятія, а получаетъ работу только на очень короткое время. Очень многіе работаютъ на хозяйствѣ, при посредствѣ подрядчиковъ (такъ называемая *swe atingssystem*), которые выжимаютъ изъ работниковъ возможно большее количество труда. Такъ какъ этотъ людъ очень многочисленъ, а на мѣсто работника, получившаго расчетъ, является 5—6 соискателей, то работающіе подчиняются очень тягостнымъ условіямъ: у сапожниковъ, наприм., рабочій день длится отъ 6 или 7 часовъ утра до полуночи и долѣе. Работники въ 40 лѣтъ имѣютъ видъ совершенно изможденныхъ старцевъ. И такой чрезвычайный трудъ позволяетъ заработать въ недѣлю не больше 13—15 шиллинговъ. Коренные лондонскіе работники еще потому неблагоприятно поставлены во многихъ изъ этихъ ремеслъ, что встрѣчаютъ соперничество со стороны иностранцевъ, особенно русскихъ и австрійскихъ евреевъ, которые за послѣдніе годы большими массами переселяются въ Лондонъ. Авторъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что эти пришельцы, понижая рабочую плату во многихъ отрасляхъ, вызываютъ со-

стороны англійскихъ работниковъ очень враждебныя чувства. Много интересныхъ данныхъ сообщается въ книгѣ г. Ботса о лондонскихъ докахъ. Доки трехъ главныхъ компаній имѣютъ около 2,000 постоянныхъ работниковъ, получающихъ не менѣе 20 шилл. въ недѣлю. Но, кромѣ того, есть около 10,000 работниковъ, не имѣющихъ постоянного занятія. Именно этотъ элементъ и представляется очень расположеннымъ къ стачкамъ и забастовкамъ, подобно послѣдней, бывшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и причинившей убытковъ на 2 милл. фунтовъ. Въ общемъ, авторъ насчитываетъ не менѣе 100,000 душъ, не имѣющихъ обезпеченнаго существованія. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы вся эта масса была перемѣщена за городъ, туда, гдѣ земля и строенія недороги; они могли бы тамъ заниматься обработкой своихъ полей, разными ремеслами и имѣть безбѣдное существованіе. Быть можетъ, государству слѣдовало бы содѣйствовать такому переходу. Авторъ колеблется дать утвердительный отвѣтъ, не зная, не обойдется ли это для государства слишкомъ дорого; впрочемъ, думаетъ онъ, если потребление этой массы, при новомъ порядкѣ, будетъ болѣе значительно, то трудъ ихъ создастъ гораздо больше, нежели теперь. Населеніе восточной части Лондона имѣетъ къ своимъ услугамъ много различныхъ клубовъ: нѣкоторые имѣютъ политическій оттънонь, другіе занимаются общественными вопросами, многіе же имѣютъ цѣлью доставлять своимъ членамъ развлеченія, въ видѣ танцевъ, драматическихъ представлений и т. п. Всѣхъ клубовъ насчитываютъ 115; рабочіе усердно посѣщаютъ ихъ. Въ виду частыхъ утверженій англійскихъ статистиковъ (особенно Джиффена и Мѣлгалла), что положеніе рабочихъ замѣтно улучшилось за послѣднія десятилѣтія, мы отмѣтимъ, на основаніи данныхъ книги Ботса, что въ отношеніи жилищъ рабочее населеніе восточной части Лондона поставлено и теперь далеко не благопріятно, ибо квартиры очень дороги. Вблизи доковъ за наемъ 1 каморки платятъ до 2 шиллинговъ въ недѣлю, но даже многіе изъ бѣднѣйшихъ работниковъ находятъ эти помѣщенія неудобобитаемыми. Въ наиболѣе бѣдномъ населеніи Лондона 46% платятъ за квартиру отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ своего заработка, 42% платятъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$, и только 12%—меньше $\frac{1}{5}$. Такой расходъ на жилище, которое и въ лучшемъ случаѣ удовлетворяетъ только minimumъ требованій гигиены, должно быть признано прямо не тяжелымъ. Скажемъ въ заключеніе, что книга Ботса представляетъ много интереснѣйшаго, чисто-экономическаго и бытоваго матеріала.

La France économique. Statistique raisonnée et comparative par de Foville. Année 1889. Де-Фовиль выпустилъ недавно 2-е изданіе статистическаго сборника, вышедшаго впервые два года тому назадъ. Надо отдать автору справедливость: его сборникъ не только отличается чрезвычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ свѣдѣній о Франціи, а потому служитъ полезнѣйшею справочною книгой, но и написанъ мастерски; каждый образованный человекъ можетъ прочесть ее съ большимъ интересомъ. Интересъ еще болѣе поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ часто сопоставляетъ явленія общественной жизни Франціи съ данными относительно быта другихъ народовъ. Нерѣдко въ сборникѣ сообщаются и историческія свѣдѣнія. Весь сборникъ состоитъ изъ 33 главъ, знакомящихъ читателя съ территоріей, населеніемъ, земледѣліемъ и другими отраслями промышленности, торговлей, путями сообщенія, почтой и телеграфомъ, государственными и общинными финансами, народнымъ имуществомъ и, наконецъ, положеніемъ.

Населеніе Франціи изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе возрастаетъ все болѣе медленно: еще въ 20-хъ годахъ рождаемость составляла 30—32 на 1,000 жителей, а къ 80-мъ гг. она понизилась до 25—26 и сильно отстала отъ всѣхъ странъ Европы, кромѣ Ирландіи, съ рождаемостью въ 23,6 на 1,000 жителей; но и смертность, составлявшая въ началѣ іюня 25,9 на 1,000 жителей, опустилась за послѣднее пятилѣтіе до 22,2. Средняя жизнь стала болѣе продолжительна. Люди, достигшіе 40 лѣтъ, имѣютъ вѣроятіе прожить 23 года по статистикѣ 18 вѣка Дювиллару; теперь же имъ обѣщаютъ во Франціи еще 28 лѣтъ, тогда какъ въ Пруссіи—только 24. Авторъ отмѣчаетъ также крайнее домо-сѣдство французовъ: за послѣднія 10 лѣтъ Франціи занимала, по числу эмигрантовъ, только 10-е мѣсто, уступая даже многимъ мелкимъ государствамъ: на 1,000 жителей во Франціи приходится ежегодно отъ 1 до 3 эмигрантовъ, тогда какъ въ Германіи—отъ 16 до 47, въ Англии—отъ 57 до 90, а въ Норвегіи—отъ 72 до 150. Грамотность сдѣлала чрезвычайные успѣхи: въ 1869 г. на 100 брачныхъ паръ умѣли писать 25 мужчинъ и 37 женщинъ, а въ 1885 г.—87 и 80. Авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, интересную историческую справку о развитіи народнаго представительства: въ 1830 г. было занесено въ списки 117,900 избирателей, въ 1839 г.—201,300, а въ 1848 г.—уже 9—10 милліоновъ. Сельское хозяйство представлено почти 8 милліонами земельныхъ владѣній; изъ нихъ главную массу представляютъ владѣнія отъ 6 до 50 гектаровъ—38,94 всей площади; на крупныя землевладѣнія—отъ 50 до 200 гектаровъ—приходится 19,04% площади, на очень крупное—выше 200 гект.—16,23%; нѣсколько болѣе $\frac{1}{10}$ пространства (10,33%) находится подъ владѣніемъ менѣе 2 гектаровъ. Цѣна 1 гектара незастроенной земли поднялась съ 500 франковъ въ 1789 г. до 2,000 въ 1874, и съ тѣхъ поръ она понизилась на 15% (1,700 фр. въ 1889). Арендныя цѣны колеблются, въ связи съ качествомъ почвы и родомъ угодій, отъ 33 до 158 франк., обнаруживая почти такое же пониженіе, какъ и цѣны продажныя. Площадь, служащая для хлѣбопашества, составляетъ 53,7% всего пространства и относительно уступаетъ только одной Бельгіи. Изъ всей обрабатываемой площади 59,8% находятся въ завѣдываніи хозяевъ, 27,2% сдаются въ аренду за деньги, а 13%—половникамъ. Авторъ замѣчаетъ, что послѣдній сельско-хозяйственный кризисъ уменьшилъ во Франціи денежную аренду и повліялъ на усиленіе половничества. Плата сельскимъ рабочимъ поднялась съ 60 сантим. въ день въ 1788 г. до 2,22 франка въ 1882; при Людовикѣ XIV семья сельскаго работника получала 200 франк. въ годъ; принимая въ расчетъ цѣны сѣбствныхъ припасовъ, можно сказать, что только на 575 фр. въ годъ они могли бы жить такъ, какъ живутъ теперь сельскіе рабочіе. Въ изслѣдованіи французскаго сельскаго хозяйства авторъ доходитъ до такихъ подробностей, что сообщаетъ данныя о постоянномъ и обратномъ капиталѣхъ въ земледѣліи, о распространенности различныхъ орудій и машинъ, навознаго и искусственнаго удобренія и т. п. Изъ этихъ же главъ мы знакомимся съ громаднымъ ущербомъ, причиненнымъ филлоксерой французскимъ виноградникамъ: въ 1875 г. подъ ними было 2,421,000 гектаровъ, доставившихъ 83,8 милл. гектолитровъ вина, а въ 1888—только 1,843,000—съ производительностью въ 30,1 милл. Обрабатывающая промышленность даетъ намъ картину очень быстрыхъ успѣховъ: въ 1840 г. въ ней было паровыхъ конныхъ силъ 34,350, а въ 1887 г.—748,456. Поденная плата рабочимъ поднялась съ 2,08 фр. въ 1847 г. до 3,72—въ 1887; теперь только въ Англии и Бельгіи рабочіе

стоять лучше, чѣмъ во Франціи. Собранъ также довольно большой матеріалъ о стачкахъ за 12 лѣтъ (1874—85). Изъ 753 стачекъ 27% окончились побѣдою рабочихъ, 16% не имѣли рѣзко опредѣленнаго исхода (transaction succès partiel) и 57% окончились побѣдою хозяевъ. Средняя продолжительность стачекъ не одинакова въ различные годы, отъ 10 до 30 дней. Въ горномъ дѣлѣ Франція значительно отстала отъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ: ея добыча угля опредѣляется только 21,3 милл. тоннъ, тогда какъ въ Германіи—65,3, въ Великобританіи—164,7; и дѣна—10,63 фр. за 1 тонну далеко превосходить цѣну въ Великобританіи (6 фр.), Германіи (6,72), Бельгіи (8,04) и даже Испаніи (8,87). Развитие торговли характеризуется большимъ числомъ ежегодно основываемыхъ торговыхъ компаній: въ 40-хъ и 50-хъ гг. ихъ возникало ежегодно 1,500—2,500, а въ 70-хъ гг. болѣе 3,000. Иностранная торговля возросла за послѣднія 60 лѣтъ въ 7—8 разъ: цѣнность ввоза и отпускъ не достигали въ 1827 году 1,200 милл. франк., а въ 1887—превысили 9 миллиардовъ. Развитие путей сообщенія выражается слѣдующими цифрами: въ 1850 г. было 3,010 километр. желѣзныхъ дорогъ, а 1 іюля 1889 г.—35,581, сооруженіе которыхъ стоило около 12³/₄ миллиардовъ. По всѣмъ дорогамъ проѣхало въ 1887 г. 218,4 милл. пассажировъ. Число пассажировъ увеличивается изъ года въ годъ; въ товарномъ же движеніи замѣчается ослабленіе: въ 1887 г. было перевезено 78,1 милліона тоннъ противъ 80,8 милліон. въ 1880 и 89,1 милл. въ 1883. Стоимость перевозки за 1 тонну - километръ понизилась съ 16 сантим. въ 1831 г. до 5,80 въ 1887. Большіе успѣхи сдѣланы и водными путями сообщенія: въ 1872 г. по рѣкамъ и каналамъ было провезено 1,836 милліоновъ тоннъ, а въ 1887 г.—3,073 милл. Развитие почтового дѣла представляетъ такую картину: въ 1830 г. было всего 103,7 милліон. почтовыхъ отправленій, а въ 1887 г.—1,522,8 милл., причемъ почтовые пошлины для писемъ понизились отъ 1,110 франк. въ 1827 г. до 0,11. Въ главѣ о деньгахъ приведены интересныя данныя, доказывающія, насколько Франція превосходитъ другія страны запасомъ монеты: въ ней считаютъ 8,200 мил. въ Германіи—3,415, въ Италіи—831. Сберегательныя кассы развились въ огромной пропорціи: въ 1840 г. было выдано 351,3 тыс. книжекъ и 192,4 милл. вкладовъ, а въ 1888 г.—5,364,3 тыс. и 2,493,1 милліона. Въ государственныхъ расходахъ первыя мѣста занимаютъ государственный долгъ (23,8%), войско и флотъ (17,5%). На послѣднюю статью Англія расходуетъ 19,3%, а Россія—25,4%. Бюджетъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ увеличился почти вдвое. Въ податномъ обложеніи косвенные налоги (1,874,8 милл. франк.) превосходятъ прямыя (787 милл.) на 130%. Въ отдѣлѣ финансовъ отведено мѣсто и для хозяйствъ департаментовъ и общинъ; насколько выросли общинныя бюджеты, видно изъ того, что бюджетъ города Парижа, составлявшій въ 1880 г. 12 милл. франк., достигъ въ 1889 г.—260 мил. Государственный долгъ Франціи равняется 32 милліардамъ франк., по 845 фр. на 1 жителя, и превосходитъ ¹/₄ суммы долговъ всѣхъ европейскихъ государствъ (121,178 милл.). Цѣнность имущества всѣхъ частныхъ хозяйствъ авторъ опредѣляетъ въ 200 миллиардовъ, а доходъ—около 25 миллиардовъ франк. По вычисленіямъ для Парижа, на 1,000 доходовъ приходятся: 684 ниже 2,400 франк., 253—2,400 до 10,000, 55—отъ 10 до 70,000; 3 огромныхъ дохода выше 133,000. Въ общемъ, Франція не представляетъ такого рѣзкаго неравенства имуществъ, какъ Англія и Америка. Послѣдняя глава даетъ краткій очеркъ французскихъ колоній.

Таково въ немногихъ словахъ содержаніе этого превосходнаго сборника. Остается пожелать, чтобы и въ нашемъ отечествѣ явилось на свѣтъ подобное подспорье для работъ по общественнымъ вопросамъ.

Статистика Россійской имперіи. V. Статистика выборовъ въ земскія учрежденія за 1883—1886 г. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Последнее десятилѣтіе—время широкаго развитія земской статистики—характеризуется оживленіемъ дѣятельности правительственныхъ статистическихъ учреждений. Тогда какъ въ прежнее время центральный статистическій комитетъ издавалъ, главнымъ образомъ, данныя о движеніи населенія, за послѣднее десятилѣтіе онъ предпринялъ и исполнилъ рядъ работъ по различнымъ вопросамъ соціальной и бытовой жизни страны. Характерною особенностью ученой дѣятельности названнаго учрежденія служить тотъ фактъ, что оно не имѣетъ своихъ собственныхъ лицъ, которымъ бы могло поручать производство мѣстныхъ изслѣдованій, и потому для полученія новыхъ данныхъ ему остается или полагаться на свѣдѣнія полуграмотныхъ сельскихъ и волостныхъ писарей, образующихъ нѣчто вродѣ низшихъ инстанцій правительственной статистики, или обращаться къ населенію съ письменными запросами, разсылкой такъ называемыхъ бланковъ съ просьбой отвѣта, или пользоваться документальными данными въ случаяхъ, когда это по предмету изслѣдованія оказывается возможнымъ. Такимъ образомъ, правительственная статистика лишена возможности пользованія экспедиционнымъ способомъ изслѣдованія, составляющимъ главную силу земской статистики, и это не можетъ не отразиться на характерѣ ея изданій. Лучшія ея работы относятся къ разработкѣ документальныхъ данныхъ, вродѣ статистики поземельной собственности, изслѣдованія о новобранцахъ и т. под.; наиболѣе слабыми являются тѣ, для которыхъ приходится обращаться къ даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, каковы, наприм., обработка свѣдѣній объ арендѣ крестьянами частновладѣльческихъ угодій, о нашихъ фабрикахъ и заводахъ и т. под. Къ числу работъ перваго рода относится и разсматриваемый нами пятый выпускъ *Статистики Россійской имперіи*, заключающій разработку данныхъ о выборахъ въ земскія учрежденія за послѣднее трехлѣтіе. Выборы совершаются по извѣстнымъ официальнымъ нормамъ, всѣ стадіи этого процесса, такъ сказать, запечатлѣваются на бумагѣ и для составленія извѣстнаго представленія нѣтъ особенной надобности производить спеціальное мѣстное изслѣдованіе, а достаточно будетъ обратиться къ указаннымъ записямъ, къ документальнымъ даннымъ; по крайней мѣрѣ, эти данныя представляютъ цѣнный, хотя не всегда достаточно полный, матеріалъ для разработки. Данныя эти въ видѣ списковъ избирателей для выбора гласныхъ по каждому уѣзду, постановленія избирательныхъ съѣздовъ вмѣстѣ со списками избранныхъ гласныхъ и членовъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ и послужили главнымъ матеріаломъ для разсматриваемаго труда. Кромѣ указанныхъ данныхъ, центральный статистическій комитетъ обратился къ цифрамъ экономической статистики для обрисовки имущественнаго ценза земскаго представительства по уѣздамъ, губерніямъ и цѣлой имперіи.

Какъ и всѣ почти изданія этого рода, разсматриваемый томъ состоитъ изъ таблицъ и небольшого текста, заключающаго главнѣйшіе результаты изслѣдованія. Въ этомъ обзорѣ земское представительство рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Какъ извѣстно, основаніемъ земскаго представительства служатъ, по закону, земля и другое недвижимое имущество или доходъ съ промыш-

леннаго предпріятія. При переводѣ всѣхъ видовъ ценза въ земельный потѣмъ нормамъ, какія установлены закономъ для земскаго представительства, окажется, что имущественный цензъ частныхъ землевладѣльцевъ будетъ выражаться цифрою $70\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ, цензъ городскихъ обществъ— $3\frac{1}{2}$ мил. десятинъ, сельскихъ обществъ—91 мил. дес., т.-е. въ общей суммѣ представленнаго въ земствѣ имущества частнымъ землевладѣльцамъ принадлежитъ 42,6%, горожанамъ 2,1%, сельскимъ обществамъ 55,3%. Число же гласныхъ, избираемыхъ каждою изъ названныхъ группъ населенія, непропорціонально ихъ имуществу, именно, гласный отъ частныхъ землевладѣльцевъ является представителемъ 11,490 десятинъ земли, гласный отъ города представляетъ 2,034 десят., отъ сельскихъ обществъ—16,953 дес. Крупные землевладѣльцы имѣютъ непосредственное право избранія гласныхъ, и такихъ лицъ насчитывается въ странѣ 40,172 человекъ; мелкіе землевладѣльцы въ числѣ 137,915 человекъ имѣютъ право собраться на предварительный сѣздъ для выбора 33,865 лицъ, которыя вмѣстѣ съ вышеуказанными 40,172 крупными землевладѣльцами будутъ участвовать въ выборѣ гласныхъ. Въ городскихъ избирательныхъ сѣздахъ по размѣрамъ своего имущества имѣеть право участвовать 48,091 лицо; отъ сельскихъ же обществъ могутъ являться на выборы гласныхъ 196,773 человекъ, избранныхъ волостными сходами. Такимъ образомъ, общее число лицъ, имѣющихъ право участвовать на всѣхъ избирательныхъ сѣздахъ, равняется 422,951; фактически же участвовало въ нихъ въ разсматриваемый моментъ 201,064, т.-е. большая половина избирателей оказалась неисправной въ исполненіи своей общественной обязанности. Пытаюсь опредѣлить, какая изъ имущественныхъ категорій населенія дала наибольшій процентъ неисправныхъ, т.-е. выказала наибольшее равнодушіе земскому дѣлу, мы получимъ такіа отношенія: на предварительныхъ сѣздахъ землевладѣльцевъ присутствовало 13,2% числа лицъ, имѣющихъ на это право, на сѣздахъ землевладѣльцевъ и городскихъ присутствовало 20,8%, на сельскихъ—80%. И такъ, всего полнѣе пользуются своимъ правомъ избранія представители сельскихъ обществъ. Аналогичный выводъ получится при анализѣ сословнаго положенія избирателей. Въ числѣ лицъ, имѣющихъ право присутствовать на всѣхъ сѣздахъ, считается дворянъ 11,9%, чиновниковъ ниже IX класса 2,5%, купцовъ 9,9%, духовныхъ 0,7%, крестьянъ 64,3%, фактически же избиратели насчитывали въ своей средѣ дворянъ 5,3%, чиновниковъ 1,3%, купцовъ 4,2%, духовныхъ 2%, крестьянъ 84,9%. И такъ, дворяне, чиновники и купцы своимъ нерадѣніемъ къ земскому дѣлу понизили цифру своихъ избирателей на половину, крестьяне и особенно духовенство оказались гораздо исправнѣе, почему относительная доля ихъ участія увеличилась.

Выше мы видѣли, что, несмотря на меньшій имущественный цензъ, меньшее число избирателей и наибольшую неисправность частныхъ землевладѣльцевъ, общее число гласныхъ, избираемыхъ ими, превышаетъ число представителей сельскихъ обществъ, причина чего кроется въ законѣ и не подлежитъ дальнѣйшему разсмотрѣнію. Но хотя число гласныхъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ (46,3% всего числа гласныхъ) немногимъ превышаетъ число гласныхъ отъ сельскаго общества (40,7%), уѣздныя управы больше чѣмъ на половину состоятъ изъ представителей частнаго землевладѣнія. Гораздно интереснѣе, однако, роль дворянства въ земскомъ дѣлѣ. Мы знаемъ, что въ числѣ избирателей дворяне составляютъ небольшой процентъ (12% всего числа возможныхъ избирателей и 5,3%— фактическихъ), что даже въ средѣ крупныхъ земле-

владельцевъ процентъ ихъ не достигаетъ 60 (23,590 изъ 40,172), да и изъ этого числа $\frac{2}{3}$ не пользуются своимъ правомъ избранія и не являются на избирательные сѣзды. Въ общемъ, въ разсматриваемую сесію въ избраніи гласныхъ принимало непосредственное участіе 186 $\frac{1}{2}$ тысячъ лицъ, въ числѣ которыхъ дворянъ было 9,502 или 5%. Обращаясь же къ результатамъ избранія, мы увидимъ, что въ числѣ уѣздныхъ гласныхъ дворяне занимаютъ уже 34,7%, а въ губернскихъ собраніяхъ имъ принадлежитъ значительное большинство, именно 69,5% всего состава гласныхъ. Въ уѣздныхъ управахъ дворянъ насчитывается 43,8%, а сдѣлать поправку на губерніи, вовсе не имѣющія дворянства, то это значить, что исполнительный органъ уѣзднаго земства почти находится во власти нашего первенствующаго сословія; о губернскихъ управахъ нечего и говорить: дворяне составляютъ около 74% всего числа членовъ этихъ управъ.

И такъ, первое по почету сословіе государства является заправляющимъ элементомъ мѣстнаго общественнаго хозяйства. Выражая такой индифферентизмъ къ земскому дѣлу, что $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ числа лицъ этого сословія, имѣющихъ право выбора, не являются на избирательные сѣзды, дворяне, тѣмъ не менѣе, успѣли занять выдающееся мѣсто въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, безусловно-господствующее въ губернскихъ, преобладающее положеніе въ исполнительныхъ органахъ земства. Сказанное позволяетъ по достоинству оцѣнить жалобы извѣстной группы лицъ на упадокъ значенія дворянъ въ общественной жизни страны. Мы видимъ, что и при такомъ „упадкѣ“ 9 $\frac{1}{2}$ тысячъ дворянъ почти господствуютъ въ дѣлѣ завѣдыванія хозяйствомъ уѣзда и губерніи. Если дворянство не пользуется здѣсь еще большимъ вліяніемъ, если можно говорить объ „упадкѣ“ въ этомъ значеніи слова, то причины сказаннаго слѣдуетъ искать внутри этого сословія, а не во внѣшнихъ условіяхъ; эта причина: индифферентизмъ къ земскому дѣлу (и, слѣдовательно, къ своему вліянію), выражающійся такимъ большимъ процентомъ лицъ, устранившихся отъ участія въ выборахъ, какового не даетъ никакое другое сословіе. Благодаря этому устраненію, дворяне не имѣютъ на сѣздѣ землевладельцевъ такого вліянія, какое они могли бы имѣть, если бы занимали первое мѣсто въ странѣ. Но и при настоящихъ условіяхъ, въ общемъ, они, все-таки, держирующій классъ. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, данныя правительственнаго изслѣдованія.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Основы ученія объ электричествѣ“. Ж. Жубера.—„Звѣздный атласъ“. Я. Мессера.

Основы ученія объ электричествѣ. Ж. Жубера, профессора Ролленевской коллегіи въ Парижѣ. Переводъ П. В. Преображенскаго, В. П. Минина и Т. И. Вяземскаго, подъ редакціей проф. А. Г. Столѣтова. Москва, 1889 г. Книга проф. Жубера имѣетъ цѣлью „представить въ простомъ и, однакожь, довольно полномъ изложеніи теорію электричества и главныя основанныя на ней приложенія“. Русскій переводъ отличается отъ французскаго оригинала тѣмъ, что въ него внесено много поправокъ, намѣченныхъ Жуберомъ для будущаго французскаго изданія. Вся книга распадается на 35 главъ. Познакомивъ въ первыхъ главахъ съ основными явленіями электричества, авторъ въ третьей главѣ переходитъ къ разсмотрѣнію явленій электри-

ческаго вліянія, затѣмъ къ опредѣленію электрическаго потенциала, послѣ чего онъ выводитъ нѣкоторыя общія теоремы (теоремы Грина, Кулона, Пуассона). Въ шестой главѣ излагается теорія конденсатора и описываются различныя виды конденсаторовъ и явленія электрическаго разряда. Познакомивъ въ седьмой главѣ съ дѣйствіями электрическаго разряда, авторъ въ восьмой, девятой и десятой главахъ описываетъ снаряды для электростатическихъ измѣреній, электрическія машины и гальваническія батареи. Одиннадцатая глава посвящена изложенію законовъ Ома, Дзятля, а также явленія Пельтье и явленія Томсона. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ (XII, XIII и XIV), послѣ ознакомленія съ законами Кирхгофа относительно развѣтвленія токовъ и условіями наибыгоднѣйшаго соединенія элементовъ, описываются химическія дѣйствія тока и термоэлектрическіе токи. Въ слѣдующихъ пяти главахъ излагаются явленія магнетизма въ такомъ порядкѣ: общія явленія (глава XV), строеніе магнитовъ, распредѣленіе магнетизма, магнитныя листки, потенциалъ листка, взаимныя явленія листка въ полѣ (глава XVI), магнитное вліяніе, намагниченіе черезъ вліяніе, магнитная проницаемость, индукція, работа намагниченія и т. д. (гл. XVIII) и земной магнетизмъ (глава XIX). Затѣмъ слѣдуетъ электромагнетизмъ и электромагнитныя дѣйствія, а далѣе явленія индукціи токовъ. Въ главахъ XXV, XXVI, XXVII и XXVIII авторъ знакомитъ съ устройствомъ различнаго рода гальванометровъ (Томсона, Нобили, Дешре и д'Арсонвала), съ разными методами электрическихъ измѣреній (измѣреніемъ силы тока, количества электричества, сопротивленій и электродвижущихъ силъ), электрическими единицами и способами опредѣленія Ома. Познакомивъ далѣе (въ XXIX, XXX и XXXI гл.) съ устройствомъ различнаго рода электрическихъ машинъ (машинъ съ постояннымъ токомъ, съ прямымъ и переменнымъ токомъ), авторъ посвящаетъ слѣдующія главы (XXXII, XXXIII и XXXIV) описанію приложеній электричества къ различнымъ техническимъ дѣламъ т.-е. электрическаго освѣщенія, гальванопластики и электрической телеграфіи. Главой объ атмосферномъ электричествѣ заканчивается учебникъ проф. Жубера. Изъ краткаго перечня того, о чемъ говорится въ учебникѣ, видно, что въ немъ изложено все существенное въ ученіи объ электричествѣ. Поэтому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Столѣтова, который говоритъ (въ предисловіи), что учебникъ Жубера будетъ полезенъ не только для учащихся, но и для лицъ, профессионально занятыхъ электричествомъ.

Звѣздный атласъ. Изображеніе всѣхъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ до 35 градуса южнаго склоненія. Большая общія карта и 26 специальныхъ картъ, съ 12 листами объяснительнаго текста и 37 рисунками. Составилъ, начертилъ и описалъ Яковъ Мессеръ. Спб. Изданіе Карла Риккера. 1888 г. Атласъ, заглавіе котораго выписано выше, есть первое у насъ изданіе такого рода. Въ настоящее время ощущается дѣйствительная потребность въ звѣздномъ атласѣ, и такъ какъ въ разсматриваемомъ нами атласѣ градусная сѣтъ и звѣзды начерчены хорошо, то мы и рекомендуемъ его каждому, интересующемуся звѣзднымъ небомъ. Но даже не предъявляя тѣхъ строгихъ требованій, которымъ вполне удовлетворяютъ подобныя изданія за границей, мы должны указать недостатки атласа, и эти указанія дѣлаемъ въ надеждѣ, что они будутъ полезны, во-первыхъ, тѣмъ, кои будутъ пользоваться атласомъ, и, во-вторыхъ, самому автору при второмъ изданіи.

На картахъ нѣтъ тѣхъ классическихъ фигуръ, названіями которыхъ обозначаются созвѣздія. Авторъ говоритъ, что онѣ опущены „какъ безцѣльный и вовсе ненужный матеріалъ“ (стр. 24). Это невѣрно. Фигуры имѣли и имѣютъ значеніе и въ атласѣ, изображающемъ звѣзды, видимыя простымъ глазомъ, онѣ быть должны. Въ астрономической литературѣ постоянно встрѣчаются выраженія: „звѣзда въ поясѣ Ориона“, „туманность въ мечѣ Персея“; сочиненіе Кеплера, наприм., озаглавлено: *De stella nova in pede Serpentarii*, Гершель писалъ о переменѣнной звѣздѣ „in collo Ceti“ и т. д. Всѣ эти принятые и удобные термины совершенно непонятны, если на картахъ нѣтъ фигуръ. Только фигуры должны быть нанесены такъ умѣло и хорошо, какъ, наприм., на картахъ *Neuer Himmels-Atlas* Heis'a.

Млечный путь нанесенъ, и то грубо, только на общей картѣ, на специальныхъ его нѣтъ. Мы считаемъ это недостаткомъ. Нельзя же пропустить на изображеніи звѣзднаго неба то, что составляетъ его украшеніе и одинъ изъ главныхъ на немъ предметовъ; а, затѣмъ, изученіе и вѣрная передача на рисунѣ относительнаго блеска разныхъ частей составляетъ важную и занимательную задачу, которую мы особенно рекомендуемъ студентамъ и любителямъ, проводящимъ дѣло въ Крыму и вообще на югѣ. Теперь имъ придется обращаться въ вышеназванному атласу Heis'a.

Звѣзды на атласѣ изображены кружками и авторъ говоритъ: „для обозначенія звѣздъ принята форма кружка, такъ какъ она, какъ-показываютъ фотографическіе снимки звѣздъ, сдѣланные братьями Генри въ Парижѣ, болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и только одна эта для всѣхъ звѣздъ одинаковая форма...“ (стр. 4).

При чемъ тутъ братья Генри?—развѣ кто сомнѣвался когда-нибудь, что въ дѣйствительности звѣзды шарообразны? Но мы не фотографируемъ, а смотримъ на звѣзды; при разсматриваніи же онѣ кажутся съ лучами, почему такъ и изображаются всегда, по крайней мѣрѣ, свѣтлыя. Только на весьма подробныхъ атласахъ изъ экономіи и за недостаткомъ мѣста дѣлаются кружки.

Спеціальныя карты, ихъ 26, имѣютъ величину въ 5×5 вершковъ, и такъ какъ нѣкоторые экземпляры атласа переплетены такъ, что каждая карта перегнута пополамъ, то весь атласъ имѣетъ удобную форму, по крайней мѣрѣ, для ношенія. Но очень часто, наоборотъ, будетъ весьма неудобно такое большое число картъ и, слѣдовательно, небольшая величина части неба, изображенной на каждой картѣ, а именно: въ случаѣ наблюденія и черченія метеоровъ, кометныхъ хвостовъ, зодіакальнаго свѣта и т. д. И мы предпочли бы половинное число въ два раза большихъ картъ.

На поляхъ не показано, на какой картѣ изображены прилежащія звѣзды, что также затрудняетъ пользованіе атласомъ.

Приложенное къ атласу и равное ему по объему вступленіе написано плохимъ языкомъ, весьма нескладно и заключаетъ въ себѣ не малое число всякаго рода ошибокъ.

Что касается, напримѣръ, собственныхъ именъ, то, вѣдь, должно быть: Скиапарелли, а не Чапарелли,—Гевелій, а не Гевель,—Ауверсъ, а не Оверсъ,—Кларкъ, а не Клеркъ и т. д.

Есть много неточныхъ выраженій. Нельзя же говорить „экваторіальная высота Петербурга“, вмѣсто—экваторіальная высота звѣздъ въ Петербургѣ; не говорится: „по среднему часовому времени“, а просто—по среднему времени; когда говорится о скорости, то, вѣдь, надо знать,

про какую скорость идетъ рѣчь — угловую или линейную. Подъ „часовымъ кругомъ“ авторъ разумѣетъ, очевидно, что-то особенное и описываетъ его подробнѣе, „чѣмъ въ какомъ-либо другомъ звѣздномъ атласѣ“ (стр. VI). Въ астрономіи часовымъ кругомъ называется просто каждый кругъ, проходящій черезъ полюсы и звѣзду. Мы не понимаемъ, что значить „широкій спутникъ“; что же касается „животнаго круга“, то это обозначаетъ, должно быть, кругъ, проходящій черезъ животъ.

При описаніи cadaго созвѣздіа сказано, что въ немъ столько-то звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ. При этомъ надо помнить, что это наибольшее число звѣздъ, видимыхъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, т. е. въ ясную ночь, безъ признаковъ зари и луннаго свѣта. Вообще же говоря, большинство показанныхъ звѣздъ для простаго глаза невидимо. Приложенный списокъ переменныхъ звѣздъ есть сокращеніе каталога профессора Шенфельда; въ немъ (т. е. списокѣ) показаны и такія звѣзды, которыя въ наибольшемъ блескѣ не достигають 6-й величины. При помощи атласа, дающаго только звѣзды до 6-й величины, ихъ найти будетъ нельзя, и въ списокѣ онѣ лишнія.

Что касается двойныхъ звѣздъ, списокъ которыхъ также приложенъ, то многія изъ показанныхъ не могутъ быть ни найдены при помощи атласа, ни раздѣлены небольшими инструментами.

Предупреждаемъ также читателя, что цвѣта двойныхъ звѣздъ въ рѣдкихъ случаяхъ ясно выражены, вообще же говоря, подъ всѣми этими „желтыми“, „розовокрасными“, „зеленожелтыми“, „яркоголубыми“ цвѣтами надо подразумѣвать слабые, едва замѣтные, и то не всегда, оттънны.

Терминъ, не разъ встрѣчающійся: „покрытіе одной звѣзды другою“ — неточенъ; никто такого покрытія не видѣлъ, тутъ дѣло идетъ о такомъ сближеніи двухъ звѣздъ, при которомъ онѣ не раздѣляются въ трубѣ.

Но особенно мы должны предостеречь cadaго, кто захотѣлъ бы познакомиться, при помощи атласа, съ туманностями. Описаніе ихъ сдѣлано безъ надлежащей критики и осторожности. На стр. 160 и слѣд. данъ длинный списокъ туманностей, взятый изъ каталога Гершеля. Туманности — суть, вообще говоря, трудно-доступные предметы звѣзднаго неба. За исключеніемъ небольшого числа, всѣ прочіе суть малыя, слабыя и небольшимъ трубамъ недоступны. Въ хорошую, трехдюймовую трубу, — инструментъ, не часто встрѣчающійся въ рукахъ любителей, — многія, даже помѣченныя въ списокѣ какъ свѣтлыя, будутъ невидимы. За то, обращая таковую трубу въ какую угодно часть неба, увидимъ множество непоказанныхъ звѣздъ и атласъ перестанетъ быть изображеніемъ того, что у насъ передъ глазами. Слѣдовало, по крайней мѣрѣ, отличить какъ-нибудь на картахъ замѣчательныя туманности. Такъ, близъ ν Андромеды на картахъ №№ IV и X показаны двѣ одинаковыя туманности, а, между тѣмъ, одна изъ нихъ есть единственная на всемъ небѣ, видимая простымъ глазомъ, вторая же малая и въ трубѣ; чѣмъ разнятся на картѣ огромныя звѣздныя кучи въ Рагѣ и близъ η Близнецовъ отъ малыя и незамѣчательныя.

Многіе рисунки повторяются безъ всякой надобности по два раза, наприм., стр. 56 и 117, стр. 53 и 107, стр. 44 и 89 и т. д.

Все введеніе для втораго изданія нужно передѣлать, сократить и улучшить во всѣхъ отношеніяхъ. Мы совѣтовали бы также оставить при этомъ въ покоѣ и великаго мыслителя Канта, и „духовную связь міровыхъ тѣлъ“, и „этическое образованіе (sic) астрономіи“.

МЕДИЦИНА.

„Отчетъ медицинскаго департамента за 1887 годъ“.

Отчетъ медицинскаго департамента за 1887 годъ. Спб., 1889 г. Какъ и въ предъидущіе годы, отчетъ заключаетъ въ себѣ шесть отдѣловъ: 1) свѣдѣнія о состояніи народнаго здравія; 2) описаніе санитарныхъ мѣропріятій; 3) свѣдѣнія о состояніи врачебной помощи, о лечебныхъ заведеніяхъ, аптекахъ и пр.; 4) результаты судебно-медицинской дѣятельности врачей; 5) высочайшія повелѣнія и правительственныя распоряженія по медицинской части, послѣдовавшія въ 1887 г.; 6) свѣдѣнія о движеніи дѣлъ и бумагъ по медицинскому департаменту. Главнѣйшіе итоги по всѣмъ этимъ отдѣламъ сгруппированы на этотъ разъ въ предисловіи къ отчету, причеиъ рѣзко обнаруживается желаніе центральнаго медицинскаго учрежденія пополнить на будущее время существующіе пробѣлы и вообще упорядочить какъ доставленіе, такъ и обработку официальныхъ свѣдѣній о состояніи народнаго здоровья въ имперіи.

Какъ видно изъ отчета, во всей Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, съ населеніемъ въ 110½ мил., родилось около 5 мил., умерло менѣе 3½ мил., такъ что получился приростъ въ 1½ мил. Къ врачебной помощи въ отчетномъ году обращалось около 17 мил. человекъ, но форма заболѣванія была зарегистрирована только у 15 мил., въ томъ числѣ около одной трети всего числа больныхъ приходится на тѣ формы болѣзни, распространеніе которыхъ можетъ быть значительно ограничено санитарными мѣропріятіями, а именно: около 15% заразныхъ болѣзней и 17% эпидемическихъ и паразитарныхъ.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о заболѣваемости населенія, попрежнему, оказываются чрезвычайно неполными, хотя, по заявленію отчета, Россія по смертности отъ различнаго рода заразныхъ болѣзней (оспа, корь, скарлатина, тифъ, дизентерія и пр.) значительно превосходитъ Голландію, Англію, Италію, Бельгію, Пруссію и ближе всего подходитъ къ Австріи. Санитарный надзоръ встрѣчалъ не малыя препятствія со стороны самого населенія, а равно въ силу отсутствія строгаго формулированныхъ закономъ санитарныхъ порядковъ, помимо незначительности наказаній за несоблюденіе правилъ санитарной полиціи.

Какъ указываетъ въ отчетѣ, оспопрививаніе, являющееся главною мѣрой противъ разрушительнаго распространенія оспы, неудовлетворительно поставлено, будто бы, вслѣдствіе отсутствія закона объ обязательной вакцинаціи. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь главною причиною является недостатокъ и часто полное отсутствіе врачебной помощи. Оспопрививаніе лучше всего поставлено, безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ, въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ, въ силу этого, относительное число умершихъ отъ оспы значительно меньше при сравненіи съ другими группами губерній, въ особенности съ Азіатскою Россіей. Заслуживаютъ также вниманія и остальные указанія официальнаго отчета. Такъ, надзоръ за торговлею извѣтными и сильно дѣйствующими веществами обнаружилъ отпускъ изъ складовъ аптекарскихъ товаровъ лѣкарствъ по рецептамъ. Главною причиною этого противозаконнаго дѣйствія признается *дороговизна лѣкарствъ въ аптекахъ*. Вообще говоря, врачебная помощь гораздо доступнѣе сельскому населенію въ губерніяхъ земскихъ, чѣмъ въ остальныхъ, и едва ли это измѣнится значительно въ будущихъ отчетахъ, благодаря преобразованію сельской вра-

чебной части въ не-земскихъ губерніяхъ, какъ оптимистически предполагаютъ составители отчета за 1887 годъ. Въ земскихъ губерніяхъ, круглымъ счетомъ, на 10 тыс. населенія обращалось къ медицинской помощи около $2\frac{1}{2}$ тыс. человекъ и болѣе 100 человекъ пользовалось въ больницахъ или болѣе чѣмъ въ 10—12 разъ, нежели въ средне-азиатскихъ областяхъ, вдвое-втрое больше, чѣмъ въ не-земскихъ губерніяхъ, и т. д.

Одна больничная кровать приходится: въ земскихъ губерніяхъ на 1,200 жителей, въ не-земскихъ на 1,900 жит., на Кавказѣ на 12 тыс. жит. Впрочемъ, эти данныя весьма и весьма приблизительны, ибо по нѣкоторымъ земскимъ губерніямъ свѣдѣнія неточны. Точно также и указанная въ отчетѣ сумма въ $17\frac{1}{2}$ мил. руб., израсходованная въ отчетномъ году, не даетъ понятія о дѣйствительной суммѣ расходовъ, такъ какъ „свѣдѣнія по этому дѣлу страдаютъ неполнотою, обусловливаемою несвоевременнымъ доставленіемъ такихъ свѣдѣній со стороны земскихъ управъ, городскихъ думъ и другихъ учреждений, вѣдающихъ расходы на медицинскую часть“. Сколько-нибудь точнаго вычисленія по распредѣленію врачебнаго персонала среди населенія составители отчета не нашли возможнымъ сдѣлать въ виду неточностей сообщенныхъ мѣстными вѣдѣтельными управленіями цифръ. Въ устраненіе же на будущее время подобнаго недостатка, департаментъ въ настоящее время приступилъ къ регистраціи врачей по карточной системѣ, которая позднѣе будетъ примѣнена и къ регистраціи прочихъ лицъ медицинскаго званія. Въ краткой библиографической замѣткѣ невозможно обрисовать современный санитарно-врачебный строй Россіи, пользуясь официальными, достаточно краснорѣчивыми, данными, хотя это и было бы весьма полезно для лицъ, которымъ указанный отчетъ или вовсе недоступенъ, или же покажется скучнымъ нагроможденіемъ мертвыхъ цифръ.

Между прочимъ, въ отчетѣ за 1887 годъ мы встрѣчаемъ официальное признаніе того, давно всѣмъ извѣстнаго факта, что наши минеральныя воды, грязи и морскія купавья находятся, „къ сожалѣнію, почти еще въ зачаточномъ состояніи“. Большая часть курортовъ представлена *произволу частной предприимчивости*, вервѣдо даже не регулируемой надлежащимъ врачебнымъ надзоромъ, что и обнаруживается въ незначительномъ числѣ пользованныхъ на русскихъ курортахъ лицъ (не болѣе 25 тыс. человекъ). Въ настоящее время департаментомъ приняты мѣры къ выясненію потребностей русскихъ курортовъ и условій надлежащаго развитія ихъ дѣятельности. Что касается дѣятельности врачей въ качествѣ экспертовъ по дѣламъ судебно-медицинскимъ, то всего въ отчетномъ году было выдано болѣе 111 тыс. судебно-медицинскихъ актовъ. Изъ нихъ около $\frac{3}{4}$ приходится на акты освидѣтельствования живыхъ людей, $\frac{1}{8}$ на осмотръ и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ и, наконецъ, $\frac{1}{8}$ на осмотры предметовъ и вещей. Дѣятельность самого департамента заключалась въ рассмотрѣніи 160 дѣлъ, присланныхъ разными судебными и административными учрежденіями. Всѣхъ дѣлъ въ медицинскомъ департаментѣ въ отчетномъ году было около 5 тыс., входящихъ бумагъ болѣе 30 тыс. и исходящихъ болѣе 15 тыс. Въ отчетномъ году состоялось 18 высочайшихъ повелѣній по медицинской части, въ томъ числѣ—о разрѣшеніи хоронить умершихъ въ жаркое время года до истечения однихъ сутокъ послѣ смерти, если появились признаки разложенія трупа, о преобразованіи сельской медицинской части въ 8 западныхъ не-земскихъ губерніяхъ и т. д. Изъ правительственныхъ распоряженій въ отчетномъ году наибольшаго вниманія за-

служиваетъ циркуляръ, какъ извѣстно, подавшій поводъ къ массѣ недоразумѣній на практикѣ, о возложеніи на уѣздныхъ врачей производства ревизій и освидѣтельствующей земскихъ больницъ, лечебницъ, амбулаторій, фельдшерскихъ пунктовъ и состоящихъ при нихъ аптекъ въ уѣздахъ. Впослѣдствіи выяснилось, какъ указывалось въ общей и медицинской прессѣ, что формальное отношеніе къ этому дѣлу со стороны уѣздныхъ врачей, по своимъ служебнымъ обязанностямъ стоящихъ внѣ общаго теченія медицинской жизни въ земскихъ губерніяхъ, вызывало иногда безплодную пререканія между представителями общественной и административной медицины въ ущербъ общему дѣлу правильной санитарно-врачебной организаціи.

У Ч Е Б Н И К И.

„Учебникъ исторіи“. Проф. А. Трачевскаго.

Учебникъ исторіи. Профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. 2-е исправленное изданіе. Спб., 1889 г. Цѣна 2 руб. Первое изданіе учебника проф. Трачевскаго вышло еще въ 1883 году и тотчасъ же было отмѣчено журнальною критикою, причемъ отзывы ея были замѣчательно единодушны. Даже наиболѣе строгій критикъ (*Ж. М. Н. П.* 1884 г., № 10) соглашался, что это „не случайная компиляція, а трудъ мыслящаго, научно-образованнаго человѣка“. Въ самомъ дѣлѣ, учебникъ, какъ скромно называетъ свою книгу авторъ, ярко выдѣляется на сѣренькомъ фонѣ тѣхъ quasi-учебниковъ, по которымъ суждено обучаться нашему юношеству. Здѣсь, прежде всего, цѣнною новинкою, вполне желательною для нашей школы, является то обстоятельство, что авторъ обращаетъ особенное вниманіе на культурную исторію. Всѣ отдѣлы, сюда относящіеся, написаны не только живо, образно, ярко, но даже талантливо, въ чему менѣе всего приучали гг. Беллярминовы и другіе поставщики различныхъ учебниковъ, изготовляющихся кое-какъ, на скорую руку. Въмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигая культурную исторію, профес. Трачевскій вовсе не служиваетъ этимъ рамки исторіи политической, и мы бы свазали, что нѣкоторыя подробности въ интересахъ учащихся можно было бы даже выпустить, какъ это сдѣлано имъ во второмъ изданіи съ исторіей Японіи и Китая. Мелочи въ учебникѣ менѣе всего желательны, такъ какъ онѣ быстро забываются и только обременяютъ память учащихся. Что касается, наконецъ, изложенія, языка учебника, то, по нашему крайнему разумѣнію, ученикъ будетъ отдыхать на новомъ учебникѣ. Читатель изъ книги проф. Трачевскаго вынесетъ отрадное убѣжденіе, что „труды человѣчества не безплодны: на свѣтѣ все прибавляется ума, честности и правды“ (*Предисл.*). Большой интересъ и опять тоже новинку представляетъ *Введеніе*, гдѣ почтенный авторъ во всеоружіи современной науки знакомитъ читателей съ періодомъ развитія земли, постепеннымъ ростомъ человѣческаго общества, развитіемъ обрядовъ, нравственности и т. д. и обстоятельно знакомитъ съ источниками исторіи, чему въ наиболѣе даже щедрыхъ учебникахъ удѣляется нѣсколько строкъ.

Новое изданіе учебника отличается отъ прежняго болѣею обработкой деталей и болѣею точностью выраженій. Мѣстами произведено и перемѣщеніе матеріала (гл. VII, стр. 361—403), какъ болѣе удобное. Къ выгодѣ книги, благодаря этой переработкѣ, исчезли теперь такіа выраженія: „красный и дождій аеинянинъ (Платонъ)“; „бумажное крющество“ у римлянъ“ (у которыхъ бумага не было); названіе Цицерона

„даровитымъ французомъ классической древности“ и т. п. выраженія, мало уясняющія дѣло. Словомъ сказать, авторъ отъ начала до конца пересмотрѣлъ, какъ видно, и мѣстами переработалъ свой учебникъ и воспользовался указаніями критики. Мы полагаемъ, что *Учебникъ* А. С. Трачевскаго можетъ быть полезенъ не въ школъ только, но и внѣ ея, служа пособіемъ образованному человѣку въ ознакомленіи съ характернымъ міромъ античной культуры. Строго же гуманные, глубоко-симпатичные взгляды автора, послѣдовательно проведенные по всей книгѣ, должны, несомнѣнно, имѣть высокое воспитательное вліяніе на молодежь.

Въ заключеніе надо отмѣтить, что новое изданіе иллюстрировано 52 недурными рисунками; кромѣ того, къ книгѣ приложено: 3 плана: древнія Аѳины, императорскій и республиканскій Римъ, и 4 карты: Востокъ, Греція, Римъ и міръ, извѣстный древнимъ. Ничего этого въ 1-мъ изданіи не было.

Цѣна такой въ высшей степени полезной и содержательной (28 печатныхъ листовъ) книги болѣе чѣмъ не высока.

КАЛЕНДАРИ.

„Записная книга на 1890 г.“. Изд. К. Л. Риккера. — „Современный календарь на 1890 г.“. Изд. А. Ступина. — „Желѣзно-дорожный календарь и записная книжка на 1890 г.“. — „Кіевскій семейный календарь на 1890 г.“. Изд. Г. Каранта.

Записная книга на 1890 г. (XX годъ изданія). Изданіе К. Л. Риккера. Спб. Это карманный календарь, заключающій въ себѣ, обычныя для всѣхъ календарей, справочныя свѣдѣнія, составленныя кратко и толково. При немъ приложены три карты: Европы, Европейской Россіи и Азіи. Записные листы помѣчены мѣсяцами, днями и числами, съ извлеченіями изъ святцевъ, съ указаніемъ часовъ восхода и захода солнца въ Петербургѣ и въ Москвѣ и съ обозначеніемъ фазъ луны. *Записная книга* К. Л. Риккера продается въ красивомъ и прочномъ коленкоровомъ переплетѣ. Цѣна ея, соотвѣтственно размѣрамъ, 60 в., 80 в., 1 р., можетъ быть названа дешевою.

Современный календарь на 1890 г. Изданіе А. Ступина. Цѣна 15 к. Этотъ календарь представляетъ собою подражаніе извѣстному *Крестному календарю*, издававшемуся г. Гатцукомъ. Свѣдѣнія въ немъ заключаются весьма обильныя и дѣльно составленныя. Рисунки и портреты недурны. Приложена карта Европейской Россіи. *Календарь* г. Ступина самый дешевый изъ всѣхъ, имѣющихся у насъ на 1890 годъ.

Желѣзно-дорожный календарь и записная книжка на 1890 г. Изданіе книжнаго склада Семеновской типографіи. Спб. Цѣна въ переплетѣ 1 руб., съ „Техническимъ приложеніемъ“ 1 руб. 50 коп. Самый *Календарь* отличается отъ большинства нашихъ календарей точностью желѣзно-дорожныхъ свѣдѣній, вѣрностью желѣзно-дорожной карты и специальными дополненіями, каковы: „Уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ“, „Тарифныя узаконенія“, „Инструкціи о выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ“ и т. д. Въ *Техническомъ приложеніи* помѣщены разныя таблицы мѣръ, вѣса, математическія свѣдѣнія изъ алгебры и геометріи, механики — прикладной и строительной, гидравлика, паровая механика, постройка и служба путей, служба подвижнаго состава и тяги, телеграфъ. Мы считаемъ этотъ календарь съ его приложеніями книжками не только весьма полезными, но прямо — необходимыми для техниковъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Кіевскій семейный календарь на 1890 г. Редакторъ-издатель Г. Карантъ. Кіевъ. Ц. 25 к. Мы всегда съ особеннымъ сочувствіемъ относимся ко всѣмъ проявленіямъ интеллектуальной жизни провинціи. Въ этомъ постепенномъ ростѣ умственной самодѣятельности первое мѣсто занимаетъ Кіевъ. Тамъ издается, по свѣдѣніямъ *Календаря*, двѣ ежедневныхъ газеты: *Кіевлянинъ* и *Кіевское Слово*, ежемѣсячные журналы: *Кіевская Старина*, *Труды Кіевской Духовной Академіи*, *Извѣстия*, *Университетскія Извѣстія*, *Вѣстникъ Офтальмологіи*, *Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики*, еженедѣльные — *Воскресное Чтеніе* и *Руководство для сельскихъ пастырей*, двухъ-недѣльный — *Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости*. Театровъ три: драматическаго общества, городской и опереточный. Четырнадцать ученыхъ, художественныхъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ; три музея, десять библиотекъ. Въ адресъ-календарѣ г. Кіева мы не нашли указаній на книжные магазины и лавки и считаемъ это существеннымъ пробѣломъ. Въ отдѣлѣ *Библиографія* помѣщены отзывы всего о семи книгахъ, о которыхъ, въ сущности, и говорить бы не слѣдовало, какъ, напримѣръ, о стихотвореніяхъ какихъ-то безграмотныхъ виршеплетовъ. Въ предисловіи редакторъ календаря дѣлаетъ по этому поводу оправдательную оговорку и общаетъ, что отдѣлъ этотъ „въ слѣдующемъ изданіи будетъ значительно расширенъ“. Мы полагаемъ, что его слѣдовало бы очень значительно расширить, не жалѣя страницъ, которыя могутъ быть для этого отняты отъ переводныхъ сказокъ А. Додэ, давно напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ. Мы считаемъ дѣльныи и разумно подобранныи библиографическія указанія однимъ изъ необходимѣйшихъ отдѣловъ мѣстныхъ календарей. Въ этомъ отдѣлѣ особенное вниманіе надлежало бы обратить на книги для дѣтскаго чтенія, для юношества, для сельскихъ школъ и для народа. Отзывы о негодныхъ книгахъ, помѣщенные въ лежащей передъ нами книжкѣ, оставляютъ желать очень многого; такъ, въ первомъ изъ нихъ мы прочли фразу: „Ея (г-жи Доброво) рассказы среди части читателей этихъ газетъ пользуются нѣкоторою компетентностью, но будучи изданы...“ и т. д. Намъ сдается, что „компетентности“—то не хватаетъ у самого рецензента, а также и у редактора, пропустившаго подобныя рецензіи.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г. — „Русскій Вѣстникъ“, ноябрь—декабрь 1889 г. — „Этнографическое Обзорѣніе“, кн. II, 1889 г.

Вѣстникъ Европы, декабрь 1889 г. Третья и послѣдняя статья г. Пыпина о *Журнальной дѣятельности М. Е. Салтыкова* излагаетъ литературные взгляды великаго художника, насколько они выразились въ краткихъ рецензіяхъ и отзывахъ его въ *Современникъ* по поводу нѣкоторыхъ произведеній тогдашней беллетристики и поэзіи, — произведеній Писемскаго, Ключникова, Ал. Толстаго, Майкова и др. Всѣ критическія замѣтки и разборы книгъ помѣщались Салтыковымъ безъ подписи и оставались до сихъ поръ такъ же неизвѣстными современному читателю, какъ и его публицистическая „хроника“. Тѣмъ болѣе нужно быть благодарнымъ г. Пыпину за то, что онъ извлекъ изъ неизвѣстности и забвенія этотъ замѣчательный и характеристичный матеріалъ. Кромѣ безотвѣстнаго интереса, возбуждаемаго литературными мнѣніями Щедрина, здѣсь еще поучительно слѣдить за тѣмъ, до какой степени вся

позднѣйшая дѣятельность художника строго гармонировала съ его теоретическими взглядами на *обязанности* и *ответственность* писателя, на роль искусства въ русской жизни, на условія реалистическаго писанія,—словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что и прямо, и непосредственно было высказано имъ въ своей критикѣ почти тридцать лѣтъ назадъ. Какъ же смотрѣлъ Салтыковъ на обязанности искусства по отношенію къ русской жизни, какою онъ засталъ ее въ началѣ своей дѣятельности, чего требовалъ отъ писателя, въ чемъ видѣлъ главную силу и значеніе послѣдняго?

Прежде всего, Салтыковъ понималъ и признавалъ существованіе искусства только въ тѣсной связи съ жизнью въ самыхъ широкихъ ея основахъ и смотрѣлъ на литературу, какъ на служительницу жизни и выразительницу ея общественныхъ идеаловъ. Въ общественной роли литературы заключалось для него величайшее значеніе ея, связавное, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ великою отвѣтственностью для писателя, каковъ бы ни былъ родъ его твореній. Въ одномъ мѣстѣ, дѣлая сжатый историческій очеркъ русской поэзіи, онъ показываетъ, какъ она послѣдовательно переходитъ нѣсколько стадій. Сначала поэзія носитъ исключительно характеръ утѣхи, украшенія жизни. „Досузіе люди“, занимающіеся ею, съ усилкомъ исполняютъ эту задачу путемъ навѣванія усладительныхъ сновъ и оболстительныхъ обмановъ. Затѣмъ въ этъ аристократическое искусство начинаютъ проникать мотивы иного характера, раздающіеся изъ темныхъ глубинъ жизни. Наконецъ, въ эту среду вливается все болѣе новыхъ силъ, которыя окончателно вытѣсняютъ старое „досужество“. Иначе и быть не могло, ибо тогда поэзія совершенно погибла бы отъ недостатка свѣжаго воздуха. Пренія отношенія искусства къ жизни дѣлаются все болѣе и болѣе невозможными. Жизнь заявляетъ претензіи стать исключительнымъ предметомъ для искусства, и, притомъ, не праздничными, безмяжежно-идиллическими и сладостными, но и будничными, горькими, рѣжущими глаза сторонами. Мало того, она претендуетъ, что въ этихъ-то послѣднихъ сторонахъ и заключается самая „суть“ человѣческой поэзіи, что игривые ландшафты и надзвѣздныя пространства хотя и могутъ еще, по нуждѣ, оставаться болѣе или менѣе пріятными аксессуарами, но дѣйствительнаго, истинно-человѣческаго содержанія искусству ни подъ какимъ видомъ дать не могутъ. Искусство, слѣдуя этой теоріи, принимаетъ характеръ преимущественно человѣческой, или, лучше сказать, общественный (такъ какъ человѣкъ, изолированный отъ общества, немислимъ) и чѣмъ ближе вглядывается въ жизнь, чѣмъ глубже захватываетъ вопросы, ею выдвигаемыя, тѣмъ достойнѣе носитъ свое имя“. Перехода затѣмъ къ новѣйшему общественному моменту, Салтыковъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ задачу, возлагаемую нашимъ временемъ на русскую литературу: „Вторженіе новой жизни собственно въ нашу литературу, въ смыслѣ искусства, выразилось или въ формѣ сатиры, которая провожаетъ въ царство тѣней все отживающее, или же въ формѣ не всегда ясныхъ и опредѣленныхъ привѣтствій тѣмъ темнымъ, еще неузнаннымъ силамъ, которыхъ наплывъ такъ ясно всѣми чувствуется. Это и понятно. Новая жизнь еще слагается, она не можетъ и выразиться иначе, какъ отрицательно, въ формѣ сатиры, или въ формѣ предчувствія и предвѣднія. Но и для того, чтобы имѣть право выразить ихъ такимъ образомъ, искусство, все-таки, *обязано имѣть понятіе о томъ, о чемъ оно ведетъ свою рѣчь, и, сверхъ того, обладать какимъ-нибудь идеаломъ.* Вотъ этимъ-то послѣднимъ условіямъ и не можетъ никакъ отвѣчать „поэтъ высотъ надзвѣзд-

ных", ибо все, что ни дѣлается поваго въ мирѣ, все это, такъ сказать, не при немъ дѣлается, и какъ ни усиливается онъ приобщиться къ движенію, но успѣваетъ въ этомъ только отчасти, т. е. схватываніемъ только нѣкоторыхъ вѣдншихъ его признаковъ... И такъ, Салтыковъ требовалъ отъ искусства опредѣленной сознательной цѣли; въ мировоззрѣніи писателя онъ искалъ присутствія идеала и настаивалъ, чтобы въ литературныхъ произведеніяхъ выражалось вполне осмысленное отношеніе къ дѣйствительности. Если она сказывается даже только путемъ воспроизведенія однихъ отрицательныхъ типовъ, какъ, наприм., въ *Ревизорѣ*, то и тогда имѣетъ, все-таки, огромное значеніе, ибо сознательное отношеніе въ дѣйствительности уже само по себѣ представляетъ высшую нравственность и высшую чистоту. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу реализма въ искусствѣ, у Салтыкова вырывается сжатая, но мастерская характеристика значенія истиннаго писателя. „Общественное значеніе писателя (а какое же и можетъ быть у него иное значеніе?) въ томъ именно и заключается, чтобы пролить лучъ свѣта на всякаго рода нравственныя и умственныя неурядицы, чтобы освѣжить всякаго рода духоты вѣяньемъ идеала. Какимъ путемъ эта цѣль можетъ быть достигнута—это зависитъ отъ истинныхъ свойствъ каждаго отдѣльнаго таланта, но дѣло въ томъ, что писатель, котораго сердце не переболѣло всеми болями того общества, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, едва ли можетъ претендовать въ литературѣ на значеніе выше посредственнаго и очень скоропреходящаго“. Мы подчеркнули послѣднюю мысль, ибо въ ней содержится ключъ къ пониманію силы всей дѣятельности самого Салтыкова и къ объясненію того огромнаго чарующаго и воспитательнаго вліянія, которое онъ оказывалъ на нѣсколько поколѣній своихъ современниковъ и будетъ имѣть и впредь на всю передовую нашу литературу и общество.

Отсюда весьма понятно, почему носитель *такою* идеала писателя, почему Салтыковъ долженъ былъ относиться враждебно къ продуктамъ безразличнаго художества, а также мало вѣрилъ въ поэзію „надзвѣздныхъ высотъ“, не признавалъ паренія въ никому невѣдомыхъ областяхъ „безграничнаго, неизвѣданаго и несповѣдимаго“. Ему понятна и близка только поэзія, посвященная изображенію дѣйствительной жизни и истинныхъ человѣчныхъ идеаловъ, притомъ, чуждая всякой искусственности, всякой „таинственной чепухи“. Недаромъ же *царемъ поэтовъ* онъ признаетъ Шекспира, у котораго всякое слово „проникнуто дѣлностью“. Салтыковъ относится скептически даже къ такъ называемому „вдохновенію“, т. е. къ силѣ, которая, по увѣренію нѣкоторыхъ, есть нѣчто особое, независимое, не подчиненное поэту, а управляющее имъ. Онъ вообще не довѣряетъ одному таланту, если послѣдній не освѣщенъ свѣтомъ мысли и не руководится продуманнымъ отношеніемъ къ жизни.

Всѣ эти литературные взгляды Щедрина разсѣяны въ цѣломъ рядѣ критическихъ замѣтокъ и мѣтко иллюстрируются разборомъ произведеній нѣкоторыхъ писателей, на которомъ мы не можемъ здѣсь останавливаться подробно. Выраженныя около тридцати лѣтъ назадъ, эти мнѣнія точно сказаны вчера и имѣютъ прямое отношеніе къ нѣкоторымъ литературнымъ явленіямъ нашихъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, не присутствуемъ ли мы съ нѣкоторыхъ поръ при усиліяхъ во что бы то ни стало реабилитировать „чистое искусство“ и поощрять безразличную литературу? Это выразилось даже въ созданіи особаго литературнаго органа, который задается цѣлью успокоить въ своихъ нѣдрахъ якобы

безпріютные отечественные продукты самодовлѣющаго искусства, не имѣющаго отношенія къ общественнымъ вопросамъ. Не слышатся ли, съ другой стороны, голоса, старающіеся поднять престижъ „бессознательнаго“ въ творчество, возвеличить роль личнаго, ничѣмъ не направляемаго „вдохновенія“ въ противовѣсъ сознательному стремленію осмысливать окружающее путемъ художественнаго воспроизведенія его? Не раздавались ли недавно со страницъ органа, берущаго теперь подъ свою защиту „пѣніе птицъ“,—не раздавалась ли оттуда похвала одному надзвѣздному поэту ни за что иное, какъ за то, что въ его поэзіи столько туманности, столько той „таинственной чепухи“, надъ которой смѣется Щедривъ? Да, все это есть, какъ бывало четверть вѣка назадъ, и высказывается, пожалуй, еще рѣшительнѣе, безъ всякой оглядки. Оно немудрено. Потокъ старой жизни, задержанный было эпохою реформъ, сталъ разливаться потомъ опять все болѣе и болѣе широкою струей и въ своемъ необузданномъ, слѣпомъ движеніи затопилъ мутными волнами многіе всходы ничѣмъ не защищенной молодой жизни. Подобныя торжества естественно сопровождаются соответственными явлениями: пониженіемъ умственной дѣятельности, мелкостью насущныхъ интересовъ, робостью мысли, духовнымъ обнищаніемъ. А это въ свою очередь отражается на искусствѣ и его теоріяхъ. Вѣдь, всѣ эти судорожныя хватанія за знамя „чистаго искусства“, эти преувеличенныя обереганія „красоты“, на законность которой никто не посягаетъ и не посягнетъ, всѣ эти безцѣльные возгласы о правахъ „бессознательнаго“ и „безразличнаго“ въ искусствѣ суть ничто иное, какъ признаки безсилія мысли и воли подняться выше, въ уровень съ требованіями сильнаго и суроваго времени. Это яркое значеніе того печальнаго факта, что означенные новые рыцари „чистаго искусства“ не въ состояніи охватить и осмыслить происходящаго передъ ихъ глазами, что они не могутъ собственными силами поставить, не только разрѣшить, ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые задвѣваютъ общество за живое. Имъ нужно успокоиться на безыдейномъ искусствѣ, чуждомъ общественности, или на культѣ „любви и красоты“, имъ нужно пѣть „какъ птица поетъ“,—иначе, что же имъ дѣлать?

Къ той же категоріи „безразличнаго“ искусства относится односторонній quasi-реализмъ нѣкоторыхъ нашихъ писателей. Въ свою очередь это тоже не болѣе, какъ показатель духовной немощи, пригвожденной къ извѣстной условной формѣ и неспособной подняться до широкаго и разносторонняго воспроизведенія жизни. Продуктъ вырожденія, постигшаго искусство и литературу Франціи вслѣдствіе внѣдренія въ обществѣ буржуазныхъ идеаловъ, съ сопровождающимъ ихъ сытымъ безразличіемъ, французскій натурализмъ пришелся у насъ по вкусу тѣмъ поборникамъ „любви и красоты“, которые не смогли и не сумѣли остаться на пути самостоятельнаго и продуманнаго отношенія къ жизни и къ человѣку. Разнуздавъ свой нерѣдко весьма недюжинный талантъ отъ всякихъ руководящихъ цѣлей, они пустили его по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ. И вотъ, освобожденное отъ всякаго контроля, „вдохновеніе“ понеслось по проторенной модной дорожкѣ грубаго фотографирования жизни, не требующаго ни сложной работы мысли, ни нравственныхъ обязательствъ передъ читателемъ. Въ результатѣ получалась гибель таланта и однообразная натуралистическая безвкусница, граничащая съ порнографіей и не имѣющая ничего общаго съ здоровымъ реализмомъ, характеризующимъ нашу исконную художественную литературу. Послушаемъ, напримѣръ, что говорилъ по поводу реализма въ

искусствѣ великій реалистическій художникъ еще въ 1860—64 гг. Установивъ, что реализмъ есть господствующее направленіе въ нашей литературѣ, насажденное Гоголемъ и принятое всѣми лучшими писателями, Щедринъ продолжаетъ: „Но дѣло въ томъ, что мы иногда ошибочно понимаемъ тотъ смыслъ, который заключается въ словѣ „реализмъ“, и охотно соединяемъ съ нимъ понятіе о чемъ-то вродѣ грубаго, механическаго списыванія съ природы, подобно тому, какъ многіе съ понятіемъ о материализмѣ соединяютъ понятіе о всякаго рода физической сытости“. Салтыковъ доказываетъ, что истинный реализмъ не есть простое и одностороннее копированіе, иначе онъ не могъ бы войти въ искусство какъ основной элементъ его, ибо умъ человѣческой не удовлетворяется одними внѣшними признаками и всюду ищетъ внутренняго смысла, внутренней жизни, которая одна даетъ фактамъ значеніе. „Истинный реализмъ не только не потворствуетъ исключительности и односторонности, но даже положительно враждебенъ имъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду человѣка и дѣла его, онъ беретъ его со всѣми его опредѣленіями, ибо всѣ эти опредѣленія равно *реальны*, т.-е. равно законны и равно необходимы для объясненія человѣческой личности. Обращаться съ ними грубо, выставлять на показъ только тѣ изъ нихъ, которыя сами по себѣ выдаются наиболѣе рѣзко, онъ не имѣетъ права, подъ опасеніемъ оказаться совершенно несостоятельнымъ передъ тѣмъ дѣломъ, которое собственно и составляетъ его задачу. Точно такимъ же образомъ, приступая къ воспроизведенію какого-либо факта, реализмъ не имѣетъ права ни обйти молчаніемъ его прошлаго, ни отказать отъ изслѣдованія (быть можетъ, и гадательнаго, но, тѣмъ не менѣе, вполне естественнаго и необходимаго) будущихъ судебъ его, ибо это прошедшее и будущее хотя и закрыты для невооруженнаго глаза, но, тѣмъ не менѣе, совершенно настолько же *реальны*, какъ и настоящее...“ Слова Салтыкова о реалистической манерѣ Писемскаго, по поводу котораго у него зашла рѣчь о реализмѣ, могутъ быть вполне поставлены эпиграфомъ къ сочиненіямъ и современныхъ нашихъ натуралистовъ: „Повидимому, все, что выходитъ изъ ряда самой простой, обыденной жизни: умыванья, одѣванья, питья, ѣды и половыхъ влеченій, совершенно недоступно ему (Писемскому) и возбуждаетъ въ немъ насмѣшку и недовѣріе...“

Требуя отъ русскаго писателя сознательнаго отношенія къ дѣйствительности, разносторонняго воспроизведенія жизни и человѣческой души, наконецъ, опредѣленнаго міровоззрѣнія, Салтыковъ тѣмъ самымъ возлагаетъ на него огромную отвѣтственность. Безъ сомнѣнія, случай съ *Отцами и дѣтьми*, когда неосторожное обращеніе романиста съ нѣкоторыми жгучими вопросами сыграло такую печальную роль въ рѣчахъ реакціонеровъ, долженъ былъ еще болѣе укрѣпить въ Салтыковѣ мнѣніе объ отвѣтственности писателя, о необходимости строгаго контроля мысли надъ личными вкусами автора и отчетливаго пониманія совершающихся передъ окомъ литературы событій. Самъ Салтыковъ, какъ мы знаемъ изъ его дѣятельности, ни разу не измѣнилъ этому представленію объ отвѣтственности писателя передъ судомъ мысли и правды, и, несмотря на страстность, съ какою онъ относился ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ своего времени, у него не выдается ни одной фальшивой ноты, которая свидѣтельствовала бы о близорукости или о личномъ мелкомъ раздраженіи писателя. Одною изъ его великихъ заслугъ передъ исторіей, конечно, останется именно его энергичная защита молодаго поколѣнія отъ дикой травли, которой послѣднее начало

подвергаться съ 61 и въ особенности 62 года, когда молодежи огульно стали приписываться даже такіа небыллицы, какъ петербургскіе пожары. Не говоря уже обо всемъ, что выражалось Салтыковымъ по этому поводу въ его художественной и чисто-публицистической дѣятельности, о чемъ мы говорили уже въ прошлый разъ, онъ возвращается къ данному вопросу и въ рассматриваемыхъ критическихъ статьяхъ. Такъ, между прочимъ, онъ раскрываетъ настоящую цѣну и смыслъ такихъ низкопробныхъ художественныхъ продуктовъ, какъ *Марево* Ключникова. Извѣстно, что этимъ романомъ начался цѣлый рядъ ординарной шаблонно-рызьяной беллетристики, продолжающейся и въ наши дни на страницахъ *Русскаго Вѣстника* въ видѣ романовъ г. Орловскаго,—беллетристики, эксплуатирующей благодарную тему противоположенія богобоязненныхъ, благонравныхъ мальчиковъ злымъ, всеразрушающимъ „мальчишкамъ“.

Вообще, если бы въ то время и въ послѣдующіе годы раздавалось побольше громкихъ голосовъ, подобныхъ убѣжденному голосу Щедрина, если бы, съ другой стороны, слѣбные гонители молодого поколѣнія, сѣявшие только подозрѣніе и ненависть, хоть однажды призадумались надъ тѣмъ, что они творять и что готовятъ будущему,—мы, вѣроятно, не присутствовали бы при печальномъ зрѣлищѣ развертывающейся передъ нами умственной плоскости, не ощущали бы надвигающихся отовсюду пустоты и безлюдья. Въ послѣднее время, особенно въ истекшій тяжелый годъ, когда одинъ за другимъ сходятъ въ могилу наши большіе люди, передовые представители науки, литературы, убѣжденные брактическіе дѣятели, дѣятели реформъ,—словомъ, люди 40-хъ и 60-хъ гг.,—всѣмъ, даже ярымъ поклонникамъ современности, очевидно, что не является въ достаточномъ количествѣ свѣжихъ силъ, которыя заполнили бы образующуюся пустоту; въ этомъ погромѣ старыхъ дѣятелей стеновится ясно, что на смѣну сильныхъ талантовъ и характеровъ, за немногими исключеніями, идетъ поколѣніе вялое, болѣзненно-нервное и съ господствомъ средняго типа способностей. Куда же дѣвался цвѣтъ молодежи, который долженъ былъ поставить новыхъ дѣятелей равной силы на смѣну отходящимъ поколѣніямъ 40-хъ и 60-хъ годовъ? Почему порѣдѣли у насъ ряды людей убѣжденія, и кто виноватъ, что грозитъ прерваться во всѣхъ сферахъ та преемственность передовыхъ и высокихъ умовъ и способностей, которая существовала у насъ отъ начала вѣка? Да, кто виноватъ?

Эту благородную и разумную защиту всего живаго и мыслящаго, это настойчивое обереганіе еще незаглохшихъ и незатоптанныхъ слѣдовъ „новой жизни“ завѣщаль Салтыковъ русской литературѣ, той, которая „достойна носить это имя“. Вѣдь, если эпоха, въ которую Щедринъ выступилъ на журнальное поприще, многими сторонами своими затрогивала всѣхъ за живое и наложила поэтому на литературныхъ дѣятелей того времени специальный отпечатокъ бойцовъ за идеи, то и теперь, несмотря на тридцать лѣтъ, отдѣляющія отъ нея наши дни, сущность и размѣры той борьбы остались тѣ же. Измѣнился нѣсколько характеръ разлада, произошли перемѣщенія въ борьбѣ „отцовъ и дѣтей“, но нынѣ требуется даже еще болѣе усилій для отстаиванія провозглашенныхъ принциповъ, нужна еще болѣе тяжелая, подчасъ скучная работа для защиты разъ поставленныхъ и доказанныхъ истинъ, снова и снова подвергающихся заподозриванью и подкапыванью со стороны „безопасно торжествующихъ и неотразимо нападающихъ“, какъ характеризовалъ своихъ идеальныхъ враговъ Щедринъ.

Въ высшей степени интересныя статьи г. Пыпина о *Журнальной дѣятельности М. Е. Салтыкова* заканчиваются бѣглою, но мастерскою характеристикой историческаго момента начала шестидесятыхъ годовъ, со всѣми его противоположными теченіями и опредѣленіемъ того мѣста, которое сразу занялъ среди нихъ покойный великій писатель, какъ публицистъ и критикъ.

Та же самая эпоха со своими принципами, дѣлами, съ изумительною энергіей преданныхъ ей началамъ людей отражается и въ специальной монографіи г. Г. Д., озаглавленной *Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ*. Здѣсь она рисуется въ одномъ только, но въ одномъ изъ прогрессивнѣйшихъ своихъ проявленій—въ устройствѣ суда праваго, скораго, милостиваго и гласнаго. Какъ извѣстно, и въ этой специальной области духъ свободы и гуманности, повѣявшій надъ Россіей, вызвалъ небывалый умственный и нравственный подъемъ и удесятирилъ силы и способности участниковъ преобразовательной работы. То, что казалось невозможнымъ наканунѣ крестьянской реформы, стало неизбѣжнымъ послѣ нея, и статья г. Д. даетъ тому снова и снова массу доказательствъ.

Вмѣсто старыхъ дѣятелей, гр. Блудова и Панина, тянувшихъ вопросъ о судебныхъ преобразованіяхъ еще съ 1842 г., является цѣлая плеяда новыхъ, энергичныхъ работниковъ: кн. Гагаринъ, Бутковъ, Зарудный, Буцковскій, Ровинскій, Стояновскій, Замятинъ и др. Да и возрѣнія самихъ николаевскихъ людей, гр. Блудова и Панина, претерпѣваютъ въ тому времени радикальную перемѣну въ смыслѣ признанія возможности у насъ примѣненія новыхъ судебныхъ началъ и даже суда присяжныхъ. Этотъ институтъ, о которомъ нельзя было помышлять еще въ 1859 г., когда онъ вызывалъ только страхъ, какъ учрежденіе будто бы революціонное, „судъ присяжныхъ благополучно, мирно и *единогласно* проходить, весной и лѣтомъ 1862 г., какъ въ соединенныхъ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта“.

Что касается стремленій, воодушевлявшихъ дѣятелей судебной реформы, этихъ „идеалоговъ“, какъ ихъ нынѣ третируютъ „трезвенные“ враги реформъ, то, по справедливому замѣчанію г. Д., ихъ представленія относились къ тому здоровому идеализму и къ тѣмъ симпатичнымъ увлеченіямъ, которыя служатъ лучшимъ и единственнымъ источникомъ и разсадникомъ прогрессивныхъ реформъ. Они вѣрили, во-первыхъ, въ силу добра, въ добрые инстинкты и здравый смыслъ русскаго народа, и, во-вторыхъ, вѣрили, вмѣстѣ съ лучшими мыслителями Европы, что „хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество, распространяютъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ“.

Монографія г. Д. посвящена одному изъ самыхъ видныхъ дѣятелей судебной реформы, воспоминаніе о которой вызывается недавно закончившимся двадцатипятилѣтіемъ ея. Замѣчательный труженикъ, прекрасный знатокъ иностранной юридической литературы и практически глубоко изучившій русское уголовное судопроизводство, Буцковскій, вмѣстѣ съ другими, много потрудился для выработки знаменитыхъ „основныхъ началъ“ 1862 г., въ которыхъ впервые провозглашено было начало гласности, состязательности, несмѣняемости судей, независимости адвокатуры и, наконецъ, суда присяжныхъ. Онъ участвовалъ и въ трудахъ комиссіи Буткова по окончательному преобразованію судебной части и изготовленію законоположеній о введеніи судебныхъ уставовъ. Впослѣдствіи, въ качествѣ сенатора кассационнаго департамента, Буцковскій очень много сдѣлалъ для развитія законодательства и всегда являлся

стойкимъ защитникомъ основныхъ началъ реформы и горячимъ противникомъ разныхъ „административныхъ новшествъ“. Но важнѣйшею заслугой Буцковскаго является его участіе въ устройствѣ суда присяжныхъ, этого „вѣнца судебной реформы“, по убѣжденію какъ друзей, такъ и враговъ ея. Авторъ настоящей монографіи приводитъ содержаніе записки, составленной Буцковскимъ по вопросу о судѣ присяжныхъ, — записки, остававшейся неизвѣстною до сихъ поръ, въ теченіе 27 лѣтъ. Здѣсь, съ неопровержимою аргументаціей, доказывается необходимость суда общественной совѣсти, отдѣленія въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности или невинности подсудимаго отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія, съ предоставленіемъ перваго рѣшенію присяжныхъ, а втораго — судей-техниковъ. Здѣсь подробно разбираются и опровергаются возраженія, раздававшіяся въ то время, по политическимъ и юридическимъ соображеніямъ, противъ введенія у насъ суда присяжныхъ.

Разсматривая дѣятельность покойнаго Буцковскаго, авторъ пользуется случаемъ указать мимоходомъ на огромное невѣжество, которое обнаруживаютъ современные обличители судебной реформы. Онъ касается „консолидированнаго обвинительнаго акта“ со стороны всего консервативнаго лагеря, противъ реформы, заключающагося въ книгѣ г. Фукса *Судъ и полиція*, печатавшейся первоначально на страницахъ *Русскаго Вѣстника* въ 1884—87 гг. Въ этомъ сочиненіи редакторы судебныхъ уставовъ за введеніе суда присяжныхъ обвиняются въ легкомысліи, неосмотрительности и верхоглядствѣ, ибо они якобы ограничились спорными, поверхностными и отвлеченными аргументами, а не положительными заключеніями науки и практики. Для доказательства легкомысленнаго отношенія дѣятелей судебной реформы, г. Фуксъ смѣло утверждаетъ, что „объ основномъ характерѣ этого института, о поводахъ или препятствіяхъ къ его введенію упомянуто въ объясненіяхъ къ уставу уголовного судопроизводства лишь на *четыре*хъ (курсивъ въ подлинникѣ) страничкахъ, въ формѣ комментарія къ ст. 201, а возраженіямъ противъ суда присяжныхъ посвящено всего *сорокъ четыре строки*“. „Г. Фуксъ и не подозреваетъ, — говоритъ авторъ настоящей статьи, — что судебные уставы, съ такъ называемыми комментаріями, не болѣе, какъ краткій компендіумъ, составленный для ближайшихъ цѣлей судебного толкованія, онъ не предполагаетъ о существованіи огромнаго 74-хъ томнаго *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, въ которомъ заключается весь сводъ подлинныхъ матеріаловъ судебной реформы“. Разумѣется, въ книгѣ г. Фукса нѣтъ и помину о трехъ замѣчательныхъ запискахъ о судѣ присяжныхъ Ровинскаго, Заруднаго и Буцковскаго, находящихся въ названномъ *Дѣлѣ* и заключающихъ въ себѣ ту полную разработку вопроса, въ отсутствіи которой такъ смѣло и самоувѣренно укоряетъ ихъ г. Фуксъ.

Таковы-то наши „ученые“ обвинители реформъ! Между тѣмъ, приведенныя записки, да и весь огромный матеріалъ *Дѣла* показываютъ, какъ тщательно и всесторонне разрабатывались вопросы о судебной реформѣ, и сколько труда и энергіи владывалось въ это дѣло составителями новыхъ судебныхъ уставовъ. Однѣ только объяснительныя записки, составленныя комиссіей Буткова въ 1863 г., въ поясненіе уставовъ граждан. и уголов. судопр. и учрежд. судебн. устан., занимаютъ 1758 печатныхъ страницъ.

Достойно замѣчанія, что такой видный дѣятель судебной реформы, какъ Буцковскій, оставившій, къ тому же, нѣсколько цѣнныхъ работъ по своей специальности, былъ юристъ-самоучка, обязанный глубокимъ зна-

нiемъ юридическихъ вопросовъ и иностранной литературы исключительно собственному труду. По образованiю же Будицковскiй былъ математикомъ и первоначальное поприще его было инженерное и педагогическое.

Дѣльная монографiя г. Г. Д. читается съ живѣйшимъ интересомъ. Было бы желательно появленiе подобныхъ общественно-биографическихъ изслѣдованiй относительно всѣхъ дѣятелей реформъ, въ особенности по крестьянскому вопросу. Такiя изслѣдованiя оказали бы огромную пользу молодымъ поколѣнiямъ и были бы вообще крайне полезны для нашего забывчиваго и, правду сказать, малосвѣдущаго общества.

Нельзя не упомянуть, что въ концѣ статьи г. Д. приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ статей Каткова, которыя являлись въ периодъ введенiя судебной реформы самыми лучшими и краснорѣчивыми оцѣнками ея общечеловѣческаго и гражданскаго значенiя. *Московскiя Вѣдомости* привѣтствовали въ реформѣ живительную творческую силу, а въ дѣятеляхъ ея честныхъ и славныхъ исполнителей „зrждительной мысли“, имена которыхъ не забудетъ исторiя. Катковъ же высказывалъ тогда опасенiя за цѣлостность и неприкосновенность началъ новаго суда отъ поползновенiй администрацiи и отъ „явнаго и тайнаго недоброжелательства партiй, не охотно входящихъ въ условия новаго гражданскаго порядка“. Такъ говорилъ еще въ 1866 и въ 67 гг. тотъ писатель, органы котораго не переставали потомъ и до нашихъ дней подкапываться подъ основы судебной реформы и всячески дискредитировать ея дѣятелей.

Беллетристическая часть декабрьской книги *Вѣстника Европы* неблещетъ интересомъ и новизной. Очерки г. Сѣверова *Новыя птицы* представляютъ старше-престарые, зазѣженные типы изъ разряда пореформенныхъ дѣльцовъ и хищниковъ. Къ „новымъ же птицамъ“ ни съ того, ни съ сего пристегнута еще уже совсѣмъ архаическая фигура какого-то байронствующаго офицера. Характеристики эти блѣдны, дѣланны, манера разсказа скучная, пространная, претенциозная...

Историческая повѣсть г. Мордовцева *Тимошъ*, изъ времени гетманства Богдана Хмѣльницкаго, принадлежитъ къ тѣмъ произведенiямъ, въ которыхъ сплошь колятъ, рубятъ, рѣжутъ, рѣжутъ, рубятъ, колятъ. Козаки воюютъ съ ляхами, ляхи съ козаками; послѣднiе признаютъ на помощь татаръ; эти наводняютъ польскую Украину, разоряютъ деревни, уводятъ въ плѣнъ женщинъ, дѣтей; кровь льется рѣкой... Въ повѣсти разсказанъ, главнымъ образомъ, эпизодъ сватовства сына Хмѣльницкаго, Тимоша, къ дочери молдавскаго господара, красавицѣ Розаньѣ, помолвленной ранѣе за князя Вишневецкаго. Разгнѣванный отказомъ господара, друга поляковъ, Хмѣльницкiй послалъ къ нему тридцать шесть тысячъ сватовъ, козаковъ и татаръ, которые пограбили страну и заставили, конечно, господара отдать свою дочь Тимошу. Послѣднiй въ свою очередь вскорѣ былъ убитъ въ битвѣ съ молдаванами и поляками.

Повѣсть г. Мордовцева имѣетъ интересъ не какъ художественное произведенiе, а исключительно какъ характеристика времени, какъ страничка изъ исторiи южно-русскихъ отношенiй и нравовъ.

Русскiй Вѣстникъ, ноябрь—декабрь 1889 г. Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* заслуживаетъ отмѣтки небольшая статья г. Л. Ш.: *Воспитательные дома въ Россiи*. Вопросъ о страшномъ наплывѣ и, въ то же время, о страшной смертности несчастныхъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ уже нѣсколько лѣтъ обращаетъ на себя внима-

нѣ общества и печати. Какъ специальная, санитарно-медицинская, такъ и общая литература указывали на неудовлетворительность постановки дѣла призрѣнія и воспитанія дѣтей въ воспитательныхъ домахъ и на неотложную необходимость реформы въ этой области. Наконецъ, всѣмъ памятна еще и замѣчательные, глубоко затрогивавшее чувство, очерки нашего художника-публициста, Гл. Успенскаго, посвященные тому же вопросу и, главнымъ образомъ, изслѣдованію тѣхъ жестокихъ экономическихъ причинъ, которыя вызываютъ такой огромный наплывъ младенцевъ въ воспитательные дома. Авторъ замѣтки, помѣщенной въ *Русск. Вѣст.*, разувѣется, не рассматриваетъ этого вопроса съ такой глубокой и всесторонней точки зрѣнія; онъ скорѣе склоненъ, въ качествѣ оскорбленнаго моралиста, приписывать причину возрастанія числа питомцевъ не условіямъ жизни матерей, а, наоборотъ, обуславливать это обстоятельство самимъ существованіемъ воспитательныхъ домовъ, какъ поощряющихъ родителей отдавать туда дѣтей не изъ нужды, а просто изъ желанія избавиться отъ ихъ воспитанія. Но, какъ бы тамъ ни было и чѣмъ ни вызывался бы огромный процентъ незаконнорожденныхъ или призрѣваемыхъ дѣтей, дѣло идетъ пока, главнымъ образомъ, о нихъ самихъ, о злополучной судьбѣ, ожидающей ихъ въ стѣнахъ воспитательныхъ домовъ. Нынѣ даже и камни вопіютъ къ небесамъ объ этихъ безвинныхъ жертвахъ, погибающихъ массами на глазахъ общества. Такъ, въ настоящей замѣткѣ *Русск. Вѣст.* приводятся данныя, основанныя на изслѣдованіяхъ специальной комиссіи 1862 г., изъ которыхъ явствуетъ, что двумя нашими воспитательными домами, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, за 125 лѣтъ ихъ существованія, принято 1.293,917 младенцевъ. Изъ этого числа на первомъ году жизни умерло 996,303 младенца или 77%, а въ возрастѣ ранѣе 21 года—1.138,648 или 88%. Такимъ образомъ, смертность младенцевъ на первомъ году жизни въ нашихъ воспитательныхъ домахъ почти въ два съ половиною раза превышаетъ среднюю смертность (31%) такихъ же младенцевъ въ крестьянской средѣ и изъ общаго числа приемышей только 12% достигаютъ возраста полной трудовой способности. Между тѣмъ, какъ видно изъ отчета 1883 г., помѣщеннаго въ *Правит. Вѣст.*, воспитательные дома обходятся казнѣ свыше 2½ милліоновъ рублей ежегодно. „Не правильнѣ ли было бы,—спрашиваетъ авторъ замѣтки,—вмѣсто девиза воспитательныхъ домовъ: „И вы живы будете“, украсить эти дома, по слову Виллерме, надписью: «Ici l'on fait mourir les enfants aux frais du public»?...

Съ другой стороны, въ статьѣ приводятся свидѣтельства о томъ ущербѣ, который терпятъ дѣти крестьяновокъ, идущихъ въ кормилицы или берущихъ дѣтей на воспитаніе, на что, впрочемъ, тоже уже не разъ указывалось въ литературѣ. Такъ, княжество Финляндское, черезъ своихъ администраторовъ и лютеранскую консисторію, исходатайствовало въ 1864 г. у правительства освобожденіе отъ участія этой страны въ дѣлѣ воспитанія приемышей петербургскаго воспитательнаго дома, вслѣдствіе чего, взамѣнъ Финляндіи, былъ открытъ округъ въ Лужскомъ уѣздѣ. Ходатайства мотивировались тѣмъ обстоятельствомъ, что „принятіе незаконнорожденныхъ дѣтей на вскормленіе крестьянками есть главнѣйшая причина развращенія сихъ послѣднихъ и значительной смертности крестьянскихъ дѣтей законнаго рожденія, потому что матери ихъ, желая пользоваться возможно большею выгодой отъ платежа за содержаніе питомцевъ воспитательныхъ домовъ, принимали къ себѣ этихъ питомцевъ въ такомъ количествѣ, что отъ недостаточ-

наго ухода, физическаго и нравственнаго, страдают какъ питомцы, такъ и собственныя ихъ дѣти“.

Неизвѣстный авторъ настоящей статьи, такъ же какъ и другіе, приходитъ къ выводу о необходимости упраздненія вѣсковыхъ воспитательныхъ домовъ въ столицахъ и замѣны ихъ колоніями въ деревняхъ; такія воспитательныя колоніи должны быть разбѣяны во многихъ мѣстахъ, преимущественно въ центральныхъ фабричныхъ губерніяхъ. Главная же предлагаемая имъ противъ смертности дѣтей мѣра, заслуживающая дѣйствительнаго вниманія, это то, чтобы воспитательные дома брали вмѣстѣ съ дѣтьми и *изъ матерей* и содержали послѣднихъ въ теченіе цѣлаго года, т.-е. пока не минуетъ самый критическій моментъ въ жизни младенцевъ, умирающихъ обыкновенно вслѣдствіе неудовлетворительнаго питанія на первомъ году жизни. Если же, по прошествіи перваго года, мать, все-таки, не въ состояніи будетъ взята ребенкомъ съ собою, то послѣдній остается на попеченіи воспитательнаго дома, а матери отъ дома выдается нѣкоторое пособие, какъ бы въ награду за исполненную обязанность. Авторъ не входить въ подробности предлагаемой имъ новой организаціи дѣла воспитанія младенцевъ, но вѣрить, что расходы его едва ли будутъ больше того, что тратитъ теперь воспитательный домъ совершенно непроизводительно, отдавая дѣтей промышленницамъ на вѣрную смерть.

Къ разряду невиннаго „легкаго чтенія“ въ *Русск. Вѣст.* слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести *Воспоминанія* г. Фета, продолжающія время отъ времени появляться на страницахъ этого журнала. Намъ уже приходилось отмѣчать нѣсколько, такъ сказать, кавалерійскій характеръ этого произведенія, въ первой половинѣ котораго нашъ извѣстный лирикъ вспоминалъ свою военную службу, своихъ лошадей, мундиры, парады и т. п. Съ тѣхъ поръ авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ успѣлъ выдти въ отставку и записки его стали носить болѣе партикулярный характеръ: онъ ѣздилъ за границу, женился, устраивался домкомъ, чаще встрѣчался съ нѣкоторыми литературными дѣятелями... Сообразно съ этимъ послѣднія воспоминанія г. Фета сплетаются изъ двойкаго рода повѣствованій: одно—какъ женитба поэта и замужство его сестры, въ особенности же мотивы и подробности этихъ фактовъ, — чисто-семейнаго, интимнаго характера, имѣющіе интересъ развѣ только для близкихъ автору лицъ; другое—встрѣчи и разговоры съ такими людьми, какъ В. П. Боткинъ, Тургеневъ, Апол. Григорьевъ, Гончаровъ, Л. Толстой. Вообще славныхъ именъ въ *Воспоминаніяхъ* очень много, но это, все-таки, не даетъ имъ „славнаго“ содержанія, ибо все, касающееся этихъ людей, носитъ у г. Фета мимолетный, чисто-анекдотическій характеръ. Такъ, здѣсь разсказывается, напримѣръ, какъ Ап. Григорьевъ водилъ автора и его пріятеля Громеку слушать двухъ цыганъ въ какой-то погребокъ и съ какимъ страхомъ и ужасомъ проскользнули они въ послѣдній, увидавъ, что погребокъ находился какъ разъ противъ сада дачи, въ которой жили Катковъ и Леонтьевъ. Пожалуй, анекдотъ характеренъ съ той стороны, что показываетъ, какое трепетное почтеніе уже тогда сдумѣли внушить къ себѣ московскіе публицисты. Далѣе разсказывается свиданіе съ Погодинымъ и какъ послѣдній благословилъ г. Фета съѣздить за границу къ невѣстѣ, „если эта поѣздка въ состояніи *сдобить* его жизнь“ (курсивъ автора); повѣствуется, какъ Тургеневъ, послѣ „тонкаго и великолѣпно изданнаго“ свадебнаго обѣда, воскликнулъ: „я такъ пьянъ, что сейчасъ сяду на полъ и буду плавать“; какъ И. А. Гончаровъ, покупая въ парижской лавѣ бусы,

раздавилъ ихъ пальцами нѣсколько штукъ; какъ во время чтенія только что оконченнаго *Обломова*, на которое Гончаровъ тамъ же, въ Парижѣ, пригласилъ В. Боткина, Тургенева и г. Фета, послѣдній дремалъ и, несмотря на раздраженные и укоризненные взгляды Боткина, наконецъ, совсѣмъ заснулъ, такъ что г. Феть не вынесъ изъ этого чтенія никакого впечатлѣнія; какъ... но и этого довольно, чтобы судить о характерѣ „воспоминаній“ по отношенію къ знаменитымъ друзьямъ и знакомымъ автора. Всѣ они принадлежатъ къ подобному анекдотическому роду и скорѣе характеризуютъ самого поэта, нежели тѣхъ, къ кому относятся. Любопытнымъ для современниковъ можетъ показаться развѣ только описаніе вѣнственности графа Л. Толстаго, какимъ онъ былъ въ молодости, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ: „Борисовъ (родственникъ автора), бывшій самъ человѣкомъ недюжиннымъ и издавшій Льва Толстаго еще на Кавказѣ, не могъ, конечно, съ первой встрѣчи съ нимъ въ нашемъ домѣ не подпасть подъ вліяніе этого богатыря. Но въ то время увлеченіе Л. Толстаго щегольствомъ бросилось въ глаза, и, види его въ новой бекешѣ съ сѣдымъ бровнымъ воротникомъ, съ вьющимися длинными темнорусыми волосами подъ блестящею шляпой, надѣтой на-бекрень, и съ модною тростью въ рукѣ выходящаго на прогулку, Борисовъ говорилъ про него словами пѣсни:

Онъ и тросточкой подпирается;
Онъ вагиновой похваляется.

Въ то время у свѣтской молодежи входили въ моду гимнастическія упражненія, между которыми первое мѣсто занимало прыганье черезъ деревяннаго коня. Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во второмъ часу дня, надо отправляться въ гимнастическій залъ на Большой Дмитровкѣ. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ онъ, одѣвшись въ трико, старался перепрыгнуть черезъ коня, не задѣвши кожаного, набитаго шерстью конуса, поставленнаго на спицѣ коня... Въ этой же главѣ *Воспоминаній* помѣщено нѣсколько писемъ къ автору изъ за-границы отъ В. Боткина, Тургенева, Ап. Григорьева. Изъ нихъ нѣкоторый интересъ имѣетъ письмо перваго, въ которомъ Боткинъ высказываетъ свое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ извѣстнымъ художникомъ Ивановымъ: „Познакомился я съ пріѣхавшимъ сюда живописцемъ Ивановымъ,—пишетъ В. Боткинъ.—Человѣкъ онъ весьма умный и мыслящій, но, сколько мнѣ кажется, болѣе мыслящая, нежели художническая натура и потому болѣе ищущая, нежели производящая. Мочи нѣтъ какъ хочется видѣть его картину. Мнѣ страннымъ въ нѣкоторомъ отношеніи кажется его усиленное стремленіе довести историческую вѣрность своей картины до всевозможнаго совершенства. Для этой исторической вѣрности въ будущихъ своихъ произведеніяхъ предпринимаетъ онъ путешествіе въ Сирію и въ Іерусалимъ. Такое кропотливое археологическое направленіе едва ли можетъ замѣнить творческую производительность и ту поэтическую вѣрность, какую увлекаетъ насъ Шекспиръ, при всѣхъ своихъ археологическихъ ошибкахъ, или старые итальянскіе живописцы“.

Письмо къ г. Фету Григорьева, тоже изъ-за границы, рисуетъ, въ сожалѣнію, весьма извѣстную печальную картину положенія литературнаго труженика, вынуждаемаго часто предлагать и „продавать свой хлѣбъ на корню“...

Въ обществѣ существуетъ мнѣніе, будто поэты—народъ поэтический и въ своемъ жизненномъ складѣ и ладѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ и вещамъ, что это люди въ высшей степени непрактичныя, живущіе въ мірѣ грѣзъ и идей, или, по меньшей мѣрѣ, относящіеся къ матеріаль-

нымъ заботамъ и земнымъ интересамъ какъ въ неизбежному случному злу, его же не преjdeши. *Воспоминанія* г. Фета служатъ блестящимъ опроверженіемъ подобнаго предразсудка. Трудно отыскать автобіографическія воспоминанія какого-либо иного нашего писателя, которыя бы сиди бы столь земной, столь глубоко будничной, матеріальной характеръ, какими отличаются воспоминанія таинственно-нѣжнаго лирика. Благодаря его практическому смыслу и памяти, между прочимъ, мы имѣемъ возможность судить о цѣнѣ квартиръ и проч. у насъ и за границей, ибо г. Фетъ сообщаетъ и сколько онъ платилъ за бельэтажъ въ Замоскворѣчьи, когда устраивалъ тамъ свое гнѣздо, и сколько за номеръ въ Любекѣ, въ Парижѣ, во сколько ему обошелся свадебный обѣдъ, каковъ онъ былъ и пр. и пр., и даже не забываетъ сказать, что однажды, получивъ пріятное письмо, далъ въ парижскомъ кафе гарсону 2 франка на чай, что того „видимо даже изумило“. А, вѣдь, это замѣлательное событіе произошло ни ближе, ни дальше, какъ въ 1857 году!...

Въ письмѣ Тургенева къ г. Фету въ той же послѣдней главѣ *Воспоминаній*, относящемся тоже къ 1857 г., читаемъ такую фразу: „Пишите, пишите стихотвореній какъ можно больше: у васъ изъ десяти всегда одно превосходно, а это огромный процентъ“... И такъ, если только десятая часть появляющихся стиховъ годится, то и это уже слава Богу, и поэтъ съ легкимъ сердцемъ можетъ измарать лишнхъ девять листовъ бумаги и предложить ихъ читателю. Можно ли быть снисходительнѣе къ стихотворцамъ? Вѣдь, ни одинъ прозаикъ никогда не дождется ничего подобнаго и никто не спуститъ ему даромъ девяти плохихъ произведеній. Вѣроятно, на эту снисходительность и рассчитываютъ безчисленные поэты и поэтики нашихъ дней, появляющіеся неожиданно во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Россіи и безъ удержу издающіе сборники своихъ стихотвореній. Но они слишкомъ злоупотребляютъ своимъ поэтическимъ правомъ писать $\frac{9}{10}$ печатнаго вздору и поэтому начинаютъ получать весьма нелюбезный отпоръ со стороны присяжныхъ критиковъ и поэтовъ, которые, вѣроятно, одни читаютъ по обязанности ихъ произведенія.

Къ числу такихъ назидательныхъ отповѣдей современнымъ „молодымъ“ поэтамъ, гоняющимся за дешевою славой, относится стихотворное же разсужденіе маститаго поэта, Як. Полонскаго, напечатанное въ ноябрьской книгѣ *Р. В. Это Разговоръ* между „критикомъ“ и „гостемъ“ — отцомъ молодаго диллетанта, стремящагося на русскій Парнассъ. Въ произведеніи этомъ есть строки весьма мѣткія для характеристики направления большинства поэзии нашихъ дней:

„Есть форма, но она пуста—
Красиво, но не красота.
Спросите: гдѣ эти лилеи,
Нарцисы, лавры, кувш розъ,
Чинары, темныя аллеи
И капли жемчуга и слезъ,
Въ какомъ такомъ подлунномъ мірѣ,
Въ Россіи или въ Кашемирѣ?
Не спрашивайте!—Самъ поэтъ
Вамъ затруднится дать отвѣтъ.
Онъ только тонко улыбнется
И скажетъ: это зря поэта
По вдохновенію, — такъ, пришла
Фантазія и создала...“

Вообще г. Полонскій тоже отрицательно относится къ безпредмет-

ному пѣвцу и не вѣрить въ пресловутое „бессознательное вдохновеніе“, которое задищаютъ некоторые молодые поэты. Онъ говоритъ:

„Придетъ поэтъ и трезво взглянетъ
На жданъ и воспѣвать не станетъ
Того, что грезится глушамъ
Или влюбленнымъ гимнастамъ,
Не станетъ вторить эгонстамъ:
„Отдайтесь имъ“. Нѣтъ, онъ самъ,
Какъ свине одаренный властью
И жаждой истины томимъ,
Пойметъ, что онъ владѣтъ страстью,
А не она владѣтъ имъ“.

По мнѣнію стараго поэта, для истинной поэзіи, какъ для всякаго серьезнаго человѣческаго дѣла, необходимы упорный трудъ и время. А этого не хотятъ знать наши современные сочинители стиховъ.

„Изъ воску или изъ тафты
Не долго смастерить цвѣты;
Но взять алмазъ въ корѣ и сразу
И жаръ, и блескъ придать алмазу,
Или изъ мрамора изсѣчь
Огонь лица и холодъ плечъ,—
Увы! нельзя... Тутъ нужно время,
И что же?... Молодое племя
Поэтовъ мыслить не шута,
Что можно, рукава спустя,
Создать шедевры...
Мы скоро цѣлые вагоны
Стихами будемъ нагружать,
Чтобъ ихъ въ журналы псылать.
Поэты цѣлыми толпами
Идутъ на русскій Геликонъ,
И я боюсь, что рухнетъ онъ—
Провалится подъ ихъ ногами“.

Этнографическое обозрѣніе. Периодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Кн. II. М., 1889 г. Вторая книга *Этнографич. Обзорнія* открывается очень интересною статьей президента общества, В. О. Миллера: *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ*. Указавши на историческія связи Кавказа съ Персіей, преимущественно въ эпоху Сассанидовъ (III—VII в. по Р. X.), авторъ останавливается затѣмъ на слѣдахъ персидскаго вліянія въ остаткахъ кавказскихъ эпическихъ сказаній. Онъ избираетъ для сравненія сказанія о Рустемѣ и Бежанѣ, существующія въ сванетской, цхавской и осетинской версіяхъ, и доказываетъ тождество ихъ съ персидскими преданіями въ обработкѣ Фердуси. Упомянувъ въ заключеніе о существованіи этихъ же сюжетовъ въ *грузинской* обработкѣ, В. О. Миллеръ отлагаетъ до изученія послѣдней окончательное рѣшеніе вопроса, проникли ли иранскія сказанія въ среду кавказскаго населенія черезъ посредство именно грузинской литературной обработки, или они занесены на Кавказъ прямо устнымъ путемъ. Прекрасное дополненіе къ статьѣ В. О. Миллера представляетъ *Замѣтка о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ* А. Хаханова; авторъ насчитываетъ 24 произведенія грузинской литературы, переведенныя съ персидскаго въ самое различное время съ XI по XVII столѣтіе; весьма возможно, по мнѣнію проф. Миллера, что и знаменитая *Барсова кожа* Руставели окажется, въ концѣ-концовъ, такимъ же переводомъ.

Г. А. Хаханову принадлежить и слѣдующая статья: *Тушины*, этнографическій очеркъ. Зброшенные въ ущелья южнаго склона Кавказскаго хребта на границахъ Дагестанской и Терской областей, въ количествѣ всего до 5,000 ч. об. п., тушины представляютъ племя смѣшанное, съ сильнымъ преобладаніемъ грузинскаго элемента; только одно изъ четырехъ обществъ, на которыя распадаются тушины, сохранило особый языкъ, смѣшанный изъ языка грузинъ и кистинцевъ; это же племя (цовцы) осталось при полукочевомъ образѣ жизни; остальные общества осѣдлы и говорятъ по-грузински. Г. Хахановъ обстоятельно описываетъ остатки языческой религіи и древняго быта тушинъ, сохранившіеся, по его словамъ, менѣе, чѣмъ у шшавовъ и хевсуровъ; затѣмъ онъ сообщаетъ образцы поэзіи тушинъ; между прочимъ, легенда объ Амيرانѣ, какъ намъ кажется, имѣеть близкое родство съ разсказомъ скіеа Токсариса у Лукіана (діалогъ этого имени, 44—55) о нѣкомъ Арсакомасѣ; сцена дѣйствія разсказа находится въ припонтическихъ странахъ, и одинъ изъ друзей Арсакомаса притворяется *аланомъ*; такимъ образомъ, и топографически разсказъ Лукіана имѣеть отношеніе къ Кавказу.

Очеркъ върваній крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ., г. А. Звонкова, написанъ очень литературно и законченно; г. Звонковъ, какъ видно, мѣстный житель и собиралъ свои свѣдѣнія исподволь; оттого они вышли очень полны, но, можетъ быть, оттого же въ нихъ слишкомъ мало непосредственности. Мы ожидали бы встрѣтить этнографическій матеріалъ, хотя бы обрывочный, неполный, но со свѣжими слѣдами собиранія, а г. Звонковъ даетъ намъ стройное изложеніе, въ которомъ матеріалъ подобранъ, истолкованъ и сведенъ въ общую картину. Для примѣра, въ началѣ статьи авторъ излагаетъ извѣстный мотивъ состязанія Бога съ дьяволомъ („Сатанайломъ“) при сотвореніи міра и человѣка; разсказъ представляетъ любопытныя черты сходства съ подобнымъ же мотивомъ, перешедшимъ въ нашу отреченную литературу („свитокъ божественныхъ книгъ“) изъ манахейско-богумильскаго ученія; а съ другой стороны, тотъ же мотивъ встрѣчается въ древнее и новое время у финскаго населенія Поволжья и у сосѣдней мордвы; въ виду этого, въ высшей степени интересно было бы имѣть его въ той формѣ, какъ онъ вышелъ изъ устъ разсказчика; между тѣмъ, въ пересказѣ г. Звонкова онъ что-то уже слишкомъ отзываетъ Агурамаздой и Ангроманьюсомъ.

Въ слѣдующей статьѣ *Памй и Мазепя* Вл. Каллашъ излагаетъ судьбу этихъ двухъ историческихъ лицъ въ народной и искусственной поэзіи; общій выводъ тотъ, что искусственная поэзія, схоластическія вирши выдвигаютъ на первый планъ казнь Кочубея и Искры, за которую и проклиняютъ Мазепу; народная же пѣсня останавливается на ссылѣ Палия, котораго дѣлаеть народнымъ героемъ, ходатайствовавшимъ передъ Петромъ за южную Русь, вмѣсто всѣхъ милостей, просящимъ его объ одномъ: „не плюндруй Гетьманщины“. Къ статьѣ приложено 14 народныхъ разсказовъ и пѣсенъ о Мазепѣ и Палии.

Статья Н. Янчуза *Оскаръ Кольбергъ* сообщаетъ свѣдѣнія объ этомъ мало извѣстномъ въ Россіи польскомъ этнографѣ, написавшемъ 28 томовъ и отпраздновавшемъ эту весною свой 50-ти лѣтній юбилей. Далѣе, Вл. Каллашъ продолжаетъ свою работу о *Положеніи неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ*; разобравъ свѣдѣтельства римскихъ историковъ объ убійствѣ стариковъ, авторъ объясняетъ, какъ переживаніе этого обычая, извѣстные обычаи сожженія, потопленія и т. д. чучель Костромы, Мораны и др., находя не удовле-

творительнымъ обыкновенное мѣологическое объясненіе этихъ обычаевъ. Не будемъ спорить съ авторомъ, что мѣологическая почва—весьма зыбкая при настоящемъ состояніи изученія, но, переходя вмѣстѣ съ нимъ съ почвы мѣологии на почву каннибализма, мы лично не чувствуемъ себя тверже и потому предпочитаемъ уклониться отъ подробной оцѣнки его гипотезы.

Конецъ книги занять весьма подробно „библіографіей“; подъ эту рубрику издатели помѣщаютъ, во-первыхъ, подробныя рецензіи о сочиненіяхъ этнографическаго характера; во-вторыхъ, бібліографію статей, могущихъ имѣть интересъ для этнографіи, въ журналахъ и газетахъ. За этотъ послѣдній отдѣлъ нельзя не поблагодарить составителей; при составленіи его тщательно просмотрѣны самыя мелкія провинціальныя изданія, въ томъ числѣ и *Губернскія Вѣдомости*.

Первыми двумя книжками начинъ сдѣланъ весьма удачно; *Этнографическое Обзорніе* успѣло зарекомендовать себя, какъ вполне серьезное изданіе по этнографіи; замѣтимъ, что оно, кромѣ изданій русскаго географическаго общества, и единственное въ этомъ родѣ; при этихъ обстоятельствахъ дальнѣйшій успѣхъ новаго изданія кажется намъ обеспеченнымъ. Въ 1890-й годъ *Этнографическое Обзорніе* вступаетъ уже въ качествѣ правильно выходящаго періодическаго журнала; издатели обѣщаютъ 4 книжки въ годъ за весьма невысокую цѣну (5 руб. съ пересылкою).

ПОПРАВКА. Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“, кн. XII въ отзывѣ о книгѣ г. Кузешова, на стр. 534 (стр. 1 сверху) ошибочно напечатано: „получаетъ заводское достоинство потомства“, должно быть: „понижаетъ заводское достоинство“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Незавѣтные герои“. <i>Вас. И. Немировича-Данченко</i> . — „Монахъ“. <i>Его же</i> . — „Послѣ Пушкина“. — „Отхотворенія“ <i>Лыляканина</i>	1
Исторія: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. <i>П. И. Бушинскаго</i> . — „Исторія Сибири“. <i>В. К. Андриѣвича</i> . — „Сибирь въ Екатерининской комиссіи“. <i>П. Головачева</i> . — „Забитое прошлое окрестностей Петербурга“. <i>М. И. Пыляева</i>	5
Этнографія: „Программа для собранія вѣрныхъ юридическихъ обычаевъ“. — „Объ изученіи семейнаго быта литовско-жемайтскаго народа“. <i>Волтера</i> . — „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“. <i>Гр. Калиновскаго</i> . — „Черемиса“. <i>И. Н. Смирнова</i> . — „Jagodne“. <i>Wasilewskiego</i>	11
Политическая экономія и статистика: „Life and Labour of the People“ <i>by Booth</i> . — „France économique“ <i>par de Foville</i> . — „Статистика Россійской имперіи“.	14
Естествознаніе: „Основы ученія объ электричествѣ“. <i>Ж. Жубера</i> . — „Звѣздный атласъ“. <i>Л. Мессера</i>	20
Медицина: „Отчетъ медицинскаго департамента за 1887 годъ“	24
Учебники: „Учебникъ исторіи“. <i>Проф. А. Травецкаго</i>	26
Календари: „Записная книга на 1890 г.“. <i>Изд. К. Л. Риккера</i> . — „Современный календарь на 1890 г.“. <i>Изд. А. Ступина</i> . — „Железно-дорожный календарь и записная книжка на 1890 г.“. — „Кіевскій семейный календарь на 1890 г.“. <i>Изд. Г. Каранта</i>	27

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г. — „Русскій Вѣстникъ“, ноябрь—декабрь 1889 г. — „Этнографическое обозрѣніе“, кн. II, 1889 г.	28
--	----

	Стр.
XV. СОСТАВЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ЗЕМСКИХЪ СОБОРАХЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.— В. О. Ключевского	141
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.— Н. В. Шелгунова	179
XVII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Критическія замѣтки).— Т.	199
XVIII. 1889 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ.— В. А. Гольцева	208
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сессія губернскихъ земскихъ собраній.— Земскія ходатайства относительно гимназій.— Обзоръ постановленій московскаго собранія. — Вопросъ о пониженіи процента по ссудамъ въ крестьянскомъ банкѣ. — Продажа крестьянскихъ участковъ.— Обсужденіе правилъ судопроизводства для земскихъ начальниковъ и губернскихъ присутствій.— Определеніе св. синода относительно противодѣйствій штундѣ.— Техническій съѣздъ въ Петербургѣ. — О двухъ банкирскихъ конторахъ.— С. П. Боткинъ †.	219
XX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Успѣхи научныхъ методовъ въ агрономіи.— А. Ѳ. Фортунатова	243
XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Божья коровка</i> , комедія П. Д. Боборыкина; <i>Викторъ Павловичъ Пичужкинъ</i> , комедія А. Ф. Ѳедотова.— Театръ г-жи Горевой: <i>Ксенія и Лжедимитрій</i> , драма Н. Л. Пушкарева; <i>Борьба за существованіе</i> , драма А. Додэ. Ан.— Русская опера. Н. К—ина	260
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Исторія.— Этнографія.— Политическая экономія и статистика.— Естествознаніе.— Медицина.— Учебники.— Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь 1889 г.— «Русскій Вѣстникъ», ноябрь—декабрь 1889 г.— «Этнографическое Обозрѣніе», кн. II, 1889 г.	1

По примѣру прежнихъ лѣтъ, контора журнала „Русская Мысль“ разсылаетъ январьскую книгу всеѣмъ подписчикамъ 1889 года. Книга эта будетъ зачтена при возобновленіи подписки на 1890 годъ.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1890 годъ

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 >	7 >	3 > 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.
Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Б°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Berkeley

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

SEP 3 1980

MAR 10 1986

REC. CIR. APR 4 1980

REC CIRC MAR 7 1986

INTERLIBRARY LOAN

OCT 9 - 1980

LIBRARY USE MAR 20 '86

JUN 02 1995

RECEIVED

JUN 01 1995

CIRCULATION DEPT.

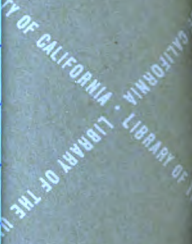
REC. CIR. JUN 29 1980

RECEIVED BY
DEC 27 1983

AUG 16 1983

LD 214-60m-2'67
CIRCULATION DEPT.

General Library
University of California
Berkeley

Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008318526

GENERAL LIBRARY

